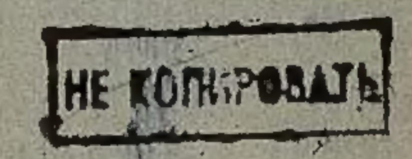
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

К. Д. КАВЕЛИНА.

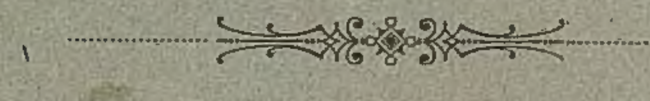
ТОМЪ ТРЕТІЙ.

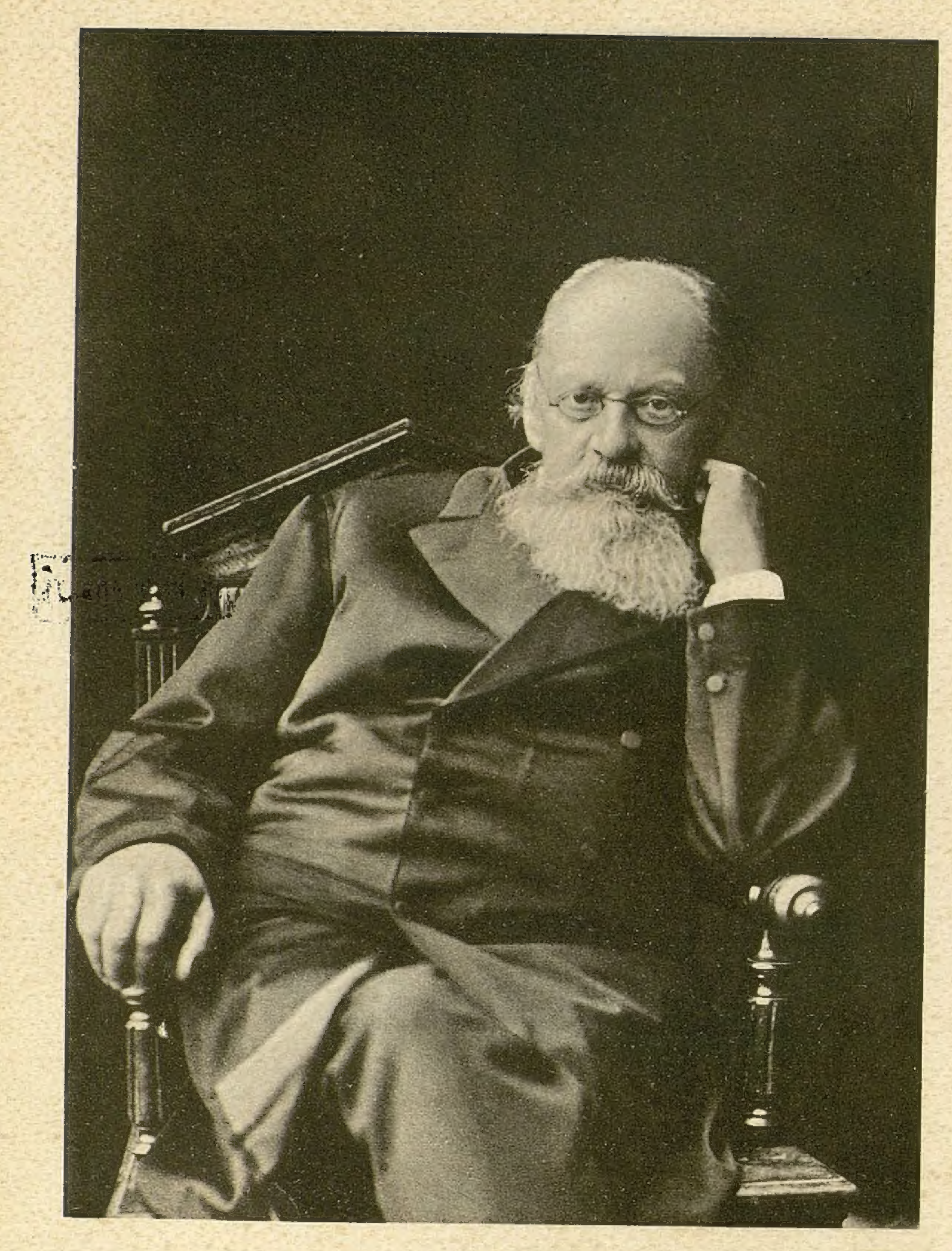
НАУКА, ФИЛОСОФІЯ И ЛИТЕРАТУРА.

I. Наука и университеты. — II. Общіе научно-философскіе вопросы. — III. Психологія. — IV. Этика. — V. Литература и искусство.

Съ портретомъ автора, вступительною статьею А. Ѳ. Кони и примѣчаніями проф. Д. А. Корсакова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1899.

1880—84

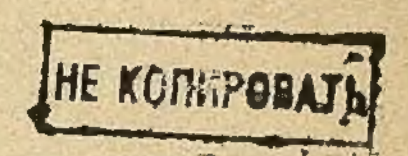
К. Кавелин

Фототипія Э. Классенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 1-2.
Провизн. Я. Кемпинскій.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

К. Д. КАВЕЛИНА.

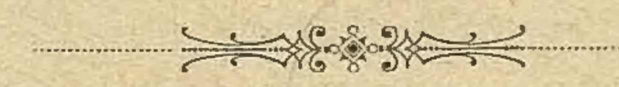
ТОМЪ ТРЕТІЙ.

НАУКА, ФИЛОСОФІЯ И ЛИТЕРАТУРА.

I. Наука и университеты. — II. Общіе научно-философскіе вопросы. — III. Психологія. — IV. Этика. — V. Литература и искусство.

Съ портретомъ автора, вступительною статьею А. Ѳ. Кони и примѣчаніями проф. Д. А. Корсакова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1899.

2751

НАУКА, ФИЛОСОФІЯ
И
ЛИТЕРАТУРА.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ, ОЧЕРКИ И ЗАМѢТКИ

К. Д. КАВЕЛИНА.

Съ портретомъ автора, вступительною статьею А. Ѳ. Кони и примѣчаніями проф. Д. А. Корсакова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.
1899.

ОГЛАВЛЕНІЕ III-го ТОМА.

страницы.

IV. ЭТИКА.

V. ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО.

(Статьи, отмѣченныя звѣздочкою, напечатаны впервые въ настоящемъ изданіи, по рукописямъ автора).

ПАМЯТИ

КОНСТАНТИНА ДМИТРІЕВИЧА КАВЕЛИНА.

Личныя воспоминанія и некрологи, написанные подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ вѣчной разлуки съ выдающимися людьми, имѣютъ иногда, даже несмотря на свою полную искренность, свойство выцвѣтать съ теченіемъ времени—и притомъ выцвѣтать не только въ глазахъ людей, знавшихъ тѣхъ, чья смерть вызвала непритворное, глубокое чувство сожалѣнія, но и въ сознаніи самихъ своихъ авторовъ. Если «vita memoriae» о замѣчательныхъ людяхъ наступаетъ уже на краю ихъ могилы, постепенно затѣмъ, по отношенію ко многимъ, ослабѣвая, то «lux veritatis» часто начинаетъ свѣтить гораздо позже—и чѣмъ дальше, тѣмъ иногда ярче. Онъ освѣщаетъ на почвѣ житейскаго опыта и новыхъ біографическихъ свѣдѣній плоды дѣятельности этихъ людей, открываетъ въ ней и въ нихъ самихъ незамѣченныя прежде стороны и представляетъ подчасъ ихъ личность въ неожиданной свѣтотѣни. Благо тому, чей образъ отъ этого не только не колеблется и не затуманивается въ душѣ, хранящей о немъ чистое и благодарное воспоминаніе, но возстаетъ съ еще большею полнотою и привлекательностью!.. Но это бываетъ не всегда... Сказанное Пушкинымъ о «*вѣковъ* завистливой дали» примѣнимо и къ болѣе краткому времени. Случается, что по отношенію къ личности, описанной когда-то съ любовью и съ вѣрою въ правдивость наложенныхъ красокъ—начинаетъ чувствоваться собственное заблужденіе. Вслѣдствіе новыхъ и несомнѣнныхъ данныхъ оказывается, что если и нѣтъ еще повода припомнить во всемъ ихъ объемѣ слова Некрасова: „ликуетъ врагъ! —молчитъ въ недоумѣньи—вчерашній другъ, поникнувъ головой...“—то все-таки тотъ, чьи дѣла и нравственный обликъ казались столь значительными, умаляется и мельчаетъ, являясь величиною сомнительнаго достоинства и вызывая, вмѣсто прежняго удивленія, одну изъ тѣхъ горькихъ усмѣшекъ, по поводу которыхъ нѣмецкій поэтъ злобно воскликнулъ: «lasst uns lachen ueber die *grossen*—die *Keine* sind!».

Воспоминанія о Константинѣ Дмитріевичѣ Кавелинѣ—стойко и блистательно выдерживаютъ этотъ искусъ времени.

Болѣе тринадцати лѣтъ прошло съ его смерти—и все, что о немъ съ тѣхъ поръ стало извѣстнымъ, завершаемое нынѣ полнымъ собраніемъ его сочиненій, лишь подтверждаетъ нравственную высоту его личности, духовную и научную цѣнность его трудовъ и вѣрность высказанныхъ въ свое время, въ виду его еще свѣжей могилы, взглядовъ на глубину потери, понесенной русскимъ обществомъ въ его лицѣ... Поэтому, отзываясь на приглашеніе говорить о немъ въ настоящемъ изданіи, я долженъ, главнымъ образомъ, почти всецѣло повторить то, что было мною высказано въ самый день его погребенія,

7 мая 1885 году, когда рука, набрасывавшая воспоминанія, еще дрожала отъ внутренней боли и умиленія, невольно вызываемаго смертью человѣка, съумѣвшаго, несмотря ни на что, донести до могилы «душу живу» во всей ея цѣлости и чистотѣ.

Бываютъ люди уважаемые и въ свое время полезные. Они честно осуществляли въ жизни все, что имъ было «дано», но затѣмъ, по праву усталости и возраста, сложили поработавшія руки и остановились среди быстро бѣгущихъ явленій жизни, какъ пограничные столбы былого труда и былого нравственнаго вліянія. Новыя поколѣнія проходятъ мимо, глядя на нихъ, какъ на почтенные остатки чуждой имъ старины; живая связь между ихъ замолкнувшею личностью и вопросами и потребностями дня утрачена или не чувствуется,—и сердце ихъ, когда-то горячее и отзывчивое, бьется инымъ ритмомъ, безгласное и безучастное къ явленіямъ окружающей дѣйствительности. Холодное уваженіе провожаетъ ихъ въ могилу, и больное чувство незамѣнимой потери, незамѣстимаго пробѣла не преслѣдуетъ тѣхъ, кто возвращается отъ этой могилы, такъ какъ имъ пришлось засыпать въ ней усопшаго, который уже давно не былъ живымъ отголоскомъ ихъ нравственныхъ тревогъ и упованій.

Но есть и другіе люди—немногіе, рѣдкіе. Въ «битвѣ жизни» они не кладутъ оружія до конца. Ихъ воспріимчивая голова и чуткое сердце работаютъ дружно и неутомимо, покуда въ нихъ горитъ огонь жизни. Они умираютъ какъ солдаты въ ратномъ строю, на дѣйствительной службѣ, не увольняя себя ни въ запасъ, ни въ безсрочный отпускъ, и уже чувствуя дыханіе смерти, холодѣющими устами еще шепчутъ свой нравственный пароль и лозунгъ. Жизнь часто не щадитъ ихъ—и на закатѣ дней, въ годы обычнаго для всѣхъ отдыха и квіетизма, наноситъ ихъ усталой, но стойкой душѣ тяжелые удары. Но за то—ничто изъ области живыхъ общественныхъ вопросовъ не остается имъ чуждымъ.

Вступая въ жизнь съ однимъ поколѣніемъ, они дѣлятся знаніемъ съ другимъ, работаютъ рука объ руку съ третьимъ, подводятъ итоги мысли съ четвертымъ, указываютъ идеалы пятому... и сходятъ со сцены всѣмъ имъ понятные, близкіе, бодрые и поучительные до конца. Они не «переживаютъ» себя, ибо *жить* для нихъ не значитъ *существовать* да порою обращаться къ своимъ, нерѣдко богатымъ, воспоминаніямъ... Ихъ чуждый личныхъ разсчетовъ внутренній взоръ съ тревожною надеждою всегда устремленъ въ будущее; и въ ихъ *многогранной* душѣ всегда найдутся стороны, которыми она тѣсно соприкасается съ настроеніемъ и стремленіями лучшей части современнаго имъ общества.

Однимъ изъ такихъ людей былъ *К. Д. Кавелинъ.*

До сихъ поръ не хочется вѣрить, что онъ умеръ, и до сихъ поръ у знавшихъ его—личность широкаго и свѣтлаго общественнаго дѣятеля отчасти еще заслоняется личностью дорогого человѣка, въ его частной жизни, пріемахъ, привычкахъ. Для нихъ онъ лишь гдѣ-то далеко, но онъ не умеръ, ибо „wer im Gedächtniss seiner Freunden lebt—ist ja nicht todt—er ist nur fern.—Todt ist nur der—der vergessen wird“. А *забыть* Кавелина нельзя. Онъ вносилъ въ жизнь тѣхъ, съ кѣмъ сближался, слишкомъ животрепещущую ноту—и она звучитъ до сихъ поръ, на разстояніи многихъ годовъ. Въ умѣ знавшихъ его лично возстаетъ его не отвлеченный, но живой образъ:—кажется, что вотъ-вотъ въ среду дружескаго кружка войдетъ онъ обычными большими шагами, слегка сгорбивъ широкія плечи, и заговоритъ симпатичнымъ, негромкимъ, но яснымъ голосомъ, весело и умно смотря проницательными темными глазами, въ которыхъ горѣлъ юношескій огонь, не ослабленный 66-ю годами жизни, усѣявшей серебромъ его бороду и виски... «Однажды вечеромъ я возвращался съ Бѣлинскимъ откуда-то домой,—разсказываетъ Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ о 1839 годѣ.—На Арбатской площади попался намъ навстрѣчу молодой человѣкъ небольшого роста, полный, румяный, очень пріятной наружности, съ вьющимися темными волосами, въ очкахъ; на немъ былъ студен-

ческій сюртукъ. Увидѣвъ Бѣлинскаго, студентъ бросился съ юношескимъ, неудержимымъ увлеченіемъ къ нему и съ жаромъ схватилъ его руку...» Къ концу жизни вьющіеся волосы порѣдѣли и посѣдѣли, долго сохранявшійся здоровый румянецъ пропалъ подъ вліяніемъ тяжелой, изнурительной болѣзни, перенесенной въ 1882 г., но до послѣднихъ дней бодрый видъ не покидалъ Кавелина; онъ свободно несъ бремя своихъ лѣтъ и старческая хилость не смѣла къ нему подступиться. Только руки его въ послѣдніе годы начинали сильно дрожать, особливо подъ вліяніемъ какого-либо волненія. Но почеркъ его былъ твердъ до конца, разборчивъ и такъ же простъ, безъ всякихъ украшеній и завитковъ, какъ простъ и чуждъ всякой реторики былъ его изящный и образный языкъ...

Человѣкъ «сороковыхъ годовъ» по образу мыслей и идеаламъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ—или, лучше сказать,—потому и одинъ изъ лучшихъ людей всѣхъ послѣдующихъ годовъ, Кавелинъ вынесъ изъ своей молодости пріемы общежитія и привычки, рѣдкія, къ сожалѣнію, въ наше время. Онъ не былъ блестящимъ разсказчикомъ и его умъ былъ настроенъ не на повѣствованіе, а на бесѣду. Онъ любилъ и, что рѣдко, умѣлъ спорить. Выслушивая съ неизмѣннымъ вниманіемъ противника, онъ становился съ каждымъ возраженіемъ все сильнѣй и оживленнѣй. Глаза его загорались и сверкали, какъ-будто становясь больше, голосъ начиналъ вибрировать, и образы, сравненія, теоретическія положенія и быстрые, неожиданные, подчасъ неотразимые практическіе выводы быстро смѣняли другъ друга, озаряя на мгновеніе, какъ вспышки зарницы, ту глубину и богатство разнообразныхъ знаній, откуда они были почерпнуты. Присутствовать при его спорахъ было истиннымъ наслажденіемъ. Поучительные и интересные по содержанію, они никогда не рѣзали уха своею формою. Это были не обычные русскіе споры—шумные и безцѣльные, въ которыхъ беретъ обыкновенно верхъ развязность и умышленное нежеланіе понимать своего противника. Кавелинъ не давилъ своею богатою аргументаціею, не слѣпилъ глаза парадоксами; онъ въ живой, блестящей формѣ дѣлился своимъ богатствомъ, онъ *убѣждалъ* и всегда заключалъ споръ милою, остроумною шуткою. Бывали, впрочемъ, случаи, когда рѣчь его пріобрѣтала особую страстность и хотя вѣжливую, но весьма большую ѣдкость; это случалось когда при немъ затрогивали какія-нибудь дорогія для него нравственныя начала или его любимыхъ историческихъ лицъ и событія, или, наконецъ, пытались оправдывать кого-либо изъ неуважаемыхъ имъ людей. Тутъ онъ закипалъ внутренно, краснѣлъ, и рѣзко сказавъ: «извините меня!»—въ немногихъ горячихъ и негодующихъ словахъ ставилъ вопросъ на надлежащую, по его мнѣнію, почву.

Кавелина упрекали иногда въ крайней *исключительности*. Упрекъ этотъ основанъ на незнаніи, на непониманіи этой многосторонней личности. Это былъ человѣкъ строгій къ себѣ, требовательный и суровый, когда дѣло шло о томъ, что онъ считалъ своимъ долгомъ. Отдавъ всю жизнь свою труду на службу развитія русскаго общества и предаваясь этой службѣ до постояннаго забвенія собственныхъ интересовъ, онъ съ горечью и презрѣніемъ смотрѣлъ на своекорыстіе, надѣвавшее личину служенія общему благу, и его нельзя было подкупить ни громкими фразами, ни искусно созданными миражами. Онъ не скрывалъ своего негодованія при видѣ различнаго рода фарисеевъ и хищниковъ, волновался при мысли о формалистическомъ бездушіи, которое мертвитъ у насъ такъ много добрыхъ и даже великихъ начинаній, и говорилъ объ этомъ съ нескрываемымъ раздраженіемъ. Когда въ 1874—77 гг. въ офиціальныхъ сферахъ, подъ вліяніемъ нѣсколькихъ нежелательныхъ приговоровъ присяжныхъ и предвзятаго недовѣрія нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ, возникли предположенія о значительномъ ограниченіи компетенціи суда присяжныхъ, я, на основаніи семилѣтняго опыта моей прокурорской дѣятельности въ провинціи и въ Петербургѣ, составилъ и представилъ Министру Юстиціи записку, въ которой подробно разбиралъ нападки на

эту форму суда и старался доказать какъ ихъ неосновательность и—во многихъ случаяхъ—невѣжественность и даже недобросовѣстность, — такъ и высокое, въ смыслѣ развитія въ народѣ чувства истиннаго правосудія и законности, значеніе суда присяжныхъ. Вотъ что писалъ мнѣ, 14 февраля 1878 г., Кавелинъ, ознакомившись съ этою запиской: »не примите за пошлую фразу, что я съ восхищеніемъ прочелъ Вашу записку, въ отвѣтъ на предположенія объ ограниченіи круга дѣйствій присяжныхъ засѣдателей. Меня подергивало отъ негодованія при чтеніи мотивовъ, на основаніи которыхъ кругъ данныхъ правъ долженъ былъ еще стѣсниться. Живое и мертвое знаніе русскихъ явленій тутъ встрѣтились лицомъ къ лицу, взаимно выставляя другъ друга во всей противоположности и яркости. Прислушайтесь къ тому, что *хотятъ сказать* славянофилы — и Вы невольно скажете, что они дурно мотивируютъ совершенно вѣрное и дѣйствительное явленіе, которое болѣзненно гнететъ и давитъ всѣхъ думающихъ и порядочныхъ людей въ Россіи:—ярмо какихъ-то бумажныхъ, никакого отношенія къ русской жизни не имѣющихъ, выдуманныхъ путъ, которыя сбиваютъ съ толку русскій умъ, русскій здравый смыслъ, убивая вѣру въ справедливость и правду. Какія-то обстоятельства, до сихъ поръ не вполнѣ выясненныя и сознанныя, создали у насъ своего рода логику безсмыслицы — цѣлый міръ болѣзненныхъ построеній, имѣющихъ свою—особаго рода логику и послѣдовательность. Въ Россіи сложились два міра - живой, дѣйствительный—и выдуманный, бумажный, которые стараются другъ друга понять и... никакъ не могутъ. Если эти фикціи будутъ всегда тяготѣть надъ живою дѣйствительностью, трудно себѣ вообразить, сколько изъ-за этого можетъ обрушиться на насъ зла!— Не вздумаете ли Вы напечатать Вашу записку? Было бы жаль, еслибы такое вѣское и глубоко правдивое слово замерло въ канцеляріяхъ и покрылось мертвечиною, какою у насъ покрывается многое, что исходя изъ жизни, попадаетъ въ канцелярію—административную, судебную, даже и научную. Мнѣ кажется, что Вы *обязаны* напечатать Вашу работу въ назиданіе тѣмъ судебнымъ дѣятелямъ, которые страдаютъ особаго рода душевнымъ и умственнымъ недугомъ, происходящимъ отъ *индижестіи* вслѣдствіе неумѣреннаго употребленія канцелярской пищи...»

Но, нападая на фарисеевъ и на «повапленные гробы», Кавелинъ никогда не становился на почву исключительности, никогда не раздѣлялъ мысленно людей на лагери, не окрашивалъ ихъ въ однообразный, пріятный или отталкивающій цвѣтъ и не распредѣлялъ, сообразно съ этимъ, свои симпатіи и антипатіи. Такая узкая исключительность была совсѣмъ чужда его широкому сердцу. Онъ никогда не сочувствовалъ стремленію прилѣплять къ людямъ разъ навсегда установленные ярлыки и по нимъ уже и оцѣнивать ихъ, не заглядывая далѣе и притягивая ихъ взгляды и убѣжденія къ заранѣе установленному инвентарю. Во всякомъ онъ прежде всего искалъ искренности и отсутствія личныхъ видовъ, и радовался, когда могъ найти въ человѣкѣ, чуждомъ ему по развитію и взглядамъ, стороны, заслуживающія уваженія. Обширный кругъ его знакомыхъ никогда не былъ окрашенъ въ однообразный колоритъ, и люди *честные*, хотя бы и противоположныхъ убѣжденій, встрѣчали въ немъ не *врага*, а лишь привѣтливаго, хотя и стойкаго *противника*. Но онъ отличался нетерпимостью по отношенію къ тому, кто прочно и, по большей части, безповоротно упалъ въ его глазахъ, обманувъ довѣріе, съ которымъ Кавелинъ смотрѣлъ на него какъ на общественнаго дѣятеля, или проявивъ душевную низость тамъ, гдѣ это оказалось выгоднѣе исполненія долга. Онъ, всю жизнь шедшій неуклонно и любя «куда звалъ голосъ сокровенный», не понималъ, чтобы можно было «propter vitam—vivendi perdere causas», и рѣзко выражалъ свое отчужденіе отъ влачащихъ безславную, но нерѣдко богатую земными благами жизнь. Ему было при этомъ все равно, къ какому лагерю принадлежатъ такіе люди по общему складу своихъ пред-

взятыхъ взглядовъ. Это была благородная нетерпимость,—отсутствіе способности къ сдѣлкамъ, къ приспособленію себя,—но это не была исключительность.

Человѣкъ *цѣльный* въ полномъ смыслѣ слова, послѣдовательный и твердый — «aus einem Guss», какъ говорятъ нѣмцы,— Кавелинъ всею своею личностью являлъ настоящій *характеръ*, съ которымъ надо было считаться и по отношенію къ которому нельзя было разсчитывать на какія-либо уступки или уклоненія подъ вліяніемъ сентиментальнаго настроенія, столь чуждаго дѣйствительной добротѣ. Въ немъ не было того *равновѣсія уменьшенныхъ силъ*, которое порою ставится почти въ заслугу современному человѣку, обезцвѣчивая и обезличивая его до крайности. Кавелинъ при серьезныхъ житейскихъ встрѣчахъ не умѣлъ «сожалѣть», «не сочувствовать», «симпатизировать», «огорчаться» и вообще довольствоваться неопредѣленными ощущеніями, неясными по своему источнику, безплодными по своему исходу. Онъ умѣлъ *любить*—горячо и широко, довѣрчиво и открыто,—но умѣлъ и *ненавидѣть*, не скрывая своего чувства, съ прямотою честнаго человѣка, сознающаго и уважающаго свою правоту. Ему была свойственна особая способность характера, опредѣляемая выразительнымъ французскимъ словомъ «combativité». Поэтому въ душѣ его не было мѣста вялымъ, колеблющимся чувствамъ; въ ней звучалъ «категорическій императивъ»—властно и безповоротно, никогда не грозя мелочною, недостойною враждою, но и отнимая вмѣстѣ съ тѣмъ, по большей части, надежду на возможность примиренія. И эта неподкупность сужденій Кавелина, эта ихъ категоричность, являвшаяся результатомъ совокупной работы высокихъ душевныхъ требованій и тонкаго, проницательнаго, аналитическаго ума, привлекала къ нему и заставляла прислушиваться къ его отзывамъ, страшиться ихъ. Это былъ нравственный судья, оправдательный приговоръ котораго дѣйствительно облегчалъ смущеннаго и сомнѣвающагося въ себѣ, а слово осужденія ложилось тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ чище былъ самъ его произносившій. Вотъ почему многіе, въ минуты какихъ-либо житейскихъ усложненій, обращались мысленно на его судъ и спрашивали: „что скажетъ Константинъ Дмитріевичъ“, „какъ смотритъ на это Кавелинъ?..“ И мысль ихъ невольно летѣла въ далекій уголокъ Васильевскаго Острова, гдѣ среди самой скромной обстановки жилъ человѣкъ, одобреніе котораго поднимало и радовало, а осужденіе жгло и тяготило, проникая сквозь броню формально признанныхъ отличій. И въ то же время—каждое истинное горе, каждая личная скорбь находили въ немъ сочувственный откликъ. Онъ умѣлъ сказать деликатное по формѣ, но мужественное и твердое по существу свое слово одобренія, умѣлъ указать сломившемуся подъ гнетомъ личной скорби общія цѣли и задачи жизни, мягко пристыдить, утѣшить, обративъ больную мысль отъ временнаго и случайнаго къ вѣчнымъ, поднимающимъ духъ вопросамъ. Всякое проявленіе ума и таланта живо радовало его, заставляя говорить о себѣ съ доброжелательнымъ увлеченіемъ. Для примѣра можно указать, напр., на то живое ободреніе, которымъ онъ привѣтствовалъ первый ученый трудъ Н. А. Неклюдова, указывая автору блестящее мѣсто на университетской каѳедрѣ и горячо защищая его отъ возможности нелѣпыхъ обвиненій въ „нигилизмѣ“, благодаря которымъ ему можетъ прійтись, вмѣсто занятія каѳедры, „потерпѣть писцомъ въ какой-нибудь канцеляріи“... „Манера его и способъ выраженій свѣжи и молоды, писалъ Кавелинъ, разбирая „Уголовно-статистическіе этюды“,—въ нихъ слышится и нетерпимость живого убѣжденія, и нетерпѣливость силы, и неумѣренность надеждъ, возбужденныхъ перспективами, которыя ему открылись въ наукѣ... Отъ этихъ недостатковъ онъ освободится работой и годами. Трудъ и время увеличатъ его силы, умѣривъ ихъ“. Но дутыя репутаціи людей, прославляемыхъ своимъ муравейникомъ, создаваемыя обыкновенно ловкимъ умѣніемъ приспособляться и во̀ время отходить въ сторону отъ всякихъ жгучихъ вопросовъ, никогда не обманывали его. „Что вы скажете о смерти N. N.?—пишетъ онъ одному изъ сво-

ихъ друзей,—кажется, Россія ничего не потеряла съ его кончиной. Слышалъ я его въ засѣданіи... *Незнаменито*, какъ говаривалъ покойный Никита Ивановичъ Крыловъ. Отъ такой знаменитости я ожидалъ гораздо больше. Да и карьеристъ былъ изрядный!"

Соединяя существо ученаго и гражданина съ формами безукоризненной благовоспитанности, Кавелинъ держалъ себя всегда со спокойнымъ достоинствомъ, цѣня въ тѣхъ, съ кѣмъ его сталкивала судьба, исключительно ихъ человѣческія свойства, независимо отъ ранговъ и отличій. Его самостоятельность, независимость его мнѣній и его „franc parler" создавали ему завистливыхъ недоброжелателей. Его умъ—„любя просторъ — тѣснилъ", и многихъ, вопреки ихъ привычкамъ, выводилъ изъ обычной колеи мелкихъ мыслей, безплодной болтовни и безцвѣтныхъ дѣйствій. Кавелинъ всякое разсужденіе и всякое дѣло любилъ вести на чистоту, „не отвиливая отъ мысли по разнымъ постороннимъ соображеніямъ", какъ онъ самъ однажды выразился. Всякое неловкое и двусмысленное положеніе его тяготило, и онъ выходилъ изъ него несмотря ни на что, готовый для этого на всякую жертву, припоминая, конечно, прекрасное французское изреченіе: „on traverse une position equivoque—on ne reste pas dédans..." Это проявлялось у него и въ мелкихъ и въ крупныхъ обстоятельствахъ его жизни. Такъ, когда во время преній по сдѣланному имъ въ петербургскомъ юридическомъ обществѣ реферату о кодификаціи русскаго гражданскаго права, одинъ изъ сановныхъ оппонентовъ, очевидно забывъ, съ *кѣмъ* онъ имѣетъ дѣло, перенесъ споръ на личную почву и позволилъ себѣ объяснять мнѣнія Кавелина эгоистическими видами,—послѣдній даже не оказалъ ему чести отвѣта, а лишь улыбнулся иронически и тотчасъ оставилъ засѣданіе. Когда, будучи президентомъ Вольно-Экономическаго Общества, онъ увидѣлъ среди окружающихъ не простое и случайное, а умышленное непониманіе его взглядовъ и побужденій, онъ оставилъ свое званіе, несмотря на то, что всегда съ любовью вспоминалъ о томъ времени, когда былъ еще только секретаремъ Общества. „Вы пишете,—говоритъ онъ въ письмѣ отъ 19 октября 1884 г.—о муравейникѣ, въ которомъ мнѣ пришлось столько укусовъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Тутъ все совершенно ничтожно. Будьте увѣрены, что я радъ радехонекъ избавиться отъ омута, въ который невзначай попалъ, и недостаточно тщеславенъ и самолюбивъ, чтобы пойти на приманки несравненно болѣе дѣйствительныя и соблазнительныя, чѣмъ эти. Роль спокойнаго созерцателя и зрителя—вотъ чего я жажду и никакъ не могу добиться". Врагъ всякихъ компромиссовъ, онъ доказалъ то, что говоритъ въ этомъ письмѣ, отказавшись отъ лестнаго и заманчиваго для его живой натуры и умственнаго склада предложенія занять, въ 1880 г., постъ попечителя дерптскаго учебнаго округа. Онъ находилъ, что его программа не удовлетворитъ ни одного изъ направленій, существующихъ въ округѣ, а дѣйствовать по навязанной программѣ, которую онъ могъ и не раздѣлять, онъ не хотѣлъ.

О его личной добротѣ и разумной благотворительности едва-ли нужно распространяться. Школы и крестьянскій банкъ на его „землицѣ" въ Тульской губерніи—и вѣнокъ на его гробъ отъ приходскаго попечительства съ надписью „другу бѣдныхъ и страждущихъ" говорятъ сами за себя.

Кавелинъ былъ *труженикъ* въ лучшемъ смыслѣ слова. Трудъ живой, неустанный, вдумчивый и энергичный былъ его стихіею, наполнялъ всю его жизнь. „Ohne Hast, ohne Rast" могло бы быть его девизомъ. Незадолго до смерти мечталъ онъ еще о переселеніи въ Царское Село, гдѣ въ тиши уединенія, вдали отъ неизбѣжныхъ тревогъ столичной жизни, хотѣлъ всецѣло отдаться работѣ надъ новымъ, большимъ философскимъ изслѣдованіемъ. Онъ смотрѣлъ на трудъ, какъ на обязанность предъ обществомъ, освободить отъ которой должна лишь смерть, одна могущая заставить изсякнуть источникъ мысли, знанія и „роптанья вѣчнаго души"; онъ смотрѣлъ на него какъ на утѣшеніе, какъ на друга, на примирителя... Когда, за нѣсколько лѣтъ до смерти,

тяжкій ударъ поразилъ его, отнявъ у него „delicium et decus" его существованія—его замѣчательную дочь—онъ былъ тяжко раненъ на всю послѣдующую жизнь, въ самое сердце. А сердце это, не подчиняясь тому, что Пушкинъ назвалъ „охлажденіемъ лѣтъ", до конца оставалось крайне впечатлительнымъ и глубоко понимающимъ человѣческое несчастіе. Въ 1881 г. я послалъ ему пересказъ обстоятельствъ дѣйствительнаго дѣла о самоубійствѣ, бывшаго у меня въ рукахъ (онъ былъ напечатанъ въ томъ же году въ „Недѣлѣ", подъ названіемъ „Пропавшая серьга"). Исторія женщины, бездушно брошенной съ четырьмя дѣтьми на произволъ судьбы своимъ любовникомъ,—воспитавшей ихъ, въ постоянной борьбѣ съ лишеніями и болѣзнью, — убѣдившей всѣхъ окружающихъ, что она вдова, пріучившей дѣтей чтить память отца и отравившейся вслѣдствіе обвиненія ея 15-лѣтней дочери въ кражѣ серьги, причемъ была грубо раскрыта и ея тайна, а самая серьга оказались впослѣдствіи у слишкомъ поспѣшной обвинительницы,—чрезвычайно подѣйствовала на Кавелина. „Вы меня отравили актами, которые передали намедни, —писалъ онъ мнѣ 28-го февраля 1881 г. Никакая повѣсть не можетъ сказать того, что говорятъ эти краснорѣчивыя своею краткостью строки... .. .Впечатлѣніе страшное производитъ вашъ разсказъ, — впечатлѣніе отъ котораго спастись некуда! Не боитесь вы, что сильныя души не выдержатъ, читая это,—а слабыя отворотятся, не будучи въ состояніи даже подняться на высоту диссонанса, который вы имъ представляете».— Примѣровъ такой воспріимчивой впечатлительности можно бы привести много. Понятно, поэтому, что долженъ былъ пережить Кавелинъ послѣ постигшаго его удара. Но онъ не опустилъ рукъ, не погрузился въ нѣмое бездѣйствіе печали, а сказалъ: я буду жить, буду работать, я весь уйду въ трудъ. Онъ, очевидно, раздѣлялъ взглядъ Тэна, находившаго, что лишь полная правдивость по отношенію къ другимъ и къ самому себѣ и ежедневный, упорный трудъ могутъ уберечь человѣка отъ презрѣнія къ себѣ и къ людямъ. И результатомъ рѣшенія Кавелина явился рядъ работъ по гражданскому праву и „Задачи этики», посвященныя молодому поколѣнію, которое онъ предостерегаетъ отъ „губящей насъ лѣни ума".

Русскій человѣкъ до мозга костей, знатокъ быта и глубокій изслѣдователь явленій исторіи своего народа, Кавелинъ нѣжно и беззавѣтно любилъ этотъ народъ. Онъ свѣтло смотрѣлъ впередъ, не смущаясь за будущую роль своего отечества. Ему нравилось, когда его называли въ этомъ отношеніи оптимистомъ. «Да, я оптимистъ, говаривалъ онъ съ тихою и увѣренною радостью во взорѣ,— я вѣрю, что какія бы уродливыя и болѣзненныя явленія ни представляло русское общество—простой русскій человѣкъ пойметъ свои задачи, разовьетъ свои богатыя духовныя силы, и вынесетъ на своихъ плечахъ Россію». Онъ не отрицалъ темныхъ и грубыхъ сторонъ нашего сельскаго быта, на которомъ, какъ на устояхъ, должна, по его мнѣнію, стоять Россія,—но онъ возставалъ противъ поспѣшныхъ и мрачныхъ обобщеній. «Эти недостатки — недостатки молодости, не перебродившаго переходнаго положенія, наносная и поверхностная плѣсень», говаривалъ онъ... «Сердцевина здорова и ея живительные соки залечатъ больныя мѣста въ корѣ; пусть только дадутъ имъ выходъ, не мудрствуя лукаво, не навязывая народу чуждыхъ ему учрежденій и не заключая его въ бюрократическіе тиски... Надо вѣрить въ русскій народъ, надо его любить—безъ этого жить нельзя!» Онъ часто доказывалъ, что о народѣ слѣдуетъ судить не по его нравамъ и привычкамъ, а по его идеаламъ, по его стремленіямъ,—и съ удовольствіемъ повторялъ процитированное предъ нимъ однажды изреченіе Монтескье: «Le peuple est honnête dans ses gouts, sans l'être dans ses moeurs...» Всякій истинный слуга народа былъ ему дорогъ. Стоитъ припомнить какими трогательными словами помянулъ онъ земскаго врача Бѣлевскаго уѣзда Лукина, предъ которымъ онъ «благоговѣлъ» за его трудъ и «внимательность къ простому, бѣдному и темному люду». Спрашивая себя, какъ могъ развиться

и сохраниться чистымъ этотъ человѣкъ въ безвѣстной глуши, въ узкомъ кругѣ дѣятельности, принося массу добра и пользы ближнимъ, при скудномъ заработкѣ, большой семьѣ и работахъ безъ устали, — Кавелинъ отвѣчаетъ поэтическимъ сравненіемъ: «такъ распускается ландышъ невидимо, въ тѣни, разливая вокругъ себя благоуханіе! Это тайна его природы...» Онъ принималъ живѣйшее и плодотворное участіе въ хлопотахъ объ устройствѣ осиротѣлой семьи Лукина,—да и ея ли одной?!

Кавелина называли чуждые ему люди *узкимъ западникомъ*. Но близкіе, въ дружеской бесѣдѣ, иногда въ шутку говорили ему, что онъ *отъявленный славянофилъ*. А онъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. Онъ былъ самимъ собою. Если уваженіе къ западной культурѣ и къ развитому на западѣ чувству законности считать западничествомъ, то безъ сомнѣнія онъ заслуживалъ первый упрекъ, такъ какъ умѣлъ и желалъ, выражаясь словами Пушкина, «свободною душой законъ боготворить», и всегда былъ чуждъ китайской замкнутости и ограниченнаго національнаго самодовольства. Его идеаломъ дѣятеля былъ Петръ Великій. О немъ онъ говорилъ съ умиленіемъ, восхищался всюду встрѣчаемыми слѣдами того, «кому въ царяхъ никто не равенъ», и преклонялся предъ его геніальною энергіей, основанной на вѣрѣ въ способности, въ призваніе своего народа. Кавелинъ былъ неисчерпаемъ въ разговорахъ о Петрѣ, и каждое воспоминаніе объ оригинальномъ поступкѣ и словѣ «вѣчнаго работника на тронѣ» оживляло его... «А! каковъ мой Петруханъ!» восклицалъ онъ, называя своего героя ласковымъ мужицкимъ прозвищемъ и радостно заливаясь своимъ заразительнымъ смѣхомъ. «Какъ я вамъ благодаренъ,—писалъ онъ мнѣ 21 апрѣля 1884,—за рѣдкій портретъ Piter'a! На дняхъ вставлю его въ рамку и буду предъ нимъ идолопоклонствовать, какъ передъ великорусскимъ полубогомъ. Не можетъ загибнуть страна, выставившая такого генія, непохожаго ни на какого другого!»—«Когда на меня тяжело дѣйствуетъ какое-нибудь безотрадное явленіе въ русской жизни, когда на сердцѣ становится горько и грозитъ уныніе,—писалъ онъ въ другой разъ—я вспоминаю Петра—и ободряюсь, или читаю о Христѣ —и мнѣ становится легче, и спокойствіе сходитъ въ мою душу...» Съ чуткою тревогою прислушивался онъ ко всему, что касалось Россіи въ вопросахъ экономическихъ и политическихъ, и зорко слѣдилъ за уклоненіями отъ того, что̀ считалъ ей полезнымъ. Его дѣятельность въ различныхъ ученыхъ обществахъ, его готовность работать въ развитіе и разъясненіе мѣръ, касавшихся улучшенія народнаго благосостоянія, слишкомъ извѣстны.

Какъ преподаватель, онъ имѣлъ огромное вліяніе на слушателей. Слезы, пролитыя его послѣдними учениками,—людьми взрослыми и уже познавшими жизнь,—на могилѣ «учителя правды и права», какъ они сами его назвали, были имъ вполнѣ заслужены, ибо онъ былъ учителемъ въ настоящемъ смыслѣ слова, научая молодежь не только *знать, гдѣ* пути правды, но и *желать* ходить по этимъ путямъ. Его благотворному вліянію на слушателей сначала способствовала его собственная молодость,— онъ вступилъ на каѳедру 25 л. отъ роду, — благодаря которой его воодушевленіе было особенно заразительно; потомъ, чрезъ десять лѣтъ, принесенныя имъ на каѳедру, по собственнымъ словамъ, непоколебимое убѣжденіе въ высокомъ значеніи науки, неизмѣнная вѣра въ высокую историческую судьбу родины и горячая любовь къ труду—еще прочнѣе укрѣпили это вліяніе. Оно продолжалось и въ предсмертные годы и отразилось въ воспоминаніяхъ его благодарныхъ слушателей въ военно-юридической академіи. Молодежь чутко сознаетъ, является ли для ея учителя наука, по выраженію Гейне, «богинею или дойною коровою», —самостоятельно ли онъ трудится и мыслитъ—или ловко сшиваетъ себѣ изъ чужихъ лоскутковъ теплое одѣяло. Она и не могла не оцѣнить личнаго, блестящаго и глубокаго труда Кавелина и его строгости къ своимъ задачамъ, какъ профессора. Эта строгость заставляла самого Кавелина смотрѣть съ нескрываемымъ презрѣніемъ на тѣхъ изъ патентованныхъ, подчасъ даже маститыхъ ученыхъ, которые торгуютъ наукою «въ разносъ» и угодливо предлагаютъ свои гибкія

познанія для желательнаго тѣмъ или другимъ сферамъ разъясненія спорныхъ вопросовъ. Въ его глазахъ наука была всегда сама себѣ цѣлью, но никогда не средствомъ. Цѣнитъ молодежь и искреннее отношеніе къ себѣ. Кавелинъ умѣлъ вызывать привязанность молодаго поколѣнія, не льстя ему, стараясь оградить его отъ недостатковъ, вызываемыхъ всѣмъ складомъ нашей жизни, и вѣря твердо и сознательно, что въ молодежи всегда таятся задатки хорошаго будущаго. Онъ жадно ждалъ нарожденія въ этомъ поколѣніи нравственныхъ характеровъ и радостно привѣтствовалъ всякій намекъ на этотъ поворотъ къ лучшему среди общества, которое пугало его въ послѣдніе годы тѣмъ умаленіемъ нравственнаго характера лица, приниженіемъ, которое онъ такъ сильно и правдиво очертилъ на первыхъ страницахъ своихъ «Задачъ психологіи», этой поучительной книги, въ каждой строкѣ которой сквозитъ свѣтлая личность автора...

Проповѣдь *личности*, работающей въ обществѣ и для общества, но не поглощаемой имъ, проповѣдь нравственнаго возрожденія и обращенія къ вѣчнымъ вопросамъ самопознанія отъ суетныхъ заботъ житейской прозы, «въ которой нѣтъ мѣста ни для трагедіи, ни для драмы, и скоро не будетъ мѣста даже и для водевиля»—эта проповѣдь составляла постоянную цѣль всѣхъ послѣднихъ трудовъ Кавелина. Эта же проповѣдь слышится и въ болѣе раннихъ трудахъ его. Въ своихъ историко-юридическихъ изслѣдованіяхъ онъ не разъ доказывалъ, что древняя русская жизнь исчерпала себя вполнѣ, развивъ всѣ начала, которыя въ ней скрывались, всѣ типы, въ которыхъ непосредственно воплощались эти начала. Въ строгой послѣдовательности она провела Россію чрезъ общинный бытъ, чрезъ родовой и семейственный. Первые зачатки государства и начало личности завершили ея существованіе. Порицать эту жизнь или сожалѣть о ней—ошибочно. Она дала все, что могла дать, выработавъ понятіе о личности и высвободивъ ее изъ-подъ двойного гнета—природы и кровнаго быта. Періодъ преобразованій, начатый въ XVII вѣкѣ, далъ личности содержаніе, сначала заимствованное извнѣ. Главнымъ дѣятелемъ въ этомъ отношеніи явился Петръ Великій, вся личная жизнь, весь государственный трудъ котораго являются первымъ осуществленіемъ начала личности въ нашемъ общественномъ развитіи. Но участіе личности въ исторіи различно у насъ и въ западной Европѣ. „Въ Европѣ,—говорилъ Кавелинъ («философія и наука»)—исторія совершалась при дѣятельномъ участіи лица, которое внесло тамъ въ ходъ ея свои взгляды, убѣжденія, страсти и произволъ. Этотъ дѣятель, — человѣческая личность, — такъ ярко выступаетъ тамъ въ историческомъ движеніи, что съ перваго взгляда можно подумать, будто онъ одинъ творитъ исторію и нѣтъ другихъ движущихъ ея пружинъ. У насъ наоборотъ: лицо такъ стушевано, такъ блѣдно, является такимъ пассивнымъ носителемъ исторіи, что можно подумать, будто сами элементы, сочетаясь между собою, безъ посредства лицъ, по присущимъ имъ законамъ, необходимо и неизбѣжно, какъ природа, выводятъ однѣ за другими различныя фазы историческаго движенія. Большинство людей, не участвуя дѣятельно въ этомъ стихійномъ процессѣ, подчиняется ему какъ судьбѣ, не отзываясь на него ни мыслью, ни сердцемъ. Въ этомъ, между прочимъ, причина необыкновенной трудности разгадать смыслъ разныхъ событій русской исторіи, имѣвшихъ, повидимому, большое вліяніе на ходъ дѣлъ; объ этихъ событіяхъ часто нѣтъ другихъ свѣдѣній, кромѣ лаконической строчки въ лѣтописи или современномъ актѣ; мысль тогдашнихъ людей не освѣтила для насъ значенія факта, его причинъ и послѣдствій; она остановилась на немъ, какъ будто для того только, чтобъ безучастно и пассивно занести его въ сухой перечень событій. Отсюда — противоположныя задачи внутренняго развитія въ Европѣ и у насъ. Тамъ надо было выдвинуть впередъ тѣ общія основанія, на которыхъ зиждется общественный строй и которыя безпрестанно оттѣснялись чрезмѣрно-выдающимися притязаніями отдѣльныхъ личностей и созданныхъ ими добровольныхъ товариществъ и союзовъ. У насъ, наоборотъ, глав-

ныя направленія внутренней исторіи выражаютъ потребность вызвать къ дѣятельности и жизни личность, ввести ее тоже въ общую экономію развитія».

Но придавая такое значеніе *личности* въ ходѣ исторіи и въ сложеніи разумнаго гражданскаго быта, Кавелинъ сильно смущался предъ многими явленіями нашей жизни и высказывалъ это со свойственною ему прямотою. Его смущала наша «нравственная личная несостоятельность и негодность, о которую сокрушаются всякія благія намѣренія, откуда бы они ни шли», и тревожило состояніе общества, къ которому такъ примѣнимы любимыя имъ слова графа Уварова: «les circonstances sont infiniment grandes et les hommes infinement petits...»—«Едва ли можно указать въ цѣлой исторіи другой примѣръ подобнаго личнаго нравственнаго ничтожества при такомъ величавомъ государственномъ развитіи», — говоритъ онъ съ негодующею рѣзкостью. Указывая на широкія реформы шестидесятыхъ годовъ, создавшія новыя начала общественности, Кавелинъ спрашивалъ: «способны ли мы, современники одной изъ знаменательнѣйшихъ эпохъ русской жизни, наполнить живымъ содержаніемъ новыя формы общественности? Составимъ инвентарь тѣхъ личныхъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ, которыми мы располагаемъ для обновленія нашей гражданственности. Какая поразительная и прискорбная бѣдность! Слова заступаютъ у насъ мѣсто мыслей и убѣжденій, сноровка и наружный тактъ—рѣшенія воли и характеръ, надерганныя изъ печатнаго фразы—продуманное знаніе. Инстинкты, капризы, случайныя обстоятельства и обстановка опредѣляютъ наши дѣйствія, въ которыхъ оттого нѣтъ ни плана, ни послѣдовательности, ни выдержки. Мы лишены почти всякаго умственнаго и нравственнаго содержанія, и потому нѣтъ у насъ ни идеаловъ жизни, ни твердой воли, ни живыхъ интересовъ къ чему бы то ни было».

Объяснивъ, какъ все скользитъ въ нашемъ обществѣ на поверхности и проходитъ безъ всякихъ нравственныхъ послѣдствій, потому, что въ пустотѣ, господствующей внутри насъ, не на что опереться, Кавелинъ считаетъ главнымъ стимуломъ нашей жизни *скуку*. „Насъ нельзя,—говоритъ онъ,—назвать ни хорошими, ни дурными людьми: мы не подлежимъ нравственному вмѣненію. Отъ внутренней пустоты и безсодержательности, скука томитъ насъ, и мы несемъ ее всюду—въ семью, въ пріятельскую бесѣду и общество; отъ скуки мы съ жаромъ бросаемся на все, въ надеждѣ развлечься, и не можемъ ни на чемъ остановиться и успокоиться».

Призывая личность къ развитію въ русскомъ обществѣ, Кавелинъ не закрывалъ однако глаза на нравственный кризисъ, происходящій на Западѣ, гдѣ совершается замѣтное умаленіе личности, проявившей себя столь ярко и многосторонне. Отмѣтивъ то пренебреженіе, въ которомъ начинаютъ оказываться условія индивидуальной жизни и нравственные элементы личности, онъ говоритъ, въ «Задачахъ психологіи», что «въ цѣлой исторіи нельзя указать эпохи, когда бы больше дѣлалось для удовлетворенія разнообразнѣйшихъ потребностей человѣка, какъ въ наше время, а онъ какъ будто все менѣе и менѣе становится способенъ пользоваться этими благами. Дерево цвѣтетъ, а корни его какъ будто подсыхаютъ; того и гляди, начнетъ сохнуть и самое дерево. Мы уже больше не боимся вторженія дикихъ ордъ; но варварство подкрадывается къ намъ въ нашемъ нравственномъ растлѣніи, за которымъ по пятамъ идетъ умственная немощь».

Объясненія этого явленія и его причинъ, между прочимъ въ томъ, въ чемъ онѣ зависятъ отъ ложнаго направленія, принятаго, по мнѣнію Кавелина, наукою, представлялись «святому безпокойству», овладѣвшему, въ послѣдніе годы, его душою, вопросомъ первой важности. Съ тревогою указывая на то, что въ современномъ обществѣ личная индивидуальная жизнь поблекла, что лицо утратило свое нравственное достоинство и безотносительную цѣну, что оно стало какой-то безразличной единицей въ общемъ итогѣ умственныхъ, нравственныхъ и общественныхъ силъ, на которомъ теперь сосредоточено все вниманіе и весь интересъ, Кавелинъ говоритъ, что весь интересъ мысли перенесенъ

въ наше время съ индивидуальности на общество; лицо отодвинуто съ перваго плана на послѣдній, не вѣритъ въ себя, само смотритъ на себя только какъ на зависимую часть цѣлаго, мѣритъ себя только тою мѣркою, какую даетъ общественная жизнь и дѣятельность. Человѣкъ въ собственныхъ глазахъ ничего, самъ по себѣ, не стóитъ; для его внутренней жизни и дѣятельности нѣтъ самостоятельнаго критерія, потому что эта жизнь и эта дѣятельность, независимо отъ общественной среды, ни во что не цѣнится. „И какъ безсодержательна, блѣдна, неинтересна внутренняя жизнь современнаго человѣка!“ восклицаетъ онъ. Противъ начальнаго явленія приниженія человѣческой личности боролся Кавелинъ всѣми силами своего ума и трудовой энергіи. «Задачи Психологіи», напечатанныя въ «Вѣстникѣ Европы» и затѣмъ отдѣльною книгою, вызвали горячую и чрезвычайно интересную полемику по поводу оригинальныхъ взглядовъ автора на психологическія явленія и ихъ законы, въ которой приняли участіе такіе люди, какъ И. М. Сѣченовъ и Ю. Ѳ. Самаринъ. Чрезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ этого Кавелинъ издалъ «Задачи этики», въ которыхъ звучитъ та же нота скорби объ умаленіи личности и поглощеніи ея современнымъ направленіемъ общественной жизни. Забота о выдвинутіи впередъ лица и о развитіи его самодѣятельности высказана имъ и въ разныхъ мѣстахъ его замѣчаній на проектъ общаго устава университетовъ.

Глубочайшее, неослабное вниманіе Кавелина привлекали къ себѣ вопросы, касающіеся нашего крестьянскаго быта и сельской общины. Первая статья по этому предмету напечатана имъ еще въ 1859 г. въ «Атенеѣ». Дружба съ такъ называемыми западниками, которые въ большинствѣ случаевъ стояли за личное землевладѣніе, не помѣшала ему горячо совѣтовать дорожить общиною, какъ зѣницею ока, находя, что она составляетъ драгоцѣнный, хотя еще и не развитый источникъ правильной общественной организаціи. Русскому крестьянству и вмѣстѣ съ тѣмъ облагороженію правового сознанія въ обществѣ послужилъ онъ и въ практической жизни, сыгравъ не видную, но значительную роль въ подготовкѣ дѣла освобожденія крестьянъ. Еще въ эпоху профессорства въ Москвѣ, въ своихъ воскресныхъ бесѣдахъ со слушателями, для которыхъ гостепріимно были раскрыты двери его дома, онъ горячо, краснорѣчиво и настойчиво возражалъ противъ крѣпостного права, рисовалъ его отталкивающія стороны и будилъ въ своихъ посѣтителяхъ голосъ возмущенной совѣсти. Сблизившись, на службѣ въ Петербургѣ, съ Николаемъ Милютинымъ, Кавелинъ вошелъ затѣмъ въ кружокъ Великой Княгини Елены Павловны, гдѣ около одной изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ, посланныхъ судьбою Россіи, послужившей новому отечеству всѣми силами своей возвышенной души, группировались люди, вынесшіе потомъ на плечахъ крестьянскую реформу. Взаимное общеніе ихъ съ Кавелинымъ не могло пройти безслѣдно — и онъ имѣлъ счастіе увидѣть возможность осуществленія своихъ благородныхъ мечтаній и повліять на активныя работы по реформѣ 19 февраля, запиской «о новыхъ условіяхъ сельскаго быта». Когда зимою 1862 года былъ закрытъ Петербургскій Университетъ, Кавелинъ открылъ курсъ публичныхъ лекцій гражданскаго права въ зданіи Думы, временно преобразовавшемся въ Университетъ. Я помню эти лекціи, и оживленную толпу молодежи и одушевленное лицо профессора, говорившаго взволнованнымъ голосомъ о нравственномъ и юридическомъ значеніи совершившейся реформы и призывавшаго всѣхъ къ дружному единенію въ успѣшномъ осуществленіи великихъ начинаній, ознаменовавшихъ новое царствованіе. Мысль о лучшемъ устройствѣ сельскаго быта не покидала его никогда, то выражаясь горячимъ и непримиримымъ негодованіемъ противъ тѣхъ, кто тормозилъ и искажалъ правильное осуществленіе и развитіе началъ, положенныхъ въ основу освобожденія крестьянъ,—то проявляясь въ рядѣ глубоко продуманныхъ и, такъ сказать, задушевныхъ трудовъ, каковы «Общинное владѣніе», «Поземельная община въ древней и новой Россіи», «Крестьянскій вопросъ» и др.

Кавелинъ—историкъ, публицистъ и обще-

ственный дѣятель—нѣсколько заслоняетъ цивилиста, изслѣдователя и знатока гражданскаго права. Но почтенные, полные оригинальной мысли и смѣлаго почина, труды его на этомъ поприщѣ всегда найдутъ себѣ заслуженную и благодарную оцѣнку у всѣхъ серьезныхъ юристовъ. Еще въ 1841 г. обратила на себя общее вниманіе его статья «О теоріяхъ владѣнія», въ которой онъ примкнулъ ко взглядамъ философско-юридической школы, представителемъ которой былъ знаменитый Гансъ. За нею слѣдовалъ рядъ цѣнныхъ и глубокихъ изслѣдованій изъ области гражданскаго права и судопроизводства. Уже въ послѣдніе годы своей жизни онъ издалъ изслѣдованія подъ названіемъ: «Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ», «Очеркъ юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ наслѣдованія» и «Очеркъ отношеній, возникающихъ изъ семейнаго союза». Въ каждомъ изъ нихъ, устанавливая новые взгляды на объемъ и самое содержаніе гражданскаго права, онъ будитъ юридическую мысль и даетъ ей новую пищу. Онъ готовился также выступить горячимъ борцомъ противъ того, что онъ называлъ «приказнымъ» складомъ нашихъ новыхъ судовъ, — противъ безжизненной формалистики, которая начинала закрадываться въ нашу мировую практику... И уголовный процессъ обратилъ на себя его разностороннее вниманіе. Отбывъ тягостную сессію въ качествѣ присяжнаго засѣдателя, онъ написалъ предсѣдателю суда письмо, содержащее въ себѣ много цѣнныхъ и глубокихъ замѣчаній о недостаткахъ нашего уголовнаго закона, вставленнаго въ чуждыя жизни условныя рамки. Послѣднимъ трудомъ его, какъ юриста, была записка «О вотчинныхъ правахъ», представленная въ коммиссію по начертанію новаго гражданскаго уложенія, оконченная за двѣ недѣли до смерти...

Изданіе полнаго собранія сочиненій Кавелина даетъ нынѣ право ожидать подробной и систематической его біографіи. Это былъ бы благодарный и полезный трудъ. Исторія жизни такихъ людей, какъ Кавелинъ—во многихъ отношеніяхъ есть исторія современнаго имъ общества. Пора съ богатыми матеріалами въ рукахъ начать говорить о его жизни, о его работахъ, пора представить въ связной картинѣ каждый трудовой годъ этого пахаря на нивѣ русскаго просвѣщенія и развитія. Пусть чья-нибудь талантливая рука начертитъ его образъ во всѣхъ подробностяхъ и передастъ читателю о его юныхъ годахъ, озаренныхъ уроками Бѣлинскаго, о его первыхъ шагахъ на ученомъ поприщѣ, о его вступленіи въ кружокъ—незабвенный и единственный въ своемъ родѣ—кружокъ Грановскаго, Кудрявцева, Бѣлинскаго и Герцена, куда недавній ученикъ и восторженный поклонникъ вошелъ какъ равный по праву ума, таланта и знанія. Пусть будущій біографъ разскажетъ, какъ, не будучи, по старому русскому выраженію, «духомъ перегибателенъ», Кавелинъ не остался въ сторонѣ, замкнувшись въ себя и въ свое оффиціальное дѣло, при одной домашней исторіи московскихъ профессоровъ, и возставъ на несогласную съ его убѣжденіями терпимость къ неприглядному житейскому явленію, вышелъ въ отставку. Пусть остановится онъ съ любовью на 1857 годѣ, который снова призвалъ Кавелина на каѳедру въ Петербургъ и далъ ему, кромѣ слушателей студентовъ, еще одного, юнаго, надъ царственной головою котораго вились самыя свѣтлыя надежды. Обратясь къ носившемуся тогда надъ Россіею, какъ благовѣстъ съ высоты престола, призыву совлечь съ себя «иго рабства», этотъ біографъ долженъ будетъ указать на горячую и благородную дѣятельность Кавелина по отношенію къ вопросу освобожденія крестьянъ, о которой мы говорили, — указать на его рѣчь на извѣстномъ московскомъ обѣдѣ 28-го декабря 1857 г., въ которой такъ ясно и возвышенно опредѣлена культурно-историческая роль дворянства, и на его знаменитую упомянутую выше записку, гдѣ, безъ колебаній и недомолвокъ, съ трезвою рѣшительностью была впервые категорически выражена мысль о необходимости свободы *съ надѣломъ*, — мысль, возбудившая гоненіе на автора и осуществленная однако чрезъ два года, какъ неизбѣжный исходъ... И долгіе годы со времени вторичнаго оставленія каѳедры до самой кончины дадутъ богатый матеріалъ біо-

графу для изображенія того, какъ этотъ выдающійся человѣкъ, поставленный въ самую скромную служебную обстановку, умѣлъ всецѣло, словомъ и дѣломъ, служить родинѣ во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ организаціи и измѣненія ея внутренняго строя и сѣять «разумное, доброе, вѣчное», то какъ изслѣдователь народнаго быта, то какъ юристъ, то какъ мыслитель и тонкій мастеръ слова. Глубина его знаній, блескъ его ума и способность отдаваться всякому предпринятому труду всѣмъ своимъ существомъ проявятся ярко и выпукло при серьезномъ разборѣ его сочиненій.

Послѣдній годъ своей жизни Кавелинъ проводилъ также бодро, какъ и предшествовавшіе. Ему было 66 лѣтъ (онъ родился въ 1818 году, въ одинъ годъ съ Императоромъ Александромъ II, Тургеневымъ и Николаемъ Милютинымъ), но здоровый въ существѣ своемъ и крѣпкій организмъ мало поддавался вліянію старости. А душа—оставалась молода и воспріимчива, какъ будто для нея время пріостановило свой полетъ. Казалось, что ему суждено еще долго свѣтить обществу и грѣть окружающихъ. Но именно такія-то натуры и надламываются сразу... 22 апрѣля 1885 г. онъ простудился, посидѣвъ на скамейкѣ Румянцевскаго садика и не замѣчая, въ оживленной бесѣдѣ съ покойнымъ профессоромъ Градовскимъ, пронизывающаго вѣтра коварной петербургской весны. Началось воспаленіе легкихъ и вскорѣ сильный бредъ указалъ на надвигающуюся смерть. Но и въ предсмертномъ бреду его осаждали представленія общественнаго свойства, а приходя въ себя, онъ спрашивалъ: «что политика?» и возвращался къ тревожившей его мысли о выходѣ Россіи изъ англо-русскаго конфликта безъ ущерба для ея національнаго достинства. 3-го мая, несмотря на старанія лучшихъ врачей и нѣжный уходъ близкихъ, однимъ изъ благороднѣйшихъ и глубоко просвѣщенныхъ русскихъ людей стало меньше. Жизнь, полная труда, безупречная по своей чистотѣ, богатая по своему вліянію, прекратилась. На краю его могилы сошлись представители разнообразныхъ слоевъ общества, люди разныхъ положеній и, что главное, разныхъ, раздѣленныхъ десятками лѣтъ поколѣній. И старый, близкій, въ свою очередь, къ концу «человѣкъ сороковыхъ годовъ», и бывшій петербургскій студентъ начала «шестидесятыхъ годовъ», и мировой посредникъ «перваго призыва», и военный юристъ «восьмидесятыхъ годовъ» и писатель, и ученый, и художникъ и бѣднякъ изъ Андреевскаго прихода пришли внушительной процессіею, пестрою по составнымъ частямъ, единой по чувству, проводить его прахъ. И въ томъ, что каждый изъ нихъ, независимо отъ сознанія общей утраты, могъ по своему, лично скорбѣть о Кавелинѣ и вспоминать о немъ какъ объ учителѣ, совѣтникѣ, другѣ, помощникѣ—выразилась особенность его незабвенной для знавшихъ его личности.

Эта смерть причинила невознаградимую потерю всему русскому обществу. Въ полномъ обладаніи умственныхъ и нравственныхъ силъ сошелъ въ могилу одинъ изъ его лучшихъ представителей. Онъ разстался съ жизнью въ то время, когда его вѣское слово и цѣльный характеръ еще могли бы не разъ послужить и благотворнымъ примѣромъ, и высокимъ нравственнымъ поученіемъ... Но еще большій ударъ былъ нанесенъ его отходомъ кругу его старыхъ друзей. Замолкла въ немъ навсегда живая рѣчь и задушевный смѣхъ Кавелина, — прекратились оживленные споры и дружескія, шутливыя пререканія... У тѣхъ, кто встрѣчалъ Кавелина въ послѣдніе годы его жизни въ кругу его друзей, никогда ве изгладится въ сердцѣ симпатичный образъ старика, полнаго юношеской энергіи и молодости мысли и чувства. И теперь, оканчивая эти строки, я невольно вспоминаю Кавелина въ декабрѣ 1877 года, вечеромъ, въ день похоронъ Некрасова. Большой поклонникъ покойнаго поэта, любившій его «за каплю крови общую съ народомъ», онъ умѣлъ такъ настроить и направить довольно многочисленный кружокъ, что весь вечеръ всецѣло былъ посвященъ памяти усопшаго — и всѣ, въ растроганномъ настроеніи, внимали, какъ Кавелинъ съ влажными глазами и слегка дрожащимъ голосомъ читалъ «Тишину» и

«Несчастныхъ»... Или вспоминается одинъ споръ,—горячій споръ о любимыхъ поэтахъ—между нимъ и Тургеневымъ въ послѣдній его пріѣздъ. Тургеневъ преклонялся предъ Пушкинымъ, какъ Кавелинъ предъ Петромъ, и говорилъ о немъ съ увлеченіемъ, съ гордымъ одушевленіемъ, ревниво ограждая его отъ сопоставленія наравнѣ съ Лермонтовымъ, котораго, въ свою очередь, чрезвычайно любилъ и ставилъ на большую высоту Кавелинъ, имѣвшій, къ слову сказать, въ своихъ жилахъ общую съ нимъ шотландскую кровь. Давно ожиданный и отчасти даже подготовленный споръ возгорѣлся и доставилъ слушателямъ высокое, несравненное и неповторяемое наслажденіе... Оба противника остались при своемъ—и разошлись усталые, взволнованные, пожавъ другъ другу руку въ послѣдній разъ...

Они встрѣтились вновь за одною общею могильною оградою, въ сѣромъ, сыромъ и уныломъ пантеонѣ русскихъ ученыхъ и литературныхъ дѣятелей, именуемомъ Волковымъ кладбищемъ. Рядомъ съ тонкимъ художникомъ, всю жизнь проводившимъ просвѣтительныя идеи, успокоился неустанный боецъ за эти же идеи, до конца не сложившій оружія живого слова и науки. Оба они много послужили своей странѣ, — оба горячо вѣрили въ ея свѣтлое, счастливое будущее... Хотѣлось бы надѣяться, что настанетъ время, когда представители будущихъ поколѣній, придя поклониться ихъ могиламъ, будутъ имѣть право сказать: ваша вѣра не обманула васъ!..

А. Ѳ. Кони.

7-го декабря
1898 г.

НАУКА, ФИЛОСОФІЯ
И
ЛИТЕРАТУРА.

СВОБОДА ПРЕПОДАВАНІЯ И УЧЕНІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ.

Посреди множества вопросовъ, относящихся къ народному образованію, одинъ, по своей важности, возобновляется особенно часто и почти періодически дѣлается предметомъ новыхъ, страстныхъ преній. На какихъ основаніяхъ и какъ слѣдуетъ устроить высшее образованіе? — вотъ этотъ спорный вопросъ. Онъ уже тянется Богъ знаетъ сколько времени и до сихъ поръ все еще не рѣшенъ окончательно. Правда, что и рѣшить его чрезвычайно трудно. Высшее образованіе находится въ самой тѣсной связи со всѣми важнѣйшими сторонами народной жизни и имѣетъ на нихъ очень сильное вліяніе; неудивительно, что всякое общественное явленіе, въ свою очередь, тотчасъ же отражается на немъ и каждый разъ оказываетъ огромное вліяніе на его устройство. Можно сказать безъ преувеличенія, что исторія разныхъ мнѣній объ университетахъ и ихъ организаціи едва ли не всего лучше, всего отчетливѣе передаетъ сознаніе современниковъ о ходѣ и результатахъ общественнаго развитія.

Западно-европейскій міръ придумалъ до сихъ поръ для этого вопроса два рѣшенія, столько же между собою различныя, какъ различны этнографическія, религіозныя и общественныя характеристики двухъ группъ, посреди которыхъ возникли эти рѣшенія. По идеалу романо-католическихъ государствъ университеты должны приготовлять молодыхъ людей спеціально къ извѣстнаго рода общественной, практической дѣятельности. Потребности государства и общества опредѣляютъ, что̀ именно должно преподавать студентамъ, въ какой мѣрѣ и въ какомъ порядкѣ. При такомъ взглядѣ, педагогическая сторона вопроса господствуетъ почти исключительно. Преподаватели и учащіеся подчинены извѣстнымъ общимъ правиламъ, дѣятельность ихъ опредѣлена, разсчитана, размѣрена заранѣе, математически точно, чтобы не могло быть уклоненій отъ указанной цѣли. Для развитія науки, которое, при такомъ устройствѣ, не можетъ имѣть мѣста въ университетахъ, существуютъ особыя учрежденія—ученыя академіи, въ которыхъ она по преимуществу и сосредоточивается. По нѣмецко-протестантскому взгляду университеты —центры, хранители, главные органы науки. Она преподается здѣсь и теоретически, и практически, смотря по тому, какъ нужно для лучшаго ея усвоенія учащимися, но при этомъ не имѣется въ виду приготовить спеціалистовъ по той или другой части. Изъ такого взгляда вытекаетъ рядъ совсѣмъ иныхъ послѣдствій, чѣмъ изъ романо-католическаго. Наука безъ свободнаго изслѣдованія не существуетъ, а при свободѣ изслѣдованія непремѣнно являются разныя мнѣнія и взгляды на одинъ и тотъ же предметъ. Преподаваніе, не имѣя непосредственной практической цѣли, не имѣетъ и нужды въ опредѣленной программѣ. Точно такъ же и по той же причинѣ и ученіе не нуждается въ предписанномъ планѣ, въ предуставленной формѣ. Наука, знаніе необходимы для каждаго; въ какомъ бы положеніи онъ ни находился, какую бы

практическую дѣятельность ни выбралъ, она всегда, во всякомъ случаѣ, будетъ ему пригодна. Оттого, въ отношеніи къ преподаванію и ученію нѣтъ ни для профессоровъ, ни для студентовъ никакихъ обязательныхъ правилъ; первые, по крайнему разумѣнію, преподаютъ, послѣдніе, по крайнему же разумѣнію, пользуются преподаваніемъ. Педагогическая сторона, разумѣется, есть, потому что есть ученіе, но она не обусловлена практическими общественными цѣлями. На первомъ планѣ стоитъ въ университетахъ наука и ея изученіе; слѣдовательно, въ особыхъ центрахъ для ея разработки внѣ университетовъ нѣтъ настоятельной надобности.

Между этими двумя взглядами и направленіями колеблется устройство западно-европейскихъ высшихъ учебныхъ заведеній, склоняясь то въ ту, то въ другую сторону. До сихъ поръ не найдено еще нормы, которая бы сколько-нибудь удовлетворительно соглашала двѣ, столько различныя системы. И не мудрено. Одна представляетъ въ области науки и ученія авторитетъ и власть, другая индивидуальную свободу,—два начала, которыя пока нигдѣ, ни въ чемъ, не приведены еще къ единству и гармоніи, хотя совершенно очевидно, что они не могутъ и не должны исключать другъ друга, и хотя уже есть предчувствіе, что соглашеніе ихъ будетъ найдено. Говоря совершенно безпристрастно, нельзя не признать, что оба взгляда и основанныя на нихъ системы университетской организаціи коренятся не въ однѣхъ историческихъ особенностяхъ, но въ самомъ существѣ человѣческой природы, что оба имѣютъ свои достоинства и свои недостатки. Еслибы рѣчь шла о теоретической ихъ оцѣнкѣ, то въ пользу и противъ той и другой можно бы сказать очень многое; но такая оцѣнка не входитъ въ планъ настоящей статьи. Насъ естественно занимаетъ практическая сторона вопроса и именно въ настоящее время. Въ статьяхъ о французскомъ университетѣ мы старались возможно подробно ознакомить читателей съ главными началами романо-католической организаціи высшихъ учебныхъ заведеній и съ ея практическими результатами [1]). Во Франціи, начало авторитета и власти проведено съ большою послѣдовательностью въ устройствѣ факультетовъ и высшихъ школъ, и притомъ не какъ теоретически самое вѣрное, а какъ практически самое полезное. Французское правительство думало найти въ такой организаціи лучшее, надежнѣйшее средство для искорененія въ самомъ зародышѣ ядовитой революціонной мысли, для подавленія вредныхъ ученій, для обузданія учащейся молодежи. Но результаты этой системы мы знаемъ; они совсѣмъ не тѣ, какіе ожидались. Эта система потребовала отъ Франціи великихъ жертвъ, отняла у нея свободу науки, мысли, преподаванія, ученія, а пользы, какую сулила, не принесла. Профессоры, съ свободой слова, утратили и вліяніе; ихъ дѣйствіе на молодыхъ людей не улучшилось, а исчезло; французское юношество не стало образованнѣе и нравственнѣе, даже въ полицейскомъ смыслѣ не сдѣлалось благонадежнѣе. Чтобы изъ учащейся молодежи могли вырабатываться честные, спокойные граждане, она должна получать основательное и многостороннее высшее образованіе; а гдѣ, въ какой французской школѣ оно теперь дается?

Неудовлетворительные практическіе результаты романо-католической системы давно уже заставили лучшіе умы Франціи обратиться къ нѣмецко-протестантской свободѣ преподаванія и ученія, которая существуетъ цѣлыя столѣтія, дала блистательные результаты, уживалась и уживается съ самыми различными политическими порядками, — мало того, поддерживалась и охранялась нѣмецкими государями и владѣтелями самыхъ различныхъ направленій и, слѣдовательно, оказалась на дѣлѣ вездѣ совмѣстимой съ государственными учрежденіями и законами общественнаго благоустройства. Уклоненіе университетскихъ профессоровъ и студентовъ отъ прямого пути, участіе тѣхъ и другихъ въ политическихъ движеніяхъ, конечно бывали и въ Германіи, но если сравнить ихъ съ такими же уклоненіями во Франціи, то и въ этомъ отношеніи заключеніе будетъ очень благопріятно для нѣмецкой протестантской системы. Наконецъ, весьма замѣчательно, что въ политическихъ движеніяхъ наибольшее участіе принимали студенты тѣхъ университетовъ, которыхъ устройство болѣе склонялось къ романо-католическому образцу.

Къ сожалѣнію, надобно сознаться, что за немногими лишь исключеніями, вообще говоря, о нѣмецкой свободѣ преподаванія и ученія распространены очень неясныя и ошибочныя представленія. Недоразумѣнія пло-

[1]) См. ниже: Письмо изъ Парижа.

дятся около этого важнаго предмета особливо съ тѣхъ поръ, какъ на него друзья и враги стали смотрѣть съ политической точки зрѣнія и придали ему политическое значеніе, котораго онъ, по своей сущности, не имѣетъ и имѣть не можетъ. Много произошло отсюда зла. Теоретически предметъ самъ по себѣ очень ясный былъ запутанъ и затемнился; практическія послѣдствія были гораздо хуже: получивъ несвойственную ему политическую окраску, свобода преподаванія и ученія, съ одной стороны, возбудила противъ себя предубѣжденія, которыхъ, сама по себѣ, не заслуживаетъ, а съ другой—сдѣлалась орудіемъ въ рукахъ политическихъ партій. Результатомъ было, что она стала идеализироваться или въ хорошемъ, или въ дурномъ смыслѣ, при чемъ не безъ умысла отводятся глаза или отъ ея дурныхъ, или отъ ея хорошихъ сторонъ, какъ будто есть на свѣтѣ хоть одно учрежденіе, которое бы рядомъ съ хорошимъ не имѣло въ себѣ дурного, или рядомъ съ дурнымъ—хорошаго, какъ будто, говоря объ учрежденіяхъ, можно мечтать о безусловномъ совершенствѣ, или о безусловной негодности. Когда вопросъ попадетъ разъ въ такую несчастную колею, нѣтъ больше мѣста для безпристрастнаго, спокойнаго обсужденія и для справедливой оцѣнки, какая изъ разныхъ системъ, въ данное время, при данныхъ обстоятельствахъ, при извѣстной обстановкѣ, есть относительно самая лучшая, т.-е. приноситъ, сравнительно съ другими, наиболѣе пользы и наименѣе вреда.

Чрезвычайная практическая важность вопроса объ устройствѣ университетовъ, особенно для насъ и въ настоящую минуту, дѣлаетъ теперь болѣе чѣмъ когда-либо необходимымъ глубже вникнуть въ нѣмецко-протестантскую свободу преподаванія и ученія, понять ее въ ея сущности, устранивъ то призрачное, обманчивое освѣщеніе, которое, искажая ее, вредитъ ей во всѣхъ отношеніяхъ. Мы убѣждены, какъ и многіе, что въ наше время свобода науки, мысли, преподаванія и ученія есть единственно правильное начало университетской организаціи; но именно потому, что ее часто ошибочно объясняютъ и примѣняютъ, мы считаемъ совершенно необходимымъ точно опредѣлить, въ чемъ же именно состоитъ эта свобода, гдѣ ея границы, безъ которой нѣтъ ни одной свободы въ мірѣ, какъ она приложена къ государственнымъ и общественнымъ установленіямъ тѣхъ странъ, гдѣ существуетъ; на какихъ предположеніяхъ основана, иначе сказать, при какихъ условіяхъ возможна; какія ея слабыя стороны; какого рода уклоненія наталкиваютъ ее на опасности и подводные камни, о которые она разбивается. Мы выскажемъ все, какъ видимъ и понимаемъ, въ убѣжденіи, что одна только полная, совершенная правда, безъ полемическихъ умолчаній и риторическихъ прикрасъ, можетъ быть полезна для дѣла свободы мысли, науки, ученія; что одна только безпристрастная правда и въ состояніи разсѣять недоразумѣнія и предубѣжденія, мѣшающія этого рода свободѣ водвориться всюду.

I.

Всѣмъ извѣстно, что такое *свобода преподаванія*, но немногіе знаютъ, какое спеціальное, техническое значеніе имѣетъ это выраженіе въ примѣненіи къ педагогической дѣятельности университетскихъ профессоровъ въ Германіи.

Начнемъ съ ограниченій этой свободы. Ознакомившись съ ними, легче будетъ опредѣлить положительную ея сторону; она сама собою выступитъ тогда въ ясныхъ чертахъ.

Университеты существуютъ въ государствѣ и обществѣ, слѣдовательно посреди множества самыхъ разнообразныхъ условій, политическихъ и общественныхъ. Только соблюдая ихъ, становясь съ ними въ извѣстное гармоническое сочетаніе, университеты возможны и терпимы. Что, слѣдовательно, профессоръ на каѳедрѣ, какъ всякій другой членъ общества, обязанъ подчиняться дѣйствующимъ въ немъ постановленіямъ и политическому порядку дѣлъ,—это очевидно; что профессоръ, который бы вздумалъ возбуждать съ каѳедры политическія страсти, внушать неповиновеніе властямъ и законамъ, проповѣдывать ненависть къ сословіямъ или вѣрованіямъ, тотчасъ же былъ бы удаленъ изъ университета Германіи, какъ и всюду, — объ этомъ едва ли стоитъ упоминать, такъ это само по себѣ ясно; никакое общество, никакое правительство въ мірѣ не могли бы потерпѣть такого профессора.

Но профессоръ существуетъ въ Германіи и не для того, чтобы оправдывать, защищать, поддерживать дѣйствующія въ странѣ постановленія, устройство, или господствующія убѣжденія, — и это вводитъ насъ ближе въ его роль и призваніе: нѣмецкій профессоръ

на каѳедрѣ не есть политическое лицо, политическій дѣятель, ни въ отрицательномъ, ни въ положительномъ, ни въ хорошемъ, ни въ дурномъ смыслѣ слова. Онъ органъ науки, ея изслѣдователь и толкователь; наукою и ея изложеніемъ очерчивается и ограничивается весь кругъ его дѣятельности на каѳедрѣ. Всякій выходъ за эту черту въ міръ непосредственнаго практическаго дѣйствія, хотя бы съ самою благонамѣренною цѣлью, хотя бы подъ наитіемъ самаго благороднаго образа мыслей, есть, со стороны профессора, нарушеніе обязанностей, отступленіе отъ существеннаго характера профессуры.

Что профессоръ не есть политическій дѣятель, это всего яснѣе видно изъ его оффиціальнаго положенія. Въ Германіи, какъ и вездѣ, онъ опредѣляется и увольняется правительствомъ, получаетъ отъ него жалованье и имѣетъ извѣстныя обязанности по своей должности; словомъ, профессоръ въ Германіи —чиновникъ по части университетскаго преподаванія.

Тѣмъ, которые бы нашли различеніе собственно такъ называемой практической дѣятельности отъ ученой и педагогической слишкомъ искусственнымъ, игрою словъ, мы укажемъ на факты изъ дѣйствительной жизни. Священникъ и богословъ, адвокатъ и ученый юристъ, фабрикантъ и ученый технологъ — совсѣмъ не одно и то же, именно потому, что дѣятельность практическая и дѣятельность теоретическая — совершенно разныя, отличающіяся одна отъ другой не только на словахъ, но и на самомъ дѣлѣ.

Въ строгомъ различеніи ученаго изслѣдованія и педагогической дѣятельности отъ политической и практической и скрывается ключъ къ правильному разумѣнію свободы преподаванія въ Германіи. Благодаря этому различенію основалась и до сихъ поръ существуетъ здѣсь свобода науки и мысли. Стоитъ припомнить исторію нѣмецкихъ университетовъ, чтобы въ этомъ убѣдиться: каждый разъ, когда это различеніе забывалось, за уклоненіемъ университетовъ изъ сферы теоріи и науки въ практическую дѣятельность слѣдовали болѣе или менѣе продолжительныя ограниченія и стѣсненія свободы мысли и преподаванія. Послѣдняя обезпечивается и охраняется здѣсь не юридическими или политическими гарантіями, а тѣмъ, что она держится исключительно въ сферѣ науки, теоріи, и не переходитъ въ практическую дѣятельность. Въ Германіи всѣ, отъ мала до велика, знаютъ, что мысль вольна какъ воздухъ, что ее нельзя вдвинуть въ рамки; каждый убѣжденъ, что она полезна, потому что выясняетъ всякій предметъ, со всѣхъ сторонъ; что поэтому ей надо дать всевозможный просторъ, безъ котораго она жить не можетъ; но столько же твердо убѣжденъ каждый, что съ той минуты какъ мысль переходитъ въ дѣло, она подпадаетъ подъ общія постановленія, охраняющія законы, тишину и порядокъ въ обществѣ. Если мысль становится практическимъ дѣятелемъ, грозящимъ законамъ и спокойствію страны, то находятъ естественнымъ, что она обращается въ предметъ разсмотрѣнія уголовныхъ судовъ, которые и рѣшаютъ, слѣдуетъ ли приравнять ее къ умыслу или винѣ; а затѣмъ предупредительная полиція дѣлаетъ свое дѣло, т.-е. принимаетъ мѣры, чтобы такой опасный предметъ, во избѣжаніе дальнѣйшаго зла, обращался въ обществѣ со всѣми необходимыми предосторожностями. Все это въ Германіи твердо знаютъ и профессоръ, и студентъ, какъ физіологическіе законы человѣческихъ обществъ, которые дѣйствовали, дѣйствуютъ и будутъ дѣйствовать, пока міръ стоитъ.

Но гдѣ же, спросятъ насъ, граница, отдѣляющая ученое изслѣдованіе и преподаваніе строгой науки отъ политической и практической дѣятельности? Мысль и дѣло, теорія и практика,—развѣ это не двѣ стороны одной и той же медали? Если наука не есть одно пріятное, но совершенно пустое и безполезное препровожденіе времени, то она, разумѣется, обратится къ изслѣдованію живыхъ современныхъ вопросовъ и при полной свободѣ можетъ придти къ результатамъ, несогласнымъ съ современною дѣйствительностью. Что-жъ, неужели правительства могутъ позволить профессорамъ высказывать съ каѳедры такіе результаты? Если нѣтъ, то гдѣ же свобода преподаванія? А если предположить, что правительства дозволятъ это, то какое вліяніе можетъ имѣть такая свобода на молодыя поколѣнія? Для нихъ не существуетъ и не можетъ существовать разницы, а слѣдовательно и разграничительной черты между теоріей и практикой; если выводы профессора, отрицательно относящіеся къ современности, найдутъ въ слушателяхъ большое сочувствіе, то они тотчасъ же постараются перевести эти выводы въ дѣйствительную жизнь, осуществить ихъ на дѣлѣ и этимъ бу-

дутъ поставлены во враждебное отношеніе къ современному порядку дѣлъ. Этого никакое въ мірѣ правительство допустить не можетъ и будетъ вынуждено прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ. И такъ, вмѣсто того, чтобы жертвовать юношами, правительства принуждены будутъ подрѣзать зло въ самомъ корнѣ и ограничить свободу университетскаго преподаванія, въ которомъ собственно и скрывается настоящая причина зла. Ни одно правительство не можетъ не придти, рано или поздно, къ такому заключенію. Выходитъ, что такъ или иначе, а свобода преподаванія неосуществима, или она — жалкая игра словъ, насмѣшка надъ дѣйствительной свободой науки и мысли.

Къ этимъ соображеніямъ прибавляется еще много другихъ. Въ Германіи, говорятъ одни, свобода науки и преподаванія терпѣлась правительствами по недоразумѣнію, потому только, что они не могли ни предвидѣть, ни предугадать, куда она поведетъ, когда окрѣпнетъ и пуститъ глубокіе корни; послѣ же, когда они спохватились и замѣтили, что принесла эта свобода, было уже поздно: зло такъ развѣтвилось и усилилось, что съ нимъ нельзя было больше справиться. Теперь свобода преподаванія терпится не по убѣжденію, а по необходимости, потому что ее ужъ одолѣть нельзя.

Такъ называемая свобода мысли, науки, преподаванія, говорятъ другіе,—не болѣе какъ маска, за которой скрываются самые преступные замыслы. Сначала они являются подъ разными благовидными предлогами, чтобы усыпить вниманіе правительствъ и получить въ тихомолку право гражданства. Послѣ маска снимается. Вся европейская исторія съ конца XVIII вѣка достаточно показываетъ, что значитъ свобода мысли, науки, переведенная на простой языкъ.

Такимъ образомъ, противники свободы университетскаго преподаванія основываютъ свои выводы больше всего на томъ, что невозможно размежевать научную и педагогическую дѣятельность съ политической и практической. Какъ будто въ подкрѣпленіе ихъ опасеній очень многіе друзья свободы мысли и науки твердятъ, что нѣмецкая ученость, отвлеченная отъ жизни, никуда не годится, что мысль, наука, сами по себѣ, отдѣльно отъ дѣйствительной жизни — нелѣпость, педантизмъ, схоластика, и требуютъ, чтобы онѣ тотчасъ же переходили въ жизнь, становились изъ теоретическихъ практическими, отказываютъ имъ въ уваженіи, участіи и достоинствѣ, если онѣ не высказываютъ нетерпѣнія всѣ свои выводы, каковы бы они ни были, тотчасъ же осуществить на дѣлѣ.

При такомъ взглядѣ и противниковъ, и друзей, свобода науки и преподаванія, разумѣется, невозможна. Мысль—выскажемъ это прямо и смѣло, не боясь выводовъ и нареканій, которымъ наши слова могутъ подать поводъ—въ первыхъ своихъ пріемахъ всегда, неизбѣжно, имѣетъ разлагающее свойство; самая этимологія словъ *раз-суждать, разбирать*, показываетъ, что она необходимо начинаетъ съ анализа, съ разъятія предмета на части. Къ этому надобно еще прибавить другую характеристическую черту: мысль всегда, непремѣнно является въ безчисленныхъ формахъ, высказывающихъ о предметѣ или различныя, или противоположныя сужденія,— истину или ложь, всего чаще истину съ примѣсью лжи, или ложь съ примѣсью истины. Ложь составляетъ такую же необходимую, органическую принадлежность мысли, какъ истина, и чѣмъ разнообразнѣе и полнѣе выражается и та, и другая, тѣмъ больше, лучше выясняется предметъ. Нѣчто подобное представляетъ впрочемъ и природа, выводя рядомъ съ нормальными типами безчисленное множество уродливостей, по извѣстнымъ правильнымъ законамъ. То же и дѣйствительная жизнь; рядомъ съ добромъ существуетъ, переплетаясь съ нимъ, въ безконечныхъ правильныхъ сочетаніяхъ, зло — уродливости нравственнаго и общественнаго міра, живущіе какъ будто для того только, чтобы ни одна возможность, ни одно сочетаніе не остались неосуществленными. Если, при характеристическихъ свойствахъ начинать съ разложенія и рядомъ съ истиной плодить въ мірѣ ложь, мысль должна тотчасъ же, непосредственно переходить въ дѣло и осуществлять всѣ безъ различія свои выводы въ дѣйствительной практической жизни, то о свободѣ изслѣдованія и преподаванія не можетъ быть рѣчи, и не для чего ломать себѣ голову надъ отысканіемъ разграничительной черты между теоріей и практикой, между ученымъ изслѣдованіемъ и попыткой перевести мысль въ жизнь, между выводомъ науки и совѣтомъ или воззваніемъ къ дѣйствію: юридически этой черты опредѣлить нельзя, и потому никакая, самая утонченная юридическая казуистика тутъ не поможетъ. Какъ опредѣлить,

по внѣшнимъ даннымъ, остается ли профессоръ въ границахъ науки или вышелъ изъ нихъ, когда даже при всевозможныхъ стѣсненіяхъ всегда можно передать свою мысль въ полусловахъ, въ намекахъ, въ игрѣ физіономіи, словомъ, въ тѣхъ безчисленныхъ, неуловимыхъ мелочахъ, которыя не поддаются ни подъ какую осязательную, точную оцѣнку? Вотъ почему тамъ, гдѣ наука и преподаваніе получили политическій и практическій характеръ, гдѣ, вслѣдствіе того, возникаетъ вопросъ, въ какой мѣрѣ такое направленіе можетъ быть допущено и терпимо, тамъ окончательный исходъ ясенъ заранѣе впередъ: свобода изслѣдованія, мысли, преподаванія, рано или поздно, исчезнутъ, а съ ними вмѣстѣ погибнетъ и наука. Это вѣрно какъ смерть. Если наука и преподаваніе не могутъ не имѣть непосредственныхъ практическихъ цѣлей, то при ихъ свободѣ никакъ нельзя юридически помѣшать, чтобы разлагающіе, разрушительные элементы, ложныя и крайнія ученія, не водворялись въ практической жизни, а свободнаго ихъ проникапія въ жизнь не можетъ потерпѣть никакое общество. Еслибы оно даже и рѣшилось на это, то сама жизнь, сила вещей, принудитъ его, рано или поздно, перемѣнить взглядъ, потому что при такихъ условіяхъ общество существовать не можетъ. И такъ, если мысль, по своей природѣ, никакъ не въ состояніи воздержаться отъ немедленнаго, непосредственнаго осуществленія, то друзья свободы науки и преподаванія гоняются за мечтой; прочное водвореніе и господство такой свободы немыслимо; можно утѣшать себя развѣ временными, случайными ея вспышками; нынче, завтра и даже послѣ завтра она будетъ терпима, пожалуй даже, здѣсь и тамъ, по недоразумѣнію, поощряема; но въ окончательномъ результатѣ, такія удачи, явныя, терпимыя и покровительствуемыя, или тайныя, въ видѣ контрабанды, неминуемо приведутъ къ разрыву между мыслью и дѣйствительною жизнью, а затѣмъ послѣдуетъ гибель свободы, въ неравной борьбѣ съ общественными потребностями и физіологическими законами общежитія.

И такъ, вопросъ о свободѣ преподаванія сводится къ другому, болѣе общему: какъ могутъ и должны относиться другъ къ другу наука и жизнь, теорія и практика, дѣятельность мысли и дѣятельность воли? Что они находятся въ тѣснѣйшей связи между собою —это очевидно. Но эта связь есть ли необходимо, неизбѣжно прямая, непосредственная? Въ природѣ ли вещей, чтобы всякая мысль непремѣнно переходила въ практическую жизнь въ томъ видѣ, какъ она вырабатывается въ головѣ, или такое непосредственное осуществленіе всякой мысли есть недоразумѣніе, ошибка, слѣдствіе неправильнаго понятія о природѣ и свойствахъ мысли и неумѣнья съ нею обращаться? Вопросъ этотъ не можетъ быть обойденъ, потому что въ немъ вся сила. Если мысль и дѣло непосредственно между собою связаны, если мысль, по своей природѣ, должна непосредственно же осуществляться, то нѣмецкая свобода преподаванія есть счастливое, но странное исключеніе изъ общаго правила, своего рода уродливость, которая не можетъ служить образцомъ и примѣромъ для другихъ народовъ; но въ такомъ случаѣ и нѣмецкая наука, вся сосредоточенная въ теоріи, въ разработкѣ теоретической истины, есть не болѣе какъ національная особенность нѣмецкаго племени, пригодная только для него и ни для какого другого; если же такой непосредственной связи между мыслью и дѣйствіемъ нѣтъ и не должно быть, по самому существу ихъ, если самая природа мысли и дѣятельности разграничиваетъ ихъ на двѣ различныя, самостоятельныя области, тогда дѣло представляется совсѣмъ въ иномъ видѣ; тогда свобода преподаванія возможна всюду; тогда теоретическій характеръ науки и преподаванія есть единственно правильный, потому что только онъ одинъ обезпечиваетъ ихъ свободу; тогда мы должны будемъ признать, что нѣмцы, отдѣливъ рѣзкой чертой мысль отъ дѣйствія, сдѣлали геніальное открытіе, совершили великое дѣло, которое никогда не забудется; созданная ими свобода профессуры будетъ такимъ же безсмертнымъ образцомъ для послѣдующихъ поколѣній, какъ греческое искусство и римское право.

Мы глубоко убѣждены, вопреки и врагамъ, и многимъ друзьямъ свободы науки и преподаванія, что рѣзкая разграничительная черта между мыслью и дѣломъ существуетъ и должна существовать, хотя ее и нельзя опредѣлить юридически, хотя она и мѣняется, смотря по времени, обстоятельствамъ и другимъ безчисленнымъ условіямъ, посреди которыхъ совершается общественная жизнь; что эта граница существуетъ не вслѣдствіе одной внѣшней необходимости или случайности, ко-

торымъ надо подчиниться поневолѣ, а по самому существу и характеристическимъ свойствамъ теоретической и практической дѣятельности, и потому можетъ быть принята сознательно, какъ естественный выводъ изъ общихъ, неизмѣнныхъ данныхъ человѣческой природы. Почему сознаніе этой разграничительной черты въ наше время такъ слабо, почему самыя противоположныя направленія такъ дружно работаютъ надъ искорененіемъ и этого слабаго сознанія—здѣсь изслѣдовать не мѣсто. Замѣтимъ только, что доводы, которыми опровергается ея существованіе и необходимость, обнаруживаютъ удивительное смѣшеніе понятій, глубокое непониманіе существа мысли и воли.

Напомнимъ прежде всего, что между теоретической и практической дѣятельностью существуетъ дѣйствительная и очень большая разница. Обѣ подходятъ къ одному и тому же предмету съ двухъ совершенно разныхъ сторонъ и съ совершенно разными цѣлями, такъ что различіе ихъ бросается въ глаза. Мы относимся къ предмету теоретически, когда стараемся узнать его, каковъ онъ самъ по себѣ, т.-е. опредѣлить основныя его начала, характеристическія черты, сущность; и практически, когда хотимъ сдѣлать изъ него то или другое примѣненіе согласно съ нашею волею, желаніями, намѣреніями и цѣлями. Поэтому, мы относимся къ предмету практически не только, когда съ нимъ что-нибудь дѣлаемъ или предпринимаемъ, но и когда изучаемъ съ той только стороны, въ томъ только отношеніи, настолько, насколько намъ необходимо его знать, чтобы можно было распорядиться съ нимъ такъ или иначе, согласно съ нашими видами, и наоборотъ— мы относимся къ предмету теоретически, когда вникаемъ въ него, каковъ онъ по своей природѣ, стараемся понять его существо, всѣ его качества и свойства, хотя бы и имѣли затѣмъ, въ отношеніи къ нему, какія-нибудь практическія цѣли. Отсюда ясно, что даже изученіе предмета, какъ оно ни кажется съ перваго взгляда исключительно теоретическою дѣятельностью, можетъ быть и теоретическимъ и практическимъ, смотря по тому, на что мы при этомъ обращаемъ вниманіе,— на предметъ самъ по себѣ, или на его примѣненія. Мы встрѣчаемъ это различеніе не только въ наукахъ политическихъ и общественныхъ, но и въ такъ называемыхъ положительныхъ, точныхъ. Математика есть чистая и прикладная, физика и механика дѣлятся на теоретическую и практическую; курсъ медицины и хирургіи также совсѣмъ не то, что курсъ медицинской и хирургической клиники.

Соотвѣтствуя двумъ существенно различнымъ потребностямъ человѣка—знать и дѣйствовать, теорія и практика, въ томъ числѣ и практическое изученіе, предполагаютъ различныя способности и имѣютъ каждая свою особую методу. Когда съ предметомъ нужно что-нибудь сдѣлать, онъ освѣщается съ той или другой стороны, тѣмъ или другимъ свѣтомъ, смотря по цѣли, какой предполагается достигнуть; предметъ оцѣняется не по тому, каковъ онъ самъ по себѣ, а по его отношенію къ нашимъ видамъ и намѣреніямъ; напротивъ, при теоретическомъ изученіи все должно быть направлено къ тому, чтобы узнать предметъ въ его настоящемъ, собственномъ свѣтѣ, изслѣдовать его, каковъ онъ самъ по себѣ, по своей сущности, независимо отъ всякихъ практическихъ и вообще какихъ бы то ни было постороннихъ соображеній. Оттого безпристрастіе справедливо считается главнымъ, первымъ условіемъ и достоинствомъ научнаго изслѣдованія; въ практическомъ дѣятелѣ, напротивъ, безпристрастіе можетъ быть большимъ недостаткомъ, потому что ведетъ къ неуспѣху предпріятія. Мы этимъ вовсе не хотимъ сказать, что практическій дѣятель всегда и непремѣнно долженъ быть пристрастенъ; цѣли его должны быть зрѣло, безпристрастно обдуманы; но когда онъ ихъ обдумываетъ, онъ относится къ нимъ теоретически, а не практически; практическая его дѣятельность начинается съ той минуты, когда онъ обдумываетъ средства для достиженія задуманной цѣли, когда начинаетъ осуществлять свою мысль. Тутъ безпристрастіе кончается—не къ лицамъ, о которыхъ мы не говоримъ, а къ предметамъ, къ фактамъ. Вотъ поэтому-то мы понимаемъ и находимъ естественными въ практическомъ дѣятелѣ страсть, негодованіе, любовь и ненависть; мы даже уважаемъ ихъ, восхищаемся ими, когда онъ преслѣдуетъ разумныя, благородныя, великія цѣли. Но страсти, перенесенныя въ теоретическое изученіе,—безобразны; онѣ находятся съ нимъ въ вопіющемъ противорѣчіи. Теоретическое изученіе допускаетъ одну только безпредметную страсть—стремленіе открыть, выяснить истину; результатомъ этой дѣятельности можетъ быть только истина или ложь,

которыя взвѣшиваются и оцѣняются одной теоретической же способностью — умомъ или разсудкомъ. Добро или зло производитъ практическая дѣятельность; только относясь къ предметамъ практически, мы можемъ ихъ любить или ненавидѣть, и потому, подвергая добро или зло теоретическому изслѣдованію, мы должны будемъ подавить въ себѣ и любовь, и ненависть, обратить добро и зло изъ нравственныхъ въ научные предметы; ибо насколько мы вносимъ въ науку любовь и ненависть, настолько искажается нормальное отправленіе нашихъ теоретическихъ способностей. Это вытекаетъ изъ самой сущности дѣла.

Говорятъ: если отдѣлить такимъ образомъ теорію отъ практики, то наука помертвѣетъ и опять обратится въ схоластику, безжизненную и безсмысленную. Но что̀ такое, спросимъ мы, живая наука? Неужели только та, которая преподаетъ, какъ смотрѣть на то или другое явленіе современной жизни и какъ слѣдуетъ къ нему относиться практически, или какъ практически лучше поступить съ тѣмъ или другимъ предметомъ въ данномъ случаѣ, при данныхъ обстоятельствахъ? Этого, конечно, никто не думаетъ; иначе пришлось бы вычеркнуть изъ числа живыхъ наукъ всѣ такъ называемыя теоретическія науки, въ томъ числѣ и чистую математику и философію, не говоря о множествѣ другихъ. Живая наука очевидно та, которая занимается дѣйствительными предметами и дѣйствительными вопросами, а не вертится въ кругу отвлеченностей и словопреній. Но между теоретическимъ изслѣдованіемъ дѣйствительности и практическимъ ея изученіемъ, какъ мы видѣли, большая разница. Послѣднее, естественно, будетъ больше обращаться къ современнымъ предметамъ и вопросамъ, потому что прошедшее не можетъ имѣть практическаго интереса; напротивъ, теоретическое изслѣдованіе имѣетъ предметомъ всю дѣйствительность, къ какому бы времени она ни относилась и хотя бы давно исчезла съ лица земли. Человѣкъ и природа очень стары и въ то же время всегда новы; каждый шагъ впередъ въ наукѣ, каждый прежде незамѣченный и неизслѣдованный фактъ открываетъ новыя стороны предметовъ и вопросовъ, которые казались окончательно выясненными и рѣшенными, и заставляютъ переизслѣдовать и перерѣшать ихъ снова. Эту дѣятельность, если она не есть пустое умничаніе и переливаніе изъ пустого въ порожнее, никто, мы думаемъ, не назоветъ мертвой, безсмысленной схоластикой, хотя бы въ ней не было и тѣни непосредственной практической полезности и примѣняемости, хотя бы факты, надъ которыми она работаетъ, не имѣли ровно никакого практическаго значенія. Такъ, упадокъ философіи въ наше время — одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ; но чтобы вполнѣ понять смыслъ его, чтобы рѣшить его правильно, невозможно ограничиться изученіемъ одной современной философской литературы и современныхъ направленій мысли; они ничего не откроютъ; надобно возвратиться далеко назадъ, провѣрить прежнія системы, переизслѣдовать снова задачи философіи; въ этихъ работахъ не будетъ ничего практическаго, ничего современнаго, но онѣ могутъ быть очень живыя. То же придется сказать объ отношеніи вѣры и знанія, свободы и авторитета, церкви и государства и множествѣ другихъ теоретическихъ вопросовъ. А сколько вопросовъ практическихъ и современныхъ, которыхъ безъ глубокаго теоретическаго изученія никакъ нельзя рѣшить? Экономическое положеніе какой-нибудь страны, ея администрація и устройство, роль и взаимное отношеніе различныхъ ея классовъ и общественныхъ слоевъ, судебныя учрежденія, финансы и проч. и проч., — все это живетъ и ежедневно вызываетъ множество практическихъ вопросовъ; но какая путаница, какой хаосъ выходитъ изъ ихъ практическаго рѣшенія, когда ему не предшествуетъ основательное теоретическое изученіе, — этому исторія представляетъ множество примѣровъ. И такъ, не однѣ практическія науки имѣютъ монополію быть живыми; и теоретическая дѣятельность можетъ быть живою или мертвою, смотря по тому, схватываютъ ли онѣ самую сущность задачи, вникаютъ ли глубоко въ предметъ, или ходятъ около, теряются въ мелочахъ, въ побочныхъ обстоятельствахъ и общихъ разсужденіяхъ, помимо настоящаго дѣла.

Требованіе, чтобы наука сдѣлалась практическою, есть отголосокъ очень вѣрной, но дурно понятой истины, что теорія и практика имѣютъ одинъ общій источникъ и одно общее основаніе. Теоретическая и практическая дѣятельность выходятъ изъ одной и той же человѣческой природы; предметъ, надъ которымъ онѣ работаютъ, — тоже одинъ, общій имъ, — это дѣйствительность. Наука не долж-

на костенѣть въ выработанныхъ однажды формулахъ и общихъ положеніяхъ, тѣшиться и любоваться ими, отрѣшившись отъ фактовъ, которые составляютъ единственно твердую ея почву; ими она должна безпрестанно повѣрять, обновлять, совершенствовать свои общіе выводы, къ нимъ должна ежеминутно возвращаться, иначе она поблекнетъ, потеряется въ общностяхъ, въ фантазіяхъ, обратится въ призрачный міръ, который мало-помалу отдѣлится отъ жизни и дѣйствительности, не будетъ имѣть съ ними ничего общаго и станетъ одностороннею, исключительною, недѣйствительною, въ самомъ дѣлѣ мертвою наукою. Но это совсѣмъ не значитъ, что наука должна сдѣлаться практическою. Практическими, въ настоящемъ смыслѣ слова, могутъ и должны быть такъ называемыя прикладныя науки, показывающія какъ примѣняются общія теоретическія начала и положенія. Но хотѣть обратить теоретическія науки въ практическія значитъ, другими словами, отвергать необходимость ихъ дальнѣйшей разработки, хотѣть только примѣнять то, что̀ онѣ выработали. Это предполагало бы, что наука уже все сдѣлала, что̀ могла, и что ей больше дѣлать нечего; этого, однако, никто, разумѣется, не рѣшится утверждать, зная, что именно въ наше время, болѣе чѣмъ когда-нибудь, чувствуется недостаточность того, что̀ сдѣлано наукою, что требуется новый, самый тщательный, самый глубокій критическій пересмотръ общихъ научныхъ началъ и положеній, которыя еще недавно казались незыблемыми, неопровержимыми. Еслибы наука стала практическою, такой пересмотръ ея сдѣлался бы невозможенъ, потому что одно исключаетъ другое. Мы видимъ, что̀ сталось съ наукой во Франціи, гдѣ требованіе, чтобы наука обратилась въ практическую, укоренилось въ учебныхъ заведеніяхъ и въ общественномъ мнѣніи.

Теорія и практика дѣйствительно коренятся въ одной почвѣ и потому тѣсно между собой связаны, находятся въ безпрестанномъ взаимодѣйствіи; но пути ихъ совершенно разные, — на этомъ нельзя довольно настаивать. Теорія вырабатываетъ и выясняетъ общія начала, законы, формулы, общія правила, которыя практическій дѣятель долженъ знать, безъ которыхъ онъ обойтись не можетъ, не въ состояніи ясно опредѣлить себѣ цѣль, къ которой стремится; практика, въ свою очередь, вырабатываетъ новые факты, выводитъ на свѣтъ новыя стороны дѣйствительности, которыя дремали въ безразличіи или скрывались отъ сознанія. Эти результаты практической дѣятельности — богатый матеріалъ для теоретической разработки; наука не можетъ имъ безнаказанно пренебрегать. Такимъ образомъ, теорія и практика, если только не сбиваются съ твердой почвы дѣйствительности, не должны противорѣчить другъ другу, исключать другъ друга; напротивъ, онѣ другъ друга дополняютъ и поддерживаютъ, идутъ рука объ руку, но—повторяемъ—совершенно разными путями и потому временами расходятся: то практическая жизнь опережаетъ теоретическое сознаніе, то наука обгоняетъ своими выводами дѣйствительную жизнь. Исторія представляетъ много такихъ примѣровъ; люди видѣли, какъ запоздалая наука, отрѣшившаяся отъ фактической почвы, успокоившаяся на добытыхъ результатахъ, глохнула, терялась въ фантазіяхъ, и дѣйствительность ее будила отъ сна, или отбрасывала прочь, какъ ненужную вещь, отслужившую свое время; они видѣли также, какъ мысль, зорко вглядываясь въ факты, прозрѣвала впередъ результаты, до которыхъ далеко еще было практической жизни, влачившейся въ заржавѣлой колеѣ и продолжавшей переваривать старину, которую наука давно переработала. Еслибы теорія и практика имѣли непосредственную связь между собою, онѣ бы никакъ не могли такъ расходиться; но онѣ расходятся и должны расходиться по времени именно потому, что теоретическая дѣятельность иначе относится къ предметамъ, чѣмъ практическая; первая можетъ смѣло и свободно производить надъ ними свои операціи, можетъ препарировать ихъ для науки, не стѣсняясь ничѣмъ; вторая, имѣя дѣло съ живыми людьми, интересами, привычками, предразсудками, страстями и ложными понятіями, должна все это принимать въ соображеніе, со всѣмъ этимъ считаться и проводить свою программу насколько позволяютъ обстоятельства. Не забудемъ, что цѣль всякой практической дѣятельности, если она не чисто личная, есть общее благо, которое для большинства людей вовсе не состоитъ въ осуществленіи какой бы то ни было программы, а въ достиженіи практически лучшаго положенія вещей, со всевозможной пощадой интересовъ, привычекъ и убѣжденій. Сверхъ того, теоретическая дѣятельность необходимо расходится часто по времени съ

практической и потому, что прежде чѣмъ первая приходитъ къ окончательному выводу, она совершаетъ цѣлый рядъ операцій, дающихъ мнимые, призрачные, практически невозможные или вредные результаты; въ наукѣ они необходимы, неизбѣжны и въ высшей степени полезны; но какъ приготовительная работа къ теоретическому знанію, они обыкновенно остаются въ книгахъ или въ головахъ небольшого числа людей, не переходя въ дѣйствительную жизнь; зато, и наоборотъ, цѣлые вѣка и народы какъ будто не существуютъ для теоретическаго знанія: наукѣ съ ними нечего дѣлать, они ей ни къ чему непригодны.

Все это кажется теперь очень просто и естественно, а далеко не вдругъ перешло въ сознаніе. Долго, можетъ быть слишкомъ долго, теорія и практика знать не хотѣли другъ друга и не подозрѣвали, что источникъ ихъ— одинъ; долго перепутывались эти двѣ дѣятельности между собою въ удивительномъ безпорядкѣ и смѣшеніи: наука то угодничала передъ разными, вовсе не теоретическими цѣлями, то принимала свои промежуточные выводы за окончательные, считала ихъ за практическія истины и принималась осуществлять ихъ въ дѣйствительности. Исторія знаетъ, какіе это дало страшные практическіе результаты. Великое несчастье для народа, когда мысль, опередившая дѣйствительность, успѣетъ въ немъ нарушить естественный, постепенный, практическій ходъ жизни! Господство такой мысли все-таки вдругъ не водворится, потому что жизнь къ ней не подготовлена; но нарушеніе постепеннаго развитія создаетъ ненормальный порядокъ дѣлъ, который долго потомъ будетъ отзываться въ народѣ и производить разныя патологическія, ненормальныя явленія. Но еще во сто кратъ хуже, когда мысль начнетъ проводить въ дѣйствительной жизни не окончательные свои результаты, а переходные фазисы и приготовительныя операціи, необходимыя на пути къ знанію и истинѣ, или когда отрицательный, разлагающій актъ, съ котораго начинаетъ всякое мышленіе, совершается не въ кабинетѣ, не въ разговорѣ, не въ книгѣ, а на практикѣ; или, наконецъ, когда ложныя и крайнія ученія, которыя для науки также необходимы, какъ воздухъ для человѣка, вода для рыбы, выйдутъ изъ области мысли и успѣютъ перейти въ дѣло, получатъ практическое примѣненіе.

Долгая житейская опытность нѣмецкаго племени, продолжительныя наблюденія надъ мышленіемъ и практическою жизнью обучили его трудному искусству обращаться съ мыслью въ практическихъ дѣлахъ. Оно поняло, что теорія и практика находятся въ тѣснѣйшей связи между собою, и потому у него факты скорѣй перерабатываются наукою, скорѣй и выводы науки переходятъ въ жизнь; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно совершенно ясно поняло и глубокую разницу между теоретическою и практическою дѣятельностью, и сведя ихъ, какъ и слѣдовало, къ единству, никакъ не смѣшиваетъ ихъ между собою, расчленяетъ ихъ съ глубокою обдуманностью, какъ два самостоятельныя и совершенно различныя отправленія. При такой организаціи, каждая изъ нихъ можетъ только приносить пользу; вредныя дѣйствія, происходящія отъ ихъ смѣшенія, такимъ образомъ необходимо устраняются.

Если, какъ мы старались показать, теоретическая и практическая дѣятельность, при всей ихъ близости, существенно различны и не имѣютъ между собою прямой, непосредственной связи, то изъ этого необходимо слѣдуетъ, что должна быть и разграничивающая ихъ черта. Изъ предъидущаго видно, что теоретически она проводится очень легко и просто; но гдѣ и какъ она ляжетъ въ дѣйствительности, —этого нельзя рѣшить никакими общими правилами и разсужденіями, потому что, смотря по характеру народа, степени его развитія, обстоятельствамъ, даже случайнымъ и временнымъ, эта граница колеблется, измѣняется, расширяется и съуживается. Все зависитъ отъ того, какую роль играетъ мысль въ отношеніи къ практической жизни и какъ на нее смотритъ общество. Гдѣ мысль не цѣнится и не уважается, гдѣ наука смѣшивается съ практическою дѣятельностью, гдѣ теорія непосредственно переходитъ въ дѣло, тамъ разграничительная черта проводится очень неблагопріятно для преподаванія, слова, печати, вообще для всего, въ чемъ выражаются результаты теоретической дѣятельности, потому что ей не довѣряютъ, ее боятся; напротивъ, гдѣ есть уваженіе къ мысли, гдѣ она не врывается непосредственно въ практическую жизнь, гдѣ теорія и практика разумѣются какъ два различные круга дѣятельности и никогда не смѣшиваются, тамъ выраженіямъ мысли съ каѳедры, въ книгѣ, въ рѣчи предоставленъ большой просторъ; всѣ убѣждены, что они

только могутъ быть полезны и во всякомъ случаѣ безвредны. Этимъ объясняется, почему невозможное съ каѳедры или въ печати во Франціи очень естественно и никого не удивляетъ въ Германіи. Вообще, чѣмъ глубже и тверже сознаніе о различіи теоретической и практической дѣятельности, тѣмъ свободнѣе наука, мысль, преподаваніе. Поэтому-то мы убѣждены, что такая свобода вездѣ возможна, гдѣ наука и университеты добровольно, сознательно отказываются отъ всякаго непосредственнаго практическаго дѣйствія на жизнь, отъ всякаго вліянія, непосредственно вызывающаго или возбуждающаго къ практической дѣятельности, сознательно воздерживаются отъ языка, зажигающаго страсти, словомъ, твердо рѣшились не принимать никакого непосредственнаго участія въ общественной практической дѣятельности. Другого пути для водворенія свободы науки и мысли нѣтъ и быть не можетъ. Сначала, безъ сомнѣнія, кругъ этой свободы будетъ очень тѣсенъ, но онъ будетъ все расширяться по мѣрѣ того, какъ предубѣжденія противъ мысли и ея выраженій станутъ постепенно ослабѣвать, что возможно лишь тогда, когда мысль и ея выраженія потеряютъ характеръ непосредственныхъ политическихъ и общественныхъ дѣятелей. Всемірно-историческая заслуга нѣмецкаго племени именно въ томъ и состоитъ, что оно вѣрнымъ инстинктомъ поняло тайну свободной мысли и науки далеко прежде, чѣмъ она перешла въ ясное сознаніе, и создало эту свободу посреди самыхъ трудныхъ условій, едва понятныхъ въ наше время. Кому теперь придетъ въ голову преслѣдовать мысль за то, что она такая, а не другая? Кто не убѣжденъ, что все на свѣтѣ развивается и измѣняется и что разумное сегодня можетъ впослѣдствіи оказаться неразумнымъ? Какъ начало, принципъ, свобода науки и мысли признается теперь всѣми; опасаются только, чтобы она не обратилась въ средство для политическихъ и общественныхъ переворотовъ, слѣдовательно, не допускаютъ ее вездѣ по однимъ практическимъ соображеніямъ. Но когда она зарождалась, обстоятельства были совершенно иныя; тогда мысль, наука преслѣдовались не только за тѣ непосредственныя практическія дѣйствія, которыя онѣ могли произвести, а за теоретическую ихъ ложность, дѣйствительную или мнимую, потому что были еще застрахованныя на вѣки вѣковъ научныя теоретическія истины, было еще твердое убѣжденіе, что въ практической жизни все должно на вѣчныя времена сохраняться въ томъ же самомъ видѣ, какъ происходило прежде и испоконъ вѣка; тогда еще не подозрѣвали закона развитія, которое неизбѣжно приноситъ съ собою измѣненіе формъ мысли и дѣйствительности. Сквозь такую суровую школу должна была проработываться свобода мысли и науки въ Германіи; въ этой школѣ она сложилась вѣками въ ту теоретически самую вѣрную, практически самую разумную форму, которой завидуютъ теперь другіе народы. Уклоненія науки и преподаванія съ ихъ настоящаго пути были здѣсь мимоходными явленіями, рѣдкими изъятіями изъ общаго направленія ученой и академической дѣятельности, и этимъ объясняется, почему стѣсненія ея были здѣсь непродолжительны, почему мысль, наука, преподаваніе никогда не теряли довѣрія ни общества, ни правительствъ, какъ было у другихъ народовъ. Установившись въ теченіе столѣтій, вошедши въ нравы, обычаи и понятія, свобода мысли, науки, преподаванія поражаетъ въ Германіи; выраженія ея иногда очень не нравятся, но никому не приходитъ въ голову отмѣнить ее; никто не боится, что смѣлая мысль или слово могутъ быть опасны для общественной тишины и порядка, потому что тамъ наука, за самыми рѣдкими случайными и минутными исключеніями, никогда не говорила языкомъ страсти, никогда не возбуждала къ насильственнымъ дѣйствіямъ въ какомъ бы то ни было смыслѣ. Зато нигдѣ на материкѣ Европы наука и преподаваніе и не достигли такой прочной свободы, какъ въ Германіи.

Очень можетъ статься, что многіе, убѣдившись въ необходимости свободы науки и изслѣдованія, затруднятся признать и необходимость свободы университетскаго преподаванія. Они могутъ разсуждать такъ: если ложныя мнѣнія, рядомъ съ истинными, составляютъ необходимую принадлежность, необходимое зло при развитіи мысли и науки, то пусть оно существуетъ; но надобно по крайней мѣрѣ ограничить какъ можно болѣе кругъ людей, на которыхъ оно дѣйствуетъ; прежде всего пусть же будетъ ограждено юношество, впечатлительное, пылкое, увлекающееся по своему возрасту, отъ заразы ложныхъ ученій и крайнихъ мнѣній. Зачѣмъ посвящать этихъ еще несовершеннолѣтнихъ людей съ мягкимъ и не-

установившимся умомъ, въ человѣческія заблужденія по пути къ знанію и истинѣ? Зачѣмъ имъ знать, какъ люди ошибались? Имъ надобно преподавать науку въ ея послѣднихъ, вполнѣ установившихся, прошедшихъ чрезъ критику результатахъ, тщательно устраняя все, что̀ еще сомнительно, спорно, а тѣмъ болѣе, что̀ очевидно ложно.

Какъ ни уважительны побужденія, внушающія такой взглядъ, съ нимъ трудно согласиться. Предлагаемая мѣра практически не выполнима; но еслибъ она и могла быть приведена въ исполненіе, то принесла бы не пользу, а вредъ.

Ограничить дѣятельность мысли и научныя изслѣдованія извѣстнымъ кругомъ людей, монополизировать науку и мышленіе—такъ же невозможно, какъ нельзя опредѣлить юридическими правилами границу между научнымъ преподаваніемъ политическихъ наукъ и внушеніемъ извѣстнаго политическаго образа дѣйствій, о чемъ мы говорили выше. Равнымъ образомъ, невозможно и выдѣлить изъ университетскаго преподаванія сомнительное, спорное и ложное; это значило бы на самомъ дѣлѣ выдѣлить изъ него самую науку, потому что безспорной науки, очищенной отъ лжи и заблужденій, нѣтъ. Но предположимъ даже, что она есть и что только она преподается въ университетахъ. Что̀ выйдетъ изъ этого? Студентъ узнаетъ о ложныхъ ученіяхъ не отъ профессора, а помимо его, отъ пріятеля, изъ книги или газеты. Это будетъ для него не полезно, а безъ сомнѣнія вредно, потому что профессоръ, излагая ложное ученіе, долженъ будетъ объяснить, въ чемъ его ошибочность, и указать на книги, гдѣ оно изложено съ настоящей точки зрѣнія; а почерпая свои свѣдѣнія изъ другихъ источниковъ, студентъ легко можетъ остаться въ полномъ невѣдѣніи, что такое ученіе есть ложное и почему именно. Вообще замѣтимъ, что для учащейся молодежи полезно или вредно не то, что̀ *она* знаетъ, а *какъ* знаетъ. По нашему глубокому убѣжденію, нѣтъ ложнаго ученія, которое было бы вредно для учащейся молодежи, если оно изложено со всѣми доводами въ пользу и противъ и только въ строго-научной, теоретической формѣ. Выдѣленіе ошибочныхъ мнѣній и ложныхъ ученій изъ высшаго преподаванія только ослабило бы довѣріе къ послѣднему и придало бы первымъ особенную привлекательность и силу, которыя исчезаютъ при свѣтѣ научной критики. И такъ, все дѣло, какъ мы и старались показать, состоитъ въ томъ, чтобы укоренилась глубоко въ сознаніи необходимость строгаго разграниченія теоріи отъ практики; а это не можетъ быть достигнуто внѣшними мѣрами, всего менѣе ограниченіемъ свободы преподаванія.

Кромѣ обязанности держаться въ границахъ науки и не переступать ихъ, нѣтъ никакихъ другихъ общихъ, повсемѣстныхъ ограниченій свободы университетскаго преподаванія въ Германіи.

Въ нѣкоторыхъ старыхъ университетскихъ уставахъ требуется, чтобы профессоръ читалъ не менѣе опредѣленнаго закономъ числа лекцій въ недѣлю. Это правило однако нигдѣ не соблюдается. Оно проистекло изъ желанія опредѣлить какимъ-нибудь внѣшнимъ, осязательнымъ образомъ количество труда, за который профессоръ получаетъ жалованье; смотря по жалованью, число обязательныхъ лекцій было больше или меньше. Но число лекцій не есть удобная и справедливая мѣрка трудовъ для вознагражденія; для однихъ предметовъ положеннаго числа лекцій слишкомъ много, для другихъ слишкомъ мало, смотря по предмету и профессору; одно-часовая лекція будетъ легче или труднѣе, имѣть большее или меньшее достоинство, и потому должна быть оцѣняема и оплачиваема дороже или дешевле. Оттого теперь на число обязательныхъ лекцій не обращается вниманія; оно опредѣляется самимъ профессоромъ и факультетомъ, смотря по предмету, и бываетъ очень различно.

Въ нѣкоторыхъ университетахъ требуется, чтобъ профессоръ непремѣнно читалъ свой предметъ отъ начала до конца. Это условіе, само собою разумѣется, относится только къ систематическому изложенію наукъ: обученіе языкамъ, филологическія упражненія, экзегетическія лекціи не подходятъ подъ это правило. Впрочемъ, время, въ продолженіе котораго должно прочесть предметъ, нигдѣ не опредѣлено, такъ что отъ профессора зависитъ расположить свою науку на большее или меньшее число семестровъ. Но въ другихъ университетскихъ уставахъ и этого ограниченія нѣтъ, и случается, что профессоръ никогда не прочитываетъ всего предмета отъ начала до конца, а ограничивается изложеніемъ одной какой-нибудь его части. Вообще говоря, устройство курсовъ опредѣляется не юридически, не законами или предписаніями,

а больше университетскими обычаями, отчасти собственными выгодами университетовъ и профессоровъ. Выгода ихъ требуетъ, чтобы студентъ имѣлъ возможность, не переходя въ другой университетъ, выслушать полный университетскій курсъ отъ начала до конца, въ три, четыре или пять лѣтъ,—обыкновенные, нормальные сроки университетскаго ученія; ибо только при этомъ условіи университетъ можетъ разсчитывать на постоянное, болѣе или менѣе значительное число слушателей, а отъ этого зависитъ количество получаемаго профессорами вознагражденія за лекціи (Honorar). Вслѣдствіе этой и другихъ причинъ, университетскими обычаями установлены для преподаванія разныхъ предметовъ разные сроки, но, повторяемъ, они необязательны юридически, и въ концѣ концовъ все зависитъ отъ усмотрѣнія самого профессора.

Въ нѣкоторыхъ университетахъ профессоръ ограниченъ въ выборѣ предметовъ преподаванія. Такое ограниченіе всего чаще относится къ чтенію курсовъ богословскихъ факультетовъ; преподаваніе важнѣйшихъ богословскихъ наукъ составляетъ иногда исключительное право факультетскихъ профессоровъ и недоступно для профессоровъ другихъ факультетовъ; но и это ограниченіе далеко не общее. Общее правило, на самомъ дѣлѣ, скорѣй то, что профессоръ, рядомъ съ главной наукой, для которой опредѣленъ, можетъ читать что ему угодно, хотя бы и не имѣлъ ученой степени по той отрасли наукъ, по которой объявляетъ курсъ, и хотя бы даже самая наука или вопросъ, о которыхъ онъ намѣренъ читать, входили въ кругъ другого факультета. Въ однихъ университетахъ приличіе требуетъ заявить объ этомъ декану того факультета, къ которому относится предполагаемый курсъ; въ другихъ нужно позволеніе этого факультета. Примѣры такихъ курсовъ нерѣдки. Такъ, въ базельскомъ университетѣ, профессоръ одной изъ естественныхъ или медицинскихъ наукъ, не припомнимъ хорошенько, читалъ монографическія лекціи о переводѣ Евангелія на готскій языкъ,—предметѣ, входящемъ въ область филологіи и богословія; въ Мюнхенѣ одинъ профессоръ филологіи постоянно читаетъ философію.

Вотъ всѣ ограниченія нѣмецкаго университетскаго профессора. Получивъ разъ каѳедру или право преподавать предметъ, онъ можетъ распоряжаться своею наукою какъ ему заблагоразсудится: результаты своихъ ученыхъ изслѣдованій онъ можетъ смѣло высказывать, не боясь, что они будутъ поставлены ему въ вину; онъ можетъ выбрать ту методу изслѣдованія и изложенія своей науки, которая кажется ему наилучшею или наиболѣе удобною; можетъ, рядомъ съ главнымъ предметомъ, читать о любомъ спеціальномъ вопросѣ своей науки; можетъ располагать предметъ, который читаетъ, по тому плану и въ такомъ порядкѣ, какъ ему вздумается.

Чтобы вполнѣ исчерпать все, что сколько нибудь похоже на ограниченіе нѣмецкаго профессора въ его дѣятельности или можетъ быть сочтено за ограниченіе, прибавимъ, что профессоръ, который бы относился отрицательно не къ принятымъ въ его наукѣ взглядамъ, а къ самой наукѣ, былъ бы также невозможенъ въ Германіи, какъ и всюду; профессоръ богословія, напримѣръ, который бы сталъ отрицать съ каѳедры вѣру, профессоръ юридической науки, который бы отрицалъ право, былъ бы и въ Германіи вынужденъ оставить каѳедру. Въ 1839 году, Давидъ Штраусъ былъ уже опредѣленъ цюрихскимъ правительствомъ профессоромъ христіанской догматики въ цюрихскій университетъ, но это назначеніе встрѣтило такое энергическое, единодушное возраженіе со стороны народонаселенія, что правительство вынуждено было взять назадъ свое постановленіе, и Штраусъ не читалъ ни одной лекціи. Здѣсь свобода преподаванія сталкивается не съ юридическими, административными или политическими мѣрами, а съ понятіями, вѣрованіями, убѣжденіями огромнаго большинства, то есть съ тѣми элементами, посреди которыхъ совершается вся умственная жизнь, все научное развитіе, и внѣ которыхъ они существовать не могутъ. Да не только въ дѣлахъ вѣры, но и въ другихъ важныхъ и щекотливыхъ вопросахъ профессоръ можетъ встрѣтить такое единодушное сопротивленіе большинства населенія и сдѣлаться невозможнымъ на каѳедрѣ. Еслибъ, напримѣръ, профессоръ, читая нѣмецкую исторію въ Германіи, относился отрицательно не къ дѣйствіямъ и роли нѣмцевъ,—это встрѣчается безпрестанно,—а къ самому нѣмецкому племени, именно, если бы въ его лекціяхъ выражался враждебный или презрительный взглядъ на нѣмцевъ вообще, — такой профессоръ, мы въ этомъ убѣждены, не могъ бы удержаться здѣсь на

каѳедрѣ, какъ бы ни было къ нему правительство благосклонно и какіе бы онъ ни имѣлъ, во всѣхъ отношеніяхъ, несомнѣнныя достоинства.

Что сказать про такіе случаи? Трудно отрицать, что профессоръ, отвергающій самый предметъ своего преподаванія, или враждебно къ нему расположенный, также мало соотвѣтствуетъ своему назначенію, какъ тотъ, который выходитъ изъ предѣловъ строгой науки. Мы совершенно понимаемъ, что можно, въ концѣ изслѣдованій, придти къ такимъ отрицательнымъ результатамъ, но отказываемся понять, какъ можно, при такихъ убѣжденіяхъ, принимать или удерживать за собой каѳедру; достоинство и честь заставляютъ въ такомъ случаѣ добровольно отъ нея отказаться, потому что профессура не есть одно изложеніе образа мыслей или взгляда, а вмѣстѣ и педагогическая дѣятельность. Профессоръ не можетъ преподавать предметъ, который, по его убѣжденію, не существуетъ или заслуживаетъ одну ненависть и презрѣніе.

II.

Что разумѣютъ въ Германіи подъ *свободою ученія* (Lernfreiheit)?

О положеніи и правахъ студентовъ нѣмецкихъ университетовъ существуютъ внѣ Германіи такія же ошибочныя понятія, какъ и о положеніи и правахъ нѣмецкихъ профессоровъ. Нѣмецкій студентъ, для однихъ — идеалъ совершенно свободнаго и независимаго человѣка, который можетъ дѣлать все что ему угодно; для другихъ это—типъ человѣка вреднаго для общества, опаснаго для государства, олицетвореніе всякой нравственной и общественной порчи.

О дурныхъ сторонахъ нѣмецкаго студенчества мы скажемъ впослѣдствіи, въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь постараемся объяснить, какой идеалъ составили себѣ нѣмцы о студенческихъ свободахъ.

Прежде всего замѣтимъ, что нѣмецкій студентъ, столько же какъ профессоръ и всѣ другіе граждане, подчиненъ общимъ государственнымъ и полицейскимъ законамъ. Подвѣдомственность его, въ извѣстнаго рода дѣлахъ, университетскому суду есть только особое примѣненіе общихъ постановленій и правилъ къ быту молодыхъ людей и несовершеннолѣтнихъ, а никакъ не изъятіе изъ подъ закона. Студентъ, какъ профессоръ на каѳедрѣ, не можетъ и не долженъ вмѣшиваться въ политическія и общественныя дѣла, участвовать въ нихъ практически въ какомъ бы то ни было смыслѣ: это общее, неизмѣнное правило, которое нѣмецкіе студенты знаютъ твердо, которое глубоко вкоренено въ огромномъ большинствѣ ихъ. Въ этомъ отношеніи Германія и Швейцарія представляютъ примѣръ удивительной гражданской и общественной зрѣлости, внушающей глубокое уваженіе. Изучая университеты во всѣхъ отношеніяхъ, мы не могли обойти студентовъ, были съ ними въ сношеніяхъ и всюду видѣли постоянно одно и то же: и въ Швейцаріи, гдѣ образованіе студенческихъ обществъ совершенно свободно, и въ Германіи, гдѣ они разрѣшаются университетскимъ начальствомъ, студенты глубоко проникнуты убѣжденіемъ, что имъ не слѣдуетъ вмѣшиваться въ политическія и общественныя дѣла, что это не ихъ дѣло, что имъ нужно заниматься наукой и наукой приготовить себя къ будущей практической дѣятельности. Въ Швейцаріи намъ удалось слышать первую, вступительную рѣчь предсѣдателя отдѣленія ново-цофингенскаго общества, который, объясняя программу общества, особенно настаивалъ на этомъ пунктѣ; члены нѣмецкихъ буршеншафтовъ, — снова дозволяемыхъ правительствами и, какъ извѣстно, имѣющихъ политическое направленіе,—очень ясно понимаютъ ошибки и увлеченія ихъ предшественниковъ, вслѣдствіе которыхъ возникли, въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, гоненія на эти общества въ Германіи; они вполнѣ сознаютъ, что общества ихъ возможны до той минуты, пока они не выступили въ практическую общественную дѣятельность. Въ чемъ же, спросятъ насъ, состоитъ ихъ политическое направленіе? Въ томъ, что они имѣютъ свое мнѣніе, свой взглядъ на современныя политическія дѣла и событія, и проводятъ свое время не въ дуэляхъ и комершахъ, т.-е. обрядовыхъ попойкахъ, а образуютъ и развиваютъ свой образъ мыслей чтеніемъ сочиненій и своихъ статей, разсужденіями, бесѣдой; однако ни швейцарскимъ, ни нѣмецкимъ студентамъ, какого бы они ни были направленія, не приходитъ и въ голову переступить за черту теоретической дѣятельности; опытъ научилъ ихъ, какія это имѣетъ послѣдствія; за такія уклоненія студенческія общества поплатились въ Германіи своимъ существованіемъ и гибелью лучшихъ

своихъ членовъ. Теперь черта между теоріей и практикой проведена и въ сознаніи студентовъ очень отчетливо и твердо.

И такъ, студенческая свобода не имѣетъ ни въ Германіи, ни въ Швейцаріи политическаго характера. Но она точно также не состоитъ и въ правѣ только считаться студентомъ по имени, а на самомъ дѣлѣ не заниматься науками. Нѣмецкіе и швейцарскіе университетскіе уставы въ этомъ отношеніи одинаково строги. Молодой человѣкъ записывается въ университетъ и получаетъ этимъ права университетскаго или академическаго гражданства на опредѣленное число лѣтъ — три, четыре года или пять лѣтъ, смотря по университету и факультету, — а именно на такой только срокъ, какой считается нужнымъ для выслушанія и усвоенія полнаго университетскаго курса по той или другой отрасли наукъ; съ истеченіемъ этого срока, права академическаго гражданства сами собою прекращаются, и студентъ, если желаетъ продолжать ученіе, долженъ записаться снова. Но этого мало: въ продолженіе всего университетскаго курса студентъ обязанъ, каждый семестръ, слушать университетскіе курсы, сколько именно—одинъ, два, или болѣе, — это различно въ разныхъ университетахъ; но слушать онъ обязанъ непремѣнно, вездѣ. Повѣрка, исполняетъ ли онъ эту обязанность, тоже очень различна, смотря по университетамъ: въ однихъ достаточно, если студентъ записался на требуемое число курсовъ, т.-е. предметовъ; въ другихъ студентъ обязанъ, сверхъ того, представить письменное удостовѣреніе профессора, что дѣйствительно посѣщалъ его лекціи; въ томъ и другомъ случаѣ, т. е. по запискамъ на лекціи или по свидѣтельствамъ профессоровъ, въ каждомъ университетѣ наблюдаютъ за студентами; и тотъ изъ нихъ, который не слушаетъ лекцій, вычеркивается изъ списка студентовъ и теряетъ права университетскаго гражданства; это значитъ, что не только перестаетъ быть студентомъ, не можетъ больше слушать лекцій въ университетѣ и вообще лишается всѣхъ правъ, соединенныхъ съ студенческимъ званіемъ, но даже, по нѣкоторымъ уставамъ, обязанъ оставить университетскій городъ, если не принадлежитъ къ числу его гражданъ, или не имѣетъ въ немъ родителей или постоянной осѣдлости.

Вообще съ понятіемъ о нѣмецкомъ и швейцарскомъ студентѣ никакъ не должно связывать представленія о какихъ-то необыкновенныхъ гражданскихъ свободахъ: совсѣмъ напротивъ, дисциплинарные университетскіе уставы вездѣ очень строги и точны; всякій проступокъ, распущенность, несоблюденіе университетскихъ и полицейскихъ правилъ, дурное поведеніе, непочтительность къ властямъ и профессорамъ, пренебреженіе занятіями, подвергаются взысканіямъ, а кто не исправится, того увольняютъ, исключаютъ или удаляютъ изъ университета. Если эти строгіе уставы теперь рѣдко примѣняются, то это вовсе не потому, что взглядъ на нихъ перемѣнился; нѣтъ, студенческіе нравы въ Германіи, вообще говоря, измѣнились къ лучшему. Но еслибы въ какомъ нибудь нѣмецкомъ или швейцарскомъ университетѣ проступки, запрещенные дисциплинарными правилами, стали чаще повторяться между студентами, то нѣтъ никакого сомнѣнія, строгія правила тотчасъ бы ожили во всей силѣ и были бы примѣнены безъ пощады. Въ необходимости и справедливости строгихъ мѣръ въ такихъ случаяхъ всѣ согласны: и профессоры, не исключая самыхъ ревностныхъ защитниковъ свободы ученія, и огромное большинство самихъ студентовъ.

Слѣдовательно, свобода ученія, подобно свободѣ преподаванія, имѣетъ въ Германіи очень опредѣленное, техническое значеніе. Она тѣсно очерчена и ограничена кругомъ университетскихъ учебныхъ занятій и состоитъ въ правѣ студента учиться въ университетѣ, подъ руководствомъ любыхъ профессоровъ, какъ покажется лучше и удобнѣе, не стѣсняясь никакими обязательными правилами. Не вездѣ эта свобода проведена вполнѣ послѣдовательно; въ нѣкоторыхъ университетахъ она болѣе или менѣе стѣснена обязательными предписаніями; но вездѣ, во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ, она лежитъ въ основаніи университетскихъ учрежденій, и вездѣ на нее смотрятъ какъ на идеалъ, къ которому должно стремиться. Не только въ сѣверныхъ, протестантскихъ, но и въ южныхъ, католическихъ, нѣмецкихъ университетахъ почти всѣ профессоры, за очень рѣдкими изъятіями, убѣждены въ необходимости отмѣнить существующія еще здѣсь и тамъ ограниченія свободы ученія. Въ этомъ же направленіи развиваются и современныя нѣмецкія университетскія законодательства.

Свобода ученія рѣзко отличаетъ нѣмецкаго студента отъ французскаго. Послѣдній слу-

шаетъ курсы, назначенные по расписанію, а не по своему выбору, переходитъ отъ однихъ курсовъ къ другимъ въ извѣстномъ порядкѣ, опредѣленномъ регламентами, и по истеченіи извѣстнаго времени — года, либо двухъ лѣтъ, либо полугодья, смотря по факультету—держитъ экзаменъ; если не выдержитъ, то не допускается къ слушанію слѣдующихъ курсовъ и долженъ выслушать еще разъ тѣ же самые. Нѣмецкій студентъ не знаетъ ничего подобнаго; онъ можетъ слушать что ему угодно, сколько угодно и въ какомъ хочетъ порядкѣ. Записавшись въ тотъ или другой факультетъ, онъ обязанъ, какъ мы сказали выше, слушать лекціи; но выборъ ихъ и профессора и приватъ-доцента зависитъ отъ него; никому до этого нѣтъ дѣла. Во многихъ университетахъ студенту выдается при запискѣ въ факультетъ печатное наставленіе, въ какомъ порядкѣ полезно было бы ему слушать лекціи по разнымъ предметамъ; но это не предписаніе, а только совѣтъ, которому онъ можетъ, если захочетъ, и не слѣдовать; наконецъ, до общаго, окончательнаго экзамена на степень или на право вступить въ службу онъ не подвергается никакимъ испытаніямъ; экзаменуютъ только студентовъ въ католическихъ богословскихъ факультетахъ, если того требуютъ епископы, съ благословенія которыхъ они готовятся къ духовному званію,—да стипендіатовъ, да кое гдѣ медиковъ изъ общихъ предметовъ, именно изъ наукъ физико-математическихъ и естественныхъ, которыя они обыкновенно слушаютъ прежде спеціальныхъ предметовъ; но это—изъятія; общее правило то, что студентъ не держитъ никакихъ экзаменовъ въ продолженіе всего ученія.

Вотъ въ чемъ состоитъ свобода ученія въ Германіи. Такая свобода создаетъ студенту чрезвычайно удобное, спокойное и выгодное положеніе для занятія науками; но въ то же время оно, какъ всякое независимое и свободное положеніе,—очень трудное и отвѣтственное. Отъ того, какъ воспользуется молодой человѣкъ своей свободой, зависитъ его будущность; тяжкая отвѣтственность лежитъ на немъ и передъ родителями, родственниками, воспитателями,—вообще предъ всѣми тѣми лицами, которыя очень часто изъ самыхъ скудныхъ своихъ средствъ удѣляютъ почти послѣднее, только чтобы дать юношѣ возможность учиться въ университетѣ и чрезъ это доставить ему положеніе въ обществѣ и вѣрный кусокъ хлѣба. Нужна значительная зрѣлость мысли и воли, нужно болѣе или менѣе ясное сознаніе цѣли ученія и рѣшимость достигнуть ее, не развлекаясь по сторонамъ, чтобы такая свобода дѣйствительно принесла пользу, а не вредъ. Это открывается изъ самаго простого, поверхностнаго сравненія всей обстановки студента при свободномъ и при обязательномъ ученіи. При принудительной системѣ, при періодическихъ экзаменахъ и репетиціяхъ, студентъ занимается изо дня въ день, не задумываясь, какъ распорядиться лекціями и временемъ: все, въ томъ числѣ и аттестатъ или дипломъ, придутъ сами собой, въ свое время. Но когда онъ можетъ располагать собой въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ какъ ему угодно, дѣло получаетъ совсѣмъ другой видъ; ему надо обдумать впередъ планъ ученія, сообразить свои силы и способности съ предстоящей цѣлью, расположить заранѣе занятія такъ, чтобы ничего не упустить и кончить все въ срокъ. Далѣе: при обязательномъ ученіи студентъ занимается только тѣмъ, что ему преподаютъ; если случайно одинъ изъ предметовъ, входящихъ въ составъ полнаго учебнаго курса, не былъ ему читанъ, онъ за это не отвѣчаетъ, потому что учебное или университетское начальство обязано заботиться о томъ, чтобы всѣ каѳедры были заняты и всѣ предметы были преподаваемы въ свое время, отъ начала до конца; напротивъ, при свободѣ ученія, студентъ, отвѣчая на экзаменѣ, никакъ не можетъ оправдываться тѣмъ, что тотъ или другой предметъ не читался въ университетѣ въ то время, когда онъ слушалъ курсы; экзаменаторамъ нѣтъ до этого дѣла; онъ долженъ былъ изучить предметъ,—выслушать его въ другомъ университетѣ, ознакомиться съ нимъ по руководствамъ или сочиненіямъ, словомъ, такъ или иначе, но долженъ былъ узнать его. Тамъ, гдѣ правила требуютъ, чтобы къ экзаменамъ на степень допускались только представившіе свидѣтельства о выслушаніи лекцій по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ составъ испытанія, профессоры еще, пожалуй, согласятся допустить къ испытанію изъ второстепенныхъ предметовъ и безъ свидѣтельствъ, если экзаменующійся представитъ уважительныя причины, почему не могъ слушать этихъ предметовъ; но никогда, ни въ какомъ случаѣ не освободятъ его отъ экзамена изъ нихъ; напротивъ, именно изъ нихъ проэкзаменуютъ строже, чѣмъ изъ прочихъ, пред-

полагая, что онъ ими, можетъ быть, вовсе не занимался. Наконецъ, при обязательномъ ученіи, студентъ отвѣчаетъ изъ того курса, который ему читанъ; чего профессоръ не читалъ, того онъ можетъ и не знать; по крайней мѣрѣ экзаменаторъ снисходительно посмотритъ, если экзаменующійся знаетъ слабѣе, хуже тѣ части, которыя ему не были преподаваемы. При свободѣ ученія, экзаменъ имѣетъ совсѣмъ другой характеръ; спрашиваютъ не изъ прочитаннаго курса, а изъ предмета, не обращая никакого вниманія на то, какъ читалъ его тотъ или другой профессоръ. Большинство экзаменующихся слушали лекціи не въ одномъ университетѣ, а въ нѣсколькихъ; тутъ, очевидно, и невозможно спрашивать изъ курса, изъ выслушанныхъ лекцій; нужна не личная, а другая, общая мѣрка для знанія, которая въ наукѣ, а не въ профессорскихъ тетрадкахъ. Такая общая мѣрка существуетъ во всѣхъ наукахъ; даже самые спорные предметы и вопросы имѣютъ общее основаніе, около котораго борются мнѣнія и взгляды,—это научные факты; на нихъ-то и налегаетъ профессоръ, экзаменуя слушателя другого профессора, котораго мнѣній не раздѣляетъ; гегельянецъ, напримѣръ, будетъ экзаменовать слушавшаго курсъ у гербартіанца не изъ догматической части философіи, а изъ исторіи этой науки. Слѣдовательно, при свободѣ ученія нельзя явиться на экзаменъ, выучивъ наизусть профессорскія тетрадки: надобно заниматься предметомъ и знать его.

Не всякому студенту такая свобода по плечу. Не подготовленные къ серьезному труду, слабохарактерные и большинство слишкомъ молодыхъ людей легко могутъ при ней сбиться съ пути. Это и говорятъ ея противники. Оттого-то вопросъ о свободѣ ученія и не такой безспорный въ самой Германіи, какъ вопросъ о свободѣ преподаванія. Однако, если взвѣсить внимательно всѣ доводы въ пользу и противъ свободы ученія, то нельзя не придти къ заключенію, что различныя мнѣнія объ этомъ предметѣ проистекаютъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе недоразумѣній. Мы думаемъ, что споръ давно бы кончился, если бы при обсужденіи дѣла строго отличали начала отъ его примѣненій. Мы видѣли, что свобода преподаванія, тамъ даже, гдѣ ее въ принципѣ признаютъ, на дѣлѣ бываетъ больше или меньше, смотря по тому, какое мѣсто занимаютъ въ странѣ мысль и наука, какъ на нихъ смотритъ общество и какъ они сами себя понимаютъ. То же самое и еще въ гораздо большей степени будетъ справедливо и въ отношеніи къ свободѣ ученія. Противъ нея, въ принципѣ, едва ли можно спорить. Во-первыхъ, она потому—самое правильное начало, что при ней университетское преподаваніе всего лучше, естественнѣе прилаживается къ разнообразнымъ цѣлямъ, наклонностямъ, способностямъ и тысячѣ другихъ условій, съ которыми студенты приходятъ въ университеты. Никакое правило, именно потому, что оно общее, не въ состояніи этого сдѣлать въ такомъ совершенствѣ, какъ собственное усмотрѣніе каждаго, т.-е. свобода ученія. Не всѣ же университетскіе слушатели учатся съ тѣмъ, чтобы вступить въ службу или держать экзаменъ на степень. Надобно всѣми мѣрами стараться, чтобы университеты стали органами общаго образованія, разсадниками знаній, полезныхъ для всѣхъ и каждаго, а не заведеніями, готовящими по данному лекалу техниковъ и спеціалистовъ. Чѣмъ послѣдній взглядъ на университеты и требованія отъ нихъ больше укореняется, тѣмъ хуже для университетовъ: упадокъ ихъ именно начинается съ той минуты, когда они обращаются въ высшія спеціальныя школы. И такъ, если студенты могутъ поступать въ университетъ съ самыми различными цѣлями, — а это очень желательно,—то нужно предоставить имъ и свободу ученія: одно вытекаетъ съ необходимою послѣдовательностью изъ другого.

Во-вторыхъ, свобода ученія есть лучшій педагогическій пріемъ для воспитанія юношей. Она пріучаетъ ихъ стоять на своихъ ногахъ, вырабатываетъ умъ, волю, характеръ, отучаетъ лѣниво искать поддержки и помощи, что̀ такъ разслабляетъ умственныя и нравственныя силы и держитъ ихъ въ ложномъ, искусственномъ усыпленіи, за которымъ обыкновенно слѣдуетъ самое неразумное, лихорадочное, болѣзненное пробужденіе. Нельзя довольно повторять, что не только при воспитаніи молодыхъ людей, но даже дѣтей, самый лучшій способъ—какъ можно раньше пріучать ихъ понемногу дѣйствовать, въ ближайшемъ ихъ кругу, самостоятельно и все расширять и расширять этотъ кругъ. Дѣти, веденныя такимъ образомъ, охотнѣе и лучше учатся, развиваются равномѣрнѣе и правильнѣе, а что̀ всего важнѣе,—больше, тверже знаютъ свой долгъ и свои обязан-

ности. Если это вполнѣ справедливо въ отношеніи къ дѣтямъ, то еще справедливѣе въ отношеніи къ юношамъ. Великіе учители въ дѣлѣ воспитанія, нѣмцы, глубоко поняли эту педагогическую истину и примѣнили ее къ университетамъ съ удивительнымъ искусствомъ. Гражданскій законъ дѣлитъ недостигшихъ совершеннаго возраста на малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ; первыхъ, если они не имѣютъ родителей, ставитъ подъ власть опекуна, который во всѣхъ отношеніяхъ замѣняетъ волю и представляетъ лицо дѣтей; а несовершеннолѣтнимъ разрѣшаетъ дѣйствовать самимъ, подъ руководствомъ и съ согласія избранныхъ ими попечителей. Нѣмцы примѣнили эти самыя начала и къ воспитанію. Въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ нѣтъ свободы ученія; курсы распредѣлены по извѣстному плану, съ которымъ ученики должны сообразоваться безусловно; достигнувъ требуемой степени знанія въ однихъ предметахъ, они начинаютъ учиться другимъ. Университетскій студентъ поставленъ иначе; онъ уже учится самъ, но подъ руководствомъ профессора, котораго избираетъ по своему усмотрѣнію. Университетское ученіе соотвѣтствуетъ гражданскому несовершеннолѣтію, и какъ послѣднее оканчивается со вступленіемъ въ извѣстный возрастъ, такъ первое съ полнымъ окончаніемъ курса. Оно въ Германіи наступаетъ обыкновенно довольно поздно, что впрочемъ и естественно: высшее научное образованіе достается не легко и требуетъ много времени.

И такъ, вотъ причины, почему мы думаемъ, что свобода ученія, какъ принципъ, теоретически, самое правильное, самое разумное начало въ отношеніи къ студентамъ. Но какъ, въ какой мѣрѣ это начало можетъ быть примѣнено въ той или другой странѣ,— это другой вопросъ. Степень развитія общества, характеръ домашняго и общественнаго воспитанія, народные нравы и тысячи другихъ условій могутъ содѣйствовать водворенію свободы ученія или задерживать ее. Есть и теперь еще въ Германіи люди, которые думаютъ, что нѣмецкимъ студентамъ предоставлено слишкомъ много учебной свободы; но большинство профессоровъ и просвѣщенныхъ людей совсѣмъ другого мнѣнія. Наблюдая на мѣстѣ жизнь нѣмецкихъ студентовъ, нельзя не согласиться съ послѣдними. Очень замѣчательно, хотя и очень естественно, что съ расширеніемъ свободы ученія въ самомъ университетскомъ юношествѣ развивается противодѣйствіе всякаго рода злоупотребленіямъ этой свободы. Какъ бы то ни было, не слѣдуетъ терять изъ виду, что если полная свобода ученія невозможна въ томъ или другомъ обществѣ въ данное время, при данныхъ обстоятельствахъ, то не предоставляя ее въ полной мѣрѣ, надобно однако къ ней идти, къ ней постепенно приближаться. Вотъ въ этомъ-то мы и видимъ коренную ошибку французскаго учебнаго законодательства, которое, вмѣсто того, чтобы постепенно воспитывать французское юношество къ свободѣ ученія, все только усиливаетъ и развиваетъ принудительное, обязательное ученіе, съ неизбѣжными его спутниками — поощрительными, предупредительными и карательными мѣрами.

Изъ сказаннаго о значеніи свободы ученія слѣдуетъ, что она предполагаетъ самостоятельныя занятія студентовъ науками. Безъ такого предположенія она вовсе не имѣла бы смысла, была бы правомъ ничего не дѣлать, чего нѣмецкіе университетскіе уставы никакъ не допускаютъ. Только при собственныхъ занятіяхъ, при самостоятельномъ изученіи слушателей, дѣлается вполнѣ понятною организація учебной части въ нѣмецкихъ университетахъ, роль и способъ дѣятельности нѣмецкихъ университетскихъ профессоровъ. Профессоры не учители, а руководители студентовъ. При такой роли ихъ необходимо, чтобы въ университетѣ, по возможности, по каждой важнѣйшей наукѣ, въ которой много спорныхъ вопросовъ, было нѣсколько профессоровъ различныхъ направленій и студенты могли такимъ образомъ сравнивать ихъ и выбирать любое. Такъ обыкновенно и дѣлается. Къ нимъ надобно еще прибавить приватъ-доцентовъ, которыхъ курсы во всѣхъ отношеніяхъ равны съ профессорскими. Не будучи учителями, а только руководителями молодыхъ людей, профессоры и приватъ-доценты заботятся не о передачѣ съ каѳедры всей науки, а только о томъ, чтобы студентъ имѣлъ возможность заниматься ею основательно и съ успѣхомъ. Существенныя основанія науки, взглядъ на нихъ, указаніе на источники и книги, по которымъ должно ее изучать, съ ихъ оцѣнкой, объясненіе правильной методы и точки зрѣнія на науку,— вотъ что составляетъ содержаніе университетскихъ лекцій и учебниковъ; послѣдніе часто ничего другого въ себѣ не содержатъ,

кромѣ указаній на источники и литературу. Еслибы лекціи не были однимъ руководствомъ для студентовъ въ ихъ занятіяхъ, а обнимали науку вполнѣ, то университетскій курсъ продолжался бы не три, не четыре, не пять лѣтъ, а десять, пятнадцать лѣтъ, да и въ такой срокъ профессоры все-таки не успѣли бы передать науку въ полномъ ея объемѣ; съ другой стороны, если бы студенты въ теченіе этихъ десяти или пятнадцати лѣтъ только тѣмъ и занимались, что записывали и твердили бы профессорскія лекціи, то они все-таки узнали бы науку очень недостаточно. Задача университетскаго ученія—не полное и подробное знаніе, которое для студента въ нѣсколько лѣтъ разнообразныхъ занятій рѣшительно недостижимо, а знакомство съ главными началами науки и важнѣйшими ея подробностями, правильный взглядъ на нее, привычка основательно ею заниматься, обращаться съ нею какъ слѣдуетъ, хорошее знаніе ея источниковъ и литературы, умѣнье гдѣ чего искать, когда понадобится. Къ этимъ цѣлямъ ведутъ какъ нельзя лучше съ одной стороны общіе курсы, въ которыхъ излагается въ узаконенномъ объемѣ и смыслѣ вся наука, съ другой—монографическія лекціи, въ которыхъ какая нибудь часть науки, или отдѣльный ея вопросъ разсматриваются съ величайшей подробностью, съ критикой и объясненіемъ источниковъ, съ изложеніемъ и разборомъ всѣхъ взглядовъ и теорій, относящихся къ предмету, и собственнаго мнѣнія профессора. Такія монографическія лекціи такъ же полезны какъ общіе курсы, если не болѣе; ими, по поводу какой нибудь частности, слушатели вводятся въ самую глубь науки, узнаютъ важное ея значеніе, знакомятся съ методой, пріемами самостоятельнаго изученія и получаютъ къ наукѣ живой интересъ. Кто такъ подробно, основательно изучилъ малую ея частицу, тотъ невольно въ нее втягивается, пріобрѣтаетъ вкусъ и смыслъ къ ней и съумѣетъ потомъ самъ найтись въ другихъ ея частяхъ и вопросахъ.

И такъ, свобода преподаванія и свобода ученія находятся между собою въ самой тѣсной органической связи, взаимно другъ друга обусловливаютъ и невозможны одна безъ другой. Право профессора распоряжаться своимъ предметомъ какъ ему кажется лучше было бы непонятно и необъяснимо безъ предположенія, что студентъ занимается наукою самъ, и наоборотъ: именно потому, что такое предположеніе лежитъ въ основаніи нѣмецкой университетской организаціи, и могла развиться свобода преподаванія въ томъ обширномъ, хотя и специфическомъ значеніи, которое такъ изумляетъ внѣ Германіи и въ которое иностранцу такъ трудно вдуматься.

Какимъ образомъ могло родиться въ Германіи предположеніе, что студентъ будетъ заниматься науками и изучать ихъ, когда въ другихъ странахъ, напротивъ, всегда предполагается, что молодые люди не могутъ, не хотятъ и потому не должны учиться самостоятельно? Отвѣта на этотъ очень трудный вопросъ должно, кажется, искать частью въ исторіи университетовъ, частью въ нѣмецкомъ національномъ характерѣ, наконецъ въ нѣмецкомъ домашнемъ быту и воспитаніи. При первомъ появленіи университетовъ и очень долго потомъ, чрезъ всѣ средніе вѣка, въ университетахъ учились не одни юноши, а люди всѣхъ возрастовъ, въ томъ числѣ возмужалые и даже старые, имѣвшіе уже иногда извѣстное общественное положеніе, какъ то практическіе юристы, лица духовнаго званія и сана, врачи, учители и т. д. Они, а не юноши, составляли большинство. Этимъ только и объясняется, отчего университеты съ профессорами, учителями и студентами могли образовать привилегированныя корпораціи, составляли особыя отъ другихъ сословія, какъ могли въ нихъ существовать партіи, которыя боролись между собою, какъ могли ректоры избираться не изъ однихъ профессоровъ, но и изъ студентовъ. Для взрослыхъ и возмужалыхъ слушателей были необходимы строгіе полицейскіе законы, но не учебная дисциплина, потому что они добровольно стекались со всѣхъ концовъ свѣта учиться подъ руководствомъ знаменитыхъ учителей, слава которыхъ разносилась всюду. Въ отношеніи къ такимъ слушателямъ свобода ученія водворилась сама собою, очень естественно, и не въ одной Германіи, а еще прежде въ Италіи, во Франціи, всюду, гдѣ были университеты; но съ постепеннымъ переходомъ ихъ къ нынѣшнимъ формамъ, когда они обратились почти исключительно въ высшія учебныя заведенія для молодыхъ людей, свобода ученія удержалась только въ протестантскихъ странахъ; въ католическихъ, напротивъ, въ университеты проникли строгіе учебные уставы, болѣе или менѣе напоминающіе порядки, принятые

въ тогдашнихъ монастырскихъ школахъ. Даже въ Германіи долго существовало, теперь впрочемъ почти исчезнувшее, различіе между католическими и протестантскими университетами; послѣдніе удержали средневѣковую свободу ученія, тогда какъ въ католическихъ, напротивъ, обязательное ученіе взяло верхъ и господствовало долгое время.

Впрочемъ исторія и обстоятельства только способствовали развитію въ Германіи учрежденія, котораго корня надобно искать въ національномъ нѣмецкомъ геніи. Нѣмцы собственно создали свободу ученія; она конечно была въ зародышѣ вездѣ, но вездѣ, кромѣ Германіи, изсякла, потому что не нашла нужной для себя почвы. Нѣмецкій народный характеръ объясняетъ отчасти, почему она у нѣмцевъ укоренилась и развилась въ прочное учрежденіе, составляющее теперь одно изъ краеугольныхъ основаній университетской организаціи. Нѣмецъ рожденъ для мысли и для умственной работы. Онъ сосредоточенъ и снаружи покоенъ: это дѣлаетъ его склоннымъ и удивительно способнымъ къ уединенной, тихой, скромной жизни; нѣмецкій умъ не имѣетъ живости и подвижности, которая такъ обаятельна въ южныхъ племенахъ; но зато онъ работаетъ упорно, съ необыкновенной настойчивостью. Еслибы нужно было нарочно придумывать народные типы для того или другого дѣла, нельзя придумать ничего лучше нѣмецкаго типа для занятія науками. Только посреди такого племени и могла родиться свободная наука, свободное ученіе. Другіе народы могутъ сознательно водворять у себя образцовыя нѣмецкія университетскія учрежденія; создать ихъ могъ только народъ съ такимъ національнымъ характеромъ, какъ нѣмцы. Ко всему этому присоединяются еще превосходный домашній бытъ и отличное устройство низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Въ нѣмецкой семьѣ и въ нѣмецкихъ школахъ вырабатываются тѣ добрые нравы, та привычка къ труду, къ порядку, вообще всѣ тѣ зачатки глубокаго гражданскаго просвѣщенія, которые большинство молодыхъ людей приноситъ съ собою въ университеты. Безъ этихъ условій свобода ученія давно бы не существовала въ Германіи.

Въ свободѣ преподаванія и ученія, какъ мы ее изложили,—вся тайна, весь смыслъ превосходной нѣмецкой университетской организаціи; это ея живая душа, къ которой все сводится, которою все объясняется. Нельзя однако не сознаться, что и нѣмецкіе университеты проходятъ теперь критическую тяжелую минуту, что и они находятся въ какомъ-то неопредѣленномъ, колеблющемся положеніи, котораго окончательный исходъ невиденъ; есть ли это перерожденіе или упадокъ, — пока ничего еще сказать нельзя. Стараясь объяснить, отчего происходитъ это ненормальное состояніе, перебираютъ все теперешнее университетское устройство до малѣйшихъ подробностей и, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, поочередно указываютъ на все, какъ на главную причину зла. Свобода преподаванія и ученія не избѣгла общей участи; ее тоже критикуютъ съ разныхъ сторонъ. Одни съумѣли увидѣть въ ней главную причину болѣзненнаго состоянія нѣмецкихъ университетовъ; другіе находятъ, что она недостаточна, и желали бы ее расширить; третьи выводятъ, что она вообще не можетъ имѣть особенной важности, что нельзя придавать ей большой цѣны, когда и при ней университеты приходятъ же въ Германіи въ разстройство. Сколько во всемъ этомъ правды, и какія настоящія причины ненормальнаго состоянія нѣмецкихъ университетовъ,—объ этомъ мы скажемъ въ слѣдующей статьѣ.

Берлинъ, 9/21 января 1863 года.

III.

Одинъ изъ обыкновенныхъ источниковъ многихъ ошибокъ и заблужденій есть, натуральное впрочемъ, предубѣжденіе въ пользу того, что имѣетъ успѣхъ, и противъ того, что колеблется или падаетъ. „Vae victis, переносимое въ обсужденіе вещей, мѣшаетъ видѣть ихъ какъ онѣ есть и спутываетъ понятія. Въ основаніи такихъ предубѣжденій, какъ и всѣхъ другихъ ошибокъ, конечно лежитъ справедливая мысль: все имѣетъ свои причины, и потому, разумѣется, ближе къ истинѣ предполагать и отыскивать ихъ, чѣмъ зажмуря глаза не хотѣть видѣть того, что дѣлается. Но противъ безпристрастнаго объясненія явленій мы и не возражаемъ, и говоримъ только объ огульномъ предубѣжденіи въ пользу или противъ. Обыкновенно, почти всегда, хорошее и дурное, правильное и неправильное, истинное и ложное подводятся при такихъ предубѣжденіяхъ подъ одинъ общій итогъ одобре-

нія или порицанія, при чемъ часто большое знаніе, большое остроуміе; служатъ не для выясненія истины, какъ бы слѣдовало, а для приданія научной благовидности и убѣдительности повальному сужденію, выведенному заранѣе впередъ. Еще хуже, что большинство не даетъ себѣ даже труда поближе вникнуть, отчего именно то или другое учрежденіе нынче цвѣтетъ, завтра блекнетъ, и такъ же безъ причины къ нему привязывается, какъ безъ причины охладѣваетъ, смотря по прибыли или убыли въ его силѣ и вліяніи.

Университетская свобода преподаванія и ученія прошла, какъ и все, чрезъ эти фазисы общественнаго мнѣнія. Давно ли ею восхищались какъ великимъ началомъ, незыблемымъ основаніемъ университетской организаціи? Теперь и ею и нѣмецкими университетами вообще интересуются гораздо менѣе; свобода преподаванія и ученія какъ будто померкла въ сознаніи; къ ней какъ то охладѣли; стѣсненіе ея возбуждаетъ теперь больше толки лишь въ тѣсномъ кругу; вообще же мнѣнія раздѣлены, а масса публики остается равнодушною; видимо, что академическая свобода не такъ живо принимается къ сердцу и въ общественномъ сознаніи отступила на второй планъ.

Отъ чего это? Что произошло недобраго съ нѣмецкой педагогикой и учебной свободой, что къ ней охладѣли противъ прежняго? Напрасно мы будемъ искать причинъ въ ней самой. Она та же, какъ была, даже дѣлаетъ значительные успѣхи, водворяется въ Германіи все глубже и глубже, проникла и туда, куда прежде не заглядывала, и признана почти всѣми современными германскими правительствами. Можно бы подумать, что ею потому именно мало и занимаются, что она пустила глубокіе корни; однако мы видимъ, что другія свободы, столько же старинныя, безспорныя и упроченныя въ Германіи, пользуются сравнительно гораздо бо̀льшимъ сочувствіемъ. Мы не видимъ этому другой причины, кромѣ склонности къ гуртовымъ пристрастіямъ и предубѣжденіямъ, о которой говорили выше. Когда какое нибудь учрежденіе процвѣтаетъ, въ силѣ, играетъ большую роль,—все въ немъ хорошо въ глазахъ большинства, даже его слабыя и дурныя стороны; оно тогда ихъ не замѣчаетъ, но чуть лишь учрежденіе начнетъ разстраиваться, приходитъ въ ненормальное состояніе,—къ нему охладѣваютъ, и тогда все, даже безспорно истинное и хорошее въ немъ, вдругъ представляется въ сомнительномъ или неблагопріятномъ свѣтѣ; въ лучшемъ случаѣ, оно теряетъ интересъ и занимательность, хотя бы ни мало не участвовало въ разстройствѣ учрежденія и не имѣло къ его болѣзненному состоянію никакого, ни прямого, ни косвеннаго отношенія.

Нѣмецкіе университеты не находятся теперь въ блистательной эпохѣ своего развитія. Для нихъ вышла тоже дурная полоса. Что послѣдуетъ за нею, — пора еще болѣе блистательной дѣятельности или упадокъ, — никакъ нельзя предвидѣть; а между тѣмъ ко̀ренное основаніе университетовъ, свобода преподаванія и ученія, уже подвергается сомнѣніямъ и нареканіямъ. Спрашиваютъ, ужъ не въ ней ли причина разстройства?—и многіе готовы отвѣчать утвердительно; большинство же, видя, что дѣло не ладится, охладѣваетъ безъ различія ко всему, чѣмъ держатся университеты, въ томъ числѣ и къ академической свободѣ.

Спросимъ и мы, въ свою очередь, участвуетъ ли свобода преподаванія и ученія въ теперешнемъ ненормальномъ состояніи нѣмецкихъ университетовъ, и если участвуетъ, то въ какой мѣрѣ? Это очень важный вопросъ, безъ разрѣшенія котораго все, что мы до сихъ поръ о ней сказали, было бы очень неполно и недостаточно. Если она участвуетъ въ ослабленіи университетской жизни и дѣятельности, то очевидно ее нужно преобразовать и тогда слѣдуетъ обсудить—какъ же именно? Если же колебаніе, замѣчаемое въ нѣмецкихъ университетахъ, происходитъ отъ причинъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ академической свободѣ, то надобно ее выгородить изъ повальныхъ обвиненій и равнодушія, которымъ она подвергается незаслуженно.

Уже два-три десятка лѣтъ замѣчается въ нѣмецкихъ университетахъ какой-то застой, на который всѣ жалуются. На каѳедрахъ таланты какъ будто встрѣчаются рѣже; рѣже раздается слово глубокаго убѣжденія, покоряющее умъ, захватывающее душу. Научная литературная дѣятельность профессоровъ громадна; но въ безчисленномъ количествѣ издаваемыхъ ими книгъ, изслѣдованій, руководствъ и т. п., нѣтъ того богатства свѣжихъ мыслей, научныхъ открытій, новыхъ точекъ зрѣнія, которыя заставляли прежде съ такою

жадностью бросаться на каждую новую книгу, вышедшую изъ-подъ пера знаменитаго профессора. Въ университетскихъ слушателяхъ видна тоже большая перемѣна; масса ихъ холодна и равнодушна къ наукѣ и научнымъ занятіямъ. Первые годы ученія обыкновенно проводятся праздно; въ остальные студентъ наскоро, кое-какъ приготовляется къ экзамену. Потребность знанія, любовь къ наукѣ, какъ будто уступили мѣсто матеріальному, практическому взгляду. Студенты занимаются наукой насколько необходимо для той или другой практической цѣли, и потому у профессоровъ, читающихъ предметы, изъ которыхъ спрашивается на экзаменахъ, аудиторіи переполнены слушателями; но объяви тотъ же профессоръ спеціальный курсъ, къ нему не придетъ никто.

Эти и подобныя имъ сѣтованія слышатся всюду. Научная жизнь и дѣятельность въ Германіи, а съ ними и нѣмецкіе университеты—въ упадкѣ, — вотъ что̀ говорится и повторяется устно и печатно на разные лады. Напрасно стали бы мы искать причинъ этого явленія въ ближайшей обстановкѣ и условіяхъ нѣмецкихъ университетовъ. Положеніе ихъ, съ какой стороны ни взять, блистательное. Личный составъ ученаго университетскаго сословія въ Германіи внушаетъ самое глубокое уваженіе; учебныя средства—громадныя; нѣмецкія правительства выказываютъ къ университетамъ и профессорамъ особенное вниманіе; университетскія учрежденія,—образцовыя. Есть, разумѣется, частности, которыя могли бы быть лучше; есть здѣсь и тамъ, обычаи и административныя распоряженія, которыя было бы полезно измѣнить или отмѣнить вовсе; но эти подробности исчезаютъ въ превосходномъ, удивительномъ цѣломъ, лучше котораго трудно себѣ представить. Что же недостаетъ нѣмецкимъ университетамъ?

Причины ихъ неопредѣленнаго, колеблющагося положенія скрываются, какъ мы думаемъ, въ общихъ условіяхъ вѣка и въ тѣсно съ ними связанномъ состояніи современной науки.

Что наше время переходное, — это повторялось много разъ, такъ что наконецъ обратилось въ общее мѣсто, о которомъ никто не споритъ. Но въ чемъ именно состоитъ переходный характеръ эпохи, отъ чего и къ чему идетъ человѣческій родъ,—это каждый объясняетъ по-своему.

Оставимъ въ сторонѣ гаданія и воздушные замки, которые не имѣютъ никакой достовѣрности и потому никакой научной цѣны, и остановимся на главныхъ общихъ направленіяхъ, которыя извѣстны въ прошедшемъ и настоящемъ и могутъ быть, съ большею или меньшею вѣроятностью, предвидѣны въ ближайшемъ будущемъ, по нѣкоторымъ признакамъ, составляющимъ знаменія времени; въ этихъ общихъ направленіяхъ мы найдемъ объясненіе многаго, въ томъ числѣ и теперешняго ненормальнаго состоянія университетовъ, которое никакъ нельзя объяснить изъ ближайшихъ причинъ.

Замѣтимъ прежде всего, что развитіе отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ человѣческихъ обществъ совершается, повидимому, по одному и тому же общему закону, который, выражаясь, при разныхъ обстоятельствахъ, въ самыхъ разнообразныхъ явленіяхъ и формахъ, опредѣляетъ всѣ главныя измѣненія въ направленіяхъ индивидуальной и общественной жизни. Этотъ законъ заключается, кажется, въ томъ, что два элемента, столько между собой различные и въ то же время органически соединенные въ одно цѣлое какою-то, до сихъ поръ намъ неизвѣстною и непонятною связью,—именно элементъ самодѣятельной, свободной, творческой мысли и элементъ необходимой, обязательной дѣйствительности, управляемой непреложными законами, независящими отъ нашей воли,—въ разныя эпохи развитія находятся между собою въ различныхъ взаимныхъ отношеніяхъ, которыя послѣдовательно измѣняются извѣстнымъ, правильнымъ образомъ. Съ той минуты, когда эти два элемента начинаютъ различаться другъ отъ друга, творческая, свободная мысль постепенно окрѣпаетъ, выдвигается на первый планъ и стремится стать не только самостоятельнымъ, но исключительнымъ и безгранично господствующимъ дѣятелемъ. Достигнувъ апогея своего развитія, этотъ элементъ не знаетъ другого закона кромѣ самого себя, другой истины, кромѣ своихъ внушеній. Необходимая дѣйствительность, съ ея неизмѣнными законами, не признается, даже едва замѣчается; неотразимая ея дѣятельность и явленія представляются какою-то слѣпою случайностью, стѣснительною для свободной мысли, которой только и приписываются права безусловной автономіи. Но ставъ на эту высшую точку односторонняго своего развитія, ис-

тощивъ все богатство содержанія, свободная мысль начинаетъ, мало-по-малу, терять творческій характеръ; ея усиленная производительность, казавшаяся неизсякаемою, постепенно оскудѣваетъ; тогда міръ необходимой дѣйствительности, заслоненный ею на время, мало-по-малу открывается и вступаетъ въ свои права. Съ этой минуты, вся жизнь, индивидуальная и общественная, получаетъ другой характеръ, принимаетъ новое направленіе. Главной задачей становится возстановленіе между обоими элементами нарушенной гармоніи, сведеніе ихъ опять къ единству, которое отъ вѣка соединяетъ ихъ въ одно органическое цѣлое.

Развитіемъ всего человѣческаго рода управляетъ, повидимому, тотъ же самый законъ; его только труднѣе подмѣтить и открыть, потому что частныя его примѣненія легко смѣшиваются съ общими; сверхъ того, степени и оттѣнки главныхъ направленій, когда ихъ разсматриваешь вблизи, увеличиваются въ размѣрахъ и кажутся сами главными направленіями.

Время, въ которое мы живемъ, по всѣмъ видимостямъ представляетъ такой переходъ отъ одного главнаго направленія къ другому. Поворотъ въ развитіи человѣческаго рода не только предчувствуется, но уже начинаетъ проступать въ нѣкоторыхъ, пока еще смутныхъ чертахъ и намекахъ. Послѣ невиданной въ мірѣ самоувѣренности свободной мысли, и въ теоріи и въ практикѣ появилось чрезмѣрное пристрастіе къ положительному, къ необходимой дѣйствительности, и чрезвычайное недовѣріе къ творческой дѣятельности мысли. Этимъ существенно и многозначительно отличается наше время отъ прошедшаго. Многіе готовы видѣть въ этомъ признакъ усталости, истощенія и безсилія, которыя всегда наступаютъ послѣ необыкновенной дѣятельности. Другіе указываютъ на разные зловѣщіе признаки, свидѣтельствующіе о разложеніи современнаго европейскаго общества, — на отсутствіе всякой вѣры, всякихъ твердыхъ убѣжденій, на глубокій скептицизмъ вѣка, на повсемѣстный упадокъ нравовъ, повсемѣстное возростаніе склонности къ сибаритизму, который переносится даже въ науку и въ искусство, на усиливающуюся страсть къ чувственнымъ наслажденіямъ, которая принимаетъ чудовищные размѣры и грозитъ подавить всѣ лучшія, благороднѣйшія, святѣйшія потребности и побужденія людей. Всего этого, конечно, нельзя отрицать; но такія явленія суть обыкновенные симптомы не только конечнаго упадка, но и всякаго перехода обществъ изъ одной формы развитія въ другую и потому, сами по себѣ, еще ничего не доказываютъ. Притомъ, рядомъ съ ними, есть признаки совсѣмъ другого рода, указывающіе на предстоящее возрожденіе. Положительное, реальное направленіе, которымъ отличается наше время, имѣетъ и всегда имѣло на умы отрезвляющее дѣйствіе; если же вглядѣться пристально въ характеръ современнаго реализма и вызываемой имъ дѣятельности, то нельзя не замѣтить, что онъ представляетъ явленіе совершенно новое, невиданное въ мірѣ, которое указываетъ на вѣроятное направленіе жизни въ ближайшемъ будущемъ.

Эти мысли всего яснѣе оправдываются наукой, которой движенія и повороты служатъ самыми вѣрными признаками направленія и путей сознанія. Съ перваго своего появленія у новыхъ народовъ, еще въ колыбели, наука выражаетъ уже безпокойство мысли, ея нетерпѣливое, тревожное стремленіе освободиться изъ подъ авторитета и сдѣлаться самостоятельнымъ и свободнымъ дѣятелемъ. Эту печать наука сохраняла еще не такъ давно въ высокой степени. Характеристическая черта, проходящая чрезъ все ея развитіе и движеніе въ Европѣ, есть постепенное крѣпчаніе мысли, которая получаетъ наконецъ полную автономію и въ творческой своей самодѣятельности не знаетъ границъ. Изъ подъ ея произвольнаго и исключительнаго господства прежде всего высвободились естественныя науки. Что природа и всѣ ея явленія управляются собственными органическими законами, которые измѣнить или отмѣнить не въ человѣческой волѣ, — это такъ очевидно, что прежде всего должно было броситься въ глаза. Только зная эти законы и сообразуясь съ ними, человѣкъ и можетъ, до извѣстной степени, приноровлять природу къ своимъ нуждамъ, желаніямъ и прихотямъ. Такимъ образомъ, изученіе природы прежде всего получило реальный, положительный характеръ и отдѣлалось отъ произвольныхъ построеній и теорій. Не смотря на то, что вѣра въ творческое всемогущество отвлеченной мысли лежала въ основаніи всей научной и практической дѣятельности, не смотря на всѣ усилія отвлеченной мысли снова подчинить своему господству и область

естественныхъ наукъ, онѣ не поддались этимъ попыткамъ, отстояли свою самостоятельность, выработали свою точную методу и удержались на строго положительной фактической почвѣ.

Обширный кругъ наукъ, имѣющихъ предметомъ духовную—умственную и нравственную—природу и дѣятельность человѣка, гораздо позднѣе сталъ разрабатываться строго фактически, положительно. Не представляя видимой, непосредственной реальности, подлежащей внѣшнимъ чувствамъ, проявленія духовной природы долго казались сочетаніемъ случайностей или произведеніемъ человѣческихъ предразсудковъ и прихоти, и потому считались средой, гдѣ творческая самодѣятельность мысли можетъ по праву развиваться исключительно и распоряжаться произвольно, безъ всякихъ ограниченій. Однако этотъ взглядъ мало-по-малу тоже измѣнился. Успѣхи наукъ, занимающихся явленіями и фактами духовной природы, неминуемо должны были привести къ предположенію, что духовная сторона человѣка, со всѣми ея разнообразными выраженіями въ мысли, вѣрованіяхъ, искусствѣ, общественности и практической дѣятельности,—тоже своего рода организмъ, какъ и физическая природа, живущій по своимъ особымъ, точно также неизмѣннымъ, непреложнымъ законамъ. Это-то предположеніе и лежитъ въ основаніи всѣхъ современныхъ научныхъ изслѣдованій и въ ихъ пріемахъ. Многое въ этомъ смыслѣ уже сдѣлано, несравненно больше остается еще сдѣлать. Новое направленіе науки не имѣетъ еще твердой поступи, не выработало точной методы. Выводы a priori являются нерѣдко рядомъ съ точными изысканіями; строго-фактическому изученію подкладывается подчасъ предвзятая теорія, принадлежащая минувшей эпохѣ науки; боязнь впасть въ матеріализмъ мѣшаетъ свободному развитію новыхъ примѣненій реализма, который, въ дѣлѣ изученія духовныхъ явленій, кажется подозрительнымъ, потому что впервые былъ примѣненъ съ успѣхомъ къ изученію физической матерьяльной природы. Все это очень естественно. Новое направленіе науки о духовной природѣ человѣка еще въ зародышѣ, вышло изъ научной почвы, воздѣланной отвлеченною мыслью и на ея развалинахъ, и вслѣдствіе этого сохраняетъ еще живые слѣды ея началъ и методы. Вспомнимъ, что отвлеченная мысль подала и первый поводъ къ точному, положительному изученію духовнаго элемента и его явленій и что потому научныя изслѣдованія въ этой области производились сперва подъ покровомъ, подъ формами и по методѣ творческой мысли. Разныя воззрѣнія a priori старались найти въ фактахъ, въ положительныхъ данныхъ, свое оправданіе, подтвержденіе и объясненіе и чрезъ это получали наружный видъ строгихъ фактическихъ изысканій, будучи на самомъ дѣлѣ апріористическими построеніями мысли, подъ которыя факты подыскивались и подбирались съ заранѣе извѣстною цѣлью, для подтвержденія предпосланнаго результата. Но какъ самые противоположные взгляды опирались такимъ образомъ на факты, то со временемъ эта положительная основа всякаго знанія должна была выдвинуться на первый планъ и стать предметомъ самостоятельнаго изученія, независимо отъ апріористическихъ предположеній и заднихъ мыслей.

Такъ понимаемъ мы глубокій внутренній смыслъ направленія, къ которому все болѣе и болѣе, сознательно и безсознательно, волей и неволей, неудержимо склоняется современная наука. Раскрытіе и разъясненіе неизмѣнныхъ законовъ, которыми управляется органическая жизнь и развитіе духовной природы человѣка, посредствомъ строго-научнаго, точнаго, положительнаго изученія фактовъ и явленій, въ которыхъ она обнаруживается, есть ближайшая, хотя можетъ быть и смутно еще понимаемая, задача всей современной научной дѣятельности. Когда разъ эта задача вполнѣ выяснится, когда вмѣстѣ съ тѣмъ теперешнія предположенія и предчувствія дѣйствительнаго, реальнаго существованія духовнаго организма обратятся въ глубокое убѣжденіе и несомнѣнную достовѣрность, тогда явится и новое міросозерцаніе, которое разрѣшитъ множество сомнѣній и вопросовъ, смущающихъ теперь умы, парализующихъ волю, изсушающихъ живые источники нравственныхъ побужденій и дѣятельности. Но это мы можемъ теперь только предчувствовать. Какъ именно, въ какомъ видѣ, въ какой формѣ разовьется новое міросозерцаніе,—этого нельзя предвидѣть: такъ далеко не хватаетъ умственное зрѣніе, заслоняемое ближайшими задачами и вопросами. Мы видимъ только, что родъ человѣческій готовится къ громадной умственной, научной работѣ. Никогда еще міръ не видалъ такого колоссальнаго накопленія научнаго матеріала, который все еще подносится

и подносится въ невѣроятныхъ количествахъ. Этой первой, черной работѣ не видать конца; она не только не ослабѣваетъ, а напротивъ, съ каждымъ годомъ усиливается. Много пройдетъ времени, смѣнится нѣсколько поколѣній, пока этотъ сырой матеріалъ получитъ первоначальпую обдѣлку, необходимую, чтобы можно было употребить его въ дѣло. Этимъ невиднымъ, неказистымъ, но благодатнымъ трудомъ заняты теперь почти исключительно всѣ лучшія умственныя и научныя силы, поглощена почти вся ученая дѣятельность. Кто не видитъ этой работы или не понимаетъ смысла такого современнаго направленія науки, отъ того скрыта самая плодотворная и многозначительная сторона вѣка, то, въ чемъ сосредоточилась теперь вся его лучшая, живая дѣятельность.

Остановимся на этомъ. Будущее направленіе жизни и сознанія можетъ интересовать насъ здѣсь не болѣе, какъ сколько нужно для объясненія настоящаго, посреди котораго существуютъ и развиваются университеты. По соображеніямъ, изложеннымъ выше, мы не только не считаемъ настоящаго положенія жизни и науки безнадежнымъ, но напротивъ, находимъ, что оно представляетъ необходимый естественный, органическій переходъ отъ одного направленія, вполнѣ развитого, къ другому, еще не установившемуся; но такой переходъ тяжелъ, и тѣмъ тяжелѣй и болѣзненнѣй, чѣмъ глубже, выше, труднѣе предстоящая цѣль и задача. На университеты онъ имѣетъ очень неблагопріятное вліяніе, и какъ мы уже сказали выше, въ немъ, въ немъ одномъ, должно искать причинъ тѣхъ ненормальныхъ явленій въ жизни и дѣятельности университетовъ, которыя по незнанію или ошибкѣ приписываются то свободѣ преподаванія и ученія, то разнымъ подробностямъ теперешняго университетскаго устройства въ Германіи.

Чтобы пояснить нашу мысль, войдемъ въ нѣкоторыя подробности теперешняго университетскаго ученія и преподаванія, возбуждающихъ много жалобъ. Предметъ, самъ по себѣ, заслуживаетъ глубокаго изученія, потому что недоразумѣнія, которымъ такія жалобы подаютъ поводъ, грозятъ университетамъ дѣйствительною опасностью, затемняя мало-по-малу правильный взглядъ на ихъ значеніе и призваніе, направляя университетское законодательство и администрацію въ ошибочную, ложную колею.

Общая жалоба на студентовъ та, что большинство ихъ учится мало, дурно, поверхностно, что многіе изъ нихъ сбиваются съ пути, пріобрѣтаютъ дурной складъ, дурныя привычки, дурную нравственность. Люди очень серьезные, добросовѣстные и безпристрастные, объясняютъ это тѣмъ, что студенты въ Германіи слишкомъ свободны, что за ними нѣтъ никакого нравственнаго руководства. Съ перваго взгляда они правы. Но посмотрите на дѣло пристальнѣе, что мы увидимъ? Тамъ, гдѣ студенты не имѣютъ такой свободы, гдѣ надъ ними учрежденъ надзоръ и руководители, результаты еще хуже. Для примѣра сошлемся хотя на Францію. Стало быть, не чрезмѣрная свобода, не отсутствіе надзора и руководства виноваты въ неудовлетворительномъ состояніи университетскаго ученія, а какія-нибудь другія причины, и ихъ не трудно отыскать въ общемъ характерѣ времени, въ переходномъ состояніи науки.

Начнемъ съ того, что отсутствіе глубокихъ вѣрованій и основныхъ, коренныхъ убѣжденій, составляющее характеристическую черту нашей эпохи, вездѣ и всегда выражалось въ мыслящемъ меньшинствѣ въ критическомъ направленіи, а въ большинствѣ шло рука объ руку съ расположеніемъ къ чувственнымъ наслажденіямъ, къ удовольствіямъ, къ разсѣянной жизни. Такія наклонности большинства рѣдко совпадаютъ съ серьезнымъ взглядомъ на вещи, съ привычкой къ умственному труду, съ упорной работой мысли, съ заботливой предусмотрительностью и обдуманностью. Тамъ даже, гдѣ они есть по природѣ, общій потокъ ихъ стираетъ и сглаживаетъ по недостатку точки опоры для противодѣйствія ему. Жизнь со дня на день, подъ вліяніемъ случайныхъ и минутныхъ впечатлѣній, безъ тягостной необходимости глубоко вдумываться во что бы то ни было, безъ докучливыхъ лишеній и стѣсненій,—вотъ идеалъ, который носится передъ воображеніемъ людей. Такое общее расположеніе невольно дѣйствуетъ и на студентовъ. Тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ достаточныя средства, легко смотрятъ на занятія, потому что спѣшатъ жить; а бѣдные, обязанные волей неволей учиться, чтобы пробить себѣ какъ-нибудь дорогу, занимаются безъ внутренняго влеченія, внѣшнимъ образомъ, изъ разсчета, не больше, чѣмъ необходимо нужно, чтобы составить себѣ положеніе и обезпечить впо-

слѣдствіи кусокъ хлѣба. Такимъ образомъ, ни тѣ, ни другіе, какъ ни различно ихъ положеніе, не приносятъ въ университетъ ни жажды знанія, ни любви къ наукѣ; а гдѣ этихъ внутреннихъ задатковъ нѣтъ, тамъ внѣшнія побудительныя средства ученія не помогаютъ и не могутъ помочь. Надзоръ и руководство достигаютъ своей цѣли, когда молодые люди сами сознаютъ ихъ необходимость и пользу, ихъ ищутъ, ихъ добиваются; но когда они навязаны внѣшнимъ образомъ, они тотчасъ вырождаются въ полицейскія мѣры и формальности, вредныя во всѣхъ отношеніяхъ. Поэтому въ Германіи поступаютъ весьма благоразумно, ограничивая весь надзоръ за студентами одними взысканіями за проступки, за дѣйствія, противныя университетской дисциплинѣ и законамъ, и предоставляя остальное времени и нравственному вліянію профессоровъ.

Кромѣ духа времени, самый характеръ современной науки мало способствуетъ нравственному воспитанію студентовъ, возбужденію въ нихъ любви къ наукѣ, страсти къ ученію. Большинство молодыхъ людей ищетъ въ университетѣ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ студенчества, не отвѣта на научные сомнѣнія и вопросы, которыхъ не имѣетъ, а удовлетворенія общей, не опредѣлившейся еще потребности знанія и убѣжденія. Въ этомъ возрастѣ умъ, чувство, воображеніе, слиты въ одно въ удивительномъ причудливомъ фантастическомъ хаосѣ. Оттого юноши почти всегда смѣшиваютъ профессора съ наукой, которую онъ читаетъ, охотно и лучше занимаются у того, кого любятъ, приписываютъ всякія нравственныя качества профессору, который проникнутъ своей наукой, хотя бы онъ ихъ вовсе не имѣлъ, и не цѣнятъ отличнаго преподавателя, оскорбляющаго ихъ нравственное чувство какими-нибудь недостатками. Все это происходитъ вслѣдствіе того, что юность не умѣетъ анализировать и различать. Для такого цѣльнаго возраста нужно цѣльное ученіе, которое бы обнимало всѣ важнѣйшіе вопросы бытія и давало бы на нихъ опредѣленные отвѣты, вытекающіе изъ глубокаго убѣжденія. Только сильное, глубокое, цѣльное убѣжденіе, какое бы оно впрочемъ ни было, въ состояніи сильно дѣйствовать на юношество и направлять его къ добру или злу. Молодыхъ людей можно заставить заниматься пристально, серьезно, только показавши впередъ къ какой живой, цѣльной истинѣ сводятся частныя ученія; подъ этимъ условіемъ никакой трудъ не покажется имъ сухимъ, обременительнымъ или скучнымъ. Но если въ концѣ усилій и трудовъ не будетъ манить такая живая, цѣльная истина, юношество будетъ относиться къ наукѣ вяло, лѣниво, неохотно, какъ бы она ни была отлично обработана и преподаваема, потому что въ юности частныя научныя истины цѣнятся только по ихъ связи съ общими, а не сами по себѣ; помимо общихъ, онѣ мало возбуждаютъ сочувствія и интереса.

Спросимъ теперь, удовлетворяетъ ли современное состояніе науки хотя сколько-нибудь такому требованію? Врядъ ли кто рѣшится, положа руку на сердце, отвѣчать утвердительно. Современная наука представляетъ невиданное зрѣлище; никогда не была она такъ богата и въ то же время такъ бѣдна, какъ именно теперь. Какую отрасль знанія ни взять, по всѣмъ матеріалъ накопленъ безчисленный, а новое зданіе еще не строится; то же, которое еще стоитъ, представляетъ нѣчто весьма нестройное: положенія вѣрныя и истинныя перемѣшаны съ сомнительными и очевидно ложными, гипотезы не различены отъ прочныхъ, неопровержимыхъ пріобрѣтеній науки, частныя истины стоятъ на ряду съ общими, переходныя комбинаціи фактовъ возведены на степень основныхъ положеній, практическіе отвѣты на вопросы, обусловленные временными и мѣстными обстоятельствами, зачастую играютъ роль неизмѣнныхъ начальныхъ основаній науки. Разобрать это разнохарактерное зданіе, выстроенное исподволь, по разнымъ мыслямъ и планамъ, изъ такого разнороднаго матеріала, еще нельзя, потому что силъ нѣтъ, да и замѣнить его пока нечѣмъ; вся дѣятельность обращена почти исключительно на частичную разработку и обдѣлку матеріала, который подавляетъ своею громадностью; здѣсь и тамъ онъ отчасти разсортированъ, даже прошелъ уже чрезъ первичную обдѣлку; но до постройки новаго зданія науки, даже до начертанія новаго плана—еще очень, очень далеко. Всего виднѣе это на теперешнемъ состояніи науки наукъ — философіи: въ ней должны соединяться основныя истины всѣхъ наукъ въ стройное, систематическое цѣлое; въ ней онѣ должны быть возведены къ тѣмъ самымъ общимъ началамъ, до которыхъ только можетъ подняться знаніе; но философія теперь

далеко не удовлетворяетъ этой существенной своей задачѣ; въ ней происходитъ точно такая же разработка матеріаловъ, какъ и во всѣхъ прочихъ наукахъ, потому что сдѣланное прежде не удовлетворяетъ болѣе. Твердыхъ руководящихъ началъ философія теперь не имѣетъ и пока ищетъ ихъ. Наибольшая часть серьезныхъ работъ по этой наукѣ обращена, главнымъ образомъ, на психологію; это одно уже ясно показываетъ, какъ поставленъ вопросъ: мы опять очутились у той точки, съ которой Локкъ и Кантъ заложили свои работы.

Какъ и почему пришла наука къ такому состоянію и что̀ оно значитъ, мы старались показать выше. Въ общемъ ходѣ ея развитія оно, безспорно, есть успѣхъ, важный шагъ впередъ; но на насъ, современниковъ, и на подростающія поколѣнія непосредственное его дѣйствіе—очень дурное и вредное, особенно если сравнить его съ вліяніемъ науки въ минувшую эпоху. Начавъ съ толкованія положительныхъ данныхъ, наука постепенно доработалась до коренныхъ вопросовъ бытія и думала найти рѣшеніе ихъ въ отвлеченной творческой мысли. Этимъ началомъ, правильнѣе—предположеніемъ, была проникнута вся область знанія; даже практическая жизнь и дѣятельность школы и мнѣнія, развившіяся въ то время, когда оно господствовало, различались между собою только способами его приложенія; подъ его почти исключительнымъ вліяніемъ разработывались научные факты, перестроивалась и направлялась дѣйствительная жизнь; словомъ, это была коренная истина, которая всюду предполагалась и служила точкою отправленія. Съ нею можно было не соглашаться и многіе не соглашались, но она представляла единое, цѣльное, энергическое начало, вѣрившее въ себя. Дѣйствіе его на людей и на ходъ событій было потому огромное. Кто не помнитъ или не знаетъ, какъ оно сильно отражалось на университетской жизни не въ одной Германіи; какъ оно привязывало молодыя поколѣнія къ наукѣ и ученымъ занятіямъ.

Теперь эта эпоха европейскаго развитія миновала. Вѣра въ творческое всемогущество отвлеченной мысли была тверда, пока послѣдняя не развилась въ полную, законченную, во всѣхъ частяхъ послѣдовательно проведенную систему. Какъ только это совершилось и начало было ясно сознано, односторонность и неудовлетворительность его не замедлили обнаружиться. Минута такого открытія не могла не быть очень тяжкою. Когда начало не выработано до крайнихъ своихъ послѣдствій, человѣкъ бодро переходитъ отъ одного его фазиса къ другому; стоя на той же самой почвѣ, вѣря въ то же основаніе, онъ только замѣняетъ одно его приложеніе другимъ, въ надеждѣ, что послѣднее будетъ вѣрнѣе, правильнѣе перваго. Но когда всѣ приложенія начала исчерпаны и оказались неудовлетворительными, когда вслѣдствіе того самая почва начинаетъ колебаться и уходить изъ-подъ ногъ, наступаетъ критическая минута мучительнаго раздумья и нерѣшимости. Все, что казалось окончательно рѣшеннымъ, сразу поднимается снова въ умѣ, и неизвѣстность куда идти, за что и какъ приняться, ложится тяжелымъ камнемъ на душу, болѣзненно гнететъ мысль.

Когда въ Европѣ кончилось господство безусловной отвлеченной мысли, когда вслѣдствіе того безграничное довѣріе къ выводамъ a priori замѣнилось довѣріемъ только къ факту, для науки и жизни конечно началась новая эпоха; но пока она не выяснилась и новое направленіе не укоренилось, наука, исключительно погруженная въ фактическую разработку, не имѣющая еще твердыхъ, ясныхъ руководящихъ началъ и общихъ основаній, не можетъ вдохновлять преподавателя, не можетъ дать цѣльнаго, глубокаго убѣжденія начинающему учиться. Именно потому, что она вся углубилась въ спеціальную разработку, она теперь мало занимается рѣшеніемъ общихъ вопросовъ, общихъ задачъ. Въ этомъ и скрывается одна изъ главнѣйшихъ причинъ, почему университетское преподаваніе не имѣетъ того вліянія на молодые умы, какое имѣло прежде, и почему большинство студентовъ учится безъ любви и увлеченія, лишь насколько практически полезно и нужно. Прежняя наука, хотя критическая и отрицательная, давала извѣстныя руководящія общія начала; теперешняя не даетъ ихъ и дать не можетъ.

Отсюда же проистекаетъ и другое зло, характеристическое для университетскаго ученія въ наше время. Во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ замѣчается развитіе спеціальнаго изученія на счетъ и почти съ исключеніемъ общаго. Предметы общаго образованія пренебрегаются за слушаніемъ спеціальныхъ курсовъ. Это рождаетъ въ молодыхъ людяхъ

преждевременный, узкій спеціализмъ, ограниченность во взглядѣ, на что всѣ жалуются. Кое гдѣ принимаются противъ этого административныя мѣры; напр., въ мюнхенскомъ университетѣ студентовъ обязываютъ слушать извѣстное число курсовъ по общимъ предметамъ; но такія мѣры не ведутъ ни къ чему и обращаются въ пустую, стѣснительную формальность, потому что противъ зла, вытекающаго изъ внутреннихъ, органическихъ причинъ, безсильны внѣшнія побудительныя мѣры; а искусственное, ненатуральное развитіе спеціализма въ молодыхъ людяхъ есть органическое зло, коренящееся въ переходномъ ненормальномъ состояніи самой науки. Углубившись почти исключительно въ фактическую, такъ сказать, матеріальную сторону предметовъ, наука по необходимости должна была раздробиться на множество отраслей, и чѣмъ больше фактическая сторона выдвигалась на первый планъ, тѣмъ болѣе дробились, спеціализировались науки. По свойству и предмету научной дѣятельности нашего времени, эта фактическая, матеріальная, сторона оттѣснила въ нихъ на второй планъ общія начала. Науки чрезвычайно увеличились въ объемѣ, включивъ въ себя по необходимости не только множество сырыхъ, не переработанныхъ матеріаловъ, но даже ученые пріемы, употребленные для изслѣдованія фактовъ, и даже самую исторію ученой ихъ разработки. Такимъ образомъ, вмѣсто системы, живого организма началъ и положеній, наука представляетъ теперь пока лабораторію научной дѣятельности, гдѣ производятся научные опыты, совершаются научные процессы, но еще не видно результата ихъ — выработанныхъ научныхъ истинъ. Послѣ всего, что мы сказали выше объ общихъ направленіяхъ жизни и сознанія, никто, надѣемся, не заподозритъ насъ въ желаніи прямо или косвенно бросить малѣйшую тѣнь на такое состояніе современной ученой дѣятельности; она не могла идти другимъ путемъ, и то, что она наконецъ на него вышла, мы считаемъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ признаковъ ея здоровья, прочнымъ ручательствомъ предстоящаго обновленія знанія. Но теперь, въ настоящую минуту, такое состояніе науки дѣйствуетъ крайне неблагопріятно на ея преподаваніе и на изученіе ея молодыми поколѣніями. Чтобы изложить, или чтобы основательно узнать какую-нибудь небольшую ея отрасль, нужно теперь несравненно больше времени, труда и усилій, чѣмъ прежде. Преподаваніе такъ расширилось, что студентамъ, за спеціальнымъ изученіемъ, не остается досуга для слушанія предметовъ общаго образованія. Самъ профессоръ не въ состояніи теперь овладѣть всей своей наукой и потому обыкновенно занимается исключительно одною какою-нибудь ея частью, слѣдя за разработкой другихъ издалека, такъ что по одному и тому же предмету, чтобы ознакомиться съ нимъ вполнѣ основательно, нужно выслушать нѣсколько курсовъ у разныхъ профессоровъ, иногда въ разныхъ университетахъ. Пока съ успѣхами наукъ не измѣнится теперешній ихъ видъ и характеръ, искусственнаго, узкаго, а потому ложнаго и вреднаго спеціализма нельзя отвратить никакими способами.

Не отдавая себѣ яснаго отчета, откуда проистекаютъ важные недостатки теперешняго университетскаго ученія, большинство хватается за первое, что попадается на глаза. Вмѣсто того, чтобы глубже вникнуть въ дѣло, взваливаютъ всю вину на профессоровъ и въ особенности на свободу преподаванія. Многіе думаютъ, что не имѣй профессоры полнаго права распоряжаться наукою какъ имъ кажется лучше, будь имъ предписана извѣстная программа, извѣстный взглядъ, который они были бы обязаны проводить въ преподаваніи, все пошло бы отлично; какъ будто въ университетѣ преподается не та наука, какая есть, а какая-то другая, особенная; какъ будто профессоры виноваты, что наука находится въ переходномъ состояніи и можно выдумать другую для употребленія студентовъ. Съ негодованіемъ описываетъ покойный министръ Фортуль, въ общемъ отчетѣ императору французовъ, то состояніе, въ какомъ онъ нашелъ преподаваніе въ высшей нормальной школѣ, при вступленіи своемъ въ министерство, и въ пышныхъ фразахъ излагаетъ энергическія мѣры, принятыя имъ для прекращенія найденныхъ педагогическихъ безпорядковъ.

Le goût de l'érudition, cette passion des peuples vieillis, qui préfèrent à l'étude de l'immuable vérité la recherche des formes changeantes qu'elle prend aux diverses époques de l'histoire, avait peu-à-peu envahi et dénaturé l'Ecole normale. L'enseignement, au lieu de s'y proposer une doctrine forte et féconde, y avait insensiblement degénéré en un vaste répertoire de souvenirs et de contesta-

tions; par suite, il s'etait fractionné en plusieurs espèces de nomenclatures qui demeuraient étrangères les unes aux autres. Suivant qu'ils se destinaient à enregistrer les vicissitudes du goût, des opinions ou des moeurs, les élèves, dans le langage officiel, s'appelaient eux-mêmes des littérateurs, des philosophes ou des historiens... La curiosité et la dispute étaient le fond de toute cette éducation et le but de tous ces efforts; à faire des instituteurs de la jeunesse, à leur imposer une méthode régulière et commune, on y songeait trop peu [1]).

Изложивъ за тѣмъ преобразованія въ устройствѣ нормальной школы, министръ такъ характеризуетъ введенное имъ въ ней преподаваніе:

Les connaissances humaines étudiées en elles mêmes, plutôt que dans les accidents de leurs histoire, sont un sujet d'enseignement et non point un objet en discussion; la verité démontrée par ses principes, fécondée par ses applications, à pris la place de l'érudition surchargée de ses curiosités et de ses doutes; l'étude approfondie et comparée des langues classiques a succédé à la poursuite des particularités de l'histoire littéraire; l'art de rendre sensibles les conséquences des vérités scientifiques a été substitué à l'art d'en rendre les définitions plus subtiles; tout tend à rétablir dans les esprits la discipline virile qui a fait la gloire des âges précédents [2]). (Réforme de l'enseignement, т. 1, стр. LXIII и LXIV).

Трудно понять такое ослѣпленіе. Въ другомъ мѣстѣ мы старались подробно объяснить, что ученая и педагогическая дѣятельность, принимающая общественный или политическій характеръ и дѣйствующая непосредственно на практическую жизнь, неизбѣжно подпадаетъ подъ условія уголовныхъ и полицейскихъ законовъ; это лежитъ въ самой сущности вещей, и потому мы находимъ совершенно естественнымъ, что государство въ такомъ случаѣ контролируетъ и, если нужно, ограничиваетъ научную и педагогическую дѣятельность, вышедшую изъ настоящихъ своихъ предѣловъ; но мысль, что государство можетъ предписывать программу для выводовъ науки, можетъ запрещать ей быть скептической и приказывать быть такой-то, а не другой,—верхъ непониманія того, что такое наука. Изслѣдованіе по природѣ своей свободно, или же невозможно и не существуетъ вовсе; между этими двумя крайностями нѣтъ и не можетъ быть середины, потому что свобода есть живая душа науки. Какимъ образомъ государство, выйдя изъ отрицательной и запретительной роли относительно науки, перейдетъ въ положительную,—станетъ предписывать мысли, изслѣдованію путь и результаты,—это совершенно непонятно, и возможно только тамъ, гдѣ, какъ во Франціи, наука перестала быть серьезнымъ дѣломъ, мысль потеряла всякій авторитетъ и уваженіе. О невозможности совершенно отдѣлить ученое изслѣдованіе отъ преподаванія мы уже сказали въ другомъ мѣстѣ и потому не считаемъ нужнымъ распространяться здѣсь болѣе.

Еслибы недостатки теперешняго университетскаго преподаванія и ученія вызывали однѣ жалобы, толки и разсужденія, то это было бы очень хорошо и полезно: дѣло выяснилось бы вполнѣ, безъ существеннаго вреда для университетской организаціи. Къ сожалѣнію, подъ вліяніемъ исчисленныхъ недостатковъ, самый характеръ студенческихъ занятій, а вмѣстѣ съ нимъ и характеръ уни-

---

[1]) Склонность къ эрудиціи, эта страсть устарѣвшихъ народовъ, которые предпочитаютъ изученію непоколебимой истины изслѣдованіе измѣнчивыхъ формъ, принимаемыхъ ею въ различныя эпохи исторіи, мало-помалу овладѣла нормальной школой и исказила ее. Преподаваніе, вмѣсто того, чтобы поставить себѣ цѣлью ученіе твердое и плодотворное, незамѣтно выродилось въ обширный указатель воспоминаній и ученыхъ споровъ; вслѣдствіе того, оно распалось на нѣсколько разрядовъ номенклатуръ, остававшихся чуждыми другъ другу. Смотря по тому, назначали ли себя воспитанники къ записыванію превратностей вкуса, мнѣній или нравовъ, они, на оффиціальномъ языкѣ, сами называли себя литераторами, философами или историками... Любопытство и пренія составляли основаніе всего этого воспитанія и цѣль всѣхъ этихъ усилій; о томъ, чтобы образовать наставниковъ юношества, подчинить ихъ правильной и общей методѣ, заботились слишкомъ мало.

[2]) Человѣческія знанія, изучаемыя въ нихъ самихъ, а не въ случайностяхъ ихъ исторіи, составляютъ предметъ преподаванія, а не предметъ преній; истина, доказываемая изъ ея началъ, сдѣлавшаяся плодотворною въ своихъ примѣненіяхъ, заступила мѣсто эрудиціи, переполненной курьезностями и сомнѣніями; глубокое и сравнительное изученіе классическихъ языковъ замѣнило отыскиваніе частностей исторіи литературы; искусство дѣлать послѣдствія научныхъ истинъ ощутительными поставлено на мѣсто искусства дѣлать опредѣленія этихъ истинъ болѣе утонченными; все клонится къ тому, чтобы возстановить въ умахъ мужественную дисциплину, составлявшую славу временъ прошедшихъ.

версктетскаго преподаванія, понемногу измѣняются.

Мы видѣли, что свобода преподаванія и ученія основаны на предположеніи, что студенты самостоятельно занимаются науками, подъ руководствомъ профессоровъ; самостоятельными занятіями университетскихъ слушателей существенно обусловливается академическое преподаваніе, въ томъ видѣ, какъ оно создалось въ Германіи. Очевидно, ослабленіе дѣятельности студентовъ не можетъ остаться безъ неблагопріятнаго дѣйствія на характеръ университетскаго преподаванія, и здѣсь и тамъ оно уже обнаруживается. Когда студенты перестаютъ сами заниматься, профессоры вынуждены, не ограничиваясь ролью руководителей, излагать науку въ возможной полнотѣ; и это даетъ студентамъ новый поводъ свести всѣ свои занятія на одно записываніе и изученіе профессорскихъ лекцій. Пассивное, страдательное расположеніе слушателей естественно требуетъ усиленія педагогической дѣятельности профессоровъ, а чрезъ это университетское преподаваніе и ученіе нѣсколько наклоняются къ гимназическимъ пріемамъ и формамъ. Такъ, кое-гдѣ лекціи даже не читаются, а диктуются; кое-гдѣ студенты записываютъ только тѣ главные выводы, которые профессоръ оттѣняетъ въ изложеніи особымъ удареніемъ голоса, и пропускаютъ объясненія и развитія, потому что они не нужны для экзаменовъ. Въ такихъ фактахъ мы провидимъ большую, серьезную опасность для университетовъ: полу-механическое воспринятіе преподаванія необходимо понижаетъ его уровень, измѣняетъ его значеніе и сглаживаетъ мало-по-малу черту, различающую университеты отъ высшихъ спеціальныхъ школъ.

Почти исключительно фактическое преподаваніе въ университетахъ, перевѣсъ въ немъ матеріальной стороны науки надъ началами, общими основаніями и истинами, и такое же почти исключительно-фактическое, спеціальное, техническое ея изученіе студентами влекутъ за собою другое зло, гораздо болѣе важное для университетовъ, чѣмъ всѣ прочія, потому что оно исподволь подкапываетъ ихъ теперешнее устройство, а съ тѣмъ вмѣстѣ ихъ основное начало, ихъ коренную идею. Нельзя не замѣтить, — мы говоримъ это съ глубокимъ прискорбіемъ, — что взглядъ на университеты, ихъ значеніе и призваніе, какъ-то потускнѣлъ и затемнился въ самой Германіи. Мы находимъ объясненіе этому только въ современномъ, переходномъ состояніи науки. Пока вѣра въ творческое всемогущество мысли лежала въ основаніи всей научной дѣятельности, пока въ наукѣ на первомъ планѣ стояли общія начала, общія положенія и истины, значеніе университетовъ и отличіе ихъ отъ спеціальныхъ школъ сознавались очень ясно и живо; университеты были въ общемъ мнѣніи центрами и главными органами науки, хранителями и распространителями общихъ научныхъ истинъ и убѣжденій. Но когда вѣра въ безусловное всемогущество отвлеченнаго мышленія поколебалась, и наука, въ лицѣ лучшихъ своихъ дѣятелей, обратилась исключительно къ чисто-фактической разработкѣ научнаго матеріала, не могъ, рано или поздно, не родиться вопросъ: для чего существуютъ университеты? Чѣмъ отличаются они отъ спеціальныхъ школъ? Что послѣдніе преподаютъ, каждая, особую отрасль наукъ, а въ университетахъ онѣ соединены вмѣстѣ, не составляетъ еще существенной разницы, а другая по немногу стала стушевываться и забываться. Если университеты подробно изслѣдуютъ и преподаютъ разныя науки, то вѣдь и спеціальныя школы дѣлаютъ то же самое. Преподаваніе въ послѣднихъ, правда, имѣетъ болѣе практическій характеръ, но почему же не можетъ имѣть такого же характера и университетское преподаваніе? Его можно придать; почему, напримѣръ, не создать въ университетахъ техническихъ каѳедръ, или даже техническихъ факультетовъ? Такимъ образомъ, мало-по-малу возникаетъ мысль, что университеты въ теперешнемъ своемъ видѣ — остатокъ средневѣковой старины, что устройство факультетовъ не имѣетъ раціональнаго основанія, держится только по преданію. Иные возвращаются къ старинному различенію философскаго образовательнаго факультета отъ прочихъ, спеціальныхъ, какъ будто оно можетъ теперь имѣть какой-нибудь смыслъ: всѣ науки, какъ философскаго, такъ и прочихъ факультетовъ, могутъ быть и спеціальными, техническими и общеобразовательными, смотря потому, какая сторона преобладаетъ въ ихъ изложеніи, — фактическая или внутренняя, общая, философская; исключительно спеціальными могутъ быть названы только науки прикладныя, которыя занимаются не началами, не общими основаніями, а одними примѣненіями ихъ для достиженія тѣхъ или другихъ цѣлей.

Словомъ, основная идея университетовъ,

вмѣстѣ съ основными началами наукъ, заслоняется и отодвигается на второй планъ матеріальной стороной знанія, практическими потребностями ежедневной жизни. Такимъ общимъ направленіемъ отзываются болѣе или менѣе и законодательныя мѣры и административныя распоряженія по нѣкоторымъ нѣмецкимъ университетамъ. Эти заведенія, стоющія большихъ денегъ, должны приносить непосредственную практическую пользу обществу и государству, — вотъ мысль, которая здѣсь и тамъ проглядываетъ довольно ясно, выказывая недовѣріе къ той общей пользѣ, хотя и не прямой, не опредѣлимой мѣрою и вѣсомъ, которую приноситъ наука и знаніе; замѣтно, не совсѣмъ сознательное может быть, предпочтеніе спеціальныхъ школъ университетамъ, нимало не удивительное въ такое время, когда специфическое значеніе и призваніе университетовъ померкли. Къ этому присоединяется, что на практическій взглядъ учебное заведеніе должно воспитывать нравственныхъ людей; а теперешняя наука, погруженная въ разработку фактовъ, не въ состояніи дать юношамъ твердыхъ общихъ началъ и убѣжденій, которыя одни могутъ выработать нравственное направленіе воли; университеты сообщаютъ теперь лишь массу фактическихъ знаній и критическій взглядъ на вещи. Поэтому и спрашиваютъ многіе: не лучше ли замѣнить эти заведенія спеціальными школами? Этимъ надѣются достигнуть разомъ двухъ цѣлей: положить конецъ критическому направленію и въ то же время создать, не обременяя государственной казны, учебныя заведенія, готовящія молодыхъ людей съ хорошими практическими свѣдѣніями, полезными для общества и для частныхъ лицъ. Преобразованіе университетовъ въ этомъ смыслѣ кажется, съ перваго взгляда, самымъ удобнымъ и легкимъ выходомъ изъ теперешнихъ безчисленныхъ педагогическихъ затрудненій. Опираясь на пресловутый здравый смыслъ и на основаніи политическихъ соображеній, разсчитывавшихъ не далѣе потребностей минуты, Франція смѣло ступила на этотъ роковой путь и уничтожила у себя университетское преподаваніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и науку. Германія не пошла такъ далеко, но къ сожалѣнію тоже не осталась совсѣмъ чуждой этому направленію мыслей. При основаніи новыхъ университетовъ и здѣсь имѣлось иногда въ виду создать высшія учебныя заведенія для приготовленія спеціалистовъ по разнымъ частямъ,—чиновниковъ для государственной службы, пасторовъ, медиковъ, учителей; это прямо выражено, наприм., въ статутахъ берлинскаго университета; нѣкоторымъ старымъ протестантскимъ университетамъ, не имѣвшимъ первоначально этой цѣли, какъ, наприм., лейпцигскому, она придана впослѣдствіи. Прилаживаніе университетовъ къ разнымъ практическимъ потребностямъ производится обыкновенно такимъ образомъ: слушаніе университетскихъ лекцій признается необходимымъ условіемъ для допущенія къ государственной службѣ, къ медицинской практикѣ, къ вступленію въ духовное званіе или къ занятію учительской должности. Каждое изъ этихъ практическихъ призваній открывается для желающихъ не иначе, какъ по выдержаніи установленныхъ экзаменовъ. Но чтобы имѣть право явиться къ такому экзамену, надобно представить свидѣтельство о выслушаніи въ университетѣ извѣстныхъ предметовъ, именно означенныхъ въ распоряженіяхъ правительства. Такимъ образомъ, косвенно, установляются принудительныя, обязательныя лекціи (Zwangscollegia). Противъ того, что эти курсы — обязательные, можно, пожалуй, возразить, что государство никого не принуждаетъ быть чиновникомъ, медикомъ, духовнымъ или учителемъ, и потому тотъ, кто хочетъ получить образованіе въ университетѣ, не имѣя практическихъ цѣлей, можетъ учиться чему и какъ ему угодно. Но это возраженіе, очевидно, вертится на игрѣ словъ. Каждый студентъ, если бы и не имѣлъ прямо въ виду той или другой практической карьеры, не захочетъ однако закрыть себѣ дороги для вступленія на практическое поприще, когда бы это ему понадобилось, и потому, какой бы ни имѣлъ планъ для послѣдующей дѣятельности, во всякомъ случаѣ долженъ будетъ, по необходимости, исполнить требованія закона, которыя повидимому предоставлены на его волю, а на самомъ дѣлѣ составляютъ такимъ образомъ принудительную мѣру; не говоримъ уже объ огромномъ большинствѣ бѣдныхъ студентовъ, обязанныхъ съ самаго вступленія въ университетъ думать о какомъ нибудь практическомъ поприщѣ и учащихся для обезпеченія впослѣдствіи своего существованія. Этимъ способомъ, косвенно, подрывается одно изъ коренныхъ основаній нѣмецкихъ университетовъ, — свобода ученія; студенты обременены множествомъ обяза-

тельныхъ курсовъ, нужныхъ для будущаго экзамена, такъ что у нихъ не остается свободнаго времени для занятія чѣмъ нибудь другимъ, кромѣ спеціальныхъ, практически полезныхъ предметовъ. Съ другой стороны, это же, косвенно, даетъ неестественное направленіе многимъ частямъ университетскаго преподаванія. Чтобы удовлетворить потребностямъ огромнаго большинства студентовъ, профессоры по необходимости должны сообразоваться въ своихъ лекціяхъ, прежде всего, съ требованіями предстоящихъ молодымъ людямъ экзаменовъ и вводить въ свои курсы много такого, что̀ собственно, въ научномъ отношеніи, не представляетъ особенной важности и могло бы быть опущено, безъ всякаго ущерба для науки. Если бы профессоръ вздумалъ пренебречь этими практическими потребностями аудиторіи, то онъ остался бы безъ слушателей, и потому долженъ, волей неволей, сообразоваться съ общимъ направленіемъ времени. Но этого мало: лишь только университетское преподаваніе получаетъ этотъ характеръ практической полезности, тотчасъ же возникаетъ вопросъ: не слѣдуетъ ли организовать университетскіе учебные курсы такимъ образомъ, чтобы каждый студентъ могъ, въ продолженіе опредѣленнаго времени, — трехъ, четырехъ или пяти лѣтъ — выслушать въ одномъ и томъ же университетѣ полный университетскій курсъ, въ необходимой постепенности? Этотъ взглядъ не чуждъ статутамъ берлинскаго университета, но высказывается кое-гдѣ и въ другихъ. Подобное требованіе заявлено теперь цюрихскимъ правительствомъ тамошнему университету, который всячески старается отстранить такую регламентацію учебной части. Если бы мысль организовать университетскіе курсы была проведена послѣдовательно, то неминуемо было бы подорвано и другое основное начало нѣмецкихъ университетовъ,— свобода преподаванія; рано или поздно она оказалась бы несовмѣстимою съ организаціей лекцій по извѣстной программѣ, разсчитанной по практическимъ надобностямъ молодыхъ людей.

Вотъ опасности, грозящія нѣмецкимъ университетамъ. Поспѣшимъ прибавить, къ чести нѣмецкихъ правительствъ, что они крайне осторожно и медленно ступаютъ на скользкій и гибельный путь примѣненія университетскаго преподаванія къ текущимъ практическимъ надобностямъ, въ концѣ котораго — смерть университетовъ и науки. Германія слишкомъ глубоко проникнута еще свѣжими преданіями блестящей поры университетовъ, чтобы здѣсь можно было опасаться за ихъ будущность. Рядомъ съ неблагопріятными признаками, указывающими на нѣкоторую наклонность къ французскимъ взглядамъ на науку и университеты, встрѣчаются и другіе, свидѣтельствующіе о рѣшимости твердо держаться прежняго пути. Такъ, въ той же самой Пруссіи, гдѣ больше всего обнаружилось расположеніе придать университетамъ характеръ практической пригодности, предполагается теперь совершенно отмѣнить косвенно-принудительные курсы, о которыхъ говорено выше, и при допущеніи къ экзаменамъ на должность или званіе требовать только свидѣтельства объ окончаніи университетскаго курса, т.-е. о слушаніи университетскихъ лекцій въ теченіи опредѣленнаго числа лѣтъ, а не свидѣтельствъ о слушаніи именно тѣхъ или другихъ предметовъ. Ганноверское правительство никогда и не вводило у себя косвенно-обязательныхъ курсовъ и неизмѣнно держалось начала свободы ученія. Сознаніе общеобразовательнаго характера университетовъ здѣсь такъ свѣжо и сильно, что въ юридическомъ факультетѣ гёттингенскаго университета до сихъ поръ нѣтъ особыхъ каѳедръ для преподаванія мѣстнаго права. Приглядываясь внимательно къ быту и значенію университетовъ въ Германіи, мы вынесли глубокое убѣжденіе, что нѣкоторыя законодательныя и административныя мѣры, отзывающіяся французскими понятіями,—явленія преходящія и не въ состояніи поколебать вѣковаго зданія академической нѣмецкой науки и жизни; поэтому мы видимъ въ нихъ не болѣе какъ доказательство того сбивчиваго, неяснаго понятія о значеніи призванія университетовъ, неблагопріятнаго для университетовъ общаго направленія времени, которое приписываемъ исключительно переходному состоянію науки и тѣсно съ нимъ связанному отсутствію твердыхъ основныхъ убѣжденій. Когда новый путь, на который наука теперь ступаетъ, вполнѣ выяснится, когда громадные научные матеріалы будутъ глубоко и многосторонне проработаны, тогда и эти выраженія временнаго ненормальнаго ея состоянія исчезнутъ сами собою. Въ плодотворной фактической почвѣ знаніе и убѣжденія получатъ несокрушимое, для всѣхъ очевидное и осязательное основаніе, кото-

раго до сихъ поръ еще не имѣютъ въ той мѣрѣ какъ бы слѣдовало; въ то же время, науки потеряютъ свою теперешнюю, неестественную пухлость, одутловатость, и опять сведутся въ одно стройное цѣлое, въ которомъ части будутъ проникнуты единствомъ общихъ руководящихъ началъ и истинъ. Удовлетворяя теоретической потребности знанія, наука, въ новомъ своемъ видѣ, создастъ твердыя убѣжденія для руководства воли и дѣятельности, чего не въ силахъ сдѣлать теперь по своей невыработанности. Когда эта пора наступитъ, выяснится вполнѣ и настоящее, глубокое значеніе университетовъ, какъ они задуманы и уже осуществлены нѣмецкимъ геніемъ; университеты станутъ тогда въ самомъ дѣлѣ свѣтильниками для обществъ, государствъ и народовъ, центрами научнаго теоретическаго знанія, образователями воли и нравственной стороны людей. Вопросы, которые теперь такъ часто возобновляются: для чего существуютъ университеты? какую приносятъ практическую пользу? не лучше ли замѣнить общее научное образованіе, которое они должны давать, техническимъ и спеціальнымъ?—сдѣлаются тогда невозможными. Университетская наука окажется полезною сама по себѣ общими своими дѣйствіями, и безъ ближайшихъ практическихъ приноровленій, какъ свѣтъ, вода, воздухъ.

Что это время рано или поздно наступитъ, это можно предсказать безошибочно, не будучи ни мечтателемъ, ни пророкомъ, по общему ходу времени, по направленію науки, по разнымъ многозначительнымъ явленіямъ, о которыхъ мы говорили выше, возвѣщающимъ поворотъ въ жизни и развитіи человѣческаго рода. Трезвость, обдуманность, реальность въ мысляхъ и дѣйствіяхъ больше и больше заступаютъ мѣсто необычайнаго броженія, которое характеризуетъ минувшій вѣкъ. Спокойный, многосторонній критицизмъ и глубокій реализмъ современной науки служатъ несомнѣннымъ указаніемъ пути, по которому мы идемъ.

А до тѣхъ поръ, пока наука не явится въ новомъ своемъ видѣ и не возродитъ всего, въ томъ числѣ и университетовъ, мы желаемъ Германіи, для ея славы и чести, въ интересахъ той же науки, чтобы нѣмецкіе университеты оставались пока въ томъ видѣ, какъ они есть, безъ всякихъ коренныхъ, существенныхъ измѣненій. Нравственное и общественное ненормальное состояніе, какъ и нормальное, имѣетъ свой ходъ, свое развитіе, котораго нельзя отвратить, какъ нельзя отвратить хода физической болѣзни, вообще всякаго органическаго процесса. Надобно выждать конца теперешней, неблагопріятной для университетовъ поры и заботиться прежде и больше всего о томъ, чтобы призраки, вызываемые болѣзнью, не сбили съ толку, не увлекли на заманчивый путь ошибочныхъ, ложныхъ преобразованій. Пусть Германія бережно хранитъ до будущаго лучшаго времени самое дорогое изъ всѣхъ ея наслѣдій отъ прошедшихъ вѣковъ. Нѣмецкія университетскія учрежденія, въ своихъ главныхъ основаніяхъ, принадлежатъ къ классическимъ, не умирающимъ созданіямъ исторіи, имѣютъ всеобщій всемірный характеръ и значеніе, способны къ безконечному развитію и безчисленнымъ примѣненіямъ къ историческимъ, временнымъ и мѣстнымъ обстоятельствамъ разныхъ странъ и народовъ. Теперь нѣмецкіе университеты, подъ вліяніемъ общихъ неблагопріятныхъ условій эпохи, тоже вянутъ, какъ будто замираютъ; проектамъ ихъ исправленій, улучшеній, преобразованій нѣтъ конца. Но именно эти проекты и доказываютъ, что нѣмецкіе университеты слѣдуетъ сохранять неприкосновенными, до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, когда люди будутъ способнѣе чѣмъ теперь вникнуть въ глубокій смыслъ этихъ учрежденій, лучше оцѣнить ихъ, чѣмъ цѣнятъ ихъ теперь, даже въ самой Германіи.

Вотъ результаты, къ которымъ, какъ намъ кажется, должно привести безпристрастное разсмотрѣніе ненормальныхъ явленій въ бытѣ и дѣятельности нѣмецкихъ университетовъ. Повторяемъ: причины, которыя мы старались выяснить, очевидно, не имѣютъ ничего общаго съ свободою преподаванія и ученія, и только ошибочный взглядъ на дѣло можетъ, по недоразумѣнію, приписать ей то, что вытекаетъ изъ самой сокровенной глубины современной жизни и зависитъ отъ общаго хода сознанія и судебъ человѣческаго рода.

(Журн. Мин. Нар. просв., 1863, мартъ и апрѣль).

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПИСЬМА

ОТЪ 25-ГО МАРТА (6-ГО АПРѢЛЯ) 1863 ГОДА

ИЗЪ ТЮБИНГЕНА.

Швейцарскіе университеты очень мало извѣстны вообще, не только у насъ, и потому мнѣ казалось полезнымъ удѣлить нѣкоторую часть времени на подробный ихъ осмотръ. Для этого я выбралъ два университета: базельскій и цюрихскій, посвятилъ имъ полтора мѣсяца, и затѣмъ могъ, безъ ущерба для цѣли путешествія, пропустить бернскій, менѣе замѣчательный.

Послѣ Швейцаріи предстояло объѣхать Германію. Для этого надобно было заранѣе опредѣлить, на какіе именно нѣмецкіе университеты слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, такъ какъ объ осмотрѣ всѣхъ нечего было и думать. Посовѣтовавшись съ базельскими и цюрихскими профессорами, большею частью нѣмцами, учившимися въ нѣмецкихъ университетахъ и хорошо съ ними знакомыми, я составилъ себѣ такой планъ: ограничиться изученіемъ одного или двухъ значительнѣйшихъ университетовъ по каждой изъ группъ, различающихся внутреннимъ устройствомъ, а именно: одного католическаго — мюнхенскаго; двухъ, сохранившихъ еще, какъ мнѣ сказывали, весьма старинныя учрежденія — лейпцигскаго и тюбингенскаго; двухъ новыхъ — берлинскаго и боннскаго; и затѣмъ еще двухъ, пользующихся большою извѣстностью не только въ Германіи, но и въ цѣлой Европѣ—гёттингенскаго и гейдельбергскаго. При составленіи этого плана, число студентовъ было мною принято въ весьма серьезное соображеніе; по нашимъ условіямъ, большіе университеты казались мнѣ интереснѣе и поучительнѣе, чѣмъ маленькіе, какихъ очень довольно въ Германіи.

Теперь, осмотрѣвъ всѣ эти университеты, я долженъ откровенно сознаться, что планъ былъ несовсѣмъ хорошъ и удаченъ. Австрійскихъ университетовъ я вовсе не видалъ, а знакомство съ ними для насъ можетъ быть очень полезно, во многихъ отношеніяхъ, особливо съ тѣхъ поръ, какъ эта держава, мало-по-малу, преобразуется. Профессоръ Вайцъ, въ Гёттингенѣ, очень совѣтовалъ мнѣ осмотрѣть университеты въ Галле и Эрлангенѣ, которые, по его словамъ, представляютъ много замѣчательныхъ особенностей, но я не могъ послѣдовать его совѣту, по недостатку времени; съ другой стороны, нѣкоторые изъ осмотрѣнныхъ университетовъ обманули мои ожиданія: мюнхенскій, съ 1849 года, потерялъ большую и существеннѣйшую часть тѣхъ особенностей, которыя отличали его учрежденія отъ протестантскихъ университетовъ; въ лейпцигскомъ, съ 1831 года, старыя учрежденія исчезли и остались лишь нѣкоторыя незначительныя воспоминанія объ нихъ, больше въ названіяхъ и частностяхъ, чѣмъ въ существенныхъ чертахъ; гейдельбергскій, въ отношеніи къ устройству, не представляетъ ничего замѣчательнаго, отличнаго отъ другихъ. И такъ, мнѣ бы слѣдовало, вмѣсто мюнхенскаго, посѣтить эрлангенскій университетъ, вмѣсто лейпцигскаго — одинъ изъ австрійскихъ, вмѣсто гейдельбергскаго— университетъ въ Галле. Къ сожалѣнію, недостатки составленнаго плана я могъ увидѣть только когда онъ былъ уже выполненъ и свободнаго времени болѣе не оставалось; а узнать ихъ прежде поѣздки я не могъ. Въ Германіи, богатой отличными монографіями по исторіи и объ ученой дѣятельности разныхъ университетовъ, нѣтъ сочиненій о ихъ внутренней организаціи и управленіи; наибольшая часть постановленій и распоряженій, которыми устройство университетовъ измѣняется, остаются въ архивахъ, вовсе не доходятъ до свѣдѣнія публики и могутъ быть изучены только на мѣстахъ. Поэтому мнѣ

часто случалось слышать, даже отъ профессоровъ, разсказы о существующихъ будто бы учрежденіяхъ другихъ университетовъ, которыя, какъ потомъ оказывалось, давно замѣнены новыми.

Однако, при всѣхъ этихъ частныхъ недостаткахъ и неполнотахъ, планъ поѣздки, вообще говоря, все же былъ довольно удовлетворителенъ. Если мнѣ и не удалось ознакомиться съ нѣкоторыми интересными видоизмѣненіями университетскаго быта въ Германіи, то все же видѣнное дало возможность составить объ организаціи нѣмецкихъ университетовъ достаточно подробное и ясное понятіе. При большомъ сходствѣ и близости главныхъ основаній, швейцарскіе и нѣмецкіе университеты имѣютъ, почти каждый, какія-нибудь свои, болѣе или менѣе замѣчательныя особенности. Во Франціи, министръ можетъ, сидя у себя въ кабинетѣ и глядя на часы, сказать что̀ именно, въ данную минуту, читается во всѣхъ французскихъ факультетахъ, лицеяхъ, коллежахъ; въ Германіи, это немыслимо, и только сравненіе устройства и постановленій многихъ университетовъ дастъ возможность вникнуть въ ихъ духъ, потому что они, своими особенностями, дополняются и поясняютъ другъ друга. Подъ конецъ поѣздки, новыя, оригинальныя черты стали мнѣ встрѣчаться рѣже и рѣже, изъ чего я позволяю себѣ заключить, что осмотрѣнные университеты обнимаютъ, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ всѣ главнѣйшія, замѣчательнѣйшія черты нѣмецкой университетской организаціи.

Сверхъ общаго плана поѣздки, необходимо было, сообразуясь съ оставшимся въ моемъ распоряженіи временемъ, силами и цѣлью путешествія, опредѣлить точнымъ образомъ самый предметъ изученія. Во-первыхъ, пришлось строго ограничиться одними университетами; но и въ самыхъ университетахъ предметовъ, достойныхъ изученія, такъ много, что глаза разбѣгаются; надобно было сосредоточиться и очертить кругъ занятій. При теперешнихъ условіяхъ и обстоятельствахъ нашихъ университетовъ, внимательнаго изученія требуютъ, какъ мнѣ казалось, прежде всего: внутреннее университетское устройство и управленіе, права, которыми они пользуются, отношенія ихъ къ центральному управленію, положеніе профессоровъ и студентовъ, полицейскіе и дисциплинарные уставы, которымъ послѣдніе подчинены, отношеніе университетскаго ученія и дипломовъ на ученыя степени къ государственной службѣ и къ патентованной общественной дѣятельности. На этихъ предметахъ я и сосредоточилъ исключительно все вниманіе, заглядывая въ ученую и педагогическую жизнь университетовъ не болѣе, какъ сколько было необходимо для выясненія указанныхъ выше вопросовъ.

По этимъ вопросамъ мнѣ удалось собрать весьма полные, драгоцѣнные матеріалы, состоящіе частью въ замѣткахъ, записанныхъ со словъ профессоровъ и университетскихъ чиновниковъ, частью въ особыхъ печатныхъ оттискахъ разнаго рода постановленій, правилъ и проч., частью, наконецъ, въ спискахъ съ документовъ еще не напечатанныхъ. Сравнительно небольшая часть заключается въ книгахъ и обнародованныхъ распоряженіяхъ правительства. Пріобрѣтеніе этихъ данныхъ не стоило мнѣ большихъ трудовъ или усилій. Кто не бывалъ въ Германіи и не имѣлъ дѣла съ университетами, тотъ не можетъ составить себѣ никакого понятія о предупредительности и внимательности профессоровъ и университетскихъ чиновниковъ, о ихъ готовности все объяснить, показать и разсказать что нужно. Благодаря особенной благосклонности ея императорскаго высочества, государыни великой княгини Елены Павловны, я былъ снабженъ рекомендаціей къ одному бывшему берлинскому профессору, живущему теперь въ Базелѣ, который познакомилъ меня съ нѣкоторыми изъ профессоровъ тамошняго университета; отъ нихъ я получилъ дальнѣйшія рекомендаціи въ другіе университеты, и такъ повторялось вездѣ, куда я ни пріѣзжалъ, такъ что, начиная съ Берлина, я всегда имѣлъ, въ слѣдующій университетъ, отъ десяти до пятнадцати писемъ или визитныхъ карточекъ отъ профессоровъ къ профессорамъ. Любезность, радушіе и гостепріимство ихъ меня глубоко тронули и оставили неизгладимыя воспоминанія. Каждый предлагалъ свои услуги; нѣкоторые дарили мнѣ даже книги и брошюры, въ которыхъ я нуждался и не могъ купить; университетскіе секретари и чиновники просиживали со мною цѣлые часы; случалось, что не имѣя досуга объясняться во время службы, они приглашали къ себѣ обѣдать и потомъ занимались со мною до поздняго вечера. Впрочемъ, не только тѣ, которымъ я былъ рекомендованъ, принимали меня такъ радушно; не знавшіе меня вовсе,

къ кому я только ни обращался съ вопросами, профессоры всѣхъ факультетовъ,—медики и теологи, протестантскіе и католическіе, филологи и юристы—были точно такъ же привѣтливы и внимательны. Въ этомъ отношеніи я не замѣчалъ никакой разницы между первыми учеными знаменитостями Германіи и начинающими ученую карьеру приватъ-доцентами, между кураторами университетовъ, министерскими референтами и писцами университетскихъ канцелярій. Словомъ, университетскіе нравы въ Германіи внушили мнѣ самое глубокое, безграничное уваженіе къ ней и къ ея университетскому сословію.

Чтобы хорошенько понять университетскую организацію, надобно было ознакомиться и съ финансовою частью университетовъ. По этой отрасли я тоже успѣлъ собрать подробныя свѣдѣнія, благодаря той же внимательности профессоровъ и чиновниковъ и при помощи оффиціальныхъ рекомендацій.

Если бы я захотѣлъ перечислить всѣ тѣ лица, благодаря которымъ могъ подробно изучить устройство осмотрѣнныхъ университетовъ, то пришлось бы наполнить именами нѣсколько страницъ. Назову однихъ чиновниковъ высшаго управленія, значительно содѣйствовавшихъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ, а именно: въ Берлинѣ, тайныхъ совѣтниковъ Olshausen'а и Richter'а по министерству публичнаго обученія и исповѣданій, и Friedberg'а — юстиціи; въ Карлсруэ, тайнаго совѣтника Fröhlich' а — по министерству внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ завѣдуется и учебная часть; въ особенности же въ Ганноверѣ, тайнаго совѣтника Warnstedt' а, управляющаго гёттингенскимъ университетомъ въ качествѣ главнаго секретаря кураторіума. Warnstedt имѣлъ благосклонность сообщить мнѣ чрезвычайно обстоятельныя и подробныя данныя о гёттингенскомъ университетѣ, въ видѣ отвѣтовъ на предложенные мною вопросы; эти отвѣты сами по себѣ—цѣлый обширный трудъ, который могъ бы составить очень интересную книгу.

Обиліе собранныхъ матеріаловъ и желаніе извлечь изъ нихъ всевозможную пользу для нашихъ университетовъ, заставили меня серьезно подумать о томъ, въ какой формѣ ихъ изложить. Общій взглядъ на основныя начала нѣмецкихъ университетовъ не укладывался въ рамку спеціальныхъ описаній, и потому все, что къ этому относится, само собою выдѣлилось въ двѣ статьи, которыя я уже имѣлъ честь представить. Что касается собственно описаній, то для составленія ихъ предстояло два пути; или описывать особо каждый университетъ, или же раздѣлить описаніе на предметы и каждый изъ нихъ изложить сравнительно по всѣмъ видѣннымъ мною университетамъ. Взвѣсивъ оба способа, я остановился на послѣднемъ, какъ на самомъ удобномъ, по слѣдующимъ причинамъ: 1) сравнительнымъ описаніемъ по предметамъ устраняются скучныя и безполезныя повторенія одного и того же и ссылки, которыя только затемняютъ изложеніе; 2) при сравнительномъ описаніи, предметъ выступаетъ ярче, его существенный характеръ, достоинства и недостатки обрисовываются лучше, а это имѣетъ для насъ практическую пользу; 3) неизбѣжные, при самомъ тщательномъ изученіи, пропуски и недосмотры стушевываются въ общей картинѣ и теряютъ свою важность. Окончательно рѣшился я на сравнительное описаніе вслѣдствіе соображенія, что для насъ, по крайней мѣрѣ теперь, не столько интересно и важно знать подробности внутренняго устройства и быта каждаго университета въ отдѣльности, сколько достоинства и недостатки существующихъ нѣмецкихъ университетскихъ учрежденій вообще. Подробнымъ сравнительнымъ описаніемъ посѣщенныхъ университетовъ, въ показанныхъ выше отношеніяхъ, я займусь вслѣдъ за осмотромъ послѣдняго изъ нихъ, тюбингенскаго.

Преполагаемое описаніе составитъ рядъ статей, которыя могутъ быть помѣщены въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія". Независимо отъ того, при осмотрѣ нѣмецкихъ и швейцарскихъ университетовъ, я сдѣлалъ нѣсколько наблюденій и былъ наведенъ на соображенія, которыя кажутся мнѣ до такой степени важными, что я считаю обязанностью изложить ихъ здѣсь съ нѣкоторою подробностью. Эти наблюденія и соображенія касаются двухъ пунктовъ: *студенческихъ обществъ* и *богословскихъ факультетовъ*.

Начну съ *студенческихъ обществъ*. Я всегда былъ того мнѣнія, что простое ихъ дозволеніе и взысканіе съ студентовъ не за образъ мыслей или направленіе, а за дѣйствія, запрещенныя закономъ и полицейскими правилами, какъ нельзя проще, короче и естественнѣе разрѣшили бы у насъ одинъ изъ труднѣйшихъ университетскихъ вопросовъ, передъ которымъ всѣ административныя мѣры

оказались до сихъ поръ недѣйствительными, причинивъ много зла. Изученіе студенческаго быта за границей и сужденія объ этомъ предметѣ лицъ, очень близко и практически знакомыхъ съ дѣломъ, окончательно и вполнѣ убѣдили меня въ совершенной, безусловной справедливости этого мнѣнія. Прежде всего замѣчу, что подъ вліяніемъ нѣмецкихъ университетскихъ свободъ, направленіе и образъ мыслей русскихъ студентовъ въ Берлинѣ и Гейдельбергѣ, въ числѣ которыхъ много моихъ бывшихъ слушателей, къ сердечному моему удовольствію, существенно измѣнились къ лучшему. Говорятъ, въ Гейдельбергѣ высказывались сначала крайнія мнѣнія, существовали между русскими кружки съ такъ называемымъ радикальнымъ направленіемъ, но мало-по-малу оно исчезло, уступивъ мѣсто разумному и спокойному образу мыслей, ясному сознанію черты, раздѣляющей практическую дѣятельность отъ теоріи и взглядовъ, а въ этомъ и заключается весь вопросъ. Образъ мыслей, въ разные возрасты, бываетъ очень различенъ, и пылкость, преувеличенія, свойственныя юношеству, нельзя ставить ему въ вину, лишь бы только въ массахъ молодежи образовалось спасительное убѣжденіе и привычка въ практической дѣятельности не выступать изъ предѣловъ строгой законности. Въ этомъ отношеніи, повторяю, я нашелъ между русскими студентами, за границей, отрадную перемѣну къ лучшему, несмотря на то,—правильнѣе сказать, именно потому,—что здѣсь они во сто кратъ свободнѣе, чѣмъ у себя въ отечествѣ.

Поразительнымъ доказательствомъ практической пользы студенческихъ свободъ служатъ наблюденія надъ бытомъ студентовъ въ Швейцаріи и Германіи. Въ Швейцаріи существуетъ право ассоціацій въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, вслѣдствіе чего студенты могутъ составлять какія угодно общества не только въ каждомъ университетѣ отдѣльно, но соединяться во всей Швейцаріи въ одно общество. Этимъ правомъ воспользовались студенты самыхъ различныхъ направленій, составляютъ и печатаютъ свои уставы и вербуютъ своихъ членовъ, не спрашивая ничьего дозволенія, не отдавая въ этомъ никому отчета. Въ Германіи, на самомъ дѣлѣ, существуетъ почти такая же свобода, только студенческія общества обязаны объявлять университетскому начальству свои уставы, имена своихъ выборныхъ и членовъ и мѣста постоянныхъ своихъ собраній; кромѣ того, студенты разныхъ университетовъ не могутъ организоваться въ одно общество, хотя періодическіе съѣзды выборныхъ разныхъ обществъ, изъ разныхъ университетовъ, допускаются. Всѣ знаютъ, что нѣкоторыя изъ такихъ обществъ въ Германіи, на самомъ дѣлѣ, имѣютъ политическій оттѣнокъ, занимаются политическими вопросами, поставили себѣ задачею приготовлять своихъ членовъ къ послѣдующей политической дѣятельности, въ томъ или другомъ направленіи; всѣ знаютъ, что уставы обществъ, представляемые университетскому начальству, содержатъ въ себѣ не совсѣмъ то, что происходитъ на самомъ дѣлѣ; что, напримѣръ, подъ выраженіемъ gesellschaftliches Vergnügen скрываются кутежъ и попойки, нерѣдко выходящія изъ границъ строгой нравственности, а подъ словами: wissenschaftliche Ausbildung —разныя политическія мечтанія; но на все это съ умысломъ и сознаніемъ смотрятъ сквозь пальцы, зная очень хорошо, что подобныя уклоненія не имѣютъ и не могутъ имѣть серьезнаго значенія и сами собою исчезнутъ, когда студенты перестанутъ быть юношами и сдѣлаются взрослыми людьми. Преслѣдуются однѣ крайности, однѣ излишества въ дѣйствіяхъ, однѣ серьезныя и обдуманныя попытки перевести политическія мечты въ дѣйствительность, осуществить ихъ на дѣлѣ. Какіе же результаты имѣетъ этотъ образъ дѣйствій швейцарскаго и нѣмецкихъ правительствъ относительно студенческихъ обществъ? А вотъ какіе: наибольшее число студентовъ, примѣрно $^{8}/_{10}$, не принадлежатъ ни къ какимъ обществамъ; студенты разныхъ направленій отдѣлились другъ отъ друга въ разные или чуждые другъ другу, или даже враждебные, немногочисленные кружки; скажу болѣе—и могу подтвердить это точными статистическими цифрами—крайнія мнѣнія вездѣ въ меньшинствѣ; большинство, вездѣ, умѣренно, спокойно-либеральное; самыя крайнія стремленія не могутъ удержаться, и образующіяся по временамъ въ этомъ смыслѣ общества закрываются вскорѣ послѣ своего появленія, за недостаткомъ членовъ. Повторяя въ маломъ видѣ то, что существуетъ и совершается въ дѣйствительной, практической жизни, студенческія общества выражаютъ, такимъ образомъ, совсѣмъ не одно крайнее, или радикальное, политическое направленіе, какъ бы можно было предполагать, но

вмѣстѣ и религіозныя, и аристократическія, и консервативныя, и художественныя, и собственно научныя стремленія. Разрѣшеніе студенческихъ обществъ, вмѣсто того, чтобы сплочать молодыхъ людей, какъ вездѣ и всегда бываетъ при запрещеніи, въ одну густую массу недовольныхъ, съ нѣкоторыми самозванцами-крикунами во главѣ, которые будто бы во имя всѣхъ студентовъ говорятъ то, чего они и не думаютъ,—такое разрѣшеніе, напротивъ, заставляетъ каждаго студента стать на свои ноги, имѣть свое мнѣніе. Принадлежность къ обществу, не представляя особенной привлекательности съ той минуты, когда она не облечена въ заманчивую одежду запрещеннаго, перестаетъ быть соблазнительной для огромнаго большинства, которое и отдѣляется прочь; остальные затѣмъ студенты, сравнительно очень не значительное число, тоже не остаются въ одномъ обществѣ, а раздробляются на множество кружковъ, существующихъ не во мракѣ, не въ видѣ тайныхъ обществъ, а на глазахъ у всѣхъ и каждаго, что̀ представляетъ огромное, неоцѣнимое преимущество и для правительства и для университетскаго начальства во всѣхъ отношеніяхъ.

На дняхъ мнѣ случилось разговаривать объ этомъ предметѣ съ секретаремъ тюбингенскаго университета. „Я бы могъ показать вамъ, сказалъ онъ мнѣ, цѣлую, очень толстую связку дѣлъ и бумагъ, относящихся къ студенческимъ обществамъ. Пока они были запрещены, тайныя общества между студентами не давали намъ покоя; объ нихъ производилась огромная переписка, принимались разныя мѣры, чтобы ихъ извести, и все понапрасну; они продолжали существовать и составляться вновь, несмотря ни на что. Но съ тѣхъ поръ какъ общества между студентами дозволены,—все успокоилось; съ этого времени, когда бы имъ можно было развиваться и процвѣтать, они пришли въ упадокъ и совсѣмъ обезсилѣли. Оказалось, что ихъ поддерживали преслѣдованія правительства". И это мнѣ говорилъ простой, нехитрый чиновникъ въ Тюбингенѣ, человѣкъ очень практическій, безъ всякихъ предвзятыхъ мнѣній и высшихъ взглядовъ.

Весьма глубокое замѣчаніе удалось мнѣ также слышать отъ другого университетскаго чиновника, если можно еще болѣе практическаго и положительнаго, чѣмъ тюбингенскій секретарь, — именно отъ старшаго педеля боннскаго университета. Разсказывая мнѣ разныя подробности о студентахъ и студенческомъ бытѣ, онъ, между прочимъ, сказалъ: „студенты,—это дѣти, которыя хотятъ, чтобы съ ними обращались какъ съ взрослыми людьми. Я, — прибавилъ онъ, — разумѣется никогда не подаю имъ виду, что это понимаю, и наружно сообразуюсь, въ этомъ отношеніи, съ ихъ желаніями". Въ этомъ премудромъ замѣчаніи вся тайна разгадки, какъ обращаться съ молодыми людьми. Подъ него вполнѣ подходятъ студенческія общества; когда запрещеніе искусственно не придаетъ имъ опаснаго и преступнаго характера, они сами собою обращаются въ невинную дѣтскую игрушку.

Профессоры, ректоры, кураторы, съ которыми мнѣ удавалось говорить,—всѣ, единогласно, въ пользу разрѣшенія свободнаго образованія студенческихъ обществъ. Нѣкоторые, какъ, наприм., Linné Erdmann, технологъ, ректоръ лейпцигскаго университета, услышавъ отъ меня, что у насъ студенческія общества запрещены, особенно рекомендовалъ мнѣ написать отъ его имени, что, по его убѣжденію, выведенному изъ практики и опыта, единственный способъ прекратить безпорядки и тайныя общества между студентами, — это разрѣшить свободное образованіе явныхъ, дозволенныхъ и терпимыхъ правительствомъ. Ректоры—Beseler въ Берлинѣ, Erdmann въ Лейпцигѣ, Busch въ Боннѣ, не считая профессоровъ, изъ которыхъ многіе тоже бывали ректорами, находятъ, что существованіе студенческихъ обществъ представляетъ, въ отношеніи къ надзору за студентами, къ розысканію виновныхъ въ преступленіяхъ и проступкахъ, наконецъ въ отношеніи къ сохраненію дисциплины и порядка между студентами, ничѣмъ не замѣнимыя преимущества для ближайшаго университетскаго начальства. Эти хорошія стороны заключаются, по ихъ словамъ, въ слѣдующемъ: 1) университетское начальство имѣетъ дѣло не со всею массою студентовъ, а съ ихъ выборными, стоящими во главѣ обществъ; а выборные гораздо лучше умѣютъ держать своихъ студентовъ въ порядкѣ и дисциплинѣ, чѣмъ педели и университетскія власти; 2) слѣдить за направленіемъ, образомъ жизни, родомъ занятій студентовъ, когда они разгруппированы на общества, гораздо легче и удобнѣе, чѣмъ за каждымъ студентомъ въ отдѣльности. Такъ какъ самые дѣя-

тельные, подвижные, талантливые, живые и увлекающіеся молодые люди, почти всегда, непремѣнно, принадлежатъ къ какому-нибудь студенческому обществу, а отъ нихъ преимущественно идутъ разные проступки и шалости, то, при существованіи обществъ, университетское начальство можетъ сосредоточить все свое вниманіе и надзоръ на нихъ однихъ, въ особенности на тѣхъ, которыя, въ полицейскомъ и дисциплинарномъ отношеніи, оказываются менѣе надежными; 3) въ студенческихъ обществахъ всегда, необходимо, образуется point d'honneur, понятіе о достоинствѣ и чести, которое вноситъ въ студенческій бытъ нравственный элементъ, заставляетъ молодыхъ людей наблюдать другъ за другомъ и тѣмъ воздерживаетъ большинство ихъ отъ предосудительныхъ поступковъ, наносящихъ безчестіе кружку или цѣлому университету; 4) нравственная отвѣтственность выборныхъ за поведеніе студенческихъ кружковъ заставляетъ и выборныхъ и членовъ обществъ быть осторожнѣе и осмотрительнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, рождаетъ внутреннюю дисциплину между студентами, безъ которой всѣ усилія университетскаго начальства водворить и поддержать въ университетѣ порядокъ и хорошіе нравы не ведутъ ни къ чему; 5) въ случаѣ проступковъ или преступленій, совершенныхъ неизвѣстно кѣмъ изъ студентовъ, гораздо легче разслѣдовать виноватаго при существованіи обществъ, чѣмъ когда всѣ студенты слиты въ одну сплошную, безразличную массу. Есть проступки унизительные, безнравственные, подлые, наносящіе безчестіе обществу студентовъ; такіе разыскиваются очень легко и скоро самими студентами, которые, разумѣется, не хотятъ, чтобы на всѣхъ нихъ падало подозрѣніе. Въ случаѣ проступковъ и преступленій другого рода, когда нельзя ожидать содѣйствія студентовъ въ розысканіи виновнаго, университетское начальство, по свойству проступка, всегда примѣрно знаетъ, или можетъ догадываться, изъ какого именно общества могъ выдти тотъ или другой проступокъ, и потому несравненно легче и скорѣе можетъ услѣдить виноватаго, чѣмъ когда направленія разныхъ кружковъ таятся во мракѣ и вслѣдствіе запрещенія обществъ не смѣютъ прямо и открыто выступать на свѣтъ Божій.

Вотъ результаты, къ которымъ пришли въ Германіи, послѣ долгихъ колебаній, ошибокъ и несчастныхъ запретительныхъ мѣръ, понапрасну погубившихъ много здоровыхъ, свѣжихъ, молодыхъ силъ. Дай Богъ, чтобы я ошибался; дай Богъ, чтобы мои предсказанія не сбылись; но я убѣжденъ, что дальнѣйшее запрещеніе у насъ студенческихъ обществъ родитъ еще много бѣдъ и несчастій. Спѣшу прибавить, что и разрѣшеніе ихъ, разумѣется, будетъ столько же гибельно, если удержатся существующій теперь взглядъ па студентовъ и наши обветшалые дисциплинарные университетскіе уставы. Въ Германіи не обращаютъ вниманія на образъ мыслей студентовъ; но нравственная и учебная дисциплина гораздо строже, чѣмъ у насъ. Проступки, оскорбляющіе публичную нравственность, противные чести, развратная жизнь, явное, часто повторяющееся неповиновеніе властямъ или полицейскимъ распоряженіямъ и совершенное пренебреженіе лекціями безъ особенно уважительныхъ причинъ, влекутъ за собою удаленіе изъ университета; это значитъ, что студентъ не только вычеркивается изъ университетскихъ списковъ, но удаляется изъ города, гдѣ находится университетъ, если не имѣетъ въ немъ правъ гражданства; а кто этого не исполнитъ, или самовольно возвратится, того сажаютъ за это въ тюрьму. Въ Германіи строго различаютъ юношескія увлеченія отъ непозволительныхъ, безнравственныхъ проступковъ, и смотря очень снисходительно на первыя, безпощадно и неумолимо преслѣдуютъ послѣдніе. Въ этомъ заключается глубокая разумность здѣшнихъ дисциплинарныхъ порядковъ. На студентовъ смотрятъ какъ на молодыхъ людей, т.-е. несовершеннолѣтнихъ, уже не дѣтей, но еще не взрослыхъ.

Другой предметъ, который, въ примѣненіи къ нашимъ обстоятельствамъ, показался мнѣ чрезвычайно важнымъ,—это *богословскіе факультеты.*

Печальное состояніе нашего духовенства, въ особенности бѣлаго, есть къ несчастью, фактъ слишкомъ общеизвѣстный, чтобы объ немъ можно было имѣть разныя мнѣнія. Образуя физически особое племя левитовъ, въ большинствѣ своемъ необразованное, бѣдное, зависимое отъ всѣхъ и каждаго, начиная отъ мужика и помѣщика, духовенство стоитъ у насъ особнякомъ посреди русскаго міра, не пользуясь ни сочувствіемъ, ни вліяніемъ, ни даже уваженіемъ. Едва-ли какая другая страна, кромѣ России, представляетъ

примѣръ, что служители вѣры, исповѣдуемой огромнымъ большинствомъ народонаселенія, совершители таинствъ, участвующіе во всѣхъ важнѣйшихъ минутахъ жизни каждаго,—что именно эти важныя лица—какіе-то странные люди, всѣмъ чуждые, только терпимые, да и то очень неохотно. Наше духовенство не годится ни для обученія народа, ни для вразумленія раскольниковъ, ни для привлеченія къ церкви не-христіанъ; о способности его вести съ успѣхомъ борьбу съ завоевательнымъ, воинственнымъ римскимъ католичествомъ, которое, пропитавшись духомъ и элементами стараго Рима, наслѣдовало отъ него страсть къ всемірному господству, конечно не можетъ быть и рѣчи. Такое жалкое состояніе нашего духовенства есть одно изъ самыхъ печальныхъ явленій русской жизни, и объяснять его одной, крайне плохой матеріальной обстановкой духовенства, или недостаткомъ юридическихъ гарантій, есть большая ошибка. Причина лежитъ гораздо глубже,—въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отчужденіи духовенства отъ всего народа. Оно учится по допотопнымъ учебникамъ и методамъ и ничего не знаетъ о теперешнемъ состояніи наукъ, о современномъ направленіи мыслей и стремленій, которое однако ему необходимо было бы знать, если не для чего другого, такъ хоть чтобы умѣть ему противодѣйствовать. При теперешнемъ своемъ образованіи, священникъ не выдержитъ спора и съ порядочнымъ гимназистомъ,—такъ ограниченъ кругъ его понятій, такъ его уму чуждо все то, что̀ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Римскій католицизмъ, не находя больше поля дѣятельности въ Европѣ, которая имъ пресытилась, зарится на славянскій міръ и на Россію въ особенности; такое состояніе духовенства ему какъ нельзя болѣе на руку. Полное безпристрастіе заставляетъ меня думать, что, съ точки зрѣнія вѣры и исторіи, наша церковь имѣетъ неоспоримыя преимущества передъ римско-католической, потому что древнѣе и притомъ чище сохранила преданія. При такихъ условіяхъ, казалось бы, ей и не стоило бы большого труда бороться съ римскимъ католичествомъ. А что мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Передъ его нападками она остается безсильною, нѣмою, безотвѣтною, не оказываетъ ему никакого противодѣйствія, не обнаруживаетъ никакой реакціи. За недостаткомъ духовнаго, нравственнаго сопротивленія, борьбу принимаетъ на себя свѣтская власть, и административными мѣрами, полицейскими распоряженіями, старается, сколько можетъ, достигнуть того, что̀ доступно только вѣрѣ, проповѣди, убѣжденію,—къ негодованію и крайнему соблазну вѣрующихъ и невѣрующихъ, православныхъ и иновѣрцевъ. А то ли было прежде? За̀ два слишкомъ вѣка тому назадъ, когда римское католичество далеко не было еще такъ подчинено и подорвано какъ теперь, православная церковь нашла въ себѣ довольно силъ, чтобы бороться съ нимъ въ Малороссіи и западной Россіи, и развившаяся подъ вліяніемъ этой борьбы духовная православная литература, люди, закаленные въ этой борьбѣ, школа духовныхъ іерарховъ, которую она создала, имѣли огромное вліяніе на Россію въ теченіи всего XVII и даже XVIII вѣка и заложили у насъ основаніе духовному и свѣтскому образованію, которымъ мы почти исключительно пробавлялись едва-ли не вплоть до нынѣшняго столѣтія. Какъ различна эта роль церкви и духовенства отъ той, которую они теперь играютъ!

Извлечь духовенство изъ его нынѣшняго, плачевнаго состоянія, пробудить церковь отъ неестественнаго оцѣпенѣнія, грозящаго ей большими опасностями, одно только средство: надобно, и какъ можно скорѣе, устранить все то, что̀ насильственно уединяетъ ихъ, разобщаетъ физически, умственно и нравственно со всѣми элементами народной жизни, поставить ихъ опять посреди этой жизни, какъ было прежде, что̀ конечно далеко не значитъ преобразовать церковь или придать ей свѣтскій характеръ. Первою, главною, существенною мѣрою на пути къ этой цѣли представляется слитіе духовныхъ училищъ и семинарій съ народными училищами и гимназіями и преобразованіе духовныхъ академій въ богословскіе факультеты при университетахъ.

Теперь въ цѣломъ нашемъ бѣломъ духовенствѣ нѣтъ ни одного человѣка не изъ духовнаго званія, а изъ числа высшихъ монашествующихъ властей, занимающихъ мѣста епископовъ, архіепископовъ и митрополитовъ, сколько мнѣ извѣстно, только одно или два такихъ лица, потому что высшее духовенство всѣми мѣрами привлекаетъ лучшихъ воспитанниковъ духовныхъ академій въ монашество и ими одними наполняетъ свои ряды, не допуская въ нихъ никого изъ посторон-

нихъ. Но когда не будетъ особыхъ духовныхъ школъ и семинарій и всѣ будутъ учиться въ однихъ народныхъ училищахъ и однихъ гимназіяхъ, духовенство начнетъ пополняться изъ богословскихъ факультетовъ, лицами всѣхъ званій, состояній и общественныхъ положеній, и теперешній его характеръ особой касты, какъ бы особаго племени, исчезнетъ мало-по-малу самъ собою.

Я знаю, что противъ учрежденія богословскихъ факультетовъ есть много возраженій и притомъ съ самыхъ противоположныхъ точекъ зрѣнія. Одни опасаются вліянія духовенства на университеты, другіе, наоборотъ, вліянія университетовъ на духовенство и церковь. И то и другое опасеніе, если вглядѣться въ нихъ пристальнѣе, производятъ самое горестное и тяжелое впечатлѣніе, показывая, какъ неестественны у насъ взаимныя отношенія свѣтскаго и духовнаго элементовъ. Гдѣ же, въ какой странѣ, кромѣ Россіи, видно и слышно, чтобы духовное начальство вело переписку съ полиціей о запрещеніи мантилій съ крестообразными нашивками, дѣлало выговоры священникамъ, призывающимъ Божіе благословеніе на телеграфы и желѣзныя дороги, преслѣдовало геологическія картины, или чтобы священники (какъ случилось испытать мнѣ самому въ молодости) оспаривали открытіе Галилея, на томъ основаніи, что, по словамъ пророка, земля стоитъ на китѣ? Такія явленія возможны только въ странѣ, гдѣ духовенство одичало отъ обособленности и разобщенности съ наукой и міромъ и утратило, по той же причинѣ, всякое понятіе объ истинѣ вѣры; а такому духовенству было бы не только очень полезно, но совершенно необходимо побывать въ университетскихъ аудиторіяхъ и почаще встрѣчаться съ университетскими профессорами. Съ другой стороны, въ какомъ другомъ государствѣ, кромѣ той же Россіи, можно встрѣтить такое полное, совершенное отчужденіе большинства профессоровъ и студентовъ, не отъ вѣры, а отъ церкви и исповѣданія четырехъ-пятыхъ всего народонаселенія, къ которой и они сами принадлежатъ по имени? Вражду къ исповѣданію и церкви, отрицаніе ихъ, я бы понялъ; но совершенное къ нимъ равнодушіе, незнаніе ихъ, какъ будто бы они вовсе не существовали, — это фактъ безпримѣрный и крайне безобразный, сильно и вредно отзывающійся на всей нашей умственной и нравственной жизни. Здѣсь, какъ мнѣ кажется, скрывается настоящая, глубокая причина того безплодія, которымъ поражена вся наша современная научная, литературная и художественная дѣятельность. Вѣрить или не вѣрить, принадлежать къ церкви или не принадлежать, есть дѣло совѣсти; но когда вѣра и церковь огромнаго большинства народа ни положительно, ни отрицательно не играетъ въ его умственномъ развитіи никакой роли, не имѣетъ никакого значенія, можно безошибочно утверждать, что такое развитіе — противоестественное и непремѣнно безплодное, потому что въ немъ, значитъ, недостаетъ одного изъ важнѣйшихъ составныхъ элементовъ, которыми опредѣляется народная жизнь. При такихъ условіяхъ, ввести церковь въ университеты въ лицѣ богословскихъ факультетовъ я, не обинуясь, считаю дѣломъ первой необходимости. Ежедневныя сношенія, въ однѣхъ и тѣхъ же аудиторіяхъ, ежедневный обмѣнъ мыслей между студентами богословскаго и прочихъ факультетовъ, добровольное слушаніе студентами разныхъ факультетовъ лекцій у отличныхъ профессоровъ богословскихъ наукъ, какъ теперь студенты однихъ факультетовъ добровольно слушаютъ курсы въ другихъ, было бы, я убѣжденъ, крайне полезно. Теперь эта живая, настоятельная потребность общенія между университетомъ и церковью удовлетворяется—больно выговорить—обязательнымъ слушаніемъ нравственнаго богословія, а еще недавно логики и психологіи, у университетскаго священника! Трудно представить себѣ положеніе болѣе жалкое и унизительное, какъ этого лица. Затерянный въ чуждой ему средѣ, которая тоже совершенно безучастна къ представляемому имъ элементу, незнакомый съ современной наукой, потому что учился по Богъ вѣсть какимъ учебникамъ, университетскій законоучитель есть воплощенное выраженіе разладицы въ нашей внутренней жизни. Придать авторитетъ началамъ, которыя онъ представляетъ, онъ не можетъ, потому что научно къ этому не подготовленъ, не знакомъ съ изгибами современной мысли и направленій; по той же причинѣ, онъ не можетъ, еслибы даже захотѣлъ, сдѣлаться органомъ свѣтской науки; притомъ этого не допускаетъ его достоинство, его характеръ духовнаго лица. Нѣкоторые, не дорожа этимъ своимъ характеромъ, ищутъ выхода изъ положенія, на самомъ дѣлѣ безвыходнаго, въ весьма непозволительномъ заи-

скиваніи благорасположенія студентовъ, что, разумѣется, не только не помогаетъ дѣлу, а напротивъ, роняетъ еще болѣе, въ глазахъ всѣхъ, и предметъ и представителя церкви въ университетѣ.

По изложеннымъ причинамъ, я считаю учрежденіе богословскихъ факультетовъ въ университетахъ желательнымъ, полезнымъ и необходимымъ, какъ въ интересахъ церкви, такъ и въ интересахъ университета. Конечно, не слѣдуетъ себя обманывать: первая ихъ встрѣча, въ однѣхъ и тѣхъ же стѣнахъ, безъ сомнѣнія, не обойдется безъ болѣе или менѣе значительныхъ недоразумѣній, столкновеній и даже борьбы. Но вѣдь, такъ или иначе, а все это должно произойти, рано или поздно, и потому лучше, чтобы оно случилось раньше, чѣмъ поздно, и въ этой формѣ, а не въ какой-нибудь другой. Нѣтъ сомнѣнія, что впослѣдствіи обѣ стороны осмотрятся и обоюдныя ихъ рѣзкости и шероховатости, подъ вліяніемъ безпрестанныхъ сношеній мало-по-малу сгладятся, обѣ позаимствуются другъ отъ друга тѣмъ, чего недостаетъ у каждой; отсюда родится убѣжденіе въ необходимости взаимно другъ друга не только терпѣть, но признавать и уважать, а это принесетъ самые добрые плоды, во всѣхъ смыслахъ. Наша церковь, по внутреннему своему влеченію, никогда не была ни фанатической, ни завоевательной; она никогда не насиловала совѣсти, не сѣяла вражды въ семействахъ, не ссорила правительствъ съ народомъ, не прокрадывалась, подъ свѣтской одеждой, въ гражданскій бытъ, чтобы отравлять, во имя вѣры, взаимныя отношенія людей. Наша церковь предоставляетъ каждому думать и вѣрить какъ онъ хочетъ и, смотря по его вѣрѣ, считаетъ или не считаетъ его принадлежащимъ къ своему стаду, вѣрнымъ или невѣрнымъ сыномъ; на свѣтское положеніе человѣка это мнѣніе или сужденіе церкви не должно имѣть, по ея внутреннему характеру, никакого вліянія, и если мы видимъ противное этому, то причины должно искать не въ ея существѣ, а въ томъ, что государство обратило ее въ свое орудіе, для достиженія разныхъ свѣтскихъ цѣлей, чуждыхъ вѣрѣ и церковнымъ интересамъ. Судя по этому характеру нашей церкви, я убѣжденъ, что богословскіе факультеты сживутся у насъ съ университетами гораздо скорѣе, чѣмъ вообще привыкли думать, ибо если характеръ нашей церкви дѣйствительно таковъ, какимъ я его себѣ представляю, то можно и не будучи православнымъ, или даже вообще вѣрующимъ, не питать къ ней никакой вражды, но, напротивъ, цѣнить и уважать ее.

Крайняя необходимость учредить у насъ богословскіе факультеты при университетахъ вытекаетъ еще изъ другихъ соображеній первостепенной важности. Я разумѣю отношеніе у насъ церкви къ государству.

Теперешнее положеніе русской церкви, съ какой стороны ни посмотрѣть,—самое неестественное, самое ненормальное. Ея апатія, мертвенность, обособленность не есть ея природное свойство, какъ многіе ошибочно думаютъ, забывъ исторію, а плодъ чрезвычайныхъ, временныхъ обстоятельствъ, создавшихъ то свѣтское законодательство, которымъ она теперь управляется. Чтобы объяснить это, надобно припомнить, что съ древнѣйшихъ временъ, именно уже съ Ярослава перваго, не было ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго и сильнаго русскаго князя, который бы не пытался подчинить церковь свѣтской власти. Новгородъ великій поступалъ точно также, какъ князья. Рядъ такихъ отрывочныхъ попытокъ, не имѣвшихъ, впрочемъ, прочнаго успѣха, тянется до самаго прекращенія удѣловъ въ Россіи. Какъ только московское государство окончательно сложилось, уже съ Іоанна III, возникла правильная, непрерывающаяся борьба между церковью и государствомъ, кончившаяся лишь въ половинѣ XVIII вѣка секуляризаціей церковныхъ имуществъ. Смыслъ этой борьбы и результатъ ея былъ тотъ же, какъ и всюду: церковь перестала быть у насъ самостоятельнымъ, независимымъ отъ государства политическимъ, свѣтскимъ учрежденіемъ и по внѣшней, матеріальной, мірской своей сторонѣ должна была покориться свѣтской власти и свѣтскому закону, удержавъ свою автономію въ дѣлахъ вѣры, христіанской нравственности убѣжденія и совѣсти.

Теперь прошло уже цѣлое столѣтіе, какъ борьба кончилась законною и справедливою побѣдою государства и свѣтской власти; а между тѣмъ законодательство наше, насколько оно касается церкви, еще и до сихъ поръ дышетъ всѣмъ насиліемъ, всею враждою только что одержанной побѣды. Наша церковь томится подъ суровымъ закономъ, который раздраженный побѣдитель вездѣ налагаетъ на побѣжденнаго, послѣ упорнаго, продолжительнаго его сопротивленія. Къ довершенію

всего, побѣжденную церковь заставили у насъ служить разнымъ, чуждымъ ей свѣтскимъ цѣлямъ, сдѣлали орудіемъ въ дѣлахъ, которыя ей, по существу ея, совершенно равнодушны и ни мало до нея не касаются. Вотъ истинная причина, почему наша церковь такъ безгласна, такъ бездѣятельна, духовенство такъ вяло, равнодушно и невѣжественно.

Все это не можетъ теперь продолжаться очень долго. Чѣмъ болѣе будутъ разрабатываться внутренніе русскіе вопросы, чѣмъ сильнѣе и сильнѣе будетъ чувствоваться потребность глубокихъ преобразованій, чѣмъ настоятельнѣе будетъ высказываться необходимость дѣятельнаго участія церкви въ развитіи нашей внутренней жизни, тѣмъ очевиднѣе, осязательнѣе будетъ становиться, что церковь не можетъ долѣе оставаться въ теперешнемъ своемъ крайнемъ стѣсненіи. Важный, громадный вопросъ: въ какія же отношенія должна она быть поставлена къ государству?—неизбѣжно, рано или поздно, поднимется, и поднимется онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, вдругъ, неожиданно, когда объ немъ наименѣе будутъ думать. „Папежскіе замахи“, какъ называлъ Петръ Великій властолюбивые помыслы высшаго русскаго духовенства, были и есть и могутъ попытать осуществиться, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, которыя, когда поднимается вопросъ, легко могутъ и представиться. Въ этомъ отношеніи, учрежденіе богословскихъ факультетовъ при университетахъ имѣетъ, какъ мнѣ кажется, государственное значеніе, связывается съ прошедшими и будущими историческими судьбами Россіи. Воспитаніе духовенства въ замкнутыхъ, отдѣленныхъ отъ остальнаго общества заведеніяхъ, едва ли не есть большая, капитальная политическая ошибка, которая можетъ дать нашей церкви ложное направленіе и родить впослѣдствіи важныя затрудненія для государства. Очень многозначительно, что католическое духовенство вездѣ, и во Франціи и въ Германіи, очень неблагопріятно смотритъ на богословскіе факультеты при университетахъ, всячески старается отвязаться отъ нихъ и выгородиться въ особыя отдѣльныя семинаріи, надъ которыми свѣтская власть не имѣетъ надзора, надъ которыми нѣтъ и контроля гласности и публичности, и гдѣ, вслѣдствіе того, духовенство гораздо удобнѣе можетъ воспитывать юношество, наглухо запертое со всѣхъ сторонъ, для своихъ исключительныхъ, не однихъ духовныхъ цѣлей. Тѣ, которые думаютъ, судя по тому, что дѣлается въ Европѣ, что время возстановленія честолюбивыхъ свѣтскихъ стремленій церкви миновало безвозвратно, могутъ, въ отношеніи къ Россіи, жестоко ошибиться. Церковный вопросъ у насъ еще впереди, и какое направленіе онъ приметъ—сказать заранѣе очень трудно. Мнѣ тоже не думается, чтобы наша церковь могла когда-нибудь рѣшительно войти въ колею развитія римской церкви и имѣть на этомъ пути продолжительный успѣхъ; но подобныя стремленія могутъ легко въ ней обнаружиться, какъ только церковный вопросъ подымется, и тогда можетъ возникнуть отсюда много серьезныхъ затрудненій для государства, особенно при грубости и невѣжествѣ нашихъ массъ. Предупредить не только возможныя, но даже вѣроятныя, запутанности такого рода было бы необходимо и самое вѣрное, надежное, безошибочное для этого средство,—учредить, вмѣсто духовныхъ академій, богословскіе факультеты при университетахъ.

Единственнымъ серьезнымъ препятствіемъ осуществленію этой мысли мнѣ представлялось до сихъ поръ странное и ложное положеніе студентовъ богословія. Какъ согласить особенную чистоту нравовъ, внѣшнее достоинство, воздержность будущихъ служителей церкви, пастырей, духовниковъ и проповѣдниковъ, съ свѣтской студенческой жизнью? Если это вездѣ трудно, то тѣмъ болѣе у насъ, гдѣ къ справедливымъ требованіямъ разумной дисциплины неизбѣжно присоединится нескончаемое множество странныхъ и нелѣпыхъ требованій, выращенныхъ предразсудками, вспоенныхъ и воскормленныхъ долговременной неподвижностью. Нельзя давать духовнаго сана человѣку за то только, что онъ хорошо выдержалъ экзаменъ; необходимо принять въ разсчетъ, наравнѣ съ знаніемъ, его нравственную сторону; а какъ за нею услѣдить и ее провѣрить, если студентъ богословія будетъ поставленъ въ одинакія условія со всѣми прочими университетскими студентами? Съ тѣхъ поръ, какъ я познакомился съ превосходнымъ устройствомъ семинарій при тюбингенскомъ университетѣ, возможность правильнаго рѣшенія этой трудной задачи не подлежитъ для меня никакому сомнѣнію. Въ Тюбингенѣ эти образцовыя учрежденія существуютъ не только для протестантской церкви, но и для католической. Въ евангелической семинаріи и въ вильгельм-

скомъ конвиктѣ, живутъ и занимаются, подъ ближайшимъ надзоромъ инспекторовъ и репетиторовъ, до ста студентовъ протестантскаго и столько же католическаго богословскихъ факультетовъ, готовясь къ духовному или учительскому званію и слушая богословскія и разныя другія лекціи въ университетѣ. Эти учрежденія очень искусно соглашаютъ между собою требованія и условія, повидимому самыя разнородныя, и много замѣчательнѣйшихъ людей, по самымъ разнообразнымъ отраслямъ, вышедшіе изъ нихъ, показываютъ, что это соглашеніе исполнено весьма удачно. Въ доказательство, до какой степени католическая тюбингенская семинарія удовлетворяетъ требованіямъ не только университета, но даже католической церкви, можно привести, что римскій дворъ, какъ сказано, вообще не расположенный къ богословскимъ факультетамъ и предпочитающій, по изложеннымъ причинамъ, семинаріи, при заключеніи съ виртембергскимъ королевствомъ конкордата (который впрочемъ не состоялся), не требовалъ никакихъ перемѣнъ въ тюбингенскомъ католическомъ конвиктѣ.

Я стараюсь изучить эти учрежденія въ возможной подробности и во всѣхъ отношеніяхъ и включу ихъ описаніе, въ своемъ мѣстѣ, въ предполагаемый рядъ статей о нѣмецкихъ университетахъ.

УСТРОЙСТВО И УПРАВЛЕНІЕ НѢМЕЦКИХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ *).

I.

Организація нѣмецкихъ университетовъ съ перваго взгляда, повидимому, мало чѣмъ отличается отъ принятой у насъ, да и та разница, какая есть, ограничивается какъ будто больше однѣми подробностями и частностями, не касаясь главнаго и существеннаго. Но

[1]) Источниками для этой статьи послужили, кромѣ матеріаловъ и замѣтокъ, собранныхъ при посѣщеніи въ 1862—1863 г. двухъ швейцарскихъ (базельскаго и цюрихскаго) и семи германскихъ университетовъ (мюнхенскаго, лейпцигскаго, берлинскаго, геттингенскаго, боннскаго, гейдельбергскаго и тюбингенскаго), еще слѣдующія сочиненія: 1) Rönne, Das Unterrichtswesen des preussischen Staates. Berlin 1855 г.; томъ второй, заключающій въ себѣ очеркъ историческаго развитія университетовъ въ Германіи, стр. 368–397; 2) I. F. Hautz, Geschichte der Universität Heidelberg. Mannheim 1862—1864. Очеркъ внутренняго устройства университетовъ въ первые два, три вѣка послѣ ихъ основанія (см. т. I, стр. 31—103); 3) Rob. u. Rich. Keil, Geschichte des Jenaischen Studentenlebens etc. Leipzig 1858. Первыя страницы этой книги содержатъ любопытныя историческія свѣдѣнія о нѣмецкихъ университетахъ вообще; 4) Gretschel, Die Universität Leipzig in der Vergangenheit und Gegenwart. Dresden, 1830; 5) Unger, Göttingen und die Georgia Augusta. Göttingen 1861; 6) Geschichte der Universität Göttingen, въ 4-хъ томахъ. Первые два составлены Pütter'омъ и изданы въ Геттингенѣ въ 1765 и 1788 годахъ, третій Saalfeld'омъ, изданъ въ Ганноверѣ въ 1820, четвертый составленъ университетскимъ совѣтникомъ Oesterley, изданъ въ Гёттингенѣ въ 1838 году; 7) Klühfel, Geschichte und Beschreibung der Universität Tübingen. Tübingen 1849. Но классическими сочиненіями для устройства и управленія университетовъ остаются, къ сожалѣнію, теперь уже устарѣвшія изслѣдованія гёттингенскаго профессора Meiners'a: Geschichte und Entwickelung der hohen Schulen unsers Erdtheils. Göttingen 1802—1805, 4 части, и Verfassung und Verwaltung deutscher Universitäten, Göttingen, 1800—1802, двѣ части. Для настоящаго времени нѣтъ ничего подобнаго сочиненіямъ Мейнерса, несмотря на то, что число изданныхъ источниковъ чрезвычайно умножилось, и критическая исторія университетовъ была бы теперь возможнѣе, чѣмъ въ его время. Для изученія нынѣшняго устройства и управленія университетовъ нѣтъ другихъ средствъ, какъ собирать постановленія на мѣстахъ; многія изъ нихъ не напечатаны и существуютъ въ рукописяхъ собранія университетскихъ постановленій: Коха—для прусскихъ университетовъ, Деллингера—для баварскихъ, Рейтера—для тюбингенскаго, не полны и не доведены до нашего времени. Рукописное собраніе постановленій геттингенскаго университета, подъ названіемъ Kundebuch, недоступно для публики. Мы пользовались имъ по особенной благосклонности тогдашняго проректора университета, профессора Германа.

если вглядѣться пристальнѣе и глубже, то окажется, что, напротивъ, сходство ихъ это только наружное, а различіе весьма существенное, и что подъ одними и тѣми же названіями скрывается здѣсь и тамъ весьма различное содержаніе.

Университетская организація, какъ и все остальное въ Германіи, объясняется гораздо больше исторіей, чѣмъ мы привыкли думать. Если университеты дали здѣсь такіе превосходные результаты, если Германія есть классическая страна университетской науки и жизни, то это совсѣмъ не благодаря университетскимъ статутамъ, особливо въ томъ видѣ, какъ они выработались въ послѣднее время, а помимо ихъ, благодаря нѣмецкому народному генію и множеству историческихъ обстоятельствъ; этотъ геній и эти историческія условія отчасти отразились въ университетскихъ уставахъ, но гораздо болѣе въ университетскихъ преданіяхъ, обычаяхъ и нравахъ, въ духѣ, живущемъ въ нѣмецкихъ университетахъ, которому статуты нерѣдко противодѣйствовали и вредили.

Университеты появились сперва въ Италіи. Древнѣйшіе изъ нихъ, не только тамъ, но и во Франціи, были свободными собраніями или, правильнѣе, союзами преподавателей и учениковъ; между послѣдними были люди всѣхъ званій и возрастовъ, стекавшіеся отовсюду слушать знаменитыхъ ученыхъ. Теперешніе университеты даютъ объ этихъ своихъ первообразахъ очень недостаточное понятіе. Послѣдніе не знали ни правилъ для пріема и выпуска, ни программъ преподаванія, ни примѣненія курсовъ къ практическимъ потребностямъ, ни опредѣленныхъ отношеній ученаго диплома къ правамъ на службу, на преподаваніе, на званіе или на практику, ни условій для того, чтобы быть преподавателемъ или студентомъ. И преподаваніе и ученіе были свободны; знаніе, талантъ и слава давали право быть профессоромъ; преподаваніе не было организовано систематически и не имѣло опредѣленной практической цѣли; знаніе считалось полезнымъ, необходимымъ, потому что оно—знаніе, и казалось само по себѣ всюду пригоднымъ. На первомъ планѣ стояло богословіе, которое еще не отдѣлялось отъ философіи, какъ впослѣдствіи: это былъ важнѣйшій интересъ; затѣмъ—юриспруденція, исключительно каноническая и римская, состоявшая въ толкованіи сборниковъ и постановленій, очень занимала умы и своею практическою полезностью привлекала учениковъ; позднѣе къ этимъ двумъ отраслямъ знанія прибавилась еще медицина. Науки, соединенныя теперь въ философскомъ факультетѣ, но въ совершенно другомъ видѣ и объемѣ, считались лишь приготовительными, школою предварительнаго общаго образованія для слушанія спеціальныхъ предметовъ; самостоятельнымъ кругомъ спеціальныхъ наукъ, какъ теперь, онѣ тогда не были.

Всякое особое занятіе или промыслъ образовали въ средніе вѣка особыя мѣстныя общины или корпораціи, которыя управлялись и судились сами собою, имѣли свое имущество, находившееся въ ихъ завѣдываніи, и во всѣхъ внутреннихъ распорядкахъ руководствовались своими правилами, добровольно постановленными. Въ такія-то общины или корпораціи сложились и университеты. При появленіи ихъ въ нихъ не было ничего собственно-воспитательнаго, въ теперешнемъ смыслѣ слова; этимъ объясняется почему университетскія корпораціи могли пользоваться всѣми правами прочихъ общинъ; студенты далеко не были исключительно юноши, хотя многіе изъ нихъ и были очень молоды, гораздо моложе теперешнихъ самыхъ молодыхъ студентовъ; учась сами, многіе изъ студентовъ, въ то же время, преподавали своимъ младшимъ товарищамъ. Къ такимъ ученикамъ (о профессорахъ и говорить нечего) могли примѣняться и примѣнялись всѣ административные и судебные корпоративные порядки, существовавшіе въ гильдіяхъ и цехахъ для подмастерьевъ и учениковъ.

Мы замѣтили выше, что въ самомъ началѣ университетскія корпораціи были свободныя. Профессоры никѣмъ не опредѣлялись, не получали жалованья, а жили своими трудами и платою за лекціи. Надъ ними существовалъ только самый общій и далекій надзоръ: имъ запрещалось преподавать противное религіи.

Въ XIII и XIV вѣкахъ эти первоначальныя черты университетовъ нѣсколько измѣняются; оставаясь корпораціями, они принимаютъ церковный характеръ. Какъ представители науки и ученія, они естественно приблизились къ церкви въ ту эпоху, когда религія была первѣйшимъ, почти исключительнымъ источникомъ всякаго знанія, и стали органами церкви, основывались всюду для утвержденія и укрѣпленія вѣры, съ благословенія и разрѣшенія папъ, которые благо-

склонно принимали прошеніе объ основаніи университетовъ, покровительствовали имъ, брали ихъ подъ свою защиту и надзоръ посредствомъ нарочно для того назначенныхъ канцлеровъ и снабжали профессоровъ и студентовъ матеріальными средствами, преимущественно доходами отъ духовныхъ должностей и съ приходовъ (пребендами). Эта тѣсная связь университетовъ съ церковью не замедлила обнаружиться и во внутреннемъ ихъ быту; въ нихъ водворился монастырскій духъ; безбрачіе стало правиломъ для профессоровъ; между студентами ввелось общежитіе въ общихъ домахъ (collegia), подобное монастырскому, и съ разными обычаями, взятыми съ монашескаго быта. Очень вѣроятно, что образцомъ для такихъ общихъ квартиръ послужили школы, существовавшія при монастыряхъ.

Въ эту-то эпоху, когда университеты стали учрежденіями по преимуществу церковными, именно во второй половинѣ XIV вѣка и въ началѣ XV-го, были основаны первые университеты и въ Германіи: въ Вѣнѣ [1] (1365), Гейдельбергѣ (1387), Кельнѣ (1388), Эрфуртѣ (1392), Вюрцбургѣ (1403), Лейпцигѣ (1409), Ростокѣ (1419). Вполнѣ свободными корпораціями, какъ нѣкогда итальянскіе университеты и въ началѣ своего существованія парижскій, они никогда не были, основывались по мысли и ходатайству владѣтельныхъ государей и городовъ, которые обезпечивали ихъ матеріальное существованіе доходами, землями, угодьями и другими вкладами. Впослѣдствіи къ этому присоединялись щедрыя пожертвованія другихъ общинъ и частныхъ лицъ.

Такимъ образомъ, въ Германіи университеты съ самаго начала были любимыми учрежденіями не только церкви, но и свѣтскихъ владѣтелей, городскихъ общинъ и высшихъ сословій. На нихъ смотрѣли какъ въ иное время на монастыри и монашескіе ордены: они были источниками всякаго свѣта и знанія, необходимаго для души, полезнаго въ жизни. Гдѣ были университеты, тамъ собиралось около нихъ множество людей, жаждущихъ знанія и ученія, а это, въ свою очередь, подымало городъ, дѣлало его извѣстнымъ и славнымъ, усиливало промыслы и обороты, увеличивало матеріальное благосостояніе и довольство мѣстныхъ жителей. Какъ средоточіе всякаго знанія, университеты стали играть большую роль, потому что просвѣщеніе было распространено очень мало, а потребность въ немъ ощущалась все больше и больше. При сомнѣніяхъ въ дѣлахъ вѣры и церкви, особливо съ тѣхъ поръ, какъ внутри ея стали появляться и усиливаться неустройство, раздоры и расколы, обращались за совѣтами и разрѣшеніями къ университетамъ; встрѣчались ли особенно трудныя и запутанныя судебныя дѣла, съ которыми судьи не могли справиться по недостатку знанія, возникали ли сомнительные медицинскіе случаи, требовавшіе для своего разрѣшенія помощи ученыхъ спеціалистовъ,—прибѣгали тоже къ университетамъ. Чрезъ это они по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ, гдѣ нужна была помощь науки, возвысились на степень верховныхъ судилищъ или трибуналовъ, какъ средоточія высшаго знанія, по всѣмъ предметамъ и во всѣхъ отношеніяхъ.

Реформація, измѣнившая церковный и политическій бытъ части Германіи, и возникшее, вслѣдъ затѣмъ, научное протестантское движеніе не измѣнили, въ сущности, положеніе и значеніе нѣмецкихъ университетовъ, число которыхъ съ половины XV вѣка и до XVIII продолжало быстро возростать [1]). Протестантскіе университеты сдѣлались хранителями и центрами преобразованнаго вѣроученія, а впослѣдствіи свободной науки. Вышедши изъ-подъ опеки католической церкви, они стали подъ опеку свѣтской власти. Бытъ ихъ подъ вліяніемъ реформаціи секуляризировался и утратилъ монастырскій отпечатокъ, вмѣстѣ съ постепенною отмѣной безбрачія профессоровъ и сожительства студентовъ въ общихъ квартирахъ — коллегіяхъ или бурсахъ. Но главное и существенное удержалось попрежнему: университеты, старые и новые, остались центрами, источниками и хранителями высшаго ученія и знанія, изъ которыхъ свѣтъ разливался всюду. Оттого университеты были

[1]) Въ Прагѣ университетъ основанъ въ 1348 году, но онъ былъ не нѣмецкій, а чешскій.

[1]) Послѣ Ростокскаго университета основаны въ означенный періодъ времени слѣдующіе: въ Грейфсвальдѣ (1456), Фрейбургѣ (1457), Базелѣ (1460), Трирѣ и Ингольштадтѣ (1472), Тюбингенѣ (1477), Майнцѣ (1477), Грацѣ (1486), Виттенбергѣ (1502), Франкфуртѣ на Одерѣ (1506), Марбургѣ (1527), Кенигсбергѣ (1544), Іенѣ (1548—58), Дилингенѣ (1549), Гельмштедтѣ (1576), Ольмюцѣ (1581), Бамбергѣ (1585), Гиссенѣ (1607), Падерборнѣ (1616), Альтдорфѣ (1622), Зальцбургѣ (1622), Оснабрюкѣ (1632), Дюисбургѣ (1655), Килѣ (1665), Инспрукѣ (1672), Галле (1694).

любимы, оттого они и основывались наперерывъ. Каждый городъ и каждый владѣтельный государь хотѣли имѣть свой университетъ поближе, подъ руками. Неизмѣннымъ остался также и корпоративный характеръ университетовъ,—ихъ самосудъ, самоуправленіе и всѣ остальныя принадлежности средневѣковаго общиннаго устройства.

Дальнѣйшій ходъ европейской исторіи исподволь подготовилъ и наконецъ произвелъ важныя измѣненія въ значеніи, положеніи и самомъ устройствѣ нѣмецкихъ университетовъ.

Во-первыхъ, большее и большее распространеніе знаній и образованности во всѣхъ слояхъ общества,—чему существенно содѣйствовало основаніе безчисленнаго множества учебныхъ заведеній, низшихъ, среднихъ и высшихъ спеціальныхъ, по всѣмъ частямъ,—не могло не ослабить монополіи высшаго знанія, которою университеты пользовались прежде почти исключительно. Помощь ихъ при разрѣшеніи спорныхъ и сомнительныхъ вопросовъ, богословскихъ, юридическихъ, медицинскихъ и вообще научныхъ, безъ которой прежде обойтись было невозможно, становилась все менѣе и менѣе нужною. Какъ повсемѣстное распространеніе промышленности и торговли приводитъ мало-по-малу въ упадокъ ярмарки, такъ и распространеніе просвѣщенія и знаній по всѣмъ отраслямъ рѣже и рѣже заставляетъ обращаться за совѣтомъ, указаніемъ, разъясненіемъ къ центрамъ науки и высшаго знанія. Видное положеніе университетовъ, значеніе, которое они имѣли, мало-по-малу стало ими утрачиваться. Другое обстоятельство, почему университеты постепенно потеряли прежній всенародный свой характеръ, заключается въ существенномъ, коренномъ измѣненіи самаго характера и значенія науки. Когда университеты впервые появились въ Германіи и еще долго послѣ наука и вѣра шли рука объ руку; первая дополняла вторую и не отдѣлялась отъ нея. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи наука естественно и неизбѣжно стала стремиться къ полной самостоятельности, получила критическое направленіе. Эта переходная эпоха была неизбѣжна; рано или поздно наука должна была войти въ эту колею, развиваться въ этомъ смыслѣ. Конца этой эпохи мы еще не видимъ, хоть и начинаемъ его предчувствовать. Критическій складъ, представляя въ общемъ развитіи мысли и знанія относительно высшую ступень, временно отнялъ однако у науки ея всенародный, общедоступный характеръ, съузилъ кругъ ея непосредственнаго дѣйствія. Всякое изслѣдованіе и критика, какъ приготовительная работа, мало доступны для большинства людей и потому не могутъ имѣть на него такого глубокаго вліянія, какъ выработанное и законченное ученіе, приведенное къ нѣсколькимъ очевиднымъ, простѣйшимъ истинамъ, понятнымъ для всѣхъ. Чтобы разработать предметы и возвести ихъ въ научное знаніе, критика сперва дробитъ ихъ на части и каждую изслѣдуетъ отдѣльно. Пока этотъ тяжкій и продолжительный трудъ не доведенъ до конца во всѣхъ подробностяхъ и предметы не возсозданы во всей ихъ полнотѣ въ новой научной формѣ, наука представляетъ лишь отрывочное, неполное, сухое знаніе, которое не можетъ глубоко западать въ массы и остается удѣломъ лишь ученыхъ спеціалистовъ, много-много образованнѣйшаго меньшинства. Этотъ естественный ходъ науки имѣлъ большое вліяніе на значеніе и роль университетовъ. Ихъ общественное положеніе было очень видное, они стояли на первомъ планѣ, какъ свѣтильники всякой премудрости, пока наука и вѣра составляли одно цѣлое и проникали другъ друга. Но съ постепеннымъ выдѣленіемъ науки, которой они были органами, кругъ ихъ дѣйствія ограничился болѣе опредѣленными и тѣсными предѣлами; учебный характеръ выдвинулся значительно на первый планъ, всенародный—сгладился; ставъ исключительно свѣтскими учрежденіями, они мало-по-малу перестали быть представителями чрезвычайно обширнаго круга интересовъ вѣры и церкви. Изъ центровъ высшаго знанія, изъ свѣтильниковъ, поставленныхъ высоко, на которые были обращены глаза всѣхъ, къ которымъ всѣ прибѣгали за помощью, совѣтомъ и поученіемъ, они постепенно все болѣе и болѣе обращались въ спеціальныя учрежденія, въ лабораторіи науки. Вмѣстѣ съ тѣмъ померкло понемногу и ясное сознаніе о томъ, что̀ такое университеты, для чего они существуютъ. Явился вопросъ: считать ли ихъ за учрежденія для разработки науки или за высшія учебныя заведенія, и какъ согласить эти двѣ цѣли, столько между собою различныя, особливо съ тѣхъ поръ, какъ научныя системы, пріемы и взгляды начали, вслѣдствіе преобладающаго критическаго направленія, быстро смѣняться, да и самое

знаніе при этомъ направленіи все болѣе и болѣе расходилось съ ежедневною практическою дѣйствительностью и уже не могло непосредственно удовлетворять ежедневнымъ насущнымъ потребностямъ большинства. Эти послѣдствія отразились на положеніи и значеніи университетовъ, конечно, гораздо позднѣе и особенно сильно чувствуются лишь теперь; но то, что мы теперь видимъ, подготовлялось издавна и долгое время.

Наконецъ, сильное вліяніе имѣло на университеты постепенное упраздненіе средневѣковыхъ юридическихъ и общественныхъ порядковъ. Съ отмѣною привилегій, съ водвореніемъ гражданской равноправности, съ централизаціей власти, съ развитіемъ бюрократической администраціи, возникшей на развалинахъ корпоративнаго самоуправленія и стремившейся подвести разнообразіе средневѣковыхъ учрежденій подъ одинаковыя, упрощенныя формы, автономія и корпоративность университетовъ не могли удержаться въ прежнемъ видѣ, ихъ свобода и привилегіи стали аномаліей посреди новыхъ формъ общественности, и постепенное ихъ введеніе въ общую колею администраціи и суда, подчиненіе общему законодательству и административной регламентаціи было естественнымъ послѣдствіемъ новаго порядка дѣлъ, установившагося въ Германіи. Это сдѣлалось тѣмъ легче, что нѣмецкіе университеты, какъ мы выше замѣтили, никогда не были вполнѣ свободными корпораціями, ибо образовались не сами собою, а были основаны городами или владѣтельными государями, сперва съ разрѣшенія папъ, а впослѣдствіи—императоровъ. Конечно, сначала законодательство и администрація очень мало и какъ бы издалека касались университетовъ; корпоративныя университетскія учрежденія поставлены были только подъ административный надзоръ и контроль, были только утверждаемы постановленіями и распоряженіями правительства. Автономія университетскихъ корпорацій считалась такою существенною принадлежностью ихъ, такъ срослась съ понятіемъ объ университетахъ, что даже тѣ изъ нихъ, которые были основаны въ Германіи въ теченіе XVIII и въ началѣ XIX вѣка [1]), уже подъ вліяніемъ новыхъ идей о ихъ назначеніи и призванія, получили устройство одинаковое съ прочими университетами, существовавшими издавна. Но впослѣдствіи вмѣшательство государственной власти въ бытъ и внутренніе порядки университетскихъ корпорацій значительно усилилось. Къ указаннымъ выше общимъ причинамъ, которыя скрывались въ новыхъ условіяхъ общественности, присоединились еще другія ближайшія, именно политическія, вызванныя отчасти событіями, отчасти и критическимъ направленіемъ науки. Первая французская революція, закончившая цѣлый періодъ европейской исторіи и начавшая новыя войны и перевороты, которые она родила, и возникшее, вслѣдствіе того, національное движеніе въ Германіи, произвели сильное и глубокое впечатлѣніе на молодыя университетскія поколѣнія. Въ нихъ появилось броженіе, имѣвшее политическій характеръ, по крайней мѣрѣ политическій оттѣнокъ. Въ самомъ ли дѣлѣ оно грозило перейти въ революціонное движеніе, или реакція только воспользовалась имъ для своихъ цѣлей, на это различныя партіи смотрятъ различно, и каждая объясняетъ дѣло съ своей точки зрѣнія, преувеличивая, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, то, что говоритъ въ ея пользу, стушевывая и скрадывая доводы въ пользу противной стороны. Такъ или иначе, но броженіе, обнаружившееся въ университетахъ, подало поводъ къ цѣлому ряду правительственныхъ мѣръ. Послѣ окончанія отечественныхъ войнъ, преподаваніе и преподаватели, подобно студентамъ, подверглись въ германскихъ университетахъ непосредственному строгому надзору правительства. Автономія университетовъ въ дозволеніи читать университетскія лекціи прекратилась; опредѣленіе профессоровъ стало болѣе зависѣть отъ министерствъ, причемъ выборомъ нерѣдко руководили соображенія, не имѣвшія ничего общаго съ наукою.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ исторія внутренняго устройства нѣмецкихъ университетовъ. Оно сложилось вначалѣ по образцу современныхъ средневѣковыхъ учрежденій. Каждая новая эпоха отмѣняла въ немъ что-нибудь и приносила что-нибудь новое. Эти постепенныя историческія наслоенія сохранились болѣе или менѣе явственно и о сю пору. Отголоски отъ всѣхъ предыдущихъ эпохъ слышатся и въ настоящее время въ нѣмецкомъ университетскомъ быту, и понять его невозможно, не восходя иногда къ очень

[1]) Въ Бреславлѣ (1702), Геттингенѣ (1733), Фульдѣ (1734), Эрлангенѣ (1742), Мюнстерѣ (1773), Штутгардтѣ (1781), Берлинѣ (1809), Боннѣ (1818).

отдаленнымъ временамъ. Вслѣдствіе этого, при изложеніи нынѣшняго устройства и управленія нѣмецкихъ университетовъ, мы должны будемъ, для объясненія ихъ, чаще прибѣгать къ исторіи, чѣмъ къ общимъ теоретическимъ соображеніямъ, хотя, разумѣется, и для послѣднихъ нѣмецкая университетская организація представляетъ множество драгоцѣнныхъ и поучительныхъ матеріаловъ.

Въ настоящее время нѣмецкіе университеты суть высшія учебныя заведенія, назначенныя болѣе для общаго научнаго, чѣмъ для спеціально-техническаго образованія молодыхъ людей. Говоримъ *болѣе*, потому что различіе между тѣмъ и другимъ на самомъ дѣлѣ не проведено строго-послѣдовательно, и по нѣкоторымъ частямъ университеты ничѣмъ теперь не отличаются отъ высшихъ спеціальныхъ школъ. Они приготовляютъ къ будущей практической дѣятельности судебныхъ и административныхъ чиновниковъ, пасторовъ и проповѣдниковъ, врачей и учителей, какъ политехническіе институты — инженеровъ и техниковъ, земледѣльческія училища — агрономовъ и т. п.

Основныя черты университетской организаціи заключаются въ слѣдующемъ. Каждый университетъ представляетъ въ юридическомъ и административномъ смыслѣ единое цѣлое, въ составѣ котораго находятся факультеты, такія же административныя и юридическія единицы, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ подчиненныя университету, въ другихъ дѣйствующія самостоятельно. Личный составъ университета и факультетовъ образуется изъ преподающихъ, университетскихъ воспитанниковъ и сверхъ того изъ разныхъ должностныхъ лицъ по университетскому управленію, не принадлежащихъ къ числу преподавателей. Что касается университетскихъ воспитанниковъ, то не всѣ они принадлежатъ къ личному составу университета, а только тѣ изъ нихъ, которые въ немъ записаны. Каждый изъ записанныхъ непремѣнно числится по одному изъ факультетовъ. Точно также не всѣ преподающіе въ университетѣ принадлежатъ къ его составу, а только тѣ, которые зачислены. Они раздѣляются на нѣсколько категорій. Преподающіе извѣстныхъ разрядовъ непремѣнно принадлежатъ къ тому или другому факультету, иногда къ двумъ или нѣсколькимъ факультетамъ вмѣстѣ; преподающіе другихъ разрядовъ, напротивъ, числятся только по университету, не принадлежа ни къ одному факультету.

Въ университетскомъ управленіи принимаютъ участіе не всѣ разряды преподавателей, даже изъ числа принадлежащихъ къ составу университета. Управленіе факультетское принадлежитъ факультетскимъ профессорамъ съ деканомъ во главѣ; а обще-университетское — университетскимъ сенатамъ, одному или двумъ, разнымъ коммиссіямъ, предсѣдательствующему въ тѣхъ или другихъ ректору, который избирается профессорами изъ своей среды, и наконецъ коронпымъ чиновникамъ; при значительномъ участіи центральнаго правительства, преимущественно же министерствъ и ихъ непосредственныхъ органовъ, состоящихъ при нѣкоторыхъ университетахъ. Разныя комбинаціи всѣхъ этихъ органовъ управленія, различный кругъ ихъ дѣятельности, разная степень ихъ власти и подчиненности производятъ большое разнообразіе, замѣчаемое въ устройствѣ и управленіи нѣмецкихъ университетовъ. Это же устройство существуетъ и у насъ, но, какъ всякое заимствованіе, оно на новой почвѣ потеряло свой историческій характеръ. Установившіяся формы мы принимаемъ за теоретическія основанія университетской организаціи и стараемся только приладить ихъ къ нашимъ условіямъ и потребностямъ; въ Германіи же онѣ сохранили всю свою, если можно такъ выразиться, историческую прозрачность. Здѣсь, въ ихъ родинѣ, эти отвлеченныя схемы являются живыми произведеніями исторіи, и теоретическое ихъ значеніе тѣснѣйшимъ образомъ слито со всѣмъ бытомъ и преданіями. Освѣщенныя исторіей, онѣ и для насъ оживаютъ; мы получаемъ возможность взглянуть на нихъ глубже, многостороннѣе, отрѣшиться при ихъ обсужденіи отъ догматизма и доктринерства, которые всего болѣе затемняютъ правильный взглядъ на учрежденія.

Если мы, при всѣхъ усиліяхъ, никакъ не можемъ теоретически различить университетовъ отъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, то это потому, что различіе между тѣми и другими опредѣляется не теоріей, а исторіей. Университеты принадлежатъ къ древнѣйшей формаціи, спеціальныя школы — къ новѣйшей. Университеты возникли въ то время, когда вѣра и наука, теорія и ея примѣненія не были еще различены и сливались въ одно цѣлое; когда кругъ наукъ опредѣлялся совсѣмъ иначе, чѣмъ теперь. Это происхожденіе университетовъ и придаетъ имъ

особый характеръ, который они сохранили до сихъ поръ, чрезъ цѣлые вѣка, и отличаетъ ихъ отъ высшихъ спеціальныхъ школъ.

Къ личному составу университетовъ, къ коллегіальнымъ формамъ его управленія, къ преобладанію въ немъ выборнаго начала мы такъ привыкли, все это такъ срослось въ нашихъ понятіяхъ съ представленіемъ объ университетахъ, что намъ и въ голову не приходитъ спросить себя: откуда же все это взялось? Почему университеты существуютъ именно въ этомъ видѣ, а не въ какомъ-нибудь другомъ? Насъ ничто и не наводитъ на эти вопросы, потому что ничто не напоминаетъ намъ о происхожденіи этихъ формъ и этой организаціи. Не то въ нѣмецкихъ университетахъ. Въ Германіи они запечатлѣны воспоминаніями и полны обломками старины. Коллегіальныя формы и выборное начало носятъ живые слѣды того времени, когда университеты, сложившіеся по образцу промышленныхъ и ремесленныхъ корпорацій, сами собою управлялись и судились. Принадлежность къ составу университета, теперь для насъ непонятная, получаетъ полный свой смыслъ въ Германіи, гдѣ она до сихъ поръ называется правомъ академическаго гражданства, гдѣ пріемъ въ университетъ и выходъ изъ него сопровождаются, для студентовъ и для профессоровъ, разными торжественными формами, причемъ студенты обѣщаютъ ректору строго соблюдать всѣ университетскія постановленія (прежде они присягали, а профессоры и теперь еще даютъ въ этомъ присягу). Это право гражданства, эти торжественные обряды, наглядно представляютъ намъ ту эпоху, когда университеты, подобно прочимъ средневѣковымъ корпораціямъ, составляли замкнутыя общины, члены которыхъ образовали между собою особый союзъ, рѣзко отдѣленный отъ прочихъ. Теперь эти союзы больше не существуютъ; отжившія ихъ формы нерѣдко противорѣчатъ новымъ условіямъ общественности и производятъ чрезвычайно запутанныя различія между лицами, принадлежащими и не принадлежащими къ составу университета,—различія, которыя нѣмецкое университетское законодательство напрасно старается возвести къ общимъ теоретическимъ основаніямъ.

Нѣмецкіе университеты имѣютъ и по сю пору обширную юрисдикцію. Они судятъ не только дисциплинарные проступки студентовъ и профессоровъ, но даже полицейскія и гражданскія дѣла, а недавно еще нѣкоторые университеты имѣли юрисдикцію даже въ дѣлахъ уголовныхъ и брачныхъ. Чѣмъ дальше отъ нашего времени, тѣмъ кругъ дѣлъ и лицъ, подсудимыхъ университетамъ, былъ обширнѣе. Въ наше время университетская юрисдикція есть открытый теоретическій вопросъ; въ пользу и противъ нея приводятся очень основательные доводы и идетъ горячій споръ. Но откуда взялась университетская юрисдикція? На это отвѣчаетъ исторія. Мы можемъ и теперь еще видѣть въ Германіи, что университетскій судъ есть уцѣлѣвшій остатокъ самосуда средневѣковыхъ корпорацій. Постепенныя стѣсненія его представляютъ до сихъ поръ продолжающіяся сдѣлки между старыми и новыми условіями общественнаго быта, причемъ первыя мало-по-малу преобразуются и упраздняются послѣдними. Никакія теоретическія соображенія не въ состояніи разрѣшить вопроса, почему одни дѣла должны подлежать университетской юрисдикціи, другія—общей, земской; всѣ такія соображенія оказываются очень произвольными, натянутыми, безплодными, и не приводятъ къ яснымъ, положительнымъ результатамъ; но посмотрите на нѣмецкіе университеты, съ ихъ преданіями и живыми обломками старины, загляните въ исторію, чтобы объяснить себѣ эти преданія и обломки, обратившіеся въ какіе-то загадочные іероглифы посреди другой обстановки, и вопросъ вдругъ выяснится вполнѣ; окажется, что въ старину, когда общаго государственнаго и земскаго суда и управленія еще не было, человѣкъ принадлежалъ вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ къ корпораціи, вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ состоялъ подъ ея управленіемъ и судомъ; когда же этотъ корпоративный бытъ сталъ замѣняться государственнымъ и земскимъ, послѣдній началъ постепенно отсвоивать у перваго и судъ и полицію. Отсюда и замѣчаемая теперь половинчатость правъ университетскаго гражданства и университетской юрисдикціи.

Сказаннаго, мы думаемъ, совершенно достаточно, чтобы объяснить, въ какомъ отношеніи болѣе подробное изученіе нѣмецкой университетской организаціи кажется намъ особенно интереснымъ и поучительнымъ для насъ, русскихъ. Поэтому, не останавливаясь далѣе на общихъ соображеніяхъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію теперешней нѣмецкой университетской организаціи и управленію, и постараемся объяснить исторически ихъ осо-

бенности, которыя суть уцѣлѣвшіе обломки прошедшаго, во многомъ не соглашенные съ теперешнимъ назначеніемъ и характеромъ университетовъ.

Начнемъ съ *факультетовъ*. Ихъ личный составъ, организація и предметы занятій удержали гораздо болѣе слѣдовъ старины, чѣмъ обще-университетское устройство и управленіе. Послѣднее подверглось, въ нынѣшнемъ столѣтіи, существеннымъ перемѣнамъ, которыя менѣе коснулись факультетовъ. Мы теперь видимъ въ факультетахъ лишь подраздѣленіе университетскихъ преподавателей и студентовъ по главнымъ отдѣламъ или группамъ, на которыя систематически дѣлится вся область знанія. Но такой взглядъ—позднѣйшаго происхожденія; онъ возникъ когда факультеты давно уже сложились въ теперешнемъ своемъ видѣ, и есть не что иное какъ попытка возвести въ теорію существующій фактъ, придать ему научное объясненіе, оправдать его общею разумною причиной. Такихъ теоретическихъ объясненій многое множество. Наука загромождена ими до сихъ поръ, и историческая критика лишь понемногу освобождаетъ ее отъ такихъ произвольныхъ построеній, докапываясь до историческихъ фактовъ, которые служатъ имъ первоначальнымъ основаніемъ и поводомъ.

Въ началѣ университеты совсѣмъ не обнимали всего круга наукъ. Названіе ихъ, universitates, сперва вовсе не означало совокупности знанія (universitas litterarum), какъ придумали впослѣдствіи, а только совокупность преподавателей или учащихся, или же тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Такъ назывались и другія средневѣковыя корпораціи, представлявшія каждая и совокупность лицъ, занимавшихся извѣстнымъ ремесломъ или промысломъ. Университеты также подходили подъ эту категорію, и потому получили свое названіе. Древнѣйшіе изъ нихъ не имѣли вовсе факультетовъ, потому что о полнотѣ научнаго преподаванія не было и не могло быть тогда рѣчи. Лица, принадлежащія къ университетской корпораціи, раздѣлялись первоначально, по своему происхожденію, на народы (nationes), а народы—на провинціи. Земляки образовали такимъ образомъ особыя корпораціи, которыя въ совокупности и составили университетъ. Сколько извѣстно, такихъ корпорацій было въ каждомъ университетѣ обыкновенно четыре, такъ: въ парижскомъ—французы, пикарды, норманны и англичане (впослѣдствіи нѣмцы); въ Прагѣ — чехи, баварцы, поляки и саксонцы; въ Вѣнѣ — южане (послѣ австрійцы), саксонцы, баварцы и поляки. Такія же подраздѣленія на четыре націи существовали и въ другихъ древнѣйшихъ университетахъ, кромѣ итальянскихъ, гдѣ число націй было различно. Не ранѣе XIV вѣка, рядомъ съ корпораціями по народностямъ образуются во всѣхъ университетахъ факультетскія корпораціи, которыя постепенно развиваются, берутъ верхъ надъ первыми и, наконецъ, вытѣсняютъ ихъ совсѣмъ. Университеты, основанные въ XV вѣкѣ, состоятъ изъ однихъ факультетовъ и не знаютъ вовсе корпорацій по народностямъ; только въ лейпцигскомъ онѣ возникли при самомъ началѣ, удержались почти до нашего времени и отмѣнены лишь въ 1830 году.

Факультеты, замѣнившіе общины земляковъ, были, какъ мы сказали, тоже корпораціи, только устроенныя по другому началу. Основаніемъ къ раздѣленію на факультеты служили не народности, а отрасли наукъ. Этимъ факультеты еще болѣе, чѣмъ общины земляковъ, приближались къ промышленнымъ и ремесленнымъ средневѣковымъ корпораціямъ и цехамъ, которые тоже были основаны на раздѣленіи занятій. Право факультетовъ производить въ ученыя степени по экзамену довершаетъ сходство съ средневѣковыми гильдіями и цехами, которые, каждый по своей части и тоже по экзамену, производили своихъ членовъ въ мастера и подмастерья. Припомнимъ, что степени доктора первоначально не было, а были только магистры, — то же, что Meister,—мастеры.

Живые слѣды прежняго корпоративнаго устройства и быта факультетовъ сохраняются въ Германіи и по настоящее время. Они видны, во-первыхъ, въ отношеніяхъ факультетовъ къ цѣлому университету. У насъ факультеты не болѣе какъ подраздѣленіе университета, имѣющее гораздо болѣе значенія въ научномъ педагогическомъ, чѣмъ въ административномъ отношеніи. Въ Германіи факультеты суть почти вездѣ самостоятельныя единицы, только отчасти подчиненныя университету, въ остальномъ же независимыя отъ него и непосредственно подвѣдомственныя министерству и центральной власти.

Что факультеты были прежде корпораціями, это видно, во-вторыхъ, изъ того, что и преподаватели и студенты записываются въ факультетскіе списки. Въ нѣкоторыхъ универ-

ситетахъ, напримѣръ, базельскомъ, профессоры матрикулируются и платятъ за это пошлину такъ же, какъ и студенты, и получаютъ матрикулу; въ другихъ, напримѣръ, берлинскомъ и боннскомъ, каждый факультетъ имѣетъ особую книгу (Stammbuch), въ которую вносятся имена принадлежащихъ къ нимъ профессоровъ, съ разными о нихъ свѣдѣніями и подробностями. Этотъ альбомъ формулярныхъ списковъ факультетскихъ профессоровъ есть тоже остатокъ ихъ матрикуляціи. Далѣе: переходы студентовъ изъ одного факультета въ другой производятся чрезъ взаимныя сношенія между собою факультетовъ, помимо общаго университетскаго управленія.

Слѣды корпоративности удержались, въ-третьихъ, въ томъ, что факультеты въ нѣкоторыхъ университетахъ и теперь еще имѣютъ свои собственныя, движимыя и недвижимыя, имущества, которыя никогда не смѣшиваются съ принадлежащими цѣлому университету. Такъ, юридическій факультетъ лейпцигскаго университета имѣетъ собственный домъ и при немъ смотрителя, который назначается самимъ факультетомъ; философскому факультету тюбингенскаго университета принадлежатъ два луга. Въ настоящее время право факультетовъ распоряжаться и завѣдывать этими имуществами очень ограничено. Управленіе ими въ лейпцигскомъ университетѣ принадлежитъ университетскому рентмейстеру: деканъ факультета имѣетъ только право провѣрять счеты и дѣлать на нихъ свои замѣчанія; эти замѣчанія, вмѣстѣ съ объясненіями рентмейстера, представляются въ министерство, при счетахъ. Если деканъ встрѣтитъ сомнѣніе, котораго самъ собою рѣшить не можетъ, то предлагаетъ на обсужденіе факультета. Въ тюбингенскомъ университетѣ управленіе факультетскими имуществами сосредоточено въ административной коммиссіи, подъ надзоромъ и контролемъ академическаго сената и, въ высшей инстанціи,—министерства.

Независимо отъ имуществъ и получаемыхъ отъ нихъ доходовъ, которые идутъ частью на факультетскія потребности, частью въ пользу членовъ факультета, согласно съ волею основателей факультетскихъ фундушей, факультеты имѣютъ другіе доходы и мелочные расходы. Первые состоятъ въ пошлинахъ, взыскиваемыхъ за внесеніе студентовъ въ факультетскіе списки, за удостоеніе ученой степени, за испытаніе ученыхъ, ищущихъ званія приватъ-доцентовъ и т. д. Большая часть этихъ пошлинъ раздѣляется между деканомъ и членами факультета, принимающими участіе въ экзаменахъ, диспутахъ и т. п.; но нѣкоторая часть остается въ факультетской кассѣ на покрытіе мелкихъ факультетскихъ расходовъ.

Воспоминаніе о томъ, что факультеты были когда-то самостоятельными корпораціями, сохранилось, въ-четвертыхъ, въ нѣкоторыхъ правахъ и аттрибутахъ ихъ, придающихъ имъ характеръ вполнѣ самостоятельныхъ учрежденій. Значеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ правъ и аттрибутовъ теперь очень умалилось и съузилось противъ прежняго, но все же они существуютъ по наше время. Такъ, всѣ юридическіе факультеты германскихъ университетовъ, которые намъ удалось посѣтить, имѣютъ для нѣкоторыхъ (впрочемъ, теперь немногихъ) странъ Германіи значеніе судебныхъ инстанцій, къ которымъ тяжущіеся и суды обращаются за рѣшеніемъ.

Въ этомъ отношеніи юридическіе факультеты образуютъ такъ-называемые Spruchcollegia, и имѣютъ довольно разнообразное устройство и уставы. Медицинскіе факультеты, напримѣръ берлинскій, боннскій, по требованію правительственныхъ мѣстъ и частныхъ лицъ, сообщаютъ результаты своихъ врачебныхъ совѣщаній (ärztliche Berathungen) и даютъ судебно-медицинскія мнѣнія (gerichtlich-medicinische Gutachten). Медицинскій факультетъ мюнхенскаго университета организованъ даже, подъ названіемъ медицинскаго комитета (Medicinalcomité), въ особое административное учрежденіе по медицинской части. Богословскіе факультеты, напримѣръ, берлинскій — евангелическій, боннскіе — евангелическій и римско-католическій, даютъ мнѣнія и отвѣты (responsa) по вопросамъ вѣры и церкви, которые предлагаются имъ правительствомъ или частными лицами; нѣкоторые евангелическіе богословскіе факультеты, напримѣръ лейпцигскій, имѣютъ даже право посвящать въ духовный санъ (ordiniren); замѣтимъ также, что юридическій факультетъ лейпцигскаго университета, не играющій роли судебной инстанціи въ саксонскомъ королевствѣ, имѣетъ, однако, право давать юридическія консультаціи (responsa) по сложнымъ дѣламъ, когда къ нему обращаются съ вопросами. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ университетахъ, факультеты, при участіи постороннихъ лицъ,

назначаемыхъ правительствомъ, образуютъ экзаменаціонныя коммиссіи для испытанія учителей, пасторовъ и проповѣдниковъ, медиковъ и юристовъ, желающихъ пріобрѣсти право службы или практики.

Большая часть нѣмецкихъ университетовъ имѣютъ по четыре факультета, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ въ слѣдующей постепенности. Выше всѣхъ стоитъ богословскій, за нимъ второе мѣсто занимаетъ юридическій, третье—медицинскій, четвертое—философскій.—По привычкѣ и рутинѣ, такой четырехъ-факультетный составъ и распредѣленіе между ними наукъ кажутся намъ весьма естественными; но тщетно стали бы мы подыскивать научное основаніе къ тому, что̀ объясняется историческимъ происхожденіемъ. Почему философскій факультетъ считается послѣднимъ и чѣмъ объяснить его разнородный пестрый составъ? Почему юридическій и медицинскій считаются выше философскаго? Мы знаемъ, что на всѣ эти вопросы придумано очень много остроумныхъ соображеній, но они только отводятъ глаза, не давая положительнаго, яснаго отвѣта. Если, убѣдившись, наконецъ, въ безплодности стараній рѣшить эти вопросы теоретическими построеніями, мы обратимся къ исторіи, то въ ней найдемъ безъ труда объясненіе этихъ загадокъ, для которыхъ нѣтъ ключа въ современныхъ понятіяхъ и взглядахъ. Когда факультеты возникли, ученіе вѣры и философія еще не были различены какъ впослѣдствіи. Вѣра была на первомъ планѣ, и богословскій факультетъ, обнимая и философію тогдашняго времени, былъ, разумѣется, первымъ. Каноническое право, выдѣлившееся изъ числа богословскихъ наукъ, дало юридическому факультету второе мѣсто послѣ богословскаго; медицинскія науки сначала вовсе не преподавались въ университетахъ, и лишь со временемъ вошли въ составъ университетскаго ученія. Эти три отдѣла, составившіе три факультета, обнимали въ средніе вѣка весь кругъ знаній, всю науку. Господствовавшія тогда понятія и послѣдовательное расширеніе университетскаго преподаванія, опредѣлили взаимное отношеніе и старшинство факультетовъ. Что касается до философскаго факультета, то онъ получилъ это названіе лишь въ XVI вѣкѣ, и сначала вовсе не считался факультетомъ наукъ, какъ три первые, а факультетомъ искусствъ (artium), и служилъ общеобразовательнымъ, приготовительнымъ для прочихъ. Существованіе такого факультета объясняется тѣмъ, что въ средніе вѣка среднихъ учебныхъ заведеній, которыя, подобно нынѣшнимъ гимназіямъ, приготовляли бы къ университету, вовсе не было. Философскій факультетъ заступалъ ихъ мѣсто; оттого-то въ немъ иногда учились, рядомъ со взрослыми, дѣти восьми лѣтъ. Обращеніе къ изученію классической древности возвело факультетъ искусствъ въ самостоятельный факультетъ наукъ, въ которомъ нашли мѣсто, кромѣ классической филологіи и древностей, и исторія и естественныя науки, по мѣрѣ того какъ онѣ развивались и выдвигались на первый планъ.

Такъ объясняется четырехъ-факультетный составъ университетовъ, сохранившійся и донынѣ, хотя здѣсь и тамъ обнаруживаются болѣе или менѣе значительныя попытки измѣнить старинный порядокъ. Такъ, въ базельскомъ университетѣ философскій факультетъ считается не четвертымъ, а первымъ. Что побудило къ этой перестановкѣ—трудно сказать, но едва ли съ нею соединяется какой-нибудь новый взглядъ на философскій факультетъ; всего вѣроятнѣе, что найдено болѣе приличнымъ и удобнымъ называть сперва тотъ факультетъ, съ котораго, какъ съ общаго и приготовительнаго, молодые люди должны начинать университетское ученіе. Существованіе въ боннскомъ и тюбингенскомъ университетахъ двухъ богословскихъ факультетовъ, евангельскаго и римско-католическаго, нельзя считать отступленіемъ отъ четырехъ-факультетнаго состава; но за отступленіе должно быть признано учрежденіе въ мюнхенскомъ университетѣ особаго политико-экономическаго или камеральнаго факультета, въ тюбингенскомъ—особыхъ факультетовъ политико-экономическаго и естественныхъ наукъ. Въ цюрихскомъ университетѣ юридическій факультетъ названъ факультетомъ государственныхъ наукъ (staatswissenschaftliche Facultät), а философскій раздѣленъ, на самомъ дѣлѣ, на два: философско-филологическій и математико-естественный. Хотя каждый изъ этихъ факультетовъ и считается лишь отдѣленіемъ философскаго, и оба вмѣстѣ должны составлять одно цѣлое; однако, каждое отдѣленіе имѣетъ своего особаго декана, и потому мы вправѣ считать ихъ за отдѣльные, самостоятельные факультеты. Въ боннскомъ университетѣ придумали среднюю мѣру для соглашенія университет-

скаго преданія съ новыми потребностями: философскій факультетъ удержанъ, какъ единое цѣлое, съ однимъ деканомъ во главѣ, но подраздѣленъ на четыре отдѣленія: философское, филологическое, историко-политическое и математико-естествовѣдное. Каждое отдѣленіе имѣетъ своего распорядителя (Dirigent),—одного изъ профессоровъ отдѣленія, —который остается годъ въ этой должности и затѣмъ смѣняется другимъ; смѣна происходитъ по порядку старшинства (Anciennität). Обще-факультетскія дѣла, какъ-то: выборъ декана, удостоеніе ученыхъ степеней и нѣкоторыя другія, производятся факультетомъ и деканомъ; особенныя, касающіяся отдѣленій, какъ напримѣръ, распредѣленіе лекцій на предстоящій семестръ, руководство студентовъ въ ихъ занятіяхъ, составленіе отзывовъ и мнѣній по вопросамъ, относящимся къ ученой спеціальности, предложеніе кандидатовъ на открывающіяся каѳедры или о повышеніи приватъ-доцентовъ, предложеніе задачъ на конкурсъ, разсмотрѣніе и оцѣнка поступившихъ на конкурсъ сочиненій,—все это производится сперва въ отдѣленіяхъ. По свойству дѣла, оно можетъ также производиться въ соединенныхъ отдѣленіяхъ, или хотя и въ одномъ, но съ присоединеніемъ къ нему членовъ изъ другого или другихъ отдѣленій. Въ томъ и другомъ случаѣ, предложеніе дѣлается деканомъ; заключеніе отдѣленія не приводится, однако, въ исполненіе, а переносится деканомъ на утвержденіе факультета.

Разсмотримъ теперь личный составъ факультетовъ. Онъ очень различенъ, смотря по тому, будемъ ли мы имѣть въ виду факультетъ вообще, какъ совокупность всѣхъ принадлежащихъ къ нему лицъ, или же какъ административное университетское учрежденіе. Административное значеніе и устройство факультетовъ мы изложимъ ниже; здѣсь же займемся ихъ личнымъ составомъ.

Къ личному составу факультета вообще принадлежатъ теперь всѣ записанные въ немъ университетскіе преподаватели и студенты. Но рядомъ съ ними есть преподаватели, хотя и читающіе лекціи на факультетѣ, но которые въ немъ не записаны и потому не принадлежатъ къ его составу; есть точно также учащіеся, слушающіе лекціи факультета, но безъ записки въ число студентовъ. Лишь считающіеся принадлежащими къ составу факультетовъ пользуются нѣкоторыми правами и привилегіями, которыхъ прочіе не имѣютъ; каждое изъ этихъ правъ и привилегій образовалось вслѣдствіе бывшаго когда-то корпоративнаго устройства факультетовъ. Такъ, преподаватели, причисленные къ факультету, пользуются извѣстными служебными преимуществами, которыхъ не имѣютъ посторонніе: они состоятъ въ извѣстной мѣрѣ подъ дисциплинарною властью и юрисдикціей факультета и могутъ, при извѣстныхъ условіяхъ, участвовать въ факультетскихъ дѣлахъ, въ разныхъ доходахъ и другихъ выгодахъ, принадлежащихъ членамъ факультета; студенты, записанные въ факультетѣ, точно также состоятъ подъ особою университетскою юрисдицкіей и полиціей, пользуются стипендіями и другого рода вспоможеніями, участвуютъ въ конкурсахъ на установленныя преміи за лучшія сочиненія на задаваемыя ежегодно темы и т. д.

Факультетскіе преподаватели раздѣляются вообще на нѣсколько видовъ или разрядовъ, каковы: ординарные профессоры, почетные и экстра-ординарные, приватъ-доценты, лекторы, учители искусствъ (Exercicienmeister) и сторонніе преподаватели. Изъ этихъ разрядовъ лекторы и учители искусствъ опредѣляются правительствомъ, и въ нѣкоторыхъ университетахъ, напримѣръ въ лейпцигскомъ, числятся по философскому факультету, всего же чаще состоятъ вообще при университетѣ, безъ причисленія къ факультетамъ. Что касается до стороннихъ лицъ, преподающихъ въ университетѣ, но не принадлежащихъ юридически къ его составу, то сюда относятся въ нѣкоторыхъ университетахъ извѣстные разряды ученыхъ, имѣющіе право преподавать въ университетѣ по своему знанію, не будучи членами ни университета, ни факультетовъ; такъ члены берлинской академіи наукъ имѣютъ право, по своему званію, читать лекціи въ берлинскомъ университетѣ. Но большею частью къ этой категоріи принадлежатъ лица, не имѣющія условій для того, чтобы быть профессорами или приватъ-доцентами, и несмотря на то получившія право преподавать въ университетѣ, по тому или другому факультету. Такое право дается имъ, въ однихъ университетахъ—академическимъ сенатомъ (университетскимъ совѣтомъ), въ другихъ — министерствомъ, вслѣдствіе предложенія сената, или, наконецъ, по непосредственному усмотрѣнію правительства. Есть даже примѣры, хотя и рѣдкіе, что стороннія

лица, не имѣя условій и права быть университетскими преподавателями, опредѣлялись членами факультетовъ по усмотрѣнію правительства, вопреки мнѣнію и даже формальному протесту со стороны университета и факультетовъ. Вообще, стороннихъ преподавателей, кромѣ берлинскаго университета, мы нашли въ университетахъ гейдельбергскомъ, геттингенскомъ и мюнхенскомъ.

Исторія какъ нельзя лучше объясняетъ теперешній личный составъ факультетскихъ преподавателей, равно какъ и существованіе частныхъ преподавателей рядомъ съ опредѣленными отъ правительства. Въ древнѣйшія времена въ итальянскихъ университетахъ преподаватели совсѣмъ не раздѣлялись на разряды и даже вовсе не принадлежали къ университетской корпораціи. Они временно избирались и приглашались для чтенія лекцій слушателямъ, которые только и были собственно членами университета, раздѣляясь по народамъ и провинціямъ. Въ парижскомъ университетѣ находимъ сначала другой порядокъ. Здѣсь никогда слушатели не распоряжались личнымъ составомъ преподавателей, а либо послѣдніе призывали новыхъ членовъ, либо каждый, считавшій себя способнымъ преподавать, становился профессоромъ. Полнѣйшая свобода существовала въ этомъ отношеніи, и никакихъ условій и экзаменовъ для вступленія въ число университетскихъ преподавателей сначала не было. Къ концу XIII вѣка этотъ порядокъ дѣлъ нѣсколько измѣнился. Полная свобода преподаванія ограничена испытаніями. Кто хотѣлъ преподавать въ университетѣ, тотъ долженъ былъ выдержать экзаменъ. Но чрезъ это положеніе университетскихъ преподавателей въ сущности не измѣнилось. Выдержавшіе испытаніе имѣли, уже на одномъ этомъ основаніи, право преподавать, если хотѣли: никто ихъ не приглашалъ, никто ихъ не опредѣлялъ въ должность, ни отъ кого они не получали за это жалованья. Они пользовались лишь гонораріемъ да доходами отъ факультета, въ качествѣ членовъ факультетской корпораціи, и кромѣ того еще нѣкоторыми другими.

Жалованье профессорамъ появилось лишь съ XIII вѣка, при основаніи новыхъ университетовъ. Поводомъ послужило желаніе привлечь профессоровъ въ какую-нибудь новую мѣстность, гдѣ прежде не было университета, и гдѣ, слѣдовательно, профессоръ не могъ разсчитывать на хорошій гонорарій. Со временемъ эти жалованья получили характеръ пожизненнаго содержанія, которое обязывало преподавателя читать свой предметъ безвозмездно. Но рядомъ съ тѣмъ существовали другіе преподаватели, читавшіе попрежнему за одинъ гонорарій.

Съ начала XVI вѣка преподаватели, получавшіе жалованье, стали назначаться главою государства или избираться университетами и получили, въ отличіе отъ другихъ своихъ товарищей, названіе профессоровъ. Назначеніе или выборъ стали необходимы, потому что преподавателей было много, а число жалованій или содержаній, сравнительно, гораздо меньше и зависѣло отъ назначенныхъ для того денежныхъ средствъ. Такимъ-то образомъ, первоначальный личный составъ факультетскихъ корпорацій мало-по-малу измѣнился. Сначала факультеты обнимали всѣхъ преподающихъ, потомъ всѣхъ получившихъ, посредствомъ экзамена, право преподавать, хотя бы они на самомъ дѣлѣ и не преподавали. Эти впослѣдствіи устранены изъ факультетовъ, и остались одни преподающіе; но сперва они не различались между собою, а потомъ образовалось различіе между получавшими и не получавшими жалованье. Принадлежность къ первой изъ этихъ категорій не зависѣла отъ одного экзамена, а отъ усмотрѣнія правительства, или отъ выбора факультета. Назначеніе профессорамъ жалованья по выборамъ корпораціи современемъ тоже утратилось и обратилось въ право представлять правительству кандидатовъ на занятіе вакантной каѳедры, съ которою было соединено опредѣленное жалованье. Точно такъ же исчезло мало-по-малу право каждаго доктора и магистра преподавать въ университетѣ; введены, сверхъ испытанія на ученую степень, особыя испытанія для желающихъ преподавать въ университетѣ; сверхъ того, полученіе такого права поставлено въ зависимость отъ согласія и утвержденія правительства.

Вотъ какъ образовалось различіе между профессорами и приватъ-доцентами. Послѣдніе, даже въ теперешнемъ своемъ значеніи, существенно измѣненномъ противъ стариннаго, болѣе напоминаютъ первоначальный бытъ и устройство факультетовъ. Что касается до подраздѣленій профессорскаго званія, то оно находится въ связи съ различіемъ предметовъ и наукъ, для которыхъ учреж-

дены каѳедры, отъ тѣхъ, для которыхъ каѳедръ не положено, и кромѣ того зависитъ еще отъ нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ, о которыхъ удобнѣе будетъ сказать въ другомъ мѣстѣ.

Въ способѣ опредѣленія на службу профессоровъ до сихъ поръ сохранился, въ нѣкоторыхъ старинныхъ университетахъ, или хотя и новыхъ, но устроенныхъ по старинному образцу, отголосокъ корпоративнаго университетскаго и факультетскаго быта. Тогда какъ во многихъ университетахъ, особливо новыхъ, профессоры опредѣляются по непосредственному усмотрѣнію и выбору министерствъ и центральныхъ правительствъ, и этотъ способъ опредѣленія становится все болѣе и болѣе общимъ, — въ статутахъ нѣкоторыхъ университетовъ за факультетами удержалось право представлять правительству кандидатовъ на открывающіяся вакансіи ординарныхъ профессоровъ. На основаніи этого права, факультеты представляютъ правительству нѣсколькихъ, обыкновенно трехъ, выбранныхъ ими кандидатовъ, и правительство опредѣляетъ одного изъ нихъ. Такимъ образомъ факультетская корпорація какъ бы возобновляется сама собою, только подъ авторитетомъ правительства. Теперь такимъ правомъ пользуются еще университеты берлинскій, боннскій, лейпцигскій и тюбингенскій. Но въ боннскомъ университетѣ право предложить кандидата на вакантную каѳедру принадлежитъ и сенату и попечителю университета; въ лейпцигскомъ оно ограничивается, кажется, однѣми старыми каѳедрами; факультеты, сколько мы знаемъ, не имѣютъ права предлагать кандидатовъ на вакансіи, открывающіяся по новымъ каѳедрамъ (novae fundationes); наконецъ, тюбингенскій университетъ представляетъ въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, замѣчательныя особенности. Въ немъ неизмѣнно дѣйствуетъ правило, что вакансія ординарнаго профессора ни въ какомъ случаѣ не замѣщается помимо согласія и желанія факультета; мало того: изъ числа представленныхъ или одобренныхъ факультетомъ кандидатовъ, никогда не назначается второй по порядку помимо перваго. Однако и въ тюбингенскомъ университетѣ право предлагать кандидатовъ принадлежитъ не одному факультету, но и сенату, и министерству, и канцлеру, или, когда нѣтъ канцлера, ректору лично; только всѣ эти предложенія окончательно обсуждаются факультетомъ, и опредѣленіе профессора всегда дѣлается согласно съ факультетскимъ заключеніемъ. Факультетъ не обязанъ, впрочемъ, предлагать непремѣнно трехъ кандидатовъ; онъ можетъ ограничиться двумя и даже однимъ, когда не имѣетъ въ виду другихъ. Еслибы правительство опредѣлило профессора помимо факультета, то послѣдній имѣетъ право возражать противъ такого распоряженія (jus remonstrandi). Нигдѣ, сколько мы знаемъ, это право факультетовъ не сохраняется такъ строго и неприкосновенно, какъ въ тюбингенскомъ университетѣ; во всѣхъ другихъ, которые намъ удалось посѣтить, и гдѣ оно существуетъ на бумагѣ, оно далеко не всегда соблюдается. Въ лейпцигскомъ существуетъ тоже право возражать противъ назначенія профессоровъ правительствомъ, безъ соблюденія установленныхъ правилъ; но это право существуетъ только на бумагѣ, и право факультетовъ предлагать кандидатовъ (jus denominandi) нисколько не обязываетъ правительство опредѣлить непремѣнно одного изъ предложенныхъ; случается, что оно опредѣляетъ отъ себя другого, не стѣсняясь предложеніями. Право факультета протестовать противъ назначеній профессоровъ существуетъ также, сколько мы знаемъ, и въ мюнхенскомъ университетѣ, хотя онъ и не представляетъ кандидатовъ на вакантныя каѳедры; протестъ, слѣдовательно, можетъ имѣть мѣсто только въ такомъ случаѣ, когда профессоръ не соединяетъ въ себѣ требуемыхъ условій, напримѣръ, не имѣетъ ученой степени; но существуетъ ли право протеста въ другихъ университетахъ, которымъ предоставлено статутами предлагать кандидатовъ, намъ неизвѣстно; кажется, что нѣтъ; въ Боннѣ, напримѣръ, назначеніе профессоровъ помимо предложенныхъ кандидатовъ— дѣло довольно обыкновенное.

О правѣ факультетовъ представлять кандидатовъ на вакантныя профессуры, объ обязанности правительства опредѣлить непремѣнно одного изъ нихъ, наконецъ о правѣ факультетовъ настаивать на соблюденіи этого правила, протестовать противъ его нарушенія, существуютъ въ Германіи очень различныя мнѣнія. Многіе, съ которыми намъ удалось говорить объ этомъ, въ томъ числѣ даже профессоры, находятъ, что юридическое участіе университетовъ въ замѣщеніи вакантныхъ каѳедръ вредно, потому что на выборъ кандидатовъ имѣютъ вліяніе партіи

и интриги, личныя соображенія, духъ касты или узко и односторонне понимаемые мѣстные интересы, сепаратизмъ и партикуляризмъ, которыми страдаетъ Германія; находятъ, что тюбингенскій университетъ, благодаря именно этому обстоятельству, болѣе и болѣе уединяется, получаетъ односторонній характеръ, становится исключительно мѣстнымъ университетомъ и наполняется главнымъ образомъ одними швабами, съ возможнымъ устраненіемъ другихъ уроженцевъ; что, напротивъ, мюнхенскій университетъ обновился и расцвѣлъ именно потому, что правительство, ничѣмъ не стѣсняемое въ выборѣ профессоровъ, могло привлечь туда лучшія силы. Основываясь на этомъ, многіе радуются, когда министерство, не обращая вниманія на предложенныхъ кандидатовъ, назначаетъ отъ себя другихъ, и считаютъ очень благопріятнымъ условіемъ для университета, когда обновленіе его учебнаго состава зависитъ исключительно отъ правительства, безъ участія факультетовъ. Вопросъ о томъ, какой способъ замѣщенія каѳедръ лучше, едва ли разрѣшимъ теоретически. Участіе факультетовъ въ обновленіи своего личнаго состава имѣетъ свои дурныя стороны,—это безспорно; но развѣ обновленіе его однимъ министерствомъ не имѣетъ ихъ, по крайней мѣрѣ въ той же степени? То же пристрастіе, односторонность и духъ партій могутъ руководить и имъ, какъ и факультетами. Примѣры, и недавніе, есть въ Германіи на лицо, даже тамъ, гдѣ, въ большинствѣ случаевъ, выборъ профессоровъ до сихъ поръ отличался самымъ просвѣщеннымъ безпристрастіемъ. Въ университетахъ мюнхенскомъ, геттингенскомъ, гейдельбергскомъ и двухъ швейцарскихъ факультеты могутъ участвовать въ выборѣ профессоровъ не юридически, а лишь заявленіемъ своего мнѣнія, которое выражаютъ правительству по собственной инціативѣ, а чаще по предложенію и требованію о томъ министерства: ни въ одномъ изъ нихъ не удержалось формальное право предлагать кандидатовъ на вакантныя каѳедры; въ гейдельбергскомъ университетѣ, напримѣръ, правительство или замѣщаетъ вакантныя каѳедры по своему усмотрѣнію, или предоставляетъ факультету предложить своихъ кандидатовъ; въ цюрихскомъ—факультетамъ предоставлено право предлагать кандидатовъ, но не въ томъ значеніи, какъ въ названныхъ выше четырехъ университетахъ. Цюрихскій университетъ—новѣйшій, и потому менѣе всѣхъ другихъ напоминаетъ старинный университетскій корпоративный бытъ. При опредѣленіи профессоровъ въ этомъ университетѣ, правительство спрашиваетъ мнѣнія факультета, но послѣднее для него нисколько не обязательно. Въ Мюнхенѣ, при замѣщеніи каѳедръ богословскаго факультета, правительство спрашиваетъ мнѣнія факультета, сената и сверхъ того требуетъ отзыва епархіальнаго епископа о правовѣріи и нравственности кандидата. Въ Цюрихѣ, въ подобномъ случаѣ, спрашивается мнѣніе церковнаго совѣта. Въ этомъ послѣднемъ университетѣ факультеты имѣютъ право предлагать своихъ кандидатовъ на вакантныя каѳедры, но такія предложенія для правительства не обязательны. Наконецъ, въ базельскомъ и геттингенскомъ университетахъ профессоровъ назначаетъ правительство по своему усмотрѣнію, безъ всякаго участія факультетовъ и университета.

Все сказанное относится къ ординарнымъ профессорамъ или каѳедрамъ. Что касается до экстра-ординарныхъ и почетныхъ профессоровъ, а также лекторовъ и учителей, преподающихъ въ университетахъ, то они вездѣ опредѣляются правительствомъ по его непосредственному усмотрѣнію, безъ всякаго права участія въ томъ университета или факультетовъ. Разумѣется, на дѣлѣ правительство можетъ спросить и нерѣдко спрашиваетъ объ имѣющихся въ виду кандидатахъ мнѣнія академическаго сената или факультета; но мы говоримъ здѣсь не о томъ, какъ бываетъ на дѣлѣ, а о правахъ факультетовъ и университета. Изъ этого общаго правила есть одно только изъятіе. Званіе экстра-ординарнаго профессора дается нерѣдко, въ видѣ повышенія, лучшимъ изъ приватъ-доцентовъ, которые въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ съ успѣхомъ преподавали въ университетѣ. Въ берлинскомъ и боннскомъ университетахъ факультеты по просьбѣ приватъ-доцента о повышеніи, если признаютъ ее заслуживающею уваженія, могутъ отъ себя предложить министерству о дарованіи просителю званія экстра-ординарнаго профессора; въ другихъ приватъ-доцентъ обращается съ такой просьбой непосредственно въ министерство, и въ этихъ случаяхъ послѣднее сперва всегда спрашиваетъ мнѣніе сената или непосредственно того факультета, по которому числится проситель, чтобы узнать достоинъ ли онъ повышенія. И такъ, въ обоихъ случаяхъ,

правила какъ бы предоставляютъ самимъ университетамъ нѣкоторое участіе въ удостоеніи приватъ-доцентовъ званія экстра-ординарнаго профессора; но это участіе ограничивается, во-первыхъ, только повышеніемъ приватъ-доцентовъ въ томъ же самомъ университетѣ, такъ что еслибы правительство нашло полезнымъ или нужнымъ опредѣлить приватъ-доцента экстра-ординарнымъ профессоромъ въ другой университетъ, то сенаты и факультеты обоихъ университетовъ нимало бы въ такомъ повышеніи не участвовали; во-вторыхъ, участіе ихъ, въ приведенныхъ выше двухъ случаяхъ, состоитъ только въ ходатайствѣ, въ представленіи по начальству, или же въ изложеніи мнѣнія и засвидѣтельствованіи по требованію начальства, и слѣдовательно ни въ какомъ случаѣ не есть такое право факультета, которое бы юридически имѣло вліяніе на производство приватъ-доцента въ экстра-ординарные профессоры. Прибавимъ, въ заключеніе, что въ швейцарскихъ университетахъ, не имѣющихъ историческихъ преданій, званіе ординарнаго и экстра-ординарнаго профессора, точно такъ же какъ и званіе приватъ-доцента, не сохранило почти никакихъ слѣдовъ прежняго своего значенія; это не болѣе какъ разные виды и разряды университетскихъ преподавателей, одни ниже, другіе выше, почетнѣе, пользующіеся большими правами. Званіе ординарнаго профессора, связанное вездѣ съ извѣстною каѳедрой, въ базельскомъ и цюрихскомъ университетахъ можетъ быть даваемо за заслуги, какъ титулъ, независимо отъ каѳедры, со всѣми правами, именно съ правомъ быть членомъ академическаго сената и факультета. Такое повышеніе дается обыкновенно экстра-ординарнымъ профессорамъ, но можетъ быть дано, по уставу базельскаго университета, и стороннимъ университетскимъ преподавателямъ и вообще ученымъ, оказавшимъ особыя услуги университету. Въ тюбингенскомъ званія ординарнаго и экстра-ординарнаго профессора даются нерѣдко въ видѣ почетнаго титула, безъ соединенныхъ съ ними правъ. Почти во всѣхъ германскихъ университетахъ профессоры несмѣстимы, подобно судьямъ. Юридически это начало принято въ прусскихъ университетахъ и въ баденскихъ, также и въ тюбингенскомъ; въ швейцарскихъ оно не существуетъ; не существуетъ оно, какъ мы думаемъ, тоже въ баварскихъ и въ геттингенскомъ, хотя и не смѣемъ утверждать этого положительно; въ лейпцигскомъ старые порядки сильно потрясены и нерѣдко нарушаются, почему и нельзя теперь сказать, какое начало дѣйствуетъ тамъ въ этомъ отношеніи. Но, за исключеніемъ швейцарскихъ университетовъ, собственно въ Германіи, начало несмѣстимости профессоровъ существуетъ вездѣ; если не по закону, то по обычаю, профессоръ, живущій на покоѣ и получающій пенсію, продолжаетъ считаться профессоромъ и членомъ университета и факультета.

Въ доказательство, какъ строго хранится начало несмѣстимости профессоровъ въ нѣкоторыхъ старинныхъ университетахъ Германіи, приведемъ слѣдующій случай. Въ тюбингенскомъ университетѣ опредѣленъ былъ ординарнымъ профессоромъ одинъ очень извѣстный ученый, перешедшій впослѣдствіи въ цюрихскій университетъ. По обычаю, существующему почти во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ, онъ читалъ передъ многочисленнымъ университетскимъ собраніемъ вступительную рѣчь, въ которой непозволительно-рѣзко отозвался о религіи. Эта рѣчь произвела скандалъ и въ высшей степени раздражала богословскіе факультеты, въ особенности католическій. Правительство поставлено было этимъ въ самое затруднительное и щекотливое положеніе. Какъ же оно поступило? Профессору, тотчасъ послѣ этой рѣчи, дана была командировка съ ученою цѣлью на годъ, и онъ оставилъ Тюбингенъ, не начавъ курса. Между тѣмъ, въ теченіе года, впечатлѣніе, произведенное рѣчью, постепенно сгладилось, волненіе умовъ улеглось, и профессоръ, возвратившись изъ поѣздки, могъ открыть свой курсъ.

Обратимся теперь къ приватъ-доцентамъ. Мы уже замѣтили выше, что изъ всѣхъ разрядовъ университетскихъ преподавателей они болѣе всѣхъ другихъ сохранили живой отпечатокъ первоначальнаго университетскаго быта, и очень замѣчательно, что именно они, составляя теперь исключительную принадлежность нѣмецкихъ университетовъ, и суть одна изъ главныхъ причинъ ихъ блистательнаго развитія и процвѣтанія. Нѣмцы гордятся этимъ учрежденіемъ; иностранцы завидуютъ имъ въ этомъ. Правда, институтъ приватъ-доцентовъ тоже подвергся многимъ существеннымъ измѣненіямъ и ограниченіямъ противъ прежняго времени, но все-таки онъ о сю пору напоминаетъ о томъ, что̀ были

когда-то всѣ вообще университетскіе преподаватели. Приватъ-доценты не опредѣляются ни правительствомъ, ни кѣмъ бы то ни было, не считаются въ службѣ, не получаютъ жалованья; это ученые, которымъ дано право преподавать въ университетѣ, на основаніи экзамена, и которые пользуются этимъ правомъ своимъ безъ всякаго оффиціальнаго характера. Именно таковы и были члены старинныхъ корпорацій университетскихъ преподавателей, съ тѣхъ поръ какъ экзаменъ и ученая степень стали необходимымъ условіемъ права преподавать, и въ составѣ факультетовъ остались одни дѣйствительно преподающіе.

Бо́льшая часть стѣсненій и ограниченій, которымъ подверглись приватъ-доценты, появились послѣ наполеоновскихъ войнъ и вѣнскаго конгресса, когда въ Германіи произошелъ разладъ между государствомъ и наукой, вызванный отчасти реакціей отживавшихъ элементовъ, а отчасти тѣмъ, что наука менѣе ясно, чѣмъ теперь, понимала свою задачу и свои границы. Важнѣйшія измѣненія и ограниченія института приватъ-доцентовъ суть слѣдующія: 1) чтобы быть приватъ-доцентомъ, мало имѣть дипломъ на ученую степень, а нужно выдержать особое испытаніе. Это, конечно, объясняется отчасти тѣмъ, что по мѣрѣ того ка́къ ученыя степени теряли прежнее свое значеніе и стали постепенно обращаться въ одно лишь почетное званіе, безъ всякихъ правъ, самыя испытанія на степени, удержавъ старинный характеръ, болѣе и болѣе дѣлались одною лишь формальностью, которая не соотвѣтствовала потребностямъ и состоянію науки, а потому и не могла служить дѣйствительною повѣркой живого знанія. Но со всѣмъ тѣмъ, характеръ условій, которыхъ начали теперь требовать отъ ученаго, желавшаго быть приватъ-доцентомъ, показываетъ, что не одна ученая недостаточность и несостоятельность испытаній на степени побудила ввести особые экзамены на званіе приватъ-доцента. Германскій сеймъ постановилъ, 12-го іюня 1834 г., что только тотъ можетъ быть допущенъ въ университетъ приватъ-доцентомъ, кто выдержитъ съ отличіемъ экзаменъ, предписанный для кандидатовъ на поступленіе на службу; кто намѣренъ читать науки, служащія для приготовленія къ государственной службѣ, тотъ долженъ сперва́ ознакомиться съ дѣлами тѣмъ порядкомъ, какой предписанъ для приготовленія къ дѣйствительной службѣ. Эти требованія или условія должны были внести въ преподаваніе приватъ-доцентовъ практическое служебное направленіе и противодѣйствовать чисто-научному теоретическому, которое будто бы и было главною причиной дѣйствительнаго или предполагаемаго зла отъ университетскаго преподаванія. Это постановленіе, косвенно ограничивши свободу преподаванія и доступъ къ нему, не было однако введено всюду, а только въ нѣкоторыхъ университетахъ, напримѣръ, въ лейпцигскомъ и мюнхенскомъ; ганноверское правительство не ввело его въ геттингенскомъ. 2) Гораздо важнѣе было ограниченіе числа приватъ-доцентовъ и времени, на которое они допускались къ преподаванію. Факультетскими статутами боннскаго университета, изданными 18-го октября 1834 г., число приватъ-доцентовъ при каждомъ факультетѣ ограничено извѣстною цифрой,* и изъятія зависятъ отъ усмотрѣнія министерства; вмѣстѣ съ тѣмъ положено правиломъ, что разрѣшеніе читать лекціи въ университетѣ дается лишь на четыре года, по истеченіи которыхъ отъ факультета зависитъ продолжить срокъ. Срочное допущеніе приватъ-доцентовъ къ чтенію въ университетѣ впослѣдствіи было отмѣнено, но ограниченіе числа ихъ осталось. Правила эти, сколько намъ извѣстно, въ другихъ университетахъ, кромѣ боннскаго, не существуютъ. 3) Во всей Германіи допущеніе къ званію приватъ-доцента зависитъ теперь отъ усмотрѣнія и разрѣшенія правительства, а не одного факультета или университета. Научное знаніе и педагогическая способность, сами по себѣ, еще не открываютъ для желающаго дверей университета. 4) Званіе приватъ-доцента всегда можетъ быть отнято административнымъ порядкомъ. Временное или окончательное лишеніе права преподавать въ университетѣ зависитъ не отъ факультета или университета, а отъ министерства. 5) Никто не можетъ сдѣлаться приватъ-доцентомъ въ томъ же университетѣ, гдѣ слушалъ лекціи, до истеченія двухъ лѣтъ по окончаніи курса; равнымъ образомъ, нельзя вообще искать званія приватъ-доцента непосредственно по полученіи ученой степени, а лишь спустя извѣстное время послѣ того, годъ или два. Первое изъ этихъ ограниченій постановлено въ томъ же 1834 г. германскимъ сеймомъ; мы встрѣтили его только въ гейдельбергскомъ университетѣ, хотя можетъ

быть оно имѣетъ силу и въ нѣкоторыхъ другихъ; что касается до второго, то оно очень разнообразно въ разныхъ университетахъ. Въ геттингенскомъ положено допускать къ чтенію въ университетѣ, въ качествѣ приватъ-доцента, лишь годъ спустя по удостоеніи степени доктора; а по богословскому факультету спустя не менѣе двухъ лѣтъ по выслушаніи трехгодичнаго университетскаго курса. Послѣднее правило находится и въ статутахъ обоихъ богословскихъ факультетовъ боннскаго университета; въ лейпцигскомъ, по юридическому факультету,—годъ спустя по выдержаніи экзамена, дающаго право быть практическимъ юристомъ или кандидатомъ на принятіе въ государственную службу; наконецъ, въ мюнхенскомъ приватъ-доцентомъ по юридическому, медицинскому и камеральному факультетамъ можно сдѣлаться не прежде какъ послѣ практическихъ занятій предметомъ будущаго преподаванія въ теченіе по крайней мѣрѣ двухъ лѣтъ и по выдержаніи особаго практическаго экзамена по этому предмету. 6) Въ заключеніе, самый кругъ преподаванія приватъ-доцента въ нѣкоторыхъ университетахъ ограниченъ только извѣстными предметами; такъ въ берлинскомъ приватъ-доцентъ можетъ читать лишь тотъ предметъ, по которому подвергался испытанію; въ богословскихъ факультетахъ боннскаго университета это ограниченіе относится только къ имѣющимъ степень лиценціата, а не доктора богословія; въ геттингенскомъ —только къ приватъ-доцентамъ философскаго факультета; въ другихъ же, напримѣръ, въ гейдельбергскомъ, приватъ-доцентъ не имѣетъ права читать лишь предметовъ, принадлежащихъ къ кругу преподаванія другихъ факультетовъ.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ ограниченій, прежнее значеніе приватъ-доцентовъ нѣсколько измѣнилось. Приватъ-доценты подчинены факультетамъ, находятся, по закону, подъ ихъ надзоромъ и зависятъ отъ нихъ во многихъ отношеніяхъ. Въ швейцарскихъ университетахъ и въ южно-германскихъ, съ которыми мы познакомились, приватъ-доценты приближаются даже къ типу чиновниковъ по учебной части, опредѣляемыхъ правительствомъ, такъ что различіе ихъ отъ профессоровъ указать очень трудно: оно здѣсь болѣе іерархическое, служебное, а не такое коренное, существенное, какъ въ сѣверной Германіи. Такъ, въ базельскомъ университетѣ приватъ-доценты, по правиламъ, допускаются къ преподаванію по постановленію университетскаго совѣта, съ утвержденія попечительства. Совѣту представляетъ факультетъ, который удостовѣряется въ знаніяхъ и педагогическихъ способностяхъ просителя. Но если бы факультетъ и совѣтъ не признали просителя достойнымъ преподавать въ университетѣ, то онъ можетъ обратиться къ попечительству, которое имѣетъ право, если признаетъ заключеніе факультета и совѣта не заслуживающими уваженія, разрѣшить просителю быть приватъ-доцентомъ, помимо факультета и совѣта. Въ базельскомъ университетѣ нѣтъ въ настоящее время приватъ-доцентовъ. Зная университетскіе нравы Германіи и Швейцаріи, мы убѣждены, что попечительство только въ крайнемъ случаѣ рѣшилось бы воспользоваться своимъ правомъ опредѣлить приватъ-доцента вопреки постановленію факультета и университетскаго совѣта; но въ Германіи такой случай совсѣмъ невозможенъ и немыслимъ, потому что въ вопросахъ науки и преподаванія на рѣшеніе факультета и университета нѣтъ аппеляціи. Въ цюрихскомъ университетѣ факультетъ не имѣетъ почти никакого дѣла съ ищущимъ званія приватъ-доцента. Послѣдній прямо обращается къ директору публичнаго обученія, отъ котораго и зависитъ дать ему это право или отказать. Получивъ просьбу, директоръ предлагаетъ факультету удостовѣриться въ научныхъ познаніяхъ просителя и представить ему свое мнѣніе. Факультетъ имѣетъ право, если признаетъ нужнымъ, проэкзаменовать просителя, и затѣмъ представляетъ директору свое мнѣніе чрезъ сенатскую коммиссію, которая, если сочтетъ необходимымъ, можетъ представить мнѣніе и отъ себя. Все остальное затѣмъ—дѣло директора, который сообщаетъ просителю свое рѣшеніе чрезъ факультетъ. Если проситель-профессоръ или старшій учитель (Oberlehrer) кантональной школы или профессоръ политехнической школы, то отъ директора зависитъ освободить его и отъ испытанія. Изъ этого видно, что въ цюрихскомъ университетѣ, младшемъ изъ всѣхъ заграничныхъ, не сохранилось и слѣдовъ корпоративнаго значенія факультетовъ, которое отчасти держится еще въ Германіи въ учрежденіи приватъ-доцентовъ и придаетъ послѣднему всю его силу и важность, къ сожалѣнію, ослабѣвающія теперь подъ вліяніемъ разныхъ административныхъ

ограниченій. Въ Цюрихѣ приватъ-доцентъ есть просто университетскій преподаватель, опредѣляемый правительствомъ, которое только удостовѣряется чрезъ факультетъ, знаетъ ли онъ свое дѣло какъ слѣдуетъ, когда нѣтъ признаковъ, по которымъ правительство могло бы о томъ судить и безъ факультета. Въ мюнхенскомъ университетѣ, еще въ началѣ нынѣшняго вѣка, вовсе не было приватъ-доцентовъ; вѣроятно, вслѣдствіе этого, они имѣютъ здѣсь служебный характеръ. Допущеніе ихъ къ преподаванію требуетъ разрѣшенія короля. Если приватъ-доцентъ не баварскій подданный, то онъ приноситъ, при допущеніи, присягу на вѣрность службы. Это характеризуетъ понятіе, связанное здѣсь съ званіемъ приватъ-доцента. Наконецъ, въ тюбингенскомъ университетѣ, рядомъ съ приватъ-доцентами въ обыкновенномъ смыслѣ, какой имъ придается во всей Германіи, существуютъ другіе, которые, имѣя то же названіе, существенно отъ нихъ отличаются своимъ положеніемъ, а именно: они опредѣляются правительствомъ для преподаванія извѣстныхъ предметовъ и получаютъ извѣстное жалованье; другими словами, они тѣ же профессоры и отличаются отъ нихъ существенно только тѣмъ, что послѣдніе несмѣстимы административнымъ порядкомъ, тогда какъ приватъ-доценты не пользуются этимъ преимуществомъ и могутъ быть всегда лишены своего званія. Таковъ личный составъ факультетскихъ преподавателей вообще. Но факультетъ не есть только совокупность преподающихъ и учащихся; онъ, какъ мы сказали, есть въ то же время юридическая и административная единица, звено въ университетской организаціи, и въ этомъ значеніи имѣетъ свой кругъ дѣятельности, свои предметы вѣдомства, извѣстную степень власти и отвѣтственность, извѣстныя права и обязанности, подчиненность и административныя отношенія къ другимъ университетскимъ учрежденіямъ.

Организація факультетовъ въ юридическомъ и административномъ смыслѣ представляетъ свои особенности. Дѣла факультетскаго управленія ввѣрены не всѣмъ преподавателямъ, принадлежащимъ къ личному составу факультета, а только нѣкоторымъ ихъ разрядамъ. Они-то и образуютъ факультетскую коллегію, подъ предсѣдательствомъ декана,—одного изъ факультетскихъ преподавателей, принадлежащихъ къ этимъ разрядамъ,—который остается въ должности обыкновенно въ теченіе года, и затѣмъ смѣняется другимъ. Факультетъ въ этомъ значеніи имѣетъ устройство общее всѣмъ вообще коллегіямъ. Факультетскія дѣла разсматриваются и рѣшаются по большинству голосовъ; предсѣдатель, деканъ, приводитъ въ исполненіе факультетскія постановленія и пользуется вообще всѣми правами, принадлежащими предсѣдателю коллегіи; сверхъ того, онъ отправляетъ самостоятельно, хотя и подъ надзоромъ и контролемъ факультета, менѣе значительныя текущія дѣла, а также дѣла, не терпящія отлагательства, — послѣднія подъ собственною отвѣтственностью и съ обязанностью тотчасъ же дать факультету подробный отчетъ о сдѣланныхъ распоряженіяхъ и принятыхъ мѣрахъ. Эти общія черты факультетской административной организаціи значительно видоизмѣняются въ разныхъ университетахъ. Вообще членами факультетовъ въ административномъ смыслѣ считаются только ординарные профессоры; но въ цюрихскомъ университетѣ, кромѣ ординарныхъ, въ факультетской коллегіи участвуютъ еще и экстраординарные. Въ тюбингенскомъ университетѣ экстра-ординарные профессоры могутъ быть тоже членами факультета, по особому повелѣнію короля, и въ такомъ случаѣ участвуютъ во всѣхъ факультетскихъ дѣлахъ и занятіяхъ, кромѣ, однако, совѣщаній о замѣщеніи открывающихся профессорскихъ вакансій; въ боннскомъ университетѣ факультетъ, въ административномъ смыслѣ, состоитъ изъ однихъ ординарныхъ профессоровъ, но не въ силу этого званія, а по особому назначенію правительства; когда же въ факультетѣ производятся выборы въ академическій сенатъ, то въ нихъ принимаютъ участіе и почетные профессоры, въ качествѣ избирателей и избираемыхъ; въ геттингенскомъ университетѣ право удостоивать ученыхъ степеней принадлежитъ не всѣмъ членамъ факультетской административной коллегіи, именно, не всѣмъ ординарнымъ профессорамъ, а только нѣкоторымъ изъ нихъ, составляющимъ въ факультетѣ какъ бы болѣе тѣсный факультетъ, называемый по привилегіи, которою онъ исключительно пользуется, Honoren-Facultät. Происхожденіе этой привилегіи довольно темно. Можно догадываться, что она находится въ связи съ бывшимъ во многихъ университетахъ различіемъ каѳедръ старыхъ и новыхъ (veterae et novae fundationis). Профессоры,

занимавшіе старинныя каѳедры, неохотно допускали къ участію въ факультетскихъ дѣлахъ новыхъ товарищей, по весьма понятной причинѣ: съ увеличеніемъ числа профессоровъ приходилось на каждаго изъ нихъ меньше доходовъ, которые они получали, въ качествѣ членовъ факультета, отъ разныхъ статей, въ томъ числѣ и отъ удостоенія ученыхъ степеней. Профессоры были въ полномъ правѣ не уступать новымъ своимъ товарищамъ часть этихъ доходовъ, потому что послѣдніе были имъ предоставлены при приглашеніи ихъ на каѳедры. Черезъ это образовалось указанное выше различіе между профессорами одного и того же факультета; извѣстное число ихъ пользовалось доходами по должности, другіе не пользовались. Впослѣдствіи это различіе исчезло почти всюду, вслѣдствіе увеличенія жалованья и отмѣны разныхъ доходныхъ статей профессоровъ, по мѣрѣ ихъ выбытія. Такимъ способомъ, еще не такъ давно, отмѣнено это различіе въ лейпцигскомъ университетѣ. Но въ геттингенскомъ слѣды его сохранились, хотя и не въ первоначальномъ видѣ. Ганноверское правительство стало было отмѣнять различіе между профессорами относительно права участія въ возведеніи въ ученыя степени, и въ факультетахъ богословскомъ и медицинскомъ оно болѣе не существуетъ; но въ двухъ остальныхъ оно удержалось до сихъ поръ; въ юридическомъ факультетѣ изъ девяти профессоровъ только пять принадлежатъ къ Honoren-Facultät, а въ философскомъ изъ двадцати восьми только семь. Точно такъ же разнообразны правила о назначеніи декановъ. Въ швейцарскихъ университетахъ, базельскомъ и цюрихскомъ, и въ двухъ прусскихъ, берлинскомъ и боннскомъ, деканъ избирается факультетскими коллегіями изъ своей среды, вслѣдствіе чего въ цюрихскомъ университетѣ деканомъ можетъ быть и экстра-ординарный профессоръ; въ остальныхъ пяти университетахъ — мюнхенскомъ, лейпцигскомъ, геттингенскомъ, гейдельбергскомъ и тюбингенскомъ, — порядокъ назначенія декановъ совсѣмъ иной: во-первыхъ, они не избираются и не опредѣляются правительствомъ, а смѣняются погодно въ извѣстной преемственности (turnus), которая опредѣляется старшинствомъ службы въ университетахъ или въ званіи ординарнаго профессора; во-вторыхъ, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ университетовъ, напримѣръ, въ мюнхенскомъ, лейпцигскомъ и геттингенскомъ, во всѣхъ или только нѣкоторыхъ факультетахъ, не всѣ ординарные профессоры, члены факультета, могутъ быть деканами, а только нѣкоторые: въ геттингенскомъ только члены Honoren-Facultät; въ богословскомъ факультетѣ мюнхенскаго университета—только четверо старшихъ ординарныхъ профессоровъ изъ числа семи, въ юридическомъ—пять изъ девяти, въ камеральномъ—трое изъ семи, въ медицинскомъ—шестеро изъ тринадцати, въ философскомъ—семь изъ двадцати трехъ. То же самое въ медицинскомъ и философскомъ факультетахъ лейпцигскаго университета: разница только въ числовыхъ отношеніяхъ профессоровъ, имѣющихъ и не имѣющихъ право быть деканами. Въ геттингенскомъ университетѣ эти особенности усложняются еще тѣмъ, что нѣкоторые профессоры имѣютъ право быть деканами не въ продолженіе цѣлаго года, а лишь въ теченіе шести мѣсяцевъ, вслѣдствіе чего два профессора, имѣющіе право на половину деканства, заключаютъ иногда между собою особыя условія, въ силу которыхъ каждый изъ нихъ правитъ должность декана въ теченіе цѣлаго года, но зато въ слѣдующую затѣмъ очередь уступаетъ свое полугодіе товарищу, который точно такъ же правитъ должность декана не полгода, а круглый годъ. Всѣ эти особенности и странности имѣютъ общій источникъ съ исключительною привилегіей производить въ ученыя степени. Публичныя должности, подобно праву суда и правамъ владѣтельнымъ, получили въ средніе вѣка частный, приватный характеръ, и разсматривались съ точки зрѣнія гражданскаго права. Съ должностью декана были соединены разные доходы, которые выговаривались профессорами, въ числѣ прочихъ, при опредѣленіи на каѳедру. Такимъ образомъ они становились гражданскимъ правомъ, гражданскою частною собственностью: общественное, публичное значеніе должности оттиралось на второй планъ, и она мало-по-малу ниспала на степень привилегіи, сдѣлалась монополіей немногихъ, зорко оберегаемою отъ прочихъ,—монополіей, которая, какъ доходная статья, передавалась, дѣлилась, становилась предметомъ частныхъ сдѣлокъ. Въ новѣйшее время эти привилегіи большею частью отмѣнены увеличеніемъ жалованья профессорамъ, обращеніемъ доходныхъ статей, соединенныхъ съ должностями, въ пользу университетской казны и вознагражденіемъ тѣхъ, которые ими пользовались,

или же невключеніемъ этихъ статей въ условія съ профессорами, вновь опредѣляемыми. Но отмѣна прежнихъ порядковъ нигдѣ не проведена до конца, отчасти по недостатку денежныхъ средствъ на вознагражденіе профессоровъ за потерю старыхъ привилегій; только въ самыхъ новыхъ или въ возобновленныхъ въ недавнее время университетахъ (напримѣръ, въ базельскомъ) частный характеръ университетскихъ должностей могъ быть устраненъ вполнѣ, какъ несоотвѣтствующій современнымъ понятіямъ. Мы видѣли, что деканы обыкновенно остаются годъ въ должности. Они не утверждаются правительствомъ; о вступленіи въ должность новаго декана дается только знать министерству. Но и эти правила не безъ исключеній; въ цюрихскомъ университетѣ деканы избираются срокомъ на два года; въ боннскомъ утверждаются министерствомъ. Теперешняя коллегіальная организація факультетовъ есть, очевидно, остатокъ ихъ корпоративнаго устройства и быта. Въ древнѣйшихъ итальянскихъ университетахъ корпоративная автономія и самоуправленіе принадлежали университетскимъ слушателямъ, за исключеніемъ преподавателей: въ парижскомъ и нѣмецкихъ, напротивъ, слушатели были исключены изъ участія въ управленіи, и оно принадлежало одним преподавателямъ. Съ образованіемъ факультетскихъ корпорацій, факультетскія административныя коллегіи составлялись не только изъ всѣхъ факультетскихъ преподавателей, но и изъ всѣхъ имѣвшихъ право преподавать, то-есть всѣхъ получившихъ отъ факультета ученыя степени; впослѣдствіи этотъ первоначальный составъ измѣнился и умалился, вслѣдствіе исключенія не преподающихъ членовъ и появленія различія между преподавателями, получающими и не получающими жалованья. По мѣрѣ того какъ факультетскія корпораціи теряли свою самостоятельность, и на нихъ распространялась власть и администрація государства, факультетскіе преподаватели, опредѣленные или утвержденные правительствомъ, получили преимущество передъ прочими, и послѣдніе вытѣснены изъ факультетскихъ коллегій. Такъ положено начало теперешнему административному составу факультетовъ, который видоизмѣняется въ разныхъ университетахъ по частымъ, разнообразнымъ, теоретическимъ и практическимъ соображеніямъ.

Такимъ образомъ, въ основаніи теперешней административной факультетской организаціи лежитъ тотъ же старинный корпоративный бытъ, къ которому безпрестанно приводитъ насъ и все это устройство нѣмецкихъ университетовъ, — конечно, передѣланный, измѣненный подъ вліяніемъ условій новой общественности, установившейся со времени замѣны средневѣковыхъ корпоративныхъ порядковъ земскими и государственными. Но есть факультеты, въ которыхъ тѣ или другія старинныя факультетскія учрежденія сохранились, почти безъ всякихъ перемѣнъ, до сей поры, утративъ всякое живое значеніе. Чтобы понять ихъ, необходимо возвращаться къ отдаленнымъ временамъ, допрашивать давно минувшій строй университетскаго быта, отъ котораго, за послѣдующими перемѣнами, не осталось ничего болѣе кромѣ этихъ запоздалыхъ памятниковъ, странно выдающихся посреди новыхъ, чуждыхъ имъ учрежденій. Очень замѣчательно, что одну изъ такихъ стариннѣйшихъ развалинъ мы встрѣчаемъ въ геттингенскомъ университетѣ, основанномъ въ 1733 г., слѣдовательно, относительно говоря, одномъ изъ новѣйшихъ. Здѣсь въ философскомъ факультетѣ состоятъ четыре приватъ-доцента въ качествѣ факультетскихъ ассесоровъ. Что такое эти ассесоры, опредѣлить чрезвычайно трудно. Ассесорами назначаются теперь правительствомъ, по представленію факультета, тѣ изъ приватъ-доцентовъ, которыхъ не считаютъ еще достойными быть экстра-ординарными профессорами, но признаютъ, однако, достойными отличія и повышенія. Званіе ассесора теперь до того мало понятно, что его называютъ, въ шутку, званіемъ женатыхъ приватъ-доцентовъ, потому что женатые приватъ-доценты обыкновенно повышаются въ ассесоры. Единственное отличіе ассесоровъ отъ прочихъ приватъ-доцентовъ заключается въ томъ, что первые обязаны, по требованію факультета, быть оппонентами при публичныхъ диспутахъ; сверхъ того, они имѣютъ право объявлять курсы безъ предварительнаго разрѣшенія декана, которое непремѣнно должны испрашивать прочіе приватъ-доценты. Но въ старину званіе ассесоровъ философскаго факультета представлялось совсѣмъ въ другомъ видѣ. Они считались принадлежащими къ факультетамъ, то-есть къ числу тѣхъ преподавателей, которые заправляли факультетскими дѣлами, хотя и не были профессорами въ полномъ смыслѣ слова; оттого они считались выше прочихъ магистровъ (докторовъ философскаго факультета), на диспу-

тахъ являлись уполномоченными отъ факультета, принимали участіе въ факультетскихъ собраніяхъ, въ которыхъ происходили совѣщанія по научнымъ предметамъ; могли избираться въ общественныя должности по университету, участвовали въ торжественныхъ процессіяхъ, въ пиршествахъ по случаю удостоенія ученыхъ степеней и т. д. Словомъ, ассесоры были адъюнктами факультета, нѣчто среднее между имѣющими ученыя степени, подчиненными факультету, и профессорами, управлявшими факультетскимъ дѣломъ. Чтобы объяснить, какъ и по какому поводу возникло и образовалось званіе факультетскаго ассесора или адъюнкта, и почему оно существуетъ только въ философскомъ факультетѣ, а въ другихъ его нѣтъ, для этого нужно перенестись въ XIII и XIV вѣка, когда старинное университетское устройство по народностямъ стало мало-по-малу замѣняться устройствомъ по факультетамъ. Образцомъ для университетской организаціи въ Германіи служилъ, какъ извѣстно, парижскій университетъ, а не итальянскіе. Въ парижскомъ же, въ XIII вѣкѣ, гдѣ устройство по націямъ тоже лежало сперва въ основаніи университетской организаціи, старшіе три факультета, богословскій, юридическій и медицинскій, выдѣлились прежде всего; затѣмъ остальной, остававшійся устроеннымъ по національностямъ, составилъ четвертый факультетъ—философскій. Какъ мы уже замѣтили въ другомъ мѣстѣ, факультеты состояли въ то время изъ всѣхъ преподавателей и всѣхъ магистровъ или докторовъ, имѣющихъ право преподавать, хотя бы они на самомъ дѣлѣ были и не преподаватели. Въ философскомъ факультетѣ было тоже самое, съ тою, однако, существенною разницей, что такъ какъ онъ заключалъ въ себѣ почти весь университетъ, устроенный по націямъ, то и все университетское управленіе, главнымъ образомъ, сосредоточивалось въ немъ; слѣдовательно, въ немъ находились должности по университету, приносившія доходъ, въ немъ были кассы, изъ которыхъ преподаватели получали выдачи. Другіе факультеты не имѣли этихъ преимуществъ; этимъ объясняется почему члены старшихъ факультетовъ желали и старались принадлежать вмѣстѣ и къ философскому. Чтобы достигнуть этой цѣли, они или преподавали на философскомъ факультетѣ, или пріобрѣтали по этому факультету ученыя степени, то-есть право преподавать въ немъ, и такимъ образомъ становились его членами. Послѣдній способъ былъ для нихъ затруднителенъ, потому что философскій факультетъ служилъ приготовленіемъ для вступленія въ высшіе факультеты; еще не такъ давно надобно было получить сперва степень магистра по философскому факультету, чтобы имѣть право искать ученой степени по одному изъ трехъ высшихъ факультетовъ. Эти-то магистры философіи, принадлежащіе къ бывшимъ факультетамъ, и допущены были въ философскій факультетъ въ качествѣ ассесоровъ, но не всѣ, а только въ опредѣленномъ числѣ отъ каждой изъ четырехъ народностей; въ лейпцигскомъ университетѣ сначала — по шести, потомъ по пяти отъ каждой націи. Принятое въ геттингенскомъ философскомъ факультетѣ число ассесоровъ (четыре) находится, повидимому, тоже въ связи съ издавна утвердившимся раздѣленіемъ всѣхъ древнѣйшихъ университетскихъ корпорацій на четыре націи, хотя въ этомъ университетѣ, основанномъ уже въ XVIII вѣкѣ, устройства по народностямъ никогда не существовало.

Дальнѣйшее развитіе факультетской организаціи опредѣлило послѣдующее положеніе и затѣмъ отмѣну ассесоровъ философскаго факультета, какъ мы видѣли. Число факультетскихъ членовъ, принимавшихъ участіе въ университетскихъ дѣлахъ, мало-по-малу все ограничивалось. Сперва лишены были участія въ факультетскомъ и университетскомъ управленіи тѣ, которые имѣли право преподавать, но въ самомъ дѣлѣ не преподавали, потомъ исключены преподающіе, но не получающіе жалованья. Этимъ ассесоры, какъ и посторонніе засѣдатели философскаго факультета, принадлежащіе къ другимъ факультетамъ, лишены права участвовать въ управленіи, должностяхъ и соединенныхъ съ ними доходахъ. Затѣмъ совершенная отмѣна устройства по народностямъ и исключительное устройство по факультетамъ повлекли за собою отмѣну ассесоровъ въ философскомъ факультетѣ. Случайно удержались они только въ геттингенскомъ университетѣ.

Точно также и въ устройствѣ факультетовъ лейпцигскаго университета сохранились слѣды стариннаго университетскаго быта. Въ юридическомъ факультетѣ существуетъ и теперь званіе *ординаріуса и перваго профессора правъ*; въ философскомъ факультетѣ званіе *проканцеллярія*; недавно еще оно было и въ медицинскомъ, а прежде во всѣхъ четырехъ

факультетахъ; наконецъ во всѣхъ факультетахъ (кромѣ богословскаго) и теперь еще одинъ профессоръ зовется *старшимъ* (senior).

Званіе „ординаріуса и перваго профессора правъ" дается теперь королемъ (то-есть, именемъ короля, министрами, завѣдывающими всѣми дѣлами, которыя касаются протестантской вѣры и учебной части въ университетѣ, такъ какъ король католикъ). Ординаріусъ есть предсѣдатель юридическаго факультета, когда послѣдній является въ качествѣ судебнаго мѣста (Spruchcollegium); далѣе, въ засѣданіяхъ малаго академическаго сената, когда обсуждается какое-нибудь юридическое дѣло или юридическій вопросъ, предсѣдательствующій спрашиваетъ прежде всѣхъ мнѣнія ординаріуса, и только въ случаѣ его отсутствія обращается къ декану юридическаго факультета. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ ординаріусъ теперь ничѣмъ не отличается отъ прочихъ профессоровъ, и званіе его есть не болѣе какъ почетный титулъ, съ которымъ можетъ быть соединено какое-нибудь особое жалованье или содержаніе, хотя намъ и не удалось узнать.

Что такое былъ ординаріусъ въ старину? Объ этомъ мнѣнія различны. Одни думаютъ, что онъ былъ ординарнымъ преподавателемъ каноническаго права (декреталій папы Григорія IX), которое имѣло первенство передъ всѣми другими предметами юридическаго преподаванія, и поэтому получилъ такое названіе; другіе полагаютъ, что онъ былъ постояннымъ „ординарнымъ судьею." Съ распространеніемъ въ Германіи иностранныхъ правъ, съ которыми суды шеффеновъ были мало знакомы, вошло въ обычай обращаться за рѣшеніемъ къ докторамъ правъ; предсѣдатель ихъ, въ началѣ, давалъ рѣшеніе, вѣроятно всего чаще одинъ, почему эта должность сдѣлалась постоянною въ одномъ лицѣ; которое изъ этихъ двухъ мнѣній правдоподобнѣе —трудно рѣшить, потому что въ пользу того и другого есть много данныхъ. Въ XVI вѣкѣ, ординаріусъ объяснялъ на лекціяхъ начала каноническаго права, имѣющія примѣненіе къ судопроизводству, а въ XVII на него, въ качествѣ профессора декреталій, возложено преподаваніе теоріи судопроизводства. Ординаріусъ, онъ же и „первый профессоръ правъ", былъ вмѣстѣ и деканомъ факультета. Въ важнѣйшихъ дѣлахъ, владѣтельный государь, равно какъ и университетъ, обращались къ ординаріусу за совѣтомъ. Городской совѣтъ платилъ ему даже гонорарій, съ тѣмъ чтобы въ трудныхъ вопросахъ онъ помогалъ шеффенамъ своими совѣтами; ординаріусъ бывалъ даже нерѣдко членомъ суда шеффеновъ, особливо когда онъ былъ бюргемейстеромъ. Наконецъ, ординаріусъ занималъ въ лейпцигскомъ обергофгерихтѣ первое мѣсто на скамьѣ докторовъ и распредѣлялъ дѣла. По важности всѣхъ этихъ должностей, онъ и назначался главою государства.

„Старшимъ" профессоромъ (senior) факультета считается старшій по вступленію въ число факультетскихъ членовъ. Съ этимъ званіемъ соединено право представлять къ стипендіямъ и разнымъ выдачамъ изъ доходовъ отъ фундушей, а также право пользоваться самому доходами отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такого рода права основаны на волѣ учредителей и жертвователей фундушей.

Наконецъ, „проканцеллярій" философскаго факультета существуетъ только для удостоенія ученыхъ степеней, и потому только въ этомъ отношеніи и имѣетъ значеніе. Онъ задаетъ ищущему ученой степени тему для разсужденія, экзаменуетъ его, разсматриваетъ диссертацію вмѣстѣ съ другими и предсѣдательствуетъ при публичномъ защищеніи диссертаціи и тезисовъ. Въ медицинскомъ факультетѣ нѣтъ проканцеллярія, но есть особый предсѣдатель публичнаго диспута. Какъ проканцеллярій, такъ и предсѣдатель диспутовъ, смѣняются въ извѣстной преемственности (turnus), первый погодно, второй при каждомъ диспутѣ на ученую степень. Проканцелляріемъ, равно какъ и предсѣдателемъ диспута, можетъ быть только тотъ профессоръ, который имѣетъ право быть деканомъ, а мы видѣли выше, что въ нѣкоторыхъ университетахъ это право, равно какъ и право производить въ ученыя степени, принадлежитъ не всѣмъ членамъ факультета, но только нѣкоторымъ.

Слово „проканцеллярій" есть латинское названіе проканцлера. Канцлеромъ лейпцигскаго университета былъ въ старину (въ началѣ XV вѣка) епископъ мерзебургскій. Канцлеры не только имѣли высшій надзоръ надъ университетами и право присуждать взысканія и наказанія за болѣе важные проступки и преступленія ихъ членовъ, но въ особенности имѣли обязанность и право удостоивать ученыхъ степеней и устранять отъ нихъ недостойныхъ лицъ. Послѣднее право поставляло канцлеровъ въ ближайшія отношенія и связь

съ факультетами. Такъ какъ епископъ, по отдаленности и множеству занятій, не могъ самъ лично являться на экзамены и торжественные диспуты ищущихъ ученыхъ степеней, то онъ передавалъ это право другому, который заступалъ его мѣсто и былъ проканцлеромъ или вицеканцлеромъ, постоянно или временно, только на одинъ экзаменъ и диспутъ, смотря по смыслу полномочія, даваемаго канцлеромъ послѣ реформаціи; право на мерзебургское епископство, а съ нимъ и званіе канцлера, перешло къ свѣтскимъ владѣтелямъ Мерзебурга и наконецъ къ саксонскому курфюрсту. Въ теченіе этого времени факультетамъ дано и подтверждено право самимъ избирать проканцлеровъ изъ числа профессоровъ факультета, въ извѣстномъ порядкѣ, однихъ послѣ другихъ. Теперь это правило и самая должность удержались только въ философскомъ и отчасти (но безъ названія) въ медицинскомъ факультетахъ; въ богословскомъ же и юридическомъ, съ отмѣною публичныхъ диспутовъ на ученыя степени, прекратилось и самое званіе проканцеллярія.

Кругъ админстративныхъ занятій факультетовъ всегда былъ очень разнообразенъ. Въ качествѣ административныхъ и юридическихъ единицъ, бывшихъ когда-то самостоятельными, автономическими корпораціями, факультеты управляли своими имуществами и своими внутренними дѣлами; въ качествѣ же собраній ученыхъ спеціалистовъ по той или другой отрасли знанія, они были высшими трибуналами науки, къ которымъ и частныя лица, и правительства обращались за совѣтомъ и помощью, когда нужно было рѣшить какой-нибудь трудный вопросъ или казусъ, и которымъ поручались дѣла, требующія спеціальныхъ научныхъ свѣдѣній. Объ аттрибутахъ факультетовъ въ этомъ ихъ значеніи, насколько они удержались до сихъ поръ, мы уже говорили выше. Въ настоящее время факультеты, какъ и университеты вообще, обратились по преимуществу въ высшія учебныя заведенія, и въ этомъ качествѣ получили, главнымъ образомъ, педагогическій характеръ. Объ административной дѣятельности факультетскихъ коллегій, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, будемъ говорить въ слѣдующей статьѣ.

II.

Главное назначеніе факультетовъ въ германскихъ университетахъ, въ настоящее время, двоякое: преподавать извѣстный кругъ наукъ и удостоивать ученыхъ степеней.

I. Что касается *преподаванія*, то факультеты представляютъ тѣ отрасли знанія, для которыхъ учреждены,—во всемъ ихъ объемѣ и полнотѣ, какъ въ научномъ, такъ и въ педагогическомъ отношеніи. Таковъ по крайней мѣрѣ идеалъ, такова задача. Отсюда вытекаютъ для факультетовъ слѣдующія обязанности: 1) организовать факультетское преподаваніе по извѣстной системѣ и плану, согласно съ требованіями науки и учащихся; 2) наблюдать за факультетскимъ преподаваніемъ, въ особенности приватъ-доцентовъ, подчиненныхъ факультету; 3) наблюдать въ педагогическомъ отношеніи за студентами, принадлежащими къ факультету.

Во всѣхъ посѣщенныхъ нами университетахъ существуетъ, въ той или другой формѣ, требованіе, чтобы факультетское преподаваніе было *организовано*, а именно, чтобы въ немъ преподавались всѣ науки, принадлежащія къ той отрасли знанія, которая ввѣрена факультету, и чтобы притомъ преподаваніе ихъ было расположено въ такомъ порядкѣ и постепенности, чтобы каждый студентъ, въ теченіе трехъ или четырехъ лѣтъ нормальнаго срока для окончанія университетскаго ученія, смотря по факультету, могъ выслушать всѣ главные и важнѣйшіе вспомогательные предметы, одинъ или даже два раза. Разница, которую мы замѣтили въ отношеніи къ этому требованію въ разныхъ университетахъ, заключается въ томъ, что въ Германіи оно вездѣ предоставлено усмотрѣнію факультетовъ или сената, хотя и подъ контролемъ центральнаго правительства; но цюрихское кантональное правительство пошло дальше и требуетъ отъ университета, чтобы былъ составленъ и представленъ на утвержденіе правительства, одинъ разъ навсегда, общій нормальный планъ университетскаго преподаванія по каждому факультету, обязательный на будущее время въ видѣ постояннаго правила. Профессоры отказываются составить такой планъ, считаютъ его невозможнымъ и стѣснительнымъ, но правительство настаиваетъ на своемъ. Чѣмъ разрѣшился этотъ спорный вопросъ и разрѣшился

ли, мы не знаемъ. Въ базельскомъ университетѣ, напротивъ, требованіе организаціи преподаванія не выражено въ видѣ общаго правила, отчасти можетъ быть потому, что, при маломъ личномъ учебномъ составѣ этого университета, такое требованіе было бы очевидно невыполнимо; отчасти же можетъ быть и потому, что распредѣленіе лекцій, по общему характеру швейцарскихъ университетовъ, гораздо болѣе зависитъ отъ попечительства и центральной власти, чѣмъ въ Германіи. Несмотря на то, что базельскій университетъ одинъ изъ очень древнихъ, онъ устроенъ во второй четверти нынѣшняго столѣтія по новымъ началамъ, — съ весьма малою автономіей, съ отсутствіемъ корпоративности и съ сосредоточеніемъ всего университетскаго управленія въ рукахъ центральной власти кантона.

Исторически требованіе организаціи курсовъ не восходитъ, во всякомъ случаѣ, ранѣе образованія факультетовъ, ибо до того времени въ университетахъ не думали да и не могли думать о полнотѣ преподаванія. Лишь съ появленія факультетовъ могла постепенно возникнуть мысль о томъ, что они должны представлять науку во всей ея полнотѣ; эта мысль еще болѣе укрѣпилась, вслѣдствіе соревнованія университетовъ, ихъ старанія привлечь къ себѣ наибольшее число слушателей, наконецъ вслѣдствіе требованія нѣкоторыхъ правительствъ, чтобы туземцы учились въ своихъ, а не въ чужихъ университетахъ. Прибавимъ, что самое требованіе, обращенное къ факультетамъ, исполненіе котораго предоставлено ихъ распоряженіямъ, подъ ихъ собственною отвѣтственностью, есть тоже отголосокъ корпоративнаго факультетскаго устройства, когда факультетъ самостоятельно завѣдывалъ своими внутренними дѣлами и по своему усмотрѣнію распредѣлялъ преподаваніе между своими членами. Живые слѣды такого порядка удержались и понынѣ въ богословскихъ факультетахъ. Профессоры этихъ факультетовъ опредѣляются обыкновенно не для преподаванія того или другого предмета, не на извѣстную каѳедру: ихъ положено имѣть извѣстное число въ факультетѣ, и они уже раздѣляютъ между собою предметы, которые должны быть преподаваемы. Такъ было, кажется, первоначально и во всѣхъ другихъ факультетахъ; опредѣленіе профессоровъ на извѣстный предметъ, на извѣстную каѳедру, существованіе такъ-называемыхъ Nominalprofessoren или Nominalfächer, то-есть каѳедръ, съ которыми соединено преподаваніе той или другой науки, явилось, повидимому, позднѣе, и было важнымъ шагомъ къ постепенному упраздненію корпоративнаго факультетскаго устройства, потому что заранѣе опредѣляло, помимо факультетскаго распоряженія, занятія профессора, уединяло его отъ другихъ товарищей. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы введеніе каѳедръ въ этомъ смыслѣ было дурно: наука обязана огромными своими успѣхами и развитіемъ раздѣленію труда, то-есть, именно тому обстоятельству, что съ появленіемъ каѳедръ каждый профессоръ могъ постоянно, безъ перерывовъ, сосредоточиваться на одномъ предметѣ; но также справедливо и то, что это обстоятельство, очень благопріятное для науки, косвеннымъ образомъ содѣйствовало къ ослабленію корпоративнаго единства факультетовъ. Теперь это различіе номинальныхъ профессуръ (то-есть, съ опредѣленнымъ предметомъ) и профессуръ по факультету, безъ означенія какая именно наука съ нею связана, почти потеряло значеніе. Каждый профессоръ опредѣляется теперь на извѣстный предметъ; это прямо выражается въ актѣ его опредѣленія, или подразумѣвается; каждый профессоръ имѣетъ свою науку, что не лишаетъ его права читать и другія, по тому же факультету. Въ 1834 году, когда германскимъ сеймомъ предписаны были разныя стѣснительныя правила для университетовъ, приняты были мѣры, чтобы профессоръ безъ разрѣшенія начальства не читалъ предметовъ, относящихся къ другому факультету; но старинное правило, вытекавшее изъ корпоративнаго устройства факультетовъ, въ силу котораго профессоръ имѣетъ право (а въ старину былъ обязанъ, еслибы отъ него потребовали) читать всѣ предметы своего факультета, осталось неприкосновеннымъ. На дѣлѣ теперь нѣтъ профессоровъ безъ опредѣленной науки. Въ университетскихъ адресныхъ книгахъ это различіе удержалось до сихъ поръ только по преданію: въ однѣхъ показывается, противъ каждаго профессора, какіе онъ преподаетъ предметы, а въ другихъ нѣтъ. Предметы преподаванія не показаны вовсе въ адресныхъ книгахъ берлинскаго, гёттингенскаго, гейдельбергскаго, тюбингенскаго и цюрихскаго университетовъ; не показаны также по тремъ старшимъ факультетамъ базельскаго, по двумъ старшимъ

факультетамъ боннскаго и по богословскому факультету лейпцигскаго; профессоры послѣдняго названы, по порядку чиселъ, первымъ, вторымъ, третьимъ и т. д.; затѣмъ, предметы преподаванія экстра-ординарныхъ и почетныхъ профессоровъ почти нигдѣ не означаются. Но вообще изъ этихъ свѣдѣній, помѣщаемыхъ въ адресныхъ книгахъ, трудно дѣлать какіе-либо выводы, потому что въ способахъ назначенія профессоровъ могли участвовать вмѣстѣ съ старыми преданіями и послѣдующія, случайныя распоряженія; такъ, напримѣръ, въ адресной книгѣ цюрихскаго университета предметы преподаванія не показаны ужъ, конечно, не по преданію, а по какимъ-нибудь другимъ соображеніямъ.

Возвратимся къ организаціи курсовъ. Для устройства преподаванія предписаны такія правила: обыкновенно въ концѣ сентября члены каждаго факультета имѣютъ совѣщанія о распредѣленіи лекцій на предстоящій семестръ. Основаніемъ и матеріаломъ для такихъ совѣщаній служатъ записки, представляемыя къ тому времени каждымъ профессоромъ, съ показаніемъ, какіе именно предметы и по скольку часовъ въ недѣлю онъ располагаетъ читать въ слѣдующемъ семестрѣ. Эти свѣдѣнія разсматриваются, соображаются, обсуждаются, и на основаніи взаимнаго соглашенія составляется общее росписаніе по факультету, по возможности, съ означеніемъ дней и часовъ лекцій. Эти росписанія вносятся изъ факультетовъ въ сенатъ, или передаются ректору, и сводятся въ одно общее росписаніе (*Lections-Verzeichniss*, *Lections-Catalog*), которое представляется правительству для утвержденія. Таковъ общій порядокъ, отъ котораго есть и отступленія. Такъ, въ лейпцигскомъ университетѣ росписаніе представляется министерству лишь для свѣдѣнія, вѣроятно потому, что при этомъ университетѣ находится уполномоченный отъ правительства, который можетъ остановить приведеніе росписанія въ дѣйствіе, еслибы встрѣтилъ какое-нибудь сомнѣніе или затрудненіе. Въ тюбингенскомъ росписаніе представляется сенатомъ министерству, какъ сказано въ уставѣ, для включенія въ правительственную газету (*Regierungsblatt*). Такъ какъ по уставу 1829 г. въ Тюбингенѣ существовалъ канцлеръ, съ огромными полномочіями, то вѣроятно, что въ качествѣ уполномоченнаго отъ правительства онъ одобрялъ росписаніе лекцій, которое затѣмъ и сообщалось уже министерству, для свѣдѣнія и распубликованія. Въ цюрихскомъ университетѣ въ факультетскія совѣщанія объ устройствѣ курсовъ на предстоящій семестръ приглашаются приватъ-доценты; напротивъ, уставами берлинскаго и боннскаго университетовъ принимать въ разсчетъ приватъ-доцентовъ, при распредѣленіи предметовъ между факультетскими преподавателями, положительно запрещено. Наконецъ, въ мюнхенскомъ университетѣ росписаніе лекцій составляется не по факультетамъ, а подъ непосредственнымъ руководствомъ ректора, при участіи профессоровъ, по нѣскольку отъ каждаго факультета.

Таковы правила объ организаціи преподаванія. Изъ нихъ видно, что высшій контроль, какъ надъ устройствомъ и расположеніемъ курсовъ, такъ и надъ предметами чтенія каждаго университетскаго преподавателя, принадлежитъ министерству. Такъ какъ въ росписаніе включаются не только курсы профессоровъ, но вообще всѣхъ университетскихъ преподавателей безъ изъятія, какъ обязательные, которые читаются профессорами по должности, такъ и не обязательные, объявляемые ими и приватъ-доцентами, по желанію и собственному усмотрѣнію, то отъ общаго надзора не уходитъ ни одинъ предметъ преподаванія. Во Франціи это подало бы поводъ къ безпрестанному, докучливому, стѣснительному, подъ часъ безтолковому и подозрительному вмѣшательству министерства въ университетское преподаваніе, и задавило бы свободное развитіе науки съ каѳедры. Въ Германіи нравы и глубокая образованность чиновниковъ, завѣдывающихъ въ министерствахъ университетскими дѣлами, дѣлаютъ этотъ контроль едва замѣтнымъ. Правительство имѣетъ всѣ средства, чтобы знать, что̀ преподается съ университетскихъ каѳедръ; отъ него зависитъ запретить открытіе курса, который оно признало бы вреднымъ, опаснымъ или хоть не своевременнымъ и неудобнымъ; но оно пользуется этимъ своимъ правомъ съ необыкновенною осмотрительностью. По отзывамъ профессора Рау, въ Гейдельбергѣ, въ теченіе сорока слишкомъ лѣтъ, баденское правительство измѣнило представляемыя ему сенатомъ росписанія лекцій всего одинъ или два раза. Самый способъ измѣненія очень характеристиченъ. Случается, что правительство запретитъ предполагаемый курсъ, или потребуетъ, чтобы на

факультетѣ былъ читанъ курсъ, который по росписанію читать не предполагалось; но нѣтъ и не было примѣра, чтобы правительство предложило тому или другому профессору читать вмѣсто предположеннаго имъ курса другой, или чтобы оно, требуя преподаванія, въ предстоящемъ семестрѣ, такого-то предмета, назвало вмѣстѣ и профессора, которому онъ долженъ быть порученъ; послѣднее уже есть дѣло факультета и взаимнаго согласія профессоровъ. Таковы административные нравы Германіи въ отношеніи къ университетамъ. При такихъ нравахъ нисколько не удивительно, что нѣмецкіе профессоры не очень тяготятся правительственною опекой, которая, юридически говоря, въ Германіи не менѣе развита и мелочна, чѣмъ въ другихъ странахъ; неудивительно, что въ нѣкоторыхъ университетахъ профессоры даже считаютъ большимъ преимуществомъ, что не принимаютъ почти никакого участія въ университетскомъ управленіи, и что все бремя, вся обуза университетской администраціи падаетъ на правительство, а они, вслѣдствіе того, могутъ спокойно и исключительно заниматься наукой. Это мнѣніе мы въ особенности часто слыхали отъ геттингенскихъ профессоровъ, и тогда только вполнѣ поняли его смыслъ, когда ознакомились съ нѣмецкими университетскими нравами и пріемами центральныхъ администрацій въ отношеніи къ профессорамъ и университетамъ.

Обращаясь къ самой организаціи преподаванія, нельзя не замѣтить, что она, на дѣлѣ, вслѣдствіе многихъ обстоятельствъ, постепенно обратилась въ формальность, далеко не соотвѣтствующую первоначальной, основной мысли. Чтобы организація курса могла достигнуть своей цѣли, необходимо соединеніе многихъ условій: нуженъ многочисленный личный составъ факультетовъ, обширное знаніе каждымъ не только одной своей науки, но и остальныхъ, если не всѣхъ, то хоть нѣкоторыхъ изъ преподаваемыхъ въ факультетѣ; нужно, чтобы профессоръ, кромѣ своего главнаго предмета, былъ обязанъ, если факультетъ отъ него потребуетъ, читать по крайней мѣрѣ тѣ изъ другихъ наукъ, которыя онъ основательно знаетъ. Въ настоящее время ни одинъ факультетъ не соединяетъ въ себѣ этихъ условій, не исключая даже берлинскаго, который представляетъ единственное, въ своемъ родѣ, въ цѣлой Германіи, собраніе отличныхъ преподавателей по всѣмъ частямъ. Каждый профессоръ, какъ мы сказали, имѣетъ теперь свой предметъ, свою науку, для преподаванія которой опредѣленъ и которою исключительно занимается. Очень не многіе изучаютъ, рядомъ съ главнымъ своимъ предметомъ, другіе посторонніе. Наконецъ, самое состояніе науки и преподаванія въ настоящее время дѣлаетъ невозможнымъ осуществить организацію курсовъ, какъ она задумана и предписывается правилами,—это современное состояніе науки. Было время, когда профессоръ читалъ свой курсъ по книгѣ знаменитаго ученаго и объяснялъ ее, или же онъ точно такъ же читалъ и объяснялъ источники. При такомъ способѣ преподаванія, профессоръ могъ читать нынче римское право, а завтра уголовное, нынче каноническое право, а завтра германское или ленное. Но такое состояніе науки и преподаванія давнымъ-давно кончилось. Критическое изслѣдованіе давно заступило мѣсто экзегетическаго толкованія и прагматическаго ученія по готовымъ образцамъ. Открывъ для науки необъятное новое поле и не подозрѣваемый дотолѣ кругозоръ, поднявъ ея задачу на неизмѣримую высоту, критическое изслѣдованіе измѣнило и характеръ университетскаго преподаванія. Оно раздробило науку до чрезвычайности, заставило спеціализировать ученыя занятія, почти упразднивъ общія обозрѣнія, изложеніе наукъ въ ихъ полномъ, цѣльномъ составѣ. Теперь едва-ли можно найти въ цѣлой Германіи хотя одного замѣчательнаго профессора, по какой бы то ни было части, который бы равно хорошо излагалъ всю свою науку; каждый, не имѣя возможности изслѣдовать весь предметъ преподаванія, ограничивается одною какою-нибудь его частью, иногда однимъ какимъ-нибудь вопросомъ, и разрабатываетъ ихъ критически, а остальное читаетъ, пользуясь результатами чужихъ изслѣдованій, далеко не такъ тщательно, или вовсе не читаетъ, потому что у него не хватаетъ на это ни силъ, ни времени. Въ такомъ положеніи почти всѣ науки и всѣ каѳедры. Можно ли при этомъ помышлять объ организаціи курсовъ въ полное, округленное и по всѣмъ частямъ правильно законченное цѣлое, приспособленное къ потребностямъ учащихся?

Есть еще обстоятельство, дѣлающее организацію курсовъ и не нужною въ нѣмецкихъ университетахъ. Наибольшее число студентовъ почти никогда не выслушиваетъ полнаго (трехъ

или четырехъ-годичнаго) университетскаго курса въ одномъ и томъ же университетѣ, а посѣщаютъ два или нѣсколько университетовъ, выбирая тѣ, гдѣ по наукамъ, которыми они занимаются, преподаютъ лучшіе, извѣстнѣйшіе профессоры. Такимъ переѣздамъ изъ университета въ университетъ много способствуетъ теперь легкость, удобство и дешевизна сообщеній по желѣзнымъ дорогамъ. И они почти необходимы. Каждый сколько-нибудь замѣчательный профессоръ, какъ мы сказали, разрабатываетъ частицу, какой-нибудь спеціальный вопросъ своей науки, и только по этому вопросу или по этой части лекціи его замѣчательны; остальной его курсъ не представляетъ ничего особеннаго. Профессоры, разрабатывающіе такимъ образомъ одну науку, но съ различныхъ сторонъ, въ разныхъ направленіяхъ, разбросаны по всей Германіи; чтобы изучить основательно одну науку въ современномъ ея видѣ, приходится, вслѣдствіе этого, выслушивать разныя ея части въ разныхъ университетахъ. Къ этому надобно еще прибавить, что рѣдко гдѣ всѣ каѳедры въ одномъ и томъ же факультетѣ замѣщены равно хорошими профессорами; слѣдовательно, вотъ еще новая причина, почему приходится слушать курсы въ двухъ или болѣе университетахъ; наконецъ, въ небольшихъ университетахъ факультетское преподаваніе не полно по недостатку денежныхъ средствъ, а вслѣдствіе того, и необходимаго числа каѳедръ и профессоровъ. Въ уставѣ базельскаго университета, напримѣръ, прямо сказано, что въ юридическомъ факультетѣ правовѣдѣніе преподается на сколько нужно, чтобы студенты были вполнѣ подготовлены къ слушанію курсовъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (für den Besuch höherer Anstalten); и дѣйствительно, рѣдкій базельскій студентъ оканчиваетъ университетскій курсъ, не поучившись въ другихъ университетахъ, въ тѣхъ или другихъ, смотря по факультету, къ которому относится его занятія. По всѣмъ этимъ причинамъ, вмѣстѣ взятымъ, студенты безпрестанно передвигаются изъ одного университета въ другой, а это дѣлаетъ безполезнымъ и излишнимъ организацію курсовъ въ каждомъ изъ нихъ въ полное, систематическое цѣлое, еслибы даже это и было возможно. Для кого, въ чью пользу, устраивать организованный курсъ, когда рѣдкій студентъ выслушиваетъ его вполнѣ въ одномъ и томъ же университетѣ? Оттого организація лекцій обратилась теперь, въ большей части университетовъ и факультетовъ, въ механическое свѣдѣніе, въ одно росписаніе заявленій профессоровъ и прочихъ университетскихъ преподавателей о лекціяхъ, предполагаемыхъ ими на слѣдующій семестръ. Такія росписанія необходимы для слушателей, необходимы и для правительства, чтобы вести надзоръ за университетскимъ преподаваніемъ; но они выражаютъ совсѣмъ не то, что предполагалось при ихъ введеніи. Факультетскія совѣщанія о распредѣленіи курсовъ потеряли всякое значеніе; въ нѣкоторыхъ университетахъ ихъ даже вовсе не бываетъ, напримѣръ, въ гейдельбергскомъ. Только въ богословскихъ факультетахъ, въ которыхъ вообще старинные университетскіе порядки держатся тверже, такія совѣщанія продолжаются и по сію пору.

Вторая обязанность факультетовъ заключается въ *надзорѣ за приватъ-доцентами*. Въ этомъ отношеніи замѣчается тоже существенная разница между предписанными правилами и дѣйствительнымъ фактомъ. Правила очень строги и появились въ неблагопріятную для университетовъ эпоху, продолжавшуюся, съ короткими перерывами, съ 1819 по 1848 годъ. Въ этотъ промежутокъ времени на приватъ-доцентовъ и студентовъ было обращено особенное вниманіе. Легкое достиженіе каждымъ молодымъ человѣкомъ, имѣющимъ ученую степень, права преподавать въ университетѣ, казалось одною изъ главнѣйшихъ причинъ вреднаго направленія студентовъ, и потому противъ приватъ-доцентовъ были приняты энергическія мѣры. Экзамены на званіе приватъ-доцента усилены, полученіе ими права преподавать поставлено въ зависимость отъ согласія правительства. Затѣмъ, пользующіеся этимъ правомъ подчинены надзору и наблюденію факультетовъ и въ особенности декановъ. Члены факультета или деканъ должны, по правиламъ, отъ времени до времени, посѣщать лекціи приватъ-доцентовъ; мало того: они должны имѣть надзоръ надъ ихъ поведеніемъ и нравственностью и о результатахъ своихъ наблюденій надъ ними, во всѣхъ отношеніяхъ, обязаны ежегодно доносить министерству. Въ случаѣ проступковъ, приватъ-доценты подвергаются, смотря по винѣ, внушенію или выговору со стороны декана, съ глазу-на-глазъ, или въ факультетскомъ засѣданіи; при болѣе же важныхъ проступкахъ, или при повтореніи

прежнихъ, приватъ-доценты, по представленіямъ факультетовъ, устраняются министерствомъ отъ преподаванія на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, или даже вовсе лишаются права преподавать и удаляются изъ университета. Для надзора надъ преподаваніемъ приватъ-доцентовъ принято за правило, что они не могутъ объявлять предполагаемыхъ ими курсовъ безъ предварительнаго согласія и разрѣшенія декана, которое и означается подписью его (visa) на самомъ объявленіи. Далѣе, каждый приватъ-доцентъ непремѣнно долженъ преподавать, хотя бы одну лекцію въ недѣлю; не преподававшій въ теченіе года (двухъ семестровъ) и не могущій или не желающій читать и въ слѣдующій затѣмъ семестръ долженъ испросить разрѣшеніе академическаго сената или факультета; въ противномъ случаѣ перестаетъ считаться приватъ-доцентомъ. Такія правила, съ нѣкоторыми варіяціями, существуютъ для приватъ-доцентовъ въ берлинскомъ, боннскомъ, геттингенскомъ, мюнхенскомъ, гейдельбергскомъ, лейпцигскомъ и, вѣроятно, также въ другихъ германскихъ университетахъ. Главнѣйшія различія въ этихъ правилахъ состоятъ въ томъ что, напримѣръ въ гейдельбергскомъ университетѣ, особой подписи декана на объявленіи приватъ-доцента о предполагаемыхъ имъ лекціяхъ не требуется, такъ какъ включеніе этого объявленія въ росписанія, составляемыя факультетами, разсматриваемыя сенатомъ и одобряемыя министерствомъ, представляютъ уже достаточную гарантію; въ Геттингенѣ, напротивъ, изложенныя выше мѣры показались еще недостаточными: чтобы обезпечить еще болѣе благонадежность вновь принимаемыхъ приватъ-доцентовъ, признано нужнымъ допускать ихъ къ чтенію лекцій сперва на годъ или на два и затѣмъ уже, если они окажутся достойными, окончательно давать имъ право преподавать въ университетѣ. На швейцарскіе университеты всѣ эти постановленія о приватъ-доцентахъ не распространяются; однако и въ цюрихскомъ приватъ-доцентъ, два семестра не объявлявшій курсовъ безъ уважительныхъ причинъ, или два года не читавшій объявленныхъ курсовъ, или, наконецъ, находившійся въ отлучкѣ въ теченіе цѣлаго года, можетъ быть по рѣшенію воспитательнаго совѣта, вслѣдствіе донесенія факультета, исключенъ изъ числа приватъ-доцентовъ.

Таковы правила. Если прибавить къ этому, что въ германскихъ университетахъ (но не въ швейцарскихъ) окончательное рѣшеніе вопроса о научномъ знаніи и педагогическомъ достоинствѣ приватъ-доцента зависитъ лишь отъ факультета и ни отъ кого болѣе, такъ что на отказъ факультета нѣтъ и не можетъ быть апелляціи,—если припомнить, что факультеты аттестуютъ приватъ-доцентовъ, по запросамъ о нихъ министерства, или сами представляютъ ихъ къ повышенію въ экстраординарные профессоры,—то большую зависимость ихъ отъ факультета трудно себѣ и представить. Но на дѣлѣ это не такъ. На дѣлѣ нѣтъ никакого надзора надъ преподаваніемъ и поведеніемъ приватъ-доцентовъ; въ области своей науки или наукъ своего факультета онъ такъ же свободенъ какъ и профессоръ, а подпись декана на объявленіяхъ приватъ-доцентовъ о лекціяхъ, донесенія министерству, аттестаціи, представленіе къ повышенію, обратились въ формальности, въ срочныя очистки бумагъ. Иначе и быть не могло. При нѣмецкихъ университетскихъ нравахъ, контроль профессоровъ за достоинствомъ лекцій, за поведеніемъ приватъ-доцентовъ, — вещь немыслимая. Приватъ-доценты не получаютъ жалованья и должны довольствоваться гонораріемъ, въ ожиданіи, что своими работами получатъ извѣстность и будутъ призваны на каѳедру; если они плохо занимаются своею наукой, неспособны, читаютъ посредственно, то тѣмъ хуже для нихъ: они не будутъ имѣть слушателей. Наконецъ, въ дѣлѣ науки и преподаванія чрезвычайно трудно взвѣсить и опредѣлить, кто достоинъ и кто недостоинъ повышенія; оттого и посредственность и положительный талантъ равно аттестуются способными и достойными. Приватъ-доцентъ только мало-мальски исправный, и то внѣшнимъ образомъ, можетъ пройти въ экстра-ординарные профессоры не хуже отличнаго,—и проходятъ. Чтобы быть лишену права преподавать и быть удалену изъ университета за вину, нуженъ со стороны приватъ-доцента какой-нибудь необыкновенный проступокъ. Подобные случаи, безъ сомнѣнія, чрезвычайно рѣдки. Намъ удалось слышать только объ одномъ такомъ случаѣ; онъ особенно замѣчателенъ тѣмъ, что приватъ-доцентъ удаленъ изъ университета за вину, не имѣвшую никакого отношенія къ университету, но возмутившую нравственное чувство университетскаго ученаго сословія. Много и горячо обсуждался

вопросъ о томъ, имѣетъ ли университетъ, юридически, право представить объ удаленіи приватъ-доцента за проступки, не относящіеся вовсе къ университету.

По смыслу приведенныхъ выше правилъ, кажется, на факультетахъ безспорно лежитъ еще третья обязанность, состоящая въ связи съ ихъ педагогическимъ назначеніемъ, и заключающаяся въ *надзорѣ надъ студентами.* Нѣмецкіе университетскіе уставы въ этомъ отношеніи очень между собою сходны. Они предписываютъ факультетамъ, и въ особенности деканамъ, имѣть надзоръ за прилежаніемъ студентовъ, за правильнымъ распредѣленіемъ ихъ занятій и курсовъ и даже за ихъ нравственностью. Цѣль та, чтобы молодые люди не сбивались съ добраго пути, не теряли напрасно время и изучали науки въ извѣстной преемственности, признанной, по каждому факультету, наилучшею, для постепеннаго прохожденія университетскаго курса. Чтобы молодые люди могли подробнѣе ознакомиться съ тѣмъ порядкомъ, въ какомъ слѣдуютъ одни за другими различные предметы занятій въ теченіе всего университетскаго ученія, и почему именно этотъ порядокъ, а не другой, есть наилучшій, факультеты раздаютъ студентамъ печатныя наставленія (Ermahnungen, Anweisungen, Studienpläne). Эти наставленія составляются и издаются факультетами, и смотря по надобности, отъ времени до времени исправляются и дополняются. Не будучи обязательными для студентовъ, они служатъ имъ лишь указаніемъ какъ лучше заниматься въ университетѣ, и почему лучше такъ, чѣмъ иначе; затѣмъ, отъ усмотрѣнія самихъ студентовъ уже зависитъ слѣдовать наставленію или не слѣдовать.

Чтобы надзоръ надъ студентами, со стороны факультетовъ и декана, былъ возможенъ, существуютъ слѣдующія мѣры: каждый студентъ долженъ быть записанъ не только по университету (матрикулированъ), но и по факультету. При переходѣ изъ факультета въ факультетъ онъ зачеркивается въ спискѣ того факультета, который оставляетъ, и вносится въ списокъ того, въ который переходитъ. Такимъ образомъ, декану всегда извѣстны имена всѣхъ студентовъ, принадлежащихъ къ факультету. Независимо отъ того, каждый университетскій преподаватель ведетъ списокъ студентамъ, записавшимся на объявленный имъ курсъ (Einschreibeliste); такъ какъ студенты обыкновенно записываются на лекціи у самихъ преподавателей, то послѣднимъ и вмѣнено въ обязанность слѣдить, исправно ли они посѣщаютъ ихъ лекціи; въ концѣ семестра, преподаватели, по желанію студентовъ, выдаютъ имъ въ томъ свидѣтельства, на особомъ листѣ (Anmeldebogen, Anmeldungsbuch, Collegienbuch), который обязанъ имѣть каждый студентъ, и на которомъ, при запискѣ на лекціи, каждый преподаватель дѣлаетъ объ этомъ отмѣтку. Изъ этихъ свидѣтельствъ университетскихъ преподавателей составляется общее свидѣтельство при оставленіи студентомъ университета (Abgangszeugniss), куда вносятся: какіе именно предметы слушалъ студентъ въ томъ университетѣ, въ какомъ полугодіи, у какого преподавателя, и какую получилъ отъ него отмѣтку. На основаніи такихъ свидѣтельствъ учившіеся въ университетахъ допускаются или не допускаются впослѣдствіи къ экзамену на ученую степень, государственнымъ экзаменамъ, дающимъ право на службу, на юридическую или медицинскую практику, и т. п.; слѣдовательно, вообще эти свидѣтельства имѣютъ важное значеніе для дальнѣйшей судьбы и дѣятельности бывшихъ питомцевъ университета. Что касается, наконецъ, наблюденія за нравственностью и поведеніемъ молодыхъ людей со стороны факультетовъ, то не опредѣлено, ближайшимъ образомъ, въ чемъ оно должно состоять и какъ исполняться на дѣлѣ; оно преимущественно возложено на декановъ; но ни имъ, ни факультетамъ не предоставлено право присуждать какія-либо взысканія со студентовъ за дурное поведеніе, безнравственность или за пренебреженіе занятіями. Деканъ можетъ, если узнаетъ о легкомъ проступкѣ студента, сдѣлать ему напоминаніе или увѣщаніе; если оно не подѣйствуетъ, или если декану сдѣлается извѣстенъ болѣе важный проступокъ студента, то онъ извѣщаетъ о томъ ректора, отъ котораго уже зависитъ принять противъ студента предписанныя правилами дисциплинарныя мѣры.

Къ сказанному должно еще прибавить, что студенты богословскаго факультета въ нѣкоторыхъ даже протестантскихъ университетахъ, напримѣръ, въ базельскомъ, держатъ экзамены въ концѣ семестра; въ католическихъ, напримѣръ мюнхенскомъ, студенты этого факультета подвергаются или не подвергаются полугодичнымъ экзаменамъ, смотря по требованію епископа того діоцеза, по которому они готовятся къ духовному званію.

Не готовящіеся къ духовному сану не подлежатъ этому правилу. Вообще первые, какъ въ католическихъ, такъ и въ евангелическихъ богословскихъ факультетахъ, находятся подъ болѣе строгимъ надзоромъ, и это возможно, такъ какъ не только готовящіеся къ духовному званію римскіе католики, но не рѣдко и протестанты живутъ въ конвиктахъ. Наконецъ, по уставамъ берлинскаго университета, профессоры должны сообщать декану объ отличнѣйшихъ изъ своихъ слушателей; изъ этихъ сообщеній составляется, за каждое полугодіе, общій списокъ по цѣлому факультету; кромѣ того, за каждое же полугодіе, деканы представляютъ ректору, по его требованію, образцы студенческихъ трудовъ и работъ. Соблюдаются ли и до сихъ поръ эти правила, мы не знаемъ, хотя, по общему характеру теперешняго университетскаго надзора надъ студентами, весьма сомнѣваемся въ этомъ.

Таковы правила. Прежде чѣмъ мы скажемъ, какъ они примѣняются въ дѣйствительности, постараемся въ нѣсколькихъ словахъ объяснить, какъ они образовались. Предметъ самъ по себѣ чрезвычайно интересенъ. Зная происхожденіе университетовъ, ихъ назначеніе, ихъ роль, ихъ характеръ, нельзя обойти слѣдующаго вопроса: откуда могли, при свободѣ университетскаго преподаванія и ученія, взяться правила о надзорѣ за занятіями и поведеніемъ студентовъ? Откуда этотъ воспитательный характеръ факультетовъ, вовсе не свойственный существенному значенію университетовъ? Въ самомъ началѣ университеты и не имѣли его. Обстоятельства заставили сперва учредить такъ-называемыя коллегіи и бурсы, въ которыхъ установился надзоръ за поведеніемъ и занятіями молодыхъ людей, независимо отъ университета; съ упадкомъ этихъ учрежденій, въ XVI вѣкѣ, ихъ обязанности мало-по-малу перешли, до нѣкоторой степени, на университетъ. Въ позднѣйшее же время, начиная съ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго вѣка, надзоръ усиленъ вслѣдствіе политическихъ соображеній, вызвавшихъ цѣлый рядъ мѣръ, о которыхъ мы уже упоминали.

Въ самомъ началѣ, когда университеты были совершенно свободными корпораціями, къ которымъ принадлежали люди всѣхъ возрастовъ и всѣхъ состояній, никто не думалъ о надзорѣ за поведеніемъ и прилежаніемъ студентовъ, да и невозможно было объ этомъ думать: университетскія корпораціи заключали въ себѣ столько же, если не болѣе, взрослыхъ и даже старыхъ людей, сколько юношей; преподающіе занимались только преподаваніемъ, а вовсе не воспитаніемъ своихъ слушателей: тѣ и другіе были членами народностей, на которыя раздѣлялись всѣ принадлежащіе къ университетской корпораціи. Правда, въ Парижѣ дѣлами народностей управляли не слушатели, а преподающіе или имѣющіе право преподавать; зато въ Италіи преподаватели, напротивъ, были вовсе исключены изъ числа избирателей и избираемыхъ въ разныя должности по университетскому корпоративному управленію: студенты же и выбирали ихъ на каѳедры и смѣщали. Но ни здѣсь, ни тамъ о педагогическомъ надзорѣ и наблюденіи за поведеніемъ не могло быть и рѣчи.

Однако въ числѣ учащихся, кромѣ взрослыхъ и старыхъ, было, какъ мы видѣли, много очень молодыхъ людей. Стекаясь толпами въ средневѣковые города, гдѣ находились университеты, юноши подвергались разнымъ неудобствамъ, даже опасностямъ въ нравственномъ отношеніи. Бѣдные не могли пріискать квартиръ; потребности ежедневной жизни дорожали непомѣрно отъ большого наплыва учащихся; развратъ, царствовавшій тогда въ городахъ, губилъ молодыхъ людей. Эти причины подали поводъ къ основанію коллегій и бурсъ, гдѣ юноши, не имѣвшіе въ городѣ родителей, или только жили, или жили и обѣдали, или, наконецъ, сверхъ того, находились подъ надзоромъ и руководствомъ наставниковъ, повторяли съ ними слышанное на лекціяхъ, и наконецъ, просто учились. Такія коллегіи и бурсы основывались правительствомъ и частными лицами съ благотворительною цѣлью (послѣдними очень часто изъ барыша и выгоды). Если припомнимъ, что философскій факультетъ въ старину былъ вмѣстѣ и факультетомъ, и гимназіей, и даже начальнымъ училищемъ, что наравнѣ съ взрослыми и юношами къ нему принадлежали и дѣти, начинавшіе учиться грамотѣ, то чрезвычайное размноженіе бурсъ и коллегій не покажется удивительнымъ.

Коллегіи и бурсы появились въ XIII вѣкѣ и ввели постепенно въ университеты дисциплину и внутренніе порядки монастырскихъ школъ. Вліяніе этихъ учрежденій на университеты было огромное. Въ Италіи они не удались, несмотря на неоднократныя по-

пытки водворить ихъ здѣсь; въ Англіи, напротивъ того, они поглотили собою весь университетъ; во Франціи они получили большое развитіе и укоренились главнымъ образомъ въ богословскомъ и философскомъ факультетахъ: юристы и медики не подпали тамъ коллегіальнымъ и бурсацкимъ порядкамъ. Въ первыхъ университетахъ Германіи, устроенныхъ по образцу парижскаго, именно въ вѣнскомъ и ингольштадтскомъ (переведенномъ впослѣдствіи въ Ландсгутъ, а оттуда въ Мюнхенъ), для всѣхъ студентовъ постановлено обязательнымъ правиломъ жить въ коллегіяхъ и бурсахъ; исключеніе допущено только для тѣхъ студентовъ, которые имѣли въ университетскомъ городѣ родителей или жили у профессоровъ, или, наконецъ, получали особое дозволеніе отъ университетскаго начальства жить на вольныхъ квартирахъ. Такимъ образомъ, коллегіальный и бурсацкій порядокъ возведенъ здѣсь въ общее правило; но существенное различіе его отъ французскаго, и въ особенности отъ англійскаго, заключалось въ томъ, что въ коллегіяхъ и бурсахъ студенты только упражнялись въ диспутахъ, да повторяли лекціи; самое же преподаваніе осталось за университетомъ; студенты не слушали лекцій въ коллегіяхъ и бурсахъ, а ходили для этого къ профессорамъ туда, гдѣ послѣдніе читали. Этимъ объясняется, почему коллегіи и бурсы не раздробили и не поглотили университета въ Германіи.

Ко всѣмъ изложеннымъ выше причинамъ непомѣрнаго размноженія коллегій и бурсъ при университетахъ присоединилась еще слѣдующая: студенты, жившіе на приватныхъ квартирахъ поодиночкѣ, предавались разврату и производили въ городѣ неимовѣрныя буйства, даже совершали преступленія. Въ Парижѣ они назывались мартинетами и своими безпрестанными выходками озабочивали университетъ и правительство. Подчинить ихъ надзору закрытыхъ заведеній казалось единственнымъ средствомъ для ихъ обузданія. Попытки принудить всѣхъ студентовъ жить въ коллегіяхъ и бурсахъ, подъ надзоромъ начальниковъ этихъ заведеній, встрѣчаются уже въ Парижѣ. Въ Англіи и Германіи, въ древнѣйшую эпоху университетовъ, эта мысль была приведена въ исполненіе; но въ Германіи, въ XVI вѣкѣ, коллегіи и бурсы пришли въ упадокъ, и къ концу его, въ большей части университетовъ, совсѣмъ исчезли. Ихъ убило проникшее сюда изъ Италіи изученіе древнихъ классиковъ, отдѣленіе низшаго и средняго образованія отъ университетскаго, вслѣдствіе повсемѣстнаго основанія латинскихъ школъ; но прежде и больше всего— та же самая причина, вслѣдствіе которой онѣ главнымъ образомъ и получили такое огромное развитіе. Безпорядки и безнравственность студентовъ, при сожительствѣ въ общихъ квартирахъ, не только не уменьшились, а напротивъ, чрезвычайно усилились; содержатели бурсъ заботились о своихъ денежныхъ выгодахъ и не думали о студентахъ, которые находились подъ ихъ руководствомъ и надзоромъ; коллегіи и бурсы обратились въ притоны разврата и праздности, гдѣ очень молодые люди совращались съ добраго пути старшими своими товарищами и теряли нравственность, вмѣсто того, чтобы сохранять ее и укрѣпляться въ ней.

Съ отмѣною бурсъ и коллегій, стали было требовать, чтобы тѣ молодые студенты, которые не живутъ у родителей, помѣщались у профессоровъ или учителей, или выбирали себѣ руководителей и наставниковъ изъ числа своихъ товарищей, старшихъ студентовъ (еще до сихъ поръ въ уставахъ геттингенскаго университета упоминается о гофмейстерахъ и ступникахъ, дядькахъ (Begleiter) студентовъ); но всѣ эти мѣры не привели ни къ чему, отчасти по тѣмъ же причинамъ, по которымъ коллегіи и бурсы не достигали предположенной цѣли. Однако, эти мѣры рекомендовались университетскимъ начальствомъ и такимъ образомъ косвенно вовлекали его въ надзоръ за бытомъ и занятіями студентовъ. Чѣмъ болѣе университеты вставлялись въ рамку высшихъ учебныхъ заведеній для молодыхъ людей, чѣмъ болѣе университетское ученіе приноровлялось къ практическимъ потребностямъ школы, церкви, государства и общества, тѣмъ больше и больше молодежь стала преобладать между университетскими слушателями. Обязанность руководить ее, смотрѣть за нею, естественно, падала на ея наставниковъ, и такимъ образомъ, воспитательный характеръ университетовъ мало-помалу обозначился вполнѣ; надзоръ за поведеніемъ и занятіями университетскаго юношества, для котораго прежнія мѣры оказались недостаточными, перешелъ въ руки факультетовъ и декановъ. Но трудность, почти невозможность такого надзора, при условіяхъ германскихъ университетовъ, скоро обнаружилась въ примѣненіи, и онъ палъ бы самъ

собою, еслибы его съ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго вѣка не подогрѣли движенія и волненія въ умахъ, возникшія въ Германіи послѣ отечественныхъ войнъ. Эти движенія, какъ всегда и вездѣ, тотчасъ же съ особенною живостью сообщились учащейся молодежи, преимущественно студентамъ. Вслѣдствіе этого начались розыски, суды и преслѣдованія студенческихъ обществъ, тайныхъ и явныхъ, и затѣмъ потянулся рядъ мѣръ, расчитанныхъ на то, чтобы удалить изъ университетовъ слишкомъ пылкія и безпокойныя головы, освободить университеты отъ незанимающихся, а остальныхъ заставить побольше работать и подчинить ихъ, во всѣхъ отношеніяхъ, строгому надзору. Эти стѣснительныя мѣры профессорами соблюдались неохотно, формально, не болѣе какъ сколько было нужно, чтобы не подвергнуться отвѣтственности; и какъ только опасенія относительно студентовъ миновали, всѣ эти правила мало-помалу пришли въ забвеніе. 1848 годъ нанесъ имъ рѣшительный ударъ. Нѣкоторыя изъ нихъ тогда же были отмѣнены, другія вышли совсѣмъ изъ употребленія, хотя остаются на бумагѣ и до сихъ поръ. Надзоръ за прилежаніемъ, занятіями, поведеніемъ и нравственностью студентовъ со стороны факультетовъ и декановъ на дѣлѣ теперь не существуетъ; отъ него удержались однѣ лишь формальности: записка въ факультетскіе списки, формальная обязанность непремѣнно записываться на лекціи,—въ каждый семестръ на двѣ или, даже хоть на одну, смотря по университету; удержались аттестаціи студентовъ со стороны профессоровъ, которыхъ они слушали, или правильнѣе сказать, у которыхъ они записались на лекціи, словомъ, удержалось то, что̀ небезвыгодно для профессоровъ (записка на лекціи) и для факультетовъ или декановъ (записка въ факультетскіе списки, съ которою сопряженъ извѣстный сборъ); остальное забыто. Такъ наставленія касательно занятій въ нѣкоторыхъ университетахъ положительно отмѣнены, какъ, напримѣръ, въ лейпцигскомъ; въ другихъ вывелись сами собою, напримѣръ, въ гейдельбергскомъ, и замѣнены отчасти чтеніемъ энциклопедій факультетскихъ наукъ. Даже аттестаціи профессоровъ обратились на дѣлѣ въ свидѣтельства, что студентъ былъ записанъ у нихъ на курсѣ; а какъ онъ слушалъ, очень прилежно или только прилежно,—это отмѣчается наобумъ; почти никогда не случается,—чтобы профессоръ отмѣтилъ, что студентъ не посѣщалъ его лекцій или посѣщалъ небрежно. Въ нѣкоторыхъ университетахъ, напримѣръ, мюнхенскомъ и геттингенскомъ, свидѣтельства о прилежаніи даже формально отмѣнены, и оставлены одни свидѣтельства о запискѣ на лекціи. Такимъ образомъ, все, что̀ написано въ университетскихъ правилахъ о надзорѣ факультетовъ надъ студентами, есть въ настоящее время мертвая буква, простая формальность, утратившая всякое значеніе. Только въ богословскихъ факультетахъ, и преимущественно римско-католическихъ, надзоръ надъ студентами, готовящимися къ духовному званію, еще существуетъ.

Намъ остается теперь сказать еще о правѣ факультетовъ *давать ученыя степени.* Въ настоящее время это право есть исключительная привилегія факультетовъ. Въ торжественномъ признаніи (promotio) кого-либо докторомъ, конечно, принимаетъ участіе ректоръ, но это участіе ограничивается присутствіемъ при торжествѣ и полученіемъ пошлинъ; на самомъ же дѣлѣ удостоеніе ученой степени совершенно въ рукахъ факультета: ни совѣтъ, ни ректоръ, ни министерство въ это не вмѣшиваются. Нѣкоторые университеты, преимущественно небольшіе, одно время крайне злоупотребляли этою привилегіей, и предпочитая значительныя пошлины, получаемыя за докторскій дипломъ, достоинству ученой степени и репутаціи университета, расточали докторатъ почти каждому, кто только желалъ его получить, подчасъ совершеннымъ невѣждамъ и неучамъ. Это производило скандалъ въ Германіи. Прусское министерство публичнаго обученія пыталось было положить конецъ такимъ безпорядкамъ, и для этого вошло въ сношеніе съ университетскими начальствами прочихъ германскихъ государствъ, съ цѣлью согласиться насчетъ введенія, по возможности, однообразныхъ, болѣе строгихъ правилъ о производствѣ въ ученыя степени, придерживаясь порядковъ, заведенныхъ въ этомъ отношеніи въ Пруссіи; но опытъ не удался, и никакого соглашенія не состоялось.

Не должно, впрочемъ, забывать, что ученая степень не даетъ теперь въ Германіи, сама по себѣ, никакихъ правъ. Чтобы вступить въ службу, или чтобы получить право юридической или медицинской практики, нужно выдержать особый экзаменъ, иногда нѣсколько экзаменовъ. Дипломъ на ученую степень, самъ по себѣ, не даетъ теперь даже права пре-

подавать, потому что никто не опредѣляется профессоромъ прямо, не зарекомендовавъ себя напередъ въ качествѣ учителя или приватъ-доцента, а учители и приватъ-доценты тоже подвергаются особымъ экзаменамъ. Изъ этихъ общихъ правилъ есть здѣсь и тамъ изъятія, но они очень незначительны. Ученая степень есть теперь въ Германіи лишь одно изъ условій для пріобрѣтенія правъ служебныхъ и на практику, но сама по себѣ она не даетъ ихъ, какъ еще у насъ, во Франціи и въ большей части случаевъ въ Швейцаріи. Степень доктора есть въ Германіи почетный титулъ, который имѣть очень пріятно, который уважается всѣми, даже прислугой, но и только; съ нимъ не связано никакихъ привилегій. Оттого факультетамъ и предоставлено теперь право производить въ ученыя степени безъ всякаго контроля. Какъ титулъ, не дающій никакихъ правъ и переживщій себя, ученый дипломъ доктора болѣе и болѣе теряетъ свое значеніе. Недалеко то время, когда онъ совсѣмъ исчезнетъ, какъ запоздалый остатокъ другой эпохи, другихъ понятій, другого взгляда на науку и университеты.

Объясненія прежняго важнаго значенія ученыхъ степеней надобно искать въ исторіи. Въ древнѣйшія времена, когда университеты образовались въ корпораціи, ученыхъ степеней, въ теперешнемъ смыслѣ, не было, а давалось только дозволеніе учить. Отсюда названіе Licentiat (отъ licentia — дозволеніе) ученой степени, удержавшейся теперь только въ богословскомъ факультетѣ. Позволеніе учить ограничивалось сперва только тѣмъ университетомъ, для котораго было дано, и не простиралось далѣе; потомъ мало-помалу оно обратилось въ званіе, съ которымъ было соединено право учить всюду, и которое удерживалось за получившимъ ее, хотя бы онъ и училъ. Такимъ образомъ, позволеніе учить развилось въ общественное положеніе, съ которымъ были соединены права, которыя давали преимущества передъ другими, при опредѣленіи въ должность, на службу.

По особенной важности права учить, которое соединялось съ производствомъ въ ученыя степени, послѣднее, съ самаго начала, было поставлено въ Германіи подъ надзоръ сперва высшей духовной, а потомъ высшей свѣтской власти. Преподаваніе богословія и каноническаго права, естественнымъ образомъ, подпадало подъ надзоръ папы, вслѣдствіе чего возведеніе въ ученыя степени принадлежало назначенному имъ канцлеру университета, при чемъ канцлеръ долженъ былъ принимать въ соображеніе не одно знаніе удостоиваемаго, но и правовѣріе его и нравственность. Впослѣдствіи право канцлера возводить богослововъ въ ученыя степени распространилось и на ищущихъ ихъ по другимъ наукамъ и факультетамъ. Послѣ долгихъ колебаній установился, наконецъ, относительно производства въ ученыя степени, такой порядокъ: испытаніе на степень принадлежало профессорамъ и факультету, а возведеніе въ степень (promotio) зависѣло отъ канцлера. Дальнѣйшее существенное измѣненіе этого порядка состояло въ томъ, что право удостоивать ученыхъ степеней, а вмѣстѣ съ тѣмъ и право назначать канцлеровъ, перешло отъ папы въ руки свѣтской власти. Но свѣтскія правительства интересовались этими правами и имѣли надзоръ за производствомъ въ ученыя степени лишь до тѣхъ поръ, пока послѣднія имѣли практическое значеніе; когда же оно упало, и право учить или заниматься практикой стало даваться на основаніи спеціальныхъ испытаній, не было болѣе никакихъ причинъ придавать особенную важность производству въ ученыя степени; съ тѣмъ вмѣстѣ, утратилось также практическое значеніе канцлеровъ и вице-канцлеровъ. Удостоеніе степени потеряло даже прежнюю торжественность, а въ нѣкоторыхъ университетахъ публичный актъ удостоенія вовсе отмѣненъ.

Право производить въ ученыя степени, какъ мы сказали, принадлежитъ теперь совершенно и безконтрольно факультетамъ; они только обязаны соблюдать при этомъ предписанныя министерствомъ правила, которыя опредѣляютъ одну лишь административную и юридическую сторону дѣла, собственно же ученая, техническая, предоставлена усмотрѣнію факультетовъ. Вотъ объясненіе, почему постановленія факультетовъ объ экзаменахъ на ученую степень, насколько они касаются научной стороны дѣла, опредѣляютъ, напримѣръ, изъ какихъ предметовъ экзаменовать, какъ экзаменовать и т. п., имѣютъ силу безъ всякаго утвержденія со стороны правительства, тогда какъ самыя неважныя административныя общія мѣры и распоряженія университетовъ требуютъ одобренія министерства.

Въ заключеніе замѣтимъ, что удостоеніе

ученыхъ степеней совершается факультетами подъ авторитетомъ университета; это значитъ, во-первыхъ, что дипломъ на ученую степень выдается отъ имени университета, а не факультета; во-вторыхъ, что какъ жалобы и претензіи на факультетъ по поводу производства въ ученыя степени, такъ и недоумѣнія по дѣламъ такого рода, возникающія въ факультетѣ, если онъ не можетъ рѣшить ихъ самъ, переносятся въ сенатъ. Въ подтвержденіе этого послѣдняго правила мы не имѣемъ въ виду ни частныхъ случаевъ, ни общихъ постановленій, а основываемся на соображеніяхъ, выведенныхъ изъ отношеній факультетовъ къ цѣлому университету по дѣламъ ученымъ и учебнымъ. По всѣмъ такого рода дѣламъ, когда рѣчь идетъ о вопросахъ, касающихся педагогической техники или спеціально-научныхъ, высшая инстанція для факультетовъ есть академическій сенатъ, а не центральное правительство. Затѣмъ, въ тѣхъ факультетахъ, гдѣ еще удержалось торжественное возведеніе въ ученыя степени (promotio), въ собраніяхъ, бывающихъ по этому случаю, долженъ, какъ мы видѣли, по правиламъ почти всѣхъ университетовъ, присутствовать ректоръ. Но есть университеты, гдѣ и этого не требуется; отсюда можно съ нѣкоторою вѣроятностью заключить, что ректоръ представляетъ изъ себя въ такихъ случаяхъ не высшее должностное лицо университета, а канцлера или вице-канцлера, — должность, игравшую прежде, какъ мы видѣли, важную роль при производствѣ въ ученыя степени, и которая теперь во многихъ университетахъ соединена съ должностью ректора.

III.

Таковы, въ главныхъ чертахъ, личный составъ, административное устройство и кругъ дѣятельности факультетовъ. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію *обще-университетской* организаціи, предметовъ вѣдомства и степени власти университета. Здѣсь мы будемъ имѣть въ виду только учрежденія и должности, дѣла и предметы, относящіеся къ университету какъ единому цѣлому, въ отличіе отъ факультетскихъ корпорацій и коллегій, которыя суть лишь составныя части цѣлаго университета, и въ извѣстныхъ отношеніяхъ ему подчинены.

Университетская организація въ этомъ, болѣе тѣсномъ смыслѣ, во многомъ значительно разнится отъ факультетской; во-первыхъ, уже факультетская администрація, какъ мы видѣли, довольно сложна; но обще-университетская еще гораздо сложнѣе и разнообразнѣе, обнимая множество предметовъ, которые факультетовъ вовсе не касаются. Сюда принадлежатъ: управленіе учебною частью по цѣлому университету, обще-университетскія дѣла, не касающіяся факультетовъ или, напротивъ, относящіяся ко всѣмъ или нѣсколькимъ факультетамъ; университетская полиція, дѣла дисциплинарныя и судебныя; управленіе имуществами, принадлежащими университету въ качествѣ юридическаго лица, какъ единому цѣлому; вообще хозяйственное управленіе цѣлаго университета, часть бюджетная и счетная. Къ этимъ главнымъ предметамъ занятій обще-университетской администраціи присоединяются еще многіе другіе. При всѣхъ университетахъ состоятъ, въ видѣ ученыхъ и учебныхъ пособій, такъ-называемыя учрежденія и институты (Anstalten und Institute), какъ-то: библіотеки, музеи, кабинеты, обсерваторіи, ботаническіе сады, клиники, лабораторіи и т. п. Эти учрежденія имѣютъ свое особое управленіе. Далѣе, для студентовъ существуютъ, по всѣмъ почти наукамъ, по крайней мѣрѣ отраслямъ наукъ, особыя семинаріи и кружки (Kränzchen), учреждены во всѣхъ университетахъ стипендіи и стипендіальные фонды, въ нѣкоторыхъ даровые столы (Freitische) и конвикты. Каждый изъ этихъ предметовъ имѣетъ тоже свою особую администрацію. Независимо отъ того, при университетахъ нерѣдко состоятъ благотворительныя общества для студентовъ, кассы для вдовъ и малолѣтнихъ дѣтей умершихъ профессоровъ; наконецъ, въ связи съ университетами находятся иногда учебныя заведенія и разныя другія учрежденія, зависящія отъ университетской администраціи; во-вторыхъ, въ факультетской организаціи мы на каждомъ почти шагу встрѣчались со старинными учрежденіями, и для объясненія существующаго должны были безпрестанно обращаться къ прошедшему, къ исторіи, безъ помощи которой теперешній составъ и дѣятельность факультетскихъ коллегій остались бы совершенно непонятными. Обще-университетское устройство и управленіе и въ этомъ отношеніи существенно разнятся отъ факультетскихъ. Первыя всюду преобразованы на новый ладъ и не восходятъ, въ теперешнемъ своемъ видѣ, далѣе 20-хъ и 30-хъ годовъ ны-

нѣшняго столѣтія. На это намъ могутъ возразить, что академическіе сенаты, съ ректорами во главѣ,—происхожденія весьма стариннаго, и образовались почти въ одно время съ появленіемъ университетовъ, по крайней мѣрѣ, съ образованіемъ факультетовъ. Это, конечно, такъ. Но теперешніе академическіе сенаты и ректоры удержали отъ старинныхъ только названія; ихъ значеніе и степень власти, а также личный составъ сенатовъ, до такой степени измѣнились, новыя учрежденія и должности, существующія теперь вмѣстѣ съ ними въ университетахъ, до того переродили ихъ, что мы въ полномъ правѣ считать ихъ тоже за новыя учрежденія, только получившія старинныя названія, и изслѣдованіе того, чѣмъ они были когда-то, нимало не поможетъ намъ въ опредѣленіи того, что они теперь. Наконецъ, различіе обще-университетской и факультетской администраціи опредѣляется еще относительнымъ разнообразіемъ первой и относительнымъ сходствомъ второй въ различныхъ университетахъ. Устройство факультетовъ мы могли еще, до нѣкоторой степени, свести къ общимъ чертамъ, представить въ одной общей картинѣ; но сдѣлать то же самое въ отношеніи къ общей университетской администраціи посѣщенныхъ нами нѣмецкихъ университетовъ нѣтъ рѣшительно никакой возможности: такъ она своеобразна въ каждомъ почти университетѣ. Нѣмецкій сепаратизмъ и партикуляризмъ, конечно, играютъ въ этомъ большую роль, но ими нельзя объяснить всего, потому что иначе и факультетская организація отличалась бы тѣмъ же разнообразіемъ и въ той же степени, чего мы, однако, не замѣтили. Намъ кажется, что почти полное отсутствіе однообразія обще-университетскихъ учрежденій объясняется, съ одной стороны, ихъ замѣчательною сложностью, а съ другой,—ихъ недавнимъ образованіемъ. Съ упраздненіемъ старинныхъ корпоративныхъ университетскихъ учрежденій и съ подчиненіемъ ихъ общему административному и земскому порядку, каждое государство Германіи связывало свои особые виды, свой особый взглядъ на университеты и ихъ дальнѣйшее назначеніе. Къ этой главной причинѣ разнообразія новаго устройства, даннаго университетамъ, присоединились различныя временныя, нерѣдко случайныя обстоятельства, дававшія различный характеръ и направленіе новому университетскому законодательству.

Чтобы передать читателямъ, въ возможно-ясномъ и отчетливомъ очеркѣ, главныя черты теперешняго общаго устройства и администраціи видѣнныхъ нами нѣмецкихъ университетовъ, мы по необходимости должны ограничиться здѣсь только учебною, дисциплинарною, полицейскою, судебною и хозяйственною частями, состоящими между собою въ ближайшей, неразрывной связи; вмѣстѣ съ тѣмъ, мы принуждены будемъ, не сводя собранныхъ свѣдѣній въ общія обозрѣнія, излагать ихъ особливо по каждому университету. Прежде всего разсмотримъ обще-университетскую организацію или составъ административныхъ учрежденій и должностей.

Начнемъ съ швейцарскихъ университетовъ. Они отличаются отъ германскихъ и недавнимъ своимъ происхожденіемъ (цюрихскій основанъ въ 1833 году, базельскій возобновленъ лишь въ 1835 г.), и значеніемъ. Въ Германіи университеты все еще сохраняютъ воспоминанія о томъ времени, когда они были не только высшими учебными заведеніями, но вмѣстѣ центрами и хранителями науки и высшаго знанія; въ Швейцаріи же они существуютъ исключительно лишь въ новѣйшемъ своемъ значеніи: здѣсь они въ полномъ смыслѣ слова высшія училища (Hochschulen), въ которыхъ старинныя корпоративныя формы упрощены до-нельзя, и которыя регламентируются и управляются кантональными правительствами наравнѣ со всѣми другими учебными заведеніями. Въ Швейцаріи смотрятъ на университеты какъ на заведенія, полезныя для сообщенія высшаго образованія и для приготовленія по всѣмъ отраслямъ людей, пригодныхъ для службы отечеству. Этимъ ближайшимъ практическимъ цѣлямъ швейцарскіе университеты вполнѣ могутъ удовлетворять и не имѣя того высшаго, всенароднаго значенія, которое они когда-то имѣли въ Европѣ, и отголоски котораго по сю пору живутъ въ воспоминаніяхъ, отчасти въ нѣкоторыхъ формахъ германскихъ университетовъ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что въ этомъ отношеніи есть нѣкоторая разница между университетами базельскимъ и цюрихскимъ: первый ближе къ германскимъ, чѣмъ послѣдній, который и по своему устройству, и по духу гораздо полнѣе и рѣзче выражаетъ чисто практическій взглядъ на университеты. Самую простую, немногосложную административную организацію имѣетъ *базельскій* университетъ. Управленіе его ввѣрено университетскому со-

вѣту (akademische Regenz), ректору и попечительству (Curatel). Совѣтъ состоитъ изъ всѣхъ штатныхъ ординарныхъ (durch das Gesetz aufgestellten) профессоровъ; ректоръ избирается на годъ совѣтомъ изъ своей среды; попечительство состоитъ изъ предсѣдателя и трехъ членовъ; всѣ они избираются малымъ совѣтомъ (высшею административною и исполнительною властью городской части Базельскаго кантона) на шесть лѣтъ; предсѣдателемъ непремѣнно долженъ быть избранъ тотъ членъ воспитательной коллегіи (Erziehungs-Collegium, базельскаго министерства публич. обученія), который есть въ то же время и членъ малаго совѣта.

Организація *цюрихскаго* университета нѣсколько сложнѣе. Кромѣ университетскаго совѣта (akademischer Senat), ректора и воспитательнаго совѣта (Erziehungsrath), соотвѣтствующаго попечительству базельскаго университета, въ цюрихскомъ существуетъ еще малый университетскій совѣтъ, или коммиссія университетскаго совѣта (Senatsausschuss). Университетскій совѣтъ (сенатъ) состоитъ изъ однихъ ординарныхъ профессоровъ, которые избираютъ изъ своей среды, срокомъ на два года, ректора, утверждаемаго кантональною правительственною властью (Regierungsrath). Коммиссія университетскаго совѣта образована, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ его предмѣстника (Exrector), и всѣхъ декановъ. Наконецъ, воспитательный совѣтъ, которому университетъ подчиненъ непосредственно, состоитъ при директорѣ по учебной части (цюрихскомъ министрѣ публичнаго обученія) и подъ его предсѣдательствомъ, и образуется изъ шести членовъ, избираемыхъ на четыре года; четырехъ изъ этихъ членовъ избираетъ большой кантональный совѣтъ, а остальныхъ двухъ — училищное собраніе (Schulsynode): одного изъ числа преподавателей высшихъ кантональныхъ учебныхъ заведеній (въ томъ числѣ и университета), и одного изъ числа учителей народныхъ школъ. Обоихъ утверждаетъ большой совѣтъ. Замѣчательно, что въ училищномъ собраніи, которое избираетъ членовъ воспитательнаго совѣта, участвуютъ всѣ учители и преподаватели, кромѣ университетскихъ; такимъ образомъ университетъ вовсе не пользуется правомъ участвовать въ этихъ выборахъ. Для обсужденія всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ, касающихся университета, и для непосредственнаго надъ нимъ надзора, воспитательный совѣтъ, по закону, избираетъ изъ своей среды особую коммиссію, изъ двухъ членовъ, подъ предсѣдательствомъ директора по учебной части. Но, кажется, на дѣлѣ такой коммиссіи нѣтъ и о ней нигдѣ не упоминается.

Общая организація собственно германскихъ университетовъ вообще гораздо сложнѣе.

По относительной простотѣ своего устройства первое мѣсто занимаетъ *берлинскій* университетъ, одинъ изъ новѣйшихъ (основанъ въ 1810 году). Управленіе его находится въ рукахъ ректора и академическаго сената, попечительства (Curatorium), университетскаго судьи и нѣсколькихъ коммиссій, изъ которыхъ сюда принадлежатъ матрикуляціонная, для записки студентовъ, и коммиссія для отсрочки гонораріяю (Honorarien-Stundungs-Commission). Академическій сенатъ состоитъ всего изъ двѣнадцати членовъ, а именно: изъ ректора (предсѣдателя), его предмѣстника (бывшаго ректора), университетскаго судьи, четырехъ декановъ и пяти членовъ (сенаторовъ), избранныхъ въ эту должность собраніемъ всѣхъ ординарныхъ профессоровъ изъ своей среды; сенатъ возобновляется ежегодно, но не въ полномъ составѣ. Члены, засѣдающіе въ немъ по должности, смѣняются каждый годъ, кромѣ университетскаго судьи и ректора, который на слѣдующій годъ вступаетъ въ сенатъ снова въ качествѣ бывшаго ректора; изъ выборныхъ же членовъ оставляются по жребію двое, а трое замѣняются другими. Болѣе двухъ лѣтъ ни одинъ выборный сенаторъ не можетъ оставаться въ этой должности, и непремѣнно долженъ быть замѣненъ другимъ. Выбывшіе выборные сенаторы непосредственно вновь не избираются, но они могутъ быть избраны въ деканы и въ этомъ качествѣ вновь вступить въ сенатъ, и наоборотъ, деканы могутъ быть, непосредственно по выбытіи изъ должности, избраны въ сенаторы; наконецъ, если бы бывшій ректоръ или выборные сенаторы, пробывшіе въ этой должности не болѣе года, были избраны въ деканы, то на мѣсто ихъ избираются новые сенаторы. Ректоръ, подобно сенаторамъ, выбирается въ берлинскомъ университетѣ ординарными профессорами изъ своей среды, срокомъ на одинъ годъ, а утверждается королемъ. Университетскій судья опредѣляется непосредственно министерствомъ духовныхъ, учебныхъ и медицинскихъ дѣлъ, по соглашенію съ министерствомъ юстиціи, долженъ соединять въ себѣ всѣ условія, требуемыя при опредѣленіи въ должность члена оберланд-

герихта, не можетъ быть ни профессоромъ, ни приватъ-доцентомъ, но по своей должности равенъ ординарнымъ профессорамъ. Попечительство берлинскаго университета, заступившее мѣсто уполномоченнаго отъ правительства (Regierungsbevollmächtigter) и куратора, состоитъ изъ ректора и университетскаго судьи; наконецъ, коммиссіи для матрикуляціи студентовъ и для отсрочки гонорарія образованы тоже изъ ректора и университетскаго судьи; только въ составъ первой изъ нихъ входятъ также и деканы.

Организація *боннскаго* университета очень сходна съ организаціей берлинскаго. Сенатъ образованъ точно такимъ же образомъ, съ тою лишь разницей, что въ немъ засѣдаютъ, по числу факультетовъ, пять декановъ; зато число выборныхъ сенаторовъ не пять, какъ въ берлинскомъ университетѣ, а четыре; они тоже смѣняются черезъ два года. Выборъ ректора, равнымъ образомъ, производится ординарными профессорами, но съ тѣмъ существеннымъ различіемъ, что на эту должность избираются три кандидата, изъ которыхъ одинъ назначается министерствомъ. Университетскій судья есть также въ боннскомъ университетѣ, и положеніе его точно такое же, какъ и въ берлинскомъ. Попечительство ввѣрено въ боннскомъ университетѣ особому куратору, опредѣляемому королемъ.

Сложнѣе устройство *геттингенскаго* университета. Его учрежденія и должностныя лица суть: сенатъ, коммиссія для суда, университетскій судъ, проректоръ и два университетскихъ совѣтника. Сенатъ состоитъ изъ проректора, всѣхъ ординарныхъ профессоровъ и двухъ университескихъ совѣтниковъ. Обѣ коммиссіи, административная (Verwaltungsausschuss) и судебная (Rechtspflegeausschuss), образуется, каждая, изъ проректора, бывшаго проректора (Exprorector), двухъ университетскихъ совѣтниковъ и опредѣленнаго числа ординарныхъ профессоровъ, избираемыхъ университетомъ, то-есть собраніемъ ординарныхъ и экстра-ординарныхъ профессоровъ; изъ этихъ выборныхъ одинъ выбываетъ по старшинству вступленія черезъ каждые полгода и замѣняется новымъ. Разница въ составѣ двухъ упомянутыхъ коммиссій заключается въ томъ, что въ судебную выбираются три ординарные профессора, слѣдовательно, она состоитъ всего изъ семи членовъ, въ числѣ которыхъ должно быть не менѣе трехъ законовѣдовъ; въ административную же коммиссію избирается пять ординарныхъ профессоровъ, въ томъ числѣ непремѣнно по одному изъ каждаго факультета; такимъ образомъ эта коммисія состоитъ всего изъ десяти членовъ. Университетскій судъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій: первое, подъ предсѣдательствомъ проректора, состоитъ изъ двухъ университетскихъ совѣтниковъ и есть собственно университетское учрежденіе; во второмъ должность судьи ввѣрена одному университетскому совѣтнику, по соглашенію университетскаго попечительства (Curatorium) съ министерствомъ юстиціи; въ случаѣ его отсутствія, мѣсто его заступаетъ второй университетскій совѣтникъ, а если и онъ не можетъ, то, по соглашенію тѣхъ же двухъ вѣдомствъ, назначается особый судья. Точно такимъ же порядкомъ возлагаются на извѣстнаго чиновника обязанности прокурора (Staatsanwalt) при второмъ отдѣленіи суда. Это отдѣленіе имѣетъ смѣшанный характеръ и представляетъ независимый отъ университета сословный судъ, хотя и находится при университетѣ. Его юрисдикціи подлежатъ лишь лица, принадлежащія къ университету, и притомъ только по извѣстнаго рода дѣламъ; но эти лица судятся, эти дѣла производятся и рѣшаются на основаніи общаго порядка судопроизводства, съ апелляціей и жалобами на него обыкновеннымъ же судамъ. Въ этомъ смыслѣ второе отдѣленіе университетскаго суда есть не что иное какъ низшая инстанція обыкновенныхъ судовъ, существующая для извѣстнаго рода дѣлъ и извѣстнаго рода лицъ. Въ проректоры избираются ординарными и экстра-ординарными профессорами три кандидата изъ числа ординарныхъ профессоровъ и представляются на утвержденіе попечительству. Въ обыкновенномъ порядкѣ одно лицо остается проректоромъ только полгода, но отъ попечительства зависитъ продолжить этотъ срокъ. Проректоръ предсѣдательствуетъ въ сенатѣ, обѣихъ коммиссіяхъ и въ первомъ отдѣленіи университетскаго суда; на самомъ дѣлѣ онъ то же самое что ректоръ въ другихъ университетахъ, называется же проректоромъ потому, что званіе ректора есть почетное и принадлежитъ королю ганноверскому. Университетскіе совѣтники, участвующіе, какъ мы видѣли, во всѣхъ исчисленныхъ университетскихъ учрежденіяхъ, опредѣляются королемъ. Въ заключеніе должно прибавить, что попечительство надъ геттингенскимъ университетомъ, о которомъ мы нѣсколько разъ упо-

мипали, совпадаетъ съ центральнымъ управленіемъ, почему мы и не говоримъ объ немъ отдѣльно.

Гейдельбергскій университетъ, въ административномъ отношеніи, имѣетъ опять свои особенности. Управленіе его сосредоточено въ большомъ и маломъ академическихъ сенатахъ, въ строительной хозяйственной коммиссіи, въ матрикуляціонной коммиссіи, въ проректорѣ и университетскомъ амтманнѣ (судьѣ). Большой сенатъ состоитъ изъ однихъ ординарныхъ профессоровъ (engerer academischer Senat), изъ восьми членовъ: проректора, его предмѣстника по должности, четырехъ декановъ, въ случаѣ же продолжительнаго ихъ отсутствія, ихъ предмѣстниковъ и двухъ ординарныхъ профессоровъ, избранныхъ большимъ сенатомъ изъ своей среды, срокомъ на одинъ годъ; но они могутъ быть избраны непосредственно вновь. Амтманнъ засѣдаетъ въ маломъ сенатѣ на правахъ члена только при обсужденіи и рѣшеніи извѣстнаго рода дѣлъ, а не всѣхъ. Строительная и хозяйственная коммиссія (Bau-und Oeconomie-Commission) есть учрежденіе равное сенату и вовсе отъ него не зависитъ; оно состоитъ изъ шести членовъ: директора, который предсѣдальствуетъ, докладчика по части штатной, казначейской и бухгалтерской (Referent im Etat-Cassen-und Rechnungswesen), трехъ другихъ членовъ и проректора. Такъ на основаніи правилъ, по адресной книгѣ гейдельбергскаго университета на 1862 годъ, въ числѣ членовъ коммиссіи названъ еще инспекторъ по строительной части (Bauinspector). Изъ этихъ шести (или семи) членовъ, членъ-докладчикъ опредѣляется министерствомъ, по его непосредственному усмотрѣнію, на неопредѣленное время; проректоръ засѣдаетъ въ ней по должности, четыре же остальные члена, въ томъ числѣ и директоръ, назначаются министерствомъ, по выслушаніи мнѣнія самой коммиссіи и малаго сената, изъ числа профессоровъ и чиновниковъ университета, срокомъ на шесть лѣтъ. Очередь выбытія ихъ расположена такъ, что черезъ два года въ третій выбываетъ одинъ изъ нихъ; но выбывающіе могутъ быть опредѣляемы вновь на слѣдующее шестилѣтіе. Изъ должностныхъ лицъ гейдельбергскаго университета, проректоръ, подобно геттингенскому, есть въ сущности ректоръ, и не называется такъ потому только, что званіе ректора есть почетное и принадлежитъ главѣ государства, баденскому великому герцогу. Проректоръ избирается срокомъ на годъ ординарными дѣйствительными профессорами и утверждается великимъ герцогомъ. Подъ *дѣйствительными* разумѣются занимающіе каѳедры и преподающіе, въ отличіе отъ получающихъ пенсіи и другихъ, которые не отправляютъ профессорскихъ обязанностей, но по несмѣстимости профессоровъ продолжаютъ считаться въ этомъ званіи. По выходѣ изъ должности, тотъ же профессоръ можетъ быть вновь избранъ въ продолженіе слѣдующихъ за тѣмъ трехъ лѣтъ, не иначе какъ большинствомъ двухъ третей голосовъ; по спустя три года достаточно, для дѣйствительности избранія, простого большинства. Проректоръ предсѣдательствуетъ въ обоихъ сенатахъ и есть членъ строительной и хозяйственной коммиссіи. Университетскій амтманнъ (судья) опредѣляется министерствомъ непосредственно, или же оно предоставляетъ малому сенату предложить своего кандидата на эту должность. Амтманнъ, какъ мы видѣли, есть членъ малаго сената, но можетъ быть назначенъ и членомъ строительной и хозяйственной коммиссіи, въ числѣ другихъ чиновниковъ, что и случается. При гейдельбергскомъ университетѣ былъ прежде особый директоръ; но теперь эта должность соединена съ должностью проректора и обратилась въ почетный титулъ; проректору, какъ сказано въ адресъ-календарѣ, принадлежитъ академическое управленіе (Directorium), но это званіе само-по-себѣ не даетъ теперь никакой власти.

Въ *мюнхенскомъ* университетѣ управленіе раздѣлено между сенатомъ, административною коммиссіей, гонорарною коммиссіей и ректоромъ. Сенатъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ бывшаго ректора (проректора) и девяти сенаторовъ—ординарныхъ профессоровъ (хотя бы и декановъ), избираемыхъ каждымъ факультетомъ изъ своей среды, въ числѣ двухъ; только камеральный считается за полфакультета и потому выбираетъ одного сенатора. Въ избраніи членовъ сената участвуютъ и экстра-ординарные профессоры. Избранные сенаторы утверждаются въ этомъ званіи королемъ и остаются въ должности два года, при чемъ одинъ изъ двухъ сенаторовъ отъ каждаго факультета, старшій по вступленію въ должность, выходитъ, но можетъ быть избранъ вновь. Административная коммиссія (Verwaltungsausschuss) состоитъ, тоже подъ предсѣдательствомъ ректора,

изъ пяти членовъ: четырехъ профессоровъ, избранныхъ ординарными профессорами изъ своей среды, безъ различія факультетовъ, и директора такъ-называемаго георгіанскаго коллегіума,—конвикта студентовъ богословскаго римско-католическаго факультета, готовящихся къ духовному званію. Изъ выборныхъ четырехъ членовъ одинъ, именно старшій по вступленію, ежегодно выходитъ и замѣняется новымъ, при чемъ можетъ быть избранъ снова. Такимъ образомъ, профессоры избираются въ административную коммиссію срокомъ на четыре года. Они тоже утверждаются въ должности королемъ. Что касается до директора конвикта, то онъ участвуетъ въ коммиссіи потому, что капиталы конвикта завѣдываются въ ней мѣстѣ съ имуществомъ университета. Гонорарная коммиссія (Honorarien-Commission) состоитъ тоже изъ пяти членовъ, избираемыхъ отъ каждаго факультета, какъ кажется, безъ опредѣленія срока; повидимому, должности декана и члена гонорарной коммиссіи не могутъ быть соединяемы въ одномъ лицѣ. Ректоръ выбирается на годъ ординарными и экстра-ординарными профессорами изъ числа ординарныхъ и утверждается королемъ. По закону, ректоры должны быть ежегодно избираемы изъ профессоровъ разныхъ факультетовъ, слѣдуя порядку относительнаго старшинства послѣднихъ, а именно: сначала изъ числа профессоровъ богословскаго факультета, потомъ юридическаго, далѣе камеральнаго, медицинскаго, философскаго, потомъ снова богословскаго и т. д. Камеральный, какъ мы видѣли, считается полфакультетомъ и потому, при очередномъ избраніи ректора, одинъ разъ обходится. Таковъ законъ; но теперь онъ не строго соблюдается и мало-по-малу отмѣняется обычаемъ, который предоставилъ выборъ усмотрѣнію избирателей. Съ званіемъ ректора мюнхенскаго университета соединено званіе проканцлера; но теперь это лишь почетный титулъ, не дающій никакихъ правъ и никакой власти.

Административный составъ *тюбингенскаго* университета образованъ изъ сената, дисциплинарной и административной коммиссій, ректора, университетскаго амтманна и канцлера. Сенату, состоящему изъ предсѣдателя-ректора, всѣхъ ординарныхъ профессоровъ университета и амтманна, подчинены обѣ коммиссіи, дисциплинарная и административная. Первая (Disciplinar-Commission) образована изъ шести ординарныхъ профессоровъ по одному отъ каждаго изъ шести факультетовъ (седьмой, естественныхъ наукъ, открытъ лишь очень недавно), опредѣляемыхъ министерствомъ, по выслушаніи мнѣнія сената и по предварительномъ предъявленіи именъ кандидатовъ королю. Сверхъ этихъ шести членовъ, въ дисциплинарной коммиссіи засѣдаетъ тоже университетскій амтманнъ, по своей должности, на правахъ члена. Вторая коммиссія (Verwaltungsausschuss) образована точно такъ же какъ и дисциплинарная; въ ней, сверхъ названныхъ членовъ, засѣдаетъ еще университетскій казначей (Universität-Cassier), но лишь съ совѣщательнымъ, а не рѣшительнымъ голосомъ. Ректоръ опредѣляется королемъ, срокомъ на годъ, изъ числа трехъ профессоровъ, предложенныхъ сенатомъ. Университетскій амтманнъ (Universität-Amtmann) есть коронный чиновникъ, опредѣляемый королемъ по предложенію сената, и засѣдаетъ, какъ мы видѣли, на правахъ члена въ сенатѣ и обѣихъ коммиссіяхъ. Наконецъ, канцлеръ есть королевскій коммиссаръ при университетѣ; онъ опредѣляется королемъ, по предложенію министерства, и имѣетъ право присутствовать въ засѣданіяхъ факультетовъ и обѣихъ коммиссій, не участвуя, однако, въ ихъ совѣщаніяхъ, исключая когда онъ—профессоръ университета и въ этомъ качествѣ есть членъ факультета или деканъ. Изъ этой оговорки слѣдуетъ, что канцлеромъ университета можетъ быть и профессоръ. Дѣйствительно, послѣднимъ канцлеромъ были извѣстный юристъ, бывшій профессоръ тюбингенскаго университета, Вехтеръ (Wächter); по выходѣ его, должность канцлера остается въ тюбингенскомъ университетѣ до сихъ поръ не замѣщенною.

Наконецъ, *лейпцигскій* университетъ, одинъ изъ древнѣйшихъ въ Германіи (основанъ въ 1409 году), удержавшій больше всѣхъ другихъ первоначальное устройство по народностямъ, имѣетъ теперь самую сложную организацію изъ всѣхъ посѣщенныхъ нами нѣмецкихъ университетовъ. Внутреннее управленіе принадлежитъ въ немъ большому и малому сенатамъ, административной депутаціи, и матрикуляціонной коммиссіи, гонорарной депутаціи и университетскому суду, да сверхъ того ректору, университетскому судьѣ, рентмейстеру и уполномоченному отъ правительства. Если при этомъ вспомнить, что въ настоящемъ очеркѣ мы имѣемъ въ виду только учебное, судебно-полицейское, дисциплинар-

ное и хозяйственное управленіе и опускаемъ другія, для которыхъ во всѣхъ почти университетахъ существуютъ особыя учрежденія и особыя должностныя лица, которыхъ въ лейпцигскомъ университетѣ никакъ не меньше, если не больше, чѣмъ въ другихъ, то не трудно себѣ представить какъ многосложенъ административный составъ этого университета. Большой сенатъ (das Plenum или der weitere academische Senat) состоитъ изъ всѣхъ ординарныхъ профессоровъ, подъ предсѣдательствомъ ректора; малый сенатъ (der engere academische Senat)—изъ бывшаго ректора (Exrector), декановъ, четырехъ ординарныхъ профессоровъ, избранныхъ факультетами изъ своей среды, и шести ординарныхъ профессоровъ, назначенныхъ непосредственно министерствомъ безъ различія факультетовъ. Какъ изъ числа выбранныхъ факультетами, такъ и изъ назначенныхъ министерствомъ сенаторовъ ежегодно выбываетъ по одному, именно старшіе по вступленію; слѣдовательно выборные остаются въ должности четыре года, а назначенные правительствомъ шесть лѣтъ, но непосредственно послѣ выбытія они могутъ быть избраны или назначены вновь. Ректоръ предсѣдательствуетъ и въ маломъ сенатѣ. Административная депутація (Verwaltungsdeputation) составлена изъ ректора-предсѣдателя, изъ уполномоченнаго отъ правительства и двухъ депутатовъ, изъ которыхъ одинъ избирается большимъ сенатомъ, а другой назначается министерствомъ, оба на четыре года. Для замѣны ихъ, въ случаѣ отсутствія, сенатъ и министерство назначаютъ къ нимъ по одному кандидату. Въ числѣ депутатовъ одинъ долженъ быть опытный юристъ. Депутація образована исключительно для дѣлъ хозяйственнаго управленія; по всѣмъ дѣламъ, касающимся существующаго при лейпцигскомъ университетѣ студенческаго конвикта, въ занятіяхъ ея принимаетъ участіе вмѣстѣ и наравнѣ съ другими членами и директоръ конвикта. Матрикуляціонная коммиссія (Immatriculations-Comission) состоитъ подъ предсѣдательствомъ уполномоченнаго отъ правительства, изъ ректора и университетскаго судьи. Особая депутація объ отсрочкѣ гонорарія образуется, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ четырехъ декановъ и университетскаго судьи; впрочемъ она какъ и гонорарныя коммиссіи въ другихъ университетахъ, не составляетъ постояннаго учрежденія и собирается лишь въ началѣ каждаго семестра. Наконецъ, университетскій судъ составленъ, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ университетскаго судьи и одного постояннаго засѣдателя, назначаемаго министерствомъ изъ числа профессоровъ. На случай отсутствія универсітескаго судьи, уполномоченный отъ правительства назначаетъ, каждый разъ особо, заступающаго его мѣсто, который утверждается министерствомъ, но можетъ быть допущенъ уполномоченнымъ отъ правительства къ отправленію должности и прежде утвержденія; къ засѣдателю же университетскаго суда министерство назначаетъ одного постояннаго кандидата. Изъ должностныхъ лицъ, ректоръ избирается университетскимъ собраніемъ, состоящимъ изъ ординарныхъ, почетныхъ и экстра-ординарныхъ профессоровъ. Избранный долженъ быть ординарный профессоръ; онъ утверждается въ должности министерствомъ и до утвержденія не можетъ вступить въ отправленіе своихъ обязанностей. Кромѣ ректора, всѣ прочія университетскія должностныя лица, названныя нами выше, суть коронные чиновники. Университетскій судья опредѣляется министерствомъ изъ числа трехъ кандидатовъ, предлагаемыхъ большимъ сенатомъ, которые должны имѣть право на юридическую практику въ саксонскомъ королевствѣ. Ни университетскій профессоръ, ни приватъ-доцентъ не могутъ быть университетскимъ судьей. Университетскій судья, если рангомъ не выше профессоровъ, то во всякомъ случаѣ, по своей должности, равенъ имъ. Какъ мы видѣли выше, онъ есть членъ университетскаго суда, матрикуляціонной коммиссіи и гонорарной депутаціи. Рентмейстеръ университета (завѣдывающій хозяйственною частью) опредѣляется министерствомъ и состоитъ подъ его непосредственнымъ распоряженіемъ и надзоромъ. Уполномоченный отъ правительства (Regierungsbevollmächtigte) опредѣляется тоже правительствомъ. Онъ есть предсѣдатель матрикуляціонной коммиссіи и членъ административной депутаціи и имѣетъ право присутствовать въ университетскихъ собраніяхъ (ординарныхъ, почетныхъ и экстра-ординарныхъ профессоровъ) и въ засѣданіяхъ большого сената, въ качествѣ органа правительства; онъ участвуетъ, равнымъ образомъ, и въ засѣданіяхъ малаго сената и въ ихъ совѣщаніяхъ, но не въ подачѣ голосовъ.

Вотъ административный составъ посѣщенныхъ нами девяти университетовъ. Разсмот-

римъ теперь предметы вѣдомства, степень власти, подчиненность всѣхъ исчисленныхъ учрежденій и должностныхъ лицъ, а также отношенія ихъ какъ между собою, такъ и къ центральному правительству. Придерживаясь того же порядка, въ какомъ мы излагали административный составъ различныхъ университетовъ, скажемъ сперва о двухъ швейцарскихъ, *базельскомъ и цюрихскомъ*. Главное различіе ихъ внутренней администраціи обусловливается тѣмъ, что базельскій имѣетъ собственное имущество, состоящее въ капиталахъ (слишкомъ 385.000 франковъ), тогда какъ цюрихскій его почти не имѣетъ; небольшой капиталъ, ему принадлежащій (около 22.000 $^1/_2$ франковъ) завѣдывается центральнымъ правительствомъ кантона, которое, однако, можетъ имъ распоряжаться не иначе какъ выслушавъ напередъ мнѣніе университетскаго сената. Что касается управленія имуществомъ, принадлежащимъ базельскому университету, то оно ввѣрено университетскому совѣту (Regenz), который распоряжается помѣщеніемъ и перемѣщеніемъ денежныхъ капиталовъ, даетъ доходамъ отъ нихъ то или другое назначеніе и можетъ дѣлать изъ нихъ сверхштатные расходы, но не свыше ста франковъ. Какъ коллегіальное учрежденіе, университетскій совѣтъ имѣетъ по этой отрасли управленія главный, общій надзоръ и даетъ свое согласіе на важнѣйшія распоряженія, которыя, безъ его разрѣшенія, не могутъ состояться; собственно же исполнительная, текущая часть ввѣрена особому коммиссіонеру (Exactor), попечителю надъ капиталами (Curator fiscorum) и коммиссіи для помѣщенія капиталовъ. Коммиссіонеръ взыскиваетъ проценты капиталовъ и заботится о пріисканіи для нихъ выгоднаго и надежнаго помѣщенія. Онъ же казначей университета. Коммиссіонеръ служитъ по договору, который заключается съ нимъ на шесть лѣтъ и обезпечиваетъ добросовѣстное выполненіе своихъ обязательствъ залогомъ. Попечителя надъ капиталами избираетъ университетскій совѣтъ изъ своей среды на два года. Ему ввѣряются исполнительныя распоряженія по казначейской части: онъ получаетъ отъ коммиссіонера взысканныя деньги и предписываетъ выдачи. Коммиссія для помѣщенія капиталовъ состоитъ изъ попечителя надъ капиталами и трехъ членовъ, избираемыхъ, подобно попечителю, университетскимъ совѣтомъ изъ своей среды на два же года. Предсѣдательствуетъ въ коммиссіи одинъ изъ ея членовъ, по избранію того же совѣта. На коммиссіи лежитъ обязанность разсматривать, обсуждать и приготовлять къ докладу въ совѣтѣ всѣ предложенія, касающіяся помѣщенія или употребленія университетскихъ капиталовъ; но совѣтъ можетъ предлагать на ея обсужденіе и другія дѣла университетскаго управленія,—можетъ, когда дѣло не терпитъ отлагательства, уполномочить коммиссію распорядиться собственною властью относительно помѣщенія капиталовъ; но такое полномочіе можетъ быть даваемо только на извѣстные, точно обозначенные случаи, а не вообще. Для дѣйствительности рѣшенія коммиссіи въ такихъ случаяхъ нужно единогласіе всѣхъ членовъ. Наконецъ, сверхъ этихъ должностныхъ лицъ и учрежденій, университетскій совѣтъ можетъ, если признаетъ нужнымъ, избирать изъ своей среды, тоже на два года, попечителей по разнымъ отдѣльнымъ предметамъ управленія университетскимъ имуществомъ.

За этимъ только различіемъ, внутреннее управленіе двухъ швейцарскихъ университетовъ довольно сходно. Въ базельскомъ оно, насколько принадлежитъ самому университету, сосредоточено въ рукахъ ректора и университетскаго совѣта. Послѣдній завѣдываетъ университетомъ и университетскимъ имуществомъ и присуждаетъ дисциплинарныя наказанія студентамъ. Совѣтъ созывается въ обыкновенныя и чрезвычайныя собранія ректоромъ, въ послѣднія по его личному усмотрѣнію или по требованію трехъ членовъ совѣта. Ректоръ, въ качествѣ предсѣдателя совѣта, имѣетъ всѣ обязанности президента коллегіи; сверхъ того, онъ завѣдываетъ студентами въ дисциплинарномъ отношеніи, принимаетъ ихъ въ университетъ, увольняетъ и имѣетъ надзоръ за ихъ поведеніемъ. Итакъ, судя по предметамъ вѣдомства совѣта и ректора, особливо какъ они опредѣлены въ общихъ выраженіяхъ, кругъ дѣятельности того и другого довольно обширенъ. Но зато степень ихъ власти чрезвычайно мала; въ дѣйствительности общее университетское управленіе принадлежитъ попечительству и кантонной центральной администраціи. Мы видѣли выше, говоря о факультетахъ, что личный составъ университета зависитъ въ базельскомъ университетѣ, во всѣхъ отношеніяхъ, отъ центральнаго, кантоннаго правительства, безъ всякаго участія университета; точно такъ же послѣдній не принимаетъ никакого участія въ

составленіи ежегоднаго университетскаго бюджета доходовъ и расходовъ; ему предоставлено, правда, обсуждать и проектировать общія мѣры, правила, инструкціи по всѣмъ частямъ университетской администраціи, но онъ не имѣетъ никакой автономіи, не можетъ собственною властью утверждать и издавать такія правила и инструкціи, ни приводить въ исполненіе общихъ мѣръ; какъ бы онѣ незначительны ни были, онѣ требуютъ утвержденія или попечительства, или центральнаго правительства; точно такъ же университетъ только проектируетъ составъ курсовъ на каждый предстоящій семестръ, но утверждаетъ ихъ попечительство. То же самое должно сказать и о тѣхъ частяхъ внутренняго университетскаго управленія, которыя, не въ общихъ выраженіяхъ, а положительнымъ образомъ, присвоены совѣту и ректору. Такъ, управленіе университетскимъ имуществомъ, какъ мы видѣли, сосредоточено въ совѣтѣ; но, во-первыхъ, употребленіе доходовъ, получаемыхъ отъ него, предусмотрѣно и опредѣлено заранѣе закономъ; совѣтъ можетъ дѣлать изъ него непредвидѣнные расходы собственною властью лишь на сумму 100 фр., расходы свыше этой суммы представляются на разрѣшеніе правительства; договоръ совѣта съ комиссіонеромъ не можетъ состояться безъ утвержденія попечительствомъ; наконецъ, по управленію университетскимъ имуществомъ совѣтъ находится подъ контролемъ правительства: онъ представляетъ последнему подробный отчетъ и счеты; правительство разсматриваетъ ихъ, повѣряетъ и утверждаетъ. Дисциплинарная власть совѣта надъ студентами тоже не принадлежитъ ему безусловно, а именно: удаленіе студента изъ университета за проступки во всякомъ случаѣ требуетъ утвержденія кантоннаго правительства. Такимъ образомъ, автономіи и самоуправленія въ базельскомъ университетѣ почти не существуетъ; одни текущія дѣла, да и то, какъ мы видѣли, далеко не всѣ, завѣдываются имъ самимъ; собственно же университетское управленіе сосредоточено въ центральномъ, кантонномъ правительствѣ и въ попечительствѣ; послѣднее ближайшимъ образомъ завѣдываетъ университетомъ и чрезъ руки его проходятъ всѣ университетскія дѣла, поступающія на разсмотрѣніе и утвержденіе кантоннаго правительства.

Таково же, въ сущности, и внутреннее управленіе цюрихскаго университета, только, какъ мы видѣли, оно нѣсколько сложнѣе. Университетская администрація раздѣлена, насколько она предоставлена университету, между сенатомъ, сенатскою коммиссіей и ректоромъ. Сенатская коммиссія имѣетъ, какъ и сенатъ, обыкновенныя и чрезвычайныя засѣданія, которыя созываются предсѣдателемъ ея — ректоромъ; но ректоръ обязанъ созвать сенатскую коммиссію въ чрезвычайное засѣданіе, еслибы того потребовалъ хотя одинъ ея членъ; точно такъ же онъ обязанъ созвать академическій сенатъ по требованію сенатской коммиссіи или четырехъ другихъ членовъ сената. Всѣ текущія административныя дѣла, за исключеніемъ денежныхъ, вѣдаются сенатскою коммиссіей и ректоромъ; послѣдній, въ качествѣ предсѣдателя коммиссіи, есть ея органъ и исполняетъ ея постановленія, причемъ, въ случаѣ разногласія между имъ и коммиссіей, дѣло разсматривается и рѣшается академическимъ сенатомъ; но независимо отъ правъ и роли, принадлежащихъ ректору, въ качествѣ предсѣдателя университетскихъ административныхъ коллегій, онъ имѣетъ и свой самостоятельный кругъ дѣятельности и участія въ администраціи университета, ограниченный впрочемъ сенатскою коммиссіей, къ которой онъ обязанъ обращаться за разрѣшеніемъ въ дѣлахъ, превышающихъ его власть. Къ предметамъ самостоятельнаго завѣдыванія ректора принадлежатъ: административно-дисциплинарныя дѣла о студентахъ, именно—пріемъ ихъ въ университетъ, увольненіе, выдача имъ свидѣтельствъ, надзоръ за ними; часть судебно-дисциплинарная—право подвергать ихъ взысканіямъ и наказаніямъ, но только до извѣстной мѣры; взысканія и наказанія, превышающія эту мѣру, присуждаются не имъ, а коммиссіей, хотя тоже лишь до извѣстной мѣры. Точно также и по университетскому управленію: незначительныя, маловажныя дѣла ректоръ разрѣшаетъ собственною властью и дѣйствуетъ въ нихъ самостоятельно; болѣе значительныя и важныя рѣшаетъ коммиссія. Но и по предметамъ, предоставленнымъ самостоятельной дѣятельности ректора онъ состоитъ подъ контролемъ комисмсіи и обязанъ, въ каждомъ ея засѣданіи, давать отчетъ о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ и разрѣшенныхъ дѣлахъ. Для полной характеристики сенатской коммиссіи должно еще прибавить, что она есть непремѣнное посредствующее звено между сенатомъ и факультетами съ одной стороны и центральнымъ правительствомъ съ другой. Ничто не минуетъ коммиссіи, восходя отъ сената и

факультетовъ къ центральному правительству или нисходя отъ послѣдняго къ университетскому сенату и факультетамъ. Представляя правительству предложенія, мнѣнія, отзывы и т. п. сената и факультетовъ, коммиссія обсуждаетъ ихъ, и если найдетъ нужнымъ, присоединяетъ къ нимъ свое мнѣніе. Наконецъ, къ академическому сенату принадлежатъ выборы въ должности по университету, разрѣшеніе споровъ между коммиссіей и ректоромъ, высшій контроль надъ управленіемъ университета, надъ дѣятельностью коммиссіи и ректора, надъ дисциплинарною частью въ отношеніи къ студентамъ, присужденіе извѣстныхъ дисциплинарныхъ наказаній, превышающихъ власть коммиссіи, обсужденіе самыхъ высшихъ, именно, когда студентъ долженъ быть за вину удаленъ изъ университета, и представленіе о томъ на утвержденіе правительства; наконецъ, обсужденіе общихъ мѣръ по университету, когда предположеніе о нихъ возникло въ самомъ университетѣ, или когда онѣ проектированы правительствомъ, но послѣднее сочло за нужное узнать мнѣніе о нихъ университета.

Хозяйственная часть въ цюрихскомъ университетѣ, какъ мы сказали, совершенно отдѣлена и находится въ рукахъ центральнаго правительства. Составленіе университетскаго бюджета и его выполненіе, а такъ же строительная и ремонтная часть, не касаются университета. Итакъ, права и роль центральнаго, кантоннаго правительства въ отношеніи къ университету—тѣ же, что и въ Базелѣ: вся университетская администрація, по всѣмъ частямъ, въ рукахъ правительства; разница только въ томъ, что цюрихское учебное законодательство чаще чѣмъ базельское вмѣняетъ правительству въ обязанность выслушивать напередъ мнѣніе университета, хотя это мнѣніе нисколько не связываетъ правительства въ его распоряженіяхъ, потому что для него не обязательно. Такимъ образомъ, опредѣляя университетскаго профессора, разрѣшая ищущему званія привать-доцента читать въ университетѣ лекціи, распоряжаясь доходами отъ университетскаго имущества, издавая постоянныя правила, относящіяся къ университетскому преподаванію и дисциплинѣ, правительство обязано, по закону, спросить напередъ по принадлежности мнѣнія или факультета, или сената. Мы видѣли также, что факультеты имѣютъ право предлагать правительству кандидатовъ на профессорскія вакансіи. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда у академическаго сената спрашивается мнѣніе, онъ можетъ подать его письменно, или же отряжаетъ двухъ своихъ членовъ въ воспитательный совѣтъ для непосредственнаго участія въ разсужденіяхъ о тѣхъ предметахъ, по которымъ потребовано отъ него мнѣніе; но эти два члена имѣютъ въ воспитательномъ совѣтѣ лишь совѣщательный голосъ, и потому въ рѣшеніяхъ не участвуютъ.

О прочихъ университетахъ будемъ говорить въ слѣдующей статьѣ.

IV.

Изъ германскихъ университетовъ, *берлинскій* не имѣетъ недвижимыхъ имуществъ и капиталовъ, приносящихъ доходъ; онъ содержится, можно сказать, исключительно на счетъ государства, потому что собственные его доходы, считая въ томъ числѣ и разныя взимаемыя имъ пошлины, едва простираются до 7½ тысячъ талеровъ. Всѣми хозяйственными дѣлами университета завѣдываетъ непосредственно министерство, а самъ онъ не принимаетъ въ нихъ никакого участія. Остальныя затѣмъ отрасли внутренняго управленія университета, насколько онѣ предоставлены самому университету, раздѣлены между небольшимъ числомъ должностныхъ лицъ и учрежденій и устроены очень просто. Главнымъ образомъ управленіе принадлежитъ сенату и предсѣдателю его, ректору. Сенатъ долженъ блюсти права и общія дѣла университета, управлять послѣдними, имѣть общій надзоръ надъ студентами и дисциплинарную надъ ними власть, доносить министерству объ университетскихъ дѣлахъ и сноситься, по такимъ дѣламъ, со всѣми прочими установленіями. На этомъ основаніи, дѣятельность сената тройкая: веденіе и рѣшеніе всѣхъ общихъ университетскихъ дѣлъ, сношенія по нимъ, когда нужно, съ различными установленіями и дисциплинарная власть надъ студентами по важнѣйшимъ проступкамъ. Ректоръ есть первое должностное лицо въ университетѣ и представляетъ его во всѣхъ своихъ внѣшнихъ сношеніяхъ. Какъ предсѣдатель сената, онъ имѣетъ въ своихъ рукахъ исполнительную власть по всѣмъ сенатскимъ постановленіямъ, есть начальникъ университетской канцеляріи и низшихъ университетскихъ служителей. Лично отъ себя, въ силу своей власти, ректоръ, въ обыкновен-

номъ порядкѣ, не можетъ дѣлать никакихъ распоряженій; но въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда нужно тотчасъ же принять какую-нибудь мѣру, и промедленіе могло бы имѣть вредныя и опасныя послѣдствія, ему предоставлено собственною властью дѣлать всѣ нужныя распоряженія, но вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣнено въ обязанность какъ можно скорѣе отдавать въ нихъ отчетъ сенату.

Органъ правительства при берлинскомъ университетѣ есть университетскій судья, котораго обязанности и права очень значительны. Онъ юрисконсультъ университета, и въ этомъ качествѣ отвѣчаетъ за совершенное соотвѣтствіе всѣхъ сенатскихъ разсужденій и постановленій съ дѣйствующими законами и конституціей государства, какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Ему принадлежитъ въ сенатѣ рѣшительный голосъ, наравнѣ съ прочими членами. Если у университета возникнетъ съ кѣмъ процессъ, то университетскій судья не обязанъ быть повѣреннымъ университета, но вмѣстѣ съ ректоромъ назначаетъ повѣреннаго и входитъ въ соглашеніе съ сенатомъ насчетъ лица, которое должно быть для этого выбрано; затѣмъ, переговоривъ съ этимъ послѣднимъ, снабжаетъ его инструкціей и во время всего производства дѣла постоянно контролируетъ его дѣйствія. По долговымъ обязательствамъ студентовъ, заключаемымъ въ условіяхъ закона, университетскій судья имѣетъ права и обязанности нотарія; точно такъ же онъ выдаетъ студентамъ изъ иностранцевъ необходимыя для нихъ въ ихъ частныхъ дѣлахъ офиціальныя удостовѣренія. Всѣ такія дѣйствія университетскаго судьи имѣютъ офиціальный характеръ, и выдаваемые имъ акты имѣютъ въ судахъ силу и значеніе публичныхъ актовъ. Но главныя обязанности и назначеніе этого чиновника относятся къ дисциплинарному и полицейскому надзору надъ студентами и къ судебнымъ ихъ дѣламъ. По этой части онъ дѣйствуетъ или совершенно самостоятельно, или раздѣляетъ власть съ ректоромъ и сенатомъ. Самостоятельно дѣйствуетъ онъ по всѣмъ гражданскимъ искамъ противъ студентовъ, когда предметъ этихъ исковъ — однѣ лишь денежныя претензіи; кромѣ того,—по всѣмъ болѣе легкимъ проступкамъ студентовъ, когда наказаніе ограничивается выговоромъ или заключеніемъ въ карцеръ не свыше четырехъ дней; однако университетскій судья имѣетъ право требовать, чтобы при изслѣдованіи и рѣшеніи такихъ дѣлъ присутствовалъ ректоръ, деканъ факультета, къ которому принадлежитъ студентъ, или другой какой-либо членъ университета, когда, по особымъ обстоятельствамъ, признаетъ полезнымъ ихъ присутствіе; равнымъ образомъ, каждый членъ сената имѣетъ право присутствовать при производствѣ такихъ дѣлъ и сообщать судьѣ свои замѣчанія, не вмѣшиваясь однако въ самый ходъ дѣла. Если, по разсмотрѣніи обстоятельствъ, судья найдетъ, что достаточно одного выговора, и съ этимъ мнѣніемъ согласится ректоръ, то послѣднему принадлежитъ исполненіе приговора; въ случаѣ же ихъ разногласія, дѣло разсматривается въ сенатѣ, который рѣшаетъ окончательно. Въ случаѣ болѣе важныхъ проступковъ, за которые полагается арестъ свыше четырехъ дней, изслѣдованіе точно такъ же производится университетскимъ судьею, который, однако, обязанъ пригласить ректора, для присутствованія при производствѣ дѣла; ректоръ же имѣетъ право послать вмѣсто себя проректора, декана или кого-либо изъ ординарныхъ профессоровъ факультета по принадлежности. Рѣшеніе, если не присуждается исключеніе студента, постановляется университетскимъ судьею; но дѣло должно быть прежде доложено въ сенатѣ, при чемъ всѣ его члены имѣютъ лишь совѣщательный голосъ; когда же идетъ рѣчь о наказаніи студента осьмидневнымъ карцеромъ, или строже, и половина членовъ сената, или хотя бы только треть ихъ, но въ числѣ ихъ ректоръ, найдутъ, что рѣшеніе университетскаго судьи слишкомъ строго, или слишкомъ слабо, или если членомъ сената или судьею предложено будетъ исключить студента изъ университета, то во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло рѣшается въ сенатѣ, по большинству голосовъ. Всѣ взысканія и наказанія, постановленныя по докладѣ сенату, или по большинству голосовъ членовъ сената, считаются присужденными сенатомъ и объявляются виновному въ собраніи его ректоромъ. Присужденному къ наказанію предоставлено, однако, право приносить на такіе приговоры жалобу; она подается университетскому судьѣ, а отъ него представляется, съ подлиннымъ производствомъ, попечительству, которое, съ своимъ мнѣніемъ, препровождаетъ ее въ министерство. Послѣднее можетъ усилить взысканіе или наказаніе, если найдетъ жалобу неосновательною. Что касается до апелляціи по дѣламъ гражданскимъ на рѣшеніе университетскаго судьи, то она идетъ обыкновен-

нымъ порядкомъ, установленнымъ законами гражданскаго судопроизводства. Затѣмъ ректору предоставленъ самостоятельный дисциплинарный надзоръ за нравственностью и прилежаніемъ студентовъ, а также право подвергать за нарушеніе ихъ извѣстнаго рода взысканіямъ, именно, замѣчаніямъ и выговору, о которыхъ сообщается, для свѣдѣнія, университетскому судьѣ и декану; но если проступокъ противъ нравственности и прилежанія заслуживаетъ болѣе строгаго наказанія, то дѣло производится университетскимъ судьею. Распри между студентами, не перешедшія въ насильственныя дѣйствія (Thätlichkeiten), разбираются тоже однимъ ректоромъ; но если ему не удастся склонить противниковъ къ примиренію, или, если, по его мнѣнію, одна изъ сторонъ заслуживаетъ не выговоръ, а болѣе строгое взысканіе, то онъ обязанъ предоставить дальнѣйшее производство дѣла университетскому судьѣ. Впрочемъ, какъ ректоръ, такъ и судья, обязаны сообщать сенату, въ каждомъ засѣданіи, о всѣхъ дѣлахъ, рѣшенныхъ ими собственною властью со времени послѣдняго засѣданія.

Такова судебная и дисциплинарная власть различныхъ административныхъ органовъ берлинскаго университета. Исполненіе приговоровъ (кромѣ выговора) лежитъ на обязанности университетскаго судьи. Заключая въ карцеръ, онъ долженъ выслушать мнѣніе декана факультета о способѣ выполненія этого наказанія, безъ слишкомъ большого ущерба для занятій студента. Университетскому же судьѣ порученъ и надзоръ по устройству карцера, соотвѣтственно назначенію, а также и наблюденіе за точнымъ исполненіемъ правилъ о содержаніи въ карцерѣ. Предварительному аресту, во время слѣдствія, университетскій судья подвергаетъ студентовъ, если нѣтъ нужды въ особенной спѣшности, не иначе какъ по предварительному соглашенію съ ректоромъ и деканомъ. По всѣмъ дѣламъ, ему ввѣреннымъ, судья имѣетъ право давать порученія и наставленія секретарю и низшимъ чиновникамъ университета; по производимымъ имъ слѣдствіямъ въ его распоряженіи находятся мѣстные низшіе полицейскіе служители, но онъ долженъ снестись объ этомъ предварительно съ мѣстнымъ начальствомъ. Вообще, всѣ сношенія ректора и сената съ мѣстными полицейскими властями производятся чрезъ посредство университетскаго судьи; поэтому, во всѣхъ случаяхъ, касающихся полиціи, какъ-то: когда студенты просятъ о разрѣшеніи имъ публичной процессіи, или о дозволеніи дать балъ или концертъ, происходитъ соглашеніе сперва между ректоромъ и университетскимъ судьею, а затѣмъ уже между послѣднимъ и начальникомъ мѣстной полиціи.

Все, что касается студентовъ, кромѣ только надзора за нравственностью и прилежаніемъ, завѣдывается ректоромъ и университетскимъ судьею вмѣстѣ. Такимъ образомъ, записка въ число студентовъ (матрикуляція) не находится въ рукахъ одного ректора, какъ въ швейцарскихъ университетахъ, и какъ было до 1834 года во всей Германіи, а поручена особой коммиссіи, состоящей изъ ректора, университетскаго судьи и декановъ, а въ отсутствіи послѣднихъ—одного изъ старшихъ членовъ того же факультета. Такъ какъ принятіе въ число студентовъ продолжается нѣсколько дней, то матрикуляціонная коммиссія засѣдаетъ только временно, въ началѣ каждаго семестра. Деканы или заступающіе ихъ мѣсто принимаютъ участіе въ ея занятіяхъ не всѣ вмѣстѣ, а каждый въ тотъ лишь день, который назначенъ для принятія студентовъ того факультета. Участіемъ декановъ въ матрикуляціонной коммиссіи достигаются двѣ цѣли: во-первыхъ, записка студента въ университетъ и въ факультетъ производится въ одно время; во-вторыхъ, деканы тутъ же лично знакомятся съ каждымъ студентомъ, что признано полезнымъ для надзора за ихъ занятіями и прилежаніемъ. Точно такъ же и свидѣтельства объ оставленіи университета составляются по соглашенію университетскаго судьи, который ихъ заготовляетъ, ректора и декана. Какъ при принятіи, такъ и при увольненіи студентовъ, сомнительные и спорные случаи разрѣшаются сенатомъ. Далѣе: для разсмотрѣнія просьбъ о невзысканіи или разсрочкѣ платы за лекціи (гонораріи) существуетъ особая коммиссія—изъ ректора и университетскаго судьи. Недовольный ихъ рѣшеніемъ жалуется сенату, который и рѣшаетъ дѣло; если же ректоръ и судья не придутъ къ согласному заключенію, то рѣшаетъ, въ качествѣ суперарбитра, деканъ того факультета, къ которому принадлежитъ проситель. Наконецъ, ректоръ и университетскій судья образуютъ вмѣстѣ при берлинскомъ университетѣ, со времени упраздненія уполномоченныхъ отъ правительства, такъ-называемое попечительство (Curatorium). Оно не имѣетъ особой инструкціи и, собственно говоря, не

пользуется никакою властью, такъ какъ берлинскій университетъ, находясь въ мѣстопребываніи центральнаго государственнаго управленія, завѣдывается непосредственно министерствомъ. Вообще, обязанность попечительствъ заключалась прежде во внутреннемъ устроеніи (Einrichtung) университетовъ, въ завѣдываніи экономическою или хозяйственною частью, и въ приглашеніи и опредѣленіи преподавателей. Въ настоящее время, по всѣмъ этимъ предметамъ, попечители не больше какъ посредники между министерствомъ и университетами.

Всматриваясь внимательно въ общее управленіе берлинскаго университета, нельзя не придти къ заключенію, что при внѣшнихъ формахъ коллегіальности и преобладающемъ выборномъ началѣ по замѣщенію должностей, оно на самомъ дѣлѣ почти имѣетъ мало самостоятельности. Опредѣленіе преподавателей, изданіе общихъ правилъ, обязательныхъ для университета, вся хозяйственная часть, допущеніе приватъ-доцентовъ къ преподаванію, наконецъ, самый составъ учебныхъ курсовъ, — все это зависитъ отъ усмотрѣнія и разрѣшенія министерства; мало того, министерство имѣетъ въ составѣ университета своего органа, университетскаго судью, которому предоставлено участіе во всѣхъ внутреннихъ университетскихъ дѣлахъ, исключая собственно научныхъ, и который нѣкоторыя дѣла, именно судебныя, полицейскія и отчасти дисциплинарныя, имѣетъ почти въ исключительномъ завѣдываніи,—обстоятельство значительно стѣсняющее власть и кругъ дѣятельности ректора, только по имени остающагося представителемъ университета и его первымъ должностнымъ лицомъ.

Внутреннее управленіе *боннскаго* университета ничѣмъ существенно не разнится отъ берлинскаго; только вмѣсто попечительства, состоящаго изъ ректора и университетскаго судьи, какъ въ Берлинѣ, здѣсь находится, какъ мы уже упоминали, особый попечитель, органъ министерства, принимающій участіе въ университетской администраціи. Его права и обязанности въ отношеніи къ университету существенно заключаются въ слѣдующемъ:

Какъ органъ министерства, попечитель имѣетъ наблюденіе надъ университетомъ по всѣмъ частямъ. Это не даетъ ему права вмѣшиваться въ ходъ университетскихъ дѣлъ, ввѣренныхъ разнымъ университескимъ учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ; однако, если онъ удостовѣрится, что постановленія и предписанія, данныя имъ въ руководство, не соблюдаются, то имѣетъ право и обязанность обратить на это ихъ вниманіе и, если нужно, донести о томъ министерству. Всѣ донесенія, представленія и ходатайства сената и факультетовъ поступаютъ въ министерство чрезъ попечителя, и всѣ предписанія, резолюціи, отвѣты и бумаги министерства поступаютъ въ сенатъ и факультеты не иначе какъ чрезъ посредство попечителя. Когда открываются въ университетѣ вакансіи по учебной или административной частямъ, попечитель доноситъ о томъ министерству и имѣетъ право, не дожидаясь отъ него запроса, собственною инціативой указать на кандидата; но при открывшейся вакансіи университетскаго чиновника (кромѣ университетскаго судьи) попечитель, прежде предложенія министерству своего кандидата, долженъ спросить напередъ мнѣніе сената и затѣмъ уже войти съ представленіемъ въ министерство. Во всѣхъ внѣшнихъ сношеніяхъ университета попечитель представляетъ университетъ, оберегаетъ его права, стараясь въ то же время поддерживать его доброе согласіе со всѣми прочими учрежденіями, свѣтскими и духовными, мѣстными и провинціальными; если бы между университетомъ и другимъ какимъ-нибудь учрежденіемъ возникло спорное дѣло, требующее скораго разрѣшенія, то попечитель старается привести такое дѣло къ полюбовному соглашенію, въ случаѣ же неуспѣха, немедленно доноситъ министерству.

Къ учебной части попечитель не имѣетъ никакихъ отношеній. Она до него не касается и завѣдывается министерствомъ. Но и по учебной части всѣ сношенія министерства съ сенатомъ и факультетами производятся чрезъ попечителя; далѣе, попечитель имѣетъ право и обязанность знать все, что дѣлается въ университетѣ по этой части; кромѣ того, ему предоставлено, если признаетъ нужнымъ, дѣлать министерству предложенія обо всемъ, что считаетъ нужнымъ для развитія учебной части въ университетѣ, и министерство, съ своей стороны, тоже можетъ потребовать отъ него мнѣнія о предметахъ, касающихся учебной части, если признаетъ это нужнымъ. Отношенія попечителя къ личному составу университета— профессорамъ и чиновникамъ —опредѣляются слѣдующими правилами: къ нему обращаются они съ своими нуждами и просьбами; смотря по обстоятельствамъ, онъ

дѣлаетъ представленіе министерству, даетъ совѣтъ, оказываетъ содѣйствіе. По всѣмъ жалобамъ на профессоровъ и университетскаго судью, когда такія жалобы касаются отправленія ими должности, а не юридическихъ или обще-полицейскихъ дѣлъ, попечитель есть первая инстанція: маловажныя дѣла этого рода онъ разрѣшаетъ самъ, подъ своею отвѣтственностью; когда же необходимо взысканіе, то онъ производитъ изслѣдованіе и представляетъ дѣло министерству. Но и безъ жалобы, замѣтивъ или узнавъ, что означенныя лица, при отправленіи своихъ служебныхъ обязанностей или даже въ гражданской жизни, дозволяютъ себѣ неправильные или предосудительные поступки, попечитель имѣетъ право и обязанность замѣтить имъ это и напомнить объ ихъ долгѣ; если же напоминанія не подѣйствуютъ, то, въ важныхъ случаяхъ, доноситъ министерству. Что касается прочихъ университетскихъ чиновниковъ, то на нихъ, по отправленію ими служебныхъ обязанностей, жалобы приносятся сенату, а сенатомъ попечителю. Наконецъ, попечитель даетъ профессорамъ и должностнымъ университетскимъ лицамъ и чиновникамъ отпуски, или если, по закону, самъ дать не можетъ, представляетъ министерству; онъ же разрѣшаетъ профессорамъ читать лекціи не въ публичныхъ, а въ частныхъ аудиторіяхъ.

Права и обязанности попечителя по надзору за студентами вообще—тѣ же, какъ и по управленію. Онъ имѣетъ общее наблюденіе за ихъ поведеніемъ и прилежаніемъ, замѣчанія свои сообщаетъ университетскимъ начальствамъ, а о важныхъ случаяхъ доноситъ министерству. Кромѣ общаго надзора, попечителю принадлежитъ и положительная роль въ отношеніи къ студентамъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, предвидѣнныхъ закономъ, именно: когда по дисциплинарнымъ дѣламъ высшее правительство должно принять какія-либо мѣры безотлагательно, то попечитель не только имѣетъ право, но и обязанъ сдѣлать необходимыя распоряженія, еслибъ университетское начальство распорядилось не такъ, какъ слѣдуетъ, или, не будучи въ состояніи само управиться, обратилось къ попечителю. Затѣмъ, какъ о случившемся, такъ и о своихъ распоряженіяхъ, онъ немедленно доноситъ министерству. Далѣе, при разсмотрѣніи внутренняго управленія берлинскаго университета мы видѣли, что студенты въ извѣстныхъ случаяхъ могутъ приносить министерству жалобы на рѣшеніе университетскаго суда и сената. Эти жалобы идутъ тоже черезъ руки попечителя; всѣ же прочія жалобы студентовъ на университетскія учрежденія и на должностныхъ лицъ, по дисциплинарнымъ дѣламъ, приносятся прямо попечителю, который въ маловажныхъ случаяхъ объясняется съ тѣми, на кого поступила жалоба, и старается привести дѣло къ миролюбивому окончанію, а еслибъ это не удалось ему, или если бы случай оказался очень важнымъ, немедленно доноситъ министерству. Наконецъ по дисциплинарнымъ дѣламъ, министерство можетъ давать попечителю особыя полномочія и порученія. Прямому завѣдыванію и управленію попечителя ввѣрены часть хозяйственная и денежная.

Попечитель имѣетъ подъ ближайшимъ своимъ наблюденіемъ всѣ принадлежащія университету земли и зданія, заботится, чтобъ они содержались въ хорошемъ видѣ, употреблялись согласно съ пользами университета и не были чрезмѣрно обременяемы повинностями. Онъ составляетъ и представляетъ на утвержденіе министерства планы, чертежи и проекты капитальныхъ передѣлокъ, улучшеній и новыхъ построекъ, а по утвержденіи проектовъ, руководитъ ихъ исполненіемъ. Небольшія починки и ремонты, когда издержки на нихъ не превышаютъ 50 талеровъ, разрѣшаются имъ собственною властью; но общая ихъ сумма въ годъ не должна превышать одной двѣнадцатой доли всей ассигнованной, по университетскому бюджету того года, на строительную часть. Далѣе, попечитель отдаетъ принадлежащія университету земельные участки и строенія въ аренду или даже и продаетъ ихъ съ согласія университета, заключаетъ о тѣхъ и другихъ разнаго рода контракты, даетъ дозволеніе жить въ университетскихъ зданіяхъ; но всѣ исчисленныя распоряженія требуютъ предварительнаго разрѣшенія министерства и безъ него недѣйствительны. По кассовой и счетной части на попечителѣ лежатъ всѣ распоряженія для бездоимочнаго взиманія доходовъ университета, помѣщенія и перемѣщенія университетскихъ капиталовъ, однако, при участіи университета и съ разрѣшенія министерства. Онъ проектируетъ ежегодный университетскій бюджетъ, который и представляетъ въ министерство; предлагая измѣненія въ статьяхъ расхода, онъ долженъ предварительно потребовать мнѣніе сената или факультетовъ, по принадлежности. Попе-

читель наблюдаетъ за университетскими кассами и ревизуетъ ихъ. Онъ даетъ предписаніе о штатныхъ расходахъ собственною властью; на расходы же, отступающіе отъ бюджетныхъ ассигнованій, и на траты изъ остаточныхъ суммъ испрашиваетъ напередъ разрѣшеніе министерства.

Соотвѣтственно съ обязанностями попечителя, ему предоставлены всѣ средства подробно знать все, что̀ происходитъ въ университетѣ по всѣмъ частямъ. Такъ, онъ имѣетъ право требовать къ себѣ, по мѣрѣ надобности, подлинные документы изъ сената и факультетовъ; университетъ, всѣ его учрежденія и принадлежащія къ нему лица обязаны сообщать ему, по его требованію, немедленно всѣ свѣдѣнія и давать свое мнѣніе.

Таковы обязанности и права попечителя боннскаго университета. Намъ казалось необходимымъ изложить данную ему инструкцію съ нѣкоторою подробностью, потому что она особенно точно опредѣляетъ теперешнія отношенія центральной власти къ университетамъ, въ большей части германскихъ государствъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что собственные доходы боннскаго университета не превышаютъ въ общей сложности пяти тысячъ талеровъ въ годъ; изъ этой суммы около половины доставляется доходами отъ принадлежащихъ ему недвижимыхъ имуществъ.

Перейдемъ къ внутреннему управленію геттингенскаго университета. Оно представляетъ многія, очень замѣчательныя особенности. Администрація этого университета, повидимому, сосредоточена въ сенатѣ, состоящемъ изъ всѣхъ ординарныхъ профессоровъ; обѣ коммиссіи, административная и судебная, подчинены сенату; первое отдѣленіе университетскаго суда, въ которомъ вѣдаются собственно университетскія дѣла, находится подъ предсѣдательствомъ проректора. По всему этому сенатъ и проректоръ, казалось бы, должны играть первую, главную роль въ университетскомъ управленіи. Но на дѣлѣ выходитъ иное. Изъ всѣхъ университетовъ Германіи, какіе мы видѣли, геттингенскій пользуется наименьшею долей самоуправленія, за исключеніемъ развѣ лейпцигскаго. Причины этого скрываются не въ случайныхъ обстоятельствахъ, а въ самой организаціи университетскаго управленія, которая съ виду какъ будто узаконяетъ большую власть сената и проректора, на самомъ же дѣлѣ сосредоточиваетъ ее въ рукахъ отдѣльныхъ коммиссій и двухъ коронныхъ чиновниковъ, университетскихъ совѣтниковъ; послѣдніе суть члены всѣхъ университетскихъ учрежденій, и сената, и обѣихъ коммиссій, и перваго отдѣленія университетскаго суда, вслѣдствіе чего играютъ во внутреннемъ университетскомъ управленіи главную роль. Первое отдѣленіе университетскаго суда, къ которому отнесены дѣла административныя и дисциплинарныя, состоитъ изъ двухъ университетскихъ совѣтниковъ, подъ предсѣдательствомъ проректора; уже по одному этому совѣтники имѣютъ въ судѣ большинство голосовъ за собою. При этомъ, первому совѣтнику ввѣрены: матрикуляція студентовъ, дисциплинарный надзоръ надъ ними и вообще всѣ касающіяся ихъ дисциплинарныя дѣла, всѣ слѣдствія по такимъ дѣламъ, надзоръ за педелями и прочими университетскими служителями по отношеніямъ ихъ къ студентамъ, веденіе штрафной книги и исполненіе приговоровъ по дисциплинарнымъ проступкамъ, завѣдываніе карцеромъ, переписка о студентахъ; на второмъ же совѣтникѣ лежатъ всѣ административныя дѣла, кромѣ относящихся до студентовъ, и кромѣ тѣхъ, которыя завѣдываются другими университетскими учрежденіями. Второе отдѣленіе суда вѣдаетъ дѣла судебныя, общегражданскія и общеполицейскія, касающіяся лицъ, принадлежащихъ къ университету, насколько эти лица считаются подлежащими его юрисдикціи. Совѣтникамъ вмѣнено въ обязанность подробно освѣдомляться о всѣхъ дѣлахъ, производимыхъ въ университетскомъ судѣ и вообще обо всемъ, что̀ касается университета.

Непосредственно надъ университетскимъ судомъ поставлены двѣ коммиссіи: судебная и административная. Первая разсматриваетъ дисциплинарные проступки преподавателей и присуждаетъ студентовъ ко всякаго рода дисциплинарнымъ наказаніямъ, когда послѣднія превышаютъ трехдневный арестъ въ карцерѣ. Но дисциплинарные приговоры объ университетскихъ преподавателяхъ и объ удаленіи студентовъ изъ университета (релегація) требуютъ утвержденія сената, присужденіе же студентовъ къ дисциплинарнымъ наказаніямъ, не свыше трехдневнаго ареста въ карцерѣ, предоставлено университетскому суду. Въ случаѣ временнаго отсутствія многихъ членовъ судебной коммиссіи, она пополняется членами административной; если же ихъ недостаточно, то—ординарными профессорами

по жребію; наконецъ члены судебной коммиссіи, отсутствующіе долѣе двухъ мѣсяцевъ, а также выбывшіе совсѣмъ, замѣняются, на общемъ основаніи, вновь избираемыми.

Судебная коммиссія находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ университетскимъ судомъ; послѣдній сообщаетъ ей ежемѣсячно о всѣхъ важнѣйшихъ дисциплинарныхъ дѣлахъ, которыя, въ теченіе мѣсяца, въ немъ разсматривались и рѣшены. Чрезъ каждые полгода, проректоръ доноситъ сенату о дѣятельности комиссіи, о проступкахъ, за которые присуждены наказанія, и о состояніи дисциплины и нравственности между студентами, чтобы сенатъ имѣлъ возможность, если бы оказалось нужнымъ, принять въ этомъ отношеніи необходимыя мѣры, сдѣлать нужныя распоряженія и т. п.

Административная коммиссія завѣдываетъ самостоятельно всѣми административными дѣлами, собственно принадлежащими къ кругу дѣйствій сената, но которыя, какъ сказано въ правилахъ, „по существу своему не требуютъ содѣйствія всѣхъ его членовъ". Главнѣйшія изъ этихъ дѣлъ суть слѣдующія: 1) управленіе университетскими кассами. Коммиссія разрѣшаетъ расходы изъ нихъ, кромѣ текущихъ, зависящихъ отъ проректора, и кромѣ тѣхъ, которые требуютъ утвержденія министерства; она повѣряетъ счеты проректора до отсылки ихъ въ министерство, завѣдываетъ полученіями и капиталами кассъ и заботится о нихъ; 2) посредничество между преподавателями университета, въ случаѣ неудовольствій, и разъясненіе недоразумѣній между ними; но положительное рѣшеніе такого рода дѣлъ принадлежитъ не административной коммиссіи, а отчасти университетскому суду, отчасти судебной коммиссіи, главнымъ же образомъ—сенату; 3) высшій надзоръ надъ аудиторіями и всѣми вообще зданіями университета; 4) надзоръ надъ порядкомъ и ходомъ лекцій (Collegienordnug); 5) всѣ распоряженія по университетскимъ торжествамъ (Festlichkeiten); 6) разрѣшенія студентамъ публичныхъ процессій, въ томъ числѣ съ факелами (Fackelzüge); прочіе студенческіе праздники, собранія и поѣздки разрѣшаются университетскимъ судомъ; 7) рѣшеніе сомнительныхъ случаевъ при принятіи студентовъ въ университетъ, если такое рѣшеніе не превышаетъ власти университета; 8) отсрочка для недостаточныхъ студентовъ взноса платы за лекціи и и высшій надзоръ за казначействомъ; 9) обсужденіе всѣхъ прошеній и представленій, подаваемыхъ или дѣлаемыхъ сенату или, чрезъ университетскія учрежденія, высшему правительству лицами, принадлежащими къ университету или посторонними, и объявленіе рѣшеній, послѣдовавшихъ по такимъ жалобамъ и представленіямъ; по маловажнымъ дѣламъ рѣшенія могутъ быть объявляемы чрезъ университетскій судъ или письменно; 10) представленіе сенату кандидатовъ на открывшіяся вакансіи низшихъ университетскихъ служительскихъ мѣстъ, насколько сенату предоставлено участіе въ ихъ замѣщеніи. Всѣ такого рода дѣла, какъ сказано, завѣдываются административною коммисіей самостоятельно; но она можетъ всегда, когда сочтетъ полезнымъ или нужнымъ, обратиться за указаніемъ или разрѣшеніемъ къ сенату, а всѣ дѣла, касающіяся устройства университета или права его издавать правила (Legislation), коммиссія обязана вносить въ сенатъ и не разрѣшаетъ ихъ безъ его согласія. Сенатъ, съ своей стороны, можетъ, по своему усмотрѣнію, передавать ей производство и рѣшеніе тѣхъ или другихъ дѣлъ; проректоръ точно такъ же можетъ поручить административной коммиссіи приготовить къ докладу дѣло, подлежащее разсмотрѣнію сената, снабдить всѣми нужными справками и представить съ своимъ заключеніемъ; составленные же проекты и редакція сенатскихъ постановленій лежатъ на обязанности коммиссіи, и въ этомъ отношеніи она является постоянною коммиссіей, которой сенатъ поручаетъ такого рода работы; поэтому, черновые проекты всѣхъ бумагъ, исходящихъ отъ сената, подписываются не всѣми членами сената, а только членами административной коммиссіи. Прибавимъ, для характеристики административной коммиссіи и ея отношеній къ сенату, еще слѣдующія черты: коммиссія имѣетъ право, для временнаго усиленія своего состава, по случаю чрезмѣрнаго накопленія дѣлъ, пригласить для занятій членовъ сената, но для производства дѣлъ, передаваемыхъ въ нее изъ сената, послѣдній не можетъ вводить въ составъ ея новыхъ членовъ. Коммиссія имѣетъ такъ же право, на случай временнаго отсутствія нѣкоторыхъ изъ ея членовъ, замѣнить ихъ новыми, и выбираетъ ихъ сама изъ среды сената большинствомъ голосовъ. Но члены, выбывшіе совсѣмъ, а также отсутствующіе болѣе двухъ мѣсяцевъ, замѣняются другими, постоянными членами, на основаніи общихъ правилъ объ избраніи членовъ административной коммиссіи. Наконецъ, не менѣе

двухъ разъ въ теченіе семестра, проректоръ доводитъ до свѣдѣнія сената о дѣлахъ, производившихся въ административной коммиссіи, и о состоявшихся въ ней рѣшеніяхъ, „чтобы каждый членъ корпораціи могъ имѣть полныя свѣдѣнія объ организаціи цѣлаго“.

Такимъ образомъ, все внутреннее управленіе геттингенскаго университета, насколько оно ему принадлежитъ, сосредоточено главнымъ образомъ въ университетскомъ судѣ и двухъ коммиссіяхъ. Власть, предоставленная въ другихъ университетахъ ректору, находится здѣсь въ рукахъ университетскихъ совѣтниковъ. Коммиссія дѣйствуетъ самостоятельно, и только въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ дѣлахъ обращаются за разрѣшеніями къ сенату; участіе въ нихъ университетскихъ совѣтниковъ, въ качествѣ постоянныхъ членовъ, передаетъ на дѣлѣ всю власть въ руки этихъ послѣднихъ. Академическій сенатъ собирается подъ предсѣдательствомъ проректора (соотвѣтствующаго, какъ уже было сказано, ректору другихъ университетовъ). Дѣла, обсуждаемыя въ сенатѣ, передаются для предварительной обработки и приготовленія къ докладу въ административную коммиссію; дѣла, поступающія лишь къ свѣдѣнію и не требующія словеснаго обсужденія, просто разсылаются членамъ, которые расписываются въ томъ, что читали ихъ. Впрочемъ, каждый членъ можетъ въ подобныхъ случаяхъ войти въ сенатъ съ предложеніемъ; тогда дѣло поступаетъ въ разрядъ обсуждаемыхъ и идетъ обычнымъ порядкомъ. Если десять членовъ потребуютъ, чтобы разосланное имъ дѣло было обсуждено словесно въ засѣданіи сената, то проректоръ обязанъ исполнить такое требованіе; по такому же требованію десяти членовъ, онъ обязанъ созвать и чрезвычайное засѣданіе сената. Докладываетъ въ засѣданіи проректоръ и тотчасъ же излагаетъ свое мнѣніе; но отъ него зависитъ поручить докладъ другому члену, и въ особенности одному изъ университетскихъ совѣтниковъ, когда дѣло уже разсматривалось въ коммиссіяхъ. Наконецъ, сенатскія опредѣленія, какъ сказано, проектируются административною коммиссіей.

Университетскіе совѣтники уравнены въ рангѣ съ ординарными профессорами, хотя и не имѣютъ права читать лекцій въ университетѣ. Въ засѣданіяхъ коммиссій и сената они обыкновенно докладываютъ; докладчикъ подаетъ первый свое мнѣніе, за нимъ проректоръ, послѣ него другой совѣтникъ, наконецъ, прочіе члены; но при подачѣ голосовъ совѣтники даютъ свои голоса послѣ всѣхъ.

Для полноты этого очерка остается еще прибавить, что выборъ университетскихъ преподавателей совершенно зависитъ отъ правительства, безъ всякаго участія университета; только въ допущеніи приватъ-доцентовъ къ чтенію и въ повышеніи послѣднихъ участвуетъ университетъ, представляя о нихъ или давая свое мнѣніе. Также исключительно принадлежатъ правительству всѣ экономическія распоряженія и составленіе университетскаго ежегоднаго бюджета; затѣмъ, никакая общая административная мѣра и постоянное административное правило не могутъ имѣть обязательной силы въ университетѣ безъ высшаго правительственнаго разрѣшенія, но отъ усмотрѣнія правительства вполнѣ зависитъ принять какую-либо общую мѣру или предписать правило, не спрашивая мнѣнія университета.

Въ *гейдельбергскомъ* университетѣ управленіе принадлежитъ малому сенату и хозяйственной коммиссіи, проректору и университетскому амтману. Большой сенатъ имѣетъ главнымъ предметомъ своихъ занятій выборъ и созывается очень рѣдко, лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ; его потому нельзя почти и считать въ числѣ административныхъ университетскихъ учрежденій.

Существенная особенность внутренняго управленія гейдельбергскаго университета заключается въ томъ, что хозяйственная часть находится здѣсь въ завѣдываніи особаго учрежденія, хозяйственной и строительной коммиссіи, которая зависитъ непосредственно отъ министерства. Малый сенатъ равенъ ей и составляетъ съ нею соподчиненное министерству учрежденіе. Сенатъ завѣдываетъ всѣми прочими отраслями университетскаго управленія; только дисциплинарная и судебная власть надъ студентами не принадлежитъ ему исключительно и поручена вмѣстѣ съ нимъ проректору и университетскому амтману. Проректоръ вмѣстѣ съ амтманомъ образуютъ коммиссію для матрикуляціи, или для записки студентовъ въ университетъ. Надзоръ надъ студентами сосредоточенъ преимущественно въ рукахъ амтмана, который, вмѣстѣ съ проректоромъ, выдаетъ имъ увольнительныя свидѣтельства и завѣдываетъ перепискою и вообще всѣми дѣлами по надзору за ними. Университетскій амтманъ есть вмѣстѣ и судья студентовъ по всякаго рода дѣламъ. По дис-

циплинарнымъ проступкамъ и по полицейскимъ, причисленнымъ законами къ числу дисциплинарныхъ, амтманнъ производитъ слѣдствія и присуждаетъ всякаго рода взысканія; но если студентъ, по свойству проступка, долженъ быть удаленъ изъ университета, то амтманнъ переносить дѣло въ сенатъ, гдѣ въ такихъ случаяхъ засѣдаетъ самъ на правахъ члена. Жалобы на амтманна приносятся сенату, а на сенатъ — министерству. Но кромѣ дѣлъ дисциплинарныхъ и полицейскихъ, амтманнъ судитъ въ первой инстанціи и всѣ гражданскіе процессы студентовъ; жалобы и апелляціи по такимъ процессамъ подаются въ общія судебныя инстанціи; по дѣламъ уголовнымъ, амтманнъ производитъ слѣдствіе и затѣмъ отсылаетъ все производство въ мѣстный уголовный судъ; наконецъ, по полицейскимъ проступкамъ, которые не отнесены къ числу дисциплинарныхъ, амтманнъ производитъ слѣдствіе и присуждаетъ студентовъ къ наказаніямъ, подъ аппеляціей общихъ судебныхъ учрежденій Баденскаго герцогства.

За исключеніемъ дѣлъ дисциплинарныхъ, полицейскихъ и судебныхъ, а также хозяйственныхъ, денежныхъ и счетныхъ, всѣ прочія дѣла университетскаго управленія завѣдываются, какъ сказано, малымъ сенатомъ, который есть вмѣстѣ и посредникъ между министерствомъ и факультетами; всѣ ходатайства и представленія послѣднихъ идутъ въ министерство чрезъ малый сенатъ; чрезъ сенатъ доходятъ до факультетовъ всѣ разрѣшенія и отвѣты министерства. Дѣла объ освобожденіи студентовъ отъ платы за лекціи или объ уменьшеніи ея размѣра разсматриваются предварительно въ факультетахъ и окончательно рѣшаются въ сенатѣ.

Коммиссія по дѣламъ строительнымъ и экономическимъ, какъ и малый сенатъ, подчинена непосредственно министерству; только по разсмотрѣнію и утвержденію университетскихъ счетовъ, она находится въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ высшимъ контрольнымъ управленіемъ баденскаго великаго герцогства; предметы ея вѣдомства: казначейская, счетная, строительная и хозяйственная части въ университетѣ. Университетскій бюджетъ проектируется ежегодно сообща экономическою коммиссіей и малымъ сенатомъ и утверждается министерствомъ; исполненіе же утвержденнаго бюджета принадлежитъ исключительно хозяйственной коммиссіи. Каждая передержка и каждый сверхштатный расходъ требуютъ утвержденія министерства. Поддерживаніе въ исправности университетскихъ зданій лежитъ тоже на коммиссіи. При участіи архитектора, она ежегодно составляетъ смѣту о предстоящихъ въ томъ году строительныхъ работахъ по университету, при чемъ смѣтныя цѣны повѣряются окружнымъ инспекторомъ по строительной части; по утвержденіи же бюджета, предположенныя строительныя работы производятся коммиссіей уже безъ особаго разрѣшенія. Затѣмъ, изъ запасной строительной суммы, которая вносится ежегодно въ бюджетъ, коммиссія можетъ разрѣшать расходы на непредвидѣнныя надобности по строительной части, однако не свыше 50 гульденовъ; расходы, превышающіе эту сумму, и всякія передержки, противъ бюджетныхъ ассигнованій, требуютъ министерскаго разрѣшенія. Наконецъ, работы производятся подъ надзоромъ университетскаго архитектора и членовъ экономической коммиссіи, которыхъ она для того назначитъ. Наблюденіе за правильнымъ завѣдываніемъ кассой и веденіемъ счетовъ возложено въ особенности на члена-докладчика; высшій же надзоръ по этой части принадлежитъ тоже коммиссіи, которая получаетъ срочныя вѣдомости о состояніи кассъ, извлеченія изъ счетовъ, и производитъ ревизіи. Министерству представляется по денежной части, ежегодно, подробный отчетъ. Для сохраненія университетскаго имущества въ цѣлости, коммиссія наблюдаетъ за правильнымъ веденіемъ инвентарей и ревизуетъ его періодически, повѣряя наличное его состояніе съ инвентарными описаніями. По всѣмъ дѣламъ, въ которыхъ часть хозяйственная находится въ связи съ научною и учебною, малый сенатъ и экономическая коммиссія обязаны сноситься между собою. Такія сношенія производятся или письменно, или же въ общихъ засѣданіяхъ и совѣщаніяхъ малаго сената съ коммиссіей. Тотъ или другой способъ сношеній зависитъ отъ ихъ усмотрѣнія и взаимнаго соглашенія; министерству въ такихъ случаяхъ всегда представляется мнѣніе какъ того, такъ и другого учрежденія.

Переходя къ *мюнхенскому* университету, мы должны прежде всего замѣтить, что онъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ въ Германіи. Имѣнія его, состоящія въ лѣсахъ, денежныхъ капиталахъ и земляхъ, представляютъ стоимость примѣрно въ два милліона гульденовъ. Управленіе этими имѣніями, принадлежавшее

прежде университету, перешедшее потомъ къ правительству, и наконецъ, снова возвращенное университету, сосредоточено нынѣ въ административной коммиссіи, которая завѣдываетъ вмѣстѣ и нѣкоторыми другими капиталами, въ томъ числѣ принадлежащими Георгіанской коллегіи. Управленіемъ этими имуществами и ограничивается дѣятельность коммиссіи. Отъ сената она не зависитъ и находится въ непосредственной подчиненности центральному правительству. Всѣ сношенія ея съ сенатомъ состоятъ лишь въ томъ, что она сообщаетъ послѣднему, въ концѣ счетнаго года, необходимыя свѣдѣнія и объясненія о положеніи университетскихъ имѣній, о получаемомъ съ нихъ доходѣ, повинностяхъ, которыя на нихъ лежатъ, и наконецъ о счетоводствѣ. Управленіе университетскими имѣніями устроено на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ: лѣсами и недвижимостями вообще завѣдываютъ на мѣстѣ три администраціи: ингольштадтская, ландсгутская и айхахская. Онѣ подчинены непосредственно административной университетской коммиссіи и не имѣютъ никакихъ сношеній съ министерствомъ. Для управленія денежными капиталами коммиссія имѣетъ въ Мюнхенѣ особаго, ею назначеннаго, агента; здѣсь же и центральная касса, куда стекаются всѣ доходы отъ недвижимостей и капиталовъ. Административная коммиссія помѣщаетъ капиталы; она можетъ отчуждать и отдавать въ аренду части недвижимости, но не иначе какъ съ разрѣшенія центральнаго правительства; точно такъ же, сложеніе со счетовъ недоимокъ по капитальнымъ суммамъ, увеличеніе существующихъ зданій и постройка новыхъ требуютъ утвержденія правительства; всѣ же прочія распоряженія университетскими имуществами,—продажа движимостей, сложеніе со счетовъ доходовъ, безнадежныхъ къ полученію, починка зданій, опредѣленіе и увольненіе лицъ, завѣдывающихъ имуществами, веденіе процессовъ по этимъ имуществамъ и т. п.,—все это зависитъ отъ коммиссіи, которая обязана сообразоваться съ дѣйствующими постановленіями, и отвѣчаетъ какъ за свои дѣйствія, такъ и за убытки, которые могли бы потерпѣть университетскія имѣнія и доходы по ея винѣ. По счетоводству, коммиссія подчинена непосредственно высшему контрольному учрежденію королевства.

Итакъ, административная коммиссія имѣетъ въ мюнхенскомъ университетѣ спеціальное назначеніе, и предметы ея занятій не находятся въ непосредственной связи съ внутреннимъ университетскимъ управленіемъ. Послѣднее сосредоточено въ сенатѣ и ректорѣ. Ими исключительно завѣдываются всѣ дѣла по части административной, учебной и дисциплинарной, распредѣленныя въ другихъ университетахъ между нѣсколькими учрежденіями и должностными лицами,—кромѣ, впрочемъ, дѣлъ объ освобожденіи, вполнѣ или частью, отъ взноса гонорарія, которыя разсматриваются и рѣшаются окончательно, безъ апелляціи, особою гонорарною коммиссіей. Замѣчательно также, что въ мюнхенскомъ университетѣ въ составѣ его нѣтъ коронныхъ чиновниковъ, органовъ министерства, какихъ мы видѣли во всѣхъ прочихъ посѣщенныхъ нами германскихъ университетахъ. Ректоръ, въ качествѣ предсѣдателя сената, имѣетъ всю исполнительную власть и присуждаетъ студентовъ, за дисциплинарные проступки, ко взысканіямъ, включительно до трехъ-дневнаго ареста въ карцерѣ; наказанія же, превышающія эту мѣру, присуждаются сенатомъ. Полицейскіе проступки, дѣла гражданскія и уголовныя подлежатъ общей юрисдикціи и университета не касаются. Все финансовое управленіе университета сосредоточено въ министерствѣ, и онъ не принимаетъ въ немъ никакого участія. По всѣмъ другимъ предметамъ, власть министерства и отношенія его къ университету точно такія же, какъ и въ прочихъ университетахъ Германіи.

Намъ остается еще разсмотрѣть внутреннее управленіе двухъ университетовъ — тюбингенскаго и лейпцигскаго. Первый пользуется въ настоящее время наибольшею, послѣдній наименьшею долей самоуправленія изъ всѣхъ посѣщенныхъ нами университетовъ Германіи. Теперешнее, относительно весьма свободное, устройство тюбингенскій университетъ имѣетъ лишь съ 1831 года; за два года передъ тѣмъ, именно, въ 1829 году, былъ изданъ для него новый уставъ, передавшій все внутреннее университетское управленіе въ руки центральнаго правительства, въ лицѣ представителя его, канцлера; но въ 1831 году уставъ пересмотрѣнъ, стѣснительныя правила отмѣнены или смягчены, и съ тѣхъ поръ тюбингенскій университетъ пользуется большею свободой, чѣмъ какой-либо другой университетъ въ Германіи.

Завѣдываніе университетскими дѣлами глав-

нымъ образомъ принадлежитъ сенату, которому подчинены двѣ коммиссіи и факультеты. Кругъ вѣдомства его очень обширенъ: на немъ лежитъ попеченіе о замѣщеніи вакантныхъ каѳедръ и объ устройствѣ учебнаго курса, соотвѣтственно потребностямъ студентовъ, а именно: обсужденіе предположеній объ учрежденіи новыхъ каѳедръ, объ ограниченіи объема существующихъ, о соединеніи нѣсколькихъ каѳедръ въ одну; предложеніе кандидатовъ на вакантныя каѳедры, заключеніе по ходатайствамъ объ опредѣленіи (Anstellung) приватъ-доцентовъ, наблюденіе за тѣмъ, чтобы университетскіе преподаватели исполняли свои обязанности, то-есть читали опредѣленные предметы и назначенное число часовъ; попеченіе о томъ, чтобы всѣ важнѣйшіе предметы были читаны въ теченіе года; принятіе чрезвычайныхъ мѣръ для облегченія преподаванія важнѣйшихъ предметовъ, если преподаватель, по болѣзни или другимъ, долго продолжающимся, препятствіямъ, не можетъ читать, и донесеніе объ этомъ министерству; редакція полугодичнаго каталога лекцій, на основаніи факультетскихъ сообщеній; соглашеніе или разрѣшеніе несогласій между профессорами относительно чтенія лекцій или выбора часовъ, или относительно университетскихъ аудиторій, когда такія несогласія возникаютъ между членами различныхъ факультетовъ или между членами одного и того же факультета, если одинъ изъ нихъ недоволенъ факультетскимъ рѣшеніемъ; заключеніе относительно измѣненій въ существующихъ размѣрахъ содержанія профессоровъ, платы за лекціи и другихъ законныхъ доходовъ и выгодъ университетскихъ преподавателей; донесенія о новыхъ, по этому предмету, выдачахъ изъ университетской и стипендіальной кассъ и разрѣшеніе споровъ о распредѣленіи существующихъ доходовъ, когда однимъ изъ заинтересованныхъ лицъ будетъ принесена жалоба на постановленіе о томъ факультета; донесенія объ увольненіи, пониженіи (Zurücksetzung) или временномъ устраненіи отъ должности (Suspension) ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ, съ потерею содержанія, по неспособности или вслѣдствіе проступковъ по должности. Далѣе, на сенатѣ лежатъ дисциплинарный надзоръ надъ студентами и принятіе мѣръ для поощренія ихъ прилежанія. Сюда относятся: предложеніе правительству новыхъ распоряженій о пріемѣ студентовъ въ университетъ, о посѣщеніи ими лекцій, о ихъ занятіяхъ и испытаніяхъ, объ удостоеніи ученыхъ степеней, о предупрежденіи и пресѣченіи разныхъ нарушеній университетской дисциплины; далѣе, разсмотрѣніе полугодичныхъ донесеній дисциплинарной коммиссіи и ректора о присужденныхъ наказаніяхъ и другихъ распоряженіяхъ, а также о дѣлахъ по долговымъ обязательствамъ студентовъ; разрѣшеніе предложеній и запросовъ, поступающихъ изъ дисциплинарной коммиссіи въ сенатъ, или же, смотря по обстоятельствамъ, донесеніе о нихъ министерству; разрѣшеніе жалобъ, приносимыхъ студентами на приговоры дисциплинарной коммиссіи; присужденіе, въ первой инстанціи, къ исключенію изъ университета (релегаціи), по предварительномъ выслушаніи дисциплинарной коммиссіи, и донесеніе министерству о жалобахъ, приносимыхъ студентами на такого рода приговоры. Кромѣ того, сенату принадлежитъ завѣдываніе всѣми университетскими капиталами, полезное и сообразное съ постановленіями употребленіе какъ доходовъ отъ этихъ капиталовъ, такъ и вообще денежныхъ средствъ, предназначенныхъ для университета. По этой отрасли управленія права и обязанности сената суть слѣдующія: попеченіе о хозяйственныхъ нуждахъ университета, при чемъ, однако, всегда должны быть принимаемы въ соображеніе денежныя средства, имѣющіяся въ университетской кассѣ; составленіе годового университетскаго бюджета, который представляется на утвержденіе министерству; покрытіе чрезвычайныхъ, непредвидѣнныхъ бюджетомъ расходовъ и употребленіе излишковъ и сбереженій, — то и другое тоже съ разрѣшенія министерства; надзоръ за дѣйствіями административной коммиссіи и требованіе отъ нея, съ этою цѣлью, ежегоднаго обозрѣнія важнѣйшихъ ея распоряженій и результатовъ ея управленія; ближайшая повѣрка представляемыхъ административною коммиссіей, въ концѣ каждаго бюджетнаго года, годовыхъ кассовыхъ счетовъ и отсылка ихъ въ министерство, съ изложеніемъ, если нужно, своихъ замѣчаній; постановленія объ отчужденіи частей поземельныхъ владѣній (Grundstückstheilen), и представленіе такихъ постановленій на разрѣшеніе министерства; выдача административной коммиссіи полномочія на отысканіе судебнымъ порядкомъ спорныхъ гражданскихъ правъ университета,

на подачу аппелляцій, на заключеніе полюбовныхъ соглашеній въ сомнительныхъ случаяхъ и на отказъ отъ сомнительныхъ претензій; въ послѣднихъ двухъ случаяхъ, если сложенная претензія превышаетъ 50 гульденовъ, нужно на выдаваемое полномочіе согласіе министерства. Наконецъ, сенатъ заботится о немедленномъ замѣщеніи членовъ университетскихъ учрежденій, чиновниковъ и низшихъ должностныхъ лицъ, предлагаетъ кандидатовъ на должность ректора, членовъ дисциплинарной и административной коммиссій, университетскаго амтманна и другихъ должностныхъ лицъ, чиновниковъ и служителей; входитъ съ предложеніями объ измѣненіи получаемаго ими содержанія и доходовъ по должности, объ ихъ увольненіи, пониженіи и временномъ устраненіи отъ должностей, съ потерею содержанія, по неспособности или вслѣдствіе проступковъ противъ службы. Вообще, сенатъ долженъ заботиться о возможномъ содѣйствіи къ достиженію цѣлей университета и о возможномъ устраненіи замѣчаемыхъ недостатковъ; о предположеніяхъ своихъ по этимъ предметамъ онъ представляетъ министерству въ годовомъ отчетѣ о состояніи университета въ научномъ, дисциплинарномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Наконецъ, министерство можетъ передавать сенату разные предметы для обсужденія и представленія мнѣнія.

Изъ сказаннаго видно, какъ обширны занятія сената въ тюбингенскомъ университетѣ, и въ какихъ отношеніяхъ онъ находится къ министерству и центральному государственному управленію. Нельзя также не замѣтить, что въ тюбингенскомъ университетѣ факультеты находятся въ большей зависимости отъ сената, чѣмъ въ остальныхъ университетахъ Германіи. Когда идетъ рѣчь о распоряженіяхъ или учрежденіяхъ, касающихся той или другой отрасли преподаванія, сенатъ спрашиваетъ мнѣнія факультета по принадлежности, и затѣмъ уже дѣлаетъ представленіе министерству. Впрочемъ, по предметамъ совершенно спеціальнымъ, касающимся одного только факультета и никого болѣе, министерство можетъ, для сокращенія переписки, отнестись непосредственно къ факультету, минуя сенатъ, и факультетъ въ такомъ случаѣ доноситъ или представляетъ свое мнѣніе прямо министерству помимо сената. Наконецъ, и здѣсь, какъ вообще въ Германіи, факультеты независимо отъ прямого, ближайшаго своего назначенія, имѣютъ разныя другія занятія, въ качествѣ собраній экспертовъ; таково, напримѣръ, значеніе юридическихъ факультетовъ, въ качествѣ Spruch-collegia, медицинскихъ, въ качествѣ Collegia medica, и т. п. По дѣламъ и занятіямъ этого рода, факультеты не имѣютъ ничего общаго съ университетомъ и никакихъ отношеній къ сенату.

Дисциплинарная и административная коммиссіи, состоя подъ властью и надзоромъ сената, завѣдываютъ дѣлами, на которыя указываютъ ихъ названія, но съ меньшею степенью власти чѣмъ сенатъ. Первая есть собственно дисциплинарно-судебное учрежденіе, которое судитъ проступки студентовъ, не подлежащіе юрисдикціи ректора, и приговариваетъ къ наказаніямъ, кромѣ исключенія изъ университета, присуждаемаго, по докладу коммиссіи, сенатомъ; вторая, административная, существуетъ для хозяйственнаго управленія университета, и имѣетъ въ своихъ рукахъ собственно исполнительную часть и текущія дѣла; такимъ образомъ, она первоначально проектируетъ университетскій бюджетъ и, по утвержденіи, приводитъ его въ исполненіе; она даетъ предписаніе на выдачу денегъ въ расходъ по статьямъ, разрѣшеннымъ въ бюджетѣ, и т. п.

Обязанности ректора тюбингенскаго университета, вообще сходныя съ обязанностями ректоровъ и прочихъ университетовъ, тоже представляютъ, однако, нѣкоторыя особенности. Ректоръ есть блюститель и исполнитель законовъ и предписаній, относящихся къ университету. Въ качествѣ предсѣдателя сената и коммиссій, онъ исполняетъ ихъ постановленія и рѣшенія и имѣетъ въ отношеніи къ нимъ всѣ права и обязанности предсѣдателя коллегіи; ему принадлежитъ дисциплинарный надзоръ надъ университетскими преподавателями, чиновниками и служителями, со всѣми правами, вытекающими изъ права надзора. Когда дойдутъ до свѣдѣнія ректора проступки по должности кого-либо изъ этихъ лицъ, то онъ, вмѣстѣ съ университетскимъ амтманномъ, производитъ о такихъ проступкахъ слѣдствіе, и смотря по винѣ, или постановляетъ о нихъ рѣшеніе самъ, или доноситъ объ оказавшемся министерству. Всѣ прошенія университетскихъ преподавателей, чиновниковъ и служителей, касающіяся службы, если поданы прямо министерству, передаются ректору, для пред-

ставленія ихъ министерству съ своимъ заключеніемъ. Въ качествѣ предсѣдателя сената, ректоръ не имѣетъ права рѣшать собственною властью дѣла, ввѣренныя завѣдыванію и рѣшенію сената; но ему предоставлено, вмѣстѣ съ университетскимъ амтманномъ, сообщать равнымъ сенату мѣстамъ нужныя имъ свѣдѣнія, заимствованныя изъ документовъ (aktenmässige Notizen); требовать отъ всѣхъ мѣстъ и лицъ, подчиненныхъ сенату, донесеній и мнѣній, необходимыхъ для подготовленія донесеній, мнѣній или рѣшеній сената, и вообще дѣлать всѣ распоряженія и принимать всѣ мѣры, которыя не касаются обсужденія самого существа дѣла и не имѣютъ никакого прямого (materiellen) вліянія на его рѣшеніе; ректоръ объявляетъ, тоже вмѣстѣ съ амтманномъ, рѣшеніе и распоряженіе министерства тѣмъ лицамъ, до кого они касаются; наконецъ, ректоръ принимаетъ студентовъ въ университетъ (матрикулируетъ), выдаетъ имъ свидѣтельства о занятіяхъ, поведеніи и о выдержаніи ими экзаменовъ. Ему принадлежитъ дисциплинарный надзоръ надъ студентами; въ случаѣ проступковъ, онъ имѣетъ право присуждать ихъ собственною властью къ наказаніямъ, не свыше, однако, четырехдневнаго заключенія въ карцерѣ и денежнаго штрафа въ три талера. На эти приговоры нѣтъ аппелляцій. Такъ какъ дисциплинарный надзоръ надъ студентами принадлежитъ ректору, то городская полиція сообщаетъ ему о всѣхъ проступкахъ студентовъ, доходящихъ до ея свѣдѣнія. По всѣмъ этимъ предметамъ своей дѣятельности ректоръ тоже состоитъ подъ контролемъ сената, и потому въ началѣ каждаго сенатскаго засѣданія университетскій амтманнъ обязанъ доложить о всѣхъ дѣлахъ, разрѣшенныхъ ректоромъ со времени послѣдняго собранія.

Что касается университетскаго амтманна, то въ его положеніи и значеніи виденъ зародышъ того, чѣмъ стали разные коронные чиновники въ другихъ германскихъ университетахъ; только этотъ зародышъ здѣсь не развился какъ въ послѣднихъ, и несмотря на дѣятельное участіе университетскаго амтманна во внутреннемъ управленіи тюбингенскаго университета, роль его все-таки второстепенная. Онъ опредѣленъ, какъ сказано въ законѣ, „для помощи ректору и прочимъ университетскимъ учрежденіямъ, при отправленіи ими лежащихъ на нихъ обязанностей“, и таково на самомъ дѣлѣ значеніе его должности. По всѣмъ проступкамъ студентовъ, подлежащимъ юрисдикціи университета, амтманнъ производитъ слѣдствіе, и если ректоръ при такомъ слѣдствіи не присутствовалъ, то амтманнъ докладываетъ ему о результатахъ. Въ сенатѣ и коммиссіяхъ, амтманнъ, въ обыкновенномъ порядкѣ, докладываетъ всѣ дѣла административныя, дисциплинарныя и юридическія; однако, по дѣламъ, производящимся въ сенатѣ, отъ усмотрѣнія ректора зависитъ назначить къ нему корреферентовъ, или докладчиковъ, изъ числа членовъ сената; ректоръ даже можетъ поручить докладъ члену; но въ такомъ случаѣ амтманнъ долженъ докладывать вмѣстѣ съ нимъ. По труднымъ и запутаннымъ дѣламъ, производящимся въ сенатѣ, хотя бы они были уже доложены, послѣднему предоставлено, въ видѣ изъятія, образовывать особыя коммиссіи изъ своей среды, для проектированія заключеній. Въ занятіяхъ такихъ коммиссій принимаютъ участіе ректоръ и университетскій амтманнъ; но если послѣдній не выбранъ въ нее членомъ, то не имѣетъ въ ней рѣшительнаго голоса. Къ обязанностямъ его принадлежитъ также изготовленіе, подъ надзоромъ ректора, постановленій сената и коммиссій, но, въ случаѣ особенной важности дѣла и состоявшагося рѣшенія, сенатъ имѣетъ право требовать, чтобы исполнительныя бумаги были представлены, въ видѣ проектовъ, на предварительный просмотръ деканамъ, или даже особой коммиссіи, имъ самимъ выбранной. Наконецъ, въ завѣдываніи университетскаго амтманна находятся всѣ долговыя дѣла студентовъ и всѣ дѣла канцелярскія.

Остается еще сказать о канцлерѣ университета — должности, остающейся пока, какъ мы видѣли, незамѣщенною. Изъ начальника университета, какимъ онъ былъ по уставу 1829 года, онъ обратился въ 1831 году въ комиссара правительства при университетѣ, которому даны всѣ способы знать, что дѣлается въ послѣднемъ, который имѣетъ право и обязанность напоминать кому слѣдуетъ о законѣ и предписаніяхъ, когда они не соблюдаются, и затѣмъ, если напоминаніе останется безуспѣшнымъ, доносить министерству. Чтобы имѣть возможность знать обо всемъ, что касается университета, канцлеръ можетъ присутствовать въ засѣданіяхъ факультетовъ и коммиссій, но не принимаетъ участія въ ихъ совѣщаніяхъ, если не имѣетъ на это права въ качествѣ члена факультета или

коммиссіи; но если онъ въ засѣданіяхъ самъ не присутствовалъ, то постановленія факультетовъ и коммиссій, до приведенія ихъ въ исполненіе, сообщаются ему для свѣдѣнія. Канцлеръ можетъ требовать къ себѣ, для прочтенія, донесенія сената министерству и предписанія министерства сенату; ректоръ извѣщаетъ его обо всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ по университету; въ то же время канцлеръ есть членъ сената и первый подаетъ въ немъ голосъ. Наконецъ, канцлеръ принимаетъ участіе и въ удостоеніи ученыхъ степеней; это—воспоминаніе прежняго значенія канцлеровъ, которое теперь ограничивается присутствіемъ или предсѣдательствомъ при торжественномъ удостоеніи ученой степени и полученіемъ опредѣленной доли изъ взыскиваемыхъ при этомъ пошлинъ.

Совсѣмъ иное представляетъ *лейпцигскій* университетъ. Мы видѣли, что его административная организація — самая многосложная изъ всѣхъ; между тѣмъ подробное разсмотрѣніе его внутренняго управленія убѣждаетъ, что ни одинъ изъ видѣнныхъ нами университетовъ не стѣсненъ въ такой степени, какъ лейпцигскій, участіемъ въ его дѣлахъ полновластныхъ коронныхъ чиновниковъ. Всѣ порядки и должности, введенные въ Германіи въ неблагопріятную для университетскаго самоуправленія эпоху и давно отмѣненные всюду, удержались въ немъ почти въ первоначальномъ своемъ видѣ. Подобно мюнхенскому университету, лейпцигскій очень богатъ. Его собственныя имущества, состоящія въ лѣсахъ, капиталахъ, доходахъ съ земель, и въ особенности въ городскихъ недвижимостяхъ, расположенныхъ очень выгодно въ самомъ Лейпцигѣ и приносящихъ значительный доходъ, представляютъ капитальную стоимость, примѣрно, около милліона талеровъ (около 1.750.000 гульденовъ), не считая стипендіальныхъ фондовъ. Но тогда какъ мюнхенскій университетъ самъ управляетъ своими имѣніями, подъ надзоромъ и контролемъ правительства, въ лейпцигскомъ, напротивъ, ими управляетъ правительство, посредствомъ короннаго чиновника, при весьма ограниченномъ участіи университета.

Коронный чиновникъ, завѣдующій всѣми университетскими имуществами независимо отъ университета, подъ непосредственнымъ надзоромъ и контролемъ центральнаго правительства, есть рентмейстеръ. Однако, университетъ есть хозяинъ, собственникъ этихъ имуществъ; доходы съ нихъ должны, по закону, быть обращаемы сполна на надобности университета. Поэтому, совершенно устранить послѣдній отъ всякаго участія въ завѣдываніи и распоряженіи его собственностью было невозможно; ему, вслѣдствіе этого, и предоставлена нѣкоторая тѣнь участія въ томъ и другомъ, на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) безъ согласія малаго сената недвижимыя университетскія имущества не могутъ быть отчуждаемы, отдаваемы въ залогъ, обременяемы вещными повинностями (сервитутами) и вообще какими бы то ни было вещными правами; 2) университету предоставлено право самому предъявлять и отыскивать судебнымъ порядкомъ спорныя права и претензіи, посредствомъ назначеннаго имъ повѣреннаго; повѣренный утверждается министерствомъ, и довѣренность на веденіе процесса выдается ему за подписью ректора и рентмейстера; 3) важнѣйшія административныя распоряженія университетскими имуществами могутъ быть предпринимаемы рентмейстеромъ, но не иначе какъ по выслушаніи мнѣнія административной коммиссіи. Сюда въ особенности относятся: новыя постройки и существенныя передѣлки университетскихъ зданій, чрезвычайныя вырубки лѣса, принадлежащаго университету, заключеніе контракта по хозяйственной части для конвикта, споры, изъ которыхъ должны возникнуть процессы или же мировыя сдѣлки, наконецъ, помѣщеніе капиталовъ. По первымъ четыремъ разрядамъ дѣлъ административной коммиссіи предоставлено совѣщаться съ малымъ сенатомъ и выслушивать его мнѣніе, прежде изложенія своего заключенія рентмейстеру; но по дѣламъ о помѣщеніи университетскихъ капиталовъ административная коммиссія не имѣетъ даже права совѣщаться предварительно съ сенатомъ и должна дать мнѣніе отъ себя, непосредственно. Впрочемъ, мнѣніе сената и административной коммиссіи по такимъ дѣламъ имѣетъ лишь совѣщательный, а отнюдь не юридически-обязательный характеръ, и отъ усмотрѣнія министерства, которому оно сообщается рентмейстеромъ, зависитъ принять это мнѣніе или не принять. Далѣе, университетъ, въ лицѣ административной коммиссіи, имѣетъ право во всякое время получать свѣдѣнія о ходѣ управленія университетскими имуществами, о ихъ состояніи, и такимъ образомъ удостовѣряться о заботливости администраціи къ пользамъ университета. Въ кон-

цѣ года рентмейстеръ сообщаетъ административной коммиссіи, срокомъ на три или на четыре недѣли, подробные счеты по всѣмъ частямъ управленія университетскими имуществами, на просмотръ и для сдѣланія замѣчаній. Если коммиссія недовольна распоряженіями рентмейстера, или по поводу его распоряженій имѣетъ сдѣлать правительству какое-либо предложеніе или, наконецъ, желаетъ обратить на что-либо его вниманіе, то она имѣетъ право отнестись чрезъ малый сенатъ, непосредственно, къ министерству, помимо рентмейстера. Этимъ и ограничивается все участіе университета въ завѣдываніи и управленіи университетскими имуществами; во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ послѣднее отъ университета вовсе не зависитъ и принадлежитъ рентмейстеру, подъ руководствомъ и высшимъ наблюденіемъ министерства, передъ которымъ, но никакъ не передъ университетомъ, рентмейстеръ и отвѣчаетъ за всѣ свои дѣйствія, къ которому обращается съ вопросами и донесеніями и отъ котораго получаетъ разрѣшенія и приказанія. Рентмейстеру предоставлено право, когда сочтетъ нужнымъ, всегда обращаться къ административной коммиссіи и испрашивать ея мнѣніе; точно также и министерство можетъ, по своему усмотрѣнію, предписать ему совѣщаться о томъ или другомъ предметѣ съ коммиссіей. Въ обоихъ случаяхъ коммиссія обязана дать отвѣтъ. По всѣмъ безспорнымъ имущественнымъ правамъ университета, право предъявлять требованія и взыскивать принадлежитъ рентмейстеру; по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ онъ обязанъ доносить министерству и испрашивать его разрѣшенія.

Отношенія короннаго чиновника, не зависящаго отъ университета и самостоятельно управляющаго его имуществами, къ хозяину этихъ имуществъ, университету, и представляющей его коммиссіи, не могли не быть, особливо въ началѣ, крайне щекотливыми и натянутыми. Возникло множество столкновеній, для разрѣшенія которыхъ издано нѣсколько постановленій, опредѣлившихъ точнымъ образомъ сношенія рентмейстера съ административною коммиссіей въ духѣ изложенныхъ выше началъ. Рентмейстеръ не долженъ имѣть съ коммиссіей письменныхъ сношеній, а лишь общія съ нею засѣданія, въ дни заранѣе назначенные по соглашенію съ нею; впрочемъ, отъ усмотрѣнія рентмейстера зависитъ требовать чрезвычайнаго засѣданія, которое по такому требованію должно быть назначено; однако, еслибы встрѣтилось дѣло, не терпящее отлагательства, то рентмейстеръ имѣетъ право спросить мнѣнія членовъ коммиссіи, и посредствомъ письменнаго запроса, который посылается поочередно къ каждому изъ членовъ. Это не имѣетъ, впрочемъ, особаго значенія, такъ какъ мнѣніе членовъ коммиссіи для рентмейстера, какъ мы видѣли, не обязательно. Въ обыкновенномъ же порядкѣ рентмейстеръ обязанъ, по крайней мѣрѣ за три дня до засѣданія, увѣдомить ректора, предсѣдателя административной коммиссіи, о предстоящемъ предметѣ совѣщаній и сообщить ему необходимѣйшіе документы, чтобы члены коммиссіи могли заблаговременно ознакомиться съ дѣломъ и приготовиться къ его обсужденію; но если дѣло не терпитъ отлагательства, то ректоръ можетъ быть увѣдомленъ и менѣе чѣмъ за три дня впередъ; смотря по обстоятельствамъ, рентмейстеръ можетъ даже сообщить членамъ коммиссіи о предметѣ совѣщаній лишь въ самомъ засѣданіи; только ректоръ во всякомъ случаѣ долженъ быть извѣщенъ о немъ заранѣе.

Какъ учрежденіе исключительно совѣщательное, административная коммиссія не имѣетъ никакихъ сношеній съ посторонними лицами, не принимаетъ ни отъ кого никакихъ бумагъ и сообщеній, исключая рентмейстера, не ведетъ ни съ кѣмъ переписки, развѣ имѣетъ что сообщить или предложить министерству, или захочетъ перенести дѣло въ малый сенатъ. Если на предложеніе рентмейстера или на сообщенные имъ счеты коммиссія не сдѣлаетъ никакихъ замѣчаній, то молчаніе ея принимается за знакъ согласія; все дальнѣйшее производство дѣла затѣмъ уже до нея не касается и лежитъ исключительно на рентмейстерѣ. О результатахъ совѣщаній послѣдняго съ коммиссіей не составляется протокола, но они заносятся ректоромъ въ особую книгу и подписываются членами коммиссіи и рентмейстеромъ. Послѣдній докладываетъ коммиссіи словесно, а не письменно, и прежде чѣмъ начнется обсужденіе, излагаетъ свое мнѣніе. Если между коммиссіей и рентмейстеромъ не послѣдовало соглашенія, то спорное дѣло передается на разсмотрѣніе уполномоченнаго отъ правительства, который старается согласить мнѣнія коммиссіи и рентмейстера; совѣщаніямъ, происходящимъ по этому случаю, составляется протоколъ. Еслибы старанія уполномоченнаго

отъ правительства остались безуспѣшными, то онъ обязанъ донести о томъ министерству, съ изложеніемъ разпорѣчащихъ мнѣній, и ожидать разрѣшенія; а когда дѣло спѣшное, — рѣшаетъ разногласіе самъ, но отвѣчаетъ, въ такомъ случаѣ, передъ министерствомъ за правильность рѣшенія и за принятыя, вслѣдствіе того, мѣры исполненія. Припомнимъ, что уполномоченный—членъ административной коммиссіи. Кромѣ названныхъ лицъ, въ совѣщаніяхъ административной коммиссіи могутъ принимать участіе, въ особливыхъ случаяхъ, еще два лица: университетскій судья и директоръ конвикта. Первый участвуетъ въ коммиссіи каждый разъ, когда, по усмотрѣнію рентмейстера, нужно по дѣлу мнѣніе опытнаго практическаго юриста. Рентмейстеръ сообщаетъ объ этомъ заранѣе ректору; рентмейстеръ же и опредѣляетъ, слѣдуетъ ли пригласить университетскаго судью къ совѣщанію, или слѣдуетъ потребовать отъ него мнѣніе на письмѣ. Директоръ конвикта приглашается въ засѣданіе коммиссіи и участвуетъ въ совѣщаніяхъ ея при разсмотрѣніи контрактовъ по хозяйственной части, заключаемыхъ рентмейстеромъ для конвикта, или при разсмотрѣніи жалобъ конвиктористовъ на кушанье, исключая, когда такія жалобы, по ихъ безотлагательности, должны быть разрѣшены непосредственно директоромъ; наконецъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда по хозяйственному управленію конвикта возникаетъ разногласіе между директоромъ и рентмейстеромъ, и оно не можетъ быть разрѣшено ихъ взаимнымъ соглашеніемъ. Если соглашенія между ними не послѣдуетъ и въ административной коммиссіи, то рентмейстеръ обязанъ донести о спорномъ предметѣ министерству.

Что касается до имуществъ, принадлежащихъ факультетамъ, то изъ нихъ одни находятся въ завѣдываніи рентмейстера, на общемъ основаніи, другія (именно принадлежащія юридическому факультету)—въ управленіи факультета по принадлежности. По имуществамъ и капиталамъ, составляющимъ собственность факультетовъ, но управляемымъ рентмейстеромъ, отношенія между нимъ и факультетами почти такія же, какія, по общимъ университетскимъ имуществамъ, между нимъ и университетомъ; только роль административной коммиссіи играетъ въ этомъ случаѣ деканъ, а сената — факультетъ. Счеты сообщаются рентмейстеромъ, для просмотра, декану. Еслибы деканъ встрѣтилъ какое-нибудь сомнѣніе, и потому не рѣшился бы принять на свою отвѣтственность одобреніе счетовъ, то онъ можетъ созвать факультетъ для выслушанія его мнѣнія по сомнительнымъ статьямъ. Безъ согласія факультета рентмейстеръ не можетъ распоряжаться капитальнымъ факультетскимъ имуществомъ, не можетъ дѣлать новыхъ, не бывшихъ прежде издержекъ изъ доходовъ отъ этихъ имуществъ; точно также и факультетъ не можетъ дѣлать ничего такого безъ согласія рентмейстера. При разногласіи съ факультетомъ и во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ, рентмейстеръ обращается за разрѣшеніемъ къ министерству. По факультетскимъ имуществамъ, находящимся въ завѣдываніи факультетовъ, рентмейстеръ только повѣряетъ чрезъ каждые полгода счеты и потомъ представляетъ ихъ, для дальнѣйшей повѣрки и утвержденія, центральному правительству.

Чиновники и низшія должностныя лица рентмейстерскаго управленія подчинены рентмейстеру и министерству, и отъ университета нисколько не зависятъ. Вся переписка съ министерствомъ, по управленію университетскими и факультетскими имуществами, ведется рентмейстеромъ, безъ участія университета, не исключая даже и тѣхъ дѣлъ, по которымъ нужно согласіе университета или факультета, или должно быть испрошено мнѣніе административной коммиссіи или декановъ. Точно также и замѣчанія коммиссіи или декановъ на переданные имъ для просмотра счеты сообщаются министерству рентмейстеромъ, съ его объясненіемъ, а не коммиссіей и деканами. Если никакихъ замѣчаній на счеты не сдѣлано, то оговорка объ этомъ дѣлается тоже рентмейстеромъ; наконецъ, рентмейстеръ же доноситъ министерству о результатахъ своихъ совѣщаній съ административною коммиссіей, происходившихъ вслѣдствіе министерскаго предписанія. Но когда дѣло требуетъ разрѣшенія малаго сената, то оно переносится въ сенатъ не одною административною коммиссіей, а вмѣстѣ и рентмейстеромъ; послѣднему даже предоставлено наблюдать, чтобы административная коммиссія имѣла засѣданія въ назначенные дни; отъ него же зависитъ, если дѣлъ къ докладу нѣтъ, снестись съ ректоромъ объ отмѣнѣ срочнаго засѣданія. Такимъ образомъ роль административной коммиссіи совершенно пассивная; впрочемъ, ей предоставлено право требовать

отъ рентмейстера сообщенія всѣхъ свѣдѣній, необходимыхъ для правильнаго сужденія о положеніи университетскихъ имуществъ и ихъ управленіи, также дѣлать рентмейстеру всѣ предложенія, какія признаетъ нужными для пользы университета. Когда рентмейстеру необходимо войти въ соглашеніе съ сенатомъ, то онъ дѣлаетъ это не иначе какъ чрезъ посредство административной коммиссіи.

Собственно внутреннее университетское управленіе, насколько оно предоставлено самому университету, точно также какъ и завѣдываніе имуществами, болѣе находится въ рукахъ коронныхъ чиновниковъ, принадлежащихъ къ университетскому административному составу, чѣмъ профессоровъ и выборныхъ должностныхъ лицъ. Большой сенатъ очень мало участвуетъ въ университетскомъ управленіи. Въ кругъ его дѣятельности входятъ: замѣщеніе разныхъ мѣстъ и должностей по университету или представленіе кандидатовъ на такія мѣста и должности; обсужденіе предметовъ, передаваемыхъ на его разсмотрѣніе и заключеніе министерствомъ; разсмотрѣніе предложеній, возникающихъ въ самомъ сенатѣ и касающихся университета вообще, какъ-то: университетскаго устройства, общихъ вопросовъ объ ученіи или преподаваніи, о дисциплинѣ и т. п. Итакъ, по закону, большой сенатъ есть учрежденіе избирательное и законодательное. Но, во-первыхъ, право избранія должностныхъ лицъ и кандидатовъ предоставлено ему не исключительно, какъ мы сейчасъ увидимъ, хотя выборъ члена административной коммиссіи и кандидата на должность университетскаго судьи дѣйствительно принадлежитъ ему; что касается до законодательной власти, то въ этомъ отношеніи, какъ мы уже знаемъ, кругъ дѣятельности университетовъ въ Швейцаріи и Германіи ограничивается нынѣ весьма тѣсными рамками предметовъ чисто-научныхъ; никакое административное общее правило или инструкція, какъ бы они незначительны ни были, не имѣютъ силы безъ утвержденія или одобренія министерства, которое, съ своей стороны, имѣетъ право издавать законы и предписанія, обязательныя для университетовъ, по своему усмотрѣнію. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что большой сенатъ поставленъ въ совершенную зависимость отъ уполномоченнаго отъ правительства, который имѣетъ право присутствовать въ засѣданіяхъ, и если замѣтитъ, что сенатъ вышелъ изъ круга предписанной ему дѣятельности, можетъ закрыть засѣданіе, донося о томъ министерству. Жалоба на такое распоряженіе приносится министерству, которому и принадлежитъ окончательное рѣшеніе; такимъ же точно образомъ, находя какое-нибудь постановленіе сената неправильнымъ, уполномоченный отъ правительства имѣетъ право остановить его исполненіе; въ этомъ случаѣ донесеніе министерству идетъ отъ сената.

Гораздо большее участіе въ университетскомъ управленіи принимаетъ малый сенатъ. Главные предметы, входящіе въ кругъ его дѣятельности, суть: всѣ дѣла по распоряженію университетскими имуществами, на которыя, какъ сказано выше, нужно согласіе или мнѣніе сената; дѣла, касающіяся общаго университетскаго устройства (allgemeine Verfassungsangelegenheiten), или правъ отдѣльныхъ факультетовъ или профессоровъ, когда такія дѣла требуютъ обсужденія въ сенатѣ, и, по закону, обсужденіе ихъ можетъ быть допущено; далѣе, всѣ вопросы, касающіеся университетскаго преподаванія или дисциплины, которые министерство признаетъ нужнымъ предоставить обсужденію сената, и, наконецъ, избраніе въ разныя должности по университету или въ кандидаты на эти должности. Самая условность, съ какою важнѣйшіе изъ этихъ предметовъ предоставляются разсмотрѣнію сената, уже показываетъ, какъ тѣсенъ кругъ его административной власти. Что касается уполномоченнаго отъ правительства, то онъ по отношенію къ малому сенату имѣетъ точно такія же права, какія и по отношенію къ большому: можетъ закрывать засѣданія и останавливать исполненіе постановленій. Составленіе университетскаго бюджета и проектированіе общихъ правилъ по университетскому управленію — дѣло министерства.

Несмотря на ограниченный кругъ дѣятельности малаго сената, онъ все-таки, по крайней мѣрѣ видимо, занимаетъ первое мѣсто, служитъ внѣшнимъ, кажущимся представителемъ университета, чего никакъ нельзя сказать о большомъ сенатѣ. Въ малый сенатъ поступаютъ всѣ предписанія и другія сообщенія и бумаги, относящіяся къ университету, какъ цѣлому; отъ малаго сената, или его именемъ, дѣлаются всѣ донесенія, представленія, сообщенія и распоряженія университета; за исключеніемъ однихъ лишь факуль-

тетовъ, которые, по извѣстнаго рода дѣламъ, имѣютъ самостоятельное значеніе, всѣ прочія учрежденія, въ томъ числѣ и большой сенатъ, дѣйствуютъ чрезъ малый сенатъ, въ которомъ, видимымъ образомъ, сосредоточивается и выражается единство и дѣятельность университета.

Точно также ограничена власть ректора. Конечно, ему предоставлено въ обоихъ сенатахъ право закрывать собранія, когда они переступятъ границы, указанныя закономъ для ихъ дѣятельности; точно также никакое предложеніе не можетъ быть сдѣлано членомъ сената въ самомъ засѣданіи, а должно быть предварительно сообщено ректору, отъ усмотрѣнія котораго уже зависитъ сдѣлать его предметомъ обсужденія въ ближайшемъ засѣданіи или отложить до слѣдующихъ; за то въ дѣлахъ, предоставленныхъ въ другихъ университетахъ самостоятельному завѣдыванію ректора, власть его раздроблена между нѣсколькими учрежденіями и коммиссіями, въ которыхъ первую роль играютъ коронные чиновники. Для принятія студентовъ въ университетъ существуетъ матрикуляціонная коммиссія; ректоръ матрикулируетъ не иначе какъ по письменному удостовѣренію университетскаго судьи, что къ тому нѣтъ препятствій. Въ университетскомъ судѣ, въ которомъ сосредоточены всѣ дисциплинарныя дѣла о студентахъ и всѣ судебныя гражданскія дѣла по претензіямъ на нихъ, университетскій судья есть главное лицо, завѣдывающее всею перепиской и докладывающее дѣла. По закону, дѣла рѣшаются въ университетскомъ судѣ по большинству голосовъ; на самомъ же дѣлѣ они рѣшаются уполномоченнымъ отъ правительства, потому что при разногласіи членовъ по дѣламъ дисциплинарнымъ и полицейскимъ, — а они-то и составляютъ существенный предметъ занятій университетскаго суда,—дѣла этого рода поступаютъ на разсмотрѣніе уполномоченнаго. Такой же ходъ получаютъ они въ случаѣ требованія кого-либо изъ членовъ суда; причемъ право требовать, чтобы дѣло было перенесено на рѣшеніе уполномоченнаго отъ правительства, имѣетъ, по закону, каждый изъ членовъ суда, хотя имъ и рекомендуется пользоваться этимъ правомъ по возможности умѣренно. Уполномоченный, къ которому такимъ образомъ перенесено дѣло, старается привести членовъ суда къ соглашенію; если же это ему не удастся, то рѣшаетъ дѣло собственною властью, согласно съ мнѣніемъ той или другой стороны; а если случай важенъ, то доноситъ министерству, къ которому обращаются также и недовольные рѣшеніемъ университетскаго суда съ своими жалобами по дѣламъ дисциплинарнымъ и полицейскимъ; что касается апелляцій по дѣламъ гражданскимъ, то онѣ приносятся въ апелляціонный судъ. Наконецъ, дѣла о разсрочкѣ и сложеніи платы за лекціи (гонорарія) разсматриваются и рѣшаются особою коммиссіей, въ которой дѣлопроизводитель и важнѣйшее лицо въ ней есть университетскій судья. Такимъ образомъ, должность ректора въ лейпцигскомъ университетѣ—болѣе почетный титулъ; онъ не имѣетъ почти никакой власти, кромѣ развѣ власти въ качествѣ предсѣдателя обоихъ сенатовъ и исполнителя ихъ постановленій; но, по ограниченности круга дѣятельности сенатовъ, и это его значеніе очень неважно. Напротивъ того, кругъ дѣятельности и власть университетскаго судьи и уполномоченнаго отъ правительства чрезвычайно обширны. Университетскій судья, какъ мы видѣли, есть главное лицо въ университетскомъ судѣ, завѣдывающемъ полицейскими и дисциплинарными дѣлами; на немъ лежитъ надзоръ за студентами, вся письменная часть, производство слѣдствій по дисциплинарнымъ проступкамъ и составленіе донесеній; онъ есть депутатъ университета при городскомъ полицейскомъ управленіи, и всѣ проступки студентовъ, которые доходятъ этимъ путемъ до его свѣдѣнія, сообщаются имъ университетскому суду, для дальнѣйшихъ распоряженій. Принятіе студентовъ въ университетъ находится въ его рукахъ, въ его же рукахъ и ихъ увольненіе, потому что увольнительныя свидѣтельства имъ изготовляются и подписываются вмѣстѣ съ ректоромъ.

Что касается до уполномоченнаго отъ правительства, то власть его огромная. Въ дѣйствительности, онъ начальникъ университета; чего министерство не удержало по управленію университетомъ непосредственно за собою, то предоставлено уполномоченному отъ правительства. Мы говорили уже объ отношеніяхъ его къ обоимъ сенатамъ и къ административной коммиссіи; прибавимъ, хотя это и разумѣется само собою, что уполномоченный отъ правительства имѣетъ право и обязанность слѣдить за дѣятельностью и постановленіями этихъ учрежденій, вслѣдствіе чего предсѣдатель ихъ, ректоръ, обязанъ заблаго-

временно извѣщать его о предстоящихъ ихъ засѣданіяхъ и о предметахъ, которые въ нихъ будутъ обсуждаемы. Въ разсужденіяхъ обоихъ сенатовъ онъ имѣетъ право принимать непосредственное участіе, но не подаетъ голоса при рѣшеніи. Если уполномоченный отъ правительства не былъ самъ въ засѣданіи, то ему должна быть доставлена, тотчасъ же по окончаніи его, копія съ одобреннаго членами протокола. Нечего и говорить, что ему во всякое время открыты подлинные акты обоихъ сенатовъ, для просмотра ихъ и извлеченія всѣхъ нужныхъ свѣдѣній. Но главный предметъ его занятій — это дѣла дисциплинарныя и полицейскія о студентахъ. Въ матрикуляціонной коммиссіи онъ предсѣдательствуетъ; университетскій судъ, какъ сказано, отданъ въ его власть; отъ его особаго разрѣшенія зависятъ публичныя процессіи (Aufzüge) студентовъ, студенческія собранія и участіе въ нихъ постороннихъ лицъ; при всѣхъ чрезвычайныхъ происшествіяхъ въ университетѣ и между студентами, имѣющихъ въ политическомъ или полицейскомъ отношеніи особенную важность, уполномоченный отъ правительства имѣетъ власть принять необходимыя мѣры. Разрѣшеніе его необходимо для полученія званія приватъ-доцента; жалобы студентовъ, недовольныхъ рѣшеніями гонорарной коммиссіи, могутъ быть приносимы или прямо министерству, или же уполномоченному отъ правительства, который передаетъ ихъ въ министерство; послѣдній путь всегда будетъ короче, потому что министерство во всякомъ случаѣ не преминетъ потребовать мнѣнія или заключенія уполномоченнаго. Вообще ему вмѣнено въ обязанность имѣть особенный надзоръ надъ студенческими собраніями и обществами, слѣдить внимательно за ходомъ слѣдственныхъ дѣлъ о запрещенныхъ студенческихъ обществахъ и собраніяхъ и просматривать всѣ вообще дѣла, производящіяся въ университетскомъ судѣ, о дисциплинарныхъ и полицейскихъ проступкахъ студентовъ. О всѣхъ происшествіяхъ между студентами онъ получаетъ ежедневный рапортъ отъ дежурнаго педеля, а отъ фехтмейстера—полугодичные списки студентовъ, учащихся фехтованію; наконецъ, на немъ лежатъ переписка и всѣ сношенія по принятію въ университетъ студентовъ, удаленныхъ или исключенныхъ изъ другихъ университетовъ.

Лейпцигскій университетъ далеко не единственный, гдѣ самоуправленіе ограничено самыми тѣсными рамками. Мы видѣли, напротивъ, что и другіе университеты Германіи всѣ болѣе или менѣе находятся въ такомъ же положеніи. Вообще, нѣмецкіе университеты въ настоящее время имѣютъ болѣе характеръ высшихъ учебныхъ заведеній, непосредственно управляемыхъ правительствомъ и большею частью содержимыхъ на его счетъ, чѣмъ самостоятельныхъ корпорацій. Въ этомъ отношеніи какой-нибудь геттингенскій университетъ многимъ ли самостоятельнѣе и независимѣе лейпцигскаго? То же должно замѣтить и о другихъ. Но нигдѣ отмѣна старинныхъ университетскихъ привилегій не совершилась въ наше время въ такихъ рѣзкихъ формахъ, какъ въ лейпцигскомъ университетѣ. Организація и управленіе этого университета, изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ,—самыя обширныя и тяжелыя, безъ всякой нужды; той же самой цѣли достигли и другія государства Германіи другими способами и формами, болѣе простыми, менѣе отталкивающими.

Боннъ, на Рейнѣ.
12 августа (3 сентября) 1864 г.

(Русскій Вѣстникъ, 1865, кн. 2, 3 и 4).

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПИСЬМА

отъ 4-го (16-го) октября 1862 года

ИЗЪ ПАРИЖА.

Я окончилъ предпринятый очеркъ французскаго университета [1]). Чѣмъ далѣе я подвигался въ этой работѣ и глубже вникалъ въ дѣло, тѣмъ больше и больше утверждался во взглядѣ, который составилъ себѣ въ самомъ началѣ моего пребыванія въ Парижѣ, по первому, бѣглому обозрѣнію здѣшней учебной организаціи. Теперешнее устройство французскаго университета не есть примѣненіе общихъ, здравыхъ началъ учебнаго управленія къ мѣстнымъ и національнымъ особенностямъ Франціи; напротивъ, оно—явленіе ненормальное, плодъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ и условій, неблагопріятныхъ для правильнаго развитія народнаго просвѣщенія, явленіе исключительное, чисто-мѣстное, надобно надѣяться—преходящее, и потому едва ли представляетъ образецъ, достойный подражанія. Интересны и поучительны только тѣ учрежденія, въ которыхъ, подъ мѣстными формами, подъ національной одеждой, выработались правильныя общія начала. На такихъ учрежденіяхъ мысль останавливается съ любовью и уваженіемъ, какъ на всякомъ удачномъ практическомъ разрѣшеніи трудныхъ политическихъ и общественныхъ задачъ, какъ на осуществленіи идеаловъ, къ которымъ, болѣе или менѣе успѣшно, стремятся всѣ народы. Чѣмъ труднѣе разрѣшеніе такихъ задачъ, тѣмъ оно поучительнѣе во всѣхъ отношеніяхъ; ибо стоитъ только совлечь съ учрежденій ихъ историческій покровъ, и въ результатѣ получится указаніе, какой есть вѣрный и лучшій способъ для достиженія извѣстной, общеполезной цѣли. Таково, напримѣръ, римское право, прямо или окольными путями уже перешедшее въ современныя европейскія законодательства; таковы германскіе университетскіе уставы, умѣвшіе согласить свободу науки, мысли и ученія съ требованіями государственной жизни и общественнаго порядка. Такого всемірнаго характера не имѣетъ французская учебная организація. Она — національная, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова, и если далеко распространилась по Европѣ, то объясненія должно искать не въ ея существенномъ достоинствѣ, а въ разныхъ постороннихъ обстоятельствахъ, особенно же въ той политической роли, которую Франція играетъ въ судьбахъ Европы. Преподаватель найдетъ чему поучиться въ превосходныхъ французскихъ учебныхъ методахъ, въ весьма удачныхъ попыткахъ освободить преподаваніе отъ ненужной средневѣковой старины, придать ему положительность, точность; наконецъ, въ обширномъ развитіи практической стороны обученія, въ широкомъ примѣненіи профессіональнаго воспитанія, приспособленнаго къ потребностямъ большинства народа. Совсѣмъ другое представляетъ французская учебная организація; ее даже трудно понять, не возводя къ историческимъ и національнымъ особенностямъ Франціи.

Ближайшій узелъ этихъ особенностей—конецъ XVIII вѣка и наполеоновская эпоха. До того времени учебная организація развивалась во Франціи почти такъ же, какъ и вездѣ. Первыя школы заведены духовенствомъ, и образованіе давалось подъ исключительнымъ руководствомъ церкви. Въ XIII вѣкѣ возникаетъ парижскій университетъ, съ корпоративнымъ средневѣковымъ устройствомъ, съ сильными зачатками свободы преподаванія и ученія, съ большой автономіей, едва умѣряемыхъ церковью и государствомъ. Борьба духовной и свѣтской власти, развитіе монархіи, проте-

---

[1]) Этотъ очеркъ, составленный по порученію министра нар. пр. и заключающій въ себѣ подробное (устарѣлое нынѣ) описаніе французской учебной организаціи и школьныхъ порядковъ при Наполеонѣ III, напечатанъ въ трехъ книгахъ „Журнала мин. нар. пр.“ за 1862 г.—*Ред.*

стантское движеніе въ различныхъ его фазисахъ, секуляризаціи науки и обученія отражались во Франціи, какъ и вездѣ, на устройствѣ учебной части, то ограниченіемъ корпоративныхъ правъ университета, то основаніемъ новыхъ училищъ и школъ королями, городскими общинами, духовными братствами и частными лицами, то борьбою разныхъ учебныхъ заведеній между собою, выражавшей борьбу самыхъ направленій и мысли. Правда, судьбы университета и школъ въ разныя эпохи были различны; одни возвышались, другія падали, одни были подъ покровительствомъ власти, другія подвергались преслѣдованіямъ и закрывались; но никогда свобода преподаванія и ученія не была отвергаема въ принципѣ, и автономія учебныхъ заведеній, бо̀льшая сначала, ме́ньшая потомъ, продолжала существовать до самой революціи. Германія сохранила эти начала до сихъ поръ; она приспособила ихъ къ условіямъ современнаго быта европейскихъ обществъ, и за то пожала богатые плоды: уцѣлѣвшія здѣсь свобода мысли и слова, свобода преподаванія и ученія, перенесенныя въ новую исторію и приложенныя къ новымъ обстоятельствамъ, создали ту науку и то преподаваніе, которыми Германія такъ справедливо гордится, которыя дѣлаютъ ее до нашего времени центромъ европейскаго просвѣщенія.

Во Франціи, конецъ XVIII вѣка и начало нынѣшняго дали учебной организаціи другой оборотъ и поставили ее въ иную колею. Всѣ безъ изъятія учебныя заведенія, которыя застало начало революціи, разрушены до основанія и стерты съ лица земли. Разрушеніе было такое полное, такое коренное, что теперь, когда еще и ста лѣтъ не прошло, уже невозможна сколько-нибудь связная исторія и статистика учебныхъ заведеній, существовавшихъ во Франціи передъ революціей [1]).

Говоря о французской революціи, необходимо брать не одинъ, а оба ея термина, разрушеніе и созиданіе, собственно такъ называемую революцію и необходимое, естественное ея послѣдствіе — наполеоновскія учрежденія. Въ обоихъ этихъ терминахъ — ключъ къ теперешней учебной организаціи Франціи. Народъ менѣе сильный и энергическій погибъ бы отъ того страшнаго внутренняго разгрома, какой вынесла Франція; но она выдержала. Изъ нея выдвинулась, посреди хаоса, громадная сила, которая желѣзной рукой связала во едино разнуздавшіеся общественные элементы и за отсутствіемъ внутренней, органической связи, за упраздненіемъ связи преданій и исторіи, подчинила ихъ строгому внѣшнему закону. Этотъ законъ пережилъ послѣдующіе взрывы и двѣ династіи и твердо стоитъ по сю пору, какъ живое доказательство своевременности наполеоновскихъ организаціонныхъ идей, геніальной оцѣнки и разумѣнія дѣйствительныхъ, насущныхъ потребностей французскаго общества. Сравнивая между собою, конечно, не программы, а практическіе результаты революціи и требованія Франціи тотчасъ же по выходѣ изъ нея,—съ наполеоновскими учебными постановленіями, невольно поражаешься ихъ удивительнымъ сходствомъ. Да, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, Наполеонъ зорко вглядѣлся въ ходъ революціи и далъ Франціи именно то учебное устройство, какого она тогда желала. Революція, во имя индивидуальной свободы, обрушилась на все, что̀ носило тѣнь корпоративной и общинной автономіи; это самое начало проведено Наполеономъ I, съ большою послѣдовательностью, по всему учебному вѣдомству; учебныя корпораціи исчезли; въ устройство новыхъ школъ, конечно, приняты нѣкоторыя формы изъ корпоративнаго быта старыхъ университетовъ, но переиначенныя, совсѣмъ съ другимъ значеніемъ, чѣмъ имѣли прежде; впослѣдствіи и онѣ отмѣнены. Революція стремилась создать сильную центральную власть, которая бы въ дѣйствіи своемъ не встрѣчала

[1]) Въ этомъ отношеніи очень любопытны свѣдѣнія, помѣщенныя въ докладной запискѣ (стр. 304 и 305) къ проекту закона о среднемъ обученіи, внесенному на разсмотрѣніе французскихъ палатъ въ періодъ засѣданій 1847—1848 года. Изъ многочисленныхъ коллежей, существовавшихъ въ 1760 году, сохранились слѣды только 540; было, кромѣ того, еще около ста коллежей, отъ которыхъ до насъ дошли одни названія и ничего болѣе; но есть основаніе думать, что были сверхъ того и другіе коллежи, отъ которыхъ не сохранилось теперь и слѣдовъ. Такимъ ураганомъ прошла революція по Франціи! Изъ той же записки видно, что въ 1760 году, когда народонаселеніе Франціи не превышало 24 милліоновъ жителей, несомнѣнно извѣстное число обучавшихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ простиралось до 75 тысячъ и слѣдовательно почти такъ же велико, какъ въ 1847 году, при народонаселеніи въ 36 милліоновъ. Я привожу здѣсь однѣ точныя цифры; министерство идетъ гораздо далѣе и по соображеніямъ, помѣщеннымъ въ той же докладной запискѣ, насчитываетъ во Франціи, до революціи, вдвое болѣе воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній, чѣмъ ихъ было въ 1847 году.

ни малѣйшихъ преградъ; всѣ учрежденія, отъ высшихъ до низшихъ, должны были стать безусловно подчиненными орудіями центральной власти; это же начало положено въ основаніе и учебной организаціи, созданной Наполеономъ I-мъ. Въ 1800 году, генеральные департаментскіе совѣты предложили правительству цѣлый планъ народнаго образованія и учебной организаціи; этотъ планъ лежитъ въ основаніи наполеоновскихъ учебныхъ учрежденій, не только въ главномъ, но и въ подробностяхъ. Словомъ, Наполеонъ принялъ все, что революція и Франція выработали практическаго въ отношеніи къ учебной части. Правда, программа революціи и наполеоновскія программы—совсѣмъ не одно и то же. Революція не предвидѣла, что сильно сцентрализованная власть можетъ сегодня имѣть программу республиканскую, прогрессистскую, демократическую и соціальную, а завтра деспотическую, реакціонную, аристократическую, исключительно династическую, и въ обоихъ случаяхъ будетъ дѣйствовать съ одинаковой неотразимой силой, по одному и тому же закону. Революція, стремясь къ безграничной индивидуальной свободѣ, не знала и конечно не могла въ то время знать, что въ жизни народовъ, какъ и отдѣльныхъ лицъ, ни одна мысль, какъ бы она ни была вѣрна сама по себѣ, никогда не осуществляется вдругъ, сразу, не можетъ осуществляться насиліемъ, которое непремѣнно вызываетъ противъ себя такое же насиліе; что всякая политическая и соціальная программа есть только отвѣтъ на ближайшій вопросъ, а совсѣмъ не безусловная, вѣчная истина; что только тѣ реформы прочны и входятъ глубоко въ народную жизнь, которыя находятъ отголосокъ въ сознаніи и убѣжденіяхъ большинства народа. Всего этого Франція не знала въ то время, да и никто еще не зналъ; узнали впослѣдствіи, изъ горькаго ея опыта, когда она была такъ далеко отодвинута отъ идеаловъ, къ которымъ стремилась. Теперь, благодаря Франціи, для всѣхъ стало ясно, что общественныя потрясенія не ускоряютъ, а напротивъ, замедляютъ успѣхи гражданственности, неизбѣжно водворяя, вмѣсто законнаго порядка, насиліе и произволъ; что огромное большинство людей, выбитое вдругъ изъ заведенной колеи ежедневной жизни, долго не можетъ найтись въ новыхъ условіяхъ быта и остается въ какомъ-то хаотическомъ броженіи, съ которымъ несовмѣстима никакая свобода; что величайшія блага человѣка, цвѣтъ гражданской жизни, единственныя условія всякаго успѣха, — свобода совѣсти, свобода мысли и слова, свобода преподаванія и ученія погибаютъ, по крайней мѣрѣ пріостанавливаются, при общественныхъ переворотахъ, несмотря на то, что послѣдніе всегда начинаются во имя ихъ, въ надеждѣ водворить ихъ, упрочить и обезпечить.

Духъ первой революціи живетъ въ современной французской учебной организаціи. Вражда и насиліе, стремленіе каждаго изъ составныхъ элементовъ общественности къ исключительному господству, съ устраненіемъ всѣхъ другихъ, и противоположное тому, насильственное же обуздываніе этихъ элементовъ государственною властью,—вотъ условія, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась теперешняя французская учебная администрація.

Наполеонъ первый создалъ теперешній университетъ и ввѣрилъ исключительно ему преподаваніе и обученіе. Вольное или приватное ученіе имъ вовсе устранено, потому что казалось подозрительнымъ. „Его величество, сказано въ инструкціи первому главному начальнику (grand-maître) университета де-Фонтаню, желаетъ видѣть сословіе (corps), котораго ученія не подвергались бы лихорадочнымъ перемѣнамъ моды.... Его величество желаетъ найти въ этомъ сословіи оплотъ противъ теорій, въ томъ или другомъ смыслѣ вредныхъ или разрушительныхъ для общественнаго порядка". Вотъ почему частное преподаваніе запрещено безъ особаго разрѣшенія. Это конечно не было успѣхомъ въ сравненіи съ дореволюціонной Франціей. Не прежде 1833 года допущено свободное частное обученіе, но только начальное; не прежде 1850 года правительство рѣшилось допустить вольныя среднія училища. Представленный мною очеркъ французскаго университета показываетъ, какъ неполна, ограничена эта свобода элементарнаго и второстепеннаго обученія, какъ осторожно и неохотно она допускается. Высшихъ свободныхъ училищъ все еще нѣтъ во Франціи. Законъ до сихъ поръ ихъ не разрѣшаетъ.

Въ дѣлѣ преподаванія свободный выборъ профессоромъ программъ и руководствъ, свободное расположеніе частей предмета, свободный выборъ самаго предмета, суть первые двигатели народнаго просвѣщенія и науки, какъ свободная борьба мнѣній — одно изъ главныхъ условій всякаго общественнаго, ум-

ственнаго и нравственнаго успѣха. Во Франціи эти свободы не существують, потому что свобода мнѣній и преподаванія можетъ послужить предлогомъ и средствомъ для пропаганды политическихъ партій, изъ которыхъ каждая старается, не разбирая способовъ, сбросить господствующую партію, чтобы, забравъ власть исключительно въ свои руки, распоряжаться точно также безусловно и неограниченно, какъ прежняя, одно насиліе замѣнить другимъ. Оттого во Франціи нѣтъ ни свободы мысли, ни свободы слова, ни свободы преподаванія; профессоръ, по закону, не можетъ даже выбрать методу, какая ему кажется лучше, а долженъ держаться той, которая предписана. И не слѣдуетъ думать, чтобы такія стѣсненія считались здѣсь особенно тяжкими; недовольны этимъ только партіи, которымъ не удалось добраться до власти, да очень небольшое число людей, безпристрастно смотрящихъ на дѣло и понимающихъ это безвыходное положеніе, этотъ заколдованный кругъ насилій и угнетеній; остальные, т.-е. огромное большинство, нигдѣ не расположенное къ переворотамъ, вдобавокъ напуганное столькими бѣдами и несчастіями, очень довольно, что литературу, журналистику, науку держатъ на короткѣ, не даютъ имъ расходиться. И это очень понятно. Большинству, вездѣ и всегда, нуженъ покой, который оно цѣнитъ выше всего, которому, вслѣдствіе того, охотно жертвуетъ всякими свободами; особенно это замѣтно тамъ, гдѣ, какъ во Франціи, свободы сулили такъ много, а дали такъ мало. Живя трудомъ, массы цѣнятъ только матеріальныя свободы, которыя избавляютъ ихъ отъ стѣсненій, ограничивающихъ трудъ, промыслы, торговлю, прибытки; свободы болѣе отвлеченныя, приводящія тѣ же результаты, но не прямо и непосредственно, а окольными путями, имъ менѣе доступны и потому или вовсе ими не цѣнятся, или возбуждаютъ противъ себя ихъ недовѣріе и вражду, когда разъ заподозрѣны, справедливо или ложно, въ нарушеніи общественной тишины и порядка. И въ этомъ отношеніи тоже нельзя сказать, чтобы современная Франція была выше старой, дореволюціонной.

Въ учебномъ управленіи Франціи, какъ и во всемъ, замѣтна до сихъ поръ крайняя рѣзкость, строгость формъ, доведенная до педантизма, до мелочности; рядомъ съ тѣмъ, поражаетъ рутина, преобладаніе ея надъ живымъ, простымъ пониманіемъ. Формалистика и рутина—въ очевидномъ противорѣчіи съ французскимъ умомъ, отъ природы подвижнымъ, яснымъ, смѣлымъ. Откуда же взялось это противорѣчіе? Допустимъ, что преобладаніе формъ вытекаетъ изъ самой сущности романскихъ народовъ, принявшихъ въ себя древне-римскіе элементы не изъ однѣхъ книгъ, но непосредственно изъ самой жизни и быта; однако рѣзкость, строгость формъ невольно напоминаютъ тонъ революціонной диктатуры и первой имперіи и конечно завѣщаны ими. А рутинность современныхъ французовъ— это несомнѣнный результатъ глубокихъ потрясеній французскаго общества, отъ которыхъ оно и до сихъ поръ еще не успѣло опомниться. Какъ суевѣріе — оборотная сторона полнаго невѣрія, такъ рутина въ дѣлѣ администраціи идетъ рука объ руку съ политическимъ и общественнымъ скептицизмомъ. Народъ, изверившійся въ политическія и общественныя реформы, съ какою-то отчаянною цѣпкостью держится за существующее, какое бы оно ни было, инстиктивно боится критики и нововведеній. Рутина окоротила и съузила смѣлый французскій умъ. Это самый горестный изъ всѣхъ горестныхъ результатовъ новѣйшей французской исторіи, потому что захватываетъ будущія поколѣнія. А какой же могъ быть другой результатъ? Ходъ событій во Франціи самымъ естественнымъ образомъ привелъ ее къ политическому и общественному скептицизму, убилъ всякое довѣріе къ критикѣ политическихъ и общественныхъ учрежденій, къ реформѣ и нововведеніямъ. Тамъ только наука въ почетѣ, знаніе высоко цѣнится, свобода мысли, слова, ученія не возбуждаютъ къ себѣ недовѣрія народныхъ массъ, гдѣ вслѣдствіе того недостатки существующаго исправляются постепенно, общественный бытъ перестраивается по новымъ потребностямъ осторожно, безъ глубокихъ потрясеній и рѣзкихъ переворотовъ; при такихъ условіяхъ, самыя даже крайнія мнѣнія, эти неизбѣжные и весьма полезные спутники умственной работы, безъ которыхъ настоящее дѣло не можетъ выясниться, принимаются какъ мнѣнія, а не какой злой умыселъ и возбужденіе политическихъ страстей. Напротивъ, гдѣ, вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ, мѣсто предварительной, спокойной работы мысли заступаютъ эксперименты надъ самой практической жизнью, которые безпрестанно ее перекраиваютъ, сегодня такъ, завтра иначе, гдѣ существующіе интересы, ежедневный будничный ходъ жизни нарушаются

во имя одного процесса мысли и не доведенныхъ до конца размышленій, тамъ большинство, сперва жадное къ новымъ ученіямъ, ждущее отъ нихъ полезныхъ перемѣнъ, послѣ многихъ неудачъ и разочарованій теряетъ довѣріе къ этимъ ученіямъ. Винить ли за это большинство и глупость человѣческаго рода? Я не думаю. Народныя массы, погруженныя въ свои ежедневныя ближайшія заботы и нужды, не могутъ артистически наслаждаться учеными и политическими преніями и судятъ о мысляхъ только по ихъ непосредственнымъ практическимъ результатамъ; понятно, что онѣ отворачиваются съ недовѣріемъ, если не съ озлобленіемъ, отъ попытокъ преобразованій и отъ экспериментовъ, которые тревожатъ ихъ обыденный бытъ и привычки, не принося практической пользы, а затѣмъ теряютъ довѣріе и къ самой мысли и сильнѣе, чѣмъ прежде, привязываются къ заведенному порядку, предпочитая вѣрное невѣрному, дѣйствительность обѣщаніямъ. И въ этомъ капитальномъ пунктѣ Франція тоже не пошла впередъ, а напротивъ, двинулась назадъ.

Еще одно, послѣднее замѣчаніе. Вслѣдствіе роковыхъ условій, въ которыя Франція поставлена первой революціей, она живетъ въ неразрѣшимыхъ, безъисходныхъ противорѣчіяхъ, при которыхъ возможно все, кромѣ свободы. Послѣдняя есть плодъ гармоническаго сочетанія всѣхъ составныхъ общественныхъ стихій, результатъ ихъ мирной борьбы на общей всѣмъ имъ почвѣ законности; тамъ, гдѣ такого гармоническаго сочетанія нѣтъ, гдѣ единство общественныхъ стихій нарушено, каждая изъ нихъ стремится вытѣснить всѣ другія, господствовать неограниченно, и мѣсто свободы заступаетъ насиліе, которое всасывается въ нравы, въ привычки, возводится въ политическій принципъ и признается за главный, чуть-чуть не единственный аргументъ. Правда, всѣ, продолжаютъ твердить о свободѣ, всѣ говорятъ будто бы во имя свободы; но ни чувства, ни сознанія свободы нѣтъ и быть не можетъ; она — пустое слово, ложь, обманъ, предлогъ, которымъ никто не вѣритъ, которыхъ никто не принимаетъ за чистыя деньги. Во имя свободы существуетъ настоящая учебная организація Франціи; она, какъ говорятъ министерскіе циркуляры, ограждаетъ ученіе и преподаваніе отъ насилія превратныхъ теорій, развращающихъ умы; во имя свободы католическая церковь борется съ свѣтскою властью, не допускаетъ ея надзора надъ духовными школами, ратуетъ за вольное обученіе, а между тѣмъ почти завладѣла начальными школами и всячески стремится вытѣснить изъ нихъ свѣтскіе элементы; во имя свободы дѣйствовали и революціонныя правительства Франціи, упраздняя общинные и частные коллежи, отписывая ихъ имѣнія, отмѣняя ихъ уставы и автономію, вводя въ программы учебныхъ заведеній одни предметы, запрещая другіе. Каждая партія, становясь во главѣ Франціи, приносила свою програму, но ни одна не принесла свободы преподаванія и ученія.

Таковы характеристическія черты современной французской учебной организаціи. Отрицательный результатъ ея подробнаго изученія, при огромномъ вліяніи французскихъ учрежденій на другія страны, кажется мнѣ, по прежнему, чрезвычайно важнымъ. Въ этомъ смыслѣ я нимало не жалѣю времени, проведеннаго во Франціи; оно не пропало для меня даромъ. Утѣшаю себя надеждою, что оно употреблено не безполезно и для моихъ соотечественниковъ.

Исполнивъ въ Парижѣ важнѣйшую часть возложеннаго на меня порученія, я занялся другою, — собраніемъ свѣдѣній объ устройствѣ учебной части замѣчательнѣйшихъ техническихъ учебныхъ заведеній во Франціи. Къ числу ихъ принадлежатъ: политехническій институтъ, центральная школа и промышленная консерваторія въ Парижѣ и три школы мастерствъ и ремеселъ въ Анжерѣ, Эксѣ и Шалонѣ на Марнѣ. Результаты моихъ стараній въ этомъ отношеніи не были такъ удовлетворительны, какъ бы мнѣ хотѣлось. Въ политехнической школѣ меня спросили, кто я таковъ, снабженъ ли видомъ, доказывающимъ, что я имѣю порученіе отъ министерства, и затѣмъ объявили, что для полученія свѣдѣній, о которыхъ я просилъ, нужно дозволеніе военнаго министра, по меньшей мѣрѣ разрѣшеніе директора школы. Видя, что распредѣленіе курсовъ въ школѣ составляетъ государственную тайну, которая открывается только для избранныхъ, я не настаивалъ, тѣмъ болѣе, что подробныя свѣдѣнія о парижской политехнической школѣ, безъ сомнѣнія, есть и въ военномъ министерствѣ, и въ министерствѣ финансовъ, и въ главномъ управленіи путей сообщенія и публичныхъ зданій, и наконецъ въ главномъ управленіи военно-учебными заведеніями.

Немного успѣшнѣе были мои старанія достать свѣдѣнія объ устройствѣ учебныхъ курсовъ въ центральной школѣ, но совсѣмъ по инымъ причинамъ. Это заведеніе, лишь съ 1857 года обращенное изъ частной въ публичную школу, еще не опредѣлилось окончательно. Уставъ ея и распорядокъ въ ней ученія теперь передѣлываются. Cardet, поддиректоръ въ этомъ заведеніи, говорилъ мнѣ, что новая организація курсовъ состоится, вѣроятно, въ началѣ будущаго года, но что теперь у нихъ все въ переработкѣ. Къ этому онъ прибавилъ, что многіе русскіе уже обращались къ нему за тѣми же свѣдѣніями и двумъ изъ нихъ онъ сообщилъ всѣ подробности о теперешнемъ положеніи центральной школы; сколько я могъ заключить изъ его словъ, это должно быть профессоръ Кросновскій (кажется переведенный изъ технологическаго института въ учреждаемый вновь варшавскій политехническій институтъ) и директоръ московской ремесленной школы Ершовъ. По этому поводу считаю обязанностью высказать свое мнѣніе, что было бы очень полезно, почти необходимо, организовать изученіе заграничныхъ учрежденій, входящихъ въ Россіи въ кругъ вѣдомства разныхъ министерствъ, по предварительному взаимному соглашенію ихъ между собою, такъ, чтобъ разныя лица не обращались независимо одно отъ другого въ одно и то же учрежденіе, съ одними и тѣми же вопросами. Не могу скрыть, что иностранцевъ это удивляетъ; они не могутъ никакъ понять, почему правительство посылаетъ столькихъ лицъ за однимъ и тѣмъ же дѣломъ, и выводятъ отсюда самыя странныя и забавныя заключенія, или заподозриваютъ оффиціальный характеръ изучающихъ. Удовлетворивъ вполнѣ одного, двухъ, они наконецъ утомляются этими періодически возобновляющимися разспросами, особливо когда отвѣтъ не можетъ заключаться въ выдачѣ печатной программы или устава. И такъ, объ учебныхъ курсахъ центральной школы я ничего не могъ узнать, и послѣ того, какъ Cardet объявилъ мнѣ, что сообщилъ самыя подробныя свѣдѣнія Кросновскому и Ершову, я не считалъ даже себя вправѣ настаивать. Въ министерствѣ мнѣ выдали печатный регламентъ школы и печатныя же правила о пріемѣ въ нее воспитанниковъ.

Удачнѣе были мои поиски за свѣдѣніями о промышленной консерваторіи. Помощникъ директора г. Tresca, къ которому я за ними обратился, снабдилъ меня регламентомъ, печатными программами публичныхъ курсовъ за нынѣшній годъ и каталогомъ коллекцій консерваторіи, которыя считаются одними изъ изъ лучшихъ по этой части. Г. Tresca мнѣ тоже говорилъ, что къ нему обращались уже многіе русскіе, и назвалъ Бутовскаго, директора департамента мануфактуръ и внутренней торговли министерства финансовъ. Г. Tresca находитъ теперешнее устройство промышленнаго, техническаго обученія во Франціи крайне неудовлетворительнымъ и пишетъ объ этомъ большое изслѣдованіе, которое обѣщалъ мнѣ доставить. Сколько я могъ заключить изъ короткаго разговора, Tresca считаетъ однимъ изъ существенныхъ недостатковъ теперешняго устройства техническаго обученія во Франціи отсутствіе въ немъ единства, разбросанность техническихъ учебныхъ заведеній по разнымъ вѣдомствамъ. Тотъ же самый недостатокъ существуетъ, къ сожалѣнію, и у насъ.

О школахъ ремеселъ и мастерствъ я получилъ довольно подробныя свѣдѣнія, благодаря особенной внимательности и предупредительности г. Lebrun'а, инспектора этихъ школъ, который принялъ на себя трудъ пересмотрѣть, вмѣстѣ со мною, всѣ писанныя ихъ программы (печатныхъ нѣтъ) и дать объ учебныхъ курсахъ этихъ заведеній самыя подробныя свѣдѣнія. Г. Lebrun показывалъ мнѣ также чертежи, рисунки и другія работы воспитанниковъ и подробно объяснилъ ихъ достоинства и недостатки. Крайне сожалѣю, что не могъ воспользоваться предупредительностью г. Lebrun'а, въ той мѣрѣ, какъ бы желалъ, по совершенному незнанію той отрасли наукъ, которыя преподаются въ школахъ мастерствъ и ремеселъ. Въ министерствѣ мнѣ дали, кромѣ того, печатный регламентъ школъ, дѣйствующій, съ нѣкоторыми измѣненіями, понынѣ, и печатный же экземпляръ условій для пріема воспитанниковъ.

Въ Карльсруэ я имѣлъ случай собрать подробныя свѣдѣнія о тамошнемъ политехническомъ институтѣ, одномъ изъ лучшихъ теперь въ Европѣ, особенно благодаря теперешнему его директору, профессору Redtenbacher'у. Въ институтѣ учится нынѣ безъ малаго 800 воспитанниковъ, въ томъ числѣ около 60-ти изъ Россіи, царства Польскаго и Финляндіи. Профессоръ Dienger, къ которому, за отсутствіемъ директора, я обращался за свѣдѣніями, отзывался мнѣ о русскихъ воспи-

танникахъ съ большими похвалами. Институтъ имѣетъ весьма оригинальное учебное устройство. Въ основанiи всякаго техническаго образованiя лежитъ очень хорошее знанiе математики, отчасти наукъ физическихъ и естественныхъ; эти предметы и преподаются въ общемъ отдѣлѣ института. По окончанiи курса въ этомъ отдѣлѣ, воспитанники распредѣляются по спецiальнымъ школамъ, принадлежащимъ тоже къ составу политехническаго института; ихъ семь: инженерная, строительная, лѣсная, химико-техническая, машиностроительная, коммерческая, почтовая. Кромѣ того, есть еще особая приготовительная школа. Организацiя института — университетская. Правила для воспитанниковъ и дисциплинарный уставъ составлены по образцу университетскихъ и не имѣютъ ничего общаго съ французскими.

Источники для подробнаго изученiя этого политехническаго института заключаются въ слѣдующихъ, собранныхъ мною брошюрахъ: 1 и 2) правила, касающiяся институтскихъ воспитанниковъ, и постановленiе 21-го iюня 1861 года, измѣнившее нѣкоторые пункты институтскаго устава; 3) росписанiе курсовъ и лекцiй на 1861—1862 годъ; 4) адресная книга, заключающая въ себѣ личный составъ института, т.-е. списокъ его преподавателей и воспитанниковъ, съ свѣдѣнiями о мѣстѣ жительства, происхожденiи и распредѣленiи послѣднихъ по разнымъ школамъ. Кромѣ того, по указанiю профессора Dienger'а, я досталъ въ Карлсруэ книгу подъ заглавiемъ: Die Residenzstadt Karlsruhe, ihre Geschichte und Beschreibung. Въ этой книгѣ, на стр. 123—164, помѣщена подробная статья о политехническомъ институтѣ въ Карлсруэ, содержащая въ себѣ любопытныя историческiя и статистическiя о немъ данныя и подробное изложенiе его внутренняго устройства и курсовъ, съ объясненiемъ соображенiй и причинъ, по которымъ введены и существуютъ въ институтѣ теперешняя организацiя и распорядокъ предметовъ и лекцiй; здѣсь же находимъ изложенiе слабыхъ сторонъ теперешняго института въ различныхъ отношенiяхъ и предположенiя къ его улучшенiю и развитiю. Наконецъ, эта статья въ особенности важна тѣмъ, что въ нее вошли всѣ статьи институтскаго устава, котораго не существуетъ особыхъ печатныхъ оттисковъ.

Въ заключенiе считаю обязанностью сказать, что министерство публичнаго обученiя во Францiи, благодаря внимательности барона Оскара Ватевиля, къ которому я явился съ частной рекомендацiей, снабдило меня всѣми матерiалами, необходимыми для подробнаго изученiя французскихъ университетскихъ уставовъ. Министръ Руланъ, по докладу моего письма барономъ Ватевилемъ, велѣлъ выдать мнѣ экземпляръ изданнаго министерствомъ собранiя всѣхъ постановленiй и распоряженiй французскаго правительства по вѣдомству публичнаго обученiя, состоявшихся въ министерство Фортуля, а также и другихъ любопытныхъ документовъ, относящихся къ произведенной имъ реформѣ; полный экземпляръ административнаго бюллетеня по тому же вѣдомству за всѣ минувшiе года и за нынѣшнiй, сколько вышло; экземпляръ бюджета расходовъ по вѣдомству публичнаго обученiя и исповѣданiй на 1862 годъ. При помощи этихъ обильныхъ источниковъ мнѣ можно было обработать подробно статью о высшемъ преподаванiи во Францiи, а также пополнить пропуски и исправить ошибки, вкравшiяся въ первыя двѣ статьи о французкомъ университетѣ.

Парижъ, 4/16 октября 1862 года.

(Журн. мин. нар. просв., 1862, ноябрь).

ЗАМѢЧАНІЯ

НА

„ПРОЕКТЪ ОБЩАГО УСТАВА ИМПЕРАТОРСКИХЪ РОССІЙСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ“.

Замѣчанія на проектъ „Общаго устава Императорскихъ россійскихъ университетовъ“ [1]), по существу своему, раздѣляются на два рода: одни суть общія, касающіяся началъ, которыя положены въ основаніе устава; другія суть частныя, относящіяся къ редакціи или самому содержанію той или другой статьи.

I. Общія замѣчанія.

1) *Объ отношеніяхъ попечителя учебнаго округа къ университету.* Одно изъ самыхъ существенныхъ золъ теперешней университетской организаціи, равно какъ и всей нашей администраціи, состоитъ въ томъ, что кругъ дѣйствія и пространство власти каждаго учрежденія и должностного лица не опредѣлены точнымъ образомъ. Оттого никто не знаетъ своихъ правъ, ни своей отвѣтственности и, не имѣя въ этомъ отношеніи твердой точки опоры, боится выступать своимъ лицомъ, быть безъ вины виноватымъ и старается потому запутать въ общую съ собою отвѣтственность свое начальство, прикрываясь во всемъ его именемъ и его разрѣшеніями.

Проектъ новаго устава оставляетъ этотъ недостатокъ нетронутымъ и переноситъ его цѣликомъ въ новый бытъ университетовъ. Самыми общими, неопредѣленными выраженіями удерживается навсегда прежнее полновластіе попечителей надъ университетами, которое было причиною, еще въ недавнее время, столькихъ неустройствъ. Особенно рѣзко бросаются въ этомъ отношеніи въ глаза §§ 51 и 53. Робко и уклончиво напоминаютъ о нѣкоторыхъ ограниченіяхъ попечительской безусловной власти §§ 56 и 58; но ихъ двусмысленная редакція подаетъ поводъ къ разнообразнымъ толкованіямъ, и въ концѣ-концовъ, на практикѣ, университетскимъ совѣтамъ невозможно будетъ воспользоваться долею автономіи, которая очевидно была въ намѣреніи составителей проекта устава.

Совершенно устранить попечителей отъ участія въ управленіи университетами есть, въ настоящее время, несбыточная мечта. Но если самими составителями проекта признано было необходимымъ дать университетамъ нѣкоторую автономію, то ее не слѣдовало скрывать за неясной и двусмысленной редакціей, которая можетъ только подать поводъ къ самымъ серьезнымъ замѣшательствамъ и столкновеніямъ, а надлежало выразить прямо и точно, принявъ за точку исхода какія-нибудь положительныя и твердыя начала.

Мы представляемъ себѣ дѣло такъ: попечитель есть органъ правительства относительно университета, которому предоставлено, посредствомъ своихъ учрежденій и должностныхъ лицъ, завѣдывать своими дѣлами. Какая же можетъ и должна быть роль попечителя? Онъ наблюдаетъ, и слѣдовательно долженъ знать обо всемъ, что дѣлается въ университетѣ. Онъ останавливаетъ распоряженія университетскихъ властей, когда они выходятъ изъ предѣловъ закона и противны видамъ правительства. Наконецъ онъ есть ходатай передъ правительствомъ за университетъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда какая-нибудь мѣра выходитъ изъ обыкновеннаго порядка и хода дѣлъ, или когда необходимо, для пользы университета, новое законода-

[1]) Этотъ проектъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, сталъ закономъ, въ формѣ университетскаго устава 1863 г. *Ред.*

тельное распоряженіе, или административная мѣра, превышающая власть университетскаго начальства. Для выполненія *перваго* своего назначенія, попечитель имѣетъ право требовать, чтобы въ университетѣ ничего не дѣлалось безъ его вѣдома. Съ этой цѣлью ему сообщаются журналы засѣданій совѣта и правленія; онъ имѣетъ право требовать всѣ необходимыя ему свѣдѣнія, во всякое время. Для *второй* его роли попечитель долженъ быть облеченъ властью запретительною, властью—veto. Если университетская власть не убѣдится разсужденіями и доводами попечителя, то спорный предметъ разрѣшается министромъ. Наконецъ, какъ защитникъ и ходатай за университетъ передъ высшимъ правительствомъ, попечитель даетъ свое мнѣніе по всѣмъ предположеніямъ университета, имѣющимъ цѣлью измѣнить существующія правила, законы и общія распоряженія, еслибы того потребовали пользы университета.

На этомъ основаніи слѣдовало бы въ проектѣ точно и опредѣленно выразить, что управленіе университета сосредоточивается въ немъ самомъ и всѣ общія по университету мѣры,—кромѣ, разумѣется, тѣхъ, которыя издаются министерствомъ для всѣхъ университетовъ, и общихъ по имперіи и учебному вѣдомству правительственныхъ распоряженій и законодательныхъ мѣръ,—издаются не иначе, какъ университетскимъ начальствомъ. Точно такъ же университету предоставляется распоряженіе сверхштатными суммами, о которыхъ необходимо пояснить, что онѣ составляютъ полную, исключительную собственность университета, и никакого другого назначенія, кромѣ университета, не получаютъ, и притомъ не иначе, какъ по распоряженію непосредственнаго университетскаго начальства. Затѣмъ, всѣ дѣла, въ обыкновенномъ порядкѣ управленія требующія утвержденія министра, представляются въ министерство непосредственно отъ университета, не проходя чрезъ попечительскую канцелярію. Равнымъ образомъ, восходятъ на разрѣшеніе министра и всѣ тѣ дѣла, которыя хотя бы и могли быть окончательно разрѣшены университетомъ, но встрѣтили возраженіе со стороны попечителя, и по которымъ какъ университетъ, такъ и попечитель остались при своемъ мнѣніи. Наконецъ всѣ новыя предположенія, требующія разрѣшенія министра или высшаго правительства, поступаютъ въ министерство съ мнѣніемъ и отзывомъ попечителя.

Въ проектѣ устава, начертанномъ безъ общей руководящей мысли, упоминается въ 18-ти §§ о разныхъ случаяхъ, когда попечитель утверждаетъ и разрѣшаетъ [1]). Такъ какъ всѣ эти случаи предполагаютъ предварительное опредѣленіе совѣта или правленія, то слѣдовало бы предоставить право утверждать и разрѣшать ректору, а за попечителемъ оставить право veto, съ переносомъ дѣла на разрѣшеніе министра.

Изъ предметовъ, требующихъ разрѣшенія или утвержденія министра, слѣдовало бы исключить: 1) отдѣленіе части суммы, опредѣленной штатомъ на содержаніе доцентовъ, на увеличеніе числа профессоровъ (§ 73); это могло бы быть предоставлено самимъ университетамъ; 2) назначеніе въ профессоры, на вакантныя каѳедры, по своему усмотрѣнію (§ 78); правильнѣе было бы предоставить это университетамъ, тѣмъ болѣе, что министръ имѣетъ право не утверждать избранныхъ и увольнять профессоровъ, уже имѣющихъ каѳедры; 3) утверждать почетныхъ членовъ и почетныхъ докторовъ (§ 134). Право veto со стороны министерства въ этихъ случаяхъ было бы правильнѣе.

---

[1]) § 56. Попечитель, по представленіямъ совѣта и правленія, имѣетъ право разрѣшать сверхштатные расходы, не превышающіе шестисотъ руб. сер. въ годъ на одинъ предметъ.

§ 57. Попечителю предоставляется утверждать контракты на подряды и поставки, по штатнымъ и другимъ опредѣленнымъ расходамъ, суммою до пяти тысячъ руб. сер.

§ 73. Сумма, опредѣленная штатомъ на содержаніе доцентовъ, раздѣляется совѣтомъ, съ утвержденія попечителя, между факультетами. Въ случаяхъ особенной надобности, съ разрѣшенія министра, часть сказанной суммы можетъ быть отдѣляема на увеличеніе штатнаго числа профессоровъ.

§ 74. Приватъ-доцентамъ не полагается постояннаго содержанія, но имъ можетъ быть назначаемо, изъ суммы сбора за слушаніе лекцій и другихъ свободныхъ суммъ, соразмѣрное трудамъ вознагражденіе по опредѣленію совѣта и съ утвержденія попечителя.

§ 75. Званія доцента и приватъ-доцента даются на три года, по истеченіи коихъ доценты и приватъ-доценты оставляются на службѣ не иначе, какъ по новому избранію и утвержденію попечителя.

§ 79. Прочіе преподаватели, а также астрономы-наблюдатели, ученые аптекари, провизоры, ихъ помощники и лаборанты, по избраніи совѣтомъ, утверждаются попечителемъ.

§ 89. Проректоръ или инспекторъ дѣйствуетъ по данной ему отъ совѣта инструкціи, утвержденной попечителемъ и основанной на подлежащихъ параграфахъ сего устава. Въ случаяхъ, превышающихъ власть, предоставленную проректору или инспектору, онъ входитъ съ представленіями въ совѣтъ или правленіе,

2) *О внутренней организаціи университетовъ.* Въ числѣ существенныхъ недостатковъ теперешней внутренней организаціи университетовъ особенно выдаются два, много вредящіе этимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ: во-1-хъ, часть учебная и хозяйственная, изъ которыхъ первая такъ существенно зависитъ отъ второй, не имѣютъ между собою ничего общаго, потому завѣдуются отдѣльно, и большинство профессоровъ, вслѣдствіе этого, не имѣютъ никакого понятія о матеріальномъ положеніи и средствахъ университета, къ которому принадлежатъ; во-2-хъ, въ совѣтѣ масса текущихъ дѣлъ и бумагъ заслоняетъ собою серьезные предметы. Коллегіальное производство дѣлъ распорядительныхъ и исполнительныхъ утомляетъ профессоровъ безъ нужды, учащаетъ, тоже безъ нужды, собранія и чрезвычайно замедляетъ ходъ университетскихъ дѣлъ.

Оба эти органическіе недостатка перешли и въ проектъ новаго устава. Совѣтъ и правленіе сохранили прежнее устройство и кругъ занятій безъ всякой перемѣны, и потому существующія неудобства должны возобновиться въ прежнемъ видѣ и объемѣ.

Единственное средство устранить разомъ оба—это иначе опредѣлить составъ и кругъ занятій совѣта и правленія и ихъ взаимныя отношенія. Совѣтъ слѣдовало бы сдѣлать центромъ всѣхъ *общихъ* мѣръ и распоряженій по университету, не различая предметовъ, къ которымъ они относятся; правленіе—исполнительнымъ, сосредоточивающимъ въ себѣ всѣ текущія дѣла по всѣмъ же частямъ. Въ случаѣ сомнѣнія или разногласія въ правленіи, дѣло разсматривается и рѣшается въ совѣтѣ. Затѣмъ, ректору должно быть предоставлено отправлять текущія дѣла, не терпящія отлагательства, собственною властью, но въ извѣстныхъ предѣлахъ и съ отвѣтственностью и отчетомъ передъ совѣтомъ или правленіемъ. На этомъ основаніи составленіе ежегодной росписи приходамъ и расходамъ университетскихъ суммъ и разрѣшеніе чрезвычайныхъ расходовъ предоставить совѣту. Онъ получаетъ свѣдѣнія о чрезвычайныхъ доходахъ и отчеты о состояніи суммъ и имущества уни-

---

смотря по тому, какому изъ сихъ мѣстъ подлежитъ вѣдѣніе студентскихъ дѣлъ.

§ 90. Въ помощь проректору или инспектору назначается нѣсколько чиновниковъ, а для дѣлопроизводства—секретарь, входящій въ составъ университетской канцеляріи. Лица эти избираются совѣтомъ преимущественно изъ окончившихъ университетскій курсъ, и утверждаются попечителемъ.

§ 92. Архитекторы, консерваторы или хранители кабинетовъ и музеевъ, помощники библіотекаря, ученый садовникъ, механикъ и служащіе по медицинской части, по представленію совѣта, утверждаются попечителемъ.

§ 93. Синдикъ утверждается попечителемъ изъ лицъ, избранныхъ совѣтомъ и имѣющихъ ученую степень, преимущественно по юридическому факультету. Должность синдика не соединяется ни съ какою другою должностью.

§ 94. Секретарей избираетъ по принадлежности совѣтъ или правленіе, преимущественно изъ лицъ, окончившихъ университетскій курсъ; а прочихъ чиновниковъ избираетъ правленіе. Тѣ и другіе утверждаются попечителемъ.

§ 103. Кромѣ студентовъ, допускаются къ слушанію университетскихъ лекцій, по правиламъ, составленнымъ совѣтомъ и утвержденныхъ попечителемъ, и *посторонніе лица*, достигшія полнаго совершеннолѣтія.

§ 114. Кромѣ стипендій штатныхъ университетамъ предоставляется производить студентамъ стипендіи и единовременныя пособія изъ суммы сбора за слушаніе лекцій и другихъ принадлежащихъ университетамъ суммъ. Правила относительно размѣра и научныхъ основаній для выдачи такихъ стипендій и пособій составляются университетскимъ совѣтомъ и утверждаются попечителемъ.

§ 122. Студенты и постороннія лица, слушающіе университетскія лекціи, обязаны соблюдать въ зданіяхъ и учрежденіяхъ университета порядокъ, установленный правилами, которыя составляются совѣтомъ и утверждаются попечителемъ. Студентамъ и слушающимъ лекціи запрещается: а) выражать одобреніе или порицаніе преподаванія; б) собираться въ университетѣ и его учрежденіяхъ для цѣлей, не дозволенныхъ начальствомъ, и в) составлять прошенія и собирать подписки, вопреки общимъ законамъ и университетскимъ постановленіямъ.

§ 123. Не исполняющіе сихъ правилъ студенты, смотря по винѣ, подвергаются: 1) замѣчанію; 2) выговору; 3) аресту; 4) временному до одного года удаленію изъ университета, съ правомъ снова вступить въ оный, если не будетъ положительно доказано, что удаленный, въ теченіе срока удаленія, велъ себя не безукоризненно; 5) увольненіе изъ университета или 6) исключеніе изъ онаго, съ запрещеніемъ вновь поступать въ тотъ же или другой университетъ имперіи, о чемъ симъ послѣднимъ немедленно сообщается. Рѣшеніе объ удаленіи; увольненіи или исключеніи студента изъ университета приводится въ исполненіе съ утвержденія попечителя.

§ 134. Университеты имѣютъ право выдавать лицамъ, пріобрѣтшимъ извѣстность своими заслугами, дипломы на званія: почетныхъ членовъ, почетныхъ докторовъ и корреспондентовъ. Первые утверждаются въ сихъ званіяхъ министромъ, корреспонденты же попечителемъ.

§ 138. При университетахъ состоятъ разныя учебныя пособія, заведенія и собранія, каковы: библіотека, обсерваторія, ботаническій садъ, кабинеты, музеи, лабораторіи, медицинскія учрежденія, фермы и т. п. Число и составъ ихъ опредѣляются штатомъ; но они могутъ быть, по усмотрѣнію совѣта, съ разрѣшенія попечителя, увеличиваемы, по мѣрѣ надобности и средствъ.

верситета. Исполненіе росписи, полученіе, храненіе и выдача суммъ и имущества—дѣло правленія. Всѣ текущія исполнительныя дѣла, приведеніе въ исполненіе всѣхъ совѣтскихъ опредѣленій, съ увѣдомленіемъ объ окончательномъ исполненіи, есть дѣло правленія, а не совѣта. Совѣтъ есть мысль и воля университета, правленіе есть рука. Подробности этого новаго распорядка должны быть опредѣлены особой инструкціей, которая составится по указаніямъ опыта. Здѣсь остается только замѣтить, что составъ правленія, сообразно съ новымъ его значеніемъ и съ переходомъ въ него множества дѣлъ, которыя теперь производятся въ совѣтѣ, слѣдовало бы нѣсколько усилить прибавленіемъ еще по одному члену изъ каждаго факультета, выбранному изъ числа профессоровъ, общимъ порядкомъ, въ совѣтѣ.

При такомъ устройствѣ совѣтъ освободился бы отъ множества дѣлъ и въ то же время обратился бы въ центральное мѣсто, гдѣ вѣдались бы всѣ важнѣйшія дѣла. Каждый профессоръ могъ бы знать положеніе университета, по всѣмъ частямъ, и вступая въ должность декана, проректора и ректора, не былъ бы чуждъ дѣлъ, которыми ему предстоитъ заняться. Самыя предложенія, возникающія въ факультетахъ и въ совѣтѣ по разнымъ частямъ, были бы основаны на общемъ соображеніи всѣхъ сторонъ дѣла, и потому были бы основательны, солидны. Наконецъ, при такомъ устройствѣ исчезъ бы проявляющійся по временамъ вредный антагонизмъ между совѣтомъ и правленіемъ, тогда какъ теперешняя внутренняя организація университета его только поддерживаетъ искусственно.

3) *О правахъ и преимуществахъ лицъ, принадлежащихъ къ ученому университетскому сословію.* Одно изъ существенныхъ и великихъ золъ теперешняго положенія профессора заключается въ томъ, что матеріальное положеніе его одно изъ самыхъ печальныхъ, участіе въ университетскомъ управленіи и дѣлахъ только кажущееся, а не дѣйствительное, почему и трудно привязаться ему къ своему университету всею душою; взамѣнъ того, профессоръ есть чиновникъ, котораго честолюбіе или, правильнѣе, чинолюбіе можетъ развиваться широко. Изъ скромнаго труженика, котораго честь и слава должны бы сосредоточиваться на занятіи наукой, на усовершенствованіи своего курса, на дѣятельномъ участіи въ развитіи и процвѣтаніи университета, съ которымъ онъ такъ тѣсно связанъ, профессоръ, вслѣдствіе теперешняго своего положенія, неминуемо долженъ обратиться въ искателя средствъ къ существованію, въ чиновника по учебной части, какъ его называютъ въ разныхъ министерскихъ предписаніяхъ прежняго времени, наконецъ, въ искателя чиновъ и другихъ служебныхъ отличій, какъ необходимаго условія для того, чтобы со временемъ улучшить свое матеріальное положеніе. Профессура есть своего рода монашескій обѣтъ, который допускаетъ своего рода отличія и почести, но совсѣмъ иного свойства, чѣмъ тѣ, которыя принадлежатъ по праву органамъ бюрократіи. Единственная сфера профессора—наука, каѳедра, университетъ, сфера скромная, но въ то же время безконечно широкая для призванныхъ. Единственное, что нужно профессору,—это чтобы заботы матеріальныя не отвлекали его отъ университета, чтобы онъ имѣлъ подъ старость, когда силы ему измѣнятъ, надежду на вѣрный и спокойный кусокъ хлѣба, и чтобы судьба его семейства, послѣ его кончины, не тревожила его. Больше ему ничего не нужно. Кто ищетъ бо̀льшаго, тому не для чего быть профессоромъ, тотъ будетъ полезнѣе на другихъ поприщахъ, которыхъ такъ много.

Чтобы поставить профессоровъ въ ихъ надлежащую колею, чтобы вывести ихъ изъ теперешняго ненормальнаго положенія, имѣющаго вредное вліяніе на наши университеты, прежде всего необходимо значительно улучшить ихъ содержаніе, возстановить прежній пенсіонный уставъ по учебной части, дѣйствовавшій до 6 ноября 1852 года, но въ то же время лишить ихъ права на чины и всѣ другія служебныя отличія; только оставляющимъ профессуру и переходящимъ въ гражданскую или военную службу засчитать время, проведенное на каѳедрѣ, въ дѣйствительную службу. При такой обстановкѣ каѳедры будутъ наполняться одними дѣйствительно призванными къ наукѣ и преподаванію лицами, и эти лица, не развлекаясь ничѣмъ, будутъ заниматься исключительно однимъ своимъ дѣломъ.

II. Частныя замѣчанія.

Раздѣленіе профессоровъ на ординарныхъ и экстраординарныхъ—излишне. Какое основаніе мѣшать экстраординарнымъ профессорамъ быть ректорами (§ 61) или затруднять ихъ выборъ въ деканы (§ 69)? Чиновныя раз-

личія ихъ, по сказанному выше, слѣдовало бы отмѣнить вовсе. Затѣмъ остается различіе въ окладахъ, которые только и подаютъ поводъ къ удержанію баллотированія профессоровъ съ младшаго оклада на старшій. Кромѣ того, что же *экстраординарнаго* [1]) въ экстраординарныхъ профессорахъ? Названіе вовсе не соотвѣтствуетъ сущности дѣла.

Членами совѣта (§ 7, примѣч.) должны бы быть всѣ доценты, занимающіе самостоятельныя каѳедры. Имъ же дано право голоса въ факультетскихъ собраніяхъ (§ 23), и справедливо.

Догматическое и нравственное богословіе (§ 17) едва ли нужно преподавать въ университетѣ, гдѣ нѣтъ богословскаго факультета, такъ какъ эти предметы съ достаточною полнотою и подробностью проходятся въ гимназіяхъ. Необходимы церковная исторія и церковное законовѣдѣніе.

Редакцію § 24 слѣдуетъ измѣнить такъ: въ отсутствіе декана предсѣдательствуетъ въ собраніи старшій въ профессорскомъ званіи изъ *наличныхъ въ собраніи* членовъ факультета.

Въ исчисленіи предметовъ занятій факультетскихъ собраній (§ 26) есть неполнота. Пропущено: 1) что факультетское собраніе избираетъ декана; 2) что оно принимаетъ мѣры къ временному и постоянному замѣщенію открывшихся по факультету профессорскихъ и другихъ преподавательскихъ вакансій; 3) предварительно опредѣляетъ по экзаменамъ, кто изъ молодыхъ людей достоинъ званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата. Въ томъ же § въ пунктѣ 3 слово *распредѣленіе* должно быть замѣнено словомъ *разсмотрѣніе*, а въ пунктѣ 4 должно быть сказано, что въ факультетскихъ собраніяхъ производится испытаніе только на степень магистра и доктора.

Слово *безопасность* (§ 30, на послѣдней строкѣ) должно быть замѣнено словомъ *безотлагательность*.

Дополнить § 39, что въ торжественномъ собраніи университета раздаются медали и похвальные отзывы студентамъ и слушателямъ, за представленныя разсужденія.

Въ канцеляріи (§ 49) штатные чиновники суть только секретари и синдикъ. Прочіе должны быть вольнонаемные, съ ассигнованіемъ вообще на канцелярію общей суммы по штату.

[1]) Курсивъ въ подлинникѣ.

Въ § 81 сказано, что профессоръ вновь подвергается избранію по выслугѣ срока на полную пенсію. Этотъ срокъ слишкомъ продолжителенъ. Совершенно достаточно, если профессоръ прослужитъ безъ новой баллотировки въ теченіе 15-ти лѣтъ. Если онъ будетъ забаллотированъ, то получаетъ годовой окладъ жалованья или пособіе изъ эмеритальной кассы, или треть пенсіи и т. п.

Подчинены ли правилу новаго избранія другіе преподаватели, кромѣ профессоровъ? Не сказано.

Въ § 83 упоминается о *преподавателяхъ*. Нужно бы пояснить, что здѣсь подъ преподавателями разумѣются всѣ вообще преподаватели, т.-е. профессоры, доценты и т. п. Иначе эта статья подастъ поводъ къ важнымъ недоразумѣніямъ.

Въ § 84 сказано, что преподаватели обязаны исполнять возлагаемыя на нихъ начальствомъ порученія. Выраженіе слишкомъ обширно и неопредѣленно. Какія порученія и какимъ начальствомъ? Это слѣдовало бы означить точнѣе.

Въ § 87 вмѣсто служителей—*слушателей*.

Четырехлѣтній срокъ службы въ званіи проректора (§ 88) слишкомъ длиненъ, по тягости и хлопотливости надзора за слушателями и студентами. Такой огромной жертвы отъ профессора нельзя требовать. Слѣдовало бы постановить 2-хлѣтній срокъ.

Чиновники и секретарь при проректорѣ или инспекторѣ (§ 90) должны быть избираемы не иначе, какъ изъ кандидатовъ, предлагаемыхъ проректоромъ или инспекторомъ, потому что они его помощники, онъ за нихъ отвѣчаетъ, и безъ этого не будетъ единства, что въ исполнительномъ порядкѣ такъ важно.

Въ § 182 сказано, что студентъ можетъ перейти въ другой университетъ: „по удовлетвореніи требованіямъ совѣта сего послѣдняго“. Какія же эти требованія? Необходимо опредѣлить ихъ точнѣе, для устраненія произвола.

Почему не допускаются постороннія лица къ слушанію университетскихъ лекцій по достиженіи полнаго совершеннолѣтія (§ 103), трудно понять; еще труднѣе исполнить это правило. Оно предполагаетъ, что никто не можетъ слушать университетскихъ лекцій, если не запишется на цѣлый курсъ, не предъявитъ университетскому начальству документовъ, наконецъ, если не имѣетъ билета для входа въ университетъ. Все это возможно и

желательно ли? Если да, то необходимо сказать объ этомъ въ уставѣ; если нѣтъ — то это правило ненужное и безполезное, которое не будетъ исполняться. Какое можно имѣть уваженіе къ такому закону, и какъ внушить мысль, что прочія статьи, кромѣ этихъ, невозможныхъ, должны исполняться строго?

Мысль закрыть двери университета для постороннихъ посѣтителей, въ полицейскомъ смыслѣ совершенно ошибочная. Не этимъ поддерживается порядокъ на лекціяхъ, а уваженіемъ къ профессорамъ, къ достоинству академическаго преподаванія. Противъ открытія настежъ дверей университета для всѣхъ желающихъ можно возражать только съ точки зрѣнія финансовой. Если сборъ за слушаніе лекцій существуетъ, то несправедливо освобождать отъ него тѣхъ, которые въ состояніи платить, а такое освобожденіе произойдетъ на фактѣ, если не будетъ введено билетовъ для посѣщенія лекцій. Въ этомъ весь узелъ и вся трудность задачи: потому что входные билеты, какъ мѣра, введенная изъ полицейскихъ соображеній, въ высшей степени ненавистна студентамъ и слушателямъ, и одной ея достаточно, чтобы вызвать снова безпорядки и волненія. Я думаю, что единственное средство выдти изъ этого затрудненія состоитъ въ томъ, чтобы придать билетамъ финансовый характеръ. Для этого, какъ сказано выше, необходимо точнымъ и положительнымъ образомъ выразить въ уставѣ, что сборъ за слушаніе лекцій есть собственность университета и предназначенъ *исключительно* на покрытіе его нуждъ. Чтобы это не было пустымъ словомъ, нужно періодически печатать отчеты о состояніи университетскихъ суммъ, чтобы всѣмъ было извѣстно, на что онѣ употребляются. Независимо отъ того, сборъ съ слушателей долженъ быть не слишкомъ обременительный, чтобы лекціи были доступны и для бѣдныхъ людей. При такихъ условіяхъ входные билеты могутъ потерять свой ненавистный характеръ, особливо если раздачу ихъ ввѣрить самимъ же студентамъ. Я имѣлъ объ этомъ предметѣ много разговоровъ съ студентами и говорю здѣсь съ ихъ словъ. Они искренно преданы пользамъ университета, и нестерпимое для нихъ, какъ полицейская мѣра, найдетъ въ нихъ полную поддержку и сочувствіе, если они убѣдятся, что мѣрою, хотя и непріятною для нихъ, дѣйствительно достигаются цѣли, которыя они уважаютъ.

Смѣшенія студентовъ съ слушателями, при такой полной доступности лекцій для всѣхъ, опасаться нечего. Званіе студента имѣетъ положительныя преимущества передъ званіемъ слушателя, въ правѣ на стипендіи, въ защитѣ университетскаго начальства. А что вмѣстѣ съ студентами будутъ слушать и посторонніе—въ этомъ не только нѣтъ зла, но, напротивъ, много полезнаго и добраго. Между университетомъ и обществомъ должно быть взаимодѣйствіе, лекціи профессоровъ должны быть гласны, иначе университетъ обратится въ схоластическую школу, профессоры будутъ десять лѣтъ читать по однѣмъ и тѣмъ же тетрадкамъ. Университетъ, какъ корпорація, которая сама себя обновляетъ, и безъ того наклоненъ къ тому, чтобы изолироваться и заглохнуть въ неподвижности. Только гласность и критика могутъ поддерживать въ немъ жизнь и дѣятельность; а ни гласность, ни критика невозможны, если доступъ на лекціи стороннихъ слушателей, кромѣ студентовъ, будетъ возбраненъ или ограниченъ.

Въ § 107 между прочимъ сказано, что порядокъ расходованія платы опредѣляется особыми распоряженіями министерства. Если подъ этимъ выраженіемъ разумѣется порядокъ записки этихъ суммъ въ расходъ, то остается желать, чтобъ это выражено было яснѣе и не такъ двусмысленно. Если же здѣсь разумѣется, что министерскими распоряженіями опредѣляется назначеніе этихъ суммъ на тѣ или другія надобности, то противъ этой мысли нельзя довольно возражать. Не говоря уже о юридическихъ основаніяхъ, по которымъ университетъ, какъ юридическое лицо, имѣющее право полной собственности (§ 151), долженъ одинъ имѣть право распоряжаться своими суммами, хотя и подъ контролемъ правительства, — должно замѣтить, что внушить экономію и благоразумную бережливость можетъ профессорамъ и непосредственному университетскому начальству одно лишь твердое убѣжденіе, что суммами, принадлежащими университету, никто кромѣ университета и на пользу университета распоряжаться не будетъ. Въ противномъ случаѣ экономія и бережливость мало будутъ занимать профессоровъ, участіе ихъ къ университетскому быту и дѣламъ охладѣетъ и все пойдетъ по старому.

Въ § 108 сказано, что отсрочка для взноса платы, уменьшеніе ея и освобожденіе отъ оной даются студентамъ по свидѣтельствамъ;

а въ примѣчаніи пояснено, что эти свидѣтельства выдаются мѣстами и лицами, коимъ это право выдачи предоставлено. Кажется, нѣтъ основанія требовать такихъ свидѣтельствъ при отсрочкѣ, которая не освобождаетъ отъ обязанности платить ни вполнѣ, ни частью, а только переводитъ платежи на другіе сроки. Поэтому, можно бы, кажется, предоставить самимъ университетамъ допускать отсрочку по такимъ обязательнымъ свидѣтельствамъ, или по другимъ основаніямъ, по ихъ ближайшему усмотрѣнію.

Въ § § 109—111 исчислены лица, которыя освобождаются отъ платы безъ свидѣтельства, которыя вовсе освобождаются отъ платы и которыя вовсе не могутъ воспользоваться льготами, допускаемыми для недостаточныхъ студентовъ. Правильнѣе было бы предоставить все это ближайшему усмотрѣнію самихъ университетовъ.

Въ § 112 опредѣленъ размѣръ стипендій. Слѣдовало бы предоставить ближайшему усмотрѣнію университетовъ.

Въ § 127 говорится, что всѣ столкновенія между студентами съ одной стороны и университетскими преподавателями и его должностными лицами съ другой подлежатъ разбирательству университета, хотя бы произошли внѣ университетскихъ зданій и учрежденій. Выраженіе „всѣ столкновенія", слишкомъ обще и неопредѣленно. Разумѣются, очевидно, одни столкновенія, имѣющія прямое или косвенное отношеніе къ университету, что̀ и слѣдовало бы пояснить.—Испытанія на ученыя степени (§ 131) производятся въ факультетскихъ собраніяхъ, кромѣ на кандидата, который есть тоже ученая степень. Это слѣдуетъ пояснить, или прямо сказать, что въ факультетскихъ собраніяхъ производится испытаніе на степень магистра и доктора.

Университетамъ необходимо предоставить право выдавать дипломы (§ 134) на званія не только почетныхъ, но и дѣйствительныхъ докторовъ, безъ экзамена. Сперанскій и Карамзинъ не были докторами исторіи права, и Даль — не есть докторъ русской словесности, и конечно ни одно изъ этихъ лицъ не выдержало бы экзамена на кандидата и магистра; однако, еслибъ они вздумали искать каѳедры, то едва-ли прилично было отказать имъ, на томъ только основаніи, что они не имѣютъ степени доктора по своимъ предметамъ. Для такихъ чрезвычайныхъ случаевъ университетамъ должно быть предоставлено право возводить знаменитыхъ ученыхъ и знатоковъ дѣла въ степень доктора, со всѣми ея правами, безъ экзамена, чтобъ выравнивать требованія академическія обыкновенныя съ дѣйствительными блистательными заслугами и придать докторскому диплому жизненное значеніе. Смѣшно видѣть докторами людей, удовлетворившихъ обыкновеннымъ требованіямъ, и не докторами тѣхъ, которые своими учеными заслугами далеко превзошли эти обыкновенныя требованія.

Въ § 139 сказано, что разныя учебно-вспомогательныя учрежденія при университетахъ состоятъ въ вѣдѣніи преподавателей, или особыхъ лицъ, зависящихъ отъ сихъ преподавателей. Выраженіе „зависящихъ"—слишкомъ неопредѣленно и сильно; нужно бы смягчить это выраженіе и точнѣе опредѣлить взаимныя отношенія этихъ лицъ и преподавателей.

(Сборникъ замѣчаній на проектъ общаго устава Имп. росс. университетовъ, изданный министерствомъ нар. просвѣщенія. Спб., 1862, ч. I, стр. 83—93).

МЫСЛИ
о
СОВРЕМЕННЫХЪ НАУЧНЫХЪ НАПРАВЛЕНІЯХЪ.

ПО ПОВОДУ ДИССЕРТАЦІИ Г. НЕКЛЮДОВА: „УГОЛОВНО-СТАТИСТИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ".

Давно уже жалуются въ Европѣ, что какая-то дряблость умовъ и сердецъ больше и больше вытѣсняетъ энергію стремленій, горячую вѣру хотя бы въ софизмы, преслѣдованіе идеаловъ. Тускнѣютъ идеалы, меркнетъ вѣра, стремленія и желанія безраздѣльно обращены къ ближайшимъ, мелкимъ, житейскимъ, почти всегда матеріальнымъ цѣлямъ.

Наука, хотя издали, а идетъ въ томъ же направленіи. Говоря *наука*, мы разумѣемъ не собраніе и разработку всякаго рода матеріала, которые имѣютъ свою безотносительную цѣну во всѣ времена и при всѣхъ обстоятельствахъ. Въ этомъ отношеніи дѣлается теперь очень много, гораздо больше, чѣмъ когда-либо прежде. Но взгляды, научный синтезъ, точка отправленія сильно отзываются господствующей болѣзнью нашего времени. Все сколько нибудь похожее на идеализмъ, традиціонный или философскій, потрясено въ основаніи и не пользуется почти никакимъ довѣріемъ. Естественныя науки вычеркнули его окончательно изъ своей сферы и надѣются обойтись безъ него вовсе. Въ обширной области наукъ, ближайшимъ образомъ касающихся умственной, нравственной или общественной жизни человѣка, идеализмъ еще кой-какъ держится, но видимо угасая; естественно-историческій взглядъ и методъ проторгаются и сюда всѣми порами. Такъ и кажется, вотъ-вотъ еще какихъ-нибудь десять-двадцать лѣтъ, еще два-три больших открытія —и идеализмъ, въ наукѣ по крайней мѣрѣ, будетъ окончательно побѣжденъ.

Еслибъ можно было вообразить себѣ, что этотъ результатъ уже достигнутъ, то естественнымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого было бы слѣдующее: различіе между добромъ и зломъ окончательно бы упразднилось; воля не была бы уже началомъ, реагирующимъ противъ обстоятельствъ, а напротивъ, была бы ихъ фотографическимъ отраженіемъ, другими словами—воли никакой бы не было. Что мы теперь называемъ нравственнымъ достоинствомъ, честью, обязанностью, долгомъ,—все это сдѣлалось бы смѣшнымъ и жалкимъ. Добродѣтель и порокъ, доблестный поступокъ и преступленіе, слились бы тогда въ нашихъ глазахъ въ безразличное понятіе; для преступленія мы находили бы всегда объясненіе и оправданіе; такъ за что же его наказывать? А доблесть и добродѣтель показались бы намъ донкишотизмомъ, странностью, граничащей съ упомѣшательствомъ. Словомъ, люди вполнѣ приравнялись бы къ стаду, къ муравьиной кучѣ, или къ пчелиному улью, и естественный законъ сталъ бы царить надъ человѣкомъ, какъ, по нынѣшнимъ понятіямъ, царитъ надъ одними животными.

Мы не будемъ ломать себѣ голову надъ вопросомъ, наступитъ ли когда-нибудь этотъ золотой вѣкъ для человѣческаго рода. Вѣрно то, что еслибъ онъ когда нибудь могъ настать, то людямъ пришлось бы плохо, чуть ли не хуже теперешняго. Представьте себѣ, читатель, что вы изъ нынѣшней юдоли печали перенесены прямо въ этотъ золотой вѣкъ и не въ начало его, а въ самую середину, въ цвѣтущую его эпоху, когда люди успѣли уже совсѣмъ отвыкнуть отъ пагубныхъ привычекъ идеализма, сей прирожденной проказы современнаго быта. Теперь законъ, судъ, полиція, ограждаютъ вашу собственность, личность, личныя отношенія и обязательства. Если бы мы съ вами вздумали не признавать своихъ обязанностей къ другимъ, а другіе въ

отношеніи къ намъ, то и насъ съ вами и другихъ вѣдь принудятъ къ тому; такъ или иначе, но при этомъ кой-какъ еще живется, положимъ, и съ грѣхомъ пополамъ. Но право, долгъ, обязанность — все это идеальныя понятія, а идеализма въ золотомъ вѣкѣ, извѣстно, не будетъ. Судъ и полиція,—вѣдь это органы, жрецы идеализма: разумѣется ихъ тоже не будетъ. Понуждать людей что-нибудь дѣлать, наказывать ихъ за что бы то ни было, и подавно не придется.

И вотъ, при такихъ-то порядкахъ, вы вздумаете, напримѣръ, заняться сочиненіемъ романа, или музыкальной пьесы, или станете писать картину. Нѣтъ, виноватъ! Вы этого никакъ не можете тогда захотѣть, потому что изящная литература, музыка, живопись, вообще художество, — это все идеализмъ, а вѣдь идеализма и тѣни не будетъ. Поэтическія произведенія замѣнятся научными изслѣдованіями, живопись — планами, чертежами и рисунками, а вся музыка, конечно, ограничится заявленіемъ однихъ ближайшихъ практическихъ потребностей. Ораторіи и симфоніи золотого вѣка будутъ выражать:

Я ѣсть хочу!

Я пить хочу!

Я спать хочу!

И такъ далѣе....

Ну, положимъ, вы начнете заниматься разрѣшеніемъ какой-нибудь научной задачи, и непремѣнно полезной для человѣчества. Безполезнымъ вещамъ, какъ причастнымъ грѣху и язвѣ идеализма, разумѣется, никто и не подумаетъ тогда посвящать свое время. И такъ, представьте, что вы сядете и преспокойно себѣ будете работать, какъ вдругъ, къ вашему ужасу, ваши инструменты, книги, бумага, перья, столъ и стулъ понадобятся другому, для такой же практически-полезной цѣли, и онъ начнетъ все это у васъ отнимать; или вообразите, что комната, въ которой вы работаете, будетъ нужна другому, для наблюденій или изслѣдованій еще болѣе практически - полезныхъ, чѣмъ ваши, и онъ васъ выталкиваетъ изъ нея вонъ, безъ дальнѣйшихъ церемоній. Если кулаки у васъ не крѣпки, — что станете вы дѣлать? Съ тѣмъ, кто васъ потревожилъ, можетъ, конечно, случиться черезъ часъ, черезъ минуту, то же самое, но вѣдь этимъ вы наврядъ-ли утѣшитесь. Если вы, подобно парижанину въ Америкѣ, не совсѣмъ еще разстались съ теперешними вашими понятіями, то пожалуй вы, сгоряча, станете возражать противъ насилія во имя личной и имущественной неприкосновенности, но тотчасъ же, разумѣется, и запнетесь, вспомнивъ, что вѣдь это понятія обветшалыя, занесенныя вами въ золотой вѣкъ изъ допотопной эпохи идеализма, когда люди дѣтски воображали, что есть права и законы, и преклонялись передъ этими фетишами.

Но позвольте, позвольте, читатель! Опять виноватъ: проклятая привычка къ идеализму! И вообразить-то золотой вѣкъ порядочно не съумѣешь! Вѣдь и учеными изслѣдованіями, практически - полезными для человѣчества, тогда нельзя вамъ будетъ заняться! Чтобы чѣмъ-нибудь заняться, нуженъ актъ воли. А гдѣ же у васъ тогда будетъ воля? Воля—это идеальное понятіе, съ которымъ вы поспѣшите разстаться у порога золотого вѣка, какъ и со всѣми другими грѣхами идеализма.

Видимо, читатель, мы съ вами что-то замечтались, грезили съ открытыми глазами. Все это—сонъ, нескладный, невозможный, не имѣющій и не могущій имѣть никакой дѣйствительности. Способность мыслить, дѣятельность этой способности, сознательная или безсознательная, проводитъ между человѣкомъ и остальнымъ міромъ замѣтную грань, хотя между людьми и затесалось не мало животныхъ, а въ животныхъ, здѣсь и тамъ, проглядываютъ человѣческія черты. Волей-неволей, человѣкъ останется человѣкомъ; духовная сторона ему присуща; дѣятельность ея, со всѣми ея послѣдствіями, неизбѣжно, даже противъ его желанія и безсознательно, будетъ сопровождать человѣка на всѣхъ его путяхъ, по пятамъ, на вѣки вѣковъ, потому-что отдѣлаться отъ этой духовной стороны, ея дѣятельности и ея необходимыхъ послѣдствій, онъ не имѣетъ рѣшительно никакой возможности, какъ бы объ этомъ ни старался. А если это такъ, то очевидно, что въ теперешнемъ направленіи научнаго мышленія, въ теперешнемъ склонѣ философскихъ идей и взглядовъ, ведущихъ въ конечномъ выводѣ къ безразличію, къ отрицательному и какъ бы сонному отношенію къ живой дѣйствительности, должна проходить какая-нибудь доселѣ незамѣченная ошибка, долженъ оставаться непринятымъ въ разсчетъ, или вовсе неоткрытымъ или наконецъ ошибочно понятымъ какой-нибудь важный фактъ человѣческой природы, вслѣдствіе чего наши выводы неправильны, нашъ взглядъ ложенъ.

Попытаемся объяснить, откуда взялось это

удивительное направленіе, которое, задавшись безусловной свободой человѣка во всѣ стороны, стало быть, предполагая въ немъ какую-то самостоятельную точку опоры, пришло къ безусловному отрицанію его духовной природы, составляющей именно эту точку опоры, условіе свободы?

Источниковъ есть нѣсколько и всѣ они какъ нельзя разумнѣе. Видно, такъ ужъ человѣку на роду написано, что идя отъ справедливой и вѣрной мысли, онъ непремѣнно по пути собьется съ прямого тракта и заберется въ такую трясину, изъ которой потомъ съ трудомъ, еле-еле выкарабкается, потративши по-пусту Богъ вѣсть сколько силъ.

Съ той минуты, что человѣкъ сталъ размышлять о самомъ себѣ, о своей внутренней и внѣшней дѣятельности, онъ непремѣнно, рано или поздно, долженъ былъ замѣтить, что въ этой его дѣятельности какимъ-то непонятнымъ образомъ переплетаются внѣшнія причины, вліянія, побужденія съ внутренними факторами; что въ ней отражается, сквозь какую-то особую призму, внѣшній міръ и его условія. Но какъ это дѣлается, по какимъ законамъ, что̀ это за среда, въ которой особеннымъ образомъ преломляется внѣшній міръ и внѣшнія условія,—это были искомыя, которыя упорно скрывались. Все движеніе науки, насколько она относится къ человѣку въ разнообразнѣйшихъ его проявленіяхъ и дѣятельности, можетъ быть названо рядомъ болѣе или менѣе удачныхъ анализовъ различныхъ продуктовъ духовной природы человѣка,—анализовъ, которыми опредѣлялись составныя части этихъ продуктовъ и процессъ, посредствомъ котораго они сложились. Эта работа продолжается и теперь, все глубже, тщательнѣй, осторожнѣй, при помощи все бо̀льшаго и бо̀льшаго матеріала, болѣе и болѣе удачныхъ пріемовъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что рано или поздно эта завѣтная, великая тайна раскроется передъ пытливымъ умомъ, какъ множество другихъ тайнъ внѣшней и духовной природы, и мы не ошибемся, если скажемъ, что къ ней, къ этой тайнѣ, сводятся теперь всѣ запутаннѣйшіе вопросы современной науки о человѣкѣ, что въ ней ближайшая разгадка безчисленныхъ сомнѣній, которыя ставятъ въ тупикъ самые свѣтлые и проницательные умы, что разрѣшеніе этой тайны должно произвести огромный переворотъ въ наукѣ о человѣкѣ и откроетъ для нея новую эпоху и новый міръ.

Двумя путями подвигалась наука издавна къ рѣшенію этого завѣтнаго вопроса. Они то обрывались, то шли параллельно, то пересѣкались. По свойству продуктовъ, въ которыхъ участвуетъ духовная сторона человѣка, ихъ то присвоивали исключительно внѣшней природѣ и подводили вполнѣ подъ ея законы, то приписывали, такъ же исключительно, невѣдомой и невидимой внутренней силѣ, внутреннему двигателю, который таинственно скрывался за внѣшней стороной явленій. *Идеализмъ* и *матеріализмъ*,—вотъ самыя обычныя и общеизвѣстныя названія, подъ которыми выступали въ наукѣ оба пути, — и до сихъ поръ ни одинъ изъ нихъ не далъ удовлетворительнаго отвѣта на поставленную задачу. Сфинксъ все еще остается сфинксомъ, болѣе неразгаданнымъ, чѣмъ когда-либо, сторожа̀ людей, улещая ихъ загадкой и потомъ бросая въ пучину самыхъ благовидныхъ заблужденій. Развиваясь подъ сильнымъ вліяніемъ другъ друга, обогащаясь, по необходимости, постепенными, бо̀льшими и бо̀льшими успѣхами положительнаго знанія по всѣмъ отраслямъ. оба направленія, въ нынѣшнемъ столѣтіи, достигли, кажется, апогеи, выше которой нельзя уже подняться. Идеализмъ пытался построить весь міръ a priori изъ мысли, развивающей изъ самой себя, по необходимому закону, все богатство и разнообразіе формъ бытія. Принявъ первую посылку этого построенія, нельзя не принять всѣхъ ея послѣдствій,—такъ обдуманно и систематически выработанъ идеализмъ знаменитымъ Гегелемъ. Но при ближайшей повѣркѣ первая посылка оказалась невѣрной; между мыслью и дѣйствительностью у Гегеля нѣтъ никакого перехода, никакой связи, мысль и мыслящая способность у него одно и то же, тогда какъ первая очевидно есть продуктъ: этотъ продуктъ принятъ имъ за начальное основаніе, за исходный пунктъ, тогда какъ онъ лишь результатъ, въ свою очередь подлежащій анализу, разложенію. Все это убило гегелеву систему, а съ нею и философскій идеализмъ. Паденіе его было тѣмъ глубже, тѣмъ безусловнѣе, чѣмъ полнѣе, многостороннѣе, обдуманнѣй, систематичнѣй было ученіе, которое его представляло.

Съ такими же притязаніями, и въ такомъ же всеоружіи науки и знанія, выступилъ, на смѣну ему, матеріализмъ. Опираясь на огромные успѣхи естественныхъ наукъ и всякаго вообще положительнаго изученія, онъ сталъ

искать разрѣшенія той же задачи, на которую не отвѣтилъ идеализмъ, во внѣшней сторонѣ явленій человѣческой природы и изъ нея одной, независимо отъ всякаго особаго внутренняго дѣятеля, надѣялся объяснить ихъ. Понятно, что къ этому внутреннему дѣятелю матеріализмъ, уже по своей точкѣ отправленія, долженъ былъ отнестись не только критически, но отрицательно. Всѣ явленія, въ которыхъ, по общепринятымъ понятіямъ, участвуетъ духовная сторона человѣческой природы, должны были, съ этой точки зрѣнія, представиться какъ произведеніе одной внѣшней необходимости, безъ всякаго участія какого бы то ни было особаго внутренняго дѣятеля, который подъ тѣмъ или другимъ названіемъ предполагался во всѣхъ идеалистическихъ воззрѣніяхъ.

Не будемъ останавливаться здѣсь на вопросѣ, вреденъ или полезенъ матеріализмъ. Говоря о различныхъ направленіяхъ науки, о различныхъ методахъ знанія, смѣшно судить ихъ съ точки зрѣнія практической пользы или вреда. Оба направленія были относительно очень полезны и оба принесли бездну зла. Матеріализмъ у насъ теперь передъ глазами и, доживая свой вѣкъ, по крайней своей односторонности и исключительности, больше поражаетъ насъ своими несообразностями и вреднымъ вліяніемъ, чѣмъ идеализмъ, давно забытый. А вспомнимъ, какъ мы тяготились идеализмомъ подъ конецъ; вспомнимъ, сколько всякаго туману напустилъ онъ въ наши головы и нашу литературу своимъ метафизическимъ жаргономъ, едва понятнымъ для посвященныхъ и совершенно непонятнымъ для прочихъ! Какая путаница, какая мертвечина, какой великолѣпный и трескучій вздоръ замѣнилъ, благодаря ему, положительное знаніе и остановилъ на долгое время серьезное изученіе и дѣйствительную науку! Окончательными же своими выводами онъ ничѣмъ не отличается отъ матеріализма. И потому, будемъ справедливы и безпристрастны; постараемся оцѣнить и взвѣсить матеріализмъ и идеализмъ въ ихъ сущности, по ихъ точкѣ отправленія, по ихъ источнику, не цѣпляясь за ихъ уклоненія, крайности и злоупотребленія, которыя людская пошлость и невѣжество умѣютъ извлечь изъ всего, что имъ ни попадется подъ руки. И идеализмъ и матеріализмъ, какъ два различныя направленія науки,—а мы только объ ней и говоримъ,—разработывали, каждый, одну сторону явленій, именно ту, которая была сподручнѣй, и каждый разъ, когда эти два направленія сталкивались, смѣнялись или перекрещивались, въ науку заносился какой-нибудь новый положительный фактъ, разрѣшался какой-нибудь важный вопросъ, усовершенствовалась научная метода и пріемы, словомъ ближе и ближе подводились осадныя работы къ крѣпости, скрывавшей за собою неразрѣшенный вопросъ, неразгаданную тайну. Матеріалистическія воззрѣнія нашего времени такъ же безусловны и исключительны, какъ и идеализмъ, который они смѣнили. Проведенныя послѣдовательно, до конца, они также невозможны, какъ идеализмъ, и ведутъ къ такимъ же, мы чуть-чуть не сказали, къ тѣмъ же самымъ нелѣпостямъ. Современный матеріализмъ, самъ того не замѣчая, стоитъ на одной почвѣ съ идеализмомъ, противъ котораго борется и притомъ борется съ нимъ тѣмъ же самымъ оружіемъ. У матеріализма нѣтъ и не не можетъ быть цѣлаго, систематическаго corps de doctrine, потому что все, что въ немъ не есть положительное знаніе или изслѣдованіе, есть отрицаніе идеализма, и это отрицаніе только тогда дѣлается вполнѣ понятнымъ, когда мы знаемъ идеализмъ, отдаемъ себѣ ясный отчетъ въ коренныхъ его ошибкахъ, въ его односторонности, въ недостаточности и несостоятельности его научнаго метода и пріемовъ. Идеализмъ и современный матеріализмъ, — это родные братья, дѣти одной семьи, враждующіе между собою, забывъ, что вышли изъ одного гнѣзда. Ихъ вражда—признакъ, что почва, на которой они выросли, приходитъ въ запустѣніе, что родъ, отъ котораго они ведутъ свое начало, падаетъ и разрушается.

Такимъ образомъ, современный матеріализмъ есть необходимое послѣдствіе односторонности, недостаточности и несостоятельности идеализма, который ему предшествовалъ. Сложныя явленія, въ которыхъ замѣшана духовная природа человѣка, допускаютъ, по составнымъ своимъ стихіямъ, двоякое объясненіе, и когда одно было исчерпано безъ успѣха, мѣсто его заступило другое.

Другой источникъ матеріализма — это все глубже и глубже укореняющееся сознаніе и убѣжденіе, что человѣкъ можетъ господствовать не надъ одной внѣшней природой, но и надъ условіями своего общественнаго и нравственнаго быта. Исторія застаетъ человѣка безсильнымъ и покорнымъ передъ явле-

ніями и вліяніями внѣшняго міра. Но ознакомившись съ его свойствами и съ законами, которыми онъ управляется, человѣкъ находитъ въ самой природѣ средства устранить вредныя ея для себя вліянія, усиливать или даже вызывать явленія для него нужныя и полезныя. Такимъ средствомъ является извѣстное сочетаніе условій, при помощи котораго одни явленія ослабляются или вовсе устраняются, другія, напротивъ, усиливаются или вызываются. Этотъ единственно-возможный способъ властвовать надъ внѣшней природой предполагаетъ знаніе ея и ея законовъ, и потому-то, чѣмъ такое знаніе глубже, подробнѣй, основательнѣй, тѣмъ сильнѣе, обширнѣе власть человѣка надъ внѣшней природой.

Отъ владычества надъ внѣшнимъ міромъ человѣкъ, мало-по-малу, возвысился до возможности такого же господства и надъ условіями своего общественнаго быта. Чрезвычайно медленно, чрезъ рядъ заблужденій и ошибокъ, тяжкимъ трудомъ и горькими опытами дошли до этого люди; но зато, мысль о возможности такого владычества такъ громадна, что невольно забываешь, сколько усилій и жертвъ она стоила. Если нашъ вѣкъ можетъ чѣмъ-нибудь по справедливости гордиться, такъ это именно тѣмъ, что въ теченіе его созрѣло и упрочилось убѣжденіе въ возможности приспособлять условія общественной и нравственной жизни къ нуждамъ и потребностямъ людей, подобно тому, какъ мы приспособляемъ къ нимъ явленія внѣшней природы. Для осуществленія этой мысли кое-что уже сдѣлано, и многое приготовляется. Положительныя наблюденія и изученіе условій общественнаго и нравственнаго быта людей вытѣснили фантазіи и утопіи, и съ каждымъ днемъ становятся строже, серьезнѣе, глубже, многостороннѣе. Для этихъ наблюденій и изслѣдованій выработывается понемногу методъ, приспособленный къ матеріалу, который служитъ предметомъ изученія; съ каждымъ годомъ этотъ методъ становится положительнѣе и точнѣе, приближаясь все болѣе и болѣе, этими своими достоинствами, къ методу естественныхъ наукъ, доведенному уже до изумительнаго совершенства. Наконецъ, при помощи богатаго матеріала и зрѣло-обдуманныхъ пріемовъ, достигнуты нѣкоторые прочные научные результаты, выиграны нѣкоторыя твердыя точки въ изученіи общественныхъ и нравственныхъ условій, узнаны нѣкоторые законы общественнаго и нравственнаго быта людей и уже сдѣланы или дѣлаются болѣе или менѣе удачныя попытки практически примѣнить это знаніе во внутренней и международной политикѣ. Конечно, всѣ эти результаты еще очень малы, отрывочны, вѣроятно потребуютъ еще многихъ критическихъ повѣрокъ, пока будутъ окончательно занесены въ науку; но все же нѣсколько точекъ, выясненныхъ на новомъ пути, имѣютъ неизмѣримую важность въ томъ отношеніи, что теоретически доказываютъ справедливость исходной мысли, правильность метода и научныхъ пріемовъ; всего же важнѣе то, что они доказываютъ возможность научнаго изученія и точнаго знанія такой стороны человѣческой природы и быта, которая чрезвычайно долго казалась, смотря по взгляду, то областью безграничнаго произвола, то игралищемъ слѣпого случая, то наконецъ, созданіемъ таинственнаго рока, и слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, оставалась недоступной для изученія и пониманія. Убѣжденіе, что общественныя и нравственныя условія могутъ, подобно физическимъ, приводиться въ извѣстныя сочетанія, и что чрезъ это извѣстныя общественныя и нравственныя явленія могутъ быть вызываемы, а другія устраняться,—въ чемъ и заключается такое же господство надъ ними, какъ и надъ внѣшней природой, — такое убѣжденіе принадлежитъ къ числу величайшихъ завоеваній человѣческаго ума. Мы потому только не ставимъ его неизмѣримо выше тысячи другихъ открытій, которыми гордится родъ человѣческій, что оно какъ-то тихо, незамѣтно для насъ самихъ овладѣваетъ сознаніемъ современниковъ, и что усилія науки, освѣтившія лишь нѣкоторыя отдѣльныя точки на этомъ пути, еще не свелись въ стройную систему, которая бы невольно бросалась въ глаза всѣмъ и каждому. До такой стройной системы, конечно, еще неизмѣримо далеко. Но вглядываясь пристально въ ходъ современныхъ законодательствъ и администраціи, нельзя не замѣтить, что практическая жизнь, въ этомъ отношеніи, далеко уже опередила науку. Всюду законодательство и администрація идутъ въ наше время отъ той основной мысли, что можно измѣнять общественный и нравственный бытъ народовъ, посредствомъ извѣстнаго сочетанія общественныхъ и нравственныхъ его условій. Внутренняя и внѣшняя политика выработала уже, въ этомъ от-

ношеніи, путемъ опыта и практическихъ наблюденій, множество истинъ, которыя наукѣ еще предстоитъ провѣрить и возвести въ сознаніе, при помощи строго научныхъ изслѣдованій.

Это открытіе, расширившее власть человѣка и коренно измѣнившее прежнія понятія объ общественной и нравственной жизни людей и народовъ, дало обильную пищу матеріализму. Если, посредствомъ извѣстнаго сочетанія условій общественнаго и нравственнаго быта, можно измѣнять его, приноровлять къ тѣмъ или другимъ цѣлямъ, то отсюда необходимо слѣдуетъ, что человѣческое общество, человѣческій бытъ, живутъ по извѣстнымъ, неизмѣннымъ законамъ. Не будь этого, въ нихъ не было бы постояннаго отношенія между причинами и дѣйствіями, и потому господство надъ ними человѣка было бы немыслимо. Если же человѣческія общества не суть только собранія отдѣльныхъ личностей, живущихъ на одномъ пространствѣ, а дѣйствительно представляютъ живые организмы, которымъ присущи извѣстные постоянные законы, то и самый взглядъ на человѣка съ его духовной стороной, съ его стремленіями къ идеаламъ, съ его волей, не могъ не измѣниться существенно. Пропорціи его, въ глазахъ мыслящаго наблюдателя, должны были умалиться, его духовная сторона должна была поблѣднѣть передъ новымъ взглядомъ, который низводилъ людей, ихъ внутреннюю и внѣшнюю дѣятельность, на степень продуктовъ извѣстныхъ общественныхъ и нравственныхъ условій, съ измѣненіемъ которыхъ и люди должны необходимо измѣнятся. А притомъ, если человѣческія общества суть организмы, подлежащіе такимъ же непреложнымъ законамъ, какъ и внѣшняя природа, если возможно приспособленіе явленій общественности, посредствомъ извѣстнаго сочетанія ихъ условій, къ нуждамъ и пользамъ человѣка,—какъ возможно такое же приспособленіе къ нимъ явленій внѣшней природы, — то чѣмъ же, спрашивается, существенно отличается природа отъ человѣческаго общества, люди отъ животныхъ? Тѣми и другими управляютъ постоянные законы, имъ присущіе; люди, какъ и животныя, находятся, во всѣхъ отношеніяхъ, въ тѣснѣйшей зависимости отъ среды, въ которой живутъ, и съ измѣненіямъ ея необходимо измѣняются; знаніе природы и общественнаго быта пріобрѣтается тѣмъ же путемъ точнаго, положительнаго изученія, и при помощи совершенно одинаковаго метода; такое же господство возможно надъ общественностью, какъ и надъ внѣшней природой, посредствомъ пріемовъ, въ существѣ совершенно одинаковыхъ. Стало быть, никакой разницы между ними нѣтъ, а потому нѣтъ и причины смотрѣть на человѣка и человѣческое общество иначе, какъ на предметъ естественной исторіи.

Такимъ образомъ, матеріализму данъ былъ новый толчокъ, границы его широко раздвинулись и обняли новый, громадный міръ—цѣлый міръ явленій общественной жизни. Пораженная изумительными и безчисленными аналогіями между нею и физическимъ міромъ, мысль естественно остановилась на нихъ, приняла сначала параллелизмъ за совершенное сходство и тождество.

Наконецъ, распространенію и упроченію современнаго матеріализма сильно содѣйствовала идея развитія.

Едва-ли когда-нибудь въ исторіи, сознанію людей такъ неотразимо, такъ очевидно и осязательно представлялся законъ развитія,—постепеннаго, послѣдовательнаго, необходимаго измѣненія формъ,—какъ именно въ наше время. Прежде смотрѣли на измѣненіе, какъ на зло, которому люди и общества должны подчиняться съ слѣпою покорностью, или какъ на добро, которое могло придти, но могло не придти. Догматизмъ, цѣпкое удерживаніе существующаго даннаго, было прежде правиломъ и въ жизни и въ мысли. Рѣзкое противопоставленіе одного другому, рѣзкое различеніе противоположностей, служили основаніемъ всему и въ наукѣ и въ дѣйствительности. Каждая фаза мысли и быта разсчитывалась на вѣчность, располагалась держаться до скончанія вѣковъ. Въ головѣ и сердцѣ современнаго человѣка нѣтъ болѣе догматизма. И наука и жизнь показываютъ ему каждый день, чуть ли не каждую минуту, что не прочность формъ, а напротивъ, ихъ измѣненіе составляетъ основной законъ бытія, и что эта ихъ смѣна не есть дѣло произвола, случайности, не есть добро или зло, а обусловливается разумными и необходимыми причинами. Наука во всѣхъ своихъ отрасляхъ приняла этотъ законъ, какъ основное условіе, и проводитъ его съ неотразимостью доказанной несомнѣнной истины; вся практическая жизнь глубоко проникнута сознаніемъ этого закона. Какъ ни кажется смѣшнымъ знаменитое выраженіе: „логика вещей“, въ устахъ

людей, которые пользуются обстоятельствами и ловятъ рыбу въ мутной водѣ, но въ глубинѣ души каждый, волей-неволей, понимаетъ, что она, эта логика вещей, дѣйствительно существуетъ, независимо отъ доброй и злой воли людей, и что хорошее и дозволенное сегодня можетъ, при измѣнившихся обстоятельствахъ и условіяхъ, оказаться завтра недозволеннымъ и нехорошимъ. Сознаніе непрочности, измѣнчивости формъ, въ мысли и жизни, убѣжденіе, что она не есть результатъ случайности, а непреложнаго закона, присущаго всему бытію, не могли не поколебать въ самомъ основаніи установившихся понятій о добрѣ и злѣ, объ истинѣ и лжи, о правдѣ и неправдѣ. Гдѣ же самостоятельная, безусловная, вѣчная сила истины, добра, правды, когда все измѣняется и должно необходимо измѣняться? Да и что̀ такое истина, добро, правда, когда сегодня ихъ можно и должно понимать такъ, завтра иначе, а послѣ-завтра опять по другому? Развѣ можетъ быть въ самомъ дѣлѣ истинно, добро, справедливо то, что̀ такъ мѣняется? Выходитъ, что то, что̀ мы считаемъ за истину, добро, правду, не есть настоящая истина, добро, правда, а условныя, преходящія понятія, зависящія отъ обстоятельствъ; стало быть, въ послѣднихъ вся сила, а понятія—ими производятся, суть лишь ихъ продукты. И такъ, вся суть дѣла не въ этихъ понятіяхъ, которыя мы считали прочными, твердыми, незыблемыми, а въ законѣ развитія и измѣненія, который необходимо выводитъ однѣ формы за другими, создаетъ одни за другими новыя обстоятельства и условія, упраздняющія, съ безпощадностью математическаго вывода, цѣлый міръ вѣрованій и убѣжденій и создающія вмѣсто нихъ другой. Законъ развитія можно изучить въ его явленіяхъ. Онъ—такой же предметъ точнаго, положительнаго знанія, какъ и внѣшняя природа. Значитъ, въ концѣ-концовъ, весь міръ духовныхъ явленій, какъ произведеніе обстоятельствъ и условій, сводится точно также къ непреложнымъ законамъ, какъ и вся внѣшняя природа, и самодѣятельность человѣка тутъ—послѣднее дѣло.

Такимъ образомъ, въ основаніе современнаго матеріализма легли успѣхи положительнаго знанія, великія завоеванія мысли и практической дѣятельности, научныя истины, глубоко внѣдрившіяся въ сознаніи современныхъ людей. Что заключительные выводы матеріализма ошибочны—мы начинаемъ лишь теперь смутно чувствовать, и то пока больше по ихъ практическимъ дѣйствіямъ и результатамъ. До сознанія, до яснаго, отчетливаго разумѣнія, почему эти выводы теоретически неправильны, гдѣ, въ чемъ лежитъ ошибка,—современная мысль еще не доработалась, и очень понятно почему. Мысли, взгляды, понятія, убѣжденія, имѣютъ свой ходъ развитія, который необходимо принять въ разсчетъ, чтобы понять, почему то, что̀ оказывалось впослѣдствіи ошибочнымъ и ложнымъ, могло долгое время слыть истиной. По свойству мышленія, ни одна истина никогда не схватывается сразу со всѣхъ сторонъ. Всегда, напротивъ, начинается съ того, что подмѣчаются, одна за другой, разныя ея стороны или выраженія и каждая изъ этихъ сторонъ разработывается отдѣльно, при чемъ кажется, будто эта одна сторона и есть вся истина, будто ею исчерпывается все содержаніе предмета и за тѣмъ ничего болѣе въ немъ и нѣтъ. Только долгія и упорныя наблюденія и цѣлый рядъ такихъ односторонностей, обнаруживаютъ ошибку и множествомъ сторонъ въ одномъ и томъ же предметѣ уясняютъ наконецъ, что казавшееся сначала простымъ есть, на самомъ дѣлѣ, болѣе или менѣе сложное, результатъ цѣлаго процесса, котораго прежде и не подозрѣвали. Развитіе наукъ и взглядовъ представляетъ безчисленные тому примѣры. Идеи, которыми жили многія поколѣнія, какъ аксіомами, простѣйшими истинами, не требующими доказательствъ, оказывались на повѣрку выводами, результатами, относительными истинами.

То же представляютъ и прежній идеализмъ и современный матеріализмъ. Традиціонный идеализмъ легкомысленно брошенъ, послѣ того, какъ критика разложила его внѣшнюю историческую форму. Обрадованный умъ, какъ школьникъ, вырвавшійся изъ подъ указки учителя, отвернулся отъ него изъ-за обнаруженной ветхости его внѣшней, исторической обстановки. Заступившій его мѣсто философскій идеализмъ представляетъ собою миѳическій періодъ психологіи и физіологіи мышленія. Какъ въ алхиміи—колыбель химіи, въ астрологіи—безобразные зачатки астрономіи, такъ и въ философскомъ идеализмѣ не трудно разглядѣть своего рода кабалистическую грамоту для выраженія многихъ, глубокихъ и вѣрныхъ психологическихъ наблюденій. Философскій идеализмъ открылъ множество законовъ мышленія, которые принялъ за законы

міра и всего бытія. Разработанные имъ богатые психологическіе матеріалы теперь на время забыты и лежатъ подъ спудомъ, вслѣдствіе общаго равнодушія, почти отвращенія современниковъ къ идеализму вообще. Но искусная рука какого-нибудь новаго Канта, появленіе котораго стоитъ теперь въ наукѣ на очереди, съумѣетъ откопать эти сокровища геніальныхъ наблюденій и изслѣдованій въ области мысли и психологіи и сдѣлаетъ изъ нихъ надлежащее употребленіе. Въ томъ видѣ, въ какомъ они теперь представляются, они болѣе непригодны. Философскій идеализмъ въ извѣстной намъ своей формѣ палъ и палъ безвозвратно. Онъ изслѣдовалъ только область мышленія и, принявъ ее за полную систему міра, заключился въ одностороннюю, мертвую схему общихъ законовъ и формулъ; все особенное, частное, индивидуальное, личное, изъ него выпало и осталось въ немъ необъясненнымъ и неразгаданнымъ.

Изъ холодной высоты отвлеченнаго мышленія человѣкъ съ увлеченіемъ и восторгомъ спустился въ міръ внѣшнихъ явленій, гдѣ все ярко, доступно, живо, ощутительно. Весело и радостно было ему опять имѣть дѣло съ тѣмъ, что̀ подлежало чувствамъ, вѣсу и мѣрѣ, послѣ страшно-утомительнаго напряженія умственнаго зрѣнія въ такой средѣ, гдѣ исчезали всѣ видимыя различія и куда нельзя проникнуть ни однимъ изъ внѣшнихъ чувствъ. Замѣченная и потомъ доказанная несостоятельность философскаго идеализма служила, повидимому, отрицательнымъ подтвержденіемъ, что сущности вещей слѣдуетъ искать не въ духовной, а напротивъ, во внѣшней сторонѣ явленій. Оказавшееся непреложно-вѣрнымъ въ отношеніи къ физической природѣ, не могло, повидимому, не быть, въ послѣднемъ результатѣ, столько же вѣрнымъ и въ отношеніи къ человѣку и его проявленіямъ, тѣмъ болѣе, что вѣдь и онъ тоже физическое существо. Наблюденія и изслѣдованія, какъ мы старались объяснить, казалось, вполнѣ подтверждали это предположеніе. Всѣ разнообразнѣйшія проявленія человѣка въ мысли, словѣ, дѣятельности, въ общественномъ быту, въ убѣжденіяхъ и вѣрованіяхъ, тоже совершаются по непреложнымъ законамъ, и потому подлежатъ такимъ же точнымъ наблюденіямъ и изслѣдованіямъ, какъ и внѣшняя природа. Если законы этихъ проявленій и физическаго міра не совсѣмъ одни и тѣ же, то сущность дѣла, постановка вопроса отъ этого нисколько не измѣняются. Развѣ мы не находимъ различія между законами химическихъ и физическихъ явленій, органическихъ и неорганическихъ существъ, растительной и животной жизни? Существенно и важно то, что всѣ проявленія духовной природы человѣка подлежатъ постояннымъ, неизмѣннымъ законамъ, и вдобавокъ, находятся въ тѣснѣйшей зависимости отъ внѣшнихъ обстоятельствъ и условій, состоятъ съ ними въ постоянномъ, правильномъ отношеніи, почему, съ перемѣною послѣднихъ, сами измѣняются въ свою очередь. Такая зависимость проявленій человѣка отъ внѣшней обстановки не доказываетъ ли, что предполагаемый въ немъ внутренній дѣятель не имѣетъ самостоятельности, есть результатъ, который, смотря по обстоятельствамъ и условіямъ, можетъ быть различный. Что̀ же такое послѣ того свободная воля, что̀ такое нравственныя истины, обязательныя для человѣка во всѣхъ случаяхъ? Что̀ такое добро и зло, совѣсть, обязанность и долгъ? Если внѣшнія обстоятельства и условія правятъ людьми и опредѣляютъ весь кругъ ихъ идей, вѣрованій и убѣжденій, то не странное ли заблужденіе придавать цѣну и важность отвлеченностямъ, скучнымъ, стѣснительнымъ, и въ концѣ концовъ безполезнымъ, которыя тѣмъ только и выкупались, что слыли за непреложныя истины.

Идя отъ противоположной точки зрѣнія съ философскимъ идеализмомъ, даже болѣе отрицая его, чѣмъ создавая новое воззрѣніе, матеріализмъ пришелъ, однако, въ крайнихъ своихъ выводахъ, къ одному съ нимъ результату. Подобно идеализму и онъ имѣетъ дѣло только съ общимъ,—съ законами, условіями, элементами; но за общими выводами, особенное, личное, индивидуальное, дѣйствительно существующее выпадаетъ изъ его опредѣленій и остается необъясненнымъ, безъ значенія и точки опоры. Подобно философскому идеализму, матеріализмъ очень тщательно и точно опредѣляетъ вліяніе и роль общихъ условій, причинъ, общую сторону явленій, даетъ ихъ формулы, но безсиленъ перейти изъ общаго къ индивидуальному и личному. Съ перваго взгляда поразительно и непонятно, какимъ образомъ два направленія, противоположныя другъ другу, идущія отъ предположеній, не имѣющихъ повидимому рѣшительно ничего между собою общаго, и потому враждующія, исключающія другъ друга, могутъ быть такъ близки, такъ сходны между

собою въ результатахъ? Но взглянемъ пристальнѣе, и дѣло объяснится очень просто. Надъ чѣмъ бы ни работала мысль,—будетъ ли это процессъ самаго мышленія, или физическая природа или внѣшнія условія жизни и дѣятельности человѣка,—она, по своему свойству, можетъ схватить только общее, общіе законы, общія условія, выработываетъ только общія опредѣленія и формулы и не можетъ остановиться надъ индивидуальнымъ, личнымъ, особеннымъ. Жизнь, дѣйствительность есть вѣчная борьба, вѣчное сочетаніе противоположностей, которыхъ общій источникъ неизвѣстенъ и необъяснимъ; мышленіе есть вѣчная реакція противъ дѣйствительности, вѣчное ея разложеніе, вѣчно иная комбинація ея составныхъ элементовъ. Пройдя чрезъ процессъ мышленія, жизнь, дѣйствительность является въ другомъ видѣ, въ другихъ сочетаніяхъ частей, обобщенная и замиренная. Мышленіе—это, если можно такъ выразиться, органическое зеркало, которое не только отражаетъ, но перерабатываетъ, препарируетъ особеннымъ образомъ воспринимаемый образъ. Элементы, въ дѣйствительности борющіеся и враждующіе, въ мысли какъ бы разводятся въ разныя стороны и получаютъ, каждый, свое особое мѣсто, для мирнаго сосуществованія въ преображенномъ видѣ. То же самое дѣлаетъ и искусство, болѣе осязательнымъ образомъ, видимо и понятно для каждаго. На картинѣ, въ книгѣ, въ пѣсни, въ статуѣ дѣйствительная жизнь, борьба, битва, побѣда и пораженіе, возводятся въ художественное созданіе, въ которомъ живыя чувства, страсти, мученія, радости, стоны, кровь и клики являются преображенными и примиренными въ общемъ впечатлѣніи прекраснаго. Глядя на художественное произведеніе, мы иное ощущаемъ, чѣмъ видя то же самое, что оно изображаетъ въ дѣйствительности. А почему? Потому что художественное произведеніе есть иной видъ, иная форма дѣйствительной жизни, претворенная и преображенная дѣйствительность.

Но мало этого. Идеализмъ и матеріализмъ не только въ томъ сходны, что оба одинаково представляютъ переработку, преобразованіе дѣйствительности процессомъ мыслящей способности: оба направленія совершенно одинаково, хотя и въ противоположномъ смыслѣ, видятъ въ одной сторонѣ дѣйствительной жизни всю дѣйствительную жизнь и потому одной этой стороной, забывая другія, стараются объяснить всѣ явленія дѣйствительности. Очевидно, что вслѣдствіе этого и идеализмъ и матеріализмъ осуждены роковымъ образомъ придти, въ послѣднихъ своихъ выводахъ, къ безразличію и затѣмъ относиться отрицательно къ дѣйствительной природѣ человѣка, ея проявленіямъ и дѣятельности. Сложный характеръ человѣческой природы никакъ не поддается одностороннему опредѣленію. Она потому и живетъ, что въ ней борятся противоложности. Если же принять одинъ изъ элементовъ за всего человѣка, да вдобавокъ обобщить этотъ элементъ, то очевидно, что въ результатѣ получится не борьба, а безразличіе. Какое оно будетъ, идеалистическое или матеріалистическое,—это въ сущности совершенно все равно; но ни съ тѣмъ, ни съ другимъ человѣкъ одинаково ужиться не можетъ, потому что безразличіе, какое бы оно ни было, дѣлаетъ невозможной дѣятельность, борьбу, словомъ жизнь.

Безразличіе есть теоретическое основаніе, источникъ *нигилизма*. Напрасно приписываютъ нигилизмъ исключительно нашему времени и исключительно матеріализму. Теперешній нигилизмъ вышелъ изъ него; но онъ также можетъ корениться и въ идеализмѣ, что мы и видѣли. Оба направленія науки, въ послѣдовательномъ, крайнемъ своемъ развитіи, ведутъ къ нему необходимо, неизбѣжно, и оба, дойдя до полнаго безразличія, до всецѣлаго отрицанія одной изъ сторонъ человѣческой природы, дѣлаются невозможными, безсильными и смѣшными.

Какой же, спросятъ насъ, правильный выходъ изъ двухъ противоположныхъ направленій науки, столько сходныхъ между собою по своимъ задачамъ, ошибкамъ и послѣднимъ результатамъ? Говорить объ этомъ здѣсь не мѣсто. Въ немногихъ словахъ этого не скажешь, не рискуя быть непонятымъ или дурно-понятымъ; а подробное изложеніе завлекло бы насъ слишкомъ далеко за предѣлы этой статьи, особливо при удивительной путаницѣ понятій въ наше время, при которой пришлось бы каждую простую, простѣйшую истину отстаивать грудью, и брать приступомъ, по одиночкѣ, каждый изъ безчисленныхъ парадоксовъ, основанныхъ на гипотезахъ недоказанныхъ и даже невѣроятныхъ, а между тѣмъ слывущихъ за аксіомы. Для нашей ближайшей цѣли всего этого вовсе и не нужно. Достаточно замѣтить, что крайніе

выводы матеріализма встрѣчаютъ теперь всюду, даже у насъ, сильную реакцію. Нигилизмомъ пренебрегаютъ, надъ нимъ глумятся, онъ съ каждымъ днемъ теряетъ авторитетъ и сочувствіе. Названіе нигилистъ сдѣлалось чуть-чуть не браннымъ словомъ. Большинство, какъ всегда, не думаетъ, да и не хочетъ дать себѣ труда подумать о томъ, отчего же нигилизмъ такая дурная вещь, отчего же, года два-три тому назадъ, оно было само на половину нигилистомъ и горячо сочувствовало этому складу мыслей? Необременяя себя труднымъ дѣломъ мышленія, большинство круто поворотило въ другую сторону; куда—не знаемъ, только навѣрное не къ философскому идеализму, который также предполагаетъ умственную дѣятельность, процессъ мышленія.

Какъ бы то ни было, охлажденіе и недовѣріе къ нигилизму—важный симптомъ, показывающій, что умственное и нравственное направленіе, которое у насъ господствовало еще въ недавнее время, измѣнилось. До сихъ поръ, къ сожалѣнію, это только перемѣна аппетитовъ, вліяніе случайныхъ обстоятельствъ, дѣло моды и каприза, и потому позволительно не придавать большого значенія этимъ колебаніямъ такъ-называемаго общественнаго мнѣнія. Идеализмъ и матеріализмъ глубоко коренятся въ самомъ свойствѣ мышленія, въ самихъ условіяхъ общественной и нравственной жизни, имѣютъ твердую основу въ вѣковыхъ усиліяхъ и завоеваніяхъ науки. Отъ нихъ нельзя отдѣлаться парой словъ, отыграться шутками. Пока наука о человѣкѣ, въ томъ числѣ и философія, не станетъ у насъ серьезнымъ дѣломъ, до тѣхъ поръ мы будемъ мѣнять направленія, какъ попало, и бросаться какъ дѣти, на всякую новизну, не имѣя средствъ провѣрить, что̀ въ ней правда, и что̀ ложь. Ни послѣдовательности, ни устойчивости въ мысляхъ, а слѣдовательно и въ дѣйствіяхъ, ожидать и требовать отъ насъ нельзя, при теперешней нашей умственной пустотѣ. Потому-то пора, давно уже пора, перенести вопросъ о нигилизмѣ въ науку, разобрать его критически, разсмотрѣть его безпристрастно со всѣхъ сторонъ, возвести его къ теоретическимъ, исходнымъ его началамъ. Какъ мы старались показать выше, нигилизмъ есть результатъ ошибочнаго вывода, есть, по своему источнику, теоретическая односторонность. Слѣдовало бы поставить вопросъ на эту почву, и дѣло скоро бы выяснилось вполнѣ. Мы по крайней мѣрѣ на свою долю глубоко убѣждены въ томъ, что прочный, безвозвратный выходъ изъ нигилизма совершится у насъ только съ той минуты, когда онъ сдѣлается предметомъ строгаго научнаго изслѣдованія и этимъ путемъ, шагъ за шагомъ, будетъ выработано другое, болѣе послѣдовательное правильное воззрѣніе.

Задача эта совсѣмъ не такъ легка, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Курсъ химіи, физики, астрономіи, естественной исторіи, можно перевести съ какого нибудь иностраннаго языка и сказать: вотъ вамъ книга, учитесь по ней; въ ней содержится послѣднее слово науки по этой части. Для науки о человѣкѣ, для философіи, даже для исторіи философіи, нѣтъ еще такой книги ни на какомъ языкѣ. Современная наука о человѣкѣ вся погружена въ разработку положительнаго матеріала, и твердо установившихся общихъ воззрѣній на духовную его сторону нѣтъ. Философія—въ совершенномъ запустѣніи и неизобразимомъ хаосѣ. Всюду, какъ и у насъ, замѣтны пока одни лишь неопредѣленныя стремленія и смутныя предчувствія новаго воззрѣнія; и наука и литература наполнены ими, но они не успѣли еще выработаться до яснаго сознанія, получить хотя сколько нибудь опредѣленныя формы и колеблются еще нерѣшительно между двумя указанными выше направленіями, которыя видимо падаютъ. Стало быть, на этомъ пути, нельзя жить чужимъ умомъ, чужими мыслями, а приходится самимъ думать и работать, работать и думать, до чего мы, какъ извѣстно, не большіе охотники.

Если не ошибаемся, первую попытку въ этомъ родѣ, хотя и не въ области философіи, представляетъ любопытная диссертація г. Неклюдова, подъ заглавіемъ: „Уголовно-статистическіе этюды". Мы встрѣтили эту работу съ большимъ интересомъ и сочувствіемъ именно потому, что авторъ переноситъ чрезвычайно-трудные вопросы о свободной волѣ и необходимости, о фатализмѣ и господствѣ человѣка надъ общественными и нравственными условіями, въ область науки и, не довольствуясь, какъ у насъ обыкновенно дѣлается, мимоходными категорическими заявленіями, за которыми должна скрываться цѣлая бездна премудрости, а на самомъ дѣлѣ ровно ничего нѣтъ, подвергаетъ эти вопросы, примѣнительно къ уголовному

праву и уголовной статистикѣ, критическому изслѣдованію и старается разрѣшить ихъ на основаніи положительныхъ данныхъ. О научномъ достоинствѣ матеріальной части его труда мы не беремся судить, потому что почти незнакомы съ этимъ отдѣломъ фактовъ, и намъ былъ бы не по плечу приговоръ о диссертаціи г. Неклюдова въ этомъ отношеніи. Уголовная статистика—дѣло само по себѣ такое новое, что врядъ ли и можно пока помышлять даже о приблизительномъ совершенствѣ уголовно-статистическихъ изслѣдованій, для которыхъ необходимѣйшаго матеріала еще не существуетъ. Работа г. Неклюдова—проба, опытъ, этюдъ, какъ онъ самъ ее называетъ. Поэтому едва-ли было бы справедливо требовать отъ него невозможной пока въ этомъ родѣ трудовъ отчетливости и точности. Въ такомъ новомъ и весьма еще темномъ дѣлѣ особенно важно и интересно пока знать, чего изслѣдователь ищетъ въ статистическихъ данныхъ, какъ на нихъ смотритъ, и съ какими вопросами къ нимъ приступаетъ и какихъ отвѣтовъ отъ нихъ ждетъ. Остроумные люди, при помощи игры въ статистическія цифры, съумѣли же вывести, что соли продается тѣмъ меньше, чѣмъ она дешевле; ясно, что шаткая, колеблющаяся почва статистическихъ данныхъ еще не выработалась до той объективности, которая бы исключала, или хоть ограничивала, произвольныя толкованія и выводы. При такомъ положеніи статистическаго матеріала, достоинство статистическихъ изслѣдованій, по необходимости, измѣряется не столько самимъ предметомъ, сколько взглядомъ, съ которымъ ученый пускается въ эту невѣдомую и обманчивую область знанія.

Г. Неклюдовъ, во введеніи къ своей работѣ, объяснилъ, какъ онъ смотритъ на дѣло. Онъ не идеалистъ,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Онъ стоитъ на реальной почвѣ, единственно-возможной, единственно-плодотворной при изученіи общественныхъ и нравственныхъ вопросовъ, и въ этомъ отношеніи его точка отправленія вполнѣ современная, въ хорошемъ смыслѣ слова. Г. Неклюдова занимаетъ не положительное изученіе дѣйствующихъ постановленій для практическихъ цѣлей непосредственнаго примѣненія въ судѣ и администраціи, а объясненіе основныхъ началъ, на которыхъ стоитъ все зданіе уголовнаго права, отысканіе тѣхъ немногихъ корней, изъ которыхъ оно выростаетъ въ общественномъ и государственномъ быту людей. Это поставило г. Неклюдова, по необходимости, лицомъ къ лицу съ основными и важнѣйшими вопросами философіи права, заставило объяснить свою точку зрѣнія на преступленіе и наказаніе. Взглядъ на эти предметы какъ нельзя лучше опредѣляетъ направленіе; это пробный камень, по которому безошибочно можно судить, къ какой категоріи отнести автора и его работы. Преступленіе есть ли актъ свободной воли, или оно—дѣло необходимости, внѣшней или внутренней? Если оно актъ свободной воли, то могло быть, но могло и не быть совершено, и въ такомъ случаѣ наказаніе понятно; если же преступленіе совершается или не совершается по необходимости, то о свободной волѣ не можетъ быть рѣчи, а слѣдовательно и наказаніе не имѣетъ смысла. Никто и не думаетъ наказывать бревно за то, что оно, падая по законамъ механики, давитъ нѣсколькихъ людей. Безразличіе, къ которому, въ послѣднихъ выводахъ, приходитъ и философскій идеализмъ и матеріализмъ, отрицаетъ коренныя основанія уголовнаго права,—и свободу воли и различіе добра и зла, а затѣмъ и самое наказаніе. Нравственная философія, построенная на началахъ философскаго идеализма, есть или лицемѣріе или непослѣдовательность. Что касается до матеріализма, то онъ по крайней мѣрѣ и не задаетъ себѣ этой для него невозможной задачи и строго послѣдовательно отрицаетъ нравственную философію и уголовное право. До сихъ поръ уголовная статистика, казалось, блистательно оправдывала такой взглядъ. То, что̀ прежде считалось произведеніемъ свободной воли или случайности, приведенное въ статистическія цифры, оказалось подчиненнымъ такому же закону необходимости, какъ и явленія внѣшней природы. Судя по этимъ цифрамъ, преступленія, самоубійства, даже ошибки въ адресахъ писемъ возвращаются ежегодно съ какой-то роковой, ужасающей правильностью, почти въ томъ же самомъ числѣ. Итакъ, люди, слѣдуя своимъ влеченіямъ, желаніямъ, страстямъ, дѣйствуя, повидимимому, совершенно произвольно, по своему усмотрѣнію, на самомъ дѣлѣ какъ будто выполняютъ какой-то страшный законъ, который ежегодно требуетъ непремѣнно столькихъ-то случаевъ воровства, убійства, поджигательства, самоубійства, даже столькихъ-то ошибокъ въ надписяхъ на конвертахъ.

Передъ такимъ поразительнымъ свидѣтельствомъ цифръ невольно блѣднѣютъ всѣ разсужденія о свободной волѣ, о справедливости наказанія! Невольно западаетъ въ душу мысль, что явленія общественной и нравственной жизни—тѣ же явленія физической природы, совершающіяся съ обычной правильностью, по неизмѣннымъ законамъ и безъ всякаго участія свободной воли. У насъ такого рода вопросы обыкновенно трактуются съ непостижимымъ и непростительнымъ легкомысліемъ. Мы живо принимаемъ всякое рѣшеніе и живо его усвоиваемъ, не задумываясь долго надъ тѣмъ, какъ оно относится къ суммѣ нашихъ убѣжденій и какія изъ него вытекаютъ необходимыя послѣдствія. Въ Европѣ на такомъ отрицательномъ разрѣшеніи основныхъ вопросовъ нравственной философіи и уголовнаго права не могъ долго остановиться ни одинъ свѣтлый и глубокій умъ. Да и какъ въ самомъ дѣлѣ на немъ остановиться! Родъ людской, несчетное число лѣтъ, то силится придать волѣ безусловное значеніе, не зависящее отъ обстоятельствъ, пространства, времени, внѣшнихъ условій—и не можетъ; то силится отрицать ее, убѣдить себя, что воля—мечта, призракъ, фантазія, что никакой воли нѣтъ,—и тоже никакъ не можетъ! Оба отвѣта на вопросъ его не удовлетворяютъ; дѣйствительность, фактъ, очевидность, ежеминутно, на каждомъ шагу, доказываютъ ему, что и то и другое рѣшеніе не даютъ разгадки тайны.

Большая заслуга г. Неклюдова состоитъ именно въ томъ, что онъ серьезно и обдуманно отнесся къ этому трудному и необыкновенно-важному вопросу, не пошелъ по торной дорогѣ идеализма и матеріализма, и не увлекаясь блестящими мыслями, старается глубже вглядѣться въ дѣло, безпристрастно и свободно ищетъ истины. Съ фатализмомъ, съ необходимостью, отрицающей волю, онъ не можетъ примириться и, работая пристально надъ уголовно-статистическими данными, приходитъ къ заключенію, что они вовсе не доказываютъ фатализма съ его неизбѣжными послѣдствіями,—отсутствіемъ свободной воли человѣка, отрицаніемъ преступленія и наказанія. Постоянное и періодически-правильное возвращеніе однихъ и тѣхъ же преступленій, по его весьма справедливому замѣчанію, подкрѣпленному статистическими фактами, находится въ постоянномъ, правильномъ соотвѣтствіи съ условіями, которыя рождаютъ, точнѣе сказать, облегчаютъ преступленія, представляя соблазнъ или поводъ ихъ совершать; какъ только эти условія измѣняются—измѣняются и цифры преступленій: одни, извѣстнаго рода, умножаются или уменьшаются, другія совсѣмъ исчезаютъ, третьи появляются вновь. Стало быть, количествомъ и даже качествомъ преступленій управляютъ обстоятельства, которыя имъ благопріятствуютъ или не благопріятствуютъ. Мысль сама по себѣ простая и не новая. Она является и въ народныхъ пословицахъ: „l'occasion fait le larron"; „плохо не клади, вора въ грѣхъ не вводи", и въ результатахъ разныхъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ; у насъ, напримѣръ, цифра бродягъ и безпаспортныхъ, прежде огромная, съ отмѣною крѣпостного права, чрезвычайно уменьшилась. Такихъ примѣровъ безчисленное множество. Но все-таки намъ было особенно пріятно видѣть эту простую мысль обставленной и развитой научнымъ образомъ въ диссертаціи. Изъ нея слѣдуетъ, что постоянство фактовъ уголовной статистики есть лишь условное, зависимое отъ обстоятельствъ, съ перемѣной которыхъ измѣняются и самые факты; значитъ, изъ такого постоянства, правильности, періодичности, можно только заключать, что во всякомъ обществѣ есть извѣстный процентъ людей, у которыхъ реакція духовныхъ элементовъ человѣческой природы не такъ сильна, какъ у другихъ, или, говоря простымъ языкомъ, есть извѣстный процентъ людей слабыхъ, поддающихся болѣе или менѣе легко внѣшнимъ вліяніямъ и соблазнамъ. Если всѣ цифры точны и правильны и всѣ обстоятельства преступленій вполнѣ уяснены, то съ дальнѣйшими успѣхами статистики можно будетъ даже опредѣлить, какъ великъ въ различныхъ обществахъ процентъ такихъ людей; вывести же отсюда отсутствіе воли никакъ нельзя, и слѣдовательно, ни по какой человѣческой логикѣ нельзя заключать, что нѣтъ преступленія и не должно быть наказанія. Кромѣ того, правильное соотвѣтствіе преступленій съ извѣстными обстоятельствами и условіями, указывая на независимость первыхъ отъ послѣднихъ, указываетъ на возможность уменьшать число преступленій не однимъ страхомъ наказаній, но и другими способами. Общественныя и нравственныя условія быта измѣняются, какъ мы видѣли, не только сами собою, но и усиліями людей, при помо-

щи извѣстнаго сочетанія дѣятелей, которые ихъ производятъ; слѣдовательно, люди могутъ, устраняя обстоятельства и условія, способствующія преступленіямъ, уменьшить ихъ число, измѣнить ихъ характеръ и свойство, что и подтверждается на опытѣ результатомъ многихъ хорошо придуманныхъ и правильно выполненныхъ административныхъ и законодательныхъ мѣръ. Вотъ огромная практическая польза глубокаго изученія преступленій не съ одной ихъ юридической, но и съ бытовой стороны, со всей ихъ обстановкой, съ общими причинами, поводами и условіями, посреди которыхъ они являются. Такое изученіе покажетъ, отъ чего они умножаются, уменьшаются, перерождаются въ своей формѣ. Если это изученіе будетъ поведено правильно и точно, то оно укажетъ, рано или поздно, и на средства противодѣйствовать преступленіямъ не однѣми карательными мѣрами, но и ослаблять условія, которыя ихъ поддерживаютъ и умножаютъ. Г. Неклюдовъ идетъ гораздо далѣе. Ему думается, что этимъ путемъ преступленія, а слѣдовательно и наказанія, когда нибудь совсѣмъ переведутся. Мы не бросаемъ въ него камнемъ за такую благородную мечту, хотя и не вѣримъ, чтобъ она могла осуществиться. Безусловна только мысль; потому-то она и отвлеченность; дѣйствительная жизнь непремѣнно условна и относительна и по своей сложной природѣ постоянно колеблется между крайностями, никогда не сосредоточиваясь исключительно въ одной изъ нихъ. Больше, меньше, мало, чрезвычайно мало, почти нуль преступленій,—это мы охотно допускаемъ; совершеннаго исчезновенія преступленій—никогда! Но пусть мечта останется мечтой; дѣлу она не вредитъ. Признаемся, мы не охотники до фантазій, когда подкладкой имъ служитъ отрицаніе какого нибудь органическаго составного элемента дѣйствительной жизни. Г. Неклюдова нельзя въ этомъ упрекнуть; его фантазія есть поэзія науки, миражъ, представившійся ему на неизмѣримомъ разстояніи, куда не достигаетъ никакое зрѣніе; но все же путь, которымъ онъ идетъ, вѣренъ, а въ этомъ все дѣло. Ошибка зрѣнія только тѣшитъ его, ускоряетъ шагъ, поддерживаетъ силы, не заводя въ трущобу. Онъ совершенно правъ, говоря, что уголовно-статистическія изслѣдованія выработываютъ матеріалъ для уголовной политики, задача которой—указать вѣрныя средства для ослабленія и уменьшенія преступленій. Еще не такъ давно считали единственнымъ такимъ средствомъ—наказаніе; полагали, что оно и предупреждаетъ преступленія, и исправляетъ преступника. Съ тѣхъ поръ развитіе общественныхъ и политическихъ наукъ дало возможность взглянуть на дѣло еще и съ другой стороны. Открыли тѣсную связь преступленій съ общественными и нравственными условіями всего быта, нашли, что отъ послѣднихъ существенно зависятъ первые, и такимъ образомъ доискались, что кромѣ наказанія есть еще другой могущественный способъ предупреждать преступленія, именно улучшая общественныя и нравственныя условія и обстановку быта.

Вотъ взглядъ и точка отправленія г. Неклюдова. Нельзя имъ не сочувствовать. Двигаясь на такой почвѣ, гдѣ каждый неосторожный шагъ, каждый непродуманный выводъ, неудержимо ведетъ къ матеріализму и всѣмъ его необходимымъ послѣдствіямъ, онъ счастливо и удачно обходитъ эти опасности и представляетъ весьма отрадную въ нашей литературѣ попытку проложить для мысли новые пути, выбиться изъ чисто естественно-историческихъ воззрѣній на человѣка, изъ чисто отрицательнаго взгляда на нравственную его природу. Да, человѣкъ не есть неисключимый рабъ обстоятельствъ и обстановки! Онъ можетъ до извѣстной степени господствовать надъ ними, конечно не непосредственно, конечно не вдохновеніемъ или насиліемъ, но при помощи глубокаго изученія условій, посреди которыхъ ему суждено жить, умѣнія и навыка приспособлять ихъ къ своимъ потребностямъ и нуждамъ. А такое приспособленіе необходимо предполагаетъ въ человѣкѣ волю, точку опоры противъ окружающаго, при которой только и возможно относиться къ ней дѣятельно, а не пассивно. Въ этомъ-то признаніи въ человѣкѣ и въ цѣломъ обществѣ точки опоры противъ окружающаго мы и видимъ признакъ желаннаго поворота современныхъ воззрѣній на другой, лучшій путь.

Вотъ въ какомъ отношеніи работа г. Неклюдова заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, особеннаго вниманія.

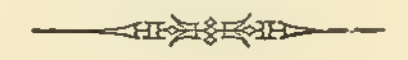
Манера его, способъ выраженія, свѣжи и молоды. Въ нихъ слышится и нетерпимость живого убѣжденія, и нетерпѣливость силы, и неумѣренность надеждъ, возбужденныхъ перспективами, которыя ему открылись въ наукѣ.

Его языкъ смѣлъ, иногда смѣлъ до дерзости. Отъ этихъ недостатковъ онъ освободится работой и годами. Трудъ и время увеличатъ его силы, умѣривъ ихъ.

Мѣсто г. Неклюдова—очевидно на университетской каѳедрѣ. Мы не желаемъ ему сейчасъ же званія профессора, ни даже штатнаго доцента, обязаннаго читать періодически извѣстную часть уголовнаго права по извѣстной программѣ, но отъ души желаемъ, чтобы онъ имѣлъ возможность работать безъ помѣхи въ томъ же направленіи и читать лекціи нѣсколько лѣтъ, не стѣсняясь никакой программой, выбирая для изслѣдованія и разработки вопросы уголовнаго права по своему усмотрѣнію, необязательно для него самого и для слушателей. Черезъ нѣсколько лѣтъ труда и изученія, изъ г. Неклюдова вышелъ бы, мы не сомнѣваемся, замѣчательный профессоръ уголовнаго права. Въ Германіи это, безъ сомнѣнія, такъ бы и было. А у насъ? У насъ эти желанія едва ли сбудутся. Давно ли приходили у насъ въ ужасъ отъ энциклопедіи законовѣдѣнія, въ убѣжденіи, что это та же проклятая наука, которую проповѣдывали безбожники и революціонеры во Франціи, въ концѣ XVIII столѣтія; давно ли Сэй зачислялся у насъ иными господами въ одинъ разрядъ съ Луи-Бланомъ и Прудономъ, подъ общимъ названіемъ коммунистовъ? Кто-то замѣтилъ весьма вѣрно, что мы особенно любимъ односложные отзывы обо всемъ. Сказавши о человѣкѣ, что онъ подлецъ, скотина, мы этимъ освобождаемся отъ головоломной обязанности подумать, что же это въ самомъ дѣлѣ за человѣкъ, о которомъ мы такъ любезно отзываемся, освобождаемся отъ тяжкаго для нашей умственной лѣни труда разбирать и оттѣнять его характеристическія особенности и тонкія черты. Г. Неклюдовъ говоритъ о нравственной статистикѣ, о фатализмѣ, о вліяніи внѣшнихъ условій на преступленія, о возможности, измѣнивъ условія, измѣнить число преступленій, хвалитъ Кетле, говоритъ смѣло, порой рѣзко,—не явно ли, что онъ нигилистъ? Ну, разумѣется, нигилистъ, и еще какой! А нигилистамъ какая же дорога на каѳедру? Слава Богу, если въ какой-нибудь канцеляріи писцами потерпятъ.

Мы были на диспутѣ г. Неклюдова. Внѣшняя обстановка, какъ всегда, была отличная: возраженія дѣлались, и магистрантъ отвѣчалъ на нихъ исправно. Но намъ показалось, что и возраженія и необходимые на нихъ отвѣты не стояли въ уровень съ главнымъ, существеннымъ содержаніемъ диссертаціи, не соотвѣтствовали важности вопросовъ, которыхъ она касается. Мы пожалѣли объ этомъ, въ особенности потому, что и вступительныя слова г. Неклюдова передъ диспутомъ и тезисы подавали поводъ къ весьма интереснымъ преніямъ, къ обсужденію чрезвычайно значительныхъ вопросовъ уголовнаго права; но оппоненты ограничились почти исключительно частными возраженіями, указаніемъ на дѣйствительныя или мнимыя погрѣшности въ деталяхъ. До коренныхъ задачъ диссертаціи никто не коснулся. Одинъ изъ членовъ факультета замѣтилъ, что г. Неклюдовъ напрасно приводитъ въ своей диссертаціи обвиненія, взводимыя на нравственную статистику: у насъ въ Россіи, ее въ этихъ винахъ не подозрѣваютъ, и потому не для чего было и подымать объ этомъ вопроса; но если уже авторъ рѣшился говорить объ этихъ обвиненіяхъ, то слѣдовало опровергнуть ихъ серьезно, его же опроверженія слабы и недостаточны. Мы надѣялись, что хоть по этому поводу споръ коснется коренныхъ вопросовъ, но ошиблись. Такъ онъ и удержался до конца на разборѣ частностей.

(С.-Петербургскія Вѣдомости, 1865, №№ 132 и 133).

ФИЛОСОФІЯ И НАУКА ВЪ ЕВРОПѢ И У НАСЪ *).

Мм. Гг! То, что я буду имѣть честь представить на ваше обсужденіе, есть нѣсколько мыслей о роли и значеніи философіи и науки на европейской почвѣ и у насъ. Позволяя себѣ обратить ваше вниманіе на этотъ предметъ, повидимому весьма отвлеченный и сухой, я очень далекъ отъ мысли утомлять васъ проведеніемъ невозможной параллели между несуществующей русской философіей и когда-то живыми, а теперь поблекшими европейскими доктринами. Предо мною носится другая задача, глубоко занимательная и современная.

Какъ бы ни были прискорбны многія явленія русской жизни въ наше время, оно имѣетъ одну знаменательную характеристическую черту, за которую ему простится многое: вездѣ, на всѣхъ путяхъ, самоувѣренная и самодовольная рутина постоянно, хотя и медленно, уступаетъ передъ проблесками своеобразной мысли, которая все чаще и чаще пытается выразиться въ образѣ, словѣ, дѣлѣ. Взгляните на всѣ стороны нашей современности,—на искусство, знаніе, на самоё практическую жизнь,—всюду вы встрѣтитесь съ попытками выбиться изъ готовой колеи на какую-то новую дорогу. Эти опыты, правда пока рѣдко бываютъ удачны; слишкомъ часто они отзываются еще то фразой, то натяжкой, то даже гримасой; но не надо забывать, что насъ давитъ всею своею тяжестью авторитетъ великихъ европейскихъ образцовъ, на которыхъ мы воспитывались почти цѣлыхъ два вѣка; а главное, мы еще не выучились думать и работать сосредоточенно, мы боремся противъ рутины какъ-то инстинктивно, безсознательно, урывками, ощупью, случайно. Наши слабыя зачинанія организуются въ стройное дѣло лишь съ той минуты, когда намъ совершенно уяснится, что мы такое теперь и чѣмъ должны быть, а такое сознаніе можетъ быть результатомъ лишь критической мысли и работы, которая теперь у насъ только начинается.

*) Читано въ общемъ собраніи членовъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ 17 ноября 1874 г.

Работа эта не легка, и совершить ее не подъ силу одному человѣку, а развѣ одному или двумъ поколѣніямъ мыслящихъ людей. Но у насъ она необходима и настоятельна, теперь можетъ быть больше, чѣмъ когда нибудь, и потому каждый, мнѣ кажется, обязанъ нести на судъ другихъ все, что имъ передумано. Только прикладывая песчинку къ песчинкѣ, мы можемъ ускорить критическое выясненіе нашихъ задачъ и нашихъ воззрѣній.

Глубоко сознавая эту обязанность, я рѣшаюсь, отложивъ въ сторону авторское самолюбіе и щепетильность, предстать передъ вами съ нѣсколькими бѣглыми замѣтками, въ сыромъ видѣ, какъ онѣ пришли мнѣ на умъ, въ надеждѣ, что и другіе сдѣлаютъ тоже самое, и изъ такого грубаго матеріала сложится со временемъ стройное зданіе самостоятельной русской критики и русской науки.

I.

Будущій историкъ, изслѣдуя наше время, не безъ изумленія спроситъ: чѣмъ объяснить быстрыя смѣны различныхъ направленій, точнѣе сказать настроеній, которыя мы, русскіе, пережили въ такое короткое время? Кто помнитъ, что у насъ думалось и писалось лѣтъ тридцать тому назадъ, тому невольно кажется, будто съ тѣхъ поръ прошелъ добрый вѣкъ,—такъ все измѣнилось въ нашихъ мысляхъ и нашей литературѣ. За какихъ нибудь двадцать, двадцать пять лѣтъ нельзя было писать ни о какомъ, даже самомъ обыкновенномъ, житейскомъ предметѣ, не предпославъ философскаго вступленія, довольно отвлеченнаго и туманнаго свойства. Общечеловѣческія соображенія, въ которыхъ нерѣдко здравый смыслъ только предполагался или подразумѣвался, проторгались рѣшительно всюду, даже въ разборы книгъ о поваренномъ искусствѣ. А теперь? Теперь

философія совершенно забыта. О ней никто не думаетъ; поминаютъ ее вскользь, развѣ для того только, чтобы потѣшиться надъ забавными простаками, которые могли заниматься такимъ вздоромъ. Говорить серьезно о философіи теперь почти такъ же смѣшно, какъ носить напудренный парикъ. Современники и свидѣтели прежнихъ нашихъ безконечныхъ философскихъ споровъ, сотрудники и усердные читатели журналовъ того времени, переполненныхъ философскими умозрѣніями, не могутъ не чувствовать себя теперь перенесенными въ какой то другой, чуждый имъ міръ.

Удивительная перемѣна! Въ послѣднее время вышло въ свѣтъ не мало замѣчательныхъ книгъ по части философіи въ русскомъ переводѣ. Лѣтъ двадцать тому назадъ появленіе ихъ у насъ было бы цѣлымъ событіемъ; журналы, задолго впередъ, возвѣстили бы о ихъ выходѣ и посвятили бы имъ обширныя статьи въ отдѣлѣ критики; объ этихъ книгахъ и по ихъ поводу завязались бы безконечные споры на словахъ и въ печати; всякій, кто и не читаетъ журналовъ, счелъ бы своею обязанностью, кстати и некстати, заявить, что эти книги ему извѣстны, что онъ имѣетъ о нихъ свое мнѣніе; имена ихъ переводчиковъ и издателей произносились бы всѣми съ сочувствіемъ или злобой, смотря по взгляду и литературной партіи, но во всякомъ случаѣ не было бы закоулка, гдѣ бы о нихъ не говорили люди, хотя бы только претендующіе на названіе образованныхъ. А теперь? Теперь эти почетные труды едва кому извѣстны; они прошли почти не замѣченными и украшаютъ собою не кабинеты ученыхъ литераторовъ, журналистовъ и любителей, а кладовыя издателей, которые горюютъ, зачѣмъ такъ непроизводительно употребили свои деньги.

Отчего такая странная перемѣна и что̀ она означаетъ: упадокъ ли у насъ науки и литературы, или движеніе впередъ, бо̀льшую зрѣлость мысли и знанія?

Намъ кажется, ни того, ни другого. По правдѣ сказать, и самая-то перемѣна больше на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ. Все обстоитъ у насъ по старому, какъ ведется многіе и многіе десятки лѣтъ. Философія никогда не была у насъ предметомъ серьезнаго интереса. Живая въ ней потребность есть плодъ богатой умственной и нравственной жизни, которая у насъ пока еще впереди и представляетъ лишь чаемое будущее. Въ Греціи философія явилась на смѣну религіознымъ вѣрованіямъ, развившимся изъ первобытнаго обожанія силъ и явленій природы. Когда древніе греки вышли изъ возраста, которому такія вѣрованія свойственны, философія стала для нихъ необходимостью, жизненнымъ дѣломъ; она дала отвѣтъ на вопросы, которые неизбѣжно представляются возмужавшему человѣку и народу и которыхъ юношескія представленія не разрѣшали. У новыхъ европейскихъ народовъ философія шла долгое время рука объ руку съ религіей. Христіанство разсѣяло сомнѣнія древняго міра, и потому философія была сперва только отголоскомъ вѣры, служила ей и вторила. Но когда католическая церковь пропиталась язычествомъ и, утративъ христіанскій духъ, налегла тяжкимъ бременемъ на мысль, совѣсть и бытъ европейскихъ народовъ, явился протестъ противъ обманчиваго подобія вѣры; авторитетъ католичества былъ отвергнутъ, и на смѣну ему явился протестантизмъ, опиравшійся, въ борьбѣ съ упаслѣдованной вѣрой, на науку и знаніе. Философія сдѣлалась тогда такимъ же орудіемъ протестантства, какъ прежде была орудіемъ католичества. Такъ въ западной Европѣ философія не расходилась съ религіей. Она выросла на почвѣ вѣры, вскормлена борьбою за религіозные вопросы, переплеталась въ тысячахъ сочетаній съ вѣроученіемъ и видоизмѣнялась вмѣстѣ съ движеніемъ религіозныхъ вѣрованій. Оттого философія вошла въ плоть и кровь новыхъ европейскихъ народовъ, была у нихъ жизненнымъ дѣломъ; а когда религіозный интересъ охладѣлъ, философія оказалась единственною преемницею богатаго наслѣдства, завѣщаннаго многовѣковымъ религіознымъ развитіемъ. На нее и перенесены были всѣ ожиданія и надежды, которыя въ средніе вѣка возлагались на религію.

Находимъ ли въ нашемъ прошедшемъ что-нибудь подобное? Вся наша дѣятельность и силы были поглощены исключительно выработкой однихъ непосредственныхъ внѣшнихъ условій государственнаго и народнаго существованія. Столѣтія прошли въ этихъ заботахъ, въ борьбѣ за бытіе, въ развитіи первыхъ зачатковъ гражданственности и языка. При такихъ условіяхъ, вѣра и церковь посвятили себя у насъ тѣмъ же трудамъ, стоявшимъ на первой очереди, и стали нашимъ народнымъ знаменемъ, выраженіемъ нашего

государственнаго единства, а раскрытіе внутренней стороны христіанства было, по необходимости, предоставлено будущимъ, менѣе удрученнымъ поколѣніямъ. На западѣ борьба церкви съ государствомъ и католичества съ протестантизмомъ заставляла людей додумываться до высшихъ началъ, которыя могли бы разрѣшить эту борьбу; у насъ церковь никогда не выдѣлялась изъ народной и государственной жизни, не представляла обособленной, гнетущей силы; слѣдовательно не было никакого внѣшняго повода къ богословскимъ спорамъ и развитію философіи. Откуда же ей было родиться на такой почвѣ? Съ чего бы могла она стать здѣсь насущною потребностью, живымъ дѣломъ? Ничего такого никогда и не бывало. Философія завезена къ намъ изъ Европы, вмѣстѣ съ другими заграничными новизнами, и имѣла въ Россіи одну съ ними судьбу. Выводы изъ нея, насколько они были практически пригодны, пошли въ дѣло, которое предстояло дѣлать, а сущность философскихъ ученій, ихъ научная, теоретическая сторона, въ которой выражалась самая суть жизни европейскихъ народовъ, стала предметомъ празднаго дилетантизма и быстро-смѣняющейся моды. Что въ Европѣ было отголоскомъ и результатомъ внутренняго развитія, то у насъ вырождалось, умалялось, утрачивало значеніе, въ виду нашихъ не хитрыхъ потребностей, или обращалось въ предметъ досужаго любопытства для большинства такъ-называемыхъ образованныхъ людей, исчезавшихъ, какъ пылинки, въ огромной массѣ,—многомного что усвоивалось отдѣльными единицами, которыя горячо, съ убѣжденіемъ примыкали къ европейской жизни. Этимъ все и ограничивалось. Наша почва не представляла условій для акклиматизаціи чужеземнаго растенія европейской философіи, и она глохла у насъ, не пустивъ корней. Что происходило въ покроѣ нашего платья, въ обстановкѣ нашей ежедневной жизни, то дѣлалось и съ нашими философскими взглядами: они были такимъ же рабскимъ отголоскомъ европейскихъ ученій, въ ихъ хронологической послѣдовательности, но безъ той внутренней связи и внутренняго процесса, который въ Европѣ ихъ постепенно создавалъ, вытѣсняя старыя ученія и ставя на ихъ мѣсто новыя. Такъ велось у насъ сто лѣтъ тому назадъ, такъ и теперь. Мы удивляемся, что въ какихъ-нибудь двадцать лѣтъ исчезли и слѣды того философскаго увлеченія, которое замѣчалось у насъ прежде во всѣхъ образованныхъ кружкахъ и, казалось, предвѣщало у насъ философіи прочную и свѣтлую будущность. Но не то же ли было и прежде? Развѣ не такъ-же занимали въ свое время умы нашихъ образованныхъ слоевъ Гоббсъ, Пуффендорфъ, Вольфъ, Локкъ, Лейбницъ, Руссо, Вольтеръ, французскіе энциклопедисты, Кантъ, Шеллингъ, какъ впослѣдствіи Гегель и Шопенгауеръ, а теперь О. Контъ и новѣйшая англійская школа? Да и что же иное наше теперешнее пренебреженіе къ философіи, какъ не отголосокъ того же пренебреженія къ ней въ западной Европѣ? Отношеніе между европейскимъ философскимъ движеніемъ и нашими смѣняющимися настроеніями остается все то же, какимъ было сто лѣтъ тому назадъ. Въ Европѣ, за секуляризаціей цѣлаго быта, послѣдовала и секуляризація философіи. Насталъ критическій періодъ, глубоко потрясшій самыя основанія европейской жизни и подкопавшій подъ корень стародавнія воззрѣнія. Онъ продолжается и до сихъ поръ. Каковъ бы ни былъ его исходъ, каждый актъ великой драмы европейской жизни есть результатъ прошлаго, каждая крайность страстной мысли въ разгарѣ борьбы есть выводъ изъ цѣлаго ряда бытовыхъ и научныхъ данныхъ. Прошлое, пережитое, отвергнутое, живетъ еще въ настоящемъ, предполагается въ новыхъ созданіяхъ европейской мысли, объясняетъ и оттѣняетъ ее. Кантъ продолжается въ Фейербахѣ, какъ Локкъ въ Боклѣ. У насъ нѣтъ и не можетъ быть этого преемства философскихъ воззрѣній; мы беремъ каждое ученіе особнякомъ, принимаемъ или отбрасываемъ его по впечатлѣніямъ, ищемъ въ немъ догматической истины, а не отвѣта на поставленные предъидущимъ вопросы, и потому такъ же скоро разстаемся, какъ его приняли. На нашу жизнь эти случайныя перепрыжки отъ системы къ системѣ, отъ воззрѣнія къ воззрѣнію, не имѣютъ рѣшительно никакого вліянія и ничего собою не выражаютъ. Сегодня идетъ полоса позитивизма, вчера шла полоса идеализма; какъ знать, завтра, можетъ быть, пойдетъ полоса спиритизма, или чего-нибудь подобнаго.

II.

Эти факты естественно наводятъ на такую мысль: нельзя ли намъ вовсе обойтись безъ философіи, благо никто о ней у насъ теперь и не помышляетъ? Къ философіи, въ послѣднее время, сильно охладѣли и въ Европѣ. Если она была необходимымъ спутникомъ тамошняго развитія, которому мы такъ чужды, то съ какой стати намъ подымать старыя дрожжи? Что намъ въ этой философіи, натворившей столько бѣдъ, расплодившей столько заблужденій, и однако все таки не приведшей ни къ какимъ положительнымъ результатамъ? Точныя науки — другое дѣло: чему онѣ учили тысячу лѣтъ тому назадъ, то остается истиной и теперь. Новыя въ нихъ открытія не упраздняютъ сдѣланнаго прежде; знанія накопляются и запасъ ихъ все увеличивается и увеличивается. А философія? Она до сихъ поръ не выработала ни одного положительнаго, твердаго результата и, вертясь какъ бѣлка въ колесѣ, на самомъ дѣлѣ не двигается съ мѣста. Должны же когда-нибудь люди понять тщету и безплодность усилій открыть какую-нибудь непреложную истину путемъ философіи; и почему же не быть намъ счастливымъ народомъ, которому суждено разстаться, разъ навсегда, съ этимъ заблужденіемъ, — тѣмъ болѣе, что въ насъ нѣтъ и никакихъ задатковъ для развитія этой призрачной науки?

На первую половину этихъ полу-сомнѣній и полу-вопросовъ отвѣчать не трудно. Родъ человѣческій, отъ созданія міра, задавался философскими вопросами и, несмотря на тщету рѣшеній, періодически возвращался и возвращается къ нимъ снова. Если безумно искать того, чего нельзя найти, то такое безуміе есть, во всякомъ случаѣ, родовое, принадлежность человѣческой расы, и мы, составляя часть ея, по всей вѣроятности, пойдемъ одною дорогой съ другими племенами. Философія вездѣ и всегда сопровождала умственную жизнь и была ея показателемъ. Какъ только сложится у насъ такая жизнь, неизбѣжно явятся и философскіе взгляды. А что касается безуспѣшности попытокъ добиться чего-нибудь положительнаго философскимъ путемъ, то противъ этого предразсудка можно сказать многое. Не слишкомъ ли мы требовательны и нетерпѣливы? Что послѣднее слово философіи не сказано,—это не подлежитъ сомнѣнію; но изъ-за того, что оно не выговорено, не упускаемъ ли мы изъ виду частныхъ, очень прочныхъ результатовъ, которые ею добыты? Дознанная неудовлетворительность прежнихъ философскихъ системъ не есть ли уже, сама по себѣ, важный, хотя пока, правда, только отрицательный выводъ? Трудно отвергать, что, признавъ множество взглядовъ не ведущими къ разрѣшенію задачи, мы, тѣмъ самымъ, точнѣе чѣмъ прежде очерчиваемъ предѣлы вопроса и его рѣшенія, а это конечно есть важный результатъ; значитъ, мы на столько приблизились къ рѣшенію, или, если хотите, настолько удалились отъ ошибочнаго рѣшенія; нѣсколько шансовъ на пути заблужденій меньше, — стало быть, нѣсколько шаговъ на пути къ истинѣ выиграно.

Но этого мало. Каждое философское ученіе, отвергая другія, приходитъ къ тому посредствомъ изслѣдованій, которыя и побуждаютъ уклониться отъ прежняго рѣшенія и предложить новое. Положимъ, оно тоже ошибочно; но частныя изслѣдованія, которыя къ нему привели, нерѣдко имѣютъ свою безотносительную цѣну и подвигаютъ дѣло впередъ. Какъ часто случается встрѣтить въ ученіи давно отвергнутомъ отдѣльныя замѣчанія и мысли, поставленія и разрѣшенія частныхъ вопросовъ, которыя остаются безспорными и которыми послѣдующія ученія пользуются для другихъ заключеній. Эти замѣтки, мысли, изслѣдованія составляютъ прочный капиталъ философіи, переходящій по наслѣдству отъ поколѣнія къ поколѣнію; онъ постепенно все ростетъ и увеличивается. Нетерпѣливо желая видѣть послѣдній результатъ долговѣчной работы, мы смотримъ свысока на это накопленіе частныхъ трудовъ и думаемъ, что если все не сдѣлано, то не сдѣлано ничего; однако именно этотъ запасъ опытности и дѣлаетъ для насъ невозможнымъ возвратъ къ старымъ, отвергнутымъ системамъ, повтореніе задовъ, что было бы непремѣнно, еслибъ накопленный матеріалъ не обусловливалъ нашей мысли и не направлялъ ее неизбѣжно-обязательно на новые пути. Этотъ ходъ безспорно дліненъ и утомителенъ; но не надо забывать, и это всякій знаетъ—что чѣмъ сложнѣе задача, тѣмъ труднѣе ея рѣшеніе. Понятно, что задачи философіи, самыя сложныя и трудныя изъ всѣхъ, должны требовать для своего рѣшенія и больше времени, и больше усилій. Пока всѣ сколько-нибудь важные част-

ные вопросы, которыхъ разрѣшеніе предполагаетъ философія, не будутъ совершенно выяснены, до тѣхъ поръ она по необходимости будетъ перепадать изъ ошибки въ ошибку, изъ заблужденія въ заблужденіе; но кругъ ихъ, какъ сказано, будетъ все тѣснѣй и тѣснѣй, пока наконецъ мысли не останется другого исхода, кромѣ истины, возможной и доступной для человѣка.

А если это такъ, то способность народа къ философіи, характеръ участія въ ея развитіи и самое значеніе такого участія,—все это должно представиться совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ мы привыкли думать. Мы воображаемъ, что народъ по натурѣ способенъ или не способенъ къ философіи, и фаталистически объясняемъ, почему у однихъ есть философскія ученія, а у другихъ нѣтъ,—точно у каждаго изъ нихъ на-роду написано имѣть или не имѣть философіи. Мы думаемъ, что ужъ если нѣтъ и не бывало безусловно истинной философской системы, то не стоитъ имѣть никакой; въ связи съ этимъ взглядомъ намъ представляется, что философія—плодъ кабинетной работы, высижена упорнымъ головнымъ трудомъ, и потому стоитъ внимательно прочесть книжки, гдѣ напечатаны философскія ученія, чтобы отлично усвоить ихъ себѣ и потомъ примѣнять ихъ результаты въ любой странѣ и у любого народа. Но на повѣрку выходитъ, что всѣ эти и подобныя имъ представленія о философіи въ дѣйствительности совсѣмъ не оправдываются. Философія, какъ всякая другая наука, вырабатывается исподоволь, постепеннымъ накопленіемъ частныхъ изслѣдованій. Какъ ни одна наука, касающаяся съ какой бы то ни было стороны человѣка или природы, не сказала еще своего послѣдняго слова, не смотря на тысячелѣтнія усилія, такъ и философія; потому-то историческая обстановка философскаго движенія и развитія играетъ въ ней такую большую роль. При изученіи философскихъ доктринъ также важно объяснить, при какихъ обстоятельствахъ и условіяхъ онѣ сложились, какъ и то, чему онѣ учатъ; недостатокъ окончательныхъ выводовъ науки, имѣющихъ догматическое достоинство и важность, выдвигаютъ на первый планъ историческую сторону, и весь интересъ сосредоточивается, главнымъ образомъ, на томъ, какъ, по какому поводу и при какихъ данныхъ опредѣлилась философская доктрина. Но тутъ то и оказывается, что понять ее гораздо труднѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Если философскія воззрѣнія, имѣвшія въ свое время огромное вліяніе на людей и цѣлую эпоху, впослѣдствіи утратили свое значеніе и оказались недостаточными, то сила ихъ дѣйствія очевидно зависѣла не отъ одной степени ихъ истинности, но и отъ того настроенія и расположенія умовъ, которое дѣлало людей особенно склонными принимать извѣстныя воззрѣнія и имъ сочувствовать; а такое настроеніе и расположеніе, въ свою очередь, зависятъ отъ извѣстныхъ обстоятельствъ и обстановки. Человѣку и народу необходимы особенныя, могучія побужденія, чтобы вызвать ихъ къ дѣятельности, тѣмъ болѣе къ философскимъ взглядамъ. Нужны глубокія противорѣчія въ жизни, большой внутренній разладъ и страданія, столкновенія сильныхъ страстей, чтобы заставить людей подняться умомъ до высшихъ вопросовъ философіи и попытаться найти имъ рѣшеніе. Въ кабинетѣ мысль только обрабатывается, получаетъ научную форму и обдѣлку, но зарождается она всегда посреди борьбы и страданій; она, можно сказать, вымучивается у эпохъ и народовъ. Оттого такъ разнообразны философскія системы, такъ запечатлѣны онѣ мѣстнымъ колоритомъ и современными условіями. Можно выучить наизусть философскія ученія и повторять ихъ слова, не принимая ихъ къ сердцу и не соединяя съ ними того глубокаго жизненнаго смысла, какой они имѣютъ въ устахъ людей и народовъ, которые ихъ создали. Такое наружное воспринятіе доктрины и остается холоднымъ, безъ всякаго вліянія на жизнь, и замѣняется очень легко другимъ, такимъ же безучастнымъ и вялымъ. Философское ученіе, вылившееся изъ глубины души у однихъ, у другихъ обращается, при такихъ условіяхъ, въ предметъ пустого любопытства или моды, и служитъ не для разрѣшенія жизненныхъ вопросовъ, не для удовлетворенія требованій ума, а какъ средство для болѣе или менѣе пріятнаго и остроумнаго разговора, который даетъ желанный случай блеснуть дешевымъ знаніемъ и умѣньемъ фехтовать на словахъ.

Такимъ образомъ, нельзя утверждать, что тотъ или другой народъ способенъ или неспособенъ къ философіи. Всѣ къ ней способны; только отсутствіе поводовъ и побужденій задуматься надъ философскими задачами объясняетъ отсутствіе серьезнаго къ ней интереса, какое замѣчается, напри-

мѣръ, у насъ; а съ другой стороны, дѣйствительная постановка философскихъ вопросовъ у каждаго народа такъ своеобразна, такъ обусловлена его историческими особенностями и обстоятельствами, что философскія воззрѣнія можно, не искажая истины, считать такими же національными явленіями, какъ произведенія изящной литературы или искусства. Нашъ обычный пріемъ — собирать въ одно философскія ученія всего міра и обозрѣвать ихъ по извѣстной системѣ, прирѣзывая и прикраивая ихъ по усмотрѣнію, есть вѣрный способъ сдѣлать невозможнымъ правильный взглядъ на развитіе философіи, потому что философскія доктрины не могутъ быть схематизированы такимъ образомъ, безъ утраты существеннаго своего смысла. Онѣ возникаютъ при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ, по самымъ разнообразнымъ поводамъ, и вслѣдствіе того такъ различны, что трудно подвести ихъ даже подъ общія группы, а вытянуть въ послѣдовательный рядъ, какъ мы дѣлаемъ, совсѣмъ невозможно. Что мы, русскіе, до сихъ поръ не имѣли философіи и очень мало о ней заботимся, хотя когда-то много о ней толковали, доказываетъ только, что насъ еще ничто не заставляло глубоко задуматься; а когда разъ такая необходимость явится, будутъ и у насъ философскія ученія и сильно отзовутся въ умахъ и сердцахъ, потому что, вмѣсто болѣе или менѣе остроумнаго повторенія того, что думали другіе, они займутся разрѣшеніемъ нашихъ настоятельныхъ, насущныхъ вопросовъ и слѣд. будутъ отвѣтомъ на живыя народныя потребности.

III.

Пойдемъ теперь далѣе, и спросимъ: въ какихъ нашихъ вопросахъ могутъ заключаться задатки для развитія философіи и у насъ?

Очень трудно отвѣчать на этотъ вопросъ. При рѣшеніи всѣхъ нашихъ несложныхъ задачъ, мы до сихъ поръ такъ добродушно и наивно руководимся сметкой, практическимъ навыкомъ, много-много что справкой въ иностранныхъ книгахъ, что можно смѣло сказать, такихъ задачъ пока нѣтъ вовсе. Да и поводовъ къ нимъ нѣтъ, повидимому, никакихъ. Насъ не давятъ преданія отжившаго и чуждаго намъ міра; церковь, подобная католической, только по имени христіанская, на самомъ же дѣлѣ языческая, насъ не угнетаетъ; одинъ народъ не сидитъ у насъ на плечахъ у другого, городъ не притѣсняетъ села, феодалъ — вассала; нѣтъ безконечной дробности обычаевъ, преданій и правъ, которая представляла бы чрезвычайныя преграды государственному и народному единству. Правда, мы не разъ кряхтѣли и изнемогали подъ тяжестью ноши, которая на насъ взваливалась разными внутренними и внѣшними невзгодами; но нашъ умъ и совѣсть не возмущались глубокими сомнѣніями, не разрывались внутренними противорѣчіями, которыя только и вызываютъ думу, — эту почву философіи, эту живую точку отправленія философскихъ воззрѣній.

Есть однако и у насъ одинъ вопросъ, которому, кажется, суждено, рано или поздно, стать родоначальникомъ и источникомъ самостоятельнаго и народнаго философскаго мышленія. Такой вопросъ—наша нравственная личная несостоятельность и негодность, о которыя сокрушаются у насъ всякія благія начинанія, откуда бы они ни шли. Едва ли можно указать въ цѣлой исторіи другой примѣръ подобнаго личнаго нравственнаго ничтожества, при такомъ величавомъ государственномъ развитіи. Для насъ, современниковъ, оно пока еще заслонено переходомъ, который мы совершаемъ въ новый періодъ историческаго существованія, перестройкой нашего внутренняго быта и связанными съ тѣмъ заботами... Но когда уляжется эта временная суетливость и возбужденіе, когда новые пути обозначатся яснѣе и мы опять станемъ лицомъ къ лицу съ самими собою въ ежедневной будничной жизни, вездѣ и всегда однообразной и прозаической, — намъ придется серьезно и мучительно задуматься надъ нашей полной современной нравственной негодностью, при которой никакой правильный ежедневный бытъ, хотя бы самый неприхотливый, невозможенъ и немыслимъ.

Одной изъ характеристическихъ особенностей нашего историческаго развитія было и до сихъ поръ есть—чрезвычайно слабое, едва замѣтное участіе въ немъ личнаго дѣйствія, воли, энергіи человѣка. Не будь нѣсколькихъ дѣятелей, да очень немногихъ, затерянныхъ въ массѣ мыслящихъ людей, можно было бы подумать, что не исторія народа развивается, а совершается стихійный, безличный процессъ. Въ западной Европѣ переходы изъ одной фазы историческаго развитія въ другую обозначались усиленнымъ движеніемъ умовъ,

разгаромъ страстей, борьбой партій, нерѣдко разрѣшавшейся междоусобіями или войнами. Въ страстныхъ порывахъ уносилось отжитое и зарождалось новое; бури расчищали дорогу торжественному ходу исторіи. Ничего подобнаго у насъ не происходило. Когда по ходу вещей наступала пора смѣнить обветшалыя формы, замѣчалось, что сложившіяся долгимъ временемъ привычки ослабѣвали и расшатывались; но изъ-подъ нихъ не прорывались ни бѣшеныя страсти, ни непомѣрныя притязанія гордой мысли; вмѣсто того, сквозь трещины осѣдающаго зданія проступали плѣсень и гнилость, и ихъ усиленіе служило предвѣстіемъ, что будетъ перемѣна, что она близится. Наконецъ, она дѣйствительно наступала: государство призывало микроскопическое меньшинство къ преобразованію и при его сочувствіи и дѣятельномъ участіи проводило реформу, которая совершалась обыкновенно молча. Послѣ того, гнилость и плѣсень на время еще продолжались, и даже какъ будто усиливались, а затѣмъ понемногу исчезали, впредь до приближенія новаго перелома въ государственной жизни.

Обѣ формулы историческаго развитія, въ Европѣ и у насъ, имѣютъ свои выгоды и свои неудобства, до которыхъ мы здѣсь не коснемся; но дѣло въ томъ, что глубокое ихъ различіе объясняется различною, здѣсь и тамъ, ролью лица. Въ Европѣ исторія совершалась при дѣятельномъ его участіи; лицо внесло тамъ въ ходъ ея свои взгляды, убѣжденія, страсти и произволъ. Этотъ дѣятель,—человѣческая личность, — такъ ярко выступаетъ тамъ въ историческомъ движеніи, что съ перваго взгляда можно подумать, будто онъ одинъ творитъ исторію и нѣтъ другихъ движущихъ ея пружинъ. У насъ наоборотъ: лицо такъ стушевано, такъ блѣдно, такимъ является пассивнымъ носителемъ исторіи, что можно подумать, будто сами элементы, сочетаясь между собою, безъ посредства лицъ, по присущимъ имъ законамъ, необходимо и неизбѣжно, какъ природа, выводятъ однѣ за другими различныя фазы историческаго движенія. Большинство людей, не участвуя дѣятельно въ этомъ стихійномъ процессѣ, подчиняются ему какъ судьбѣ, не отзываясь на него ни мыслью, ни сердцемъ. Въ этомъ, между прочимъ, причина необыкновенной трудности разгадать смыслъ разныхъ событій русской исторіи, имѣвшихъ, повидимому, большое вліяніе на ходъ дѣлъ; объ этихъ событіяхъ часто нѣтъ другихъ свѣдѣній, кромѣ лаконической строчки въ лѣтописи или современномъ актѣ; мысль тогдашнихъ людей не освѣтила для насъ значенія факта, его причинъ и послѣдствій; она остановилась на немъ, какъ будто для того только, чтобъ безучастно и пассивно занести его въ сухой перечень событій.

Отсюда — противоположныя задачи внутренняго развитія въ Европѣ и у насъ. Тамъ надо было выдвинуть впередъ тѣ общія основанія, на которыхъ зиждется общественный строй и которыя безпрестанно оттѣснялись чрезмѣрно-выдающимися притязаніями отдѣльныхъ личностей и созданныхъ ими добровольныхъ товариществъ и союзовъ. У насъ, наоборотъ, главныя направленія внутренней исторіи выражаютъ потребность вызвать къ дѣятельности и жизни личность, ввести ее тоже въ общую экономію развитія.

Въ послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ сдѣлано у насъ, въ этомъ направленіи, несравненно болѣе, чѣмъ когда-либо прежде. Но способны ли мы, современники одной изъ знаменательнѣйшихъ эпохъ русской жизни, наполнить живымъ содержаніемъ новыя формы общественности? Составимъ инвентарь тѣхъ личныхъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ, которыми мы располагаемъ для обновленія нашей гражданственности. Какая поразительная и прискорбная бѣдность! Слова заступаютъ у насъ мѣсто мыслей и убѣжденій, сноровка и наружный тактъ—рѣшенія воли и характеръ, надерганныя изъ печатнаго фразы —продуманное знаніе. Инстинкты, капризы, случайныя обстоятельства и обстановка опредѣляютъ наши дѣйствія, въ которыхъ оттого нѣтъ ни плана, ни послѣдовательности, ни выдержки. Мы лишены почти всякаго умственнаго и нравственнаго содержанія, и потому нѣтъ у насъ ни идеаловъ жизни, ни твердой воли, ни живыхъ интересовъ къ чему бы то ни было. Все скользитъ по насъ, вызывая иногда взрывы; но они не имѣютъ значенія и проходятъ безъ послѣдствій, потому что имъ не на что опереться въ пустотѣ, царящей внутри насъ. Насъ нельзя назвать ни хорошими, ни дурными людьми: мы не подлежимъ нравственному вмѣненію. Отъ внутренней пустоты и безсодержательности, скука томитъ насъ, и мы несемъ ее всюду—въ семью, въ пріятельскую бесѣду и общество; отъ скуки мы съ жаромъ бросаемся на все, въ надеждѣ развлечься, и не можемъ ни на чемъ остановиться и успокоиться, по неспособности со-

средоточиться на чемъ бы то ни было. Отъ той же умственной и нравственной безсодержательности, мы не способны удержать своихъ мыслей и чувствъ на извѣстной высотѣ и тотчасъ же перепадаемъ изъ мечты въ грязь и пошлость. Мы самые ненадежные люди, но не преднамѣренно, а по легкомыслію и вѣтренности. Никакихъ благъ, даже матеріальныхъ, мы не умѣемъ цѣнить, потому что ничто не западаетъ глубоко въ нашу душу.

Руки опускаются, когда подумаешь о нашей умственной и нравственной нищетѣ, особливо въ виду громаднаго дѣла обновленія, надъ которымъ намъ приходится работать, и на которое нужно много силъ, много труда и умѣнья. Внутри насъ нѣтъ сдержки, нѣтъ узла и центра, къ которому сходились бы впечатлѣнія, въ которомъ бы они сосредоточивались, перерабатывались, группировались, и изъ котораго, въ новомъ видѣ, дѣйствовали бы на внѣшнюю нашу жизнь, дѣятельность, общество. Не то—европеецъ, даже самый посредственный. Каковы бы ни были его нравственныя качества и умственныя свойства, какъ бы высоко или низко онъ ни стоялъ на общественной лѣстницѣ, онъ всегда хорошо знаетъ, къ чему, зачѣмъ и какъ идетъ; намѣреніе, цѣли и средства у него обдуманы и соображены, у насъ—рѣдко, почти никогда. Не трудно себѣ представить, какіе изъ насъ могутъ выйти дѣятели въ домашнемъ и частномъ быту, или въ томъ кругѣ общественной жизни, который намъ принадлежитъ,—какъ мы въ нихъ устроимся, и какъ они устроятся, благодаря нашему участію! Факты налицо. Мы сами громко, во всеуслышаніе, заявляемъ, что нашъ частный и общественный бытъ ниже посредственности. Но вмѣсто того, чтобъ обратиться на самихъ себя, мы ищемъ объясненія нашихъ золъ въ разныхъ внѣшнихъ, побочныхъ обстоятельствахъ, и, пребывая упорно въ иллюзіяхъ, убаюкиваемъ себя тѣмъ, что насъ впослѣдствіи улучшитъ внѣшняя обстановка, для которой мы пока сами не годимся, и которая, пока мы таковы, не можемъ ни явиться, ни держаться. Въ этомъ заколдованномъ кругу мы безнадежно вертимся, не видя себѣ ни откуда ни свѣта, ни помощи.

Все это, положимъ, и такъ, скажутъ иные, но какое же оно имѣетъ отношеніе къ философіи? Насъ исправитъ и воспитаетъ церковь, школа, законъ, когда они дѣятельно и серьезно возьмутся за дѣло.

Совершенно справедливо. Евангельская проповѣдь и ученіе, у насъ какъ и вездѣ, очеловѣчатъ простыя сердца народныхъ массъ; законъ, какъ внѣшняя охрана, какъ помѣха вредному для другихъ людей и общества произволу всѣхъ и каждаго, выдрессируетъ большинство къ правильной гражданской и общественной жизни. Но школа? Тутъ ужъ вопросъ становится труднѣе. Какъ и къ чему воспитывать,—развѣ можно рѣшить этотъ вопросъ, не уяснивъ себѣ напередъ человѣческой природы и къ чему слѣдуетъ вести человѣка? Вѣдь въ воспитаніе входятъ не одни педагогическіе пріемы, но и ясное пониманіе общей системы приготовленія человѣка къ жизни. Къ тому же проповѣдь, воспитаніе, законодательство и управленіе производятся людьми, и ихъ взгляды даютъ имъ то или другое направленіе. Сумма идей и убѣжденій, вращающихся въ образованныхъ слояхъ, служитъ камертономъ общественной жизни и всѣмъ ея отправленіямъ, а идеи и убѣжденія неразрывно и тѣсно связаны съ тѣмъ или другимъ разрѣшеніемъ высшихъ вопросовъ, т.-е. именно съ философіей. Каковы господствующіе философскіе взгляды, таково будетъ и настроеніе образованныхъ слоевъ общества. Такимъ образомъ, всѣ пути ведутъ къ философіи; мы отъ нея никакъ отдѣлаться не можемъ и волей-неволей безпрестанно къ ней возвращаемся, часто сами того не подозрѣвая.

Вотъ съ какой стороны, какъ мы думаемъ, дѣйствительный, серьезный интересъ къ философіи долженъ со временемъ зародиться и у насъ и стать когда-нибудь тоже жизненнымъ дѣломъ. Научное сибаритство и дилетантизмъ должны будутъ уступить мѣсто глубокому изученію, когда мы наконецъ поймемъ, что отъ того или другого рѣшенія философскихъ задачъ зависитъ то или другое направленіе нашей практической жизни и дѣятельности. Не у насъ однихъ такъ. Вездѣ, гдѣ философія развивалась, она, какъ уже замѣчено, коренилась въ житейскихъ потребностяхъ людей и выносилась въ книгу, на трибуну и каѳедру изъ глубочайшихъ и сокровеннѣйшихъ нѣдръ народной жизни. Наша собственная вина, если мы этого не видимъ, или не понимаемъ.

Но когда мы наконецъ убѣдимся, что коренное наше зло есть наша умственная и нравственная негодность, и начнемъ задумываться надъ тѣмъ, какъ бы ее устранить или хоть ослабить, намъ придется гораздо серьезнѣе, чѣмъ теперь, вглядываться въ прежнія

и новыя философскія ученія, познакомиться съ ними въ той обстановкѣ, условіяхъ и съ тѣми предпосылками, которыя ихъ вызвали. Какъ слѣдуетъ понимать господствующія въ наше время философскія направленія, какой ихъ дѣйствительный смыслъ, въ чемъ ихъ сильныя и слабыя стороны, — вотъ вопросы, разрѣшеніемъ которыхъ мы должны будемъ начать непривычный намъ трудъ философскаго мышленія. Такой трудъ, руководимый и направляемый нашими насущными потребностями, нашими основными задачами, долженъ, какъ я убѣжденъ, привести насъ прежде къ выработкѣ новыхъ научныхъ основаній этики или ученія о нравственности, которое, въ теперешнемъ своемъ видѣ, не выдерживаетъ критики, не соотвѣтствуетъ нынѣшнему состоянію наукъ и потому находится въ полномъ пренебреженіи и упадкѣ.

Этимъ я заключаю свои замѣтки. Болѣе подробное ихъ развитіе выходитъ изъ рамки публичнаго чтенія и составляетъ уже предметъ научнаго изслѣдованія.

(XXV лѣтъ (1859 - 84). Сборникъ, изданный Комитетомъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Спб., 1884. Стр. 319—346).

АПРІОРНАЯ ФИЛОСОФІЯ

или

ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ НАУКА?

По поводу диссертаціи г. В. Соловьева.

Кризисъ западной философіи противъ позитивизма. В. Соловьева. М. 1874. XXIII и 146 стр. in 8°.

Эта небольшая книжка есть диссертація на степень магистра, защищенная г. Соловьевымъ въ с.-петербургскомъ университетѣ 24-го ноября минувшаго года. И самъ авторъ, и его книжка, и диспутъ обратили на себя вниманіе и сдѣлались предметомъ оживленныхъ толковъ въ петербургскихъ кружкахъ, интересующихся философіей. На это было много причинъ. Г. Соловьевъ — молодой человѣкъ, 21 года, блистательно сдавшій магистерскій экзаменъ по философіи. Подобнаго случая у насъ не бывало. Диссертація, несмотря на ея небольшой объемъ, выказываетъ основательное знаніе предмета и глубокое убѣжденіе; написана она съ талантомъ, увлекательно и вдобавокъ затрогиваетъ одинъ изъ самыхъ у насъ живыхъ и спорныхъ вопросовъ. Неудивительно, что на диспутъ собралась многочисленная публика и что на немъ высказалась та же противоположность взглядовъ и мнѣній, какая замѣчается въ самомъ обществѣ. Впечатлѣніе, произведенное диссертаціей, и споры, которые она вызвала, налагаютъ и на критику обязанность разсмотрѣть эту книжку нѣсколько подробнѣе.

Что ни одно изъ теперешнихъ направленій философской мысли не можетъ одержать верхъ надъ другими и укорениться прочно, — это всѣ видятъ и всѣ знаютъ. Г. Соловьевъ пытается въ своей диссертаціи опредѣлить то направленіе, въ какомъ философіи предстоитъ теперь двигаться. Вѣрно ли имъ указанъ путь — вотъ что̀ важно знать, особенно для насъ, русскихъ, оставшихся до сихъ поръ чуждыми философскаго движенія западной Европы, и важно именно теперь, когда замѣчается какое-то, пока еще не выяснившееся стремленіе критически отнестись къ резуль-

татамъ западно-европейской мысли и выработать свое міросозерцаніе.

Г. Соловьевъ формулируетъ свой взглядъ въ книгѣ (стр. 124) и еще опредѣлительнѣе въ тезисахъ, такимъ образомъ:

„1) Оба главныя направленія западной философіи — раціоналистическое, ограничивающееся кругомъ общихъ логическихъ понятій, и эмпирическое, ограничивающееся частными данными феноменальной дѣйствительности—сходятся въ томъ существенномъ пунктѣ, что оба одинаково отрицаютъ собственное бытіе какъ познаваемаго, такъ и познающаго, оставляя одну только абстрактную форму познанія, почему оба эти направленія могутъ быть подведены подъ общее понятіе абстрактнаго формализма.

„2) Отрицаніе метафизики, какъ познанія объ истинно-сущемъ, одинаково свойственное какъ раціонализму въ его послѣдовательномъ развитіи, такъ и эмпиризму—происходятъ исключительно изъ собственной ограниченности этихъ направленій.

„3) Отрицаніе этики, какъ ученія о цѣляхъ или о долженствующемъ быть, равномѣрно обусловливается ограниченностью раціонализма и эмпиризма.

„4) Философія воли и представленія, основанная Шопенгауэромъ и развитая далѣе Гартманомъ, въ существенномъ содержаніи своихъ принциповъ свободна отъ основной односторонности раціонализма и эмпиризма, но въ своихъ систематическихъ построеніяхъ раздѣляетъ общую формальную ограниченность всей западной философіи, состоящую въ обособленіи абстрактныхъ элементовъ, какъ самостоятельныхъ сущностей.

„5) Общій необходимый результатъ западнаго философскаго развитія въ области ученія о познаніи состоитъ въ томъ, что чистое мышленіе и чистая эмпирія должны быть признаны одинаково невозможными; и истинный философскій методъ долженъ быть опредѣленъ какъ конкретное мышленіе, состоящее въ выведеніи изъ эмпирическихъ данныхъ того, что въ нихъ необходимо логически заключается.

„6) Въ области метафизики, въ качествѣ абсолютнаго первоначала, вмѣсто прежнихъ абстрактныхъ сущностей, долженъ быть признанъ конкретный всеединый духъ.

„7) Въ области этики должно быть признано, что послѣдняя цѣль и высшее благо достигаются только совокупностью существъ, посредствомъ логически-необходимаго и абсолютно-цѣлесообразнаго хода міровового развитія, конецъ котораго есть уничтоженіе вещественнаго міра, какъ вещественнаго, и возстановленіе его, какъ царства духовъ, во всеобщности духа абсолютнаго“.

„И тутъ оказывается“, поясняетъ авторъ, „что эти послѣдніе необходимые результаты *западнаго* философскаго развитія утверждаютъ, въ формѣ *раціональнаго познанія, тѣ самыя* истины, которыя въ формѣ *вѣры* и *духовнаго созерцанія* утверждались великими теологическими ученіями Востока (отчасти древняго, а въ особенности христіанскаго). Такимъ образомъ, эта новѣйшая философія съ логическимъ совершенствомъ *западной формы* стремится соединить *полноту содержанія духовныхъ созерцаній Востока*. Опираясь, съ одной стороны, на данныя *положительной науки*, эта *философія*, съ другой стороны, подаетъ руку религіи. Осуществленіе этого *универсальнаго синтеза* науки, философіи и религіи, —первыя и далеко еще несовершенныя начала котораго мы имѣемъ въ „философіи сверхсознательнаго“ (Э. Гартмана)—должно быть высшею цѣлью и послѣднимъ результатомъ умственнаго развитія. Достиженіе этой цѣли будетъ возстановленіемъ совершеннаго внутренняго *единства умственнаго міра*“... (стр. 124 и 125).

Выписанные тезисы и основная заключительная мысль послѣдовательно проведены въ диссертаціи, отъ первой страницы до послѣдней, чрезъ все развитіе философіи у новыхъ европейскихъ народовъ, и составляютъ основной тонъ критическаго разбора философскихъ системъ.

Не останавливаясь на подробностяхъ и частностяхъ диссертаціи, посреди которыхъ очень нерѣдко встрѣчаются глубокія и вѣрныя замѣчанія, я разсмотрю только основанія, на которыхъ построены выводы г. Соловьева. Исходная точка каждаго философскаго воззрѣнія, какъ извѣстно, непремѣнно лежитъ въ той или другой постановкѣ вопроса о бытіи и знаніи и объ отношеніи знанія къ познаваемому. Умъ человѣческій не успокоится, новыя философскія системы не перестанутъ создаваться, пока не будетъ окончательно рѣшенъ вопросъ, *что́* человѣкъ познаетъ и *какъ* познаетъ. Посмотримъ, какъ рѣшаетъ этотъ вопросъ г. Соловьевъ.

Въ диссертаціи доказывается, что самобытная дѣйствительность можетъ быть дана не

во внѣшнемъ опытѣ и не въ апріорномъ познаніи (отвлеченно-разсудочномъ и спекулятивно-діалектическомъ), а во *внутреннемъ опытѣ*. Позитивисты, говоритъ г. Соловьевъ, утверждаютъ, что „во внутреннемъ опытѣ мы познаемъ, такъ же, какъ и во внѣшнемъ, только явленіе, а не сущность саму въ себѣ. Совершенно справедливо, и нужно только еще прибавить, ...что такой сущности, исключительно въ себѣ пребывающей, отдѣльной безусловно отъ всѣхъ явленій, внѣ всякаго явленія, — такой сущности совсѣмъ нѣтъ и и быть не можетъ, точно также, какъ нѣтъ и не можетъ быть никакого явленія безъ абсолютно самобытной сущности, которой оно есть явленіе. Ибо хотя можно и должно различать явленіе отъ являющагося, но различеніе не есть отдѣленіе... Итакъ, самобытно сущее, какъ являющееся, познается вообще только въ своемъ проявленіи. Утвержденіе Канта и Конта, что мы познаемъ только явленія, есть болѣе чѣмъ аксіома, — оно есть тождесловіе. Ибо быть явленіемъ и быть познаваемымъ означаетъ одно и то же, именно быть для другого, въ противоположность бытію самому въ себѣ. И очевидно, что это бытіе въ себѣ мыслимо только въ противопоставленіи явленію, въ саморазличеніи отъ него и, слѣдовательно, только въ явленіи, отдѣльно же или безъ явленія немыслимо и бытіе въ себѣ. Все сущее познается въ явленіи, ибо все сущее есть въ явленіи, иначе: все сущее есть въ познаніи, и внѣ или безъ познанія нѣтъ ничего сущаго, хотя, конечно, познаніе не есть еще все сущее, точно такъ же, какъ все сущее есть въ формѣ, и безъ формы нѣтъ ничего сущаго, хотя, конечно, форма не есть все еще сущее. Но обыкновенно утверждающіе, что мы познаемъ только явленія, видятъ въ этомъ ограниченность нашего познанія; но это только потому, что они предполагаютъ, что въ явленіи нисколько не выражается являющееся, и отдѣляютъ такимъ образомъ являющееся, т.-е. истинную природу вещей, отъ явленія, какъ зерно отъ скорлупы... Итакъ, то обстоятельство, что во внутреннемъ опытѣ мы познаемъ только явленія, нисколько не препятствуетъ познавать то, что въ этихъ явленіяхъ проявляется, т.-е. дѣйствительно сущее, l'être en soi. Но въ такомъ случаѣ, не познаемъ ли мы дѣйствительно сущее непосредственно и въ явленіяхъ внѣшняго опыта? Никакимъ образомъ, и не потому, что они суть явленія, а потому, что они суть явленія *вторичныя*, ибо во внѣшнемъ опытѣ мы имѣемъ не непосредственное проявленіе дѣйствительно сущаго для нашего сознанія, а проявленіе уже многообразно обусловленное и опредѣленное, какъ эмпирическими свойствами нашихъ внѣшнихъ чувствъ, такъ и апріорными формами нашего разсудка, дѣйствіемъ или противодѣйствіемъ которыхъ сущее является какъ внѣшній или вещественный предметъ, а слѣдовательно и не познается въ своей внутренней сущности. Эта-то внѣшность, вещественность и есть тотъ покровъ, который во внѣшнемъ опытѣ закрываетъ отъ насъ истинно-сущее, та завѣса, которая отдѣляетъ дѣйствительность отъ видимости, такъ что все, что мы непосредственно имѣемъ во внѣшнемъ опытѣ, есть только наше же собственное представленіе. Этотъ обманчивый покровъ реальности снятъ въ опытѣ *внутреннемъ*. Сознавая себя самого, свои внутреннія состоянія, свое мышленіе и хотѣніе, я очевидно не отношусь здѣсь къ какому-нибудь внѣшнему и потому непознаваемому въ своей сущности предмету. Очевидно, что моя мысль или дѣйствіе моей воли не существуютъ внѣ моего сознанія о нихъ, отдѣльно отъ него. Слѣдовательно, въ моемъ сознаніи о моихъ внутреннихъ состояніяхъ выражается вся ихъ дѣйствительность; я сознаю ихъ такими, каковы они суть, ибо внѣ моего сознанія они и не существуютъ совсѣмъ въ дѣйствительности. Во внутреннемъ опытѣ такимъ образомъ мы имѣемъ уже не представляемое или предметы, а дѣйствительность; очевидно, что моя мысль, напримѣръ, въ которой или для которой существуетъ все представляемое, сама уже не можетъ быть представляемымъ. И хотя во внутреннемъ опытѣ необходимо есть различеніе познающаго отъ познаваемаго, ибо безъ такого различенія невозможно никакое познаніе, но это различеніе не есть пребывающее, реальное или предметное, не есть отдѣльность, а саморазличеніе, опять снимаемое въ единствѣ самосознанія. Такимъ образомъ, во внутреннемъ опытѣ мы имѣемъ непосредственнѣйшее явленіе дѣйствительно сущаго, здѣсь все есть дѣйствительность, ибо нѣтъ никакой реальности... Внутреннее познаніе потому-то и есть истинное и дѣйствительное, что въ немъ нѣтъ никакой реальности, никакого внѣшняго предмета, что въ немъ познающее и познаваемое не пребываетъ внѣ и отдѣльно другъ отъ друга, а только различаются. Если же подъ

познаніемъ разумѣть, какъ это по свойству своего принципа необходимо дѣлаютъ позитивисты,—разумѣть только собственно объективное познаніе, въ которомъ познаваемое есть внѣшній предметъ или отдѣльная субстанція, то съ этой точки зрѣнія должно вполнѣ согласиться съ Гербертомъ Спенсеромъ, когда онъ говоритъ: „легко доказать, что познаніе себя, собственно такъ называемое (т.-е. предметное) абсолютно отрицается законами мышленія". „Такимъ образомъ", говоритъ далѣе Спенсеръ, „личность, сознаніемъ которой обладаетъ каждый и существованіе которой есть для каждаго фактъ наиболѣе достовѣрный предъ всѣми другими, на самомъ дѣлѣ вовсе не можетъ быть познана: познаніе ея не допускается самой природой мышленія". Къ этому должно прибавить, что не только познаніе, но и существованіе *такой* личности абсолютно отрицается законами мышленія. Ибо что̀ можетъ, въ самомъ дѣлѣ, быть безсмысленнѣе такой личности, „сознаніемъ которой обладаетъ каждый", т.-е. которая каждымъ познается, и которая между тѣмъ „вовсе не можетъ быть познана". Очевидно, ничего подобнаго въ природѣ вещей не существуетъ и существовать не можетъ. Настоящая же личность, настоящая наша сущность, „сознаніемъ которой обладаетъ каждый и существованіе которой есть для каждаго фактъ наиболѣе достовѣрный"—это наше настоящее существо вовсе не есть какая-то трансцендентная, внѣ сознанія пребывающая субстанція—чудовищный и мертворожденный плодъ беззаконнаго союза грубой фантазіи съ отвлеченнымъ разсудкомъ;—истинное существо нашей личности выражается и познается въ дѣйствительности внутренняго опыта, въ дѣйствительномъ хотѣніи, въ дѣйствительномъ мышленіи и въ дѣйствительной постоянной связи обоихъ въ единствѣ самосознанія, которое и есть дѣйствительное *я*. Понятно, что непосредственное актуальное содержаніе нашего сознанія не есть еще всецѣлая дѣйствительность, не есть то, что̀ называютъ абсолютнымъ; несомнѣнно только, что мы въ своемъ сознаніи имѣемъ нѣкоторую дѣйствительность, нѣкоторое непосредственное проявленіе истинно-сущаго, и слѣдовательно познаемъ истинно-сущее, хотя бы это познаніе и не было абсолютно-адекватнымъ въ данный моментъ" (стр. 27—31).

Въ другомъ мѣстѣ, г. Соловьевъ подробно развиваетъ свои мысли объ источникахъ познанія и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. „Первый поверхностный анализъ всей области познаваемаго", говоритъ авторъ, „открываетъ намъ три коренные источника познанія: *опытъ внутренній*, въ которомъ мы познаемъ свое субъективное бытіе въ его дѣйствительности, затѣмъ *опытъ внѣшній*, въ которомъ мы познаемъ внѣшнее бытіе въ его реальности, и наконецъ *разсужденіе* (ratiocinatio) или чисто логическое познаніе, въ которомъ мы не познаемъ никакой реальности и никакой дѣйствительности, а утверждаемъ только извѣстныя необходимыя условія или законы бытія. Разсматривая взаимное отношеніе этихъ родовъ познанія, мы находимъ, во-первыхъ, что познаніе чисто логическое и внѣшній опытъ не существуютъ въ отдѣльности другъ отъ друга, а всегда соединены, хотя въ различной степени. Такъ несомнѣнно, что чисто эмпирическій матеріалъ, состоящій изъ ощущеній внѣшнихъ чувствъ, становится опытнымъ познаніемъ только тогда, когда эти ощущенія объективируются и комбинируются по извѣстнымъ общимъ и необходимымъ законамъ, такъ что даже непосредственное внѣшнее воззрѣніе, въ которомъ мы имѣемъ не простыя ощущенія, а цѣлыя связанныя между собою представленія, есть уже дѣло умозрѣнія, хотя и безсознательнаго; что же касается до внѣшняго опыта *научнаго*, до такъ называемой эмпирической науки, то нечего и говорить, что въ ней умозрѣніе и притомъ на степени сознательнаго мышленія играетъ главную роль, ибо ни одна научная истина не дается въ непосредственномъ опытѣ (а между тѣмъ, какъ только-что было замѣчено, и самъ этотъ непосредственный опытъ на самомъ дѣлѣ есть уже результатъ умозрѣнія). Но если, такимъ образомъ, нѣтъ чистой эмпиріи, то, съ другой стороны, нѣтъ и чистаго умозрѣнія, ибо если предметное познаніе образуется умозрѣніемъ, то изъ этого слѣдуетъ, что умозрѣніе даетъ форму предметнаго познанія, и въ отвлеченіи отъ своего эмпирическаго содержанія представляетъ только пустыя возможности... Это несомнѣнно относительно *логическихъ категорій*, какъ *общихъ условій* бытія; что же касается до отвлеченныхъ представленій или *родовыхъ понятій*, то, очевидно, что они, какъ результатъ *отвлеченія*, предполагаютъ эмпирическія данныя, а сами по себѣ представляютъ также лишь пустую возможность. Такое же отношеніе имѣетъ раціональное или логическое

познаніе и къ даннымъ *внутренняго* опыта. Элементы внутренняго міра, также какъ и внѣшняго, могутъ быть образованы въ *дѣйствительное* познаніе только при посредствѣ извѣстныхъ логическихъ условій или законовъ, но столь же очевидно, что и здѣсь эти условія или законы сами по себѣ еще не даютъ никакого дѣйствительнаго познанія, представляютъ только пустую возможность, осуществляемую лишь благодаря непосредственнымъ даннымъ внутренняго опыта... Существуетъ, положимъ, извѣстный психологическій законъ, по которому данныя внутреннія состоянія соединяются между собою, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, извѣстнымъ опредѣленнымъ образомъ. Школа Локка утверждаетъ, что мы узнаемъ этотъ законъ исключительно эмпирически,—только какъ извѣстное существующее отношеніе явленій. Между тѣмъ, если это есть дѣйствительно законъ, а не случайный фактъ, то онъ, очевидно, не можетъ ограничиваться однимъ даннымъ отношеніемъ послѣдовательности и сосуществованія, ибо въ такомъ случаѣ мы могли бы утверждать это отношеніе только для извѣстныхъ въ нашемъ опытѣ случаевъ и не имѣли бы никакого права признавать его за общій законъ для *всѣхъ* однородныхъ случаевъ когда-либо бывшихъ или будущихъ. Даже такой крайній эмпирикъ, какъ Дж. Ст. Милль, признаетъ, что законъ, т.-е. извѣстное отношеніе причинности (въ томъ смыслѣ, какой дается причинности въ этой школѣ), выражаетъ всегда отношеніе безусловно постоянное или необходимое. Но если бы эта связь ограничивалась однимъ *нашимъ дѣйствительнымъ* опытомъ, то очевидно мы были бы не въ правѣ выходить изъ предѣловъ даннаго опыта, что мы дѣлаемъ, когда утверждаемъ извѣстную связь какъ безусловно постоянную, т.-е. не только какъ имѣвшую мѣсто въ извѣстныхъ намъ изъ дѣйствительнаго опыта фактахъ, но и какъ долженствующую имѣть мѣсто во *всѣхъ* одинаковыхъ случаяхъ. Утверждать такую безусловно постоянную связь двухъ явленій мы можемъ только, если въ самомъ *существѣ* или *понятіи* даннаго явленія, т.-е. въ его *общихъ* свойствахъ, отвлеченно отъ всѣхъ внѣшнихъ отношеній, заключается уже необходимость другого явленія. Въ самомъ дѣлѣ, два явленія внутренняго міра существуютъ для насъ, во-первыхъ, въ данныхъ дѣйствительныхъ опытахъ, и во-вторыхъ, въ общемъ отвлеченномъ понятіи о нихъ; точно такъ же двояко представляется и ихъ связь. Теперь, если бы *мыслимая* связь этихъ явленій была бы *только* отвлеченіемъ отъ ихъ дѣйствительной связи въ *данныхъ опытахъ*, то очевидно она могла бы имѣть значеніе только для *тѣхъ* данныхъ случаевъ; ибо ясно, что отвлеченіе отъ извѣстныхъ данныхъ опытовъ можетъ ручаться только за эти данныя, а никакъ не за всякій, положимъ, будущій опытъ. Если же мы полагаемъ такое ручательство (какъ это дѣлаютъ и сами эмпирики), то это несомнѣнно доказываетъ, что хотя общія понятія извѣстныхъ внутреннихъ явленій и суть, съ субъективной стороны, лишь отвлеченія отъ данной дѣйствительности этихъ явленій, однако разъ это отвлеченіе сдѣлано, разъ общія понятія существуютъ, то уже общая связь между ними выводится мыслью исключительно изъ общихъ необходимыхъ свойствъ, безъ всякаго отношенія къ какимъ бы то ни было частнымъ опытамъ, и потому-то представляетъ тотъ характеръ всеобщности и необходимости, который на самомъ дѣлѣ принадлежитъ мыслимой намъ связи, тогда какъ въ противномъ случаѣ, если бы эта связь получалась нами всецѣло изъ дѣйствительныхъ частныхъ опытовъ, то признаніе ея и ограничивалось бы только тѣми данными опытами, чего однако на самомъ дѣлѣ не бываетъ... Итакъ, на основаніи сказаннаго мы должны признать, что познаніе эмпирическое (какъ во внѣшнемъ, такъ и во внутреннемъ опытѣ) и познаніе логическое или апріорное не составляютъ двухъ радикально отдѣльныхъ и самобытныхъ областей знанія: они необходимы другъ для друга, такъ какъ познаніе эмпирическое возможно только при логическихъ условіяхъ, а познаніе логическое дѣйствительно только при эмпирическомъ содержаніи" (стр. 97—102).

Наконецъ, о метафизикѣ и дѣйствительности метафизическаго г. Соловьевъ выражается такъ:

„Если въ самомъ дѣлѣ ни чистая эмпирія, ни чистое мышленіе не могутъ вывести насъ изъ субъективной сферы, то истинный синтетическій методъ философіи (первое значительное примѣненіе котораго мы находимъ у Гартмана), основывающійся на томъ признаніи, что хоть все наше дѣйствительное познаніе и происходитъ изъ опыта, но самый этотъ опытъ уже предполагаетъ, какъ условіе своей возможности, всеобщія логическія формы, которыя однако же вовсе не субъективны,

ибо въ нашемъ субъективномъ мышленіи, обособляющемъ эти формы, онѣ суть только абстрактныя понятія, пустыя возможности, дѣйствительное же бытіе имѣютъ только въ своей, *независимой отъ насъ*, конкретности съ эмпирическимъ существованіемъ; такъ что соединеніе логическаго и эмпирическаго элементовъ вовсе не производится нашимъ субъективнымъ познаваніемъ (какъ это утверждалъ Кантъ въ своемъ „синтезѣ a priori"); а напротивъ, первѣе нашего сознанія и имъ предполагается,—этимъ самымъ утверждаетъ, что въ нашемъ познаніи мы относимся къ самобытно сущему, чѣмъ и полагается возможность метафизики. Но, съ другой стороны, теперь уже не принимается (какъ это дѣлалось въ старой догматической метафизикѣ), что истинно-сущее пребываетъ само по себѣ какъ отдѣльное существо внѣ познающаго (въ какомъ случаѣ невозможно было бы метафизическое познаніе, какъ это и доказано Кантовымъ критицизмомъ), а предполагается напротивъ существенное тождество метафизической сущности съ познающимъ, т.-е. съ нашимъ духомъ, эта сущность опредѣляется такимъ образомъ какъ *всеединый духъ*, котораго нашъ духъ есть частное проявленіе или образъ, такъ что чрезъ нашъ внутренній опытъ мы можемъ получить дѣйствительное познаніе о метафизическомъ существѣ. Но если въ этомъ предположеніи выражается единственное условіе возможности метафизики, то очевидно, для того, чтобы метафизика стала дѣйствительнымъ познаніемъ, необходимо *доказать* дѣйствительность предполагаемаго тождества метафизическаго существа съ познающимъ, доказать, что это существо дѣйствительно имѣетъ духовную природу. Такъ какъ несомнѣнно, что въ дѣйствительномъ мірѣ нашего опыта метафизическая сущность не дана намъ непосредственно, то мы можемъ узнать ея природу только чрезъ ея проявленіе или дѣйствіе, и доказать духовный характеръ ея можемъ мы только показавши духовность ея проявленій въ дѣйствительномъ мірѣ, а такъ какъ отличительная особенность духовнаго проявленія или дѣйствія есть цѣлесообразность, т.-е. дѣйствіе отъ себя предполагающее *волю*, опредѣленную *идеею* какъ цѣлью, то, слѣдовательно, для доказательства духовной природы метафизическаго существа должно показать, что въ мірѣ нашего опыта, кромѣ тѣхъ цѣлесообразныхъ или разумныхъ дѣйствій, которыя принадлежатъ отдѣльнымъ частнымъ субъектамъ, есть еще другія общія цѣлесообразныя или разумныя дѣйствія, которыя такимъ образомъ могутъ принадлежать уже только общей метафизической сущности. Такое-то безспорное доказательство дано Гартманомъ въ основной части его философіи чрезъ примѣненіе истинно-философскаго метода, т.-е. чрезъ выведеніе изъ несомнѣнныхъ эмпирическихъ данныхъ того, что въ нихъ необходимо логически заключается. Во всѣхъ сферахъ нашего опыта, какъ въ природѣ внѣшней, такъ и въ мірѣ человѣческомъ показано Гартманомъ, что помимо сознательной дѣятельности тѣхъ или другихъ особей явленія опредѣляются цѣлесообразнымъ дѣйствіемъ духовнаго начала, независимаго ни отъ какого частнаго сознанія и по своей внутренней силѣ безконечно превышающаго всякую частную сознательность и потому называемаго имъ *безсознательнымъ* (das Unbewusste) или же *сверхсознательнымъ* (das Ueberbewusste). Далѣе, разлагая логически общепризнанный субстратъ естественныхъ явленій—вещество, Гартманъ показалъ, что оно всецѣло сводится къ дѣйствію духовныхъ элементовъ воли и представленія, аттрибутовъ того же сверхсознательнаго духовнаго начала, такъ что вещественность въ обыкновенномъ смыслѣ есть только *явленіе*, внѣшнее отношеніе къ другому, результатъ частнаго обособленія духовныхъ началъ. Такимъ образомъ духовное первоначало обусловливаетъ весь вещественный міръ со всѣми его формами и слѣдовательно само по себѣ свободно отъ этихъ формъ. Оно свободно отъ пространства и отъ времени; начала непосредственнаго существованія и логической сущности—воля и идея соединены въ немъ нераздѣльно; оно есть безусловно единичное и вмѣстѣ всеобщее существо, всеединый духъ"... (стр. 112—114).

Если я правильно понялъ выписанныя мною мѣста, то смыслъ ихъ вотъ какой. Внѣшній міръ не имѣетъ дѣйствительнаго реальнаго бытія внѣ насъ, не существуетъ вовсе самъ по себѣ. Онъ есть то, что мы себѣ представляемъ, „многообразно обусловленное и опредѣленное какъ эмпирическими свойствами нашихъ внѣшнихъ чувствъ, такъ и апріорными формами нашего разсудка". Поэтому внѣшній міръ есть только явленіе, нѣчто существующее для насъ, а не само по себѣ, не для себя, слѣдовательно не есть

непосредственное явленіе дѣйствительно сущаго, а вторичное, — потому, что дѣйствительно сущее непосредственно въ немъ не выражается, а проявляется лишь чрезъ насъ, какъ наше представленіе. Непосредственно дѣйствительно сущее проявляется только въ насъ, въ мыслящемъ, познающемъ субъектѣ, и потому внѣ знанія не существуетъ. Познающій субъектъ есть вмѣстѣ и познающее и познаваемое, и такимъ образомъ представляетъ непосредственное единство апріорныхъ логическихъ формъ и эмпирическаго содержанія. Такое единство, предшествующее познанію, и есть непосредственное проявленіе метафизической сущности, которую мы, такимъ образомъ, можемъ познать, хотя и не вполнѣ, лишь чрезъ внутренній опытъ, чрезъ непосредственное сознаніе этого проявленія въ насъ. Коренная ошибка западной философіи заключается, слѣдовательно, въ томъ, что она, разложивъ конкретное проявленіе дѣйствительно сущаго на логическія апріорныя формы и категоріи съ одной стороны и ихъ эмпирическое содержаніе съ другой, думала познать метафизическую сущность отдѣльно или въ первыхъ или въ послѣднемъ, тогда какъ она проявляется въ ихъ данной совокупности, предшествующей сознанію, и потому доступна одному конкретному мышленію.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что исходными истинами въ воззрѣніяхъ г. Соловьева являются: феноменальность внѣшней природы, субстанціальность прирожденныхъ всеобщихъ логическихъ формъ и категорій (пространства, времени и причинности), какъ проявленій всеединой метафизической сущности, единаго дѣйствительно сущаго, которое поэтому лишь отчасти, не вполнѣ, доступно конкретному мышленію отдѣльныхъ человѣческихъ личностей.

Если дѣйствительно таковы основныя воззрѣнія г. Соловьева, то согласиться съ нимъ нельзя. Они плодъ важныхъ недоразумѣній, проистекающихъ изъ ошибочной постановки вопроса о бытіи и познаніи.

Г. Соловьевъ не станетъ отрицать, что всякое мышленіе начинается съ личнаго, внѣшняго и внутренняго опыта. Самъ г. Соловьевъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что философія есть дѣло *личнаго* разума или отдѣльнаго лица, единичнаго *я*, какъ познающаго. Стало быть, вотъ исходный пунктъ всякаго философскаго мышленія. Но съ личной точки зрѣнія нельзя, не дѣлая важныхъ ошибокъ, придти къ отрицанію дѣйствительнаго существованія внѣшняго міра, нельзя убѣдиться, что этотъ міръ не болѣе, какъ то, что̀ мы себѣ представляемъ. Какъ бы мы скептически ни относились къ получаемымъ извнѣ впечатлѣніямъ, мы вынуждены признать, что внѣ насъ есть нѣчто, производящее въ насъ постоянно одни и тѣ же впечатлѣнія. Только на несомнѣнной достовѣрности, что внѣшній міръ дѣйствительно существуетъ, основана не только вся наша ежедневная будничная жизнь, но и всѣ такъ называемыя положительныя науки. Какими способами могъ бы я увѣрить себя, что домъ, который я передъ собой вижу, существуетъ только въ моемъ представленіи, и что какъ только я отъ него отвернулся, онъ пересталъ существовать? Если представленія внѣшнихъ предметовъ суть мои созданія, которымъ никакіе, внѣ меня существующіе предметы не соотвѣтствуютъ, то сегодняшній домъ можетъ завтра превратиться въ мостъ или розу, такой-то мой знакомый завтра стать такимъ-то совершенно мнѣ незнакомымъ человѣкомъ. Въ минувшемъ году, прохожденіе Венеры черезъ дискъ солнца наблюдалось съ множества пунктовъ земного шара, и для произведенія этихъ наблюденій посылались ученыя экспедиціи. Какъ было бы все это возможно съ точки зрѣнія г. Соловьева? Если прохожденіе Венеры существовало только въ нашемъ представленіи, то какъ могли бы люди знать о томъ заранѣе и принять мѣры для точныхъ наблюденій этого явленія? Очевидно, что этому представленію соотвѣтствовалъ фактъ, совершавшійся внѣ насъ. Представленіе внѣшнихъ явленій, безъ соотвѣтствующихъ ему внѣшнихъ событій, бываетъ только въ нашемъ воображеніи, во снѣ, или въ галлюцинаціяхъ; но эти состоянія мы зато и отличаемъ отъ представленій, возникающихъ въ насъ подъ вліяніемъ впечатлѣній, получаемыхъ отъ внѣшняго міра. Чтобы объяснить, какъ и почему пассажиры, ѣдущіе изъ Петербурга въ Москву съ курьерскимъ поѣздомъ, съѣзжаются къ $7^1/_4$ часамъ вечера, на станцію Николаевской желѣзной дороги, надо бы, съ точки зрѣнія Соловьева, прибѣгнуть къ „предуставленной гармоніи“ Лейбница, или къ внушеннымъ свыше представленіямъ Берклея. Но ни то, ни другое предположеніе не удовлетворяетъ, повидимому, г. Соловьева (стр. XVIII и XXIII), и я тоже не расположенъ вдаваться въ по-

добныя объясненія. А помимо нихъ едва ли можно придумать что-нибудь правдоподобное для отрицанія дѣйствительности внѣшняго міра.

Но если это такъ, то откуда же, спрашивается, берется критическое отношеніе къ внѣшнимъ явленіямъ, приведшее многія философскія системы къ отрицанію внѣшняго міра? Причина этого заключается не въ томъ, что внѣшняго міра не существуетъ, а единственно въ томъ, что наше о немъ представленіе есть фактъ субъективный, не самъ внѣшній міръ, а образъ его въ насъ, ему соотвѣтствующій, и притомъ далеко не полный и не совершенный. Во-первыхъ, внѣшнее впечатлѣніе есть продуктъ не только дѣйствія внѣшняго явленія на насъ, но и нашего воздѣйствія на то вліяніе, какое онъ на насъ производитъ. Вслѣдствіе того, во внѣшнемъ впечатлѣніи нельзя признать чистый образъ внѣшняго предмета, каковъ онъ есть, а лишь образъ видоизмѣненный, переиначенный, искаженный тѣмъ, что̀ мы ему придаемъ отъ себя. Итакъ, впечатлѣніе, получаемое нами отъ внѣшняго явленія, не передаетъ намъ этого явленія такимъ, каково оно само по себѣ, а такимъ, какимъ оно намъ кажется. Во-вторыхъ, и это главное—непосредственное впечатлѣніе не даетъ еще знанія. Всѣ люди получаютъ впечатлѣнія внѣшнихъ явленій, но сравнительно очень не многіе знаютъ и понимаютъ эти явленія. Тотъ только знаетъ и понимаетъ предметъ, кому извѣстны общія его свойства, общія условія, общіе законы его существованія. Только они какъ будто представляютъ нѣчто прочное, постоянное, неизмѣнное, дѣйствительное бытіе; тогда какъ внѣшнія впечатлѣнія, по природѣ своей, единичны, передаютъ лишь тѣ явленія, которыя ихъ производятъ, и потому измѣнчивы, преходящи, призрачны, не имѣютъ ничего общаго съ знаніемъ постояннымъ и по существу своему общимъ. Отсюда выводится, что знаніе возникаетъ не изъ внѣшнихъ впечатлѣній, и можетъ относиться только къ тѣмъ постояннымъ, неизмѣннымъ общимъ логическимъ формамъ и категоріямъ, которыхъ нѣтъ во внѣшней дѣйствительности, и которыя существуютъ только въ умѣ. Но всѣ эти соображенія отрицаютъ не реальное существованіе внѣшняго міра, а только возможность его знанія. Вдобавокъ и они, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказываются произвольными выводами изъ недостаточныхъ или ошибочныхъ наблюденій надъ процессами мышленія. Мы знаемъ, что міръ внѣшнихъ явленій доступенъ нашему знанію не непосредственно, какъ намъ кажется,—что онъ производитъ на насъ впечатлѣнія, и только чрезъ нихъ мы съ нимъ знакомимся, подобно тому, какъ врачъ изслѣдуетъ состоянія горла, недоступныя его глазу, не прямо, а при помощи зеркала, въ которомъ они отражаются. Вслѣдствіе того, предметъ въ нашемъ умѣ можетъ быть уже совсѣмъ не тотъ, каковъ онъ самъ по себѣ; ему, можетъ быть, придается новый видъ, какого онъ въ дѣйствительности, можетъ быть, и не имѣетъ. Итакъ, образъ предмета, возникающій въ человѣкѣ, и самый предметъ могутъ быть совершенно различны. Первый во всякомъ случаѣ есть только символъ послѣдняго. Но такъ какъ оба находятся въ постоянномъ правильномъ соотвѣтствіи между собою, то мы только поэтому и считаемъ наше знаніе о внѣшнемъ мірѣ и его явленіяхъ достовѣрнымъ. Повѣрить это соотвѣтствіе и основанное на немъ наше убѣжденіе мы можемъ только внѣшнимъ опытомъ и ничѣмъ другимъ. То, что̀ мы не иначе знаемъ, какъ по получаемымъ отъ него впечатлѣніямъ, производитъ на насъ извѣстное впечатлѣніе. Когда это впечатлѣніе повторяется, то мы заключаемъ, что оно производится на насъ тѣмъ же самымъ явленіемъ. Единственная повѣрка этому есть согласное показаніе всѣхъ или большинства другихъ людей, находящихся въ нормальномъ состояніи умственныхъ способностей. Далѣе: по находящимся въ насъ образамъ внѣшнихъ предметовъ, или по нашимъ о нихъ представленіямъ, мы узнаемъ самые предметы, какъ по письму—тѣ мысли или факты, которые отсутствующій намъ сообщаетъ. Совершенно ли одинаковы эти образы одного и того же предмета въ сознаніи разныхъ людей — мы не знаемъ. Очень можетъ быть, что цвѣтъ крыши, который я называю краснымъ, представляется другому зеленымъ; я и онъ совершенно согласны между собою только потому, что обозначаемъ однимъ и тѣмъ же словомъ впечатлѣнія, получаемыя отъ одного и того же предмета, и быть можетъ на самомъ дѣлѣ различныя. Неимовѣрныя усилія, съ которыми люди работали тысячелѣтія, чтобы придать своему, весьма еще несовершенному, знанію внѣшняго міра возможно объективный характеръ, возможно точную и несомнѣнную достовѣрность, показываютъ, что соотвѣтствіе представленія пред-

мету и общность представленія о предметѣ между людьми должны были пройти черезъ безчисленное множество повѣрокъ, пока могъ, наконецъ, выработаться объективный, прочный результатъ, называемый точнымъ знаніемъ.

Но, говорятъ намъ, полученное внѣшнее впечатлѣніе не есть еще знаніе. Знаніе предполагаетъ всеобщія логическія формы и категоріи, которыя отъ насъ привносятся къ внѣшнему впечатлѣнію и изъ него никакъ выведены быть не могутъ. Слѣдовательно, эти формы даны намъ a priori, врождены, и такъ какъ вся сущность и смыслъ знанія заключаются въ нихъ, то онѣ, а не внѣшнія впечатлѣнія, имѣютъ въ знаніи первостепенную важность.

Вся эта аргументація, во-первыхъ, не доказываетъ, будто внѣшній міръ не существуетъ внѣ насъ, помимо нашего представленія. Шопенгауеръ весьма справедливо замѣчаетъ, что во всякомъ внѣшнемъ явленіи всегда есть нѣчто такое, что̂ не можетъ быть выведено a priori, а дается эмпирически, нѣчто необъяснимое однѣми формами представленія. Этотъ непонятный ирраціональный элементъ во всякомъ явленіи и есть, по его мнѣнію, вещь сама по себѣ (das Ding an sich), сущность, независимая отъ нашего представленія и относящаяся къ представленію, какъ содержаніе къ формѣ. (Диссерт. г. Соловьева, стр. 42). А во-вторыхъ, мысль, будто мы привносимъ отъ себя прирожденныя логическія формы къ эмпирическому матеріалу есть плодъ ошибочнаго взгляда на пріемы мышленія. Когда мы говоримъ, что знаніе, пониманіе состоитъ въ примѣненіи къ данному эмпирическому содержанію апріорныхъ всеобщихъ логическихъ формъ и категорій, то мы описываемъ актъ мышленія лишь взрослаго, развитого человѣка. У такого человѣка дѣйствительно уже существуютъ въ головѣ готовыя логическія схемы и формы, подъ которыя каждое новое явленіе, каждый предметъ мышленія имъ какъ будто подводится. Но у человѣка неразвитого и у ребенка этихъ формъ и категорій нѣтъ, и потому естественно возникаютъ вопросы: что же такое эти формы и категоріи? Откуда онѣ берутся? Какъ образуются? Окончательно выясненный въ наше время фактъ, что операціи мышленія совершаются въ насъ не только сознательно, но и безсознательно, чрезвычайно облегчаетъ рѣшеніе этихъ вопросовъ. Дѣло въ томъ, что представленія внѣшнихъ предметовъ не являются намъ, какъ прежде думали, сразу, готовыми, а вырабатываются постепенно, актами непосредственнаго или безсознательнаго мышленія. Намъ кажется, что образы внѣшнихъ предметовъ непосредственно, цѣликомъ какъ они есть, отпечатлѣваются въ нашемъ умѣ; но на дѣлѣ, какъ признаетъ и г. Соловьевъ, это происходитъ совсѣмъ не такъ. Образы эти внѣшнихъ предметовъ вырабатываются въ насъ постепенно, посредствомъ точно такихъ же пріемовъ и актовъ, какими вырабатываются высшія научныя истины, съ тою только разницею, что до послѣднихъ мы обыкновенно доходимъ сознательно, а первыя образуются безсознательно. Пріемы же и акты сознательнаго и безсознательнаго мышленія сводятся къ слѣдующему. Оно начинается съ различенія, которое есть первое и непремѣнное его условіе. Гдѣ нѣтъ различенія, тамъ самый актъ мышленія невозможенъ. Но гдѣ только есть различеніе, хотя бы самое неясное и неопредѣленное, тамъ умъ уже начинаетъ работать. Работа эта состоитъ въ сравненіи между собою различеннаго со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ, иначе сказать, въ опредѣленіи взаимныхъ отношеній различеннаго. Никакое впечатлѣніе не можетъ быть ясно, отчетливо, точно, пока не совершилась работа такого сравненія или опредѣленія отношеній, и чѣмъ тщательнѣе, многообразнѣе, подробнѣе она выполнена, тѣмъ отчетливѣе, яснѣе выходитъ самое впечатлѣніе. Давно уже совершенно справедливо замѣчено, что еслибы весь внѣшній міръ отражался въ насъ одною какою-нибудь краскою,—зеленою, желтою, малиновою и т. п., то мы бы не имѣли о цвѣтахъ или краскахъ никакого представленія. Этимъ и объясняется, почему самыя несложныя представленія образуются не иначе, какъ при непремѣнномъ участіи мышленія. Новорожденный ребенокъ, съ самаго своего появленія на свѣтъ, уже начинаетъ безсознательно совершать акты мышленія. Очень можетъ быть, что они даже предшествуютъ его рожденію.

Но сравненіе всегда непремѣнно сопровождается бо̀льшимъ и бо̀льшимъ различеніемъ, обобщеніемъ явленій и отвлеченіемъ отъ нихъ общихъ ихъ свойствъ, качествъ и принадлежностей. Сравнивать—значитъ замѣчать различіе, находить между различеннымъ общее, отвлекать подмѣченныя общія

свойства. Результатами такихъ операцій, совершаемыхъ, какъ сказано, безсознательно, и являются тѣ общія и отвлеченныя схемы, которыя мы ошибочно считаемъ за апріорныя, прирожденныя, логически-всеобщія формы, потому только, что не умѣемъ себѣ объяснить, какъ онѣ произошли; признаемъ возможность примѣнять ихъ къ эмпирическому содержанію, но не знаемъ, какъ онѣ къ нему относятся.

Если теперь припомнимъ, что первыя умственныя операціи совершаются въ насъ въ дѣтствѣ, гораздо раньше, чѣмъ начинаютъ обнаруживаться первые проблески сознанія, то этимъ объяснится, почему, придя въ зрѣлый возрастъ, мы уже находимъ въ своемъ умѣ, вмѣстѣ съ представленіями о внѣшнихъ явленіяхъ, готовыя и сложившіяся всеобщія логическія формы (категоріи). Онѣ суть лишь общія отвлеченныя схемы, выработавшіяся безсознательно, при самомъ образованіи представленій о внѣшнихъ явленіяхъ и одновременно съ ними. Безъ выработки этихъ схемъ мы не могли бы выработать ни одного представленія, и наоборотъ, образованіе представленій немыслимо безъ отложенія въ умѣ такихъ всеобщихъ логическихъ схемъ. Итакъ, нѣтъ основанія считать эти схемы апріорными, прирожденными; онѣ—результатъ, продуктъ операцій безсознательнаго мышленія, предшествующаго сознательному. Нельзя видѣть въ нихъ нѣчто разнородное съ эмпирическимъ содержаніемъ, къ которому онѣ примѣняются, а слѣдуетъ признать, что онѣ, какъ результатъ безсознательнаго мышленія, сами суть продукты переработки внѣшнихъ впечатлѣній въ представленія и слѣдовательно въ извѣстной мѣрѣ опредѣляются характеромъ и свойствами явленій внѣшняго міра. Наконецъ, самое примѣненіе всеобщихъ логическихъ формъ и категорій къ эмпирическому содержанію не есть какое-то непонятное явленіе, совершившееся помимо насъ дѣйствіемъ метафизической сущности, а есть лишь необходимая составная часть цѣлаго акта мышленія, безъ которой самый этотъ актъ былъ бы невозможенъ.

Общія и отвлеченныя схемы, выработанныя процессами мышленія, служатъ, въ свою очередь, средствомъ и матеріаломъ для различенія и сравненія. Анализъ представленій, при помощи логическихъ формъ, который мы и называемъ мышленіемъ, состоитъ лишь въ примѣненіи такъ называемыхъ апріорныхъ схемъ къ данному эмпирическому содержанію. Пока эти схемы не выработались, различеніе и сравненіе производятся при помощи полученныхъ прежде внѣшнихъ впечатлѣній. Этимъ объясняется, почему сначала вырабатываются въ насъ представленія, а уже потомъ мысль и общіе взгляды.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что такъ называемыя всеобщія логическія формы и категоріи не суть апріорныя, а выработаны процессами мышленія; что онѣ не безусловно всеобщія, а всеобщи лишь настолько, насколько обнимаютъ бо̀льшую часть явленій или всѣ извѣстныя человѣку явленія и что въ этомъ смыслѣ, а именно какъ выработанныя мышленіемъ изъ эмпирическаго содержанія, онѣ суть или обобщенія явленій или отвлеченія отъ ихъ свойствъ и принадлежностей и потому имѣютъ чисто положительный характеръ; примѣненіе же ихъ къ эмпирическому матеріалу есть одинъ изъ необходимыхъ и всегдашнихъ пріемовъ сознательнаго и безсознательнаго мышленія.

Эти, какъ я думаю, безспорные выводы представляютъ отношеніе человѣка къ внѣшнему міру въ процессѣ мышленія совершенно въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ какъ понималъ ихъ нѣмецкій идеализмъ, начиная съ Канта и оканчивая Э. Гартманомъ. Въ мышленіи дѣйствительное реальное бытіе внѣшняго предмета и мыслящаго лица не утрачивается и остается такимъ же, какимъ было и до начала мыслящаго отношенія послѣдняго къ первому. Происходитъ же вотъ что̀: отъ прикосновенія къ внѣшнему міру, въ душѣ происходятъ измѣненія, которыя мы называемъ внѣшними впечатлѣніями. Эти измѣненія находятся въ извѣстномъ правильномъ постоянномъ соотвѣтствіи съ произведшимъ ихъ внѣшнимъ явленіемъ и вызываютъ душу къ своеобразной дѣятельности, безсознательной и сознательной, которую мы называемъ мышленіемъ. Дѣятельность эта состоитъ въ разложеніи и новомъ сочетаніи впечатлѣній, сообразно съ свойствами и особенностями душевнаго организма. Нѣчто подобное происходитъ и при дѣйствіи внѣшнихъ матеріальныхъ тѣлъ другъ на друга. На предметахъ организованной природы мы можемъ, до извѣстной степени, услѣдить это дѣйствіе, но въ предметахъ неорганизованныхъ оно ускользаетъ отъ нашихъ наблюденій. Всеобщія логическія схемы, безъ сомнѣнія, не заимствованы непосредственно, прямо изъ

внѣшнихъ явленій, какъ и наши представленія о внѣшнихъ явленіяхъ не суть непосредственные отпечатки этихъ явленій въ насъ. И тѣ и другія суть извѣстныя душевныя состоянія, и потому не имѣютъ внѣшней реальности. Но какъ результатъ психической работы, вызванной извѣстнымъ внѣшнимъ дѣйствіемъ, и общія логическія схемы и понятія, и образы внѣшнихъ предметовъ находятся въ извѣстномъ правильномъ, постоянномъ соотвѣтствіи съ внѣшнею дѣйствительностью, и этимъ правильнымъ соотвѣтствіемъ опредѣляются наши отношенія къ внѣшнему міру и объективный характеръ знанія. На общихъ родовыхъ понятіяхъ о внѣшнихъ предметахъ это очевидно безъ всякихъ поясненій. Домъ, какъ понятіе, не есть именно этотъ, такой-то домъ и въ этомъ смыслѣ не есть реальный предметъ; но оно соединяетъ въ себѣ общіе признаки всѣхъ реальныхъ домовъ, извѣстныхъ человѣку, и существенно измѣнится, какъ только явится домъ, неподходящій подъ эти признаки. Открыть соотвѣтствіе отвлеченныхъ понятій съ реальными внѣшними явленіями гораздо труднѣе потому, что въ первыхъ обобщаются отдѣльныя качества, свойства, принадлежности внѣшнихъ явленій, и притомъ такія понятія суть результатъ не непосредственнаго отвлеченія, а отвлеченія отъ прежде сдѣланныхъ отвлеченій. Такъ, напримѣръ, цвѣтъ, ростъ—безспорно отвлеченія, но отвлеченія, если можно такъ выразиться, первой, низшей степени. Ни цвѣта, ни роста отдѣльно отъ внѣшнихъ предметовъ не существуетъ; они отвлечены отъ этихъ предметовъ, отдѣлены отъ другихъ ихъ качествъ, свойствъ и принадлежностей; однако, несмотря на то, связь этихъ понятій съ дѣйствительными явленіями очевидна, потому только, что они суть первичныя, такъ сказать непосредственныя отвлеченія отъ реальныхъ явленій. Другое дѣло съ отвлеченіями вторичными, третичными и т. д., въ которыхъ дѣлается отвлеченіе свойствъ, качествъ, принадлежностей отвлеченнаго понятія, или понятія, составляющаго, въ свою очередь, результатъ предшествовавшихъ отвлеченій. Таковы понятія о времени, пространствѣ, количествѣ, причинѣ, сущности или субстанціи. Эти понятія какъ будто уже не имѣютъ ничего общаго съ внѣшними явленіями, и кажутся чисто логическими, апріорными всеобщими схемами и категоріями. Но вглядываясь въ нихъ ближе, нельзя не убѣдиться, что онѣ лишь продукты нѣсколько разъ повторенныхъ отвлеченій надъ результатами предшествовавшихъ подобныхъ же операцій мышленія. Прослѣдивъ рядъ такихъ операцій надъ внѣшними впечатлѣніями, отъ первой до послѣдней, мы откроемъ связь съ ними самыхъ отвлеченныхъ понятій, не имѣющихъ повидимому ничего общаго съ реальною дѣйствительностью. Возьмемъ, напримѣръ, отвлеченное понятіе о времени. Ему, повидимому, не соотвѣтствуетъ никакой реальный фактъ. На самомъ же дѣлѣ оно образовалось чрезъ отвлеченіе сперва движенія отъ движущихся тѣлъ, а затѣмъ чрезъ сравненіе этихъ отвлеченій между тѣлами, отвлеченныхъ отъ самыхъ тѣлъ. Время и пространство независимо отъ тѣлъ существуютъ только въ нашемъ умѣ, точно также какъ цвѣтъ, форма, сила и проч. Не зная и не понимая этого, люди говорятъ объ этихъ отвлеченныхъ схемахъ, какъ о реальныхъ явленіяхъ. Отсюда—исканіе въ дѣйствительности безпредѣльнаго пространства, безконечнаго времени. Такимъ же образомъ сложилось отвлеченное понятіе о количествѣ или числѣ, чрезъ отвлеченіе отъ дѣйствительныхъ предметовъ ихъ количественныхъ отношеній. Изъ сравненія между собою дѣйствительныхъ явленій, количественныя ихъ отношенія отвлекаются и выдѣляются такъ же просто, какъ время, форма и т. д. Понятіе о сущности есть результатъ отвлеченія отъ явленія всѣхъ его свойствъ, принадлежностей, качествъ. Сущность есть явленіе, лишенное всѣхъ своихъ аттрибутовъ, и которое мы продолжаемъ признавать за дѣйствительное, реальное явленіе. Всего повидимому труднѣе объяснить образованіе категоріи причинности. Когда-то этотъ вопросъ много занималъ лучшіе умы и вызвалъ, какъ извѣстно, критическія изслѣдованія Канта. Но съ тѣхъ поръ, что отношенія умственной дѣятельности къ внѣшнимъ явленіямъ болѣе выяснились, съ тѣхъ поръ, что мы стали лучше понимать процессъ мышленія, его пріемы и продукты, объясненія происхожденія категоріи причинности не представляютъ уже прежнихъ трудностей. Категорія эта есть обобщенный результатъ наблюденія, что при существованіи данныхъ такихъ-то явленій непремѣнно возникаетъ другое такое-то явленіе или явленія.

Такъ разрѣшается вопросъ бытія и знанія

и ихъ взаимныхъ отношеній, въ примѣненіи къ внѣшнему, реальному міру. Точно такимъ же образомъ разрѣшается этотъ вопросъ и въ примѣненіи къ духовному, психическому міру, только съ нѣкоторыми незначительными оговорками, вынуждаемыми особенностями души и духовной природы. Пріемы, процессы и послѣдствія операцій безсознательнаго и сознательнаго мышленія, обращеннаго на психическія явленія, ничѣмъ не отличаются отъ разсмотрѣнныхъ выше. Вся разница только въ томъ, что психическіе факты доставляются мышленію не внѣшними чувствами, а внутреннимъ, психическимъ зрѣніемъ, и что многіе изъ этихъ фактовъ имѣютъ свои особенности, свои характеристическія свойства, вслѣдствіе чего и продукты умственныхъ операцій надъ психическими явленіями выходятъ другіе, чѣмъ тѣ, которые вырабатываетъ мышленіе, обращенное на внѣшній міръ. Въ области внутренняго опыта безсознательное мышленіе точно также предшествуетъ сознательному, какъ и въ области внѣшняго изученія, и прежде чѣмъ мы начали задаваться задачами для отчетливаго рѣшенія вопросовъ, относящихся къ духовному или психическому міру, въ умѣ нашемъ уже успѣли безсознательно сложиться общія логическія схемы, подъ которыя и подводится матеріалъ внутренняго опыта. Эти схемы, которыя мы считаемъ за апріорныя формы, отчасти тѣ же самыя, что̀ и категоріи внѣшнихъ явленій, отчасти новыя, своеобразныя, которыя къ внѣшнимъ даннымъ вовсе непримѣнимы. То и другое объясняется сходствомъ и различіемъ явленій внѣшняго и психическаго міра, изъ которыхъ общія логическія формы вырабатываются процессами мышленія. Г. Соловьевъ придаетъ особенную важность тому, что во внутреннемъ опытѣ познающій субъектъ и познаваемый объектъ составляютъ одно, и только различаются между собою. Изъ этого ихъ единства онъ выводитъ, что только во внутреннемъ опытѣ мы познаемъ дѣйствительно сущее непосредственно, что только во внутреннемъ опытѣ оно намъ дѣлается доступнымъ. Я не знаю, на чемъ основана такая увѣренность. Для меня способность человѣка изучать міръ явленій, происходящихъ въ его душѣ, относиться къ нимъ объективно, какъ къ явленіямъ внѣшнимъ, указываетъ только на особенную способность или свойство души раздвояться въ себѣ, оставаясь единой. Вслѣдствіе этой способности человѣкъ не только можетъ наблюдать совершающіяся въ немъ психическія явленія, но и повѣрять эти свои наблюденія. Но почему одни психическіе факты суть дѣйствительно сущіе, почему только они представляютъ для насъ метафизическую сущность,—этого г. Соловьевъ не доказываетъ, и даже не объясняетъ, какимъ образомъ онъ пришелъ къ такому выводу. Уже явленіе внѣшняго міра мы познаемъ не непосредственно, а въ тѣхъ измѣненіяхъ, какія онъ производитъ въ нашихъ психическихъ состояніяхъ; стало быть, уже знаніе внѣшнихъ явленій предполагаетъ способность души наблюдать явленія въ ней совершающіяся. Благодаря этой же способности, мы наблюдаемъ и изучаемъ въ себѣ и психическія явленія, которыя возникаютъ независимо отъ внѣшнихъ впечатлѣній, вслѣдствіе жизни самой души, и обусловлены ея свойствами и способностями. Какъ внѣшній міръ существуетъ независимо отъ того, знаемъ ли мы его или нѣтъ, точно также и міръ психическій. Общія формы, которыя мы примѣняемъ къ психическимъ явленіямъ, тоже не суть апріорныя, а выработаны безсознательными операціями мышленія надъ психическими фактами, — операціями, предшествующими сознательному мышленію. Конкретность этихъ формъ съ психическимъ матеріаломъ или содержаніемъ вовсе не есть данная, предшествующая внутреннему опыту, а предшествуетъ только сознательному мышленію. Такимъ образомъ, познаваемая нами, по мнѣнію г. Соловьева, метафизическая сущность, не есть такая сущность, а сложный продуктъ процесса мышленія, сначала безсознательнаго, а потомъ сознательнаго, надъ психическими явленіями. Эта мнимая сущность не есть непосредственное данное, а уже результатъ психическихъ операцій. Такого результата нельзя назвать конкретнымъ, точно также, какъ нѣтъ и не можетъ быть конкретнаго мышленія, которое будто бы одно способно познать метафизически дѣйствительно сущее. Метафизическую сущность, представляющую единое начало всего существующаго, мы можемъ предполагать, можемъ въ нее вѣровать, созерцать ее въ видѣ субъективнаго чаянія, котораго ни доказать, ни опровергнуть нельзя; но она не можетъ быть предметомъ знанія. То, что̀ мы познаемъ чрезъ изученіе психическаго міра, не есть знаніе метафизическаго существа, а только знаніе нашей психической природы и притомъ не метафизическое, а положительное, такое же, какъ и знаніе внѣшняго міра, только

имѣющее предметомъ не внѣшнія, а внутреннія, психическія явленія. Далѣе этихъ явленій знаніе, по существу своему, и не можетъ проникнуть.

Не соглашаясь съ предпосылками воззрѣній г. Соловьева, я не могу согласиться и съ выводами, которые онъ строитъ на этихъ предпосылкахъ.

Г. Соловьевъ, мнѣ кажется, неправъ, признавая возможность универсальнаго синтеза науки, философіи и религіи (стр. 125). Философское познаніе, какъ онъ справедливо замѣчаетъ, есть „завѣдомо дѣйствіе личнаго разума или отдѣльнаго лица во всей ясности его индивидуальнаго сознанія“, а въ религіи „отдѣльному лицу, какъ такому, принадлежитъ болѣе страдательное значеніе, поскольку, во 1-хъ, объективнымъ источникомъ религіи признается независящее отъ человѣка внѣшнее откровеніе, и поскольку, во-2-хъ, субъективнымъ основаніемъ религіи является вѣра народныхъ массъ, опредѣляемая общимъ преданіемъ, а не изслѣдованіемъ личнаго разума“ (стр. II). Разумъ или умъ, какъ выше замѣчено, ничего не видитъ тамъ, гдѣ онъ не можетъ сопоставлять и сравнивать. Различеніе есть его первое, необходимое условіе; гдѣ нѣтъ различенія, тамъ дѣятельность мышленія прекращается. Какой же возможенъ для него общій синтезъ — признаніе единаго начала? Мышленіе вращается исключительно въ области различеннаго и не въ состояніи обнять единое. Какъ только мышленіе принимается за сведеніе различеннаго къ единому и пытается опредѣлить сущность этого единаго и отношеніе его къ различенному, оно тотчасъ же запутывается и перепадаетъ изъ противорѣчія въ противорѣчіе. Эту неспособность мышленія мы не вдругъ умѣемъ разглядѣть, потому что она скрыта способностью ума подниматься отъ единичныхъ явленій или фактовъ къ обобщеніямъ и отвлеченіямъ, обнимающимъ иногда многое множество частныхъ или единичныхъ явленій. Зная эту способность и обобщая ее, мы заключаемъ, что мышленіе способно, продолжая ту же работу отвлеченія и обобщенія, дойти напослѣдокъ до крайняго звена этой цѣпи — до общаго и отвлеченнаго, которое обнимаетъ собою все. Но вникнувъ въ свойство мышленія глубже, мы должны убѣдиться, что такая посылка ошибочна. Единое, обнимающее все, снимаетъ всѣ различенія, а гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ роль мышленія кончается. Единое есть предметъ созерцанія, чувства, а не знанія. Потому-то религія и опирается на авторитетъ, а не на мышленіе; она выражаетъ весьма опредѣлительно и ясно, что тайны ея ученія умомъ не могутъ быть постигнуты, и въ этомъ поступаетъ совершенно послѣдовательно, — гораздо послѣдовательнѣе г. Соловьева, который отыскиваетъ „въ формѣ раціональнаго познанія тѣ самыя истины, которыя въ формѣ вѣры и духовнаго созерцанія утверждались великими теологическими ученіями Востока“, и чаетъ появленія философіи, которая, „опираясь съ одной стороны на данныя положительной науки, съ другой стороны подаетъ руку религіи“ (стр. 124 и 125). Г. Соловьевъ тысячу разъ правъ, говоря, что какъ ни различаются между собою браманизмъ, буддизмъ и христіанство, „но всѣ они имѣютъ то общее, что въ принципѣ своемъ отрицательно относятся къ наличной дѣйствительности и существенною своею задачей ставятъ освобожденіе человѣка отъ зла и страданія, необходимыхъ въ существующемъ мірѣ“, что „всѣ они суть религіи спасенія“ (стр, 136). Но въ этомъ смыслѣ религія вовсе не относится къ мышленію, а къ созерцанію, чувству, волѣ.

Сказанное подтверждается исторіею религіозныхъ вѣрованій и отношеніемъ къ нимъ философіи. Въ греко-римскомъ мірѣ философія отрицательно относилась къ религіознымъ вѣрованіямъ. Точно также и у новыхъ народовъ философія, какъ превосходно изложено, въ общихъ чертахъ, у г. Соловьева, „начинается раздвоеніемъ между личнымъ мышленіемъ, какъ разумомъ, и общенародною вѣрою, какъ авторитетомъ“. Это раздвоеніе, начавшееся подчиненіемъ разума авторитету, кончается, у порога новой исторіи, отрицаніемъ авторитета религіи. Съ Декарта ведетъ свое начало новая философія, самостоятельная, опирающаяся на одинъ разумъ, мышленіе, и—что же мы видимъ? Она никогда не съумѣла найти сколько-нибудь удовлетворительную формулу для опредѣленія единаго, безусловнаго, и его отношеній къ единичному, частному, личному. Смѣнялись философскія системы, направленія, пріемы, предпосылки, но основная задача философіи такъ и осталась неразрѣшенною до нашихъ дней. Шопенгауеръ и Гартманъ не составляютъ въ этомъ отношеніи изъятія изъ общаго правила, несмотря на ихъ глубоко-вѣрныя отдѣльныя замѣчанія и мысли. Общій принципъ перваго

—воля, которая собственно не есть воля, а одно безсознательное стремленіе, слѣпая сила, и всеединое безсознательное или надсознательное второго, которое никогда не ошибается, а между тѣмъ, какъ оказывается на дѣлѣ, ошибается и поправляетъ себя, также мало связываются съ частнымъ, единичнымъ, индивидуальнымъ бытіемъ и выдерживаютъ критику, какъ субстанція до-кантовскихъ философовъ, духъ и матерія идеалистовъ и матеріалистовъ. Мышленіе вступаетъ въ свои права только тамъ, гдѣ есть расчлененіе, различеніе; чтобы начать свои операціи, оно должно имѣть возможность разложить единое. Съ прекращеніемъ возможности расчленять и сравнивать, прекращается и его дѣятельность. Оттого единое, какъ единое и какъ источникъ различеннаго, никогда не можетъ быть понято умомъ. Къ нему мы можемъ относиться созерцаніемъ, чувствомъ, какъ къ факту, который такъ и останется для насъ непонятнымъ. Изъ этого слѣдуетъ, что безусловная истина не есть удѣлъ разума, что мы должны удовлетвориться однимъ положительнымъ знаніемъ, т.-е. изслѣдованіемъ законовъ явленій, доступныхъ наблюденію и опыту, совершенно отказавшись отъ метафизическаго знанія. Такой выводъ не есть актъ смиренія, не выражаетъ собою утомленія или отчаянія, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Къ нему приводитъ ясное, отчетливое пониманіе процесса мышленія и его задачи посреди другихъ психическихъ отправленій. Если я не стану отыскивать квадратуры круга или придумывать механизма съ непрерывающимся движеніемъ, то, конечно, никто не увидитъ въ этомъ акта смиренія или утомленія и унынія; всякій знаетъ, что эти задачи неразрѣшимы, а лица, знакомыя съ математикой и механикой, могутъ и доказать, почему эти задачи неразрѣшимы. Къ такому же результату приводитъ и болѣе глубокое изученіе процессовъ мышленія. Выясненіе ихъ указываетъ ошибки, въ какія можетъ впадать умъ, и объясняетъ ихъ причины. А разъ мы ихъ знаемъ и понимаемъ, мы естественно ихъ избѣгаемъ и не задаемся ошибочно постановленными и потому неразрѣшимыми задачами. Къ числу такихъ задачъ относится, по изложеннымъ выше причинамъ, стремленіе открыть и понять метафизическую сущность, единое начало всего сущаго, возвыситься надъ положительнымъ знаніемъ. Изъ его круга мы не можемъ выдти; все наше знаніе есть неизбѣжно положительное. Воображая, что мы вырвались изъ предѣловъ положительнаго въ сферу метафизическихъ фактовъ, мы только себя обманываемъ; въ дѣйствительности же, мы только переносимся отъ впечатлѣній внѣшняго міра въ сферу явленій психическихъ, столько же положительныхъ и столько же доступныхъ одному положительному изученію и знанію, какъ и всѣ остальныя.

Но если метафизическое знаніе и безусловная сущность недоступны мышленію, если мышленіе, по природѣ своей, вращается лишь въ области положительныхъ данныхъ, и слѣдовательно относительной истины, то какое же, спрашивается, его значеніе посреди другихъ психическихъ отправленій? Пока умъ считался органомъ для познанія безусловной истины, вопросъ этотъ не могъ возникнуть, и мышленіе считалось высшей изъ всѣхъ способностей человѣка. Но если оно вращается въ сферѣ положительныхъ фактовъ, по существу своему относительныхъ и условныхъ, то нѣтъ никакого основанія выгораживать его изъ другихъ способностей и ставить между ними на первое мѣсто. Въ общей экономіи человѣческой жизни умъ, способность мышленія, имѣетъ опредѣленную задачу—создавать новыя сочетанія внѣшнихъ впечатлѣній и психическихъ фактовъ,—сочетанія, отличныя отъ тѣхъ, какія эти явленія и факты имѣютъ въ дѣйствительности, и чрезъ противопоставленіе тѣхъ и другихъ создавать условіе для творческой дѣятельности человѣка во внѣшнемъ мірѣ и надъ самимъ собой. Какимъ образомъ создаются мышленіемъ новыя сочетанія, объ этомъ я говорилъ выше, разбирая ходъ операцій мышленія. Здѣсь достаточно будетъ напомнить, что вслѣдствіе безсознательныхъ и сознательныхъ процессовъ мышленія, впечатлѣнія — символы или значки дѣйствительныхъ явленій — располагаются, группируются, сочетаются въ душѣ иначе, чѣмъ дѣйствительныя явленія, которымъ эти значки соотвѣтствуютъ. Чрезъ эту иную комбинацію человѣкъ становится въ свободное отношеніе къ внѣшнему міру и къ самому себѣ. Свободное же отношеніе и есть условіе свободной, внѣшней и внутренней творческой дѣятельности надъ собою и надъ окружающимъ міромъ,—дѣятельности, которая ни въ чемъ другомъ и не состоитъ, какъ въ измѣненіи данныхъ сочетаній въ новыя, согласно съ образцами, имѣющимися въ душѣ вслѣдствіе операцій мышленія. Такимъ обра-

зомъ, оно есть лишь необходимое условіе творческой дѣятельности, направленной къ тому, чтобы преобразовать внѣшній міръ и самого человѣка, приладить ихъ къ его нравственнымъ и матеріальнымъ потребностямъ. Такимъ образомъ, мышленіе есть средство для достиженія нравственныхъ и вещественныхъ цѣлей; не оно, а достиженіе этихъ цѣлей есть первое и главное; мышленіе есть только необходимая къ нему подготовка. Въ школѣ теоретическаго знанія мы приготовляемся къ творческой дѣятельности. Тысячелѣтія, проведенныя въ попыткахъ открыть умомъ безусловную истину, не прошли даромъ. Работая надъ задачей невозможной и безплодной, мы изучили законы психическихъ явленій, изслѣдовали тайники психической жизни, формулы умственныхъ процессовъ и выучились анализировать ихъ продукты. Философія, насколько въ нее не входила положительная наука, была кабалистикой психологіи. Греко-римскій міръ постепенно подготовилъ открытіе психической жизни, какъ особаго фактора дѣйствительности; философскія системы новаго міра также постепенно привели къ положительному научному изслѣдованію этого фактора, какъ одного изъ условій дѣйствительности.

Съ этой точки зрѣнія, которая мнѣ представляется единственно вѣрной и правильной, я нахожу, что г. Соловьевъ слишкомъ перецѣниваетъ значеніе и заслуги Шопенгауера и Гартмана и несправедливо, пристрастно относится къ позитивизму. Г. Соловьевъ видитъ въ Шопенгауерѣ и Гартманѣ зарю новой науки, новаго всеобъемлющаго синтеза. Мнѣ такой взглядъ кажется ошибочнымъ. Заслуга Шопенгауера состоитъ въ томъ, что онъ изъ новыхъ философовъ первый поставилъ творческій элементъ, волю, началомъ философіи; Гартманъ займетъ почетное мѣсто въ наукѣ за то, что онъ первый ввелъ въ философію безсознательное мышленіе. Но и тотъ и другой такъ произвольно и бездоказательно отнеслись къ этимъ фактамъ, такъ ихъ исказили обстановкой, которую имъ придали, что эти факты, сами по себѣ чрезвычайно важные и многозначительные, подъ ихъ перомъ почти утратили свой характеръ и самый смыслъ. Воля не есть только импульсъ къ дѣятельности; она есть вмѣстѣ и самопроизвольность импульса, и только въ этомъ смыслѣ возбуждаетъ сомнѣнія и недоразумѣнія. Я думаю, что самопроизвольности отрицать нельзя, и объясняю себѣ ея возможность относительною самостоятельностью и самодѣятельностью души, живого центра своеобразныхъ явленій, который хотя и находится въ неразрывной связи съ физическимъ организмомъ и существуетъ на матеріальной подкладкѣ, но имѣетъ въ то же время и свою особенную, ей принадлежащую жизнь и дѣятельность, отличную отъ такъ называемой матеріальной, физической. Правъ я или нѣтъ —это другой вопросъ, но безспорно, что подъ волею всегда подразумѣвается не стремленіе вообще, а именно самопроизвольное, самоопредѣляющееся стремленіе. Въ тѣснѣйшей связи съ такимъ стремленіемъ находится цѣлесообразность дѣйствія. Способность произвольно поставить цѣль и къ ней стремиться есть характеристическій признакъ произвольной дѣятельности, по существу своему непремѣнно сознательной. Напротивъ, безсознательная дѣятельность можетъ лишь казаться цѣлесообразной; на самомъ же дѣлѣ она непремѣнно направляется условіями, внѣ ея лежащими, дѣйствующими принудительно, роковымъ образомъ. Вотъ почему поступокъ человѣка или дѣйствіе животнаго можетъ быть болѣе или менѣе цѣлесообразно, но нельзя приписывать цѣлесообразной дѣятельности такія явленія, каково, напримѣръ, послѣдовательное развитіе физическаго организма, или различныя его физическія отправленія; потому-то естествоиспытатели вовсе не принимаютъ въ разсчетъ цѣлесообразности въ своихъ изслѣдованіяхъ, а доискиваются условій, производящихъ роковымъ образомъ то или другое дѣйствіе. Что можетъ быть, повидимому, цѣлесообразнѣе дѣятельности машины, устроенной человѣкомъ преднамѣренно, для выполненія извѣстныхъ, нужныхъ ему дѣйствій? Но очевидно, что машинѣ нельзя приписывать цѣлесообразную дѣятельность, потому что дѣйствіе машины на самомъ дѣлѣ ограничивается рядомъ роковыхъ дѣйствій однѣхъ частей ея на другія, который и производитъ извѣстныя роковыя же послѣдствія. Цѣль, опредѣляющая дѣйствіе, есть явленіе психическое, по существу своему неразрывно связанное съ сознаніемъ и самопроизвольностью; приписывая цѣлесообразность явленіямъ внѣшняго міра, мы переносимъ на нихъ наши собственныя психическія состоянія. Что такого рода самообольщенія возникаютъ въ душѣ, объясняется тѣмъ, что мы знаемъ внѣшній міръ лишь по впечатлѣніямъ, которыя

только помощью продолжительнаго и упорнаго труда освобождаются отъ субъективныхъ примѣсей и вырабатываются въ объективные факты, служащіе матеріаломъ для дальнѣйшихъ научныхъ соображеній. Мы сами, наблюдая свои внутреннія движенія, слишкомъ часто перемѣшиваемъ самопроизвольныя цѣли и акты воли съ такими, которые вынуждаются роковымъ образомъ данными условіями, и принимаемъ одни за другія. Что же мудренаго, что мы точно также приписываемъ наши психическія состоянія внѣшнимъ явленіямъ, которыя труднѣе поддаются анализу съ ихъ внутренней стороны? Перенесеніе на міръ внѣшнихъ явленій цѣлесообразности есть одна изъ психическихъ иллюзій, объясняемая нашей неопытностью въ примѣненіи аналогіи. Ближайшимъ поводомъ къ такой иллюзіи служитъ то, что мы изъ прежнихъ наблюденій знаемъ заранѣе начало, ходъ и конецъ дѣйствія, и потому легко можемъ приписать цѣлесообразность тому, что̀ на самомъ дѣлѣ есть лишь рядъ роковыхъ явленій, обусловленныхъ одно другимъ. Въ неорганизованномъ мірѣ эта роковая связь явленій слишкомъ явно выступаетъ наружу; однако и на него человѣкъ очень долго переносилъ свои понятія о цѣлесообразности и самопроизвольности движеній. Теперь эта иллюзія еще держится въ примѣненіи къ явленіямъ организованнаго міра, изъ котораго тоже мало-по-малу вытѣсняется съ каждымъ новымъ успѣхомъ естествознанія.

Какъ же отнеслись къ волѣ и цѣлесообразности Шопенгауеръ, Гартманъ, эти, по мнѣнію г. Соловьева, предтечи новой философіи? Шопенгауеръ видитъ въ волѣ метафизическую сущность. Эта сущность, совершенно недоступная намъ въ познаніи внѣшняго міра, открывается въ нашемъ внутреннемъ, непосредственномъ опытѣ, какъ наша воля. Дѣйствія и измѣненія внѣшнихъ тѣлъ, недоступныя намъ въ своемъ существѣ, дѣлаются намъ доступными, въ видѣ нашихъ собственныхъ дѣйствій, сознаваемыхъ въ волѣ. Поэтому дѣйствія тѣла и наша воля въ сущности одно и то же. Итакъ, непосредственное познаніе воли есть вмѣстѣ и познаніе самой сущности вещей. Воля сама по себѣ не можетъ быть объясняема мотивами; только ея явленія опредѣляются ими. А такъ какъ каждое дѣйствіе есть явленіе воли, то слѣд. и условія и предположенія дѣйствія суть тоже явленія воли. Условіе тѣлеснаго дѣйствія есть тѣло, поэтому и тѣло есть явленіе воли; тѣло есть видимая сторона воли. Затѣмъ единичная воля возводится въ единое общее метафизическое начало, во всемірную сущность всего бытія. Та воля, какою мы ее знаемъ и какою она существуетъ для насъ, ограничена, конечна, опредѣлена и обусловлена; сама же по себѣ, по своей сущности, она самобытна, свободна, всеедина. Индивидуальное существованіе есть лишь ея проявленіе. Что касается до Гартмана, то его ученіе есть только видоизмѣненіе воззрѣній Шопенгауера. Существенная разница между ними заключается въ томъ, что Шопенгауеръ не видитъ связи между волею и представленіемъ внѣшняго міра, которое онъ, согласно съ Кантомъ, считаетъ созданіемъ апріорныхъ формъ ума; Гартманъ же соединяетъ волю и представленіе. Воля, хотѣніе есть стремленіе перейти изъ извѣстнаго состоянія въ другое. Для такого перехода необходима идеальная возможность другого, т.-е. представленіе о немъ, и въ то же время представленіе о настоящемъ состояніи, которое должно быть измѣнено. Безъ представленія воля не мыслима и не существуетъ. Затѣмъ Гартманъ, подобно Шопенгауеру, ипостазируетъ представляющую волю какъ всеобщее первоначало, лежащее за предѣлами индивидуальнаго сознанія и потому несознаваемое. Признать такое начало вынуждаютъ насъ, по его мнѣнію, такія явленія природы, которыя, будучи необъяснимы изъ матеріальныхъ или механическихъ причинъ, или дѣятельностью сознательныхъ существъ, возможны только какъ дѣйствіе воли и представленія. Итакъ, въ концѣ-концовъ, существуетъ и безсознательная воля и безсознательное представленіе или мышленіе.

По этимъ немногимъ указаніямъ можно составить себѣ довольно ясное понятіе о характерѣ обоихъ ученій. Пріемы ихъ ничѣмъ не отличаются отъ пріемовъ нѣмецкаго идеализма, процвѣтавшаго послѣ Канта. Это то же гипостазированіе обобщеній, то же принятіе отвлеченностей за дѣйствительныя сущности. Съ этой стороны оба ученія не представляютъ ничего новаго и ничего такого, что̀ бы могло обновить философію. Дѣйствительно, новымъ и поучительнымъ было бы сопоставленіе безсознательной воли и актовъ мышленія органическихъ существъ съ актами сознательной воли и сознательною дѣятельностью человѣка. Оба философа наткнулись на эти важные вопросы—Шопенгауеръ отно-

сительно воли, Гартманъ—относительно мышленія; но, увлекшись метафизическими задачами и руководимые апріорнымъ методомъ, оба уклонились отъ строго-научнаго изслѣдованія предмета. Изъ нѣсколькихъ темныхъ намековъ и неразъясненныхъ фактовъ они поспѣшили сдѣлать общіе выводы, и потому работы ихъ, въ цѣломъ, не имѣютъ научной цѣны. Г. Соловьевъ видитъ въ ученіяхъ Шопенгауера и Гартмана поворотъ западно-европейской философіи на правильный путь. Я, признаюсь, вижу въ нихъ не болѣе, какъ послѣднія вспышки угасающаго отвлеченнаго идеализма, который, выяснивъ логическія формы психической дѣятельности, сдѣлалъ свое дѣло и навсегда сошелъ со сцены. Что Шопенгауеръ теперь въ большой чести и модѣ въ Германіи, что Гартманъ, въ короткое время, выдержалъ восемь изданій,—нисколько не удивительно и ничего не доказываетъ. Съ направленіемъ, укоренившимся вѣками, люди разстаются не легко. Къ тому же сильное развитіе матеріалистическихъ воззрѣній заставляетъ массы мыслящихъ людей, не находящихъ въ нихъ удовлетворенія, бросаться съ жадностью на всякую доктрину, которая сулитъ имъ раскрыть тайны идеальнаго міра. Въ наше время не только Шопенгауеръ и Гартманъ, но даже спиритизмъ увлекъ за собою множество людей, въ томъ числѣ замѣчательныхъ умомъ и знаніемъ. Это—знаменія переходныхъ эпохъ, всегда сопровождающія большое умственное броженіе, передъ вступленіемъ рода человѣческаго въ новый періодъ существованія. Сами по себѣ эти знаменія ничего не доказываютъ и не имѣютъ никакой научной цѣны. Въ работахъ Шопенгауера и Гартмана, какъ и во всякихъ умныхъ книгахъ, найдется много глубокихъ и вѣрныхъ замѣчаній, которыя въ свое время пойдутъ въ дѣло, послужатъ полезнымъ матеріаломъ для положительной науки; но я говорю здѣсь объ обоихъ философахъ только какъ о творцахъ новыхъ философскихъ системъ и въ этомъ отношеніи никакъ не могу согласиться съ оцѣнкою ихъ въ диссертаціи г. Соловьева.

Чрезмѣрно снисходительный къ Шопенгауеру и Гартману, г. Соловьевъ крайне строгъ и несправедливъ къ позитивизму.

Позитивизмъ, какъ показываетъ его названіе, обозначаетъ собою тотъ моментъ умственнаго движенія, когда умозрительная философія уступаетъ мѣсто положительному знанію. Моментъ этотъ, какъ я старался показать выше, неизбѣжно долженъ былъ, рано или поздно, наступить всюду въ Европѣ. Вся западно-европейская философія есть не иное что, какъ не понимающая себя психологія. Поэтому, неизбѣжнымъ исходомъ всего философскаго движенія западной Европы былъ переходъ философіи въ психологію, какъ положительную науку. Переходъ этотъ возвѣщенъ великими мыслителями задолго до нашего времени, — въ Англіи Локкомъ, въ Германіи Кантомъ, во Франціи О. Контомъ. Но какъ всегда бываетъ въ исторіи, новый шагъ сдѣланъ былъ ощупью. Тѣ, которые его впервые сдѣлали, не вполнѣ ясно видѣли, куда онъ ведетъ, и задавались совсѣмъ не тѣми задачами, которыя прямо вытекали изъ ихъ открытій. И Локкъ и Кантъ и О. Контъ подошли къ новому дѣлу въ значительной степени съ старыми предпосылками. Этимъ объясняется, почему открытые ими пути и поставленныя ими задачи долгое время какъ будто были забыты, и на почвѣ, расчищенной ихъ критическими работами, развились съ новой силой ученія, пропитанныя старыми предпосылками и по духу своему примыкавшія къ отжившимъ свое время системамъ. Французскіе матеріалисты XVIII вѣка имѣютъ лишь внѣшнюю, несущественную связь съ ученіемъ Локка, какъ нѣмецкій идеализмъ Фихте, Шеллинга, Гегеля—съ критическими изслѣдованіями Канта.

Такое же значеніе имѣетъ и О. Контъ. Провозгласивъ необходимость замѣнить метафизику положительнымъ знаніемъ, Контъ высказалъ великую истину, къ осуществленію которой мы приближаемся съ выходомъ каждаго новаго серьезнаго психологическаго изслѣдованія. Но Контъ былъ математикъ и естествовѣдъ. Онъ натолкнулся на новую мысль съ предпосылкой, взятой изъ естественныхъ наукъ, что каждое явленіе вполнѣ, совершенно опредѣляется одной его матеріальной стороной, и перенесъ эту предпосылку въ выработку цѣлаго зданія новой науки, даже тѣхъ ея частей, къ которымъ такая предпосылка непримѣнима. Эту слабую сторону его доктрины старались по возможности ослабить и устранить талантливѣйшіе изъ его послѣдователей. Мнѣ кажется, что въ этомъ смыслѣ сдѣлано еще слишкомъ мало. Я убѣжденъ, что самыя тщательныя изслѣдованія матеріальныхъ субстратовъ психической жизни не могутъ замѣнить изученіе пси-

хической жизни въ ея прямыхъ, непосредственныхъ выраженіяхъ, которыя непосредственно доступны только внутреннему психическому зрѣнію, а наружу выступаютъ лишь въ значкахъ и символахъ, къ которымъ пріурочиваются. Точно также я глубоко убѣжденъ, что вся область знанія тогда только превратится въ положительную науку, когда психическая жизнь съ ея явленіями будетъ признана за самостоятельный факторъ дѣйствительности, равноправный съ матеріальною жизнью и ея явленіями и совершенно одинаково съ нею подлежащій положительному изученію, хотя и при помощи другихъ пріемовъ, обусловленныхъ особенностями самаго предмета изслѣдованія. Но за этими необходимыми оговорками я признаю постановку задачи знанія у О. Конта совершенно правильной. Позитивисты поступаютъ непослѣдовательно, отворачиваясь отъ метафизики и стараясь свести всѣ явленія къ ихъ матеріальной подкладкѣ. Метафизика есть складъ непонятныхъ продуктовъ психическихъ процессовъ. Съ той минуты, когда позитивизмъ, отбросивъ всякія предпосылки и аксіомы, перенесенныя изъ области естественныхъ наукъ, начнетъ изучать міръ психическихъ явленій какъ положительный фактъ, его отрицательное отношеніе къ метафизикѣ превратится въ ясное знаніе и пониманіе такъ называемыхъ метафизическихъ фактовъ. Кругъ позитивизма, т.-е. положительнаго знанія, завершится тогда вполнѣ; позитивизмъ замѣнитъ философію и вмѣстѣ съ тѣмъ не будетъ больше имѣть теперешняго, специфическаго значенія между другими философскими ученіями, а вполнѣ сольется съ положительнымъ знаніемъ, съ положительной наукой. Послѣднія работы Бэна и Льюиса показываютъ, что позитивизмъ уже ступилъ на этотъ путь. Во всякомъ случаѣ онъ есть единственно возможный и единственно плодотворный въ наукѣ.

Спб., 1875.

ФИЛОСОФСКАЯ КРИТИКА.

(По поводу полемики гг. Лесевича и В. Соловьева).

Въ концѣ прошлаго года въ петербургскомъ университетѣ происходилъ одинъ изъ самыхъ оживленныхъ диспутовъ, какіе здѣсь когда-либо бывали. Неожиданность и многозначительность этого событія заключается въ томъ, что споръ вызванъ въ наше практическое время и въ нашемъ ультра-практическомъ городѣ не какимъ-нибудь политическимъ, административнымъ, финансовымъ или экономическимъ, а чисто философскимъ вопросомъ. Г. В. Соловьевъ защищалъ диссертацію на степень магистра, подъ заглавіемъ: „Кризисъ западной философіи противъ позитивизма“. Позитивисты возражали. Изъ университетской залы споръ перешелъ въ газеты и журналы. Одинъ изъ частныхъ оппонентовъ, г. В. Лесевичъ, напечаталъ въ январьской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ разборъ диссертаціи г. Соловьева, подъ заглавіемъ: „Какъ иногда пишутся диссертаціи“. Г. Соловьевъ отвѣчалъ въ февральской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ статьею, подъ заглавіемъ „Странное недоразумѣніе“. Оба противника ссылаются на то, что̀ говорилось на диспутѣ, и изъ этихъ ссылокъ видно, что споръ былъ съ обѣихъ сторонъ горячій, не безъ нѣкотораго раздраженія.

Люди, интересующіеся философскими вопросами, конечно, съ жадностью набросились на эту полемику, ища въ ней разъясненія своихъ сомнѣній; но жажда ихъ едва ли была утолена.

Г. Лесевичъ между прочимъ приписываетъ г. Соловьеву выводъ, будто „недавнее еще всеобщее господство позитивизма смѣнилось теперь всеобщимъ господствомъ философіи безсознательнаго (Э. Гартмана), небывалый успѣхъ которой представляется не только

фактомъ, свидѣтельствующимъ о современномъ умонастроеніи европейскаго запада, но и рѣшающимъ принципіально вопросъ о значеніи метафизики въ ходѣ умственнаго развитія человѣчества". Онъ опровергаетъ мысль г. Соловьева, что „успѣхъ философіи безсознательнаго принципіально разрѣшаетъ вопросъ о принудительности для ума метафизики", — „какъ будто, прибавляетъ отъ себя г. Лесевичъ, философскіе вопросы разрѣшаются большинствомъ голосовъ". Далѣе г. Лесевичъ ставитъ г. Соловьеву въ вину, что онъ легкомысленно утверждаетъ, будто „чей бы то ни было умъ можетъ успокоиться на результатѣ позитивизма"; ставитъ ему въ вину, что онъ думаетъ, будто „въ недавнее еще время умъ человѣческій, представляемый западными мыслителями, подчинился господству позитивизма".

На всѣ эти обвиненія г. Соловьевъ отвѣчаетъ: я этого никогда не говорилъ и даже не думалъ.

Далѣе г. Лесевичъ нападаетъ на заглавіе диссертаціи: *Кризисъ* западной философіи *противъ позитивистовъ*, а г. Соловьевъ оправдывается ссылками на подобныя же заглавія, синтаксическими соображеніями и проч.

Затѣмъ идетъ длинный споръ о словѣ spontané, и о томъ, можно ли его переводить словомъ: произвольный. При этомъ оба противника ссылаются на лексиконы.

Потомъ г. Лесевичъ говоритъ, что непосредственнаго знакомства съ сочиненіями самихъ философовъ мало, чтобы ихъ понять какъ слѣдуетъ; нужно еще знакомство и съ послѣдующей литературой. Г. Соловьевъ на это отвѣчаетъ: „я не удивляюсь, что г. Лесевичъ предпочитаетъ знакомство съ философскими системами изъ вторыхъ и третьихъ рукъ; это безъ сомнѣнія легче и удобнѣе. Но тотъ, кто посвятилъ себя философіи, долженъ отказаться отъ этого удобства. Онъ долженъ изучать великихъ мыслителей въ ихъ собственныхъ произведеніяхъ".

Наконецъ, по поводу взглядовъ Гартмана на христіанство оба противника взаимно стараются уличить другъ друга въ незнаніи тѣхъ сочиненій, о которыхъ каждый изъ нихъ говоритъ. Раздраженіе идетъ усиливаясь, и въ заключеніе оппоненты обмѣниваются выраженіями далеко не дружелюбными. Въ этомъ и состоитъ вся полемика.

Читатель, особливо не знающій иностранныхъ языковъ, прочитавъ обѣ статьи, остается въ недоумѣніи. Ему очень мало дѣла до того, говорилъ ли г. Соловьевъ то, что ему приписываетъ г. Лесевичъ, или не говорилъ, правильно или неправильно переведено слово spontané, знакомы или незнакомы оба противника съ тѣмъ или другимъ сочиненіемъ; ему совершенно все равно, оба ли они правы, или оба неправы въ вопросахъ, къ которымъ они свели свой споръ. Читатель ожидалъ, что споръ двухъ знающихъ, начитанныхъ и мыслящихъ людей поможетъ ему разрѣшить основныя задачи высшаго знанія, которыя его интересуютъ, но съ которыми онъ совладать не можетъ; но именно объ этомъ онъ и не находитъ ничего въ полемикѣ.

Бѣдный русскій читатель! Покуда онъ интересуется чѣмъ бы то ни было, кромѣ философіи, печать оказываетъ ему всевозможное вниманіе и предупредительность. Каждый вопросъ разбирается подробно и обстоятельно. Какъ только онъ затронутъ,—всѣ относящіеся къ нему и освѣщающіе его факты снова приводятся, снова группируются, снова обсуждаются. Матеріалъ у читателя всегда подъ руками, извѣстенъ ему на пяти пальцахъ, и онъ можетъ составить себѣ по немъ ясное сужденіе о предметѣ. Но въ той области знанія, которая ему всего менѣе доступна, гдѣ сторонняя помощь ему всего нужнѣе, гдѣ даже и при такой помощи ему оріентироваться и составить мнѣніе очень не легко,—тутъ-то печать его и оставляетъ на произволъ судьбы. Чтобы понять хоть сколько-нибудь, за что съ такимъ ожесточеніемъ выступили другъ противъ друга г. Лесевичъ и г. Соловьевъ, для этого надо быть болѣе или менѣе хорошо знакомымъ съ европейской философской литературой. Безъ этого печатная полемика гг. Лесевича и Соловьева такъ и остается для читателя закрытой книгой. Что значатъ слова: позитивизмъ, реализмъ, идеализмъ, метафизика, индукція, дедукція, анализъ, синтезъ, положительное знаніе, апріорный методъ, сущность, явленіе, и проч. и проч., которыя онъ безпрестанно слышитъ вокругъ себя, и почему они вызываютъ въ людяхъ столько горечи и озлобленія, это для него— „мутная вода въ облакахъ небесныхъ"; спорящіе не даютъ себѣ труда ввести его въ причины, поводы, основанія своего существеннаго разногласія. А между тѣмъ, философскіе вопросы изъ всѣхъ задачъ и вопросовъ самые общіе и потому невольно родятся въ головѣ всѣхъ и каждаго, начиная отъ самаго

образованнаго человѣка и оканчивая самымъ невѣжественнымъ. Нѣтъ общественнаго положенія, занятія, пола,—я чуть-чуть не сказалъ возраста, — при которыхъ въ человѣкѣ не возникали бы такіе общіе вопросы: всѣ безъ изъятія—большинство не зная этого—и разрѣшаютъ, каждый по своему, философскія задачи. При такой всеобщности и въ то же время крайней трудности философскихъ вопросовъ, сотни перьевъ должны бы заняться ихъ популяризаціей и правильной постановкой, доступной всѣмъ и каждому. Такъ и дѣлается въ Германіи и Англіи; у насъ же большинство публики присутствуетъ при философскихъ турнирахъ почти не понимая, изъ-за чего ломаются копья,—и борцы не заботятся растолковать въ чемъ дѣло.

Это показываетъ, до какой степени философія у насъ еще кабинетное, книжное занятіе, до какой степени она,—по своему содержанію и задачамъ самая живая изъ живыхъ наукъ,—до сихъ поръ еще не освободилась въ общемъ сознаніи отъ лѣсовъ и подмостковъ, которые заслоняютъ ее отъ всѣхъ и дѣлаютъ доступною только немногимъ избраннымъ, — техникамъ, посвященнымъ въ ея школьный кабалистическій жаргонъ. Если ей суждено когда-нибудь стать и у насъ, какъ вездѣ, предметомъ общаго вниманія и интереса, то подразумѣваемая, но неизвѣстная большинству публики рѣзкая противоположность воззрѣній должна быть выдвинута на первый планъ и ярко выставлена на судъ читателей, а раздраженіе, которое она вызываетъ въ противникахъ, должно отодвинуться на второй. Всякій понимаетъ, что г. Лесевичъ и г. Соловьевъ считаются между собою не изъ личныхъ, а изъ общихъ вопросовъ; но изъ-за какихъ именно,—этого непосвященные не поймутъ, прочитавъ ихъ полемику. Между тѣмъ время быстро идетъ, вызывая потребности, которыя и не подозрѣвались прежде. Думали ли мы лѣтъ пятнадцать-двадцать тому назадъ, что философія пригодна для рѣшенія практическихъ вопросовъ, что къ ней, какъ къ послѣднему углу, всѣ они сходятся? А теперь къ этому многіе уже приходятъ: волей-неволей къ тому же скоро придутъ и всѣ мыслящіе и образованные люди. Отъ философіи, за что бы мы ни взялись, нельзя отдѣлаться. Общія начала всѣхъ наукъ, всего знанія, всѣхъ мыслей, изъ нея выходятъ и въ ней сходятся. Мы себя только обманываемъ, воображая, что можемъ, занимаясь чѣмъ бы то ни было, обойтись безъ философіи. Думая такъ, мы только принимаемъ на вѣру ея общія положенія, которыя входятъ, въ видѣ основныхъ началъ, во всевозможныя отрасли знанія. Какъ только опытъ, нужда, или что бы то ни было заставитъ насъ критически посмотрѣть на эти основныя начала, подвергнуть ихъ повѣркѣ, —мы тотчасъ же становимся съ философіей лицомъ къ лицу. Потребность такой повѣрки чувствуется у насъ съ каждымъ днемъ сильнѣе. Преданія слабѣютъ не въ одной западной Европѣ. Заведенный прежде порядокъ замѣняется другимъ въ нравахъ и понятіяхъ. Почва уходитъ изъ-подъ ногъ, и поступь не имѣетъ прежней твердости. Въ такія эпохи люди вынуждены искать себѣ точки опоры въ системѣ осмысленныхъ воззрѣній, прошедшихъ чрезъ критику. Умственный и нравственный ростъ, подобно матеріальному, выводитъ человѣка изъ положенія, въ какомъ онъ усѣлся и обжился, въ новое, которое приходится еще создавать. Такой переходъ всегда бываетъ критическимъ и обозначается усиленнымъ умственнымъ движеніемъ, въ которомъ и чрезъ которое зарождается новое преданіе и новый прочный порядокъ дѣлъ. Выведенные такимъ ростомъ изъ установившейся колеи, мы волей-неволей вынуждены въ мысли и умственныхъ построеніяхъ искать для нашей дѣятельности точки опоры, въ которой измѣняющійся строй преданій и привычекъ намъ отказываетъ. Европейцы, при сходныхъ обстоятельствахъ, въ эпоху возрожденія наукъ обратились къ греко-римской философіи; мы—къ западно-европейской. Это совершенно естественно: у кого нѣтъ своего, тотъ занимаетъ у другого и при помощи позаимствованнаго мало-по-малу вырабатываетъ свое самостоятельное міровоззрѣніе. Какъ въ Европѣ были послѣдователи Платона, Аристотеля, стоиковъ и эпикурейцевъ, пока не появились Декартъ, Спиноза, Лейбницъ, такъ и у насъ сложились теперь философскіе взгляды въ духѣ и направленіи современныхъ европейскихъ философскихъ ученій. Существенная разница, происходящая отъ различія историческаго возраста и степени культуры, состоитъ въ томъ, что у насъ пробужденіе философскаго сознанія выражается не въ систематически научно проведенныхъ взглядахъ, а скорѣе въ общихъ, полуинстиктив-

ныхъ расположеніяхъ и наклонностяхъ къ тому или другому міровоззрѣнію. Выяснить и опредѣлить ихъ и есть задача критики. Пока она будетъ ограничиваться частными и личными вопросами, публика останется неудовлетворенной въ своихъ справедливыхъ требованіяхъ, и философскіе споры останутся ей совершенно чуждыми.

(Недѣля, 1875, № 15).

ВОЗМОЖНО-ЛИ МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ ЗНАНІЕ?

На мою брошюру: „Апріорная философія или положительная наука"? В. С. Соловьевъ [1]) отвѣчалъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" (іюнь 1875 г.) статьею подъ заглавіемъ: „О дѣйствительности внѣшняго міра и основаніи метафизическаго познанія".

Я глубоко признателенъ г. Соловьеву за то, что онъ принялъ мои возраженія, какъ я желалъ и ожидалъ, именно какъ поводъ къ строго-научному разсмотрѣнію научнаго предмета, и сталъ на почву, которой я неуклонно держался, предлагая ему нѣкоторыя замѣчанія. Только такимъ образомъ и можно придти къ выводамъ, разъясняющимъ спорные вопросы.

Я заключилъ изъ диссертаціи г. Соловьева, что онъ не признаетъ дѣйствительнаго бытія внѣшняго міра, и оспаривалъ такой взглядъ. Оказывается, что я былъ не правъ. Почтенный авторъ самымъ опредѣлительнымъ образомъ отвергаетъ такое толкованіе его воззрѣній, и его аргументація не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ этомъ пунктѣ наши взгляды ни въ чемъ не разнятся.

Но вопросъ о возможности метафизическаго познаванія остается между нами спорнымъ и послѣ разъясненій г. Соловьева. Такъ какъ этотъ вопросъ есть основной въ философіи, то необходимо разсмотрѣть его подробнѣе.

Г. Соловьевъ признаетъ, что все существующее есть вмѣстѣ и субъектъ и объектъ; другими словами, что все можетъ быть предметомъ знанія, имѣть бытіе для другого, и въ то же время имѣетъ собственное бытіе, независимое отъ того, для кого служитъ предметомъ познаванія. Это безспорно. Отсюда авторъ выводитъ, „что внѣшній міръ, какъ онъ непосредственно дается, есть лишь явленіе, т.-е. представленіе въ нашемъ сознаніи, но что вмѣстѣ съ тѣмъ ему соотвѣтствуетъ нѣчто дѣйствительное само по себѣ, и что эта собственная дѣйствительность намъ непосредственно неизвѣстна".

Первая половина этого вывода несомнѣнно вѣрна. Но во второй, какъ я думаю, содержится важное недоразумѣніе и ошибка.

Изъ того, что предметъ существуетъ для меня и въ то же время помимо меня, для себя, самъ по себѣ, нельзя, мнѣ кажется, заключить, что его „собственная дѣйствительность мнѣ непосредственно не извѣстна". Во-первыхъ, противоположеніе явленія сущности не имѣетъ твердаго основанія,—оно произвольно; во-вторыхъ, бытіе для другого и бытіе для себя не имѣютъ ничего между собою общаго и потому несоизмѣримы.

Если подъ явленіемъ разумѣть то, что̀ кажется, а подъ сущностью то, что̀ есть на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности, то въ этомъ смыслѣ и явленіе и сущность будутъ относиться между собою какъ неправильное и правильное пониманіе. Послѣднее будетъ поправкой перваго, замѣной ошибки дѣйствительнымъ знаніемъ, а это особаго способа познаванія не предполагаетъ. Г. Соловьевъ очевидно не въ этомъ смыслѣ противополагаетъ сущность явленію. Если же подъ явленіемъ разумѣть несущественные признаки предмета, а подъ сущностью—существенные,

[1]) Авторъ диссертаціи „Кризисъ западной философіи противъ позитивизма".

то нельзя не замѣтить, что и существенное и несущественное получаютъ это значеніе извнѣ, или отъ точки зрѣнія, или отъ характеристическихъ свойствъ типа. Такъ, если, напримѣръ, изучать людей со стороны роста, цвѣта кожи, свойства волосъ, формы черепа, отправленія умственныхъ способностей и т. д., то по каждой изъ этихъ сторонъ существенность и несущественность признаковъ опредѣлится совершенно иначе, и существенное съ одной точки зрѣнія окажется несущественнымъ съ другой и наоборотъ. Если же существенность и несущественность опредѣлять не точкою зрѣнія, а основнымъ типомъ предмета, то для познанія существеннаго и несущественнаго опять нѣтъ никакой надобности въ двухъ различныхъ способахъ познаванія, такъ какъ существенные и несущественные признаки опредѣляются въ этомъ случаѣ чрезъ сравненіе ихъ между собою на множествѣ особей и выведеніе изъ такого сравненія основныхъ, характеристическихъ чертъ или принадлежностей типа. Такъ, только чрезъ сравненіе множества людей между собою выводятся основныя, типическія черты человѣческой природы, какъ бы средній человѣкъ, съ которымъ сравниваются особи и опредѣляется, какія ихъ свойства и принадлежности существенныя и какія нѣтъ. Нѣтъ сомнѣнія, что г. Соловьевъ разумѣетъ сущность и не въ этомъ смыслѣ, а никакого затѣмъ другого смысла, идя строго научнымъ путемъ, нельзя и придумать.

Выше я замѣтилъ, что бытіе для другого и бытіе для себя несоизмѣримы. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы говоримъ о предметѣ какъ о явленіи, т.-е. какъ объ объектѣ познаванія, мы этимъ обнимаемъ все, что въ немъ можетъ быть узнано. Затѣмъ, бытіе для себя, или такъ называемая сущность уже не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого отношенія къ знанію, такъ какъ все познаваемое въ предметѣ уже заключается въ его бытіи для другого. Итакъ, бытіе предмета для себя означаетъ только то его состояніе, когда онъ не есть предметъ познаванія, когда онъ не имѣетъ къ нему никакого отношенія, находится внѣ моего представленія, а совсѣмъ не значитъ, что предметъ не можетъ быть доступенъ знанію.

Г. Соловьевъ повидимому думаетъ избѣгнуть этого затрудненія, давая понять, что различеніе явленія отъ сущности, или, что тоже, бытія для другого отъ бытія для себя имѣетъ приписываемое значеніе только въ примѣненіи къ *непосредственному* знанію. Но затрудненія едва-ли устранятся этой оговоркой. Непосредственнаго знанія, какъ я старался показать въ „Задачахъ психологіи", не существуетъ. Даже чувственная достовѣрность, которая кажется совсѣмъ непосредственной, есть тоже результатъ очень сложныхъ, хотя и безсознательныхъ психическихъ процессовъ; а высшее сознательное научное знаніе отличается отъ чувственной достовѣрности только большею отвлеченностью. Первоначальныя впечатлѣнія всякаго рода, матеріальныя и психическія, безпрестанно переработываются психическими процессами, и съ каждой новой переработкой продуктовъ предшествующаго процесса, послѣдніе становятся все отвлеченнѣе. Никакого другого различія между такъ называемымъ непосредственнымъ и посредствуемымъ знаніемъ нѣтъ. Слѣдовательно, для метафизическаго знанія не остается мѣста.

Откуда же и какимъ образомъ родилось представленіе, что за доступною нашимъ внѣшнимъ чувствамъ стороною предмета скрывается другая, внутренняя, хотя имъ недоступная, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно существующая, реальная, которая открывается только особому, метафизическому способу познаванія и составляетъ, въ противоположность внѣшней, несущественной сторонѣ, существо, самую суть предмета? Представленіе это не сочинено, не выдумано произвольно, а передаетъ психическій фактъ, дѣйствительно совершающійся въ насъ при разсмотрѣніи внѣшняго предмета; мы только неправильно объясняемъ себѣ этотъ фактъ, переносимъ его изъ себя во внѣшній міръ и пріурочиваемъ къ внѣшнему предмету, который разсматриваемъ. Такъ происходитъ иллюзія, миражъ ума, который мы ошибочно принимаемъ за дѣйствительность. Тэнъ совершенно справедливо указываетъ на огромную роль галлюцинацій въ нашей психической жизни. Галлюцинаціи, какъ извѣстно, вращаются въ области чувственныхъ представленій; но ею они не ограничиваются и, перенесенныя въ область мышленія, производятъ иллюзіи и миражи, которыми такъ богата наша умственная дѣятельность.

Одна изъ самыхъ обыкновенныхъ иллюзій—это пріуроченіе нашего представленія къ внѣшнимъ предметамъ. Каждый изъ насъ совершенно убѣжденъ, что онъ видитъ пе-

редъ собою предметъ, и что то, что̀ онъ видитъ,—форма, цвѣтъ, размѣръ и проч. предмета, суть его качества, свойства, принадлежности. Между тѣмъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что мы видимъ не предметъ, а представленіе предмета, существующее въ насъ, а не внѣ насъ; что мнимыя его свойства и принадлежности—не его, а наши о нихъ представленія, пріуроченныя къ предмету, другими словами, что все, что̀ мы знаемъ о внѣшнемъ мірѣ, есть знаніе не самаго этого міра, а тѣхъ впечатлѣній, которыя онъ на насъ производитъ. Между дѣйствительнымъ міромъ, который насъ окружаетъ, и нами всегда непремѣнно стоитъ наше представленіе о немъ, которое мы разсматриваемъ, воображая, что видимъ самый предметъ.

Совершенно то же самое происходитъ, когда мы повидимому отдѣляемъ внѣшнюю сторону отъ внутренней, явленіе отъ сущности. Результаты умственныхъ нашихъ операцій надъ представленіемъ о внѣшнемъ предметѣ мы пріурочиваемъ къ самому предмету и придаемъ значеніе дѣйствительнаго факта тому, что̀ совершается въ нашей душѣ, ходомъ нашего мышленія.

Всякій актъ мышленія, сознательный и безсознательный, начинается съ сравненія. То, чего мы не знаемъ, мы сравниваемъ съ тѣмъ, что̀ знаемъ. Внѣшній предметъ, который мы разсматриваемъ, т.-е. наше чувственное представленіе о немъ, мы сравниваемъ съ собою. Въ насъ самихъ есть внутренняя и внѣшняя сторона; внутренняя опредѣляетъ внѣшнюю—наши слова и поступки. Не зная внѣшняго предмета, мы начинаемъ съ того, что переносимъ на него свое представленіе о себѣ и говоримъ: предметъ имѣетъ внѣшнюю и внутренюю сторону; послѣдняя опредѣляетъ первую; во внутренней сторонѣ, стало быть, сущность, вся суть предмета.

Эта антропоморфическая точка зрѣнія, наивно выражавшаяся въ первобытныхъ вѣрованіяхъ, удержалась и послѣ, когда они пали. Объ окружающемъ мірѣ человѣкъ продолжалъ судить по себѣ, переносить на него свои опредѣленія, въ убѣжденіи, что имѣетъ дѣло съ принадлежностями, свойствами и особенностями, присущими самимъ окружающимъ предметамъ.

Такимъ образомъ, въ основаніи отличенія въ предметахъ внѣшней стороны отъ внутренней, явленія отъ сущности, лежитъ примѣненіе аналогіи къ изученію окружающаго міра, но примѣненіе непроизвольное, безсознательное, которое потому и привело къ иллюзіи. Наука тоже безпрестанно прибѣгаетъ къ аналогіи, сравниваетъ неизвѣстное съ извѣстнымъ; но она не ограничивается перенесеніемъ послѣдняго на первое, а сопоставляя ихъ и сравнивая, приходитъ къ заключительнымъ выводамъ о сходствѣ и несходствѣ и такимъ образомъ уясняетъ свойства, качества и принадлежности сравниваемыхъ предметовъ, насколько они отражаются въ нашей душѣ. Метафизическая точка зрѣнія кажется мнѣ ошибочной именно потому, что она не принимаетъ въ разсчетъ иллюзій ума, считаетъ ихъ за дѣйствительныя внѣшнія явленія и на такомъ неправильномъ основаніи строитъ философскую систему. Процессы ума, его иллюзіи и галлюцинаціи безспорно такіе же реальные, дѣйствительные факты и явленія, какъ и матеріальные; но тѣ и другіе—дѣйствительности, реальности двухъ различныхъ порядковъ, которыхъ никакъ не слѣдуетъ смѣшивать. Перенесеніе явленій одного изъ нихъ въ другой и производитъ путаницу понятій и хаосъ, мѣшающіе правильному развитію науки и знанія. Выводъ, будто въ предметѣ, кромѣ его феноменальнаго бытія, есть еще сущность, намъ неизвѣстная, есть лишь послѣдствіе начатаго умственнаго процесса, не доведеннаго до конца, только потому, что онъ начатъ непроизвольно и безсознательно. Устранивъ или вычтя происходящую оттого иллюзію, мы должны будемъ придти къ иному заключенію, а именно: для насъ, для нашего знанія нѣтъ въ предметѣ ничего, кромѣ того что̀ нашему знанію подлежитъ и доступно. Тѣмъ же, что̀ предметъ есть самъ по себѣ, помимо нашего знанія, означается не внутреннее его существо, а только то, что предметъ есть, существуетъ, хотя бы мы его существованія и не подозрѣвали. Наше знаніе имѣетъ значеніе только для насъ, а не для предмета; оно относится къ намъ, а не къ нему, опредѣляетъ насъ, а не предметъ, и остается потому при насъ, не переходя на предметъ. Съ этой точки зрѣнія, которая мнѣ кажется единственно правильной, нельзя согласиться съ г. Соловьевымъ, будто „въ нашемъ внѣшнемъ, предметномъ познаніи мы имѣемъ только одну сторону, именно, феноменальную, и въ этомъ смыслѣ наше предметное познаніе, какъ не достигающее сущ-

ности, одностороннее и неистинно"; будто „для познанія... другой, внутренней или существенной стороны нуженъ и другой способъ познаванія"; наконецъ, будто „какъ явленіе не есть еще сущность, хотя въ дѣйствительности не раздѣльно отъ нея, такъ и познаніе явленія какъ явленія не есть еще познаніе сущности".

Отъ положенія, что каждое явленіе имѣетъ феноменальную сторону и внутреннюю сущность, изъ которыхъ одна доступна, а другая недоступна непосредственному знанію, г. Соловьевъ переходитъ послѣдовательно къ другому и, по моему мнѣнію, столько же спорному.

„Если внѣшній міръ, говоритъ г. Соловьевъ, доступенъ мнѣ непосредственно лишь какъ явленіе, т.-е. какъ мое представленіе, собственная же его сущность, какъ независимая отъ меня, не входитъ въ сферу моего непосредственнаго познанія, то самъ себѣ я доступенъ и со внутренней стороны не какъ явленіе только, но и какъ существо (или, какъ поясняетъ ниже авторъ, по существу). Я познаю не только свое отношеніе къ другому, но и собственное свое внутреннее бытіе". Этотъ видъ познанія и есть внутреннее, непосредственное знаніе или самознаніе, отличное отъ познанія другихъ предметовъ чрезъ внѣшнія чувства. Различіе ихъ „заключается только въ томъ, что чрезъ внѣшнее или предметное познаніе я познаю нѣчто другое, то-есть, хотя представленіе внѣшняго предмета и есть мое собственное внутреннее состояніе, но я необходимо отношу его къ другому, признаю его непосредственно только значкомъ этого другого; во внутреннемъ же познаніи я познаю не другое, а непосредственно себя самого, внутреннія собственныя опредѣленія своего существа, такъ что тутъ познаваемое не есть другое для познающаго, а онъ самъ, и такимъ образомъ это внутренне познаніе есть непосредственное саморазличеніе, самопознаніе психическаго существа. Правда, я познаю лишь рядъ психическихъ состояній, но я знаю, что эти состоянія суть непосредственныя выраженія *моего* существа, а не другого, иначе я не сознавалъ бы и не называлъ ихъ *моими* психическими состояніями. Такимъ образомъ, если и можно называть эти психическія состоянія явленіями (я не буду спорить о словахъ), то эти явленія совершенно иного рода, чѣмъ то, что я называю внѣшними явленіями. Существо, которое не выражается въ моихъ внутреннихъ состояніяхъ, не есть мое; единственное существо, которое я могу назвать моимъ, есть то, которое мнѣ непосредственно извѣстно въ этихъ психическихъ состояніяхъ. Если такимъ образомъ я могу непосредственно познавать только свое существо, то слѣдовательно этимъ внутреннимъ самознаніемъ ограничивается для меня вообще существенное познаніе въ собственномъ смыслѣ. Всякое другое познаніе о существѣ, всякое познаніе о существѣ другого я могу получить только чрезъ какое-либо соединеніе съ этимъ непосредственнымъ внутреннимъ самознаніемъ, т.-е. чрезъ такое или иное распространеніе опредѣленій своего внутренняго бытія на другое".

Въ этихъ выводахъ г. Соловьева несомнѣнны и фактически достовѣрны слѣдующіе два факта: во-первыхъ, что при помощи внѣшнихъ чувствъ мы узнаемъ внѣ насъ находящіеся предметы; во-вторыхъ, что кромѣ знанія при помощи внѣшнихъ чувствъ, мы имѣемъ еще знаніе безъ помощи внѣшнихъ чувствъ—то, что я называю внутреннимъ, психическимъ зрѣніемъ. Совершенно справедливо также, что познаваемое при помощи внѣшнихъ чувствъ кажется намъ чѣмъ-то постороннимъ, чужимъ для насъ, тогда какъ познаваемое при помощи внутренняго знанія сознается нами *большею частью* какъ наше собственное. Такъ какъ внутреннее знаніе не относится не только къ нашимъ собственнымъ, матеріальнымъ, но и къ нашимъ же психическимъ состояніямъ, то въ послѣднемъ случаѣ оно какъ будто подкрѣпляетъ мысль г. Соловьева, что бытіе для другого и бытіе для себя находятся между собою въ соотвѣтствіи и оба могутъ быть доступны для знанія.

Но, признавая все это безспорнымъ, я однако затрудняюсь согласиться съ г. Соловьевымъ, будто изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что знаніе по существу возможно и будто такое знаніе дается намъ при помощи внутренняго самознанія. Въ моихъ глазахъ этотъ видъ знанія не иное что, какъ способъ познаванія явленій, неподлежащихъ внѣшнимъ чувствамъ. Пріемами своими этотъ способъ нисколько не отличается отъ способовъ познаванія внѣшнихъ явленій, и даетъ въ результатѣ точно такое же знаніе, какъ эти послѣдніе способы. Что при помощи внѣшнихъ чувствъ я узнаю предметы посторонніе,

а при помощи внутренняго, психическаго зрѣнія то, что происходитъ во мнѣ,—отъ этого самое знаніе, какъ мнѣ кажется, ни мало не измѣняется.

Начну съ того, что я сознаю принадлежность мнѣ моего тѣла, называю его своимъ, но имѣю возможность ознакомиться съ нимъ посредствомъ своихъ же внѣшнихъ чувствъ и разсматриваю его какъ нѣчто внѣшнее, постороннее моему *я*, хотя оно нераздѣльно съ нимъ связано. Въ этомъ случаѣ необходимая составная часть меня самого, которую я признаю своею, является чѣмъ-то для меня внѣшнимъ, другимъ, до того, что многихъ явленій и процессовъ, въ немъ происходящихъ, я, какъ извѣстно, не ощущаю и потому могу не имѣть объ нихъ никакого представленія. Такимъ образомъ, на отношеніяхъ къ нашему тѣлу можно уже прослѣдить переходъ отъ познанія внѣшняго реальнаго міра къ познанію внутренняго психическаго, и въ этомъ переходѣ не замѣчается существеннаго измѣненія самаго характера знанія.

Пойдемъ далѣе. Наше тѣло мы можемъ изучать не только при помощи внѣшнихъ чувствъ, но и, такъ сказать, непосредственно въ тѣхъ ощущеніяхъ, которыя оно на насъ производитъ. Ощущенія эти отчасти весьма схожи съ ощущеніями, которыя намъ доставляются органами чувствъ, отчасти повидимому очень отъ нихъ различны. Но это различіе нельзя объяснить совершенною разнородностью тѣхъ и другихъ, какъ нельзя ею объяснять различіе впечатлѣній, получаемыхъ при помощи различныхъ органовъ чувствъ. Все различіе сводится къ тому, что ощущенія тѣла доставляются намъ помимо органовъ внѣшнихъ чувствъ. Вслѣдствіе того, физіологія и психологія и были вынуждены прибавить къ ощущеніямъ, получаемымъ чрезъ органы чувствъ, ощущенія непосредственныя (мускульныя, состояній тѣла и т. п.). Замѣтимъ, что послѣднія мы тоже считаемъ своими, хотя въ то же время относимъ ихъ не къ себѣ, а къ нашему тѣлу, и потому видимъ въ нихъ нѣчто для себя постороннее, хотя и наше.

Перехожу, наконецъ, къ собственно такъ называемымъ психическимъ состояніямъ, которыя мы познаемъ въ себѣ непосредственно. И ихъ мы считаемъ нашими; но въ то же время многія изъ нихъ представляются намъ какъ бы пришедшими извнѣ, навѣянными, навязанными или же добровольно принятыми отъ другихъ, т.-е. во всѣхъ этихъ случаяхъ чужими и нами только усвоенными. Къ нимъ, значитъ, опять мы относимся какъ къ посторониимъ явленіямъ, какъ къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ внѣшнихъ предметовъ.

Но и психическія состоянія, нами вызванныя, или возникшія и развившіяся въ насъ безъ видимаго посторонняго вліянія, дѣлаются для насъ какъ бы посторонними, внѣшними, когда мѣсто ихъ заступаютъ другія и мы относимся къ нимъ критически. Если они и выражали прежде наши собственныя внутреннія состоянія, то теперь они уже ихъ не выражаютъ, и мы относимся къ нимъ точно такъ же, какъ къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, хотя и знаемъ, что они не внѣшнія, а внутреннія, собственныя наши.

Очевидно, что во всѣхъ этихъ разнообразныхъ видахъ ощущеній и впечатлѣній принадлежность ихъ намъ не составляетъ такого характеристическаго признака, по которому бы можно было отличить ихъ отъ внѣшнихъ впечатлѣній, получаемыхъ отъ внѣшнихъ предметовъ и явленій,—какъ столъ и стулъ, принадлежащіе мнѣ или другому, только отъ этого нисколько не измѣняются и остаются точно такими же, хотя бы хозяинъ ихъ и перемѣнился. И внѣшнія впечатлѣнія и непосредственныя ощущенія состояній нашего тѣла и отраженія въ насъ нашихъ психическихъ состояній—все это впечатлѣнія, которыя получаемъ мы и которыя наше сознаніе пріурочиваетъ къ источникамъ, изъ которыхъ они произошли, правильнѣе сказать—къ тѣмъ поводамъ, которые вызвали въ нашемъ *я* то или другое состояніе. Но всѣ эти состоянія—наши, нашего *я*, и потому, различаясь по источникамъ, откуда возникли, они остаются совершенно одинаковыми въ томъ смыслѣ, что опредѣляютъ жизнь нашего *я*.

Что же такое, спрашивается, это *я*, которое остается за всѣми перемѣнами нашихъ психическихъ состояній? Оно представляетъ для нашего знанія и пониманія выдѣленное чрезъ цѣлый рядъ отвлеченій свойство живого человѣческаго организма относиться къ самому себѣ сознательно и оставаться себѣ равнымъ и тожественнымъ въ сознаніи, несмотря ни на какія измѣненія. Свойство быть себѣ равнымъ и тожественнымъ съ собою имѣетъ не только всякій организмъ, но и всякій атомъ; но въ человѣкѣ къ этому свой-

ству присоединяется еще сознаніе этого равенства и тождества. Это свойство, выдѣленное изъ безчисленнаго множества другихъ, представляется уму какъ отвлеченная формула, которая не передаетъ дѣйствительности, не замѣняетъ ея, а только соотвѣтствуетъ ей, есть ея знакъ, символъ. Бытіе само по себѣ этого свойства человѣческаго организма опять-таки остается внѣ знанія, потому что знаніе есть всегда только знаніе символа, значка, бытія для другого, хотя бы этотъ другой былъ самъ *я*, самъ живой человѣческій организмъ, сдѣлавшійся предметомъ собственнаго разсмотрѣнія. Способность души раздвояться, оставаясь одной, относиться къ себѣ самой какъ къ внѣшнему и постороннему, оставаясь въ себѣ, и даетъ человѣку возможность различать въ себѣ, какъ и во внѣшнемъ мірѣ, бытіе для себя отъ бытія для другого, существованіе отъ знанія.

Лучшимъ доказательствомъ, что это дѣйствительно такъ, служитъ то, что, во-первыхъ, себя мы знаемъ только въ различныхъ нашихъ состояніяхъ, а во-вторыхъ, что всѣ пріемы, всѣ умственные процессы, весь ходъ этихъ процессовъ при познаваніи внѣшнихъ впечатлѣній и внутреннихъ, психическихъ состояній совершенно одинаковы и ничѣмъ между собою не различаются. Даже способы наблюденія тѣхъ и другихъ совершенствуются въ такой же строгой постепенности при помощи частаго упражненія и возростающаго вниманія.

Г. Соловьевъ считаетъ недоразумѣніемъ съ моей стороны, что я не допускаю познанія по существу. Сознаюсь откровенно, я сдѣлалъ ошибку, допустивъ такое знаніе въ принципѣ, хотя и съ оговоркой, что оно намъ недоступно. Поправляя теперь эту ошибку, я скажу, что такого знанія вообще не можетъ быть. Сущность есть созданіе нашего ума, которому нѣтъ соотвѣтствующаго внѣшняго факта и которое мы, по недоразумѣнію, принимаемъ за такой фактъ. Сущность есть такая же иллюзія ума, какъ безконечное время, безпредѣльное пространство, безчисленное количество. Безъ такихъ созданій умъ не можетъ производить своихъ операцій, какъ безъ свѣта нѣтъ пламени, но они не имѣютъ соотвѣтствующаго противня въ дѣйствительности, какъ свѣтъ можетъ быть и безъ пламени. При научномъ ея изученіи, иллюзіи ума должны быть вычитаемы изъ суммы наблюденій и опытовъ,—иначе мы получимъ о ней превратныя представленія.

Сказанное относится и къ фактамъ матеріальнымъ и къ явленіямъ психическимъ. Послѣднія столько же дѣйствительны и реальны, какъ первые, и познаются точно такимъ же образомъ. Вся разница въ томъ, что матеріальные факты доступны намъ чрезъ внѣшнія чувства, а психическіе—при помощи внутренняго зрѣнія. Г. Соловьевъ придаетъ особенное значеніе тому, что при познаваніи психическихъ фактовъ познающій субъектъ и познаваемый предметъ совпадаютъ въ одномъ и томъ же лицѣ, изъ чего повидимому выходитъ, что въ этомъ случаѣ, вслѣдствіе совершенной однородности и тожественности субъекта и объекта, иллюзіи или невозможны, или по крайней мѣрѣ не различимы отъ знанія. Въ самомъ дѣлѣ, окружающій міръ имѣетъ самостоятельное бытіе внѣ человѣка; стало быть, когда знаніе объ этомъ мірѣ расходится съ внѣшними фактами, всегда есть средство открыть иллюзію, сравнивъ знаніе съ предметомъ. Но когда знаніе, которое уже само по себѣ есть фактъ психическій, имѣетъ преметомъ психическій же фактъ, то какъ отличить иллюзію отъ предмета познаванія? И она и онъ однородны и одинаково происходятъ въ одномъ и томъ же человѣкѣ. Несмотря на то, знаніе психическихъ явленій ничѣмъ кромѣ предмета и способовъ полученія впечатлѣній не отличается отъ знанія внѣшней природы, и весь ходъ познаванія, въ томъ и другомъ случаѣ, до малѣйшихъ подробностей совершенно одинаковъ. Что касается въ особенности иллюзій и миражей, то они одинаково возможны и одинаково открываются въ обоихъ видахъ знанія. Иллюзіи и миражи—не только психическіе факты, психическія реальности, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, и извѣстное отношеніе знанія къ предмету. Иллюзія возникаетъ, когда на предметъ переносится продуктъ умственнаго процесса, въ ошибочной увѣренности, что этотъ продуктъ есть самый предметъ. Такая ошибка одинаково возможна при познаваніи и матеріальныхъ и психическихъ фактовъ, потому что главную роль играетъ не свойство предмета, а отношеніе къ нему знанія. Если человѣкъ способенъ знать свои психическія состоянія, то такое знаніе, подобно знанію внѣшняго міра, можетъ соотвѣтствовать или не соотвѣтствовать предмету. Что внутреннее психическое знаніе можетъ, черезъ минуту,

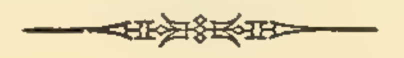
само обратиться въ предметъ познаванія, это нисколько не измѣняетъ дѣла; повѣрка знанія, черезъ сравненіе его съ предметомъ, одинаково возможна, будь этотъ предметъ матеріальное явленіе, или психическій фактъ.

Иллюзія сущности, противополагаемой явленіямъ, иллюзія метафизическаго знанія, противополагаемаго непосредственному познаванію внѣшней дѣйствительности, раскрываютъ намъ истинное значеніе знанія. Оно не измѣняетъ предмета, который, будучи узнанъ, остается такимъ же, какимъ былъ до того времени; оно не переводитъ и нашей мысли въ предметъ, потому что мысль, знаніе остаются мыслью и представляютъ собою нѣчто совсѣмъ иное отъ предмета. Нельзя поэтому сказать, что наши представленія даже о психическихъ предметахъ совпадаютъ съ послѣдними, тожественны съ ними; скорѣе, напротивъ, можно предположить, что въ дѣйствительности предметы совсѣмъ не таковы, какими они намъ кажутся, потому что другимъ они представляются иными, чѣмъ намъ. Если несмотря на то, наше знаніе не есть призракъ, фантазія, если наблюденіе и опытъ на каждомъ шагу удостовѣряютъ насъ, что наука, знаніе имѣютъ дѣло съ дѣйствительно существующими фактами, такъ что мы даже имѣемъ возможность отличать представленіе о нихъ отъ созданій ума, не соотвѣтствующихъ дѣйствительности, то изъ всего этого открывается, что знаніе есть не иное что, какъ психическое состояніе, въ которомъ дѣйствительность представлена соотвѣтствующими ей значками или символами, выработанными сообразно съ свойствами и особенностями нашей психической природы. При такомъ характерѣ знанія, она, очевидно, не можетъ быть не только безусловнымъ, но даже полнымъ. Его роль и призваніе ограничиваются задачею сдѣлать для человѣка возможной сознательную творческую дѣятельность и посреди окружающаго міра, и надъ самимъ собою, а именно—пересоздавать его и себя, измѣняя данныя сочетанія фактовъ и условій въ виду своихъ психическихъ и матеріальныхъ потребностей и согласно съ условіями и законами психической и матеріальной природы. Знаніе служитъ только необходимымъ приготовленіемъ къ такой дѣятельности. Цѣль его—возможное соотвѣтствіе между психическими состояніями и дѣйствительными фактами, между идеаломъ и дѣйствительностью. Необходимая посредствующая приготовительная работа на пути къ этой цѣли заключается въ выработкѣ значковъ или символовъ, возможно полно и совершенно соотвѣтствующихъ фактамъ, и точное различеніе и разграниченіе операцій мышленія, отражающихся въ нашемъ сознаніи, отъ продуктовъ психической переработки впечатлѣній, получаемыхъ отъ фактовъ. Чрезъ всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ, развитіе философіи вело, сознательно или безсознательно, къ разрѣшенію только этихъ задачъ, и высокій интересъ исторіи философіи существенно состоитъ въ постепенномъ открытіи и изслѣдованіи законовъ умственной дѣятельности и въ устраненіи создаваемыхъ ею иллюзій при выработкѣ психическихъ значковъ или символовъ.

Какія представленія создаются мышленіемъ, помимо впечатлѣній, и какія соотвѣтствуютъ реальной, психической или матеріальной, дѣйствительности? Гдѣ оканчивается знаніе и начинаются миражи ума?—вотъ одна изъ задачъ философіи, какъ положительной науки. Покуда точныя изслѣдованія не разрѣшатъ этихъ вопросовъ, до тѣхъ поръ мы все будемъ колебаться между крайнимъ матеріализмомъ и крайнимъ идеализмомъ.

Что касается до позитивизма, то его коренная ошибка состояла только въ томъ, что онъ признавалъ за дѣйствительныя реальности одни матеріальныя явленія и не придавалъ самостоятельнаго значенія психическимъ фактамъ, наравнѣ съ матеріальными. Но нельзя не замѣтить, что отъ этой односторонности, объясняемой условіями происхожденія и развитія, позитивизмъ съ каждымъ новымъ шагомъ впередъ постепенно освобождается. Книга Льюиса „Вопросы жизни и духа" представляетъ въ этомъ смыслѣ весьма замѣчательное явленіе. Изслѣдованія его выводятъ позивитизмъ изъ узкой рамки философской доктрины на широкій путь положительнаго научнаго знанія.

(Недѣля, 1875, № 42).

РУССКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ О ПОЗИТИВИЗМѢ.

В. Лесевичъ. Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи. Спб., XI и 295.

Интересующіеся у насъ общими научными вопросами и философіей — а число ихъ замѣтно ростетъ—прочтутъ эту книгу съ удовольствіемъ и несомнѣнной пользой. Позитивизмъ у насъ въ ходу, о немъ много говорятъ и спорятъ, но немногіе имѣютъ ясное понятіе о томъ, въ чемъ именно состоитъ это ученіе и какъ оно развивалось послѣ знаменитаго его основателя, Огюста Конта. На эти вопросы читатели найдутъ въ книгѣ г. Лесевича опредѣленные и вполнѣ удовлетворительные отвѣты, такъ какъ почтенный авторъ основательно знакомъ не только съ позитивизмомъ и его школой, но съ исторіей философіи и съ современнымъ философскимъ движеніемъ въ Европѣ. Вслѣдствіе большого знанія и начитанности, г. Лесевичъ не рабскій послѣдователь позитивной доктрины въ томъ видѣ, какъ она вышла изъ рукъ ея творца; напротивъ, онъ ясно видитъ и внимательно взвѣшиваетъ ея сильныя и слабыя стороны.

Изъ книги г. Лесевича видно, что у самого Огюста Конта общія руководящія основанія ученія остались неразвитыми; на нихъ онъ только указываетъ въ немногихъ бѣглыхъ замѣчаніяхъ; а непосредственные его послѣдователи, во главѣ которыхъ стоитъ Литре, не только не пополнили этого пробѣла, не только не развили критико-философскихъ основаній позитивизма, но изъ страха передъ метафизикой возвели этотъ недостатокъ въ основное начало позитивизма и тѣмъ остановили его развитіе во Франціи. Дѣло, выпущенное ими изъ рукъ, перешло къ нѣмецкимъ изслѣдователямъ. Труды Баумана, Ланге, Дюринга, Геринга и другихъ возстановляютъ нарушенную связь между высшими философскими обобщеніями и положительной наукой посредствомъ критической разработки философіи и теоріи познаванія, забытыхъ и отброшенныхъ неопозитивистами школы Литре и Вырубова.

Такимъ образомъ, послѣ книги г. Лесевича, позитивный фетишизмъ, которому у насъ по незнанію предавались многіе, дѣлается невозможнымъ. Одну уже эту заслугу автора мы цѣнимъ очень высоко. Самъ г. Лесевичъ — горячій приверженецъ позитивизма, его задачъ и стремленій, но онъ далекъ отъ весьма у насъ распространеннаго умственнаго холопства, готоваго видѣть въ каждомъ вновь появившемся ученіи послѣднее слово мудрости. Въ позитивизмѣ г. Лесевичъ видитъ первое прочное заложеніе критическаго реализма, который долженъ проникнуть всю область знанія, водворить научный взглядъ и строго научные выводы на мѣсто „призраковъ обыденнаго мышленія и марева метафизики“ и такимъ образомъ подготовить твердое основаніе для практической философіи, то-есть для теоріи прямого дѣйствія или искусства. Съ такимъ взглядомъ нельзя не согласиться въ принципѣ вполнѣ. Прочныя и блистательныя завоеванія положительнаго научнаго знанія, распространяющіяся теперь мало-по-малу, но неудержимо, и на область духовныхъ, нравственныхъ и общественныхъ явленій не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что научному знанію, и исключительно ему одному, будетъ отнынѣ принадлежать послѣднее слово въ разрѣшеніи всякаго рода общихъ и частныхъ теоретическихъ и практическихъ вопросовъ.

Не въ видѣ возраженія, а для большаго выясненія задачи и дальнѣйшаго развитія научнаго знанія, мы считаемъ необходимымъ напомнить, что и до сихъ поръ, несмотря на всѣ успѣхи, наука не приняла еще въ свой составъ съ правомъ гражданства всѣхъ тѣхъ явленій и фактовъ, которые необходимы для полноты ея содержанія, для совершенной правильности и точности общихъ ея положеній и для опредѣленія живой связи между теоріей и практикой или искусствомъ, все еще остающейся скрытою и мало понятною. Можно ли, при такихъ условіяхъ, считать уже теперь науку и научныя воз-

зрѣнія окончательно сложившимися, по крайней мѣрѣ въ ихъ основныхъ, существеннѣйшихъ предпосылкахъ, исключая, разумѣется, научный методъ, выработанный до совершенства? Мы не думаемъ: напротивъ, намъ кажется, что многое, считаемое современной наукой за безспорное, ея точки отправленія, условія, при которыхъ она только и можетъ существовать, далеко еще не выяснены окончательно, а приняты отчасти на вѣру и держатся преданіемъ, вслѣдствіе чего необходимость критическаго научнаго ихъ изслѣдованія и провѣрки начинаетъ чувствоваться и сознаваться со всѣхъ сторонъ. Возможность объективнаго знанія, въ смыслѣ знанія фактовъ, находящихся внѣ насъ, уже опровергнута; мы знаемъ относительно этихъ фактовъ только то, что доходитъ до насъ чрезъ ощущенія, другими словами—знаемъ о нихъ только чрезъ посредство психическихъ фактовъ; установляемъ и провѣряемъ эти факты, сопоставляя и сравнивая между собою ощущенія, получаемыя различными чувствами и различными людьми, слѣдовательно опять таки при помощи психическихъ фактовъ; другого строго-объективнаго мѣрила мы не имѣемъ. И такъ, наука покоится не на объективныхъ, предметныхъ, а на психическихъ, субъективныхъ данныхъ, выработанныхъ до возможной, но во всякомъ случаѣ не до совершенной объективности. Поле научнаго знанія ограничено нашею способностью воспріятія впечатлѣній или ощущеніями, и возможностью ихъ повѣрки. Слѣдовательно наука, по самому своему матеріалу, есть фактъ не реальный, а психическій. Данныя научнаго знанія существуютъ въ насъ, а не внѣ насъ. Далѣе: научнымъ знаніемъ мы называемъ понятія, выработанныя изъ провѣренныхъ и возведенныхъ до возможной объективности ощущеній. Но самыя понятія, подобно ощущеніямъ, суть тоже психическіе факты, и объективность ихъ, при которой только они и признаются научными, состоитъ лишь въ соотвѣтствіи ихъ съ провѣренными и установленными ощущеніями, соотвѣтствіи, которое въ свою очередь провѣряется и установляется цѣлымъ рядомъ сравненій между собою какъ ощущеній съ понятіями, такъ и выводовъ, добытыхъ этимъ путемъ различными людьми. Итакъ, научные понятія и выводы, точно также какъ и ощущенія, суть факты психическіе, субъективные, выработанные до возможной относительной объективности, но не объективные въ строгомъ смыслѣ слова, и представляютъ лишь результатъ психическихъ процессовъ и операцій надъ психическими же фактами. Наконецъ, и это главное, мы можемъ относиться къ ощущеніямъ какъ къ фактамъ, оперировать надъ ними, дѣлать изъ нихъ выводы и повѣрять эти выводы, придавать какъ тѣмъ, такъ и другимъ возможную всеобщность, только благодаря тому, что имѣемъ способтость ихъ знать и дѣлать ихъ предметомъ психическихъ операцій. Основное условіе, основная предпосылка научнаго знанія есть *сознаніе* — психическій фактъ, возбуждающій столько сомнѣній, споровъ и недоразумѣній въ современныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ, но тѣмъ не менѣе вполнѣ достовѣрный и неопровержимый. Сознаніе не есть органъ новыхъ истинъ или новыхъ фактовъ, но оно даетъ человѣку возможность знать психическіе факты, совершающіеся въ насъ, а не внѣ насъ, и которыхъ онъ, не имѣя сознанія, не могъ бы знать, какъ не имѣя глазъ мы бы не получили впечатлѣній свѣта, не имѣя ушей оставались бы нечувствительными къ звукамъ и т. п. Сознаніе не творитъ новаго, несуществующаго матеріала знанія, но оно даетъ человѣку возможность создавать изъ существующаго психическаго матеріала новыя комбинаціи, недоступныя для организмовъ, которымъ сознанія недостаетъ. Въ этомъ значеніи, оно есть характеристическій признакъ человѣка. Даръ слова, знаніе, положительное и метафизическое, творчество въ высшемъ его значеніи и самопроизвольность, обусловлены сознаніемъ и безъ него немыслимы. Что сознаніе имѣетъ свои корни въ біологическихъ условіяхъ, что разъясненія его мы должны ожидать отъ физіологіи мозговой и нервной системъ—въ этомъ едва ли можно сомнѣваться; но сводить его на одно воспроизведеніе нервныхъ возбужденій тоже нельзя, потому что сознаніе дѣятельно участвуетъ въ такихъ психическихъ процессахъ и операціяхъ, которыя не ограничиваются однимъ воспроизведеніемъ впечатлѣній, но претворяютъ ихъ въ новыя формы. Вотъ почему сознаніе есть тотъ центральный фактъ, къ которому все болѣе и болѣе будутъ направляться—и уже направляются—психологическія критико-философскія и физіологическія изслѣдованія, и только съ научнымъ его объясненіемъ падутъ окончательно перегородки, отдѣляющія физіологію отъ

психологіи и философію отъ положительной науки.

Чтобы еще болѣе убѣдиться, какъ шатки предпосылки современнаго научнаго знанія, разсмотримъ также одно изъ оснований, на которое оно опирается какъ на гранитную скалу. Наука, говорятъ намъ, имѣетъ дѣло съ реальными явленіями. Но что̀ такое реальность, реальный фактъ? До Конта на этотъ вопросъ было отвѣчать легко: реальное есть то, что̀ существуетъ внѣ нашей мысли и представленія; не реальное или идеальное все то, что̀ находится въ представленіи и мысли. Въ наше время такой отвѣтъ невозможенъ даже въ устахъ реалиста, сколько-нибудь знакомаго съ философіей. Мы видѣли и знаемъ, что такъ-называемое объективное научное знаніе со всѣхъ сторонъ замкнуто въ психологическія рамки и есть само по себѣ по преимуществу явленіе психическое, а не реальное. Граница между субъективнымъ и объективнымъ, реальнымъ и не реальнымъ разрушена; а между тѣмъ она во всѣхъ научныхъ изслѣдованіяхъ предполагается какъ нѣчто незыблемое и несомнѣнное и служитъ для нихъ точкой отправленія. Отсюда въ самой наукѣ выходитъ какое-то странное противорѣчіе: часть явленій продолжаетъ считаться реальными, хотя они, какъ мы показали выше — факты психическіе; другая же ихъ часть, точно такъ же имѣющая характеръ психическихъ, не признается за реальныя. Почему? — на это нѣтъ отвѣта. Мы здѣсь встрѣчаемся съ научнымъ преданіемъ, сохранившимся на вѣру отъ прошедшаго времени до нашихъ дней. Правильная теорія познаванія должна бы, кажется, уже возвратить насъ изъ воображаемаго реальнаго въ дѣйствительный психическій міръ, натолкнуть на мысль, что наука не есть нѣчто само по себѣ существующее, а специфическая принадлежность человѣческой природы. Такой должна бы она представиться и по своему содержанію и по формѣ: по содержанію потому, что она оперируетъ только надъ впечатлѣніями, доступными человѣку, тогда какъ извѣстно, что множество впечатлѣній до него не доходитъ вслѣдствіе устройства его органовъ, воспринимающихъ впечатлѣніе; по формѣ—потому что выводы науки суть лишь доведенныя до возможной всеобщности психическія состоянія человѣческаго рода. Единственное, что̀ бы еще можно было привести въ пользу различенія такъ-называемыхъ реальныхъ явленій отъ не-реальныхъ, заключалось бы только въ способѣ происхожденія ощущеній, а именно: одни психическія явленія возникаютъ подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ внѣшнихъ впечатлѣній, другія или представляютъ результатъ переработки первыхъ новыми психическими процессами, или возникаютъ въ насъ помимо внѣшнихъ впечатлѣній (возможность послѣднихъ многими отвергается, хотя, какъ мы думаемъ, совершенно произвольно). Но и подобное основаніе весьма неточнаго переименованія части психическихъ явленій въ реальныя совершенно разрушается тѣмъ, что человѣкъ есть часть природы, которая, въ его лицѣ, изучаетъ, познаетъ самоё себя, и слѣдовательно, откуда бы впечатлѣніе ни получалось, оно во всякомъ случаѣ идетъ отъ реальнаго факта, и на что̀ бы ни дѣйствовало, во всякомъ случаѣ есть реальное дѣйствіе на тотъ же реальный міръ. Съ такимъ распространеніемъ предѣловъ реальности на всѣ явленія безъ изъятія становится совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ можетъ оставаться хоть одинъ фактъ, исключенный изъ области реальнаго, и самое различіе реальнаго отъ не-реальнаго теряетъ всякій смыслъ. Все должно быть признано реальнымъ, въ томъ числѣ и самыя причудливыя созданія метафизиковъ.

Немногіе приведенные примѣры показываютъ, какъ въ наше время колеблются самыя основанія и предпосылки науки. Это сдѣлается совершенно понятнымъ, если мы обратимся къ исторіи развитія научнаго знанія, которое, какъ все на свѣтѣ, двигаясь безпрестанно впередъ, удерживаетъ рядомъ съ несомнѣнными новыми пріобрѣтеніями и преданія, завѣщаемыя учеными изъ рода въ родъ безъ критики и провѣрки. Сперва наука признавала реальными и объективными только явленія внѣшняго міра, въ противоположность явленіямъ міра внутренняго, психическаго. Теперь ей приходится отступиться отъ такого взгляда, такъ какъ доступный намъ внѣшній, объективный міръ оказывается психическими состояніями, возникшими въ насъ подъ дѣйствіемъ окружающей среды, и слѣдовательно обусловленными свойствами и процессами психическаго, внутренняго міра. До сихъ поръ точными изслѣдованіями удалось, послѣ неимовѣрныхъ усилій, выяснить, что множество понятій и мыслей, которыхъ происхожденіе и значеніе было совершенно

непонятно, возникли изъ переработки этихъ психическихъ состояній въ новыя формы, дѣлающія ихъ для людей болѣе сподручными, болѣе удобными для употребленія. Это открытіе дало научнымъ изслѣдованіямъ могучій толчокъ и повело къ цѣлому ряду блистательнѣйшихъ научныхъ открытій. Множество понятій и мыслей, чрезъ сравненіе ихъ съ матеріаломъ, изъ котораго они выработаны, были объяснены, провѣрены и исправлены, не говоря о множествѣ понятій и мыслей, созданныхъ вновь, благодаря увеличенію и выработкѣ самаго матеріала. Но именно вслѣдствіе блистательныхъ успѣховъ, сдѣланныхъ на этомъ пути, незамѣтно сложилось убѣжденіе, что всѣ наши понятія и мысли возникаютъ тѣмъ же способомъ, какъ и тѣ, которыя изучены и провѣрены, и слѣдовательно всѣ подлежатъ тому же способу изслѣдованія, повѣркѣ и исправленія. Такой выводъ есть не болѣе какъ гипотеза, но именно потому, что она сложилась безсознательно, она обратилась незамѣтно въ одну изъ основныхъ предпосылокъ современнаго научнаго знанія, лежитъ теперь во главѣ угла всѣхъ научныхъ изслѣдованій, и служитъ имъ неизбѣжной точкой отправленія. Противъ этого-то и подобныхъ имъ научныхъ предразсудковъ и возстаетъ въ наше время часть поборниковъ психологической точки зрѣнія. Въ научномъ знаніи они видятъ лишь процессъ ассимиляціи человѣкомъ внѣшнихъ впечатлѣній,—процессъ, опредѣляемый не по индивидуальнымъ, а по общимъ родовымъ признакамъ. Процессъ этотъ, разумѣется, не есть нѣчто оторванное отъ процессовъ остальной природы; совершается онъ, разумѣется, въ условіяхъ біологическихъ, частнѣе—физіологическихъ, именно въ условіяхъ мозговой и нервной системы; но характерную особенность въ человѣкѣ придаетъ этому процессу сознаніе, которое, какъ говорятъ теперь даже физіологи, есть „свойство *своеобразнаго* пониманія тѣхъ или другихъ нервныхъ процессовъ“, но на самомъ дѣлѣ есть свойство не только „своеобразнаго“, но всякаго вообще пониманія и даже представленія какихъ бы то ни было процессовъ и ихъ результатовъ. Благодаря сознанію, процессъ ассимиляціи внѣшнихъ впечатлѣній сливается съ такимъ же процессомъ ассимиляціи внутреннихъ впечатлѣній, доступныхъ одному сознанію; оба, при посредствѣ сознанія, переходятъ потомъ въ творческую дѣятельность человѣка, которая тѣмъ и отличается отъ творческой дѣятельности животныхъ, что въ ней принимаетъ участіе новый факторъ, не заявляющій себя въ творчествѣ прочихъ организмовъ. Часть поборниковъ психологическихъ воззрѣній не споритъ противъ того, что этотъ новый факторъ—сознаніе—есть результатъ новыхъ комбинацій, условій и данныхъ, уже встрѣчающихся на низшихъ ступеняхъ развитія организованной жизни; они не отвергаютъ и близкой аналогіи между явленіями психической жизни человѣка и остальныхъ организмовъ, свидѣтельствующихъ о непрерывности органической жизни на всѣхъ ея ступеняхъ; психологи этой фракціи крѣпко стоятъ на томъ, что психическая жизнь человѣка, вслѣдствіе присутствія и участія въ ней новаго фактора, сознанія, рѣзко отличается отъ всѣхъ прочихъ аналогическихъ явленій, въ которыхъ этого фактора незамѣтно, что она представляетъ рядъ новыхъ явленій, своеобразность которыхъ объясняется именно дѣятельностью этого новаго фактора. Къ числу такихъ новыхъ явленій принадлежитъ, между прочимъ, способность производить своеобразныя комбинаціи, не имѣющія ничего общаго съ комбинаціями внѣшней дѣйствительности, и принимать ихъ за истинныя и дѣйствительныя, вопреки очевидности. Вслѣдствіе такихъ, ей одной свойственныхъ, характерныхъ признаковъ, психическая жизнь человѣка представляетъ особую высшую ступень органической жизни, отличную отъ всѣхъ предшествующихъ, и явленія ея, несмотря на все ихъ различіе отъ явленій, подлежащихъ чувствамъ, должны быть признаны столько же реальными, какъ и всѣ другія явленія. Этого не допускаетъ научный реализмъ. Въ его глазахъ психологическій взглядъ есть не болѣе какъ субъективная точка зрѣнія, которая не можетъ быть строго научной и должна, при научномъ изслѣдованіи, уступить мѣсто объективной. Здѣсь-то, какъ мы думаемъ, и выказываются всего яснѣе слабыя стороны позитивизма, даже въ томъ болѣе широкомъ философскомъ значеніи, какое ему придаетъ г. Лесевичъ. Не признавая за психическими явленіями, опредѣляемыми сознаніемъ, характера своеобразной реальности, позитивизмъ не въ состояніи указать научныхъ основаній этики. Мало того, позитивизмъ не въ состояніи указать въ своей системѣ мѣста человѣческому индивидууму, личности, около которой однако, какъ мы старались

показать, вертится весь міръ научнаго знанія и для которой оно только и существуетъ и имѣетъ значеніе. Знаніе, объективная наука есть, какъ мы сказали, родовая принадлежность и особенность людей, и пока она не обниметъ всѣхъ явленій человѣческой жизни, пока она будетъ стремиться найти себѣ точку опоры внѣ человѣка, до тѣхъ поръ она по необходимости будетъ страдать неполнотой, и общій планъ ея не можетъ считаться окончательно сложившимся.

Сводя все сказанное къ нѣсколькимъ заключительнымъ выводамъ, мы замѣтимъ, что позивитизмъ, даже въ болѣе общемъ значеніи критическаго реализма, лишь заканчиваетъ собою одинъ изъ періодовъ развитія научнаго знанія, именно тотъ періодъ, когда человѣкъ, сбитый съ толку безобразною смѣсью метафизическихъ спекуляцій и зачатковъ положительнаго знанія, сталъ искать твердой почвы для своей мысли и думалъ найти ее въ своихъ чувственныхъ воспріятіяхъ или ощущеніяхъ и ими началъ провѣрять всѣ свои воззрѣнія. Блистательныя открытія, громадные успѣхи по всѣмъ отраслямъ были результатомъ исканій истины на этомъ пути. Позитивизмъ подвелъ имъ итоги, возвелъ ихъ въ теорію, и въ этомъ смыслѣ есть послѣднее, заключительное слово длинной эпохи развитія. Но цѣлый рядъ явленій, обусловленныхъ не чувственными воспріятіями, не ощущеніями, возбужденными извнѣ, а непосредственно сознаніемъ, остался въ сторонѣ отъ протореннаго пути изслѣдованій и не могъ быть принятъ въ соображеніе при построеніи позитивной теоріи. Она отъ этого не только оказывается неполной и предпосылки ея—недостаточными, но и самые ея основные положенія и выводы, насколько правильность ихъ зависитъ отъ полноты научнаго матеріала, выходятъ ошибочными и недостаточными. Эти недостатки и пробѣлы будутъ пополнены, когда сознаніе и всѣ зависящія отъ него явленія будутъ также тщательно разработаны, изслѣдованы и критически провѣрены, какъ ощущенія, возбуждаемыя въ насъ извнѣ, и когда добытые этимъ путемъ общіе результаты и выводы займутъ принадлежащее имъ мѣсто въ научной теоріи и системѣ знанія. До тѣхъ же поръ, множество явленій останутся за порогомъ науки, и она по справедливости будетъ навлекать на себя упреки въ односторонности, исключительности и узости, которые слышатся уже теперь съ разныхъ сторонъ и существенно мѣшаютъ ея распространенію и успѣхамъ.

(Недѣля, 1877, № 2).

ПРОГРАММА ИСТОРІИ ФИЛОСОФІИ.

Понятіе о философіи мѣнялось много разъ, а потому и всѣ исторіи философіи представляютъ нѣчто нестройное и нескладное. Надо сперва опредѣлить, какой движущій нервъ развитія философскихъ ученій; тогда и исторія философіи представитъ стройную картину послѣдовательно развивающейся общей, основной мысли или начала.

„Софія", по буквальному своему значенію, есть мудрость—нѣчто крайне неопредѣленное. Подъ нею разумѣется и знаніе, и практическое умѣніе, и житейская опытность. Такъ разумѣлась мудрость вначалѣ у всѣхъ древнихъ народовъ Востока и Европы; такъ она разумѣется и теперь въ обыденномъ разговорѣ.

Но вездѣ и въ древнемъ и въ новомъ мірѣ изъ этой мудрости въ обширномъ смыслѣ рано или поздно выдѣлялась школьная мудрость, знаніе теоретическое, плодъ спеціальнаго изученія и изслѣдованія, котораго бытовою практикой и опытностью пріобрѣсти нельзя.

Школьная мудрость возникла вслѣдствіе накопленія знаній, наблюденій и опытовъ. По мѣрѣ ихъ размноженія становилось все труднѣе и труднѣе обнимать умомъ все. Появилась необходимость спеціализировать познаніе и умѣніе. Кромѣ того, наблюденія, опы-

ты и познанія различныхъ людей были различны, часто противорѣчили другъ другу. Возникъ вопросъ, кто правъ, кто нѣтъ? Рѣшить этотъ вопросъ можно было только подробнымъ изслѣдованіемъ знатоками дѣла. Такъ появились ученыя изслѣдованія и школы, гдѣ сообщались результаты изслѣдованій.

Изслѣдованія, въ свою очередь, неудержимо повели далѣе не только къ повѣркѣ знаній, наблюденій и опытовъ, но и къ изслѣдованію самыхъ способовъ ихъ повѣрки и къ отыскиванію тѣхъ основныхъ началъ и законовъ, которыми опредѣляются и управляются всѣ явленія.

Такимъ образомъ смутное представленіе о человѣческой мудрости, въ основаніи которой лежало непосредственное знаніе и умѣніе, мало-по-малу разложилось на свои составные элементы: религію, знаніе, художество и практическое умѣніе или искусство. Изъ нихъ выдвинулось болѣе другихъ впередъ знаніе, наука, а въ области науки высшее и первое мѣсто заняло знаніе методы знаній, т.-е. способовъ познаванія и его повѣрки и изслѣдованіе основныхъ, первыхъ началъ и законовъ, управляющихъ всѣми явленіями. Знанію двухъ послѣднихъ предметовъ познаванія и присвоено названіе мудрости—„софіи“.

И такъ, философія должна бы обнимать и религію, и школьное, научное знаніе, и область искусства, и техническое умѣніе. Исторія философіи должна бы, строго говоря, представить постепенное развитіе всѣхъ этихъ различныхъ областей, въ которыхъ выражается жизнь и дѣятельность человѣка и человѣческаго рода, каждой особо и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Но съ тѣхъ поръ какъ школьное знаніе и научное изслѣдованіе заступили мѣсто первобытной непосредственной мудрости, философія никогда не понималась въ такомъ обширномъ, всеобъемлющемъ смыслѣ. По мѣрѣ того какъ теоретическое, научное знаніе выдвигалось впередъ, философія съуживалась. Сначала подъ нею стали разумѣть одно лишь научное школьное знаніе вообще, а затѣмъ только знаніе научной методы познаванія и основныхъ началъ и законовъ явленій. Невыясненность того, что̀ такое философія, внесло большую запутанность и сбивчивость и въ опредѣленіе предмета исторіи философіи.

Въ томъ обширномъ, всеобъемлющемъ значеніи, о которомъ мы говорили выше, философія немыслима, пока школьное, научное знаніе не разрѣшитъ всѣхъ поставленныхъ имъ теоретическихъ задачъ, отъ чего мы еще очень далеки. По необходимости приходится спеціализировать понятіе о философіи и ограничить ея предѣлы и содержаніе тѣсными рамками, какія ей поставлены школьной наукой въ послѣднее время, т.-е. видѣть въ ней лишь науку о методѣ познаванія и основныхъ началахъ и законахъ всѣхъ явленій, составляющихъ предметъ знанія. Но согласно съ тѣмъ и исторія философіи должна показать, какъ и почему философія въ этомъ тѣсномъ смыслѣ возникла изъ непосредственной мудрости, какъ она постепенно развивалась, до какихъ пришла выводовъ и какія ея вѣроятныя судьбы въ ближайшемъ будущемъ.

Такова задача исторіи философіи. Въ дѣйствительности развитіе философіи осложнялось посторонними факторами, дѣятельность которыхъ должна быть принята въ соображеніе; иначе мы рискуемъ потерять изъ виду послѣдовательность развитія и растеряться во второстепенныхъ мелочахъ и подробностяхъ.

Главнѣйшіе изъ такихъ постороннихъ факторовъ суть слѣдующіе:

1) Особенныя условія и законы народной жизни.

Если бы исторія философіи совершалась съ самаго начала и до нашего времени у одного и того же народа, то задача ея значительно бы упростилась. Мы бы имѣли предъ глазами рядъ послѣдовательныхъ явленій, совершившихся на одной и той же почвѣ. То же самое было бы, если бы исторія философіи, тоже съ самаго начала и по наше время, совершилась у нѣсколькихъ или многихъ, но однихъ и тѣхъ же народовъ. Задачи ея, при такомъ условіи, существенно бы облегчились, такъ какъ мы имѣли бы возможность чрезъ сравненіе съ большею точностью опредѣлить, что̀ въ этомъ развитіи считать за особенное, національное, и что̀ за общечеловѣческое. Но въ дѣйствительности развитіе исторіи философіи происходило совсѣмъ не такъ. Народы высшей культуры умирали, и плодами ихъ работы и развитія пользовались другіе народы низшей культуры, которые перетолковывали и искажали ихъ сообразно съ своими понятіями и представленіями, свойственными низшей ступени ихъ развитія. Но подъ вліяніемъ элементовъ, внесенныхъ извнѣ, развитіе народовъ низшей культуры тоже отклонялось отъ того пути, какимъ бы оно могло и

должно было идти безъ посторонняго вліянія.

2) Развитіе рода человѣческаго или человѣческой расы вообще.

Движеніе научнаго знанія осложняется весьма существенно тѣмъ, что въ родѣ человѣческомъ, по мѣрѣ его развитія, выступаютъ новыя стороны, которыхъ вовсе не было замѣтно сначала, хотя онѣ несомнѣнно заключались въ неразвитомъ, слитномъ состояніи, въ человѣческой природѣ. Понятіе объ этомъ даютъ измѣненія въ звѣздномъ небѣ по мѣрѣ передвиженія нашей солнечной системы въ новыя пространства. Измѣняются не только знанія и понятія объ извѣстныхъ явленіяхъ, вслѣдствіе успѣховъ изслѣдованія и знанія, но и самые предметы научнаго изученія. Не различая этого двойного ряда перемѣнъ, мы часто впадаемъ въ ошибочное толкованіе фактовъ и вмѣсто однѣхъ причинъ ихъ указываемъ на другія.

Если за исходный пунктъ для обозрѣнія исторіи философіи принято развитіе человѣческаго рода, то ее можно раздѣлить на два періода по основному факту, который служитъ гранью между двумя отдѣлами въ исторіи человѣческаго рода. Фактъ этотъ, совпадающій съ появленіемъ христіанства и нашедшій въ немъ свое полнѣйшее выраженіе, есть переходъ жизни и дѣятельности человѣка изъ непосредственнаго факта въ міръ душевныхъ явленій. Переходъ этотъ служитъ признакомъ, что высшая психическая жизнь и дѣятельность наступила и стала предметомъ яснаго сознанія.

Оба отдѣла исторіи рѣзко отличаются другъ отъ друга характерными особенностями и представляютъ какъ бы два особенные міра. Первый представляетъ постепенную выработку человѣка изъ грубѣйшей непосредственности до смутнаго чаянія, что въ душѣ человѣческой заключается самое существо человѣческой природы. Къ этому чаянію человѣкъ приходитъ постепенно путемъ индукціи. Второй отдѣлъ представляетъ обратное стремленіе человѣка изъ міра душевной, внутренней жизни и дѣятельности къ міру непосредственности. Это совершается путемъ дедукціи. Несмотря на такую совершенную противоположность, оба отдѣла исторіи имѣютъ общія черты. Во-1-хъ, оба развиваются по однимъ и тѣмъ же законамъ и формулѣ, несмотря на различіе предпосылокъ: основной принципъ—внѣшняя непосредственность и внутренняя жизнь души,—является сначала неразличеннымъ въ человѣкѣ и лишь постепенно дифференцируется, причемъ въ обоихъ отдѣлахъ исторіи движущимъ началомъ развитія является мышленіе, которое и здѣсь и тамъ выдвигается на первый планъ и оттѣсняетъ на второй прочія стороны человѣческой души. Итакъ, въ обоихъ отдѣлахъ исторіи развитіе мысли и знанія стоитъ впереди и руководитъ движеніемъ. Во-2-хъ, какъ ни различна точка отправленія обоихъ отдѣловъ исторіи, но исходъ развитія въ обоихъ имѣетъ то сходное и общее, что представляетъ раскрытіе формы того же мышленія сначала по индуктивному, а потомъ по дедуктивному методу. Наше время, будучи началомъ какого-то, еще не выяснившагося третьяго періода и заключительнымъ актомъ возвращенія къ непосредственности, опять выдвинуло впередъ индуктивный методъ и довело его до высокой степени совершенства. Къ сожалѣнію, естественное сближеніе заключительныхъ эпохъ развитія двухъ отдѣловъ исторіи повело къ тому, что на ихъ существенное различіе обращается слишкомъ мало вниманія, и это обстоятельство много мѣшаетъ правильному взгляду на явленія и ученія того и другого отдѣла исторіи.

Соотвѣтственно съ значеніемъ обоихъ отдѣловъ, первый начинается съ пробужденія мысли въ отдѣльныхъ, разрозненныхъ человѣческихъ обществахъ и оканчивается тѣмъ, что частныя движенія мысли по группамъ обобщаются и сливаются въ одно общее движеніе; второй отдѣлъ, начавшись съ единой, общечеловѣческой почвы, подготовленной развитіемъ перваго отдѣла, стремится къ разложенію этого единенія на составныя его части, возвращается мало-по-малу къ оживленію единицъ, въ которыхъ сосредоточивается непосредственная жизнь.

Согласно съ сказаннымъ, исторія философіи въ томъ тѣсномъ значеніи, какое она получила, а именно въ смыслѣ знанія научной методы познаванія и основныхъ началъ и законовъ явленій, должна раздѣлиться на два отдѣла: до-христіанскій и христіанскій. Дѣленіе это не хронологическое, и исламизмъ есть не болѣе какъ своеобразный и запоздалый продуктъ развитія перваго отдѣла исторіи.

Этотъ первый отдѣлъ долженъ представить, какъ непосредственный дикій человѣкъ постепенно развился до чаянія, что вся суть для человѣка заключается въ его внутренней, сознательной психической жизни.

Подраздѣленія этого отдѣла слѣдующія:

I. Умственное состояніе первобытнаго человѣка, по дошедшимъ до насъ темнымъ сказаніямъ и по новѣйшимъ научнымъ изслѣдованіямъ.

II. Очеркъ первобытныхъ религій у различныхъ народовъ и развитія у нихъ религіозныхъ вѣрованій,—насколько въ нихъ выражается переходъ отъ безсознательной непосредственной жизни къ ея сознанію и первые зачатки гражданственности.

III. Первые зачатки выдѣленія мышленія и первыя попытки его доискаться до основныхъ началъ и законовъ явленій. Натуръ-философы Греціи—Анаксагоръ, Пифагорейцы, Элеаты. Этотъ періодъ обнимаетъ развитіе самостоятельнаго мышленія отъ ближайшихъ непосредственныхъ его движеній до отвлеченныхъ общихъ понятій.

IV. Софисты. Поворотъ отъ объективнаго внѣшняго міра къ человѣку.

V. Сократъ. Сознаніе внутренняго душевнаго міра человѣка, какъ источника истины и благополучія. Первые зачатки метода познаванія.

VI. Платонъ и Аристотель—завершили первый отдѣлъ исторіи философіи, сведя въ полную законченную и выработанную систему то, что было подготовлено и указано ихъ предшественниками. На Платонѣ еще замѣтно вліяніе новаго ученія Сократа; Аристотель есть чистый индуктивистъ въ духѣ перваго отдѣла исторіи философіи, которой онъ и является вѣнцомъ и послѣднимъ словомъ.

VII. Дальнѣйшее движеніе состояло въ подготовленіи къ новому міросозерцанію. Греческія ученія послѣ Аристотеля сосредоточили все вниманіе и весь интересъ на внутренней душевной жизни индивидуальнаго лица; эманаціонныя греко-восточныя ученія обратили стремленія и чаянія древнихъ греческихъ философовъ, выработанныя индуктивнымъ путемъ, какъ требованія теоретическаго мышленія, въ живую, непосредственную вѣру въ надчувственныя существа,—божество, безплотныя силы и человѣческія души, имѣющія дѣйствительное, реальное существованіе. Съ перваго взгляда можно подумать, что такое міросозерцаніе было простымъ возвращеніемъ къ первобытнымъ вѣрованіямъ; на самомъ же дѣлѣ между первымъ и послѣдними была огромная разница. Въ первобытныхъ вѣрованіяхъ міръ надчувственныхъ существъ не былъ приведенъ въ систему и не былъ строго различенъ отъ видимаго чувственнаго міра; человѣкъ сливался неопредѣленно и съ тѣмъ и другимъ и положеніе его между обоими мірами не было выяснено и точно установлено. Совсѣмъ не то представляютъ греко-восточныя ученія, предшествовавшія христіанству. Эманаціонныя ученія суть монотеистическія, производятъ весь надчувственный міръ отъ одного высшаго существа въ извѣстной системѣ и послѣдовательности; между надчувственнымъ и матеріальнымъ міромъ проведена рѣзкая разграничительная черта; въ человѣкѣ строго различено тѣло отъ души, которой придано божественное происхожденіе. Въ ней заключается, по этимъ ученіямъ, и самая суть человѣка. Тѣло, матерія есть нѣчто тлѣнное, преходящее и грѣховное. Духъ безсмертный заключенъ въ ней какъ въ тюрьмѣ и порывается возвратиться въ надчувственный міръ, откуда она опустилась на землю. Такое міросозерцаніе было по существу своему развитіемъ начала, поставленнаго Сократомъ и приведеннаго въ систему Платономъ, отъ котораго и ведетъ свое начало. Съ ученіемъ Аристотеля у него нѣтъ ничего общаго.

Но ни дуализмъ греко-восточныхъ ученій, ни индуктивные выводы Аристотеля не разрѣшили вопроса: какъ и откуда взялось различіе міра надчувственнаго и чувственнаго? Послѣдніе выводы до-христіанской философіи подготовили полное отрѣшеніе человѣка отъ непосредственности, перенесеніе въ области мышленія центра тяжести изъ внѣшняго, матеріальнаго міра въ міръ надчувственный; но послѣдній остался загадкой, разрѣшеніе которой выпало на долю новыхъ, христіанскихъ народовъ.

Второй отдѣлъ исторіи философіи начался съ того, чѣмъ заключился первый. Христіанство обратило въ непосредственное живое вѣрованіе то, что было выводомъ мышленія въ древнемъ мірѣ и послѣднимъ словомъ науки. По христіанскому ученію существо человѣка въ его душевной жизни. Душа человѣка ведетъ начало отъ Бога, любящаго, всеблагого, который отечески заботится о каждомъ человѣкѣ и разными путями ведетъ всѣхъ къ спасенію и блаженству. Мышленіе, въ томъ видѣ какъ оно было выработано древнимъ міромъ, приняло христіанское ученіе какъ непосредственное данное, неподлежащее критикѣ, несомнѣнное и неопровержимое, и съ этого повело свои изслѣдованія. Но, сдѣлавъ

однажды христіанское ученіе предметомъ изслѣдованія, мышленіе логически должно было перенести изъ вѣроученія въ себя мѣрило истины. Но отсюда, рано или поздно, возникъ вопросъ: что же такое разумъ, мышленіе, присвоившіе себѣ роль критерія истины? Разрѣшеніемъ этого вопроса заключился второй отдѣлъ исторіи философіи и открываются виды на будущее, котораго черты еще не обозначились.

Подраздѣленія второго отдѣла исторіи философіи слѣдующія:

I. Научное установленіе христіанскаго ученія. Философія отцовъ церкви.

II. Первыя попытки самостоятельнаго мышленія о христіанскомъ вѣроученіи. Подъ вліяніемъ восточныхъ, вновь развившихся и древне-греческихъ философскихъ ученій эти попытки мало-по-малу выростаютъ въ самостоятельную философскую систему или ученіе, опирающееся на одинъ разумъ, мышленіе. Такъ создается, рядомъ съ христіанскимъ вѣроученіемъ, научная система, въ существенныхъ чертахъ сходная съ вѣроученіемъ, но опирающаяся не на вѣру и священное преданіе, а на свободную и самостоятельную дѣятельность ума. Схоластика.

III. Окрѣпшая до самостоятельности мысль порываетъ всякую связь съ вѣроученіемъ и, не стѣсняясь болѣе священнымъ преданіемъ, ищетъ научной истины помимо откровенія, опираясь на научныя положительныя знанія. Такъ разумъ и его выводы стали повѣряться научно обслѣдованными дѣйствительными явленіями и фактами.

Эта эпоха весьма продолжительна. Она обнимаетъ XIV—XVII столѣтія и открывается возвращеніемъ къ до-христіанской философіи, характеризуется сильнымъ развитіемъ научнаго знанія, преимущественно естествознанія и математики. Декартъ, Спиноза, Лейбницъ, Вольфъ.

IV. Критическое отношеніе къ мышленію, его формамъ, процессамъ и способамъ дѣятельности. Фр. Бэконъ, Локкъ, Кантъ—основатели критики мышленія. Нѣмецкая спекулятивная философія. Ог. Контъ и школа позитивистовъ. Англійская школа критической психологіи и Спенсеръ. Физіологическая разработка психологіи.

Выведенный изъ непосредственности и возвращенный къ ней мышленіемъ, родъ человѣческій вступаетъ въ новый періодъ развитія. Пройденный имъ длинный путь и двойная провѣрка процессовъ мышленія объяснили ему съ совершенною очевидностью, что такое мысль, ея процессы, ея пріемы и ея роль въ жизни и дѣятельности людей. Оказывается, что весь надчувственный міръ, на который человѣкъ сначала опирался и противъ котораго потомъ возсталъ, есть лишь созданіе мышленія, продукты котораго мы, по незнанію, принимали за дѣйствительно, реально существующій внѣ насъ. Оказывается, что мышленіе, которое до сихъ поръ опредѣляло весь бытъ и все развитіе рода человѣческаго, есть лишь одно изъ свойствъ, отправленій и принадлежностей человѣческой природы, служащее человѣку могущественнымъ орудіемъ и средствомъ для устроенія его существованія, индивидуальнаго и коллективнаго, на земномъ шарѣ. Послѣдствія раскрытія этой тайны, которая столько тысячелѣтій тяготѣла надъ родомъ человѣческимъ, была источникомъ безконечныхъ заблужденій и несчастій и все представляла ему въ ошибочномъ, ложномъ освѣщеніи, должны быть громадныя и такъ же неисчислимы, какъ первое пробужденіе сознанія или первая увѣренность, возникшая двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, что существо и сила человѣка въ его духовной и нравственной природѣ. Сдавленныя и задержанныя въ своемъ развитіи подавляющимъ преобладаніемъ мышленія, другія стороны души—чувство или ощущеніе и воля—дѣятельность, должны, рано или поздно, выступить и занять принадлежащее имъ мѣсто въ жизни рода человѣческаго. Какимъ образомъ и въ какихъ формахъ это совершится—объ этомъ нельзя теперь и гадать. Много пройдетъ времени, пока туманъ, окружающій насъ отъ прежняго времени и развитія разсѣется и наше психическое зрѣніе прочистится. Ближайшему времени предстоитъ еще закрѣпить научнымъ путемъ великое открытіе нашего времени и перестроить соотвѣтственно съ нимъ весь міръ знанія и науки, а эта работа началась лишь недавно и ведется пока не систематически, ощупью. Но во всякомъ случаѣ, въ эту, а не въ другую какую-нибудь сторону должно отнынѣ направиться развитіе рода человѣческаго.

С. Иваново, 1884 г., августъ.

ПРОГРАММА УЧЕНІЯ О ЕСТЕСТВЕННОЙ РЕЛИГІИ.

Источники и условія развитія естественной религіи.

Подъ естественной религіей, въ отличіе отъ откровенной, разумѣется та, до которой человѣкъ додумался собственнымъ умомъ, помимо откровенія свыше. Всѣ религіи, кромѣ еврейской и христіанской, суть, въ этомъ смыслѣ, естественныя.

Естественныя религіи, какъ плодъ собственныхъ усилій человѣка, коренятся въ человѣческой природѣ; такъ какъ животныя не имѣютъ религіи, то очевидно источниковъ естественной религіи слѣдуетъ искать въ особенностяхъ человѣческой природы, которыми человѣкъ отличается отъ прочихъ животныхъ.

Естественныя религіи различны у различныхъ народовъ. У одного и того же народа естественная религія бываетъ различна въ различныя эпохи его исторіи. То и другое указываетъ на тѣснѣйшую связь между естественными религіями и воззрѣніями людей.

Естественныя религіи представляютъ двѣ стороны, которыя необходимо различать: 1) онѣ представляютъ извѣстное ученіе, которое люди признаютъ за священную истину; 2) онѣ устанавляютъ извѣстное отношеніе между людьми и божествомъ, которое люди признаютъ за существо, имѣющее вліяніе на ихъ судьбу. Первое представляетъ объективную, второе субъективную сторону естественной религіи.

Общая черта всѣхъ естественныхъ религій, несмотря на все ихъ различіе, заключается въ томъ, что люди признаютъ существованіе, кромѣ видимаго міра, подлежащаго чувствамъ, высшихъ существъ, болѣе сильныхъ и и могучихъ чѣмъ человѣкъ,—существъ, которыя имѣютъ свое, независимое отъ него самостоятельное бытіе. Эти существа живутъ своею особою жизнью, не похожею на жизнь людей, но могутъ являться имъ въ доступномъ чувствамъ видѣ. Они властвуютъ надъ людьми, дѣйствуютъ на нихъ, оказываютъ на нихъ благотворное или вредное вліяніе непосредственно или дѣйствіями своими на ихъ обстановку. Они изрекаютъ, когда признаютъ нужнымъ, свою волю людямъ, и эта воля для людей священна и обязательна.

Божество, по естественнымъ религіямъ, не есть безличная, слѣпая, бездушная сила, а личное существо. Такъ какъ оно имѣетъ власть надъ природой и человѣкомъ, то между нимъ и людьми установляются непосредственныя личныя отношенія. Человѣкъ, будучи зависимъ отъ божества, всячески старается снискать его къ себѣ благорасположеніе. Средствами для того служатъ: 1) признаніе власти божества надъ собою и выраженіе почитанія его и покорности ему; 2) исполненіе его велѣній; 3) обращеніе къ нему въ своихъ нуждахъ; 4) приношенія предметовъ, угодныхъ божеству.

Многіе считаютъ естественныя религіи искаженнымъ подобіемъ религіи откровенной, потускнѣлымъ ея образомъ. Искаженіе и потускнѣлость опредѣляются тѣмъ, что человѣкъ самъ, собственными силами и умомъ, додумывался до того, чему учитъ откровеніе. Различіе между естественными религіями и религіей откровенія даетъ указаніе, до чего человѣкъ можетъ додуматься самъ и чего онъ собственными усиліями постигнуть не можетъ. Слѣдовательно, изслѣдованіе естественной религіи, какъ произведенія самого человѣка, можетъ раскрыть и объяснить источникъ религіозности въ человѣкѣ, причину различій естественныхъ религій у разныхъ народовъ и въ разныя эпохи у одного и того же народа и составъ или содержаніе естественныхъ религій въ объективномъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ вѣроученій.

1. Субъективныя основанія естественной религіи.

Такъ какъ у животныхъ нѣтъ религіи, то очевидно, что корней естественной религіи слѣдуетъ искать въ той сторонѣ человѣческой природы, которою онъ отличается отъ всѣхъ другихъ животныхъ.

Такою стороною является сознательность, или способность его сознавать, не въ общепринятомъ, весьма неопредѣленномъ смыслѣ этого слова, а въ смыслѣ особливой способности, свойственной одному человѣку и которой лишь слабые зародыши замѣтны у прочихъ животныхъ,—давать себѣ отчетъ во внутреннихъ своихъ душевныхъ событіяхъ и состояніяхъ, подвергать ихъ контролю, переработкѣ и направлять и давать имъ новыя формы (См. „Задачи этики", гл. II).

Сознательность превращаетъ потребности человѣческой природы въ сознанные мотивы дѣятельности: она переработываетъ впечатлѣнія внѣшнія и внутреннія, душевныя движенія въ общія отвлеченныя понятія и идеи; она же превращаетъ самоощущеніе или самочувствіе въ обобщенное представленіе о надчувственномъ существѣ, живущемъ внѣ человѣка. Здѣсь, въ этомъ представленіи и заключается зародышъ естественной религіи.

Дѣятельность этой прирожденной способности есть тоже безсознательная; сознаемъ мы только ея результаты. Сознаніе наступаетъ позднѣе, когда уже эта способность совершила свои операціи и результаты ея отложились въ нашей душѣ. То что мы называемъ сознаніемъ, находитъ ихъ въ душѣ уже готовыми.

Давно уже подмѣчено, что въ естественныхъ религіяхъ человѣкъ представляетъ себѣ божество по своимъ понятіямъ. Какимъ онъ понимаетъ и чувствуетъ самого себя, такимъ онъ представляетъ себѣ и божество. Этимъ объясняется различіе естественныхъ религій по народностямъ и степени развитія человѣка.

Психологическая основа вѣрованія въ надчувственныя существа есть только предпосылка естественныхъ религій. Для того, чтобъ изъ нея могла сложиться естественная религія, необходимы еще и другія условія, а именно: 1) вѣра въ реальное бытіе надчувственныхъ существъ покоится на томъ, что человѣкъ, при первомъ пробужденіи сознанія, уже находитъ въ своей душѣ готовымъ, сложившимся представленіе о такихъ существахъ и, не подозрѣвая откуда оно взялось, приписываетъ ему дѣйствительное бытіе. Въ концѣ XVIII вѣка Кантъ точно такимъ же образомъ призналъ пространство, время и категоріи за прирожденныя свойства разума, вносимыя человѣкомъ въ познаніе реальнаго міра, тогда какъ они—продукты непосредственнаго мышленія, оперирующаго надъ реальнымъ міромъ независимо отъ сознанія, которое при своемъ пробужденіи находитъ ихъ въ душѣ уже готовыми, сложившимися; 2) сначала смутное, неопредѣленное, похожее на чаяніе и предчувствіе, представленіе о надчувственныхъ существахъ начинаетъ мало-по-малу развиваться, объективироваться, получать опредѣленныя объективныя формы, сначала въ душѣ, потомъ въ искусствѣ. Первымъ къ тому шагомъ или толчкомъ служитъ то, что общее многимъ единичнымъ людямъ вѣрованіе въ бытіе надчувственныхъ существъ обращается въ коллективное, что и придаетъ ему большую объективность и въ то же время дѣлаетъ представленіе, ставшее коллективнымъ, болѣе совершеннымъ; этимъ оно и возвышается надъ единичнымъ представленіемъ и его носителемъ, единичнымъ человѣкомъ; 3) такъ какъ человѣкъ переноситъ въ представленіе о надчувственныхъ существахъ свои понятія, то въ этихъ представленіяхъ отражаются измѣненія, происходящія въ самосознаніи и понятіяхъ самого человѣка. Исторія естественныхъ религій есть поэтому исторія развитія взглядовъ человѣка на самого себя, понятій его о самомъ себѣ; а историческое развитіе этихъ взглядовъ и понятій опредѣлялось постепеннымъ измѣненіемъ положенія человѣка посреди окружающей его природы и другихъ людей. Исторія представляетъ постепенную выработку единичнаго человѣка до возможной индивидуальной самостоятельности и независимости отъ окружающей среды, съ которой сначала сливался, въ которой стушевывался, отъ которой безусловно зависѣлъ и которой былъ безусловно подчиненъ. На этой первоначальной ступени развитія еще нѣтъ естественной религіи, а есть только смутное предчувствіе надчувственнаго міра. Затѣмъ человѣкъ еще долго не умѣетъ отличить себя отъ предметовъ внѣшней природы и медленно доходитъ до сознанія этого отличія. Далѣе онъ начинаетъ въ самомъ себѣ различать душу отъ тѣла и въ своихъ душевныхъ качествахъ и свойствахъ видѣть особенности и характеристическія черты человѣческой природы. Наконецъ, онъ поднялся до понятія, что душевныя качества и свойства связываются чѣмъ-то таинственнымъ, неизвѣстнымъ — душою — въ одно цѣлое. Всѣ эти послѣдовательныя измѣненія во взглядахъ человѣка на самого себя послѣдовательно же

переносились въ естественныя религіи и обозначали ступени или эпохи ихъ развитія.

2. Объективныя условія естественной религіи.

Въ психической природѣ человѣка лежатъ зародыши естественной религіи. Но какъ психическая его природа развивается, дифференцируется и получаетъ опредѣленныя объективныя формы, вслѣдствіе дѣйствій и вліяній на нее окружающей среды, точно такъ же субъективные зародыши естественной религіи развиваются, подъ вліяніемъ окружающихъ человѣка объективныхъ условій, въ вѣроученіе и культъ, имѣющіе объективный характеръ и публичное значеніе.

Человѣкъ живетъ посреди природы и другихъ людей. Та и другая обстановка опредѣлила объективную сторону естественной религіи.

I. Субъективные зачатки естественной религіи, заключающіеся въ смутномъ чувствѣ, что есть надчувственный міръ, человѣкъ носилъ съ собой всегда и всюду, и переносилъ на все, что его окружало и на него дѣйствовало и вліяло. Пріуроченіе этого чувства къ предметамъ и явленіямъ природы и къ людямъ, которые имѣли вліяніе на его судьбу, отъ которыхъ онъ зависѣлъ, было тѣмъ естественнѣе и искреннѣе, чѣмъ онъ самъ былъ невѣжественнѣе и безпомощнѣе. Здѣсь источникъ поклоненія предметамъ и явленіямъ природы, вѣрованія въ загробную жизнь, поклоненія тѣнямъ умершихъ предковъ и обожанія выдающихся людей.

Антропоморфизмъ естественной религіи былъ уже высшею ступенью. Когда человѣкъ освоился съ внѣшней природой и выучился сколько нибудь приспособлять ее къ своимъ потребностямъ, ближайшая его обстановка потеряла въ его глазахъ значеніе таинственной силы, опредѣляющей его судьбу. Это значеніе сохранили лишь предметы и явленія болѣе далекіе и не подпавшіе подъ его власть. Такъ съ расширеніемъ его свѣдѣній и дѣятельности кругъ природной религіи или поклоненія природѣ началъ съуживаться. Такъ какъ съ тѣмъ вмѣстѣ и самосознаніе его болѣе развилось, то онъ началъ представлять себѣ таинственныя силы, скрытыя за видимымъ міромъ, въ образѣ людей.

Дальнѣйшее движеніе естественныхъ религій можетъ быть охарактеризовано слѣдующими чертами: постепенная выработка монотеизма; постепенное перенесеніе обожанія съ предметовъ и явленій природы на свойства человѣческой души.

Послѣднею ступенью развитія естественной религіи было обожаніе единаго неизвѣстнаго божества, которое таинственно дѣйствуетъ на природу и людей.

О естественныхъ религіяхъ необходимо сдѣлать слѣдующее общее замѣчаніе. Въ основаніи самыхъ грубыхъ и наивныхъ предметовъ поклоненія всегда лежитъ не самый объективный предметъ, а предполагаемая въ немъ таинственная сила, скрывающаяся за видимымъ предметомъ. Грубость и дикость той или другой формы естественной религіи служитъ доказательствомъ грубости и дикости понятій, низкой степени развитія и невѣжества.

II. Сожительство есть такое же условіе, опредѣляющее развитіе объективной стороны естественныхъ религій, какъ взглядъ человѣка на природу и людей.

Человѣкъ никогда и нигдѣ не жилъ одинъ, а всегда обществомъ. Поэтому естественная религія, коренясь въ психической природѣ индивидуальнаго лица, никогда не была только личнымъ дѣломъ, а съ самаго начала была дѣломъ коллективнымъ бо̀льшаго или меньшаго числа лицъ одинаковыхъ естественно-религіозныхъ убѣжденій. Независимо отъ вліянія коллективности на объективную выработку вѣроученія въ естественныхъ религіяхъ, о чемъ сказано выше, та же коллективность опредѣлила тѣснѣйшую связь естественныхъ религій и культа съ частнымъ общественнымъ и политическимъ бытомъ и придала естественнымъ религіямъ и культу общественный характеръ и значеніе общественнаго и политическаго учрежденія.

Въ періодъ, предшествующій образованію обществъ и государствъ, когда общежитіе сосредоточивалось въ отдѣльныхъ семьяхъ, естественная религія и культъ ограничивались членами этихъ первобытныхъ семей: первосвященниками были главы этихъ семей, и другихъ божествъ, кромѣ семейныхъ, не было.

Когда эти семьи тѣмъ или другимъ образомъ соединились въ общества, появляются естественныя религіи, божества и культы общественные. Съ тѣмъ вмѣстѣ, рано или поздно, начинается различеніе общественныхъ учрежденій отъ религіозныхъ. Свѣтскія власти не соединяютъ уже въ себѣ, какъ въ

первобытныхъ семьяхъ, значенія священниковъ и жрецовъ. На этой ступени развитія нѣтъ еще противоположенія свѣтской власти духовной, хотя онѣ и различены; естественная религія имѣетъ строго племенной и народный характеръ, почему религія и религіозныя учрежденія играютъ общественную и политическую роль, и устройство ихъ, организація построены по началамъ и по одному образцу съ свѣтскими. Культъ носитъ чисто народный характеръ и измѣняется въ своихъ формахъ вмѣстѣ съ измѣненіемъ нравовъ, понятій, подъ вліяніемъ знанія и культуры.

По мѣрѣ того, какъ отдѣльныя общества соединяются въ болѣе обширныя государства или союзы, происходитъ и постепенное объединеніе естественныхъ религій, религіозныхъ учрежденій и культовъ. Ихъ національный характеръ сглаживается, и они становятся болѣе и болѣе общими, отвлеченными, космополитическими. За этимъ слѣдуетъ паденіе естественной религіи.

Естественная религія съ ея объективной стороны, наука и изящное искусство, сначала не различаются между собою. Причина этого заключается въ томъ, что субъективные зачатки религіи получаютъ объективность не иначе какъ подъ вліяніемъ знанія и художественнаго творчества. Только впослѣдствіи они дифференцируются въ особыя области, при чемъ наука и художество постепенно выдѣляются и стремятся къ самостоятельности, а естественная религія въ объективномъ смыслѣ теряетъ мало-по-малу значеніе и вліяніе и падаетъ. Паденіе ея существенно зависѣло отъ ея несостоятельности, въ объективномъ смыслѣ, въ сравненіи съ наукою, знаніемъ. Но кромѣ того, она никогда не была отголоскомъ и руководителемъ личной душевной жизни человѣка, хотя субъективная ея почва и была чисто психическая. Личная, внутренняя психическая жизнь была впервые открыта христіанствомъ; до него она только предчувствовалась. Человѣкъ, не доразвившійся до личной душевной жизни, быстро переходилъ отъ смутнаго чаянія высшихъ надчувственныхъ существъ къ ихъ объективному представленію и, не понимая какъ и почему это происходило, откуда въ немъ рождалось это чаяніе, беззавѣтно отдавался объективной разработкѣ своихъ собственныхъ представленій, которымъ приписывалъ объективную реальность и бытіе внѣ себя.

1884 г., августъ.

С. Иваново.

III. ПСИХОЛОГІЯ.

НѢМЕЦКАЯ СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГІЯ.

Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. М. Троицкаго.

Съ полнымъ упадкомъ всѣхъ философскихъ системъ, психологія выдвинулась на первый планъ, и очень понятно почему. Она — собственно центръ, къ которому теперь сходятся и который предполагаютъ всѣ науки, имѣющія предметомъ человѣка. Выяснить научнымъ образомъ отправленія и законы дѣятельности нашей души значитъ, ни больше ни меньше, какъ дать руководящую нить для цѣлаго огромнаго отдѣла знанія, которое занимается человѣкомъ. И такъ, нѣтъ въ настоящее время въ цѣлой философіи вопросовъ болѣе интересныхъ и болѣе важныхъ, какъ психологическіе, и если слѣдуетъ съ чѣмъ знакомить русскую публику по части философіи, то, конечно, прежде всего съ психологическими изслѣдованіями. А затѣмъ, въ этой еще колеблющейся наукѣ, которая позже другихъ стала предметомъ положительнаго изученія, и по самой сложности психическихъ явленій такъ туго и медленно подвигается впередъ,—*вопросъ о методѣ психологическихъ изслѣдованій* есть все еще пока первый и главный.

Именно на этотъ предметъ и обратилъ все вниманіе г. Троицкій въ своемъ недавно вышедшемъ изслѣдованіи о состояніи нѣмецкой психологіи въ новѣйшее время. Въ этомъ почтенномъ ученомъ и очень замѣчательномъ трудѣ, авторъ взялся за дѣло съ большимъ знаніемъ и талантомъ, отнесся къ нему съ тою серьезностью и добросовѣстностью, которыхъ въ высокой степени требуетъ всякое научное изслѣдованіе, а тѣмъ болѣе по такой запутанной и трудной наукѣ, какъ психологія. Излагая при этомъ сравнительно пріемы и изслѣдованія англійскихъ и нѣмецкихъ психологовъ, авторъ даетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе, и нагляднымъ образомъ на выведенныхъ результатахъ показываетъ, насколько англійская метода удачнѣе, лучше, выше нѣмецкой. Такимъ образомъ, г. Троицкій прямо вводитъ русскихъ читателей, вообще мало знакомыхъ съ современнымъ движеніемъ философіи, въ самую „суть“ дѣла, и въ ясномъ, отчетливомъ изложеніи знакомитъ ее со всѣми существенными психологическими выводами, до которыхъ въ наше время доработалась наука. Это—большая заслуга, и въ особенности именно теперь. Требованіе на философское чтеніе несомнѣнно существуетъ въ нашемъ обществѣ, но мы еще мало подготовлены къ самостоятельному труду мысли: книга г. Троицкаго даетъ обильный и здоровый матеріалъ для философскаго обсужденія и тѣмъ удовлетворяетъ умственной потребности русской публики, пополняя въ тоже время важный пробѣлъ въ нашей ученой литературѣ. Отнынѣ трудно уже будетъ морочить нашихъ читателей доморощенными фантазіями, съ залихватскою удалью, выдавая ихъ за философскія аксіомы и послѣднее слово науки; не поможетъ и обычная замѣна аргументовъ площадными шутками и кулаками, ни маскировка грубаго незнанія наглою самоувѣренностью тона и дикостью рѣчей. Татарская перифразировка наугадъ и авось европейскихъ взглядовъ, наѣздничество въ области науки, обращеніе за панибрата съ вопросами, которые тысячелѣтія занимали

лучшіе умы и все еще не получили окончательнаго рѣшенія,—все это безобразіе и философское гаерничанье должны у насъ, съ появленіемъ книги г. Троицкаго, прекратиться и исчезнуть, надѣемся, навсегда. Теперь у каждаго будутъ подъ руками послѣдніе выводы европейской науки, изложенные общедоступно, послѣдовательно, спокойно, обдуманно, и спекуляція на незнаніе читателей должна волей-неволей стать тише, скромнѣй и приличнѣй.

Взглядъ автора, вообще говоря, кажется намъ правильнымъ, и трудно не согласиться съ основною его мыслью. Мы находимъ однако, что онъ не совсѣмъ безпристрастно относится къ англійскимъ и нѣмецкимъ психологамъ, преувеличиваетъ заслуги первыхъ и несправедливо отрицаетъ значеніе послѣднихъ. Психологія—наука сравнительно новая. Психологическія изслѣдованія до сихъ поръ не болѣе, какъ подготовительныя работы, при помощи которыхъ мы пытаемся болѣе или менѣе неудачно оріентироваться въ загадочной и темной области психическихъ явленій, упорно отстаивающей свои тайны. Въ этихъ подготовительныхъ трудахъ, въ постепенной выработкѣ твердой почвы для психологіи, англійскіе ученые безспорно занимаютъ очень видное и почетное мѣсто. Они высвободили психологію изъ-подъ философской кабалистики, которою она была завалена, и первые взглянули на психическіе факты, какъ на предметъ фактическаго научнаго изученія. Въ этомъ отношеніи нѣмецкіе писатели далеко отъ нихъ отстали, примѣшивая въ своихъ изслѣдованіяхъ произвольныя умозрѣнія къ выводамъ изъ положительныхъ данныхъ. Но едва ли справедливо идти далѣе этой сравнительной оцѣнки. При несомнѣнныхъ преимуществахъ метода, англичане смотрятъ на психологію чрезвычайно односторонне; вслѣдствіе того, они теряютъ изъ виду цѣлый рядъ психическихъ явленій, который, напротивъ, разработанъ сравнительно очень обстоятельно и полно нѣмцами, правда въ странной формѣ и съ примѣсью удивительныхъ галлюцинацій. Вотъ почему мы думаемъ, что будущему психологу, которому выпадетъ счастливая и блистательная роль Колумба въ научномъ уясненіи свойствъ и операцій души,—одной изъ величайшихъ загадокъ, надъ которыми когда-либо работалъ человѣческій умъ—придется одинаково воспользоваться и трудами англичанъ и работами нѣмцевъ. Тѣ и другіе подходятъ къ предмету съ двухъ различныхъ сторонъ, въ одинаковой мѣрѣ участвующихъ въ произведеніи психическихъ явленій и потому равно необходимыхъ для правильнаго ихъ пониманія. Въ этомъ смыслѣ нѣмецкіе и англійскіе ученые скорѣе дополняютъ другъ друга, и, занимаясь психологіей, нельзя безнаказанно обойти тѣхъ или другихъ.

Къ этимъ мыслямъ приводитъ слѣдующее простое наблюденіе. Анализируя любое психическое явленіе, мы находимъ, что оно по своему содержанію приводится къ двумъ источникамъ, указаннымъ Локкомъ, т.-е. къ внѣшнимъ и внутреннимъ впечатлѣніямъ; только въ однихъ изъ психическихъ явленій источникъ, откуда взято ихъ содержаніе, ясенъ съ перваго взгляда; въ другихъ, напротивъ, онъ сразу неузнаваемъ, и мы открываемъ его лишь съ помощью разложеній и аналитическихъ операцій. Такое различіе показываетъ, что внѣшнія и внутреннія впечатлѣнія проходятъ въ нашей душѣ черезъ какіе-то процессы, которые ихъ переработываютъ въ новый видъ, какого они сначала не имѣли. Для примѣра возьмемъ понятіе о человѣкѣ, домѣ и проч. Ихъ содержаніе видимо сложилось изъ впечатлѣній внѣшняго міра; понятіе о памяти, чувствѣ, волѣ—изъ внутреннихъ впечатлѣній; напротивъ, понятіе о времени и пространствѣ не имѣетъ, по своему содержанію, такой же наглядности и очевидности, какъ приведенныя выше, и только цѣлымъ рядомъ аналитическихъ дѣйствій мы можемъ открыть ихъ источникъ,—внѣшнія впечатлѣнія.

Но если впечатлѣнія внутреннія и внѣшнія подвергаются въ насъ переработкѣ, и притомъ не одной, а послѣдовательно нѣсколькимъ, изъ которыхъ каждая болѣе и болѣе измѣняетъ ихъ первоначальный видъ, такъ что наконецъ на иныхъ психическихъ фактахъ намъ сразу и непонятно, откуда они взялись, то, значитъ, въ душѣ нашей, сознательно или безсознательно, совершаются процессы, которые выдѣлываютъ поступившій въ насъ внутренній и внѣшній матеріалъ въ новыя формы. Что же это за процессы, и можемъ ли мы прослѣдить ихъ? Судя по результатамъ, ихъ должно быть безчисленное множество, чрезвычайно разнообразныхъ. Изучить эти процессы можно только сравнивая между собою разныя формы, которыя впечатлѣніе получаетъ въ нашей душѣ впродол-

женіе постепенной его переработки, подмѣчая измѣненія, которымъ оно послѣдовательно подвергалось и, по свойству такихъ измѣненій, дѣлая заключеніе о свойствахъ, характерѣ и особенностяхъ самого процесса, черезъ который впечатлѣніе проходило въ нашей душѣ. Какъ ни трудна сама по себѣ эта работа, какъ она ни усложняется еще необходимостью принимать въ разсчетъ разнообразныя видоизмѣненія продуктовъ такихъ процессовъ безчисленными побочными обстоятельствами и вліяніями, внутренними и внѣшними; все же подобный анализъ возможенъ, и пока онъ не сдѣланъ, о психологіи, какъ наукѣ, и думать нечего. Физіологъ вѣдь не ограничивается разсмотрѣніемъ того, что вырабатывается организмомъ; онъ внимательно, шагъ за шагомъ, слѣдитъ за ходомъ физіологическихъ операцій, которыя объясняютъ свойства изучаемаго живого организма. Та же задача предстоитъ и психологу: психическій анализъ долженъ обнимать не одни результаты нашей духовной дѣятельности, но и самую эту дѣятельность, ея формы и законы; иначе, обративъ вниманіе на одну сторону и опустивъ другую, онъ вѣчно будетъ ходить въ потемкахъ.

Если съ этой точки зрѣнія взглянуть на выполненные доселѣ психологическіе труды, то окажется, что англійскіе ученые обратили все вниманіе почти исключительно на одно содержаніе, нѣмецкіе почти также исключительно на одни операціи и процессы души. Этимъ, какъ мы думаемъ, объясняются сильныя и слабыя стороны тѣхъ и другихъ и неудовлетворительность результатовъ, выведенныхъ англійскими и нѣмецкими психологами, несмотря на большія заслуги и высокое совершенство анализа.

Англійскіе психологи—великіе мастера въ изслѣдованіи психическаго содержанія; но процессы души остаются у нихъ не выясненными. Геніальный основатель науки психологіи въ Англіи, Локкъ, не обратилъ на эту сторону души никакого вниманія, и по его стопамъ пошли всѣ англійскіе психологи. Насколько Локкъ силенъ и глубокъ, изслѣдуя содержаніе психическихъ явленій, настолько онъ слабъ, касаясь психическихъ процессовъ.

Самое содержаніе объясняется имъ крайне неудовлетворительно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда правильность анализа существенно зависитъ отъ правильнаго пониманія психическаго процесса, черезъ который прошелъ анализируемый фактъ. Такъ, Локкъ никакъ не можетъ справиться съ понятіемъ о пространствѣ, именно потому, что оно есть продуктъ очень сложнаго психическаго процесса; усилія его объяснить этотъ мудреный продуктъ невольно вызываютъ улыбку. Читая Локка, съ изумленіемъ замѣчаешь, что онъ даже не подозрѣвалъ существованія органическихъ процессовъ души; а когда самые факты наталкивали его на ихъ присутствіе и дѣятельность, онъ входилъ въ объясненія произвольныя и ничего не объясняющія.

Совсѣмъ другое дѣло нѣмецкіе философы. Ихъ вниманіе сосредоточено именно на психическихъ операціяхъ и процессахъ, которые разработаны ими превосходно, съ неподражаемымъ совершенствомъ, но въ своемъ родѣ такъ же односторонне, какъ англичане изслѣдовали психическое содержаніе. Послѣдніе не знаютъ и не понимаютъ процессовъ души; нѣмецкіе ученые не подозрѣваютъ реальнаго, положительнаго содержанія психическихъ операцій и потому расширяютъ ихъ въ міровые законы, переносятъ изъ человѣческой души въ заоблачныя пространства и вдаются въ невѣроятныя фантазіи. Ихъ психическій анализъ, доведенный до изумительной тонкости во всемъ, что касается психическихъ процессовъ и операцій, крайне слабъ въ примѣненіи къ психическому содержанію. Они не умѣютъ привести его къ его источникамъ, что въ такомъ совершенствѣ исполнили англійскіе ученые, и вслѣдствіе этого принимаютъ за первоначальные элементы психической жизни. Изъ этого источника проистекаютъ, главнымъ образомъ, ошибки и заблужденія нѣмецкихъ психологовъ. Не обращая почти никакого вниманія на положительное содержаніе психическихъ явленій, и потому не умѣя открыть его, нѣмецкіе ученые становятся въ тупикъ и принуждены прибѣгать къ фантазіямъ, чтобы наполнить пробѣлъ въ наукѣ. Нельзя не согласиться съ г. Троицкимъ, что эти фантазіи обильно уснащены преданіями схоластики среднихъ вѣковъ; но было бы крайне несправедливо забывать изъ-за одного этого положительныя и огромныя заслуги нѣмцевъ по разработкѣ психологіи, какъ науки. Въ разъясненіи организма и отправленій души, нѣмецкіе философы—величайшіе мастера, и такъ же точно опередили англичанъ, какъ послѣдніе превзошли нѣмцевъ въ анализѣ психическаго содержанія. Вотъ съ какой точки

зрѣнія и въ какомъ смыслѣ мы находимъ сужденія г. Троицкаго о нѣмецкой философіи слишкомъ строгими, а относительно Канта даже несправедливыми. Кантъ сдѣлалъ для научной разработки дѣятельности отправленій души, формъ и процессовъ этой дѣятельности, то же, что Локкъ для выясненія психическаго содержанія. Его изслѣдованія односторонни, несовершенны, отзываются сильнымъ вліяніемъ схоластическихъ преданій,—все это такъ; но въ правѣ ли мы изъза этого утверждать, какъ дѣлаетъ г. Троицкій, что Кантъ не болѣе какъ продолжатель той же схоластики на новый ладъ, только съ кой-какими плохо и на половину понятыми заимствованіями изъ англійскихъ психологовъ? Мы, напротивъ, думаемъ, что Кантъ такой же геніальный творецъ психологіи, какъ Локкъ, только начавшій свои изслѣдованія съ другого конца; потому-то Кантъ и не принялъ выводовъ англійскаго мыслителя. Между Локкомъ и Кантомъ произошло недоразумѣніе единственно вслѣдствіе того, что психологическіе пріемы того и другого были еще очень несовершенны. Мы теперь имѣемъ уже подъ руками превосходныя подготовительныя работы надъ психологическими явленіями во всѣхъ отрасляхъ положительнаго знанія и потому не останавливаемся передъ анализомъ идей, категорій и формъ чувственнаго созерцанія. У Канта этихъ богатыхъ научныхъ пособій не было, и ему казались эти психическіе факты первичными, неразложимыми. Оттого Кантъ остановился на полдорогѣ и пришелъ ко многимъ ошибочнымъ выводамъ. Но, какъ мы замѣтили выше, у Локка развѣ мало такихъ же ошибочныхъ выводовъ, хотя и совсѣмъ другого рода, вслѣдствіе того только, что онъ опустилъ изъ виду психическіе процессы и операціи? Намъ теперь едва ли можно, не грѣша противъ истины, противуполагать ихъ другъ другу. Полное безпристрастіе и ясный взглядъ на психологическія задачи, напротивъ, должны рано или поздно привести къ убѣжденію, что оба великіе психолога дополняютъ другъ друга и только вмѣстѣ взятые могутъ быть по справедливости названы творцами психологіи въ смыслѣ положительной науки. Кромѣ того, мы не можемъ согласиться съ общепринятымъ мнѣніемъ, которое раздѣляетъ и г. Троицкій, будто Кантъ есть основатель послѣдующей спекулятивной нѣмецкой философіи. Такъ всѣ думаютъ по преданіямъ, по внѣшней связи философскихъ системъ съ критическими изслѣдованіями Канта. Но что же, спрашивается, на самомъ дѣлѣ общаго между философскими построеніями Фихте, Шеллинга и Гегеля съ критикой Канта? Развѣ они могутъ быть, по справедливости, названы продолжателями его психологическихъ изысканій? Совсѣмъ напротивъ: они воспользовались его весьма еще несовершенными выводами изъ столько же несовершенныхъ психологическихъ изслѣдованій, для „конструированія“ науки, когда слѣдовало работать въ томъ же критическомъ направленіи далѣе и далѣе. Замѣтимъ еще, что Кантъ не былъ творцомъ философской системы, а только подготовлялъ для нея основанія. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, между нимъ и Локкомъ много общаго. У послѣдняго нашлись тоже послѣдователи во Франціи, которые его не поняли и пошли по старой колеѣ, строить философскія системы, воображая, что развиваютъ далѣе его идеи. Спекулятивная нѣмецкая философія развивалась подъ вліяніемъ Канта — обойти его было невозможно, — но совсѣмъ не по проложенному имъ пути, и договорилась Богъ знаетъ до чего. Г. Троицкій является ея рѣшительнымъ противникомъ, и въ этомъ нельзя ему не сочувствовать. Но мы думаемъ, что руководимый вообще вѣрнымъ взглядомъ на предметъ, онъ увлекся слишкомъ далеко въ своемъ нерасположеніи къ нѣмецкой философіи, и вслѣдствіе того не оцѣнилъ какъ слѣдуетъ ея роль, значеніе, причины ея временныхъ успѣховъ и ея положительныя заслуги. Спекулятивныя нѣмецкія системы работали, сами того не сознавая, надъ психическими явленіями, дѣлали открытія въ области психологіи и выяснили множество психическихъ законовъ. Содержаніе этихъ системъ—чисто психологическое; каждая изъ нихъ основана на психическихъ данныхъ, которыя раздуты въ всемірные законы, въ законы цѣлаго бытія. Нѣмецкая философія послѣ Канта есть, если можно такъ выразиться, иносказательная психологія, легенда, въ основаніи которой лежитъ правда, но только не та, которую она выдаетъ за правду. Поэтому мы, съ своей стороны, убѣждены, что безъ пристальнаго изученія нѣмецкой философіи конца XVIII и XIX вѣка и безъ самаго внимательнаго соображенія добытыхъ ею психологическихъ результатовъ, дальнѣйшая научная разработка психологіи не можетъ

двигаться успѣшно впередъ. Направленіе психологическихъ работъ у нѣмцевъ такъ же необходимо для созданія науки, какъ и направленіе, господствующее у англичанъ. Опуская изъ виду одну изъ сторонъ, представляемыхъ тѣми и другими, психологія никогда не выберется на торную дорогу, не сдѣлается положительной наукой. Доказательства тому на лицо. Г. Троицкій очень убѣдительно разоблачилъ неудовлетворительность результатовъ, къ которымъ пришли нѣмецкіе психологи. Но мы позволимъ себѣ, въ свою очередь, спросить: развѣ результаты, добытые англичанами, несмотря на видимое, безспорное превосходство ихъ метода, удовлетворительнѣе? Развѣ англійскіе психологи не путаются точно такъ же, какъ нѣмцы, въ опредѣленіи воли, отношеній человѣка къ предметному міру, свободы и необходимости, или, какъ они поправляютъ, свободы и принужденія, необходимости и случайности? Нельзя назвать сколько-нибудь удовлетворительнымъ выводъ, что „существованіе системы вещей, какое мы понимаемъ, когда говоримъ о внѣшнемъ мірѣ, не можетъ быть доказано никакимъ аргументомъ", тогда какъ „вѣра въ него имѣетъ силу, которая выше силы аргумента и абсолютно неопредѣлима". Читая это, невольно становишься снисходительнѣе къ выводамъ Канта и даже Фихте. Длинныя и весьма затѣйливыя, весьма хитросплетенныя разсужденія англійскихъ психологовъ о волѣ, необходимости и свободѣ, приводятъ къ тому результату, что собственно свободной воли нѣтъ, что она всегда дѣйствуетъ по внушеніямъ, на которыя соглашается. Изъ этого выходитъ, что свобода воли приводится къ сознанію, или, правильнѣе сказать, къ иллюзіи, что она свободна; на самомъ же дѣлѣ ее опредѣляютъ внушенія, т.-е. извѣстное расположеніе обстоятельствъ и условій, которыя слагаются независимо отъ нея и человѣка; но изъ этого слѣдуетъ, что воля несвободна, что произвольныхъ ея движеній на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Стало быть, воля не свободна. Чѣмъ же этотъ выводъ лучше разумно свободной воли Гегеля, которая, въ дѣйствительности, оказывается несвободною? Джонъ Стюартъ Милль, на котораго ссылается г. Троицкій, разбирая понятіе о свободѣ и необходимости, играетъ словами не хуже гегеліанцевъ и чрезвычайно остроумно отдѣлывается отъ вопроса свободы воли. Онъ не признаетъ, но всячески избѣгаетъ выразить это прямо и забрасываетъ читателя діалектическими тонкостями, которыя бы сдѣлали честь любому софисту или схоластику. Дѣло въ томъ, что нѣмецкіе и англійскіе психологи, отправляясь въ своихъ изслѣдованіяхъ отъ различныхъ посылокъ, разрѣшая различныя задачи, употребляя различные пріемы, обращаютъ, какъ мы сказали выше, все вниманіе исключительно на одну какую-нибудь сторону психологическихъ явленій. Вслѣдствіе этого, и свокупность условій, производящихъ эти явленія, теряется изъ виду; изслѣдованія, несмотря на кажущуюся реальность, имѣютъ на самомъ дѣлѣ отвлеченный характеръ, и какъ всякая отвлеченность, не въ состояніи обнять живой дыйствительности. Мы не думаемъ ставить имъ это въ упрекъ. Всякая наука начинаетъ съ разложенія предмета на части и съ дробнаго ихъ изслѣдованія; только впослѣдствіи, когда детальная работа окончена, частные результаты сводятся въ цѣлое. Не слѣдуетъ однако забывать, что выводы односторонняго разсмотрѣнія не могутъ быть названы окончательными; нельзя безъ важныхъ оговорокъ соглашаться съ результатами такихъ отрывочныхъ изслѣдованій. Повторяемъ, психологія, какъ наука, еще впереди и останется надеждою будущаго, пока новыя изслѣдованія не воспользуются въ одинаковой мѣрѣ трудами нѣмецкихъ и англійскихъ ученыхъ, не отдавая несправедливаго предпочтенія тому или другому направленію, между которыми до сихъ поръ безвыходно колеблется психологія.

Вотъ нѣсколько мыслей, которыя мы считали необходимымъ высказать по поводу замѣчательной и почтенной книги г. Троицкаго. Надѣемся, что онъ прочтетъ ихъ съ тѣмъ же доброжелательствомъ, съ какимъ мы ихъ писали. У насъ то или другое рѣшеніе психологическихъ задачъ имѣетъ не одинъ чисто теоретическій, научный интересъ, какъ въ Европѣ, но и важное практическое значеніе. Авось либо съ легкой руки г. Троицкаго мы наконецъ обратимъ на нихъ особенное вниманіе и сосредоточимъ на нихъ серьезный умственный трудъ.

(Вѣстникъ Европы, 1868, кн. I.)

ЗАДАЧИ ПСИХОЛОГІИ.

СООБРАЖЕНІЯ О МЕТОДАХЪ И ПРОГРАММѢ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ

ТИМОѲЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ГРАНОВСКАГО.

Позволяю себѣ посвятить эту книжку дорогой памяти одного изъ благороднѣйшихъ и достойнѣйшихъ русскихъ людей. Вопросы, которыхъ я касаюсь, глубоко его занимали. Утѣшаюсь мыслью, что основные мотивы, цѣли, идеи работы заслужили бы сочувствіе покойнаго Т. Н. Грановскаго и были бы имъ одобрены.

Въ 1847 году, въ очеркѣ юридическаго быта древней Россіи, я указывалъ на юридическое и политическое ничтожество у насъ личности. Черезъ двадцать пять лѣтъ возвращаюсь опять къ той же темѣ—указываю на нравственное ничтожество у насъ личности и стараюсь объяснить коренную причину этого явленія, именно, ошибочное пониманіе психической жизни и ея значенія посреди окружающаго матеріальнаго міра.

Представляя теперь свою книгу на судъ читателей, считаю обязанностью сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ она произошла.

Что въ психологіи лежитъ ключъ ко всей области знанія, — эта мысль уяснилась мнѣ исподоволь, вслѣдствіе занятій юридическими и политическими науками, исторіей, философіей и народными вѣрованіями.

Первый опытъ изложить на бумагѣ рѣшеніе психологическихъ вопросовъ, на которые мнѣ нигдѣ не случалось встрѣтить вполнѣ для меня удовлетворительнаго отвѣта, былъ, по приговору нѣкоторыхъ моихъ друзей, такъ неудаченъ, что я не рѣшился его напечатать.

Въ 1862 году, лѣтъ десять тому назадъ, мысли о психологіи на столько во мнѣ выяснились и созрѣли, что я снова принялся за работу. Она занимала меня, правда, съ большими промежутками, до осени прошлаго года. Тогда я ее кончилъ. Много положилъ я на нее силъ, много она меня радовала и заботила. Съ нею я свыкся и состарѣлся, какъ съ лучшимъ другомъ. Дурная наша привычка думать съ перомъ въ рукѣ заставила потратить много труда и времени даромъ, въ безпрестанной переработкѣ, по многу разъ, каждой главы, даже каждой мысли.

Въ прошломъ и въ предпрошломъ годахъ я читалъ первыя главы издаваемой теперь книжки нѣсколькимъ изъ моихъ ближайшихъ друзей. Ихъ отзывы ободрили меня и послужили мнѣ въ пользу. Особенно благотворно было для меня дружеское участіе директора второй Петербургской военной гимназіи, Григорія Григорьевича Даниловича. Основныя мысли настоящей работы сложились посреди частыхъ, продолжительныхъ съ нимъ бесѣдъ о психологическихъ предметахъ, и получили окончательную форму подъ сильнымъ вліяніемъ его замѣчаній и возраженій, всегда мѣткихъ, тонкихъ и значительныхъ. Когда книжка была написана, Г. Г. Даниловичъ принялъ на себя трудъ внимательно ее прочесть и указалъ на тѣ мѣста, въ которыхъ вкрались очевидныя ошибки, или которыя невѣрно или неточно передавали мои мысли. Благодаря этому, многіе промахи, недомолвки, неясности могли быть исправлены еще въ рукописи, многія оговорки могли быть включены гдѣ слѣдуетъ, до ея напечатанія.

Читая эту работу, всякій съ первыхъ же страницъ увидитъ, что она—не ученый трактатъ, не опытъ новой философіи, а приведенныя въ порядокъ, связно изложенныя психологическія замѣтки, мысли и наблюденія.

Въ нихъ я дѣлюсь съ другими тѣмъ рѣшеніемъ основныхъ вопросовъ, занимающихъ каждаго мыслящаго человѣка, до котораго я дошелъ для самого себя. Еслибы всѣ поступали также, то философскіе предметы и такъ называемое отвлеченное знаніе, которое намъ кажется такимъ далекимъ и недоступнымъ, скоро вошли бы въ общій оборотъ, а это принесло бы, во всѣхъ отношеніяхъ, несомнѣнную пользу. Мы тогда скоро бы выбрались изъ тумана, въ которомъ расплываемся, нѣжимся и—бездѣйствуемъ. Мысль нельзя изложить на бумагѣ, не обдумавъ и не уяснивъ ее, а мы сильно страдаемъ неясностью, необдуманностью нашихъ мыслей, близко граничащими съ безсмысліемъ.

Въ заключеніе, прошу читателей, какого бы они ни были направленія, къ какому бы ни принадлежали лагерю, принять эту книжку также чистосердечно, безъ заднихъ мыслей, какъ я ее писалъ. Ожидаю замѣчаній и возраженій и убѣдительно о нихъ прошу всѣхъ, сочувствующихъ и не сочувствующихъ. Какія бы ни были замѣчанія и возраженія, дружескія или враждебныя, на письмѣ, на словахъ или въ печати, я буду радъ всѣмъ, всѣ приму съ глубокой, искренней благодарностью и непремѣнно ими воспользуюсь, или въ особой статьѣ, или при второмъ изданіи этой книжки, если мнѣ суждено дожить до ея новаго изданія.

С.-Петербургъ,
31 января 1872 года.

I.

ВВЕДЕНІЕ.

Практическое направленіе нашего времени не удовлетворяетъ людей. — Упадокъ индивидуальнаго начала и нравственной личности.—Эти явленія ошибочно приписываются естественнымъ наукамъ. — Необходимость изслѣдовать психическія явленія при помощи положительнаго метода.

Уже давно всѣми повторяется, что наше время есть по преимуществу положительное и критическое. Каждый спѣшитъ, какъ можно скорѣе, распроститься съ идеальными стремленіями и требованіями и приспособиться къ какому-нибудь практическому дѣлу. Новѣйшія поколѣнія едва знакомы съ идеализмомъ, да и то больше по одному имени.

То же самое видимъ и въ наукѣ. И ей наскучило витать въ идеалахъ, уходить въ отвлеченности. Почва реальныхъ фактовъ кажется ей надежнѣй; на этой почвѣ труднѣй сбиться съ пути, легче найтись; на ней удобнѣе достигаются результаты труда и исканій; къ тому же они ближе къ дѣлу, осязательнѣй, полнѣй и примѣнимѣй. Не зарываясь въ глубь, въ поискахъ за общими началами, къ которымъ сводится разнообразіе реальныхъ явленій, наука отдалась всецѣло изученію положительныхъ данныхъ, и блистательные результаты, полученные вслѣдствіе того по всѣмъ отраслямъ знанія, съ очевидностью доказали, какъ вѣрно избранъ путь и сколько предстояло на немъ дѣла. Факты, переработанные и разсмотрѣнные со всевозможныхъ точекъ зрѣнія, получили новый видъ; реальная почва науки, узнанная полнѣе, точнѣе и лучше, переродилась на нашей памяти; съ тѣмъ вмѣстѣ расширился и просвѣтлѣлъ кругозоръ науки. Сколько отъ этого выиграли полезныя, прикладныя знанія, а чрезъ нихъ практическая, ежедневная жизнь,—объ этомъ и говорить нечего: безчисленныя тому доказательства у каждаго передъ глазами. Очень понятно, почему современные люди самодовольно, свысока смотрятъ на доброе старое время, когда ихъ недавніе предки жили идеалами, вращались въ отвлеченностяхъ и на нихъ преимущественно сосредоточивали свои умственныя силы и нравственные интересы. Между прежними, скромными зачатками знанія и тѣми неистощимыми научными средствами, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи, разница громадная! Едва вѣрится, что между тогдашними людьми и теперешними прошли не вѣка, а одно-два поколѣнія.

А между тѣмъ, несмотря на эти успѣхи и на кипучую практическую дѣятельность, какой-то червь точитъ душу современнаго человѣка. При умственномъ богатствѣ, онъ чувствуетъ нравственную пустоту, ему не по себѣ. Теперешнее недовольство человѣка собою и окружающимъ—не прежнее, сознательное, дѣятельное и энергическое, которое отчетливо формулировало зло и средства какъ его исправить. Современный человѣкъ исполненъ сомнѣнія и раздумья; онъ скучаетъ, самъ хорошенько не зная отъ чего; не вѣря въ возможность выхода изъ такого состоянія, онъ старается развлечься и забыться. Утонченная испорченность, отсутствіе идеаловъ, равнодушіе къ добру и злу и нравственнымъ

благамъ, предпочтеніе внѣшнихъ мотивовъ внутреннимъ, безразборчивый реализмъ,—всѣ эти черты давно уже служатъ характеристикою теперешняго общества и составляютъ обычную тему различныхъ нападковъ на современность.

Откуда это тоскливое, безплодное недовольство—гдѣ источники усиливающагося нравственнаго растлѣнія? Въ двухъ словахъ не разрѣшить этихъ вопросовъ; но съ перваго же взгляда бросается въ глаза, что личная, индивидуальная жизнь какъ-то поблекла, что лицо утратило свое нравственное достоинство и безотносительную цѣну, что оно стало какой-то безразличной единицей въ общемъ итогѣ умственныхъ, нравственныхъ и общественныхъ силъ, на которомъ теперь сосредоточено все вниманіе и весь интересъ. Весь интересъ мысли перенесенъ въ наше время съ индивидуальности на общество; лицо отодвинуто съ перваго плана на послѣдній, не вѣритъ въ себя, само смотритъ на себя только какъ на зависимую часть цѣлаго, мѣритъ себя только тою мѣркою, какую даетъ общественная жизнь и дѣятельность. Человѣкъ въ собственныхъ глазахъ ничего, самъ по себѣ, не стоитъ; для его внутренней жизни и дѣятельности нѣтъ самостоятельнаго критерія, потому что эта жизнь и эта дѣятельность, независимо отъ общественной среды, ни во что не цѣнятся. И какъ безсодержательна, блѣдна, неинтересна внутренняя жизнь современнаго человѣка! Въ ней нѣтъ больше сюжета ни для трагедіи, ни для драмы; скоро, кажется, не будетъ—даже и для водевиля!

Приниженіе, умаленіе нравственнаго характера лица, его возростающее ничтожество идутъ рука объ руку съ современными воззрѣніями, и нѣтъ сомнѣнія, что между тѣмъ и другимъ существуетъ тѣсная связь и взаимодѣйствіе. Въ самомъ дѣлѣ, не трудно замѣтить, что характеръ и направленіе современныхъ воззрѣній не только выражаютъ ничтожество лица, но и возводятъ его въ принципъ, въ теорію. Укажемъ въ подтвержденіе этой мысли на нѣкоторые, наиболѣе выдающіеся факты.

Нравственный характеръ и достоинство лица немыслимы безъ твердыхъ, непреложныхъ нравственныхъ правилъ или началъ; безъ нихъ человѣкъ дѣлается игрушкой обстоятельствъ и случайностей и перестаетъ что-нибудь значить въ смыслѣ нравственной личности. Но такія начала или правила даетъ, кромѣ религіи, только философія, каково бы ни были ея направленіе и ея выводы. Предпосылка всякой философской системы есть безусловная истина, а живой, глубокій интересъ каждаго философскаго ученія состоитъ въ опредѣленіи, какъ человѣкъ къ ней относится.

Что же мы видимъ въ наше время? Философія въ полномъ упадкѣ. Ею пренебрегаютъ, надъ ней глумятся. Она рѣшительно никому не нужна. Нѣкоторые утѣшаютъ себя тѣмъ, что это направленіе умовъ пройдетъ, что философія снова войдетъ въ честь, когда положительныя науки вполнѣ выработаются. Трудно предсказывать будущее, но судя по признакамъ, мало на это надежды. Всего хуже то, что мы теперь видимъ не борьбу противъ той или другой философской доктрины, а совершенное равнодушіе къ самой философіи. Недостаточность положительнаго знанія никогда не мѣшала живому интересу къ философскимъ вопросамъ. Когда же люди знали столько, сколько теперь? Однако философія процвѣтала и въ древнемъ и въ новомъ мірѣ; теперь же никто не даетъ себѣ даже труда ее опровергать или доказывать несостоятельность и вообще невозможность философской точки зрѣнія вообще. Философія до сихъ поръ не опровергнута въ своихъ началахъ, а просто отброшена, какъ ненужная вещь. Упадокъ ея не есть научный выводъ, а признакъ глубокой перемѣны въ направленіи и строѣ мыслей.

Въ такой же опалѣ, какъ философія, находится и единственное ея орудіе—умозрѣніе. Мы систематически пренебрегаемъ умозрѣніемъ, питаемъ къ нему полное недовѣріе. Умозрѣніе въ наши дни чуть-чуть не бранное слово. Чтобы лишить какой-нибудь выводъ всякаго довѣрія, возбудить противъ него всевозможныя предубѣжденія, стоитъ только назвать его умозрительнымъ, — и дѣло сдѣлано, цѣль достигнута.

Отчего же это? Казалось бы, что-жъ такого подозрительнаго въ умозрѣніи? Оно—одинъ изъ способовъ узнавать неизвѣстное, когда положительное изслѣдованіе фактовъ становится невозможнымъ, потому ли что ихъ недостаетъ, или потому, что они недоступны для изслѣдованія. Всякій выводъ и заключеніе, всякая гипотеза и наведеніе (индукція) есть умозрѣніе. Даже дважды два четыре есть умозрѣніе, потому что мы выдаемъ этотъ выводъ за аксіому, не провѣривъ результатовъ всѣхъ бывшихъ, настоящихъ и будущихъ случаевъ помноженія двухъ на два. По той же

причинѣ умозрительными надо признать и положеніе, что человѣкъ смертенъ, и теоріи свѣта, и гипотезы образованія земли, и Дарвинову теорію происхожденія видовъ. Безъ умозрѣнія шагу нельзя ступить, даже въ естественныхъ наукахъ; но оно, разумѣется, можетъ быть правильно, или ошибочно и ложно, смотря по тому, противорѣчитъ ли фактамъ, которые должно объяснить, или согласно съ ними и на нихъ основано. Вообще, всякая теорія по существу своему умозрительна, ибо опредѣляетъ начала, причины цѣлаго ряда явленій, не подлежащія внѣшнимъ чувствамъ, а слѣд., и фактическому изслѣдованію. Вся сила въ томъ, соотвѣтствуетъ ли умозрѣніе фактамъ или нѣтъ, и потому слѣдовало бы отвергать только такое или другое примѣненіе умозрѣнія, а не само умозрѣніе, въ принципѣ. Мы же поступаемъ иначе. Въ области наукъ естественныхъ и такъ называемыхъ положительныхъ мы допускаемъ самое широкое примѣненіе умозрѣнія; но какъ только дѣло коснется нравственныхъ условій и двигателей индивидуальной, личной жизни и дѣятельности, мы безусловно отвергаемъ умозрѣніе. Почему бы, казалось, не допустить полной равноправности фактовъ психическихъ съ реальными, и одинаковое примѣненіе къ тѣмъ и другимъ одинаковыхъ научныхъ пріемовъ? Отвѣтъ заключается въ цѣломъ строѣ современной мысли. Отвергая умозрѣніе, мы, большею частью безсознательно, отрицаемъ собственно не его, а цѣлый рядъ психическихъ фактовъ, на которыхъ держится индивидуальная жизнь. Предубѣжденія наши, съ виду направленныя противъ пустыхъ фантазій и злоупотребленій отвлеченной мысли, противорѣчащей фактамъ, на самомъ дѣлѣ относятся не къ нимъ, а къ психической жизни. Нечего удивляться, что мы съ неподражаемымъ искусствомъ, съ удивительною тонкостью изслѣдуемъ не одну природу, но и произведенія умственной и нравственной жизни и дѣятельности человѣка,—вѣрованія и культы, художественныя созданія, языкъ, политическую и гражданскую жизнь, развитіе науки и философіи, — въ прошедшемъ и настоящемъ, въ мельчайшихъ подробностяхъ; а то, что произвело эти явленія и факты, именно сама психическая жизнь человѣка, остается въ тѣни; или объясняется исключительно одними матеріальными фактами. Въ видѣ опроверженія намъ укажутъ на тысячи изслѣдованій, посвященныхъ изслѣдованію психическихъ явленій. Но эти превосходные, образцовые въ своемъ родѣ труды не опровергаютъ, а напротивъ, подтверждаютъ нашу мысль. Всѣ психологическія изслѣдованія нашего времени, имѣющія научное достоинство, ограничиваются разъясненіемъ физіологическихъ условій психической жизни. Устройство и отправленія органовъ внѣшнихъ чувствъ, физическія ощущенія тѣла, доходящія до сознанія помимо органовъ внѣшнихъ чувствъ, устройство и отправленія нервной и мозговой системъ,—вотъ что въ наше время исключительно занимаетъ изслѣдователей. Ученыя заслуги ихъ безспорны. Они подготовляютъ богатый матеріалъ для психологіи, но назвать ихъ изслѣдователями психической жизни нельзя. Мозгъ и нервы составляютъ только ея физическое условіе; внѣшнія впечатлѣнія и внутреннія ощущенія тѣла только возбуждаютъ психическую дѣятельность; но въ чемъ состоитъ эта жизнь, какіе законы этой дѣятельности—вотъ чѣмъ современная наука мало интересуется, тогда какъ для психологіи имѣетъ величайшую важность не физіологическая сторона психическихъ отправленій, сама по себѣ, а соотвѣтствіе между физіологическими и психическими явленіями. Такое соотвѣтствіе несомнѣнно существуетъ, и современемъ наука конечно его откроетъ и объяснитъ. Но для этого необходимо изученіе не однихъ физіологическихъ, а также и психическихъ фактовъ; къ сожалѣнію, на послѣдніе теперь мало обращаютъ вниманія. Какъ мы уже замѣтили, обыкновенная тема и предпосылка всѣхъ психологическихъ работъ нашего времени состоитъ въ объясненіи психическихъ явленій изъ дѣятельности нервовъ и мозга. Такое направленіе отрицаетъ психологію въ принципѣ. Будь однажды выяснено и доказано, что всѣ умственныя и нравственныя явленія не что иное, какъ необходимыя, непроизвольныя послѣдствія физіологической жизни и дѣятельности, психологія становится невозможною, потому что психическая жизнь окажется простымъ послѣдствіемъ физіологическихъ условій; а если психическія явленія лишь произведеніе, результатъ физіологической дѣятельности, то они, очевидно, не имѣютъ и не могутъ имѣть самостоятельнаго значенія, и физіологія должна вытѣснить психологію. Такой взглядъ уже не одинъ разъ высказывался и показываетъ, что психологія, несмотря на множество превосходныхъ критическихъ работъ, находится въ полномъ разложеніи и упадкѣ.

Такъ, современныя воззрѣнія и требованія нравственной личности расходятся и взаимно исключаютъ другъ друга. Мы это мало замѣчаемъ потому только, что не отдаемъ себѣ яснаго отчета, какъ противоположны между собою задачи, стремленія, цѣли, начала и предпосылки тѣхъ и другихъ.

Нравственный характеръ, нравственное развитіе лица невозможны, немыслимы безъ свободы воли, т.-е. безъ возможности, по усмотрѣнію и произволу, выбрать тотъ или другой путь, склониться на то или другое дѣйствіе, дать своей дѣятельности то или другое направленіе. Внѣшнія обстоятельства могутъ способствовать или мѣшать исполненію тѣхъ или другихъ нашихъ рѣшеній; отсюда борьба, какъ постоянный законъ нравственной личности. Мы боремся съ окружающею природою, вообще съ обстановкою, съ самими собою, чтобы достигнуть своихъ цѣлей, исполнить свои намѣренія, задачи, создать въ себѣ и вокругъ себя среду, соотвѣтствующую нашимъ желаніямъ и помысламъ. Вотъ почва, на которой выростаетъ и развивается нравственная личность. Отнимите у нея убѣжденіе въ томъ, что она вольна думать и поступать такъ или иначе, лишите ее увѣренности въ томъ, что есть незыблемыя начала и истины, добро и зло, правда и неправда, изъ которыхъ одни должны служить ей руководствомъ и правиломъ, а отъ другихъ она должна воздерживаться и отвращаться,—и нравственный характеръ личности будетъ подрѣзанъ въ самомъ корнѣ. Если нѣтъ непреложныхъ началъ, то слѣдуетъ примѣняться къ обстоятельствамъ, не думая ни о какихъ руководящихъ нравственныхъ принципахъ, плыть по теченію, не обременяя себя безполезной, ни къ чему не ведущей борьбой. Если нѣтъ свободной воли, то и подавно нечего думать о борьбѣ. Ее и представить себѣ нельзя, разъ что нѣтъ выбора, и каждое наше дѣйствіе и помыселъ роковымъ образомъ опредѣляются данными обстоятельствами и условіями.

Если бы можно было, хоть на одну минуту, представить себѣ человѣка безъ убѣжденій и воли, то образцомъ и идеаломъ его должны бы сдѣлаться предметы неорганической природы, которыхъ жизнь и дѣятельность обнаруживается лишь въ непроизвольной и безсознательной реакціи противъ дѣйствія на нихъ окружающаго міра. Всѣ органическія существа, не исключая и растеній, были бы уже сравнительно выше. Но ходячія современныя философскія воззрѣнія вводятъ отсутствіе руководящихъ началъ и свободной воли въ теорію. Они оставляютъ въ сторонѣ вопросы объ истинѣ и вращаются исключительно въ кругѣ фактовъ относительныхъ, обусловленныхъ извѣстными обстоятельствами. Дѣятельность человѣка обсуждается ими не съ точки зрѣнія добра или зла, правды или неправды, а исключительно только со стороны ея цѣлесообразности; наконецъ, они не оставляютъ мѣста для свободы воли, въ каждомъ психическомъ явленіи видятъ роковое, неизбѣжное произведеніе обстоятельствъ, которыя такъ сложились, что данное психическое явленіе стало неминучимъ и не могло не совершиться. Съ виду, такой взглядъ есть строго-научный; но вглядываясь ближе, нельзя не замѣтить, что онъ цѣликомъ переносить на психическую жизнь выводы и пріемы реальныхъ наукъ и силится пригнать ее по этому готовому лекалу. Вращаясь въ кругѣ реальныхъ явленій и совершившихся внѣшнихъ фактовъ, такъ-называемыя положительныя науки имѣютъ задачею, во-первыхъ, установить эти явленія и факты въ ихъ реальной дѣйствительности или правдѣ, каковы они въ самомъ дѣлѣ есть или были, а затѣмъ открыть ихъ законъ, т.-е. опредѣлить всѣ обстоятельства и условія, которыя сдѣлали эти явленія и факты необходимыми, неизбѣжными. Когда эти двѣ операціи совершены, дѣло науки кончается; явленіе, фактъ объяснены научнымъ образомъ. Имѣя такую задачу, реальныя науки, разумѣется, и не думаютъ задаваться безотносительнымъ мѣриломъ; онѣ имѣютъ дѣло только съ относительными истинами и въ безотносительномъ вовсе не нуждаются. Точно также и свобода воли не можетъ быть принята ими въ соображеніе, потому что свобода выбора отвергаетъ въ принципѣ необходимость явленія. Если по усмотрѣнію того, кто дѣйствуетъ, фактъ можетъ совершиться такъ или иначе, и даже вовсе не совершиться, то ясно, что опредѣлить его закона нѣтъ возможности; реальныя же науки, какъ мы сказали, имѣютъ задачею опредѣлить законы явленій.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе ошибочнаго примѣненія выводовъ реальныхъ наукъ къ психической жизни, личность и условія ея нравственнаго характера и дѣятельности выпадаютъ изъ господствующихъ современныхъ воззрѣній. Они не могутъ оттого справиться

съ лицомъ, съ индивидуальностью, и отбрасываютъ ее. Чѣмъ живетъ индивидуальность, то имъ чуждо. Личность пріурочиваетъ все къ себѣ, дѣлаетъ себя центромъ окружающаго міра; реальныя науки, напротивъ, видятъ въ лицахъ лишь единицы, изъ которыхъ слагается итогъ, подлежащій ихъ разсмотрѣнію и объясненію. Итогъ этотъ есть явленіе необходимое, возникающее по опредѣленнымъ законамъ; стало быть, онъ не зависитъ отъ личной дѣятельности, и потому нѣтъ никакой нужды принимать ее въ разсчетъ.

Послѣднее заключеніе изъ этой посылки неумолимо выводится фактами и ходомъ вещей въ современной жизни. Личность, какъ нравственный дѣятель, сходитъ, если уже не сошла, со сцены. Живое чувство истины и лжи, правды и неправды, добра и зла, меркнетъ въ сердцахъ и совѣсти людей, не находя себѣ пищи въ господствующихъ воззрѣніяхъ. Реальная наука и не можетъ дать этого чувства; оно лежитъ внѣ ея задачи. И такъ, личностямъ предстоитъ обратиться постепенно въ безличныя человѣческія единицы, лишенныя въ своемъ нравственномъ существованіи всякой точки опоры и потому легко замѣнимыя однѣ другими. Достоинство и нравственный характеръ лица должны опредѣляться одною внѣшнею его жизнью и дѣятельностью, въ качествѣ члена государства, общества или какого-нибудь частнаго союза: ученой или промышленной корпораціи, сословія и т. п.; при оцѣнкѣ человѣка не внутренніе мотивы, а степень выработки для общежитія, должны выдвинуться на первый планъ; стало быть, не нравственное настроеніе, а внѣшнія привычки должны сдѣлаться его мѣркою. Словомъ, въ человѣкѣ незамѣтно стушевывается именно то, что́ дѣлаетъ его человѣкомъ. Мы больше и больше привыкаемъ смотрѣть на его дѣятельность только съ одной внѣшней стороны, какъ будто бы всѣ его дѣйствія опредѣлялись исключительно одной внѣшней его обстановкой. Развивая послѣдовательно наши взгляды, мы должны смотрѣть на воспитаніе какъ на дрессировку, опредѣлять наказанія не условіями нравственной природы человѣка, а по однимъ соображеніямъ общественной пользы. Искусства и даже знаніе должны, при такомъ взглядѣ, потерять, сами по себѣ, всякую цѣну и измѣряться только степенью ихъ полезности или безполезности для общества, и т. д.

Каждому не разъ случалось выслушивать подобные взгляды. Пока условія индивидуальной жизни, нравственные элементы личности, будутъ оставаться въ теперешнемъ пренебреженіи, до тѣхъ поръ эти взгляды будутъ все глубже проникать въ большинство образованныхъ людей. Результаты уже у насъ передъ глазами. Въ цѣлой исторіи нельзя указать эпохи, когда бы больше дѣлалось для удовлетворенія разнообразнѣйшихъ потребностей человѣка, какъ въ наше время, а онъ какъ будто все менѣе и менѣе становится способенъ пользоваться этими благами. Дерево цвѣтетъ, а корни его какъ будто подсыхаютъ; того и гляди, начнетъ сохнуть и самое дерево. Мы уже больше не боимся вторженія дикихъ ордъ; но варварство подкрадывается къ намъ въ нашемъ нравственномъ растлѣніи, за которымъ по пятамъ идетъ умственная немощь. Люди обратились бы въ злѣйшихъ изъ хищныхъ звѣрей, если бы современные взгляды, какъ думаютъ многіе, дѣйствительно выражали собою послѣднее слово науки, а не были, какъ мы убѣждены, ошибочнымъ, неумѣлымъ ея примѣненіемъ къ психической жизни.

Тѣ, которые не даютъ себѣ труда поглубже обсудить дѣло, взваливаютъ всю вину такихъ выводовъ на естественныя науки и въ нихъ однихъ видятъ корень зла. Но ужъ если науки въ этомъ виноваты, то почему же именно однѣ естественныя? Методъ положительнаго знанія одинъ; только примѣненія его, смотря по предмету изслѣдованія, могутъ и должны быть различны. Слѣдовательно, если винить науку, то ужъ винить всю вообще, а не какую-нибудь одну ея отрасль. Болѣе послѣдовательные такъ и дѣлаютъ, смѣло бросая перчатку знанію вообще и приписывая ему всѣ тѣ прискорбныя явленія, которыя вытекаютъ изъ разслабленія и скудости нравственной жизни. Но здѣсь геркулесовы столбы, за которыми идти больше некуда, и немногіе ихъ достигаютъ.

При совершенной невозможности принять современные взгляды со всѣми ихъ послѣдствіями, или отвергнуть науку, остается искать какого-нибудь другого выхода. Онъ представится самъ собою, если мы припомнимъ, что теперешняя положительная наука, трезвая, строгая, осторожная въ своихъ выводахъ, богатая добытыми результатами и умудренная ошибками, которыя сама же и разоблачила, что такая наука не можетъ имѣть

и дѣйствительно не имѣетъ ничего общаго съ нашими обиходными взглядами. Послѣдніе—запоздалый отголосокъ великой борьбы за свободу мысли и знанія противъ окаменѣлаго преданія и мертвой схоластики, лежавшихъ невыносимымъ бременемъ на совѣсти людей, но выдававшихъ себя за поборниковъ духовнаго міра и вѣчныхъ идеальныхъ истинъ; эти взгляды—непродуманный наборъ кое-какихъ выводовъ современной науки, сшитыхъ на живую нитку по давно изношенной апріорной методѣ. Положительная наука еще не принималась за объясненіе психическихъ явленій; когда же она ими займется, ея спокойствіе, безпристрастіе, уваженіе къ фактамъ вытѣснитъ тѣ произвольные пріемы и натяжки, то безцеремонное искаженіе, перетолкованіе и, смотря по надобности, самое отрицаніе психическихъ явленій и данныхъ, которое на каждомъ шагу дозволяютъ себѣ господствующія воззрѣнія. Точное научное изслѣдованіе психической жизни, примѣненіе положительнаго метода къ психическимъ фактамъ разсѣетъ мракъ, который мѣшаетъ намъ видѣть, и возвратитъ утраченныя въ нашемъ сознаніи права нравственной личности, приниженіе которой такъ тяжко отзывается на современномъ бытѣ и нравахъ.

Такое изслѣдованіе стоитъ на очереди. Имъ пополнится важный пробѣлъ въ наукѣ, которая имъ же и будетъ оправдана отъ взводимыхъ на нее обвиненій; а у ея враговъ отнимется послѣднее оружіе. Наступила давно пора свести заключительный итогъ старымъ счетамъ, незаконченнымъ отъ среднихъ вѣковъ, и сдать ихъ въ архивъ.

Эпохи, подобныя теперешней, не разъ уже бывали въ исторіи и каждый разъ обращали мысль на внутренній, психическій міръ. Оно и понятно. Изъ этого міра вытекаютъ, расходясь въ разныя стороны, и положительное знаніе съ его методомъ, и неотразимыя требованія индивидуальнаго начала и нравственной личности. Безъ психической жизни нѣтъ науки, нѣтъ и личности. Знаніе возникаетъ изъ человѣка, въ немъ и для него существуетъ. Внѣшній міръ и его явленія, пройдя чрезъ психическую среду, получаютъ для насъ другой видъ, и только въ этомъ видѣ дѣлаются нашимъ достояніемъ. Итакъ, если изъ насъ выходятъ два различныя направленія, то въ насъ же должна заключаться и причина ихъ различія, которая можетъ быть разъяснена только изученіемъ насъ самихъ, нашей психической жизни. Оттого, что мы ее плохо знаемъ и представляемъ себѣ иначе, чѣмъ она есть въ дѣйствительности, разошлись такъ далеко современныя воззрѣнія съ требованіями и условіями нравственной личности.

Уже Сократъ искалъ истины въ духѣ, въ самосознаніи. Позднѣе стоики видѣли въ духѣ точку опоры противъ печальнѣйшей дѣйствительности. Они какъ будто предчувствовали искупленіе и обновленіе міра, которое совершилось ученіемъ о тщетѣ сокровищъ тлѣнныхъ и вѣчности духовныхъ сокровищъ сердца. Въ XVII-мъ вѣкѣ, когда выжившая изъ ума схоластика завела умъ въ омутъ нелѣпостей, выходъ былъ найденъ психологическими изслѣдованіями Локка. Въ XVIII-мъ вѣкѣ видимъ то же самое: критическими изслѣдованіями психическихъ процессовъ, Кантъ вывелъ на новую дорогу мысль, запутавшуюся въ философской догматикѣ. Такъ, сбившись съ пути и потерявъ руководящую нить, человѣкъ всегда обращался къ самому себѣ и въ изученіи психической жизни искалъ разгадки задачъ, повидимому неразрѣшимыхъ, которыя тревожили его умъ и совѣсть и дѣлали дальнѣйшее развитіе невозможнымъ. Теперь, когда мысль снова попала въ какой-то заколдованный кругъ, изъ котораго какъ будто нѣтъ выхода, вывести изъ него на свѣтъ божій можетъ опять-таки только психологія.

Мы постараемся показать, въ общихъ и главныхъ чертахъ, въ чемъ можетъ состоять приложеніе пріемовъ строгаго научнаго изслѣдованія къ психическимъ фактамъ.

II.

Доказательства самостоятельности и самодѣятельности психическаго начала.

Предметъ психологіи.—Трудность разграничить психическія явленія отъ матеріальныхъ.—Глубокія внутреннія противорѣчія въ человѣкѣ. — Изъ нихъ происходятъ монизмъ и дуализмъ.—Идеализмъ и матеріализмъ представляютъ попытки объяснить всѣ явленія изъ одного начала. — Безуспѣшность этихъ попытокъ. — Оба направленія—запоздалые остатки схоластики.—Взгляды и доводы матеріализма не выдерживаютъ критики. — Необходимость признать существованіе особаго самостоятельнаго и самодѣятельнаго психическаго начала.

Каждая положительная наука имѣетъ свой, точно опредѣленный кругъ изслѣдованія. Для психологіи это предстоитъ еще сдѣлать.

По названію, психологія есть наука о душѣ, ея свойствахъ и проявленіяхъ. Но душа тѣс-

но связана съ тѣломъ, и разграничить факты психическіе отъ матеріальныхъ чрезвычайно трудно. Оттого въ психологіи смѣшиваются разнородныя явленія, и она колеблется между философіей и физіологіей, примыкая то къ той, то къ другой, смотря по эпохѣ и господствующимъ воззрѣніямъ.

Общее сознаніе относитъ къ числу физическихъ, матеріальныхъ предметовъ и явленій тѣ, которые существуютъ или совершаются внѣ насъ и подлежатъ внѣшнимъ чувствамъ. Такъ какъ человѣкъ отличаетъ себя отъ своего тѣла, то и оно, со всѣми его явленіями, относится къ тому же разряду внѣшнихъ фактовъ; наоборотъ, явленія и предметы, которые недоступны внѣшнимъ чувствамъ, но совершаются или существуютъ въ нашей душѣ и представляются только нашему сознанію, приписываются душѣ и считаются внутренними, духовными. Таковы наши мысли, убѣжденія, чувства, страсти, желанія, намѣренія, цѣли, вообще всѣ наши, доступныя одному сознанію, внутреннія состоянія и движенія. Они-то и должны быть изслѣдованы въ психологіи.

Но разграничить внѣшніе факты отъ внутреннихъ также трудно, какъ духовные отъ матеріальныхъ.

Во-первыхъ, безчисленныя наблюденія, извѣстныя всѣмъ и каждому, отчасти по собственному опыту, показываютъ, что нашимъ внѣшнимъ чувствамъ представляются, порой очень отчетливо и живо, внѣшніе, реальные предметы и явленія, когда однако въ дѣйствительности ихъ налицо нѣтъ. Таковы видѣнія и галлюцинаціи. И наоборотъ: предметы нравственные, духовные, которые мы считаемъ доступными только для нашего сознанія, какъ будто способны выступать наружу, переходить на внѣшніе предметы, получать какъ бы внѣшнее существованіе. Въ этомъ видѣ они точно будто подлежатъ внѣшнимъ чувствамъ. Такъ, наружный видъ человѣка, его движенія, мимика, голосъ и манера говорить, — все это обнаруживаетъ его внутреннія состоянія. Точно такъ же они обнаруживаются и въ созданіяхъ человѣка. Не только письмена и условные знаки, не только произведенія искусствъ, науки, но вообще все, что создаетъ человѣкъ, начиная отъ обуви и приготовленной пищи и оканчивая желѣзными дорогами и телеграфами, служитъ какъ бы матеріальнымъ воплощеніемъ его чувствъ, мыслей и воли.

Далѣе: къ какому разряду отнести множество разнообразнѣйшихъ физическихъ ощущеній? Они не подлежатъ внѣшнимъ чувствамъ, доступны одному сознанію, и потому ихъ надо бы причислить къ разряду внутреннихъ, духовныхъ, нравственныхъ; но это невозможно, потому что они идутъ отъ нашего тѣла, которое мы отличаемъ отъ себя какъ нѣчто внѣшнее и которое подлежитъ внѣшнимъ чувствамъ.

Наконецъ, когда мы что-нибудь видимъ или слышимъ, вообще когда мы получаемъ впечатлѣніе отъ внѣшнихъ предметовъ и явленій, чрезъ такъ-называемые органы внѣшнихъ чувствъ—зрѣніе, слухъ, вкусъ, обоняніе или осязаніе—намъ кажется, будто мы только принимаемъ въ себя нѣчто, приходящее къ намъ извнѣ, какъ кладемъ въ ротъ пищу; на самомъ же дѣлѣ, это происходитъ совсѣмъ иначе: мы не переносимъ въ себя предмета или явленія, которые видимъ или осязаемъ, въ насъ остается отъ него только впечатлѣніе, а впечатлѣніе зависитъ не отъ одного предмета или явленія, которое его производитъ, но столько же и отъ среды, на которую предметъ или явленіе дѣйствуетъ, которая получаетъ впечатлѣніе. Подойдите къ деревянному дому: на немъ вы себя не увидите, а въ зеркалѣ увидите; взгляните въ воду: она или отчетливо отразитъ ваше лицо, если совершенно спокойна, или отразитъ, но въ искаженномъ видѣ, если колеблется; а если сильно взволнована, то не отразитъ вовсе. Каждое впечатлѣніе есть сложный продуктъ двухъ факторовъ: предмета или явленія, производящихъ впечатлѣніе, и среды, которая его принимаетъ, и мы ошибаемся, думая, будто получаемъ чистое, безпримѣсное отраженіе самаго предмета въ нашей душѣ, каковъ онъ есть въ реальной дѣйствительности, самъ по себѣ. Но отсюда слѣдуетъ, что мы имѣемъ дѣло собственно не съ внѣшними предметами и явленіями, а съ впечатлѣніями, которыя они въ насъ производятъ, не съ реальнымъ, внѣшнимъ физическимъ міромъ, а съ внутренними, психическими фактами, которые сознаемъ и которые внѣшнимъ чувствамъ недоступны. Впечатлѣнія какъ бы стоятъ между нами и внѣшнимъ міромъ и раздѣляютъ его отъ насъ непроницаемой стѣной. Изъ этого нельзя выводить, что внѣшняго міра вовсе не существуетъ, или что наше знаніе о немъ есть мечта и призракъ; ниже мы разсмотримъ такіе выводы и покажемъ, почему они ошибочны; но во вся-

комъ случаѣ, то, что̀ намъ кажется внѣшнимъ, на самомъ дѣлѣ оказывается внутреннимъ и не подлежитъ внѣшнимъ чувствамъ.

Что̀ же такое, послѣ сказаннаго, тѣ воплощенія мыслей, чувствъ, внутреннихъ движеній человѣка во внѣшнихъ предметахъ, о которыхъ упомянуто выше? Они столько же, какъ и всякая другая вещь, производятъ въ насъ впечатлѣнія, а мы уже видѣли, что впечатлѣнія — явленія внутреннія, психическія. Созданія человѣка во внѣшнемъ мірѣ суть или символы, условные знаки психическихъ предметовъ и явленій (письмена, ноты, телеграфическіе знаки и т. д.), или такія сочетанія матеріальныхъ предметовъ и явленій, которыя производятъ въ насъ желаемое внѣшнее впечатлѣніе (картины, статуи, рисунки и т. д.), или, наконецъ, они производятъ во внѣшнемъ, физическомъ мірѣ желаемыя явленія (машины, постройки и т. д.). Выраженіе: воплощеніе мыслей, чувствъ во внѣшнемъ мірѣ—оказывается на повѣрку очень неточнымъ, метафорическимъ, и только даетъ намъ ошибочное представленіе. Мысль, чувство, желаніе не переходятъ вовсе во внѣшній міръ и остаются при насъ; только внѣшніе предметы и явленія располагаются такъ, что удовлетворяютъ потребности человѣка возбудить мысль, чувство или произвести во нѣшнемъ мірѣ явленіе, почему-либо нужное для одного или многихъ лицъ.

Слѣдовательно, мы имѣемъ непосредственно дѣло только съ предметами и явленіями психическаго свойства, внутренними, доступными одному сознанію. Душа въ дѣйствительности гораздо болѣе сосредоточена въ себѣ и отдѣлена отъ внѣшняго міра, чѣмъ мы думаемъ; она не имѣетъ къ окружающему прямого, непосредственнаго отношенія, а сносится съ нимъ чрезъ посредство тѣхъ впечатлѣній, которыя отъ него получаетъ, насколько способна ихъ получать, и такими впечатлѣніями возбуждается къ собственной дѣятельности. Этимъ объясняется множество явленій, между прочимъ то, почему человѣкъ съ такимъ неимовѣрнымъ трудомъ и усиліями доходитъ до положительнаго знанія окружающаго міра и безпрестанно, самъ того не сознавая, приписываетъ ему свои понятія, мысли, чувства, намѣренія и цѣли.

Вотъ поправка, которую необходимо сдѣлать въ обыденныхъ представленіяхъ людей объ отношеніи души къ физическому міру,—фактовъ психическихъ, внутреннихъ, къ фактамъ матеріальнымъ, внѣшнимъ. Внѣшнія впечатлѣнія и физическія ощущенія составляютъ границу между психическимъ и внѣшнимъ міромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отдѣляютъ ясно обозначеннымъ рубежемъ психологію отъ всѣхъ прочихъ отраслей знанія. Служа единственными представителями внѣшняго міра, по которымъ люди составляютъ себѣ о немъ представленія и понятія, впечатлѣнія и ощущенія обозначаютъ и предѣлъ, за которымъ начинается индивидуальная психическая жизнь. Поэтому они для насъ, въ одно и то же время, и внѣшняя объективная дѣятельность и необходимая составная часть психическаго міра. Психическая индивидуальная жизнь и дѣятельность, ея явленія и законы, а вмѣстѣ и впечатлѣнія и физическія ощущенія, насколько они въ нее входятъ, изслѣдуются въ психологіи; но какъ внѣшняя, объективная дѣйствительность, они сосоставляютъ предметъ изученія прочихъ отраслей положительнаго знанія и науки.

Впечатлѣнія и физическія ощущенія, по этому своему двойственному характеру, вносятъ глубокое противорѣчіе въ психическую жизнь. Человѣкъ различаетъ ихъ въ самомъ себѣ отъ другихъ психическихъ явленій и фактовъ. Послѣдніе кажутся ему принадлежностью его духовной природы, тогда какъ впечатлѣнія и физическія ощущенія, извнѣ входящія въ душу или возбуждаемыя въ ней, представляются ему чѣмъ-то внѣшнимъ и чуждымъ. Изъ этого внутренняго противорѣчія онъ никакъ не можетъ выбраться, и носитъ его съ собой постоянно и всюду. Онъ считаетъ себя единымъ, цѣльнымъ, и въ то же время отличаетъ себя отъ своего тѣла. Внѣшнія впечатлѣнія и прочія психическія явленія дѣйствуютъ на него одинаково, а между тѣмъ они противоположны между собою и потому тянутъ его въ разныя стороны. Онъ имѣетъ власть надъ собой, надъ своими мыслями, чувствами, дѣйствіями и надъ тѣмъ, что̀ кажется ему внѣшнимъ міромъ, въ томъ числѣ и надъ своимъ тѣломъ; но въ то же время онъ сознаетъ, что они дѣйствуютъ непреложно, роковымъ образомъ, независимо отъ него, и что онъ, напротивъ, кругомъ въ зависимости отъ нихъ.

Люди давно уже замѣтили въ себѣ эти противорѣчія и съ тѣхъ поръ, что родъ человѣческій себя помнитъ, стараются разрѣшить и объяснить ихъ. Исторія вѣрованій и философскихъ воззрѣній представляетъ рядъ

послѣдовательныхъ попытокъ такого рода. Ихъ неудовлетворительность или недостаточность были всегдашнимъ, неизсякаемымъ источникомъ новой дѣятельности, новыхъ исканій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и главнымъ двигателемъ постепенныхъ успѣховъ положительнаго знанія.

Наше время особенно благопріятно для строго-научной разработки вопросовъ и задачъ, представляемыхъ психическою жизнью. Матеріалъ, накопленный наблюденіями и опытами, громаденъ; критическіе пріемы и методъ изслѣдованій доведены до невиданнаго совершенства; насущныя потребности эпохи, какъ мы видѣли, снова ставятъ психологію на первый планъ. Но несмотря на все это, положительное изслѣдованіе психической жизни и ея явленій медленно и туго подвигается впередъ. Психологія и теперь еще есть сборное мѣсто самыхъ невѣроятныхъ гипотезъ, самыхъ произвольныхъ построеній. Изгнанныя изъ прочихъ отраслей знанія, они пріютились здѣсь, подъ покровомъ пріемовъ и методы, отъ которыхъ положительная наука давно отказалась, за ихъ совершенною негодностью. Можно сказать безъ преувеличенія, что психологія теперь изъ всѣхъ отраслей знанія самая темная и заброшенная. Она завалена соромъ и хламомъ, выметенными изъ другихъ наукъ. Чтобы она могла стать положительной наукой, надо сперва высвободить психическіе факты изъ-подъ толстой наплывной коры, которая мѣшаетъ ихъ разглядѣть какъ слѣдуетъ.

Мы видѣли, что человѣкъ есть живое, воплощенное противорѣчіе. Онъ, въ одно и то же время, сознаетъ и чувствуетъ и свое различіе съ своимъ тѣломъ и окружающей средой, и свое единство съ ними; господство свое надъ своимъ тѣломъ и внѣшней природой и свою зависимость отъ нихъ; свою свободу и власть надъ собою роковой необходимости. Колеблемый сомнѣніями, мучимый противорѣчіями, человѣкъ то признаетъ въ себѣ двойственную природу, то, уступая непобѣдимому требованію единства, которое въ немъ такъ же сильно, какъ и сознаніе двойственности, старается объяснить и согласить противоположность духовнаго и физическаго міра, которую носитъ въ себѣ, гипотезами, будто внѣшній міръ произошелъ изъ духовнаго или наоборотъ, будто духовный міръ есть видоизмѣненіе матеріальной природы. Какъ же примирить это противорѣчіе? Справедливо можетъ быть одно изъ двухъ: или человѣкъ двойственъ, въ немъ двѣ природы, или природа у него одна. Какая же именно? Дуализмъ, спиритуализмъ и матеріализмъ составляютъ, въ безчисленныхъ видоизмѣненіяхъ, главное содержаніе и преобладающій интересъ вѣрованій и философскихъ ученій во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, а эти вѣрованія и ученія всегда, рано или поздно, разрѣшаются въ болѣе и болѣе тщательное, положительное изученіе человѣческой природы, въ которой лежитъ ключъ ко всѣмъ міровоззрѣніямъ, несмотря на ихъ разнообразіе.

Не забираясь далеко назадъ, посмотримъ на то, что̀ происходитъ въ наше время. Мы живемъ посреди развалинъ двухъ противоположныхъ философскихъ взглядовъ, выведенныхъ изъ психологическихъ изслѣдованій Локка и Канта. Ни тотъ, ни другой не были основателями философскихъ системъ, но подали своими трудами поводъ къ образованію новыхъ философскихъ ученій, основанныхъ на психическихъ данныхъ. Кантъ объяснилъ, что мы не знаемъ и не можемъ знать сущности матеріальныхъ предметовъ, что они доступны человѣку только въ своихъ явленіяхъ, такъ сказать только съ внѣшней своей стороны. На этомъ наблюденіи былъ построенъ современный идеализмъ, который думалъ открыть начало единства въ психической природѣ и изъ нея старался вывести и объяснить внѣшній, матеріальный міръ. Локкъ пришелъ въ своихъ изслѣдованіяхъ къ результату, что врожденныхъ идей въ человѣческой душѣ нѣтъ, что она, сама по себѣ—безразличная среда, которую наполняютъ внѣшнія и внутреннія впечатлѣнія. Изъ этого вывели, что души вовсе нѣтъ, что вся сила и вся суть въ физической сторонѣ человѣка, во внѣшней, матеріальной природѣ. Идеализмъ, перетолковавшій и исказившій глубокія наблюденія Канта, быстро развился и быстро угасъ, договорившись, въ ученіи Гегеля, до несообразностей и нелѣпостей, которыя наконецъ открыли всѣмъ глаза на ложность основного начала идеалистическихъ воззрѣній. Матеріализмъ, въ свою очередь ошибочно истолковавшій геніальныя изслѣдованія Локка, оказался живучѣй. Сначала онъ явился во Франціи въ видѣ философской доктрины, во всеоружіи идеализма, но потомъ отбросилъ его формы и въ настоящее время старается примкнуть къ положительному знанію и естественнымъ наукамъ. Въ этомъ измѣненномъ

видѣ матеріализмъ лежитъ въ основѣ современныхъ воззрѣній на человѣка и человѣческую природу. Его господство объясняется отчасти положительнымъ направленіемъ вѣка и огромнымъ развитіемъ естествовѣдѣнія, но еще больше грубыми ошибками идеализма, который потерялъ всякое довѣріе; большинство же, вездѣ и всегда, судитъ о взглядахъ не по началамъ, на которыхъ они основаны, а по ихъ дѣйствительнымъ или кажущимся выводамъ.

Оставимъ въ сторонѣ идеализмъ, который теперь брошенъ и забытъ, и займемся современнымъ матеріализмомъ.

Въ самой наивной своей формѣ матеріализмъ просто отвергаетъ психическіе факты, потому что они не имѣютъ никакой реальности. На томъ же основаніи не признается имъ и душа—центръ и источникъ психическихъ явленій.

Ошибочность и странность такого взгляда такъ очевидна, что едва ли стòитъ его опровергать. Реальнымъ называется то, что подлежитъ внѣшнимъ чувствамъ. Очевидно, что психическія явленія не принадлежатъ къ числу реальныхъ. Но развѣ вслѣдствіе того они перестаютъ быть дѣйствительными фактами? Бредъ больного, галлюцинаціи изступленнаго, сонныя видѣнія,—все это несомнѣнные факты. Въ средніе вѣка номиналисты и реалисты спорили о значеніи общихъ понятій; Кантъ различалъ талеръ въ рукѣ отъ понятія (т.-е. представленія) о талерѣ; но ни номиналистамъ, ни Канту въ голову не приходило отвергать дѣйствительность психическихъ явленій. Такой странный взглядъ осязательно опредѣляетъ исходную точку матеріализма. Для него дѣйствительно существуетъ только реальное. Задавшись этою предвзятою мыслью, онъ отвергаетъ все нереальное. Такой пріемъ очень далекъ отъ пріемовъ положительныхъ наукъ и точнаго метода, подъ знамя которыхъ матеріализмъ становится, и отзывается схоластикой, противъ которой онъ ратуетъ.

Несостоятельность приведеннаго довода очевидна. Матеріализмъ прибѣгаетъ къ другому. Положимъ, говорятъ матеріалисты, что психическія явленія дѣйствительно существуютъ, но что же изъ этого? Они не имѣютъ никакого значенія, никакого вліянія въ реальномъ мірѣ. Они—царство тѣней, внутреннія, безплотныя, но за то и безсильныя отраженія въ человѣкѣ окружающей дѣйствительности.

Спрашивается: справедливо ли, что психическій міръ остается безучастнымъ посреди реальныхъ явленій? Многіе психическіе факты дѣйствительно не имѣютъ непосредственнаго значенія въ реальномъ мірѣ, не имѣютъ даже никакого прямого къ нему отношенія; но за то многіе другіе оказываютъ на то, что̀ окружаетъ человѣка и на его тѣло самое очевидное и рѣшительное дѣйствіе.

Мы говорили выше о реальныхъ предметахъ и явленіяхъ, въ которыхъ выражаются, или къ которымъ пріурочены мысли, чувства, дѣятельность людей. Эти предметы представляютъ нѣчто новое, небывалое посреди физической природы, потому что она сама собою, помимо человѣка, не творитъ ничего подобнаго, или если и творитъ, то изрѣдка, случайно, вовсе безъ намѣренія придать то значеніе или смыслъ, какой имъ придаетъ человѣкъ. Почти все, что его окружаетъ, представляетъ внѣшнюю природу не въ ея естественномъ видѣ, а передѣланную, переиначенную, приспособленную къ потребностямъ людей, въ неизвѣстныхъ ей сочетаніяхъ, носящихъ на себѣ живой слѣдъ человѣческой дѣятельности. Наша одежда и приготовленная пища, наши дома, дворцы, храмы, наши поля, сады, парки, фабрики и заводы, произведенія наукъ, литературы, искусствъ, художествъ, ремеслъ и промышленности, наши пути сообщенія, суда, крѣпости и оружія, наши прирученныя и акклиматизированныя растенія и животныя,—словомъ, все вокругъ насъ представляетъ комбинаціи физическихъ явленій, неизвѣстныя природѣ, пока она свободна отъ вліянія человѣка. Откуда же это дѣйствіе его на окружающій міръ? Оно—психическаго свойства. Человѣкъ, преслѣдуя свои цѣли, измѣняетъ естественную группировку физическихъ явленій и данныхъ и вводитъ другую, какая ему нужна; онъ заставляетъ внѣшнюю природу производить то, и такимъ образомъ, какъ ему лучше, и достигаетъ этой цѣли, внося въ физическій міръ тѣ перегруппировки естественныхъ условій, которыя сложились въ его мысли, въ наукѣ, вслѣдствіе пристальнаго изученія внѣшняго міра. Человѣкъ создаетъ при помощи тѣхъ же природныхъ условій, только придавая имъ другой видъ, приводя въ другія сочетанія, которыхъ природа сама собою не даетъ; ихъ указываетъ лишь человѣческая мысль, т.-е. именно то, что̀ иные считаютъ неимѣющимъ, во внѣшнемъ мірѣ, никакого значенія.

Далѣе: наше тѣло есть тоже предметъ внѣшней природы, а оно проникнуто психическими вліяніями, ежеминутно представляетъ неопровержимыя доказательства реальной дѣятельности души и ея явленій. Подобно внѣшней природѣ, человѣкъ выдѣлываетъ и дрессируетъ свое тѣло и каждый изъ своихъ органовъ къ извѣстной работѣ или пріемамъ. Пальцы музыканта, ухо аускультатора, руки хирурга, вкусъ гастронома, глазъ архитектора, живописца и т. д. достигаютъ виртуозности, о которой люди и не мечтали, пока настойчивыя, постоянныя, глубоко обдуманныя и разсчитанныя упражненія не дали наглядныхъ, блистательныхъ результатовъ. Во внѣшнемъ видѣ, привычкахъ, особенно же въ лицѣ выражаются психическія движенія, настроенія и характеръ человѣка. Слѣдовательно, какъ бы психическая жизнь ни сложилась, но она есть и оказываетъ вліяніе и дѣйствіе на физическій организмъ. Взглядъ и вообще выраженіе глазъ, складъ губъ, смѣхъ, манера говорить, извѣстныя сокращенія мышцъ, выражающіяся въ складкахъ кожи и морщинахъ на лицѣ,—все это носитъ на себѣ несомнѣнную печать психическихъ движеній, состояній и привычекъ, такъ что по первымъ мы узнаемъ послѣднія.

Потомъ: всякій знаетъ, какъ сильно психическія движенія дѣйствуютъ на наше тѣло. Глубокія огорченія и несчастія производятъ болѣзни, помѣшательство и внезапную или медленную смерть. Удаленіе психическихъ вліяній, вредно дѣйствующихъ на человѣка, рекомендуется врачами, какъ гигіеническая мѣра. На это замѣчаютъ, что психическія движенія и состоянія производятся непосредственными, физическими же ощущеніями, какъ-то: угрозами, испугомъ, страхомъ, возбужденіемъ страстей и т. п., которыя физически дѣйствуютъ на нашу мозговую и нервную системы, а чрезъ нихъ уже на весь организмъ. Но не всѣ психическія явленія и состоянія вызываются одними внѣшними способами, да и самые эти способы далеко не всегда реальнаго свойства. Грозить можно не только побоями или смертью; страсти возбуждаются не одними физическими желаніями или крѣпкими напитками; испугъ и страхъ могутъ происходить отъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ внѣшними, матеріальными впечатлѣніями. На душу, кромѣ физическихъ, дѣйствуютъ и особенныя, ей одной исключительно доступныя психическія вліянія, вовсе непохожія на непосредственныя впечатлѣнія и тѣлесныя ощущенія. Письмо, разговоръ, телеграмма, слухъ могутъ привести насъ въ отчаяніе или восторгъ, свести въ могилу, съума, или заставить рѣшиться на поступокъ, о которомъ мы за минуту передъ тѣмъ и не думали. Что же тутъ дѣйствуетъ? Очевидно не процессъ чтенія, не очертанія или вообще наружный видъ буквъ, не удареніе звуковой волны въ слуховую перепонку, а то, что ими выражается, тотъ психическій фактъ, который къ нимъ пріуроченъ и который по поводу ихъ въ насъ возбуждается. На каждомъ шагу испытываемъ мы такія психическія дѣйствія и вліянія, вызывающія въ насъ извѣстныя психическія состоянія или явленія, которыя выражаются на нашемъ тѣлѣ, или заставляютъ насъ предпринять то или другое дѣйствіе. Кромѣ того, множество психическихъ явленій и настроеній, вызывающихъ насъ на внѣшнюю дѣятельность, возбуждаются совершенно независимо даже отъ такихъ нереальныхъ впечатлѣній, одними внутренними движеніями души,—а именно, представленіями, мыслями, чувствами, которыя возникаютъ сами собою или возбуждаются въ насъ нами самими преднамѣренно и направляются такъ или иначе. Я хочу встать—и встаю; раздумалъ,—и сажусь опять. Мы подавляемъ въ самихъ себѣ, силою воли, естественныя, физическія движенія, глотаемъ слезы, сдерживаемъ смѣхъ, съ полнымъ вниманіемъ занимаемся дѣломъ, когда чувствуемъ крайнее разслабленіе отъ недостатка сна, отъ голода, жажды, или сильныхъ страданій. Люди подавляютъ въ себѣ страхъ смерти или опасности изъ самыхъ разнородныхъ психическихъ побужденій. Храбрость, прирожденное свойство у однихъ, другими пріобрѣтается долгою работою надъ собою. Умѣніе сохранять наружное спокойствіе при внутреннемъ волненіи, не обнаружить ни малѣйшимъ внѣшнимъ признакомъ внутренняго психическаго состоянія, или по произволу носить въ совершенствѣ ту или другую маску, чтобы скрыть настоящія мысли и чувства,—все это показываетъ власть души надъ естественными ощущеніями и побужденіями.

Противъ этого обыкновенно возражаютъ, что подавленіе физическихъ ощущеній психическимъ дѣйствіемъ есть только кажущееся; на самомъ же дѣлѣ, не психическое состояніе господствуетъ надъ внѣшнимъ ощуще-

ніемъ, а болѣе сильное внѣшнее ощущеніе надъ менѣе сильнымъ. Но съ этимъ объясненіемъ никакъ нельзя согласиться. Есть, безъ сомнѣнія, множество случаевъ, когда дѣйствительно различныя физическія ощущенія борятся въ насъ между собою; перевѣсъ очевидно долженъ въ такихъ случаяхъ остаться за тѣмъ, которое сильнѣе. Но мы и не говоримъ о такихъ случаяхъ, а имѣемъ въ виду исключительно только тѣ, когда не внѣшнее ощущеніе, а именно психическое состояніе подавляетъ дѣйствіе внѣшнихъ впечатлѣній. Страхъ смерти можетъ заставить вынести, не поморщась, жестокія муки, и въ этомъ, положимъ, нѣтъ даже особенной доблести; но когда глубокое убѣжденіе, вѣра, чувство достоинства, или даже и менѣе почтенныя побужденія даютъ силу спокойно встрѣтить смерть и страданія, то какъ же объяснить ихъ иначе, какъ не психическимъ вліяніемъ на физическія ощущенія? Говорятъ: здѣсь опять-таки дѣйствуетъ сочетаніе различныхъ физическихъ побужденій и ощущеній, которыя въ насъ преобразуются и получаютъ видъ психическихъ состояній. Но еслибы это и было такъ,—что же такое, спрашивается, это несуществующее и невозможное нигдѣ, кромѣ психической среды, сочетаніе непосредственныхъ впечатлѣній и ощущеній и переработка ихъ въ новый видъ, какъ не психическій продуктъ, психическое состояніе или явленіе?

Наконецъ, каждую минуту у насъ передъ глазами примѣры измѣненія реальныхъ фактовъ психическими; мы только или не замѣчаемъ ихъ, или не хотимъ замѣчать. Сожительство людей, семья и устроенное общежитіе представляютъ обширное поле для такихъ наблюденій. Законъ воспроизведенія расы обусловливаетъ, и у людей и у животныхъ, взаимное влеченіе половъ и заботы о дѣтяхъ; но у людей, кромѣ половыхъ влеченій, есть любовь и бракъ. Послѣднія отодвигаютъ первыя на второй планъ и переживаютъ ихъ. Инстинктъ воспитанія дѣтей есть и у большинства животныхъ; но у людей между родителями и дѣтьми существуютъ постоянныя и правильныя отношенія, которыя продолжаются, когда попеченія родителей дѣлаются уже вовсе ненужными. То же самое представляетъ и общій у человѣка съ нѣкоторыми породами животныхъ инстинктъ общежитія. Безчисленныя отношенія людей между собою и къ цѣлому обществу опредѣляются постояннымъ и правильнымъ образомъ, и реальные факты подчиняются общимъ законамъ, или заключаемымъ договорамъ. Я нанимаю землю на пять лѣтъ, и съ окончаніемъ этого срока отдаю ее обратно хозяину. Реальный фактъ владѣнія—за мной. Что же опредѣляетъ обратную передачу земли хозяину? Право собственности, фактъ не реальный, а психическаго свойства. Точно также, не самовольная расправа полагаетъ конецъ столкновеніямъ между людьми, а судъ. Такъ и во множествѣ другихъ случаевъ, матеріальные факты уступаютъ психическимъ.

Такимъ образомъ, тысячи данныхъ показываютъ, что психическія явленія не остаются безъ глубокаго дѣйствія и вліянія не только на наше тѣло, но и на окружающій человѣка міръ. Отсюда слѣдуетъ, что душа, которой приписываются психическія явленія, есть одинъ изъ дѣятелей и въ реальномъ мірѣ. Опираясь на положительные факты, доступные внѣшнимъ чувствамъ, можно доказать, что физическая природа преобразуется и получаетъ другой видъ вездѣ, гдѣ является человѣкъ, и что эти преобразованія совершаются при участіи и подъ вліяніемъ психическихъ элементовъ.

Но, замѣчаютъ многіе, какимъ образомъ опредѣлить свойство, степень и способы вліянія психическихъ фактовъ на реальный міръ, когда эти факты, а тѣмъ болѣе душа, не имѣя реальности, не могутъ быть предметомъ положительнаго изученія? Психологія, какъ положительная, точная наука, невозможна!

Эту мысль раздѣляетъ огромное большинство образованныхъ людей, даже не принадлежащихъ, по своимъ взглядамъ, къ числу матеріалистовъ. Психическія явленія, думаютъ они, не имѣя реальнаго характера, доступны только для самонаблюденія. Что происходитъ въ нашей душѣ, закрыто для внѣшнихъ чувствъ и открывается только нашему сознанію, внутреннему, психическому зрѣнію.

Еслибы это было такъ, еслибы одно только сознаніе установляло и опредѣляло психическіе факты, то нечего было бы и думать о положительномъ, точномъ ихъ изслѣдованіи. Каждый производитъ внутреннія наблюденія надъ собою по-своему; допустивъ, что для повѣрки ихъ нѣтъ всеобщаго, объективнаго мѣрила, надо согласиться, что психологія, какъ наука, дѣйствительно невозможна. Но такой взглядъ вдвойнѣ ошибоченъ. Психическія и реальныя явленія стоятъ на одной почвѣ, и не трудно доказать, что первыя

такъ же доступны для внѣшнихъ чувствъ, какъ послѣднія, а послѣднія столько же зависятъ отъ самонаблюденія, сколько и первыя.

На чемъ основано наше непоколебимое довѣріе къ реальному знанію, которое мы только и признаемъ за положительное, точное? Мы знаемъ только впечатлѣнія, получаемыя отъ внѣшняго міра, а эти впечатлѣнія, какъ мы видѣли, вполнѣ психическаго свойства, т.-е. доступны только для внутренняго наблюденія. Было время, когда люди, по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ мы теперь считаемъ невозможнымъ положительное изученіе психическихъ явленій, отрицали возможность положительнаго изслѣдованія реальныхъ фактовъ и усомнились въ самомъ существованіи внѣшняго міра. Однако на этомъ человѣкъ не остановился. Много труда и усилій положилъ онъ на то, чтобы провѣрить впечатлѣнія, усилить и усовершенствовать дѣйствіе внѣшнихъ чувствъ, устранить ихъ ошибки, вычесть изъ общаго итога наблюденій разнообразіе, происходящее отъ личныхъ свойствъ, условій и недостатковъ лицъ, получающихъ впечатлѣнія. Благодаря этимъ усиліямъ и трудамъ, впечатлѣнія—основа положительнаго знанія—выработаны до того высокаго совершенства, которое дало возможность построить на нихъ несокрушимо-прочное зданіе современной положительной науки.

Мы не знаемъ внѣшняго міра помимо впечатлѣній, которыя онъ производитъ въ насъ чрезъ внѣшнія наши чувства; но эти впечатлѣнія упорнымъ трудомъ поколѣній очищены отъ постороннихъ примѣсей и получили ту степень объективности, какая составляетъ непремѣнное условіе и основаніе положительнаго знанія. Кто думаетъ, что мы изучаемъ и изслѣдуемъ реальный, внѣшній міръ, каковъ онъ самъ по себѣ, тотъ очень ошибается. Наше знаніе этого міра есть только знаніе получаемыхъ отъ него впечатлѣній. Такое знаніе не есть мечта и призракъ, потому только, что одинъ и тотъ же предметъ или явленіе постоянно производятъ въ насъ одни и тѣ же впечатлѣнія. Конечно, мы не имѣемъ никакихъ средствъ убѣдиться, что это дѣйствительно такъ, но заключаемъ изъ того, что выводы изъ однихъ впечатлѣній, сдѣланные съ должною точностью, осмотрительностью и повѣркой, оправдываются и подкрѣпляются другими впечатлѣніями. Еслибы впечатлѣнія, производимыя въ насъ внѣшними предметами и явленіями, не находились съ послѣдними въ извѣстномъ постоянномъ и правильномъ соотвѣтствіи, то не только астрономы не могли бы безошибочно и точно предсказывать солнечныя и лунныя затмѣнія, архитекторы строить дома, инженеры—мосты, врачи—лечить и т. д., но не было бы вообще никакой науки и люди не узнавали бы другъ друга.

Стало быть, положительное изученіе такъназываемыхъ реальнымъ предметовъ и явленій улетучивается, при ближайшей повѣркѣ, въ психическія дѣйствія надъ психическими фактами.

Обратимся теперь къ послѣднимъ. Мы видѣли, что они не только совершаются въ душѣ, но принимаютъ также дѣятельное участіе въ реальныхъ предметахъ и явленіяхъ, выражаются въ нихъ, пріурочиваются къ нимъ, приводятъ ихъ въ тысячи новыхъ сочетаній. Это болѣе или менѣе замѣтно на всѣхъ созданіяхъ человѣческихъ рукъ,—этой второй природѣ, воздвигаемой человѣкомъ надъ той, которая живетъ помимо его дѣйствія и вмѣшательства, а также и на тѣхъ измѣненіяхъ, которымъ подвергается человѣческое тѣло подъ вліяніемъ психической жизни. Въ обоихъ случаяхъ мысль, чувства, дѣятельность человѣка обнаруживаются и становятся доступными для внѣшнихъ чувствъ. Только благодаря такому обнаруженію психической жизни во внѣшнихъ предметахъ и явленіяхъ становится возможнымъ, на ряду съ знаніемъ природы, и положительное знаніе духовной стороны человѣка. Только на основаніи внѣшнихъ проявленій психической жизни мы можемъ говорить о правѣ, объ искуствѣ, о философіи, о наукѣ, о религіи, о политикѣ, объ исторіи и т. д. Будь мы ограничены однимъ самонаблюденіемъ, мы бы ничего не знали о психическомъ мірѣ, кромѣ тѣхъ его явленій, которыя происходятъ въ нашей душѣ и открываются нашему сознанію; но человѣкъ рано сталъ замѣчать обнаруженіе души, внѣшніе слѣды ея жизни и дѣятельности; надъ ними ему пришлось точно также упорно и долго работать, прежде чѣмъ они могли послужить прочнымъ основаніемъ науки. Подобно внѣшнимъ впечатлѣніямъ матеріальнаго міра, и ихъ пришлось сперва установить и опредѣлить точнымъ образомъ въ ихъ объективной дѣйствительности, очистить отъ постороннихъ примѣсей, отъ произвольныхъ толкованій, отъ искаже-

ній времени, отъ умышленныхъ и неумышленныхъ ошибокъ тѣхъ, которые ихъ передавали или толковали. Какъ въ наукахъ о природѣ большое и видное мѣсто занимаютъ способы точнаго наблюденія предметовъ и явленій, точно также и въ наукахъ о человѣкѣ критика источниковъ, т.-е. психическихъ слѣдовъ во внѣшнихъ предметахъ и явленіяхъ, играетъ первостепенную роль и составляетъ основаніе, безъ котораго наука о духовной сторонѣ человѣка невозможна.

Изъ сказаннаго видно, что психическіе факты совсѣмъ не такъ шатки и недоступны для положительнаго изученія, какъ многіе думаютъ, и что такъ-называемыя положительныя, точныя науки не имѣютъ въ этомъ отношеніи никакого преимущества передъ науками о психической сторонѣ человѣка. Какъ тѣ, такъ и другія основываютъ свои выводы на критически обработанныхъ впечатлѣніяхъ; разница только въ томъ, что первыя имѣютъ дѣло съ впечатлѣніями, непосредственно получаемыми отъ физическаго міра, послѣднія—съ впечатлѣніями, получаемыми отъ внѣшнихъ слѣдовъ психической жизни и дѣятельности. Благодаря объективной опредѣленности этихъ слѣдовъ стала возможна даже исторія вѣрованій, языка, политическихъ ученій и учрежденій, искусствъ, наукъ, философіи, культуры. Сравнивая однородныя явленія у разныхъ народовъ и у одного и того же народа въ различныя эпохи его исторической жизни, мы узнаемъ, какъ эти явленія измѣнялись, и подмѣчаемъ законы такихъ измѣненій, которыя, въ свою очередь, служатъ матеріаломъ для изслѣдованія законовъ психической жизни и дѣятельности. Всѣ науки подготовляютъ такимъ образомъ матеріалъ для психологіи, и отъ степени совершенства его выработки зависитъ бо̀льшая или мѐньшая положительность психологическихъ изслѣдованій.

До сихъ поръ мы отвѣчали матеріализму разговорному, салонному, обиходному. Матеріализмъ, предъявляющій притязанія на научное значеніе, не останавливается на приведенныхъ нами возраженіяхъ, а смотритъ на дѣло глубже. Онъ признаетъ психическія явленія, ихъ значеніе и вліяніе; не споритъ и противъ того, что ихъ можно изучать какъ и реальные факты; но видитъ въ этихъ явленіяхъ не болѣе, какъ непроизвольныя, необходимыя послѣдствія физіологической организаціи и жизни человѣка; и слѣд. въ ней предполагаетъ источникъ, коренную причину и условіе психической жизни. По этому взгляду психическія явленія не болѣе какъ отправленія физическаго организма человѣка, подобно тому, какъ пищевареніе есть отправленіе желудка; слѣд., нѣтъ никакого основанія, да и никакой надобности, предполагать особый психическій міръ и душу, какъ самостоятельный центръ и источникъ психической жизни. Всѣ психическія явленія объясняются или могутъ быть объяснены физіологической дѣятельностью или патологическимъ состояніемъ тѣхъ органовъ, въ которыхъ сосредоточивается такъ-называемая психическая жизнь. Анатомія и физіологія доказали, что впечатлѣнія и физическія ощущенія приводятся къ головному мозгу нервами чувствъ; отъ ихъ устройства и состоянія и отъ внѣшнихъ аппаратовъ, чрезъ которые они приходятъ въ соприкосновеніе съ окружающимъ міромъ, зависятъ всѣ наши впечатлѣнія и ощущенія, изъ которыхъ слагаются психическія явленія; дѣйствія наши точно также находятся въ полной зависимости отъ нервовъ движенія. Психическая жизнь со всѣми ея явленіями заключена въ головномъ и спинномъ мозгу; если мозгъ правильно устроенъ и находится въ нормальномъ состояніи, то и психическая жизнь совершается нормально; при малѣйшемъ же его разстройствѣ обнаруживаются ненормальныя психическія явленія, которыя вполнѣ зависятъ отъ рода и степени патологическаго состоянія мозга. Человѣку приписывается свободная воля, возможность произвольныхъ движеній; а физіологія открыла, что вслѣдствіе многообразныхъ соединеній нервовъ чувствъ съ нервами движеній, впечатлѣнія и физическія ощущенія сами собою, безъ всякаго участія не только воли, но и сознанія, сообщаются отъ первыхъ къ послѣднимъ, и производятъ разнообразныя, непроизвольныя движенія, которыя потому и называются рефлексами. Мы воображаемъ, что силою воли подавляемъ въ себѣ движенія; но они подавляются, помимо нашей воли и нерѣдко сознанія, такими же рефлексами, при помощи особыхъ задерживающихъ аппаратовъ. Такимъ образомъ, множество движеній и дѣйствій, которыя считаются результатомъ дѣятельности свободной воли, оказываются на повѣрку непроизвольными, машинальными. Судя по этому, можно съ полнымъ основаніемъ предположить, что и всѣ прочія дѣйствія,

которыя, за необъясненіемъ ихъ механизма, мы продолжаемъ считать произвольными и приписываемъ волѣ и душѣ, на самомъ дѣлѣ окажутся, съ дальнѣйшими успѣхами анатоміи и физіологіи, такими же непроизвольными и рефлективными. Стало быть, мысль о душѣ и производимыхъ ею какихъ-то особыхъ явленіяхъ, различныхъ отъ явленій реальнаго міра, оказывается гипотезой совершенно излишней и ненужной. Психическая жизнь совершается на физіологической подкладкѣ и въ полной зависимости отъ физіологическихъ условій; психическія явленія пропитаны вліяніями внѣшняго міра; взаимодѣйствіе физическаго и духовнаго элементовъ такъ постоянно и очевидно, что однородность ихъ едва ли можетъ подлежать какому-нибудь сомнѣнію. Все это убѣждаетъ, что душа и приписываемыя ей явленія—не что иное какъ продолженіе тѣлеснаго организма, а духовная жизнь человѣка — дальнѣйшее развитіе физическаго существованія. Слѣд., если психологія и затѣмъ еще нужна и возможна, то приличное ей мѣсто отыщется развѣ только въ концѣ физіологіи, въ видѣ описанія мозговыхъ и нервныхъ отправленій. Относимъ же мы всѣхъ животныхъ къ внѣшней природѣ и не признаемъ за ними духовной жизни и особой психической дѣятельности, а между ними многія, по своей интеллигенціи, чувствамъ и кажущимся произвольнымъ дѣйствіямъ, чрезвычайно напоминаютъ человѣка, и чѣмъ ближе мы изучаемъ организацію, нравы и образъ жизни животныхъ, тѣмъ близость ихъ къ человѣку въ этомъ отношеніи выказывается ярче и разительнѣе.

Этотъ взглядъ очень распространенъ между образованными людьми, потому что опирается на положительные и безспорные факты. Что психическая жизнь и дѣятельность обусловлены физическими, матеріальными фактами, что нормальная психическая дѣятельность и правильность психическихъ отправленій находятся въ тѣсной зависимости отъ состоянія тѣлеснаго организма,—объ этомъ нѣтъ и не можетъ быть спора. Признавая всякое дѣйствіе человѣка роковымъ, необходимымъ послѣдствіемъ внѣшнихъ, физическихъ условій, матеріалисты вводятъ всякое дѣйствіе человѣка и вообще всякое психическое явленіе въ кругъ реальныхъ фактовъ. Матеріалистическій взглядъ принимаетъ за точку отправленія ту, совершенно правильную и вѣрную мысль, что если психическія явленія могутъ оказывать дѣйствіе на реальный міръ, и наоборотъ, если реальные предметы имѣютъ вліяніе на психическій міръ, то оба должны быть однородны; иначе они не могли бы находиться въ такой тѣсной между собой связи и взаимодѣйствіи. Въ чемъ же заключается ихъ однородность? Въ психическомъ началѣ? Но всѣ попытки вывести и объяснить реальный міръ изъ психическаго оказались безуспѣшными; итакъ, думаютъ матеріалисты, остается предположить, что психическія явленія объясняются физіологическими условіями, реальной природой. На возможность такого объясненія есть много указаній. Множество представленій несомнѣнно образуются въ насъ изъ внѣшнихъ впечатлѣній и физическихъ ощущеній; очень вѣроятно, думаютъ матеріалисты, что и всѣ остальныя наши понятія и чувства произошли изъ того же источника. Всего убѣдительнѣе говорятъ въ пользу такого предположенія аналогическія съ человѣкомъ явленія въ органической природѣ и въ особенности въ царствѣ животныхъ. Послѣднія имѣютъ въ низшихъ породахъ нервные узлы, а въ высшихъ, подобно человѣку, мозговую и нервную системы; чѣмъ эти органы развитѣй и совершеннѣй, тѣмъ ближе животныя подходятъ къ человѣку по своимъ психическимъ отправленіямъ. Если мы не признаемъ самостоятельной, самодѣятельной психической жизни въ животныхъ и ищемъ ея объясненія въ физіологическихъ условіяхъ и устройствѣ, то на какомъ основаніи будемъ мы приписывать самостоятельное психическое начало человѣку? Что онъ представляетъ высшую ступень въ сравненіи съ животными, не даетъ еще намъ права дѣлать для него изъятія изъ общаго правила и объяснять его бо̀льшую развитость причинами, которыхъ мы не признаемъ въ примѣненіи къ остальному міру.

Несмотря на всю кажущуюся убѣдительность этихъ доводовъ, матеріализмъ не разрѣшаетъ задачи, потому что выводы его основаны на недоказанныхъ гипотезахъ и на ошибочныхъ заключеніяхъ изъ безспорныхъ фактовъ.

Начнемъ съ того, что тѣсная связь психической и матеріальной жизни конечно указываетъ на то, что ихъ источникъ одинъ. Но неудачные опыты идеализма открыть этотъ источникъ въ психической жизни не только не уполномочиваютъ искать въ реальномъ мірѣ разрѣшенія загадки, но, какъ мы

думаемъ, совсѣмъ напротивъ, должны бы заранѣе отнять всякую надежду достигнуть этой цѣли путемъ изученія внѣшней природы. Для непредубѣжденнаго ума психическія и реальныя явленія суть факты двухъ различныхъ порядковъ. Ихъ единство—искомое науки, неизвѣстное *X*, и не можетъ быть объяснено однимъ изъ нихъ, а развѣ обоими вмѣстѣ. Почему же, спрашивается, вѣроятнѣе возможность объяснить психическую жизнь физіологическими условіями, чѣмъ реальныя явленія психическими? О цѣломъ заключать можно только по совокупности частей, а не по одной какой-нибудь его части. Когда рѣчь идетъ о неорганическихъ предметахъ, можно еще, до нѣкоторой степени, заключать о цѣломъ по какой-нибудь части его, но и въ такомъ случаѣ заключеніе легко можетъ не оправдаться; въ примѣненіи же къ явленіямъ органическимъ оно просто невозможно. Прибавимъ, что реальный міръ мы знаемъ по однимъ впечатлѣніямъ и физическимъ ощущеніямъ, т.-е. какъ психическое явленіе. Что̀ такое матеріальный міръ, что̀ такое матерія — мы не знаемъ, какъ не знаемъ, что̀ такое психическій міръ и душа. Признаки того и другого міра мы опредѣляемъ только сравнивая ихъ между собою и противополагая одинъ другому; безъ того мы бы не знали даже и этихъ признаковъ. Ясно, что пытаться объяснять, а тѣмъ болѣе выводить психическую жизнь изъ физической и наоборотъ, значитъ попасть въ заколдованный кругъ, или вертѣться въ бѣличьемъ колесѣ, изъ котораго нѣтъ выхода.

Не болѣе убѣдителенъ и тотъ выводъ, будто зависимость психической жизни отъ физіологическихъ условій есть аргументъ противъ ея самостоятельности и самодѣятельности. Не подлежитъ сомнѣнію, что психическая жизнь возможна только при извѣстномъ состояніи мозга и нервовъ, что съ ненормальнымъ ихъ состояніемъ или разрушеніемъ и оно выражается въ ненормальныхъ явленіяхъ или совсѣмъ прекращается. Но почему изъ этого должно слѣдовать, что психическая среда не можетъ имѣть самодѣятельности,—этого никакъ нельзя понять. Каждый организмъ, растеніе или животное имѣетъ свою долю самобытности и самодѣятельности, но и тотъ и другой кругомъ, вполнѣ, зависятъ отъ окружающей среды, и не находя въ ней необходимыхъ условій для существованія или нормальной жизни, искажаются, чахнутъ и умираютъ. Не говоримъ мы однако, видя этотъ фактъ, что растительные или животные организмы не что иное, какъ отправленіе среды, въ которой живутъ. На какомъ же основаніи станемъ мы дѣлаемъ такое заключеніе о психической жизни и дѣятельности? Съ точки зрѣнія положительной науки и по правиламъ точной индукціи мы, кажется, не имѣемъ къ тому никакого повода.

Кромѣ этихъ отрицательныхъ доводовъ противъ матеріализма, есть и положительные. Очевидные и безспорные факты показываютъ, что въ душѣ нашей происходятъ своего рода процессы, вырабатываются своеобразныя явленія, которыхъ нельзя объяснить иначе, какъ самодѣятельностью души.

Наши представленія о внѣшнихъ предметахъ или тѣлесныхъ впечатлѣніяхъ—не простые, непосредственные оттиски впечатлѣній внѣшняго міра, а, какъ мы увидимъ ниже, результатъ сложной психической работы. Ссылаемся на очень любопытныя изслѣдованія Вундта, котораго никто не заподозритъ въ анти-матеріалистическихъ предразсудкахъ. Будь психическія явленія въ непосредственной зависимости отъ условій и законовъ внѣшней природы, представленія были бы фотографическими оттисками впечатлѣній внѣшняго міра. Если же они результатъ психической работы, то изъ этого слѣдуетъ, что по принятіи впечатлѣній въ насъ совершается какой-то процессъ своего рода, при помощи котораго впечатлѣніе передѣлывается въ представленіе. Стало быть, есть особая психическая среда и особая психическая жизнь, которая отъ соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ только возбуждается къ своеобразной дѣятельности.

Но въ душѣ человѣка существуютъ не одни представленія. Рядомъ съ ними есть множество другихъ психическихъ явленій и фактовъ, которые имѣютъ болѣе или менѣе далекое отношеніе къ непосредственнымъ впечатлѣніямъ и ощущеніямъ, а другіе, повидимому, не имѣютъ съ ними никакой связи. Матеріалисты едва ли согласятся признать ихъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми психологами, за прирожденныя, непосредственныя данныя нашей психической природы. Что̀ же они такое? Продукты? Но тогда надо признать, что въ душѣ совершаются свои, ей свойственные процессы, которые приводятъ въ

новыя сочетанія поступающій въ душу матеріалъ, а это прямо указываетъ на самостоятельную психическую дѣятельность. Статуи, бюсты, картины, рисунки иногда дѣйствительно передаютъ до нѣкоторой степени, хотя и условно, тѣ впечатлѣнія, которыя производятъ на наше зрѣніе внѣшніе предметы и явленія; но за то множество другихъ представляютъ небывалыя въ мірѣ сочетанія впечатлѣній. Не говоря объ идеальныхъ изображеніяхъ, возьмемъ изваянія и картины, представляющія голову медузы, минотавра, крылатыхъ быковъ, химеру, драконовъ, сиренъ, сатировъ, фавновъ и т. п.; развѣ они не живыя, осязательныя доказательства того, что между психическимъ творчествомъ и реальными, непосредственными впечатлѣніями лежитъ цѣлая бездна? Но если даже внѣшніе образы, создаваемые нами, и впечатлѣнія реальныхъ, физическихъ предметовъ могутъ такъ существенно разниться между собою, то что̀ сказать о мысляхъ, взглядахъ, движеніяхъ души, страстяхъ, которые мы тоже выражаемъ во внѣшнихъ предметахъ?

Самое простое наблюденіе надъ нашею ежедневною жизнью приводитъ къ тому же результату. Безъ всякаго внѣшняго повода мы иногда припоминаемъ давно забытое. Это значитъ, что оно изъ нашего психическаго резервуара или хранилища подымается на поверхность и представляется нашему внутреннему зрѣнію. То же происходитъ въ насъ, когда мы узнаемъ уже знакомый намъ внѣшній предметъ или явленіе. Впечатлѣніе его на наши чувства вызываетъ изъ того же резервуара или хранилища представленіе наше о томъ предметѣ или явленіи; сравнивая полученное впечатлѣніе съ сложившимся уже представленіемъ, мы признаемъ ихъ совершенное сходство, и это называется узнать знакомый уже предметъ или явленіе. Такой же процессъ происходитъ въ насъ, когда мы встрѣчаемъ предметъ или явленіе, которыхъ до того времени совсѣмъ не знали, или забыли; мы сравниваемъ тогда полученное новое впечатлѣніе съ однородными и сходными представленіями, которыя находятся въ нашей душѣ, и затѣмъ опредѣляемъ, что̀ оно такое, куда его отнести, какіе его отличительные признаки и какіе общіе съ другими, т.-е. узнаемъ его, но какъ нѣчто новое, чего мы прежде не знали. Всѣ эти и подобные имъ психическіе процессы доказываютъ самостоятельную, хотя въ большинствѣ случаевъ и безсознательную дѣятельность души.

Далѣе. Мы уже замѣтили выше, что психическая жизнь и дѣятельность имѣютъ свои особенные, имъ исключительно свойственные способы выраженія и что душа можетъ особеннымъ образомъ принимать впечатлѣнія и возбуждаться къ дѣятельности. Письмена и ноты конечно внѣшніе, матеріальные предметы, но они служатъ условными знаками, символами, которые совсѣмъ не то значатъ для психической жизни, что̀ представляютъ въ качествѣ матеріальныхъ предметовъ. Это значеніе ихъ очень удачно выражается въ средневѣковыхъ сказаніяхъ о кабалистическихъ словахъ и формулахъ, которыми вызываются духи. Письмо, книга, ноты, какъ матеріальный предметъ, совсѣмъ не то, что въ нихъ открываетъ душа, потому что ими условно выражаются самыя тайныя движенія психической жизни, передаются самые животрепещущіе ея мотивы; оттого-то они психическимъ, а не матеріальнымъ своимъ смысломъ такъ глубоко насъ затрогиваютъ, часто имѣютъ на насъ потрясающее дѣйствіе. Психическія вліянія, сообщенія, сношенія происходятъ при посредствѣ внѣшняго міра и физическихъ предметовъ, какъ психическая жизнь совершается въ матеріальныхъ органахъ; но эти сообщенія нельзя считать тождественными съ внѣшними предметами и явленіями.

То же самое подтверждаетъ безчисленная, разнообразная масса психическихъ явленій и вытекающихъ изъ нихъ внѣшнихъ дѣйствій человѣка, которыя происходятъ безъ всякихъ непосредственныхъ внѣшнихъ вліяній и побужденій, подъ однимъ лишь вліяніемъ психическихъ мотивовъ. Каждый человѣкъ преслѣдуетъ какую-нибудь цѣль; но самая матеріальная и внѣшняя цѣль, возникшая вслѣдствіе такихъ же матеріальныхъ и внѣшнихъ побужденій, является уже психическимъ дѣятелемъ, и ея достиженіе, пріисканіе и выборъ для того средствъ могутъ происходить въ насъ совершенно независимо отъ внѣшнихъ вліяній и побужденій, даже наперекоръ имъ. Эта способность къ самостоятельной дѣятельности, эта возможность иниціативы по внутреннимъ побужденіямъ доказываетъ, что психическая жизнь можетъ возбуждаться въ дѣятельности и изъ самой себя, при помощи данныхъ и фактовъ, которые въ ней самой содержатся. Когда мы

говоримъ, что человѣкъ погруженъ въ самого себя, въ свои мысли, мы предполагаемъ въ немъ способность обращаться къ фактамъ и явленіямъ своей психической жизни. Справедливо или нѣтъ, что весь психическій матеріалъ заимствуется нами изъ внѣшняго міра,—это другой вопросъ, который мы разсмотримъ въ своемъ мѣстѣ; но еслибъ это и было дѣйствительно такъ, то психическая самостоятельность и самодѣятельность этимъ нисколько не опровергаются; растенія берутъ же свой матеріалъ изъ царства ископаемыхъ и воздуха, животныя—изъ ископаемаго и растительнаго царствъ; однако и въ тѣхъ и въ другихъ признается самостоятельная дѣятельность и жизнь, несмотря на то, что они питаются извнѣ. Что̀ мы признаемъ за растеніями, животными и человѣкомъ, въ матеріальномъ отношеніи, то должны мы признать и за психическою жизнью, которая тоже представляетъ органическое цѣлое, самостоятельное и самодѣятельное, хотя и выростаетъ на почвѣ физическаго міра и заимствуетъ изъ него первоначальный свой матеріалъ.

Матеріализмъ не отрицаетъ всѣхъ этихъ фактовъ, но объясняетъ ихъ по-своему. То, что̀ мы называемъ психическимъ процессомъ, то въ его глазахъ нервный или головной рефлексъ, который не предполагаетъ ни особой психической среды, ни участія воли, и совершается механически, вслѣдствіе внѣшнихъ впечатлѣній или физическихъ ощущеній. Это предположеніе какъ будто подкрѣпляется тѣмъ, что множество психическихъ процессовъ совершаются не только безъ всякаго участія воли, но даже совершенно безсознательно.

Открытіе рефлексовъ и аппаратовъ, задерживающихъ рефлексы, пролило свѣтъ на совсѣмъ до тѣхъ поръ темную и непонятную область непроизвольныхъ движеній и объяснило ихъ механизмъ; но мы не думаемъ, чтобы это великое открытіе объясняло всѣ психическія явленія.

Что непроизвольныя движенія существуютъ, что они совершаются механически, — это было извѣстно задолго до научныхъ наблюденій надъ психическими явленіями. Открытіе рефлексовъ и задерживающихъ аппаратовъ, какъ сказано, только объяснило ихъ механизмъ, ихъ причины, и доказало, что извѣстныя движенія, которыхъ значенія мы не понимали въ другихъ (о своихъ движеніяхъ мы всегда точно знаемъ, произвольны они или нѣтъ), могутъ быть непроизвольными, хотя и кажутся произвольными. Кругъ нашихъ положительныхъ знаній чрезъ это расширился. Но можно ли, не отступая отъ точнаго метода изслѣдованія, заключить отсюда, что произвольныхъ движеній вовсе нѣтъ, что всѣ движенія человѣка, безъ изъятія, непроизвольны? Во-первыхъ, мы знаемъ изъ ежедневнаго опыта, что множество непроизвольныхъ движеній могутъ быть и произвольными. Часто, въ бреду и во снѣ, мы говоримъ безсознательно, слѣдовательно непроизвольно, то, что говоримъ съ полнымъ сознаніемъ и преднамѣренно, когда не спимъ и совершенно здоровы; во-вторыхъ, изъ того же опыта мы знаемъ, что движеніе можетъ быть непроизвольнымъ, хотя мы его и вполнѣ сознаемъ; такова зѣвота, таковы конвульсивныя движенія; наконецъ, изъ опыта же мы знаемъ, что множество сознательныхъ и произвольныхъ движеній, послѣ частыхъ повтореній, могутъ, мало-по-малу, обратиться въ непроизвольныя и безсознательныя, а это показываетъ, что законъ и формула рефлексовъ еще недостаточно выяснены. Что они имѣютъ физіологическое основаніе, — это, послѣ сдѣланныхъ точныхъ научныхъ наблюденій и опытовъ, совершенно безспорно; но загадкою остается, какіе именно рефлексы даны самою природою и какіе выработаны привычкою, которой, какъ сказано, предшествуетъ множество сознательныхъ и произвольныхъ движеній. То же слѣдуетъ сказать и о дѣятельности задерживающихъ аппаратовъ; толчкомъ для ихъ дѣятельности могутъ служить и рефлексы и сознательный актъ воли, въ чемъ не трудно убѣдиться каждому, кто дастъ себѣ трудъ наблюдать за своими собственными движеніями.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что оба открытія, при всей своей важности для науки, не даютъ никакого права отвергать произвольныя движенія, другими словами, отвергать самодѣятельность души, какъ источника дѣйствій.

Наконецъ, матеріализмъ указываетъ на животныхъ какъ на доказательство, что нѣтъ ни основанія, ни возможности, ни надобности, предполагать въ человѣкѣ особое психическое начало и психическую самодѣятельность.

Приравненіе человѣка къ животнымъ стало, въ наше время, одною изъ любимѣйшихъ темъ. Она повторяется на всевозможные лады

и вошла, такъ сказать, въ плоть и кровь взглядовъ и убѣжденій значительнѣйшаго большинства современнаго образованнаго общества. Всѣ такъ ею проникнуты, что мы теперь едва уже сознаемъ, чѣмъ собственно разнится человѣкъ отъ остальнаго міра. Между тѣмъ, именно сравненіе человѣка съ животнымъ есть доводъ не въ пользу, а скорѣе противъ матеріалистическихъ воззрѣній.

Прежде думали, что человѣка отличаетъ отъ остальной внѣшней природы даръ слова; но этотъ признакъ нельзя считать характеристическимъ для человѣческаго рода, потому что мы не знаемъ, ведутъ ли животныя между собою разговоръ, или нѣтъ. Многія данныя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что животныя, особливо одной породы, понимаютъ другъ друга и умѣютъ взаимно сообщать не одни половыя влеченія, но и разныя доступныя имъ ощущенія и впечатлѣнія. Значитъ у нихъ, повидимому, есть свой языкъ, намъ непонятный, какъ нашъ непонятенъ имъ, и слѣдовательно, въ этомъ отношеніи, человѣкъ могъ бы отличаться отъ животныхъ только бо̀льшимъ совершенствомъ, бо̀льшимъ развитіемъ своихъ способностей.

Говорили также, что человѣкъ мыслитъ, а животныя не мыслятъ. Но выраженіе „мыслить“ слишкомъ неопредѣленно и неточно. Если подъ мышленіемъ разумѣть соображеніе, то тысячи наблюденій доказываютъ, что животныя тоже мыслятъ. Ихъ соображенія часто поражаютъ своею сложностью и тонкостью. Стало быть, и въ этомъ отношеніи, за человѣкомъ остается только преимущество бо̀льшей степени развитости. Впрочемъ, кому не приходило въ голову, глядя на иного извозчика и его лошадь, на иного пастуха и его собаку, что животное бываетъ иногда умнѣе и способнѣе человѣка.

Специфическаго различія человѣческой породы отъ животныхъ искали также и въ другихъ признакахъ, напримѣръ, въ способности человѣка жить семьей и обществомъ, въ развитіи въ немъ чувства, въ умѣньи приспоблять внѣшнюю природу къ своимъ нуждамъ и потребностямъ; но ближайшее знакомство съ нравами и привычками животныхъ показало, что этими же свойствами и способностями одарены и различныя породы животныхъ, такъ что вся разница состоитъ опять только въ формахъ выраженія и въ бо̀льшей или меньшей степени развитія, причемъ, какъ сказано, нерѣдко преимущество остается на сторонѣ животныхъ, а не человѣка.

Единственное, чѣмъ человѣкъ дѣйствительно, коренным образомъ, отличается отъ всего остальнаго міра,—это способность его выражать, во внѣшнихъ предметахъ, психическія свои состоянія и движенія, передавать въ образахъ и знакахъ совершающіяся въ немъ психическія явленія, не подлежащія внѣшнимъ чувствамъ. Ни одно, даже самое развитое и совершенное животное не можетъ изваять статуи, нарисовать картины, начертать планъ или фасадъ, положить звуки на ноты, написать письмо или книгу. Въ этого рода дѣятельности человѣкъ не находитъ даже подражателей между животными.

Разсмотримъ ближе эту замѣчательную особенность.

Когда скульпторъ или живописецъ съ оригинала лѣпитъ статую или рисуетъ портретъ, намъ кажется, будто онъ воспроизводитъ, однѣ за другими, черты предмета, который находится передъ его глазами; на самомъ же дѣлѣ онъ воспроизводитъ только то представленіе, которое въ немъ образовалось изъ впечатлѣній, произведенныхъ въ немъ оригиналомъ, и притомъ воспроизводитъ очень недостаточно и односторонне. Статуя, картина, только въ извѣстномъ отношеніи, съ извѣстной точки зрѣнія, есть подобіе, вдобавокъ очень несовершенное, дѣйствительнаго предмета, какъ онъ намъ представляется, такъ что простой человѣкъ и не замѣчаетъ сходства статуи или картины съ оригиналомъ, какъ бы оно, для привычнаго глаза, ни было поразительно. Лучшимъ доказательствомъ, что не предметъ, а представленіе о предметѣ воспроизводится въ статуѣ или картинѣ, служитъ то, что статуи дѣлаются, картины пишутся и безъ оригинала. Имѣя его передъ глазами, художникъ только освѣжаетъ, оживляетъ свое представленіе, которое онъ хочетъ выразить, закрѣпить во внѣшнемъ предметѣ.

Возьмемъ далѣе ноты. Онѣ не представляютъ даже и подобія того впечатлѣнія, которое ими выражается, какъ статуя или картина. Мы уже замѣтили, что нѣтъ ничего общаго между звукомъ и тою точкою, крючкомъ и т. д., по которымъ умѣющій читать ноты узнаетъ его съ перваго взгляда и можетъ воспроизвести. Между впечатлѣніями звуковъ и нотами, которыя ихъ представляютъ, существуетъ только условное соотвѣтствіе. Чтобы распознать сходство портрета

или бюста съ оригиналомъ, нужна только нѣкоторая привычка глаза, т.-е. нужно освоиться съ тѣми перемѣнами, которыя происходятъ въ непосредственномъ впечатлѣніи предмета, при передачѣ его въ мраморѣ, деревѣ, на полотнѣ или бумагѣ. Но чтобы написать или разбирать ноты, одного такого навыка недостаточно; нужно знать условное значеніе каждаго знака, потому что самъ-по-себѣ онъ не изображаетъ впечатлѣнія звука.

Письмена идутъ еще дальше. Они не только изображаютъ впечатлѣнія, доступныя чувствамъ, подобно статуѣ или картинѣ, но даже психическіе факты и явленія, вовсе не имѣющія непосредственнаго характера. Подобно нотамъ, письмена—условные знаки, не имѣющіе, сами-по-себѣ, ничего общаго съ выражаемыми предметами; но въ нотахъ знаки представляютъ непосредственныя впечатлѣнія звуковъ и ничего больше; а буквы хотя то же выражаютъ звуки, но такіе, которые сами-по-себѣ ничего не значатъ, а представляютъ, иногда по одиночкѣ, большею же частью въ извѣстныхъ сочетаніяхъ, какой-нибудь предметъ, явленіе, дѣйствіе, ощущеніе и т. п.; звуки являются тутъ посредниками, безъ которыхъ легко и обойтись; не прибѣгая вовсе къ голосу, мы при помощи однихъ письменъ можемъ сноситься между собою и узнаемъ дѣла и мысли давно умершихъ людей.

Такимъ образомъ, статуи, картины, ноты, письмена, — факты осязательные, реальные, доступные внѣшнимъ чувствамъ,—свидѣтельствуютъ несомнѣннымъ образомъ о томъ, что сверхъ дѣятельности общей съ животными, человѣкъ имѣетъ еще свою особенную, характеристическую, ему одному исключительно свойственную, воспроизводить представленія во внѣшнемъ образѣ, пріурочивать психическія состоянія, чувства, мысли, словомъ, психическіе факты и событія къ извѣстнымъ внѣшнимъ условнымъ знакамъ, по которымъ они могутъ быть узнаны и воспроизведены. Такая дѣятельность человѣка показываетъ, во-первыхъ, что онъ одаренъ какимъ-то психическимъ зрѣніемъ: не имѣй онъ способности видѣть находящихся или происходящихъ въ немъ психическихъ фактовъ, онъ не былъ бы въ состояніи выражать ихъ въ образѣ или условномъ знакѣ, они вовсе бы для него не существовали и онъ не имѣлъ бы объ нихъ ни малѣйшаго понятія. Что психическіе факты выражаются въ образахъ и условныхъ знакахъ, показываетъ, во-вторыхъ, что психическія явленія имѣютъ въ нашей душѣ дѣйствительное существованіе и свою точную опредѣленность и объективность. Безъ этого нельзя было бы говорить о болѣе или менѣе точномъ и совершенномъ выраженіи ихъ во внѣшнемъ образѣ или знакѣ и былъ бы невозможенъ споръ о томъ, соотвѣтствуетъ или не соотвѣтствуетъ образъ или знакъ тому или другому психическому факту, или какое настоящее значеніе этихъ образовъ и знаковъ. Сравнивая между собою художественныя или литературныя произведенія, мы отдаемъ предпочтеніе однимъ передъ другими, потому что одни глубже, лучше, точнѣе, чѣмъ другія передаютъ психическую дѣйствительность, которую изображаютъ; должна же эта дѣйствительность имѣть свою, точно обозначенную, опредѣленную и очерченную форму, свою объективность; иначе какъ бы мы могли сравнивать между собою ея изображенія и повѣрять, схожи ли они съ оригиналомъ и въ какой мѣрѣ?

Мы разсмотрѣли теперь всѣ основанія матеріализма и видѣли, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть принятъ положительнымъ знаніемъ, потому что они выведены несогласно съ правилами индуктивнаго метода, на авторитетъ котораго матеріалисты обыкновенно ссылаются. Но этого мало: самое поставленіе задачи и исходная точка матеріализма крайне сбивчивы и шатки. Матеріализмъ отрицаетъ свободную волю, находя, что она несовмѣстима съ закономъ необходимости; но не странно ли, что онъ ссылается при этомъ на естественныя науки и законы физической природы, тогда какъ необходимость естественныхъ явленій какъ нельзя лучше уживается рядомъ съ психическою свободою воли и между тою и другою нѣтъ собственно никакого противорѣчія? Мы видѣли, что вся дѣятельность человѣка во внѣшнемъ мірѣ ограничивается одною перестановкою физическихъ условій, другою ихъ комбинаціей; ни прибавить что-нибудь въ физической природѣ, ни убавить, ни перемѣнить естественныхъ законовъ онъ не властенъ. Природу онъ заставляетъ служить себѣ только приводя ея условія и данныя въ такія сочетанія, что они сами собою, дѣйствуя по естественнымъ законамъ, производятъ то, что человѣку нужно. Стало быть, свободною и произвольною дѣятельностью человѣка законъ необходимости никогда не нарушается и не можетъ быть нарушенъ. Самая энергическая воля не можетъ

чего произвести во внѣшнемъ мірѣ иначе, какъ въ условіяхъ этого міра и сообразуясь со всѣми его законами. Коверъ-самолетъ существуетъ только въ сказкахъ, а въ дѣйствительности есть паровозы и желѣзныя дороги; Икаръ, говорятъ, леталъ высоко, однако упалъ, потому что солнце растопило его восковыя крылья. Естественныя науки не знаютъ свободы воли, а знаютъ только законъ необходимости, потому что во внѣшней природѣ все необходимо, все есть роковое, неизбѣжное послѣдствіе данныхъ условій, управляемыхъ неизмѣнными законами. Поэтому, съ точки зрѣнія естественныхъ наукъ, нельзя и догадаться, что существуютъ произвольныя движенія или свобода воли; каждое такое движеніе, каждый актъ воли, производитъ во внѣшнемъ мірѣ только тѣ перемѣны, которыя допускаются естественными условіями и законами. Теперь я хочу писать и пишу; черезъ часъ намѣренъ отправиться къ знакомому, а затѣмъ пойду гулять; каждое изъ этихъ намѣреній зависитъ отъ моей доброй воли, и я могу, если захочу, измѣнить этотъ планъ, но вотъ я его исполнилъ и мои дѣйствія, уже выполненныя, представляются необходимыми, т.-е. согласными съ внѣшними условіями и законами природы, иначе они не могли бы состояться; такъ, еслибы я упалъ, напримѣръ, въ обморокъ, то не могъ бы продолжать писать; еслибы мой знакомый выѣхалъ изъ Петербурга, то я не могъ бы съ нимъ видѣться; переломи я ногу, не состоялась бы прогулка. Повторяемъ: съ точки зрѣнія естественныхъ, природныхъ условій нельзя подойти къ свободѣ воли и произвольнымъ движеніямъ, и не знай мы о нихъ другимъ путемъ, мы не имѣли бы о нихъ никакого понятія. Но зато естественныя науки и не подымаютъ вопроса объ этомъ предметѣ; онъ лежитъ внѣ круга ихъ изслѣдованій; поэтому онѣ не утверждаютъ и не отрицаютъ свободы воли и произвольныхъ движеній, а просто обходятъ ихъ, не имѣя до нихъ никакого дѣла.

Изъ неосторожнаго противопоставленія необходимости свободѣ въ матеріалистическихъ воззрѣніяхъ мы вправѣ заключить, что понятія матеріалистовъ не только о свободѣ, но и о самой необходимости очень неопредѣленны и смутны. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое необходимость? Съ точки зрѣнія естественныхъ наукъ, на которую желаетъ стать матеріализмъ, необходимость выражается въ постоянствѣ, неизбѣжности результата или послѣдствій совокупнаго дѣйствія однихъ и тѣхъ же естественныхъ условій. Когда такія-то условія всѣ налицо, такой-то результатъ ихъ неизбѣженъ; когда они измѣняются, и результатъ непремѣнно долженъ выдти другой. Примѣняя этотъ законъ къ взаимнымъ отношеніямъ реальнаго и психическаго міра, мы найдемъ, что онъ несомнѣнно управляетъ получаемыми нами впечатлѣніями и физическими ощущеніями. Происхожденіе ихъ изъ физическихъ условій, строгое и постоянное соотвѣтствіе послѣднимъ можетъ быть опредѣлено точными наблюденіями. Но уже образованіе представленій изъ впечатлѣній и физическихъ ощущеній вызываетъ недоумѣніе, и мы никакъ не можемъ, опираясь на реальныя данныя, провѣрить, составляютъ ли представленія строго необходимый результатъ наличныхъ впечатлѣній и ощущеній. Такъ какъ въ образованіи представленій уже участвуютъ психическіе процессы, то мы имѣемъ даже поводъ сомнѣваться, чтобы между впечатлѣніями и ощущеніями съ одной стороны и представленіями съ другой, существовала непосредственная, необходимая, естественно-историческая связь. Это подтверждается необыкновеннымъ разнообразіемъ представленій объ однихъ и тѣхъ же внѣшнихъ предметахъ и ощущеніяхъ, вслѣдствіе чего наукѣ безпрестанно приходится ихъ исправлять и повѣрять. То же самое, и еще съ бо̀льшимъ правомъ, должно сказать о происхожденіи чувствъ, мыслей, движеній воли. Противъ этого возражаютъ, что мысли чувства и проч. суть необходимыя, механически слагающіяся комбинаціи представленій. Отчасти это, безъ сомнѣнія, такъ, но отчасти, какъ мы увидимъ ниже, не такъ; во всякомъ случаѣ, эти комбинаціи или сочетанія совершаются въ средѣ, не подлежащей внѣшнимъ чувствамъ; слѣдовательно, они—не предметъ естествознанія, и необходимость, насколько она примѣняется къ психическимъ условіямъ и результатамъ, не есть физическая, реальная, а психическая. Наконецъ, необходимость, какъ ее понимаютъ естественныя науки, совсѣмъ не имѣетъ того безусловнаго характера, какой придаетъ ей матеріализмъ, и это обстоятельство служитъ лучшимъ доказательствомъ тому, какъ непрочна и призрачна его близость съ естественными и вообще съ положительными науками. Послѣднія нигдѣ и никогда не предрѣшаютъ необходимости, не ставятъ ее принципомъ, который, во что бы то ни стало, дол-

женъ опредѣлять взаимныя отношенія двухъ данныхъ явленій, а выводятъ изъ наблюденій и опытовъ; гдѣ ее видятъ, тамъ и признаютъ, а гдѣ не находятъ, тамъ и не говорятъ о ней. Такъ ли поступаютъ матеріалисты? Психическая свобода составляетъ глубочайшее вѣрованіе человѣческаго рода и вдобавокъ, какъ мы видѣли, не противорѣчитъ необходимости въ реальномъ мірѣ. Но матеріализмъ, несмотря ни на что, отвергаетъ ее, слѣдовательно беретъ свои аргументы не изъ положительнаго знанія, и говоритъ о необходимости не какъ о результатѣ индукціи, а какъ о философскомъ принципѣ, по которому строитъ и выкраиваетъ міръ явленій a priori, по образцу столько имъ презираемаго идеализма.

Еще одно замѣчаніе. Прежде наивно воображали, что всякое явленіе есть результатъ дѣйствія съ одной стороны и страдательнаго, пассивнаго воспріятія этого дѣйствія съ другой. Матерія—одна изъ отвлеченностей, не существующихъ въ реальномъ мірѣ—считалась вполнѣ страдательной, пассивной. Повидимому, такъ представляетъ себѣ матеріализмъ дѣйствіе внѣшнихъ впечатлѣній и физическихъ ощущеній на душу, потому что она выходитъ у него чѣмъ-то бездѣятельнымъ, только воспринимающимъ, страдательнымъ, листомъ бѣлой бумаги, на которомъ можно написать что угодно. Изъ такого представленія родился въ головѣ Кондильяка образъ куклы, которая подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній и физическихъ ощущеній превращается мало-по-малу въ чувствующаго и мыслящаго человѣка. Но такой взглядъ, какъ никуда непригодный, давно брошенъ и естественными науками и философіей. Положительная наука потому совершенно отказалась отъ такихъ средневѣковыхъ, схоластическихъ представленій, что не только въ органическомъ, но и въ неорганическомъ мірѣ нѣтъ предмета, который бы, тѣмъ или другимъ образомъ, не обнаруживалъ реакціи противъ вліяній и дѣйствій окружающей среды и, слѣдовательно, не имѣлъ своего рода самобытности. Камень—и тотъ имѣетъ упругость и въ немъ частицы крѣпко держатся вмѣстѣ. Объ органическихъ существахъ и говорить нечего: въ нихъ происходятъ своеобразные внутренніе процессы, которыми вырабатываются продукты особаго рода. Неоживленной, безусловно-пассивной матеріи нѣтъ въ мірѣ. А если реакція противъ дѣйствія и вліянія есть во всемъ существующемъ, то она должна быть и въ психической средѣ. Выражаясь точнѣе, мы скажемъ, что каждое дѣйствіе и вліяніе не переходитъ механически на другой предметъ, а только вызываетъ въ немъ самодѣятельность, которая и обнаруживается въ замѣчаемыхъ въ немъ перемѣнахъ вслѣдствіе постороннихъ на него дѣйствій и вліяній. Если матеріализмъ не приходитъ къ тому же взгляду относительно психическихъ явленій, то мы въ правѣ заключить, что онъ остается при прежнихъ взглядахъ на необходимость и ближе къ средневѣковой наукѣ, чѣмъ къ современному, положительному естествознанію. По какому же странному недоразумѣнію мы клевещемъ на естественныя науки? Ихъ точный методъ, примѣненный прямо и просто къ психическимъ явленіямъ, долженъ привести насъ къ результатамъ очень близкимъ къ тому, на чемъ такъ упорно настаиваетъ общее сознаніе.

Непослѣдовательность матеріализма, его отсталые пріемы, его привычка принимать гипотезы за доказанныя научныя истины обличаютъ его происхожденіе и почву, на которой онъ выросъ. Онъ—запоздалый, одряхлѣвшій, непомнящій родства потомокъ схоластики. Идеализмъ, одинъ изъ терминовъ безусловнаго средневѣковаго дуализма, исчезъ съ лица земли на нашей памяти; другой, уже потерявшій всякій смыслъ, продолжаетъ еще влачить существованіе; но и его дни сочтены. Положительныя науки подкопали, мало-помалу, всѣ основанія, на которыхъ матеріализмъ еще кой-какъ держался, и непрочный, обманчивый союзъ его съ естествознаніемъ только ускоритъ его паденіе. Поле для научнаго, фактическаго изслѣдованія психической жизни и ея явленій съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе очищается. Теперь наука, кажется, можетъ уже, не смущаясь никакими предвзятыми взглядами, начать серьезно свое дѣло, съ всегдашнимъ своимъ нелицепріятіемъ.

Вотъ результаты, къ которымъ приводитъ разсмотрѣніе господствующихъ въ наше время воззрѣній на психическую жизнь и ея явленія. Существованіемъ, рядомъ съ физическимъ, реальнымъ міромъ, особой психической жизни и свободы въ человѣкѣ единство мірозданія нисколько не нарушается. Неудачныя попытки выводить внѣшнюю природу изъ психическихъ началъ и психическую жизнь изъ физіологическихъ данныхъ

объясняются обстоятельствами, условіями и состояніемъ наукъ въ средніе вѣка; въ наше же время они являются анахронизмомъ и должны уступить мѣсто положительнымъ, точнымъ изслѣдованіямъ психическихъ явленій и фактовъ, при помощи точнаго индуктивнаго метода. Старыя воззрѣнія, продолжающія безконечные и неразрѣшимые споры, должны быть отложены и забыты. Изъ прежнихъ споровъ наука, на первый разъ, извлечетъ только вопросы, подлежащіе разработкѣ, и критически обслѣдованные факты. Гдѣ фактовъ нѣтъ, тамъ и будетъ предѣлъ науки; гдѣ изъ фактовъ нельзя сдѣлать никакого вывода, тамъ она просто сознается въ своемъ незнаніи, не дополняя его фантазіями. Только такимъ образомъ можетъ быть, наконецъ, мало-по-малу, распутанъ чудовищный клубокъ правды и лжи, свитый изъ старыхъ и новыхъ споровъ и недоразумѣній такъ крѣпко, что мы, думая надъ ними, почти потеряли здравый смыслъ. Величайшіе умственные и нравственные интересы страдаютъ отъ такой путаницы.

Постараемся, путемъ осторожныхъ наблюденій, опредѣлить строеніе души, насколько оно выражается въ фактахъ, а также условія и законы психической жизни, оставляя совершенно въ сторонѣ заносчивый вопросъ о томъ, что̀ такое душа и откуда она. Будемъ въ этомъ слѣдовать примѣру естественныхъ наукъ, которыя, отдавшись исключительно изслѣдованію явленій, не задаются вопросомъ, что̀ такое природа и откуда она. Онѣ вполнѣ правы: кромѣ догадокъ, которыхъ доказать нельзя научнымъ путемъ, невозможно ничего придумать въ разрѣшеніе подобныхъ вопросовъ.

III.

Отношеніе психическаго организма къ матеріальному міру.

Психическія отношенія человѣка къ окружающему міру.—Въ самомъ человѣкѣ матеріальная природа и психическая среда въ одно и то же время и соединены непосредственно и различаются другъ отъ друга.—Матеріальные центры психической жизни.—Ихъ матеріальная жизнь не одно и то же съ психической.—Послѣдняя доступна только психическому зрѣнію. — Необходимость параллельнаго и сравнительнаго изученія психическихъ и матеріальныхъ явленій. — Естественныя науки и философія или психологія, отдѣльно взятыя, не объясняютъ единства человѣческой природы.

Рядъ выводовъ изъ положительныхъ фактовъ привелъ насъ къ заключенію, что психическая жизнь дѣйствительно есть нѣчто особое, самостоятельное, имѣющее свою дѣятельность, свои процессы и отправленія. Общее сознаніе называетъ это нѣчто *душою* и противополагаетъ какъ вообще окружающему матеріальному міру, такъ въ особенности тѣлу, которое однако, въ то же время, представляется вмѣстилищемъ души, ея скорлупой, хоть и чуждой ей по своей природѣ и своимъ свойствамъ.

Въ чемъ же, спрашивается, состоитъ различіе матеріальнаго и психическаго міра? Гдѣ раздѣляющая ихъ граница? Что̀ и ка́къ соединяетъ ихъ между собою? Эти вопросы прежде всего представляются уму. Попробуемъ разрѣшить ихъ сперва на основаніи тѣхъ ближайшихъ данныхъ, которыя у насъ передъ глазами.

Человѣкъ находится въ самыхъ разнообразныхъ и сложныхъ отношеніяхъ къ своей матеріальной обстановкѣ: то онъ испытываетъ на себѣ ея дѣйствіе, то, въ свою очередь, дѣйствуетъ на нее. Мы безпрестанно говоримъ о вліяніи окружающаго матеріальнаго міра на психическую жизнь человѣка, и наоборотъ, о проявленіи психической жизни въ окружающей средѣ, объ осуществленіи, воплощеніи мыслей, чувствъ, воли въ матеріальныхъ предметахъ. Какъ понимать эти выраженія? Слѣдуетъ ли считать ихъ метафорами, которыми такъ обильна наша рѣчь, или въ самомъ дѣлѣ совершается какой-то обмѣнъ матеріальныхъ фактовъ между душой и матеріальнымъ міромъ? Съ перваго взгляда, кажется, будто матеріальные предметы и явленія непосредственно, цѣликомъ, переносятся изъ окружающей среды въ нашу душу, и наоборотъ, человѣкъ, дѣйствуя на окружающій міръ, повидимому, переноситъ въ него, также непосредственно и цѣликомъ, то что̀ происходитъ въ его душѣ. Какъ, кажется, иначе объяснить массу представленій о внѣшнихъ предметахъ, которые находятся въ нашей головѣ, или массу предметовъ, которые человѣкъ создаетъ во внѣшнемъ мірѣ? Я вижу домъ, дерево, камень и называю ихъ: не значитъ ли это, что они отпечатлѣлись въ моемъ мозгу, т.-е. какъ будто точные ихъ образы прямо внесены въ него извнѣ? Я пишу картину, лѣплю статую, строю домъ, разбиваю садъ по заранѣе составленнымъ въ моей головѣ образцамъ и формамъ: какъ не заключить отсюда, что эти образцы и формы переносятся изъ меня во внѣшній міръ, получаютъ, вмѣсто умственнаго, психическаго,

внѣшнее, матеріальное существованіе? Понимая такимъ образомъ отношенія души къ матеріальному міру, мы естественно находимъ ихъ совершенно одинаковыми съ отношеніями всякаго вообще организма къ окружающей его средѣ. Жизнь организма въ томъ и состоитъ, что онъ принимаетъ въ себя матеріалъ, пищу, извнѣ, переработываетъ ее въ себѣ и затѣмъ выдаетъ изъ себя снова въ измѣненномъ видѣ. Судя по первому взгляду, психическая жизнь совершается точно такимъ же образомъ: въ душу поступаютъ впечатлѣнія извнѣ, въ ней они переработываются и въ измѣненномъ видѣ осуществляются человѣкомъ во внѣшнемъ мірѣ. Дѣятельность пассивная и активная, воспринимающая и творческая, акція и реакція,—вотъ, повидимому, общія черты и физическаго организма и души, сближающія ихъ между собою и заставляющія отнести ихъ къ явленіямъ одной категоріи.

Но такъ кажется только съ перваго взгляда. Присматриваясь пристальнѣе къ процедурѣ принятія внѣшнихъ впечатлѣній и внѣшняго творчества, нельзя не убѣдиться, что представленія, составленныя нами объ этихъ процессахъ по одному поверхностному наблюденію, совершенно ошибочны. Всякое внѣшнее впечатлѣніе на душу, какъ мы уже замѣтили выше, есть сложный продуктъ дѣйствія предмета и принятія этого дѣйствія психической средой, на которую онъ дѣйствуетъ. Вслѣдствіе этого, впечатлѣніе, производимое на насъ внѣшними предметами, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть непосредственнымъ перенесеніемъ этихъ предметовъ въ нашу душу, а выражаетъ только то измѣненіе, какое произошло въ нашемъ психическомъ состояніи вслѣдствіе дѣйствія на нее внѣшняго предмета. Что при этомъ происходитъ какой-то матеріальный обмѣнъ между душою и внѣшнимъ міромъ, это болѣе чѣмъ вѣроятно; но мы пока ничего не знаемъ, въ чемъ состоитъ такой обмѣнъ и какъ онъ совершается. Въ матеріальной природѣ есть аналогическія тому явленія; такъ, когда бильярдный шаръ катится отъ толчка кіемъ, мы не объясняемъ этого тѣмъ, что часть кія, во время удара, перенеслась въ шаръ, а говоримъ, что толчокъ измѣнилъ то состояніе, въ какомъ шаръ находился прежде толчка. Подобное этому происходитъ и въ душѣ, при дѣйствіи на нее внѣшняго предмета: ея состояніе измѣняется извѣстнымъ образомъ, и это измѣненное состояніе мы называемъ впечатлѣніемъ, какъ мы приписываемъ непосредственно толчку движеніе шара. Точно такъ же и при внѣшнемъ творчествѣ наша мысль, чувство, воля не выходятъ изъ насъ, не переносятся реально въ окружающій физическій міръ, въ наше созданіе. Тайна и сила творчества заключается въ томъ, что человѣкъ производитъ перестановку въ окружающей его реальной средѣ, съ тою цѣлью, чтобъ она, въ измѣненномъ своемъ видѣ, оказывала на него желаемое дѣйствіе, или возбуждала въ немъ тѣ внѣшнія впечатлѣнія, какія онъ хочетъ отъ нея получать. Вотъ общая черта, общее значеніе и величайшихъ созданій науки и искусства и самыхъ нехитрыхъ рукодѣлій. Всякое произведеніе внѣшняго творчества есть лишь перегруппировка реальныхъ данныхъ, и если мы видимъ въ такихъ произведеніяхъ воплощеніе мысли, чувства или воли, то это потому только, что реальные предметы, въ новомъ своемъ видѣ, какой получили вслѣдствіе перестановки матеріальныхъ условій и фактовъ, удовлетворяютъ требованіямъ, побудившимъ насъ придать матеріальнымъ вещамъ тотъ или другой видъ.

Изъ сказаннаго открывается существенная разница между физическими организмами и душою, при кажущемся ихъ сходствѣ. Первые дѣйствительно принимаютъ въ себя непосредственно, въ неизмѣненномъ видѣ, предметы изъ окружающаго ихъ матеріальнаго міра, передѣлываютъ ихъ въ себѣ и потомъ возвращаютъ ихъ обратно въ этотъ міръ въ измѣненномъ видѣ; душа, напротивъ, не допускаетъ въ себя прямо, непосредственно, предметовъ и явленій внѣшняго міра; при первомъ же соприкосновеніи съ ними, она измѣняетъ ихъ; внѣшнія вліянія возбуждаютъ ее, неизвѣстнымъ намъ образомъ, къ собственной дѣятельности. Измѣняя, вслѣдствіе того, свои состоянія, душа выработываетъ въ себѣ образцы небывалыхъ во внѣшнемъ мірѣ явленій и фактовъ, и по этимъ образцамъ человѣкъ уже видоизмѣняетъ потомъ внѣ его находящіеся матеріальные предметы.

Это различіе жизни физическихъ организмовъ и души поясняетъ намъ взаимныя отношенія внѣшняго міра и психической среды, каковы они бываютъ на самомъ дѣлѣ. Будучи своего рода самостоятельнымъ организмомъ, душа, при соприкосновеніи съ внѣшнимъ міромъ, не сливается и не смѣши-

вается съ нимъ; дѣйствіе ихъ другъ на друга выражается, какъ въ душѣ, такъ и во внѣшнемъ мірѣ, своеобразными явленіями: въ душѣ—измѣненіями ея состояній при участіи матеріальныхъ вліяній, составляющихъ пока неразрѣшимую загадку; во внѣшнемъ мірѣ—перестановкою матеріальныхъ условій и данныхъ. Испытываетъ ли на себѣ душа дѣйствіе внѣшняго міра, или, наоборотъ, создаетъ ли она образцы, по которымъ измѣняется внѣшняя обстановка,—въ обоихъ случаяхъ нѣтъ возможности подмѣтить непосредственныхъ переходовъ между психической и окружающей человѣка матеріальной средой. Какъ въ машинѣ каждая ея часть, приводимая въ движеніе другими частями, имѣетъ свое особое назначеніе и какъ бы свой особый кругъ и родъ дѣятельности, обусловленные особымъ ихъ устройствомъ, такъ и душа, испытывая на себѣ дѣйствіе окружающей среды, принимаетъ это дѣйствіе сообразно своей особой природѣ, перерабатываетъ его по-своему и только вслѣдствіе того становится поводомъ и условіемъ для видоизмѣненій, производимыхъ ею въ той же самой окружающей средѣ, дѣйствіе которой на себѣ испытываетъ. Отсюда происходитъ, что между психическими фактами и внѣшнимъ міромъ, какъ замѣтилъ еще Лейбницъ, невозможно услѣдить прямой, непосредственной связи; видно только соотвѣтствіе постоянное, правильное соотношеніе. Мы знаемъ, что извѣстные музыкальные звуки выражаютъ скорбь или радость, что извѣстныя сочетанія буквъ означаютъ извѣстныя внѣшнія впечатлѣнія, мысли и т. п. Но почему мы это знаемъ? Только потому, что между музыкальными звуками и буквами съ одной стороны, а съ другой тѣми психическими состояніями, которыя они выражаютъ, есть постоянное, правильное соотвѣтствіе; прямой непосредственной связи между ними не видно никакой. Когда физическій организмъ принимаетъ въ себя пищу, мы можемъ прослѣдить ея переходъ въ другое тѣло и переработку въ новыя вещества; но когда душа приходитъ въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ, такого перехода подмѣтить невозможно; душа, подъ непонятными для насъ вліяніями, измѣняетъ свои состоянія, соотвѣтственно съ дѣйствіемъ, какое на нее производитъ окружающая среда, или, наоборотъ, сама становится условіемъ для другой группировки физическихъ данныхъ. Тѣ и другія измѣненія мы наивно принимаемъ, въ первомъ случаѣ, за предметы, находящіеся внѣ насъ, а во второмъ—за перенесеніе нашихъ психическихъ состояній во внѣшній міръ, и совершенно напрасно ломаемъ себѣ голову, чтобы понять, какимъ образомъ то и другое дѣлается, какимъ образомъ внѣшніе предметы и явленія переходятъ въ нашу душу, хотя бы въ точныхъ оттискахъ, и въ ней остаются, или какимъ образомъ наши душевныя состоянія вмѣщаются въ физическихъ предметахъ и явленіяхъ.

Что намъ совершенно недоступна прямая, непосредственная связь внѣшнихъ, матеріальныхъ фактовъ съ психическими, а только можетъ быть открыто и изслѣдовано ихъ постоянное, правильное соотвѣтствіе, это всего яснѣе видно на созданіяхъ внѣшняго творчества человѣка,—именно на тѣхъ измѣненіяхъ, какія онъ производитъ въ матеріальномъ мірѣ. Каждое изъ такихъ измѣненій есть плодъ общихъ соображеній, научныхъ или эмпирическихъ и рутинныхъ; а общее соображеніе есть уже психическій продуктъ, обобщенный выводъ изъ предшествовавшихъ наблюденій надъ единичными явленіями или фактами. Осуществляясь, т.-е. примѣняясь къ реальному міру, общія соображенія каждый разъ снова разлагаются на единичные факты. Ни математическая формула, ни общій законъ, гражданскій или другой, не могутъ осуществиться въ реальной дѣйствительности въ той общей формѣ, въ какой они существуютъ въ головѣ; сложившись въ ней изъ единичныхъ фактовъ, они, въ практическомъ приложеніи, снова распадаются на множество единичныхъ же данныхъ; такъ, чтобъ построить, напр., мельничное колесо, мы въ готовую механическую общую формулу вставляемъ реальныя единичныя данныя, которыми будетъ обусловливаться дѣйствіе колеса; общій законъ о контрактахъ на практикѣ обращается въ бо́льшее или меньшее количество единичныхъ договоровъ, заключенныхъ между отдѣльными лицами, согласно съ правилами, предписанными общимъ закономъ; общій законъ о межеваніи—въ опредѣленіе границъ тѣхъ или другихъ земель межевыми учрежденіями или должностными лицами, соотвѣтственно общимъ правиламъ, выраженнымъ въ межевомъ постановленіи. Другого способа осуществить общій законъ или примѣнить общую формулу

какъ разложивъ ихъ на частные случаи, нѣтъ и быть не можетъ, потому что реальный міръ есть міръ единичныхъ явленій, а не общихъ формулъ; эти единичныя явленія переработываются въ душѣ въ свойственныя ей одной общія формулы, и потому реальное ихъ приложеніе можетъ состоять только въ сообщеніи имъ снова вида единичныхъ данныхъ. Въ реальной дѣйствительности нѣтъ человѣка вообще, какъ нѣтъ цвѣта, вѣса, упругости, числа вообще; все это—психическіе продукты, которые могутъ перейти въ реальный міръ не иначе, какъ по разложеніи ихъ на соотвѣтствующія имъ единичныя явленія.

Такимъ образомъ, разсмотрѣвъ отношенія человѣка къ окружающему его матеріальному міру, мы приходимъ къ заключенію, что душа и внѣшняя природа, правда взаимно, дѣйствуютъ другъ на друга, но оба, въ тоже время, представляются чѣмъ-то самостоятельнымъ, другъ отъ друга независимымъ. Природа внѣ человѣка и человѣческая душа—два фактора, которые мы противополагаемъ другъ другу, не задаваясь на первый разъ вопросомъ, однородны они или нѣтъ.

Обратимся теперь къ отношеніямъ психическаго и матеріальнаго міра въ самомъ человѣкѣ. Въ немъ матеріальная и психическая жизнь тоже различены, но въ то же время непосредственно соединены въ одно цѣлое. Съ тѣхъ поръ, что человѣкъ началъ въ себя вглядываться, онъ, въ одно и то же время, и сознаетъ единство, цѣльность своей природы и различаетъ въ себѣ душу отъ тѣла. Откуда возникло это убѣжденіе и какой его дѣйствительный смыслъ,—вотъ вопросы, надъ разрѣшеніемъ которыхъ люди давно работали и работаютъ неутомимо по сіе время.

Естественныя науки, въ особенности физіологія, стараются рѣшить эти вопросы посредствомъ однихъ реальныхъ изслѣдованій, не прибѣгая къ психологическимъ наблюденіямъ. Въ наше время нѣкоторые, испугавшись крайностей реализма и не умѣя различать выводовъ положительнаго знанія отъ фантазій, разыгрываемыхъ на естественно-историческія темы, поставили реалистическія воззрѣнія въ вину физіологіи и съ прискорбнымъ непониманіемъ дѣла опрокинулись на эту науку, какъ на источникъ всѣхъ заблужденій и ошибокъ реалистовъ. Такое очевидное недоразумѣніе не можетъ долго продолжаться. Естественныя науки, стоя на почвѣ положительнаго знанія, никогда не отрицали различія между психическими и матеріальными фактами; напротивъ, различіе обратило на себя такое же серьезное вниманіе естествоиспытателей, какъ философовъ и моралистовъ, и составляетъ любимый предметъ ихъ усиленныхъ, глубокихъ научныхъ изслѣдованій, разумѣется съ точки зрѣнія естествовѣдѣнія. Физіологическими наблюденіями и опытами, которые производятся съ неподражаемыми искусствомъ и точностью первоклассными учеными, дознано и доказано, что психическія явленія происходятъ не во всѣхъ составныхъ частяхъ физическаго организма, а пріурочены исключительно къ мозгу и нервамъ и внѣ этихъ органовъ вовсе не замѣчаются. Матеріальные носители психической жизни, мозгъ и нервы, находятся между собою въ непосредственной связи и образуютъ цѣлую систему, которая различными своими вѣтвями проникаетъ все тѣло и служа физическимъ условіемъ психическихъ явленій, въ то же время, посредствомъ особой, такъ-называемой узловатой системы, заправляетъ совершающимися въ тѣлѣ матеріальными процессами.

Эти выводы осязательно доказываютъ, что психическая жизнь имѣетъ матеріальную подкладку и органически соединена съ матеріальною жизнью; но въ то же время общее изъ вѣка укоренившееся въ человѣческомъ родѣ вѣрованіе, что матеріальная и психическая жизнь не одно и то же, находитъ въ этихъ выводахъ несомнѣнное научное подтвержденіе. Въ самомъ дѣлѣ, если психическія явленія совершаются не вообще въ тѣлѣ, а только въ извѣстныхъ его органахъ, образующихъ особую систему; если прочія части тѣла не имѣютъ прямого отношенія къ психической жизни, не принимаютъ въ ней непосредственнаго участія, то отсюда слѣдуетъ, что различеніе матеріальной и психической жизни не есть выдумка или обманъ чувствъ, а положительный фактъ, удостовѣряемый научными изслѣдованіями. Основываясь на этомъ выводѣ, мы можемъ отдѣлить другъ отъ друга, въ человѣческомъ тѣлѣ, непосредственныя условія матеріальной и психической жизни. Если исключительно въ мозгу и нервахъ сосредоточиваются психическія явленія, то, значитъ, всѣ про-

чія части тѣлеснаго организма находятся внѣ психической жизни и живутъ исключительно жизнью матеріальной, по законамъ внѣшней природы; если, при непосредственной связи органовъ психической жизни съ прочими частями тѣла, между тѣми и другими есть взаимодѣйствіе и взаимное вліяніе другъ на друга, то это дѣйствіе и вліяніе будутъ обнаруживаться въ органахъ психической жизни, между прочимъ, тѣми или другими психическими явленіями, а въ остальныхъ частяхъ тѣла—явленіями и фактами исключительно матеріальнаго, физическаго свойства, подлежащими вполнѣ законамъ внѣшняго міра. И дѣйствительно, точными наблюденіями дознано, что въ тѣлѣ совершается множество процессовъ механическихъ, физическихъ, химическихъ и физіологическихъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ психической жизни; они лишь косвенно оказываютъ дѣйствіе на наши психическія состоянія и отправленія, большею частью въ тѣхъ только случаяхъ, когда происходятъ ненормальнымъ образомъ; такъ, пищевареніе, кровообращеніе совершаются въ тѣлѣ не только непроизвольно, но и безъ вѣдома человѣка; только при разстройствѣ желудка, при неправильномъ обращеніи крови и т. п. мы чувствуемъ болѣзненные припадки. Разсматривая органы внѣшнихъ чувствъ, изслѣдованные физіологіей съ особеннымъ вниманіемъ, мы видимъ, что они представляютъ механическіе аппараты, приданные соотвѣтствующимъ нервамъ и приспособленные къ принятію послѣдними извѣстнаго рода внѣшнихъ впечатлѣній, которыя передаются ими психическому центру. Оба, т.-е. нервъ и механическій аппаратъ, построены по законамъ матеріальнаго міра и соединены вмѣстѣ для одного и того же дѣйствія психическаго свойства. Это дѣйствіе видимо обусловлено матеріальными данными: отъ большаго или меньшаго совершенства механическаго аппарата, которымъ снабженъ нервъ, и отъ нормальнаго состоянія самого нерва существенно зависитъ характеръ, отчетливость, тонкость, вообще качество впечатлѣнія, т.-е. психическаго явленія. Совокупнымъ дѣйствіемъ обѣ составныя части органа производятъ одно и то же явленіе, именно передаютъ впечатлѣніе; но будетъ ли это явленіе психическимъ или нѣтъ, именно отразится ли оно въ нашемъ сознаніи или не отразится, — это уже будетъ зависѣть отъ вниманія, акта психическаго. Мы это можемъ наблюдать въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда оба акта—матеріальный—передача впечатлѣнія, и психическій — сознаніе полученнаго впечатлѣнія, не совпадаютъ. Извѣстно, напримѣръ, что не всѣ дѣйствія звуковыхъ волнъ на ухо, или освѣщеннаго предмета на глазъ сознаются нами, а только тѣ изъ нихъ, которыя возбуждаютъ вниманіе. Часто предметъ передъ нашими глазами, но мы его не видимъ, или около насъ происходитъ шумъ, но мы его не слышимъ. Кому не случалось пристально разсматривать древесную кору или листву и сначала вовсе не замѣчать сидящей на нихъ бабочки или гусеницы, совершенно подходящихъ подъ ихъ цвѣтъ, а потомъ вдругъ замѣтить и различать очень ясно отъ окружающаго? Значитъ, въ воспріятіи внѣшнихъ впечатлѣній слѣдуетъ различать матеріальное дѣйствіе отъ дѣятельности психической; первое можетъ происходить безъ послѣдней, точно такъ же, какъ въ галлюцинаціяхъ обнаруживается психическая дѣятельность безъ всякаго соотвѣтствующаго внѣшняго впечатлѣнія.

Сказаннымъ между прочимъ объясняются и отчасти опредѣляются взаимныя отношенія матеріальнаго и психическаго элементовъ въ актахъ принятія внѣшнихъ впечатлѣній и созданія предметовъ внѣшняго творчества. Тотъ и другой актъ несомнѣнно психическаго свойства; но въ то же время внѣшнія впечатлѣнія и созданія внѣшняго творчества проникнуты матеріальнымъ элементомъ, находятся въ тѣснѣйшей зависимости отъ условій и законовъ внѣшней природы. Спрашивается: какую роль играетъ въ тѣхъ и другихъ психическій элементъ? Не является ли онъ лишь непроизвольнымъ, необходимымъ послѣдствіемъ матеріальной обстановки, которой въ такомъ случаѣ принадлежала бы активная роль въ принятіи впечатлѣній и въ самомъ творчествѣ? Такое предположеніе кажется съ перваго взгляда до того естественнымъ и вѣроятнымъ, что многіе увлеклись имъ, и опустивъ изъ виду цѣлый рядъ фактовъ, также несомнѣнно доказывающихъ дѣятельную роль психической стороны, сводятъ весь процессъ возбужденія впечатлѣній и творчества къ извѣстнаго рода матеріальнымъ манипуляціямъ. Нельзя отрицать, что въ очень значительномъ числѣ тѣхъ и другихъ активная роль, очевидно,

принадлежитъ внѣшнимъ условіямъ, а психическая среда является преимущественно пассивною; несомнѣнно также, что чувствительность, воспріимчивость къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ существенно зависитъ отъ устройства механическихъ аппаратовъ, приданныхъ воспринимающимъ нервамъ, и мы знаемъ, что часто отъ одного ненормальнаго состоянія аппарата впечатлѣнія или вовсе не возбуждаются, или возбужденіе ихъ прекращается на время или навсегда, или они оказываются ненормальными. Физіологія и патологія, подробно изучивъ эти аппараты, съ точностью опредѣляютъ причины всѣхъ этихъ уклоненій и указываютъ способы, помощью которыхъ такія уклоненія могутъ быть болѣе или менѣе устранены, когда это вообще возможно. Во всѣхъ такихъ случаяхъ психическія явленія опредѣляются въ особенности матеріальной стороной, которая безраздѣльно входитъ въ область естествознанія и зависящихъ отъ него прикладныхъ наукъ. То же самое представляютъ въ извѣстномъ отношеніи съ извѣстной стороны и созданія внѣшняго творчества. Необходимое ихъ условіе то, чтобъ они и въ общемъ планѣ и въ малѣйшихъ подробностяхъ вполнѣ отвѣчали условіямъ и законамъ матеріальной природы, потому что эти созданія безъ того и существовать не могутъ; такъ, домъ, построенный вопреки законамъ механики, обрушится, машина не будетъ дѣйствовать; затѣмъ уже можетъ идти рѣчь о степени совершенства созданій внѣшняго творчества, которая опредѣляется тѣмъ, въ какой мѣрѣ эти созданія производятъ желаемое внѣшнее дѣйствіе, другими словами, соотвѣтствуютъ своему назначенію. Въ томъ и другомъ отношеніи они вполнѣ подчинены законамъ и условіямъ внѣшней, матеріальной природы и слѣдовательно входятъ въ кругъ естествознанія и такъ называемыхъ положительныхъ, точныхъ наукъ. Вотъ почему усовершенствованіе внѣшнихъ впечатлѣній и созданій внѣшняго творчества, составляющее первое основаніе и главнѣйшее условіе всѣхъ успѣховъ искусства, знанія и гражданственности, возможно только при помощи естествовѣдѣнія и связанныхъ съ нимъ прикладныхъ наукъ. Первый шагъ къ такому усовершенствованію составляетъ развитіе и приспособленіе, посредствомъ упражненія и навыка, тѣлесныхъ органовъ, служащихъ къ принятію впечатлѣній и къ внѣшнему творчеству, а это существенно зависитъ отъ большаго или меньшаго знакомства съ законами физической природы. Еще въ гораздо большей степени зависятъ отъ него всѣ тѣ безчисленные пріемы, помощью которыхъ человѣкъ довелъ до удивительной точности и тонкости свою внѣшнюю наблюдательность и внѣшнюю производительность. Благодаря математикѣ и знанію природы, для внѣшнихъ наблюденій и внѣшняго творчества человѣка открылись новые пути и области, о которыхъ еще недавно онъ не смѣлъ и мечтать. Посредствомъ глубоко обдуманныхъ аппаратовъ и механическихъ приспособленій человѣкъ мастерски приладилъ внѣшніе предметы къ самому отчетливому наблюденію. Рука объ руку съ этими успѣхами развивалось и внѣшнее творчество. Рядомъ другихъ аппаратовъ и механическихъ пріемовъ онъ довелъ до виртуозности дѣятельность органовъ, служащихъ къ внѣшнему творчеству, съ удивительнымъ мастерствомъ приноровилъ къ нимъ матеріальныя его орудія и всю его внѣшнюю обстановку, выработалъ до совершенства способы приготовленія и выдѣлки физическихъ матеріаловъ, наиболѣе пригодныхъ и удобныхъ для его цѣлей и задачъ. Всѣми этими успѣхами люди обязаны однѣмъ естественнымъ и математическимъ наукамъ; психологія безсильна въ этой области, подчиненной исключительно законамъ внѣшняго міра.

Такимъ образомъ и простое наблюденіе, и точныя научныя изслѣдованія приводятъ къ тому выводу, что въ человѣкѣ между матеріальною и психическою жизнью существуетъ тѣснѣйшая органическая связь; но въ то же время они подтверждаютъ общее убѣжденіе, что та и другая жизнь не одно и то же, что онѣ расчленены и каждая изъ нихъ имѣетъ свои органы, что обѣ соприкасаются одна къ другой, удерживая однако свою отдѣльность и различенность отъ другой. Мозгъ и нервы есть та среда, въ которой психическая жизнь исключительно сосредоточивается. Этимъ устраняется ея прямое, непосредственное соприкосновеніе съ матеріальною жизнью остальныхъ частей и органовъ человѣческаго тѣла.

Но мозгъ и нервы, будучи носителями психической жизни, суть, въ то же время, матеріальные, физическіе предметы, подобно всѣмъ прочимъ частямъ организма; какъ всякая вещь, они тоже подлежатъ внѣшнимъ чувствамъ и живутъ въ условіяхъ и по за-

конамъ матеріальной природы. Проникая тѣло, вплетаясь въ него безчисленными тончайшими нитями, управляя его движеніями и совершающимися въ немъ процессами, мозговая и нервная система составляетъ тоже часть физическаго организма, питается матеріально, какъ и другія его части, какъ онѣ, испытываетъ на себѣ физическое дѣйствіе и вліяніе окружающей среды, между прочимъ и составныхъ частей самаго тѣла, въ которыхъ физически живутъ одною жизнью. Несмотря на то, что въ мозгу и нервахъ совершаются психическія явленія, эти предметы, сами по себѣ, какъ физическіе, матеріальные,—не одно и то же съ психическою жизнью, которой они служатъ только подкладкой. Этотъ выводъ, бросающійся въ глаза, не обратилъ на себя, какъ мы думаемъ, должнаго вниманія реалистовъ. Усиливаясь доказать, что психическія явленія не что иное, какъ необходимое роковое послѣдствіе матеріальныхъ условій и фактовъ, реалисты, сами того не замѣчая, дѣлаютъ прыжокъ изъ матеріальнаго міра въ психическій, недоступный внѣшнимъ чувствамъ и потому закрытый для ихъ изслѣдованій. Еслибы даже всѣ психическія явленія имѣли единственною причиною матеріальныя измѣненія въ мозгу или нервахъ и первыя соотвѣтствовали послѣднимъ, какъ звуки рояля ударамъ по клавишамъ, то все же надобно было бы признать, что существуетъ два ряда явленій: одни—матеріальнаго свойства, другія—психическія; узнать и опредѣлить ихъ взаимныя отношенія можно не иначе, какъ зная тѣ и другія явленія и сравнивая ихъ между собою; а путемъ реальныхъ изслѣдованій мы можемъ знать только одинъ рядъ явленій, именно матеріальные факты; другой же рядъ—соотвѣтствующія имъ явленія психическія—остается недоступнымъ для реальнаго изслѣдованія, вслѣдствіе чего, какъ бы мы глубоко ни изучили физіологію и патологію мозговой и нервной системы, мы бы не только не узнали, но и не подозрѣвали бы происходящихъ въ ней психическихъ явленій, еслибъ они не были для насъ доступны другимъ путемъ, — посредствомъ психическаго наблюденія. Извѣстно, что больные горячкою отъ перепоя (delirium tremens) всегда видятъ зеленыхъ чертей, ползущихъ змѣй или червей, или бѣгающихъ мышей и крысъ. Современемъ патологія, вѣроятно, будетъ въ состояніи опредѣлить съ совершенною точностью тѣ измѣненія, которыя происходятъ матеріально въ мозгу и нервахъ отъ перепоя, и наоборотъ: по извѣстнымъ матеріальнымъ измѣненіямъ въ мозгу и нервахъ врачъ будетъ имѣть возможность безошибочно опредѣлить матеріальную ихъ причину; но нѣтъ ни малѣйшей надежды когда либо дознаться, помощью однихъ физіологическихъ и патологическихъ изслѣдованій, что перепой имѣетъ послѣдствіемъ галлюцинаціи извѣстнаго рода. Такія послѣдствія мы узнаемъ лишь чрезъ психическія наблюденія, которыя потомъ сопоставляемъ съ матеріальными данными и результатами реальныхъ изслѣдованій и опытовъ. Реалисты, дѣлая свои выводы о психической жизни, берутъ уже готовый матеріалъ изъ области чуждой и недоступной естествознанію, потому что нѣтъ прямого, непосредственнаго перехода изъ матеріальнаго міра въ психическій; наукѣ доступно только постоянное соотвѣтствіе, правильное соотношеніе фактовъ и явленій того и другого; изслѣдовать это соотвѣтствіе и соотношеніе, объяснить законы, которыми они управляются, составляетъ пока высшую цѣль и задачу знанія.

Все сказанное убѣждаетъ, что невозможно опредѣлить различія между душою и тѣломъ, изслѣдовать ихъ взаимное отношеніе и связь, принявъ за точку отправленія одни факты и явленія, подлежащія внѣшнимъ чувствамъ. Пройденный длинный путь манилъ насъ все дальше и дальше, но въ концѣ его мы должны были увѣриться, что не приблизились ни на шагъ къ психической средѣ; по мѣрѣ того какъ мы подвигались, психическій міръ все отъ насъ удалялся; мы надѣялись стать съ нимъ лицомъ къ лицу, добравшись до его непосредственной оболочки, но и тутъ передъ нами все та же внѣшняя, матеріальная природа, а душа съ ея явленіями осталась по прежнему закрытою и недоступною.

Противоположнымъ путемъ шли философія и психологія. Онѣ пытались разрѣшить поставленныя задачи посредствомъ изученія однихъ психическихъ фактовъ, не прибѣгая къ помощи внѣшнихъ чувствъ. Такое безусловное довѣріе къ психическому изслѣдованію основано на томъ, что внѣшнія чувства хотя и ставятъ насъ въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ, однако матеріальные предметы и явленія не переходятъ, вслѣдствіе того, непосредственно въ душу; помощью внѣшнихъ чувствъ мы получаемъ

отъ нихъ одни впечатлѣнія, съ которыми исключительно и имѣемъ дѣло; слѣдовательно то, что мы считаемъ внѣшними предметами и явленіями, на самомъ дѣлѣ—психическіе факты, и потому, стараясь различить матеріальный міръ отъ психическаго, мы, въ дѣйствительности, только различаемъ между собою разныя психическія состоянія или явленія. Операціи, которыя мы при этомъ совершаемъ, оказываются, при ближайшемъ разсмотрѣніи, рядомъ самообольщеній. Мы считаемъ возможнымъ сравнивать между собою предметы, которые называемъ внѣшними, матеріальными, напр., собаку, дерево, потому что они, какъ намъ думается, стоятъ на одной почвѣ или однородны. То же самое кажется намъ при сравненіи между собою явленій психическихъ, напр., чувствъ или ощущеній, или актовъ мышленія, воли и т. п.; но мы считаемъ невозможнымъ сопоставлять и сравнивать такъ-называемое матеріальное явленіе съ психическимъ, напримѣръ, ударъ по клавишѣ съ ощущеніемъ звука, ушибъ съ чувствомъ боли, потому что, стоя на разныхъ почвахъ, они не однородны и потому несоизмѣримы; но такой взглядъ, на повѣрку, оказывается ошибочнымъ: разнородность приведенныхъ фактовъ есть мнимая; на самомъ дѣлѣ тутъ идетъ рѣчь не о матеріальномъ психическомъ фактѣ, а о дѣйствіи матеріальнаго факта на душу и объ ощущеніи, какое это дѣйствіе производитъ въ душѣ, т.-е. о разныхъ психическихъ фактахъ.

Такимъ образомъ, психическія наблюденія переносятъ насъ съ реальной почвы на психическую. На ней и стоялъ нѣмецкій идеализмъ, начиная съ Канта до Гегеля включительно. Психологическая точка зрѣнія устраняетъ нѣкоторыя затрудненія въ разрѣшеніи поставленныхъ выше вопросовъ, но зато создаетъ другія, столько же важныя. Убѣдившись въ томъ, что мы не имѣемъ дѣла непосредственно съ внѣшнимъ міромъ, что передъ нами вмѣсто матеріальныхъ фактовъ и явленій, одни психическіе факты—впечатлѣнія, производимыя извнѣ въ нашей душѣ, —нельзя не признать, что предполагаемое нами различіе между матеріальнымъ и психическимъ міромъ на самомъ дѣлѣ сводится къ различію между психическими данными, хотя и разныхъ порядковъ, но по существу своему однородными; однако этимъ вопросъ не разрѣшается, а только получаетъ другой видъ. Если мы знаемъ и изучаемъ внѣшній міръ по впечатлѣніямъ, которыя онъ производитъ въ душѣ, то спрашивается: таковъ ли онъ самъ по себѣ, въ дѣйствительности, какимъ намъ представляется въ производимыхъ на насъ впечатлѣніяхъ? На этотъ вопросъ идеализмъ не имѣетъ отвѣта: съ психологической точки зрѣнія, внѣшняя природа, сама по себѣ, также намъ недоступна, какъ съ реальной—недоступна душа. Выходитъ, что философы-идеалисты и психологи старой школы тоже попали въ лабиринтъ, изъ котораго, какъ ни блуждали, не могли найти выхода въ матеріальный міръ. Послѣдовательный идеализмъ склоненъ отрицать дѣйствительное существованіе внѣшней природы внѣ души, какъ реализмъ—дѣйствительное существованіе психическаго міра, хотя опытъ и повѣрка на каждомъ шагу убѣждаютъ въ томъ, что матеріальный міръ существуетъ несомнѣнно. Не имѣя возможности знать внѣшніе предметы непосредственно и судя о нихъ только по дѣйствію ихъ на органы внѣшнихъ чувствъ, мы вынуждены предположить, что между этими предметами и явленіями и впечатлѣніями, которыя отъ нихъ получаются, должно существовать постоянное правильное соотвѣтствіе и соотношеніе; не будь этого, мы не узнавали бы извѣстныхъ намъ предметовъ и знакомыхъ людей, не могли бы найтись во внѣшнемъ мірѣ, изучать его законовъ, приспособлять его къ нашимъ нуждамъ. Только на правильности этого предположенія и основана достовѣрность нашего реальнаго знанія, въ которомъ, кажется, нѣтъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться, особливо въ виду громадныхъ успѣховъ положительныхъ наукъ, результатами которыхъ мы наслаждаемся и гордимся.

Итакъ, ни реальныя, ни психологическія изслѣдованія, отдѣльно взятыя, не разрѣшаютъ задачи. Безъ внѣшнихъ впечатлѣній невозможно знаніе матеріальныхъ явленій, безъ психологическихъ наблюденій—знаніе психическихъ. Оба пути указываютъ на непосредственную, тѣснѣйшую, органическую связь въ человѣкѣ души и тѣла, но ни одинъ изъ нихъ не даетъ средствъ изслѣдовать оба составные элемента человѣческой природы. Ея двойственность, породившая дуализмъ и составлявшая преобладающій интересъ средневѣковой науки, отступила на второй планъ, а на первый выдвинулся вопросъ о

ея единствѣ. На разрѣшеніи этого вопроса сосредоточены теперь всѣ усилія науки.

IV.

Явленія, имѣющія двойственный—и матеріальный и психическій характеръ.

Дуализмъ, безсознательно лежащій въ основаніи всѣхъ нашихъ воззрѣній.—Душа и тѣло различны, но не противоположны другъ другу.—Характеристическія особенности матеріальныхъ и психическихъ явленій.—Анализъ явленій, стоящихъ на рубежѣ между матеріальнымъ и психическимъ міромъ.—Видѣнія и галлюцинаціи вообще.—Произвольныя движенія.—Сновидѣнія.—Ощущенія и чувства.—Отношеніе чувствъ къ представленіямъ и мыслямъ.—Выводы.

Чрезвычайная сбивчивость нашихъ понятій обо всемъ, что хоть издалека касается психической жизни, нашъ скептицизмъ, почти обратившійся въ хроническую болѣзнь, и послѣдній, неизбѣжный его результатъ—полное равнодушіе къ психологическимъ задачамъ, подъ корень подтачивающее нравственную жизнь,—все это происходитъ, какъ намъ кажется, отъ вопіющаго противорѣчія, въ которомъ загрязла современная мысль,—противорѣчія, котораго мы однако не только не видимъ, но даже едва-ли подозрѣваемъ.

Средневѣковой дуализмъ, какъ сказано, поколебленъ въ своихъ основаніяхъ реальными и психологическими изслѣдованіями, которыя выдвинули впередъ заслоненное и почти забытое единство человѣческой природы. Оно стало основнымъ началомъ и точкой отправленія всѣхъ философскихъ воззрѣній и всѣхъ научныхъ изслѣдованій. Судя по горячему убѣжденію, съ какимъ это начало проводится во всемъ и всюду, можно бы думать, что дуализмъ побѣжденъ окончательно; на самомъ же дѣлѣ онъ только скрылся, какъ бы вошелъ внутрь, и несмотря на торжественно провозглашенное начало единства, продолжаетъ составлять необходимую, неизбѣжную предпосылку всѣхъ воззрѣній и изслѣдованій. Дѣйствіе его на насъ тѣмъ сильнѣе и глубже, чѣмъ менѣе мы обращаемъ на него вниманія, въ спокойной увѣренности, что всѣ счеты съ нимъ давно покончены и приговоръ ему подписанъ. Вмѣсто того, чтобъ идти рука объ руку къ объясненію человѣческой природы, которая для реальныхъ и психологическихъ изслѣдованій въ отдѣльности остается непонятною, реализмъ и идеализмъ по прежнему дышатъ враждой другъ къ другу и какъ въ старину присвоиваютъ, каждый исключительно себѣ, обладаніе талисманомъ, передъ которымъ должны раскрыться всѣ тайны природы и человѣческой души. Еще не такъ давно идеализмъ отодвигалъ на послѣдній планъ матеріальный міръ, чуть-чуть не отрицалъ его; теперь реализмъ, въ свою очередь, поступаетъ точно также съ психическимъ міромъ. Оба направленія выставляютъ на своемъ знамени единство человѣческой природы, а между тѣмъ оба приступаютъ къ изслѣдованіямъ съ дуалистической задней мыслью, будто душа и тѣло противоположны другъ другу, исключаютъ себя взаимно. Предполагая, что единое начало заключается только въ тѣлѣ, или только въ душѣ, реалисты и идеалисты очевидно остаются при дуалистическихъ воззрѣніяхъ. Выходитъ, что реализмъ и идеализмъ представляютъ новое направленіе только съ виду, а на самомъ дѣлѣ они лишь придаютъ старому содержанію новую форму, только его раціонализируютъ. Еслибъ они дѣйствительно выражали собою новое начало, то имъ слѣдовало бы прежде всего подвергнуть критическому анализу ту гипотезу, съ которой они выходятъ на изслѣдованія, и уяснить, въ самомъ ли дѣлѣ душа и тѣло представляютъ два крайніе термина несогласимаго противорѣчія, въ самомъ ли дѣлѣ они исключаютъ другъ друга? Но этого ни идеалисты, ни реалисты не дѣлаютъ, а принимаютъ свою точку отправленія на вѣру, по преданію, и дуализмъ продолжаетъ господствовать по прежнему, только подъ фирмою новаго начала и новыхъ воззрѣній.

Вотъ въ чемъ, какъ мы думаемъ, кроется внутреннее противорѣчіе современныхъ направленій, приводящее къ скептицизму. Нельзя въ одно и то же время признавать и единство и двойственность человѣческой природы. Что-нибудь изъ двухъ: или она двойственна, и въ такомъ случаѣ наукѣ предстоитъ изучить отдѣльно каждый изъ ея составныхъ элементовъ отъ первыхъ его проявленій до послѣднихъ, не трудясь напрасно надъ разрѣшеніемъ неразрѣшимаго вопроса, какъ, почему и для чего эти элементы соединены между собою въ одно цѣлое; или же человѣческая природа едина—и тогда въ ней нѣтъ и не можетъ быть непримиримыхъ противоположностей; элементы ея, повидимому враждующіе между собою, исключающіе другъ друга,

на самомъ дѣлѣ должны быть не что иное, какъ различія, видоизмѣненія одного и того же начала. Но въ такомъ случаѣ и пріемы изслѣдованія должны быть другіе; не для чего отрицать тотъ или другой изъ этихъ элементовъ, отыскивать только въ одномъ изъ нихъ единство человѣческой природы; надо, напротивъ, поставить оба рядомъ, изучать ихъ сравнительно, разслѣдовать, насколько возможно, ихъ взаимныя отношенія и отсюда уже дѣлать выводы и заключенія о характерѣ и свойствахъ каждаго изъ нихъ, о ихъ значеніи и роли въ общей экономіи человѣческой жизни.

Къ этому пути приводитъ насъ объясненное выше безсиліе реальныхъ и психологическихъ изслѣдованій разрѣшить предложенные вопросы; а безпрерывное взаимодѣйствіе души и тѣла, ихъ несомнѣнное, доказанное вліяніе другъ на друга при кажущейся ихъ разнородности и раздѣльности, ихъ глубокая другъ отъ друга зависимость, наконецъ, совершенная невозможность разграничить, точнымъ образомъ, элементы матеріальные и психическіе,—все это окончательно убѣждаетъ, что другого пути нѣтъ и быть не можетъ. Психическая и матеріальная жизнь выростаютъ на одной общей почвѣ и представляютъ видоизмѣненіе одного и того же общаго начала, которое потому недоступно, что мы до сихъ поръ не можемъ, несмотря на всѣ усилія, уловить и объяснить непосредственный переходъ изъ психической среды въ матеріальную, и наоборотъ, изъ матеріальной въ психическую. Недостаточность знанія въ этомъ случаѣ не должна насъ смущать; она чувствуется во всѣхъ положительныхъ наукахъ; физіологія тоже не въ состояніи различать животныхъ низшихъ ступеней отъ растеній.

Такимъ образомъ, если средневѣковая гипотеза о двойственности человѣческой природы не даетъ ключа ко всѣмъ явленіямъ, то необходимо, взамѣнъ этой гипотезы, принять другую; но принявъ ее, не слѣдуетъ, по примѣру идеалистовъ и реалистовъ, объяснять человѣческую природу помощью одной психической или одной матеріальной жизни; надобно изъ сравнительнаго изученія той или другой вывести основанія антропологіи и психологіи въ смыслѣ положительной науки.

Чтобы твердо стать на этотъ путь, необходимо, прежде всего, опредѣлить характеристическіе признаки, по которымъ можно было бы безошибочно различать явленія психическія отъ матеріальныхъ, ибо при непосредственной, органической связи между душою и тѣломъ и проистекающемъ отсюда тѣсномъ сближеніи между тѣми и другими, ихъ во многихъ случаяхъ легко перемѣшать и принять одни за другія. Но отыскать эти признаки и точнымъ образомъ указать ихъ гораздо труднѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Общее сознаніе разумѣетъ подъ психическимъ что-то внутреннее въ противоположность внѣшнему, безтѣлесное въ противоположность матеріальному, неподлежащее внѣшнимъ чувствамъ въ противоположность доступному для внѣшнихъ чувствъ. Исходной точкой для этой характеристики служитъ внѣшній міръ, и психическое опредѣляется лишь отрицательными признаками; но такіе признаки, очевидно, весьма недостаточны. Что значитъ внутреннее въ отличіе отъ внѣшняго? Вѣдь знаемъ же мы внутреннія и наружныя части тѣла; значитъ и матеріальный фактъ можетъ быть внутреннимъ. Также мало значитъ и различіе тѣлеснаго отъ безтѣлеснаго. Если тѣло дѣйствуетъ на душевныя состоянія, и наоборотъ, послѣднія имѣютъ вліяніе на физическое здоровье и на наши внѣшнія дѣйствія и поступки, то очевидно, что между тѣми и другими должна быть тѣсная связь; а тѣсная связь необходимо предполагаетъ однородность элементовъ,—иначе они никакъ не могли бы дѣйствовать другъ на друга. Итакъ, необходимо допустить, что психическія и физическія явленія имѣютъ между собою общее, и противополагать ихъ, называя одни матеріальными, другія нематеріальными, въ сущности значитъ не сказать ничего. Наконецъ, также шатко и неопредѣленно противоположеніе подлежащаго и неподлежащаго внѣшнимъ чувствамъ. Во-первыхъ, обманъ чувствъ отнимаетъ у такого различенія всякую объективную цѣну; въ припадкѣ галлюцинаціи больному представляются не существующіе внѣшніе предметы, въ реальности которыхъ онъ не сомнѣвается, а во-вторыхъ, увѣренность, что мы имѣемъ дѣло непосредственно съ внѣшними, реальными предметами, есть, какъ показано выше, тоже своего рода обманъ чувствъ.

Неудовлетворительность этихъ признаковъ заставляетъ искать другихъ. Общее сознаніе противополагаетъ матеріальный міръ психическому, не подозрѣвая, что первый

изъ нихъ непосредственно намъ недоступенъ. Теперь, когда мы это знаемъ, когда мы удостовѣрились, что матеріальный міръ представляется намъ въ видѣ впечатлѣній, производимыхъ имъ въ душѣ, а впечатлѣнія принадлежатъ къ числу психическихъ явленій, мы должны характеризовать и различать не внѣшній и психическій міръ, а только разныя психическія явленія: съ одной стороны, внѣшнія матеріальныя впечатлѣнія на душу; съ другой — всѣ прочіе психическіе факты. Для этого отбросимъ переходныя ступени съ смѣшаннымъ характеромъ и остановимся, для правильности сравненія, только на однѣхъ крайнихъ оконечностяхъ расходящихся явленій того и другого порядка. Различіе ихъ состоитъ въ слѣдующемъ: то, что̀ мы называемъ матеріальнымъ—единично, безсознательно, непроизвольно; напротивъ, психическому приписывается идеальность, сознательность, произвольность.

Эта характеристика требуетъ поясненій.

Когда мы говоримъ, что матеріальное, по существу своему, единично, а психическое идеально, то это не значитъ, что только первое имѣетъ индивидуальное бытіе, а второе его не имѣетъ. Напротивъ того, самосознаніе прямо указываетъ на индивидуальность, единичность души; каждый человѣкъ сознаетъ себя какъ единое, а не какъ совокупность нѣсколькихъ существъ, и выражаетъ это сознаніе въ словѣ: *я*. Противоположеніе единичнаго идеальному имѣетъ только тотъ смыслъ, что въ природѣ матеріальнаго, какимъ оно отражается въ душѣ, лежитъ обособленность, свойство существовать въ видѣ отдѣльнаго предмета и этимъ довольствоваться, тогда какъ психическое, по природѣ своей, есть единичное или обращенное или стремящееся обратиться въ общее и подчиненное общему,—отдѣльное, обособленное, возведенное или возводимое въ общее. Камень, дерево и вообще всѣ внѣшніе предметы существуютъ, каждый самъ по себѣ; матеріальные предметы не знаютъ другого вида существованія; а въ психической переработкѣ представленія о внѣшнихъ единичныхъ предметахъ обобщаются, и общія понятія составляютъ характеристическую особенность явленій, называемыхъ психическими; общія понятія о деревѣ, напримѣръ, или о камнѣ составляютъ явленія психическія, имѣющія идеальное, а не реальное существованіе. Разбирая чувства, желанія, стремленія людей, мы также отличаемъ между ними тѣ, которыя имѣютъ предметомъ единичное, отъ тѣхъ, которыя имѣютъ болѣе общій характеръ, и на этомъ основаніи считаемъ одни болѣе матеріальными, другія — болѣе духовными; такъ половое влеченіе имѣетъ предметомъ единичный матеріальный фактъ; напротивъ, любовь, которая безспорно находится въ связи съ половыми побужденіями, вызываетъ въ душѣ самыя идеальныя стремленія, нравственно просвѣтляетъ человѣка и возвышаетъ любимое существо въ идеалъ добра и красоты, передъ которымъ порывы чувственности отступаютъ на второй планъ. Въ рабскомъ чувствѣ личное достоинство приносится въ жертву своекорыстнымъ разсчетамъ, которыхъ ближайшая или отдаленная цѣль — матеріальные, т.-е. единичные предметы; напротивъ преданность, основанная на нравственной оцѣнкѣ лица, сопровождается идеальными чувствами и стремленіями, до забвенія матеріальныхъ разсчетовъ и выгодъ. Точно такъ же эгоисты относятъ все къ индивидуальному, личному, единичному *я*, тогда какъ люди, способные къ самоотверженію, приносятъ себя въ жертву общему, идеѣ, и чрезъ нихъ, для нихъ, лицу, имѣющему ближайшее отношеніе къ ихъ идеаламъ. То, что̀ мы называемъ животнымъ инстинктомъ въ противоположность идеальнымъ стремленіямъ, сводится къ тому, составляетъ ли предметъ исканій единичный матеріальный фактъ, или этотъ фактъ осложненъ общимъ элементомъ, въ немъ распущенъ, улетученъ и является въ преображенномъ видѣ.

Сознательность, въ противоположность безсознательности, точно такъ же считается отличительнымъ признакомъ психическаго факта. Дѣйствіями и поступками безсознательными человѣкъ приравнивается къ внѣшней природѣ; только сознательныя его дѣйствія считаются психическими, потому что только душа имѣетъ свойство знать то, что̀ въ ней есть или происходитъ.

Наконецъ, характеристическимъ различіемъ дѣятельности психической отъ матеріальной признается и то, что первая свободна, а вторая нѣтъ; что человѣкъ можетъ, по своему усмотрѣнію или произволу, поступить такъ или иначе; а предметы внѣшней природы осуждены роковымъ образомъ подчиняться внѣшней необходимости и слѣпо слѣдуютъ ея законамъ.

Зная эти отличительные признаки пси-

хическаго и матеріальнаго, воспользуемся сдѣланными уже сравнительными изслѣдованіями явленій, происходящихъ, такъ сказать, на рубежѣ психическаго и матеріальнаго элементовъ, и въ которыхъ эти элементы непосредственно между собою соприкасаются. Тщательный анализъ такихъ явленій всего ближе можетъ объяснить отношенія психической среды къ матеріальной, а съ тѣмъ вмѣстѣ условія и особенности психической жизни, которая насъ здѣсь преимущественно занимаетъ.

Изъ физіологіи извѣстно, что нервы чувствъ приводятъ внѣшнія впечатлѣнія въ душу, другими словами, что они служатъ посредниками между матеріальнымъ міромъ съ одной стороны, психическимъ—съ другой. Но видѣнія и вообще галлюцинаціи представляютъ поразительныя отступленія отъ обыкновеннаго порядка полученія внѣшнихъ впечатлѣній. При нормальномъ состояніи, внѣшнее впечатлѣніе есть результатъ дѣйствія на органы чувствъ предметовъ или явленій внѣшняго міра. Такъ какъ дѣйствіе каждаго предмета или явленія и производимое имъ впечатлѣніе находятся между собою въ постоянномъ правильномъ соотвѣтствіи и соотношеніи, то это придаетъ получаемымъ впечатлѣніямъ объективный характеръ, безъ котораго не были бы возможны ни знаніе, ни наука; въ видѣніяхъ же и галлюцинаціяхъ, напротивъ, люди получаютъ внѣшнія впечатлѣнія или безъ всякаго участія внѣшнихъ явленій и предметовъ, или послѣдніе дѣйствуютъ на органы чувствъ ненормальнымъ образомъ, производятъ ненормальныя впечатлѣнія. Самъ по себѣ этотъ фактъ не представляетъ ничего особеннаго; есть много другихъ явленій, указывающихъ на ту же способность души; такъ, люди съ сильнымъ воображеніемъ, поэты и художники, одарены ею иногда въ высокой степени; характеристическое свойство видѣній и галлюцинацій составляетъ то, что они, по своей яркости, до того сходны съ внѣшними впечатлѣніями, что находящійся въ состояніи галлюцинаціи не различаетъ ихъ другъ отъ друга.

Галлюцинаціи и видѣнія не только воспроизводятъ впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ, существующихъ или существовавшихъ и извѣстныхъ, но представляютъ предметы небывалые, фантастическіе. Замѣчательно также, что галлюцинаціи и видѣнія всегда бываютъ непроизвольны. Но самое удивительное то, что извѣстнаго рода ненормальныя психическія состоянія зависятъ отъ извѣстныхъ матеріальныхъ причинъ и сопровождаются, съ неизмѣнною правильностью, только извѣстными галлюцинаціями, какъ мы уже видѣли на примѣрѣ больныхъ отъ перепоя.

Всѣ эти данныя приводятъ къ любопытнымъ соображеніямъ. Они указываютъ въ человѣкѣ на два стремленія или тока, идущихъ, въ противоположномъ направленіи, на встрѣчу другъ другу: одинъ несетъ въ душу извнѣ дѣйствія и вліянія матеріальнаго міра, другой какъ бы выноситъ изъ души эти дѣйствія и вліянія во внѣшнюю дѣйствительность, иногда въ переработанномъ видѣ и нерѣдко въ такихъ яркихъ, живыхъ краскахъ, что обманываетъ наши чувства, и мы принимаемъ видѣнія за внѣшніе реальные предметы и явленія. Еслибы не было другихъ данныхъ, то одного этого было бы уже совершенно достаточно, чтобы доказать существованіе особаго психическаго центра, какъ источника явленій особаго порядка, хотя очень возможно и даже очень вѣроятно, что галлюцинаціи происходятъ вслѣдствіе извѣстныхъ ненормальныхъ состояній физическаго организма; сверхъ того, изъ приведенныхъ данныхъ оказывается, что дѣятельность души, въ извѣстныхъ случаяхъ, можетъ быть непроизвольной, другими словами, что она въ этихъ случаяхъ дѣйствуетъ по однимъ законамъ съ матеріальной природой, которая не знаетъ произвольныхъ движеній. Находясь въ нормальномъ состояніи, душа свободно относится къ своимъ внутреннимъ явленіямъ и движеніямъ и различаетъ внѣшнія впечатлѣнія отъ возсозданій ихъ въ психической средѣ; напротивъ, ненормальныя психическія состоянія выражаются въ непроизвольныхъ представленіяхъ, которыя, судя по нѣкоторымъ наблюденіямъ, находятся въ постоянномъ, правильномъ соотвѣтствіи съ причиной ненормальнаго состоянія; такъ люди, страдающіе хроническими болѣзнями печени, находятся подъ гнетомъ представленій, вызывающихъ печаль; нерѣдко самыя обыкновенныя, безразличныя или даже радостныя представленія получаютъ, въ глазахъ ипохондрика, мрачную окраску, служатъ основаніемъ и поводомъ къ самымъ горестнымъ заключеніямъ и выводамъ; гнетъ ихъ на душу бываетъ такъ силенъ, что человѣкъ рѣшается на самоубійство, чтобы только

избавиться отъ нестерпимыхъ нравственныхъ мукъ; здѣсь, очевидно, болѣзненное физическое состояніе отражается въ душѣ непроизвольными представленіями извѣстнаго порядка. Обыкновенно, горестныя представленія у различныхъ людей различны; каждому представляется, при такомъ состояніи, именно то, что̀ для него имѣетъ особенно прискорбное значеніе. Мы знаемъ людей, у которыхъ даже временное физическое разстройство всегда сопровождается воспоминаніемъ извѣстныхъ обстоятельствъ ихъ жизни, глубоко ихъ опечалившихъ; боязливость или пугливость, часто сопутствующая болѣзненному состоянію, выражается у многихъ живымъ представленіемъ опасности, которой они когда-то подвергались, во всей ужасающей ея обстановкѣ. Припомнимъ также, что горячечный бредъ состоитъ въ непроизвольной, самой безпорядочной, безтолковой смѣнѣ безсмысленныхъ и безсвязныхъ представленій; наконецъ, страдающіе горячечными припадками отъ перепоя, какъ мы видѣли, имѣютъ вездѣ и всегда одни и тѣ же видѣнія, находящіяся, повидимому, въ правильномъ, постоянномъ соотвѣтствіи съ матеріальною причиною болѣзненныхъ припадковъ. Отсюда слѣдуетъ, что болѣзненныя состоянія, происходящія отъ чисто-матеріальныхъ, физическихъ причинъ, когда они дѣйствуютъ на душу, обнаруживаются въ ней извѣстнымъ ходомъ представленій и ея къ нимъ отношеніями: при нормальномъ состояніи, душа сама выработываетъ представленія и относится къ нимъ свободно; при ненормальномъ же, это отношеніе измѣняется и, смотря по роду и степени болѣзненности, становится менѣе свободнымъ или вовсе несвободнымъ. Въ томъ и другомъ случаѣ происходитъ подборъ представленій, состоящій въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ болѣзненнымъ состояніемъ; какимъ образомъ онъ производится и по какому закону—это мы постараемся объяснить ниже, когда будемъ говорить объ ощущеніяхъ.

Такимъ образомъ, все указываетъ на то, что внѣшнія впечатлѣнія доставляютъ матеріалъ душѣ (хотя, какъ мы увидимъ, далеко не весь), но этотъ матеріалъ переработывается ею самостоятельно и въ томъ новомъ видѣ, какой въ ней получаетъ, подчиняется или ея власти, или по крайней мѣрѣ ея состояніямъ.

Изложенные факты соотвѣтствуютъ цѣлому ряду другихъ, имъ противоположныхъ. Психическія движенія и состоянія, какъ сказано, бываютъ часто результатомъ причинъ чисто физическихъ; точно также и наоборотъ: психическія состоянія, вызываемыя какъ внѣшними, такъ и чисто-психическими вліяніями и дѣйствіями, оказываютъ внезапное или постепенное, преходящее или постоянное дѣйствіе на физическій организмъ. Тысячи наблюденій не оставляютъ въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія: неожиданное горе или радость, страхъ, испугъ, производятъ болѣзни, даже разстройство ума. Радостное, спокойное душевное настроеніе рекомендуется врачами, какъ одно изъ необходимыхъ условій выздоровленія. Усиленный умственный трудъ отзывается болѣзненными припадками, современемъ разрушаетъ непоправимо здоровье. Всѣ эти явленія показываютъ вліяніе психической жизни на тѣло и его состоянія. Намъ скажутъ, что такое вліяніе возможно только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ самомъ физическомъ организмѣ есть уже предрасположеніе къ извѣстнымъ состояніямъ, которыя приписываются дѣйствію психическихъ вліяній. Это не подлежитъ сомнѣнію, но нисколько не опровергаетъ того, что̀ мы говоримъ; еслибъ въ тѣлѣ не было предрасположенія, психическія вліянія оказались бы недѣйствительными, какъ доказываютъ многіе примѣры; но мы и не утверждали, что одной силы психическихъ движеній и состояній достаточно, чтобъ произвести извѣстныя физическія явленія въ тѣлѣ, и вполнѣ согласны съ тѣмъ, что когда въ нашемъ физическомъ состояніи нѣтъ предрасположенія къ принятію психическихъ вліяній, оно ихъ и не испытываетъ; мы высказали только фактъ, основанный на неоспоримыхъ наблюденіяхъ, что психическія состоянія могутъ дѣйствовать на наше тѣло и быть источникомъ матеріальныхъ измѣненій. Изъ дуалистическихъ взглядовъ это явленіе такъ же необъяснимо, какъ и вліяніе внѣшняго міра на жизнь души; но если предположимъ, что человѣческая природа едина, то оба явленія представятся какъ нельзя болѣе естественными. Выдѣляясь, подобно тѣлу изъ одного, неизвѣстнаго и недоступнаго намъ источника, душа непосредственно соприкасается съ физическимъ организмомъ; во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, гдѣ происходитъ такое соприкосновеніе, душа дѣйствуетъ на тѣло, тѣло на душу непосредственно, и потому, какъ матеріальныя,

такъ и психическія состоянія вліяютъ взаимно другъ на друга; на дальнѣйшихъ же ступеняхъ, гдѣ душа и тѣло болѣе и болѣе расходятся, ихъ взаимодѣйствіе перестаетъ быть непосредственнымъ и принимаетъ другія, болѣе сложныя и болѣе искусственныя формы.

Примѣромъ такихъ, менѣе непосредственныхъ, болѣе сложныхъ вліяній внѣшняго міра на душу могутъ служить всѣ тѣ чисто психическія впечатлѣнія, которыя мы получаемъ при посредствѣ внѣшняго міра. Матеріальные предметы и явленія, помимо своего объективнаго, если можно такъ выразиться, матеріальнаго значенія, имѣютъ еще для человѣка свой особый, субъективный смыслъ. Такая-то гора, рѣка, роща, кромѣ общаго для всѣхъ людей смысла, имѣютъ для меня, по особеннымъ обстоятельствамъ и воспоминаніямъ, особое значеніе и потому производятъ только на меня впечатлѣнія, которыхъ другіе вовсе не испытываютъ. Письмо, книга, ноты имѣютъ, какъ матеріальные предметы, одно значеніе, а какъ условные знаки представленій, мыслей, звуковъ,—другое; наконецъ, для извѣстныхъ лицъ, по особеннымъ къ нимъ отношеніямъ этихъ представленій, мыслей, звуковъ,—еще третье, чуждое всѣмъ прочимъ людямъ. Такое чисто-психическое дѣйствіе на насъ внѣшняго міра существенно разнится отъ тѣхъ непосредственныхъ матеріальныхъ дѣйствій и вліяній, о которыхъ было говорено выше. Въ чемъ же состоитъ разница? Въ томъ, что тамъ шла рѣчь объ условіяхъ, о первыхъ зачаткахъ психической жизни, а здѣсь мы говоримъ о явленіяхъ той же психической жизни, но уже развившейся, которая относится къ внѣшнему міру какъ самостоятельный организмъ, какъ источникъ извѣстныхъ явленій.

Пойдемъ далѣе. Нервы движеній играютъ въ психической жизни роль противоположную нервамъ чувствъ. Послѣдніе служатъ проводниками внѣшнихъ впечатлѣній въ душу; нервы движеній, напротивъ, служатъ ей орудіями для исполненія или осуществленія ея рѣшеній во внѣшнемъ мірѣ. Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ фактомъ, совершенно непонятнымъ и необъяснимымъ съ дуалистической точки зрѣнія, и вполнѣ естественнымъ и понятнымъ, когда предположимъ, что душа и тѣло происходятъ изъ одного общаго источника, вслѣдствіе чего между ними существуетъ нерасторжимая связь. При такомъ предположеніи насъ не можетъ занимать вопросъ, какимъ образомъ душа непосредственно передаетъ тѣлу свои велѣнія, и весь интересъ изслѣдованія сосредоточивается на объясненіи формъ, въ какихъ этотъ фактъ совершается или выражается.

Тѣлесныя дѣйствія, выполняемыя посредствомъ нервовъ движенія по рѣшеніямъ души, называются произвольными. Въ какой мѣрѣ такія рѣшенія добровольны или вынуждены, свободны или необходимы,—этотъ вопросъ мы оставимъ пока въ сторонѣ и займемся имъ впослѣдствіи, въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь остановимся на томъ, что когда мы рѣшаемъ въ себѣ сдѣлать извѣстное движеніе, и по такому рѣшенію дѣйствительно его выполняемъ, оно называется произвольнымъ.

Существованіе произвольныхъ движеній не подлежитъ никакому сомнѣнію; въ этомъ каждый можетъ удостовѣриться собственнымъ опытомъ; отрицаніе ихъ есть одно изъ тѣхъ странныхъ недоразумѣній, которыми наши воззрѣнія на психическую жизнь, къ сожалѣнію, такъ богаты. Я хочу поднять руку, ступить, поворотить голову, направить свои глаза въ ту или другую сторону, сказать то или другое слово,—и дѣлаю это. Отвергать дѣйствительность, несомнѣнность этихъ фактовъ значитъ преднамѣренно не хотѣть видѣть очевиднаго. Но не только эти сравнительно простыя дѣйствія выполняются произвольно: у художника въ душѣ сложился образъ и онъ этотъ образъ, также произвольно, передаетъ или не передаетъ въ рисункѣ, въ мраморѣ: у него сложилась мелодія, цѣлая музыкальная пьеса, и онъ выполняетъ или не выполняетъ ее на инструментѣ, кладетъ или не кладетъ на ноты. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти дѣйствія, представляющія болѣе или менѣе сложныя системы движеній, выработались постепенно; что каждое отдѣльное движеніе, входящее въ ихъ составъ, въ свою очередь, представляетъ результатъ долгихъ опытовъ и усилій; что механическая невозможность выполнить извѣстныя желаемыя движенія, дознанная опытомъ, вводитъ рѣшенія души въ извѣстныя границы, опредѣляетъ ихъ точнѣе, соглашаетъ съ матеріальными условіями и обстановкой движенія; наконецъ, что каждое несложное движеніе имѣло сперва своимъ прототипомъ представленіе о требуемомъ движеніи, которому человѣкъ старался только подражать, и лишь впослѣдствіи, съ

обращеніемъ движенія въ привычку это посредствующее звено между рѣшеніемъ души и движеніемъ стушевалось; но такъ или иначе, все-таки первичная причина произвольнаго движенія заключается въ способности души направлять дѣятельность нерва.

Рядомъ съ такими несомнѣнно произвольными движеніями мы выполняемъ множество другихъ, не только непроизвольно, но даже вопреки рѣшеніямъ души. Одни изъ непроизвольныхъ движеній мы по крайней мѣрѣ сознаемъ, т.-е. знаемъ, что ихъ выполняемъ; другія, напротивъ, исполняются нами даже безсознательно, совсѣмъ безъ нашего вѣдома. Конвульсіи, судороги и т. п. приводятъ наши члены въ движенія непроизвольныя, которыя мы сознаемъ, но которыхъ остановить не можемъ. Гнѣвъ и вообще страсти часто вызываютъ насъ на дѣйствія, отъ которыхъ мы не можемъ удержаться, хотя и сознаемъ, что ихъ совершаемъ. Наконецъ, въ состояніи глубокаго сна, обморока, въ совершенно безчувственномъ положеніи, въ припадкѣ лунатизма и т. п. мы вполнѣ безсознательно совершаемъ множество дѣйствій, иногда очень сложныхъ. Про дѣтей-лунатиковъ разсказываютъ даже, что они, находясь въ глубокомъ снѣ, дѣлаютъ письменные переводы, грамматическіе анализы и другія классныя упражненія. Кромѣ того, сохраняя даже полное сознаніе и обладая всѣми умственными способностями, мы однако ежеминутно совершаемъ множество дѣйствій непроизвольно и безсознательно, по привычкѣ; такъ исполняемъ мы не только отдѣльныя простыя движенія, но и цѣлые сложные акты, наприм., зачастую одѣваемся, раздѣваемся, заводимъ часы, ѣдимъ и пьемъ, ходимъ, даже читаемъ про себя или вслухъ, и т. п., не думая и даже вовсе не помня что̀ дѣлали. Къ числу непроизвольныхъ дѣйствій и движеній принадлежатъ разныя привычки и манеры и то, что мы называемъ выраженіемъ лица, физіономіей; они образуются изъ множества отдѣльныхъ безсознательныхъ движеній, выполняемыхъ по привычкѣ.

Дѣйствія произвольныя и непроизвольныя прямо противоположны другъ другу; тогда какъ первыя мы исполняемъ вслѣдствіе рѣшеній души и они, стало быть, вызываются психическимъ дѣятелемъ, вторыя, наоборотъ, выполняются автоматически, безъ всякаго участія души, нерѣдко вопреки ея рѣшеніямъ, вслѣдствіе однѣхъ внѣшнихъ, матеріальныхъ возбужденій и причинъ. Еслибъ дѣйствія того и другого рода различались между собою по внѣшнимъ признакамъ, мы могли бы, смотря по движенію или дѣйствію, заключать о томъ, какому именно двигателю ихъ приписать, психическому или матеріальному; въ нѣкоторыхъ случаяхъ это и возможно; но въ бо̀льшей части случаевъ одни и тѣ же дѣйствія и движенія то производятся механически, то преднамѣренно и произвольно. За очень немногими исключеніями, всѣ непроизвольныя движенія и дѣйствія были сначала произвольными и только вслѣдствіе болѣе или менѣе долгаго въ нихъ упражненія обратились въ привычку, и вслѣдствіе лишь того могутъ исполняться автоматически, непроизвольно и даже безсознательно. Разлагая сложныя произвольныя дѣйствія на ихъ составныя части, мы уже замѣчаемъ въ нихъ присутствіе движеній непроизвольныхъ, которыя въ началѣ были произвольными. Никто, несмотря на прирожденный талантъ, не можетъ сдѣлаться художникомъ, не овладѣвъ сперва техникой искусства; техника же, между прочимъ, именно и состоитъ въ умѣньи выполнять быстро и отчетливо, и притомъ по привычкѣ, не думая, безчисленное множество движеній, необходимыхъ для возможно совершеннаго воспроизведенія художественнаго образа, звука и т. п. Еслибъ въ каждое мелочное движеніе, при безпрестанныхъ его повтореніяхъ, вносились и сознаніе и воля, то человѣкъ не могъ бы выполнить ни одного сколько-нибудь сложнаго и быстраго дѣйствія; оно потому и возможно, что входящія въ его составъ отдѣльныя движенія выполняются непроизвольно, по привычкѣ; а чтобъ пріобрѣсти такой навыкъ, необходимо выучиться этимъ движеніямъ, то-есть безчисленное множество разъ продѣлать ихъ съ намѣреніемъ и сознательно. Внимательно слѣдя за постепеннымъ развитіемъ человѣка съ младенчества, не трудно замѣтить, что его рѣчь, физіономія и манеры образуются изъ безчисленнаго множества отдѣльныхъ, сначала произвольныхъ движеній, которыя мало-помалу обратились въ непроизвольныя и безсознательныя; потому-то мы и узнаемъ по нимъ, какъ по признакамъ, психическія свойства и нравственную біографію человѣка.

Обращеніе произвольныхъ движеній въ непроизвольныя представляетъ интересный фактъ для объясненія психической жизни.

Если движеніе или дѣйствіе, вполнѣ цѣлесообразное и разумное, можетъ стать непроизвольнымъ и если нѣтъ произвольнаго дѣйствія, которое, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, не могло бы обратиться въ непроизвольное, то очевидно, что душа дрессируетъ тѣло, заставляетъ его частыми повтореніями извѣстныхъ упражненій, направленныхъ къ извѣстной цѣли, принимать такую-то складку, пріобрѣтать такія-то привычки, и что тѣло удерживаетъ эти привычки и тогда, когда душа на него не дѣйствуетъ. Говоря: тѣло, мы разумѣемъ весь матеріальный организмъ человѣка, въ томъ числѣ и непосредственные органы души, нервы, которые, когда душа на нихъ не дѣйствуетъ, подпадаютъ подъ законъ рефлексовъ, но рефлексовъ подготовленныхъ и формулированныхъ повторенными произвольными движеніями.

Непроизвольныя дѣйствія самымъ убѣдительнымъ образомъ доказываютъ, что психическая и матеріальная жизнь и дѣятельность не одно и то же. Непроизвольныя дѣйствія суть вполнѣ механическія, подлежащія законамъ внѣшней природы; въ нихъ нѣтъ и слѣда участія психическаго дѣятеля, вслѣдствіе чего психологіи нѣтъ до нихъ, повидимому, никакого дѣла; но въ то же время эти дѣйствія такъ цѣлесообразны, носятъ на себѣ такую несомнѣнную печать психическаго происхожденія, наконецъ, они до того кажутся разсчитанными, обдуманными, предумышленными, что невольно возбуждается сомнѣніе, не слѣдуетъ ли отнести ихъ къ явленіямъ психическимъ, такъ какъ нѣтъ внѣшняго мѣрила для различенія ихъ отъ дѣйствій произвольныхъ. Но внѣшняго мѣрила для психологіи и не нужно; для нея совершенно достаточно одного психическаго; произвольное дѣйствіе тѣмъ и отличается отъ непроизвольнаго, что въ первомъ участвуетъ психическій дѣятель, а во второмъ нѣтъ. Подобное этому различіе находимъ мы между предметами и явленіями природы съ одной стороны и матеріальными созданіями человѣка съ другой: послѣднія— такіе же матеріальные факты, какъ и первые, и подлежатъ точно также внѣшнимъ законамъ; но они произведены человѣкомъ, а первые самой природой, безъ его участія.

Обратимся теперь къ сновидѣніямъ. Они, подобно разсмотрѣннымъ выше фактамъ, тоже доказываютъ тѣснѣйшую связь между психической и матеріальной стороной человѣка,— связь, необъяснимую съ точки зрѣнія дуализма. Сонъ есть физіологическое состояніе, имѣющее свои характеристическіе матеріальные признаки. При извѣстныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ, которыя еще мало изслѣдованы, сонъ сопровождается психическою дѣятельностью особаго рода, столько же непохожею на обыкновенную, нормальную, какъ сонъ непохожъ на физическое бодрствованіе. Во время сна физическое зрѣніе не дѣйствуетъ, хотя бы мы спали съ открытыми глазами; въ такомъ же бездѣйствіи находятся и прочіе органы чувствъ; а между тѣмъ во снѣ мы видимъ безъ помощи глаза, слышимъ помимо ушей, говоримъ, не двигая языкомъ, ѣдимъ, ходимъ, смѣемся и плачемъ, сердимся и радуемся, обыкновенно не дѣлая всего этого физически. Цѣлыя событія, драмы, комедіи и водевили переживаемъ мы въ сновидѣніяхъ, въ качествѣ зрителей или участниковъ. Въ сновидѣніяхъ мы живемъ какою-то странной, особенной, фантастической жизнью, внѣ реальной дѣйствительности. Такая жизнь была бы рѣшительно невозможна, еслибъ человѣкъ не былъ одаренъ способностью какъ-бы обращать внутрь себя дѣятельность своихъ внѣшнихъ чувствъ. Во снѣ, дѣйствіе окружающаго реальнаго міра на человѣка не прекращается вовсе; но замѣчательно, что оно, пока спящій не проснулся, отражается въ его душѣ совершенно иначе, чѣмъ въ то время, когда онъ не спитъ. Очень вѣроятно, что эти отраженія совершаются по извѣстнымъ законамъ, только мы о нихъ пока ничего не знаемъ: знаемъ лишь, что отраженія впечатлѣній внѣшняго міра въ душѣ спящаго не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствіемъ тѣхъ же самыхъ впечатлѣній на душу бодрствующаго человѣка. Другая замѣчательная черта сновидѣній состоитъ въ томъ, что спящему всегда кажется, будто эти отраженія впадаютъ очень кстати; но отъ чего это такъ кажется, объяснить чрезвычайно трудно. Одни впечатлѣнія внѣшняго міра, повидимому, видоизмѣняются въ душѣ спящаго по характеру и ходу сновидѣнія; другія, наоборотъ, сами, кажется, даютъ ему другое направленіе, создаютъ новое сновидѣніе, или вводятъ въ него какой-нибудь эпизодъ. Необычайно быстрый ходъ сновидѣній и крайняя трудность производить надъ ними точныя наблюденія отнимаютъ почти всякую возможность придти въ этомъ отношеніи къ

какимъ-нибудь положительнымъ выводамъ; къ тому же тотъ, кто видитъ сонъ, есть единственный и въ то же время самый ненадежный его свидѣтель. Кому не случалось, припоминая свое сновидѣніе, находить безсмысленнымъ и нелѣпымъ то, что̀ во время сна казалось вполнѣ естественнымъ, послѣдовательнымъ и разумнымъ? Такое противоположное сужденіе одного и того же человѣка объ одномъ и томъ же предметѣ невольно заставляетъ усомниться въ способности людей, по пробужденіи, возстановлять въ своей памяти сновидѣніе со всѣми его подробностями; состоянія бодрствованія и сна слишкомъ различны, чтобъ не предположить невольныхъ искаженій; точно также человѣкъ не вполнѣ отчетливо помнитъ то, что думалъ, дѣлалъ, говорилъ въ пылу страсти или въ пьяномъ видѣ и т. п. Во время сна человѣкъ, вполнѣ или отчасти, теряетъ способность сужденія и волю. Невозможное и невѣроятное въ дѣйствительности, по его собственному мнѣнію, во снѣ представляется ему не только возможнымъ, но и очень естественнымъ, совершенно въ порядкѣ вещей; безсвязное кажется послѣдовательнымъ; происходитъ ли что̀ кстати или некстати въ сновидѣніи, объ этомъ спящій имѣетъ весьма смутное понятіе, или не имѣетъ никакого; въ сновидѣніи очень часто происходитъ неожиданный и вовсе ни съ чѣмъ несообразный, нелѣпый поворотъ дѣла, но спящаго это нимало не поражаетъ: безсвязное сопоставленіе фактовъ онъ принимаетъ за вполнѣ правильный, естественный и разумный переходъ отъ одного фазиса событія къ другому. Въ то же время мы рѣдко преслѣдуемъ въ сновидѣніяхъ какую-нибудь цѣль; мы дѣйствуемъ, но почти всегда подъ роковымъ вліяніемъ обстоятельствъ, которыя вынуждаютъ насъ поступать такъ, а не иначе; вмѣстѣ съ ними измѣняется нашъ образъ дѣйствій и самыя намѣренія.

Эти характеристическія черты сновидѣній приводятъ къ очень любопытнымъ и важнымъ соображеніямъ о психической жизни и ея отношеніяхъ къ матеріальной, физической. Многіе думаютъ, что воля и сознаніе, въ смыслѣ внутренняго зрѣнія, одно и то же: сновидѣнія доказываютъ противное; участіе въ нихъ сознанія, въ этомъ смыслѣ, не подлежитъ сомнѣнію, иначе мы бы не имѣли сновъ, а самопроизвольности мы, какъ сказано, почти лишены во время сна: все дѣлается подъ вліяніемъ обстоятельствъ, какъ будто спящій вовсе неспособенъ преслѣдовать какого-нибудь плана; а какъ спящій, вмѣстѣ съ тѣмъ, теряетъ и способность сужденія, то это дѣлаетъ его окончательно игралищемъ всевозможныхъ случайностей, встрѣчающихся въ сновидѣніи. Изъ этого слѣдуетъ, что психическая жизнь не исчерпывается мышленіемъ и волею; въ нихъ выражается одна дѣятельная, активная сторона души; душа обнаруживаетъ жизнь также и въ сновидѣніяхъ, но пассивную, страдательную. Когда мышленіе и воля бездѣйствуютъ, жизнь души близко подходитъ къ жизни матеріальной природы; особенности душевной жизни, отличающія ее отъ жизни внѣшняго міра, сохраняются еще только въ какой-то непонятной и своеобразной переработкѣ внѣшнихъ впечатлѣній и въ сознаніи. Наконецъ, одновременное отсутствіе во снѣ сужденія и воли указываетъ, что между ними есть связь; сама по себѣ такая связь ничего не доказываетъ и могла бы быть случайною, еслибъ многія другія указанія не придавали ей серьезнаго значенія. Мы постараемся разъяснить ее ниже, при разсмотрѣніи самопроизвольности и самодѣятельности души.

Замѣтимъ въ заключеніе, что сновидѣніе, вмѣстѣ съ многими другими явленіями психической жизни, наглядно, осязательно показываетъ, какъ близко, непосредственно соприкасается матеріальная жизнь съ психическою. Психическое явленіе всегда очень опредѣлительно различается отъ матеріальнаго; но напрасно стали бы мы разслѣдовать, гдѣ оканчивается взаимное вліяніе и дѣйствіе души и тѣла: они такъ глубоко проникаютъ другъ друга, слѣды ихъ взаимнаго вліянія проходятъ такъ далеко, что самый тонкій анализъ не въ состояніи открыть, гдѣ именно они оканчиваются.

Перейдемъ, наконецъ, къ ощущеніямъ. Ихъ анализъ раскрываетъ и объясняетъ многія новыя и любопытныя черты взаимныхъ отношеній психическаго и матеріальнаго міра.

Что̀ такое ощущеніе? Нѣтъ термина, повидимому, болѣе точнаго и опредѣленнаго; на самомъ же дѣлѣ едва ли найдется другой, болѣе неточный и сбивчивый. Всякое внѣшнее впечатлѣніе, всякое движеніе чувства, всякое желаніе, всякое представленіе о предметѣ, намѣреніе, рѣшеніе воли есть уже ощущеніе, потому что происходятъ въ

душѣ и мы объ нихъ знаемъ; сознаніе есть непремѣнное условіе ощущенія: чего мы не сознаемъ, того не ощущаемъ. Въ этомъ общемъ смыслѣ ощущеніе, чувство и сознаніе—однозначительны. Когда человѣкъ находится въ обморокѣ, или спитъ крѣпкимъ сномъ, или совершенно опьянѣлъ, мы говоримъ, что онъ находится въ безсознательномъ или безчувственномъ состояніи, потому что онъ не знаетъ, что съ нимъ въ это время происходитъ.

Но мы различаемъ однако внѣшнія впечатлѣнія отъ чувствъ, чувства отъ желаній, желанія отъ мыслей, мысли отъ страстей и т. д. Это показываетъ, что каждое изъ этихъ ощущеній имѣетъ, кромѣ общихъ со всѣми другими свойствъ, еще и свои особенныя, характеристическія черты. Въ чемъ же онѣ состоятъ? Чѣмъ отличаются одни ощущенія отъ другихъ?

Прежде всего постараемся свести однородныя ощущенія къ группамъ и тѣмъ по возможности упростить вопросъ. Мы различаемъ между собою чувства, желанія, страсти; но вѣдь они только видоизмѣненія одного и того же рода ощущеній. Желаніе есть усиленное чувство, ставшее побужденіемъ къ дѣятельности, причиною дѣйствія; страстью также называютъ часто усиленное чувство; въ собственномъ же смыслѣ страсть есть чувство, потерявшее всякую мѣру, вслѣдствіе крайней напряженности; перейдя мѣру и границы, чувство дѣлается ненормальнымъ, болѣзненнымъ; оттого страсть и сравниваютъ съ горячечнымъ бредомъ, когда человѣкъ не въ состояніи управлять ходомъ своихъ психическихъ отправленій; въ припадкѣ страсти человѣкъ не знаетъ самъ, что дѣлаетъ, не владѣетъ собой, безумствуетъ.

Обратимся къ другимъ ощущеніямъ. Мы назвали въ числѣ ихъ внѣшнія впечатлѣнія. Подъ ними разумѣются вообще психическіе результаты дѣйствій внѣшняго міра на органы внѣшнихъ чувствъ; только въ этомъ смыслѣ они относятся къ ощущеніямъ, потому что самая дѣятельность органовъ чувствъ, до появленія ея психическихъ послѣдствій, не есть психическое явленіе и для изслѣдованія недоступна. Но въ этомъ значеніи внѣшнія впечатлѣнія не составляютъ особаго рода или группы ощущеній; названіе ихъ указываетъ не на то, что они такое, а только на то, какъ они произошли: послѣдствіемъ внѣшняго впечатлѣнія можетъ быть и чувство, и желаніе, и представленіе.

Остаются, затѣмъ, чувства, представленія и мысли. Послѣднія два, какъ мы постараемся доказать ниже, принадлежатъ къ одной группѣ, потому что составляютъ лишь различные продукты одного и того же психическаго процесса.

Итакъ, всѣ перечисленныя нами ощущенія сводятся собственно къ двумъ группамъ: къ чувствамъ и представленіямъ (или мыслямъ). Общее сознаніе и наука различаютъ ихъ; однако до сихъ поръ точное ихъ различеніе составляетъ камень преткновенія для изслѣдователей. Сдѣлано много наблюденій надъ чувствами и ихъ отношеніями къ представленіямъ и мыслямъ; но выводы противорѣчатъ другъ другу и только новое тщательное изслѣдованіе можетъ пролить свѣтъ въ эту темную и загадочную область психической жизни. Мы считаемъ необходимымъ остановиться нѣсколько долѣе на этомъ предметѣ, въ виду особенной его важности для правильнаго уразумѣнія душевныхъ отправленій.

Надъ объясненіемъ чувства много работали въ послѣднее время психологи-реалисты. Но обращая вниманіе исключительно на одну матеріальную сторону чувства и опуская совершенно изъ виду психическую, они собрали много любопытныхъ данныхъ, освѣтили новымъ свѣтомъ многія отдѣльныя явленія, однако не могли удовлетворительно разрѣшить главныхъ, основныхъ вопросовъ, — что такое чувство, какое его значеніе, какъ оно относится къ продуктамъ мышленія. Еще прежде реалистовъ, матеріалисты отрицали психическій характеръ чувствъ и сводили ихъ къ чувственности, какъ къ единственному ихъ источнику. Еслибы это было такъ, то всѣ чувства, безъ изъятія, возбуждались бы въ душѣ непосредственно, дѣйствіемъ внѣшнихъ, матеріальныхъ причинъ; но наблюденія этого не оправдываютъ: многія чувства возбуждаются непосредственнымъ дѣйствіемъ души помимо матеріальныхъ вліяній.

Психологи-идеалисты разсматриваютъ чувства съ противоположной точки зрѣнія. Для нихъ чувственность какъ будто не существуетъ; еслибы было возможно, они охотно выключили бы чувственныя движенія изъ числа чувствъ; но за совершенною невозможностью это сдѣлать, они оставляютъ ихъ въ тѣни и обращаютъ все вниманіе исключительно на чувства, находящіяся въ непосредственной зависимости отъ психической жизни

и ея явленій. Изслѣдуя чувства съ этой точки зрѣнія и сопоставляя ихъ съ представленіями и мыслями, психологи-идеалисты приходятъ къ очень разнообразнымъ, часто противорѣчивымъ выводамъ. Для многихъ изслѣдователей этой школы вся суть жизни души заключается въ чувствахъ; мысли и представленія, въ ихъ глазахъ, не болѣе какъ блѣдный, сухой, мертвенный ихъ отпечатокъ, не передающій и малѣйшей доли той полноты духовной жизни, которая содержится въ чувствахъ. Въ противоположность представленіямъ и мыслямъ, чувство безсознательно и потому не укладывается ни въ какое представленіе, невыразимо никакими словами, но въ то же время оно есть зародышъ представленій и мыслей; оно непосредственно и безотчетно схватываетъ истину во всей ея полнотѣ, тогда какъ мысль идетъ къ ней окольными путями, ощупью, сбиваясь и путаясь безпрестанно. Въ этомъ смыслѣ сердце — вѣщунъ: оно безотчетно видитъ и знаетъ то, чего не видитъ и не знаетъ умъ. Другая отличительная черта чувства та, что оно есть психическое состояніе непроизвольное; человѣкъ не воленъ въ своемъ сердцѣ: чувства возникаютъ въ душѣ нeдуманно-негаданно и исчезаютъ помимо воли, вовсе насъ не спрашиваясь. Далѣе, чувство есть нѣчто интимное, личное, внутреннее, нераздѣльное съ нашей индивидуальностью. Наконецъ, одни подмѣчаютъ въ развитіи чувствъ фазисы, постепенные переходы, совершающіеся по особымъ законамъ, и говорятъ о логикѣ чувствъ и страстей; другіе допускаютъ въ чувствѣ только различіе въ степени напряженія или силы; достигнувъ извѣстной точки, чувство переходитъ въ желаніе, потомъ въ страсть, или же слабѣетъ и исчезаетъ. Въ противоположность чувству, мысль и представленіе могутъ быть совершенно ясно и точно опредѣлены и выражены; они, по природѣ своей, сознательны и находятся въ нашей волѣ и власти. По мнѣнію многихъ психологовъ-идеалистовъ, мысль, представленіе отрицаютъ чувство; когда мы называемъ чувство, говоримъ о немъ, разбираемъ его, судимъ, оно уже исчезло, превратилось въ мысль или въ представленіе. Но представленіе о чувствѣ, въ сравненіи съ нимъ самимъ, крайне блѣдно, недостаточно, несовершенно; оттого возведеніе чувства въ мысль, въ представленіе, кажется какой-то профанаціей: кто умѣетъ краснорѣчиво описывать свое чувство, того мы невольно подозрѣваемъ въ томъ, что онъ не глубоко чувствуетъ. Самое превращеніе въ мысль или въ представленіе убиваетъ чувство; миѳъ о Психеѣ поэтически выражаетъ этотъ взглядъ въ примѣненіи къ любви; но и со всѣми другими чувствами тоже самое: они какъ будто теряютъ свою чистоту, свѣжесть и живость, перейдя въ сознаніе, сдѣлавшись предметомъ мышленія, найдя выраженіе въ словѣ, потому что представленіе, мысль, слово, въ противоположность чувству, есть нѣчто внѣшнее, выводитъ человѣка за предѣлы индивидуальной жизни, составляетъ какъ бы общее достояніе всѣхъ, имѣетъ объективный, всеобщій характеръ. Но отсюда слѣдуетъ, что мысль, представленіе выше чувства, призваны владѣть имъ, держать его въ уздѣ, въ границахъ. Въ нормальномъ состояніи разсудокъ, мысль умѣряютъ желанія и страсти, заставляютъ ихъ молчать. При такомъ взглядѣ чувство является уже не вѣщимъ глашатаемъ непосредственной истины, а чѣмъ-то слѣпымъ, неразумнымъ. Наконецъ, мысль, какъ руководитель чувства, дѣятельна, активна; чувство же, въ нормальномъ состояніи, пассивно, созерцательно, и только перейдя въ страсть сбрасываетъ съ себя власть мысли, разсудка; зато тогда человѣкъ и дѣйствуетъ неразумно, повинуясь, безъ разсужденія, однимъ своимъ влеченіямъ.

Таковы психологическіе взгляды на чувство. Ихъ односторонность, ошибочность и противорѣчія бросаются въ глаза.

На чемъ основано мнѣніе, будто чувство, по природѣ своей, безсознательно? Если мы знаемъ, что въ насъ оно есть, то его уже по одному этому нельзя назвать безсознательнымъ; но мы не только знаемъ, что оно въ насъ есть: мы отличаемъ его отъ мысли, отъ представленія; мало того: мы очень ясно различаемъ одни чувства отъ другихъ, со всѣми ихъ оттѣнками. Какъ же послѣ этого назвать чувство безсознательнымъ? Противъ этого намъ замѣтятъ, что анализируется не самое чувство, а представленіе о немъ. Это конечно такъ; но какъ же, спрашивается, образуется представленіе о чувствѣ? Вѣдь представленіе есть, какъ мы увидимъ ниже, продуктъ сложной психической операціи, въ которую между прочимъ входитъ и подробный анализъ. Еслибы чувство не разлагалось на признаки, не поддавалось сравненію, то оно не могло бы перейти въ представленіе,

иначе сказать, мы бы не знали о немъ ничего; если же чувство можетъ перейти въ представленіе, то это одно уже доказываетъ, что оно имѣетъ признаки, значитъ не безсознательно.

Также несправедливо, будто чувство непроизвольно, а мысль, представленіе зависятъ отъ нашей воли. Правда, мы не можемъ, по желанію или прихоти, чувствовать такъ или иначе, но мы можемъ возбуждать въ себѣ тѣ или другія чувства. Во-первыхъ, всѣ матеріальныя ощущенія, называемыя тоже чувствами, произвести нетрудно, подвергая себя дѣйствію извѣстныхъ внѣшнихъ вліяній; но и собственно такъ-называемыя чувства можно въ себѣ возбудить, вызывая памятью тѣ или другія представленія, или подвергая себя такимъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, которыя вызываютъ въ насъ представленія, сопровождаемыя извѣстными чувствами. Такъ, представляя себѣ живо умершаго друга, или вглядываясь пристально въ его портретъ, мы пробуждаемъ въ своей душѣ спавшія къ нему чувства. Мы дорожимъ письмомъ, бездѣлицей, оставленной намъ на память близкими, оттого, что эти вещи напоминаютъ о нихъ. Конечно, чувство, возбуждаемое воспоминаніемъ, уже не то, что было прежде: оно и слабѣе и осложнено другими чувствами, наприм., скорбью объ утратѣ дорогихъ лицъ; но не забудемъ, что когда мы вспоминаемъ, мы и сами уже не тѣ, что были прежде, и потому не можемъ чувствовать такъ, какъ чувствовали тогда. Совсѣмъ тѣмъ, люди вполнѣ отдавшіеся какому-нибудь чувству, ревниво его берегущіе, или одаренные живымъ воображеніемъ и памятью, многіе годы живутъ прежними чувствами, и они вызываются въ ихъ душѣ вмѣстѣ съ соотвѣтствующими представленіями. Кто сомнѣвается въ томъ, что любовь можетъ долго и свѣжо сохраняться въ душѣ, пусть только вспомнитъ, что чувства мести, оскорбленнаго самолюбія, зависти, злобы нерѣдко умираютъ вмѣстѣ съ человѣкомъ.

Что извѣстныя представленія возбуждаютъ въ насъ извѣстныя чувства, не подлежитъ сомнѣнію. Этимъ объясняется тайна дѣйствія на насъ художественныхъ произведеній. Зная хорошо человѣка, мы можемъ заранѣе сказать, какими чувствами онъ отзовется на тотъ или другой фактъ. Сколько людей были жертвами такого знанія! Сколько великихъ дѣлъ совершено вслѣдствіе такого знанія сердца народныхъ массъ!

Слѣдовательно, чувство тоже можно возбуждать; а разъ это возможно, нѣтъ основанія называть чувство непроизвольнымъ; его только нельзя возбудить непосредственно, потому что оно или бываетъ результатомъ внѣшнихъ вліяній, или сопровождаетъ извѣстныя представленія и мысли; безъ того или другого—чувства вообще невозможны.

Съ другой стороны, несправедливо и то, будто всѣ мысли и представленія произвольны. Догадки, соображенія, открытія часто возникаютъ въ душѣ вдругъ, такъ же недуманно-негаданно, какъ и чувства; въ этомъ каждый можетъ удостовѣриться, наблюдая надъ самимъ собой. Мы видѣли также, что ненормальныя психическія состоянія всегда сопровождаются большею или меньшею непроизвольностью представленій и мыслей. Наконецъ, мысли и представленія, вызываемыя внѣшними впечатлѣніями, вліяніями и дѣйствіями, всегда непроизвольны.

Также ошибочно мнѣніе, будто мысль активна, чувство пассивно. Мысль, представленіе, сами по себѣ, тоже пассивны; активными они становятся вслѣдствіе желаній; а желанія, какъ мы видѣли, тѣ же чувства и отличаются отъ нихъ только степенью напряженія и силы. Желаніе придаетъ представленіямъ и мыслямъ дѣятельный характеръ; пока оно не перешло извѣстной границы, оно, въ свою очередь, видоизмѣняется, направляется мыслью, представленіемъ, какъ лошадь везетъ сѣдока и ему повинуется. Переступивъ мѣру, желаніе обращается въ страсть, незнающую никакой узды. Когда мы говоримъ, что мысль управляетъ чувствомъ, мы забываемъ, что чувства, желанія вызываютъ и какъ бы подбираютъ себѣ мысли и представленія. При нормальныхъ психическихъ отправленіяхъ, представленія и мысли, будучи разъ вызваны и подобраны желаніями, располагаются уже потомъ по объективнымъ законамъ и въ этомъ сочетаніи видоизмѣняютъ и направляютъ желанія, приводятъ ихъ въ согласіе съ объективными условіями. Такъ, желаніе мести подбираетъ въ душѣ всѣ мысли и представленія, относящіяся къ этому душевному состоянію. Жаждущій мести хотѣлъ бы отмстить тотчасъ же и вполнѣ; но, перебирая въ душѣ обстоятельства и обстановку, внутреннюю и внѣшнюю, онъ находитъ, что одни способы мести невозможны, другіе повлекли бы для него самого дурныя послѣдствія, третьи кажутся

ему несогласными съ его достоинствомъ, честью, четвертые слишкомъ жестоки, несоразмѣрны съ обидой или зломъ, которыя вызвали месть; словомъ, какъ только чувство мести подобрало соотвѣтствующія ему представленія, они разсматриваются уже по своему объективному характеру, и объективное ихъ значеніе опредѣляетъ видъ, родъ, степень, способъ удовлетворенія желанія, вводитъ его въ должныя границы, придаетъ ему извѣстную форму, соотвѣтствующую наличнымъ обстоятельствамъ и условіямъ.

Такимъ образомъ, многое изъ того, что повидимому составляетъ отличіе чувствъ отъ мыслей или представленій, оказывается, при ближайшей повѣркѣ, общей принадлежностью тѣхъ и другихъ.

Точно также неудовлетворителенъ взглядъ психологовъ-идеалистовъ на отношенія мысли и чувства. Они рѣзко и безусловно противуполагаютъ ихъ другъ другу, а между тѣмъ, въ дѣйствительности, они неразрывно между собою связаны и находятся въ безпрерывномъ взаимодѣйствіи.

Говорятъ, будто чувство исключаетъ мысль, мысль убиваетъ чувство. Но чувство, которое боится мысли, не выноситъ ея освѣщенія, вынуждено отъ нея прятаться, есть очевидно чувство ложное, призрачное; опытъ показываетъ, что, напротивъ того, сильное чувство, проработанное мыслью и ею проникнутое, крѣпнетъ, закаляется, упрочивается. Мы воображаемъ, что страхъ чувства передъ мыслью доказываетъ его чистоту, цѣломудріе; напротивъ, онъ свидѣтельствуетъ только о его дряблости, безсиліи и ничтожествѣ. Да и какъ согласить желаніе уберечь во всей чистотѣ чувство отъ мысли со взглядомъ, будто чувство обладаетъ даромъ провидѣнія истины, будто въ немъ таятся зародыши мыслей и представленій? Какъ примирить взглядъ, будто вся полнота душевной жизни заключается въ чувствѣ, съ другимъ взглядомъ, будто чувство слѣпо, неразумно и требуетъ руководительства мысли? Одно изъ двухъ: или мысль и чувство исключаютъ другъ друга, или они находятся между собою въ тѣсной связи; въ первомъ случаѣ, чувство не можетъ быть источникомъ представленій, во второмъ ему нечего бояться мысли и мысль не можетъ быть враждебна чувству.

Итакъ, изслѣдованія чувствъ, сдѣланныя психологами-реалистами и идеалистами съ противуположныхъ точекъ зрѣнія, далеко не разрѣшаютъ вопроса. Кромѣ односторонности взгляда, зависящей отъ угла зрѣнія и помѣшавшей обѣимъ школамъ обнять предметъ изслѣдованія во всей его полнотѣ, неудовлетворительность результата объясняется еще и недостаточностью самаго анализа. Матеріалисты, задавшись объясненіемъ всѣхъ явленій психической жизни законами внѣшней природы, просмотрѣли бросающійся въ глаза фактъ, что рядомъ съ чувствами, непосредственно вызываемыми матеріальными причинами, есть чувства, имѣющія такимъ же непосредственнымъ источникомъ представленія и мысли; идеалисты не только оставили въ сторонѣ, безъ всякаго изслѣдованія, чувственныя движенія, но и въ объясненіи чувствъ, имѣющихъ болѣе идеальный, психическій характеръ, запутались и впали въ явное противорѣчіе съ фактами и съ собственными выводами.

Чтобы выбраться изъ этой путаницы, необходимо отбросить предвзятыя дуалистическія воззрѣнія на человѣческую природу и зорче вглядѣться въ факты, подлежащіе изслѣдованію.

Общее сознаніе раздѣляетъ чувства на двѣ группы: происхожденіе однихъ оно приписываетъ тѣлу, другихъ—душѣ. Первыя называются чувственными движеніями или стремленіями, вторыя—чувствами въ тѣсномъ смыслѣ слова. Ощущенія холода, голода, физической боли (наприм., при ушибѣ, обжогѣ и т. п.), усталости и т. д., относятся къ первой категоріи; негодованіе, скорбь, радость, состраданіе, любовь—ко второй. Но не одни опредѣленныя, единичныя ощущенія подводятся общимъ сознаніемъ подъ эти два разряда: общее состояніе, настроеніе или расположеніе, когда мы его чувствуемъ, точно также приписываются общимъ сознаніемъ тѣлу или душѣ. Мы чувствуемъ себя вообще, физически, хорошо, или худо; точно также, мы чувствуемъ извѣстное психическое или нравственное состояніе или настроеніе, которое предрасполагаетъ насъ къ такимъ или другимъ мыслямъ, чувствамъ, поступкамъ, или къ бездѣйствію и т. п. Общее сознаніе вѣрно указываетъ на ближайшій, непосредственный источникъ чувства или ощущенія; но нельзя, основываясь на такихъ указаніяхъ, дѣлать заключенія о болѣе отдаленныхъ причинахъ, производящихъ тѣ или другія ощущенія. Есть много чувствъ, кото-

рыя мы, судя по ближайшимъ ихъ поводамъ, признаемъ за чисто психическія и которыя имѣютъ однако подкладкою матеріальные инстинкты, прошедшіе чрезъ душу и преобразившіеся вслѣдствіе психической переработки; идеальная любовь, чувства семейныя, любовь къ родинѣ, къ ближнему, и многія другія, самыя возвышенныя чувства, имѣютъ такое происхожденіе; вотъ что и подало поводъ матеріалистамъ, отбросивъ психическую переработку, признать чувственность за единственный источникъ чувства вообще. Мы видѣли также,—и наблюденія подтверждаютъ этотъ выводъ безчисленными данными,—что чисто физическія причины производятъ извѣстныя психическія состоянія и расположенія, которыя, въ свою очередь, дѣлаютъ подборъ извѣстнаго рода мыслей и представленій. Медикамъ хорошо извѣстно, что чрезмѣрно веселое или грустное, раздражительное, капризное, возбужденное, или, напротивъ, разслабленное, кислое, дряблое душевныя состоянія, которыя большинство людей готово приписать психическимъ причинамъ, очень часто бываютъ слѣдствіемъ причинъ чисто физическихъ, уступающихъ дѣйствію леченія. Но точно также чувственныя ощущенія далеко не всегда бываютъ слѣдствіемъ однихъ матеріальныхъ причинъ и вліяній; очень часто они возбуждаются представленіями, которыя мы сами, произвольно, вызываемъ въ своей душѣ, независимо отъ всякаго матеріальнаго побужденія; такъ, аппетитъ, жажда вызываются въ насъ не только естественными потребностями, но и представленіями о вкусныхъ блюдахъ и питьяхъ. Утонченныя чувственныя наслажденія, извращеніе природныхъ инстинктовъ, имѣютъ источникомъ не самые инстинкты и побужденія, а представленія; потому-то между животными и не бываетъ ни Лукулловъ, ни де-Садовъ. Наконецъ, чувство физическаго разстройства и нездоровья далеко не всегда, непремѣнно, есть слѣдствіе физическихъ причинъ; часто оно происходитъ отъ потрясеній, имѣющихъ единственнымъ источникомъ психическія, нравственныя причины.

Приведенныя наблюденія показываютъ, что нельзя, основываясь на ближайшемъ поводѣ, возбуждающемъ въ насъ то или другое чувство, производить его изъ того или другого источника. Но насъ здѣсь интересуетъ не критическое разсмотрѣніе происхожденія каждаго чувства въ отдѣльности, а источники чувствъ вообще, и въ этомъ отношеніи свидѣтельство общаго сознанія, приписывающаго ихъ происхожденіе и матеріальному, и психическому элементамъ, оказывается вполнѣ правильнымъ, хотя его указанія первоначальныхъ источниковъ того или другого чувства часто бываютъ ошибочны.

Приведенныя наблюденія и соображенія даютъ возможность пристальнѣе вглядѣться въ загадочную природу чувства. Изъ нихъ оказывается, что оно не есть самостоятельное психическое явленіе, не возникаетъ въ душѣ отдѣльно, само по себѣ, а лишь сопровождаетъ дѣйствіе и вліяніе на душу или матеріальныхъ предметовъ и явленій, или представленій и мыслей; поэтому, чувство, взятое отдѣльно отъ тѣхъ матеріальныхъ или психическихъ фактовъ, которымъ оно сопутствуетъ, есть отвлеченность, и въ этомъ видѣ, въ дѣйствительности, не существуетъ. Чувства указываютъ только на свойство, способность души чувствовать, — способность, которая однако не производитъ самостоятельныхъ психическихъ явленій и всегда, постоянно обусловливается предметомъ или явленіемъ, которое дѣйствуетъ на душу, и состояніемъ души, принимающей это дѣйствіе. Одинъ и тотъ же фактъ въ одномъ человѣкѣ возбуждаетъ радость, въ другомъ сочувствіе, въ третьемъ досаду, въ четвертомъ зависть, въ пятомъ надежду, въ шестомъ разочарованіе и т. д. При малѣйшемъ измѣненіи характера или свойствъ предмета, который производитъ чувство, оно существенно измѣняется. Возьмемъ, напримѣръ, чувство надежды: и крестьянинъ надѣется, что брошенное имъ въ землю зерно дастъ плодъ; и воспитатель надѣется, что изъ его такого-то питомца выйдетъ знающій и хорошій человѣкъ; и владѣлецъ лотерейнаго билета надѣется, что онъ выиграетъ порядочную сумму; и воръ надѣется, что задуманная имъ кража удастся. Всѣ эти люди надѣятся; однако чувства ихъ, которыя мы называемъ однимъ именемъ, совершенно различны, какъ различны представленія и мысли, которыя ихъ возбуждаютъ. Вотъ почему чувства такъ безконечно разнообразны: малѣйшій оттѣнокъ въ душевномъ или физическомъ расположеніи, малѣйшее измѣненіе въ предметѣ или явленіи, производящемъ чувство,—и мы уже ощущаемъ или чувствуемъ иначе.

Тѣснѣйшая зависимость чувствъ отъ пси-

хическихъ свойствъ и минутнаго расположенія или настроенія лица объясняетъ интимный, личный, индивидуальный характеръ чувства. Въ немъ выражается непосредственное отношеніе души къ внѣшнимъ предметамъ и явленіямъ, или къ мыслямъ и представленіямъ. Такое отношеніе можетъ быть болѣе или менѣе чувственное, или болѣе или менѣе идеальное, смотря потому, что̀ возбуждаетъ чувство и въ комъ оно возбуждается. Такое вполнѣ личное, идивидуальное значеніе чувства сближаетъ его съ матеріальнымъ міромъ, на что̀ есть еще, кромѣ того, и другія указанія. Связь между чувственностью и собственно такъ-называемымъ чувствомъ такая тѣсная, что между ними нельзя провести точной границы и даже не всегда удается строго различить ихъ другъ отъ друга. Чувства, не исключая самыхъ идеальныхъ, ближе дѣйствуютъ на наши физическія состоянія и расположенія, чѣмъ процессы мышленія; и наоборотъ: на чувствахъ прямо, непосредственно отражается состояніе здоровья и свѣжесть или дряблость физическаго организма.

Будучи, по своей природѣ, близки къ матеріальному міру, чувства, хорошія и дурныя, получаютъ, чрезъ психическую переработку внѣшнихъ впечатлѣній, представленій, мыслей, болѣе и болѣе идеальный характеръ, одухотворяются. Высокія доблести и старческій развратъ, утонченность чувствъ и чувственности, заключаются въ утонченности представленій и мыслей, съ которой рука объ руку идетъ ослабленіе способности чувствовать, силы чувства. Психическіе мотивы, представленія и мысли, рано или поздно, начинаютъ преобладать въ чувствахъ надъ внѣшними впечатлѣніями; а чрезъ представленія и мысли чувство становится въ зависимость отъ воли. Цивилизованный человѣкъ отличается отъ нецивилизованнаго не добродѣтелью и нравственными совершенствами, а только тѣмъ, что онъ менѣе подчиняется непосредственному дѣйствію внѣшнихъ впечатлѣній, болѣе умѣетъ его сдерживать и, смотря по обстоятельствамъ и цѣлямъ, давать или не давать ему хода. Само собою разумѣется, что о полномъ, исключительномъ господствѣ чувствъ, вызываемыхъ внѣшними впечатлѣніями, или о полномъ, совершенномъ ихъ подавленіи и упраздненіи не можетъ быть рѣчи; какъ подчиненіе тѣла душѣ, такъ и души тѣлу, имѣетъ свои предѣлы, и борьба между матеріальными и психическими элементами приводитъ только къ извѣстной степени преобладанія однихъ надъ другими, никогда къ полному торжеству тѣхъ и другихъ, ибо съ совершеннымъ прекращеніемъ борьбы прекращается и самая жизнь.

Но если чувство не есть самостоятельное психическое явленіе, если въ немъ выражается только индивидуальное, интимное, непосредственное отношеніе души къ внѣшнему міру и мыслямъ или представленіямъ, то оно и не можетъ быть, какъ думаютъ нѣкоторые, зародышемъ представленій и мыслей, обнимать истину непосредственно, и притомъ полнѣе и лучше, чѣмъ знаніе, а тѣмъ менѣе можетъ оно быть враждебно мысли. Эти и подобныя имъ мистическія и романтическія противоположенія чувства и мысли обязаны своимъ происхожденіемъ неточнымъ наблюденіямъ и ошибкамъ въ анализѣ психическихъ явленій. Невыработанныя, неустановившіяся представленія, невполнѣ еще развившіяся, неопредѣленныя мысли тоже сопровождаются чувствами; такъ какъ такія представленія и мысли не ясно сознаются, то ихъ и не различаютъ отъ сопровождающихъ ихъ чувствъ и приписываютъ послѣднимъ то, что собственно относится къ первымъ. Мы говоримъ объ идеальныхъ, прекрасныхъ и дурныхъ, нравственныхъ и безнравственныхъ, возвышенныхъ и низкихъ и т. п. чувствахъ; но само по себѣ чувство не хорошо и не дурно, не тонко и не грубо, не нравственно и не безнравственно, не возвышенно и не низко; такимъ оно является только смотря по представленію или мысли, которыя сопровождаетъ. Ясную, выработавшуюся, во всѣхъ подробностяхъ опредѣленную мысль или представленіе еще легко различить отъ чувства; но мысль или представленіе, зарождающіяся, невыяснившіяся, блуждающія, легко сливаются въ нашемъ понятіи съ чувствомъ, которое они вызываютъ,—тѣмъ легче, что пути ихъ не вполнѣ намъ видны, и они колеблются между нѣсколькими направленіями. Эта-то трудность различить невыясненную мысль, неопредѣленное представленіе, отъ возбуждаемаго ими чувства и подала поводъ приписывать послѣднему вѣщій характеръ, видѣть въ немъ зародышъ мыслей и представленій, предполагать, что чувство имѣетъ, подобно имъ, свои фазисы развитія, свою логику. Все это,

на самомъ дѣлѣ, принадлежность мысли или представленія, но приписывается чувству, потому что оно отъ нихъ не различается. Чувство, по природѣ своей, просто, несложно; его въ самомъ дѣлѣ нельзя выговорить словами, такъ оно индивидуально, лично; сложнымъ оно намъ кажется, когда на душу дѣйствуютъ вмѣстѣ, одновременно, нѣсколько представленій или мыслей, или когда представленіе, мысль не вполнѣ выработались и вслѣдствіе того колеблются между нѣсколькими или многими представленіями или мыслями; любовь, напримѣръ, имѣетъ безчисленные оттѣнки, которые объясняются примѣсью множества представленій или мыслей, какъ, напримѣръ, страха лишиться любимаго лица, или его привязанности, уваженія къ его достоинствамъ, предвидѣнія опасностей, горя, лишеній, которыя ожидаютъ его впереди и т. п. Вслушиваясь и вдумываясь въ иныя музыкальныя произведенія, намъ не разъ приходило на мысль, что они производятъ глубокое впечатлѣніе именно потому, что въ нихъ подмѣчены и переданы, съ удивительною полнотою, самые тонкіе, едва уловимые мотивы сложныхъ чувствъ. Мы часто говоримъ: неясное, смутное чувство, но это выраженіе неточно; на самомъ дѣлѣ есть только неясная смутная мысль, или представленіе, которыя нами смѣшиваются съ сопровождающимъ ихъ чувствомъ.

Сказаннымъ опредѣляется отношеніе чувства къ представленію и мысли. Послѣднія выражаютъ не личныя, индивидуальныя, интимныя, а, напротивъ, объективныя отношенія между предметами и явленіями и потому имѣютъ всеобщій характеръ, подлежатъ повѣркѣ и критикѣ по объективнымъ признакамъ. Представленіе и мысль,—это сама дѣйствительность, переработанная въ психической средѣ въ свойственныя и доступныя ей формы. Наука и знаніе потому только не бредъ, не призракъ, что представленія и мысли, какъ психическіе факты, воспроизводящіе дѣйствительность въ психической формѣ, способны быть выработаны до возможно полнаго, совершеннаго ей соотвѣтствія; ихъ развитіе и совершенствованіе именно и состоитъ въ освобожденіи и очищеніи отъ всего того, что мѣшаетъ такому полному соотвѣтствію. Это значеніе представленій и мыслей лежитъ въ самой ихъ природѣ; они, по существу своему, не могутъ быть и не бываютъ непосредственны, какъ чувство; самая, повидимому, простая мысль или представленіе есть, какъ мы увидимъ ниже, результатъ сложной психической операціи—разложенія предмета или явленія на признаки, сравненія его съ другими предметами, его признаковъ между собою и съ признаками другихъ предметовъ. Нѣтъ ни одного представленія, ни одной мысли, которыя не были бы плодомъ такой операціи; но именно въ этомъ и заключается психическое значеніе представленій и мыслей; они, строго говоря, выводы, опредѣленія, результаты различенія и сравненія. Чтобъ составить, напримѣръ, понятіе о бѣломъ домѣ, надобно выдѣлить сперва каждое изъ этихъ представленій особо изъ безчисленнаго множества другихъ, сходныхъ и несходныхъ, а это возможно только чрезъ разложеніе всѣхъ ихъ на признаки и чрезъ сличеніе признаковъ между собою. Такая операція предполагаетъ сближеніе, сопоставленіе разъединенныхъ въ дѣйствительности впечатлѣній и опредѣленіе ихъ взаимныхъ отношеній. Вотъ почему всякое представленіе, всякая мысль, даже отдѣльно взятыя, не имѣющія, повидимому, ничего общаго съ другими, на самомъ дѣлѣ есть не что иное, какъ опредѣленіе взаимныхъ отношеній множества различныхъ впечатлѣній. Конечно, мы можемъ понимать эти отношенія неправильно, не такъ, каковы они въ дѣйствительности; но повторенныя наблюденія и болѣе и болѣе точные опыты устраняютъ эти ошибки и придаютъ представленіямъ и мыслямъ характеръ несомнѣнной объективности и достовѣрности, т.-е. доводятъ ихъ до возможно совершеннаго соотвѣтствія дѣйствительности. Поэтому, когда человѣкъ думаетъ или представляетъ себѣ что-нибудь не такъ, какъ слѣдуетъ, мы относимъ это къ его неумѣнію, незнанію, неспособности, вообще къ личнымъ или случайнымъ причинамъ, такъ какъ въ существѣ, въ природѣ представленій и мыслей нѣтъ ничего, что бы мѣшало имъ соотвѣтствовать дѣйствительнымъ фактамъ; напротивъ, ихъ развитіе неизбѣжно, неудержимо вынуждаетъ ихъ стать въ соотвѣтствіе съ дѣйствительностью, получить значеніе объективной истины.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что чувствованіе и мышленіе существенно различны между собою. Первое есть свойство души извѣстнымъ образомъ отзываться на внѣшнія впечатлѣнія, мысли и представленія; второе —

психическій процессъ, переработывающій психическіе факты въ новыя формы. Чувство по природѣ своей субъективно, представленіе или мысль — объективны; то, что называютъ субъективными мыслями, взглядами, мнѣніями, на самомъ дѣлѣ не болѣе какъ мысли и представленія ошибочныя, не выработавшіяся до соотвѣтствія съ дѣйствительностью. Чувство, вслѣдствіе того, кажется чѣмъ-то близкимъ, задушевнымъ, внутреннимъ, приснымъ лицу, индивидуальному существованію, а мысль и представленіе, въ сравненіи съ чувствомъ, напротивъ, — чѣмъ-то чуждымъ, внѣшнимъ, далекимъ, холоднымъ. Въ мысли и представленіи въ самомъ дѣлѣ есть что-то роковое, безпощадное, какъ механическій законъ, какъ математическая формула, потому что они выражаютъ отношенія между дѣйствительными фактами, которые имѣютъ свой законъ, свою неумолимую логику. Въ требованіи, чтобы чувство подчинялось разсудку, выражается задача согласить интимную, непосредственную жизнь души съ окружающею ее дѣйствительностью, или, выражаясь точнѣе, выработать субъективныя мысли и представленія до возможной объективности. О противоположности, враждѣ чувства съ мыслью и представленіемъ, послѣ всего сказаннаго, не можетъ быть и рѣчи. Такой взглядъ очень неточно выражаетъ одно изъ двухъ: или что одно психическое отправленіе смѣняетъ другое, или что мышленіе переработываетъ представленія и мысли и черезъ это измѣняетъ самыя чувства. Первое изъ этихъ объясненій вытекаетъ изъ общаго психическаго закона, по которому мы не можемъ, въ одно и то же время, и чувствовать, и размышлять о нашемъ чувствѣ; какъ только процессъ мышленія начнетъ совершать свои операціи надъ чувствомъ, сравнивать его съ другими, подмѣчать признаки, разлагать, анализировать, — чувство перестаетъ быть чувствомъ и обращается въ представленіе. Второе изъ приведенныхъ выше объясненій основано на самомъ свойствѣ чувствъ, которыя, какъ мы видѣли, не представляютъ самостоятельнаго психическаго явленія. Желая измѣнить чувство, мы не дѣйствуемъ прямо на него, потому что это невозможно, а всегда на представленія и мысли, которыя оно сопровождаетъ. Ипохондрикамъ, людямъ, которыхъ постигло большое горе, врачи рекомендуютъ развлеченіе, т.-е. смѣну обычныхъ мыслей и представленій другими, ослабленіе дѣйствія первыхъ новыми впечатлѣніями. Воспитаніе, образованіе, вообще развитіе играютъ такую же роль: они, между прочимъ, разлагаютъ извѣстныя ассоціаціи мыслей и представленій и идіосинкразіи и замѣняютъ ихъ исподоволь другими, производя тѣмъ соотвѣтствующія измѣненія въ чувствахъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ представленія, мысли могутъ господствовать надъ чувствами, до извѣстной степени направлять ихъ.

Таковы заключенія, къ которымъ приводитъ внимательное разсмотрѣніе чувствъ — одного изъ самыхъ темныхъ и запутанныхъ предметовъ псохологіи. Если изложенный взглядъ вѣренъ, то чувства не могутъ составлять особой группы психическихъ явленій, и слѣдовательно не подлежатъ классификаціи. Они, по удачному выраженію г. Ушинскаго, лишь цвѣта и краски внѣшнихъ впечатлѣній, понятій и представленій. Только недоразумѣнія заставили психологовъ смотрѣть на чувства, какъ на самостоятельныя психическія явленія, выдѣлять ихъ въ особый разрядъ и ставить чувствованіе на ряду съ мышленіемъ и дѣятельностью (волею). Какъ произошли такія недоразумѣнія—объяснить не трудно. Мышленіе, разлагая все, отдѣлило и чувства отъ внѣшнихъ впечатлѣній, представленій и мыслей, съ которыми оно неразрывно связано, подобно тому, какъ то же мышленіе отдѣлило форму, величину, число, цвѣтъ, движеніе, разныя свойства и т. п. отъ внѣшнихъ предметовъ, которыхъ они составляютъ, въ дѣйствительности, неотдѣлимую принадлежность. Затѣмъ, съ чувствами, разобщенными отъ внѣшнихъ впечатлѣній, представленій и мыслей, начались обычныя операціи ума: они обратились въ самостоятельныя представленія, разложены на признаки, по признакамъ сгруппированы въ общія понятія и т. д. Такимъ образомъ, въ душѣ сложился цѣлый особый классъ представленій и общихъ понятій о чувствахъ,—повидимому, точно такой же, какъ и всѣ другіе, тогда какъ на самомъ дѣлѣ этотъ разрядъ психическихъ явленій рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ своимъ личнымъ, индивидуальнымъ характеромъ. Въ основѣ общихъ понятій, образовавшихся изъ свойствъ, качествъ, принадлежностей матеріальныхъ или психическихъ предметовъ, всегда лежитъ самостоятельный фактъ, почему они и имѣютъ объективный характеръ; чувства же, какъ мы видѣли, вполнѣ зави-

сятъ и отъ внѣшнихъ впечатлѣній, представленій и мыслей, съ которыми связаны, и отъ лица, которое чувствуетъ или ощущаетъ. Вслѣдствіе того, понятіе или представленіе о чувствѣ не имѣетъ опредѣленнаго содержанія, есть чистая отвлеченность. Возьмемъ, напримѣръ, понятіе о счастіи и попробуемъ опредѣлить его; кромѣ общихъ мѣстъ, лишенныхъ всякаго значенія, о немъ нельзя сказать ничего; счастіе есть чувство, столько же различное, сколько есть людей на свѣтѣ, столько же разнообразное, какъ впечатлѣнія, представленія и мысли, которыя живутъ въ человѣческой душѣ. Этимъ объясняется, почему теоріи „эвдемонизма", бывшія кода-то въ большомъ ходу, исчезли, оказавшись совершенно безсодержательными и голословными. Эвдемонизмъ предполагаетъ, что у людей есть одинъ идеалъ благополучія, а это возможно только въ первобытныхъ, мало развитыхъ и притомъ небольшихъ человѣческихъ обществахъ, да и то при крѣпкихъ нравахъ, сильномъ господствѣ обычая, составляющаго для всѣхъ членовъ общества предметъ непоколебимаго вѣрованія. Только такой идеалъ счастія можетъ имѣть очень опредѣленную, положительную форму. Когда всякій разумѣетъ подъ счастіемъ одно и то же, нѣчто весьма простое, опредѣленное и практически достижимое, эвдемоническая теорія имѣетъ свой смыслъ, который хотя не выраженъ, но подразумѣвается. Но при сильно развитомъ индивидуализмѣ, въ обществѣ, гдѣ формы общежитія едва сдерживаютъ безконечно разнообразные идеалы личнаго счастія, эвдемонизмъ, какъ теорія, есть безсмыслица,— понятіе субъективное, подъ которое подходитъ все, что угодно. То же должно сказать и о всякомъ другомъ представленіи, въ основаніи котораго лежитъ чувство; оно только съ виду имѣетъ объективный характеръ, а на самомъ дѣлѣ за нимъ скрывается личное, субъективное содержаніе, также безконечно разнообразное, какъ сами люди.

Но если, по изложеннымъ причинамъ, чувство, отдѣльно взятое, не имѣетъ объективнаго содержанія и въ этомъ отношеніи есть скорѣе предметъ историческаго, чѣмъ теоретическаго, изслѣдованія, то способность ощущать или чувствовать имѣетъ для изученія психической жизни огромное значеніе и объясняетъ многія загадочныя ея явленія. Эта способность есть первое и общее основаніе и условіе жизни души и въ то же время посредствующее звено между матеріальнымъ и психическимъ міромъ. Способностью чувствовать душа прикасается къ внѣшней природѣ, примыкаетъ къ ней непосредственно; вслѣдствіе того, способность эта и носитъ на себѣ печать матеріальнаго міра, находится подъ его ближайшимъ и сильнымъ вліяніемъ. Изъ того, что мы видѣли выше, открывается, что всѣ внѣшнія впечатлѣнія сперва чувствуются, а уже потомъ выработываются въ душѣ въ ясныя, опредѣленныя представленія. Чувства, возбуждаемыя въ душѣ впечатлѣніями, остаются въ тѣсной связи съ представленіями, которыя ими производятся, видоизмѣняясь вмѣстѣ съ этими представленіями по мѣрѣ ихъ переработки въ новыя формы. Оттого различныя расположенія и настроенія и вызываютъ въ душѣ тѣ или другія представленія и мысли, дѣлаютъ имъ подборъ; оттого же, наоборотъ, извѣстныя представленія и мысли возбуждаютъ именно такія-то чувства; наконецъ, этимъ же объясняется и актъ узнаванія, основанный на томъ, что получаемыя впечатлѣнія вызываютъ изъ глубины души соотвѣтствующія имъ представленія и мысли, съ которыми и сравниваются. Всѣ эти явленія одинаково предполагаютъ постоянную связь между чувствами и представленіями или мыслями, — связь, которая продолжается даже послѣ переработки послѣднихъ въ новыя формы. Идеализація, одухотвореніе чувства и состоитъ въ тѣхъ видоизмѣненіяхъ, которымъ оно подвергается съ переработкой представленій и мыслей.

При такомъ взглядѣ, общій ходъ развитія психической жизни дѣлается довольно яснымъ. Впечатлѣнія одновременно возбуждаютъ въ душѣ и извѣстныя ощущенія и сознаніе этихъ ощущеній—представленія: вотъ минута перваго пробужденія психической жизни. Ощущенія или чувства и представленія, въ эту первую минуту, едва различаются между собою. Затѣмъ, изъ первыхъ простѣйшихъ представленій уже выработываются, особымъ процессомъ, болѣе и болѣе сложныя представленія и мысли,—міръ психическихъ явленій, воспроизводящихъ въ душѣ дѣйствительность въ психической формѣ. Такимъ образомъ, въ первыхъ, простѣйшихъ представленіяхъ лежитъ начало самостоятельной психической жизни. При дальнѣйшей переработкѣ представленій и мыслей въ новыя и новыя формы, сопровождающія ихъ чувства соотвѣтственно видоизмѣняются и съ тѣмъ

вмѣстѣ становятся постепенно все въ бо̀льшую и бо̀льшую зависимость отъ хода мыслей и представленій. Способность чувствовать, съ развитіемъ психической самостоятельности, отодвигается уже на второй планъ и уступаетъ первое мѣсто представленіямъ и мыслямъ. Это наблюденіе, конечно, и подало поводъ утверждать, что чувство есть переходная ступень въ развитіи психической жизни, что оно должно поблекнуть и исчезнуть при торжествѣ мысли и разума; но чувствъ нельзя истребить уже потому, что чувствительность есть почва, на которой совершается психическая жизнь; это ея необходимый элементъ, ея общее условіе, отъ котораго человѣкъ, еслибы и хотѣлъ, никакъ не можетъ освободиться. Весь вопросъ только въ томъ, совершается ли выработка представленій и мыслей послѣдовательно и правильно, или внезапными, быстрыми переворотами и скачками; въ послѣднемъ случаѣ чувствительность, какъ и всякая другая способность, матеріальная и психическая, при не-экономическомъ, безпутномъ расходованіи, растрачивается по-пусту и ослабляется. Точно также, нормальное состояніе тѣла и физическое здоровье, дѣйствуя непосредственно на способность чувствовать, и чрезъ нее на психическую жизнь вообще, составляютъ необходимое условіе ея нормальныхъ отправленій. Итакъ, мысли и представленія не упраздняютъ чувствъ, но, выработавшись до опредѣленности и ясности, они только выдвигаются на первый планъ, а чувствительность занимаетъ, въ ряду психическихъ явленій, второстепенное мѣсто. Взглядъ на чувство какъ на переходный, несущественный моментъ, перенесеніе всей силы и всего значенія психической жизни въ одинъ разумъ, могли возникнуть только въ эпоху глубокихъ потрясеній, когда цѣлый міръ представленій и взглядовъ, въ которыхъ человѣкъ обжился столѣтіями, подвергся критикѣ и ломкѣ, и приходилось замѣнить его другимъ. Чувство даетъ мысли реальный характеръ и чрезвычайную устойчивость, прочность, силу; вслѣдствіе этого, при борьбѣ съ извѣстнымъ міросозерцаніемъ, пустившимъ корни, отрицательный взглядъ на чувство, какъ на главнѣйшее препятствіе къ водворенію новыхъ воззрѣній, какъ на сильнѣйшую опору низвергнутыхъ и отброшенныхъ представленій и понятій, было явленіемъ совершенно естественнымъ, при всей ошибочности отрицанія одного изъ основныхъ элементовъ психической жизни.

Замѣтимъ въ заключеніе, что правильный взглядъ на чувства и на ихъ значеніе посреди другихъ психическихъ явленій объясняетъ, до нѣкоторой степени, послѣдовательную смѣну психическихъ возрастовъ, которая съ неизмѣнною правильностью повторяется въ развитіи людей. Первые шаги, по пробужденіи психической жизни, всегда запечатлѣны матеріальнымъ характеромъ, потому что способность чувствовать, какъ мы видѣли, будучи принадлежностью души, непосредственно граничитъ съ матеріальнымъ міромъ и проникнута его вліяніями. До выработки ясныхъ, опредѣленныхъ представленій и понятій, человѣкъ все еще находится подъ господствомъ внѣшнихъ возбужденій, да и долго послѣ того чувствительность преобладаетъ; рѣшенія, размышленія и дѣйствія въ значительной степени зависятъ отъ внѣшнихъ впечатлѣній и случайныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Первыя представленія и мысли дышатъ еще непосредственностью чувства, изъ котораго не успѣли вполнѣ выработаться, принимаются живо, быстро переходятъ въ желанія и страсти, которымъ человѣкъ, въ извѣстномъ возрастѣ, не умѣетъ противостоять, съ которыми справляется лишь съ большимъ трудомъ, да и то далеко не всегда. Но мало-по-малу все это измѣняется. Чувствительность, а съ нею сила внѣшнихъ впечатлѣній и вліяній, современемъ ослабѣваютъ; мысли и представленія одерживаютъ верхъ надъ непосредственнымъ господствомъ желаній и страстей, хорошихъ и дурныхъ. Центръ тяжести постепенно переносится все далѣе и далѣе отъ внѣшняго міра въ глубь человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается психическая самостоятельность и самодѣятельность. Такое измѣненіе указываетъ на существованіе въ человѣкѣ, кромѣ физическаго организма, еще и психическаго центра, который находится съ матеріальнымъ въ непосредственной, тѣснѣйшій связи и служитъ источникомъ того дѣйствія на матеріальный міръ, того дѣятельнаго къ нему отношенія, которое приписывается общимъ сознаніемъ душѣ. Чѣмъ болѣе чувствительность слабѣетъ, чѣмъ замѣтнѣе и сильнѣе становится дѣятельность психическаго центра, тѣмъ болѣе непосредственное вліяніе внѣшнихъ впечатлѣній замѣняется вліяніемъ представленій и мыслей. Этими признаками безошибочно измѣряется степень воз-

растанія психической самопроизвольности и самодѣятельности.

V.

Прирожденныя свойства психическаго организма.

Душа есть самостоятельный и самодѣятельный организмъ.—Доказательства органической жизни души.—Ошибочный взглядъ идеалистовъ и реалистовъ на психическую жизнь.—Свойства и строеніе психическаго организма.—Ими объясняется существованіе идеальнаго міра, идей, не имѣющихъ первообраза въ матеріальной природѣ, психическое творчество, прогрессъ, произвольная и свободная дѣятельность. — Объясненіе разныхъ загадочныхъ психическихъ явленій свойствами и строеніемъ души. — Отчего зависитъ различіе между психическою жизнью человѣка и животныхъ?—Заслуги Локка, Канта и нѣмецкой философіи.

Анализъ явленій, въ которыхъ матеріальный и психическій элементы непосредственно прикасаются, подтверждаетъ, какъ мы видѣли, нѣкоторые изъ сдѣланныхъ выше выводовъ, оправдываетъ нѣкоторыя новыя соображенія, но не разрѣшаетъ главнаго вопроса: что́ же такое психическая жизнь, въ чемъ она состоитъ? Разсмотрѣнные нами факты не болѣе какъ послѣдствія взаимнаго другъ на друга дѣйствія двухъ элементовъ, матеріальнаго и психическаго, и потому показываютъ взаимныя отношенія души и тѣла, ихъ связь, ихъ различіе; но что́ такое каждый изъ этихъ центровъ самъ по себѣ, на это въ приведенныхъ фактахъ есть указанія, намеки, но нѣтъ положительнаго отвѣта; его мы должны искать въ изслѣдованіи самыхъ этихъ центровъ. Мы ограничимся здѣсь разсмотрѣніемъ только одного изъ нихъ, именно психическаго, который исключительно насъ занимаетъ.

Все сказанное выше убѣждаетъ, что невозможно остановиться на дуалистическихъ воззрѣніяхъ и признавать душу и тѣло за противоположности, исключающія взаимно другъ друга. Невозможно также, вмѣстѣ съ идеалистами и реалистами, отрицать дѣйствительное существованіе матеріальнаго или психическаго міра, потому что оба оказываются источниками различныхъ явленій; итакъ, необходимо предположить, что и тѣло и душа представляютъ своего рода самостоятельные и самодѣятельные организмы, непосредственно соединенные между собою тѣснѣйшимъ образомъ и взаимно обусловливающіе другъ друга.

Такой взглядъ есть прямой, естественный выводъ изъ всего предыдущаго. Мы видѣли, что психическая жизнь пропитана матеріальными вліяніями, что множество психическихъ явленій совершаются подъ условіями внѣшней природы, что вся психическая жизнь возникаетъ, развивается и обнаруживаетъ свою дѣятельность, если можно такъ выразиться, на матеріальной подкладкѣ. Если смотрѣть на жизнь души только съ этой стороны, то она дѣйствительно составляетъ какъ бы продолженіе матеріальнаго міра, и нѣтъ никакой надобности, да и никакого повода искать въ чемъ-либо другомъ, кромѣ физическихъ условій и законовъ, объясненія психическихъ явленій. Но рядомъ съ тѣмъ, множество другихъ фактовъ доказываютъ, что душа есть источникъ своеобразныхъ явленій; она, правда, срослась съ матеріальной природой, обусловлена ею, но въ то же время отличается отъ нея, самостоятельна и самодѣятельна; не только тѣло имѣетъ вліяніе на душу, но и наоборотъ, душа на тѣло; не всѣ психическія явленія суть необходимый результатъ, роковое послѣдствіе матеріальныхъ условій: есть и такія, которыя указываютъ на самодѣятельность души; дѣйствія ея вызываются не одними внѣшними вліяніями, но и по собственному ея почину; наконецъ, внѣшнія обнаруженія психической жизни, если и не каждый разъ, то въ большинствѣ случаевъ, вносятъ въ матеріальный міръ перестановку, иное сочетаніе данныхъ и условій и въ этомъ смыслѣ нарушаютъ естественный, необходимый ходъ матеріальныхъ явленій, видоизмѣняютъ его. Кромѣ того, внѣшній міръ и психическая среда составляютъ, несмотря на безпрестанное ихъ взаимодѣйствіе, нѣчто строго различенное другъ отъ друга. Принявъ за точку отправленія матеріальные факты, нельзя найти непосредственнаго отъ нихъ перехода къ психическому міру, и наоборотъ, отправляясь отъ психической среды, нельзя найти изъ нея непосредственнаго выхода въ матеріальную природу. Что между ними существуетъ тѣснѣйшая связь, очевидно изъ непосредственнаго соединенія души и тѣла и изъ ихъ такого же непосредственнаго другъ на друга дѣйствія и вліянія; это и заставляетъ предполагать, что они—не противоположности, соединенныя между собою непонятнымъ образомъ, а напротивъ, вѣтви, выростающія изъ одного и того же корня и расходящіяся все болѣе и болѣе, по мѣрѣ удаленія отъ общаго ихъ источника; но процессъ непосредственнаго дѣйствія и вліянія

другъ на друга души и тѣла для насъ совершенно неуловимъ и не поддается никакому анализу; мы можемъ изучать только совершившійся фактъ такого ихъ взаимодѣйствія и его результаты, какъ они выражаются въ тѣлѣ и душѣ; фактъ же и результаты представляютъ, и здѣсь и тамъ, измѣненіе состояній, и только по нимъ мы заключаемъ о свойствѣ и степени взаимодѣйствія души и тѣла.

При такой раздѣльности и обособленности матеріальнаго и психическаго міра, одинъ изъ нихъ долженъ быть для насъ недоступенъ. Только намъ недоступенъ не психическій міръ, какъ обыкновенно думаютъ, а напротивъ, реальный, внѣшняя природа, потому что мы ее знаемъ лишь по дѣйствіямъ и вліяніямъ ея на душу, — вліяніямъ, получаемымъ ею непосредственно или чрезъ внѣшнія чувства. Первымъ путемъ измѣняются душевныя состоянія и отправленія, вторымъ доставляются впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ и явленій. Только по впечатлѣніямъ и измѣненнымъ психическимъ состояніямъ мы заключаемъ о томъ, что внѣ насъ есть реальный міръ, и судимъ о его свойствахъ и характеристическихъ отличіяхъ отъ психической среды; но такіе заключенія и выводы и показываютъ, что душа имѣетъ, независимо отъ дѣйствія и вліяній на нее матеріальнаго міра, свою особую жизнь и дѣятельность,—иначе мы не имѣли бы ни малѣйшаго понятія о различіи между матеріальною и психическою жизнью, не помышляли бы противополагать ихъ другъ другу; а такъ какъ такое различіе и противоположеніе есть, и мы знаемъ, что оно существуетъ въ самой психической средѣ, т.-е. въ нашей душѣ, то изъ этого и слѣдуетъ, что жизнь ея, хотя обращена одною своею стороною къ матеріальному міру, однако не исчерпывается пассивнымъ принятіемъ его вліяній, но заключаетъ въ себѣ еще нѣчто такое, что отличаетъ ее отъ этихъ вліяній и заставляетъ отличать психическое отъ матеріальнаго.

Далѣе. Чрезъ внѣшнія чувства передаются душѣ впечатлѣнія матеріальныхъ предметовъ и явленій; но какъ эти впечатлѣнія, такъ и все, что̀ происходитъ въ душѣ, мы видимъ непосредственно, внутреннимъ зрѣніемъ, психически. Итакъ, впечатлѣнія получаются нами двоякимъ образомъ: одни, внѣшнія, чрезъ посредство внѣшнихъ чувствъ, другія, психическія, непосредственно душою. Чрезъ посредство внѣшнихъ чувствъ, обращенныхъ къ матеріальной природѣ, мы ничего не можемъ знать о томъ, что̀ заключается или происходитъ въ психической средѣ, т.-е. въ нашей душѣ; внутреннему зрѣнію, напротивъ, недоступенъ внѣшній міръ, но открыты психическія явленія. Эти два пути, изъ которыхъ одинъ ведетъ къ внѣшней природѣ, другой въ психическую среду, подтверждаютъ взглядъ, что душа составляетъ нѣчто особое, отдѣльное отъ тѣла, несмотря на тѣснѣйшую, непосредственную ихъ связь и взаимное ихъ вліяніе другъ на друга.

Итакъ, душа представляетъ нѣчто особое, различенное отъ матеріальнаго міра, хотя и обусловлена имъ и находится подъ его вліяніемъ; но дѣйствія и вліянія его она принимаетъ не пассивно, а переработываетъ, претворяетъ ихъ въ себѣ; она создаетъ въ себѣ изъ этого матеріала нѣчто новое, вовсе не похожее на то, что̀ ею принято, и обнаруживаетъ, выражаетъ это новое въ неизвѣстныхъ матеріальному міру явленіяхъ, которыя видоизмѣняютъ внѣшніе предметы и явленія и ихъ естественный, необходимый ходъ. Всѣ эти признаки составляютъ характеристическія особенности органической жизни; вотъ почему мы должны признать душу за организмъ, но, конечно, особаго рода, рѣзко отличающійся отъ всѣхъ другихъ, извѣстныхъ намъ во внѣшней природѣ.

Такой взглядъ, выведенный, какъ мы думаемъ, со всевозможною осторожностью изъ положительныхъ, несомнѣнныхъ данныхъ, можетъ показаться многимъ не только спорнымъ и страннымъ, но просто безсмысленнымъ и нелѣпымъ. Одни заподозрятъ насъ въ мистицизмѣ, запишутъ, пожалуй, въ число духовидцевъ и спиритовъ; другіе сопричислятъ къ крайнимъ матеріалистамъ и даже нигилистамъ. Ни то, ни другое нисколько насъ не удивитъ. Мы живемъ въ эпоху великихъ недоразумѣній, когда ожесточенная борьба воззрѣній прекратилась не миромъ и даже не перемиріемъ, а совершеннымъ истощеніемъ силъ противниковъ, когда подъ кажущейся самоувѣренностью люди скрываютъ глубокое раздумье, подъ наружнымъ равнодушіемъ къ вопросамъ, которые еще недавно сильно занимали умы, горестную безнадежность рѣшить ихъ. Въ такія эпохи сила убѣжденія естественно замѣняется большою щекотливостью мнѣній. Ни одно изъ нихъ не считаетъ себя побѣжденнымъ, но каждое, не имѣя силъ защищаться аргументами, упрямо

и капризно держится за всѣ свои тезисы, изъ опасенія, что малѣйшая уступка поведетъ къ торжеству противника.

Мысль, что душа есть особаго рода самодѣятельный организмъ, должна вызвать возраженія со стороны и идеалистовъ, и реалистовъ, — этихъ послѣднихъ представителей средневѣкового дуализма. Первымъ такой взглядъ покажется слишкомъ матеріальнымъ, потому что онъ сближаетъ душу съ внѣшней природой; имъ душа все еще представляется чѣмъ-то неопредѣленнымъ, неуловимымъ, неподлежащимъ никакимъ законамъ, чѣмъ-то состоящимъ въ какихъ-то, тоже очень неопредѣленныхъ, отношеніяхъ къ тѣлу и остальной природѣ. Но если душа и психическая жизнь дѣйствительно таковы, то какъ могутъ онѣ быть предметомъ научнаго изслѣдованія? Между тѣмъ, идеалисты, очень непослѣдовательно, строятъ о такихъ неопредѣленныхъ предметахъ цѣлыя теоріи, которымъ силятся присвоить научное значеніе. Съ другой стороны, реалисты, страстно и односторонне отрицающіе туманныя ученія идеализма, вѣроятно очень подозрительно взглянутъ на признаніе души за самостоятельный, самодѣятельный источникъ явленій особаго рода; въ подобномъ воззрѣніи имъ, безъ сомнѣнія, будутъ мерещиться отжившіе тезисы идеализма. И тѣ, и другіе, судя о взглядѣ по готовымъ шаблонамъ и крѣпко держась за свои ученія въ виду противника, одинаково недружелюбно встрѣтятъ всякую попытку развязать узелъ, завязанный давнымъ-давно, при совершенно иномъ состояніи наукъ, и остающійся до сихъ поръ нераспутаннымъ, только благодаря безчисленнымъ старымъ и новымъ недоразумѣніямъ и предразсудкамъ. Однако когда-нибудь, рано или поздно, а придется его распутывать. Съ вопросомъ о психической жизни тѣсно связаны самые близкіе, самые дорогіе нравственные интересы человѣческаго рода. Идеалисты и реалисты, отворачиваясь отъ положительныхъ, несомнѣнныхъ фактовъ, неподходящихъ подъ ихъ воззрѣнія, оказываются равно несостоятельными вывести психологію на прямой путь; но тѣ и другіе, съ различныхъ точекъ зрѣнія, предъявляютъ требованія, которыя вытекаютъ изъ самаго существа дѣла и не могутъ быть безнаказанно пренебрежены или отвергнуты. Вся задача состоитъ теперь въ томъ, чтобы понять эти требованія и дать имъ мѣсто въ наукѣ. Мы это и стараемся сдѣлать, выставляя гипотезу, что душа есть живой организмъ. Такая гипотеза, какъ мы думаемъ, разрѣшаетъ всѣ споры и недоумѣнія; только она одна въ состояніи придать явленіямъ психической жизни значеніе положительныхъ данныхъ, доступныхъ научному изслѣдованію. Постараемся объяснить нашу мысль.

Прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе тотъ фактъ, что одни изъ явленій, въ которыхъ обнаруживается жизнь и дѣятельность человѣка, происходятъ вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній и возбужденій, механически, по законамъ матеріальной природы; другія, напротивъ, вызываются, повидимому, самостоятельною дѣятельностью особаго рода, идущею изъ человѣка, независимо отъ внѣшнихъ возбужденій, и которая вноситъ въ его жизнь и отправленія новыя условія, видоизмѣняющія необходимый ходъ явленій. Общее сознаніе уже давно открыло эти два противоположные, другъ другу на встрѣчу идущіе тока, и всѣ явленія перваго порядка приписало тѣлу, второго—душѣ; но когда отсюда возникли вопросы, что̀ же такое душа и тѣло, въ какомъ отношеніи они находятся другъ къ другу и гдѣ раздѣляющая ихъ черта,— наука, послѣ долгихъ тщетныхъ попытокъ и блужданій, должна была, наконецъ, отказаться отъ разрѣшенія этихъ вопросовъ. Чѣмъ больше накоплялось данныхъ, чѣмъ разностороннѣе и глубже они изслѣдовались, тѣмъ больше и больше выяснялось, что границы между душою и тѣломъ провести невозможно,—такъ они тѣсно между собою связаны и взаимно проникаютъ другъ друга; что противополагать ихъ точно также невозможно, во-первыхъ, потому, что они непосредственно между собою соединены; во-вторыхъ, потому, что душа и тѣло, какъ они представляются общему сознанію, несоизмѣримы, не имѣютъ рѣшительно ничего между собою общаго; въ-третьихъ, — и это главное, — потому, что психическія явленія, насколько они соприкасаются съ внѣшнимъ міромъ и могутъ быть наблюдаемы въ связи съ матеріальными фактами, не что̀ иное какъ своеобразныя видоизмѣненія этихъ фактовъ, и никакого особаго, имъ собственно принадлежащаго содержанія не имѣютъ: психическія явленія, обнаруживающіяся въ матеріальныхъ фактахъ, отличаются отъ послѣднихъ только иною ихъ группировкой. Анализируя наши ощущенія, мысли, представленія, движенія воли, обращенныя къ матеріальному міру, мы находимъ,

что они—то же самое, что соотвѣтствующія имъ явленія матеріальнаго міра, только въ другихъ сочетаніяхъ, вслѣдствіе чего имѣютъ другой видъ и форму. Итакъ, съ точки зрѣнія внѣшняго міра, душа есть не что иное, какъ центръ, изъ котораго идутъ процессы, претворяющіе матеріальные факты, преобразующіе ихъ форму, или особаго рода аппаратъ, чрезъ который и посредствомъ котораго совершается это превращеніе. Процессъ такихъ превращеній, насколько мы можемъ его прослѣдить, происходитъ такимъ образомъ: сначала душа, подъ вліяніемъ впечатлѣній окружающаго міра и ближайшимъ образомъ тѣла, воспроизводитъ въ себѣ представленія и мысли, соотвѣтствующія этимъ впечатлѣніямъ, разлагаетъ ихъ, приводитъ въ новыя сочетанія, и въ этомъ новомъ видѣ возвращаетъ во внѣшній міръ, создавая для него чрезъ это образцы новыхъ, небывалыхъ явленій; по этимъ образцамъ передѣлывается и перестраивается потомъ окружающая человѣка среда и самое тѣло. Впрочемъ, чрезъ такое творчество ничего во внѣшней природѣ матеріально не прибавляется и ничего не убываетъ; законы ея остаются ненарушимо тѣ же самые; образуются только новыя комбинаціи и формы, невозможныя безъ участія человѣка. Такое взаимодѣйствіе матеріальнаго міра и души представляетъ не болѣе, какъ особый видъ органической жизни; какъ всякій организмъ принимаетъ въ себя пищу извнѣ, переработываетъ ее, обновляется ею и затѣмъ возвращаетъ ее изъ себя въ другихъ сочетаніяхъ, такъ точно и душа принимаетъ извнѣ впечатлѣнія, удерживаетъ ихъ въ себѣ, переработываетъ и преобразуетъ ими матеріальную среду, въ которой живетъ. Чтобы быть такимъ преобразующимъ центромъ въ матеріальномъ мірѣ, душа необходимо должна находиться съ нимъ въ тѣснѣйшей, неразрывной связи, составлять его органическую часть, продолженіе, высшую ступень; иначе нельзя себѣ представить, какимъ образомъ душа и тѣло могли бы дѣйствовать другъ на друга. Вотъ причина, почему дуализмъ, развившійся постепенно и незамѣтно изъ первоначальнаго различенія души отъ тѣла въ рѣзкое противоположеніе ихъ другъ другу, былъ отброшенъ наукою и замѣненъ представленіемъ о единствѣ человѣческой природы. Это воззрѣніе уже пустило глубокіе корни въ современномъ сознаніи и теперь лежитъ въ основаніи всѣхъ научныхъ изслѣдованій и міросозерцаній. Если результаты его покуда такъ шатки и сомнительны, несмотря на богатство научно-разработаннаго матеріала и наблюденій, то причины должно искать единственно въ томъ, что дуализмъ, побѣжденный въ принципѣ, продолжаетъ до сихъ поръ крѣпко держаться въ головахъ, въ видѣ безсознательнаго предразсудка. Матеріалисты и реалисты, судя о психической жизни только по ея явленіямъ, обращеннымъ къ матеріальному міру, видятъ въ душѣ не болѣе какъ механизмъ, приданный тѣлу и принимающій извѣстное участіе въ его жизни, по законамъ физической природы. Взглядъ ихъ односторонень, неполонъ, но онъ выведенъ изъ самыхъ строгихъ и точныхъ изслѣдованій. Вмѣсто того, чтобы его дополнить, спиритуалисты и идеалисты закрываютъ глаза передъ очевидными фактами и потому, въ спорѣ съ ними, побѣждены. Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, не вводя въ заблужденіе себя и другихъ, отрицать, что психическія состоянія и самая психическая жизнь находятся подъ непрерывнымъ и сильнымъ вліяніемъ матеріальныхъ условій и фактовъ? Душа глубоко вросла своими корнями въ матеріальный міръ, вплетена въ него безчисленными нитями; почва ея и начальные ея мотивы вполнѣ физическаго свойства; чувство, по природѣ своей, пропитано матеріальными элементами и оттого такъ сильно дѣйствуетъ на физическій организмъ; мало того: способность къ умственнымъ и нравственнымъ привычкамъ, въ которыхъ скрывается причина извѣстнаго склада ума, нравственныхъ наклонностей, нравственнаго характера, указываетъ на матеріальную основу души. Во всѣхъ названныхъ явленіяхъ, которыя мы привыкли считать за самыя идеальныя ея стороны, выражается лишь накопленіе психическихъ упражненій и опытовъ, ихъ капитализація, совершенно сходная съ накопленіемъ слѣдовъ физическихъ упражненій въ привычкахъ тѣла и его органовъ. Источникъ и законъ ихъ очевидно одинъ и тотъ же, и если душа способна, по привычкѣ, преднамѣренно дѣйствовать въ данныхъ случаяхъ извѣстнымъ, а не другимъ образомъ, то нельзя отрицать, что это ея свойство сближаетъ ее съ внѣшней природой, которая также непроизвольно, по привычкѣ, производитъ, при извѣстныхъ условіяхъ, одни и тѣ же извѣстныя явленія. Обратимся ли къ ходу развитія отдѣльнаго человѣка, или цѣлаго народа, или всего рода чело-

вѣческаго,—и здѣсь мы найдемъ подтвержденіе той истины, что психическая жизнь сплетена съ матеріальной неразрывными узами. Въ самомъ началѣ душа дремлетъ. Первые признаки психической жизни обнаруживаются медленно, и лишь мало-по-малу она высвобождается изъ-подъ подавляющихъ матеріальныхъ вліяній, которыя, чѣмъ дальше назадъ, ближе къ началу, тѣмъ царятъ полновластнѣе и нераздѣльнѣе. Много проходитъ времени, пока душа, возмужавъ и окрѣпнувъ, начинаетъ жить самостоятельною жизнью, становится самодѣятельною, центромъ и источникомъ своеобразныхъ явленій. Достигнувъ этой степени развитія, она обращается на внѣшній міръ и перестановкою его естественныхъ условій производитъ въ немъ новыя, невиданныя дотолѣ сочетанія. Такая передѣлка окружающей среды возможна лишь потому, что, выработавшись изъ-подъ матеріальнаго міра, ставъ выше его, душа остается запечатлѣнною матеріальнымъ характеромъ, по крайней мѣрѣ съ той стороны, которою она обращена къ природѣ и находится съ нею въ непосредственныхъ соприкосновеніяхъ. Отвергая эти несомнѣнные факты, изъ боязни компрометтировать психическое начало и его самостоятельность, спиритуалисты и идеалисты теряютъ почву подъ ногами и доставляютъ своимъ противникамъ легкую побѣду. Психическое начало не требуетъ вовсе, для своей защиты, отрицанія фактовъ, доказанныхъ наукою.

Вотъ въ чемъ, по нашему мнѣнію, заключается слабая сторона идеализма, которая и должна быть отброшена наукою. Коренные недостатки реалистическихъ воззрѣній совсѣмъ другого рода. Реалисты теряютъ изъ виду, что психическая жизнь и дѣятельность не исчерпываются одними отношеніями души къ матеріальному міру. За тою ея стороною, которая обращена къ внѣшней природѣ, существуетъ другая, недоступная внѣшнимъ наблюденіямъ и опытамъ, не имѣющая прямого отношенія къ матеріальнымъ фактамъ. Эта сторона не можетъ быть предметомъ изслѣдованій по матеріальнымъ даннымъ и открывается только психическому зрѣнію, котораго тоже нельзя объяснить никакими матеріальными фактами. Мало того: вся преобразовательная, творческая дѣятельность человѣка во внѣшнемъ мірѣ представляется внѣшнимъ чувствамъ только въ своихъ результатахъ; психическіе процессы, подготовляющіе образцы новыхъ сочетаній условій и фактовъ въ матеріальной средѣ, скрыты отъ внѣшнихъ чувствъ; источникъ и механизмъ самопроизвольныхъ движеній точно такъ же недоступенъ внѣшнимъ наблюденіямъ. Матеріалисты и реалисты отвергаютъ эту сторону психической жизни совершенно неправильно; они только не могутъ ее видѣть, какъ они не могутъ, изслѣдуя одни внѣшніе, матеріальные факты, подойти къ свободной волѣ и ея явленіямъ. Съ реальной точки зрѣнія, источники и главные двигатели психической жизни теряются въ извѣстной дали, куда внѣшнія чувства не проникаютъ, и реалисты конечно неправы, отвергая достовѣрность того, что недоступно внѣшнимъ чувствамъ, когда есть другой органъ, психическое зрѣніе, которымъ обусловлено самонаблюденіе и которому это недоступное открыто и видимо. Но какъ же отвѣчаетъ на это отрицаніе идеализмъ? Вмѣсто того, чтобъ поднять нить изслѣдованій тамъ, гдѣ она для реалистовъ обрывается, и пытаться другими путями проникнуть къ самымъ источникамъ психической жизни, недоступнымъ для реальнаго знанія, идеалисты тщетно усиливаются отвоевать у естествознанія то, что ему принадлежитъ прочно и несомнѣнно; имъ бы слѣдовало знать, что отношеніями къ матеріальному міру дѣятельность души далеко не ограничивается; что за предѣлами міра, подлежащаго внѣшнимъ чувствамъ, психическому зрѣнію открывается цѣлый міръ другого порядка. Здѣсь душа точно такъ же дѣйствуетъ на самое себя, какъ во внѣшнемъ мірѣ на матеріальную природу. Преобразуя внѣшнюю свою обстановку, человѣкъ передѣлываетъ и самого себя. Такимъ образомъ, въ душѣ заключается источникъ ея самостоятельности и самодѣятельности; она даетъ человѣку точку опоры, не только для борьбы съ окружающимъ, но и съ самимъ собой. Надъ видимымъ матеріальнымъ міромъ, въ душѣ человѣка создается другой, невидимый, идеальный міръ, —міръ представленій и мыслей, которому человѣкъ подчиняетъ свое личное, индивидуальное существованіе, по требованіямъ и законамъ котораго онъ воспитываетъ, перерабатываетъ, передѣлываетъ свою интимную психическую жизнь. Во взаимныхъ отношеніяхъ этого невидимаго міра и личныхъ, индивидуальныхъ наклонностей человѣка, въ ихъ столкновеніяхъ и борьбѣ, которая пред-

ставляется намъ въ видѣ внутренней борьбы чувства съ разумомъ и его рѣшеніями, заключается весь смыслъ и высокій интересъ нравственной жизни человѣка. Бываютъ эпохи, когда перевороты въ установившихся формахъ жизни отодвигаютъ этотъ интересъ на второй планъ, когда критика этихъ формъ, расшатанныхъ и отжившихъ свое время, поглощаетъ всѣ силы, всю дѣятельность: въ такія эпохи, идивидуальная жизнь, лишенная точки опоры, теряетъ какъ будто значеніе, не имѣетъ цѣли, пуста и безцвѣтна; но тогда, рука объ руку съ нравственнымъ распаденіемъ и ничтожествомъ людей, идетъ и коренное распаденіе самыхъ основаній общественной жизни, а это рано или поздно вынуждаетъ снова стремиться къ возсозданію, на обновленныхъ началахъ, индивидуальной психической жизни, вынуждаетъ опять обратиться къ той почвѣ, на которой строится и стоитъ все зданіе общественности. Таково наше время, и здѣсь-то должно искать причины того отсутствія идеаловъ, той убыли души, на которую мы такъ горько жалуемся. Вѣрованія и воззрѣнія людей запутались въ безъисходныхъ противорѣчіяхъ; почва колеблется подъ ногами; все стало зыбко и непрочно; вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣкъ извѣрился, психически измельчалъ, дошелъ до поразительнаго безсилія и ничтожества. Странно и жалко видѣть, что въ такое время идеалисты и реалисты, во имя давнишняго спора, не имѣющаго больше смысла, отстаиваютъ съ настойчивостью, достойною лучшаго дѣла, обветшалые и невозможные тезисы. Пора, кажется, перестать отрицать безспорные научные выводы и упорно отвергать столько же несомнѣнные факты, потому только, что они не подлежатъ внѣшнимъ чувствамъ. Единство человѣческой природы, къ которому приводятъ нынѣ самыя разностороннія научныя изслѣдованія, нисколько не будетъ нарушено, если мы, на основаніи такихъ же изслѣдованій, допустимъ, что въ человѣкѣ заключаются два организма, развившіеся изъ одного общаго корня и вслѣдствіе того тѣсно между собою соединенные и взаимно другъ на друга дѣйствующіе, но въ то же время различенные, живущіе, кромѣ имъ обоимъ общей, и своею особою жизнью, и производящіе, каждый, своеобразныя явленія. Въ свойствахъ этихъ организмовъ и ихъ взаимодѣйствіи заключается, какъ мы думаемъ, вся суть человѣческой природы и объясненіе всѣхъ ея разнообразныхъ проявленій.

Но если душа есть дѣйствительно организмъ, то спрашивается: какая его природа, или каковъ онъ по своему существу, и чѣмъ разнится, въ этомъ отношеніи, отъ физическаго организма, съ которымъ такъ тѣсно связанъ? Эти вопросы когда-то сильно волновали умы, но потомъ постепенно упали. Мы уже сказали выше, что тѣло и душу нельзя противополагать другъ другу, потому что многія черты, долго считавшіяся исключительною принадлежностью одной матеріальной природы, оказываются, при ближайшемъ разсмотрѣніи, общею принадлежностью и физической и психической жизни; такъ многія несомнѣнно психическія явленія совершаются по опредѣленнымъ законамъ, съ неизбѣжною правильностью, напоминающею роковую необходимость явленій матеріальнаго міра: точно такъ же, многое совершается въ душѣ безсознательно, хотя мы и думаемъ, что безсознательность есть свойство одной внѣшней природы. Рѣзкое противоположеніе матеріальнаго психическому и попытки опредѣлить сущность, природу того и другого возникли въ исходѣ среднихъ вѣковъ, когда сложилось представленіе о матеріи, только какъ о чемъ-то косномъ, протяженномъ, неоживленномъ, непроницаемомъ, подлежащемъ внѣшнимъ чувствамъ, а другія ея свойства и принадлежности еще не обратили на себя вниманія. Такое ограниченное, неполное представленіе образовалось подъ вліяніемъ самыхъ отвлеченныхъ изъ отвлеченныхъ наукъ, математики и механики, которыя имѣютъ дѣло только съ этими, дѣйствительными или предполагаемыми свойствами и принадлежностями внѣшней природы и опускаютъ изъ виду всѣ другія, до которыхъ имъ нѣтъ дѣла. Въ исходѣ среднихъ вѣковъ, когда другія отрасли естествознанія, кромѣ математики и механики, или не существовали, или находились въ младенчествѣ, иного представленія о матеріи и быть не могло. При такомъ взглядѣ, и при убѣжденіи, что матерія противоположна душѣ, опредѣлить природу или существо послѣдней казалось легко: стоило только приписать ей свойства, противоположныя свойствамъ матеріи. Но съ тѣхъ поръ многое существенно измѣнилось. Самое представленіе о матеріи вообще исчезло изъ положительныхъ наукъ, и удержалось, по преданію и привычкѣ, только въ

философіи и психологіи, этихъ древлехранилищахъ разнаго средневѣкового хлама. Физика и химія, естественная исторія, анатомія и физіологія показали, что неоживленной матеріи вовсе не существуетъ, что матерія, въ этомъ смыслѣ, есть отвлеченное понятіе, существующее только въ нашей головѣ, а не въ дѣйствительности. Электричество, магнетизмъ, гальванизмъ, теплота, химическое сродство, растительная и животная жизнь — матеріальныя явленія, неподходящія подъ математическое и механическое опредѣленіе матеріи. Наконецъ, знакомство съ органическою жизнью нанесло этому представленію о матеріи окончательный ударъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ въ самомъ основаніи пошатнуло дуалистическое противоположеніе души внѣшней природѣ. Организмъ—предметъ сравнительно новый въ наукѣ и еще невыясненный вполнѣ; но судя уже по тому, что мы объ немъ знаемъ, можно предвидѣть, что его дальнѣйшее изученіе кореннымъ образомъ измѣнитъ взглядъ на природу и матеріальную жизнь вообще. Всякій организмъ представляетъ собою какой-то узелъ, какъ бы особую форму, около которой группируются разнообразные процессы; она обусловливаетъ ихъ, опредѣляетъ извѣстный ихъ круговоротъ, оставаясь одною и тою же, несмотря на болѣе или менѣе быструю и полную замѣну однѣхъ матеріальныхъ составныхъ частицъ организма другими. Этотъ узелъ, эта форма рѣшительно спутываетъ всѣ наши предвзятыя понятія о матеріи. Самый тщательный анализъ не открылъ доселѣ въ физическихъ организмахъ ничего такого, что̀ не находилось бы въ природѣ внѣ ихъ, только въ другихъ сочетаніяхъ; между тѣмъ, организмъ не есть сумма этихъ составныхъ частей, а что-то особое, какой-то особый образъ, въ условіяхъ котораго, намъ совершенно неизвѣстныхъ и непонятныхъ, совершается матеріальная жизнь. Что эта форма вполнѣ принадлежитъ физической природѣ,—не подлежитъ сомнѣнію послѣ изслѣдованій Дарвина, который доказалъ тѣснѣйшую ея зависимость отъ внѣшней обстановки и условій; но между представленіемъ о матеріи, къ которому приводятъ физическіе организмы, и понятіемъ, какое сложилось вслѣдствіе изученія математики и механики, лежитъ цѣлая бездна; форма организма, опредѣляющая его развитіе и отправленія, точно такая же реальная дѣйствительность, какъ и тѣ свойства, которыя мы до сихъ поръ приписывали матеріи; а между тѣмъ, эта форма не имѣетъ ни одного изъ этихъ свойствъ. Въ виду организмовъ, средневѣковое противоположеніе души тѣлу окончательно пало, за неимѣніемъ точки опоры. Успѣхи естествознанія привели къ убѣжденію, что неоживленной матеріи вовсе не существуетъ, что неорганическая природа тѣснѣйшимъ образомъ связана съ органической, что послѣдняя представляетъ безчисленное множество организмовъ, болѣе или менѣе развитыхъ, что ряды ихъ тянутся, переплетаясь между собою, отъ неорганическаго міра до человѣка, который физически представляетъ самый развитой и относительно совершенный изъ всѣхъ организмовъ. Сравнивая организмы между собою, мы не въ состояніи опредѣлить, чѣмъ они отличаются другъ отъ друга по своему существу, по своей природѣ; видимъ только, что одни устроены такъ, другіе иначе; что одни переработываютъ только неорганическій матеріалъ, другіе, сверхъ того, и органическій; притомъ одни претворяютъ органическій матеріалъ только извѣстнаго рода, другіе нѣсколькихъ или даже всякихъ родовъ. Откуда происходятъ эти различія, какъ и почему образовались такія или другія органическія формаціи—на эти вопросы наука пока не въ состояніи отвѣчать, а если существо физическихъ организмовъ составляетъ для насъ пока тайну, то нечего и задаваться вопросомъ, чѣмъ различаются физическіе и психическіе организмы по своей сущности или природѣ; по крайней мѣрѣ въ настоящее время о разрѣшеніи такихъ вопросовъ нельзя и думать.

Кромѣ этихъ вопросовъ, есть въ психологіи другіе, къ нимъ близкіе и болѣе намъ доступные, которые въ порядкѣ нашего изложенія стоятъ первыми на очереди и для разрѣшенія которыхъ уже собрано довольно отчасти критически разработаннаго матеріала; мы разумѣемъ вопросы о свойствахъ и способностяхъ души и о строеніи душевнаго организма. По удивительной путаницѣ всѣхъ психологическихъ понятій, которою отличается наше время, на опредѣленіе существа или природы души тратилась, еще недавно, бездна безплоднаго труда и усилій; а ея свойства, ея особенности, ея внутреннее строеніе, которыя выражаются въ множествѣ психическихъ фактовъ, доступныхъ для изслѣдованія, оставлены въ сторонѣ не-

разсмотрѣнными. Между тѣмъ, если душа есть самостоятельный и самодѣятельный организмъ, то явленія и факты, въ которыхъ проявляется психическая жизнь и дѣятельность, должны обусловливаться его свойствами и особенностями его внутренняго строенія и могутъ быть объяснены только ими, и наоборотъ: по свойствамъ и характеристическимъ особенностямъ психическихъ явленій и фактовъ мы можемъ составить себѣ хотя приблизительное понятіе о внутренней организаціи души. Предметъ этотъ потому ближайшій на очереди, что операціи мышленія, произвольность движеній и другіе психическіе процессы, которые мы будемъ разсматривать ниже, находятся въ тѣсной зависимости отъ организаціи души и уже предполагаютъ знакомство съ нею. Что касается матеріала для изслѣдованія этого предмета, то онъ гораздо богаче, чѣмъ обыкновенно думаютъ. По странному предразсудку, обязанному своимъ происхожденіемъ младенческому состоянію психологіи, мы воображаемъ, что кругъ психологическихъ изслѣдованій ограниченъ одними фактами, добытыми чрезъ самонаблюденіе; но жизнь души выражается во внѣшнемъ творчествѣ, вообще во всей внѣшней дѣятельности человѣка; объективными слѣдами его психической жизни наполнено все, что̀ его окружаетъ, и изъ сравненія ихъ съ фактами и явленіями природы, возникающими безъ участія человѣка, мы легко можемъ открывать характеристическія особенности и самые законы психической жизни. Слова и рѣчь, сочетанія звуковъ, художественныя произведенія, наука, обычаи и вѣрованія, матеріальныя созданія, гражданскіе и политическіе уставы, памятники исторической жизни,—словомъ все, въ чемъ только выражается дѣятельность человѣка, служитъ, въ этомъ смыслѣ, матеріаломъ для психологическихъ наблюденій и изслѣдованій; надо только умѣть имъ пользоваться; историки придумали же способы извлекать изъ народныхъ обычаевъ, легендъ, миѳовъ, скрывающіеся въ нихъ историческіе факты; они научились снимать съ нихъ оболочку, сотканную психической обработкой; въ психологическихъ изслѣдованіяхъ все вниманіе, напротивъ, должно быть обращено именно на эту обработку, потому что она-то и содержитъ въ себѣ объективный слѣдъ психической дѣятельности, по которому и должно изучать свойства, особенности и законы психической жизни. Греки, изъ наблюденій надъ словомъ и рѣчью, вывели формы и законы мышленія; точно такимъ же образомъ должна быть создана и психологія, и только тогда она станетъ положительной наукой.

Чтобъ ознакомиться съ свойствами и внутреннимъ строеніемъ душевнаго организма, слѣдуетъ, разумѣется, разсмотрѣть прежде всего тѣ факты, которые считаются отличительными характеристическими признаками психическаго элемента, выражаютъ его по преимуществу. Такими фактами, какъ мы видѣли, считаются три: идеальность, сознательность и самопроизвольность или воля. Но изъ нихъ идеальность, какъ мы уже замѣтили и еще подробно объяснимъ впослѣдствіи, есть продуктъ психическихъ операцій и процессовъ, которые, въ свою очередь, обусловливаются извѣстными свойствами и строеніемъ души; поэтому послѣднія не обнаруживаются непосредственно въ идеальности и недоступны въ ней для наблюденія. То же самое должно сказать и о волѣ; къ тому же реалисты, какъ извѣстно, отрицаютъ волю и самодѣятельность души, а на спорныхъ фактахъ нельзя основать изслѣдованія. Итакъ, остается сознательность, съ которой мы и начнемъ разсмотрѣніе условій психической жизни.

Что̀ такое, спрашивается, сознательность или сознаніе? Оно и есть то, что̀ мы не разъ называли внутреннимъ, психическимъ зрѣніемъ,—именно актъ, отправленіе способности видѣть особеннымъ образомъ, безъ помощи физическаго глаза, то, что̀ невидимо для него заключается или происходитъ въ нашей душѣ. Когда я разсматриваю свое лицо въ зеркалѣ, я вижу его физическимъ зрѣніемъ; но когда я сознаю свою мысль, чувство, желаніе или намѣреніе, то очевидно, что я вижу ихъ, но вижу особеннымъ образомъ, потому что видѣть физически, матеріально свою мысль, чувство, желаніе или намѣреніе—нельзя. Намъ скажутъ: угадываемъ же мы чувства, мысли, цѣли другихъ людей, хотя и не видимъ ихъ физически, внѣшнимъ образомъ; для этого намъ служатъ внѣшніе признаки, въ которыхъ выражаются психическія состоянія и факты; стало быть, чтобъ знать ихъ, нѣтъ надобности ни въ какомъ внутреннемъ зрѣніи: они узнаются по внѣшнимъ даннымъ, какъ и все остальное. Все это, конечно, такъ. Замѣтимъ одно: то, что̀

мы сами думаемъ, чувствуемъ, желаемъ или замышляемъ, мы сознаемъ ясно и опредѣлительно безъ помощи внѣшнихъ признаковъ, непосредственно, внутреннимъ образомъ; значитъ, мы имѣемъ способность, помимо внѣшнихъ чувствъ, узнавать то, что̀ заключается или происходитъ въ нашей душѣ. Внѣшніе признаки, въ которыхъ выражаются психическія состоянія и движенія другихъ людей, имѣютъ для насъ смыслъ потому только, что мы сами въ себѣ испытываемъ такія же состоянія и движенія и знаемъ или видимъ ихъ психически; по наведенію (аналогіи) мы заключаемъ о нихъ и въ другихъ людяхъ; не знай мы ихъ по собственному опыту, мы и не подозрѣвали бы, что такія-то психическія состоянія и движенія обнаруживаются въ такихъ-то внѣшнихъ признакахъ, что между тѣми и другими существуетъ извѣстное, правильное, постоянное соотвѣтствіе, и потому, когда такихъ внѣшнихъ признаковъ нѣтъ, напримѣръ, когда человѣкъ умѣетъ такъ искусно скрывать свои внутреннія состоянія и движенія, что они вовсе не выступаютъ наружу во внѣшнихъ признакахъ, мы не знаемъ и не можемъ знать что̀ происходитъ въ его душѣ; тогда чужая душа для насъ—потемки. Скажемъ здѣсь кстати, что названіе: внутреннее, психическое зрѣніе не совсѣмъ точно. Описанная выше психическая способность соотвѣтствуетъ не одному зрѣнію, но и другимъ внѣшнимъ чувствамъ; но названіе это вошло въ употребленіе и мы его удерживаемъ, за неимѣніемъ лучшаго.

Разсказываютъ, что люди, погруженные въ магнетическій сонъ, способны отчетливо и ясно видѣть внутреннее строеніе тѣла, всѣ его внутренніе органы и внутренніе физическіе процессы и отправленія. Если эти разсказы справедливы, то магнетическое ясновидѣніе, въ ряду физическихъ явленій, представляетъ фактъ аналогическій съ психическимъ зрѣніемъ: какъ ясновидящій непосредственно, безъ помощи физическаго глаза, видитъ и знаетъ, что̀ заключается и дѣлается внутри его тѣла, такъ мы знаемъ и видимъ непосредственно, что̀ содержится или заключается въ нашей душѣ и что̀ недоступно для внѣшнихъ чувствъ.

Но мы видимъ непосредственно не только свои мысли, чувства, желанія и намѣренія: мы какъ бы видимъ психически самихъ себя. Въ этомъ, ближайшимъ образомъ, выражается различіе между сознаніемъ и самосознаніемъ. Когда человѣкъ думаетъ о себѣ, когда онъ говоритъ: *Я*—ему представляются не физическія его особенности, не психическія свойства, состоянія или движенія, даже не совокупность тѣхъ и другихъ, а та, если можно такъ выразиться, единица—невидимая, не подлежащая внѣшнимъ чувствамъ, къ которой сходятся и изъ которой вытекаютъ всѣ физическія и психическія особенности, дѣлающія его такимъ-то, а не другимъ человѣкомъ, т.-е. имъ самимъ, самимъ собою. Въ частичкѣ: *Я*,—выражается, что человѣкъ внутренно, психически, видитъ самого себя. Это состояніе его можно выразить такъ: онъ смотритъ на самого себя, какъ на что-то постороннее, другое, сознавая въ то же время, что это другое есть онъ самъ. Чтобы наглядно, хотя и не совсѣмъ точно представить себѣ это состояніе, припомнимъ ощущеніе, какое испытываемъ, глядясь въ зеркало: въ немъ отражается нашъ образъ; этотъ образъ нѣчто для насъ постороннее, внѣшнее, другое; но мы знаемъ, что это другое—мы сами, что мы и онъ — одно и то же.

Сознаніе, а тѣмъ болѣе самосознаніе, предполагаютъ въ душѣ два свойства: память и способность раздвоиться внутри себя, оставаясь въ то же время единой и цѣльной. На эти свойства указываетъ самое простое соображеніе. Видѣть психически можно только то, что̀ есть, находится въ нашей душѣ, что̀, отпечатлѣвшись, сохранилось или удержалось въ ней; а какъ психическое зрѣніе есть обращеніе души на то, что̀ въ ней же самой происходитъ, или на самую себя (въ самосознаніи), то, значитъ, она способна раздвоиться въ себѣ, оставаясь нераздѣльной и цѣльной.

Остановимся на этихъ двухъ свойствахъ.

Слово: память—не совсѣмъ вѣрно выражаетъ способность души, которую мы здѣсь разумѣемъ. Память часто смѣшивается въ разговорѣ съ воспоминаніемъ; но воспоминаніе есть, очевидно, то же, что̀ сознаніе, и было бы невозможно, еслибы въ душѣ не сохранились, не были удержаны полученныя впечатлѣнія. Способность ихъ удерживать, сохранять, мы и имѣемъ здѣсь въ виду, какъ основное, прирожденное свойство души, отъ котораго воспоминаніе находится въ полной зависимости и отъ котораго оно происходитъ, при участіи двухъ другихъ такихъ же прирожденныхъ способностей: психическаго зрѣнія и внутренняго раздвоенія души.

Память, въ смыслѣ свойства души сохранять впечатлѣнія, есть одно изъ первыхъ, основныхъ условій психической жизни. Послѣднюю нельзя себѣ безъ нея и представить. Еслибы въ душѣ вовсе не сохранялось то, что̀ на нее дѣйствуетъ, и каждое впечатлѣніе безъ слѣда исчезало вмѣстѣ съ удаленіемъ предмета или явленія, которые произвели впечатлѣніе, то человѣкъ не могъ бы ничего сопоставлять, сравнивать и различать, не могъ бы узнавать знакомое, не имѣлъ бы ни представленій, ни мыслей; словомъ, онъ стоялъ бы ниже всѣхъ животныхъ, которыя, будучи психически менѣе развиты, чѣмъ человѣкъ, умѣютъ однако различать предметы и узнавать ихъ. Нѣтъ ни одного психическаго акта, который бы не предполагалъ памяти. Безъ нея было бы невозможно самое представленіе о душѣ, какъ о чемъ-то самостоятельномъ и самодѣятельномъ.

Говоря о способности души сохранять впечатлѣнія, мы обыкновенно подразумѣваемъ одни впечатлѣнія внѣшняго міра, матеріальныя, и не замѣчаемъ, что способность эта точно такъ же примѣняется и къ фактамъ психическимъ, не подлежащимъ внѣшнимъ чувствамъ; однако нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что мы удерживаемъ въ душѣ не только черты человѣка, съ которымъ познакомились, слышанный разговоръ или музыкальную пьесу, но и мысль, которая намъ пришла въ голову, чувства, желанія, которыя когда-то испытывали, намѣреніе, созрѣвшее въ душѣ. Это показываетъ, что не одни внѣшніе предметы, но и психическія явленія, недоступныя внѣшнимъ чувствамъ, производятъ въ душѣ впечатлѣнія, которыя въ ней тоже сохраняются. Способность удерживать этого рода впечатлѣнія, которыя мы, въ отличіе отъ внѣшнихъ, назовемъ психическими, имѣетъ гораздо болѣе обширное примѣненіе, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Нѣтъ такого психическаго отправленія, операціи, процесса, нѣтъ душевнаго движенія, факта психической жизни, который бы не производилъ въ душѣ впечатлѣнія и въ ней не сохранялся. Если мы имѣемъ понятіе о сознаніи и самосознаніи, о любви и ненависти, о представленіи и мысли, объ умѣ, волѣ, душѣ и т. д., то единственно потому, что всѣ эти психическіе предметы и явленія, будь они первоначальные факты или продукты психическихъ процессовъ и операцій, отпечатлѣваются въ душѣ и сохраняются, такъ что могутъ представляться сознанію. Такимъ образомъ, душа имѣетъ удивительное свойство отражаться въ самой себѣ, со всѣми малѣйшими подробностями того, что̀ она есть и что̀ въ ней происходитъ, и со всѣми результатами и послѣдствіями ея дѣятельности. По этимъ отраженіямъ или психическимъ впечатлѣніямъ, сохранившимся въ душѣ, мы и имѣемъ возможность, повѣряя ихъ, возстановляя, обработывая критически, научнымъ образомъ, подобно тому, какъ обработываемъ слѣды внѣшней психической дѣятельности, изучать психическую жизнь и ея явленія.

Внутреннее зрѣніе и способность души получать и сохранять психическія впечатлѣнія указываетъ на свойство ея раздвояться внутри себя, оставаясь единой и цѣльной. Какъ память сохраняетъ и удерживаетъ въ душѣ факты, которые представляются сознанію и самосознанію, такъ раздвоеніе души, остающейся въ то̀ же время единой, даетъ намъ возможность ихъ видѣть и знать, что они находятся въ душѣ, или видѣть себя и знать, что̀ видимъ себя, а не другого. Еслибы душа не имѣла способности раздвояться, оставаясь нераздѣльной и цѣлой, то человѣкъ не могъ бы видѣть того, что̀ заключается и происходитъ въ его душѣ, не могъ бы психически смотрѣть въ самого себя; еслибы душа, раздвояясь, не оставалась въ то же время нераздѣльной, то человѣкъ не могъ бы сознавать самого себя, думать или говорить о себѣ: *Я*; раздвоившись внутренно, онъ психически распался бы на двѣ посторонніе другъ другу половины и казался бы самому себѣ чѣмъ-то постороннимъ, чуждымъ и внѣшнимъ; но такъ какъ онъ сознаетъ, что это постороннее и другое — онъ самъ, то отсюда видно, что несмотря на раздвоеніе, душа его остается нераздѣльной и цѣльной.

Ничего подобнаго этому свойству мы не встрѣчаемъ въ физическомъ мірѣ. Напрасно стали бы мы искать въ немъ подобій или аналогическихъ явленій, чтобы наглядно, осязательно, на внѣшнемъ образѣ, пояснить этотъ психическій фактъ: всякая попытка такого рода привела бы къ чудовищнымъ нелѣпостямъ. Когда мы смотримся въ зеркало и видимъ въ немъ самихъ себя, то и зеркало и нашъ въ немъ образъ — дѣйствительно внѣшніе, посторонніе намъ предметы, совершенно отъ насъ отдѣленные. Совсѣмъ

другое представляетъ сознаніе и самосознаніе: сознавая свое чувство, мысль, намѣреніе, мы въ то же время знаемъ, что они находятся въ насъ, въ нашей душѣ; сознавая себя, мы знаемъ, что это мы сами. Еслибы мы вздумали объяснить способность психическаго раздвоенія и ея послѣдствія примѣрами изъ матеріальнаго міра, то пришлось бы допустить, что предметъ можетъ выдѣляться изъ самого себя, или что выдѣленная часть можетъ быть равна цѣлому и быть сама этимъ цѣлымъ, или что цѣлое можетъ оставаться цѣлымъ и по выдѣленіи изъ него части; но всѣ подобныя представленія, въ примѣненіи къ физическому, матеріальному міру, совершенно невозможны, а въ психическомъ имъ соотвѣтствуютъ очень обыкновенные и безспорные факты, которые каждый можетъ наблюдать въ себѣ и другихъ,—такъ они просты и очевидны. Что эти факты не имѣютъ ничего общаго съ матеріальными,—подтверждаетъ только, что психическій организмъ составляетъ особый видъ организмовъ, также непохожій на физическіе, какъ органическіе предметы не похожи на неорганическіе, или животныя на растенія.

Таковы основныя свойства и внутреннее строеніе душевнаго организма. Въ нихъ условіе и причина его самостоятельности и самодѣятельности.

Оттого что душа способна удерживать въ себѣ всякаго рода впечатлѣнія и видѣть ихъ, обращаться съ ними психически, она и создаетъ въ себѣ особый идеальный міръ, и можетъ жить въ немъ. Этотъ идеальный міръ и служитъ человѣку точкой опоры противъ внѣшней обстановки, дѣлаетъ его самостоятельнымъ въ отношеніи къ матеріальному міру.

Вслѣдствіе того, что душа отражаетъ въ себѣ свои движенія и даже самоё себя, оставляетъ въ себѣ впечатлѣнія собственной жизни и дѣятельности, въ ней и содержится безчисленное множество представленій, понятій и мыслей, ей исключительно принадлежащихъ, которыхъ прототипа или подобія мы напрасно стали бы искать во внѣшнемъ мірѣ.

Потому, что душа способна обращаться къ самой себѣ и ко всему, что въ ней заключается, какъ къ предмету изслѣдованія, возможна психическая переработка всякаго рода впечатлѣній, внѣшнихъ и психическихъ, въ новыя формы, возможны разнообразнѣйшія сочетанія матеріала, который находится въ душѣ въ видѣ впечатлѣній, представленій, понятій и мыслей. Постепенная выработка ихъ и всякое усовершенствованіе хорошаго и худого, въ душѣ и во внѣшнихъ созданіяхъ человѣческаго творчества, обязаны своимъ происхожденіемъ этой способности. То, что мы называемъ развитіемъ, прогрессомъ, предполагаетъ послѣдовательную повѣрку мыслей, чувствъ и дѣйствій, ихъ теоретическихъ и практическихъ результатовъ. Единственно отъ такой повѣрки зависитъ постепенная ихъ выработка, улучшеніе, совершенствованіе; повѣрка же возможна только при способности человѣка отдѣлиться отъ своихъ мыслей, чувствъ, дѣйствій и сдѣлать ихъ предметомъ своего внутренняго зрѣнія, предметомъ разсмотрѣнія и обсужденія. Благодаря этимъ способностямъ, каждая мысль, чувство или дѣйствіе могутъ пройти черезъ повѣрку, полученный результатъ или выводъ—стать, въ свою, очередь, предметомъ новаго разсмотрѣнія и изслѣдованія, и такъ далѣе.

Тѣмъ, что душа способна, раздвоясь, обращаться къ самой себѣ и къ тому, что въ ней уже самой содержится, объясняется ея самодѣятельность и самопроизвольность,—источникъ свободной воли. Въ матеріальномъ мірѣ всѣ отношенія между предметами могутъ быть только внѣшними, потому что каждый изъ этихъ предметовъ существуетъ самъ по себѣ, независимо отъ другихъ, и находится, напротивъ, въ тѣсной зависимости отъ различныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ и случайностей, вполнѣ чуждыхъ его отношеніямъ къ другимъ предметамъ. Совсѣмъ иначе устанавляются такія отношенія въ душѣ; она содержитъ въ самой себѣ предметъ, къ которому становится въ отношенія; предметъ находится въ той же самой средѣ, которая къ нему обращается; въ самосознаніи, предметы, между которыми установляются отношенія, даже совершенно совпадаютъ; душа, раздвоясь въ себѣ, вступаетъ въ отношенія съ самою же собой. Въ этомъ и заключается причина психической инціативы и вмѣстѣ свободной воли. Благодаря этой способности души, человѣкъ можетъ, безъ всякаго внѣшняго повода, принять то или другое рѣшеніе, предположить себѣ ту или другую цѣль и стремиться къ ея достиженію, что было бы немыслимо безъ описанныхъ характеристическихъ особенностей психическаго организма.

Особенности эти просвѣчиваютъ во всемъ, что̀ дѣлаетъ человѣкъ, и потому ими объясняется множество загадочныхъ явленій. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ, наиболѣе характеристичныхъ.

Часто случается, что мы хотимъ что-нибудь припомнить и не можемъ, перебираемъ въ головѣ множество предметовъ и находимъ, что ни одинъ изъ нихъ не тотъ, котораго намъ нужно, который желаемъ вызвать къ сознанію. Въ этихъ случаяхъ мы очевидно и помнимъ о чемъ идетъ рѣчь и не помнимъ; еслибъ мы вовсе не помнили предмета, который хотимъ вызвать къ сознанію, мы не могли бы отыскивать его въ душѣ, не могли бы сравнивать его съ другими и находить, что всѣ они не то, что̀ намъ нужно; но въ то же время мы и не помнимъ предмета, иначе тотчасъ бы его припомнили. Въ приведенномъ случаѣ очевидно, что полученное впечатлѣніе болѣе или менѣе изгладилось или потускнѣло въ душѣ. Но какимъ образомъ можемъ мы поставить себѣ задачею припомнить полузабытое? Возможность такого акта подтверждаетъ двойственность души. Припоминаніе есть актъ сознанія или внутренняго зрѣнія; душа усиливается разсмотрѣть въ самой себѣ полустертое впечатлѣніе, зная, что оно въ ней есть и что оно потускнѣло.

Другое психическое явленіе, на которое мы хотимъ здѣсь указать, еще страннѣе. Случается, что посреди разговора, одному изъ собесѣдниковъ вдругъ покажется, будто то, что̀ въ это время дѣлается и говорится, когда-то уже происходило точно такимъ же образомъ и въ той же самой обстановкѣ. Совершенное тожество того что̀ совершается и что̀ припоминается въ эту минуту бываетъ до того поразительно, что припоминающему кажется, будто онъ можетъ предсказать то, что сейчасъ будетъ говориться и дѣлаться. Такое состояніе продолжается, впрочемъ, одинъ какой-нибудь мигъ и затѣмъ вдругъ прекращается, такъ что не успѣешь на немъ остановиться, какъ оно уже исчезло. Мы думаемъ, что объясненія этого загадочнаго явленія должно искать въ той же способности души раздвояться, оставаясь единой. Въ обыкновенномъ нормальномъ состояніи душа относится къ себѣ, при раздвоеніи, какъ къ чему-то постороннему и внѣшнему, или, говоря наглядно, хотя и очень неточно, она какъ будто одной своей стороной или половиной видитъ то, что̀ совершается въ другой; затѣмъ, при новомъ состояніи раздвоенія, то, что̀ она увидѣла дѣлается, въ свою очередь, предметомъ разсмотрѣнія. Оба эти акта послѣдовательно смѣняются одинъ другимъ. Но если, вслѣдствіе причинъ и условій, намъ пока неизвѣстныхъ, обѣ стороны или половины души, въ самую минуту дѣятельности, будутъ находиться въ живомъ взаимодѣйствіи, и то, что̀ мы видимъ или слышимъ, т.-е. результатъ психическаго зрѣнія, въ то же мгновеніе сдѣлается предметомъ новаго разсмотрѣнія, то намъ должно казаться, будто то, что̀ совершается, уже происходило когда-то прежде. Минутность и неуловимость этого ощущенія указываетъ на происхожденіе этого психическаго миража.

Тою же двойственностью души объясняемъ мы себѣ способность людей получать, отъ одного и того же предмета, два разнородныхъ впечатлѣнія: одно прямое, дѣйствующее на внѣшнія чувства, матеріальное; другое—иносказательное, символическое, условное, которое мы соединяемъ съ впечатлѣніемъ иногда случайно, но которое не состоитъ съ нимъ въ необходимой, неизбѣжной связи. На человѣка, вовсе незнакомаго съ письменами или нотами, письмо или нотная тетрадь произведутъ только то впечатлѣніе, какое они могутъ дать какъ матеріальные предметы; а умѣющій читать или разбирать ноты, т.-е. знающій условное значеніе письменъ и нотъ, кромѣ матеріальнаго впечатлѣнія этихъ предметовъ, получаетъ еще психическое впечатлѣніе того, что̀ они собою условно выражаютъ. Письмо и нотная тетрадь послужатъ ему только поводомъ къ такому впечатлѣнію.

Въ способности души раздвояться, оставаясь нераздѣльной, должно, какъ мы думаемъ, искать объясненія и тѣхъ разнообразныхъ состояній, когда человѣкъ, умышленно и сознательно, противорѣчитъ самому себѣ: чувствуетъ и думаетъ одно, а говоритъ и наружно показываетъ совсѣмъ другое. Подъ этотъ разрядъ явленій подходятъ и притворство, и двуличность, и ханжество, и благородное сценическое искусство. Какъ всѣ явленія психической жизни, такъ и эти могутъ быть и хороши и дурны, смотря по нравственному характеру дѣйствія.

Наконецъ, тою же двойственностью души

объясняется психическій фактъ, мало еще замѣченный, но который между тѣмъ лежитъ въ основаніи многихъ весьма разнообразныхъ психическихъ явленій. Фактъ этотъ состоитъ въ томъ, что сознательная психическая дѣятельность бодрствующаго человѣка не есть простой актъ, а сложный: дѣйствіе или психическое отправленіе непремѣнно сопровождается его контролемъ. Этого контроля мы вовсе не замѣчаемъ и воображаемъ, что, думая, чувствуя или совершая какое-нибудь внѣшнее дѣло, мы выполняемъ лишь простой психическій актъ; но изъ сравненія нормальныхъ и ненормальныхъ психическихъ отправленій оказывается, что въ каждомъ нормальномъ психическомъ дѣйствіи участвуютъ два акта, а именно: самое дѣйствіе, когда мы, напримѣръ, мыслимъ, чувствуемъ или дѣлаемъ внѣшнее дѣло,—и рядомъ съ нимъ, одновременно, незамѣтно для насъ самихъ,—повѣрка дѣйствія, которая его поправляетъ и направляетъ. Уклоненія отъ нормальной психической дѣятельности выказываютъ съ совершенною убѣдительностью, какую существенную принадлежность психическихъ дѣйствій составляетъ невидимая ихъ повѣрка, слѣдящая за каждымъ ихъ шагомъ; это цѣлый рядъ неуловимыхъ по быстротѣ сужденій, мигомъ переходящихъ въ дѣло и выражающихся въ ходѣ самого дѣйствія. Когда такого контроля или повѣрки нѣтъ, характеръ дѣйствія существенно измѣняется; оно перестаетъ быть разумнымъ, связнымъ, послѣдовательнымъ. Разсматривая сновидѣнія, мы уже показали, какъ отзывается на психической дѣятельности отсутствіе такой повѣрки. Приведемъ еще нѣсколько другихъ примѣровъ.

Разсѣянность, въ противоположность вниманію и сосредоточенности мысли на предметѣ, представляетъ такой примѣръ распаденія двухъ элементовъ психическаго акта: дѣйствія и контроля. Когда мы дѣлаемъ одно, а думаемъ о другомъ или вовсе не думаемъ,—дѣйствіе выходитъ нескладное, невыдержанное, непослѣдовательное, иногда просто нелѣпое.

Когда мы, какъ говорится, задумываемся или забываемся, т.-е. мечтаемъ или грезимъ на яву, въ нашей душѣ повѣрка тоже пріостанавливается. Задуматься, значитъ, бездѣятельно, пассивно слѣдить внутреннимъ зрѣніемъ за тѣмъ, что само собою, безъ всякаго участія нашей воли, всплываетъ со дна души и въ самыхъ причудливыхъ и случайныхъ сочетаніяхъ, вереницей, подобно китайскимъ тѣнямъ, проносится передъ нами. Образы, чувства, мысли мелькаютъ, цѣпляясь одни за другіе по случайнымъ признакамъ, въ пестромъ смѣшеніи, безъ всякой необходимой и разумной связи; быстро подымаютъ они другъ друга изъ глуби души и опять безслѣдно въ ней исчезаютъ, уступая мѣсто другимъ. Порой тотъ или другой изъ этихъ призраковъ мгновенно насъ заинтересуетъ; тогда тотчасъ же случайная ихъ вереница перерывается, и теченіе ихъ получаетъ направленіе, какое мы ему даемъ въ этотъ мигъ; но затѣмъ мы опять погрузились въ пассивное созерцаніе, и по данному толчку опять потянулись передъ нами образы, мысли, вспышки чувства, въ той же случайной преемственности. Наконецъ, мы сосредоточили мысль на одномъ изъ звеньевъ этой фантастической цѣпи, и призраки вдругъ исчезаютъ; забытье, задумчивость проходитъ; мы уже думаемъ или чувствуемъ, т.-е. повѣрка снова вплетается въ наши психическія дѣйствія.

Вотъ примѣры временнаго, случайнаго, или обусловленнаго потребностями физическаго организма прекращенія повѣрки. Но есть и патологическія, временныя или постоянныя нарушенія полноты психической дѣятельности. Виды ихъ чрезвычайно разнообразны.

Въ состояніи чрезмѣрной страсти, такъ называемаго умоизступленія, бѣшенства, страха, опьянѣнія и т. п., человѣкъ, какъ говорится, теряетъ голову, т.-е. повѣрка и контроль психическихъ его дѣйствій прекращается. Находясь въ такомъ состояніи, мы, сами того не замѣчая, дѣлаемъ несообразности и нелѣпости.

У идіотовъ, дураковъ, слабоумныхъ, повѣряющій элементъ почти отсутствуетъ или крайне немощенъ и безсиленъ.

Безчисленные виды сумасшествія представляютъ въ высокой степени любопытные образцы неправильнаго, болѣзненнаго отправленія контролирующей функціи.

Но бываютъ также случаи, что повѣряющій элементъ чрезмѣрно преобладаетъ надъ элементомъ дѣйствія. Такое ненормальное психическое состояніе можно наблюдать на людяхъ, у которыхъ чрезмѣрно развита такъ называемая рефлексія, также и на ипохондрикахъ; у нихъ дѣйствіе парализовано повѣркой, вслѣдствіе чего они неспособны къ

психической дѣятельности. Каждый шагъ, который они собираются сдѣлать, останавливается преждевременнымъ его контролемъ; вмѣсто того, чтобъ сопровождать дѣйствіе, идти съ нимъ рука объ руку, контроль въ него впадаетъ, съ нимъ перепутывается и ему мѣшаетъ. У другихъ людей, наоборотъ, повѣрка съ дѣйствіемъ не соединяются въ одинъ совокупный, стройный актъ, а распадаются; контролирующая функція запаздываетъ, отстаетъ отъ дѣйствія, которое поэтому не можетъ исполниться. Такъ объясняемъ мы себѣ ненаходчивость. Ненаходчивые люди опаздываютъ въ мысляхъ, чувствахъ, внѣшнихъ дѣйствіяхъ, инстинктивно какъ будто выжидая, когда наступитъ повѣрка, которая не является во время самой дѣятельности. Чрезъ это и дѣятельность пріостанавливается.

Чтобы правильно понимать психическія явленія этого рода, не слѣдуетъ терять изъ виду, что здѣсь идетъ рѣчь не о сознаніи, которое очень часто отдѣляется отъ психическаго дѣйствія и психической дѣятельности вообще (напримѣръ, въ сновидѣніи, во время мечтаній и грезъ) и нерѣдко относится къ дѣйствію совершенно пассивно (напримѣръ, когда мы дѣйствуемъ подъ вліяніемъ сильнаго чувства или увлеченія, котораго не одобряетъ совѣсть или разсудокъ), но о повѣряющей и направляющей функціи психическаго дѣйствія, которая такъ въ него вплетается, что присутствія ея въ немъ нельзя открыть иначе, какъ по тѣмъ актамъ, въ которыхъ ея недостаетъ.

Ограничимся этими немногими указаніями и выведемъ изъ всего сказаннаго заключительные итоги о свойствахъ и внутреннемъ строеніи души. Они представляются намъ въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ. Душа, принимая внѣшнія впечатлѣнія, сохраняетъ ихъ въ себѣ. Это вноситъ въ душу первый матеріалъ или содержаніе, надъ которымъ она начинаетъ рядъ послѣдовательныхъ операцій особаго рода; вмѣстѣ съ тѣмъ это полагаетъ первое основаніе ея самостоятельности и даетъ первый толчокъ ея самодѣятельности. Психическія операціи возможны лишь потому, что душа имѣетъ способность раздвояться въ себѣ, оставаясь нераздѣльной и единой, и способность видѣть особеннымъ, внутреннимъ образомъ то, что въ ней содержится и происходитъ. Благодаря этой послѣдней способности, душа не только видитъ въ себѣ впечатлѣнія, полученныя извнѣ, но и собственныя свои движенія, дѣйствія и состоянія, которыя въ ней точно такъ же сохраняются и обогащаютъ ее новымъ матеріаломъ или содержаніемъ; надъ нимъ, какъ и надъ внѣшними впечатлѣніями, она производитъ цѣлый рядъ такихъ же послѣдовательныхъ операцій. Этими основными свойствами объясняется самостоятельность души, идеальный міръ, который она въ себѣ носитъ, ея самодѣятельность и свобода. Мы считаемъ эти свойства первоначальными, потому что на нихъ останавливается анализъ; ихъ нельзя разлагать далѣе, и слѣдовательно нѣтъ основанія признавать ихъ за дѣйствія или выраженія другихъ свойствъ. Далѣе, мы считаемъ ихъ прирожденными, т.-е. составляющими естественную принадлежность психическаго организма, потому что дѣйствіе ихъ можетъ обнаруживаться не только непроизвольно, но и безсознательно; множество внѣшнихъ и въ особенности психическихъ впечатлѣній поступаетъ въ душу безсознательно; она безсознательно и непроизвольно раздвояется и перерабатываетъ впечатлѣнія внѣшнія и психическія: доказательствомъ можетъ служить непроизвольность сновидѣній и галлюцинацій, которыя невозможны безъ внутренняго раздвоенія души. Непроизвольностью и безсознательностью психическаго раздвоенія объясняется также смѣшеніе реальной дѣйствительности съ представленіями, сновидѣніями и галлюцинаціями, которое такъ часто встрѣчается у неразвитыхъ людей и у народовъ, стоящихъ на низкой ступени культуры. Психическое зрѣніе, по природѣ своей, не можетъ быть безсознательнымъ, потому что оно само и есть сознаніе; но оно можетъ быть и очень часто бываетъ совершенно непроизвольнымъ: мысли, образы, звуки, воспоминанія нерѣдко преслѣдуютъ людей съ неотвратимой, ужасающей настойчивостью. Въ нормальномъ состояніи, мы можемъ отстранить предметы отъ нашего сознанія; въ ненормальномъ же мы болѣе или менѣе теряемъ способность распоряжаться ими произвольно; воля перестаетъ дѣйствовать въ этой области психическихъ отправленій.

Такія черты видимо сближаютъ жизнь душевнаго организма съ матеріальнымъ міромъ. Непроизвольность и безсознательность психическихъ отправленій и дѣятельности составляютъ общую ихъ принадлежность съ

явленіями внѣшней природы. Это подтверждаетъ сдѣланное нами выше замѣчаніе, что условія психической жизни имѣютъ одинъ общій источникъ съ матеріальнымъ міромъ и тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ условіями физическаго существованія человѣка; но въ этомъ и заключается причина той взаимной зависимости психическихъ и физическихъ состояній, которая все болѣе и болѣе выясняется наукою. Зависимость памяти отъ матеріальныхъ состояній нельзя отвергать,—такъ она несомнѣнна; ненормальное состояніе мозга имѣетъ такое же несомнѣнное вліяніе на ходъ психическихъ отправленій, на стѣсненіе свободы психическихъ движеній и дѣятельности. Мало того: клиническія наблюденія дѣлаютъ болѣе и болѣе вѣроятнымъ, что различныя психическія отправленія пріурочены къ извѣстнымъ частямъ мозга; иначе трудно себѣ объяснить, напримѣръ, совершенную потерю памяти извѣстныхъ предметовъ или ихъ названій, вслѣдствіе удара; мы знаемъ, однако, достовѣрно, что одни, послѣ удара, совсѣмъ забываютъ собственныя имена, другіе—глаголы, третьи—цѣлые языки; замѣчательно также, что больные тифомъ нерѣдко чувствуютъ присутствіе своего двойника; это явленіе какъ будто указываетъ на ненормальное отправленіе способности души раздвояться. Очень можетъ быть, что послѣдняя способность, а также и способность получать психическія впечатлѣнія имѣютъ своимъ органомъ мозговыя полушарія, какъ органомъ животныхъ инстинктовъ считаютъ мозжечекъ. На этомъ пути сравнительному изученію физіологіи и психологіи предстоитъ еще много дѣла и конечно много важныхъ открытій, которыя болѣе и болѣе будутъ уяснять непосредственную связь матеріальной и психической жизни,—связь, на которую безпрестанно указываютъ психологическія наблюденія. Но какъ бы много ни было сдѣлано наукою въ этомъ направленіи, никогда не удастся доказать, что вся психическая жизнь сводится къ однимъ рефлексамъ, т.-е. къ болѣе или менѣе непосредственнымъ отраженіямъ однихъ матеріальныхъ возбужденій, впечатлѣній и вліяній; рядомъ съ множествомъ такихъ явленій всегда будетъ представляться такое же множество другихъ, которыя не могутъ быть объяснены иначе, какъ собственною, свободною инициативою души. Замѣченное нами выше объ отношеніяхъ души къ внѣшнему міру вполнѣ примѣняется и къ прирожденнымъ свойствамъ психическаго организма: они обусловлены матеріальнымъ міромъ и обнаруживаютъ свою дѣятельность непроизвольно и безсознательно; это приближаетъ ихъ къ внѣшней природѣ и ея явленіямъ; но рядомъ съ тѣмъ, эти способности возбуждаются къ дѣятельности и свободнымъ починомъ самой души, сознательно и произвольно, подобно тому, какъ рука или нога могутъ быть подняты и опущены безсознательно и непроизвольно, или съ сознаніемъ и умысломъ. Такимъ образомъ, чѣмъ глубже мы вникаемъ въ психическую жизнь и ея тайны, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что существенное ея отличіе отъ матеріальной заключается не столько въ своеобразной организаціи души, сколько въ ея самодѣятельности, въ свободномъ починѣ, которымъ объясняется ея творчество. Въ той мѣрѣ какъ душа живетъ пассивною и непроизвольною, хотя бы и сознательною жизнью, она приближается къ матеріальной природѣ и подпадаетъ подъ ея законы; но въ такомъ случаѣ отличительные признаки ея организаціи, на которые мы указали выше, имѣютъ то же значеніе, какое вообще всякія отличія организмовъ, въ томъ числѣ и физическихъ, между собою; только самодѣятельность и свободная инициатива души даютъ дѣйствительное основаніе считать ее за отдѣльный отъ внѣшней природы, самостоятельный организмъ, и только въ этомъ, а не въ другомъ смыслѣ, психическій организмъ выдѣляется изъ всѣхъ прочихъ; ибо въ самомъ строеніи души заключаются, какъ мы видѣли, условія ея самодѣятельности.

Знакомство съ внутреннимъ строеніемъ человѣческой души и съ основными условіями ея жизни и отправленій даетъ намъ возможность возвратиться снова къ вопросу, котораго мы уже коснулись прежде, именно о различіи психической жизни человѣка и животныхъ. Гдѣ и въ чемъ слѣдуетъ искать причины различія между душою тѣхъ и другихъ? Этотъ важный вопросъ до сихъ поръ очень мало разъясненъ, несмотря на всѣ усилія изслѣдователей. Мы видѣли, что различіе между ними дѣйствительно существуетъ и выражается во внѣшнемъ творчествѣ человѣка, въ способности его воспроизводить въ матеріальномъ мірѣ свои представленія и мысли. Но какая причина такого различія и отъ чего оно зависитъ, — это

остается загадкой, и мы должны ограничиться пока только нѣкоторыми соображеніями по этому предмету.

Животныя, подобно человѣку, имѣютъ инициативу; произвольность ихъ движеній не подлежитъ сомнѣнію. Отсюда выводятъ, что нѣтъ основанія относить душу животныхъ къ явленіямъ внѣшней природы, или что нѣтъ причины различать психическую жизнь человѣка отъ жизни матеріальнаго міра. Но самое качество, свойство инициативы животныхъ полагаетъ существенное различие между ними. Соображая внѣшнія проявленія психической жизни животныхъ, насколько они покуда извѣстны, мы находимъ, что животныя получаютъ внѣшнія впечатлѣнія, но не имѣютъ психическихъ впечатлѣній, другими словами, душа ихъ не отражаетъ въ себѣ того, что въ ней происходитъ. Отчего это такъ — мы не знаемъ. Нельзя отрицать сознанія въ животныхъ высшихъ порядковъ; въ наиболѣе развитыхъ изъ нихъ матеріальныя впечатлѣнія складываются даже въ обобщенныя представленія; но нѣтъ никакихъ признаковъ, чтобы животныя, даже самыя совершенныя, относились къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ и обобщеннымъ представленіямъ также объективно и свободно, какъ человѣкъ, и могли переработывать ихъ въ отвлеченныя общія понятія и представленія; идеальный міръ животныхъ ограничивается, повидимому, однимъ сознаніемъ впечатлѣній и обобщенныхъ представленій; кажется, вслѣдствіе этого душа животныхъ и не имѣетъ самостоятельности и самодѣятельности, обращена исключительно на внѣшній міръ, подчинена его дѣйствіямъ и вліяніямъ и есть не болѣе какъ аппаратъ или механизмъ, приданный для чисто матеріальныхъ отправленій, имѣющій чисто животное назначеніе; самая инициатива животныхъ, за отсутствіемъ самостоятельной психической жизни, есть чисто матеріальная, обращена на внѣшніе предметы и явленія; творческая ихъ дѣятельность во внѣшнемъ мірѣ, сравнительно съ человѣкомъ, крайне скудна; животныя или вовсе не производятъ новыхъ комбинацій въ окружающемъ ихъ мірѣ, или, если и производятъ, то весьма бѣдныя и ничтожныя, а главное — постоянно однѣ и тѣ же, не умѣютъ ихъ разнообразить, выдумывать новыя, сообразно съ новыми обстоятельствами; производимыя ими новыя группировки данныхъ природы машинообразны, какъ будто внушены извнѣ въ видѣ внѣшняго обязательнаго правила. Не имѣя въ себѣ точки опоры, чтобы отдѣлиться отъ внѣшней обстановки, противостоять ей, бороться съ нею, животныя подчиняются ей пассивно, принимаютъ и испытываютъ на себѣ ея дѣйствія слѣпо, не разсуждая, въ крайнемъ случаѣ только изловчаясь, чтобы избѣгнуть опасности, или добыть себѣ пищу. Эти наблюденія поясняются сближеніемъ дѣйствій животныхъ съ непроизвольными дѣйствіями человѣка. Между тѣми и другими есть замѣчательное сходство, которое бросаетъ яркій свѣтъ и на тѣ и на другія. Цѣлесообразность многихъ, очень сложныхъ дѣйствій животныхъ долго оставляла изслѣдователей въ недоумѣніи, не обсуждаютъ ли животныя своихъ поступковъ, не преслѣдуютъ ли въ нихъ обдуманныхъ цѣлей? Опыты съ обезглавленными лягушками разубѣдили въ этомъ и свели психическую сторону подобныхъ дѣйствій на образовавшіеся подъ внѣшними вліяніями рефлексы, которыми совершенно удовлетворительно объясняются и многія непроизвольныя дѣйствія человѣка. Въ блистательномъ открытіи рефлексовъ и мозговыхъ аппаратовъ, задерживающихъ рефлексы, реалисты видятъ новый, сильнѣйшій аргументъ противъ самостоятельности и самодѣятельности психической среды въ человѣкѣ. Мы не знаемъ, на чемъ основано такое заключеніе. Оно было бы неотразимо, еслибы было доказано, что рефлексы у животныхъ и у человѣка образуются совершенно одинаково; но въ томъ-то и дѣло, что оно не такъ; у животныхъ рефлексы всегда обусловлены внѣшними фактами, въ человѣкѣ же они частью тоже образуются этимъ путемъ, но частью выработываются и вслѣдствіе психическихъ фактовъ и данныхъ. Человѣкъ можетъ преднамѣренно, рядомъ часто повторенныхъ произвольныхъ движеній, пріучить свое тѣло къ движеніямъ непроизвольнымъ; вспомнимъ только привычки и манеры. Произвольныя движенія, повторенныя намѣренно несчетное число разъ, и обращаются мало-по-малу въ рефлексы. Только этимъ способомъ и могутъ быть объяснены многія рефлективныя движенія, свойственныя одному человѣку и выражающія различныя его психическія состоянія, — движенія такого рода, какихъ мы у животныхъ вовсе не встрѣчаемъ.

Всѣ эти отличія психической жизни чело-

вѣка и животныхъ, вѣроятно, зависятъ отъ различнаго строенія души тѣхъ и другихъ. Въ самомъ дѣлѣ, если психическія отправленія животныхъ такъ существенно разнятся отъ человѣческой дѣятельности, то есть основаніе предполагать, что психическая организація ихъ другая. Отсутствіе идеальнаго міра и свободнаго къ нему отношенія указываетъ, какъ мы уже видѣли, на недостатокъ въ душѣ животныхъ способности отражать въ себѣ свои внутреннія состоянія и движенія и перерабатывать ихъ въ новыя формы. Между тѣмъ, душа животныхъ не лишена способности раздвояться въ себѣ: это видно изъ того, что они имѣютъ сознаніе и обобщенныя представленія; только они относятся къ однимъ явленіямъ внѣшняго міра и съ ними одними имѣютъ дѣло; самостоятельной творческой дѣятельности животныя лишены, и потому инпціатива ихъ ограничена лишь выборомъ между различными внѣшними впечатлѣніями, тогда какъ душа человѣка, способная обращаться къ самой себѣ, черпать въ самой себѣ мотивы своей дѣятельности, можетъ свободно относиться къ матеріальнымъ вліяніямъ и исполнять свои рѣшенія даже наперекоръ внѣшней обстановкѣ; наконецъ, она можетъ жить въ себѣ совсѣмъ другою жизнью, чѣмъ та, къ которой человѣкъ вынужденъ внѣшней обстановкой. Болѣе этого ничего пока нельзя заключить, по недостатку данныхъ. Повидимому, все различіе сводится къ неспособности души животныхъ отражаться въ самой себѣ, а вслѣдствіе этого подвергать переработкѣ психическія впечатлѣнія. Недостатокъ этой способности находится, повидимому, въ связи съ особенностями внутренняго раздвоенія души животныхъ; но въ чемъ состоятъ эти особенности и отъ чего зависятъ,—на это мы не имѣемъ пока никакихъ указаній.

Итакъ, вотъ основанія и условія психической жизни человѣка, опредѣляющія особенное, выдающееся его положеніе посреди другихъ существъ. Мысли и соображенія, высказанныя нами выше по этому предмету, принадлежатъ не намъ, а давно уже выработаны европейскою наукою. Первое основаніе психологіи, какъ положительной науки, заложили Локкъ и Кантъ, представители двухъ различныхъ представленій психологическихъ изслѣдованій. Первый обратилъ все вниманіе только на ту сторону души, которой она обращена къ матеріальному міру и имъ обусловлена; второй—на явленія, въ которыхъ выражается ея самостоятельность и самодѣятельность. Эти два направленія долго считались и теперь еще большинствомъ считаются противоположными, исключающими другъ друга, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, они опредѣляются только разными сторонами одной и той же души. Локкъ мимоходомъ, слегка, упоминаетъ о рефлексіи, т.-е объ отраженіи въ душѣ ея внутреннихъ явленій и ограничивается этимъ намекомъ, не останавливаясь на вопросахъ, что̀ это за фактъ, откуда онъ берется, что̀ онъ значитъ, какую роль играетъ въ психической жизни, какіе его законы. Его геніальныя изслѣдованія были направлены не въ эту сторону. Занятый исключительно разъясненіемъ матеріала, содержанія, перерабатываемаго психическими процессами, Локкъ нъ обратилъ вниманія на строеніе души, на ея отправленія, на формы психическихъ процессовъ. Послѣдователи его и не думали пополнить этотъ пробѣлъ, оставленный основателемъ школы; напротивъ того, они возвели его недомолвку въ систему, въ принципъ, и съ непонятнымъ ослѣпленіемъ отвергаютъ, какъ нелѣпость, всякую попытку объяснить законы и условія самостоятельныхъ психическихъ отправленій, существованіе которыхъ, однако, доказывается неопровержимыми фактами. Благодаря этой исключительности и односторонности, смыслъ великаго философскаго и научнаго движенія Германіи, со временъ Канта до Гегеля включительно, утратился въ настоящее время даже для самихъ нѣмцевъ, у которыхъ теперь реальное направленіе мало-по-малу вытѣсняетъ всѣ другія. Ученія Фихте, Шеллинга, Гегеля кажутся какими-то туманными безсмыслицами; что эти безсмыслицы еще такъ недавно занимали всѣ умы, оказывали огромное вліяніе на науку, руководили умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ и считались его лучшимъ, полнѣйшимъ выраженіемъ, объ этомъ забыли теперь и думать. Нынѣшнимъ поколѣніямъ Германіи почти стыдно за непонятное, повидимому, увлеченіе отцовъ; они готовы вторить глумленіямъ англичанъ надъ умершимъ нѣмецкимъ идеализмомъ, къ которому послѣдніе, по складу своего ума, никогда не имѣли ни малѣйшаго сочувствія. Въ Европѣ такая перемѣна взгляда объясняется развитіемъ науки и борьбою партій; но почему мы, русскіе, слѣдуя общему потоку, повторяемъ за другими насмѣшки надъ исчезнувшей германской

философіей, — это гораздо труднѣе понять. Стоя внѣ борьбы школъ и направленій, выработавшихся въ западной Европѣ, мы могли и должны бы безпристрастнѣе и самостоятельнѣе относиться къ ихъ враждѣ и ихъ крайностямъ. Идеалистическимъ ученіямъ, разумѣется, нельзя вѣрить на слово; ихъ, конечно, нельзя признавать за то, за что они себя выдаютъ. Какъ философскія системы міра, онѣ рушились безвозвратно; ихъ логическія основы и построенія, — запоздалые отпрыски схоластики, давно уже утратившей живое значеніе и интересъ. Какими-то странными, непривѣтливыми кажутся намъ эти одинокія порожденія индивидуальной мысли, посреди страстныхъ порываній современной имъ европейской жизни выбиться изъ прежней колеи и стряхнуть съ себя средневѣковую ветошь. Нужно долго, пристально всматриваться въ эти удивительныя созданія нѣмецкаго генія, чтобъ открыть связь и отношенія между ихъ причудливыми планами и узорами и теченіемъ бурнаго потока, который, въ концѣ XVIII-го и началѣ XIX-го вѣковъ, выводилъ европейскую мысль изъ всевозможныхъ затворовъ на свѣтъ Божій. Что же могло породить эти системы и ученія? Какая потребность могла внушить ихъ? Что̀ они собою выражаютъ и чѣмъ объяснить неизмѣримое ихъ вліяніе на современниковъ? Мы думаемъ, что идеалистическія системы, вызванныя критическими трудами Канта, представляютъ изслѣдованія логическихъ формъ психической жизни, и въ этомъ, какъ намъ кажется, состоитъ ихъ значеніе и заслуга; этимъ же объясняется ихъ успѣхъ и ихъ быстрое паденіе. Нѣмецкій идеализмъ имѣлъ дѣло исключительно съ однимъ только психическимъ матеріаломъ, съ фактами, явленіями и законами психической жизни; всѣ его предпосылки — психологическаго свойства; законы, выдаваемые имъ за міровые, суть въ дѣйствительности законы души и ея отправленій; аттрибуты, приписываемые имъ божеству, на самомъ дѣлѣ аттрибуты человѣческой души. Сведите міровыя системы Фихте, Шеллинга и Гегеля къ болѣе скромнымъ размѣрамъ ученій о психической жизни, отнесите ихъ изслѣдованія не къ „всемірному духу“ и законамъ вселенной, а къ человѣческой душѣ и ея законамъ, — и тотчасъ же безсмысленное въ этихъ системахъ окажется исполненнымъ смысла, кажущійся бредъ превратится въ замѣчательныя открытія, въ тонкія, глубокія и превосходныя психологическія изслѣдованія, которыя и теперь сохраняютъ безотносительную цѣну и важность въ наукѣ. Правда, въ названныхъ системахъ, какъ сказано, разрабатывались только логическія формы психической жизни; въ этомъ ихъ слабая сторона. Обращая вниманіе исключительно на одну, такъ сказать, оболочку психической жизни, нѣмецкіе философы-идеалисты заплатили дань своему вѣку, получившему исходную точку и пріемы въ наслѣдство отъ схоластики; но говоря это, не забудемъ, что въ то время не было для психологическаго изслѣдованія никакого другого матеріала, кромѣ логическихъ формъ, и психологія могла быть въ то время выработана только изъ логики, точно такъ-же, какъ въ свое время греки могли выработывать логику только изъ грамматики и реторики. Неподражаемыя изслѣдованія логическихъ формулъ, составляющія существенное содержаніе нѣмецкихъ идеалистическихъ системъ, выяснили строеніе душевнаго организма, которое въ нихъ выражается и скрыто за ними, а также психическіе процессы и операціи. Послѣ этихъ необходимыхъ приготовительныхъ работъ, на нашу долю остается только трудъ относительно легкій—высвободить психическое содержаніе изъ логическихъ пеленокъ, которыми оно еще слегка повито, и тѣмъ завершить вѣковыя усилія идеализма.

Разсматривая нѣмецкія идеалистическія ученія съ этой точки зрѣнія, мы находимъ, что они имѣютъ для психологіи, какъ положительной науки, неоспоримое и огромное значеніе, которое будетъ оцѣнено лишь впослѣдствіи, когда психическая жизнь выяснится, хотя бы только въ главныхъ своихъ чертахъ и явленіяхъ. Германскій идеализмъ съ полнымъ вниманіемъ остановился на свойствахъ души, безъ уясненія которыхъ психическая жизнь навсегда останется для насъ непонятной, и изслѣдовалъ ихъ во всей подробности, разумѣется, насколько они обнаруживаются въ логическихъ формахъ. Основаніемъ всей системы Фихте служитъ безусловное *Я*, создающее изъ самого себя свою противоположность, *не-Я*, внѣшній міръ; пантеистическія воззрѣнія Шеллинга вытекаютъ изъ разработки логической формулы А=А; Гегель построилъ свою систему на томъ основномъ законѣ, что каждое положеніе, вслѣдствіе внутренней необходимости, переходитъ въ отрицаніе самого себя, и потомъ обѣ про-

тивоположности разрѣшаются въ высшемъ гармоническомъ единствѣ. Всѣ эти удивительныя построенія, почти не имѣющія въ нашихъ глазахъ никакого смысла, тотчасъ же дѣлаются вполнѣ понятными, какъ только мы подмѣтимъ, что указанныя основанія системъ не что иное, какъ логическія выраженія свойствъ души раздвояться, оставаясь единой, выдѣлять себя изъ самой себя, смотрѣть на себя какъ на нѣчто постороннее и узнавать себя въ этомъ постороннемъ. Нѣмецкій идеализмъ разработалъ съ величайшею подробностью логическія формулы, въ которыхъ это свойство души выражается, и тѣмъ пополнилъ существенный пробѣлъ, оставленный англійскими психологами и изслѣдованіями современныхъ реалистовъ. Говоря о строеніи и основныхъ свойствахъ души, нельзя обойти молчаніемъ роль и значеніе идеалистовъ. Реальное направленіе, въ этомъ отношеніи, ничего не сдѣлало; напротивъ, отрицая душу и ея самостоятельность, стараясь свести всѣ психическія явленія къ пассивнымъ результатамъ внѣшнихъ вліяній, реализмъ направилъ психологическія изслѣдованія въ ошибочную колею, изъ которой они до сихъ поръ не могутъ выбиться, вопреки очевиднымъ и несомнѣннымъ даннымъ.

Крайности современнаго реализма очень неблагопріятно отразились и на изученіи исторіи философіи. Читая Льюиса или Дюринга, больно видѣть, до какой близорукости и слѣпоты доходятъ послѣдователи этого направленія. Скудость пониманія, при упадкѣ идеализма и эксцентричностяхъ реальнаго направленія, такъ велика, что лучшими книгами по исторіи философіи должно признать, изъ выходящихъ теперь, одни учебники по этому предмету, сообщающіе, безъ всякихъ взглядовъ, голые факты и литературу. Но именно исторія философіи и могла бы, какъ намъ кажется, служить неопровержимымъ подтвержденіемъ истины, что безъ идеализма, правильно понятаго и поставленнаго въ должныя границы, нельзя и думать о разрѣшеніи психологическихъ задачъ. Выдѣливъ изъ философскихъ ученій все то, что относится къ теоріи и системѣ положительныхъ наукъ, мы получимъ въ остаткѣ усилія ума открыть и объяснить законы психической жизни. Крайнее разнообразіе этихъ попытокъ зависитъ не отъ одной только сложности предмета и задачи, но также и отъ того, что психическая сторона человѣка не есть нѣчто однажды на всегда опредѣлившееся и законченное, а развивается, какъ все живое, и въ разные періоды исторической жизни человѣческаго рода является въ различныхъ фазисахъ своего развитія. Сначала психическіе элементы подавлены внѣшней природой и едва заявляютъ свое существованіе; затѣмъ, они мало-по-малу высвобождаются изъ-подъ внѣшнихъ вліяній и выработываются до самостоятельности. Ступени такого развитія обозначаются постепеннымъ, все бо̀льшимъ и бо̀льшимъ различеніемъ матеріальныхъ элементовъ отъ психическихъ, за которымъ наступилъ совершенный разрывъ между тѣми и другими и ихъ рѣзкое противоположеніе другъ другу. Апогеемъ этого періода развитія было полное торжество психическаго элемента надъ матеріальнымъ; послѣдній стушевался передъ первымъ, какъ вначалѣ, наоборотъ, перваго почти вовсе не было видно изъ-за послѣдняго. Достигнувъ этой точки, психическіе элементы начинаютъ, точно также постепенно, снова сближаться съ матеріальнымъ міромъ. Полное ихъ соглашеніе и гармоническое сліяніе есть задача будущаго, которое представляется намъ пока въ очень туманныхъ чертахъ, значительно искажаемыхъ воспоминаніями о прожитыхъ фазисахъ развитія. Какъ же, спрашивается, относилась философія къ этому ходу развитія психическаго элемента въ исторіи? Она шла съ нимъ рука объ руку, то опережая его, то отставая и объясняя уже совершившіеся факты. По мѣрѣ того, какъ въ самой дѣйствительности центръ тяжести перемѣщался изъ матеріальнаго міра въ психическій, философія переносила въ идеальный міръ основныя начала бытія, которыя сначала искала въ матеріальныхъ фактахъ и элементахъ; когда же такое перемѣщеніе окончательно совершилось и началось обратное движеніе къ матеріальному міру, философія стала тщательно изучать явленія и факты психической жизни и завершила свои труды изслѣдованіемъ ея основныхъ началъ и условій, продолжая въ ней видѣть единственный источникъ бытія. Вотъ почему мы думаемъ, что исторія философіи, рано или поздно, должна обратиться въ критическую исторію постепеннаго изученія и объясненія явленій, законовъ и развитія психической жизни. Въ томъ видѣ, какъ теперь передаются философскія системы и ученія, онѣ являются какими-то мистическими космогоніями, чуть-чуть не кабалистическими доктринами, ключъ къ ко-

торымъ затерянъ. Философія, какъ она развилась въ исторіи, представляетъ аналогическое явленіе съ астрологіей, алхиміей и народной медициной, въ которыхъ тоже скрывались зачатки положительныхъ наукъ, но затерянные посреди разнообразнѣйшаго и разнороднѣйшаго матеріала. По своему существенному содержанію, философскія системы и ученія заключаютъ въ себѣ, часто въ иносказательной формѣ, психологическія наблюденія и изслѣдованія, которыя теперь предстоитъ очистить отъ постороннихъ примѣсей, привести въ систему и возвести въ положительную науку о человѣческой душѣ, — психологію.

VI.

Процессы мышленія.

Воспринимающая и перерабатывающая (пассивная) дѣятельность души.—Чувства и представленія или мысли и ихъ взаимныя отношенія.—Образованіе представленій есть актъ мышленія.—Въ чемъ состоитъ оно?—Различіе представленій отъ внѣшнихъ впечатлѣній. —Мысли и идеи суть продукты психической переработки представленій.—Психологическій анализъ нѣкоторыхъ отвлеченныхъ понятій.—Выводы.

Строеніемъ душевнаго организма и его свойствами обусловлена психическая жизнь, ея явленія и процессы. Намъ слѣдуетъ теперь разсмотрѣть ихъ.

Съ перваго взгляда кажется, будто эта задача очень легка; мы обыкновенно даже склонны думать, что она уже на половину разрѣшена, болѣе или менѣе удовлетворительно. О чувствахъ, представленіяхъ, мысляхъ, волѣ, было много говорено и писано, а ими, мы увѣрены, исчерпывается весь кругъ психическихъ явленій.

Масса сдѣланныхъ по этой части наблюденій въ самомъ дѣлѣ громадна. Одному изслѣдователю, даже самому внимательному и трудолюбивому, едва-ли съ ней справиться. Но такое научное богатство, въ настоящее время, не только не подвигаетъ насъ впередъ въ знакомствѣ съ психической жизнью, а скорѣй затрудняетъ и спутываетъ. Простой взглядъ на данныя, находящіяся въ нашемъ распоряженіи, сразу же убѣждаетъ, что установившіяся и издавна общепринятыя въ психологіи схемы и рубрики слишкомъ узки и потому далеко не обнимаютъ всего, что мы знаемъ; притомъ, составленныя на основаніи однихъ, если можно такъ выразиться, анатомическихъ изслѣдованій психическихъ фактовъ, онѣ далеко не отвѣчаютъ послѣднимъ. Пока не создадутся новыя, лучшія рубрики и схемы, мы остаемся ни при чемъ; громадный матеріалъ, въ которомъ мы не можемъ найтись, насъ подавляетъ. Оттого, на самомъ дѣлѣ, мы теперь знаемъ меньше, по крайней мѣрѣ орудуемъ нашими психологическими познаніями совсѣмъ не съ тою увѣренностью, какъ прежде, еще очень недавно.

Обзоръ обычнаго, стереотипнаго содержанія психологій и ихъ системъ пояснитъ нашу мысль.

Психическія явленія принято подраздѣлять на три группы и приписывать ихъ тремъ различнымъ способностямъ или силамъ души: чувству, уму и волѣ. Особнякомъ отъ нихъ, безъ систематической съ ними связи, являются чувственныя или внѣшнія впечатлѣнія, производящія такъ-называемую непосредственную, чувственную достовѣрность. Съ такой классификаціей люди прожили очень долго и свыклись съ нею; но она не выдерживаетъ и поверхностной критики.

Строгое разграниченіе чувствъ, мыслей, дѣйствій, лежащее въ основаніи этой классификаціи, при теперешнемъ состояніи знанія, немыслимо. Есть чувства, освѣщенныя и проникнутыя мыслью; есть мысли холодныя и согрѣтыя чувствомъ; дѣйствія бываютъ вольныя и невольныя; чувства и мысли—активныя и пассивныя. Всѣ психическія явленія такъ тѣсно между собою связаны, такъ переходятъ быстро и безпрестанно одни въ другія, что намъ теперь даже трудно вдуматься въ тотъ строй мыслей, въ ту степень знанія, которые могли подать поводъ къ рѣзкому разъединенію фактовъ, непрерывно измѣняющихся одинъ въ другой. Но кромѣ искусственности и мертвенности этой классификаціи, въ психологіяхъ невольно поражаетъ крайняя неполнота содержанія и слабость анализа и критики.

О чувствахъ мы уже подробно говорили выше. Въ нихъ смѣшиваются, безъ необходимаго различенія, три разныхъ предмета: чувствительность или способность чувствовать, личное, индивидуальное отношеніе къ явленіямъ и безсознательная, только что зарождающаяся мысль или представленіе. Гдѣ начинается чувство и гдѣ оно оканчивается, какъ оно относится къ матеріальной жизни,

къ представленіямъ и мыслямъ, къ волѣ, къ сознанію, какое мѣсто занимаетъ въ общемъ ходѣ и строѣ психической жизни,—на эти вопросы пытаются дать отвѣтъ реалистическія ученія, а психологи-нереалисты оставляютъ ихъ, большею частью, безъ отвѣта.

Чувственная достовѣрность, результатъ цѣлаго процесса принятія впечатлѣній внѣшняго, физическаго міра, составляетъ, со временъ Канта, отдѣльную рубрику, до сихъ поръ не провѣренную критически. Что кромѣ чувственной есть и психическая достовѣрность, что послѣдняя представляетъ аналогическое явленіе съ первой,—объ этомъ не возбуждается и вопроса, тогда какъ сравнительное изслѣдованіе той и другой обѣщало бы богатые результаты и открытія.

Явленія и процессы мышленія обработаны сравнительно лучше. Но и объ нихъ мы знаемъ еще очень мало, особливо въ виду того, что̀ могли бы уже знать, при образцовой разработкѣ логическихъ формъ въ Германіи, со временъ Канта. Что̀ такое представленіе и что̀ мысль, гдѣ они начинаются и гдѣ оканчиваются, какъ относятся къ чувству и волѣ, откуда происходятъ, какое ихъ содержаніе,—на всѣ эти вопросы нѣтъ удовлетворительнаго научнаго отвѣта. Мы не знаемъ покуда ни закона образованія, появленія и исчезновенія въ душѣ представленій и мыслей, ни роли ихъ въ психической жизни. Геніальныя замѣтки, открытія и намеки философовъ, разработывавшихъ міръ представленій и мыслей, ждутъ еще тщательнаго изученія и примѣненія къ психологіи.

О волѣ и ея явленіяхъ и говорить нечего. Эта часть психологіи такъ мало разработана, такъ еще пропитана метафизическими взглядами и пріемами, что реалисты, вовсе отрицающіе волю, до сихъ поръ не встрѣтили серьезныхъ возраженій и выиграли процессъ, въ которомъ правда была скорѣе на сторонѣ ихъ противниковъ. Вмѣсто того, чтобъ искать новыхъ путей для объясненія факта, изъ вѣка живущаго въ сознаніи человѣческаго рода, психологи ничего не сдѣлали и остались при прежней аргументаціи, слабость которой доказана. Ученіе о волѣ, конечно, самая жалкая и печальная сторона современныхъ психологическихъ воззрѣній.

Вотъ въ немногихъ словахъ нынѣшнее состояніе психологіи. Неудивительно, что важныя характеристическія черты психической жизни, проходящія чрезъ всѣ ея явленія и проливающія яркій свѣтъ на ея законы, остаются не замѣченными. Для примѣра, укажемъ на сознательность и безсознательность, произвольность и непроизвольность, которыя часто служатъ единственными признаками различенія фактовъ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ поразительно между собою сходныхъ, и обнаруживаютъ участіе матеріальныхъ элементовъ даже въ такихъ психическихъ явленіяхъ, которыя, повидимому, недоступны для анализа.

Все это доказываетъ, что психологія теперь едва-ли не самая отсталая изъ всѣхъ отраслей знанія. Естественныя и соціальныя науки уже обновили свои пріемы и методъ и существенно пополнили свое содержаніе; одна психологія продолжаетъ тащиться въ ржавой колеѣ анатомическихъ диссекцій и мертвой схематизаціи живыхъ явленій.

Бросающіеся въ глаза недостатки психологіи, въ настоящемъ ея видѣ, показываютъ, что̀ именно слѣдуетъ дѣлать, чтобъ поднять и ее на высоту современнаго научнаго знанія. Вмѣсто того, чтобъ разлагать психическія явленія и изучать каждое изъ нихъ поодиночкѣ, надо ихъ сопоставить и сличить между собою; психологическую анатомію надо дополнить физіологіей души. Только такимъ образомъ будутъ выдвинуты на первый планъ психическіе процессы и отправленія, остающіеся теперь въ тѣни, въ ущербъ знанію и пониманію психической жизни, и психологія мало-по-малу освободится отъ метафизики, которая теперь тормозитъ каждый ея шагъ. Сравнительное изученіе психическихъ явленій подвинетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самое анатомическое ихъ изслѣдованіе, указывая на многія ихъ стороны, остающіяся теперь незамѣченными.

Намеки на необходимое и неизбѣжное обновленіе психологіи мы встрѣчаемъ уже у Гегеля. Ученіе его далеко еще не оцѣнено по достоинству. Какъ всякое великое историческое явленіе, оно стоитъ на перепутьи двухъ эпохъ, и одной своей стороной обращено къ прошедшему, другой къ будущему. Гегель—послѣдній метафизикъ. Отрѣшенная мысль есть основаніе и исходная точка его ученія, альфа и омега всей его философской системы; но отрѣшенная, т.-е. безусловная мысль является у него живымъ, расчлененнымъ организмомъ, который ни отъ кого и ни отъ чего не зависитъ, существуетъ самъ

по себѣ, опредѣляется и дѣйствуетъ самъ собою, изъ себя самого создаетъ всѣ свои формы, а раскрывъ все ихъ разнообразіе и богатство, обращается на себя, для самодовольнаго созерцанія созданнаго изъ себя міра. Отрѣшенная мысль, въ ученіи Гегеля, освободилась отъ схоластической косности, отдѣльности, замкнутости формъ; онѣ, въ этомъ ученіи, расплавлены, стали тягучи и подвижны. Рѣзко обособленныя до Гегеля, онѣ, подъ его перомъ, слились въ одно цѣлое. Гегель открылъ въ отрѣшенной мысли органическую жизнь, которой до него въ ней никто не подозрѣвалъ. Каждая страница Гегеля дышетъ живымъ предчувствіемъ взгляда, что надъ физической органической жизнью совершается другая жизнь, тоже органическая, но отъ нея различная. Съ тѣхъ поръ эта мысль сдѣлала огромные успѣхи во всѣхъ отрасляхъ науки, изучающихъ человѣка, но по какой-то изумительной случайности осталась чуждой психологіи,—именно той науки, въ которой она должна бы найти ближайшее и наибольшее примѣненіе. То, что̀ мы называемъ чувствами, представленіями, мыслями, актами воли явится совсѣмъ въ другомъ видѣ и свѣтѣ, когда мы станемъ разсматривать эти психическіе факты въ общей связи, во взаимныхъ другъ къ другу отношеніяхъ, какъ явленія одной и той же органической жизни. Самыя простыя наблюденія показываютъ, что чувства вызываютъ представленія и мысли, а они, въ свою очередь, возбуждаютъ чувства. Тѣсная ихъ связь между собою, ихъ взаимное другъ на друга вліяніе, очевидны. Безъ желаній (т.-е. безъ усиленнаго чувства) и представленій или мыслей, дѣйствіе или поступокъ есть лишь рефлективное движеніе; стало быть и акты воли тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ чувствами, представленіями и мыслями. Но актъ воли невозможенъ и немыслимъ безъ произвольности; она есть существенный, характеристическій признакъ каждаго дѣйствія, которое приписывается волѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ непремѣнный аттрибутъ того, что̀ мы считаемъ психическимъ, какъ непроизвольность считается за несомнѣнную характеристическую черту явленій матеріальнаго міра. Произвольностью установляется самая тѣсная связь между актами воли, чувствами, представленіями и мыслями. Всякія вообще душевныя отправленія могутъ быть и непроизвольныя. Такимъ образомъ, какую группу психическихъ фактовъ мы ни возьмемъ, каждая носитъ на себѣ очевидные признаки вліянія всѣхъ прочихъ и зависимости отъ нихъ. Отсюда необходимо слѣдуетъ, что всѣ психическія явленія суть лишь выраженія различныхъ состояній души, различные виды, въ которыхъ душа представляется намъ въ разныхъ фазисахъ своего существованія. За этими явленіями, ихъ переходами и смѣнами, скрываются колебанія и переходы самой психической жизни, изученіе и объясненіе которыхъ и составляетъ задачу психологіи какъ науки.

Съ этой точки зрѣнія и должны быть, какъ какъ мы думаемъ, ведены отнынѣ научныя психологическія изслѣдованія. Вмѣсто того, чтобъ безплодно углубляться въ метафизическій смыслъ данныхъ, искусственно разъятыхъ и раздробленныхъ, слѣдуетъ изучать ихъ въ ихъ органической связи, объяснять одни другими и этимъ путемъ постепенно открывать законы жизни и дѣятельности психическаго организма. При такомъ пріемѣ и ходѣ изслѣдованій, откроется множество новыхъ данныхъ, которыя теряются при теперешнихъ способахъ изученія психологіи, и то, что̀ мы уже знаемъ, представится въ новомъ свѣтѣ, съ значеніемъ, котораго мы до сихъ поръ и не подозрѣвали.

Чтобъ оріентироваться на этомъ новомъ пути, посреди безчисленныхъ и разнообразныхъ фактовъ, служащихъ выраженіемъ психической жизни, постараемся установить главнѣйшія исходныя точки, принявъ за основаніе изложенныя выше мысли и соображенія.

Мы видѣли, что психическій организмъ, имѣющій всѣ признаки самостоятельности и самодѣятельности, неразрывно соединенъ съ тѣломъ, въ которомъ заключается, но отъ котораго въ то же время отличенъ. Этимъ объясняется взаимное другъ на друга вліяніе физическаго и психическаго организмовъ,—вліяніе, которое выражается въ дѣйствіи матеріальной природы на душу, и наоборотъ, психическаго организма на окружающую его матеріальную среду, начиная съ тѣла. Вотъ почему господствующимъ фактомъ въ психической жизни является, съ одной стороны, принятіе и претвореніе душею матеріальныхъ вліяній, съ другой — преобразованіе, передѣлка, перегруппировка физическихъ условій и данныхъ тѣла и окружающей матеріальной среды дѣйствіемъ

на нихъ психическаго организма. Подъ эти два вида дѣятельности, именно воспринимающую и творческую, пассивную и активную, подводятся, какъ мы видѣли, всѣ разнообразнѣйшія отношенія души къ внѣшнему міру.

Если мы оставимъ эти отношенія въ сторонѣ и начнемъ разсматривать психическую жизнь въ самомъ себѣ, то увидимъ въ ней то же самое, тѣ же признаки пассивной и активной, воспринимающей и творческой дѣятельности. Вслѣдствіе своей двойственности, душа относится къ самой себѣ какъ къ чему-то внѣшнему, постороннему, котораго дѣйствіе она на себѣ испытываетъ, и наоборотъ, сама на себя дѣйствуетъ преобразовательно, творчески. Аналогія между этими явленіями, происходящими въ самой душѣ, и отношеніями ея къ внѣшнему міру, полная, поразительная. Въ душѣ совершается многое непроизвольно, даже безсознательно, хотя, какъ мы видѣли, сознаніе, само по себѣ, не есть еще несомнѣнный признакъ творческой дѣятельности души. Но выше было уже замѣчено, что непроизвольность и безсознательность составляютъ отличительные, характеристическіе признаки матеріальной жизни, въ противоположность произвольности и сознательности, безъ которыхъ то, что мы называемъ психическимъ, въ точномъ смысли слова, немыслимо. Изъ этого слѣдуетъ, что въ самомъ психическомъ организмѣ матеріальная жизнь еще продолжается, иначе сказать, что извѣстныя психическія явленія совершаются по однимъ законамъ съ явленіями матеріальнаго міра. Потому-то и невозможно провести точную разграничительную черту между матеріальнымъ и психическимъ міромъ, которые рѣзко, видимо различаются другъ отъ друга только въ самыхъ яркихъ, характеристическихъ явленіяхъ.

Въ противоположность матеріальнымъ элементамъ, мы находимъ въ душѣ другіе, за которыми общее сознаніе по преимуществу признаетъ значеніе психическихъ. Таковы чувства, представленія, мысли, дѣйствія сознательныя и вмѣстѣ съ тѣмъ произвольныя. Правда, есть мнѣніе, и довольно распространенное, будто только дѣйствія и поступки могутъ быть въ строгомъ смыслѣ слова произвольны, такъ какъ чувства, мысли, представленія не зависятъ отъ нашей воли. Но это едва-ли справедливо. Отличаемъ же мы чувство, возникшее въ душѣ само собою, или подъ вліяніемъ неожиданнаго внѣшняго впечатлѣнія, отъ чувства, возбужденнаго извѣстной обстановкой, нарочно нами созданной, съ цѣлью вызвать это чувство въ душѣ. Такъ, мы идемъ слушать вновь ту же музыку, видѣть ту же пьесу, чтобъ насладиться извѣстнымъ, уже испытаннымъ нами ощущеніемъ. Мы намѣренно настроиваемъ себя извѣстнымъ образомъ, при помощи разныхъ внѣшнихъ пріемовъ, чтобъ вызвать въ душѣ рядъ извѣстныхъ мыслей и представленій. Конечно, не всегда это удается. Душа часто не отзывается на возбужденія или отзывается на нихъ иначе, чѣмъ мы ожидали; но также часто это удается, изъ чего видно, что дѣйствію преднамѣренныхъ возбужденій чувствъ и представленій или мыслей мѣшаютъ, въ данномъ случаѣ, препятствія, которыхъ мы не сообразили, или для устраненія которыхъ не приняли необходимыхъ мѣръ.

Но если одно и то же явленіе можетъ возникать въ душѣ и произвольно и непроизвольно, даже безсознательно, то отсюда слѣдуетъ, что собственно не въ чувствахъ, представленіяхъ, мысляхъ или поступкахъ заключается сущность того, что мы считаемъ по преимуществу психическимъ, а въ способѣ, родѣ, порядкѣ ихъ возникновенія. Сами по себѣ они—продукты необходимости, результатъ процессовъ, совершающихся по извѣстнымъ законамъ, въ которыхъ душа дѣятельно не участвуетъ, и потому образуются или происходятъ непроизвольно; но они же могутъ быть вызываемы свободнымъ починомъ души, и въ такомъ только случаѣ мы признаемъ ихъ за чисто психическія явленія, присвоиваемъ имъ психическій характеръ.

Сказаннымъ обозначаются въ душевной жизни двѣ стороны, которыя не должны быть смѣшиваемы. Одною душа обращена къ внѣшней природѣ и подлежитъ одинаковымъ съ нею законамъ: это область непроизвольныхъ и безсознательныхъ явленій. Сюда относятся чувства, представленія, мысли и непроизвольныя дѣйствія. Другою своею стороною душа живетъ тою жизнью, которую мы собственно и считаемъ психическою: это область воли, произвольныхъ и сознательныхъ явленій. Ею душа господствуетъ надъ собою. Сюда принадлежитъ произвольность и всѣ тѣ измѣненія, которымъ, вслѣдствіе

ея, подвергаются чувства, представленія, мысли и дѣйствія.

Приступимъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, сперва къ разсмотрѣнію непроизвольныхъ психическихъ явленій, оставя пока въ сторонѣ одни лишь непроизвольныя психическія дѣйствія или движенія, не выражающіяся во внѣшнихъ, матеріальныхъ фактахъ. Такія дѣйствія—невольные продукты ощущеній, представленій и мыслей и зависятъ отъ нихъ вполнѣ; поэтому, они собственно не что иное, какъ психическіе рефлексы; формы же этихъ рефлексовъ и способы ихъ происхожденія сложились по образцу дѣйствій и поступковъ произвольныхъ. За весьма немногими исключеніями, каждое непроизвольное психическое движеніе есть непремѣнно воспроизведеніе много разъ произвольно исполненнаго дѣйствія, обратившагося въ привычку. Слѣдовательно, непроизвольная психическая дѣятельность не представляетъ ничего самостоятельнаго, будучи обусловлена другими душевными отправленіями, и потому не требуетъ особаго разсмотрѣнія.

Остаются затѣмъ чувства, представленія и мысли. О нихъ мы уже подробно говорили выше и старались опредѣлить ихъ значеніе и характеристическія различія между ними. Здѣсь мы займемся ими съ другой стороны, именно, постараемся объяснить, въ чемъ состоитъ и чѣмъ опредѣляется ихъ связь и взаимныя отношенія и по какому закону они образуются и развиваются.

Что между чувствами съ одной стороны, представленіями и мыслями съ другой, существуетъ тѣснѣйшая связь—на это мы уже указали выше. Разныя душевныя настроенія и расположенія рождаютъ или вызываютъ различныя представленія и мысли, какъ будто подбираютъ себѣ тѣ изъ нихъ, которыя имъ соотвѣтствуютъ и родственны. Точно такъ же и наоборотъ: извѣстныя представленія и мысли возбуждаютъ въ душѣ извѣстныя чувства. Однако мы знаемъ, что чувства и мысли или представленія—не одно и то же, что значеніе и характеръ ихъ совершенно различны. На чемъ же основана эта связь? Гдѣ ея источникъ, какіе ея законы?

Трудность разрѣшенія этого вопроса усложняется тѣмъ, что наши наблюденія не идутъ далѣе фактовъ, подтверждающихъ существованіе связи между чувствами и представленіями или мыслями. Какъ ни важны эти факты сами по себѣ, но они не объясняютъ ни происхожденія, ни законовъ этой связи. Чтобъ объяснить ихъ, необходимо было бы проникнуть анализомъ далѣе, подстеречь чувство, представленіе, мысль въ самую минуту ихъ зарожденія; но для этого наука не имѣетъ средствъ. Остаются одни, болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія, къ которымъ мы и должны прибѣгнуть, за неимѣніемъ прямыхъ данныхъ.

Если чувство и представленіе или мысль взаимно дѣйствуютъ другъ на друга и другъ друга вызываютъ, то надо предположить, что они имѣютъ одинъ общій источникъ. Далѣе, мы знаемъ, что психическая жизнь вообще развивается позднѣе, чѣмъ матеріальная, физическая; это дѣлаетъ очень вѣроятнымъ, что чувства и представленія или мысли возникаютъ первоначально подъ вліяніемъ впечатлѣній, производимыхъ дѣйствіемъ на душу внѣшнихъ, матеріальныхъ предметовъ и явленій. Въ такъ-называемыхъ внѣшнихъ впечатлѣніяхъ долженъ заключаться начальный, по времени, поводъ къ возникновенію въ душѣ первыхъ чувствъ и представленій или мыслей, т.-е. и индивидуальныхъ, личныхъ отношеній человѣка къ предметамъ и явленіямъ, и объективныхъ отношеній, въ самой душѣ, предметовъ и явленій между собою, въ томъ видѣ, какой они получаютъ въ психической обработкѣ.

Итакъ, мы предполагаемъ, что дѣйствія внѣшняго міра на душу производятъ ощущенія, и изъ этихъ ощущеній выдѣляются, съ одной стороны, представленія или мысли, съ другой—чувства, которыя ихъ въ насъ сопровождаютъ. По мѣрѣ того какъ представленія или мысли выдѣляются изъ ощущеній и получаютъ опредѣленную форму, они дѣлаются доступными сознанію и становятся предметомъ умственныхъ операцій. Съ этой минуты, т.-е. съ переходомъ въ сознаніе, представленія или мысли получаютъ самостоятельное существованіе, оставаясь однако въ связи съ чувствами, которыми сопровождались при полученіи впечатлѣнія, или, что то же, при побужденіи ощущенія. Это видно изъ того, что каждое повторенное впечатлѣніе отражается въ душѣ, въ одно и то же время, и извѣстнымъ представленіемъ или мыслью и соотвѣтствующимъ имъ чувствомъ. Значитъ, въ душѣ существуютъ какъ бы два узла или центра:

одинъ—центръ чувствительности, чрезъ который внѣшнія влиянія поступаютъ въ душу; другой—центръ сознанія, въ который переходятъ представленія и мысли, по мѣрѣ выдѣленія и выработки ихъ изъ ощущенія. Оба центра тѣснѣйшимъ образомъ соединены между собою, вслѣдствіе чего впечатлѣнія и производимыя ими ощущенія и могутъ переходить въ чувства и въ представленія или мысли, находящіяся съ первыми въ тѣсной связи.

Когда такимъ образомъ чувства и представленія или мысли однажды опредѣлились, и тѣ и другія составляютъ какъ бы оконечности рядовъ, соединенныя съ центрами чувствительности и сознанія. Лишь только одна изъ этихъ оконечностей придетъ въ движеніе, оно сообщается цѣлому ряду и отзывается въ противоположномъ его концѣ. Оттого, когда мы завидимъ знакомаго, мы узнаемъ его; когда вспоминаемъ объ умершемъ другѣ, скорбь сжимаетъ сердце.

Въ этихъ двухъ соединенныхъ между собою центрахъ сосредоточивается вся непроизвольная психическая жизнь; ихъ взаимодѣйствіемъ объясняются всѣ ея явленія. Зародыши мыслей и представленій, выработавшись изъ ощущенія и отдѣлившись отъ чувства, предстаютъ передъ сознаніе; съ тѣмъ вмѣстѣ они утрачиваютъ личный, индивидуальный характеръ и получаютъ объективный. Представленіе, мысль, уже по природѣ своей стремятся освободиться отъ чувства; сами по себѣ они холодны, безстрастны. Впрочемъ, такими они бываютъ только тогда, когда сознаются. Исчезнувъ изъ сознанія, они изъ явнаго состоянія обращаются въ скрытое, и въ этомъ видѣ теряютъ объективный характеръ; чувство, т.-е. личная, индивидуальная сторона, снова беретъ въ нихъ верхъ, — они обращаются въ чувства. Такъ объясняемъ мы себѣ переходъ чувства въ представленіе и мысль, а ихъ—въ чувство. То или другое беретъ верхъ, смотря по тому, въ которомъ изъ двухъ центровъ или узловъ дѣятельность возбуждена болѣе. Когда оба центра возбуждены одинаково и равномѣрно, представленіе, мысль бываютъ согрѣты чувствомъ, чувство просвѣтлено сознаніемъ. Но далеко не всегда такъ бываетъ. Часто дѣятельность центровъ чувствительности и сознанія неодинакова, вслѣдствіе чего или извѣстное психическое настроеніе не передается въ соотвѣтствующихъ ему мысляхъ и представленіяхъ, или, наоборотъ, послѣднія остаются холодны и безстрастны, не вызывая соотвѣтствующихъ имъ чувствъ.

Представленія и мысли, какъ въ явномъ, такъ и въ скрытомъ состояніи, образуютъ между собою различныя сочетанія и перерабатываются въ новыя формы. Эти процессы происходятъ въ обоихъ центрахъ: въ центрѣ чувствительности, въ скрытомъ состояніи,—безсознательно; въ центрѣ сознанія, въ явномъ состояніи,—сознательно. Этимъ объясняется появленіе въ душѣ чувствъ, представленій и мыслей помимо внѣшнихъ впечатлѣній. Источникъ ихъ скрывается въ постоянномъ взаимодѣйствіи обоихъ центровъ, въ безпрестанномъ переходѣ представленій и мыслей изъ скрытаго въ явное и изъ явнаго въ скрытое состояніе, и въ постоянной переработкѣ и перегруппировкѣ ихъ, въ одномъ центрѣ безсознательно, въ другомъ—сознательно.

Такое объясненіе, какъ мы сказали,—гипотеза, требующая строгой научной провѣрки; но къ ней приводитъ наблюденіе психическихъ фактовъ. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе замѣчательные и характеристическіе.

Мы не знаемъ, какъ зарождаются представленія и мысли въ ребенкѣ. Первое пробужденіе мыслящей дѣятельности въ человѣческомъ родѣ, точно также, не подмѣчено исторіей. Наблюденіямъ доступенъ только совершившійся фактъ, когда представленія и мысли уже образовались и выражаются внѣшнимъ образомъ. Но вотъ что̀ бросается въ глаза: первыя представленія и мысли, доступныя наблюденію, сильно запечатлѣны субъективнымъ характеромъ, и лишь по мѣрѣ того, какъ они развиваются, они мало-по-малу теряютъ этотъ характеръ и становятся болѣе и болѣе объективными. Вся жизнь человѣка, все развитіе науки и знанія существеннымъ образомъ состоятъ въ постепенномъ освобожденіи представленій и мыслей отъ субъективныхъ примѣсей. Нѣтъ ничего труднѣе въ мірѣ, какъ выдѣлить объективную правду во всей ея чистотѣ, не прибавляя къ ней личныхъ мнѣній, пристрастій и предубѣжденій. Чѣмъ дальше назадъ, ближе къ началу умственной дѣятельности, тѣмъ больше мысли и представленія проникнуты личными, индивидуальными, субъективными элементами, тѣмъ они дальше отъ объективной, предметной, безпримѣсной прав-

ды. Это наблюденіе и даетъ поводъ думать, что представленія и мысли выдѣлились изъ ощущеній, что первоначальный толчокъ, ихъ вызвавшій—впечатлѣніе, а первоначальная почва—чувствительность.

Какимъ образомъ въ чувствѣ, отношеніи совершенно личномъ, могутъ заключаться, въ скрытомъ состояніи, представленія и мысли,—объяснить кажется не трудно. Всякое чувство есть отношеніе, а отношеніе непремѣнно предполагаетъ по крайней мѣрѣ два предмета, между которыми оно установляется. Чувствующій и то, къ чему чувство относится, чѣмъ оно вызывается, сливаются въ послѣднемъ въ одно; слѣдовательно, гдѣ есть чувство, тамъ непремѣнно есть и предметъ, который оно связываетъ съ чувствующимъ лицомъ, хотя мы предмета часто и не различаемъ по его неразвитости, по его, такъ сказать, эмбріоническому состоянію. Вы ожидаете пріѣзжаго. Онъ везетъ важныя вѣсти, отъ которыхъ зависитъ ваша честь, жизнь, состояніе, счастье. И вотъ, на горизонтѣ появляется точка. Вы волнуетесь, обращаетесь въ зрѣніе и слухъ. Точка становится яснѣе и опредѣленнѣе; чувства ваши быстро смѣняются, по мѣрѣ того какъ вамъ кажется, что это тотъ или не тотъ, кого вы ждете. Наконецъ, точка опредѣляется совершенно, вы ясно видите, кто или что̀ приближается, и сообразно съ тѣмъ нетерпѣніе ваше удвоивается, или волненіе на время ослабѣваетъ и утихаетъ, до появленія на горизонтѣ новой точки.

Что представленія зарождаются въ ощущеніяхъ, — это всего нагляднѣе видно на представленіяхъ о внѣшнихъ матеріальныхъ предметахъ. Такія представленія несомнѣнно образуются изъ впечатлѣній и производимыхъ ими ощущеній. Но и безсознательно возникающія въ душѣ мысли, внезапно озаряющія умъ, которыя мы потомъ обсуждаемъ совершенно спокойно, при первомъ своемъ появленіи всегда сопровождаются болѣе или менѣе сильнымъ ощущеніемъ.

Такимъ происхожденіемъ представленій и мыслей и тѣсною связью ихъ съ чувствами объясняются между прочимъ идеосинкразіи. Онѣ въ послѣднее время обратили на себя особенное вниманіе психологовъ и сдѣлались предметомъ тщательныхъ наблюденій и изслѣдованій. Подъ идеосинкразіей разумѣется такая непосредственная, тѣснѣйшая связь между двумя или нѣсколькими представленіями или мыслями, что ни одна изъ нихъ не можетъ вспомниться и быть вызвана передъ сознаніе безъ остальныхъ. Во всѣхъ непроизвольныхъ психическихъ отправленіяхъ, идеосинкразіи, подобно памяти, играютъ огромную роль, о которой мы только теперь начинаемъ догадываться. Но правильной оцѣнкѣ этого явленія, какъ намъ кажется, существенно мѣшаетъ то, что оно еще не вполнѣ отчетливо и точно выяснено даже фактически. Подъ идеосинкразіей, какъ показываетъ самое названіе, мы понимаемъ непосредственную связь между представленіями или мыслями; но такой взглядъ едва-ли правиленъ. Выработанныя, вполнѣ опредѣлившіяся въ своихъ формахъ представленія и мысли никогда между собою непосредственно не сростаются; напротивъ, онѣ теряютъ способность сростаться, потому что строго разграничены между собою повторенными разлагающими операціями мышленія; выработка представленій и мыслей именно и состоитъ въ ихъ разъятіи, въ разложеніи идеосинкразій; слѣдовательно, послѣднія образуются гораздо раньше, и уже поэтому состоятъ въ сростаніи не выработанныхъ представленій или мыслей, а первоначальныхъ ихъ ростковъ и зачатковъ, еще не выдѣлившихся изъ ощущеній. Вслѣдствіе того, связующимъ звеномъ между ними всегда бываютъ ощущенія, хотя мы этого обыкновенно и не замѣчаемъ. Извѣстный мотивъ, стихъ, пейзажъ, лицо или вещь напоминаютъ намъ вдругъ цѣлыя событія, лица, массу предметовъ, чувствъ, мыслей, переносятъ внезапно въ другую обстановку и эпоху. Отчего это? Оттого, что впечатлѣнія всѣхъ этихъ предметовъ, лицъ, событій и проч. слились и скипѣлись въ одномъ общемъ ощущеніи; въ душѣ залегла вмѣстѣ, разомъ, цѣлая группа, или, какъ выражается Ушинскій, цѣлое гнѣздо впечатлѣній, подъ опредѣленіемъ одного извѣстнаго ощущенія. Вотъ почему, какъ только одно изъ этихъ впечатлѣній возобновляется въ душѣ тѣмъ же ощущеніемъ,—тотчасъ же выдвигаются передъ сознаніе и всѣ прочія представленія и мысли, соединенныя тѣмъ ощущеніемъ въ одно цѣлое. Этимъ объясняется также, почему идеосинкразіи такъ причудливы, субъективны, случайны. Правильное, строгое мышленіе, по объективнымъ признакамъ, мало-по-малу разрушаетъ этого рода идеосинкразіи, разлагая представляемыя ими группы впечатлѣній, и замѣняетъ

ихъ другими, основанными на объективныхъ, а не субъективныхъ признакахъ.

Съ другой стороны, чувства нравственнаго свойства и идеальнаго характера прямо указываютъ на то, что представленія и мысли, пройдя черезъ процессъ мышленія и получивъ, вслѣдствіе того, новую группировку, дѣйствуютъ въ этомъ видѣ обратно на чувства, видоизмѣняютъ ихъ и наполняютъ новымъ содержаніемъ. Любовь къ истинѣ, чувство справедливости и правды, ненависть къ тому или другому воззрѣнію, убѣжденіе, самоотверженіе, любовь къ независимости и свободѣ, чувство красоты и т. п. невозможно вывести непосредственно изъ дѣйствія на душу матеріальныхъ вліяній, а съ представленіями и мыслями извѣстнаго рода они сближаются естественно и объясняются ими легко.

Что мысли и представленія могутъ изъ того вида, въ какомъ они являются передъ сознаніе, превратиться въ другой, принять снова тотъ эмбріоническій, неразвитой видъ, какой имѣли до выдѣленія своего изъ ощущенія; что они могутъ какъ бы исчезнуть въ чувствѣ, напитавъ его собою; словомъ, что они способны переходить изъ открытаго, явнаго, расчлененнаго состоянія въ скрытое,—это тоже доказывается многими наблюденіями. Представленіе или мысль, исчезнувшія изъ сознанія, даютъ себя чувствовать. Когда человѣка постигаетъ большое горе или несчастье, но обстоятельства, дѣла, заботы дня, встрѣчи, разговоры и т. п. отвлекаютъ отъ него вниманіе и объ немъ некогда думать, — постигнутый горемъ чувствуетъ, что оно въ немъ, онъ находится въ тяжеломъ душевномъ расположеніи; какъ только выдалась спокойная минута,—горестное событіе опять передъ нимъ. Онъ забылся во снѣ, но иногда и въ сновидѣніи отзывается душевная тревога. Онъ проснулся, и первое, что ему представляется,—это горе, которое его поразило. И наоборотъ: чувство, какъ мы видѣли, умѣряется, охлаждается, перейдя въ представленіе или мысль. Стоитъ хорошенько вдуматься въ горе, радость или другое чувство, и оно, по крайней мѣрѣ на время, теряетъ свою яркость, напряженность и силу.

Сопоставленіе этихъ двухъ наблюденій приводитъ къ выводу, что представленія и мысли могутъ находиться въ скрытомъ, сосредоточенномъ состояніи и затѣмъ обнаруживаться, раскрывать свои формы, расчленяться. Одно и то же психическое явленіе то сгущается, концентрируется, то высвобождается изъ скрытаго состоянія. Эти переходы можно сравнить съ переходомъ теплоты изъ скрытаго состоянія въ явное, и, на оборотъ, изъ явнаго въ скрытое. Представленіе, мысль, какъ мы уже видѣли, сами по себѣ холодны. Процессъ мышленія предполагаетъ совершенное спокойствіе, отсутствіе всякихъ тревожащихъ, волнующихъ мотивовъ въ душѣ, полное безпристрастіе и психическое равновѣсіе. Напротивъ, чувство живитъ и волнуетъ, въ немъ зародышъ желаній и страстей. Гнетущее насъ чувство ослабляется, облегчается, когда переходитъ въ мысль, въ представленіе. Самый процессъ этого перехода облегчаетъ душу. Всѣмъ извѣстно признаніе Гёте, что, написавъ Вертера, онъ отдѣлался отъ мучительнаго душевнаго состоянія. Каждый испытывалъ на себѣ, что разсказъ о горѣ облегчаетъ сердце. Оттого юноши рѣдко умѣютъ хранить тайну; она ихъ давитъ, покуда не повѣрятъ ее другому, т.-е. не формулируютъ въ видѣ представленія. Замѣчено также, что люди сосредоточенные, не экспансивные, глубже чувствуютъ.

Наконецъ, многія психическія явленія указываютъ на распредѣленіе чувствъ и представленій или мыслей между двумя центрами, и на самостоятельную дѣятельность каждаго изъ нихъ, несмотря на ихъ тѣсную связь и постоянное взаимодѣйствіе.

Переходы чувствъ въ представленія или мысли, мыслей и представленій—въ чувства, суть лишь смѣны одного психическаго состоянія другимъ. Отсюда можно бы вывести, что они исключаютъ другъ друга. Еслибы дѣйствительно было такъ, то это бы значило, что психическая жизнь сосредоточивается въ одномъ пунктѣ или центрѣ; но мы видимъ противное тому. Часто бываетъ, что чувство и представленіе или мысль совпадаютъ; чувство приведено въ движеніе и согрѣваетъ, живитъ представленіе или мысль, которыя вызваны передъ внутреннее зрѣніе. Такое состояніе есть нормальное и выражаетъ возможную полноту психической жизни. Въ то же время оно показываетъ, что переходъ мысли въ чувство и чувства въ мысль не предполагаетъ совершеннаго прекращенія чувствительности при созерцаніи мысли, или прекращенія внутренняго созерцанія, когда дѣйствуетъ чувствительность; напротивъ, оба могутъ быть въ дѣйствіи въ одно и то же

время, а это, въ свою очередь, приводитъ къ заключенію, что психическая жизнь сосредоточивается въ двухъ центрахъ и что оба живутъ своею особенною жизнью. Въ пользу такого заключенія говорятъ, кромѣ того, и другіе факты. Каждый испытывалъ на себѣ, что извѣстныя представленія и мысли, произведя болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе, отражаются на душѣ въ извѣстномъ чувствѣ. Затѣмъ такое душевное состояніе впослѣдствіи исчезаетъ, мысли и представленія, которыя его произвели, забываются. Проходятъ годы, иногда десятки лѣтъ, и вотъ вдругъ, по какому-нибудь случайному поводу, или таже безъ всякаго видимаго повода, то же самое душевное состояніе снова наступаетъ со всею первоначальною живостью и горячностью, и выводитъ передъ сознаніе лица и событія, которыя, казалось, навсегда изгладились изъ памяти. Такія живыя возобновленія прошедшаго начинаются иногда прямо съ чувства, которое и вызываетъ представленія и мысли; иногда, наоборотъ, послѣднія воскрешаютъ въ душѣ давно забытыя чувства. Это показываетъ, что въ обоихъ центрахъ сосредоточивается особая дѣятельность; поэтому-то мы и говоримъ о памяти сердца, какъ говоримъ о памяти представленій и мыслей. Еслибы вся психическая жизнь соединялась въ одномъ центрѣ, то никакое чувство или настроеніе чувствительности не могли бы возникать безъ соотвѣтствующихъ имъ представленій и мыслей, и, наоборотъ, всѣ представленія и мысли, каждый разъ, непремѣнно, вызывали бы соотвѣтствующія имъ чувства .Но на дѣлѣ мы видимъ другое. Иногда чувства, возникая въ душѣ, не вызываютъ соотвѣтствующихъ имъ мыслей или представленій, и наоборотъ, мысли и представленія не возбуждаютъ отвѣчающихъ имъ чувствъ. Случается, что мы только чувствуемъ извѣстное психическое состояніе, какое когда то испытывали прежде, но никакъ не можемъ подыскать соотвѣтствующихъ ему представленій или мыслей; наоборотъ, сколько есть въ душѣ мыслей и представленій, съ которыми когда-то соединялись самыя живыя и страстныя чувства, а теперь они остаются въ душѣ нѣмыми, безжизненными значками прежнихъ душевныхъ волненій и тревогъ. Напрасно стараемся мы расшевелить ими спящее чувство, оно не отзывается. Въ этомъ случаѣ, представленія и мысли дѣйствительно оказываются царствомъ безжизненныхъ тѣней, которымъ нѣтъ въ душѣ соотвѣтствующихъ сердечныхъ движеній. Иногда такое состояніе бываетъ временное, иногда постоянное; чувства или только теперь не отзываются на представленія и мысли, или навсегда исчезли изъ центра чувствительности. Припомнимъ также, что у людей, пораженныхъ страшнымъ горемъ, представленіе или мысль о немъ то вызываетъ сильныя душевныя муки, то оставляетъ ихъ спокойными и какъ будто равнодушными. Замѣтимъ въ заключеніе, что разладъ головы и сердца служитъ также нагляднымъ подтвержденіемъ, что центры чувствительности и сознанія, кромѣ общей имъ обоимъ, живутъ еще, каждый, и своею особою жизнью.

Мысли и представленія, обратившись въ скрытое состояніе, сдѣлавшись чувствами, переработываются, невѣдомо для насъ, въ новыя сочетанія и формы, иногда совсѣмъ иныя, чѣмъ какія мы имъ даемъ или стараемся дать сознательною работою ума. Эти безсознательно образовавшіяся комбинаціи выступаютъ со дна души въ видѣ чаяній, инстинктовъ, предчувствій, смутныхъ предвидѣній, нерѣдко противорѣчатъ сознательнымъ представленіямъ и мыслямъ, иногда оказываются вѣрнѣе ихъ. Такимъ путемъ безпрестанно, ежеминутно обновляется установившійся строй мыслей, которыя болѣе или менѣе быстро или медленно уступаютъ новымъ мыслямъ, безсознательно нарождающимся и постепенно выступающимъ передъ сознаніе. Точно такъ же и продукты сознательной работы мысли исподоволь измѣняютъ существующія, скрытыя комбинаціи другими. Выводы положительнаго знанія очень часто противорѣчатъ чувствамъ, т.-е. скрытымъ сочетаніямъ мыслей и представленій и вытѣсняютъ ихъ лишь постепенно. Что̀ такимъ образомъ совершается въ душѣ человѣка въ маломъ видѣ, то въ огромныхъ размѣрахъ совершается въ исторіи народовъ и цѣлаго человѣческаго рода. Смутныя чаянія предшествуютъ яснымъ представленіямъ и мыслямъ. Прежде чѣмъ новыя воззрѣнія займутъ принадлежащее имъ мѣсто въ наукѣ и жизни, прежнія теряютъ понемногу живое значеніе, костенѣютъ, обращаются въ безжизненную формалистику, оставляющую людей холодными и безучастными. Въ то же время новая комбинація чутьемъ, какъ бы ощупью, прокладываетъ себѣ путь, пока наконецъ не окрѣпнетъ и не уяснится въ сознаніи.

Что мысль или представленіе изъ скрытаго состоянія переходитъ въ явное и изъ явной снова превращается въ скрытую,—это подмѣтилъ еще Гегель. По его ученію, мысль является сперва въ видѣ чувства, которое онъ называетъ непосредственнымъ бытіемъ мысли. Изъ этого состоянія она необходимо переходитъ въ сознательное бытіе, чувство обращается въ мысль. Съ тѣмъ вмѣстѣ чувство разрушается, поглощается новымъ его видомъ. Такимъ образомъ, чувство является у Гегеля только степенью развитія, переходнымъ моментомъ, который исчезаетъ, когда наступаетъ новый. Но новый моментъ развитія, мысль въ сознательной, развитой формѣ, въ свою очередь принимаетъ видъ непосредственнаго бытія, въ которомъ все предыдущее развитіе „снимается“ (wird aufgehoben), стушевывается, теряетъ разнообразіе формъ, и какъ непосредственное данное составляетъ исходный пунктъ для дальнѣйшаго развитія, все болѣе и болѣе богатаго содержаніемъ и формами. Несмотря на всю туманность этихъ выраженій, подъ ними скрываются очень точныя и глубокія наблюденія дѣйствительныхъ психическихъ событій. Прежде чѣмъ поймемъ представленіе или мысль, мы ихъ чувствуемъ; точно такъ же и всѣ плоды долгой, упорной, умственной работы и борьбы залегаютъ въ душѣ чувствомъ, которое опредѣляетъ нашъ нравственный характеръ, глубоко и невидимо таясь на днѣ души. Только особенные случаи, обстоятельства, впечатлѣнія подымаютъ его оттуда, и въ такія минуты мы удостовѣряемся, какъ сильно, неизгладимо они врѣзались въ наше нравственное существованіе. Гегель опустилъ только изъ виду, что чувство, обратившись въ представленіе или мысль, и наоборотъ, представленіе или мысль, обратившись въ чувство, не перестаютъ, въ то же время, оставаться тѣмъ, чѣмъ они были, т.-е. чувствомъ, представленіемъ или мыслью. Изъ его ученія слѣдуетъ, что новое, психическое состояніе вовсе упраздняетъ прежнее; но этому, какъ мы видѣли, противорѣчатъ факты.

Такъ объясняемъ мы себѣ отношеніе чувствъ къ представленіямъ или мыслямъ, или, выражаясь точнѣе, представленій и мыслей въ развитомъ и неразвитомъ, явномъ и скрытомъ состояніяхъ. Возникая въ сопровожденіи чувствъ, представленія и мысли сознательно или безсознательно развиваются, приходятъ между собою въ извѣстныя сочетанія, переработываются въ новыя формы и образуютъ новыя группы. Намъ остается теперь разсмотрѣть, какимъ образомъ совершаются эти процессы и по какимъ законамъ. Но прежде чѣмъ приступимъ къ дѣлу, постараемся устранить недоразумѣнія, которыя встрѣчаются намъ на первомъ же шагу къ этой цѣли, благодаря жалкому состоянію, въ какомъ теперь находится психологія.

Процессы образованія, переработки и группировки мыслей и представленій приписываются дѣятельности мышленія. Но съ мышленіемъ обыкновенно соединяется понятіе о дѣятельности сознательной и произвольной, между тѣмъ какъ представленія и мысли образуются и складываются не только такимъ путемъ, но и безсознательно и непроизвольно. Что одинъ только первый способъ выдвинутъ впередъ, а другой опущенъ изъ виду, объясняется довольно просто. Мышленіе, дѣйствуя произвольно и сознательно, болѣе бросается въ глаза; напротивъ, непроизвольныя и безсознательныя душевныя операціи стоятъ на второмъ планѣ и выясняются лишь послѣ пристальнаго, глубокаго изученія психической жизни. Психологія, какъ въ началѣ всякая наука, останавливается на однихъ яркихъ явленіяхъ, не проникая далѣе въ глубь. Какъ бы то ни было, но вслѣдствіе того, мы очень односторонне смотримъ на психическіе процессы образованія, переработки и группировки представленій и мыслей и схватываемъ ихъ далеко не въ настоящемъ ихъ свѣтѣ.

Далѣе. Мы принимаемъ на вѣру, безъ критики, что чувственная достовѣрность и выводы ума получаются различными процессами; что представленіе матеріальныхъ предметовъ и явленій не болѣе какъ фотографическіе оттиски ихъ въ душѣ, тогда какъ понятія и мысли—результаты операцій мышленія. Поэтому психологи смотрятъ на представленія какъ на первоначальный, готовый матеріалъ, съ котораго дѣятельность мышленія начинается; на самомъ же дѣлѣ представленіе не есть первоначальное данное, а результатъ предшествующаго процесса, который можно было бы тоже назвать мышленіемъ, еслибъ съ этимъ словомъ не было связано понятіе о сознательной и произвольной дѣятельности.

Мнѣніе, будто представленіе есть первоначальное данное мышленія, есть нагляд-

ное доказательство младенческаго состоянія психологіи и до сихъ поръ существенно мѣшаетъ ея успѣхамъ. Въ этомъ мнѣніи должно искать источника и причины глубокаго, съ виду непримиримаго противорѣчія между двумя психологическими воззрѣніями, ведущими начало отъ Локка и Канта. Оба великіе психологи не подвергали критическому изслѣдованію происхожденія представленій о предметахъ и явленіяхъ матеріальнаго міра. Вслѣдствіе того, Локкъ не понялъ ни психическихъ процессовъ и операцій, ни идеальныхъ элементовъ души, а Кантъ не узналъ въ отвлеченныхъ созданіяхъ мышленія результатовъ умственныхъ процессовъ и ошибочно взглянулъ на отношенія явленій реальнаго и психическаго міра. Что Локкъ и Кантъ ошибались, нисколько не удивительно; они; какъ начинатели, естественно обратили все вниманіе на ближайшіе, наиболѣе выдающіеся и притомъ весьма мало до нихъ разъясненные психическіе факты: но нельзя не удивляться, что послѣ нихъ никто, до послѣдняго времени, не замѣтилъ ихъ ошибки. Честь почина въ этомъ вопросѣ принадлежитъ, кажется, Вундту, у котораго встрѣчаемъ весьма вѣрныя и мѣткія наблюденія надъ безсознательными и непроизвольными психическими процессами, предшествующими сознательному и произвольному мышленію.

Наконецъ, изслѣдуя этотъ отдѣлъ психологіи, необходимо остеречься еще одной ошибки, которая незамѣтно сбиваетъ психологическія изысканія съ прямого пути. Говоря о выработкѣ и группировкѣ представленій и мыслей, мы не различаемъ первоначальнаго образованія тѣхъ и другихъ отъ послѣдующихъ примѣненій ихъ къ новому матеріалу или новымъ даннымъ. Здѣсь первый и главный источникъ ошибокъ Канта. Онъ производилъ свои психологическія наблюденія надъ развитымъ человѣкомъ, съ готовыми, выработанными представленіями и мыслями. Но умственная дѣятельность развитого человѣка состоитъ лишь въ примѣненіи того, что онъ узнаётъ вновь, къ тому, что онъ уже знаетъ, и въ измѣненіи, передѣлкѣ своихъ представленій и мыслей подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній. Однако тѣ готовыя и выработанныя общія понятія и мысли, которыя находятся въ его душѣ и подъ которыя онъ подводитъ то, что узнаетъ вновь, какъ-нибудь да произошли? Значитъ, ихъ примѣненію къ новымъ впечатлѣніямъ должно было предшествовать ихъ образованіе. Когда я разсматриваю домъ, дерево, камень, обсуждаю историческій фактъ или художественное произведеніе, моя умственная дѣятельность состоитъ въ томъ, что я сравниваю эти предметы съ представленіями и мыслями, которыя находятся въ моей головѣ, и изъ этого сравненія дѣлаю заключенія или выводы. Что же такое эти общія понятія и мысли? По всѣмъ видимостямъ,—такіе же выводы и заключенія изъ предшествовавшихъ сравненій, по крайней мѣрѣ нѣтъ достаточнаго основанія предполагать, что они произошли какъ-нибудь иначе, пока это не будетъ доказано положительными несомнѣнными фактами. Но идя такимъ образомъ все далѣе и далѣе назадъ, мы, наконецъ, приходимъ къ такому психическому состоянію, когда никакихъ общихъ понятій и мыслей еще не существуетъ въ душѣ. Рождается вопросъ: какимъ же образомъ они выработались? Кантъ не задавалъ себѣ этого вопроса и потому пришелъ къ заключенію, что внѣшній міръ представляется человѣку сквозь находящіяся въ его душѣ готовыя схемы пространства, времени и категорій. Изъ изслѣдованій Канта выходитъ, что человѣкъ, приступая къ внѣшнимъ предметамъ, приноситъ эти схемы съ собою. Откуда онѣ взялись,—Кантъ съ своей точки зрѣнія объяснить не можетъ. Пространство, время и категоріи, т.-е. формы разсудка, являются у него какими-то метафизическими предметами и явленіями, не имѣющими прямой связи съ реальнымъ міромъ. Вслѣдствіе того Кантъ и пришелъ къ заключенію, что мы знаемъ внѣшній міръ только сквозь призму тѣхъ готовыхъ формъ, которыя приносимъ къ нему отъ себя. Почему между нимъ и нашимъ о немъ знаніемъ существуетъ постоянное правильное соотвѣтствіе и соотношеніе, безъ которыхъ нѣтъ и не можетъ быть положительной науки,—этого нельзя вывести изъ изслѣдованій Канта. Выходитъ, что міръ существуетъ самъ по себѣ, человѣкъ съ прирожденными очками и призмами, сквозь которыя онъ смотритъ на этотъ міръ,—самъ по себѣ. Такимъ образомъ, психологія, и съ нею и вся философія, перенесены на метафизическую почву, на которой упорно держались у нѣмцевъ до тѣхъ поръ, пока явная ошибочность метафизическаго идеализма не заставила современную мысль беззавѣтно от-

даться въ руки реализма, противоположнаго метафизическимъ взглядамъ, но столько же, какъ они, неспособнаго разрѣшить задачу.

Указаннымъ предразсудкамъ и младенческимъ пріемамъ психологіи отвѣчаетъ большая неточность психической терминологіи, которая не мало содѣйствуетъ путаницѣ понятій. Первые по времени процессы, выработывающіе и группирующіе мысли и представленія, безъ сомнѣнія, совершаются безсознательно и непроизвольно. Поэтому они и имѣютъ дѣло только съ впечатлѣніями внѣшняго міра, которыя, по времени, служатъ для психической дѣятельности первымъ матеріаломъ. Результаты этихъ первоначальныхъ психическихъ процессовъ, отпечатлѣваясь въ душѣ, служатъ, въ свою очередь, матеріаломъ для дальнѣйшихъ, сперва тоже безсознательныхъ и непроизвольныхъ, а потомъ сознательныхъ и произвольныхъ операцій такого же рода. Такимъ образомъ, сперва человѣкъ имѣетъ дѣло только съ предметами и явленіями матеріальными, физическими; впослѣдствіи же, кромѣ того, и съ явленіями и фактами психическими, совершающимися въ душѣ, т.-е. съ своими психическими состояніями. Одинъ и тотъ же матеріалъ можетъ переработываться нѣсколько разъ, продукты предшествовавшихъ процессовъ могутъ послѣдовательно переработываться въ новыя и новыя формы. Во всѣхъ этихъ случаяхъ формулы и законы психическихъ переработокъ будутъ, несмотря на различіе матеріала, совершенно одинаковы. Передѣлываться можетъ и матеріальное и психическое впечатлѣніе, а процессъ переработки и его законы будутъ, въ томъ и другомъ случаѣ, одни и тѣ же. Современная психологія еще очень далека отъ такихъ выводовъ. Для нея чувственная и психическая, т.-е, внутренняя достовѣрность—явленія разнородныя; впечатлѣніями она называетъ одни дѣйствія на душу матеріальнаго міра, да и то собственно только тѣ, которыя доставляются органами внѣшнихъ чувствъ. Отсюда ошибочныя представленія о существѣ идей и понятій и ихъ отношеніи къ дѣйствительнымъ предметамъ и явленіямъ, и произвольныя, фантастическія объясненія ихъ происхожденія. Подъ представленіями разумѣются продукты не вообще какого бы то ни было матеріала, физическаго или психическаго, а однихъ лишь впечатлѣній, доставляемыхъ органами внѣшнихъ чувствъ и т. д.

Итакъ, изслѣдуя критически умственные процессы и операціи, необходимо не только заранѣе отказаться отъ общепринятыхъ психологическихъ взглядовъ и пріемовъ, но и создать новую, болѣе точную и правильную психологическую терминологію.

Ходъ будущихъ изслѣдованій этой стороны психической жизни представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ:

Жизнь души возбуждается впервые дѣйствіемъ и вліяніемъ на нее внѣшней матеріальной обстановки. Съ этого перваго толчка, дѣйствующаго на душу безсознательно, должно начаться разсмотрѣніе процессовъ образованія и выработки представленій и мыслей.

Условія и обстановка, при которыхъ получаются впечатлѣнія помощью внѣшнихъ чувствъ, въ послѣднее время тщательно изслѣдованы физіологами. Изъ этихъ изслѣдованій оказывается, что внѣшнія впечатлѣнія получаются нервами, оконечности которыхъ снабжены механизмами, приспособленными къ этому отправленію. Когда механизмъ неисправенъ, или вообще нервъ поврежденъ, впечатлѣніе или вовсе не получается, или получается, но ненормальное, неправильное. Дѣйствіе внѣшняго физическаго предмета или явленія не производитъ впечатлѣнія, пока не возбуждена дѣятельность психическаго центра; такъ, когда вниманіе отвлечено, мы не замѣчаемъ того, что̀ происходитъ вокругъ насъ; дѣйствіе на нервъ, въ этомъ случаѣ, есть, но оно не возбуждаетъ дѣятельности психическаго центра и потому не производитъ впечатлѣнія. Нервы чувствъ, своими оконечностями, обращенными къ внѣшнему міру, развѣтвляются на множество тончайшихъ нитей, оканчивающихся кистями. Эти-то кисти, повидимому, и приспособлены къ принятію различныхъ, хоть и однородныхъ впечатлѣній; такъ, въ зрительномъ нервѣ однѣ оконечности принимаютъ впечатлѣніе однихъ, другіе—другихъ цвѣтныхъ лучей, изъ которыхъ слагается бѣлый лучъ; точно такъ же и различные звуки не одинаково дѣйствуютъ на всѣ развѣтвленія слухового нерва.

Эти и подобныя имъ наблюденія очень интересны, но они лишь косвенно относятся къ психологіи. Естественныя матеріальныя условія, при которыхъ воспринимается впечатлѣніе, прямо ея не касаются,

потому что ея задача — изслѣдовать результаты впечатлѣнія съ той минуты, когда оно, будучи принято, обратилось въ психическій фактъ, и слѣдить за дальнѣйшими превращеніями, которымъ онъ подвергается, проходя чрезъ психическую переработку. Психологическое изслѣдованіе впечатлѣнія начинается тамъ, гдѣ физіологическое оканчивается. Послѣднему недоступны предметы внутренняго зрѣнія, а впечатлѣніе получаетъ психическій характеръ только тогда, когда становится доступно сознанію.

Уловить зарожденіе психическаго факта, порождаемаго внѣшнимъ впечатлѣніемъ, помощью прямого наблюденія, нѣтъ возможности. Единственнымъ для это средствомъ было бы самонаблюденіе, но оно къ настоящему случаю непримѣнимо. Слѣдить за своими психическими отправленіями можетъ только человѣкъ развитой, привычный къ психическимъ операціямъ; но такой человѣкъ уже прошелъ черезъ процессъ полученія первыхъ внѣшнихъ впечатлѣній; а младенецъ, въ которомъ этотъ процессъ только-что начинается, неспособенъ наблюдать того, что происходитъ въ его душѣ. Остается прибѣгнуть къ другому пути—подвергнуть анализу то, что мы называемъ представленіями, и изъ такого анализа вывести заключеніе о процессѣ ихъ образованія. Чтобы заранѣе устранить всякія недоразумѣнія, замѣтимъ, что подъ представленіемъ мы разумѣемъ не ощущенія, пріятныя, или непріятныя, производимыя въ насъ тѣмъ или другимъ предметомъ, матеріальнымъ или психическимъ, а самое отраженіе предмета въ нашей душѣ, психическое воспроизведеніе его образа, независимо отъ ощущенія, которымъ можетъ сопровождаться такое воспроизведеніе.

Всякое представленіе въ этомъ смыслѣ, будетъ ли оно простое или сложное (наприм., отдѣльный звукъ или аккордъ), непремѣнно имѣетъ большее или меньшее число признаковъ, по которымъ мы различаемъ его отъ всѣхъ другихъ, сходныхъ съ нимъ и не сходныхъ. Нѣтъ, кажется, ничего простѣе отдѣльнаго звука; но и въ немъ мы различаемъ тѣ или другіе признаки, наприм., степень напряженія и т. п.; мы называемъ его пронзительнымъ, глухимъ, металлическимъ, мягкимъ и т. д. Сочетанія звуковъ, какъ, наприм., аккорды, представляя впечатлѣнія сложныя, имѣютъ конечно гораздо больше признаковъ, чѣмъ простыя. Точно то же должно сказать и о впечатлѣніяхъ зрѣнія. Въ каждомъ предметѣ глазу представляется множество признаковъ, напримѣръ, цвѣтъ, размѣры, очертаніе, движеніе и т. д. Не совокупность признаковъ и опредѣляетъ представленіе; только по признакамъ мы различаемъ дерево отъ собаки, звукъ отъ вкуса. Что не имѣетъ признаковъ, то не имѣетъ никакой опредѣленности, не различается отъ другого, сливается съ нимъ. Вотъ быстро промелькнули передъ нами какіе-то два предмета; насколько мы успѣли схватить ихъ признаки, мы говоримъ, что это птицы и притомъ разныя; но если во время быстраго ихъ полёта мы не успѣли схватить признаковъ, которые опредѣляютъ особенности каждой изъ нихъ, то мы не будемъ въ состояніи опредѣлить, какія это именно птицы.

Какъ цѣлое представленіе имѣетъ свою опредѣленность по признакамъ, такъ точно и признаки. И они тоже имѣютъ свою опредѣленность, свои признаки, иначе мы не могли бы отличать ихъ одни отъ другихъ. Итакъ, не только представленія цѣлыхъ предметовъ и явленій различаются между собою признаками, но и самые признаки. Спрашивается: какимъ образомъ и вслѣдствіе чего признаки получаютъ для насъ раздѣльность и опредѣленность, обособляются одни отъ другихъ? Первый къ тому поводъ, какъ мы видѣли, заключается въ свойствѣ нервныхъ оконечностей принимать только извѣстныя, такія-то, а не другія впечатлѣнія. Чрезъ это, различеніе признаковъ является въ психическихъ операціяхъ распознаванія какъ физіологическое данное; но оно служитъ лишь основаніемъ, поводомъ, первымъ толчкомъ для психической работы различенія и опредѣленія представленій. Представленія цѣлыхъ предметовъ и явленій и ихъ признаки сопоставляются и сравниваются, а сравненіе необходимо предполагаетъ различеніе признаковъ, выдѣленіе ихъ изъ представленія цѣлаго предмета или явленія, съ повтореніемъ надъ каждымъ изъ этихъ признаковъ тѣхъ же операцій сопоставленія, сравненія, разложенія на признаки. Чѣмъ больше исполнено такихъ операцій надъ представленіемъ, тѣмъ ярче, опредѣленнѣе обрисовывается оно и тѣмъ тоньше обозначаются его признаки.

Итакъ, процессъ образованія первыхъ представленій происходитъ, вѣроятно, такимъ об-

разомъ: сначала человѣкъ не получаетъ опредѣленныхъ, т.-е. различенныхъ представленій; впечатлѣнія отражаются въ его душѣ въ смутныхъ образахъ, съ едва замѣтными зачатками будущаго различенія, которые даны непосредственно природою, т.-е. устройствомъ и отправленіями нервныхъ вѣтвей и оконечностей. Послѣ долгихъ, непрестанныхъ попытокъ и усилій различить, опредѣлить представленія и ихъ признаки,—усилій, вызванныхъ прирожденнымъ нервнымъ предрасположеніемъ къ принятію извѣстныхъ впечатлѣній, —эти смутные, слитные, почти безразличные образы получаютъ, мало-по-малу, нѣкоторую различенность и опредѣленность. Сначала, вѣроятно, выступаютъ впередъ общія представленія цѣлыхъ предметовъ и явленій, въ неясныхъ, неопредѣленныхъ очертаніяхъ, а затѣмъ и самые ихъ признаки, въ болѣе и болѣе точныхъ формахъ. Постепенное различеніе и болѣе и болѣе точное опредѣленіе представленій и ихъ признаковъ можно сравнить съ тѣмъ, какъ мало-по-малу выступаютъ предметы, когда исчезаетъ туманъ или ночной мракъ, или какъ мы, мало-по-малу, начинаемъ различать предметы въ темнотѣ, въ которой сначала ничего не видимъ. Разница конечно та, что въ приведенныхъ примѣрахъ только обстановка мѣшаетъ намъ различать предметы и ихъ признаки, въ насъ же самихъ полная къ тому способность есть; напротивъ, при постепенной выработкѣ представленій, мы сами развиваемся психически. Съ каждымъ успѣхомъ въ различеніи и опредѣленіи, мы становимся развитѣе и опытнѣе въ образованіи представленій. Самое поверхностное, смутное и сбивчивое ихъ различеніе уже показываетъ, что мы подмѣтили кое-какіе общіе ихъ признаки. Это возможно не иначе, какъ вслѣдствіе сопоставленія и сравненія, причемъ должно было произойти и первое разложеніе смутнаго представленія на признаки.

Такой процессъ, разумѣется, не совершается съ отчетливостью, постепенностью и послѣдовательностью логической аргументаціи или раскрытія математической формулы; въ этомъ нетрудно каждому убѣдиться собственнымъ опытомъ. Психическая работа исполняется сначала неправильно, ощупью, безъ методы и сознанія; разныя операціи смѣшиваются, однѣ и тѣ же повторяются и сбиваются; въ напрасныхъ попыткахъ много теряется труда, и времени, пока наконецъ получится первый недостаточный и неудовлетворительный результатъ. Въ такихъ опытахъ проходитъ самая первая пора младенчества. Глаза младенца сначала почти ничего не выражаютъ; потомъ съ какимъ-то удивленіемъ быстро перебѣгаютъ отъ одного предмета къ другому,—знакъ, что младенецъ сопоставляетъ и сравниваетъ то, что передъ нимъ. Затѣмъ, начиная уже нѣсколько понимать, дѣти поражаютъ своею чрезвычайною наблюдательностью. Ее обыкновенно приписываютъ ихъ воспріимчивости; но кромѣ воспріимчивости, преобладаніе наблюдательности въ дѣтяхъ указываетъ еще на другое: въ нихъ выработываются пріемы принятія впечатлѣній и образованія различенныхъ представленій, азбука всякаго пониманія, зачатки самостоятельной психической жизни.

Такимъ путемъ идетъ сперва образованіе представленій изъ однихъ внѣшнихъ впечатлѣній; позднѣе, точно такимъ же образомъ, постепенно выясняются въ сознаніи и внутреннія матеріальныя дѣйствія тѣла на душу, а затѣмъ, еще позднѣе, и психическія впечатлѣнія. Всякій знаетъ, что чѣмъ человѣкъ неразвитѣе, тѣмъ онъ менѣе способенъ точно опредѣлить свои внутреннія физическія страданія; такъ простолюдины рѣдко умѣютъ разсказать съ нѣкоторою точностью что у нихъ болитъ; напротивъ, развитые люди, страдающіе хроническими болѣзнями, постепенно достигаютъ до изумительно-тонкаго распознаванія признаковъ и малѣйшихъ оттѣнковъ своихъ страданій. Вообще говоря, та сторона души, которая обращена къ матеріальному міру, которая непосредственно къ нему примыкаетъ, развивается ранѣе, чѣмъ болѣе отъ него удаленная. Впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ и явленій обращаются въ ясныя представленія ранѣе, чѣмъ внутреннія физическія ощущенія, а изъ впечатлѣній психическихъ предметовъ и явленій представленія образуются еще позднѣе.

Въ заключеніе замѣтимъ, что бо̀льшее и больше различеніе представленій и ихъ признаковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ болѣе и болѣе точное опредѣленіе происходитъ отъ безпрестаннаго въ этомъ упражненія, вслѣдствіе котораго душа пріобрѣтаетъ навыкъ, опытность и ловкость въ такого рода дѣйствіяхъ. Такой навыкъ, такая опытность обращаютъ дѣйствіе въ психическій рефлексъ, подобный рефлексамъ въ физическомъ организмѣ, и указываетъ, какъ мы замѣтили выше,

на матеріальную подкладку души и ея движеній, изъ которыхъ каждое повторяетъ, дополняетъ, измѣняетъ предшествующія. Такія поправки вносятся невольно и безсознательно въ послѣдующія операціи принятія впечатлѣнія и выработки представленій. Тысячи наблюденій подтверждаютъ это. Вслѣдствіе такихъ поправокъ, шаръ представляется намъ шаромъ, а не кругомъ, покрытымъ тѣнями; нанашихъ глазахъ дитя постепенно пріучается различать разстоянія, по одному взгляду; извѣстно, что по устройству глаза, предметы должны бы намъ представляться вверхъ ногами: ка́къ и почему мы ихъ видимъ въ нормальномъ положеніи, остается неизвѣстнымъ. Это, безъ сомнѣнія, тоже поправка зрѣнія, дѣлаемая безсознательно помощью другихъ внѣшнихъ чувствъ.

Послѣ всего сказаннаго объ операціяхъ образованія представленій, едва ли можетъ оставаться какое-либо сомнѣніе въ томъ, что оно есть не что иное, какъ актъ мышленія. Въ немъ соединены всѣ дѣйствія, которыя мы приписываемъ уму и разсудку. Обыкновенно думаютъ, что мы прямо, непосредственно получаемъ ясныя, опредѣленныя представленія о предметахъ и явленіяхъ, и что эти представленія наполняютъ душу содержаніемъ, которое потомъ перерабатывается мышленіемъ въ новыя формы; но такой взглядъ невѣренъ. Съ первымъ же впечатлѣніемъ и производимымъ имъ смутнымъ представленіемъ возбуждается дѣятельность души, въ которой тотчасъ же, безсознательно, начинаются процессы сравненія, разложенія, отвлеченія признаковъ и обобщенія. Ясныя представленія появляются въ душѣ не вдругъ, не разомъ, а какъ результатъ сложной психической операціи, которая есть и актъ разложенія, и вмѣстѣ актъ претворенія даннаго въ новыя формы. Первымъ поводомъ къ такой психической работѣ служатъ зачатки различенія, данные, по крайней мѣрѣ для внѣшнихъ впечатлѣній, самою природою, устройствомъ оконечностей нервовъ. Но различеніе предполагаетъ сопоставленіе и сравненіе, которыя возможны только въ такомъ случаѣ, когда различія, какъ бы они ни были сбивчивы и смутны, оставляютъ слѣдъ въ душѣ; безъ такихъ слѣдовъ сопоставленіе и сравненіе представленій и ихъ признаковъ немыслимо. Еслибъ впечатлѣніе или признакъ исчезали въ насъ безслѣдно, съ прекращеніемъ ихъ дѣйствія на душу, то мы переходили бы отъ одного впечатлѣнія къ другому, не имѣя съ чѣмъ ихъ сопоставлять и сравнивать, потому что мы сопоставляемъ и сравниваемъ впечатлѣнія съ тѣмъ, что̀ уже находится въ нашей душѣ. Первое сопоставленіе и сравненіе должно было сопровождаться оставленіемъ въ душѣ слѣдовъ слабыхъ, сходствъ и различій едва намѣченныхъ. Но различеніе есть уже разложеніе представленія на признаки и отдѣленіе ихъ отъ представленія, а отысканіе сходства есть обобщеніе представленій. Стало быть, въ зарожденіи первыхъ представленій уже участвуетъ и разсудокъ, и умъ, синтезъ и анализъ, уже появляются первые зародыши отвлеченныхъ и общихъ понятій [1]). Передъ нами два дерева, очень сходныхъ между собою, но одно ростетъ здѣсь, другое тамъ; одно съ узкими листьями, другое съ широкими, у одного стволъ прямой, у другого искривленный. Чтобъ различить эти два дерева другъ отъ друга, мы должны какъ бы отдѣлить отъ нихъ ихъ характеристическіе признаки и сравнивать эти признаки между собою. Сравненіе покажетъ, не только чѣмъ оба дерева другъ отъ друга отличаются, но и что̀ между ними общаго и сходнаго. Въ сходствѣ содержится зародышъ общаго понятія, въ различеніи — зародышъ отвлеченія, которымъ представленіе получаетъ опредѣленность. Давно замѣчено, что еслибъ не было разныхъ цвѣтовъ, а только одинъ какой-нибудь, то мы не имѣли бы никакого понятія о цвѣтѣ и колоритахъ; они опредѣляются только тѣмъ, что ихъ существуетъ множество.

Такимъ образомъ, принятіе впечатлѣній и появленіе первыхъ смутныхъ представленій есть уже начало психическихъ дѣйствій и процессовъ, приписываемыхъ мышленію. Намъ кажется, будто мы приняли въ себя предметъ, который на насъ дѣйствуетъ; на самомъ же дѣлѣ въ насъ совершился сложный психическій актъ. Послѣдствія его не огра-

[1]) Для устраненія недоразумѣній, считаемъ необходимымъ замѣтить, что „отвлеченными" понятіями, мы называемъ *обобщенные признаки* предметовъ и явленій, напримѣръ, цвѣтъ, видъ, вкусъ и проч. Понятія этого рода составляются чрезъ отдѣленіе признаковъ отъ предметовъ и чрезъ соединеніе однородныхъ признаковъ въ понятіе. Подъ „общимъ" же понятіемъ мы разумѣемъ обобщеніе *представленій цѣлыхъ* предметовъ или явленій, напр., птицы, звѣря, стола, картины и т. п.

пичиваются однимъ полученіемъ впечатлѣнія и образованіемъ представленія; появленіе его въ насъ обусловливается множествомъ побочныхъ психическихъ дѣйствій и продуктовъ, которые остаются въ душѣ и идутъ потомъ въ дѣло при послѣдующихъ психическихъ отправленіяхъ, служатъ для нихъ и матеріаломъ, и подготовкой. Такъ, хлѣбное зерно получается изъ колосьевъ; но при выдѣленіи его выдѣляются и солома, и мякина, и ухоботье, которыя имѣютъ свое назначеніе въ хозяйствѣ. Дѣло въ томъ, что появленіе ясныхъ представленій не есть результатъ единичнаго акта, а цѣлаго ряда много разъ повторенныхъ актовъ, причемъ, вмѣстѣ съ представленіями, все болѣе и болѣе ясными и отчетливыми, въ душѣ отпечатлѣваются и всѣ подробности процедуры, выполненной для ихъ полученія и всѣ ея частичные результаты, какъ-то: различенные признаки, зародыши психическихъ обобщеній, самые пріемы сопоставленія, различенія и образованія обобщеній. Съ этимъ психическимъ запасомъ мы работаемъ далѣе и далѣе, не только увеличивая его количественно, но и выработывая до бо̀льшей и бо̀льшей опредѣленности, точности и правильности. Узнаваніе предметовъ есть не что иное, какъ только примѣненіе этого готоваго, выработаннаго матеріала и пріемовъ къ представленіямъ, вновь получаемымъ отъ тѣхъ же предметовъ и явленій. Вотъ почему мы не раздѣляемъ мнѣнія тѣхъ, которые полагаютъ, что происхожденіе представленій можетъ быть объяснено физіологически и входитъ исключительно въ область физіологіи. Кромѣ физіологической стороны, это явленіе имѣетъ еще и другую, недоступную для естествовѣдѣнія и которая можетъ быть изслѣдована только психологически.

Предлагаемое объясненіе происхожденія представленій разъясняетъ много темныхъ и загадочныхъ явленій.

Какъ появляются у дѣтей общія и отвлеченныя понятія и откуда они берутся—этого не можетъ объяснить самое пристальное и тщательное наблюденіе. Дѣти такъ погружены въ окружающую ихъ внѣшнюю обстановку и такъ неспособны къ отвлеченному мышленію, что для разрѣшенія вопроса представлялось бы одно средство: предположить существованіе въ душѣ прирожденныхъ общихъ и отвлеченныхъ понятій и идей. Локкъ опровергъ этотъ взглядъ, доказавъ, что содержаніе представленій и понятій заимствуется изъ впечатлѣній; но какимъ образомъ это дѣлается, осталось у него необъясненнымъ. Кантъ пробовалъ отвѣчать на этотъ вопросъ, но безуспѣшно. Время и пространство, категоріи и идеи висятъ у него на воздухѣ, потому что происхожденіе ихъ не указано, и остается неизвѣстнымъ, какъ они появляются въ душѣ. Но если образованіе представленій есть актъ мышленія, то вопросъ разрѣшается очень просто. Зачатки общихъ понятій, отвлеченностей, категорій и идей выработываются въ душѣ исподоволь, незамѣтно, самымъ процессомъ образованія ясныхъ представленій, какъ необходимая и непроизвольная его принадлежность. Безъ этихъ принадлежностей невозможны, немыслимы опредѣленныя представленія предметовъ и явленій. Во время ихъ выработки, общія и отвлеченныя понятія мало-по-малу отлагаются въ душѣ, какъ все, что̀ въ ней происходитъ, и переработываются въ новыя формы, вмѣстѣ съ образованіемъ представленій.

Возьмемъ, для примѣра, понятіе о сущности или субстанціи. Мы считаемъ его однимъ изъ самыхъ отвлеченныхъ, а оно зарождается въ человѣкѣ очень рано. Ребенокъ, разламывая любимую игрушку, добивается узнать, что̀ внутри ея, въ чемъ ея суть. Мы представляемъ себѣ, что субстанція скрывается за свойствами и принадлежностями вещей и служитъ имъ какъ-бы подставкой и связью. Кто хоть немного занимался философіей, тотъ знаетъ, какую огромную роль это понятіе играло въ ея исторіи и сколько люди ломали себѣ голову, чтобъ объяснить, что̀ такое субстанція. Дѣйствительное ея существованіе предполагаютъ и Локкъ и Кантъ, хотя оба считаютъ ее недоступной для ума. Гегель тоже говоритъ о субстанціи, о „Ding an sich“, но только считаетъ ее ступенью въ діалектическомъ развитіи идеи. По ученію Гегеля, субстанція вся вполнѣ выражается въ признакахъ, свойствахъ и принадлежностяхъ и особаго отъ нихъ содержанія не имѣетъ. Спрашивается: что̀ же такое субстанція, которую мы знаемъ и въ то же время узнать не можемъ, которая есть и которой въ то же время нѣтъ? Эту загадку вполнѣ разъясняетъ процессъ образованія представленій. Сущности вещи, отдѣльной отъ ея свойствъ,

признаковъ и принадлежностей нѣтъ въ реальномъ мірѣ; она—явленіе психическое, слѣдствіе отдѣленія признаковъ отъ представленія цѣлаго предмета или явленія. Когда мы постепенно отдѣлимъ признаки отъ такого представленія, оно получаетъ въ нашей душѣ какъ бы особое, независимое отъ нихъ существованіе, точно такъ же, какъ и признаки представляются намъ чѣмъ-то особымъ отъ предмета; а какъ предметъ не имѣетъ, безъ признаковъ, никакой опредѣленности, то онъ и кажется чѣмъ-то невѣдомымъ, недоступнымъ уму, къ чему признаки представлены и чѣмъ они держатся вмѣстѣ. Но очевидно, что представленіе цѣлаго предмета или явленія, отдѣленное отъ признаковъ, есть миражъ ума, который исчезаетъ, когда мы знаемъ, какъ образуются представленія.

Та же сущность вещей, но въ болѣе наивной и простодушной формѣ, представлялась народамъ, въ періодъ ихъ младенчества, въ видѣ геніевъ и божествъ, скрывавшихся въ деревьяхъ, камняхъ, ручьяхъ, горахъ, пригоркахъ. Степень развитія и знанія обусловливаетъ различіе поэтическихъ сказаній и метафизическихъ построеній; источникъ ихъ одинъ и тотъ же.

Наконецъ, знаменитый парадоксъ Гегеля, что бытіе есть ничто и ничто есть бытіе, получитъ для насъ смыслъ, когда посмотримъ на него съ психологической точки зрѣнія. Множество положеній Гегелевой философіи, въ томъ числѣ и это, выражаютъ глубоко подмѣченныя психическія явленія, которымъ только ошибочно придается значеніе безусловныхъ истинъ. Представленіе выясняется лишь постепенно изъ безразличія. То, что не имѣетъ признаковъ и различеній—ничто, но ничто, имѣющее бытіе. И про душу можно точно такъ же сказать, до полученія ею первыхъ впечатлѣній, что она есть, и въ то же время, что ея нѣтъ. Она не существуетъ для себя, и для нея нѣтъ внѣшняго міра.

Такимъ образомъ, слѣды, оставленные въ душѣ впечатлѣніями и переработанные психически, когда мы ихъ видимъ внутреннимъ зрѣніемъ, суть представленія.

Представленія—это результаты непосредственнаго дѣйствія на душу физическихъ или психическихъ, внѣшнихъ или внутреннихъ предметовъ и явленій. Такое дѣйствіе, какъ мы сказали, оставляетъ въ душѣ слѣдъ, который удерживается даже послѣ того, какъ самое дѣйствіе прекратилось.

Представленія бываютъ очень различны, смотря по впечатлѣніямъ, вслѣдствіе которыхъ образовались и которымъ отвѣчаютъ. Многіе разумѣютъ подъ представленіями только слѣды впечатлѣній матеріальнаго міра; но такое мнѣніе односторонне и ведетъ къ важнымъ ошибкамъ. Внѣшній образъ не есть необходимый характеристическій признакъ представленія; можно имѣть представленіе о физическомъ или психическомъ страданіи, о вчерашней безсонницѣ и прошлогодней радости, точно такъ же какъ о деревѣ или домѣ; разница только въ томъ, что представленіе, смотря по впечатлѣнію, оставившему слѣдъ въ душѣ, будетъ или образное, или идеальное, т.-е. имѣть болѣе или менѣе матеріальный характеръ. Такъ цвѣтъ, звукъ, запахъ будутъ намъ представляться болѣе матеріально, чѣмъ испытанныя нами радость и горе.

Далѣе. Смотря по человѣку, представленія бываютъ болѣе или менѣе живы, или наоборотъ, болѣе или менѣе тусклы и стерты. У иныхъ представленія, по своей яркости, мало чѣмъ уступаютъ самимъ непосредственнымъ впечатлѣніямъ, и точно или почти точно также дѣйствуютъ на душу, какъ послѣднія, вызывая такія же чувства, страсти, желанія. Въ этомъ уже отчасти выражается самодѣятельность души, ея способность возсоздавать въ себѣ то, что на нее дѣйствуетъ, производить въ себѣ самой впечатлѣнія. Способность эта называется воображеніемъ, хотя и несовсѣмъ точно, потому что далеко не всѣ представленія образны. У другихъ людей, напротивъ, представленія далеко не такъ ярки и живы, являются въ душѣ какими-то тусклыми значками, по которымъ, однако, они могутъ передавать совершенно точно и правильно всѣ полученныя впечатлѣнія, оставившія въ душѣ слѣдъ. Такимъ образомъ одинъ, при напоминаніи о какомъ-нибудь предметѣ или явленіи, точно видитъ его передъ собой и описываетъ какъ будто съ натуры; у другого представленіе совсѣмъ не такъ живо и ярко, однако онъ описываетъ его тоже очень подробно и совершенно вѣрно, по блѣдному и тусклому слѣду, который удержался въ его душѣ. Это показываетъ, что психическій значекъ содержитъ въ себѣ признаки полученнаго впечатлѣнія въ скрытомъ состояніи. Въ такомъ

видѣ хранятся въ нашей душѣ тысячи впечатлѣній, внѣшнихъ и внутреннихъ, которыя мы вызываемъ воспоминаніемъ. Можетъ быть, блѣдные психическіе значки безъ образовъ, заключающіе въ себѣ, въ скрытомъ видѣ, всю полноту представленій, и навели Платона на мысль объ идеяхъ и впослѣдствіи породили ученіе объ эманаціи.

Въ представленіяхъ высказывается самостоятельность души. Они впервые, можно сказать, высвобождаютъ душу; въ нихъ она получаетъ впервые собственное содержаніе, не зависящее прямо отъ постороннихъ вліяній. Вліянія эти конечно продолжаютъ и послѣ того на нее дѣйствовать, но въ представленіяхъ она имѣетъ и нѣчто свое, въ ней самой находящееся, надъ чѣмъ она можетъ оперировать совершенно независимо отъ внѣшнихъ вліяній. Въ представленіяхъ душа впервые обращается къ самой себѣ, начинаетъ сосредоточиваться и находитъ въ себѣ точку опоры и предметъ дѣятельности.

Ближайшій поводъ, по которому душа начинаетъ выдѣляться изъ внѣшней природы, заключается въ невольномъ и сначала смутномъ, полусознательномъ сравненіи готовыхъ представленій съ тѣми, которыя получаются вновь, подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ матеріальныхъ впечатлѣній. Тѣ и другія очень близки между собою. Готовое представленіе есть слѣдъ, оставленный въ душѣ впечатлѣніемъ, доступный психическому зрѣнію; однако между этимъ слѣдомъ и вновь получаемыми представленіями, подъ продолжающимся внѣшнимъ впечатлѣніемъ, есть замѣтныя различія. Они-то, постепенно выясняясь и опредѣляясь все рѣзче, болѣе и болѣе отодвигаютъ внѣшній міръ отъ психическаго и впослѣдствіи приводятъ человѣка къ различенію себя отъ самого себя.

Укажемъ на важнѣйшія изъ этихъ различій.

Во-первыхъ, представленіе, оставшееся въ душѣ, когда дѣйствіе на нее внѣшняго предмета или явленія уже прекратилось, теряетъ опредѣленность пространства и времени. Вчера я видѣлъ въ такомъ-то мѣстѣ нищаго, просившаго милостыню. Представленіе объ этомъ остается при мнѣ во всякое время и всюду, тогда какъ впечатлѣніе мною получено въ извѣстное время и въ опредѣленномъ мѣстѣ.

Во-вторыхъ подвижность, измѣнчивость впечатлѣнія исчезаетъ въ представленіи, фиксируется. Такъ, я храню въ душѣ представленіе исполненной музыкальной пьесы, звуки которой давно исчезли.

Въ-третьихъ, впечатлѣніе отсутствія, недостатка, отрицанія производитъ въ душѣ положительныя представленія. Мы говоримъ здѣсь не о тѣхъ представленіяхъ, которыя хотя и образуются вслѣдствіе недостатка или отсутствія чего нибудь, однако имѣютъ положительные признаки, напр., ночь, холодъ, смерть, и т. п., но о слѣдахъ, оставляемыхъ въ душѣ отсутствіемъ или отрицаніемъ кого или чего-нибудь, напр., когда я не вижу солнца, которое вчера свѣтило, или знакомаго, который былъ у меня, или не ощущаю боли, радости, или замѣчаю у другого или въ себѣ недостатокъ руки, ноги и т. п. Отвлеченное понятіе о „ничто“ есть дальнѣйшая переработка отрицательныхъ представленій, которыя въ душѣ обращаются въ положительныя. Вотъ почему Гегель могъ логически сопоставлять „бытіе“ и „ничто“. „Ничто“, какъ положительное представленіе, есть, имѣетъ бытіе.

Въ-четвертыхъ, представленія, образующіяся вновь при продолжающемся дѣйствіи на насъ внѣшнихъ предметовъ, сливаются съ впечатлѣніемъ внѣшнихъ чувствъ, и потому съ нимъ смѣшиваются; напротивъ слѣдъ, остающійся въ душѣ, когда дѣйствіе внѣшняго предмета на насъ прекратилось, представляется чѣмъ-то совершенно отдѣльнымъ отъ внѣшнихъ впечатлѣній и доступенъ только внутреннему, психическому зрѣнію.

Въ-пятыхъ, когда предметы и явленія внѣшняго міра воспроизводятся въ представленіяхъ со всѣми признаками, доступными внѣшнимъ чувствамъ и нами подмѣченными, то мы считаемъ такія представленія отпечатками или впечатлѣніями цѣлыхъ предметовъ и явленій. Но рядомъ съ тѣмъ признаки предметовъ и явленій нерѣдко являются въ представленіяхъ отдѣленными отъ представленій о предметахъ и явленіяхъ; наконецъ, послѣднія являются также нерѣдко слитыми въ одно представленіе. Такъ, мы имѣемъ представленія о горькомъ, сладкомъ, кисломъ вкусѣ, о красномъ, черномъ, желтомъ цвѣтѣ и т. п. Но такой-то вкусъ или цвѣтъ—представленія, отдѣленныя отъ совокупности признаковъ тѣхъ предметовъ: ни цвѣта, ни вкуса отдѣльно отъ предметовъ въ природѣ не бываетъ. Напротивъ,

представленіе о стадѣ, о сраженіи, о городѣ, о процессіи и т. п. слагается изъ множества представленій предметовъ и явленій, соединенныхъ вмѣстѣ.

Вотъ какія измѣненія испытываютъ представленія, отдѣлившись отъ непосредственныхъ, внѣшнихъ или психическихъ впечатлѣній. Въ этомъ отдѣленномъ видѣ они втягиваются въ круговоротъ психической жизни и подвергаются новой психической переработкѣ, сопоставляются съ другими психическими явленіями, и изъ ихъ сравненія выводится заключеніе о ихъ различіи или сходствѣ. Продуктами этой работы, какъ и вслѣдствіе операцій надъ первыми смутными представленіями, непосредственно образующимися изъ впечатлѣнія, являются рядомъ съ результатами самихъ процессовъ, которые оставляютъ слѣды въ душѣ, — отвлеченія и обобщенія, а именно: одинаковые признаки отдѣляются отъ представленій и группируются вмѣстѣ; точно также группируются и одинаковыя представленія цѣлыхъ предметовъ и явленій; затѣмъ, какъ тѣ, такъ и другія сводятся особо въ одно, или, выражаясь геометрическимъ терминомъ, налагаются особо одни на другія и образуютъ отвлеченныя и общія понятія. Таково происхожденіе, съ одной стороны, понятій о движеніи, фигурѣ, развитіи, числѣ, качествѣ и т. п., а съ другой—понятій о человѣкѣ, деревѣ, растеніи, животномъ, существѣ, предметѣ, явленіи и т. п. Другихъ пріемовъ, кромѣ сопоставленія, разложенія на признаки и сравненія, съ ихъ послѣдствіями—заключеніемъ о сходствѣ и различіи и образованіемъ отвлеченныхъ и общихъ понятій, дѣятельность мышленія не имѣетъ. Къ этимъ пріемамъ сводятся, въ концѣ концовъ, всѣ методы познаванія, на нихъ построены всѣ безъ изъятія науки. Съ перваго взгляда кажется невѣроятнымъ, чтобъ такая громадная, разнообразнѣйшая масса знаній, какою люди теперь обладаютъ, могла быть добыта такимъ малымъ числомъ относительно простыхъ, незатѣйливыхъ психическихъ дѣйствій; но это окажется очень естественнымъ, когда мы вспомнимъ, какой громадный и разнообразный матеріалъ ими перерабатывается и какъ безчисленны различныя сочетанія этого матеріала, создающія множество новыхъ данныхъ. Сверхъ того, не должно терять изъ виду, что матеріалъ знанія перерабатывается въ душѣ не одинъ разъ, а послѣдовательно многое число разъ и что каждая переработка даетъ новый матеріалъ, который, въ свою очередь, подвергается точно такимъ же психическимъ операціямъ. Непосредственное наблюденіе, что два яблока и три яблока не одно и то же, отдѣлено длиннымъ рядомъ послѣдовательныхъ психическихъ переработокъ отъ алгебраической отвлеченной величины, выражаемой буквою. Понятія о существѣ, вселенной, истинѣ, благѣ и т. п. точно также представляютъ результаты много разъ повторенной обработки первоначальныхъ представленій другого порядка.

Чтобъ доказать это, разсмотримъ нѣсколько наиболѣе отвлеченныхъ и обобщенныхъ понятій, которыя труднѣе другихъ поддаются психическому анализу.

Что̀ такое пространство и время? Вопросъ этотъ давно занималъ и теперь продолжаетъ занимать людей. Древніе олицетворяли время, какъ олицетворяли добродѣтели и пороки, судьбу или рокъ, славу и т. д. Потомъ время и пространство мало-по-малу утратили краски и выцвѣли въ какія то безличныя метафизическія существа. Въ такомъ видѣ дошли они до насъ—странными загадками, надъ которыми мы напрасно ломаемъ себѣ голову. Характеръ ихъ двойственный. Съ одной стороны, они относятся къ матеріальному міру; въ математическихъ и естественныхъ наукахъ, имѣющихъ дѣло исключительно съ физической природой, безъ времени и пространства нельзя ступить шагу, также какъ и въ ежедневной практической жизни. Отсюда бы слѣдовало, что они—естественныя, матеріальныя данныя. Однако они не подлежатъ внѣшнимъ чувствамъ, ихъ нельзя ни видѣть, ни слышать, ни осязать. Кромѣ того, мы говоримъ о безконечномъ, вѣчномъ времени, о безграничномъ пространствѣ, а эти эпитеты никакъ не идутъ къ матеріальному міру, въ которомъ все конечно, все имѣетъ границы, число, вѣсъ и мѣру. Изъ этого какъ будто выходитъ, что время и пространство—предметы не матеріальные. Что̀ же они собственно такое? Психологическій анализъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ, какъ мы думаемъ, вполнѣ удовлетворительно. Пространство есть отвлеченіе отъ протяженія матеріальныхъ предметовъ и разстояній между ними, а время—отъ ихъ движеній; протяженіе же, разстояніе и движеніе въ свою очередь—отвлеченія отъ впечатлѣній на насъ

предметовъ, находящихся въ покоѣ или движущихся. Какимъ образомъ человѣкъ дошелъ до выдѣленія этихъ признаковъ изъ числа другихъ,—помощью ли внѣшнихъ впечатлѣній, или мускульныхъ ощущеній, или психическаго наблюденія надъ движеніями мыслей,—это для психологіи вопросъ второстепенный. Такъ или иначе, но человѣкъ научился выдѣлять протяженіе, разстояніе и движеніе изъ общаго представленія о предметѣ или явленіи и отличать отъ всѣхъ прочихъ его свойствъ и принадлежностей. Изъ единичныхъ представленій протяженія, разстоянія и движенія образовались отвлеченныя понятія о томъ, другомъ и третьемъ,—отвлеченныя потому, что они отдѣлены отъ совокупнаго представленія всѣхъ признаковъ предметовъ и явленій и составляютъ нѣчто самостоятельное. Затѣмъ, эти отвлеченныя понятія обобщены. Обобщеніе понятій о движеніи дало въ результатѣ общее понятіе о времени, а обобщеніе понятій о протяженіи и разстояніи—общее понятіе о пространствѣ. Вслѣдствіе такой двойной психической переработки, первоначальныя представленія о пространствѣ и времени, сперва неразрывно связанныя со всѣми другими представленіями о матеріальныхъ предметахъ, какъ признаки послѣднихъ, въ новой своей формѣ, выработанной психическимъ процессомъ, такъ отдалились отъ своего источника, что всякое между ними отношеніе и связь порвались и утратились. Время и пространство представляются намъ чѣмъ-то другимъ отъ движенія, протяженія и разстоянія, а движеніе, протяженіе и разстояніе,—другимъ отъ движущагося и протяженнаго тѣла и взаимнаго отдаленія другъ отъ друга. Оба, и время и пространство,—психическіе продукты, неимѣющіе, въ этомъ своемъ видѣ, свойствъ тѣхъ представленій, изъ которыхъ выработаны. Движеніе опредѣленное, имѣющее начало и конецъ, протяженіе и разстояніе, имѣющія границы, превратившись въ отвлеченныя понятія, утратили эти свои признаки. Время, въ видѣ отвлеченнаго понятія, не имѣетъ ни начала, ни конца, оно вѣчно: пространство и разстояніе освобождены отъ предѣловъ, безграничны. Только при совершенномъ непониманіи происхожденія этихъ двухъ представленій и свойствъ психическихъ продуктовъ, можно говорить о безначальномъ и безконечномъ времени, о безграничномъ пространствѣ, какъ о реально существующихъ предметахъ. Ни время, ни пространство не существуютъ реально, какъ нѣчто особое, самостоятельное; они—принадлежности реальныхъ предметовъ и притомъ прошедшія черезъ психическую переработку; они дѣйствительно существуютъ только какъ психическіе продукты, въ психической, а не въ реальной средѣ.

Разсмотримъ, далѣе, другую группу понятій. На математическія науки, съ ихъ аксіомами, теоремами и выводами, указывали еще не такъ давно, какъ на неопровержимое доказательство способности ума выводить, независимо отъ всякаго даннаго содержанія, изъ самого себя, рядъ истинъ, которыя оказываются, въ то же время, и законами матеріальнаго міра. Еслибъ это дѣйствительно было такъ, то вопросъ объ отношеніяхъ мышленія къ реальному міру могъ бы считаться окончательно рѣшеннымъ въ смыслѣ идеалистическихъ ученій. Но на дѣлѣ оказывается совсѣмъ другое. Правильный взглядъ на свойства и продукты психическихъ процессовъ представляетъ въ другомъ свѣтѣ математическіе выводы и отнимаетъ у нихъ то исключительное значеніе, какое имъ долго приписывалось посреди другихъ научныхъ истинъ. Ариѳметика и алгебра изслѣдуютъ и излагаютъ законы взаимныхъ отношеній отвлеченныхъ величинъ, а геометрія—отвлеченныхъ наружныхъ очертаній тѣлъ, т.-е. величинъ и очертаній, выдѣленныхъ изъ впечатлѣнія, производимаго всѣми признаками реальныхъ предметовъ и явленій, съ которыми въ дѣйствительности, извѣстная величина и очертаніе нераздѣльно связаны. Въ природѣ нѣтъ ни десяти ни пятнадцати, ни круга ни треугоульника, ни объема или вмѣстимости, отдѣльно отъ реальныхъ предметовъ. Только психическимъ процессомъ величина и наружное очертаніе выдѣляются, отвлекаются и становятся предметами особаго изслѣдованія. Оттого учебники геометріи безпрестанно и тщательно напоминаютъ, что геометрическая линія не есть дѣйствительная линія, точка—дѣйствительная точка, треугольникъ—дѣйствительный треугольникъ. Въ ариѳметикѣ и алгебрѣ подобныхъ напоминаній не для чего дѣлать, потому что для каждаго очевидно, что число пять или величина m — не реальные предметы; напротивъ, геометрическія точки, линіи, фигуры и тѣла близко ихъ напоминаютъ.

Математическія истины совсѣмъ не выводятся умомъ изъ самого себя. Это лучше всего доказывается тѣмъ, что математика, подобно всѣмъ прочимъ наукамъ, оперируетъ надъ данными,—величинами, точками, линіями, фигурами, тѣлами. Что эти данныя суть отвлеченія, нисколько не измѣняетъ дѣла. Основаніемъ для всѣхъ математическихъ выводовъ служатъ аксіомы, — общіе выводы изъ отвлеченныхъ фактовъ, не подлежащіе дальнѣйшему анализу и передающіе, въ психической переработкѣ, непосредственныя данныя природы. Что часть—меньше цѣлаго, что дважды два — четыре, что существуютъ линія, точка и т. д. — это такія же данныя, какъ то, что есть растенія и животныя на свѣтѣ, есть юридическія отношенія и психическіе процессы. Стало быть, математика вовсе не есть умозрительная, а такая же положительная наука, какъ и всѣ прочія. Наконецъ, что математическія науки иначе комбинируютъ данныя, чѣмъ они являются въ реальномъ мірѣ, нимало не отличаетъ ихъ отъ прочихъ наукъ. Человѣкъ приводитъ и реальныя, и психическія данныя въ разнообразныя новыя сочетанія, по образцамъ, которые выработываетъ въ самомъ себѣ; такъ поступаетъ онъ, создавая художественное произведеніе, обрабатывая землю, занимаясь разными отраслями заводской и фабричной промышленности, устроивая свой гражданскій и политическій бытъ, созидая науку. Во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ ничего не придаетъ предметамъ отъ себя, а только располагаетъ ихъ иначе. Точно также поступаетъ онъ и въ отношеніи къ математическимъ даннымъ. Но данныя, съ которыми имѣетъ дѣло математика, не непосредственныя, а какъ мы видѣли—отвлеченныя, послѣдовательно прошедшія чрезъ нѣсколько психическихъ операцій. Вотъ единственная причина, почему эта наука выдѣляется изъ всѣхъ естественныхъ наукъ и кажется умозрительной.

Недостаткомъ правильнаго психологическаго анализа объясняются и наши ходячія, крайне спутанныя понятія о необходимости, которую мы противополагаемъ то произволу, то случайности. Въ наше время необходимость наступила мѣсто судьбы, рока древнихъ, но проводится нами гораздо послѣдовательнѣе, безусловнѣе и неумолимѣе, и потому становится въ рѣзкое противорѣчіе съ личной инціативой, съ индивидуальной дѣятельностью, отрицаетъ ее въ самомъ принципѣ. Съ судьбою древнихъ какимъ-то непонятнымъ образомъ уживались и удача, и личный произволъ; теперь необходимость вытѣснила ихъ совершенно. Теорія отрицаетъ всякій произволъ, всякую случайность. Цѣлый рядъ явленій остается оттого необъясненнымъ; а между тѣмъ, доводы въ пользу исключительнаго господства необходимости, повидимому, такъ неопровержимы, что противъ нихъ нельзя возражать. Очевидно, что мысль попала въ наше время въ какой-то заколдованный кругъ, изъ котораго не въ силахъ выбиться помощью обычныхъ пріемовъ, и надо искать новыхъ, чтобы распутать этотъ гордіевъ узелъ. Мы думаемъ, что только психологическій анализъ можетъ указать выходъ. Понятія о необходимости, произволѣ, случайности—не что иное, какъ отвлеченія отъ единичныхъ событій, разгруппированныя по признакамъ и обобщенныя. Человѣкъ замѣтилъ, что одни событія совершаются неизбѣжно, неминуче, напримѣръ, день смѣняется ночью, ночь — днемъ; другія могутъ происходить такъ или иначе, по усмотрѣнію того, отъ кого они зависятъ: захотѣлъ—наказалъ, захотѣлъ—пощадилъ; третьи наступаютъ недуманно-негаданно, какъ послѣдствія причинъ, которыя не были или не могли быть предвидѣны, и производятъ неожиданную перемѣну въ обстоятельствахъ и обстановкѣ: нечаянно нашелъ кладъ — и разбогатѣлъ; былъ молодъ и здоровъ, и вдругъ, ни съ того ни съ сего, умеръ. При всемъ существенномъ различіи, отвлеченныя понятія о необходимости, произволѣ, случайности имѣютъ то между собою общаго, что выражаютъ личную, индивидуальную точку зрѣнія на событія. Человѣкъ характеризуетъ ихъ такъ, какъ на нихъ смотритъ, или какъ они къ нему относятся, и считаетъ эти личныя, субъективныя характеристики за признаки самихъ единичныхъ событій. Отвлеченія отъ послѣднихъ, т.-е. на самомъ дѣлѣ отъ взгляда на нихъ человѣка, группируются по признакамъ, и сходныя между собою суммируются въ общія понятія. Но обратившись разъ въ отвлеченныя понятія или представленія, они теряютъ личный, субъективный характеръ и поступаютъ въ вѣдѣніе науки, которая смотритъ на нихъ съ объективной точки зрѣнія, примѣняетъ къ нимъ объективную мѣрку. Не обращая вниманія на личныя воззрѣнія, она по-

ставляетъ себѣ задачею опредѣлить не тѣ свойства и признаки, которые наблюдающій приписываетъ фактамъ, по отношенію къ себѣ, а ихъ собственные, имъ самимъ принадлежащіе, независимо отъ отношенія этихъ фактовъ къ тому или другому лицу. Результатъ такого изслѣдованія состоитъ въ выводѣ, что произвольныхъ и случайныхъ событій нѣтъ и быть не можетъ, что всѣ они необходимы, только съ оттѣнками, а именно: событія, приписываемыя произволу, тоже необходимы, но ихъ необходимость зависитъ непосредственно не отъ внѣшняго міра, а отъ воли лица, хотя эта воля тоже опредѣляется необходимыми мотивами; случайныя событія тоже необходимы, только ведутъ свое начало отъ цѣлаго ряда событій, происходящихъ одно отъ другого, но которыхъ начало и послѣдовательность мы не всегда можемъ изслѣдовать до конца. Стало быть, научный, объективный взглядъ, собственно говоря, не отрицаетъ ни случайности, ни произвола, а только перемѣняетъ точку зрѣнія, причемъ то, что̀ казалось произвольнымъ и случайнымъ, представляется необходимымъ. Сукъ дерева, на которомъ сидитъ человѣкъ, подломился, сидѣвшій на немъ упалъ и убился до смерти; относительно упавшаго это — случай, хотя сукъ подъ нимъ обломился необходимо, по законамъ природы. Заводчикъ, по хозяйственнымъ разсчетамъ, закрываетъ свой заводъ и покупаетъ имѣніе, вслѣдствіе чего люди, работавшіе на его заводѣ, остаются безъ дѣла и должны искать другой работы; для нихъ такое распоряженіе заводчика есть случайность; для него самого — добрая воля; но если разсмотрѣть съ объективной точки зрѣнія, почему онъ такъ поступилъ, то окажется — такъ утверждаютъ защитники безусловнаго начала необходимости — что онъ дѣйствовалъ непроизвольно и былъ роковымъ образомъ приведенъ именно къ этому, а не къ другому поступку, слѣд., дѣйствовалъ по необходимости, а слѣдовательно и для рабочихъ его завода это событіе было тоже не случайнымъ, а необходимымъ. Отсюда выходитъ, что въ субъективномъ смыслѣ необходимость ограничена произволомъ и случаемъ; они являются рядомъ съ нею; а въ объективномъ она не ограничена ничѣмъ и царитъ исключительно. Очевидно, что съ перемѣной точки зрѣнія самое понятіе о необходимости измѣняется, дѣлается гораздо шире и вмѣстѣ съ тѣмъ гораздо отвлеченнѣе, потому что дальше отходитъ отъ единичнаго факта. Но въ отвлеченномъ смыслѣ, изъ котораго единичный фактъ выпадаетъ, необходимость только выражаетъ, что причина и дѣйствіе имѣютъ между собою необходимую связь, т.-е., что причина уже необходимо предполагаетъ вытекающія изъ нея слѣдствія и, наоборотъ, что нѣтъ дѣйствія безъ причины. Это—истина неоспоримая, выведенная изъ тысячи неопровержимыхъ фактовъ; но изъ нея никакъ не слѣдуетъ, что необходимость исключительно управляетъ дѣйствительною жизнью. Въ самомъ дѣлѣ, оставимъ въ сторонѣ дѣйствія произвольныя, которыя одни тоже считаютъ необходимыми, а другіе нѣтъ, и обратимся къ необходимости и случайности. Для отдѣльныхъ лицъ, въ отношеніи къ нимъ, послѣдняя дѣйствительно существуетъ, а въ общемъ смыслѣ вовсе нѣтъ случайности. Что же это значитъ? То, что дѣйствительная жизнь управляется условіями, которыя, при отвлеченіи и обобщеніи, принимаютъ другой видъ, измѣняютъ свой характеръ. Изъ этого слѣдуетъ, что научныя отвлеченія и обобщенія не могутъ быть непосредственно примѣняемы къ дѣйствительной жизни, безъ переложенія ихъ, если можно такъ выразиться, на языкъ дѣйствительности, изъ которой они выработаны. Такъ оно на самомъ дѣлѣ и бываетъ. Въ математическую или механическую общую формулу, при ея примѣненіи, вставляются реальные единичные факты; иначе она не можетъ быть приложена къ дѣлу. Законъ гражданскій, въ исполненіи, точно такъ же распадается на множество единичныхъ случаевъ и утрачиваетъ общій характеръ. Замѣчаніе это относится къ множеству отвлеченныхъ понятій, которыя играютъ огромную роль въ дѣйствительной единичной жизни и исчезаютъ въ обобщеніяхъ и отвлеченностяхъ. Такъ политико-экономическія понятія о конкурренціи, о народномъ богатствѣ, о свободѣ торговли, какъ отвлеченія, совершенно вѣрны; но примѣненныя непосредственно къ дѣйствительности, они могутъ идти съ нею въ разрѣзъ и нерѣдко обрушаются на лица и народы бѣдою и разореніемъ. Различіе между добромъ и зломъ исчезаетъ, когда мы переведемъ эти понятія въ сферу отвлеченныхъ началъ, а между тѣмъ его невозможно вычеркнуть изъ дѣйствительности, потому что индивидуальная жизнь человѣка безъ этого различія не-

мыслима. На различеніе общаго и индивидуальнаго, единичнаго, отвлеченнаго и дѣйствительнаго мы не обращаемъ вниманія и, перетасовывая ихъ, впадаемъ въ грубыя ошибки. Необходимость, какъ отвлеченное понятіе, есть общій законъ; но мы, сами того не замѣчая, подкладываемъ подъ это понятіе то значеніе, какое оно имѣетъ въ субъективномъ смыслѣ, въ личной, индивидуальной жизни, иначе сказать, примѣняемъ къ послѣдней законъ, который къ ней не относится, отвлеченнымъ понятіемъ мѣряемъ то, что̀ имъ не можетъ мѣриться. Это та же самая ошибка, въ которую мы впадаемъ, ломая себѣ голову надъ тѣмъ, что̀ такое безпредѣльное пространство и безконечное время. Отвлеченію отъ факта, одному изъ его признаковъ, психически выработанному въ особый продуктъ, мы силимся придать значеніе живого реальнаго факта и, разумѣется, приходимъ къ несообразностямъ.

Возьмемъ теперь группу понятій другого порядка. Что̀ такое право и нравственность, и чѣмъ они отличаются другъ отъ друга? Объ этомъ до сихъ поръ люди еще не успѣли согласиться между собою, хотя спорятъ очень давно. Споръ будетъ продолжаться безъ конца, пока не догадаются перенести его съ метафизической почвы на психологическую. Право есть отвлеченіе отъ юридическаго закона, который, въ свою очередь, есть отвлеченіе отъ установленныхъ въ обществѣ юридическихъ отношеній людей между собою. Эти отношенія чрезвычайно различны, поэтому различны и законы; слѣд. и право, какъ отвлеченіе отъ послѣднихъ, есть не болѣе какъ рамка, схема, сама собою ничего не выражающая, не имѣющая никакого содержанія; между тѣмъ, его возвели въ идею, которая осуществляется и воплощается въ народахъ и человѣчествѣ. Стали говорить о правѣ естественномъ, философскомъ, въ противоположность существующему положительному, и подразумѣваютъ подъ этимъ названіемъ безусловныя начала юридическихъ отношеній; но при повѣркѣ всегда оказывалось, что естественное и философское право въ дѣйствительности не есть ни естественное, ни философское, а лишь проектъ, программа новой системы законовъ, болѣе соотвѣтствующихъ измѣнившимся юридическимъ отношеніямъ,— законовъ, которые или уже прежде дѣйствовали, или теперь дѣйствуютъ у другихъ народовъ, при сходныхъ юридическихъ отношеніяхъ. Такъ-называемое философское построеніе права есть самообольщеніе; на самомъ дѣлѣ оно есть отвлеченіе отъ дѣйствующихъ законовъ, или проектъ новыхъ, согласныхъ съ требованіями измѣнившихся или вновь образовавшихся отношеній.

Юридическія отношенія, изъ которыхъ, чрезъ двойное отвлеченіе, выработано общее понятіе о правѣ, касаются только внѣшнихъ поступковъ людей и не идутъ далѣе. До внутренняго ихъ настроенія и расположенія другъ къ другу, до намѣреній, не перешедшихъ въ дѣйствія, до сердечныхъ чувствъ юристамъ нѣтъ дѣла. Внутренніе психическіе поступки, психическія отношенія къ людямъ составляютъ особую группу, изъ которой, чрезъ отвлеченіе и обобщеніе, составляется понятіе о нравственности. По ходу развитія какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и человѣческихъ обществъ и всего человѣческаго рода, психическіе элементы лишь постепенно выработываются къ самостоятельной жизни и дѣятельности, изъ-подъ преобладающихъ внѣшнихъ условій. Соотвѣтственно съ этимъ, юридическія отношенія появляются прежде нравственныхъ. Въ древнѣйшихъ законодательствахъ поступокъ разсматривается только по его внѣшнему значенію; уже впослѣдствіи стали принимать въ разсчетъ его психическіе элементы. Неясное пониманіе психической стороны дѣла мѣшало, и до сихъ поръ мѣшаетъ, понять такое простое отношеніе юридическихъ поступковъ къ нравственнымъ дѣйствіямъ, права къ морали. Ихъ старались размежевать, какъ пробовали разграничить чувство отъ мысли, мысль отъ воли; сочиняли цѣлый кодексъ нравственныхъ обязанностей, котораго половина наполнялась юридическими отношеніями, а другая предписаніями гигіены и діэтетики; или противополагали нравственность праву, не подозрѣвая, что когда они противорѣчатъ другъ другу, то это значитъ, что либо юридическій законъ не въ уровень съ измѣнившимися юридическими отношеніями, либо лицо, общество или народъ относятся къ юридическому закону неправильно, хотя, можетъ быть, и добросовѣстно. Самые смѣлые и непонимающіе вовсе вопроса убѣждены, что наступитъ время, когда юридическія отношенія замѣнятся нравственными, что есть избранные народы, которые могутъ житъ

безъ юридическихъ отношеній, на основаніи однихъ нравственныхъ правилъ. Такія аберраціи показываютъ, до какихъ нелѣпостей можно дойти, толкуя произвольно отвлеченныя понятія и не повѣряя ихъ тѣми представленіями, изъ которыхъ они выработаны. Люди, чающіе упраздненія права, не догадываются, что ратуя противъ общаго понятія, они на самомъ дѣлѣ требуютъ, можетъ быть очень основательно, измѣненія существующихъ юридическихъ отношеній, или ихъ характера. Желать водворенія нравственности вмѣсто права безсмысленно, потому что нравственность есть психическое настроеніе, а не кодексъ внѣшнихъ обязательныхъ правилъ. Регламентація любви, казуистика милосердія и состраданія немыслимы, безъ ихъ уничтоженія въ принципѣ. Нравственное чувство, конечно, выше юридическаго закона, но не въ томъ слыслѣ, что можетъ упразднить его въ томъ, что дополняетъ его тамъ, куда его сила и дѣйствіе не проникаютъ. То, что мы называемъ нравственнымъ поступкомъ, нравственнымъ дѣйствіемъ, нравственнымъ правиломъ есть, на самомъ дѣлѣ, не что иное, какъ юридическій поступокъ, юридическое дѣйствіе, юридическое правило, только перенесенные изъ міра внѣшнихъ явленій во внутренній міръ души и обсуждаемые не по наружнымъ признакамъ, а по мотивамъ и побужденіямъ. Оттого-то нравственность, какъ настроеніе, какъ чувство, не имѣетъ своего содержанія и не можетъ быть втиснуто ни въ какую формулу.

Въ заключеніе разберемъ еще, съ психологической точки зрѣнія, одно изъ самыхъ сложныхъ и загадочныхъ явленій, которое до сихъ поръ не объяснено вполнѣ удовлетворительно. Мы говоримъ о зооморфизмѣ и антропоморфизмѣ, составляющихъ общую принадлежность почти всѣхъ языческихъ религій.

Зооморфизмъ и антропоморфизмъ—явленія, сопровождающія, едва ли не у всѣхъ народовъ, періодъ ихъ младенчества и юности. Превращеніе боговъ и людей въ предметы внѣшней природы, изображеніе божествъ въ видѣ животныхъ, смѣшеніе и слитіе человѣческаго образа съ принадлежностями прочихъ предметовъ природы, предшествуетъ, во всѣхъ языческихъ вѣрованіяхъ, чистому антропоморфизму, — изображенію боговъ въ видѣ людей. За антропоморфизмомъ слѣдовалъ періодъ олицетворенія отдѣльныхъ физическихъ и нравственныхъ человѣческихъ свойствъ, качествъ, добродѣтелей и пороковъ и поклоненія имъ въ видѣ боговъ. Прежніе боги объяснялись и передѣлывались въ этомъ же смыслѣ. Далѣе языческая религія переходила въ философію и сливалась съ ней; появлялось вѣрованіе въ метафизическія незримыя существа, въ идеи. Олимпъ мало-по-малу переносился въ область мысли. Подъ конецъ, и метафизическія божества постепенно все болѣе и болѣе отдалялись отъ дѣйствительной жизни, теряли съ нею всякую живую связь, замирали и обращались въ чистыя отвлеченности, пока не исчезали совсѣмъ.

Такой ходъ развитія языческихъ вѣрованій представляетъ поразительную аналогію съ развитіемъ человѣческаго самосознанія. Человѣкъ лишь постепенно подмѣчаетъ свое различіе отъ окружающаго матеріальнаго міра, и сознаніе его, въ развитіи своемъ, проходитъ чрезъ нѣсколько фазисовъ, начиная отъ взгляда человѣка на себя, какъ на физическое существо, до пониманія себя какъ существа по преимуществу нравственнаго, духовнаго. Такая аналогія между развитіемъ вѣрованій и самосознанія даетъ основаніе предполагать, что оба развиваются по одному и тому же закону. Остается найти его формулу и объяснить, чѣмъ опредѣляется, отъ чего зависитъ параллельное развитіе самосознанія и вѣрованій. Отвѣтъ на эти вопросы даетъ, какъ мы думаемъ, одна психологія. Психическая жизнь, совершаясь на матеріальной подкладкѣ, лишь постепенно высвобождается изъ-подъ физической, лишь постепенно становится самостоятельной и самодѣятельной. Этотъ ходъ развитія выражается и во взглядѣ человѣка на самого себя. Чѣмъ онъ ближе къ матеріальной природѣ, чѣмъ менѣе изъ нея выработался, тѣмъ онъ менѣе сознаетъ свое различіе отъ предметовъ окружающаго физическаго міра, и наоборотъ: только успѣхами различенія себя отъ предметовъ внѣшней природы измѣряется степень психической самостоятельности и самодѣятельности человѣка. Если мы при этомъ примемъ въ соображеніе, что образованіе представленій есть цѣлая умственная операція, цѣлый актъ мышленія, результатъ котораго—не отвлеченныя формулы, не такъ-называемыя мысли, а тоже представленія, только обработанныя,

т.-е. различенныя, сгруппированныя, отвлеченныя и обобщенныя, то не трудно понять послѣдовательность, постепенность развитія языческихъ вѣрованій, на которую было указано выше. Первобытные язычники обожали не предметы и явленія природы — солнце, звѣзды, деревья, рѣки и т. п., — какъ думаютъ обыкновенно, а невидимыя божества, присутствіе которыхъ предполагалось въ этихъ предметахъ. Къ такому предположенію первобытный человѣкъ былъ приведенъ тѣмъ же путемъ, какимъ, впослѣдствіи, пришли философы къ сущности вещей, будто бы скрывающейся за ихъ внѣшней оболочкой, т.-е. за ихъ признаками, свойствами и принадлежностями. Безсознательное разложеніе первыхъ представленій на признаки рано привело человѣка къ такому предположенію. Какъ философы искали за видимою, подлежащею внѣшнимъ чувствамъ, стороною вещей ихъ сущности, идеи, такъ первобытный человѣкъ искалъ незримыя живыя существа. Вся разница только въ степени развитія. О неизвѣстномъ человѣкъ всегда судитъ по себѣ, т.-е. сравниваетъ съ собой, и пока не узнаетъ предмета, каковъ онъ есть, приписываетъ ему свои свойства. Первобытный человѣкъ, какъ сказано, не отличалъ еще ясно самого себя отъ окружающей матеріальной природы. Психическіе элементы въ немъ еще не пробудились къ самостоятельной жизни. Поэтому, за предметами природы ему чудилось что-то живое, похожее на человѣка. Его не поражала несообразность пребыванія человѣческаго въ нечеловѣческомъ, потому что онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ своемъ различіи съ окружающей природой. Этимъ и объясняется происхожденіе зооморфизма. Но по мѣрѣ того какъ человѣкъ началъ подмѣчать свое различіе отъ окружающихъ физическихъ предметовъ, зооморфическая точка зрѣнія мало-по-малу смѣнилась антропоморфической. Такой переходъ обусловливался измѣнившимися воззрѣніями человѣка на окружающую среду и на самого себя. Психическое развитіе перенесло его взглядъ отъ отдѣльныхъ предметовъ къ природѣ и ея силамъ. Эти отвлеченія и обобщенія представились ему сущностью природныхъ явленій, которая отдѣлена отъ нихъ и господствуетъ надъ ними. На нее удобнѣе и естественнѣе было перенести съ отдѣльныхъ предметовъ взглядъ человѣка на самого себя, тѣмъ болѣе, что этотъ взглядъ, вслѣдствіе того же психическаго развитія, въ свою очередь измѣнился. Но, различивъ себя отъ природы, человѣкъ сначала понималъ себя только какъ живое физическое существо. Подняться вдругъ до своей нравственной, духовной природы, сразу отличить ее отъ тѣла и видѣть въ ней свою сущность, онъ еще не могъ. Чтобъ убѣдиться, какъ мало различалъ въ себѣ человѣкъ тѣло отъ души, стоитъ вспомнить представленія древнихъ язычниковъ о загробной жизни. Они воображали ее себѣ продолженіемъ настоящей, земной жизни и вслѣдствіе того снабжали умершаго всѣмъ тѣмъ, что его окружало и въ чемъ онъ имѣлъ надобность при жизни.

Таковы источники антропоморфизма. Дальнѣйшее развитіе языческихъ вѣрованій точно такъ же служило вѣрнымъ отраженіемъ самосознанія. Когда психическая сторона стала выдвигаться на первый планъ, начали постепенно появляться олицетворенія психическихъ свойствъ и качествъ; а когда психическая жизнь получила рѣшительное преобладаніе и въ психической сторонѣ люди стали видѣть сущность человѣческой природы, олицетворенія исчезли и замѣнились метафизическими божествами, не имѣющими никакой тѣлесной формы. Этимъ и заключился циклъ развитія языческихъ вѣрованій.

Такое объясненіе, само собою разумѣется, далеко не исчерпываетъ вопроса о происхожденіи и развитіи языческихъ религій. Этого мы и не имѣли въ виду. Мы коснулись здѣсь, въ самыхъ общихъ чертахъ, лишь той ихъ стороны, которая непосредственно соприкасается съ психическимъ развитіемъ человѣка, и старались показать, какъ необходимъ правильный взглядъ на это развитіе, между прочимъ, и для объясненія нѣкоторыхъ загадочныхъ фактовъ въ развитіи древнихъ религій и культовъ.

Ограничимся этими нѣсколькими примѣрами. Ихъ, мы полагаемъ, совершенно достаточно, чтобъ объяснить читателямъ, какъ должно смотрѣть на процессы, происходящіе въ душѣ при переработкѣ представленій въ общія и отвлеченныя понятія и какъ слѣдуетъ понимать значеніе послѣднихъ. Тщательно перебирая ихъ одни за другими, не исключая самыхъ, повидимому, сложныхъ и отвлеченныхъ, мы не встрѣтили ни одного, которое не разлагалось бы на начальныя представленія, какъ на свои составныя части.

То же самое, какъ извѣстно, доказывалъ Локкъ. Если его анализъ не всегда удовлетворителенъ, то причины должно искать, какъ мы замѣтили выше, въ томъ, что онъ не обратилъ вниманія на психическія операціи, чрезъ которыя проходятъ представленія, переработываясь въ душѣ. Притомъ, онъ подмѣтилъ только два источника, изъ которыхъ получаются представленія, именно дѣйствія на человѣка матеріальнаго міра и рефлексіи, т.-е. психическіе процессы, и упустилъ изъ виду третій, столько же важный—прирожденныя свойства психическаго организма, отъ которыхъ мы точно такъ же получаемъ множество внутреннихъ впечатлѣній и представленій, поступающихъ, подобно прочимъ, въ психическую переработку. Вслѣдствіе того, Локкъ многаго не доглядѣлъ; но многое осталось для него также недоступнымъ по очень несовершенному состоянію наукъ въ его время. Конечно, съ дальнѣйшими успѣхами положительнаго знанія, и для психологическаго анализа откроются новыя стороны и предметы, которыхъ мы теперь и не подозрѣваемъ, или которые объясняемъ ошибочно. Одно несомнѣнно: только положительный методъ изслѣдованія приведетъ къ объясненію психическихъ фактовъ. Другого способа нѣтъ и быть не можетъ. Этимъ открытіемъ психологія обязана прежде и больше всего Локку.

Представимъ теперь, въ немногихъ словахъ, выводы и соображенія, къ которымъ приводитъ изложенный выше взглядъ на воспринимающую и переработывающую дѣятельность души.

Психологія и философія много говорятъ о полученіи впечатлѣній и о мышленіи, которое приписывается частью разсудку, частью уму. Продукты психическихъ отправленій изслѣдованы уже довольно подробно и обстоятельно. Но что̀ такое сами эти отправленія, ка̀къ относится принятіе впечатлѣній къ мышленію, какую роль играютъ и то, и другое въ психической жизни,—эти вопросы остаются пока безъ отвѣта. Вотъ почему психологическія и философскія изслѣдованія, въ этомъ отношеніи, до сихъ поръ такъ безрезультатны, такъ мало уясненъ истинный смыслъ формъ психическихъ процессовъ и ихъ значеніе. Между тѣмъ, вопросы эти разрѣшатся довольно легко, когда мы станемъ изслѣдовать психическія отправленія, не изолируя ихъ одни отъ другихъ, какъ теперь дѣлается, а напротивъ, сводя ихъ вмѣстѣ и сравнивая между собою.

То, что мы называемъ принятіемъ или полученіемъ впечатлѣнія (собственно образованіе ясныхъ представленій), мышленіемъ, разсудкомъ, умомъ, въ дѣйствительности не суть разныя отправленія или способности души, а только различные акты и стороны одной и той же воспринимающей и переработывающей ея дѣятельности. Какъ физическій организмъ принимаетъ въ себя пищу и переработываетъ ее, такъ точно и душа; но разница между тѣмъ и другимъ отправленіемъ большая и зависитъ отъ различныхъ свойствъ матеріальной и психической среды, въ которыхъ они совершаются. Принятіе физической пищи вводитъ въ матеріальный организмъ частицы окружающаго міра, которыя потомъ въ немъ переработываются. Наблюдая ходъ этого процесса, мы можемъ слѣдить, шагъ за шагомъ, какъ пища поступаетъ въ организмъ, и указать моментъ, когда она, послѣ механической подготовки, подвергается разложенію и претворенію. Совсѣмъ другое происходитъ въ душѣ, при аналогическихъ ея отправленіяхъ. Мы вовсе не знаемъ, и очень сомнительно, узнаемъ ли когда-нибудь, какъ дѣйствуетъ на нее окружающая матеріальная среда, въ томъ числѣ и различныя состоянія нашего тѣла. Объ этой средѣ и о нашемъ тѣлѣ мы можемъ заключать только по дѣйствіямъ, которыя отъ нихъ получаются, другими словами, наблюденія наши начинаются съ той минуты, когда дѣйствіе на душу уже произведено, когда впечатлѣніе принято. Далѣе: физическій организмъ переработываетъ только пищу, полученную имъ извнѣ. Душа, вслѣдствіе особенностей своей природы, не только получаетъ впечатлѣнія извнѣ, но и отъ самой себя. Это доказывается тщательнымъ анализомъ психическихъ продуктовъ, которые не сводятся, какъ думаютъ матеріалисты, къ однимъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Душа впервые пробуждается къ дѣятельности дѣйствіемъ на нее матеріальнаго міра. Внѣшнія впечатлѣнія, по порядку, первыя, которыя она получаетъ; представленія, которыя этимъ путемъ образуются, суть данныя, вызывающія и упражняющія ея самодѣятельность. Когда человѣкъ начинаетъ отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что̀ въ немъ происходитъ, онъ уже находитъ въ себѣ множество готовыхъ продуктовъ предшество-

вавшихъ операцій переработки представленій, образовавшихся вслѣдствіе впечатлѣній, внѣшнихъ и внутреннихъ, не зная, какъ эти переработанныя представленія произошли и откуда взялись. Первыя психическія дѣйствія, при пробужденіи психической жизни, не могутъ вызываться самою душою, а обусловливаются матеріальной обстановкой и внѣшними обстоятельствами. Лишь впослѣдствіи, развившись и окрѣпнувъ, душа становится центромъ самостоятельной жизни и дѣятельности, источникомъ своеобразныхъ явленій, преобразующихъ внѣшній міръ и матеріальную обстановку человѣка. Такой ходъ развитія вполнѣ объясняется тѣмъ, что̀ мы сказали выше. Психическій организмъ выростаетъ на матеріальной почвѣ, сначала весь погруженъ въ нее и лишь мало-по-малу выработывается изъ нея къ самостоятельной жизни. Вслѣдствіе этого, впечатлѣнія внѣшняго міра, первыя по времени, начинаютъ на него дѣйствовать, и уже затѣмъ, когда дѣятельность психическаго организма возбуждена, онъ обращается на самого себя и получаетъ впечатлѣнія отъ продуктовъ своей дѣятельности и отъ своихъ свойствъ и состояній, которыя доступны только внутреннему зрѣнію. Весь этотъ разнообразный матеріалъ поступаетъ въ обращеніе въ психическомъ организмѣ, проходя послѣдовательно чрезъ нѣсколько переработокъ. Каждая изъ этихъ операцій совершенно одинакова со всѣми ей предшествовавшими и послѣдующими и состоитъ въ сопоставленіи и сравненіи впечатлѣній, въ отдѣленіи, вслѣдствіе такого сравненія, признаковъ и соединеніи между собою представленій въ общія понятія, а ихъ признаковъ—въ понятія отвлеченныя. Такимъ образомъ то, что̀ мы считаемъ особыми силами или способностями души—разсудокъ, разлагающій признаки, и умъ или разумъ, образующій общія и отвлеченныя понятія, не что иное, какъ различные пріемы или акты одной и той же психической дѣятельности, которою выработываются разнообразные психическіе продукты. Первыя операціи такого рода, пока душа погружена въ физическую жизнь, происходятъ непроизвольно и безсознательно. Но по мѣрѣ того, какъ психическій организмъ становится самостоятельнымъ и самодѣятельнымъ, появляются, рядомъ съ непроизвольными и безсознательными, сознательныя и произвольныя операціи, которыя вносятъ въ жизнь души новый элементъ и критическую повѣрку во всѣ ея отправленія. Психологи и философы, занявшись исключительно формами и продуктами, въ которыхъ эти отправленія выражаются, остановились на полдорогѣ и не сдѣлали окончательныхъ выводовъ изъ своихъ наблюденій. Будущему времени предстоитъ подвести итоги подъ ихъ превосходныя работы. Говоря о мышленіи, мы представляемъ себѣ дѣятельность особаго рода, выработывающую мысли,—нѣчто отвлеченное, не имѣющее непосредственнаго отношенія къ реальной дѣйствительности; на самомъ же дѣлѣ мышленіе есть, ни болѣе ни менѣе, какъ операція переработки представленій въ новыя формы. Его единственная задача,—разлагать, посредствомъ сопоставленія и сравненія, всякаго рода представленія, возникающія вслѣдствіе впечатлѣній внѣшнихъ и внутреннихъ, и потомъ возсоздавать эти представленія въ новой группировкѣ, въ новыхъ сочетаніяхъ. То, что̀ мы называемъ мыслями, есть не болѣе какъ одинъ изъ продуктовъ этой дѣятельности, рядомъ съ безчисленнымъ множествомъ другихъ, самыхъ разнообразныхъ. Мысль потому намъ бросается въ глаза, что она, по своей отвлеченности и общности, рѣзко отличается отъ другихъ продуктовъ психической переработки, болѣе близкихъ къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Но мы видѣли, что ближайшія къ впечатлѣніямъ представленія и общія и отвлеченныя понятія суть продукты того же мышленія, пріемы котораго вездѣ и всюду одни и тѣ же и отличаются большой простотой. Самое обыденное представленіе и самая глубокая отвлеченная мысль возникаютъ совершенно одинаковымъ образомъ и въ этомъ отношеніи ничѣмъ между между собою не отличаются. Вотъ почему невозможно выдѣлить мышленіе изъ выраженій чувства и проявленій воли. Развитіе чувства и воли уже предполагаетъ операціи мышленія; безъ нихъ ни чувствъ, ни желаній, ни акта воли и представить себѣ нельзя. Очевидность этого не поражаетъ насъ потому только, что обработка и перегруппировка представленій, т.-е. собственно операціи мышленія, скрываются въ нихъ за фактами и явленіями, подлежащими внѣшнимъ чувствамъ. Только благодаря этому недоразумѣнію, мы считаемъ разрѣшеніе математической теоремы, философскій трактатъ, историческое изслѣдованіе—продуктами мышле-

нія, а симфонію Бетховена, картину Рафаэля, драму Шекспира—продуктами какого то особаго художественнаго чувства, не замѣчая въ нихъ участія мышленія.

Непониманіе истинной роли мышленія посреди другихъ психическихъ отправленій породило множество разныхъ недоразумѣній. Еще недавно думали, что мышленіе есть высшая изъ всѣхъ способностей души, что оно—вѣнецъ духовной дѣятельности человѣка; что по мѣрѣ того, какъ эта дѣятельность развивается, она упраздняетъ всѣ другіе ея виды и формы. Въ этихъ и подобныхъ имъ взглядахъ есть нѣкоторая доля правды, перемѣшанная съ множествомъ самыхъ странныхъ заблужденій. Мышленіе есть одинъ изъ психическихъ процессовъ, посреди множества другихъ; вытѣснить и упразднить послѣдніе оно точно также не можетъ, какъ они не могутъ упразднить его. Думать, будто дѣятельность мышленія можетъ когда нибудь заставить навсегда замолчать чувства, желанія, такъ же безсмысленно и нелѣпо, какъ еслибъ кто вздумалъ утверждать, что психическая, нравственная, духовная жизнь должна упразднить отправленія тѣла, сонъ, принятіе пищи и т. п. Мышленіе, какъ и всякое другое отправленіе, имѣтъ свою задачу, свое время и свое мѣсто въ психической жизни; оно вноситъ въ нее результаты своей дѣятельности и тѣмъ, извѣстнымъ образомъ, болѣе или менѣе, видоизмѣняетъ всѣ прочія отправленія: отмѣнить и упразднить ихъ оно не въ состояніи; только когда мышленіе совершаетъ свои операціи, другія отправленія пріостанавливаются или дѣйствуютъ, сравнительно, слабѣе. Но то же самое должно сказать и о другихъ отправленіяхъ; они точно также, въ свою очередь, пріостанавливаютъ или ослабляютъ на время процессъ мышленія.

Въ такомъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать и превосходство мышленія передъ прочими психическими отправленіями. Мышленіе, претворяя представленія въ новыя формы, есть условіе и начало самостоятельности и самодѣятельности души. Только чрезъ мышленіе душа къ нимъ возбуждается и становится способной относиться свободно къ внѣшнему міру и къ самой себѣ. Такъ какъ первые продукты мышленія — представленія, находятся въ тѣснѣйшей связи съ чувствами и желаніями, то можно сказать, что оно есть регуляторъ всей психической жизни, занимаетъ между психическими процессами центральное мѣсто. Мы были бы даже готовы признать за нимъ первенствующее значеніе, еслибъ съ этимъ понятіемъ не связывалась мысль, будто бы мышленіе съ его продуктами есть крайній, высшій предѣлъ психической жизни. Какъ ни важно значеніе мышленія, но оно все-таки не есть цѣль, а только средство; его роль есть служебная, подчиненная. Оно освобождаетъ человѣка изъ-подъ господства внѣшней природы, выводитъ его изъ личной субъективной жизни въ общую, объективную; но за этимъ начинается творческая дѣятельность человѣка, пересозданіе имъ внѣшней окружающей среды, своего тѣла и своего психическаго міра. Мышленіе есть только посредствующее звено между пассивнымъ и активнымъ отношеніемъ человѣка къ себѣ и природѣ, переходная ступень отъ перваго ко второму. Шопенгауеръ и его послѣдователи предчувствуютъ это, указывая на волю, какъ на высшее начало философіи. Какъ ни ошибочны ихъ выводы, какъ ни странна ихъ аргументація, какъ ни превратны ихъ понятія о существѣ воли,—все же эти ученія свидѣтельствуютъ, что мышленіе перестало считаться высшимъ началомъ, что за нимъ видится уже нѣчто другое, чего современная мысль не успѣла пока ясно разглядѣть и опредѣлить.

При такомъ взглядѣ на мышленіе многія изъ установившихся издавна и ходячихъ представленій по этому предмету должны существенно измѣниться.

Каждый человѣкъ носитъ въ себѣ болѣе или менѣе ясное сознаніе о томъ, что онъ поставленъ какъ бы между двумя мірами, физическимъ и духовнымъ, которые противополагаются другъ другу. Здѣсь источникъ множества миражей, исчезающихъ при сколько-нибудь внимательномъ психологическомъ анализѣ.

Во-первыхъ, изъ противоположенія двухъ міровъ возникъ дуализмъ, въ которомъ оно возведено въ доктрину, а въ философіи получило научную обработку и какъ бы оправданіе. Долго трудился нѣмецкій идеализмъ надъ разрѣшеніемъ этого противорѣчія, надъ сведеніемъ обоихъ распадающихся терминовъ къ какому-нибудь единству,—но безъ всякаго успѣха. Задача эта подъ силу только психологическому анализу. Изъ него оказывается, что то, что мы называемъ внѣшнимъ міромъ,

есть на самомъ дѣлѣ міръ матеріальныхъ впечатлѣній и выработанныхъ изъ нихъ представленій, а внутренній, духовный міръ,— міръ отвлеченныхъ и общихъ понятій, выработанныхъ повторенными много разъ психическими операціями изъ всякаго рода первоначальныхъ впечатлѣній, внѣшнихъ и внутреннихъ, физическихъ и психическихъ. Чѣмъ эти психическіе продукты выработаннѣе, т.-е. чѣмъ больше разъ они проходили чрезъ психическія операціи, тѣмъ они дальше расходятся съ первоначальными физическими впечатлѣніями и представленіями. Съ тѣмъ вмѣстѣ взаимная связь ихъ мало-по-малу сглаживается и наконецъ, повидимому, совершенно исчезаетъ. Представленія матеріальныхъ предметовъ и явленій еще очень близки къ впечатлѣніямъ, вслѣдствіе которыхъ образовались, и мы легко узнаемъ ихъ взаимное соотвѣтствіе и сходство. Общія и отвлеченныя понятія, образовавшіяся вслѣдствіе первой переработки представленій, стоятъ уже нѣсколько дальше, такъ что однако связь обобщеній съ представленіями все же еще болѣе замѣтна, а отвлеченій, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, уже гораздо менѣе; на дальнѣйшихъ же степеняхъ отвлеченія и обобщенія эта связь вовсе перерывается и открывается только при помощи точнаго анализа, когда притомъ мы уже знаемъ во всей подробности ходъ психическихъ операцій. Вотъ причина, почему представленія, пройдя черезъ психическую переработку, кажутся въ новой своей формѣ чѣмъ-то совсѣмъ другимъ, вовсе не похожимъ на то, чѣмъ они являются въ первоначальномъ своемъ видѣ. По той же самой причинѣ психическіе продукты противополагаются ихъ первоначальному источнику, т.-е. представленіямъ, непосредственно возникшимъ изъ впечатлѣній, и намъ кажется, будто передъ нами два міра, раздѣленные между собою непереступаемой бездной. Если бы переработка представленій происходила сознательно и мы слѣдили бы за нею шагъ за шагомъ, то противоположность психическихъ продуктовъ и матеріала, изъ котораго они выработаны, конечно, не казалась бы намъ такою рѣзкою. Но процедура психическихъ операцій открывается для насъ лишь постепенно, послѣ пристальнаго изученія, а сначала они совершаются сами собою, безъ нашего дѣятельнаго участія. Когда человѣкъ начинаетъ сознательно относиться къ тому, что совершается въ его душѣ, общія и отвлеченныя понятія уже успѣли пройти чрезъ нѣсколько повторенныхъ и психическихъ переработокъ и утратили всякое сходство съ первоначальнымъ ихъ источникомъ. Не скоро понялъ человѣкъ, что дождь, падающій на землю, образуется длиннымъ процессомъ изъ земной влаги, и что онъ возвращаетъ землѣ то, что изъ нея же взято; а понять, что міръ мыслей и такъ называемыхъ идей— тотъ же міръ представленій, только въ измѣненномъ, переработанномъ видѣ, несравненно труднѣе. Теперь, когда мы это понимаемъ, идеальный міръ представляется намъ совершенно въ иномъ видѣ.

Но если психическій міръ есть видозмѣненный и перегруппированный міръ первоначальныхъ представленій, то спрашивается: есть ли какой-нибудь предѣлъ для психическихъ переработокъ, и гдѣ должно остановиться бо́льшее и бо́льшее разобщеніе представленій съ выработываемыми изъ нихъ общими и отвлеченными понятіями? Вопросъ этотъ разрѣшается самымъ свойствомъ операцій мышленія. Еще Гегель очень мѣтко сказалъ, что общія и отвлеченныя понятія суть „сокращенія“ (Abbreviaturen) природы, потому что подъ каждое общее понятіе подходитъ безчисленное множество единичныхъ представленій. Точно также общія и отвлеченныя понятія, въ свою очередь, сокращаются при переработкѣ ихъ въ болѣе общія и отвлеченныя. Итакъ, число ихъ, при каждой новой операціи, должно уменьшаться, до тѣхъ поръ, пока возможно продолжать такія операціи, т.-е. пока можно сопоставлять, разлагать на признаки, дѣлать обобщенія и отвлеченія. Но чтобъ эти дѣйствія были возможны, необходимо, чтобъ было не менѣе двухъ отвлеченныхъ или общихъ понятій, или хотя бы одно, но имѣющее по крайней мѣрѣ два признака. Гдѣ нѣтъ никакого различенія, тамъ прекращаются и операціи мышленія, за невозможностью сопоставлять и сравнивать. Изъ этого видно, что прежнія попытки философіи возвести все существующее къ одному началу не могли не быть безуспѣшны. Одного начала не съ чѣмъ сравнивать; если оно безразлично, какъ „бытіе“ у Гегеля, то изъ него нельзя ничего вывести. Придуманный Гегелемъ переходъ отъ „бытія“ къ „ничто“ не есть, какъ онъ старается доказать, естественное и необходимое превращеніе самаго бытія въ противо-

положное ему, а искусно замаскированный прыжокъ отъ объекта къ субъекту, отъ предмета наблюденія къ лицу, производящему наблюденіе. Гегель спрашиваетъ: что̀ есть безразличное бытіе, не имѣющее ни формы ни содержанія?—и отвѣчаетъ: „ничто". Но это „ничто" есть сужденіе, произносимое о бытіи тѣмъ, кто его разсматриваетъ, а не переходъ самаго бытія въ другую форму.

Во-вторыхъ, изъ противоположенія матеріальнаго и психическаго міра развилось убѣжденіе въ существованіи безусловной истины, доступной философскому мышленію помимо положительнаго знанія. Въ наше время въ безусловное знаніе никто больше не вѣритъ, хотя невозможность его еще не доказана научнымъ образомъ. Этотъ пробѣлъ можетъ быть пополненъ только съ психологической точки зрѣнія. Безусловная истина есть отвлеченное понятіе, какъ необходимость, свобода, счастіе и тысячи подобныхъ. Когда мы узнаемъ что-нибудь, когда намъ становится понятенъ смыслъ какого-нибудь явленія, мы убѣждены, что вполнѣ обладаемъ истиной. Только потомъ, провѣривъ свой выводъ и найдя, что онъ ошибоченъ или не обнимаетъ всѣхъ сторонъ предмета, мы убѣждаемся, что заблуждались, что мы хотя и узнали истину, но не всю. Такимъ образомъ, все болѣе и болѣе узнавая предметы, понимая ихъ глубже и лучше по мѣрѣ того какъ ихъ изучаемъ, мы по аналогіи со всякимъ движеніемъ, имѣющимъ начало и достигающимъ цѣли, предполагаемъ, что и въ концѣ этого ряда должна быть безусловная истина, отъ которой зависятъ всѣ прочія и которая сама ни отъ кого и ни отъ чего не зависитъ. Но такая истина есть не болѣе какъ обманъ ума. Истина не есть какой-нибудь предметъ, а полное, совершенное соотвѣтствіе выработанныхъ психическими процессами отвлеченій и обобщеній съ представленіями, изъ которыхъ они выработаны. Такое соотвѣтствіе исключаетъ понятіе о безусловномъ и есть совершенно положительное, результатъ тщательнаго и точнаго изученія фактовъ.

Какъ ни сбивчива терминологія обыкновеннаго, разговорнаго языка, но въ немъ, кажется, можно различить два выраженія: „знать" и „понимать". Мы знаемъ предметъ, когда онъ не даетъ намъ новыхъ впечатлѣній, другими словами, когда представленіе о немъ уже прежде возникло въ нашей душѣ. Сравнивая это представленіе съ новымъ о томъ же предметѣ, вслѣдствіе новыхъ впечатлѣній, и находя ихъ тожественными, мы говоримъ, что знаемъ предметъ. Итакъ, узнать предметъ, значитъ удостовѣриться въ тожественности двухъ послѣдовательныхъ по времени представленій. Выраженіе: понять предметъ—имѣетъ другое значеніе. Можно знать предметъ и не понимать его; понимаемъ мы его съ той только минуты, когда узнали законы, по которымъ онъ существуетъ или живетъ и дѣйствуетъ. Я знаю локомотивъ, но не понимаю его, т.-е. не понимаю какъ онъ устроенъ и дѣйствуетъ; знаю выраженія писателя, но не понимаю ихъ смысла. Въ томъ и другомъ изъ приведенныхъ случаевъ, понять значитъ узнать мысль, лежащую въ основаніи предмета, и то, какъ она въ немъ осуществляется. Такъ выражаемся мы иносказательно, потому что, собственно говоря, никакая мысль не осуществляется въ предметѣ, не лежитъ въ его основаніи; предметъ существуетъ самъ по себѣ, независимо отъ нашихъ мыслей или смысла, который мы въ немъ находимъ. Но что же такое, спрашивается, та мысль или тотъ смыслъ, которые мы открываемъ въ предметахъ, тѣ законы, которыми они управляются? Не что иное, какъ выводъ изъ сравненія представленій о предметѣ или явленіи и ихъ признаковъ съ тѣми обобщеніями и отвлеченіями, которыя удержались въ нашей душѣ отъ предшествовавшихъ операцій мышленія. Вглядываясь въ представленія, разлагая ихъ на признаки, мы замѣчаемъ, что разныя представленія имѣютъ общіе признаки, отвлекаемъ ихъ и обобщаемъ. Замѣчая потомъ, что признаки другихъ представленій подходятъ подъ эти обобщенія и отвлеченія, мы называемъ послѣдніе законами. Такъ, напримѣръ, наблюдая надъ смѣною дня и ночи, мы замѣчаемъ, что она происходитъ періодически-правильно, и называемъ такую смѣну закономъ. Продолжая всматриваться далѣе, мы подмѣчаемъ сходство между землею и шаромъ и по разнымъ признакамъ выводимъ, что земля вертится около своей оси. Тогда законъ смѣны дня и ночи оказывается уже не закономъ, а лишь послѣдствіемъ закона суточнаго вращенія земли. Но и этотъ законъ, какъ оказывается, въ свою очередь есть тоже лишь послѣдствіе вращательнаго движенія земли около солнца. Открывая подобныя тому вращательныя движенія и въ другихъ небесныхъ тѣлахъ, мы сравниваемъ эти движенія ме-

жду собою и выводимъ общій законъ вращательнаго движенія небесныхъ тѣлъ. Такимъ же точно образомъ мы доходимъ до гипотезы, что и солнце, а съ нимъ и вся солнечная система совершаетъ такое же вращательное движеніе около какого-то невѣдомаго солнца. Наконецъ, сравнивая движеніе небесныхъ тѣлъ съ движеніями, совершающимися на земномъ шарѣ, мы открываемъ въ тѣхъ и другихъ общіе признаки и выводимъ отсюда, что тѣ и другіе происходятъ по одному и тому же общему закону. Итакъ, законы—отвлеченные и обобщенные признаки представленій. Чѣмъ общѣе и отвлеченнѣе представленіе, отъ котораго мы отвлекаемъ признаки, которые потомъ обобщаемъ, тѣмъ общѣе законъ. Съ такими, уже готовыми представленіями мы приступаемъ къ предмету, намъ непонятному. Что же мы дѣлаемъ? Прежде всего мы сравниваемъ признаки его съ своими представленіями о законахъ и найдя между тѣми и другими сходство, заключаемъ, что предметъ управляется такими-то законами. Въ этомъ выраженіи наглядно описывается то, что происходитъ: законъ какъ будто находится внѣ предмета, и предметъ ему подчиняется. То же самое бываетъ, когда мы приписываемъ предмету какую нибудь мысль: кажется, будто она находится внѣ его, и самъ онъ—нѣчто второстепенное, несущественное, неважное; думается, будто вся суть предмета заключается въ той мысли, которой онъ служитъ выраженіемъ; на самомъ же дѣлѣ мы только выхватываемъ изъ совокупности впечатлѣнія предмета нѣсколько извѣстнаго рода признаковъ, оставляя въ сторонѣ множество другихъ, которые точно также выхватываемъ при другихъ случаяхъ, когда намъ это нужно. Чтобъ въ этомъ убѣдиться, стоитъ сравнить между собою нѣсколько различныхъ научныхъ системъ по одной и той же отрасли знанія. Каждый основатель школы смотритъ на предметы, входящіе въ кругъ его науки, съ своей точки зрѣнія, т.-е. даетъ преимущество извѣстнымъ признакамъ передъ другими, на нихъ обращаетъ исключительное вниманіе въ предметахъ изслѣдованія и по нимъ распредѣляетъ самые предметы. Такъ, напримѣръ, на животныхъ можно смотрѣть съ точки зрѣнія устройства ихъ зубовъ, строенія остова, головы, процесса ихъ питанія, мозговой и нервной системы и т. п. Каждый изъ этихъ признаковъ можетъ служить основаніемъ для иной систематизаціи животныхъ. Основатель системы и его послѣдователи будутъ считать существенными только тѣ признаки, которымъ они отдаютъ преимущество. Такимъ же образомъ всякій предметъ входитъ въ кругъ изслѣдованія нѣсколькихъ, иногда многихъ наукъ. Для одной изъ нихъ существенно въ предметѣ одно, для другой—другое; по выводамъ одной науки извѣстный предметъ управляется такими-то законами, по выводамъ другой—совершенно иными, не имѣющими съ первыми ничего общаго.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что узнать и понять предметъ, на самомъ дѣлѣ одно и то же; разница состоитъ только въ томъ, что первый изъ этихъ актовъ не выходитъ изъ круга непосредственныхъ впечатлѣній, а второй вращается въ сферѣ отвлеченныхъ и обобщенныхъ понятій. Мы считаемъ пониманіе выше простого знанія только потому, что знаніе есть примѣненіе къ предметамъ продуктовъ начальной операціи мышленія; а пониманіе — второй и послѣдующихъ.

Читатель, давшій себѣ трудъ вникнуть въ сказанное выше, конечно, не заподозритъ насъ въ намѣреніи лишить знаніе объективнаго значенія и свести его на личное, индивидуальное представленіе о предметахъ, граничащее съ фантазіей. Выводы наукъ основаны на точномъ, положительномъ наблюденіи и изученіи признаковъ и оправданы опытомъ и повѣркой, слѣд. не могутъ быть фантазіями или призраками. Точно также было бы смѣшно и несвоевременно, при теперешнемъ состояніи наукъ, возобновлять старинный споръ реалистовъ и номиналистовъ о томъ, существуетъ ли общее понятіе въ предметахъ или только въ нашемъ умѣ? Что общія понятія не выдумки людей, а выведены изъ предметовъ наблюденія, доказывается тою несомнѣнною и разнообразною пользою, какую люди извлекаютъ изъ общихъ понятій въ ежедневной жизни; что законы предметовъ и явленій не сочинены, а открыты въ самихъ предметахъ —объ этомъ убѣдительно свидѣтельствуютъ практическія примѣненія научныхъ выводовъ. Разбирая, что такое знаніе и пониманіе, законъ и смыслъ предметовъ, мы хотѣли только показать, что они—психическіе продукты, выработанные изъ впечатлѣній тѣхъ предметовъ и явленій на душу. То, что есть

въ впечатлѣніи, есть и въ томъ, что мы называемъ закономъ, мыслью, существомъ предмета, только въ другой формѣ, въ другомъ видѣ. Знаніе и пониманіе есть лишь выводъ, что впечатлѣніе и психическій изъ него продуктъ соотвѣтствуютъ другъ другу. Но если знаніе и пониманіе есть соотвѣтствіе двухъ разныхъ видовъ одного и того же, то о безусловной истинѣ не можетъ быть и рѣчи. Знаніе и пониманіе, какъ бы они глубоки ни были, все-таки не что иное, какъ результатъ сравненія впечатлѣній съ отвлеченіями и обобщеніями. Глубина знанія и пониманія измѣряется только степенью отвлеченія и обобщенія. Не зная этого, мы воображаемъ, что подымаемся надъ предметами и усматриваемъ скрывающуюся въ нихъ сущность. и идя этимъ путемъ далѣе и далѣе, достигаемъ безусловной истины; на самомъ же дѣлѣ, мы не перестаемъ обращаться въ томъ же мірѣ положительныхъ фактовъ, только въ передѣланномъ видѣ. Потому-то истины научныя, не исключая самыхъ отвлеченныхъ, не суть безусловныя, а положительныя; другого мѣрила истины, кромѣ положительнаго, у насъ нѣтъ и быть не можетъ. Какую науку мы ни возьмемъ, каждая, въ концѣ концовъ, покоится на фактахъ, о которыхъ мы ничего больше сказать не можемъ, какъ то, что они—факты. Одно непониманіе психическихъ процессовъ могло заставить искать въ выводахъ ума и въ психическихъ состояніяхъ какую-то особую истину, особое знаніе, отличныя отъ положительныхъ, возвышающіяся надъ ними и доступныя особому методу изслѣдованія.

Въ-третьихъ, въ процессѣ мышленія, выработывающемъ изъ впечатлѣній міръ общихъ отвлеченныхъ понятій, заключается источникъ чудеснаго, къ которому человѣкъ такъ склоненъ отъ колыбели и до могилы, на всѣхъ ступеняхъ развитія. Прежде чѣмъ люди поняли, что общія и отвлеченныя понятія—тѣ же впечатлѣнія, только въ другой формѣ и группировкѣ, процессъ переработки ихъ въ новый видъ совершается безсознательно и непроизвольно и подготовляетъ будущую творческую дѣятельность, которая есть не что иное, какъ такая же перегруппировка данныхъ, только сознательная и преднамѣренная. Не зная различія между законами природы и психическаго міра, не понимая ихъ взаимныхъ отношеній, не умѣя строго различать ихъ, человѣкъ безпрестанно смѣшиваетъ между собою ихъ явленія. Какъ фетишизмъ, зооморфизмъ, антропоморфизмъ есть младенчески-грубое перенесеніе матеріальныхъ представленій на психическія явленія, такъ точно чудесное есть такое же перенесеніе процессовъ мышленія на предметы внѣшняго міра. Становясь съ послѣдними лицомъ къ лицу, человѣкъ вноситъ въ нихъ чаяніе другого міра, непохожаго на реальный, и выражаетъ это чаяніе въ образахъ и фактахъ, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, матеріальныхъ явленій. Какъ весь процессъ мышленія есть приготовленіе къ творческой дѣятельности, такъ и въ чудесномъ выражается младенческая, неумѣлая попытка къ послѣдующей передѣлкѣ внѣшняго міра, къ перегруппировкѣ матеріальныхъ условій по обдуманнымъ цѣлямъ и образцамъ. Въ чудесномъ выражается предчувствіе, что внѣшній міръ долженъ быть передѣланъ по образцамъ, которые человѣкъ носитъ въ своей душѣ, что онъ долженъ сообразоваться съ нуждами и требованіями человѣка, отражать въ себѣ ходъ его идей, строй его мыслей. Возмужавъ въ знаніи самого себя и окружающаго, человѣкъ узнаетъ, что внѣшній міръ подчиняется его волѣ и желаніямъ не иначе, какъ въ предѣлахъ и условіяхъ непреложныхъ законовъ, что для подчиненія его волѣ человѣку нѣтъ ни возможности, ни надобности перемѣнять эти законы: нужно только произвести тѣ сочетанія естественныхъ условій, которыя сами собою, по естественнымъ законамъ, производятъ то, что нужно или желательно человѣку.

Вотъ результаты, къ которымъ приводитъ психологическій анализъ дуализма и его явленій. Онъ коренится въ человѣческой природѣ и составляетъ непремѣнное условіе жизни и дѣятельности. Впечатлѣнія служатъ матеріаломъ для общихъ и отвлеченныхъ понятій, которыя потомъ даютъ человѣку точку опоры для передѣлки, перегруппировки условій внѣшняго міра. Въ этомъ ихъ взаимодѣйствіи и совершается психическая жизнь. Дуалистическія воззрѣнія грѣшатъ не тѣмъ, что признаютъ существованіе въ человѣкѣ и природѣ двухъ противоположныхъ полюсовъ, а тѣмъ, что вопреки очевидности совершенно ихъ разобщаютъ, разрываютъ между ними всякую связь и возводятъ двойственность въ исключительно, безраздѣльно господствующій принципъ человѣческой при-

роды. Благодаря такому взгляду, міръ идей, общихъ и отвлеченныхъ понятій, оторванный отъ своего источника и корня, не получая ни откуда питанія, не могъ обновляться притокомъ свѣжихъ элементовъ. Вслѣдствіе того онъ сдѣлался неподвижнымъ, окаменѣлъ въ своихъ формахъ и сталъ въ вопіющее противорѣчіе съ успѣхами знанія и гражданственности, съ измѣнившимися условіями дѣйствительной жизни. Изолированный отъ всего окружающаго, психическій міръ казался самосущимъ, представлялъ округленное и замкнутое въ самомъ себѣ цѣлое, не имѣющее никакого отношенія къ дѣйствительности. Въ этомъ царствѣ тѣней совершалась жизнь своего рода, но безплодная, безрезультатная, состоящая единственно въ перестановкѣ и перегруппировкѣ представленій и понятій, безъ повѣрки результатовъ этихъ операцій фактами дѣйствительнаго міра. Возможность такой искусственной, отрѣшенной жизни на болѣе или менѣе продолжительное время лежитъ въ условіяхъ психическаго организма. Впечатлѣнія, обратившись въ представленія, живутъ въ душѣ независимо отъ дѣйствія, которое ихъ вызвало, и служатъ матеріаломъ для дальнѣйшей психической переработки, которая можетъ совершаться въ душѣ независимо отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній. Сочетанія представленій, появляющіяся въ душѣ вслѣдствіе такого процесса, могутъ далеко расходиться съ тѣми впечатлѣніями, изъ которыхъ они возникли. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ только вспомнить чудовищныя извращенія естественныхъ побужденій, поражающія въ человѣкѣ. Освобожденіе отъ природы, которое приноситъ съ собою психическая жизнь, не даромъ достается человѣку; оно предполагаетъ нейтрализацію, ослабленіе дѣятельности природныхъ побужденій развитіемъ психическихъ отправленій, но въ то же время открываетъ широкую дверь для всевозможныхъ отклоненій и искаженій природныхъ инстинктовъ. Перезрѣлыя цивилизаціи представляютъ тому тысячи примѣровъ. Образъ жизни, вкусы, привычки, наклонности, не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлаго общества, могутъ быть совершенно противоестественны. Жанъ-Жакъ Руссо, ставя идеаломъ возвращеніе людей къ естественному состоянію, ошибался не въ основной мысли, а въ ея развитіи и примѣненіи; ему думалось, что такое состояніе существовало когда-то прежде; истинный же смыслъ его требованій состоялъ въ соглашеніи формъ быта и привычекъ людей съ естественными, природными фактами, отъ которыхъ они отклонились, съ которыми совершенно разошлись. Французское общество XVIII-го вѣка представляетъ не единственный примѣръ такого разлада. Такъ разошлась схоластическая философія съ дѣйствительностью, которую должна была объяснять; такъ палъ, почти на нашихъ глазахъ, философскій идеализмъ, который въ своихъ выводахъ совершенно разошелся съ положительными науками и дѣйствительною жизнью. Всѣ положительныя законодательства, начиная съ римскаго, допускаютъ давность, которой назначеніе и состоитъ въ уравновѣшеніи права съ фактомъ, въ томъ, чтобъ не дать имъ совсѣмъ разобщиться; безъ давности они могли бы совершенно разойтись и наконецъ потерять между собою всякую связь. Мысль о единствѣ, о тѣсной взаимной связи дѣйствительности и міра представленій и понятій такъ же древня, какъ дуализмъ, и никогда не терялась; но развивалась и примѣнялась она точно также неправильно, какъ и дуалистическія воззрѣнія. Во имя этого единства, то отрицали матеріальный міръ, то психическій. Идеализмъ все сводилъ къ идеальному принципу и изъ него „конструировалъ“ все существующее; матеріализмъ, а въ наше время реализмъ, все сводятъ къ матеріальнымъ фактамъ и ими думаютъ объяснить всѣ явленія матеріальнаго и психическаго порядка. Безуспѣшность и безплодность тѣхъ и другихъ попытокъ, опускающихъ изъ виду цѣлый рядъ явленій или искажающихъ ихъ настоящій смыслъ, заставляютъ критически провѣрить установившіяся представленія о взаимныхъ отношеніяхъ реальнаго и психическаго міра, изслѣдовать происхожденіе дуалистическихъ воззрѣній въ самомъ ихъ источникѣ и зародышахъ, и на результатахъ этихъ предварительныхъ работъ основать новую попытку сближенія и соглашенія двухъ расходящихся вѣтвей, выростающихъ изъ одного корня. Словомъ, наукѣ въ наше время предстоитъ разрѣшать ту же задачу, надъ которой въ свое время трудились Локкъ и Кантъ. Задача эта не философская, а психологическая. На нее указываетъ весь ходъ знанія и дѣйствительной жизни въ наше время. При тѣхъ громадныхъ средствахъ, которыми располагаетъ современная наука,

можно надѣяться, что эта задача, если и не будетъ теперь рѣшена окончательно, то по крайней мѣрѣ будетъ значительно подготовлена къ удовлетворительному разрѣшенію въ ближайшемъ будущемъ.

VII.

Произвольная дѣятельность.

Произвольная (активная) дѣятельность души.—Сбивчивость понятій объ этомъ предметѣ.—Существенныя черты произвольной дѣятельности.—Что такое воля?—Различіе непроизвольной дѣятельности отъ произвольной; послѣдняя опредѣляется произвольнымъ вызовомъ побужденій.—Особенности произвольной дѣятельности.—Воспитаніе воли.—Способность свободнаго выбора побужденія не есть прирожденная, а результатъ развитія душевнаго организма.—Выводы.

Изъ всѣхъ вопросовъ психологіи самый спорный и самый трудный для разрѣшенія есть вопросъ о произвольной психической дѣятельности. Это и понятно. Произвольною дѣятельностью завершается кругъ всѣхъ психическихъ явленій. Она есть вмѣстѣ и самое полное, и самое характеристическое выраженіе психической жизни, потому что въ произвольной дѣятельности выпукло, ярко, сосредоточенно выдвигаются впередъ всѣ особенности душевной жизни. Такого рода дѣятельность есть тотъ высшій пунктъ психической жизни, съ котораго воспринимающая, перерабатывающая, по преимуществу пассивная дѣятельность становится активною, источникомъ и причиною цѣлаго ряда новыхъ психическихъ и матеріальныхъ явленій. Естественно, что такой выдающійся въ психической жизни фактъ сдѣлался главнымъ узломъ всѣхъ недоразумѣній, что къ нему, въ концѣ концовъ, сводятся всѣ прочія несогласія и противоположности разнообразныхъ воззрѣній на человѣческую природу. Необходимость и свобода представляются, при изслѣдованіи этого вида дѣятельности, во всей ихъ рѣзкой противоположности. Доведя изученіе психологіи до этого пункта, надо такъ или иначе, но категорически рѣшить вопросъ: существуетъ ли произвольная дѣятельность, или въ психическомъ мірѣ, какъ и въ матеріальномъ, дѣйствуютъ одни законы динамики? Представленіе о произвольной дѣятельности выражаетъ ли собою дѣйствительный психическій фактъ, или она не болѣе, какъ миражъ ума? До сихъ поръ мы обходили эти вопросы; теперь же они ставятся неизбѣжно, и отлагать ихъ рѣшеніе далѣе нельзя. Вотъ почему по всѣмъ другимъ предметамъ психологіи еще дѣлаются съ той и другой стороны кое-какія уступки, допускаются оговорки, возможны средніе термины и соглашенія, но какъ только дѣло доходитъ до произвольной дѣятельности души, всякая уступчивость исчезаетъ и противоположность воззрѣній выступаетъ во всей своей непримиримости. Дѣйствительно, если психическая дѣятельность не можетъ быть произвольна, то душа, со всѣми ея отправленіями и процессами, ничѣмъ существенно не отличается отъ матеріальной природы, и психологія неизбѣжно должна обратиться въ главу физіологіи; если же душа не порабощена исключительно закону необходимости, то нельзя не признать ея самостоятельности и самодѣятельности.

Уже изъ сказаннаго видно, что переходя къ этой послѣдней части психологіи, мы ступаемъ на трудный и скользкій путь, по которому надо идти съ удвоенной осторожностью и осмотрительностью. Малѣйшая неточность или неопредѣленность незамѣтно заводятъ здѣсь въ цѣлый лабиринтъ ошибокъ и противорѣчій. Къ тому же понятія о произвольной дѣятельности до того смѣшались и перепутались въ наше время, что мы утратили ясное и точное представленіе даже о ея фактической сторонѣ. Реалисты не различаютъ безсознательныхъ и непроизвольныхъ дѣйствій отъ сознательныхъ и произвольныхъ и изучаютъ послѣднія по первымъ, тогда какъ въ дѣйствіяхъ непроизвольныхъ и безсознательныхъ психическій элементъ не принимаетъ никакого участія или обнаруживается въ очень слабой степени. Идеалисты старой школы, напротивъ, разсматривая дѣятельность души съ метафизической точки зрѣнія, думали, что произвольныя дѣйствія не связаны никакими законами, что они—источникъ явленій, не имѣющихъ причины въ данныхъ условіяхъ и обстановкѣ. Такой взглядъ, отрицая въ принципѣ науку и самую возможность научнаго изслѣдованія, былъ опровергнутъ реалистами. Къ сожалѣнію, борьба положительнаго знанія съ метафизикой, составляющая одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ исторіи развитія науки, не только не разъяснила существа произвольной дѣятельности, но скорѣе еще болѣе спутала понятія. Опровергнувъ метафизическій взглядъ на произвольныя дви-

женія, реалисты пошли дальше и отрицають произвольность дѣйствій въ принципѣ. Такъ росли и плодились недоразумѣнія до нашего времени. Шопенгауеръ считается возстановителемъ начала произвольной дѣятельности въ философіи. Онъ какъ будто ставитъ ее основнымъ началомъ своего ученія, подъ названіемъ воли; но подъ волей онъ разумѣетъ и сознательное желаніе и безсознательное стремленіе и даже силы, дѣйствующія въ неорганической природѣ. Слѣдовательно и онъ тоже смотритъ на произвольную дѣятельность съ метафизической точки зрѣнія, только придаетъ ей реалистическую окраску. Вмѣсто того, чтобъ разъяснить предметъ, онъ еще болѣе его затемнилъ, какъ доказываютъ выводы Гартмана, составляющіе дальнѣйшее развитіе воззрѣній Шопенгауера.

При такомъ положеніи вопроса, надобно прежде всего сдѣлать то, что нѣкогда сдѣлали юристы и филологи съ памятниками римской юриспруденціи и съ испорченнымъ текстомъ древнихъ классиковъ,—именно установить факты и условиться хорошенько въ томъ, что именно мы намѣрены изслѣдовать. Физіологи изучаютъ рефлексы нервной системы и головного мозга и аппараты, задерживающіе рефлексы; юристы, богословы и моралисты, разсматривая дѣйствія, говорятъ о побужденіяхъ, сознаніи, умыслѣ, совѣсти, цѣли, вмѣняемости. Имѣетъ ли психологъ право, безъ дальнѣйшихъ справокъ, столочь весь этотъ матеріалъ въ одной ступѣ, или безъ самыхъ основательныхъ причинъ принять въ основаніе своего изслѣдованія одно, отбросить другое. Физіологія объясняетъ законы непроизвольныхъ дѣйствій; право, религія, мораль имѣютъ предметомъ, главнымъ образомъ, произвольные поступки. Значитъ, задачи ихъ различныя, и если даже принять, что и тѣ и другія дѣйствія представляютъ лишь видоизмѣненія одного и того же факта, то для совершенной правильности выводовъ необходимо при изслѣдованіи принять въ соображеніе оба вида, а не одинъ только физіологическій, какъ дѣлается въ наше время.

Чтобы пополнить этотъ пробѣлъ въ фактахъ изслѣдованія, напомнимъ сперва главныя существенныя черты произвольной дѣятельности, какъ онѣ, въ теченіе вѣковъ, выработались и опредѣлились въ ученіяхъ права, церкви и морали, и потомъ постараемся воспользоваться этимъ матеріаломъ для объясненія психической стороны дѣйствія или поступка.

Прежде всего бросается въ глаза, что произвольная дѣятельность тѣснѣйшимъ образомъ связывается съ сознаніемъ и процессами мышленія, но не смѣшивается съ ними и признается за нѣчто отъ нихъ особливое, отдѣльное. Безсознательный поступокъ не приписывается психической дѣятельности. Тотъ, кто по своему возрасту, болѣзненному или ненормальному состоянію не обладаетъ умственными способностями и не можетъ правильно думать, тотъ не считается способнымъ совершить поступокъ, за который подлежалъ бы отвѣтственности, другими словами произвольное дѣйствіе. Для распознаванія произвольности или непроизвольности поступка, юридическій анализъ, основывающійся только на фактахъ, доступныхъ внѣшнимъ чувствамъ, оказывается менѣе пригоднымъ, чѣмъ нравственный, который судитъ по психическимъ фактамъ, хотя бы они и не обнаруживались внѣшнимъ образомъ.

Отъ произвольной дѣятельности строго отличается побужденіе къ поступку. Побужденіе есть только толчокъ, вызывающій дѣятельность, но не самая дѣятельность. Побужденіе можетъ и не быть въ нашей власти. Оно можетъ явиться недуманно-негаданно, въ видѣ внѣшняго впечатлѣнія; оно можетъ возникнуть въ душѣ безъ нашего участія, въ видѣ чувства, желанія, мысли. За побужденія мы не можемъ быть въ отвѣтѣ, развѣ когда сами ихъ вызываемъ, сами на нихъ напрашиваемся. Отвѣтственность или вмѣняемость начинается лишь съ той минуты, когда мы приняли побужденіе въ основаніе своей дѣятельности, рѣшили въ душѣ поступить согласно съ нимъ, одобрили его. Такимъ образомъ, характеристическій признакъ произвольной дѣятельности составляютъ сознаніе, обсужденіе, въ нормальномъ состояніи умственныхъ способностей, мотива, который толкаетъ къ дѣятельности, наконецъ, преднамѣренность, умыселъ, т.-е. принятіе того или другого побужденія за исходный пунктъ предполагаемаго дѣйствія, одобреніе, въ этомъ смыслѣ, побужденія въ душѣ. Юристы при этомъ не останавливаются на психическихъ поступкахъ, не перешедшихъ во внѣшнее дѣйствіе; до нихъ имъ нѣтъ дѣла. Напротивъ, церковь и мораль заглядываютъ въ глубину души, внимательно слѣ-

дятъ за самымъ зарожденіемъ дѣйствія, задолго передъ тѣмъ, какъ оно начинаетъ совершаться внѣшнимъ образомъ.

Изъ этого видно, что подъ произвольную дѣятельность души не подходятъ ни рефлективныя движенія и дѣйствія, ни безсознательныя стремленія органической и неорганической природы, ни поступки, хотя и сознательные, но выполняемые подъ неотразимымъ подавляющимъ вліяніемъ побужденій, психическихъ или матеріальныхъ. Первые два вида дѣйствій не имѣютъ даже никакого отношенія къ произвольной дѣятельности; послѣдній составляетъ предметъ тонкой казуистики, задача которой—разрѣшить практическій вопросъ: въ какой мѣрѣ, въ данномъ случаѣ, сила побужденія дѣйствительно могла одолѣть свободное къ нему отношеніе человѣка,—дѣйствительно ли онъ сдѣлалъ все, чтобъ овладѣть мотивомъ, покорить его себѣ, или онъ отдался ему, когда еще могъ, вполнѣ или частью, освободиться отъ его подавляющей власти? Въ этомъ случаѣ юристы тоже не въ состояніи провести анализа до конца и потому судятъ снисходительнѣе, чѣмъ богословы и моралисты. Но вообще, теоретически, и тѣ и другіе признаютъ возможность такой стремительности и силы побужденія, что человѣкъ не въ состояніи его одолѣть и всякое сопротивленіе разбивается въ прахъ; только богословы и моралисты, по своей точкѣ зрѣнія, менѣе склонны оправдывать въ этомъ случаѣ уступки побужденіямъ, чѣмъ юристы. Юридическій законъ принимаетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, въ соображеніе фактъ психическаго принужденія и вслѣдствіе того признаетъ выполненное дѣйствіе юридически недѣйствительнымъ, или смягчаетъ опредѣленное за него наказаніе.

Слѣдовательно, произвольная психическая дѣятельность признается только въ тѣхъ случаяхъ, когда побужденіе не имѣетъ непосредственной власти надъ поступкомъ, когда оно, само по себѣ, не есть причина или источникъ дѣйствія. Произвольной дѣятельности приписываются лишь поступки, строго отличенные отъ побужденія, выполненные послѣ предварительнаго свободнаго контроля, разсмотрѣнія, критики мотива. Только то, что̀ дѣлаетъ человѣкъ въ силу такой повѣрки и критики, считается его произвольнымъ дѣйствіемъ.

Было бы однако важной ошибкой думать, будто бы подъ повѣркой, критикой, контролемъ мотива разумѣется одно теоретическое его разсмотрѣніе. Кромѣ теоретическаго требуется и дѣятельное отношеніе къ мотиву, которое или даетъ ходъ и просторъ его вліянію, вполнѣ или отчасти, или въ измѣненномъ видѣ, или же задерживаетъ его и подавляетъ. Съ этой точки зрѣнія, ограничиваться одной оцѣнкой, разборомъ, одобреніемъ или порицаніемъ своихъ побужденій человѣкъ не долженъ ни въ какомъ случаѣ. Въ этомъ и состоитъ различіе совѣсти отъ произвольной дѣятельности. Совѣсть есть актъ непосредственнаго размышленія или сужденія. Она или одобряетъ, или порицаетъ мотивъ; только произвольная дѣятельность относится къ нему активно, подавляетъ его или принимаетъ въ томъ или другомъ видѣ въ основаніе совершаемаго поступка. Разладъ дѣйствія съ совѣстью, извѣстный каждому по опыту, именно въ томъ и состоитъ, что мы дѣлаемъ то, что̀ въ душѣ порицаемъ, или не дѣлаемъ того, что̀ внутренно одобряемъ. Такое дѣйствіе, противное совѣсти и разсудку, считается однако актомъ произвольной дѣятельности, и то что̀ мы называемъ преднамѣренностью, умысломъ, относится къ ней, а не къ сужденію, которое совѣсть или разсудокъ произносятъ о мотивѣ. Вотъ чѣмъ объясняется важная роль умысла въ поступкѣ. Умышленность значитъ въ немъ нѣчто иное и гораздо болѣе, чѣмъ сознательность. Умыселъ не есть простое знаніе совершаемаго дѣйствія, но рѣшимость его исполнить. Дѣйствіе будетъ умышленнымъ, преднамѣреннымъ даже и въ томъ случаѣ, когда оно совершается подъ сильнымъ давленіемъ побужденія, или подъ вліяніемъ психическаго принужденія, потому что въ обоихъ случаяхъ человѣкъ, въ концѣ концовъ, дѣйствовалъ съ намѣреніемъ поступить такъ, а не иначе,—только онъ дѣйствовалъ не вполнѣ свободно и намѣреніе его было болѣе или менѣе вынужденное.

Въ такомъ видѣ выработалось въ исторіи понятіе объ элементахъ и условіяхъ, посреди которыхъ зарождается произвольное дѣйствіе человѣка. Выполненіе или совершеніе поступка обусловливается цѣлью, способами дѣйствія, его бо̀льшимъ или меньшимъ соотвѣтствіемъ съ обстоятельствами, посреди которыхъ оно происходитъ. Эта, такъ сказать, вторая половина поступка, порождающая, при разсмотрѣніи отдѣльныхъ случаевъ, безконечные споры, по су-

ществу своему гораздо проще первой. Цѣль есть начальная, самая общая формула, которую будущее дѣйствіе получаетъ въ душѣ; это его психическій первообразъ. Въ то же время цѣль есть результатъ, выводъ изъ всей приготовительной психической работы, въ которой произвольное дѣйствіе зарождается и которая вызывается побужденіемъ. Оттого, между цѣлью и побужденіемъ всегда есть извѣстное отношеніе, часто болѣе или менѣе близкая или отдаленная связь. Во всякомъ случаѣ, цѣль вызывается побужденіемъ, хотя бы она относилась къ нему отрицательно, или существенно его видоизмѣняла. Побужденіе, вызывая такое или другое дѣйствіе, прежде всего рождаетъ цѣль, которая уже формулируетъ поступокъ. Что касается до средствъ и способовъ выполненія задуманной цѣли и наконецъ до самаго исполненія, то они обозначаютъ движеніе психическаго акта на пути къ единичному факту, или къ группѣ такихъ фактовъ. Приведеніе цѣли въ исполненіе, или, говоря метафорически, ея осуществленіе, состоитъ въ извѣстной перегруппировкѣ данныхъ того или другого матеріальнаго или психическаго положенія или состоянія, смотря по тому, направлено ли дѣйствіе на матеріальный міръ или на психическую среду. Достигается ли дѣйствіемъ цѣль, или не достигается, т.-е. соотвѣтствуетъ оно ей вполнѣ или нѣтъ,— это зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ были приняты въ соображеніе, при выполненіи цѣли, условія и законы, управляющіе данными, которыя надлежало привести въ иныя сочетанія. Начиная отсюда, поступокъ совершенно подчиняется средѣ, на которую онъ направленъ, и то, въ чемъ онъ выражается, заключается лишь въ родѣ, видѣ, характерѣ комбинацій, которыя имъ производятся въ замѣну существовавшихъ до дѣйствія или поступка.

Таковы существенныя черты произвольной психической дѣятельности. Но, признавая ее, отличая отъ непроизвольной, право, церковь и нравственныя ученія далеки отъ мысли возводить произвольность поступка въ безусловный принципъ. Не только обстоятельства мѣшаютъ человѣку стремиться къ предположенной цѣли и достигать ее, не только соблазны и приманки стѣсняютъ полную свободу дѣятельности, но уже при самомъ своемъ зарожденіи она какъ бы заранѣе предопредѣляется роковымъ образомъ фактами, нисколько отъ человѣка независящими, которые безъ его вѣдома даютъ его дѣятельности то или другое направленіе. Оттого человѣкъ часто дѣйствуетъ въ убѣжденіи, что поступокъ его совершенно произволенъ, а на дѣлѣ оказывается, что онъ предопредѣленъ заранѣе. Здѣсь источникъ ученія о благодати, о прирожденной грѣховности; этимъ объясняется крайняя трудность оцѣнки доблести и заслуги; въ связи съ этимъ повидимому находится также и ученіе о помилованіи. Затѣмъ съ успѣхами положительнаго знанія и гражданственности, человѣкъ подмѣтилъ, что не только его дѣятельность, но и самыя побужденія существенно зависятъ отъ среды, въ которой онъ родился, воспитался и живетъ, и что условія этой среды могутъ быть измѣняемы и улучшаемы помощью извѣстныхъ, опытомъ дознанныхъ мѣръ и пріемовъ. Вслѣдствіе того, въ наше время болѣе и болѣе укореняется взглядъ, что о нравственномъ характерѣ поступка и степени его вмѣняемости нельзя судить по одной кажущейся произвольности дѣйствія и по одному соотвѣтствію или несоотвѣтствію его съ юридическими и нравственными правилами, а слѣдуетъ принять также въ соображеніе и тотъ строй мыслей и привычекъ, ту нравственную и умственную атмосферу, посреди которой выросъ и сложился человѣкъ. Нѣкоторые, идя далѣе, отрицаютъ всякую вмѣняемость и мечтаютъ о томъ счастливомъ будущемъ, когда развитыя до высокаго совершенства условія воспитанія и общественной жизни сдѣлаютъ преступленія невозможными и кары, нравственныя и юридическія, вовсе ненужными. Всѣ эти ученія и взгляды, несмотря на ихъ разнообразіе, согласны въ томъ, что произвольная дѣятельность человѣка не безусловна, что она и въ своихъ источникахъ, какъ и въ исходѣ, при совершеніи поступка, обусловлена данными, совершенно независящими отъ дѣйствующаго лица.

Существенныя составныя части поступка, указанныя нами выше, обозначились не вдругъ, а лишь постепенно, по мѣрѣ того, какъ измѣнялся самый взглядъ на человѣческую дѣятельность. Вначалѣ, когда матеріальные элементы преобладаютъ въ быту народовъ надъ психическими, всѣ внѣшніе поступки, безъ различія, произвольные и непроизвольные, предумышленные, неосторожные, даже случайные и безсознательные,

если только они по объективнымъ признакамъ составляютъ преступленіе, вмѣняются тому, кто ихъ совершилъ и влекутъ за собою наказаніе; дѣйствія же, происходящія въ глубинѣ души, остаются въ тѣни, на нихъ не обращается никакого вниманія, они какъ будто вовсе не существуютъ. Но по мѣрѣ того какъ психическіе элементы выдвигаются впередъ, характеръ преступленія измѣняется, умыселъ, намѣреніе принимаются въ разсчетъ и признаются за необходимую составную часть внѣшняго дѣйствія, подлежащаго вмѣненію и наказанію. Наконецъ, когда психическіе элементы выработываются до полной самостоятельности, появляется новое, неизвѣстное до тѣхъ поръ понятіе о нравственномъ, внутреннемъ поступкѣ, совершаемомъ въ душѣ, хотя бы онъ вовсе не выражался въ матеріальныхъ фактахъ. Въ нравственномъ смыслѣ человѣкъ уже совершилъ преступленіе, когда замышлялъ дурное, лелѣялъ мысль о немъ, хотя бы матеріально не выполнилъ своего замысла. Эти два представленія о преступленіи или проступкѣ, юридическомъ и нравственномъ, матеріальномъ и психическомъ, соотвѣтствуютъ дѣятельности души, обращенной или на внѣшнюю обстановку или на самоё себя. Понятіе о психическихъ преступленіяхъ и проступкахъ могло возникнуть разумѣется только тогда, когда психическіе элементы высвободились изъ-подъ матеріальныхъ условій и развились до полной самостоятельности и самодѣятельности.

До сихъ поръ психологи пользовались мало и весьма не критически изслѣдованіями юристовъ, богослововъ и моралистовъ, несмотря на то, что ихъ труды представляютъ единственный и притомъ чрезвычайно богатый источникъ для изученія произвольной психической дѣятельности. Мало того: простое перенесеніе ихъ наблюденій на страницы психологіи много способствовало поразительной путаницѣ понятій обо всемъ, что̀ касается прозвольныхъ дѣйствій. Черпая изъ этого источника безъ разбора и критики, мы забываемъ, что религія, юриспруденція и ученія о нравственности преслѣдуютъ цѣли практическія. Въ нихъ произвольныя дѣйствія разсматриваются и изслѣдуются только въ той мѣрѣ, какъ это нужно, чтобы, во-первыхъ, удержать человѣка отъ грѣха, отклонить отъ преступленія и направить на путь добра, соблюденія положительныхъ законовъ и правилъ нравственности; а во-вторыхъ, когда грѣхъ или преступленіе совершены — опредѣлить степень вмѣняемости поступка и мѣру заслуженнаго наказанія или взысканія, карательнаго или исправительнаго. Психологія имѣетъ совсѣмъ другую задачу. Цѣль ея—теоретическая. Она должна опредѣлить свойства психической дѣятельности и ея законы, безъ всякаго отношенія къ добру или злу, положительному закону или совѣсти, къ добродѣтели или пороку. Поэтому, для психолога, выводы изъ наблюденій, сдѣланныхъ съ практическою цѣлью, могутъ служить только матеріаломъ для изслѣдованія, важнымъ указаніемъ, не болѣе. Къ сожалѣнію, это слишкомъ часто опускается изъ виду, и психологія нерѣдко смѣшивается съ этикой, начала которой совсѣмъ другія. Этика обусловливается психологіей, но далеко не одно и то же съ нею.

Совершенная неудовлетворительность всего, что̀ мы до сихъ поръ знаемъ по этому отдѣлу психологіи, указываетъ на необходимость его критической, научной разработки. Но чтобы приступить къ ней, надо прежде всего расчистить поле изслѣдованія и устранить слова, которыя заслоняютъ собою самые предметы. Еще Бэконъ жаловался на помѣху, какую наука встрѣчаетъ въ словахъ и названіяхъ. Психологическія изслѣдованія встрѣчаются съ такими помѣхами на каждомъ шагу, но особливо по тому отдѣлу, который насъ теперь занимаетъ.

Произвольная психическая дѣятельность приписывается волѣ. Это выраженіе подаетъ поводъ къ важнымъ недоразумѣніямъ, которыя необходимо устранить, если не хотимъ съ самаго же начала ввести изслѣдованіе въ ложную колею и сдѣлать его совершенно безплоднымъ. Съ выраженіемъ *воля* мы безсознательно соединяемъ представленіе о какой-то особой способности или силѣ души, производящей извѣстнаго рода психическія явленія. Но такое значеніе придало ей злоупотребленіе терминами, происходящее отъ непониманія точнаго ихъ смысла. Одно незнаніе создало этого мнимаго психическаго дѣятеля; благодаря только незнанію онъ возникъ, незамѣтно протерся между душею и ея продуктами, разъединилъ ихъ и выросъ въ особую силу и способность души. Психологія поставлена имъ въ тупикъ; она рѣшительно не знаетъ, что̀ съ нимъ начать, — такъ онъ ее путаетъ. Всѣмъ извѣстно и

памятно, сколько естественныя науки потратили напрасно труда и усилій, чтобы раздѣлаться съ метафорическими существами, называемыми силами. Приписать явленіе силѣ казалось очень удобнымъ; названіе освобождало отъ необходимости искать объясненія; терминологіей пытливый умъ успокоивался, по крайней мѣрѣ на время, но положительное знаніе отъ такой замѣны дѣла словомъ сильно страдало. Съ призракомъ объясненія, загораживающимъ фактъ, предстояло много дѣла; нужно было сначала догадаться и понять, что терминъ—не объясненіе, и потомъ долго, упорно, бороться съ метафорой, пока она подалась назадъ и заслоненный ею фактъ, дѣло, становились лицомъ къ лицу съ изслѣдователемъ. Естественныя науки прошли наконецъ чрезъ эти недоразумѣнія и борьбу; онѣ вполнѣ овладѣли дѣйствительнымъ смысломъ метафоръ и сдѣлали ихъ безвредными для науки. Но психологія и до сихъ поръ загромождена ими. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, воля? Группируя, правильно или неправильно, психическія явленія, мы сперва собираемъ отличительные признаки группъ, потомъ суммируемъ ихъ особо по каждой группѣ и эти суммы или совокупности признаковъ обозначаемъ особыми общими выраженіями или терминами. Такимъ образомъ, выраженіе: *воля*, собственно говоря, не болѣе, какъ только обобщенное обозначеніе отличительныхъ особенностей или характеристическихъ признаковъ дѣятельнаго состоянія души. Это—отвлеченное понятіе, а не дѣйствительный предметъ. Какимъ образомъ, по какому закону, отвлеченное понятіе обратилось въ умственное существо, въ силу, способность, производящую тѣ явленія, для которыхъ оно, на самомъ дѣлѣ, служитъ только сокращеннымъ, обобщеннымъ обозначеніемъ,—это объясняетъ исторія развитія понятій и языка. Но такъ или иначе, а это метафорическое олицетвореніе заняло принадлежащее ему мѣсто въ наукѣ, и мы, вмѣсто того, чтобы изслѣдовать отличительные признаки, которые имъ обозначаются, и роль этихъ признаковъ въ психической жизни, обращаемся къ метафорѣ, какъ дѣйствительному психическому факту, усиливаемся разгадать его, опредѣлить мѣсто, занимаемое имъ въ душѣ, уяснить его отношеніе къ ней, и т. п. Вслѣдствіе того, положительное изслѣдованіе психической жизни не только затрудняется, но, что гораздо хуже, оно переносится на воображаемую метафизическую почву, гдѣ за недостаткомъ матеріала и фактовъ истощается въ безплоднѣйшихъ схоластическихъ упражненіяхъ. Море бываетъ порой тихо, порой покрыто волнами или рябью; иногда оно чернаго цвѣта, иногда зеленаго, иногда свѣтится. Что бы мы сказали, еслибы кто-нибудь вздумалъ возводить эти различныя состоянія моря въ особые, самостоятельные предметы и приписывать каждое изъ нихъ особой способности или силѣ, напримѣръ, тихое состояніе — тихости, волны — волнистости, рябь—рябистости и т. п.? А говоря о душѣ и ея состояніяхъ мы именно такъ поступаемъ, и не находимъ этого страннымъ или смѣшнымъ, потому что привыкли въ психологіи къ такимъ пріемамъ.

Приступая къ критическому изслѣдованію психической стороны дѣйствій, мы должны, прежде всего, забыть отвлеченности, закрѣпленныя особой терминологіей, которая насъ путаетъ, и беззавѣтно отдаться изученію положительныхъ фактовъ. Общее сознаніе, выработанное вѣками, различаетъ произвольныя дѣйствія отъ непроизвольныхъ. Послѣднія, какъ выяснено физіологіей, основаны на рефлексахъ, не имѣющихъ никакихъ отношеній къ психической дѣятельности. Произвольныя дѣйствія, которымъ по преимуществу приписывается психическій характеръ, отличаются своими существенными особенностями, изъ которыхъ многія подмѣчены и указаны юристами, богословами и моралистами. Все дѣло въ томъ, представляютъ ли эти особенности дѣйствительные факты или онѣ существуютъ только въ воображеніи людей, и если онѣ плодъ наблюденій, а не фантазіи, то какія стороны психической жизни онѣ собою выражаютъ? Съ этого должны, какъ мы думаемъ, начаться критическія изслѣдованія произвольной дѣятельности, при теперешнемъ печальномъ состояніи этой отрасли психологіи.

Постараемся обозначить приблизительно, въ однѣхъ лишь общихъ чертахъ, програму такихъ изслѣдованій и намѣтить вѣроятные, по крайней мѣрѣ возможные ихъ результаты.

Прежде всего, какъ мы уже сказали, надобно возстановить фактическую сторону предмета и опредѣлить точнымъ образомъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ произвольнымъ дѣйствіемъ, какія его характеристическія черты и особенности.

Мы уже видѣли, что по наружнымъ приз-

накамъ произвольное дѣйствіе ничѣмъ не отличается не только отъ непроизвольнаго, но даже и отъ безсознательнаго. Что я вчера дѣлалъ произвольно, съ намѣреніемъ, то сегодня могу дѣлать безсознательно, даже во снѣ или въ забытьѣ. Непроизвольное, рефлективное дѣйствіе можетъ быть также цѣлесообразнымъ, казаться, по своимъ послѣдствіямъ, также зрѣло обдуманнымъ въ цѣломъ и частяхъ, какъ и произвольное.

Но и по внутреннимъ признакамъ опредѣлить произвольное дѣйствіе чрезвычайно трудно. Съ перваго взгляда произвольнымъ можетъ показаться каждый поступокъ, совершаемый наперекоръ матеріальнымъ побужденіямъ, по внушенію психическихъ мотивовъ или убѣжденій разсудка. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи этотъ признакъ оказывается обманчивымъ. Торжество такъ-называемыхъ нравственныхъ мотивовъ надъ матеріальными не имѣетъ прямого отношенія къ произвольности дѣйствій. Исходъ борьбы мотивовъ опредѣляется относительною ихъ силою, и если нравственныя побужденія перевѣшиваютъ матеріальныя, непосредственныя, то человѣкъ сообразуетъ съ ними свои поступки, точно также какъ въ другихъ случаяхъ онъ покоряется матеріальнымъ побужденіямъ, когда они сильнѣе нравственныхъ доводовъ. Такимъ образомъ, борьба побужденій и побѣда однихъ надъ другими имѣетъ скорѣе механическій характеръ и вполнѣ удовлетворительно объясняется законами психической динамики. Недоразумѣнія по этому предмету могли произойти, какъ мы уже замѣтили, только вслѣдствіе смѣшенія этики съ психологіей. Торжество нравственныхъ началъ надъ матеріальными побужденіями, идеальныхъ стремленій надъ животными, души надъ тѣломъ, имѣетъ свое значеніе и цѣну, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить аргументомъ въ пользу или противъ произвольности дѣйствій. Въ этомъ и состоитъ крайняя трудность опредѣлить субъективную сторону заслуги или подвига. Если добродѣтель пересиливаетъ въ душѣ порочныя наклонности, то это не всегда заслуга или подвигъ. Когда хорошія наклонности сильнѣе дурныхъ, то человѣкъ имъ и слѣдуетъ, безъ особенныхъ усилій, иногда даже безъ всякихъ усилій и борьбы. Награда и наказаніе, разсматриваемыя съ этой точки зрѣнія, находятся въ связи не съ произвольностью поступковъ, а напротивъ, скорѣе вытекаютъ изъ предположенія, что выборъ людьми побужденій, наклонность ихъ къ такимъ или другимъ поступкамъ, опредѣляется не свободнымъ избраніемъ, а относительною силою мотивовъ, по законамъ психической механики. Наказаніе и награда, въ этомъ смыслѣ, служатъ лишь средствомъ, придуманнымъ для усиленія однихъ мотивовъ и ослабленія, по возможности, другихъ. Наградою и наказаніемъ вносится въ столкновеніе побужденій новое условіе, съ цѣлью измѣнить шансы борьбы, дать исходу ея желаемое направленіе.

Есть также мнѣніе, будто произвольное дѣйствіе отличается отъ непроизвольнаго тѣмъ, что совершается безъ всякихъ побужденій или мотивовъ. Защитники этого взгляда думаютъ, что мотивъ, дѣйствуя механически, вынуждаетъ насъ къ извѣстному дѣйствію, и потому поступокъ можетъ быть произвольнымъ только въ такомъ случаѣ, если совершается безъ всякаго понужденія. Но и эта аргументація не выдерживаетъ критики. Безъ мотива совершаются только дѣйствія безсознательныя, или хотя и сознаваемыя, но происходящія рефлективно, то есть такія, въ совершеніи которыхъ душа не принимаетъ участія, къ которымъ она относится только пассивно и созерцательно; но оба эти вида поступковъ не принадлежатъ къ разряду произвольныхъ. Произвольныя дѣйствія непремѣнно сознательны, и мы принимаемъ въ нихъ психически дѣятельное участіе. Наконецъ, безъ мотива дѣйствуютъ люди, лишенные почему-либо возможности здраво обсуждать свои поступки; но и ихъ дѣйствія не считаются произвольными и потому не вмѣняются совершившему.

Современную путаницу воззрѣній на произвольную и непроизвольную дѣятельность всего ярче выразилъ Дж. Стюартъ Милль. Онъ не рѣшается, подобно реалистамъ, отрицать возможность произвольныхъ дѣйствій, но, въ то же время, ему не хочется допустить, вмѣстѣ съ метафизиками и идеалистами, возможность поступковъ, не обусловленныхъ необходимымъ мотивомъ или побужденіемъ. Чтобы выдти изъ затруднительнаго положенія, онъ прибѣгаетъ къ слѣдующей діалектической уловкѣ. Произвольный поступокъ, по его взгляду, есть тоже необходимый, вызванный дѣйствіемъ побужденія, только побужденіемъ служитъ, въ этомъ случаѣ, воля дѣйствующаго лица поступить такъ, а не иначе. Неудовлетворительность

такого объясненія бросается въ глаза. Какимъ образомъ воля можетъ обратиться въ побужденіе,—вотъ что слѣдовало объяснить и доказать, а Дж. Ст. Милль никакихъ объясненій и доказательствъ не представилъ; итакъ, его разсужденія не подвигаютъ вопроса ни на шагъ впередъ. Метафизики и идеалисты, прежде него, говорили то же самое. Они тоже приписывали волѣ власть побуждать къ дѣйствію или поступку; но недостаточность такого объясненія и повела къ недоразумѣніямъ, а потомъ и къ отрицанію произвольной дѣятельности и воли; а Дж. Ст. Милль только повторяетъ мнѣніе метафизиковъ.

Чѣмъ же, однако, произвольныя дѣйствія отличаются отъ непроизвольныхъ?

Мы думаемъ, что въ произвольныхъ поступкахъ побужденіе къ дѣйствію вызывается самимъ дѣйствующимъ лицомъ произвольно, тогда какъ въ непроизвольныхъ дѣйствіяхъ побужденіе является само собою, есть данное, независящее отъ дѣйствующаго лица. Постараемся объяснить эту мысль.

Разсматривая дѣйствія или поступки человѣка, мы различаемъ между ними, съ психологической точки зрѣнія, нѣсколько видовъ. Есть дѣйствія непроизвольныя, безсознательныя; они вполнѣ подходятъ подъ разрядъ рефлексовъ. Есть, далѣе, дѣйствія непроизвольныя, но которыя мы сознаемъ, хотя и не можемъ ихъ направить. Къ нимъ мы относимся зрителями, не будучи въ состояніи съ ними совладѣть. Дѣйствія этого рода тоже рефлективныя и отличаются отъ первыхъ только тѣмъ, что мы знаемъ о нихъ, находимся, когда они совершаются, въ состояніи сознанія. Есть затѣмъ поступки, на которые мы рѣшаемся послѣ болѣе или менѣе долгой и упорной борьбы. Такія дѣйствія обыкновенно считаются произвольными, результатомъ дѣятельности воли; но противъ этого очень справедливо возражаютъ, что воля, собственно говоря, тутъ не при чемъ. Внутренняя борьба, результатомъ которой являются такіе поступки, предполагаетъ существованіе въ душѣ различныхъ побужденій, изъ которыхъ каждое стремится опредѣлить дѣйствіе, склонить насъ къ тому или другому поступку. Въ этой борьбѣ, относительная сила мотивовъ и одерживаетъ верхъ. Что эта сила зависитъ отъ упражненія и навыка—не подлежитъ сомнѣнію; что, въ этомъ смыслѣ, вся предшествовавшая жизнь человѣка подготовляетъ такой или другой исходъ борьбы—это точно также вѣрно; но все же остается безспорнымъ, что самая борьба побужденій не предполагаетъ ничего другого, кромѣ существованія ихъ въ душѣ. Совершается такая борьба по законамъ механическимъ, и когда всѣ данныя извѣстны, ходъ ея развитія можетъ быть формулированъ заранѣе, съ математическою точностью. Нравственное впечатлѣніе на насъ этой борьбы мы лишь по недоразумѣнію и ошибкѣ относимъ къ самому дѣйствію. Борьба и ея исходъ обусловлены уже напередъ всѣмъ предыдущимъ—воспитаніемъ, первыми впечатлѣніями, опытомъ, внѣшними вліяніями, средой, обстоятельствами, при которыхъ сложилось дѣйствующее лицо. Правда, воспитаніе не оканчивается дѣтствомъ и продолжается долго, почти всю жизнь, и только въ этомъ смыслѣ мы въ отвѣтѣ за свои дѣйствія; но едва ли можно отрицать, что относительная сила мотивовъ, которая опредѣляетъ поступокъ, создается не въ минуту самого дѣйствія, а подготовляется исподоволь, какъ магнитъ лишь постепенно дѣлается способнымъ поддерживать большой кусокъ желѣза. Если человѣкъ, бывшій всю свою жизнь безкорыстнымъ, не польстится, подъ старость лѣтъ, на приманку огромной незаконной прибыли, то добродѣтельнымъ, въ психическомъ смыслѣ, долженъ быть названъ не его поступокъ, а цѣлый строй его души, подготовленный ходомъ всей его жизни. Кто не соблазнился,—это значитъ, что мотивъ соблазна въ немъ остался, сравнительно, менѣе развитымъ и оттого оказался слабымъ въ борьбѣ съ другими, сильно въ немъ развитыми добродѣтельными побужденіями.

Всѣ перечисленные виды дѣйствій предполагаютъ присутствіе одного или нѣсколькихъ данныхъ побужденій, психическихъ или матеріальныхъ. Они необходимо, механически, толкаютъ человѣка къ дѣятельности, и дѣйствіе его выходитъ такое или другое, смотря по характеру, свойству, силѣ и взаимнымъ отношеніямъ этихъ побужденій. Въ дѣйствіяхъ, происходящихъ вслѣдствіе борьбы нѣсколькихъ или многихъ мотивовъ есть, повидимому, и умыселъ, и цѣль, и всѣ другія принадлежности произвольнаго поступка; но они вызываются данными мотивами, хотя мы этого часто не замѣчаемъ, и намъ представляется, будто они свободно возникли въ

душѣ, подъ вліяніемъ однихъ лишь нашихъ желаній, свободно вызванныхъ нами самими. Источника самообольщенія и невольнаго обмана должно, въ этихъ случаяхъ, искать въ идеосинкразіяхъ и ассоціаціяхъ идей. Идеи, мысли, представленія, чувства, желанія, страсти, самыя различныя и даже противоположныя, могутъ сростаться въ душѣ, и когда разъ они срослись между собою, стоитъ подняться однимъ изъ нихъ со дна души,—и тотчасъ же, вмѣстѣ съ ними, подымаются и другія, сросшіяся съ ними. По тѣсной связи съ первыми, послѣднія появляются безъ всякаго участія нашей воли, непроизвольно; намъ же, напротивъ, кажется, будто мы сами, намѣренно и произвольно, противопоставляемъ ихъ тѣмъ, которыя вызвали ихъ въ нашей душѣ. Такъ, человѣкъ, котораго я горячо любилъ, съ которымъ связаны лучшія воспоминанія моей жизни, оказался впослѣдствіи безсовѣстнымъ, безчестнымъ, совсѣмъ негоднымъ. И вотъ, при каждой встрѣчѣ съ нимъ, каждый разъ, что я объ немъ вспомню, меня будутъ волновать самыя противоположныя ощущенія, и борьба ихъ непремѣнно отразится на характерѣ дѣйствія, если они почему-либо вызовутъ мою дѣятельность.

Но сверхъ разсмотрѣнныхъ нами, есть и такіе поступки, которые совершаются по мотивамъ дѣйствительно произвольнымъ, вызваннымъ свободнымъ почином души. Раздраженный чѣмъ-нибудь, я могу, въ пылу гнѣва и злости, вспомнить, что не слѣдуетъ отдаваться этому чувству, что надо себя сдерживать. Тутъ очевидно, одно побужденіе вызываетъ другое само собою, по закону сростанія или ассоціаціи идей. Но будучи въ совершенно спокойномъ состояніи, когда меня ничто не волнуетъ и не возбуждаетъ, я могу безразлично выполнить, одно за другимъ, множество самыхъ разнообразныхъ дѣйствій, умныхъ или безсмысленныхъ, какія мнѣ придутъ въ голову. Чѣмъ человѣкъ спокойнѣй, тѣмъ онъ болѣе способенъ выполнить то или другое дѣйствіе единственно по своей прихоти, не вызванной ничѣмъ. Находясь въ такомъ душевномъ состояніи, я могу любую мысль обратить, по произволу, въ мотивъ поступка. Мало того: человѣкъ способенъ поставить себѣ задачею сдѣлать то, что ему вздумается, будетъ ли это умно или глупо, полезно или вредно ему самому. Сможетъ ли онъ выполнить задуманное,—это другой вопросъ; дѣйствіе, невыполнимое по законамъ природы, и останется неисполненнымъ; но по замыслу, въ психическомъ смыслѣ, человѣкъ можетъ предпринять все, что только ему придетъ въ голову. Это не значитъ, что произвольное дѣйствіе совершается безъ побужденія. Поступка, ничѣмъ не мотивированнаго или не вызваннаго, нельзя себѣ представить. Но, во-первыхъ, мотивы бываютъ и матеріальные, приходящіе извнѣ, и психическіе, внутренніе, возникающіе въ самой душѣ; во-вторыхъ, по способу происхожденія, мотивы бываютъ непроизвольные, возникающіе сами собою, безъ участія дѣйствующаго лица, и произвольные, имъ самимъ вызываемые. Только дѣйствія и поступки, совершаемые вслѣдствіе произвольно вызваннаго побужденія, и суть произвольные, въ точномъ смыслѣ слова. Всѣ прочіе имѣютъ болѣе или менѣе рефлективный, механическій, непроизвольный характеръ.

Ниже мы постараемся объяснить возможность, условія и законы произвольныхъ психическихъ дѣйствій. Теперь будемъ продолжать разсмотрѣніе самаго факта произвольной дѣятельности и отмѣтимъ недоразумѣнія, къ которымъ она подаетъ поводъ.

Каждый произвольный поступокъ, именно потому, что побужденіе къ нему вызвано самимъ дѣйствующимъ лицомъ, есть непремѣнно сознательный и не можетъ совершаться безсознательно. Безсознательными могутъ быть только данные, непроизвольные мотивы. Самый вызовъ, выборъ мотива есть уже по необходимости сознательный актъ души. Какъ только сознаніе исчезаетъ, мы подпадаемъ подъ дѣйствіе даннаго побужденія.

Кромѣ того, каждое произвольное дѣйствіе, по существу своему, есть непремѣнно преднамѣренное. Неумышленныя дѣйствія, будутъ ли они случайныя или необходимыя, всегда непроизвольны, хотя бы сознаніе и сопровождало ихъ выполненіе.

Далѣе. Мотивъ произвольнаго поступка не можетъ быть матеріальнымъ внѣшнимъ толчкомъ; онъ необходимо психическаго свойства. Эта особенность вытекаетъ изъ того, что матеріальный мотивъ, какъ данный, отъ насъ независящій, можетъ породить только непроизвольное, необходимое дѣйствіе. Матеріальный мотивъ не находится въ душѣ, а привходитъ въ нее извнѣ, почему и не мо-

жетъ быть произвольно поставленъ дѣйствующимъ лицомъ. Вызвать изъ души мы можемъ только мотивъ, въ ней заключающійся, хотя изъ этого, разумѣется, вовсе не слѣдуетъ, чтобы мотивъ такого рода не могъ дѣйствовать и непроизвольно, не могъ необходимымъ образомъ опредѣлять нашу дѣятельность. Правда, мы можемъ, совершенно произвольно, выполнять матеріальное дѣйствіе, вызвать въ себѣ желаніе къ матеріальному поступку; но первый мотивъ, посредствомъ котораго мы возбудимъ въ себѣ такое расположеніе или состояніе, будетъ непремѣнно психическаго, а не матеріальнаго свойства. Такъ, сидя спокойно у себя въ комнатѣ, я могу совершенно произвольно рѣшиться ѣхать въ концертъ или къ знакомымъ на вечеръ. Я заранѣе знаю, что одно доставитъ мнѣ художественное наслажденіе, другое расположитъ меня къ другого рода удовольствію. Дѣйствительно, слушая пьесу въ концертѣ или участвуя въ пріятельской бесѣдѣ, я прихожу въ такое или другое состояніе и испытываю на себѣ, уже непроизвольно, его дѣйствія; но первый актъ, который меня побудилъ идти въ концертъ или въ кругъ пріятелей, былъ совершенно произвольный; тогда я былъ спокоенъ, не находился подъ вліяніемъ какого бы то ни было аффекта, и отъ меня совершенно зависѣло поступить такъ или иначе. Выборъ мой не опредѣлялся ничѣмъ; я самъ его опредѣлилъ, самъ добровольно поставилъ себя въ зависимость отъ извѣстнаго душевнаго состоянія, которое подѣйствовало на меня уже необходимымъ образомъ, вызвало мои дальнѣйшіе, уже непроизвольные поступки.

Вглядываясь глубже въ характеръ и свойства побужденій, произвольно вызываемыхъ свободнымъ починомъ души, мы найдемъ, что они непремѣнно заключаются въ общихъ или отвлеченныхъ мысляхъ, соотвѣтствующихъ различнымъ нашимъ чувствамъ, желаніямъ, стремленіямъ и страстямъ. И это совершенно естественно. Всякое чувство, желаніе, а тѣмъ болѣе страсть, суть побужденія данныя, непроизвольныя, дѣйствующія принудительно. Только холодная, спокойная, ничѣмъ не волнуемая мысль можетъ стать произвольнымъ мотивомъ. Когда какія бы то ни было побужденія дѣйствуютъ на душу, разныя соображенія являются въ ней сами собою, невольно. Дѣйствіе, въ какую бы сторону оно ни склонилось, какія бы побужденія ни одержали верхъ, будетъ въ такомъ случаѣ непроизвольное. Напротивъ, мотивъ, нами самими произвольно вызванный изъ глубины души, уже поэтому не можетъ быть ни желаніемъ, ни стремленіемъ, ни страстью, такъ какъ онъ не имѣетъ принудительнаго характера. Но такимъ безстрастнымъ, холоднымъ, вполнѣ намъ подвластнымъ мотивомъ можетъ быть только общая или отвлеченная мысль, не согрѣтая чувствомъ, не перешедшая въ желаніе,—иначе она выходила бы изъ нашей власти и вызывала бы или рефлективное движеніе, или борьбу мотивовъ. Только общая или отвлеченная мысль, связанная, какъ мы видѣли, съ центромъ чувствительности и служащая проводникомъ къ соотвѣтствующему ей чувству, желанію или стремленію, способна служить клавишей, помощью которой мы, по произволу, вызываемъ въ себѣ то или другое побужденіе. Въ этомъ смыслѣ, произвольное дѣйствіе можно сравнить съ игрою на инструментѣ: выполняя на немъ произвольно извѣстныя механическія дѣйствія, мы извлекаемъ изъ него звуки, которые настроиваютъ душу извѣстнымъ образомъ, возбуждаютъ въ ней тѣ или другія чувства. Посредствомъ общихъ и отвлеченныхъ мыслей, находящихся въ прямой связи съ центромъ чувствительности, произвольное на нихъ дѣйствіе вызываетъ соотвѣтствующія имъ чувства, желанія, страсти, которыя потомъ уже сами собою приводятъ душу въ извѣстныя непроизвольныя состоянія и побуждаютъ насъ къ непроизвольнымъ поступкамъ. Въ спокойномъ состояніи, я совершенно хладнокровно припоминаю множество фактовъ, лицъ, обстоятельствъ, которые, при непосредственномъ съ ними соприкосновеніи, возбуждаютъ во мнѣ множество разнородныхъ ощущеній. Покуда я нахожусь въ спокойномъ состояніи, вдалекѣ отъ этихъ лицъ, обстоятельствъ и т. п., я отношусь къ нимъ вполнѣ безразлично и объективно, могу одинаково и остановиться на нихъ и переходить отъ одного изъ нихъ къ другому; но когда я разъ остановился произвольно на одномъ изъ нихъ и отдался его вліянію, то-есть, посредствомъ общей или отвлеченной мысли, которою оно представляется моему сознанію, вызвалъ въ душѣ соотвѣтствующее ему желаніе или чувство, я уже подпадаю подъ его вліяніе и совершаю непроизвольныя дѣйствія, возбуждаемыя

чувствомъ или желаніемъ, которое я вызвалъ въ душѣ посредствомъ общей или отвлеченной мысли.

Съ этой точки зрѣнія, произвольная дѣятельность представляется противоположною процессу мышленія. Послѣдній перерабатываетъ единичныя впечатлѣнія въ представленія, въ общія и отвлеченныя понятія; произвольная дѣятельность, наоборотъ, переводитъ представленія, общія и отвлеченныя понятія въ тѣ единичныя впечатлѣнія, которыя имъ соотвѣтствуютъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ группируетъ инымъ образомъ факты, отъ которыхъ такія впечатлѣнія получаются. Всякій произвольный поступокъ начинается, какъ сказано, отъ какой-нибудь общей или отвлеченной мысли и оканчивается извѣстной новой группировкой матеріальныхъ или психическихъ данныхъ. Переходъ этотъ совершается такъ же постепенно, какъ и переходъ отъ единичныхъ впечатлѣній къ представленіямъ, обобщеніямъ и отвлеченіямъ. Сначала общая или отвлеченная мысль становится намѣреніемъ или умысломъ. Въ этомъ видѣ она уже обращается въ чувство, желаніе или стремленіе, которыхъ нѣтъ въ холодной, спокойной мысли, и становится побужденіемъ. Затѣмъ является и цѣль. Въ цѣли, намѣреніе, умыселъ уже приближается къ единичнымъ фактамъ. Цѣль не что иное, какъ программа будущаго дѣйствія, но программа еще недовольно точно опредѣленная, которая, смотря по обстоятельствамъ, можетъ измѣняться въ подробностяхъ, оставаясь одною и тою же въ существенныхъ чертахъ. Наконецъ, самое дѣйствіе, т.-е. выполненіе цѣли, составляетъ прямой переходъ къ единичнымъ фактамъ; оно заканчивается ихъ новой группировкой, которая столько же зависитъ отъ цѣли, сколько и отъ свойства самыхъ фактовъ, подвергаемыхъ перестановкѣ. Такъ, спокойно перебирая въ самомъ себѣ разные факты и мысли, я останавливаюсь на томъ, что буду писать письмо, къ чему меня впрочемъ ничто не принуждаетъ. Оказывается, что у меня нѣтъ ни чернилъ, ни перьевъ, ни бумаги, и я долженъ напередъ достать ихъ, а до тѣхъ поръ отложить свое намѣреніе. Ходъ мышленія совсѣмъ иной. Оно работаетъ надъ данными единичными впечатлѣніями, передѣлываетъ ихъ въ психическіе продукты — въ представленія, обобщенія и отвлеченія и въ такомъ передѣланномъ видѣ вводитъ эти впечатлѣнія въ душу, сообщаетъ имъ психическій характеръ. Произвольная дѣятельность, имѣя исходной точкой эти продукты, измѣняетъ по нимъ, вслѣдствіе свободнаго почина души, данную группировку единичныхъ фактовъ и этимъ существенно разнится отъ прочихъ видовъ дѣятельности. Рефлективныя, безсознательныя и сознательныя, движенія совершаются по законамъ матеріальнаго міра. Ни намѣренія, ни цѣли они не предполагаютъ и возникаютъ вслѣдствіе побужденій, появляющихся и дѣйствующихъ съ роковою необходимостью. Поступки, возникающіе изъ борьбы мотивовъ, нѣсколько ближе къ произвольнымъ. Въ нихъ мотивы подымаются со дна души и являются опредѣляющимъ факторомъ поступка въ видѣ намѣреній и цѣлей; но существенная ихъ разница отъ произвольныхъ дѣйствій состоитъ въ томъ, что въ нихъ психическіе мотивы являются непроизвольно, подъ вліяніемъ данныхъ побужденій, по закону идеосинкразіи или ассоціаціи идей. Только при произвольной дѣятельности мотивъ вызывается въ душѣ произвольно, безъ всякаго необходимаго побужденія, собственнымъ починомъ дѣйствующаго лица, которое въ самомъ себѣ находитъ мотивъ для дѣятельности.

Тѣмъ, что общія и отвлеченныя мысли, отрѣшенныя отъ чувствъ и желаній, играютъ такую важную роль въ произвольной дѣятельности, вполнѣ объясняется тѣсная связь воли и мышленія, которую, какъ мы видѣли, согласно предполагаютъ и моралисты, и церковь, и юриспруденція. Кто не можетъ правильно мыслить, тотъ и неспособенъ совершить поступокъ, подлежащій вмѣненію. Правильное отправленіе мышленія предполагаетъ способность отрѣшиться отъ чувства, стремленія, страсти, отнестись къ нимъ совершенно объективно. При ненормальномъ состояніи души, мышленіе не можетъ подняться до такого объективнаго отношенія къ чувствамъ, стремленіямъ, страстямъ, возвыситься надъ ними, и они, парализуя процессъ мышленія, остаются въ душѣ источникомъ непроизвольныхъ рефлективныхъ движеній, съ которыми ненормально дѣйствующее мышленіе не въ состояніи совладѣть.

Существенная роль общихъ и отвлеченныхъ мыслей въ произвольной дѣятельности показываетъ, что метафизики и идеалисты ошибаются, предполагая, будто воля имѣетъ какое-то свое, особое содержаніе, отдѣляя

ее рѣзкой чертой отъ мышленія и признавая ее за особое, безусловное психическое начало. Такія представленія о волѣ и произвольной дѣятельности, вытекающія изъ цѣлаго міровоззрѣнія, продолжали еще держаться, когда оно пришло въ упадокъ, только благодаря недостаточности психологическаго анализа и устарѣлымъ младенческимъ пріемамъ психологической критики. Произвольная дѣятельность и мышленіе — два различныя отправленія одного и того же психическаго организма, идущія другъ другу на встрѣчу и развивающіяся въ противоположныхъ направленіяхъ. Никакого особаго своего содержанія произвольная дѣятельность не имѣетъ и имѣть не можетъ, точно также какъ нѣтъ и не можетъ быть чистой, безусловной произвольности, или такъ называемой безусловной воли. Свободный починъ души—единственная черта, которою произвольная дѣятельность отличается отъ другихъ явленій—вполнѣ обусловливается наличными въ душѣ мыслями, понятіями, представленіями, какъ непроизвольная дѣятельность обусловлена вызывающими ее невольными побужденіями и толчками. То, что не содержится въ душѣ въ видѣ мысли, представленія, понятія, не можетъ, ни въ какомъ случаѣ, быть обращено произвольнымъ актомъ души въ мотивъ дѣятельности. Этого мало. Въ развитіи и дѣйствіяхъ своихъ, свободный починъ души ограниченъ ея привычками, прирожденными наклонностями, способностями, свойствами и тому подобными положительными данными. Переходя въ объективный или реальный міръ, произвольная дѣятельность ограничена его законами, съ которыми должна сообразоваться и которыхъ ни отвергнуть, ни переступить не можетъ. Подобно непроизвольной дѣятельности, и произвольная не можетъ что-либо прибавить къ тому или убавить изъ того, что существуетъ матеріально или психически. Вращаясь въ томъ же дѣйствительномъ мірѣ и не будучи въ состояніи выйти изъ его неизмѣнныхъ условій, она, какъ и непроизвольная дѣятельность, ограничивается одной перегруппировкой единичныхъ данныхъ и впечатлѣній, по образцамъ сложившимся въ душѣ, насколько эти образцы не противорѣчатъ условіямъ и законамъ психической и матеріальной природы. Встрѣчаясь съ побужденіями или препятствіями, матеріальными и психическими, она вступаетъ съ ними въ борьбу, исходъ которой, подобно всякой борьбѣ, опредѣляется относительною силою борящихся сторонъ. Способность ставить мотивъ и энергически проводить его, бороться съ препятствіями и помѣхами при переведеніи его въ дѣло, въ дѣйствительность, матеріальную или психическую, зависитъ столько же отъ прирожденныхъ свойствъ души, сколько отъ навыка и упражненія. Въ этомъ отношеніи произвольная дѣятельность точно также ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ другихъ психическихъ отправленій. Ее, подобно чувству и мышленію, можно развивать, укрѣплять, или напротивъ, ослаблять, изнѣживать, притуплять бездѣйствіемъ. Дряблость души, безхарактерность, отсутствіе энергіи и рѣшимости, на которую мы всѣ жалуемся, происходятъ отъ тысячи самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ и причинъ, между которыми не послѣднее мѣсто занимаетъ почти полное отсутствіе правильнаго воспитанія того, что называется волею. Всѣ наши усилія направлены почти исключительно на развитіе умственныхъ способностей. Въ сравненіи съ ними, чувство и воля остаются безъ всякой культуры. Этотъ пробѣлъ въ воспитаніи отзывается въ наше время во множествѣ весьма прискорбныхъ явленій. Къ сожалѣнію, мѣры, какія доселѣ предлагались для воспитанія воли, были крайне недостаточны или ошибочны, вслѣдствіе чего самая мысль о ея воспитаніи до сихъ поръ не пользуется ни довѣріемъ, ни сочувствіемъ.

Вотъ въ чемъ состоитъ фактическая сторона произвольной дѣятельности, какъ ее понимаетъ общее сознаніе, относящееся недовѣрчиво къ толкованіямъ и искаженіямъ, которымъ она подвергалась со стороны различныхъ ученій и школъ. Существенной, отличительной чертой ея остается свободный выборъ побужденія. Спрашивается: возможенъ ли, на самомъ дѣлѣ, такой выборъ, и какъ объяснить его научнымъ образомъ, не прибѣгая къ діалектическимъ ухищреніямъ?

Мы думаемъ, что возможность свободнаго выбора побужденія оправдывается всѣмъ предшествующимъ изложеніемъ свойствъ и особенностей душевнаго организма и психической жизни, и потому не представляетъ никакихъ трудностей для положительнаго научнаго объясненія.

Во-первыхъ, холодная, спокойная мысль, отрѣшенная отъ чувствъ, желаній и стремле-

ній, легко можетъ быть предметомъ совершенно произвольнаго выбора.

Во-вторыхъ, чтобы стать мотивомъ дѣятельности, такая мысль должна быть способна вызвать соотвѣтствующее ей чувство, желаніе или страсть. Выше мы видѣли, что отвлеченія и обобщенія имѣютъ это свойство. Мысль, выдѣлившись изъ центра чувствительности и сдѣлавшись самостоятельной, не отрывается отъ него совсѣмъ и остается съ нимъ въ связи.

Всѣ эти данныя, впрочемъ,—только условія, дѣлающія свободный выборъ возможнымъ по отношенію собственно къ мотивамъ. Но кромѣ этихъ, такъ сказать объективныхъ условій, для существованія произвольной дѣятельности необходимы еще условія субъективныя, заключающіяся въ самой душѣ. Нужно, чтобъ она была способна совершенно произвольно, безъ всякаго посторонняго, отъ нея независящаго побужденія, остановить выборъ на той или другой мысли и обратить ее въ мотивъ дѣятельности.

Есть ли такія условія въ душѣ и въ чемъ именно они состоятъ?

Произвольная дѣятельность предполагаетъ, что вся жизнь души не исчерпывается мыслями, обобщеніями и отвлеченіями, которыя въ ней заключаются, но имѣетъ, кромѣ того, еще и особое, независимое отъ нихъ существованіе. Слѣдовательно, центръ произвольной дѣятельности долженъ находиться въ самой душѣ, изъ нея самой долженъ идти толчокъ, превращающій безразличную, холодную мысль въ мотивъ дѣятельности. Только при такомъ условіи возможно произвольное ея отношеніе къ мыслямъ, отвлеченіямъ и обобщеніямъ. Условіе это дано въ самомъ устройствѣ психическаго организма. Мы видѣли, что душа есть организмъ, способный, вслѣдствіе своей двойственности, обращаться на самого себя. Благодаря способности раздвоенія, душа, когда ее ничто не волнуетъ, можетъ настраивать сама себя такъ или иначе и сообразно съ своимъ настроеніемъ черпать изъ самой себя, то, что̀ ей нужно, что соотвѣтствуетъ ея настроенію. Взять изъ себя тотъ или другой мотивъ она можетъ потому, что всѣ они въ ней заключаются; остановиться произвольно на одномъ изъ нихъ она можетъ потому, что ея дѣятельность и предметъ произвольнаго ея выбора совершенно совпадаютъ. Вотъ почему каждому стоитъ только захотѣть дѣйствовать произвольно, и онъ можетъ остановиться, безъ всякаго другого внѣшняго или внутренняго побужденія, на той или другой мысли и обратить ее въ мотивъ дѣйствія. Когда процессъ произвольной дѣятельности совершается, починъ лежитъ не во вліяніяхъ мыслей, отвлеченій и обобщеній на душу, а наоборотъ, иниціатива исходитъ отъ души, которая, сообразно съ своимъ настроеніемъ, произвольно вызываетъ изъ себя тѣ или другія мысли, обобщенія и отвлеченія.

Но, возразятъ намъ, какъ доказать, что душа можетъ произвольно настраивать себя такъ или иначе? Ея расположеніе остановиться именно на той, а не на другой мысли, избрать мотивомъ дѣятельности именно такое-то, а не другое обобщеніе или отвлеченіе, можетъ ли считаться за совершенно произвольное? Не будетъ ли правильнѣе и естественнѣе предположить, что такое расположеніе и настроеніе—результатъ различныхъ матеріальныхъ и психическихъ вліяній и обстановки, которыхъ мы только не въ состояніи открыть и прослѣдить?

Такое предположеніе конечно очень возможно и даже очень вѣроятно. Выростая и развиваясь посреди физической обстановки, совершая жизнь на матеріальной подкладкѣ и находясь въ теснѣйшей связи и безпрерывномъ взаимодѣйствіи съ матеріальными условіями своего существованія, психическій организмъ непрерывно испытываетъ на себѣ вліяніе окружающей среды, которая не можетъ оставаться чуждой ея настроеніямъ и расположеніямъ. Но, признавая эти вліянія и ихъ необходимость, мы не можемъ согласиться съ заключеніями, которыя изъ нихъ обыкновенно выводятся. Матеріалисты и реалисты не ограничиваются указаніемъ на общія душевныя состоянія, настроенія и расположенія, которыя бываютъ результатомъ такихъ вліяній, но, специализируя свой взглядъ, предполагаютъ, что не только общее душевное состояніе, но и каждый, повидимому, свободный выборъ того или другого мотива есть роковое, необходимое послѣдствіе того или другого матеріальнаго вліянія на душу. Такой взглядъ естественно вытекаетъ изъ того, что матеріалисты и реалисты не признаютъ существованія психическаго организма и, подводя всѣ психическія отправленія подъ законы механики, глубоко искажаютъ смыслъ этихъ отправленій. Расти-

тельные и животные организмы тоже находятся подъ непрерывнымъ вліяніемъ внѣшней обстановки; но никому не приходитъ въ голову предполагать непосредственную связь между этими вліяніями и продуктами органической и животной жизни. Такая жизнь существенно состоитъ въ припятіи и претвореніи вліяній и въ творческомъ воспроизведеніи ихъ, въ видахъ и формахъ, свойственныхъ данному организму. Послѣдній есть та среда, тотъ узелъ, въ которомъ вліянія преломляются, поглощаются и возсоздаются въ новомъ видѣ. Органическая жизнь души представляетъ точно такое же явленіе. Между дѣйствіями, которыя она на себѣ испытываетъ и ея творческими созданіями нѣтъ непосредственной связи и преемственности, нѣтъ необходимой, роковой, непрерывной цѣпи причинъ и слѣдствій, потому что ихъ раздѣляетъ среда, принимающая вліянія и преобразующая ихъ въ новыя формы, существенно зависящія отъ особенностей и свойствъ этой среды. Вотъ почему душевное настроеніе или расположеніе можетъ быть результатомъ внѣшнихъ вліяній; но оно, тѣмъ не менѣе, есть въ свою очередь, и самостоятельная причина психическихъ явленій, которыхъ источникъ заключается въ самой душѣ, а не въ тѣхъ вліяніяхъ, которыя она передъ тѣмъ испытывала. Что это дѣйствительно такъ, доказывается наблюденіями. Мы знаемъ, что извѣстныя ненормальныя душевныя состоянія, будучи послѣдствіемъ извѣстныхъ внѣшнихъ вліяній, располагаютъ къ извѣстнымъ же ненормальнымъ дѣйствіямъ и поступкамъ, хотя по виду они и кажутся произвольными. Въ этихъ случаяхъ психическая дѣятельность является необходимымъ послѣдствіемъ извѣстнаго психическаго расположенія, а послѣднее, въ свою очередь, такимъ же необходимымъ послѣдствіемъ извѣстныхъ внѣшнихъ вліяній. Такимъ образомъ, между послѣдними и психическими продуктами дѣйствительно существуетъ прямая, необходимая связь причины и слѣдствія, хотя душа и является между ними посредствующимъ терминомъ; но зато мы и считаемъ такую пассивную роль души явленіемъ ненормальнымъ; въ нормальномъ же состояніи, она, напротивъ, овладѣваетъ вліяніями, которыя получаетъ извнѣ и остается способною къ произвольной творческой дѣятельности, выражающейся въ произвольныхъ поступкахъ.

Такъ объясняемъ мы себѣ произвольную дѣятельность. Она, какъ мы старались показать, естественно вытекаетъ изъ условій душевнаго организма, психической жизни и ея законовъ, и есть только высшее выраженіе, послѣднее слово душевной жизни. Безъ свободы произвольная дѣятельность немыслима; свобода же души, какъ слѣдуетъ изъ всего, сказаннаго нами выше, не есть готовая, данная, прирожденная способность, а развивается мало-по-малу, вмѣстѣ съ развитіемъ душевнаго организма и психической жизни. Мы видѣли, что человѣкъ лишь мало-по-малу различаетъ себя отъ окружающаго матеріальнаго міра. Въ этомъ различеніи уже заключаются первые зародыши самостоятельнаго отношенія человѣка къ окружающей средѣ. Затѣмъ онъ идетъ далѣе и различаетъ въ себѣ тѣло отъ души. Это новый шагъ къ психической самостоятельности и свободѣ. Послѣ того, человѣкъ постепенно научается различать свои представленія и мысли отъ самого себя, иначе сказать, начинаетъ понимать, что они не составляютъ всей его душевной жизни, что она отъ нихъ нѣчто иное, существующее само по себѣ. Продолжая анализъ далѣе и далѣе, человѣкъ доходитъ до различенія отъ души ея внутреннихъ процессовъ и операцій, которые въ ней отражаются и создаютъ особый міръ внутреннихъ, психическихъ впечатлѣній. Рядомъ такихъ-то постепенныхъ различеній душа воспитывается къ самосознанію и свободѣ. Обособившись отъ внѣшней обстановки, отъ тѣла, въ которомъ живетъ, отъ внѣшнихъ впечатлѣній, отъ отраженій внутреннихъ процессовъ и событій, душа относится къ нимъ какъ къ внѣшнему, постороннему, чуждому, и вслѣдствіе того вынуждена, наконецъ, въ самой себѣ искать точку опоры не только противъ матеріальнаго міра, но и противъ самой себя. Ея двойственность даетъ ей къ тому возможность. Такимъ образомъ, весь ходъ психической жизни есть рядъ постепенныхъ освобожденій души, воспитывающихъ ее къ произвольной дѣятельности. Процессъ мышленія, зачатки котораго скрываются уже въ непроизвольномъ разложеніи первоначальныхъ впечатлѣній и ихъ перегруппировкѣ, создаетъ въ душѣ противоположеніе единичныхъ впечатлѣній представленіямъ, а представленій — тѣмъ обобщеніямъ и отвлеченіямъ, которыя изъ нихъ образовались. Какъ представленіе освобождаетъ отъ непосред-

ственнаго впечатлѣнія, такъ точно и обобщеніе и отвлеченіе—отъ единичнаго представленія. Опираясь на непосредственныя впечатлѣнія, душа свободно относится къ представленіямъ и мыслямъ; опираясь на представленія и мысли, она становится въ свободное отношеніе къ единичнымъ впечатлѣніямъ. То же самое вытекаетъ для души и изъ противоположенія представленій и мыслей чувствамъ, стремленіямъ, желаніямъ и страстямъ. Ихъ борьба рождаетъ и воспитываетъ психическую свободу, потому что, противополагая мысли чувствамъ и чувства мыслямъ, душа по необходимости становится посредникомъ между ними, рѣшителемъ ихъ столкновеній и борьбы.

Итакъ, психическая свобода, составляющая необходимое условіе произвольной дѣятельности, является результатомъ цѣлаго длиннаго ряда освобожденій, начало которыхъ скрывается въ необходимомъ, роковомъ дѣйствіи на душу различныхъ вліяній, но которыя, вслѣдствіе особенностей душевнаго организма и психической жизни, рождаютъ въ душѣ самостоятельность и самодѣятельность. Эти черты, вызванныя сперва необходимостью, впослѣдствіи развиваются и укрѣпляются опытомъ, упражненіями, навыкомъ, и обращаются какъ-бы во вторую природу, почему и были приняты идеалистами и метафизиками за прирожденныя свойства души, не подлежащія дальнѣйшему анализу. Здѣсь главная причина недоразумѣній, которымъ ученіе о произвольной дѣятельности до сихъ поръ подаетъ поводъ. Отрицаніе произвольныхъ поступковъ и свободы было отвѣтомъ на догматическое ихъ объясненіе метафизиками и идеалистами и естественнымъ послѣдствіемъ признанія особаго принципа воли, какъ коренной, прирожденной способности души. Эти недоразумѣнія отпадутъ сами собою, лишь только мы признаемъ самостоятельность и самодѣятельность души за результатъ, высшую точку постепеннаго и послѣдовательнаго развитія психическаго организма и душевной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, для принципа психической самостоятельности и свободы, какъ особаго начала человѣческой дѣятельности, нѣтъ мѣста въ наукѣ. Всѣ первыя движенія психической жизни запечатлѣны матеріальными элементами, совершаются подъ вліяніемъ матеріальнаго міра и по его законамъ; только существованіе психическаго организма съ его особыми свойствами даетъ этому дѣйствію и этимъ вліяніямъ другой оборотъ, производитъ рядъ новыхъ явленій, неизвѣстныхъ въ матеріальномъ мірѣ. Оттого, пока психическій организмъ не развился и не окрѣпъ, душевная жизнь едва-едва себя заявляетъ. Долго душа не имѣетъ другого содержанія, кромѣ того, которое получаетъ чрезъ внѣшнія впечатлѣнія; долго она не сознаетъ ни себя, ни того, что̀ въ ней совершается. Точно также и дѣятельность ея сперва ограничивается одними непроизвольными дѣйствіями, вызываемыми внѣшними, матеріальными вліяніями. Но по мѣрѣ того какъ душевный организмъ ростетъ и крѣпнетъ, все это измѣняется, а съ тѣмъ вмѣстѣ созрѣваетъ его самостоятельность и самодѣятельность. Къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ прибавляются психическія, внутреннія, возможныя лишь съ той минуты, когда душа приходитъ къ болѣе и болѣе ясному и отчетливому сознанію самой себя и того, что въ ней содержится и происходитъ. Въ сферѣ дѣятельности этотъ постепенный ростъ души выражается въ томъ, что рядомъ съ непроизвольными дѣйствіями, вызываемыми внѣшними вліяніями, появляются дѣйствія произвольныя, возникающія по инціативѣ самой души, независимо отъ внѣшнихъ побужденій. Воспитанная вліяніями и необходимостью, душа получаетъ навыкъ обращаться на себя, жить съ собою, безъ помощи внѣшнихъ толчковъ и побужденій. Условіемъ для такого сосредоточенія психической жизни на самой себѣ служитъ то, что, выработавшись сначала помощью внѣшнихъ вліяній, она получаетъ свое собственное содержаніе, и обращаясь къ нему, обращается уже къ самой себѣ, потому что это содержаніе находится не внѣ ея, а въ ней самой. Здѣсь источникъ и ея самодѣятельности; ибо, обращаясь къ тому, что̀ въ ней заключается, душа, благодаря ея двойственности, обращается на себя, другими словами душевная дѣятельность и предметъ, на который она направлена, совпадаютъ, тожественны.

Въ такомъ видѣ представляется произвольная дѣятельность съ научной точки зрѣнія, освобожденная отъ тѣхъ наплывовъ и обезображеній, которымъ она долгое время подвергалась, благодаря безчисленнымъ недоразумѣніямъ и борьбѣ враждебныхъ другъ другу философскихъ направленій. Она, по

своему значенію, есть выраженіе сильнѣйшаго сосредоточенія душевнаго организма въ самомъ себѣ, величайшаго напряженія душевныхъ силъ. Всѣ прочія обнаруженія души какъ-бы служатъ постепеннымъ подготовленіемъ къ акту произвольной дѣятельности. Оттого въ ней и въ психической свободѣ, составляющей ея ближайшее условіе, заключается непосредственная причина всякаго развитія и успѣха. Мы говорили выше о вниманіи, въ противоположность разсѣянности, о повѣркѣ, которая незамѣтно вплетается въ каждое наше дѣйствіе и направляетъ его. Тогда мы только указали на эти факты; здѣсь мѣсто и объяснить ихъ. И вниманіе и направленіе дѣйствія, выполняемаго сознательно, хотя бы и не вполнѣ произвольно, суть не что иное, какъ акты произвольной психической дѣятельности, только не выступающіе наружно въ осязательномъ матеріальномъ фактѣ. Вообще всякая повѣрка, а также и всякій опытъ представляютъ различныя выраженія свободнаго и вмѣстѣ дѣятельнаго отношенія души къ окружающему и къ самой себѣ.

Какъ высшій психическій актъ, произвольная дѣятельность есть въ то же время самая трудная и рѣдко проявляется съ полной выдержкой, во всей своей чистотѣ. Еслибъ вся дѣятельность человѣка состояла изъ однихъ произвольныхъ поступковъ, то онъ скоро бы изнемогъ отъ страшнаго напряженія и расходованія силъ, но бо́льшая часть его жизни проходитъ или въ дѣятельности непроизвольной, или по крайней мѣрѣ въ полурефлексахъ, въ которыхъ произвольность играетъ минутную и часто весьма незначительную роль. Но зато, одна произвольная дѣятельность вырываетъ человѣка изъ рутины, въ которой онъ плетется, открываетъ ему новые пути, дрессируетъ не только тѣло, но и душу, къ желаемымъ непроизвольнымъ дѣйствіямъ, вводитъ и развиваетъ извѣстныя тѣлесныя и психическія привычки, наклонности и расположенія, и наоборотъ, смягчаетъ, ослабляетъ или искореняетъ другія. Затѣмъ, уже на привычкахъ, расположеніяхъ, наклонностяхъ, прирожденныхъ или воспитанныхъ, вертится, главнымъ образомъ, жизнь человѣка и его дѣятельность, психическая и матеріальная, внутренняя и внѣшняя. Привычки, наклонности, расположенія существенно облегчаютъ ему жизненный трудъ и заботу дня; они—капитализація произвольной дѣятельности, которая, создавъ привычку или наклонность, переходитъ въ дѣятельность непроизвольную, порой даже безсознательную.

Теперь для читателя будетъ вполнѣ ясно, въ какомъ именно отношеніи мы находимъ труды современныхъ психологовъ не вполнѣ удовлетворительными. Гербартъ, Бенеке, Фехнеръ, англійскіе и французскіе реалисты опустили изъ виду произвольную дѣятельность, и въ этомъ, какъ намъ кажется, состоитъ слабая сторона ихъ замѣчательныхъ изслѣдованій. Наблюдая съ удивительною точностью психическія явленія, они открыли и выясняютъ тѣ ихъ стороны, которыя совершаются съ математическою правильностью, подобно событіямъ матеріальнаго міра. Въ этомъ неоспоримая заслуга упомянутыхъ критическихъ трудовъ и огромное ихъ значеніе въ наукѣ. Но, обративъ все вниманіе исключительно на однѣ эти стороны души, изслѣдователи не замѣтили, что механическій ходъ психическихъ явленій почти ежеминутно нарушается произвольною дѣятельностью, которая вноситъ въ ихъ развитіе новыя и новыя условія и тѣмъ безпрестанно отклоняетъ ихъ отъ ихъ естественнаго пути и направленія. Наблюденіе пертурбацій, производимыхъ въ правильномъ движеніи небесныхъ тѣлъ солнечной системы, повело, на нашихъ глазахъ, къ открытію новой планеты—Нептуна. Подобныя пертурбаціи производятъ въ психическомъ мірѣ акты произвольной дѣятельности. Что она была опущена изъ виду въ самый разгаръ борьбы съ средневѣковымъ дуализмомъ и его позднѣйшимъ представителемъ—идеализмомъ, это совершенно естественно и понятно. Рѣчь шла о завоеваніи научной почвы для психологическихъ изслѣдованій, которой ни дуализмъ, ни идеализмъ не хотѣли уступить. Оба не только исключали произвольную дѣятельность изъ круга явленій, совершающихся по извѣстнымъ законамъ, но даже противополагали ее закону причины и необходимаго слѣдствія, безраздѣльно управляющему всѣми явленіями, и матеріальными и психическими. Но борьба давно уже кончилась, къ полному торжеству научныхъ воззрѣній и научнаго метода. Теперь мы знаемъ, что произвольная дѣятельность не противорѣчитъ ни закону необходимости, ни необходимой связи причинъ и ихъ послѣдствій, что, не нарушая законовъ природы и психической жизни, произвольная дѣятель-

ность есть однако непремѣнная характеристическая принадлежность личнаго индивидуальнаго человѣческаго существованія. Признаніе ея, какъ необходимаго фактора дѣйствительной, индивидуальной жизни, безъ котораго послѣдняя немыслима, есть, говоря вообще, единственная поправка, или правильнѣе, единственная оговорка, которую мы желали бы видѣть въ выполненныхъ доселѣ превосходныхъ критическихъ изслѣдованіяхъ психической жизни. Безъ такой оговорки, открытые и объясненные ими законы психическихъ явленій представляются какими-то отвлеченными схемами, мертвыми рубриками, которыя не только не обнимаютъ, но даже слабо захватываютъ живую дѣйствительность. Такими онѣ и останутся до тѣхъ поръ, пока непроизвольная дѣятельность, этотъ существенный нервъ индивидуальности, не получитъ права гражданства въ психологіи и не займетъ принадлежащаго ему мѣста въ наукѣ.

Въ заключеніе мы должны еще коснуться одного любопытнаго вопроса, который самъ собою представляется при разсмотрѣніи произвольной дѣятельности. Животныя могутъ ли совершать произвольные поступки или нѣтъ?

Если произвольная дѣятельность не вытекаетъ изъ особаго психическаго начала или силы, а есть только результатъ дѣятельнаго состоянія психическаго организма, то конечно нѣтъ основанія отвергать ее въ животныхъ, которыя какъ извѣстно, одарены тоже душою, хотя и иначе организованною, чѣмъ душа человѣка. Дѣйствительно, вглядываясь въ жизнь животныхъ, нельзя, безъ большой натяжки, предположить, чтобы всѣ ихъ движенія безъ изъятія, каждый малѣйшій ихъ шагъ были необходимымъ послѣдствіемъ внѣшняго, матеріальнаго толчка и выполнялись ими машинообразно, представляя собою только рядъ рефлексовъ. Животныя тоже могутъ дѣйствовать и дѣйствуютъ произвольно, по свободному почину; вся разница ихъ съ человѣкомъ состоитъ только въ томъ, что произвольныя ихъ движенія — другого рода, имѣютъ другой характеръ, а это зависитъ единственно отъ другой организаціи ихъ души. Сколько можно судить по внѣшней дѣятельности животныхъ, душа ихъ, какъ мы уже видѣли, неспособна выработывать общія и отвлеченныя понятія, не возвышается до самосознанія, повидимому отъ неспособности къ психическому раздвоенію. Вслѣдствіе того, животныя не могутъ относиться объективно и свободно къ внѣшнему міру, всего менѣе къ самимъ себѣ и къ тому, что въ ихъ душѣ содержится. При такихъ условіяхъ, свободный ихъ починъ ограниченъ тѣснымъ кругомъ внѣшнихъ дѣйствій и очень далекъ отъ того широкаго размаха помысловъ, цѣлей, намѣреній и плановъ, который свойственъ только человѣческой душѣ, относящейся свободно, объективно и критически не только къ внѣшнему міру и къ тѣлу, въ которомъ живетъ, но и къ своему собственному психическому содержанію, даже къ самой себѣ. Какъ во всей жизни, такъ и въ дѣятельности, душа животнаго ограничена тѣснымъ кругомъ внѣшнихъ впечатлѣній, которыя достигаютъ лишь нѣкоторой степени обобщенія, насколько такія обобщенія возможны безъ психическаго раздвоенія и безъ объективнаго отношенія къ представленіямъ и мыслямъ. Оттого животныя лишены творческой самодѣятельности, и прогрессъ, развитіе въ бытѣ, правахъ и привычкахъ животныхъ, есть результатъ дѣйствія на нихъ внѣшней обстановки и условій ихъ жизни, а не плодъ ихъ собственнаго свободнаго почина. Въ темнотѣ они живутъ, въ темнотѣ и умираютъ.

VIII.

Заключеніе.

Признаки современнаго нравственнаго упадка.—Значеніе этого явленія.—Послѣдовательность и періодическія остановки въ развитіи человѣческаго рода.—Движущія пружины развитія. — Отчего преемственность его часто не сознается людьми?—Послѣдствія. —Внутренняя послѣдовательность міросозерцаній. — Психологическій взглядъ на міросозерцанія восточное, греко-римское и у новыхъ европейскихъ народовъ.—Личное начало отодвинуто въ наше время на второй планъ.—Опредѣлить связь индивидуальнаго съ общимъ есть ближайшая задача нашего времени.—Призваніе психологіи. — Въ психологіи заключаются научныя основанія этики.

Задача наша кончена. Въ представленномъ очеркѣ психической жизни и дѣятельности мы старались указать на главнѣйшіе вопросы психологіи, выяснить недостаточность или ошибочность теперешняго ихъ рѣшенія и набросать мотивированную программу возможнаго научнаго на нихъ отвѣта. Мы убѣждены заранѣе, что читатели, какъ бы они ни посмотрѣли на этотъ опытъ,

оцѣнятъ всю важность затронутыхъ въ немъ предметовъ. Психологія не есть дѣло только книжной учености или простого любопытства: по свойству и обширности своихъ задачъ она всегда была, а теперь больше, чѣмъ когда-нибудь, есть самая жизненная изъ всѣхъ наиболѣе живыхъ отраслей знанія.

Посреди современнаго, великаго движенія умовъ, посреди великихъ событій, которыя коренно пересоздаютъ бытъ, нравы и вѣрованія европейскихъ народовъ, все слышнѣе и слышнѣе звучитъ одна зловѣщая нота— упадающій интересъ къ лицу, какъ нравственной личности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и сами люди болѣе и болѣе чувствуютъ и сознаютъ свое безсиліе и ничтожество. Нравственная личность какъ будто сходитъ со сцены, и на мѣсто ея выступаютъ безличныя массы. Многіе видятъ въ этомъ успѣхъ, другіе упадокъ. Какъ бы то ни было, но не подлежитъ сомнѣнію, что душа видимо оскудѣваетъ въ людяхъ и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Великіе утѣшители жизни, поэзія и искусство, замѣтно падаютъ; быстро исчезаетъ та добродушная веселость, то радостное настроеніе, та беззаботная бодрость, которыя сближаютъ людей, установляютъ между ними прочныя связи, подымаютъ общежитіе и общественность и съ которыми живется такъ легко, даже при самыхъ трудныхъ и прискорбныхъ обстоятельствахъ. Народонаселеніе всюду быстро ростетъ, сношенія между людьми ежедневно усиливаются, обмѣнъ услугъ и мыслей возрастаетъ въ поражающей прогрессіи, а въ нравственномъ смыслѣ люди больше и больше становятся похожи на троглодитовъ,—такъ равнодушны, холодны, недовѣрчивы, подозрительны становятся они другъ къ другу, такъ мало между ними искренности, задушевности и сердечнаго доброжелательства. Съ виду общественная жизнь никогда такъ не процвѣтала; на самомъ дѣлѣ каждый глубоко ушелъ въ самого себя, старается отгородить себя отъ другихъ каменной стѣной и думаетъ только о себѣ, мало заботясь о другихъ. Дѣйствительное одиночество, при кажущейся общительности, сушитъ и портитъ людей. Цвѣтъ, краски и благоуханіе жизни теряются; даже потребность въ нихъ, смыслъ къ нимъ, постепенно вымираютъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Оттого нравы, при видимой утонченности, на самомъ дѣлѣ грубѣютъ; самый горизонтъ воззрѣній съуживается, мысль теряетъ размахъ и полетъ, а съ утратою широты мысли и убѣжденія, человѣкъ мельчаетъ характеромъ, дѣлается менѣе и менѣе способнымъ настойчиво преслѣдовать задуманные планы и цѣли, теряетъ твердость и выдержку, бѣжитъ труда, сразу хочетъ получить то, что пріобрѣтается лишь долгимъ, напряженнымъ усиліемъ, и при первой неудачѣ оказывается жалкимъ и малодушнымъ. Характеры блѣднѣютъ и исчезаютъ вслѣдъ за художественнымъ творчествомъ и чувствомъ.

Такъ или почти такъ, иногда тѣми же словами, жалуются всѣ, отъ мала до велика, образованные и простые люди, у насъ и въ Европѣ. Печать наша и заграничная наполнены такими жалобами. Всѣ согласны въ томъ, что это дѣйствительно такъ; несогласны только въ оцѣнкѣ факта и его значенія. Простые и практическіе люди приходятъ отъ него въ отчаяніе, видятъ въ немъ ни болѣе, ни менѣе, какъ постепенное вырожденіе человѣческой расы. Другіе облегчаютъ свою душу надеждами на лучшее будущее и смотрятъ на оскудѣніе души, какъ на переходный фазисъ развитія, какихъ въ исторіи бывало не мало.

Въ самомъ дѣлѣ, нравственный упадокъ человѣка не разъ повторялся въ исторіи и каждый разъ заканчивался великою скорбью, отголоски которой слышатся во взглядахъ передовыхъ мыслителей. Мы видимъ ее въ Индіи, въ ученіи Сакія Муни, основателя буддизма; вычитываемъ изъ сочиненій и мыслей стоиковъ и эпикурейцевъ эпохи паденія классическаго міра; наконецъ находимъ въ ученіяхъ и системахъ нашихъ современниковъ Шопенгауера и Гартмана. Къ сожалѣнію, данныхъ еще слишкомъ мало, чтобъ опредѣлить, хотя приблизительно, что значатъ эти явленія: сопровождаютъ ли они, какъ думаютъ одни, психическое вымираніе расъ, или въ нихъ, какъ утверждаютъ другіе, слѣдуетъ видѣть только окончаніе одного фазиса развитія, за которымъ долженъ начаться другой? Мы знаемъ, что послѣ буддизма Индія уже не создавала ничего; греко-римскій міръ, послѣ стоиковъ и эпикурейцевъ римской эпохи, тоже сошелъ со сцены; мѣсто его заняли новыя германскія племена, которыя и воспользовались христіанствомъ. Могъ ли бы древній міръ, еслибъ онъ не былъ разрушенъ, обновиться новымъ ученіемъ, остается неизвѣстнымъ. О современныхъ намъ явле-

ніяхъ нельзя пока ничего сказать. Такимъ образомъ, не намъ, а развѣ отдаленнымъ нашимъ потомкамъ удастся рѣшить важный вопросъ, есть ли оскудѣніе души недугъ преходящій, излечимый, или онъ признакъ роковой, неизбѣжной смерти народной психіи.

Оставляя этотъ вопросъ въ сторонѣ, обратимся къ другому, тѣсно съ нимъ связанному.

Народы, смѣняющіеся въ исторіи, соединены между собою не одной хронологической преемственностью, но и извѣстною послѣдовательностью проводимыхъ ими началъ и воззрѣній. Новые народы, выступая на сцену исторіи, начинаютъ обыкновенно съ того, чѣмъ предшествующіе окончили, и продолжаютъ развитіе далѣе, на свой ладъ. Это не теоретическое предположеніе, не философское измышленіе, а дѣйствительный историческій фактъ, изслѣдованный и выясненный. Происходитъ это оттого, что народы, игравшіе роль въ исторіи, прежде чѣмъ начнутъ жить самостоятельною жизнью, находятся болѣе или менѣе продолжительное время „въ наукѣ“ у другихъ предшествовавшихъ имъ народовъ. То же самое видимъ мы и между лицами, составляющими народъ. Какъ люди, такъ и народы заимствуются у предшественниковъ ихъ знаніемъ и опытностью и уже потомъ додумываются до чего-нибудь другого, лучшаго. Слѣдовательно, идеи, воззрѣнія, знаніе, практическій опытъ имѣютъ, независимо отъ народовъ, у которыхъ они выработываются, какъ-бы свой собственный ростъ и развитіе. Говоря такъ, мы конечно выражаемся метафорически; ни взгляды, ни знаніе, безъ почвы, на которой выростаютъ, т.-е. безъ народовъ, посреди которыхъ живутъ и развиваются, не были бы возможны; мало того: народы вносятъ въ ихъ ростъ много своего индивидуальнаго и случайнаго. Но все же, говоря вообще, развитіе ихъ совершается, хотя, разумѣется, не такъ систематически, правильно и послѣдовательно, какъ оно укладывается въ головѣ одного человѣка или въ научной системѣ.

Пройденный доселѣ такимъ образомъ путь все еще слишкомъ коротокъ, чтобъ уже можно было, какъ пытались многіе, дѣлать заключеніе о конечной цѣли развитія и выводить его формулу. Однако дознанная преемственность развитія въ человѣческомъ родѣ и пережитые имъ фазисы уже даютъ поводъ къ нѣкоторымъ, болѣе или менѣе вѣроятнымъ соображеніямъ. Постараемся, на основаніи ихъ, объяснить, въ чемъ заключаются движущія пружины развитія рода человѣческаго, отчего оно временами какъ будто останавливается и затѣмъ снова продолжается на другихъ началахъ, и что выражаютъ собою эти различные фазисы развитія, начинающіе и оканчивающіе цѣлые періоды всемірной исторіи.

Всѣ народы, когда-либо жившіе и теперь живущіе на земномъ шарѣ, бьются изъ того, чтобъ устроиться, по своимъ понятіямъ, какъ можно лучше. Но народъ, человѣчество— выраженія тоже метафорическія; на самомъ дѣлѣ движущій элементъ всякаго человѣческаго общества суть люди, изъ которыхъ состоятъ народы и весь человѣческій родъ. Представленія о довольствѣ, счастіи, благополучіи, какія имѣютъ лица, входящія въ составъ народа, опредѣляютъ предметы его стремленій, цѣли его желаній и дѣятельности.

Такимъ образомъ, первый стимулъ всякаго движенія и развитія лежитъ въ отдѣльныхъ лицахъ, изъ которыхъ слагаются человѣческія общества. Изъ этой основной ячейки выходитъ вся человѣческая премудрость, весь міръ знанія, вѣрованій, искусства, учрежденій гражданскихъ и политическихъ, всѣ тѣ многообразные пріемы, которыми человѣкъ заставляетъ матеріальную природу служить себѣ. Послѣдняя цѣль всякихъ открытій, научныхъ и практическихъ, всякихъ реформъ и переворотовъ, сношеній, столкновеній и борьбы людей и народовъ между собою состоитъ въ томъ, чтобъ каждый отдѣльный человѣкъ могъ приладиться къ даннымъ обстоятельствамъ или могъ приладить ихъ къ себѣ наилучшимъ и наиудобнѣйшимъ образомъ. Съ перваго взгляда кажется, что между великими идеями, сложными задачами народовъ и всемірной исторіи и простыми желаніями простыхъ людей нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго, что ихъ раздѣляетъ непереступаемая бездна; но на дѣлѣ оказывается противное: они соединены тѣснѣйшею связью, между ними существуетъ преемство, котораго мы только часто не замѣчаемъ, потому что обыкновенно сравниваемъ между собою болѣе или менѣе другъ отъ друга отдаленныя звенья этой цѣпи, пропуская безъ вниманія посредствующія, которыя ихъ соединяютъ. Это лишаетъ насъ возможности прослѣдить преемство

звеньевъ, отъ перваго до послѣдняго, и такимъ образомъ нить внутренней послѣдовательности развитія и исторіи теряется. Причинъ на это много.

Во-первыхъ, стремясь къ возможному благополучію, человѣкъ прежде всего берется за самыя простыя, ближайшія средства, какія у него подъ руками. Но они скоро оказываются недостаточными. Приходится придумывать новыя, болѣе сложныя, и такъ далѣе. Вся тайна опытности и состоитъ въ томъ, чтобъ за ближайшимъ умѣть разглядѣть болѣе далекое, за простымъ болѣе сложное, отъ которыхъ и близкое и простое зависятъ. Неопытный ребенокъ тянется ручонками къ огню; юноша уже не дѣлаетъ этого, зная, что огонь не только блеститъ, но и жжетъ. Котъ и пѣтухъ, въ глазахъ старой мыши, совсѣмъ не то, что̀ въ глазахъ мышенка. Сравнимъ простѣйшій механизмъ и сложную машину и мы наглядно поймемъ, какъ человѣкъ постепенно переходитъ отъ простыхъ къ болѣе и болѣе сложнымъ средствамъ достиженія своихъ цѣлей. Такіе постепенные переходы отъ простого къ сложному, отъ близкаго, непосредственнаго къ скрытому за нимъ болѣе далекому, мы замѣчаемъ не только въ стараніяхъ человѣка приладить къ своимъ потребностямъ матеріальную природу, но и въ стремленіяхъ его устроить и улучшить свой домашній и общественный бытъ. Первобытному человѣку кажется, что простѣйшее, ближайшее средство для достиженія своихъ цѣлей въ обществѣ людей есть физическая сила; но рядомъ опытовъ и неудачъ онъ убѣждается, что этого средства недостаточно, что къ цѣли лучше ведетъ правильное, спокойное общежитіе. Такъ дошелъ онъ мало-помалу, начиная отъ простѣйшей формы общежитія—семейства, до громадныхъ и сложныхъ государственныхъ механизмовъ нашего времени. И во всемъ такъ. Нѣтъ отвлеченнаго начала, нѣтъ идеальнаго правила, до котораго человѣкъ дошелъ бы инымъ путемъ. Что̀ можетъ быть дальше отъ грубой дѣйствительности, какъ правило: „не вынимай меча: кто вынетъ мечъ, тотъ отъ меча погибнетъ"; или „люби своихъ враговъ"; или „кто хочетъ быть господиномъ, пусть будетъ всѣмъ слуга". Но эти идеальныя правила, если разсмотрѣть ихъ въ общей связи причинъ и послѣдствій, оказываются самыми твердыми началами истинной практической мудрости, выводами изъ глубокаго пониманія основъ человѣческаго общежитія. „Око за око, зубъ за зубъ" кажется непосредственному человѣку такимъ близкимъ и естественнымъ правиломъ; но длиннымъ рядомъ наблюденій и опытовъ онъ вынужденъ былъ убѣдиться, что другія начала управляютъ человѣческимъ общежитіемъ, а что это, въ концѣ концовъ, разрушаетъ его. Такимъ образомъ, первымъ побужденіемъ къ движенію и развитію всегда было и есть исканіе возможнаго благополучія. Оно неудержимо толкаетъ человѣка далѣе и далѣе, къ новымъ средствамъ, все болѣе и болѣе сложнымъ, отдаленнымъ, отвлеченнымъ и искусственнымъ. Къ нимъ приводятъ, какъ мы сказали, не пустая прихоть, не праздный капризъ, а свойства, природа самихъ средствъ, къ которымъ онъ вынужденъ обращаться для удовлетворенія своихъ потребностей. Все въ мірѣ находится во взаимной зависимости, вездѣ и всюду существуетъ связь причинъ и ихъ послѣдствій. Нѣтъ такого простого средства удовлетворять нуждамъ, которое бы не зависѣло отъ другихъ. Итакъ, чтобъ овладѣть прочно и постоянно однимъ, надо овладѣть и тѣми условіями, отъ которыхъ оно зависитъ; но за ними опять стоятъ другія, и такъ далѣе. Первый человѣкъ, употребившій для ѣзды лошадь, поступалъ вѣроятно такъ, какъ теперь поступаютъ киргизы въ степи: бралъ перваго попавшагося дикаго коня и ѣздилъ на немъ какъ умѣлъ. Неудобства этого первобытнаго способа заставили мало-по-малу, послѣ цѣлаго ряда усилій и попытокъ, обратить это животное въ домашнее и приручить его, дрессировать, придумать какъ его содержать, кормить, улучшать его породы, приспособляя ихъ для такого или другого употребленія,—для верховой ѣзды, упряжи и т. п. То же самое видимъ и въ сферѣ общественной и государственной. Многосложныя судебныя гарантіи, выработанныя финансовыя, административныя и политическія учрежденія, кодексъ нравственныхъ правилъ, самыхъ отвлеченныхъ и идеальныхъ, не имѣютъ, повидимому, ничего общаго съ начальными, грубыми условіями жизни первобытнаго человѣка; но и они точно также выработались постепенно изъ цѣлаго ряда послѣдовательныхъ опытовъ. Только трудно прослѣдить преемственность переходовъ отъ одного опыта къ другому, потому что человѣкъ самъ не давалъ

себѣ объ ней никакого отчета, особливо сначала.

Вторая причина, почему человѣкъ теряетъ нить послѣдовательнаго развитія, заключается въ подвижности, измѣнчивости самыхъ фактовъ, матеріальныхъ и психическихъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, или которые служатъ ему средствами для достиженія цѣлей. Едва успѣлъ человѣкъ кое-какъ приладить къ себѣ окружающую среду, какъ она, вслѣдствіе его дѣятельности или въ силу обстоятельствъ, отъ него независящихъ, уже измѣнилась, и ему приходится съизнова начинать дѣло. Иногда онъ не вдругъ замѣчаетъ эту перемѣну и, употребляя прежнія средства, оправданныя опытомъ, видитъ, что оно не клеится. Это сбиваетъ его съ толку, и часто проходитъ много времени, пока онъ замѣтитъ причину своихъ неудачъ и объяснитъ себѣ, отчего труды его и усилія пропадаютъ даромъ.

Наконецъ, въ-третьихъ, человѣкъ, по мѣрѣ того какъ переходитъ отъ однихъ средствъ къ другимъ, стоящимъ за ними, самъ измѣняется и становится уже не тѣмъ, чѣмъ былъ, приступая къ дѣлу. Недостаточность и неудовлетворительность одной грубой, непосредственной силы, одного матеріальнаго дѣйствія для удовлетворенія нуждъ, рано вызываютъ къ жизни и дѣятельности дремлющія, скрытыя въ немъ душевныя, умственныя и нравственныя силы, а это вводитъ постепенно его самого въ новую фазу существованія и развитія. Чтобъ овладѣть матеріальными условіями, надо узнать и понять цѣлый механизмъ причинъ и слѣдствій, научиться управлять имъ, а для этого необходимы опыты, наблюденія, сноровка, извѣстные пріемы, слѣдовательно умъ и знаніе. Что касается до выработки формъ правильнаго и устроеннаго общежитія, то она также очень рано вызываетъ дѣятельность умственныхъ и нравственныхъ силъ. Стòитъ сравнить нравственныя идеи, юридическія и политическія начала и убѣжденія развитыхъ людей съ грубыми пріемами и взглядами первобытнаго человѣка, чтобъ увидѣть, какъ самъ человѣкъ существенно измѣнился. Эти идеи, начала, убѣжденія представляютъ результатъ продолжительныхъ и разнообразныхъ опытовъ согласить общежитіе съ требованіями индивидуальной жизни и личнаго благополучія. Общежитіе вынуждаетъ человѣка многимъ поступиться, чтобъ сохранить одно, пріобрѣсти другое. Выработанные такимъ образомъ средніе термины обращаются мало-по-малу въ убѣжденія, въ постоянныя нравственныя начала. Такъ человѣкъ воспитывается къ нравственному существованію, перестаетъ быть дикаремъ, не знающимъ ничего другого, кромѣ физической силы. Подымаясь постепенно все выше и выше по лѣстницѣ причинъ и послѣдствій и убѣдившись въ необходимости отвлеченныхъ и идеальныхъ началъ для достиженія ближайшихъ цѣлей, человѣкъ самъ перерождается, вынужденъ признать силу и власть нравственнаго міра и черезъ это возвышается на степень нравственнаго, психически развитого существа, которое ограничиваетъ себя, свои непосредственныя желанія, движенія, страсти, въ виду извѣстныхъ идей и началъ, оказавшихся, рядомъ опытовъ и наблюденій, болѣе надежными и вѣрными для достиженія извѣстныхъ цѣлей, чѣмъ непосредственные грубые факты.

Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, нарушаютъ, въ сознаніи человѣка, послѣдовательность развитія, связь прошедшаго съ настоящимъ и будущимъ. Чѣмъ дальше назадъ, къ началу, тѣмъ труднѣе было человѣку понимать и удерживать въ мысли преемство движенія, логику переходовъ отъ одной степени развитія къ другой. Даже современный человѣкъ, умудренный опытомъ и знаніемъ, съ трудомъ пробивается до настоящаго смысла событій сквозь эту тройную преграду превращеній, которыя вдобавокъ пересѣкаются и перепутываются въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ; каково же было прежде, особливо далеко назадъ, когда человѣкъ и не подозрѣвалъ многихъ условій своего существованія, теперь вполнѣ понятныхъ и сподручныхъ? Чѣмъ обширнѣе и точнѣе наши положительныя знанія, тѣмъ вѣрнѣе, ближе и сознательнѣе мы ставимъ гипотезу для объясненія непонятныхъ явленій, или для опредѣленія цѣли, къ которой должна быть направлена наша дѣятельность, и намѣчаемъ пути, которыми цѣль всего вѣрнѣе можетъ быть достигнута. Теперь человѣкъ идетъ къ ней сознательнѣе потому только, что нить мыслей ему яснѣе и понятнѣй. Но когда онъ мало или почти ничего не зналъ объ окружающемъ мірѣ и о самомъ себѣ, его гаданія не имѣли никакой точки опоры, кругъ ихъ не былъ ничѣмъ очерченъ, хотя бы приблизительно, и по-

тому не было конца его блужданіямъ. Чувствуя потребности, онъ, въ поискахъ за средствами для наилучшаго, наиболѣе удобнаго ихъ удовлетворенія, хватался за то или другое на удачу, не отдавая себѣ яснаго отчета почему. Свойство задачи тянуло его все дальше и дальше, въ міръ болѣе и болѣе сложныхъ фактовъ. Пріемы, заранѣе не разсчитанные, и случайный выборъ средствъ производили вовсе неожиданныя и непонятныя измѣненія условій, въ которыхъ онъ находился; измѣнившись вслѣдствіе того самъ, онъ все-таки оставался въ такой же неизвѣстности и безпомощности какъ сначала, потому что все ему было ново и ни въ чемъ онъ не могъ дать себѣ яснаго отчета.

Безконечно длинно и безсмысленно должно было быть такое слѣпое шатанье человѣка на удачу, отъ одного предположенія къ другому, отъ одной цѣли къ другой, пока наконецъ нѣкоторая опытность не дала ему кое-какихъ точекъ опоры въ его исканіяхъ. Нѣкоторая послѣдовательность въ мысляхъ и поступкахъ, какъ бы ни былъ ограниченъ ихъ кругъ, какъ бы ни были разрознены и отрывочны группы мыслей и дѣйствій, составляли въ свое время важный шагъ впередъ. Между этими рѣдкими завязями или узлами сначала не было и не могло быть послѣдовательности и единства, и весьма естественно, что человѣкъ терялся между ними. Теперь, обращаясь назадъ, мы яснѣе и яснѣе видимъ между этими завязями внутреннюю связь; а въ то время какъ онѣ появлялись, человѣкъ ея не подозрѣвалъ, и это очень понятно: иное дѣло прокладывать новый путь, иное дѣло сознавать и понимать пройденный.

Вотъ въ этомъ-то и должно, какъ мы думаемъ, искать объясненія періодическихъ колебаній исторіи, періодическаго повышенія и пониженія полноты личной жизни, возрастанія и упадка нравственныхъ силъ человѣка. Всякое міросозерцаніе, какъ бы оно ни было грубо или идеально, просто или сложно, есть результатъ умственной работы и тяжкаго жизненнаго опыта многихъ поколѣній, которыя добивались возможнаго благополучія. Всякое міросозерцаніе есть болѣе или менѣе связная группа воззрѣній, содержащихъ въ себѣ отвѣтъ на главнѣйшіе вопросы, которые задавалъ себѣ человѣкъ, стремясь къ благополучію. На такую группу воззрѣній онъ опирается и стоитъ твердо, пока отвѣтъ кажется ему удовлетворительнымъ. Но, продолжая тотъ же трудовой и тяжкій путь, онъ наталкивается на новые факты и новые вопросы, на которые въ его міросозерцаніи нѣтъ отвѣта. По мѣрѣ того, какъ такіе факты и вопросы ростутъ, умножаются, міросозерцаніе тускнѣетъ, меркнетъ и начинаетъ мало-по-малу разлагаться. До тѣхъ поръ, пока идетъ разложеніе, человѣкъ еще силенъ; его поддерживаетъ отрицаніе, въ мысли и на дѣлѣ, распадающейся группы воззрѣній. Но когда они уже пали, а новое міросозерцаніе еще не выработалось, человѣка беретъ тяжкое раздумье, горькое разочарованіе; онъ впадаетъ въ безсиліе, перестаетъ довѣрять какимъ бы то ни было идеаламъ и началамъ; тогда-то водворяется холодный, утонченный развратъ, съ его неизбѣжными спутниками—нравственнымъ и умственнымъ приниженіемъ лица.

Такъ смѣняются міросозерцанія. Законъ ихъ образованія и разложенія, со всѣми послѣдствіями, одинъ и тотъ же въ разныя эпохи. Оттого нельзя не замѣтить черты поразительнаго сходства между эпохами, отстоящими другъ отъ друга на тысячелѣтія. Вся разница только въ характерѣ и свойствахъ міросозерцаній, идущихъ на смѣну отжившимъ воззрѣніямъ, и въ томъ, какъ человѣкъ смотритъ на такія смѣны.

Въ началѣ, пока кругъ познаній и практической опытности весьма не великъ и человѣкъ еще бѣденъ общими взглядами и соображеніями, онъ не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ пути, который проходитъ, не знаетъ откуда идетъ и куда. Между тѣмъ, жизнь безпрестанно наталкиваетъ его на новые факты, совершенно ему неизвѣстные, открываетъ передъ нимъ все новыя, болѣе и болѣе отдаленныя и сложныя причины явленій, которыми надо такъ или иначе овладѣть; обстоятельства, посреди которыхъ онъ поставленъ и вынужденъ жить и дѣйствовать, безпрестанно измѣняются; самъ онъ, незамѣтно для самого себя, постепенно тоже измѣняется. Не умѣя найтись въ этомъ водоворотѣ, человѣкъ плыветъ вмѣстѣ съ потокомъ, который влечетъ его неудержимо. Не онъ создаетъ себѣ свое положеніе, а оно создается помимо него и тянетъ его впередъ, опредѣляетъ его дѣйствія и поступки, его соображенія и опыты. Естественно, что онъ самъ не знаетъ, какъ и почему создаются и распадаются его міросозерцанія. Они —

плодъ его дѣятельности, но онъ этого не понимаетъ, даже не подозрѣваетъ. Поэтому, новое міросозерцаніе, которое смѣняетъ прежнее, не представляется ему необходимымъ послѣдствіемъ предыдущаго и условіемъ последующаго, а чѣмъ-то самостоятельнымъ, отдѣльнымъ отъ него, не имѣющимъ никакой съ нимъ связи, явившимся неизвѣстно какъ и почему. Отвѣтъ на вопросъ, поставленный прежде, представляется явленіемъ совершенно неожиданнымъ и новымъ. Вотъ главная причина кажущейся безсвязности великихъ отдѣловъ всемірной исторіи, при дѣйствительной внутренней послѣдовательности проходящаго чрезъ нихъ развитія. Каждый его фазисъ, выражающійся въ извѣстномъ міросозерцаніи, кажется человѣку послѣднимъ словомъ мудрости. Онъ видитъ въ немъ не результатъ того, что̀ было прежде, а нѣчто совершенно новое, и держится за него какъ за безусловную истину, не подозрѣвая, что она только звено въ общемъ ходѣ развитія.

Видя такую непрерывающуюся смѣну міровоззрѣній, можно подумать, что она есть одинъ изъ непреложныхъ законовъ исторіи, что роду человѣческому суждено вѣчно переходить изъ одной фазы развитія въ другую, вѣчно искать благополучія, никогда его не достигая. Но различіе въ существѣ и характерѣ смѣняющихся міросозерцаній заставляетъ предполагать, что это не простой круговоротъ, а поступательное движеніе, имѣющее опредѣленную задачу, начало и конецъ.

До сихъ поръ, изучая міросозерцанія различныхъ періодовъ и народовъ, мы прежде и больше всего обращали вниманіе на то, что̀ въ этихъ воззрѣніяхъ прямо высказывается, оставляя въ сторонѣ, по крайней мѣрѣ не придавая особеннаго значенія той степени психическаго развитія, какую они предполагаютъ и при которой то или другое міросозерцаніе возможно. Однако именно эта сторона, какъ намъ кажется, гораздо важнѣе объективнаго смысла ученій и вѣрованій, достоинство котораго исключительно зависитъ отъ степени положительнаго знанія и только имъ можетъ быть правильно взвѣшено и оцѣнено. Напротивъ, фазисы психическаго развитія, опредѣляющіе характеръ и точку отправленія различныхъ міросозерцаній, даютъ намъ возможность глубже вглядѣться въ дѣло исторіи и подмѣтить общій законъ развитія человѣческаго рода, насколько это пока возможно.

Философіи востока, какъ признается всѣми, выражаютъ полнѣйшій квіетизмъ. Но что такое квіетизмъ, созерцательное отношеніе къ предмету? Въ психическомъ смыслѣ это то душевное состояніе, когда человѣкъ по возможности воздерживается отъ сношеній, столкновеній и борьбы съ внѣшнимъ, окружающимъ, и сосредоточенъ въ самомъ себѣ, когда всякая внѣшняя дѣятельность, внѣшнее творчество и создаваемыя ими формы представляются ему какъ посягательство на полноту, цѣльность внутренней, душевной жизни. Дѣятельное отношеніе къ внѣшнему міру, съ цѣлью заставить его служить себѣ, приладить его къ своимъ потребностямъ, считается, при такомъ психическомъ состояніи, ненормальнымъ, неестественнымъ, признается за нравственное паденіе человѣка, потому что всякая внѣшняя дѣятельность выводитъ его изъ себя наружу и вводитъ въ его идеалы внѣшніе предметы, черезъ что человѣкъ теряетъ чистоту, дѣвственность души, оскверняется матеріальными элементами. Оттого въ восточномъ міросозерцаніи нѣтъ движенія и развитія. Здѣсь человѣкъ дѣлаетъ завоеванія надъ внѣшнимъ міромъ только по необходимости, изъ нужды, а не изъ свободнаго стремленія дѣйствовать и творить, находить въ этомъ удовлетвореніе внутренней потребности и наслажденіе. Всѣ воззрѣнія восточныхъ народовъ, въ которыхъ выражается движеніе, превращенія, переходы изъ одного состоянія въ другое, суть космогоніи, осмысленіе дѣйствительныхъ фактовъ и явленій природы. Созерцаніе Брамы и погруженіе въ Нирвану обозначаютъ крайнія точки, начало и конецъ квіетизма. Въ первомъ онъ является какъ нормальное психическое состояніе; въ послѣднемъ слышится вопль отчаянія въ минуту совершеннаго разложенія и упадка этой первой ступени сознательной психической жизни.

Совсѣмъ другое психическое состояніе выражаетъ міросозерцаніе такъ-называемаго классическаго міра. Дѣятельное отношеніе къ природѣ и людямъ—вотъ его основная тема, вотъ струя, которая проходитъ чрезъ всѣ воззрѣнія грековъ и римлянъ. Оба народа проводятъ жизнь въ творчествѣ художественномъ, научномъ, общественномъ, теоретическомъ и практическомъ. Дѣятельность и творчество—ихъ нормальное психическое со-

стояніе; они опредѣляютъ смыслъ жизни грековъ и римлянъ. Оттого эти народы смотрятъ на формы ими создаваемыя не какъ на признакъ нравственнаго упадка, не какъ на нѣчто чуждое, грѣховное, по крайней мѣрѣ безразличное, а напротивъ какъ на важный, серьезный и радостный фактъ въ ихъ жизни, какъ на плодъ и награду трудовъ и усилій. Греки и римляне глубоко сознаютъ важную роль этихъ формъ въ человѣческой жизни и стараются выработать ихъ до возможнаго совершенства.

Слѣдовательно, движеніе, развитіе начинается собственно съ греко-римскаго міра. Здѣсь человѣкъ переходитъ изъ созерцательнаго состоянія, изъ пассивнаго и отрицательнаго отношенія къ окружающему въ дѣятельное, идетъ добровольно на борьбу, на трудъ и завоеванія въ окружающемъ мірѣ. Съ этой минуты онъ собственно начинаетъ сознательно, преднамѣренно прилаживать природу и общежитіе къ своимъ нуждамъ и желаніямъ, создаетъ и дѣятельно преслѣдуетъ идеалы счастія и благополучія.

Ставъ на этотъ путь, классическій міръ, во главѣ его греки, скоро поднялся до общихъ отвлеченныхъ началъ, научныхъ и нравственныхъ, теоретическихъ и практическихъ. Къ этому привела его необходимость. Общія начала выяснились сами собою, естественнымъ ходомъ развитія мысли и жизни, потому что безъ такихъ началъ нельзя было ни узнать причинъ и связи явленій природы, ни устроить общественный бытъ. Исторія греческой философіи есть живая картина того, какъ шагъ за шагомъ человѣкъ дорабатывался до общихъ началъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самъ развивался психически. Но чѣмъ далѣе впередъ, тѣмъ разумѣется отвлеченнѣе становились эти начала. Они все уходили въ даль и глубь и въ то же время все дальше и дальше расходились съ внѣшнимъ міромъ и съ первоначальной точкой отправленія,— съ непосредственными, ближайшими матеріальными нуждами. Центръ тяжести изъ внѣшняго міра сталъ постепенно переноситься въ психическій. Сократъ это чувствовалъ, Платонъ возвелъ въ систему. Нить, связующая внѣшній міръ съ міромъ идей и отвлеченностей, не была еще извѣстна, человѣкъ не понималъ еще пройденнаго пути. Оттого идеи и отвлеченности были сами по себѣ, дѣйствительность сама по себѣ. Сначала ихъ кое-какъ соединяли поэтическими, совершенно произвольными представленіями; но чѣмъ далѣе, тѣмъ бо́льшая открывалась между ними пропасть, и наконецъ они разошлись на неизмѣримое разстояніе и стали казаться двумя особыми мірами, не имѣющими между собою ничего общаго.

На этой степени развитія застигаетъ людей проповѣдь Евангелія. Христіанство—мы касаемся здѣсь только его историческаго значенія — окончательно разорвало всякую связь между внѣшнимъ, матеріальнымъ и идеальнымъ міромъ и совершенно перенесло центръ тяжести въ послѣдній. Суровыя, холодныя, бездушныя отвлеченности замѣнены любящимъ, безгранично-милосердымъ и долготерпѣливымъ Божествомъ, сострадательнымъ къ человѣку до самопожертвованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и для человѣка наступила пора обновленія. Психическая его сторона выдвинута на первый планъ и поставлена неизмѣримо выше его внѣшняго, матеріальнаго состоянія и благополучія. Душа сбросила съ себя пеленки, которыя ее тѣснили, и начала жить полною, самостоятельною жизнью. Идеалъ христіанина есть душевная жизнь, нравственное совершенство. Никогда, ни прежде, ни послѣ, не было вдругъ открыто столько самыхъ глубокихъ тайнъ психической жизни и движеній и нигдѣ онѣ не были выражены такъ ясно и просто. Въ исторіи это была минута дѣйствительнаго возрожденія человѣка къ новой жизни, небывалой, передъ которой всякая другая жизнь казалась блѣдной и жалкой.

Съ христіанствомъ апогея идеальнаго развитія была достигнута. Оно завершилось, и съ тѣхъ поръ началось обратное движеніе отъ идеальнаго міра къ внѣшнему, реальному. Съ одной стороны предстояло пересоздать дѣйствительность по христіанскому идеалу, очистить ее, поднять по возможности въ уровень съ новыми, идеальными требованіями; съ другой, необходимо было открыть научное основаніе евангельскихъ истинъ, формулировать ихъ по правиламъ строгой науки и такимъ образомъ, связавъ цѣпью причинъ и послѣдствій съ наглядными истинами, сдѣлать ихъ доступными не для однихъ вѣрующихъ, а достояніемъ науки и знанія. Эта двойная задача выпала на долю новыхъ европейскихъ народовъ.

Сначала духовный міръ, впервые открывшійся для человѣка съ христіанствомъ, сдѣлался предметомъ благочестиваго изслѣдо-

ванія. Вслѣдъ затѣмъ какъ церковь установила догматы и кодексъ вѣроученія, тогдашняя наука, при помощи средствъ, бывшихъ у нея подъ руками и выработанныхъ преимущественно древнимъ классическимъ міромъ, старалась обратить предметъ вѣры въ предметъ знанія, чтобъ водворить и утвердить евангельскія истины въ сердцахъ и умахъ тѣхъ, которые способны убѣждаться только аргументами разсудка.

Этотъ придатокъ къ христіанскому ученію мало-по-малу выросталъ, окрѣпалъ и со временемъ разросся въ особую отрасль знанія, которая отдѣлилась отъ вѣроученія и сдѣлалась самостоятельной наукой подъ названіемъ философіи. Задачей ея постепенно стало свободное, ничѣмъ нестѣсняемое изслѣдованіе основныхъ истинъ и началъ всего существующаго. Орудіемъ ей служили не вѣра или авторитетъ, а доводы, убѣдительные для ума.

Разъ сдѣлавшись самостоятельной наукой, философія, рано или поздно, должна была разложиться на свои составныя стихіи и обратиться, съ одной стороны, въ положительную науку о человѣкѣ, съ другой, въ такую же науку о природѣ. Это обусловливалось тѣмъ, что всѣ наши представленія и мысли имѣютъ своимъ источникомъ или человѣка или природу. Насколько человѣкъ составляетъ въ природѣ явленіе самостоятельное, живущее по своимъ особымъ законамъ, настолько онъ есть самостоятельный, особый отъ природы источникъ представленій и мыслей; слѣдовательно, все, что̀ мы знаемъ, сводится къ одному изъ этихъ двухъ источниковъ или къ обоимъ вмѣстѣ. Въ этихъ двухъ направленіяхъ и стала развиваться наука по выходѣ изъ среднихъ вѣковъ, съ которыми пала философія, составлявшая нѣчто среднее между вѣроученіемъ и наукой. Сначала противъ философіи возстали естественныя науки, въ лицѣ Бэкона, съ котораго начинается самостоятельное развитіе естествознанія. Позднѣе Локкъ и Кантъ положили основаніе такому же самостоятельному развитію науки о человѣкѣ, какъ объ источникѣ представленій и мыслей. Послѣдующія нѣмецкія философскія ученія, какъ мы уже замѣтили въ другомъ мѣстѣ, имѣютъ тоже лишь психологическій интересъ, и сквозь системы, которыя въ нихъ излагаются, сильно просвѣчиваетъ ихъ психологическая подкладка.

При такомъ ходѣ развитія знанія, основной, начальный фактъ, съ котораго пошла историческая жизнь новыхъ народовъ, былъ мало-помалу обойденъ и—забытъ. Животрепещущій интересъ личнаго существованія; личнаго совершенствованія, индивидуальнаго развитія, стушевался передъ интересомъ общихъ и отвлеченныхъ началъ и идей. Центръ тяжести перенесенъ мало-по-малу изъ человѣка на общество, государство и ихъ устройство. Таковъ естественный ходъ развитія мысли и знанія. Они имѣютъ дѣло не съ единичнымъ, а съ общимъ, отвлеченнымъ и безличнымъ; единичное, индивидуальное, личное изъ нихъ необходимо отодвигается на послѣдній планъ и выпадаетъ, а если и разсматривается, то тоже только въ общемъ, отвлеченномъ видѣ. Мысль вовсе не способна схватить личность какъ живое цѣлое. Все, что̀ попадаетъ подъ процессъ мышленія, непремѣнно разлагается на обобщенія и отвлеченія, которыя выражаютъ дѣйствительность, но разъятую, совсѣмъ въ другомъ видѣ, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ. Оттого мысль долго и считалась зломъ. Она представляетъ дѣйствительность не такою, какова она на самомъ дѣлѣ; она заслоняетъ индивидуальное, личное существованіе. Это свойство мышленія и его процессовъ подмѣчено не такъ давно; прежде человѣкъ не имѣлъ объ немъ понятія и потому отдавался мысли и ея результатамъ съ безграничнымъ довѣріемъ. Естественнымъ послѣдствіемъ этого было, что общія и отвлеченныя понятія и мысли признаны за существенное, а личное, индивидуальное, что̀ выпадаетъ изъ мысли—за неважное, несущественное, второстепенное.

Всего очевиднѣе и нагляднѣе выразилось это направленіе въ сферѣ практической дѣятельности. Христіанствомъ даны новыя основанія частной и общественной жизни, и древнее общество необходимо должно было перестроиться по новому идеалу человѣческихъ отношеній, потому что люди не могли жить долѣе въ условіяхъ, созданныхъ и выработанныхъ другимъ міросозерцаніемъ. Началась коренная ломка старыхъ формъ и замѣна ихъ новыми. Эта работа продолжается, съ перерывами и отдыхами, до-сихъ-поръ, но она исподоволь, незамѣтно, привела къ пренебреженію индивидуальностью, человѣческою личностью. Внѣшняя жизнь человѣка, обусловленная матеріальной обстановкой и сношеніями или столкновеніями

съ другими людьми, естественно подпадаетъ подъ дѣйствіе объективныхъ данныхъ и законовъ. Юридическій, общественный, политическій законъ, по существу своему, есть внѣшнее правило, которое опредѣляетъ, обязательнымъ для отдѣльныхъ лицъ образомъ, условія ихъ сожительства и ихъ взаимныхъ отношеній. Какъ общее правило, законъ есть средній терминъ между людьми, входящими въ составъ общества, и слѣдовательно не можетъ совпадать съ стремленіями, желаніями, побужденіями каждаго изъ этихъ лицъ въ отдѣльности. Чрезъ это общежитіе получаетъ самостоятельность, является обусловленнымъ не индивидуальною, личною жизнью каждаго лица въ отдѣльности, а потребностями или цѣлаго общества, или по крайней мѣрѣ значительнаго большинства людей, къ нему принадлежащихъ. Если прибавить къ этому, что общественныя условія не ограничиваются одними свойствами лицъ, входящихъ въ составъ общества или государства, но кромѣ того и другими данными, какъ, напримѣръ, территоріей и ея свойствами, особенностями сосѣднихъ народовъ и сношеніями съ ними, развитіемъ культуры и множествомъ другихъ обстоятельствъ, появляющихся случайно или выступающихъ вслѣдствіе законовъ развитія всякаго человѣческаго общества вообще и даннаго общества въ частности, то отсюда вытекаетъ совершенно естественно, что личная, индивидуальная жизнь съ одной стороны, и общія требованія и условія общежитія съ другой—не только могутъ, но и необходимо должны разойтись другъ отъ друга на большое разстояніе и составить интересы различные, нерѣдко противоположные другъ другу. Такъ и было. Перестройка общежитія сначала совершалась по идеаламъ, которые носилъ въ своей душѣ обновленный человѣкъ; но малу-по-малу интересы общественности отодвинули отдѣльнаго человѣка, личное существованіе, назадъ и заслонили его собою. Общіе законы и условія, опредѣляющіе общественный бытъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и единичную жизнь лицъ, принимающихъ въ немъ участіе, стали главнымъ существеннымъ интересомъ. Отдѣльныя личности стали разсматриваться съ общей точки зрѣнія, въ общемъ видѣ, обратились въ цифры бюджета, въ буквы алгебраическаго уравненія, въ матеріалъ, который помощью извѣстныхъ пріемовъ, можно выдѣлать въ любую форму. Вотъ почему, въ то время какъ общественный и государственный интересъ возростали и на публичную дѣятельность обращалось все вниманіе и всѣ силы, индивидуальная личная жизнь мало-по-малу была заброшена и утрачивала значеніе. Чѣмъ совершеннѣе формы общественности и государственности, тѣмъ, казалось бы, должна полнѣе, цѣльнѣе, краше, развиваться жизнь отдѣльнаго лица. Вышло наоборотъ: съ успѣхами общественной жизни, личности блѣднѣютъ и какъ будто постепенно вырождаются.

Въ наше время это противорѣчіе выступаетъ во всей его рѣзкости, хотя немногіе даютъ себѣ трудъ вдуматься хорошенько въ его причины. Наука выяснила до совершенной очевидности, что общія начала въ томъ видѣ, какъ они намъ доступны и какъ мы ихъ знаемъ, не имѣютъ реальнаго бытія внѣ насъ, что они, въ формѣ идей, мыслей, понятій—не иное что, какъ продукты психическихъ процессовъ, которые въ насъ совершаются; наука точно также доискалась и показала, что общественная жизнь, со всѣми ея разнообразными формами, въ концѣ концовъ, покоится на отдѣльныхъ личностяхъ, что онѣ составляютъ основаніе всякой общественности, и что исканіе отдѣльными лицами возможнаго благополучія и есть движущій нервъ общественнаго развитія. Такимъ образомъ, все указываетъ на то, что личность, индивидуальность есть первоначальная ячейка и міра мысли и міра общественности. Изъ этого бы слѣдовало, что она должна стоять на первомъ планѣ, занимать самое видное мѣсто, быть главнымъ предметомъ нашей заботливости, вниманія и участія. То, изъ чего выходитъ міръ мысли, тѣ единицы, изъ которыхъ слагается общежитіе, на которыя оно опирается, для которыхъ существуетъ, должны бы быть и центромъ и ключемъ всего. Но не то мы видимъ на дѣлѣ. Для насъ главное, существенное — не личность, не индивидуальность, а то, что̀ изъ нея выходитъ, что ею создается. Пока мы не побѣдимъ этого противорѣчія, до тѣхъ поръ все яснѣй будутъ выступать его неизбѣжныя, роковыя послѣдствія. Нравственная личность, оставаясь въ теперешнемъ пренебреженіи, будетъ болѣе и болѣе глохнуть; а по мѣрѣ оскудѣнія души мы меньше и меньше будемъ въ состояніи понимать, цѣнить и пользоваться тѣмъ, что̀

только въ ней имѣетъ свой корень и источникъ.

Мы уже смутно чувствуемъ, что стоимъ на ложномъ пути, но никакъ не можемъ выбиться на другой, лучшій. Отъ общихъ идей и началъ, отъ формъ общественной и политической жизни, нѣтъ, съ точки зрѣнія нашего времени, перехода къ нравственной личности, потому что въ сравненіи съ этими идеями, началами и формами каждое индивидуальное существованіе кажется случайнымъ, какъ безразличнымъ и случайнымъ кажется всякій единичный фактъ въ сравненіи съ общей идеей, подъ которую онъ подходитъ. Найти связь между ними, выяснить ея законы—вотъ задача, которую предстоитъ разрѣшить. Она конечно не послѣдняя, но ближайшая на очереди. Только когда этотъ узелъ будетъ распутанъ, окончательно сомкнутся въ нашемъ сознаніи концы общей цѣпи причинъ и ихъ дѣйствій, и послѣднее посредствующее звено, намъ пока неизвѣстное, будетъ найдено; лицо, блуждающее на-угадъ, пріобщится тогда сознательно къ общей жизни и не будетъ вянуть въ нынѣшнемъ нравственномъ отъ нея отчужденіи.

Какимъ же путемъ можетъ быть разрѣшена эта задача?

Ни идеализмъ, ни реализмъ, въ смыслѣ философскихъ доктринъ, не въ состояніи, какъ мы видѣли, совладать съ нею.

Идеализмъ, заступившій когда-то мѣсто метафизики, вращается исключительно въ сферѣ общихъ и отвлеченныхъ понятій, которыя только и признаетъ за дѣйствительно существующія. Отдѣльныя лица, индивидуальности, въ его глазахъ,—случайныя явленія; онъ, правда, умѣетъ „конструировать“ и личность и индивидуальность, но только въ общемъ видѣ, какъ общее понятіе. Оттого онъ не можетъ объяснить ни одной изъ идей, которыми обусловливается нравственная сторона и жизнь человѣка. Все, что̀ идеализмъ говоритъ о томъ, около чего вертится, на что̀ опирается, чѣмъ держится нравственная жизнь лица — о добрѣ и злѣ, правдѣ и неправдѣ, справедливости и т. п., сводится къ общимъ мѣстамъ, пустоту которыхъ онъ старается замаскировать діалектическими тонкостями; но сквозь нихъ легко разглядѣть его совершенное безсиліе справиться съ этими идеями. Многорѣчивый и ходульный, идеализмъ неспособенъ подойти къ субъективной, нравственной, духовной природѣ человѣка и дать что̀ ему всего нужнѣе,—какое-нибудь твердое нравственное убѣжденіе, какую-нибудь нравственную точку опоры.

Реализмъ, какъ теорія, точно также несостоятеленъ. Онъ только прикрывается аргументами естествознанія, а на самомъ дѣлѣ есть тоже философское ученіе, правильнѣе сказать, послѣднее слово философской точки зрѣнія. Для философскаго реализма, какъ для идеализма и метафизики, главное и существенное—не единичное, индивидуальное, а общее и отвлеченное, хотя онъ и воображаетъ, что имѣетъ дѣло непосредственно съ реальнымъ міромъ. Но всякая отвлеченность по природѣ своей безлична, и потому каждое воззрѣніе, какое бы ни носило названіе, если только оно полагаетъ всю силу въ общемъ и отвлеченномъ, непремѣнно, рано или поздно, приходитъ къ отрицанію самостоятельности и самодѣятельности лица, то-есть самаго основанія нравственной личности. Къ этому выводу и пришелъ идеализмъ, въ доктринѣ реалистовъ. Оба стоятъ на одной почвѣ и только по недоразумѣнію враждуютъ между собою. Реалисты съ философскимъ направленіемъ ставятъ человѣка на одну доску со всѣми прочими предметами внѣшняго міра, признавая за нимъ только бо̀льшія умственныя способности. Различнаго отъ животныхъ строя нравственной природы они въ немъ не предполагаютъ. При такомъ взглядѣ, нравственная личность разумѣется совершенно невозможна. Человѣкъ является не инымъ чѣмъ, какъ машиной, дѣйствующей непроизвольно, только вслѣдствіе толчковъ, получаемыхъ извнѣ, — машиной, которая дрессируется воспитаніемъ, законами, карами и наградами къ разнаго рода общественнымъ цѣлямъ. Реалисты крайне непослѣдовательны, и только благодаря этому ученіе ихъ держится. Проведи они свой взглядъ до конца, они отступились бы отъ нелѣпостей, которыя изъ него вытекаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ не есть прежде всего нравственная личность, то какой смыслъ могутъ имѣть всѣ гуманныя стремленія, всѣ великодушныя идеи—свобода, равенство, братство, отмѣна тѣлеснаго наказанія и смертной казни, скучныя и дорого стоющія заботы о призрѣніи старыхъ, неизлечимо-больныхъ, умственныхъ калѣкъ и уродовъ, вообще безпомощныхъ людей, обременяющихъ общество? Къ

чему эта погоня за миражами? Разсуждая послѣдовательно, гораздо разумнѣе и цѣлесообразнѣе истреблять безполезныхъ и вредныхъ людей; это и удобнѣе для остальныхъ, потому что освобождаетъ ихъ отъ тысячи заботъ и напрасныхъ тратъ. Нравственное воспитаніе — къ чему оно? Довольно, если человѣкъ будетъ выдрессированъ для будущихъ его занятій, если въ немъ будутъ развиты извѣстныя полезныя привычки, подавлены по возможности безполезныя или вредныя поползновенія; остальное додѣлаетъ общественная и практическая дрессировка.

Трудно представить себѣ человѣка безъ всякихъ задатковъ нравственной жизни, безъ всякихъ нравственныхъ убѣжденій, съ сознаніемъ, что каждое его дѣйствіе есть необходимый результатъ извѣстныхъ внѣшнихъ вліяній. Но допустимъ, что человѣкъ таковъ на самомъ дѣлѣ. Какая же должна быть его жизнь и поступки? Начать съ того, что всѣ его дѣйствія будутъ направлены только къ матеріальнымъ цѣлямъ, къ матеріальной пользѣ. Добромъ и зломъ будетъ для него только полезное и вредное въ матеріальномъ смыслѣ. Для другихъ человѣкъ будетъ дѣлать настолько, насколько это есть обмѣнъ услугъ, для обоюдной пользы или выгоды; а когда ничего такого въ виду нѣтъ, онъ будетъ совершенно равнодушенъ къ ближнему и при столкновеніи интересовъ не задумается предпочесть свои выгоды его пользамъ. Съ такой же точки зрѣнія онъ долженъ смотрѣть и на общественную пользу, общественную безопасность, благоустройство и свободу. Вообразимъ себѣ теперь общество такихъ эгоистовъ, одаренныхъ человѣческими способностями и соединенныхъ между собою только связями взаимныхъ выгодъ. Такое общество должно распасться, потому что разложеніе лежитъ въ самыхъ условіяхъ общежитія, основаннаго на такихъ началахъ. Нечего и говорить, что въ подобномъ обществѣ юридическій законъ долженъ быть главной, если не единственной оградой людей другъ отъ друга, и она конечно опредѣлится очень рѣзко и строго. Погруженный въ личные свои разсчеты, цѣли, интересы и удобства, человѣкъ будетъ соблюдать такой законъ, ограждающій его и другихъ, пока это ему выгодно; но если это ему невыгодно, то онъ будетъ его обходить или нарушать болѣе или менѣе тайно или явно, смотря по большей или меньшей надеждѣ на безнаказанность. Ничего похожаго на упреки совѣсти онъ конечно имѣть не можетъ, тѣмъ болѣе, что вѣдь всѣ его дѣйствія, какъ сказано, непроизвольныя; никакіе нравственные мотивы не заставятъ его честно исполнить свои обязанности и законы, когда представляется удобный случай ихъ обойти, отъ нихъ отыграться, если это полезно или выгодно. Какая надобность не обмануть, не украсть, не убить, когда все это можно сдѣлать безнаказанно? Правда, есть нѣкоторый рискъ попасться и поплатиться за то иной разъ даже головой; но на то и есть умъ и сообразительность, чтобы умѣть спрятать концы въ воду. Притомъ, гдѣ есть рискъ, тамъ есть и шансы, которые можно приблизительно разсчитать. И такъ, еслибы человѣкъ дѣйствительно не имѣлъ въ себѣ нравственныхъ элементовъ, то люди едва успѣли бы основать общежитіе, какъ оно тотчасъ же разложилось бы подъ дружными усиліями тѣхъ же самыхъ людей, которые его создали. Юридическій законъ, политическая форма, какъ бы они ни были совершенны, не могутъ держаться ни минуты, если люди, посреди которыхъ они дѣйствуютъ, не имѣютъ нравственныхъ убѣжденій. Въ обществахъ, гдѣ много такихъ людей, какими они представляются при послѣдовательномъ развитіи реалистическаго принципа, законъ и извѣстное политическое устройство держатся только преданіемъ и привычкой, выработанными изъ другихъ взглядовъ, но чрезъ нѣсколько поколѣній эти привычки и преданія, когда ихъ ничто не поддерживаетъ, должны разрушиться, а съ ними и самое общество.

Намъ возразятъ, что представленная картина общежитія вовсе не сходится со взглядами философскаго реализма; что серьезные послѣдователи этого направленія не имѣютъ, съ своей точки зрѣнія, никакихъ причинъ не признавать высшихъ, общихъ нравственныхъ условій организованнаго сожительства людей; что, напротивъ, именно имъ принадлежитъ заслуга положительнаго, научнаго объясненія этихъ условій и ихъ необходимости потребностями общежитія; что психологія и этика не въ состояніи дать какого-нибудь другого объясненія, болѣе правильнаго, удовлетворительнаго и точнаго.

Все это совершенно справедливо, но не объ этомъ рѣчь. Мы утверждаемъ, что философскій реализмъ противорѣчитъ самому себѣ, допуская высшія начала нравственности и устроеннаго общежитія. Человѣкъ безъ

психической самостоятельности и самодѣятельности неспособенъ подняться до этихъ началъ, въ немъ нѣтъ для этого никакихъ условій. Набросанная нами картина списана совсѣмъ не съ ученій философскаго реализма, которому она точно также не сочувственна, какъ и намъ: она изображаетъ только то, что̀ необходимо вытекаетъ изъ его предпосылокъ, — то, къ чему бы онъ пришелъ и самъ, еслибъ былъ послѣдователенъ въ своихъ заключеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если душа не есть самостоятельный и самодѣятельный организмъ, если всѣ психическія явленія не болѣе какъ непроизвольныя отправленія мозгового и нервнаго аппарата, вызываемыя одними внѣшними, матеріальными толчками и вліяніями, то какимъ образомъ могутъ въ человѣкѣ появиться какія бы то ни было общія понятія или начала, да и къ чему они ему? Муравьи и пчелы живутъ же въ организованномъ сожительствѣ въ силу неизвѣстнаго имъ закона и слѣпо ему повинуются, не имѣя никакихъ нравственныхъ и политическихъ убѣжденій и вовсе въ нихъ не нуждаясь. Но человѣкъ относится свободно и критически къ ближайшимъ и болѣе отдаленнымъ условіямъ своего быта, обсуждаетъ ихъ и передѣлываетъ, сообразно съ своими потребностями. Только вслѣдствіе такого мыслящаго, свободнаго и творческаго къ нимъ отношенія и возможно то разнообразіе взглядовъ и убѣжденій и та борьба изъ-за нихъ, которыми выясняется цѣлесообразность, полезность и необходимость однихъ нравственныхъ, политическихъ, общественныхъ началъ и условій, ненужность, вредъ и случайность другихъ. Человѣкъ потому только это и понимаетъ, что строеніе его психическаго организма дѣлаетъ его къ тому способнымъ; общія начала и условія потому только и имѣютъ для людей нравственный характеръ, что не составляютъ роковой необходимости и могутъ, при измѣнившихся обстоятельствахъ, измѣняться творческою самодѣятельностью человѣка. Вообразимъ себѣ общежитіе, составленное изъ людей безъ произвольной дѣятельности, съ однимъ лишь сознаніемъ. Что̀ будутъ сознавать такіе люди? Высшія начала и условія общественности и нравственности? Конечно нѣтъ, потому что они, какъ мы видѣли, продукты самостоятельной и самодѣятельной психической жизни, результатъ процессовъ психическаго организма, который претворяетъ матеріальныя и психическія впечатлѣнія и творчески, свободно, возсоздаетъ ихъ въ себѣ въ новыхъ формахъ и сочетаніяхъ. Человѣкъ, какимъ онъ является по выводамъ философскаго реализма, способенъ сознавать только непосредственно дѣйствующія на него внѣшнія вліянія и возбужденія и только имъ однимъ слѣдовать, имъ однимъ покоряться. Общія начала и условія организованнаго сожительства были бы для него внѣшнимъ закономъ, до смысла, значенія и необходимости, да и самаго существованія котораго человѣкъ не былъ бы въ состояніи возвыситься. Вслѣдствіе того, онъ и былъ бы такимъ, какимъ мы его представили и какимъ онъ дѣйствительно бываетъ въ періоды младенчества и упадка народовъ, — совершеннымъ эгоистомъ, безъ руководящихъ нравственныхъ и общественныхъ началъ, тайнымъ или явнымъ врагомъ устроеннаго общежитія, на которое смотрѣлъ бы только какъ на внѣшній законъ, обязательный для него до той лишь минуты, пока его нельзя обойти тѣмъ или другимъ способомъ. Повторяемъ: практическая цѣлесообразность, полезность и необходимость извѣстныхъ общихъ началъ и условій человѣческаго сожительства и нравственности не подлежатъ сомнѣнію, и реалисты совершенно правы, настаивая на этомъ, основывая на этомъ ихъ научное, положительное и точное объясненіе; только оно не имѣетъ ничего общаго съ ихъ исходной точкой зрѣнія, не вытекаетъ изъ нея, не оправдывается ею. Предметъ, который они изучаютъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ, по всѣмъ правиламъ точной науки, съ ихъ точки зрѣнія вовсе существовать не можетъ; онъ произвольно выхваченъ изъ области психологіи, потому что для человѣка безъ психической самостоятельности и самодѣятельности нѣтъ и не можетъ быть міра идей и нравственности, какъ ихъ нѣтъ у животныхъ.

Въ послѣднее время многіе, едва-ли не большинство мыслящихъ людей, ожидаютъ разрѣшенія задачи, поставленной исторіей, отъ успѣховъ естествознанія. Но не трудно предвидѣть, что надежды, возлагаемыя на естественныя науки, будутъ тоже обмануты. Естествознаніе, правда, выработало превосходный научный методъ; но оно останавливается именно тамъ, гдѣ начинается вопросъ о нравственной личности и не идетъ далѣе; далѣе говорятъ уже не естественныя науки, а философскій реализмъ. Естествознаніе, имѣя дѣло только съ природой и матеріальными

фактами, признаетъ за прочный, несомнѣнный результатъ только то, что̀, по тщательномъ изслѣдованіи, строго вытекаетъ изъ этихъ данныхъ. Естествовѣдѣніе, какъ наука положительная, берется за объясненіе психическихъ, внутреннихъ, духовныхъ явленій только въ той мѣрѣ, какъ они обнаруживаются во внѣшнихъ фактахъ, и показываетъ, какъ эти явленія преломляются въ матеріальной средѣ, подъ дѣйствіемъ матеріальныхъ условій и законовъ физической природы. Въ этой сферѣ заслуги естествознанія, особливо въ послѣднее время, огромны. Оно выяснило и безпрестанно болѣе и болѣе выясняетъ матеріальныя условія человѣческаго существованія и дѣятельности, играющія такую рѣшительную роль во всѣхъ явленіяхъ психической жизни, когда они переходятъ въ матеріальную среду. Но что̀ такое сама психическая жизнь, ея законы, явленія и процессы, — этого естествовѣдѣніе не касается и по свойству своей задачи, по матеріалу, надъ которымъ работаетъ, и не можетъ касаться. Это не его дѣло.

Одна только психологія, ставъ положительной наукой изъ философской, какою была до сихъ поръ, въ состояніи, изслѣдуя факты и явленія психической жизни при помощи точнаго научнаго метода, разрѣшить задачу, на которую не даютъ отвѣта ни современная философія, ни естествознаніе. Еще Локкъ и Кантъ пытались поставить ее на этотъ путь, но не довели начатаго ими великаго дѣла до конца. Ихъ критическія изслѣдованія остановились на полдорогѣ. Надо ихъ довершить, и тогда человѣкъ снова выйдетъ на торный путь, съ котораго сбился.

Психологія изслѣдуетъ идеи и человѣческую дѣятельность въ самыхъ источникахъ, гдѣ они зарождаются. До сихъ поръ наука указала только матеріалъ, изъ котораго слагается мысль и дѣятельность; но при какихъ условіяхъ, по какимъ законамъ этотъ матеріалъ выработывается въ мысли, въ идеи, въ соціальныя формы и принципы, — на это мы либо мало обращаемъ вниманія, либо смотримъ односторонне и ошибочно. Фактъ намъ извѣстенъ, но мы не знаемъ, какъ онъ совершается. Вотъ гдѣ и начинается задача психологіи. Она раскрываетъ невидимую дѣятельность души, проникаетъ въ тайны камеръ-обскуры, чрезъ которую проходятъ всѣ факты и явленія, преобразуясь въ идеи и начала. Этимъ она и идетъ на смѣну философіи, которая останавливается на общихъ и отвлеченныхъ идеяхъ и началахъ, не будучи въ состояніи изслѣдовать далѣе. Психологія проникаетъ глубже въ данныя, которыя изучаетъ философія; она анализируетъ ихъ, показываетъ какъ они образовались, потому что видитъ въ нихъ продукты психическихъ процессовъ и отправленій, и объясняетъ, какимъ образомъ, по какимъ законамъ, эти продукты возникли. Обѣ, и философія и психологія, занимаются разрѣшеніемъ одной и той же задачи, но подходятъ къ ней съ противоположныхъ сторонъ. Предметъ философіи — продукты душевной жизни, какъ объективныя данныя; предметъ психологіи — способы и законы происхожденія этихъ продуктовъ. Она объясняетъ общія и отвлеченныя понятія и начала психическою жизнью и процессами. Философія, согласно съ своимъ взглядомъ на предметъ, пытается, но тщетно, доискаться до нравственной личности, потому что беретъ за точку отправленія міръ идей и отвлеченностей, какъ первоначальное данное, не подлежащее дальнѣйшему анализу. Психологія, напротивъ, разсматривая ихъ какъ психическіе продукты, старается объяснить самый процессъ ихъ происхожденія въ человѣческой душѣ и тѣмъ возвращаетъ ей первенствующее, центральное мѣсто въ дѣйствительномъ мірѣ, которое принадлежитъ ей по праву; ибо если идеи и начала не что̀ иное, какъ сознательные или безсознательные продукты психической жизни, то они, разумѣется, теряютъ то безусловное объективное значеніе, которое старалась имъ придать философія, и центръ тяжести естественно долженъ быть перенесенъ въ ту среду, въ которой они перерабатываются въ идеальную форму.

Становя насъ совсѣмъ на другую точку зрѣнія, недоступную для философіи, психологія, и только она одна, объясняетъ удовлетворительнымъ образомъ существо идей, обобщеній, отвлеченностей и ихъ отношенія къ дѣйствительности. Міръ идей, мыслей, дѣйствительно существуетъ, но особеннымъ образомъ, идеально, психически, а не реально. Мысли, начала—не исключительно личныя, субъективныя явленія, не свободныя творческія созданія человѣка, потому что представляютъ собою продукты психической переработки даннаго матеріала, которая совершается извѣстнымъ правильнымъ образомъ, по опредѣленнымъ зако-

намъ. Въ этомъ смыслѣ невозможно отрицать у міра идей, обобщеній и отвлеченностей своего рода объективности. Всего осязательнѣе она въ понятіяхъ и представленіяхъ о реальныхъ предметахъ. Но въ то же время нельзя, не впадая въ грубыя ошибки, видѣть въ идеяхъ, обобщеніяхъ и отвлеченностяхъ не болѣе, какъ психическую обработку однихъ матеріальныхъ внѣшнихъ явленій, сводить весь міръ идей и началъ на психическое выраженіе только матеріальныхъ данныхъ и повѣрять первыя исключительно только послѣдними,—нельзя потому, что идеи, мысли, начала вырабатываются не изъ однѣхъ матеріальныхъ, а также и изъ психическихъ данныхъ, которыя точно такимъ же образомъ, какъ и матеріальныя, проходятъ чрезъ психическіе процессы.

Это обстоятельство, именно что идеи, мысли, начала только особая форма, особый видъ существованія матеріальныхъ и психическихъ фактовъ, показываетъ, какъ ошибалась философія, отыскивая въ идеяхъ, мысляхъ, началахъ, безотносительную, безусловную истину. Въ самомъ дѣлѣ, если они представляютъ дѣйствительные — реальные или психическіе — факты въ психической обработкѣ, то ихъ истинность далеко не безусловная, а такая же положительная, какъ и всякой научной истины, то-есть опредѣляется ихъ соотвѣтствіемъ или несоотвѣтствіемъ тѣмъ фактамъ, которые въ нихъ являются въ психической обработкѣ. Когда начало, мысль, идея вполнѣ соотвѣтствуютъ всѣмъ фактамъ, къ которымъ относятся, то они истинны, но не безусловно, потому что съ перемѣною фактовъ и они должны измѣниться. Если даже всѣ безъ изъятія факты, опредѣляющіе предметъ, приняты въ соображеніе при образованіи идеи, мысли, начала, то въ такомъ случаѣ послѣдніе все же не станутъ, вслѣдствіе того, безусловными истинами, потому что они обусловлены положительными данными, суть не что иное, какъ психическое выраженіе, психическая форма ихъ существованія. Зная матеріалъ, изъ котораго они образовались, зная психическіе процессы, которыми они выработаны, мы относимся къ нимъ какъ къ положительнымъ даннымъ, происхожденіе которыхъ намъ извѣстно или можетъ быть узнано.

Такой взглядъ упраздняетъ воображаемую противоположность между идеями и дѣйствительностью, не впадая въ ошибки матеріалистовъ и идеалистовъ, отрицавшихъ или идеальный, или реальный міръ. Психологія объясняетъ ихъ взаимныя отношенія, и проводя между ними точную границу, надъ чѣмъ напрасно трудилась философія, возстановляетъ въ нашемъ сознаніи утраченную связь причинъ и послѣдствій между идеальнымъ и реальнымъ міромъ, которые на самомъ дѣлѣ составляютъ вмѣстѣ одно органическое цѣлое. Вотъ почему одни психологическія изслѣдованія, веденныя строго-научнымъ образомъ, могутъ окончательно рѣшить запутанный споръ идеализма съ реализмомъ и возвратить каждому изъ нихъ принадлежащее ему мѣсто и значеніе.

Пойдемъ теперь далѣе. Если то, что мы считаемъ за объективный реальный и за такой же объективный идеальный міръ, есть на самомъ дѣлѣ продуктъ психической переработки фактовъ внѣшней природы и нашей душевной жизни, то объективность того и другого міра есть только относительная и существенно зависитъ отъ среды, въ которой совершается переработка тѣхъ и другихъ фактовъ. Идеалъ объективности есть полное, совершенное соотвѣтствіе дѣйствительныхъ фактовъ съ тою формою, какую они получаютъ, пройдя чрезъ психическій процессъ мышленія. Изъ-за такого полнаго соотвѣтствія люди бьются отъ начала исторіи, безпрестанно къ нему приближаясь и никогда его не достигая. Если оно когда-нибудь и будетъ достигнуто, то все-таки человѣкъ будетъ обладать только совершенно вѣрнымъ противнемъ дѣйствительнаго міра, но никакъ не самою дѣйствительностью непосредственно, какъ это ему думается. Происходитъ же это отъ того, что и міръ идеальный и міръ реальный, какими мы ихъ знаемъ, слагаются, съ одной стороны, изъ элементовъ чисто объективныхъ, а съ другой—изъ того, что мы отъ себя къ нимъ привносимъ. Постепенное различеніе того и другого, бо̀льшее и бо̀льшее умѣнье распознавать ихъ и обозначаетъ успѣхи науки и знанія. Но уже изъ этого видно, что оба міра, и реальный и идеальный, какъ мы ихъ знаемъ, не имѣютъ и не могутъ имѣть для насъ ничего законченнаго и безпрестанно измѣняются по мѣрѣ того, какъ измѣняемся мы сами.

Этотъ психологическій выводъ, подтвер-

ждаемый всѣмъ разитіемъ науки и дѣйствительной жизни, коренньмъ образомъ измѣняетъ взглядъ на отношенія человѣка къ окружающему и къ самому себѣ. Матеріальная природа и міръ идей, не имѣя, въ томъ видѣ. какъ они ему представляются, ничего неизмѣннаго и непреложнаго, не могутъ имѣть и того характера роковой необходимости, который приписывается, первой—реалистами, второму—идеалистами. И реальный и психическій міръ мы знаемъ только въ психической обдѣлкѣ, въ тѣхъ сочетаніяхъ, какія они имѣютъ въ нашей душѣ, и только по недоразумѣнію и незнанію приписываются самой объективной дѣйствительности, считаются ея принадлежностью. Эти сочетанія на самомъ дѣлѣ принадлежатъ намъ, и потому могутъ нами самими измѣняться, и, какъ мы знаемъ, дѣйствительно измѣняются съ успѣхами знанія и практической опытности.

Такимъ образомъ, психологія устраняетъ одинъ изъ призраковъ, парализующихъ дѣятельность человѣка,—призракъ исключительнаго господства роковой необходимости, фатализма, судьбы, которая будто бы дѣлаетъ тщетными всѣ наши усилія расположить факты и условія, направить обстоятельства такъ, какъ бы намъ хотѣлось. Необходимость въ смыслѣ неизмѣнной связи причинъ и ихъ послѣдствій есть основной законъ всего существующаго. Въ объективномъ смыслѣ нѣтъ ни случайности, ни произвола; самая энергическая воля не въ силахъ измѣнить законовъ матеріальной или психической природы. Съ этой точки зрѣнія, конечно, можно доказывать, что роковая необходимость исключительно и неограниченно царитъ въ мірѣ. Но, останавливаясь на этомъ выводѣ и отрицая произвольность и случайность, мы, сами того не замѣчая, уходимъ изъ міра дѣйствительныхъ фактовъ въ міръ отвлеченностей и застрѣваемъ въ немъ. Въ дѣйствительности данныя условія безспорно являются роковыми причинами явленій и фактовъ; но сочетанія условій безпрестанно измѣняются, а съ тѣмъ вмѣстѣ измѣняются и ихъ необходимыя, роковыя послѣдствія. Данныя причины не успѣли еще произвести то, что̀ необходимо должно было отъ нихъ произойти, какъ онѣ уже видоизмѣнились, вслѣдствіе измѣненія сочетанія условій. Сочетанія же образуются различнымъ образомъ. Они составляютъ или прямой, необходимый результатъ цѣлаго ряда или цѣпи причинъ и ихъ послѣдствій, или результатъ взаимнаго пересѣченія и столкновенія такихъ рядовъ, или, наконецъ, послѣдствіе преднамѣренной группировки условій. Въ первомъ случаѣ мы называемъ явленіе, составляющее необходимое послѣдствіе данныхъ условій, необходимымъ, во второмъ—случайнымъ, въ третьемъ—произвольнымъ, хоть оно и въ первомъ и во второмъ и въ третьемъ случаѣ есть непремѣнно роковое послѣдствіе данныхъ условій и слѣдовательно необходимо. Если земля, по законамъ механики, вертится и около солнца и на своей оси, то періодическая смѣна дня и ночи есть явленіе необходимое, роковое. Если въ то время, когда я сплю, на меня обрушится потолокъ, мы назовемъ такое явленіе случайнымъ; однако, на самомъ дѣлѣ и оно есть тоже необходимое, роковое послѣдствіе данныхъ условій; называемъ же мы его случайнымъ только потому, что оно произошло вслѣдствіе взаимнаго столкновенія двухъ различныхъ рядовъ причинъ и послѣдствій, которое и произвело новое, третье сочетаніе условій, съ его необходимыми послѣдствіями; наконецъ, если я, по задуманному плану, построю домъ, то этотъ домъ будетъ фактомъ произвольнымъ, хотя очевидно, что онъ могъ быть выстроенъ только при извѣстномъ сопоставленіи условій, дѣйствующихъ, какъ всегда, необходимымъ образомъ.

Итакъ, необходимость исключаетъ произвольность и случайность только въ отвлеченномъ смыслѣ; въ дѣйствительности они существуютъ рядомъ, не мѣшая другъ другу, потому что въ ней на первомъ планѣ не отвлеченія и обобщенія, а единичные факты и ихъ взаимныя единичныя отношенія. Но эти факты и отношенія, пройдя чрезъ процессъ мышленія, отпадаютъ.

Человѣкъ имѣетъ дѣло только съ сочетаніями условій. Онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ разложеніи однихъ изъ нихъ, въ образованіи новыхъ и въ этомъ смыслѣ самъ творитъ необходимость и судьбу. Тайна произвольныхъ дѣйствій состоитъ вовсе не въ невозможной и немыслимой отмѣнѣ законовъ природы, матеріальной или психической, а только въ разложеніи и сочетаніи условій, которыя необходимо, роковымъ образомъ, производятъ извѣстныя матеріальныя или психическія явленія и факты. Большимъ или меньшимъ знаніемъ и пониманіемъ за-

коновъ такихъ сочетаній и ихъ послѣдствій, бо̀льшимъ или меньшимъ искусствомъ и умѣньемъ разлагать и составлять такія сочетанія и опредѣляется степень культуры. Чѣмъ человѣкъ менѣе развитъ, чѣмъ менѣе въ немъ выработаны психическіе элементы, тѣмъ онъ болѣе зависитъ отъ данныхъ сочетаній условій, тѣмъ пассивнѣе къ нимъ относится; но по мѣрѣ того, какъ психическая жизнь въ немъ развивается, онъ относится къ нимъ все самостоятельнѣе и самодѣятельнѣе, замѣняя ихъ своими, произвольными, и тѣмъ устраняя одни явленія, вызывая другія, ему нужныя и желательныя. Предѣлы такого творчества человѣка конечно существуютъ, но мы до сихъ поръ ихъ не знаемъ; по мѣрѣ его развитія они отодвигаются все далѣе и далѣе.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что все, что̀ насъ окружаетъ, не есть произведеніе одной роковой необходимости или случайности, а вмѣстѣ, и въ значительной степени, плодъ нашей произвольной и свободной дѣятельности. Человѣкъ преобразуетъ природу, общественную и психическую жизнь, не отступая ни на іоту отъ законовъ, которыхъ измѣнить не властенъ. Исторія каждаго человѣка, народа и всего рода человѣческаго есть постепенное накопленіе и наслоеніе сочетаній условій необходимыхъ, случайныхъ и произвольныхъ, съ возрастающимъ, болѣе и болѣе успѣшнымъ стремленіемъ упразднить или по крайней мѣрѣ уменьшить число или хоть ослабить дѣйствіе сочетаній, образовавшихся помимо участія человѣка, необходимыхъ и случайныхъ, и наоборотъ, создавать, умножать и упрочивать произвольныя, образованныя имъ самимъ. Одно незнаніе и непониманіе смысла исторіи и вообще хода человѣческихъ дѣлъ могли внушить ложную мысль, будто все то, что̀ совершается, такъ и должно было совершиться и иначе не могло быть. Преклоненіе передъ совершившимся фактомъ, передъ торжествующей силой, бываетъ очень часто полезно и даже справедливо практически, въ виду данныхъ обстоятельствъ; но оно совершенно ошибочно теоретически и, какъ общій принципъ, не выдерживаетъ критики. Дѣятельное участіе человѣка въ ходѣ исторіи, въ развитіи общественности, отнимаетъ у нихъ характеръ безусловной необходимости, значеніе механическаго процесса. Человѣкъ всюду вноситъ свои сочетанія данныхъ и условій, которыя измѣняютъ положеніе дѣлъ. Изъ тысячи возможныхъ сочетаній онъ выбираетъ то или другое, которое не всегда непремѣнно бываетъ самое лучшее и наиболѣе пригодное для достиженія извѣстной, желаемой цѣли. Потому-то дѣятельность человѣка и подлежитъ суду, и вопросъ, что̀ было бы, еслибъ историческіе дѣятели поступили такъ, а не иначе, совсѣмъ не такъ суетенъ и безплоденъ, какъ въ наше время привыкли думать. Наука, рано или поздно, должна признать за историческими дѣятелями личную иниціативу, ихъ способность и право вводить въ дѣйствительность новыя сочетанія условій и данныхъ, какъ это давно уже признается за людьми въ ежедневной жизни простымъ здравымъ смысломъ и общимъ сознаніемъ.

Но не однѣ историческія фигуры, крупныя историческія личности дѣятельно участвуютъ въ исторіи, въ судьбахъ обществъ и человѣческаго рода. По тому же закону, который мы старались объяснить, и на томъ же самомъ основаніи, въ нихъ вноситъ свой вкладъ каждый человѣкъ, какъ бы ни была незамѣтна его дѣятельность, какъ бы ни было микроскопически-мало то, что̀ онъ творитъ въ своей сферѣ. Изъ этихъ невидимыхъ крупинокъ слагаются тѣ направленія и настроенія общественной жизни, тѣ стремленія, которыя въ данную минуту, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, обращаются въ неудержимую силу и опредѣляютъ судьбы народовъ и исторіи. Въ этомъ смыслѣ каждый человѣкъ, какъ бы ни было скромно и низменно его общественное положеніе, работаетъ, сознательно или безсознательно, для общаго дѣла, есть дѣятель исторіи и развитія. Мы обманываемъ себя, думая, что идеи двигаютъ и творятъ исторію; ее творятъ люди, человѣческія единицы, которыхъ трудъ и работа, въ ихъ результатахъ, слагаются въ условія исторической жизни. Идеи только выражаютъ эти условія; онѣ потому только тогда и бываютъ сильны, когда условія служатъ имъ могучей подкладкой. Оттого-то однѣ и тѣ же идеи сегодня—великіе двигатели, завтра—пустыя фразы.

Въ непрестанномъ дѣятельномъ участіи каждаго человѣка въ судьбахъ обществъ и всего человѣческаго рода и коренятся тѣ великія нравственныя начала, которыя сопровождаютъ его отъ колыбели чрезъ всю исторію, то затемняясь и тускнѣя, то снова освѣщая и поддерживая его на трудо-

вомъ пути съ удвоенной силой, яркостью и убѣдительностью. Люди вѣрили, вѣрятъ и всегда будутъ твердо вѣрить, что никакое преступленіе, совершаемое отдѣльнымъ лицомъ или цѣлымъ народомъ, не избѣгнетъ, рано или поздно, заслуженной кары, хотя бы въ лицѣ потомковъ и послѣдующихъ поколѣній; что зло, неправда когда-нибудь упразднятся, и добро, правда, истина будутъ безраздѣльно царить въ человѣческихъ обществахъ. Психологія даетъ возможность объяснить эти вѣрованія, на которыя мы теперь смотримъ свысока, какъ на ребяческія мечты. Съ психологической точки зрѣнія вся исторія есть непрерывающійся рядъ попытокъ и усилій людей какъ можно лучше приладить внѣшнюю природу, условія и формы общежитія и наконецъ самихъ себя къ своимъ потребностямъ, нуждамъ и желаніямъ. Историческое развитіе есть не что иное, какъ безустанная критика сдѣланныхъ съ этою цѣлью попытокъ и усилій и безустанная замѣна сдѣланнаго новымъ, болѣе удовлетворительнымъ, если и не на самомъ дѣлѣ, то по намѣренію и мысли людей. Плодъ этой работы многихъ вѣковъ и тысячелѣтій выражается въ послѣдовательной замѣнѣ данныхъ сочетаній матеріальныхъ и психическихъ фактовъ и общественныхъ формъ другими. Однажды сгруппированные извѣстнымъ образомъ, эти факты и формы дѣйствуютъ уже по объективнымъ законамъ и вслѣдствіе того сами собою измѣняютъ множество другихъ сочетаній и группъ, помимо предвидѣнія и воли человѣка, какъ выстрѣлъ, пущенный по нашей волѣ, летитъ по законамъ физики, независимо отъ нашихъ намѣреній и желаній. „Логика фактовъ", какъ ее назвали недавно, вызванная толчкомъ, идущимъ отъ насъ, перетрогиваетъ и видоизмѣняетъ цѣлые ряды сочетаній и группъ, находящихся или въ прямой, или въ болѣе или менѣе отдаленной связи съ тѣмъ сочетаніемъ или группою условій, которую мы измѣнили по своему усмотрѣнію. Вотъ почему каждое наше дѣйствіе, какъ бы оно ни было, повидимому, незначительно, передается всей сомкнутой цѣпи причинъ и послѣдствій и производитъ болѣе или менѣе важныя измѣненія въ данныхъ сочетаніяхъ и группахъ фактовъ и формъ; а такъ какъ эти сочетанія и группы обусловливаютъ бытъ людей, такъ какъ множество ихъ придуманы и созданы людьми для удовлетворенія извѣстныхъ ихъ потребностей и желаній, то каждое измѣненіе данной группировки, произведенное однимъ человѣкомъ, болѣе или менѣе отзывается на всѣхъ остальныхъ. Отсюда и вытекаетъ, что все что нами дѣлается во вредъ другимъ, осуждено рано или поздно, на разрушеніе. Малѣйшій нарушенный интересъ, если только онъ самъ не составляетъ нарушенія интересовъ, пользъ и выгодъ другихъ, мститъ за себя, рождая, рано или поздно, ненормальныя, болѣзненныя явленія въ общежитіи и потребность устранить ихъ причину, т.-е. ту группу, то сочетаніе фактовъ, которое производитъ эти явленія. Далѣе: развитіе общественности есть послѣдовательный рядъ попытокъ пріискать такія сочетанія общественныхъ формъ, при которыхъ нужды требованія и интересы всѣхъ и каждаго, отъ мала до велика, были бы удовлетворены. Таковъ идеалъ, къ которому неудержимо сремится родъ человѣческій, постепенно къ нему приближаясь и никогда его вполнѣ не достигая. Къ нему, волей-неволей, прилаживаетъ человѣкъ свои личныя, индивидуальныя стремленія, цѣли и идеалы, отбрасывая одни, создавая другіе и перерождаясь постепенно съ измѣняющимися условіями общественности и каждаго отдѣльнаго лица, вслѣдствіе котораго оба измѣняются, и объясняетъ, почему въ будущемъ люди предугадываютъ полное соотвѣтствіе и равновѣсіе обоихъ элементовъ, наступленіе вожделѣнной минуты, когда и общежитіе и каждое отдѣльное лицо совершенно приладятся другъ къ другу. Конечно и на этомъ пути возможно только безпрестанное приближеніе къ идеалу. Идеалъ, какъ обобщеніе и отвлеченность, только указываетъ цѣль и освѣщаетъ путь.

Высказанныя мысли требуютъ еще многихъ разъясненій. Но мы здѣсь остановимся. Подробное разсмотрѣніе и изслѣдованіе нравственныхъ началъ, съ положительной точки зрѣнія есть задача не психологіи, а этики, столько же заваленной разнымъ хламомъ и ветошью, какъ и психологія. Мы коснулись ученія о нравственности только для того, чтобъ на нѣсколькихъ примѣрахъ показать, какую важную роль правильное объясненіе психической жизни играетъ въ разрѣшеніи сложныхъ вопросовъ этики. Мы убѣждены, что только въ психологіи, возведенной на степень положительной науки, разработанной при помощи положительнаго научнаго метода, можно отнынѣ найти прочныя основа-

нія ученія о нравственности, которыхъ не въ состояніи дать ни современные философскіе взгляды, исключающіе самую возможность этики, ни метафизика и идеализмъ, отрѣзавшіе себѣ всякій переходъ къ индивидуальной человѣческой личности. Важность предмета едва ли кто рѣшится оспаривать. особливо въ настоящее время. Ученіе о нравственности держится на преданіи, которое однако видимо слабѣетъ. Что̀ станется съ личнымъ существованіемъ, когда оно совсѣмъ потеряетъ силу? Человѣкъ, составляющій исходный пунктъ, начальную клѣтчатку общественности, лишится тогда всякой точки опоры въ своей дѣятельности; а между тѣмъ, судя по ходу вещей, исторія повидимому снова приближается къ одной изъ тѣхъ заключительныхъ фразъ цѣлыхъ періодовъ, когда, какъ было уже нѣсколько разъ, лицо болѣе и болѣе обособляется, выдвигается впередъ и становится главнымъ опредѣляющимъ элементомъ общественности. Въ такую минуту въ немъ должны быть сосредоточены всѣ тѣ силы, которыя еще не такъ давно распредѣлялись между многими, исторически-данными элементами общежитія. Требованія отъ отдѣльнаго человѣка, сообразно съ тѣмъ, съ каждымъ днемъ становятся больше и серьезнѣе, а онъ болѣе чѣмъ когда-нибудь разслабленъ и пустъ. Инстинктивно чувствуя эту разладицу, мы боимся взглянуть ей прямо въ глаза и то прячемся за прошедшее, то съ слѣпой вѣрой спѣшимъ къ будущему, усиливаясь остановить или ускорить ходъ исторіи, ея вѣчное разложеніе и созиданіе. Но оставаясь при нашей путаницѣ мыслей, при тѣхъ глубокихъ внутреннихъ противорѣчіяхъ, которыя при малѣйшемъ вниманіи такъ рѣзко бросаются въ глаза, мы ничего не выиграемъ отъ замедленія или ускоренія хода исторіи. Надо перестать убаюкивать себя фразами, которымъ мы сами больше не вѣримъ, искренно и строго провѣрить наши взгляды и доискаться, путемъ науки и положительнаго знанія, до причинъ нашей нравственной скудности, при огромномъ умственномъ богатствѣ. Такое изслѣдованіе приведетъ насъ къ психологіи, потому что въ нашей душѣ, въ ея жизни и отправленіяхъ, скрываются источники нашихъ радостей и печалей, истины и лжи, добра и зла, правды и неправды.

Если міру суждено быть обновленнымъ, то это можетъ совершиться изнутри насъ. Безъ участія нравственныхъ психическихъ элементовъ и дѣятельности немыслимо никакое обновленіе. Съ какимъ-то ребяческимъ самодовольствомъ любуемся мы накопленными богатствами знанія и опытности, наивно воображая, будто они способны и безъ нашихъ усилій, сами собою, пересоздать міръ и насъ самихъ. Вѣра во всемогущество формъ смѣнила въ наше время вѣру во всемогущество идей, надъ которыми мы смѣемся, и въ восточный фатализмъ, который презираемъ. Но далеко ли мы отъ него ушли? Приписывая творческую силу какимъ бы то ни было формамъ, или идеямъ, иль судьбѣ, мы одинаково остаемся при томъ же, только мѣняемъ его названія. Но данныя условія и обстановка—результатъ личнаго почина произвольной и свободной дѣятельности многаго множества людей; жившихъ до насъ или нашихъ современниковъ. Мы всегда обусловлены фактами, выработанными и сгруппированными въ данныя формы трудами многихъ поколѣній. Это полученное нами наслѣдство не пойдетъ намъ въ прокъ или будетъ тяготить насъ, если мы не приложимъ своихъ рукъ, чтобы приладить его къ нашимъ измѣнившимся нуждамъ и потребностямъ; а какъ это возможно, если мы неспособны самостоятельно, самодѣятельно, творчески отнестись къ тому, что̀ насъ окружаетъ? Значитъ, только въ насъ самихъ могутъ заключаться условія для измѣненія нашей обстановки сообразно нашимъ желаніямъ. Условія эти, какъ мы видѣли, психическаго свойства. Самыя отвлеченныя нравственныя начала, неимѣющія повидимому ничего общаго съ ежедневною будничною дѣйствительностью, при ближайшей критической повѣркѣ оказываются средствами, придуманными для достиженія ближайшихъ практическихъ цѣлей: сто̀итъ только пристальнѣе вглядѣться въ связь причинъ и дѣйствій и прослѣдить ихъ цѣпь до конца, не останавливаясь на полдорогѣ, какъ мы обыкновенно дѣлаемъ. Какъ эти нравственныя начала, такъ и вообще всякое наше знаніе, къ какой бы сферѣ оно ни относилось—матеріальной, общественной или психической—только расширяютъ кругъ нашей самодѣятельности и творчества, въ которыхъ собственно заключается разгадка всѣхъ тайнъ человѣческой души и весь смыслъ человѣческой жизни.

(Вѣстникъ Европы, 1872, кн. I—IV, и отдѣльно, Спб., 1872, стр. VIII+238.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КРИТИКА.

I.

Письма въ редакцію „Вѣстника Европы“ по поводу „Замѣчаній“ и вопросовъ профессора Сѣченова.

I.

Между всѣми критиками и рецензентами моей книги „Задачи Психологіи“ первое мѣсто по авторитету въ научномъ мірѣ безспорно принадлежитъ профессору Сѣченову [1]). Притомъ же онъ отнесся съ особеннымъ интересомъ къ возбужденнымъ психологическимъ вопросамъ. Не довольствуясь опроверженіемъ моихъ взглядовъ, точки отправленія и пріемовъ, проф. Сѣченовъ представилъ, въ особой статьѣ [2]), опытъ научнаго объясненія психическихъ явленій, который, какъ бы кто ни смотрѣлъ на дѣло, не долженъ пройти незамѣченнымъ.

Въ „Замѣчаніяхъ“ проф. Сѣченова на мою книгу излагаются полемическіе доводы противъ философскаго способа изслѣдованія психологическихъ вопросовъ. Проф. Сѣченовъ тоже думаетъ, что психологія наука неустановившаяся; но тѣ предпосылки и тѣ пріемы, которые предлагаются въ моей книжкѣ, не въ состояніи, по его мнѣнію, придать ей характера положительной науки. Исходные мои пункты для отличенія въ человѣкѣ двухъ началъ—психическаго и матеріальнаго—не аксіомы, и требуютъ строгой научной провѣрки. Переходя, при изслѣдованіи психическихъ явленій, сразу отъ конкретныхъ фактовъ къ общимъ началамъ, я впалъ, по мнѣнію критика, въ ту же ошибку, которая погубила всю философію. Что касается до способа разработки психическихъ фактовъ, то я признаю его орудіемъ психическое зрѣніе, матеріаломъ—проявленіе человѣческаго духа въ наукѣ, промышленности, искусствѣ и проч., методомъ — критическое умозрѣніе. Но особаго психическаго органа для анализа, говоритъ проф. Сѣченовъ, нѣтъ вовсе; историческія проявленія психической жизни не даютъ ключа къ разъясненію психической жизни, да и самъ я не пользуюсь этимъ матеріаломъ, ограничиваясь въ своихъ изслѣдованіяхъ разсмотрѣніемъ обыденныхъ психическихъ фактовъ; критическое умозрѣніе, безъ провѣрочныхъ средствъ, приводитъ или къ ошибочнымъ выводамъ, какъ, напримѣръ, въ томъ, что я говорю о самопроизвольности, или къ совершеннымъ абсурдамъ, каковы мои заключенія о строеніи души и ея раздвоеніи.

Въ концѣ замѣчаній на мою книгу проф. Сѣченовъ обѣщаетъ, въ свою очередь, попытаться набросить въ общихъ чертахъ планъ разработки психическихъ фактовъ, время для которой, и по его мнѣнію, уже наступило. Обѣщаніе это проф. Сѣченовъ выполнилъ, какъ сказано, въ апрѣлѣ 1873 г. Въ статьѣ, подъ заглавіемъ: „Кому и какъ заниматься психологіей“, онъ проводитъ мысль, что разрѣшить психологическія задачи можетъ одна лишь физіологія, и что пристальное изученіе психическихъ явленій и процессовъ открываетъ между ними и рефлексами поразительную аналогію, указывающую на ближайшее между ними сродство. Этимъ всякое другое ихъ объясненіе упраздняется само собою.

Я разсмотрю, послѣдовательно, сперва выставленные проф. Сѣченовымъ аргументы противъ меня, а потомъ его попытку установить, при помощи однихъ физіологическихъ изслѣдованій, начала психологіи, какъ науки.

Что психологія—наука не установившаяся въ своихъ выводахъ—это не подлежитъ сомнѣнію, и съ этимъ, конечно, никто спорить не станетъ. Но въ самомъ началѣ замѣчаній

---

1) Вѣстникъ Европы, ноябрь 1872 г.
2) Тамъ же, апрѣль 1873 г.

на мою книгу проф. Сѣченовъ, утверждая то же самое, приводитъ въ подкрѣпленіе такіе аргументы, которые едва ли можно назвать убѣдительными. Никто, по его мнѣнію, не устраиваетъ свою жизнь на основаніи данныхъ, выработанныхъ психологіей; всякій руководствуется психологическими правилами, выработанными обыденной жизнью, безъ провѣрки ихъ наукой. Это одинъ аргументъ. Другой, не болѣе убѣдительный, тотъ, что еслибъ психологи жили по научному, то результаты ихъ образа жизни давно бы проникли въ публику, подобно тому, какъ въ нее проникаютъ свѣдѣнія, вырабатываемыя гигіеной и діэтетикой. Наконецъ, третій аргументъ: психологи разныхъ школъ имѣютъ совершенно различныя мнѣнія объ одномъ и томъ же психологическомъ предметѣ, а физики всѣхъ странъ согласны между собою относительно звука, свѣта, электричества.

Я думаю, что въ основаніи всей этой аргументаціи лежитъ цѣлый рядъ недоразумѣній. Тотъ или другой взглядъ на психологическіе предметы совершенно иначе рѣшаетъ важнѣйшіе вопросы уголовной практики и науки воспитанія. Каждый изъ насъ, и безъ сомнѣнія самъ проф. Сѣченовъ, знаетъ по собственному опыту, что такое или другое рѣшеніе множества психологическихъ вопросовъ имѣетъ огромное вліяніе на нашу практическую дѣятельность и ежедневную жизнь, никакъ не менѣе правилъ гигіены и діэтетики. Что же касается до разногласія психологовъ въ объясненіи психическихъ фактовъ, то оно, правда, не меньше, но, конечно, и не больше разногласія между геологами, химиками и физіологами. Собственно о психическихъ фактахъ нѣтъ или почти нѣтъ спора, какъ между учеными по части естествознанія.

Впрочемъ, эти недоразумѣнія не имѣютъ прямого отношенія къ полемикѣ проф. Сѣченова противъ меня, и потому я не буду на нихъ останавливаться. Перехожу къ его возраженіямъ.

Первый пунктъ. Проф. Сѣченовъ находитъ, что исходные пункты для отличенія въ человѣкѣ двухъ началъ, психическаго и матеріальнаго, не провѣрены у меня строго научнымъ образомъ. Главнѣйшими изъ такихъ исходныхъ пунктовъ критикъ признаетъ слѣдующіе: 1) различеніе въ сознаніи чисто психическихъ актовъ отъ впечатлѣній отъ собственнаго тѣла; 2) сознаніе духовной свободы по отношенію къ мыслямъ и чувствамъ, и 3) сознаніе духовной свободы по отношенію къ поступкамъ. Кромѣ того, проф. Сѣченовъ насчитываетъ въ моей книжкѣ нѣсколько второстепенныхъ доводовъ въ доказательство существованія двухъ началъ въ человѣкѣ. Тѣ и другіе онъ подвергаетъ критикѣ и находитъ ихъ недостаточными.

Если имѣть въ виду одни сознаваемыя отличія психическихъ фактовъ отъ матеріальныхъ, то эти отличія будутъ, по его мнѣнію, продуктами одного лишь собственнаго самосознанія человѣка. На чемъ же основана увѣренность, что всѣ люди сознаютъ эти различія одинаковымъ образомъ? Вотъ на чемъ: 1) на словесныхъ показаніяхъ людей, что внѣшнее впечатлѣніе выражается въ сознаніи болѣе рѣзкими признаками, чѣмъ представленія о тѣхъ же впечатлѣніяхъ; 2) на томъ, что реакціи на реальныя впечатлѣнія и на ихъ воспроизведеніе въ формѣ представленія различны (напримѣръ, когда *вижу* камень, который правится, я наклонюсь, чтобъ его поднять; когда же *представляю* себѣ тотъ же камень, то не дѣлаю такого движенія), и 3) на сравненіи условій происхожденія того и другого акта, изъ котораго выводится, что реальное впечатлѣніе предполагаетъ реальный объектъ, который его производитъ, а представленіе его не предполагаетъ. Послѣднее, впрочемъ, скорѣе доказываетъ, что различіе очень слабо, когда его надо доказывать и выводить.

Г. Сѣченовъ находитъ, что приведеннымъ повѣрочнымъ фактамъ для отличенія впечатлѣнія отъ представленія довѣряться нельзя. Единственное сознаваемое различіе между реальнымъ впечатлѣніемъ и его воспроизведеніемъ есть яркость ощущенія. Но это такой субъективный признакъ, который не подлежитъ повѣркѣ и ничего не доказываетъ. Точно также и разница реакцій на реальныя впечатлѣнія и ихъ воспроизведеніе. У иныхъ реакціи на послѣднія ничѣмъ не отличаются отъ реакцій на первыя. Стало быть, различіе впечатлѣній и представленій покоится на одномъ самосознаніи, на которое нельзя безусловно полагаться въ научномъ изслѣдованіи.

Что касается сознанія человѣка о своей духовной свободѣ по отношенію къ своимъ чувствамъ и мыслямъ, то я же самъ признаю, что есть и противоположное мнѣніе,

отрицающее эту свободу. Стало быть и этотъ пунктъ шатокъ.

Это противоположное мнѣніе довольно подробно изложено проф. Сѣченовымъ въ концѣ его замѣчаній. Для связнаго обозрѣнія его аргументаціи я представлю его здѣсь.

Профессоръ Сѣченовъ не признаетъ свободнаго отношенія человѣка къ мыслямъ и чувствамъ. Человѣкъ можетъ, по его мнѣнію, вызывать по произволу представленія или мысли сравнительно въ очень скромныхъ размѣрахъ, преимущественно тѣ, которыя стоятъ въ болѣе или менѣе близкой связи съ мыслями, занимавшими его передъ тѣмъ. Но даже и эта ограниченная власть есть мнимая. Данный мотивъ вызываетъ къ сознанію ассоціированныя представленія. Пока ассоціація не исчерпана, мы какъ будто легко, по произволу, вызываемъ ихъ; а разъ она исчерпана, мы, несмотря на силу мотива, продолжающаго дѣйствовать, затрудняемся. Но въ обыденной жизни мотивъ всегда опредѣляется занятіями данной минуты, или обстоятельствами, дѣлами и проч. Мы придумываемъ, усиливаемся что-нибудь вспомнить для какого-нибудь дѣла, — иначе были бы сумасшедшими. Наконецъ результатъ этихъ усилій чисто случайный, иногда онъ имъ соотвѣтствуетъ, иногда появляется, когда усиліе прекратилось. Самый процессъ отыскиванія представленія или мысли, припоминаніе, есть очевидно, реальный, но весьма темный актъ, въ которомъ мы отличаемъ съ нѣкоторою ясностью только два пункта: 1) сознаніе перерыва ассоціаціи, и 2) желаніе вернуть утраченное. Но ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ ничего произвольнаго. Съ другой стороны, мы не въ силахъ подавить въ себѣ мысль непосредственно. Значитъ, и въ отрицательномъ смыслѣ, свободы по отношенію къ представленіямъ и мыслямъ не существуетъ. Только благодаря тому, что человѣкъ не имѣетъ надъ мыслями никакой власти, мышленіе и получаетъ характеръ непрерывной цѣпи, звенья которой послѣдовательно вытекаютъ другъ изъ друга.

Всѣ эти соображенія вполнѣ прилагаются и къ чувствамъ.

Наконецъ, что касается свободы надъ поступками, то профессоръ Сѣченовъ не касается свободы этого предмета въ своихъ замѣчаніяхъ на мою книжку, но зато подробно анализируетъ самопроизвольность дѣйствій въ своей статьѣ: „Кому и какъ разрабатывать психологію“. Я разберу этотъ анализъ въ своемъ мѣстѣ, здѣсь же представлю, только для связи, главнѣйшіе его результаты. Психологическія ученія о волѣ, по мнѣнію профессора Сѣченова, предполагаютъ, что заучиваніе (въ зрѣломъ возрастѣ) движеній совершается подъ вліяніемъ сознаваемыхъ разумныхъ цѣлей, а успѣхъ зависитъ отъ доброй воли дѣйствующаго; что воля всегда властна пускать въ ходъ всѣ извѣстныя дѣйствующему формы движеній; что воля не есть безличный агентъ, только распоряжающійся движеніемъ, а дѣятельная сторона разума и моральнаго чувства. Физіологическія изслѣдованія приводятъ критика къ заключенію, что всякое произвольное движеніе есть заученное подъ вліяніемъ условій, создаваемыхъ жизнью; что воля можетъ только вызывать, прекращать, усиливать или ослаблять движенія привычныя: что, чѣмъ движеніе привычнѣе, тѣмъ внѣшніе къ нему импульсы неуловимѣе, а неуловимость импульса и есть характеристическая черта произвольныхъ движеній.

Затѣмъ, въ перенесеніи дѣйствующимъ лицомъ внѣшняго импульса къ поступку на самого себя, на *я*, ученый критикъ видитъ ошибочное объясненіе дѣйствительныхъ фактовъ и подробно слѣдитъ за тѣмъ, какъ эта ошибка появляется сперва въ дѣтствѣ и потомъ незамѣтно укореняется въ сознаніи въ зрѣломъ возрастѣ.

Разсмотрѣвъ главные мои доводы къ различенію въ человѣкѣ двухъ началъ, психическаго и матеріальнаго, профессоръ Сѣченовъ переходитъ къ разбору моей критики матеріализма, изъ которой у меня вытекаетъ выводъ, что душа есть отличное отъ тѣла, самостоятельное, самодѣятельное и свободное начало.

Прежде всего профессоръ Сѣченовъ рѣшительно отрицаетъ, будто бы современные физіологи стараются объяснить духовную дѣятельность человѣка изъ матеріальнаго начала. Физіологъ знаетъ, говоритъ г. Сѣченовъ, „что вся существенная сторона нервной, т.-е. соматической дѣятельности, стоящей наиболѣе близко къ психической жизни, не выяснена даже настолько, чтобъ сказать, какой изъ извѣстныхъ физическихъ дѣятелей играетъ существенную роль въ нервномъ актѣ“. „Психическія явленія, — говоритъ далѣе критикъ, — составляютъ для на-

туралистовъ несравненно бо̀льшую загадку, чѣмъ для гуманистовъ".

Противъ отрицанія самостоятельности и самодѣятельности души на томъ основаніи, что психическая жизнь возможна только при цѣлости мозга и нервовъ, я привожу, что растенія и животныя тоже вполнѣ зависятъ отъ окружающей среды, но имѣютъ же свою долю самобытности и самодѣятельности. Профессоръ Сѣченовъ замѣчаетъ, что если подъ самобытностью разумѣть самостоятельность, то я противорѣчу себѣ, утверждая въ одно время и то, что организмы самостоятельны, и то, что они вполнѣ зависятъ отъ окружающей среды. „Что же касается до самодѣятельности,—продолжаетъ критикъ,—то подъ этимъ нельзя разумѣть ничего иного, кромѣ способности развивать изъ самого себя, независимо отъ окружающей среды, какую-нибудь дѣятельность". Но въ отношеніи животнаго, наука строго доказываетъ, что оно не творитъ силъ, а всякая дѣятельность предполагаетъ силу.

Повтореніе той же ошибочной мысли профессоръ Сѣченовъ находитъ у меня и въ другомъ мѣстѣ, по поводу сравненія души съ животными и растеніями, гдѣ я будто бы утверждаю, что въ растительные и животные организмы привходятъ чуждые имъ *по природѣ* воздухъ и минеральныя вещества. Это недоразумѣніе. Я никогда не утверждалъ, что воздухъ и минеральныя вещества чужды физическимъ организмамъ „по природѣ". Въ этомъ можно удостовѣриться, справившись съ стр. 31 „Задачъ Психологіи", на которую профессоръ Сѣченовъ ссылается.

Изъ того, что представленія не суть фотографическіе оттиски внѣшнихъ впечатлѣній, я вывожу, что душа самодѣятельна. Профессоръ Сѣченовъ примѣрами изъ физики доказываетъ, что „своеобразность результирующихъ явленій и ихъ отличіе отъ производящихъ нисколько не указываетъ еще на различіе между тѣми и другими *по существу*". О созданіяхъ воображенія, не похожихъ на дѣйствительныя существа, критикъ замѣчаетъ, что они представляютъ „небывалыя въ мірѣ сочетанія *бывалыхъ* впечатлѣній". Самостоятельное творчество души было бы, по его мнѣнію, доказано, еслибъ человѣкъ могъ творить сочетанія, въ которыхъ былъ бы, по крайней мѣрѣ, хоть одинъ „*дѣйствительно неземной* элементъ".

Я ссылаюсь (стр. 28) на Вундта въ подтвержденіе мысли, что наши представленія о внѣшнихъ впечатлѣніяхъ—результатъ сложной психической работы, а не непосредственные ихъ оттиски. Профессоръ Сѣченовъ удостовѣряетъ, что въ книгѣ Вундта есть указаніе на несомнѣнную связь между организаціей глаза и уха, съ одной стороны, и нѣкоторыми качествами зрительныхъ и слуховыхъ ощущеній, съ другой.

Я привожу противъ мысли, что душа животныхъ заключаетъ въ себѣ зачатки всѣхъ душевныхъ способностей человѣка, тотъ общеизвѣстный фактъ, что у животныхъ нѣтъ и намека на способность изваять статую, нарисовать картину, написать письмо и проч. Профессоръ Сѣченовъ замѣчаетъ, что, во-первыхъ, еслибъ разложить каждую изъ этихъ способностей на составные элементы и затѣмъ уменьшить каждый изъ послѣднихъ въ милліоны разъ, то, можетъ быть, зачатки этихъ элементарныхъ способностей оказались бы на лицо и у животныхъ. По крайней мѣрѣ данныя въ пользу присутствія эстетическаго чувства у нѣкоторыхъ животныхъ есть. Притомъ, и я не отказываю животнымъ въ умѣ; а критикъ полагаетъ, „что для рисованія, черченія и писанія едва ли что̀ нужно съ психической стороны, кромѣ развитого до человѣческой степени ума и эстетическаго чувства".

Вотъ всѣ доводы проф. Сѣченова противъ моей аргументаціи въ пользу особаго самостоятельнаго и самодѣятельнаго психическаго начала. Въ тѣсной связи съ этимъ находятся и замѣчанія.

По *второму пункту*,—о томъ, будто бы я перехожу сразу отъ конкретныхъ фактовъ къ общимъ началамъ. Профессоръ Сѣченовъ сильно нападаетъ на меня за попытку объяснять конкретные факты общими началами. Философскія системы погибли, по его мнѣнію, не оттого только, что силились вывести весь міръ изъ какого-нибудь одного начала, но еще и оттого, что считали вообще возможнымъ объяснить что̀ бы то ни было общимъ началомъ (Была, впрочемъ, какъ видно изъ послѣдующаго, и третья причина). Естественныя науки тоже признаютъ общее начало—матерію—и переносятъ на нее общія свойства, выработанныя изученіемъ конкретныхъ явленій, не забывая, однако, ни на минуту, что эти свойства не болѣе, какъ отвлеченіе отъ реальныхъ фактовъ, которые

представляются ежеминутно, тогда какъ за общимъ понятіемъ матеріи скрывается чисто логическое отвлеченіе и выводъ изъ противоположенія матеріальнаго пространствамъ, не наполненнымъ веществомъ. Общія свойства матеріи осязательны, если ихъ отнести къ конкретной матеріальной формѣ; въ приложеніи же къ родовому понятію они становятся необходимыми ея аттрибутами только въ силу логическаго мышленія. Вотъ почему въ естественныхъ наукахъ нѣтъ ни одного объясненія, вывода, открытія, которое выходило бы изъ представленія о матеріи, какъ общемъ началѣ. Натуралистъ опирается постоянно на общія свойства матеріи, такъ какъ въ ихъ основѣ лежатъ матеріальные факты или отношенія. Матерія, какъ общее начало, представляетъ идеальную точку, въ сторону которой направлены усилія натуралистовъ; но они идутъ къ ней, руководствуясь не ею, а ближайшими точками новыхъ горизонтовъ, которыя раскрываются передъ наукою. Я же, вмѣстѣ съ философами прежняго закала, стараюсь объяснять факты необъяснимымъ, которое можетъ служить общимъ началомъ, даже служить путеводной звѣздой въ изысканіяхъ, но не можетъ ничего объяснять. Поступать такъ, значитъ приниматься за вещь не съ начала, а съ конца.

Въ этой массѣ контръ-аргументовъ, выставленныхъ проф. Сѣченовымъ противъ основныхъ моихъ выводовъ, я могу разглядѣть только одно капитальное возраженіе; всѣ прочіе или къ нему сводятся, или—плодъ недоразумѣній, которыми, какъ извѣстно, преисполнена русская земля. Недоразумѣніе—это наша специфическая болѣзнь. Отчего она происходитъ, я ужъ не знаю. Въ настоящемъ случаѣ я позволю себѣ обвинять проф. Сѣченова. Читая мою книжку, онъ почему-то представилъ себѣ, что я поставилъ себѣ задачею подогрѣть нѣмецкія философскія доктрины, давно поблекшія, и возражаетъ противъ философскаго идеализма, въ увѣренности, что попадаетъ въ меня. Какъ это сдѣлалось? Мнѣ кажется очень просто. Критикъ не далъ себѣ труда внимательно прочесть мою книжку. Иначе я не могу объяснить себѣ, какимъ образомъ онъ могъ приписать мнѣ то, чего я не говорилъ и чего не думаю,—даже то, противъ чего я полемизирую. Доказательства на лицо. Гдѣ же и когда выдавалъ я отвлеченныя начала за способъ объясненія конкретныхъ явленій? Кто прочелъ, хотя бѣгло, главы о процессахъ мышленія, о произвольной дѣятельности и заключеніе, тотъ меня въ этомъ не упрекнетъ.

Откуда взялъ проф. Сѣченовъ, что я предполагаю, будто созданія нашего воображенія представляютъ сочетанія *небывалыхъ* фактовъ? Какъ онъ могъ придти къ заключенію, что самостоятельность творчества можетъ мнѣ представляться въ смыслѣ введенія въ созданіе неземныхъ элементовъ? Какъ могъ проф. Сѣченовъ приписать мнѣ желаніе доказывать различіе матеріальныхъ и психическихъ явленій *по существу* и вообще изслѣдовать существо, природу чего бы то ни было? Когда какой-нибудь анонимный критикъ приписываетъ вашъ взглядъ на психическія явленія тому, что вы оплакиваете отмѣну крѣпостного права или что у васъ двоится въ глазахъ, на это можно не отвѣчать; но нельзя молчать, когда такой серьёзный и почтенный ученый, какъ проф. Сѣченовъ, опровергаетъ, подъ видомъ вашихъ, чужія мысли; нельзя потому, что чрезъ это читатель, готовый повѣрить ему на слово, вводится въ заблужденіе и получаетъ о книгѣ совершенно превратное понятіе.

Критикъ упрекаетъ меня въ такомъ же перетолкованіи его мыслей. По его мнѣнію, я впадаю въ большую ошибку, приписывая ему полное отождествленіе психическихъ фактовъ съ рефлексами. Но, во-первыхъ, я нигдѣ, ни малѣйшимъ намекомъ, не связываю такого отождествленія съ книгой или именемъ проф. Сѣченова, который точно также, какъ Локкъ, Дарвинъ или другой ученый, не могутъ отвѣчать за всѣ выводы, сдѣланные изъ ихъ изслѣдованій; а во-вторыхъ, я думаю, и ниже постараюсь доказать, что заключеніе, выведенное мною изъ ученія о рефлексахъ головного мозга, гораздо ближе подходитъ къ смыслу этого ученія, чѣмъ къ моимъ взглядамъ тѣ мысли, которыя мнѣ приписываетъ проф. Сѣченовъ.

Въ серьезной ученой полемикѣ,—а другой между проф. Сѣченовымъ и мною и быть не можетъ,—особенно было бы желательно по возможности устранить недоразумѣнія, только путающія дѣло, тѣмъ болѣе, что и безъ нихъ между нашими взглядами есть капитальное различіе, которое необходимо выяснить и разрѣшить въ томъ или другомъ смыслѣ. Это различіе, и вызвавшее, какъ я полагаю, проф.

Сѣченова на споръ и на систематическое изложеніе своихъ воззрѣній, есть вопросъ о сознаніи и самосознаніи и самопроизвольности или о волѣ. При настоящемъ состояніи научнаго знанія, не отыскиваніе и объясненіе сущностей, не противоположеніе психическаго матеріальному, не значеніе логическихъ отвлеченій можетъ быть предметомъ изслѣдованій и разногласій въ области психологіи. Всѣ эти вопросы уже разъяснены болѣе или менѣе удовлетворительно и отодвинулись на второй планъ. Мѣсто ихъ заступилъ другой вопросъ, ждущій своей очереди,—вопросъ о сознаніи и волѣ. Пока онъ не рѣшенъ, мракъ и путаница будутъ господствовать въ психологіи и тѣсно съ ними связанныхъ отдѣлахъ знанія и практической дѣятельности. По моему глубокому убѣжденію, которое, вѣроятно, раздѣляютъ многіе, вопросъ этотъ есть теперь главный, господствующій надъ всѣми въ психологіи и къ которому всѣ они сводятся. Что такое сознаніе? Можемъ ли мы направлять свою психическую и внѣшнюю дѣятельность по произволу или не можемъ, и если можемъ, то въ какой мѣрѣ и въ какихъ границахъ? Отъ такого или другого рѣшенія этого основного вопроса зависитъ тотъ или другой взглядъ на творчество, на умственные процессы, на отвѣтственность, вмѣняемость и заслугу, на добро и зло, на воспитаніе, вообще на нравственные элементы жизни и дѣятельности человѣческихъ единицъ, изъ которыхъ слагаются человѣческія общества. Вопросъ этотъ съ каждымъ днемъ выдвигается впередъ съ бо̀льшею и бо̀льшею настойчивостью. Его выводитъ на первый планъ не одна любознательность, не одинъ научный интересъ, но и ежедневная практическая жизнь. Меня именно этотъ вопросъ особенно занималъ, когда я писалъ „Задачи Психологіи". Изъ-за него я рѣшился выступить передъ публикой съ психологической работой, къ разрѣшенію его она направлена, онъ и навелъ меня на всѣ мои психологическіе выводы. На немъ до того сосредоточились всѣ мои помыслы, что все остальное, что ни дѣлалось по психологіи, казалось мнѣ сравнительно незначительнымъ и неважнымъ. За это я и получилъ заслуженный упрекъ со стороны критики. Но, сознавая всю его справедливость, я и теперь остаюсь при убѣжденіи, что надъ всѣми психологическими вопросами и задачами царитъ въ наше время вопросъ о сознаніи и самосознаніи, о самопроизвольности, самодѣятельности, о свободной личной иниціативѣ человѣка.

Вопросъ этотъ, какъ онъ мало-по-малу выясняется, становится роковымъ въ наше время. Философія и положительное знаніе не могли до сихъ поръ, несмотря на всѣ усилія, отыскать научнаго его основанія. Стало быть, ни сознанія, ни свободной воли нѣтъ, представленіе о нихъ есть иллюзія? Но попробуемъ остановиться на этомъ выводѣ: придется, идя послѣдовательно, отрицать, какъ самообольщеніе, весь міръ нравственныхъ идей и представленій. Это тоже оказывается невозможнымъ, потому что мы такимъ образомъ пришли бы къ тысячѣ логическихъ и практическихъ нелѣпостей. Такимъ образомъ, мысль находится теперь въ безвыходномъ положеніи. Съ одной стороны, передъ нами наука, съ ея неотразимой аргументаціей, съ другой — логическая и практическая невозможность принять ея окончательные выводы и ихъ неизбѣжныя послѣдствія.

До сихъ поръ мы не придавали особеннаго значенія этой дилеммѣ, не замѣчали или старались не замѣтить противорѣчія, котораго крайніе термины, исключая другъ друга, уживались какъ-то мирно и спокойно въ нашей головѣ. Но съ каждымъ днемъ становится очевиднѣе, что отыгрываться и отшучиваться отъ роковой дилеммы дальше нельзя, что съ нею жить невозможно, не разрѣшивъ ее научнымъ путемъ.

Къ вопросу о сознаніи и самодѣятельности и приводится, какъ я сказалъ, капитальное различіе между взглядами проф. Сѣченова и моими. Все остальное, въ чемъ мы расходимся, не существенно, не важно, и если онъ думаетъ иначе, то это съ его стороны, повторяю — чистое недоразумѣніе. Идя путемъ естествознанія, проф. Сѣченовъ не находитъ сознанія и самодѣятельности; я пытаюсь, идя другимъ путемъ, найти ихъ. За это мой ученый критикъ причисляетъ меня къ философамъ стараго закала. Но онъ ошибается. Философы стараго закала отъ меня отрекаются; да притомъ, идя дорогой, проторенной философами стараго закала, точно также нельзя открыть научныхъ основаній сознанія и личной иниціативы, какъ и слѣдуя торной дорогой естествознанія.

Отношеніе проф. Сѣченова и мое къ вопросу о сознаніи, самодѣятельности и свободѣ, какъ я его понимаю, вотъ какое: я, по

роду своихъ занятій, а можетъ быть и по складу ума, имѣлъ больше поводовъ пристально вглядываться въ вопіющія несообразности отрицанія ихъ въ человѣкѣ: для него, по роду его занятій, напротивъ, съ особенною яркостью оттѣнилась глубокая зависимость психическихъ явленій отъ матеріальныхъ условій. Вслѣдствіе этого, каждый изъ насъ, вѣроятно, что-нибудь просмотрѣлъ, до чего-нибудь не додумался, увлекшись тѣмъ, что ему кажется особенно убѣдительнымъ и несомнѣннымъ. Намъ остается теперь, строго держась на научной почвѣ, провѣрить пути и выводы, которыми каждый изъ насъ пришелъ къ своему заключенію.

Послѣ этого общаго замѣчанія, перехожу къ разбору только тѣхъ возраженій проф. Сѣченова, которыя вызваны существеннымъ различіемъ нашихъ взглядовъ. Прочія я пропущу мимо.

Проф. Сѣченовъ старается доказать, что сознаваемыя различія психическихъ и матеріальныхъ фактовъ, или представленій и впечатлѣній, какъ основанныя на одномъ самознаніи (т.-е. сознаніи), не имѣютъ характера достовѣрности, потому что ничѣмъ не могутъ быть провѣрены. Различіе это сводится только къ степени ихъ яркости. Пускаясь въ такую аргументацію, проф. Сѣченовъ подымаетъ старые вопросы, давнымъ-давно рѣшенные, и играетъ въ опасную игру. Думая опровергнуть меня, онъ подкапывается подъ самыя основанія научнаго знанія вообще.

Начать съ того, что критикъ, совершенно произвольно и ошибочно, сводитъ различіе матеріальныхъ и психическихъ фактовъ на различіе впечатлѣній и представленій о матеріальныхъ впечатлѣніяхъ. Есть тысячи представленій о впечатлѣніяхъ психическихъ, не имѣющихъ съ матеріальными впечатлѣніями ничего общаго. Когда я говорю: „я знаю", „я думаю", „у меня есть сознаніе", все это —представленія о впечатлѣніяхъ психическихъ, а не матеріальныхъ. Стало быть, если даже допустить, что впечатлѣніе матеріальныхъ фактовъ и представленія о тѣхъ же самыхъ фактахъ, различаются между собою только степенью яркости, то этого никакъ нельзя сказать о впечатлѣніяхъ психическихъ фактовъ, которымъ нѣтъ подобныхъ въ мірѣ внѣшнихъ впечатлѣній, и которыя проф. Сѣченовъ совершенно опускаетъ изъ виду.

Но станемъ на почву, которую критикъ выбралъ, какъ самую для себя удобную. Сравнимъ, по его приглашенію, впечатлѣніе матеріальнаго факта и представленіе о томъ же самомъ фактѣ. *По существу*, впечатлѣніе и представленіе будутъ совершенно одинаковы, и все ихъ различіе ограничится только степенью яркости. Но кто хоть бѣгло прочиталъ „Задачи Психологіи", тому извѣстно, что я и не думалъ оспаривать, не думалъ доказывать, что внѣшнее впечатлѣніе и представленіе объ этомъ впечатлѣніи различны *по существу*... Я стоялъ и теперь стою только на томъ, что непосредственное внѣшнее впечатлѣніе, въ то время какъ мы его получаемъ, объясняется дѣйствіемъ на насъ внѣшняго предмета; напротивъ, представленіе о предметѣ, возникая въ насъ и въ то время, когда этотъ предметъ не дѣйствуетъ на наши внѣшнія чувства, доказываетъ нашу психическую способность воспроизводить впечатлѣніе безъ помощи непосредственнаго дѣйствія предмета на наши чувства. Другими словами, я указываю на психическое воспроизведеніе (или репродукцію), какъ на психическій фактъ, въ противоположность непосредственному дѣйствію внѣшняго предмета на наши чувства, результатомъ котораго является внѣшнее впечатлѣніе. Проф. Сѣченовъ можетъ не соглашаться съ послѣдствіями, которыя я вывожу изъ этого различія, но отрицать его едва ли онъ можетъ. А для меня вся сила именно въ этомъ, а вовсе не въ различеніи впечатлѣнія и представленія *по существу*, какъ онъ старается доказать.

Далѣе, проф. Сѣченовъ утверждаетъ совершенно согласно съ Тэномъ, что различить впечатлѣніе отъ представленія мы можемъ только при помощи изслѣдованія ихъ происхожденія. Это, по его мнѣнію, говоритъ въ пользу ихъ сходства, а не различія. Истина неоспоримая, но изъ которой въ нашемъ спорѣ нельзя сдѣлать никакого полезнаго употребленія, такъ какъ я и не думалъ доказывать ихъ различіе по существу. Ужъ если кто можетъ опереться на этотъ аргументъ, то, конечно, я, а не мой критикъ. Мнѣ, для моихъ цѣлей, нужно доказать, что внѣшнее впечатлѣніе и представленіе отличаются другъ отъ друга способомъ непосредственнаго своего происхожденія, и оказывается, что точная повѣрка вполнѣ это подтверждаетъ. А мнѣ больше ничего и не нужно.

Но главная цѣль всей этой аргументаціи противъ меня заключается въ томъ, чтобы ослабить довѣріе къ голосу сознанія. Еслибы

это удалось проф. Сѣченову, то онъ, неожиданно для самого себя, какъ новый Самсонъ, разрушилъ бы храмъ положительнаго знанія, которое противъ меня отстаиваетъ, и похоронилъ бы себя подъ его развалинами. Сознаніе есть первое и послѣднее условіе всякой науки, и положительной, и неположительной. Безъ сознанія—ея нѣтъ и быть не можетъ. Волей-неволей, мы вынуждены принять его за послѣдній критерій научной истины. Сознаніе есть почва, на которой происходитъ все умственное движеніе человѣка; отнимите его—и оно дѣлается немыслимымъ. Поэтому, ратовать противъ сознанія, предостерегать противъ внушеній его голоса, есть одна изъ величайшихъ и удивительнѣйшихъ странностей. Можно предостерегать противъ слишкомъ поспѣшныхъ заключеній, противъ выводовъ, недостаточно провѣренныхъ, противъ увлеченій любимыми мыслями — все это понятно. Но сказать: не довѣряй голосу сознанія! Я бы хотѣлъ знать, какимъ образомъ проф. Сѣченовъ открылъ въ головномъ мозгу аппараты, задерживающіе рефлексы, и открылъ аналогію между механизмомъ рефлексовъ и психическихъ отправленій, помимо голоса сознанія?

Къ этому предмету я буду имѣть случай возвратиться еще не разъ, разбирая возраженія проф. Сѣченова и его собственные выводы. Систематическое полное исключеніе сознанія изъ круга изслѣдованій, увѣренность, что безъ него можно обойтись при объясненіи психическихъ явленій, есть ахиллесова пята у почтеннаго ученаго, главный источникъ его ошибочныхъ воззрѣній на психическую жизнь, главная причина безплодности его выводовъ для психологіи.

Непосредственную власть человѣка надъ своими мыслями (такую же власть надъ чувствами я никогда не доказывалъ) проф. Сѣченовъ старается опровергнуть тѣмъ, что мы вызываемъ въ себѣ ту или другую мысль подъ вліяніемъ мотива, а въ обыденной жизни мотивъ опредѣляется обстановкой, занятіями, иными словами—возбуждается извнѣ. Рядомъ съ этой главной нотой идутъ, переплетаясь съ нею, разныя фіоритуры, цѣль которыхъ показать, что творческій актъ мысли вполнѣ зависитъ отъ условій, не имѣющихъ съ волею ничего общаго. Наша власть вызывать мысли по произволу очень ограничена; гдѣ ассоціація идей прекращается, тамъ мы крайне затруднены вызывать ихъ по произволу; припоминаніе—процессъ очень темный, но что мы въ немъ различаемъ, объясняется помимо произвольности; результатъ напряженія нашей воли относительно мыслей не зависитъ отъ насъ; подавить въ себѣ мысль непосредственно мы не можемъ. Въ заключеніе выводится, что мышленіе только потому и имѣетъ характеръ непрерывной цѣпи, что человѣкъ вовсе не властенъ надъ мыслями.

Ошибка, лежащая въ основаніи всѣхъ этихъ соображеній, заключается въ томъ, что критикъ смѣшиваетъ вещи совершенно различныя. Я нигдѣ не доказывалъ, что человѣкъ имѣетъ надъ своими мыслями безусловную власть. Тѣмъ, что психическіе элементы находятся въ тѣснѣйшей зависимости отъ матеріальныхъ, — а объ этомъ я говорю чуть не на каждой страницѣ, — уже опредѣляется невозможность такой безусловной власти и зависимость нашихъ отношеній къ мыслямъ отъ разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, въ томъ числѣ отъ состоянія нашего организма. Точно такъ же я никогда и не думалъ доказывать, что всѣ люди имѣютъ власть надъ своими мыслями; охотно допускаю, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ появленіе мыслей, даже въ головахъ развитыхъ и думающихъ людей, происходитъ вслѣдствіе мотивовъ, вызванныхъ внѣшними толчками. Наконецъ, я не только никогда не оспаривалъ, что психическіе процессы, совершаясь на матеріальной подкладкѣ, имѣютъ и реальный характеръ, но даже допускаю предположеніе, что различные психическіе процессы локализированы въ мозгу, и высказываю увѣренность, что ближайшія изслѣдованія мозга и нервовъ современемъ дадутъ возможность, по состоянію этихъ органовъ, заключать о происходившихъ въ нихъ психическихъ явленіяхъ. Недавніе опыты и наблюденія Фурнье и Феретти, извѣстные мнѣ, къ сожалѣнію, только по газетнымъ извѣстіямъ, какъ будто подтверждаютъ эти мысли. Но вовсе не въ этомъ дѣло. Вопросъ, поставленный въ „Задачахъ Психологіи" и на который проф. Сѣченовъ не отвѣчаетъ прямыми аргументами, состоитъ въ томъ: имѣетъ ли человѣкъ способность, находясь въ нормальномъ состояніи и когда никакія внѣшнія обстоятельства не мѣшаютъ, вызвать въ себѣ по произволу тѣ мысли и представленія, которыя уже находятся или находились въ его головѣ и не изгладились вовсе изъ

его памяти? Я говорю, что онъ имѣетъ эту способность, и ссылаюсь на опытъ, который каждый можетъ, когда ему вздумается, повторить надъ собой. Еслибы этой способности у человѣка не было, на какомъ основаніи, спрашивается, назвали бы мы ненормальными тѣ душевныя состоянія, когда человѣкъ не способенъ дѣлать надъ собой такихъ опытовъ, когда онъ, по разнымъ причинамъ, не владѣетъ свободно своими мыслями? Откуда бы взялось, напримѣръ, различеніе пьянаго, сумасшедшаго, ипохондрика или сильно-возбужденнаго страстью отъ здравомыслящаго человѣка?

Мнѣ, можетъ быть, возразятъ, что опытъ, который я предлагаю, и есть уже мотивъ, вызванный внѣшними обстоятельствами, въ настоящемъ случаѣ споромъ. Но между мотивомъ, необходимо вызывающимъ извѣстную мысль, и мотивомъ, побуждающимъ насъ привести себя въ такое психическое состояніе, при которомъ мы становимся способными по произволу вызвать свои мысли, — разница огромная. Въ первомъ случаѣ есть прямая зависимость вызванной мысли отъ мотивовъ, а во второмъ — рѣшительно никакой. Когда я безпрестанно смотрю на часы, чтобы не пропустить поѣзда желѣзной дороги, понятно, что необходимость ѣхать напоминаетъ мнѣ о часахъ. Но когда, вслѣдствіе спора, я начинаю припоминать наугадъ разныя мысли и представленія, то очевидно, что между споромъ и ими нѣтъ рѣшительно никакой связи, никакого отношенія. Споръ послужилъ только мотивомъ къ извѣстному моему настроенію, необходимому для предложеннаго опыта; опытъ же доказываетъ власть человѣка надъ мыслями и представленіями, какъ бы она, впрочемъ, ни была ограничена. Эту власть проф. Сѣченовъ отрицаетъ, но совершенно бездоказательно. Его критика направлена на частности, которыхъ никто не отстаиваетъ, и не касается самой сути дѣла.

Съ чего онъ взялъ, что мы не можемъ подавить своихъ мыслей,—это точно такъ же трудно понять, какъ и увѣреніе его будто наши мысли потому только и текутъ плавно, составляютъ непрерывную цѣпь, что мы не имѣемъ надъ ними никакой власти. Рядъ связныхъ мыслей невозможно сопоставлять, какъ дѣлаетъ проф. Сѣченовъ, съ грёзами, именно потому, что въ грёзахъ представленія и мысли цѣпляются другъ за друга въ силу внѣшней и случайной ихъ ассоціаціи, тогда какъ связная мысль всегда направляется къ какой-нибудь цѣли. Цѣль эта, правда, не всегда сознается во время творческаго акта мышленія, но это еще не доказываетъ, чтобы ея не было. Она-то и контролируетъ ходъ мышленія и придаетъ ему ту стройность и связность, которая отличаетъ ее отъ грёзъ и фантазій.

Что касается до власти человѣка надъ своими поступками, то проф. Сѣченовъ не опровергаетъ моихъ выводовъ, а потому здѣсь не мѣсто возражать ему. Замѣчанія его, что голословными утвержденіями научныя истины не доказываются, что только голосъ сознанія говоритъ, будто дѣйствіе можетъ происходить безъ внѣшняго толчка, что нужно доказать, что психическій мотивъ возникъ безъ внѣшняго толчка, — всѣ эти замѣчанія, конечно, не возраженіе. Проф. Сѣченовъ также не можетъ доказать присутствіе внѣшняго толчка въ каждомъ поступкѣ, приписываемомъ свободной волѣ, какъ я не могу доказать, что такого толчка не было. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи мы въ совершенно одинаковомъ положеніи передъ наукой. Вся разница только въ томъ, что онъ *предполагаетъ*, будто самопроизвольности въ человѣкѣ нѣтъ, а я *предполагаю*, что она есть. При такихъ условіяхъ спора, весь вопросъ заключается въ томъ, чьи доводы въ пользу или противъ *возможности* самопроизвольныхъ поступковъ сильнѣе. Я свои доводы представилъ со всевозможною подробностью въ главѣ седьмой „Задачъ Психологіи". Проф. Сѣченовъ ихъ не разсматриваетъ и не опровергаетъ; слѣд. и мнѣ нѣтъ причины опровергать его голословныя отрицанія. А его аргументацію въ пользу гипотезы, будто бы самопроизвольной дѣятельности не существуетъ, я разберу подробно ниже въ своемъ мѣстѣ.

Перехожу ко второй половинѣ возраженій проф. Сѣченова на второстепенные, по его мнѣнію, аргументы въ пользу самостоятельности и самодѣятельности психическаго начала. Но прежде чѣмъ стану разсматривать его доводы, считаю необходимымъ оговориться. Критикъ отрицаетъ, будто современные физіологи усиливаются объяснить духовную дѣятельность человѣка изъ матеріальнаго начала, въ чемъ я ихъ упрекаю. Проф. Сѣченовъ совершенно правъ. Я выразился не точно и замѣняю эту редакцію другою, въ родѣ слѣдующей: современные физіологи,

изучая психологію съ естественно-научной стороны, стараются подвести *всѣ* психическія явленія подъ законы матеріальной природы; а такъ какъ это имъ не удается, то нѣкоторые изъ нихъ, увлекаясь любимою мыслью, не обращаютъ вниманія на психическіе факты, которые не подходятъ подъ законы матеріальной природы, или перетолковываютъ ихъ по-своему.

Изъ многихъ мѣстъ критики проф. Сѣченова можно заключить, что онъ придаетъ необыкновенную важность различію между прежними толками о сущностяхъ и началахъ и теперешними воззрѣніями, изъ которыхъ сущности и начала совершенно исключены, какъ недоступныя знанію и потому ничего не объясняющія. Разница эта, въ смыслѣ научной методы, дѣйствительно огромная, но, прибавлю я, только въ такомъ случаѣ, когда вмѣстѣ съ перемѣной научной методы, отбрасываются и всѣ гипотезы, всѣ предпосылки, заранѣе окрашивающія факты изслѣдованія въ тотъ или другой цвѣтъ, котораго они могутъ и не имѣть. Положительное, точное знаніе тѣмъ и сильно, тѣмъ и безконечно выше прежнихъ предвзятыхъ теорій и умствованій, что отвергаетъ всѣ гипотезы, всѣ предпосылки, обращаетъ ихъ въ орудіе изслѣдованій, пользуется ими, какъ указаніемъ научныхъ путей, не давая имъ вѣры, не придавая имъ значенія руководящихъ знаменъ и свѣтильниковъ. Къ числу такихъ орудій науки принадлежитъ и аналогія, которою положительное знаніе пользуется тоже очень осторожно и критически, не давая ей осѣдлать себя. Когда физіологъ, подробно изслѣдовавъ съ точки зрѣнія естествовѣдѣнія, психическія явленія, выдѣляетъ въ нихъ все то, что объясняется законами физической природы, онъ дѣйствительно стоитъ на почвѣ положительнаго знанія и оказываетъ ему огромную услугу. Но если онъ задался заранѣе выводомъ, что всѣ психическія явленія входятъ въ область физіологіи, что нѣтъ психическаго явленія, которое не подходило бы подъ физіологическіе законы; если онъ, чтобы доказать это, отворачивается отъ однихъ психическихъ фактовъ, искажаетъ другіе, отрицаетъ третьи, — то онъ, подобно философамъ стараго закала, объясняетъ все общимъ началомъ, другими словами, употребляетъ пріемъ, оказавшійся негоднымъ. Это ужъ выходитъ не положительная, точная наука, а старая философія, только сервированная подъ новымъ соусомъ. Разница будетъ лишь въ словахъ, въ названіяхъ, а не въ существѣ дѣла.

Обращаюсь теперь къ возраженіямъ.

Я разсуждаю такъ: зависимость психической жизни отъ физіологическихъ условій не есть аргументъ противъ ея самостоятельности и самодѣятельности. Возьмемъ любой физическій организмъ. Въ немъ есть и та, и другая, однако онъ вполнѣ зависитъ отъ окружающей среды, и, не находя въ ней условій для существованія или нормальной жизни, искажается, чахнетъ и умираетъ. Несмотря на такую зависимость его отъ обстановки, мы не говоримъ, что физическій организмъ есть отправленіе окружающей среды. Съ какого же права мы будемъ заключать изъ зависимости психической жизни отъ физіологическихъ условій, будто она не самостоятельна и не самодѣятельна? Этому разсужденію предпослано полное признаніе тѣснѣйшей, неразрывной связи психической и матеріальной природы и ихъ взаимодѣйствія; стало быть, въ дѣйствительномъ смыслѣ моихъ словъ не могло быть никакого сомнѣнія. Смыслъ этотъ вотъ какой: сущности вещей мы не знаемъ, слѣдовательно, и толковать о ней нечего. Судя по тѣсной связи и безпрестанному взаимодѣйствію явленій, которыя намъ доступны, мы можемъ предполагать, съ большою степенью вѣроятности, что въ основаніи всѣхъ явленій лежитъ одно и то же, источникъ ихъ одинъ, хотя мы и не знаемъ какой это источникъ. Изслѣдованію доступны одни явленія. Изучая ихъ, мы подмѣчаемъ между ними такія, которыя въ отличіе отъ другихъ называемъ предметами организованными или организмами. При весьма большомъ различіи между собою, организмы рѣзко отличаются отъ другихъ явленій и предметовъ тѣмъ, что въ нихъ процессы, извѣстные намъ по другимъ явленіямъ, соединены вмѣстѣ для извѣстнаго свокупнаго дѣйствія, что для этихъ процессовъ существуютъ органы, что въ организмѣ совершается обмѣнъ веществъ, что организмомъ они воспринимаются, въ немъ претворяются или ассимилируются, съ выдѣленіемъ того, что ему не нужно, что въ этомъ состоитъ жизнь организма; что, несмотря на постоянный обмѣнъ веществъ, организмъ сохраняетъ свою форму, которая, конечно, измѣняется, по своимъ опредѣленнымъ законамъ. Безъ веществъ, необходимыхъ для его питанія,

организмъ умираетъ, но пока онъ живетъ, онъ, какъ центръ претворяющій и ассимилирующій все, что̀ принимаетъ въ себя, дающій воспринятому новую своеобразную форму, — есть нѣчто, по отношенію къ окружающему, самобытное, самостоятельное и самодѣятельное, при всей своей зависимости отъ среды, въ которой живетъ. Противъ этого проф. Сѣченовъ возражаетъ, что если самобытность есть эквивалентъ самостоятельности, то я противорѣчу себѣ, признавая полную зависимость организмовъ отъ окружающей среды, — что подъ самодѣятельностью можно только разумѣть способность развивать дѣятельность изъ самого себя независимо отъ окружающей среды, а животныя не способны творить силъ, безъ которыхъ нѣтъ дѣятельности. Чтобы понять смыслъ этихъ возраженій, надо припомнить, что проф. Сѣченовъ считаетъ меня философомъ стараго закала, который вездѣ и во всемъ ищетъ и видитъ одно абсолютное—абсолютную самостоятельность, абсолютную самодѣятельность. Съ этой точки зрѣнія профессоръ Сѣченовъ тысячу разъ правъ: ни безусловной самостоятельности, ни безусловной самодѣятельности организмы физическіе и психическіе не имѣютъ; ошибается онъ только въ томъ, что возражаетъ и въ этомъ случаѣ не мнѣ, а другимъ. Когда пароходъ совершаетъ свой обычный рейсъ, или когда лошадь пасется на лугу, выбирая ту траву, которая ей пригодна въ пищу, — слѣдуетъ ли признать полную совершенную зависимость парохода со всѣмъ, что̀ на немъ находится, и лошади отъ окружающей ихъ среды? Слѣдуетъ. Слѣдуетъ ли въ то же время признать за ними извѣстную долю самостоятельности и самодѣятельности по отношенію къ этой средѣ? Конечно, слѣдуетъ. Но и то и другое слѣдуетъ только съ точки зрѣнія положительнаго знанія; съ высоты же абсолютныхъ теорій на первый вопросъ надо отвѣчать положительно, на второй—отрицательно. Весь міръ, составляя одно цѣлое, не допускаетъ возможности самостоятельности и самодѣятельности какой-либо его части въ отдѣльности.

Въ отвѣтъ на мою ссылку на Вундта, въ подкрѣпленіе мысли, что наши представленія о внѣшнихъ предметахъ не простые оттиски впечатлѣній, а результатъ сложной психической работы, проф. Сѣченовъ ссылается на того же Вундта, чтобы доказать, что между организаціей нѣкоторыхъ органовъ чувствъ и нѣкоторыми качествами ощущеній, возбуждаемыхъ чрезъ эти органы, существуетъ несомнѣнная связь. Что̀-жъ изъ этого? Я никогда этого не оспаривалъ. Критику мерещатся философы стараго закала, къ которымъ онъ относитъ меня. Это его дѣло.

Одинъ изъ аргументовъ въ пользу самостоятельности психической жизни въ человѣкѣ и характернаго его различія отъ животныхъ есть способность человѣка воспроизводить во внѣшнемъ мірѣ впечатлѣнія и представленія, —способность, которой не имѣетъ ни одно животное. Аргументъ этотъ я считалъ неотразимымъ. Но онъ не показался такимъ критику. По его мнѣнію, еслибы разложить эту способность на составные элементы и уменьшить каждый изъ этихъ элементовъ въ милліоны разъ, то *можетъ быть* зачатки этой способности и оказались бы и у животныхъ. Стало быть, по мнѣнію проф. Сѣченова, разница тутъ не качественная, а только количественная. Кромѣ того, по мнѣнію ученаго критика, *есть данныя въ пользу присутствія* у нѣкоторыхъ животныхъ эстетическаго чувства. Наконецъ, онъ *полагаетъ*, что для рисованья, черченья и писанья *едва-ли* что нужно, съ психической стороны, кромѣ развитаго *до человѣческой степени* ума и эстетическаго чувства.

Слабость этихъ возраженій чувствуетъ самъ проф. Сѣченовъ, обставляя ихъ уклончивыми и смягчающими: „можетъ быть", „есть данныя въ пользу", „я полагаю". Дѣйствительно, возраженія его чрезвычайно слабы. Способность дѣлать статуи, рисовать, чертить, писать, класть звуки на ноты, предполагаетъ, прежде всѣхъ другихъ элементовъ, сознаніе, котораго первенствующую роль во всѣхъ психическихъ отправленіяхъ проф. Сѣченовъ систематически не признаетъ. Сознаніе же предполагаетъ не одно только воспроизведеніе впечатлѣній, которое замѣчается и у животныхъ, а способность представлять себѣ психическіе факты, заключающіеся или происходящіе въ душѣ, такимъ же образомъ, какъ представляются намъ внѣшнія впечатлѣнія. Глазъ и рука, согласованные для воспроизведенія впечатлѣній реальныхъ предметовъ, не въ состояніи, помимо сознанія, создать художественное произведеніе, а тѣмъ менѣе пріурочить внѣшніе условные значки ко звукамъ, группы звуковъ къ представленіямъ и мыслямъ. Оттого-то животныя, способныя воспроизводить внѣшнее впечатлѣніе и неспособныя его сознавать, не мо-

гутъ писать, чертить, перекладывать звуки на слова и ноты. Если же проф. Сѣченовъ считаетъ различіе между воспроизведеніемъ и сознаніемъ только количественнымъ, а не качественнымъ, то желательно было бы, чтобы онъ развилъ свой взглядъ подробно, не ограничиваясь одними намеками, которые для меня, и вѣроятно для многихъ другихъ, нисколько не убѣдительны.

Этимъ не ограничиваются всѣ доводы противъ моей попытки найти исходныя начала для различенія психическаго начала отъ реальнаго.

Теперь обращаюсь къ *третьему пункту* —къ критикѣ моего способа разработки психическихъ фактовъ. Проф. Сѣченовъ послѣдовательно разбираетъ орудіе, къ которому я прибѣгаю,—психическое зрѣніе, матеріалъ, которымъ пользуюсь, и методъ, и приходитъ къ выводу, что употребленнымъ мною способомъ нельзя возвести психологію на степень положительной науки.

Прежде всего разсматривается психическое зрѣніе. По мнѣнію проф. Сѣченова, „въ основу существованія внутренняго или психическаго зрѣнія кладется преимущественно способность человѣка анализировать свои мысли и поступки, нашептываемая ему голосомъ самосознанія". Вслѣдствіе того, вся его аргументація направлена къ тому, чтобъ доказать, что особаго психическаго *органа для анализа* не существуетъ.

Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, проф. Сѣченовъ полемизируетъ противъ того, чего я не говорилъ. Въ моей книгѣ онъ не найдетъ и намека на то, будто я считаю внутреннее зрѣніе *органомъ анализа* чего бы то ни было. Говорю же я вотъ что: у человѣка есть способность видѣть особеннымъ, внутреннимъ психическимъ образомъ то, что ему недоступно чрезъ внѣшнія чувства. Такъ онъ видитъ внѣшнія впечатлѣнія предметовъ и явленій, которые въ ту минуту не подлежатъ его органамъ чувствъ; точно также онъ видитъ и факты своей психической жизни, вовсе недоступные внѣшнимъ чувствамъ. Только вслѣдствіе того онъ и можетъ говорить о сознаніи, о самосознаніи, объ анализѣ, о боли, о радости и т. п.; зная ихъ уже по внутреннему опыту, онъ заключаетъ о нихъ и въ другихъ людяхъ. Сознаніе вовсе не есть особый органъ, а одно изъ отправленій душевнаго организма, предполагающее извѣстную психическую организацію. Только при помощи сознанія мы узнаемъ и внѣшній матеріальный міръ, который дѣлается предметомъ сознанія чрезъ внѣшнія впечатлѣнія. Какъ мы анализируемъ послѣднія, точно также анализируемъ и психическія явленія, недоступныя внѣшнимъ чувствамъ. Ошибаемся мы какъ при анализѣ фактовъ перваго рода, такъ и при анализѣ фактовъ второго рода. Какъ насъ обманываютъ внѣшнія впечатлѣнія, такъ же обманываютъ насъ и психическія. Пріемы анализа, въ томъ и другомъ случаѣ, совершенно одинаковы. Что никакой анализъ фактовъ психическихъ и непсихическихъ невозможенъ безъ помощи другихъ фактовъ, находящихся въ сознаніи или бывшихъ, и которые припоминаются или воспроизводятся въ сознаніи,—объ этомъ я очень подробно говорю въ „Задачахъ Психологіи". Поэтому, предоставляя отвѣчать проф. Сѣченову тѣмъ, противъ кого онъ возражаетъ и чьихъ мнѣній я не раздѣляю, я займусь разборомъ только тѣхъ замѣчаній критика, которыя цѣлятъ и дѣйствительно попадаютъ въ меня.

Проф. Сѣченовъ силится доказать, что весь психическій актъ, называемый анализомъ, состоитъ изъ воспроизведенія ряда ассоціацій, и затѣмъ выводъ есть только надлежащая группировка данныхъ элементовъ. Съ точки зрѣнія механизма мышленія, все это безспорно. Я иду далѣе и охотно готовъ согласиться, что огромное большинство людей, которые не думаютъ, у которыхъ мысли слагаются и родятся сами собою, приходятъ къ анализу и выводу единственно и исключительно путемъ непроизвольнаго воспроизведенія рядовъ ассоціацій и такого же бездѣятельнаго съ ихъ стороны сочетанія этихъ элементовъ мышленія въ извѣстные выводы и заключенія. Но я спорю противъ того, чтобъ этотъ способъ возбужденія и развитія мыслительныхъ процессовъ былъ единственный. Я утверждаю, напротивъ, что въ человѣкѣ есть способность и возможность воспроизводить въ своемъ сознаніи ряды ассоціацій и группировать ихъ извѣстнымъ образомъ по собственному почину, ничѣмъ инымъ не обусловленному, кромѣ акта воли. Я утверждаю, что воспроизведеніе рядовъ ассоціацій и извѣстная ихъ группировка точно также составляютъ механизмъ мышленія, какъ рефлексы составляютъ механизмъ внѣшняго дѣйствія; но и

тотъ и другой механизмъ приводятся въ движеніе не только внѣшними возбужденіями, но и волею лица, въ которомъ эти процессы совершаются; что оно можетъ направлять эти процессы, видоизмѣнять ихъ ходъ, пересоздавать ряды ассоціацій, выработывать рефлексы, словомъ, усовершенствовать, развивать механизмъ мысли и движеній, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлать его болѣе и болѣе послушнымъ орудіемъ своихъ велѣній. Споръ и тутъ сводится къ вопросу о волѣ. Ставится онъ и тутъ точно такъ же, какъ ставился прежде. Проф. Сѣченовъ предоставляетъ мнѣ доказывать участіе воли въ ходѣ мышленія, считая вопросъ о механическомъ его движеніи, помимо всякаго участія воли лица, окончательно рѣшеннымъ. Я не могу принять такой постановки вопроса, потому что ни проф. Сѣченовъ, ни я, анализомъ процесса мышленія и поступковъ, не можемъ доказать нашихъ выводовъ несомнѣннымъ и очевиднымъ для всякаго образомъ.

Далѣе, проф. Сѣченовъ, выводя изъ моей книги аргументы противъ „существованія особаго психическаго органа для анализа", т.-е. противъ мысли, въ которой я неповиненъ, приходитъ къ заключенію, что подъ непосредственностью сознанія я долженъ разумѣть познаніе внутреннимъ чувствомъ (?) психическихъ фактовъ по существу (?). Любопытно бы знать, какъ пришелъ критикъ къ подобному заключенію. Для меня, признаюсь, оно было такъ же неожиданно, какъ, вѣроятно, и для всѣхъ тѣхъ, кто потрудился внимательно прочесть „Задачи Психологіи". Во-первыхъ, психическіе факты суть *явленія*, а мы никакихъ явленій *по существу* не знаемъ и знать не можемъ; во-вторыхъ, о безплодности попытокъ проникнуть *до существа* явленій я говорю во многихъ мѣстахъ своей книги такъ опредѣлительно, что, казалось бы, мнѣ нельзя приписывать подобныхъ попытокъ; въ-третьихъ, непосредственность сознанія психическихъ фактовъ ничѣмъ не отличается отъ непосредственности внѣшнихъ впечатлѣній; однако изъ послѣдней едва ли кто рѣшится вывести, что мы чрезъ впечатлѣнія узнаемъ внѣшніе предметы „по существу". Приписывать противнику мысли, которыхъ онъ не имѣетъ, противъ которыхъ онъ, напротивъ, полемизируетъ, есть безспорно легкій способъ одерживать надъ нимъ побѣды; но отъ такихъ побѣдъ наука и знаніе не подвигаются ни на шагъ впередъ. Вся эта странная аргументація противъ призраковъ оканчивается слѣдующимъ, столько же страннымъ общимъ выводомъ: „Итакъ, особаго психическаго зрѣнія, какъ спеціальнаго орудія для изслѣдованія психическихъ процессовъ, въ противоположность матеріальнымъ, нѣтъ, а существуетъ, дѣйствительно, такая сторона психической дѣятельности, изъ-за которой говорятъ про человѣка, что у него есть здравый смыслъ. Послѣднимъ же, сколько мнѣ извѣстно, пользуются съ одинаковымъ правомъ какъ натуралисты, такъ и гуманисты въ своихъ сферахъ изслѣдованія".

Я бы попросилъ проф. Сѣченова, во-первыхъ, указать, гдѣ я говорю въ своей книгѣ объ особомъ психическомъ зрѣніи, какъ спеціальномъ орудіи для изслѣдованія психическихъ процессовъ, и, во-вторыхъ, потрудиться сдѣлать психическія состоянія, движенія и процессы доступными органамъ внѣшнихъ чувствъ—глазу, уху, носу и т. п. Невозможность выполнить и то и другое, можетъ быть, убѣдитъ его въ томъ, что я не имѣлъ ни малѣйшей надобности предполагать специфическіе здравые смыслы для натуралистовъ и гуманистовъ. Въ убѣжденіи, что имѣетъ въ моемъ лицѣ дѣло съ философомъ стараго закала, проф. Сѣченовъ перетолковываетъ мои слова даже тамъ, гдѣ простой ихъ смыслъ не можетъ, повидимому, подать повода къ недоразумѣніямъ.

На стр. 99-й, я говорю, что мысль, будто бы кругъ психологическихъ изслѣдованій ограниченъ одними фактами, добытыми чрезъ самонаблюденіе,—ошибочна; что такъ какъ жизнь души выражается во внѣшнемъ творчествѣ, вообще во всей внѣшней дѣятельности человѣка, и объективными слѣдами его психической жизни наполнено все, что его окружаетъ, то изъ сравненія этихъ слѣдовъ съ фактами и явленіями природы, возникающими безъ участія человѣка, легко можно открыть характеристическія особенности и самые законы психической жизни. Итакъ, слова и рѣчь, сочетаніе звуковъ, художественныя произведенія, наука, обычаи и вѣрованія, матеріальныя созданія, гражданскіе и политическіе уставы, памятники исторической жизни, словомъ, все служитъ матеріаломъ для психологическихъ изслѣдованій; надо только умѣть имъ пользоваться, именно слѣдуетъ обратить все вниманіе на обра-

ботку данныхъ, потому что въ ней-то и содержится объективный слѣдъ психической дѣятельности. Та же мысль, только иными словами и въ другомъ примѣненіи, выражена и на стр. 24-й. Проф. Сѣченовъ вывелъ изъ этихъ словъ, будто бы, по моему мнѣнію, „ключъ къ разумѣнію психическихъ процессовъ лежитъ въ широкомъ *историческомъ* изученіи всѣхъ произведеній человѣческаго духа съ психологической точки зрѣнія". Чтобъ выяснить „до какихъ крайнихъ предѣловъ объясненія психическихъ фактовъ можно дойти вообще путемъ *историческаго* изученія различныхъ проявленій психической дѣятельности", проф. Сѣченовъ представляетъ подробный анализъ вѣрованій и дѣятельности людей самыхъ отдаленныхъ эпохъ, въ различные фазисы ихъ развитія, и старается доказать, что ихъ понятія и продукты ихъ дѣятельности свидѣтельствуютъ о тѣхъ же основныхъ психическихъ задаткахъ, какіе имѣетъ и современный человѣкъ. Затѣмъ, изъ разбора, съ психологической стороны, нѣсколькихъ научныхъ открытій въ области естествознанія, составляющихъ эпоху по своей важности, критикъ выводитъ, что элементы научныхъ истинъ всегда готовы, и только извѣстная ихъ группировка даетъ въ результатѣ болѣе или менѣе важное научное открытіе.

Бо̀льшаго недоразумѣнія, какое произошло въ этомъ пунктѣ между проф. Сѣченовымъ и мною, и вообразить себѣ нельзя.

Я говорю: вотъ слѣды творческой дѣятельности человѣка посреди природы, и вотъ природа, до которой рука человѣка не прикасалась. Сравните ихъ между собою и вы получите, и помимо самонаблюденія, указанія на его психическую дѣятельность, на разные психическіе процессы, въ немъ происходящіе, на законы его психической природы.

Проф. Сѣченовъ возражаетъ: природа человѣка искони вѣковъ была одна и та же. Никакое особенное психическое начало не заявляетъ себя чрезъ всю его исторію до нашихъ дней. Если онъ теперь не то, что̀ былъ прежде, то это благодаря успѣхамъ науки и знанія.

Съ заключеніями критика мнѣ согласиться тѣмъ легче, что я ихъ нигдѣ и никогда не оспаривалъ. Но мнѣ бы хотѣлось слышать отъ него, чѣмъ обусловливается то, что животныя, подобно человѣку, имѣютъ сновидѣнія, но не составили себѣ представленія о загробной жизни; а дикарь по нимъ, какъ объясняетъ Тэйлоръ, составилъ? Отъ чего зависитъ, что дикарь изобрѣлъ оружіе и придалъ ему извѣстную форму, изобрѣлъ орудія для домашней работы, выучился дѣлать глиняную посуду, выучился добывать искусственно огонь,— а животныя и до сихъ поръ ничего этого не изобрѣли и ничему этому не выучились?

Наконецъ, мой методъ изслѣдованія проф. Сѣченовъ считаетъ чисто умозрительнымъ и горько сѣтуетъ на людей, „которые пускаются, безъ провѣрочныхъ средствъ, съ однимъ запасомъ критическаго остроумія, въ изслѣдованіе такой темной области, какъ психическая". Ходъ мысли проф. Сѣченова объ этомъ предметѣ вотъ какой: историческое изученіе памятниковъ человѣческой дѣятельности не даетъ ключа къ психическимъ явленіямъ, стало быть, приходится обратиться къ изученію обыденной психической жизни; но вѣковой опытъ показалъ, что съ одной умозрительной индукціей ничего нельзя сдѣлать изъ сырого психическаго матеріала обыденной жизни. Въ научномъ изученіи важно употребленіе такихъ пріемовъ изслѣдованія, которые давали бы возможность не только анализировать явленіе, но и провѣрить результатъ. Въ области сложныхъ явленій, куда не проникъ математическій анализъ (единственно-безошибочный, безъ провѣрки), наиболѣе вѣрнымъ аналитическимъ и вмѣстѣ провѣрочнымъ орудіемъ является опытъ. Въ области явленій, не допускающихъ опыта, умозрѣніе полновластно и потому достовѣрность выводовъ сомнительна. Въ новѣйшее время къ нему призванъ на помощь статистическій методъ; но его трудно приложить къ изученію психическихъ явленій на отдѣльномъ человѣкѣ. Теперь только, на нашей памяти, создались тѣ отрасли знанія, которыя „однѣ даютъ твердыя точки опоры для первоначальнаго аналитическаго приступа къ психическимъ явленіямъ". Эти отрасли знанія, какъ видно изъ послѣдующей статьи проф. Сѣченова, суть естественныя науки и преимущественно физіологія. Критикъ готовъ бы былъ примириться и съ умозрѣніемъ, еслибъ оно „довольствовалось выводами, непосредственно вытекающими изъ сравненія конкретныхъ фактовъ". Но „вѣрное древнимъ философскимъ традиціямъ, оно бьетъ въ корни дѣла, въ общія начала". О математикѣ критикъ говоритъ, что въ ней

„истины, притомъ абсолютныя“, могутъ быть достигаемы путемъ одного математическаго умозрѣнія, безъ повѣрки. Это онъ объясняетъ тѣмъ, что между всѣми родами умозрѣній математическое есть самое вынужденное. Отыскивая новую истину, математикъ не только выходитъ изъ аксіомъ или истинъ, но и въ теченіе всего развитія вопроса каждый свой шагъ опираетъ на истину.

Здѣсь между проф. Сѣченовымъ и мною не недоразумѣніе, а различие мнѣній, и весьма серьезное. Аргументація его выходитъ изъ предположенія, что міръ психическихъ явленій не только обусловливается данными, доступными внѣшнимъ чувствамъ, не только находится отъ нихъ въ зависимости, но что онъ есть лишь дальнѣйшее ихъ развитіе, болѣе сложное явленіе того же, что въ фактахъ, доступныхъ органамъ внѣшнихъ чувствъ, представляется простымъ, неразвитымъ, несложнымъ. Только при такой предпосылкѣ становится непонятнымъ, какимъ образомъ такой могучій поборникъ положительнаго знанія, какъ проф. Сѣченовъ, могъ упустить изъ виду, что множество психическихъ фактовъ совершенно недоступны внѣшнимъ чувствамъ и извѣстны намъ только при помощи психическаго зрѣнія, т.-е. сознанія. Эту тему я подробно развиваю въ „Задачахъ Психологіи“ и до сихъ поръ не встрѣтилъ еще серьезнаго опроверженія, тогда какъ около этого пункта и долженъ бы, какъ кажется, сосредоточиться весь споръ о психологическихъ предметахъ. Въ этомъ пунктѣ и ключъ къ разрѣшенію вопроса о психической самодѣятельности или волѣ. Мнѣ представляется дѣло въ такомъ видѣ. Вы говорите, что стоите на почвѣ положительнаго знанія и не допускаете ни началъ, ни умозрительныхъ дедукцій изъ нихъ. Прекрасно. Останемся же на почвѣ положительнаго знанія и будемъ изслѣдовать одни факты. Но, обращаясь къ фактамъ, мы съ перваго же шага наталкиваемся на различіе фактовъ, доступныхъ внѣшнимъ чувствамъ и недоступныхъ имъ. Вода и сознаніе, липа и радость, молнія и сомнѣніе, домъ и мысль. Первые—результатъ непосредственныхъ внѣшнихъ впечатлѣній, которыя могутъ быть провѣрены при помощи повторенія непосредственныхъ внѣшнихъ впечатлѣній того же факта. Для послѣднихъ такого рода провѣрки не существуетъ и не можетъ существовать. Они—результатъ тоже непосредственныхъ, но не внѣшнихъ, а психическихъ впечатлѣній. Для нихъ есть провѣрка двоякаго рода: или при помощи повторенія непосредственныхъ психическихъ впечатлѣній тѣхъ же психическихъ фактовъ, или болѣе длиннымъ, окольнымъ и сложнымъ путемъ, именно: мы обращаемся къ слѣдамъ психическихъ фактовъ во внѣшнемъ мірѣ, подмѣчаемъ, въ какихъ изъ нихъ какой психическій фактъ постоянно выражается, и уже изъ сравненія слѣдовъ выводимъ заключеніе. Передъ лицомъ положительнаго знанія и внѣшнія, и психическія впечатлѣнія суть факты, матеріалъ для изслѣдованія, какимъ бы путемъ они ни достигали сознанія, какимъ бы образомъ ни совершалась ихъ повѣрка. Я утверждаю, что, стоя на почвѣ положительнаго изслѣдованія, не сдѣлавшись философомъ и при томъ философомъ стараго закала, нельзя приступить къ научной разработкѣ психическихъ явленій, не подлежащихъ непосредственно внѣшнимъ чувствамъ, съ предвзятой мыслью, будто всѣ эти факты и явленія суть лишь послѣдствія, дальнѣйшее развитіе, болѣе сложная комбинація явленій, доступныхъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Обращая противъ проф. Сѣченова оружіе, которымъ онъ думаетъ поразить меня, я скажу ему: удержите это предположеніе; пусть оно даже будетъ путеводной звѣздой въ вашихъ психологическихъ изысканіяхъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что оно откроетъ вамъ и наукѣ новый обширнѣйшій кругозоръ, поведетъ къ массѣ глубокихъ и знаменательныхъ открытій, во многихъ случаяхъ, очень вѣроятно, даже вполнѣ оправдается; но какъ же возможно принимать впередъ недоказанное за доказанное и на этомъ строить что-нибудь! Вѣдь это значитъ приниматься за вещь не съ начала, а съ конца. Мораль всего этого разсужденія такова: проф. Сѣченовъ выходитъ въ своей философской системѣ, которую считаетъ результатомъ положительныхъ изслѣдованій, изъ гипотезы, ничѣмъ недоказанной, то-есть слѣдуетъ тому же самому пути, который, главнѣйшимъ образомъ, погубилъ философію.

Въ томъ-то и заключается вся сила и все могущество положительнаго знанія, что оно пользуется всѣми орудіями, всѣми методами, выработанными философіей, но не подчиняясь имъ, а напротивъ, низводя ихъ до степени покорныхъ и послушныхъ средствъ, употребляемыхъ ею въ дѣло, смотря по на-

добности. Положительное изслѣдованіе прибѣгаетъ и къ гипотезѣ, и къ аналогіи, къ индукціи и къ дедукціи, но не забывая ни на одну минуту, что онѣ только служатъ для освѣщенія фактовъ съ той стороны, съ какой они еще не были разсмотрѣны, что имъ только дается новый матеріалъ и новая точка зрѣнія для сравнительнаго изученія фактовъ. Положительное знаніе отнесется равно критически и къ результатамъ, оказавшимся вслѣдствіе аналогическаго или индуктивнаго изслѣдованія, и къ выводамъ, слѣдующимъ изъ освѣщенія фактовъ гипотезой или дедукціей, хотя бы и очень правдоподобными. Оно снова и не разъ провѣритъ эти результаты и выводы другими аналогіями, гипотезами, индуктивно и дедуктивно, и только убѣдившись, что заключеніе выдерживаетъ перекрестный огонь провѣрки по всѣмъ мыслимымъ направленіямъ и со всѣхъ мыслимыхъ сторонъ, занесетъ его въ науку, какъ ея прочное и несомнѣнное пріобрѣтеніе. Философія, напротивъ, всегда была безсознательной или полусознательной рабыней предвзятыхъ предположеній и потому приводила къ результатамъ, не выдерживающимъ критики.

Съ точки зрѣнія положительнаго знанія, и факты, полученные сознаніемъ чрезъ органы внѣшнихъ чувствъ, и факты, вошедшіе въ сознаніе чрезъ непосредственное психическое впечатлѣніе, совершенно равноправны. Тѣ и другіе должны быть изслѣдованы и провѣрены при помощи всѣхъ средствъ, которыми располагаетъ наука. За положительное знаніе, а не за философскія измышленія могутъ быть признаны только тѣ выводы, которые основаны на такомъ изслѣдованіи и такой провѣркѣ.

Проф. Сѣченовъ совершенно справедливо напоминаетъ въ одномъ мѣстѣ, что сравнивать между собою можно только однородныя величины. Стало быть, психическія впечатлѣнія можно сравнивать только съ психическими, реальныя только съ реальными. А если это такъ, то спрашивается, что̀, кромѣ умозрѣнія, остается намъ при изслѣдованіи фактовъ, недоступныхъ внѣшнимъ чувствамъ? Такіе факты, по природѣ своей, не могутъ быть проанализированы и провѣрены иначе, какъ при помощи однородныхъ съ ними явленій; слѣдовательно, только умозрительно.

Мнѣ скажутъ, что явленія, доступныя и недоступныя внѣшнимъ чувствамъ, очень часто находятся между собою въ тѣсной связи. Всѣ представленія и понятія о внѣшнихъ явленіяхъ, не подлежа внѣшнимъ чувствамъ, находятся въ очевидной и несомнѣнной связи съ соотвѣтствующими имъ внѣшними впечатлѣніями, а въ снахъ и галлюцинаціяхъ психическіе факты получаютъ вполнѣ характеръ внѣшнихъ впечатлѣній, до того, что ихъ нельзя различить другъ отъ друга. Но зато мы и провѣряемъ сны и галлюцинаціи реальными впечатлѣніями, и изъ такой провѣрки узнаемъ, что сны и призраки—психическія, а не реальныя впечатлѣнія. Что же касается понятій и представленій, то при самомъ тщательномъ изслѣдованіи мы не въ состояніи ничего открыть, кромѣ ихъ соотвѣтствія и постояннаго правильнаго соотношенія съ извѣстными реальными впечатлѣніями. Я не могу допустить, чтобъ проф. Сѣченовъ возражалъ противъ умозрѣнія въ объясненномъ смыслѣ. Ему очень хорошо извѣстно, что ни разстоянія неподвижныхъ звѣздъ отъ земли, ни объемъ и вѣсъ небесныхъ тѣлъ, ни выводы относительно составныхъ элементовъ свѣтящейся поверхности солнца и древнѣйшей исторіи земной коры, ни факты, на которыхъ основаны теоріи свѣта, различіе цвѣтовъ, теоріи атомовъ и молекулярныхъ движеній,—что всего этого нельзя провѣрить опытомъ, что все это—умозрѣніе. Почему же умозрительное изслѣдованіе явленій, не подлежащихъ вовсе внѣшнимъ чувствамъ, было бы менѣе достовѣрно въ своихъ результатахъ, чѣмъ такое же умозрительное изслѣдованіе внѣшнихъ явленій, которыя намъ недоступны только по недостаточности и несовершенству нашихъ внѣшнихъ органовъ?

Проф. Сѣченовъ дѣлаетъ изъ строгаго своего приговора умозрѣнію исключеніе только въ пользу умозрѣнія математическаго. Оно одно, по его мнѣнію, способно открывать даже абсолютныя истины безошибочно и безъ провѣрки. Но критикъ ошибается. Математика имѣетъ дѣло съ истинами, далеко не абсолютными, а такими же относительными и условными, какъ и всякая другая наука. Истины эти вращаются въ кругѣ пространственныхъ и количественныхъ отношеній, изъ него не выходятъ, какъ выводы другихъ наукъ ограничены предметами своего изслѣдованія. Какія же это абсолютныя истины? Математика такая же положительная наука, какъ и всѣ другія, только матеріалъ

ея проще и до того выработанъ, что отвлеченности, надъ которыми она оперируетъ, вполнѣ замѣняютъ реальные факты, къ которымъ онѣ относятся. Только благодаря этому, математическіе выводы и безъ повѣрки выходятъ безошибочными. Вглядитесь пристально въ математическія аргументаціи, выраженныя въ чертежахъ и формулахъ: это тѣ же самые логическіе пріемы, какіе употребляются и въ другихъ положительныхъ наукахъ; разница только въ матеріалѣ, къ которымъ эти пріемы тамъ и здѣсь примѣняются. Умозрѣніе, значитъ, входитъ всюду, во всѣ отрасли знанія, какъ неизбѣжное его условіе. А міръ художественнаго творчества: развѣ тѣ же общіе логическіе пріемы не скрываются и въ немъ подъ образами и звуками, какъ въ математикѣ подъ формулами и чертежами? Проф. Сѣченовъ имѣетъ въ виду не это умозрѣніе. Какое же ему такъ не нравится? То, которое идетъ неправильно, опираясь на шаткія или ложныя данныя? Но вѣдь это справедливо въ приложеніи ко всѣмъ наукамъ безъ исключенія; стало быть, и говорить объ этомъ спеціально по поводу психологическихъ изысканій не стоитъ. Остается предположить, что критику не нравится умозрѣніе въ примѣненіи къ фактамъ, недоступнымъ внѣшнимъ чувствамъ, потому ли, что онъ не считаетъ ихъ фактами, или потому, какъ можно заключать изъ его словъ, что ихъ нельзя провѣрить фактами, подлежащими внѣшнимъ чувствамъ. Какое изъ этихъ предположеній ни принять, въ обоихъ случаяхъ проф. Сѣченова нельзя не упрекнуть въ томъ, что онъ, въ отношеніи къ психологическимъ вопросамъ, стоитъ не на почвѣ положительнаго знанія, а относится къ нимъ по-философски, и справедливыя его возраженія противъ философовъ-идеалистовъ въ той же силѣ и степени должны быть обращены противъ его пріемовъ въ области психологіи. Какъ философы-идеалисты обращались съ фактами, доступными внѣшнимъ чувствамъ, точь-въ-точь такъ же обращается и онъ съ фактами, доступными одному психическому зрѣнію. Въ тѣхъ и другихъ пріемахъ нѣтъ ни малѣйшей разницы. Проф. Сѣченовъ, поборникъ положительнаго знанія въ области естественныхъ наукъ, есть философъ стараго закала въ области психологіи. Методъ точнаго, положительнаго знанія, въ примѣненіи къ этой отрасли, остается ему совершенно неизвѣстенъ.

Впрочемъ, критикъ, хотя и несовсѣмъ послѣдовательно, допускаетъ однако умозрительные выводы, непосредственно вытекающіе изъ сравненія конкретныхъ фактовъ. Подъ конкретными фактами, судя по общей связи мыслей, здѣсь разумѣются факты психическіе. Значитъ, косвенно допускается, что психическіе факты суть все-таки факты, хотя никакой другой повѣрки ихъ, кромѣ умозрительной, нѣтъ и быть не можетъ. Но почему умозрѣніе бьетъ въ корни дѣла, въ общія начала—вотъ чего проф. Сѣченовъ не можетъ ему простить. Выше я старался доказать, что самъ критикъ дѣлаетъ совершенно то-же самое, т.-е. идетъ отъ предпосылки, ничѣмъ не доказанной, и на ней строитъ всю свою полемику противъ моего взгляда на психологію. Проф. Сѣченовъ самъ признаетъ, что употребленіе индуктивнаго или дедуктивнаго метода въ дѣлѣ положительнаго изученія не особенно важно, а важно, чтобъ результатъ могъ быть провѣренъ. Но провѣрить психическіе факты внѣшними впечатлѣніями нельзя: тѣ и другіе факты не однородны. Провѣрка умозрительныхъ фактовъ можетъ совершаться только посредствомъ другихъ, умозрительныхъ же фактовъ. Если такая провѣрка подтвердитъ выводъ, то дедукція, по крайней мѣрѣ, безвредна. Развѣ мы не встрѣчаемся на каждомъ шагу съ такими дедукціями въ такъ-называемыхъ положительныхъ, точныхъ наукахъ? Дедукція, какъ способъ новой провѣрки, есть превосходное подспорье въ рукахъ изслѣдователя. Положительное знаніе ставитъ ему при этомъ только два слѣдующія условія: во-1-хъ, чтобъ онъ не принималъ на вѣру общаго вывода, отъ котораго идетъ дедукція, а смотрѣлъ бы на него только, какъ на гипотезу, которая должна быть доказана, и во-2-хъ, чтобъ отвлеченная формула, въ которой выразился выводъ, не была имъ принята за реальность—словомъ, чтобъ онъ не впалъ въ ту же ошибку, которая когда-то населила науку субстанціями, силами и множествомъ подобныхъ метафизическихъ олицетвореній.

Отступилъ ли я въ „Задачахъ Психологіи“ отъ метода положительнаго изслѣдованія и его непремѣнныхъ условій? Вотъ чего проф. Сѣченовъ не доказалъ и что, однако, слѣдовало бы ему доказать, полемизируя противъ моихъ взглядовъ. Что факты изслѣдованія—умозрительнаго свойства и про-

вѣркѣ внѣшними впечатлѣніями не подлежатъ—объ этомъ уже было говорено. Критикъ самъ мирится съ умозрительными выводами, непосредственно вытекающими изъ сравненія конкретныхъ психическихъ фактовъ. Наконецъ, онъ считаетъ и дедукцію не вредной, если факты провѣрены. Но что же другое я дѣлалъ въ своей книжкѣ, хотѣлъ бы я спросить? Я взялъ психическіе факты, анализировалъ ихъ, за недостаткомъ другихъ повѣрочныхъ средствъ, при помощи психическихъ же фактовъ, и дѣлалъ умозрительные выводы, непосредственно вытекающіе изъ сравненія конкретныхъ фактовъ. Ни больше, ни меньше! Въ какой степени удачно или неудачно я примѣнилъ методъ положительнаго изслѣдованія къ психическимъ даннымъ,—это другой вопросъ, о которомъ мнѣ самому трудно судить. Но что я примѣнилъ именно этомъ методъ, а не какой другой,—это, послѣ всего сказаннаго, едва ли можетъ быть оспорено. Если мои выводы существенно разнятся съ выводами проф. Сѣченова, это еще не доказываетъ, что именно я, а не онъ, примѣнялъ другой методъ.

Разберу, въ заключеніе, критику моихъ общихъ выводовъ, которою проф. Сѣченовъ заканчиваетъ свою статью. Разборъ этотъ всего яснѣе покажетъ, въ чемъ и почему мы съ нимъ расходимся и кто изъ насъ стоитъ на почвѣ положительныхъ изысканій въ области психологіи.

Проф. Сѣченовъ ссылается на мои выводы, какъ на лучшее доказательство ошибочной постановки мною психологическаго вопроса. Изъ этихъ выводовъ онъ разсматриваетъ только значеніе для психологіи галлюцинацій и сновъ, свободу мысли и актъ раздвоенія души. Объ аргументаціи его противъ свободы мысли я говорилъ выше. Остается провѣрить то, что у него сказано по поводу галлюцинацій, сновъ и раздвоенія души.

Галлюцинаціи, по моему мнѣнію, доказываютъ существованіе особаго психическаго центра, какъ источника явленій особаго порядка, такъ какъ въ галлюцинаціяхъ какъ бы выносятся изъ души во внѣшнюю дѣйствительность дѣйствія и вліянія на нее матеріальнаго міра, иногда въ переработанномъ видѣ. Проф. Сѣченовъ особенно напираетъ на то, что галлюцинаціи всегда производятся болѣзненнымъ состояніемъ мозга, и говоритъ: „обстоятельство, что человѣкъ выноситъ возбужденіе зрительныхъ центровъ наружу, не представляетъ не только ничего страннаго, а наоборотъ—норму, потому что и при обыкновенномъ видѣніи происходитъ то же самое“. Изъ этого выводится, что галлюцинаціи не доказываютъ того, что я думаю. Но какъ же не доказываютъ? Если ненормальныя состоянія мышленія у человѣка сумасшедшаго, пьянаго или безумствующаго вслѣдствіе страсти, даютъ превосходный матеріалъ для изученія нормальнаго процесса мышленія, то почему же галлюцинаціи, происходящія тоже при ненормальномъ состояніи мозга, не могли бы служить такимъ же доказательствомъ способности души воспроизводить внутреннія свои видѣнія съ живостью и яркостью реальнаго ощущенія? Проф. Сѣченовъ возражаетъ, что и при обыкновенномъ видѣніи происходитъ то же самое. Да, но съ слѣдующей громадной разницей: обыкновенное видѣніе начинается дѣйствіемъ на глазъ внѣшняго явленія и оканчивается вынесеніемъ во внѣшній міръ полученныхъ впечатлѣній; галлюцинація же начинается прямо воспроизведеніемъ внѣшнихъ впечатлѣній, безъ возбужденія ихъ соотвѣтствующими внѣшними явленіями, и оканчивается точно такъ же, какъ обыкновенное видѣніе. На эту-то разницу я и указываю, какъ на одинъ изъ признаковъ самостоятельности и самодѣятельности душевнаго организма.

Мой взглядъ на способность души раздвояться, оставаясь единой, и всѣ выводы, вытекающіе изъ этого взгляда, проф. Сѣченовъ разбираетъ въ двухъ словахъ, только съ логической стороны, и называетъ ихъ абсурдами.

„Говоря о невозможности объяснить психическое раздвоеніе примѣрами изъ матеріальнаго міра, г. Кавелинъ цитируетъ такія отвлеченія, которыя всѣми людьми на свѣтѣ считаются *аксіомами*, т.-е. истинами, не требующими доказательствъ (часть не можетъ быть равна цѣлому, цѣлое не можетъ не уменьшиться по выдѣленіи части). Эти истины обязательны не только для математика, но и *для всякаго логическаго мышленія*. Поэтому, всѣ случаи уклоненія отъ этихъ истинъ признаются людьми *тайнами*, т.-е. предметами, которые умъ человѣческій постичь не можетъ“.

Проф. Сѣченовъ, очевидно, ошибается. Математическія аксіомы вовсе не логическія

аксіомы, и обязательны только при изслѣдованіи количественныхъ и пространственныхъ отношеній, а никакъ не при всякомъ логическомъ мышленія. Поэтому уклоненіе факта, не подлежащаго условіямъ количества и пространства, отъ математическихъ истинъ вовсе не дѣлаетъ его тайной, непостижимой для ума.

„По его (т.-е. моимъ) словамъ, въ основѣ вывода лежатъ *простые* факты. Стало быть, фактъ, заключающій въ себѣ данныя вывода, простъ, а выводъ непостижимъ для человѣческаго ума. Другой абсурдъ".

Это со стороны критика не болѣе, какъ игра словъ. Называя фактъ раздвоенія души простымъ, я вовсе не думалъ утверждать, что онъ не есть сложный, а хотѣлъ только выразить, что онъ всѣмъ общедоступенъ и извѣстенъ, что онъ бросается въ глаза по своей, такъ сказать, обыденности.

„Всѣ физики, химики, ботаники и зоологи всѣхъ странъ признаютъ, что органическіе и неорганическіе предметы, растенія и животныя управляются въ сущности одинаковыми законами. Стало быть, *между ними не существуетъ такихъ страшныхъ различій*, какъ *между раздвояющимся и все-таки цѣльнымъ психическимъ и любымъ физическимъ организмомъ*. Аналогія приведена, слѣдовательно, неправильная, да притомъ приведеніе ея нелогично: ужъ если разъ сказано, что примѣрами изъ матеріальнаго міра объяснить раздвоеніе нельзя, то какъ же можно примирить умъ съ этимъ раздвоеніемъ, ссылаясь именно на факты матеріальнаго міра".

Я не ссылаюсь на факты матеріальнаго міра, чтобъ объяснить ими раздвоеніе психическаго организма, а привожу эти факты только для того, чтобъ какъ можно нагляднѣе оттѣнить глубокое различіе основного психическаго факта отъ фактовъ не-психическихъ. Въ этомъ, я полагаю, нѣтъ ничего нелогическаго. Что касается до истины, что органическіе и неорганическіе предметы управляются *въ сущности* одними законами, то она, очевидно, относится только къ матеріальнымъ составнымъ частямъ растеній и животныхъ. Способъ комбинацій этихъ матеріальныхъ частей и законы такихъ комбинацій составляютъ для естествовѣдѣнія такую же тайну, какъ и міръ психическихъ явленій.

Вотъ всѣ возраженія проф. Сѣченова. Они могутъ быть характеризованы въ слѣдующихъ немногихъ словахъ. Критикъ не потрудился внимательно прочесть „Задачи Психологіи". По нѣкоторымъ отрывочнымъ мѣстамъ и выраженіямъ онъ заключилъ, что я—послѣдователь нѣмецкихъ идеалистическихъ философскихъ ученій, и потому возражаетъ противъ многихъ тезисовъ философскаго идеализма, въ полной увѣренности, что опровергаетъ меня. Къ недоразумѣніямъ такого рода сводится большая часть полемики проф. Сѣченова. Но, затѣмъ, есть нѣсколько психологическихъ вопросовъ, на которые мы дѣйствительно смотримъ совершенно различно. Къ разрѣшенію этихъ вопросовъ проф. Сѣченовъ приступаетъ съ предвзятой, ничѣмъ еще недоказанной мыслью, что психическія явленія управляются тѣми же самыми законами, какими управляются явленія, доступныя внѣшнимъ чувствамъ. Ставъ на такую точку зрѣнія, критикъ, при анализѣ психическихъ явленій, отступаетъ отъ методы и пріемовъ положительнаго изслѣдованія, которыхъ придерживается въ своихъ физіологическихъ изысканіяхъ, и обращается въ послѣдователя старыхъ философскихъ школъ, противъ которыхъ полемизируетъ. Еслибъ проф. Сѣченовъ захотѣлъ, отбросивъ всякія гипотезы, анализировать психическія явленія по правиламъ положительнаго, точнаго метода, то я увѣренъ, что наше разномысліе и по тѣмъ пунктамъ, въ которыхъ мы теперь не сходимся, окончилось бы полнымъ соглашеніемъ.

Отъ „Возраженій" проф. Сѣченова перехожу теперь къ его статьѣ: „Кому и какъ разработывать психологію"?

II.

Въ статьѣ: „Кому и какъ заниматься психологіей"—проф. Сѣченовъ старается положить основанія психологіи, какъ науки. При разсмотрѣніи этой статьи наши роли перемѣняются: изъ обороны я перехожу въ наступленіе, проф. Сѣченовъ изъ истца обращается въ отвѣтчика. Такая двойная повѣрка нашихъ мнѣній выяснитъ читателю во всей подробности наши точки отправленія, наши пріемы, и доставитъ ему матеріалъ, совершенно достаточный для того, чтобы рѣшить кто изъ насъ правъ и въ какой мѣрѣ.

Статья проф. Сѣченова есть полный, законченный этюдъ, посвященный развитію той

мысли, что психическая дѣятельность, по основному своему типу, есть явленіе совершенно аналогическое съ нервными рефлексами и находится съ ними въ тѣснѣйшей связи. Мысль эта проведена блестяще, съ тою ясностью и послѣдовательностью, которыми отличается все, что выходитъ изъ-подъ пера почтеннаго ученаго. Ни одна мелкая подробность, служащая къ выясненію и подтвержденію основной темы, не опущена; все, что можно сказать о психическихъ процессахъ и актахъ съ физіологической точки зрѣнія, сказано; загадочная связь психическаго и матеріальнаго освѣщена съ новой стороны, которая открываетъ въ этой неизвѣстной пока цѣпи новыя почти незамѣченныя звѣнья и новые пункты сближенія между дѣятельностями, столь повидимому разнородными. Въ этомъ смыслѣ психологическій этюдъ проф. Сѣченова безспорно есть богатый вкладъ въ науку, которая не замедлитъ имъ воспользоваться.

Если бы вся задача ученаго ограничивалась выясненіемъ, съ новой точки зрѣнія, физіологическихъ условій психической дѣятельности и процессовъ, попыткой отпрепарировать физіологическіе элементы отъ психическихъ, при помощи новаго, неиспробованнаго еще пріема, то конечно, не нашлось бы ни одного психолога, къ какой бы онъ ни принадлежалъ школѣ, который не поспѣшилъ бы выразить проф. Сѣченову полное свое сочувствіе. Но авторъ идетъ гораздо дальше. Вмѣсто ожидаемыхъ научныхъ изслѣдованій, мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ гипотезъ, одна другой смѣлѣе, высказанныхъ весьма рѣшительно, но безъ всякихъ доказательствъ. Читатель, мало знакомый съ психологическими вопросами, ознакомясь съ этюдомъ проф. Сѣченова, подумаетъ, что одни глупцы или невѣжды могутъ съ нимъ не согласиться,—съ такою увѣренностью онъ высказываетъ предположенія въ видѣ доказанныхъ и передоказанныхъ научныхъ истинъ, или аксіомъ, противъ которыхъ и возражать нечего. Но кто хоть немного вдумался въ психическія явленія, отъ того, при нѣсколько внимательномъ чтеніи, не могутъ укрыться такіе ненаучные пріемы въ области знанія, которая по своей темнотѣ и запутанности болѣе, чѣмъ всякая другая, требуетъ самаго осторожнаго и внимательнаго примѣненія положительнаго метода изслѣдованія.

Нѣсколько подробный разборъ замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ труда проф. Сѣченова наглядно докажетъ справедливость этихъ общихъ замѣчаній.

Психологическій этюдъ проф. Сѣченова состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой устанавливается психологическій вопросъ; во второй опредѣляется матеріалъ и методъ психологическихъ изслѣдованій; въ третьей части разсматривается, съ точки зрѣнія автора, психическое развитіе человѣка отъ колыбели до того момента, когда онъ вступаетъ въ полное обладаніе своими умственными и нравственными силами. Эта часть работы относится къ двумъ первымъ, какъ частная къ общей, или какъ повѣрка общихъ началъ на частномъ случаѣ.

Въ первой главѣ излагаются предпосылки научной психологіи, и потому она должна быть разсмотрѣна съ особеннымъ вниманіемъ. Авторъ объясняетъ, что всякій, кто допускаетъ возможность психологіи, какъ науки, но находитъ, что она наука еще не установившаяся, не можетъ не признать: 1) „что у человѣка нѣтъ никакихъ спеціальныхъ умственныхъ орудій для познаванія психическихъ фактовъ, въ родѣ внутренняго чувства или психическаго зрѣнія, которое, сливаясь съ познаваемымъ, познавало бы продукты сознанія непосредственно, по существу“; 2) что „объекты ея изученія, психическіе факты, должны принадлежать къ явленіямъ въ высшей степени сложнымъ“, и 3) что „психическая жизнь вся цѣликомъ, или по крайней мѣрѣ нѣкоторые отдѣлы ея, должны быть подчинены столько же непреложнымъ законамъ, какъ (и) явленія матеріальнаго міра“. Послѣдній пунктъ признается, впрочемъ, всѣми. „Единственный камень преткновенія въ дѣлѣ принятія мысли о непреложности законовъ, управляющихъ психическою жизнью, составляетъ, такъ-называемая, произвольность поступковъ человѣка. Но статистика новѣйшаго времени бросила неожиданный свѣтъ и въ эту запутанную сферу психическихъ явленій, доказавъ цифрами, что нѣкоторыя изъ дѣйствій человѣка, принадлежащихъ къ разряду наиболѣе произвольныхъ (наприм., вступленіе въ бракъ, самоубійство и пр.), подчинены опредѣленнымъ законамъ, если разсматривать ихъ не на отдѣльныхъ лицахъ, а на массахъ, притомъ за болѣе или менѣе значительные промежутки времени. Впрочемъ, и незави-

симо отъ этихъ драгоцѣнныхъ указаній статистики, не трудно убѣдиться, съ общей точки зрѣнія, что даже по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ произвольность никогда не достигаетъ размѣровъ, нарушающихъ опредѣленную правильность, законность человѣческихъ дѣйствій".

Всѣ эти предпосылки, сами по себѣ вѣрныя, въ виду употребленія, которое проф. Сѣченовъ дѣлаетъ изъ нихъ впослѣдствіи, могутъ быть приняты не иначе, какъ съ весьма существенными оговорками.

Что психическія явленія въ высшей степени сложны—это совершенно справедливо. Но отсталость психологіи объясняется не этимъ, а тѣмъ, что мы и до сихъ поръ не выучились еще смотрѣть на нихъ съ положительной точки зрѣнія, а безпрестанно вносимъ въ ихъ изслѣдованіе свои любимые идеи и взгляды. Психологическій этюдъ проф. Сѣченова служитъ тому самымъ свѣжимъ и убѣдительнымъ доказательствомъ. Что произвольность никогда не выходитъ за предѣлы опредѣленной правильности человѣческихъ дѣйствій—также совершенно вѣрно; но въ этомъ смыслѣ произвольность и не противорѣчитъ мысли о непреложности законовъ, управляющихъ психическою жизнью человѣка. Этой мысли дѣйствительно бы противорѣчили выводы статистики, еслибъ можно было доказать, что всѣ данныя, на которыхъ они основаны, вытекли ихъ произвольной дѣятельности человѣка; но такъ какъ статистическіе пріемы еще не достигли той степени совершенства, при которой произвольныя дѣйствія различались бы отъ непроизвольныхъ, то изъ статистическихъ цифръ нельзя еще покуда дѣлать никакихъ сколько-нибудь вѣрныхъ заключеній о роли и значеніи произвольности въ суммѣ человѣческихъ дѣйствій и поступковъ. Но главнымъ предметомъ недоразумѣній все-таки остается то, что проф. Сѣченовъ говоритъ о психическомъ зрѣніи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что у человѣка нѣтъ психическаго органа для познаваніи психическихъ фактовъ, *по существу*; но познавать непосредственно и познавать по существу—двѣ вещи разныя. Мы непосредственно познаемъ внѣшній міръ, но никто не рѣшится доказывать, что мы познаемъ его по существу. Психическое зрѣніе видимо мѣшаетъ проф. Сѣченову; онъ желалъ бы отъ него отдѣлаться, но никакъ не можетъ. Этотъ психическій фактъ стоитъ весьма твердо, его нельзя ни обойти, ни выбросить изъ науки психологіи. Мало того, психическое зрѣніе и продуктъ его, сознаніе, познаетъ и внѣшнія явленія, доступныя внѣшнимъ чувствамъ, и психическіе факты, которые не подлежатъ внѣшнимъ чувствамъ и о которыхъ мы узнаемъ *исключительно только* чрезъ психическое зрѣніе. Стало быть, не имѣя никакого умственнаго орудія для познаванія чего-либо *по существу*, мы имѣемъ, однако, въ психическомъ зрѣніи средство узнавать факты, которые, будучи недоступны внѣшнимъ чувствамъ, никогда бы не были нами узнаны, еслибъ то, что мы знаемъ, доходило до нашего сознанія только путемъ внѣшнихъ впечатлѣній.

Но одной возможности науки психологіи мало. Чтобы она дѣйствительно стала наукой, необходимо доказать непреложность психическихъ явленій не только въ общихъ чертахъ, но и въ частностяхъ. Наука, говоритъ проф. Сѣченовъ, „должна расчленить цѣльное явленіе до возможныхъ предѣловъ, свести сложныя отношенія на болѣе простыя". Поэтому психологія должна прежде всего „выработать общіе принципы, какъ расчленять, анализировать психическія явленія".

Къ этой предпосылкѣ, повидимому безспорной, тоже слѣдуетъ отнестись съ крайней осторожностью. Если подъ „непреложностью" психическихъ явленій въ частностяхъ проф. Сѣченовъ разумѣетъ роковой исходъ каждаго психическаго процесса, съ совершеннымъ исключеніемъ самопроизвольности, то ставить такое требованіе отъ психологіи я считаю ошибочнымъ, потому что въ ней самопроизвольность есть вопросъ открытый и спорный, требующій изслѣдованія. Какимъ же образомъ, когда такой вопросъ еще не разрѣшенъ, приступать къ психическимъ явленіямъ съ предвзятой мыслью, заимствованной изъ другой области знанія, гдѣ эта мысль оправдалась фактами? Такой путь не есть научный, а философскій. Другое дѣло, если бы проф. Сѣченовъ поставилъ вопросъ такъ: доказано, что въ естественныхъ наукахъ всѣ явленія непреложны. Изслѣдуемъ, также ли примѣняется этотъ общій законъ и ко всѣмъ психическимъ явленіямъ? Тогда избранный авторомъ путь былъ бы вполнѣ научный; но проф. Сѣченовъ, еще не приступая къ дѣлу, заранѣе уже предрѣшаетъ, что найдетъ и чего не

найдетъ. Такъ поступали философы стараго закала.

Что правильный анализъ изучаемаго явленія составляетъ первый шагъ на пути научнаго изученія—это, конечно, безспорно. Но, во-первыхъ, анализировать, расчленять явленіе, какъ справедливо говоритъ самъ проф. Сѣченовъ въ другомъ мѣстѣ, можно только при помощи сравненія между собою однородныхъ явленій; а во-вторыхъ, всегда ли непремѣнно анализъ ведетъ къ открытію непреложности явленія,—это еще вопросъ. Разложить явленіе на его составныя части, еще не значитъ доказать его неизбѣжность. Напримѣръ, если я, подъ вліяніемъ спора, чтобъ доказать способность человѣка къ самопроизвольности, начну дѣлать одно за другимъ всѣ тѣ движенія, которыя мнѣ извѣстны, то каждое изъ этихъ движеній можетъ быть проанализировано физіологомъ въ малѣйшей подробности, но непреложность ихъ этимъ не будетъ доказана. Слѣд. и заключеніе отъ анализа къ непреложности явленія, безошибочное въ одной области знанія, можетъ, въ примѣненіи къ другой, оказаться не аксіомой, а гипотезой, требующей повѣрки.

Переходя къ опредѣленію общихъ принциповъ, ка̀къ анализировать психическія явленія, проф. Сѣченовъ прежде всего напоминаетъ, что при всякомъ изученіи надо восходить отъ простого къ сложному, а не наоборотъ, и затѣмъ сравнивать сложные факты съ болѣе простыми, схожими съ ними въ томъ или другомъ отношеніи. Такое сходство представляетъ психическая жизнь отдѣльнаго человѣка только съ психическими проявленіями у животныхъ. А какъ, съ другой стороны, элементы психической жизни отдѣльныхъ людей опредѣляютъ явленія общественной жизни, то исходнымъ матеріаломъ для разработки психическихъ фактовъ должны бы служить, какъ простѣйшія, психическія явленія у животныхъ. Но сравнительное научное изученіе психологіи животныхъ и человѣка еще въ зародышѣ; къ тому же сравненіе конкретныхъ фактовъ большей и меньшей сложности можетъ повести только къ сведенію сложной конкретной формы на простую, а не къ расчлененію простой формы; между тѣмъ, надобно найти способъ расчленять конкретныя психическія явленія у животныхъ. Средства для такого расчлененія нѣтъ, потому что одна изъ наиболѣе выдающихся сторонъ психическихъ явленій—сознательный элементъ можетъ быть изслѣдованъ только при помощи самонаблюденія. Значитъ, сравнительная психологія не можетъ вести къ аналитическому изученію психическихъ явленій.

Признаюсь, вся эта аргументація для меня не совсѣмъ понятна. Исходнымъ матеріаломъ для разработки психическихъ фактовъ должны служить, какъ простѣйшія, психическія проявленія у животныхъ, а не у человѣка. Но сравнительная психологія не даетъ способа расчленять у первыхъ простыя конкретныя психическія явленія, потому что сознательныхъ элементъ—одна изъ наиболѣе выдающихся сторонъ психическихъ явленій,—можетъ подлежать изслѣдованію только черезъ самонаблюденіе. Если я правильно понялъ и передалъ мысль проф. Сѣченова, то противъ нея можно сказать очень многое. Во-первыхъ, что̀ значитъ расчленять, анализировать, въ отличіе отъ сравненія? Самое сравненіе есть уже анализъ, расчлененіе, потому что нельзя сравнивать, не анализируя, не расчленяя, и результатъ сравненія есть вмѣстѣ послѣдствіе расчлененія. Идетъ ли рѣчь о томъ, что̀ выражается словомъ „узнавать", или о научномъ знаніи, другими словами, объ опредѣленія закона, общей формулы явленія, умственная процедура въ томъ и другомъ случаѣ будетъ совершенно одинакова, а именно: предметъ, при помощи сравненія съ другими предметами, анализируется, расчленяется, и составные его элементы по одиночкѣ сопоставляются съ извѣстными уже предметами, т.-е. съ прежними однородными впечатлѣніями или съ законами, а въ заключеніе резюмируется результатъ операціи расчлененія и сравненія. Если это такъ, то сравнительная психологія должна заключать въ себѣ всѣ условія положительной науки, не прибѣгая ни къ какому другому анализу или расчлененію психическихъ явленій. Подробное сравнительное изученіе конкретныхъ психическихъ фактовъ изъ жизни животныхъ и человѣка тотчасъ же поведетъ къ указанію, какія формы простѣйшія и какія болѣе сложныя. Составныя части послѣднихъ выяснятся совершенно чрезъ ихъ анализъ или расчлененіе, при помощи сравненія; черезъ сравненіе выяснятся также и законы тѣхъ и другихъ. Словомъ, относительно психическихъ фактовъ достигнуто будетъ этимъ путемъ то же, что̀ достигается тѣмъ же пу-

темъ относительно всякихъ другихъ конкретныхъ фактовъ: получится положительное научное знаніе. Какого же еще тутъ нужно другого, особаго анализа и расчлененія?

Мнѣ возразятъ, что психическій міръ животныхъ намъ неизвѣстенъ и недоступенъ, потому что ихъ психическихъ движеній мы наблюдать не можемъ. Но въ этомъ смыслѣ невозможна и психологія людей, такъ какъ кругъ такого рода знанія каждаго отдѣльнаго человѣка ограничивается поневолѣ однимъ самонаблюденіемъ. Однако наука открыла способы заглядывать и въ тайники субъективной жизни, казавшіеся навсегда скрытыми отъ постороннихъ глазъ. Психическая жизнь выражается во внѣшнихъ явленіяхъ, оставляетъ по себѣ внѣшніе слѣды, которые находятся съ психическими фактами въ извѣстномъ, постоянномъ, правильномъ соотвѣтствіи. Эти слѣды наука заботливо собрала, сохранила, критически провѣрила и очистила и создала себѣ въ нихъ чрезвычайно разнообразный и богатый объективный матеріалъ для изслѣдованія невидимыхъ психическихъ движеній. Такъ какъ и психическая жизнь животныхъ тоже выражается во внѣшнихъ слѣдахъ, то и она, точно также, стала чрезъ нихъ достояніемъ науки, сдѣлалась доступной научному изслѣдованію.

Но и сознаніе, какъ и другіе психическіе факты, выражается тоже во внѣшнихъ фактахъ или слѣдахъ, и я никакъ не могу понять, почему проф. Сѣченовъ думаетъ, что именно сознательный элементъ подлежитъ изслѣдованію исключительно только на себѣ, при помощи одного самонаблюденія? Всѣ ощущенія, чувства и мысли столько же предметъ одного самонаблюденія. Даже внѣшнія впечатлѣнія—и тѣ мы знаемъ только черезъ самонаблюденіе, и нѣтъ никакой возможности доказать, что всѣ люди, испытывающіе на себѣ дѣйствіе одного и того же внѣшняго явленія, получаютъ совершенно одинаковое впечатлѣніе. Развивая послѣдовательно свою мысль, проф. Сѣченовъ былъ бы вынужденъ признать всю область знанія предметомъ самонаблюденія и отказать ей въ объективной достовѣрности. Если же онъ признаетъ, что психическія явленія могутъ быть изучаемы помимо самонаблюденія, то онъ долженъ признать то же самое и относительно сознанія. О послѣднемъ мы разсуждаемъ, ведемъ споръ, о немъ написаны цѣлыя книги. Какъ же это было бы возможно, еслибъ каждый только про себя зналъ, что такое сознаніе, еслибъ оно не подлежало психологическому анализу, расчлененію? Сознаніе, какъ актъ психическаго зрѣнія, съ особенною яркостью выражается въ осязательныхъ внѣшнихъ явленіяхъ—въ художественныхъ созданіяхъ, въ письмѣ, вообще во всѣхъ созданіяхъ человѣческихъ рукъ. Во всемъ, гдѣ проведена какая-нибудь мысль, въ ближайшей обстановкѣ человѣка, созданной около него посреди внѣшней природы изъ даннаго ею матеріала, но нисколько не похожей на природу, сознаніе выражается въ осязательныхъ фактахъ. Повторяю, для меня не совсѣмъ понятно, что хотѣлъ сказать проф. Сѣченовъ, утверждая, что нѣтъ способа ресчленять конкретныя психическія явленія у животныхъ, главнѣйше потому, что сознательный элементъ можетъ подлежать изслѣдованію только при помощи самонаблюденія. Повидимому, подъ анализомъ, расчлененіемъ, здѣсь слѣдуетъ разумѣть какое-то особенное, специфическое примѣненіе анализа. Объ этомъ можно догадываться изъ послѣдующаго, а именно: оставя въ сторонѣ сравнительную психологію, проф. Сѣченовъ обращается къ физіологіи и въ ней отыскиваетъ матеріалъ для сравненія съ психическими явленіями человѣка. „Физіологія—говоритъ онъ,—представляетъ цѣлый рядъ данныхъ, которыми установляется родство психическихъ явленій съ такъ-называемыми нервными процессами въ тѣлѣ, актами чисто соматическими“.

Почему именно физіологическіе, а не психическіе факты оказываются болѣе удобными для анализа и расчлененія психическихъ явленій, этого авторъ нигдѣ не говоритъ, и значеніе, какое онъ придаетъ анализу и расчлененію, такъ и остается неразъясненнымъ. Но все равно, пойдемъ за нимъ. Почему не сопоставить психическихъ фактовъ съ физіологическими? Всякое сравненіе хорошо, даетъ ли оно положительные или отрицательные результаты, — хорошо потому, что такъ или иначе, а этимъ непремѣнно выясняется какая-нибудь сторона предмета.

Главнѣйшими изъ данныхъ, которыми доказывается родство (точнѣе говоря, тѣснѣйшая связь) психическихъ явленій съ нервными процессами, проф. Сѣченовъ весьма справедливо считаетъ слѣдующіе: 1) самые простѣйшіе изъ психическихъ актовъ требу-

ютъ для своего происхожденія опредѣленнаго времени, которое тѣмъ больше, чѣмъ актъ сложнѣе; 2) психическая дѣятельность требуетъ для своего происхожденія (я бы сказалъ *предполагаетъ*) анатомо-физіологической цѣлости головного мозга; 3) зачатки или по крайней мѣрѣ задатки психической дѣятельности, съ которыми родится человѣкъ, развиваются, очевидно изъ (я бы сказалъ *при*) чисто-матеріальныхъ субстратовъ, яйца и сѣмени; 4) черезъ посредство этихъ же матеріальныхъ субстратовъ передаются по родству очень многія изъ индивидуальныхъ психическихъ особенностей, и иногда такія, которыя относятся къ разряду очень высокихъ проявленій, напр., наслѣдственность талантовъ; 5) ясной границы между завѣдомо тѣлесными нервными актами и явленіями, которыя всѣми признаются за психическія, не существуетъ ни въ одномъ мыслимомъ отношеніи; 6) физіологія, изучая явленія въ тѣлѣ, въ связи съ устройствомъ послѣдняго, доказала въ новѣйшее время тѣсную связь между всѣми характерами данныхъ представленій (я бы прибавилъ: *о внѣшнихъ явленіяхъ*) и устройствомъ соотвѣтствующихъ органовъ чувствъ.

Перечисленными данными очевидно и несомнѣнно доказывается тѣснѣйшая связь матеріальной и психической жизни и совершенная невозможность послѣдней и ея отправленій помимо матеріальнаго субстрата. Конечно, всѣ выраженія, которыми предрѣшается ничѣмъ недоказанная мысль о генерическомъ возникновеніи психической жизни и явленій изъ тѣлесныхъ, нервныхъ, должны быть тщательно устранены. Кромѣ того, не слѣдуетъ ни на минуту терять изъ виду, что авторъ говоритъ только о тѣхъ психическихъ явленіяхъ, которыя обнаруживаются, проявляются во внѣшнемъ мірѣ, или возникаютъ вслѣдствіе соприкосновенія психической среды съ внѣшними матеріальными фактами. Множество другихъ психическихъ явленій, которыхъ нельзя безспорно отнести къ тому или другому изъ указанныхъ разрядовъ, лежатъ внѣ перечисленныхъ выше данныхъ. Наконецъ, я долженъ еще напомнить читателю, что тѣсная связь психическихъ явленій и матеріальныхъ фактовъ, въ тѣхъ предѣлахъ и съ тѣми оговорками, на которыхъ я настаиваю, опираясь на правила положительнаго изслѣдованія и знанія, открывается физіологу только тогда, когда онъ начнетъ сравнивать между собою впечатлѣнія внѣшнихъ чувствъ съ явленіями психическими, недоступными органамъ внѣшнихъ чувствъ, другими словами, когда онъ уже на половину выйдетъ изъ предѣловъ своей науки и вступитъ въ область другой; ибо очевидно, что, оставаясь исключительно на почвѣ своей науки, вращаясь въ кругѣ однѣхъ соматическихъ данныхъ, физіологъ никакъ не можетъ придти къ разсмотрѣнію и изслѣдованію фактовъ, не подлежащихъ внѣшнимъ чувствамъ.

За этими необходимыми оговорками я готовъ признать, что сопоставленіе физіологическихъ нервныхъ явленій съ внѣшними проявленіями психической жизни дѣйствительно представляетъ богатый матеріалъ для изученія послѣдней. Посмотримъ же, какъ пользуется имъ проф. Сѣченовъ въ своихъ психологическихъ изслѣдованіяхъ.

Изъ приведенныхъ выше шести пунктовъ, доказывающихъ тѣсную связь психическихъ явленій съ нервными процессами, проф. Сѣченовъ подробно развиваетъ только пятый (нѣтъ ясной границы между завѣдомо нервными актами и психическими явленіями). „Чтобъ доказать пятый пунктъ, — говоритъ онъ,—мнѣ будетъ достаточно доказать родство соматическихъ нервныхъ процессовъ съ низшими формами дѣятельностей высшихъ органовъ чувствъ, потому что дѣятельности эти уже со времени Локка признаются всѣми, если не исключительными, то главными источниками психическаго развитія".

Здѣсь проф. Сѣченовъ дѣлаетъ прыжокъ, и перескакиваетъ, вопреки требованіямъ положительнаго метода изслѣдованія, нѣсколько гипотезъ, считая ихъ, конечно, за истины уже доказанныя.

Во-первыхъ, родствомъ (?) соматическихъ нервныхъ процессовъ съ низшими формами дѣятельностей высшихъ органовъ чувствъ невозможно доказать, „что ни въ одномъ мыслимомъ отношеніи" не существуетъ ясной границы между соматическими нервными актами и психическими явленіями вообще, потому что, во-вторыхъ, дѣятельности высшихъ органовъ чувствъ очень многими не признаются ни исключительными, ни главными источниками психическаго развитія, а лишь первыми по времени пробудителями психической самодѣятельности; наконецъ, въ-третьихъ, есть цѣлая масса психическихъ фактовъ, которыхъ происхожденіе изъ дѣя-

тельностей высшихъ органовъ чувствъ оспаривается.

Слѣдовательно, чтобы принять посылку проф. Сѣченова отъ частнаго къ общему, именно, чтобы имѣть право изъ родства (точнѣе изъ тѣсной связи) нервныхъ актовъ съ низшими формами дѣятельностей высшихъ органовъ чувствъ заключить о томъ, что между этими нервными актами и *всѣми* психическими явленіями нѣтъ ясной границы ни въ какомъ мыслимомъ отношеніи, слѣдовало бы напередъ по крайней мѣрѣ доказать, что продуктами дѣятельности высшихъ органовъ чувствъ исчерпывается весь кругъ психическихъ явленій. Но именно этого-то проф. Сѣченовъ и не доказалъ; обойдя этотъ важный спорный пунктъ, онъ поступилъ не научно. Мы увѣрены, что въ области физіологіи онъ ни себѣ, ни другому не дозволилъ бы такого произвольнаго вывода.

Моя поправка къ умозаключеніямъ проф. Сѣченова будетъ такая: аналогія и сходство между нервными актами и низшими формами дѣятельностей высшихъ органовъ чувствъ служитъ научнымъ указаніемъ на тотъ болѣе общій фактъ, что психическая дѣятельность, насколько она обращена къ внѣшнему міру и съ нимъ соприкасается, подчинена однимъ законамъ съ соотвѣтствующей ей соматической дѣятельностью нервовъ. Такой выводъ, основываясь на обслѣдованныхъ и доказанныхъ фактахъ, былъ бы согласенъ съ правилами положительнаго знанія.

Къ сожалѣнію, съ логическими и методическими ошибками въ научномъ изслѣдованіи бываетъ то же самое, что̀ и съ ошибками въ математическихъ выкладкахъ; разъ проскользнувъ, онѣ фатальнымъ образомъ отзываются на послѣдующихъ заключеніяхъ, при всѣхъ неоспоримыхъ достоинствахъ ученаго труда. Такъ случилось и съ выводами проф. Сѣченова. Его остроумное, блестящее сопоставленіе психическихъ и нервныхъ актовъ есть и останется счастливою мыслью, которая не мало будетъ способствовать научной разработкѣ и выясненію законовъ психическихъ явленій; но его ненаучные пріемы дѣлаютъ плодотворную мысль, въ томъ видѣ, какъ она развита въ этюдѣ, мало полезною для психологіи, потому что они вводятъ въ нее, какъ доказанныя научныя истины, положенія или весьма сомнительнаго свойства, или очевидно ошибочныя и ложныя.

Авторъ сопоставляетъ съ дѣятельностями органовъ чувствъ тѣ изъ нервныхъ процессовъ тѣла, которые происходятъ по типу такъ-называемыхъ рефлексовъ. Общее между ними то, что и тѣ и другіе возникаютъ изъ внѣшняго возбужденія чувствующей поверхности, всегда входящей въ составъ дѣйствующаго аппарата. Въ рефлексѣ различаются, по словамъ проф. Сѣченова, три главныхъ момента: начало акта—возбужденіе чувствующей поверхности, середина—дѣятельность центра, и конецъ — проявленіе возбужденія въ сферѣ мышцъ и железъ. Внѣшняя физіономія рефлексовъ опредѣляется только началомъ и концомъ ихъ; середина недоступна непосредственному наблюденію. Каждый рефлексъ въ типической формѣ является цѣлесообразнымъ движеніемъ—въ смыслѣ доставленія тѣлу какихъ-нибудь пользъ — движеніемъ, неизбѣжно вытекающимъ изъ внѣшняго толчка на опредѣленную часть рефлекторнаго снаряда, носящую названіе чувствующей поверхности.

Тотъ же самый типъ подмѣчаетъ проф. Сѣченовъ и въ обычныхъ продуктахъ дѣятельности низшихъ и высшихъ органовъ чувствъ. Начало ихъ точно также состоитъ въ возбужденіи чувствующихъ снарядовъ, конецъ—въ движеніяхъ. Значеніе послѣднихъ исчерпывается пользами тѣла, его охраной отъ всякихъ невзгодъ, что̀ мы приписываемъ чувству самосохраненія. Разница между рефлексами и послѣдняго рода дѣятельностями заключается только въ томъ, что тамъ движеніе служитъ розничнымъ цѣлямъ организма, здѣсь—валовымъ, сохраненію его въ цѣлости. Животное пускаетъ въ ходъ обоняніе, слухъ, зрѣніе и кожныя ощущенія, чтобы обезпечить себя отъ голода, холода и непріятелей. Уши, глаза, носъ и кожа служатъ ему руководителями для достиженія этихъ цѣлей. По мнѣнію проф. Сѣченова, такая разница есть „очевидно количественная, и уже никакъ не существенная", а между тѣмъ, весь актъ самосохраненія, начинающійся возбужденіемъ органовъ чувствъ и оканчивающійся цѣлесообразнымъ дѣйствіемъ, есть психическій актъ низшаго разряда, въ которомъ на лицо всѣ элементы разсужденія, умозаключенія и разумнаго поступка.

Но кромѣ начала и конца, сравниваемыя явленія, т.-е. рефлексы и дѣятельности органовъ чувствъ, имѣютъ еще середину. Если сопоставить простѣйшій рефлексъ и одну

изъ наиболѣе сложныхъ дѣятельностей органовъ чувствъ (напр., миганіе и актъ испуга), то разница окажется съ перваго взгляда громадною; въ первомъ, кромѣ движенія, нѣтъ ничего, а во второмъ—серединѣ соотвѣтствуетъ цѣлый рядъ психическихъ дѣятельностей. Но и простѣйшіе рефлексы сопровождаются, при извѣстной степени возбужденія чувствующей поверхности, ощущеніемъ. Оно-то, какъ думаетъ проф. Сѣченовъ, и есть средній членъ рефлексовъ, которые, слѣдовательно, и съ этой стороны, сходны съ дѣятельностями высшихъ органовъ чувствъ; здѣсь и тамъ „средніе члены акта, какъ виды чувствованія, по природѣ сродны другъ съ другомъ". Вся разница только въ степени сложности или расчленяемости чувства.

Если мы станемъ разсматривать рефлексы по значенію чувствованія въ процессѣ и по степени его сложности, то въ первомъ отношеніи найдемъ, что въ однихъ сознательное чувствованіе не играетъ въ актѣ, повидимому, никакой существенной роли и можетъ происходить при отсутствіи сознанія; въ другихъ же, напротивъ, оно является необходимымъ факторомъ, опредѣляющимъ или начало, или ходъ, или конецъ рефлекса; во второмъ отношеніи, мы тоже видимъ въ рефлексахъ извѣстную постепенность. Начинаясь въ однихъ почти безсознательными проявленіями, чувствованіе переходитъ въ другихъ въ ясно сознаваемыя формы, способныя лишь къ количественнымъ колебаніямъ; а въ сферѣ низшихъ органовъ чувствъ является уже расчленяемость ощущенія, а именно: оно видоизмѣняется съ измѣненіемъ импульсовъ, дѣйствующихъ на чувствующій снарядъ, не только количественно, но и качественно, и эти измѣненія отражаются даже въ характерѣ двигательной реакціи. Въ высшихъ органахъ чувствъ эта качественная видоизмѣняемость ощущеній, соотвѣтственно видоизмѣненію внѣшнихъ импульсовъ, достигаетъ, наконецъ, громадныхъ размѣровъ. Такія различія между дѣятельностями разныхъ чувствующихъ снарядовъ опредѣляются различіями въ организаціи послѣднихъ. У иныхъ она сравнительно проста, у другихъ сложнѣе, у третьихъ чрезвычайно сложна. Соотвѣтственно съ этими градаціями усиливается и расчленяемость чувствованія.

За инстинктивными дѣйствіями, вытекающими изъ чувства самосохраненія, слѣдуютъ въ восходящемъ порядкѣ дѣйствія, въ которыя замѣшивается воля. Проф. Сѣченовъ доказываетъ, что та же аналогія съ рефлексами простирается и на нихъ. „Передъ волей,—говоритъ онъ,—рефлексъ и продуктъ дѣятельности высшихъ органовъ чувствъ равны; она (воля) столько же легко, хотя, конечно, и не такъ разнообразно, можетъ опредѣляться къ дѣятельности и чувствованіями низшаго порядка". Слѣд. и въ отношеніи воли рефлексы и низшія формы дѣятельностей органовъ чувствъ не представляютъ существенныхъ различій, а однѣ лишь количественныя градаціи.

Выводы эти проф. Сѣченовъ заканчиваетъ общимъ сравнительнымъ обозрѣніемъ трехъ членовъ рефлекторнаго акта по различнымъ его градаціямъ. Изъ этого обзора я приведу здѣсь только то, что болѣе или менѣе дополняетъ или поясняетъ его мысль.

Въ сферѣ рефлексовъ натуральные толчки, вызывающіе явленія, отличаются по своему дѣйствію крайнимъ однообразіемъ; въ сферѣ же органовъ чувствъ они, по мѣрѣ восхожденія отъ вкуса къ зрѣнію, являются все болѣе и болѣе разнообразными. Но въ томъ и другомъ случаѣ они, эти толчки, и по природѣ и по своему значенію, остаются одинаковыми. Въ первомъ отношеніи, они суть физическія, химическія или смѣшанныя вліянія на чувствующія поверхности нашего тѣла, а во второмъ—производящія причины явленій.

Относительно среднихъ членовъ проф. Сѣченовъ не допускаетъ сомнѣнія, что они „продукты организаціи чувствующихъ снарядовъ". Только установка ихъ значенія по отношенію къ крайнимъ членамъ акта требуетъ, по его мнѣнію, нѣкоторыхъ разъясненій. Для того, чтобъ впечатлѣніе на высшіе органы чувствъ дошло до сознанія, нужно, какъ извѣстно, вниманіе. Изъ этого можно бы заключить, что средній членъ не всегда неизбѣжно слѣдуетъ за первымъ. Этотъ выводъ авторъ опровергаетъ тѣмъ, что невнимательность всегда обусловливается или тѣмъ, что сознаніе занято другимъ, болѣе сильнымъ представленіемъ, или нѣтъ условій для дѣятельности высшаго органа чувствъ. Совершенно аналогичные факты существуютъ и въ сферѣ рефлексовъ. Слѣд., заключаетъ проф. Сѣченовъ, связь между первымъ и вторымъ членами роковая.

Связь второго члена съ третьимъ, опредѣляется тѣмъ, что „чувствованіе *повсюду* (?)

имѣетъ значеніе регулятора движенія, другими словами, первое вызываетъ послѣднее и видоизмѣняетъ его по силѣ и направленію". Аномалія представляется на первый взглядъ въ тѣхъ случаяхъ, когда побужденіе чувствующаго снаряда, давая средній членъ, не выражается извнѣ никакимъ движеніемъ, и, слѣд., третьяго члена какъ будто недостаетъ. Но это не такъ. Въ дѣйствительности, ощущеніе въ этомъ случаѣ возбуждаетъ не двигательные снаряды тѣла, а, наоборотъ, аппараты, задерживающіе движеніе. Въ томъ и другомъ случаѣ ощущеніе остается, такимъ образомъ, регуляторомъ движенія: „управленіе этими (задерживающими движеніе) снарядами, замѣчаетъ авторъ, сознаніе приписываетъ, какъ извѣстно, волѣ".

Наконецъ, градацію въ характерахъ трехъ членовъ проф. Сѣченовъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ. Въ низшихъ формахъ рефлексовъ вся двигательная механика родится уже готовой, а въ высшихъ формахъ третьими членами являются у человѣка лишь заученныя движенія. „Правда, движенія эти заучиваются въ очень раннемъ возрастѣ, когда о разумѣ не можетъ быть и рѣчи; съ другой стороны, у нѣкоторыхъ животныхъ даже и эти движенія родятся готовыми на свѣтъ; но все же у человѣка разница между обѣими формами очевидна". Впрочемъ есть и рефлексы, которые способны къ извѣстнаго рода культурѣ, обученію; стало быть, въ дѣлѣ заучаемости, движенія высшаго разряда все-таки не стоятъ совсѣмъ особнякомъ.

Таково родство, открытое проф. Сѣченовымъ между нервными рефлексами и психическими процессами. Сопоставленія и заключенія его, приводимыя въ доказательство этой мысли, до того, произвольны, что напоминаютъ пріемы трансцендентальнаго идеализма, а не положительнаго знанія.

Исходной точкой для изслѣдованія служитъ нервный рефлексъ. Его простѣйшая форма дана самой природой. Начало его или первый членъ — раздраженіе чувствующей поверхности, послѣдній —движеніе, вызванное этимъ раздраженіемъ. Какъ совершается переходъ отъ перваго члена къ послѣднему —объ этомъ мы ничего не знаемъ. Извѣстно только, что раздраженіе чувствующей поверхности въ однихъ рефлексахъ можетъ сопровождаться сознаваемымъ ощущеніемъ, но можетъ и не сопровождаться, въ другихъ непремѣнно сопровождается, наконецъ въ третьихъ, никогда имъ не сопровождается. Между первымъ и послѣднимъ членами рефлекса есть роковая, неизбѣжная связь и правильное соотвѣтствіе, какъ между условіями явленія и самымъ явленіемъ. Наконецъ, форма рефлективнаго движенія опредѣлена устройствомъ рефлекторнаго аппарата и оно совершается съ механическимъ однообразіемъ, съ машинообразною правильностью.

Чтобъ заключеніе о родствѣ соматическихъ явленій съ психическими было вполнѣ правильно и убѣдительно, надо взять, для сравненія, такой соматическій типъ, къ которому бы не примѣшивалось ничего психическаго.

Подобный типъ представляютъ рефлексы, не достигающіе сознанія и на которые воля не простирается. Они—чисто соматическіе, дѣйствуютъ по физіологическимъ законамъ, внѣ всякаго вліянія психическаго элемента, даны природой и имѣютъ вполнѣ машинообразный, роковой характеръ. Отъ нихъ слѣдуетъ отличать рефлексы, которые тоже не подлежатъ волѣ, но доступны сознанію: мы ихъ ощущаемъ. Проф. Сѣченовъ обобщаетъ оба эти явленія и считаетъ ощущеніе необходимою составною частью всякаго рефлекса. Желательно бы знать, по правиламъ какой логики выведено такое заключеніе? Если есть рефлексы, не достигающіе сознанія, то это значитъ, что рефлективныя движенія могутъ обойтись и безъ него.

То же самое, и по той же причинѣ, должно сказать и объ участіи воли въ ходѣ нѣкоторыхъ рефлексовъ. Проф. Сѣченовъ бросаетъ мимоходомъ фразу, что воля „столько же легко, хотя, конечно, и не такъ разнообразно, можетъ опредѣляться къ дѣятельности и чувствованіями низшаго порядка". Здѣсь, очевидно, извращено самое понятіе о волѣ. Воля можетъ *вызываться* къ дѣятельности чувствованіями, но *опредѣляться* ими —никогда, потому что въ такомъ случаѣ она не была бы волей. Но главное—изъ участія воли въ ходѣ рефлективнаго акта можно только вывести, что она вмѣшивается въ разныя отправленія, въ томъ числѣ и въ нѣкоторыя изъ рефлективныхъ явленій. Заключать же отсюда о родствѣ послѣднихъ съ первыми никакъ нельзя, развѣ разумѣть подъ родствомъ—родство между собою всего существующаго, въ родѣ того, какъ всѣ люди родня между собою по Адаму.

Другое—дѣло способность нѣкоторыхъ рефлексовъ къ культурѣ. Ихъ культура можетъ зависѣть отъ дѣйствія на нихъ воли, о которомъ я уже сказалъ; или же прирожденная форма рефлекса можетъ видоизмѣняться вслѣдствіе внѣшнихъ, чисто соматическихъ условій, которыя мѣшаютъ ему совершаться по законамъ прирожденнаго механизма, или вынуждаютъ видоизмѣнить его дѣйствіе. Такая культура рефлекса есть фактъ чисто физіологическій и не имѣетъ ничего общаго съ участіемъ психическихъ элементовъ въ рефлективныхъ явленіяхъ.

Промежуточное мѣсто между рефлексами и дѣятельностями органомъ чувствъ занимаютъ различныя побужденія, производимыя физіологическими состояніями тѣла, которымъ соотвѣтствуютъ извѣстныя движенія. Сюда припадлежатъ, напримѣръ, ощущеніе голода, жажды, холода и другія. Я выдѣляю ихъ въ особую группу, потому что самъ проф. Сѣченовъ повидимому запрудняется, куда, ихъ причислить: къ рефлексамъ, или дѣятельностямъ органовъ чувствъ [1]). Простѣйшія формы явленій этого порядка имѣютъ вполнѣ рефлективный характеръ. Нѣкоторыя животныя (насѣкомыя и птицы), тотчасъ же по выходѣ изъ яйца, принимаются за ѣду, какъ будто уже давно были обучены къ движеніямъ, которыми сопровождается принятіе пищи. Можетъ быть голоду же, а не раздраженію слизистой оболочки губъ, слѣдуетъ также приписать движенія, при которыхъ происходитъ сосаніе груди новорожденнымъ младенцемъ. Очевидно, что такого рода движенія—не заученныя, а даны природою, и если не всегда, то во многихъ случаяхъ совершаются безсознательно, слѣд. имѣютъ чисто соматическій, рефлективный характеръ. Но несомнѣнно, что они, какъ и нѣкоторые рефлексы, могутъ потомъ сдѣлаться предметомъ сознанія и подлежатъ дѣйствію воли. Болѣе сложныя явленія этого разряда, по характеру своему, ближе подходятъ къ явленіямъ, которыя проф. Сѣченовъ называетъ дѣятельностями низшихъ и высшихъ органовъ чувствъ; поэтому я буду разсматривать тѣ и другія вмѣстѣ.

[1]) Въ разбираемой мною статьѣ, на стр. 556 и 557 говорится объ ощущеніяхъ голода, жажды, холода, какъ о начальномъ членѣ дѣятельности низшихъ органовъ чувствъ; а на стр. 558, 559 и 561 о голодѣ и и жаждѣ говорится какъ о начальныхъ актахъ рефлексовъ.

Дѣятельности органовъ чувствъ очень ясно отличаются отъ рефлективныхъ. Отличіе это главнымъ образомъ опредѣляется усиливающимся постепенно вмѣшательствомъ психическихъ элементовъ.

Во-первыхъ, возбужденіе чувствующей поверхности производитъ движеніе не само собою, не помимо сознанія, какъ въ рефлексѣ, а непремѣнно пройдя черезъ сознаніе. Изъ этого слѣдуетъ, что оно, въ этого рода явленіяхъ, дѣйствительно становится необходимымъ посредствующимъ звеномъ между раздраженіемъ поверхности и соотвѣтствующими ему движеніями. Проф. Сѣченовъ маскируетъ это вмѣшательство психическихъ элементовъ, говоря, что чувствованіе служитъ регуляторомъ движеній. Но что же это значитъ? Въ рефлексѣ раздраженіе непосредственно переходитъ въ движенія; въ дѣятельностяхъ, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, раздраженіе переходитъ сперва въ ощущеніе, а ощущеніе опредѣляетъ движенія. Но вѣдь это-то и показываетъ, что въ рефлексѣ и возбужденіе и движеніе—чисто соматическаго свойства, а дѣятельность органовъ чувствъ отдѣлена отъ соотвѣтствующихъ ей двигательныхъ отправленій психическимъ моментомъ, который является между ними посредствующимъ, связующимъ звеномъ.

Во-вторыхъ, въ рефлексѣ простѣйшей формы движеніе опредѣляется непосредственно раздраженіемъ чувствующей поверхности. Послѣднее есть производящая причина перваго. Когда есть раздраженіе, за нимъ неизбѣжно слѣдуетъ, помимо сознанія и воли, извѣстное движеніе, опредѣленное раздраженіемъ. По этой зависимости не только двигательнаго отправленія, но и самой формы его отъ раздраженія и его свойствъ, каждый, не обинуясь, отнесетъ его къ чисто соматическимъ явленіямъ. Совсѣмъ другой характеръ имѣютъ движенія, вызываемыя дѣятельностью органовъ чувствъ. Голодъ, холодъ, разныя физіологическія побужденія, которыя проф. Сѣченовъ относитъ къ этому разряду, безспорно вызываютъ животное и человѣка къ извѣстнаго рода движеніямъ, направленнымъ къ тому, чтобъ удовлетворить этимъ побужденіямъ; но уже роковой, машинообразной связи между извѣстнымъ побужденіемъ и извѣстною формою двигательныхъ отправленій мы не замѣчаемъ. Одно и то же побужденіе можетъ быть удовлетво-

рено тысячами различныхъ пріемовъ, смотря по обстоятельствамъ и условіямъ. Когда животному или человѣку хочется ѣсть, пить и т. п., нѣтъ сомнѣнія, что они почувствуютъ потребность исполнить всѣ тѣ движенія, которыя необходимы для того, чтобъ ввести въ нихъ пищу и питье; въ этомъ смыслѣ, возбужденія, относящіяся къ этой категоріи, имѣютъ правильное отношеніе къ соотвѣтствующимъ имъ движеніямъ, и потому они дѣйствительно какъ будто имѣютъ сходство съ нервными рефлексами; но рефлективный типъ представляетъ въ нихъ значительныя измѣненія, состоящія въ томъ, что непосредственная связь между раздраженіемъ чувствующей поверхности и движеніемъ является значительно ослабленной, отношенія между тѣмъ и другимъ гораздо свободнѣе, не имѣютъ того рокового характера, который поражаетъ въ чисто-соматическихъ рефлексахъ. Рядомъ съ тѣмъ, въ правильной соразмѣрности съ разобщеніемъ между собою двухъ крайнихъ членовъ рефлекса усиливается дѣятельная роль психическихъ элементовъ, которые въ рефлексахъ—и то не во всѣхъ—заявляютъ свое присутствіе только сознаніемъ ощущенія, а въ болѣе сложныхъ дѣятельностяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, пріобрѣтаютъ существенное значеніе, становятся такъ-сказать центромъ тяжести цѣлаго явленія. Такъ, ощущеніе голода и процессы ѣды посредствуются цѣлымъ рядомъ движеній, въ которыхъ трудно отрицать дѣятельную роль психическихъ элементовъ. Проф. Сѣченовъ всячески старается стушевать эту роль соображеніями, которыя даже при поверхностномъ взглядѣ на дѣло оказываются ошибочными. Рефлексы, говоритъ онъ, удовлетворяютъ розничнымъ цѣлямъ организма, а дѣятельности органовъ чувствъ—оптовымъ, сохраненію тѣла. Это замѣчаніе очень остроумно, но оно мало разъясняетъ вопросъ постепеннаго перехода соматическихъ явленій въ психическія. Всякое соматическое явленіе, по существу своему, есть розничное. Вмѣшательство въ игру оптовыхъ цѣлей служитъ явнымъ и несомнѣннымъ признакомъ участія въ рефлексѣ психическаго элемента, такъ какъ только онъ даетъ средства, преслѣдуя одну и ту же цѣль, измѣнять способы дѣйствія, смотря по обстоятельствамъ, и разнообразить ихъ до безконечности; форма чисто соматическаго рефлективнаго движенія, напротивъ, всегда одинакова, именно потому, что оно роковымъ образомъ непосредственно слѣдуетъ за возбужденіемъ, безъ всякаго посредничества психическихъ элементовъ.

Чтобы пояснить свой взглядъ на дѣло, я разберу одно мѣсто изъ этюда проф. Сѣченова, которое, во многихъ отношеніяхъ, очень характеристично. На стр. 556 онъ говоритъ: „Животное пускаетъ въ ходъ обоняніе, слухъ, зрѣніе и кожныя ощущенія, чтобы обезпечить себя отъ голода, холода и непріятелей. Но уши, глаза, носъ и кожа не сами по себѣ достигаютъ этихъ частныхъ цѣлей, они служатъ для животнаго лишь руководителями въ дѣлѣ, — самая цѣль достигается разнообразнѣйшими формами движенія. Голодъ заставляетъ животное идти на добычу, но направленіе его поискамъ даютъ органы чувствъ. Стоитъ хоть немного вдуматься въ огромную область относящихся сюда фактовъ, совокупность которыхъ обозначаютъ именемъ дѣятельностей, вытекающихъ изъ чувства самосохраненія, и всякій найдетъ въ нихъ тѣ же элементы, какъ въ рефлексахъ: и здѣсь начало акта есть возбужденіе чувствующихъ снарядовъ (ощущеніе голода, жажды, холода, вліяніе на глазъ, уши и носъ), а конецъ — движеніе“. Здѣсь смѣшаны у проф. Сѣченова явленія совершенно различныя: голодъ, жажда, холодъ съ одной стороны, дѣятельность органовъ чувствъ—съ другой, желаніе обезпечить себя отъ непріятелей — съ третьей. Нельзя не согласиться, что голодъ, жажда, холодъ— явленія соматическія; также вѣрно и то, что въ нихъ заключается основная побудительная причина различныхъ движеній, цѣль которыхъ удовлетворить вызванную ими потребность: утолить голодъ, жажду, согрѣться. Значитъ, между этими побудительными причинами и вызванными ими движеніями дѣйствительно существуютъ извѣстныя правильныя отношенія, но этимъ и ограничивается сходство такихъ явленій съ рефлексами. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ между ними — большая разница, которая сразу бросается въ глаза. Въ рефлексѣ раздраженіе чувствующей поверхности производитъ извѣстное движеніе; голодъ, жажда, холодъ не переходятъ прямо, непосредственно въ движенія, разсчитанныя на ихъ удовлетвореніе. Средства удовлетворенія указываются органами чувствъ, и безъ ихъ указаній голодъ, жажда, холодъ, сами по себѣ, не переходятъ въ

дѣйствіе. Такимъ образомъ оказывается, что психическій элементъ, какъ и было объяснено выше, вдвигается въ промежутокъ между извѣстнымъ физіологическимъ состояніемъ и способами удовлетворенія вызванной имъ потребности и опредѣляетъ ихъ взаимныя отношенія, чего въ соматическихъ рефлексахъ нѣтъ вовсе. Что касается далѣе органовъ чувствъ, то дѣятельность ихъ имѣетъ двойственный характеръ: соматическій и психическій. Это видно изъ того, что одни раздраженія органовъ чувствъ производятъ рефлективныя движенія (наприм., прикосновеніе къ глазу вызываетъ миганіе), другія производятъ специфическую дѣятельность этихъ органовъ — вкусовыя, слуховыя зрительныя и т. д. ощущенія. Эти ощущенія, при извѣстныхъ условіяхъ, тоже могутъ вызывать рефлекторныя движенія, безспорно соматическаго характера (наприм., вздрагиванія при неожиданно-сильномъ звукѣ). Но тѣ двигательныя отправленія, которыя проф. Сѣченовъ приписываетъ органамъ чувствъ въ качествѣ регуляторовъ движеній, принадлежатъ вовсе не этимъ органамъ, а психическимъ дѣятелямъ—представленіямъ; органы же чувствъ играютъ въ этомъ случаѣ только роль проводниковъ. Что это дѣйствительно такъ, не трудно провѣрить на примѣрахъ и опытахъ. Положимъ, кто-нибудь прицѣливается изъ ружья. Зрительное впечатлѣніе этого акта будетъ совершенно одинаково, знаетъ ли тотъ, на кого направлено дуло, что выстрѣлъ можетъ убить его наповалъ, или не знаетъ, извѣстно ему, что ружье не заряжено, или не извѣстно, готовъ онъ спокойно встрѣтить смерть или не готовъ; однако во всѣхъ этихъ случаяхъ двигательныя отправленія того, противъ кого ружье направлено, будутъ совершенно различны. Значитъ не зрительное ощущеніе само по себѣ производитъ движеніе, а отношеніе вызываемыхъ ими представленій къ жизни и опытности человѣка или животнаго, т.-е. психическіе элементы. Итакъ, регуляторами движенія являются они, а никакъ не органы чувствъ; послѣдніе только передаютъ дѣйствія на чувствующую поверхность въ психическіе центры, стало быть играютъ второстепенную, а вовсе не главную роль. Наконецъ, проф. Сѣченовъ ставитъ голодъ и холодъ на одну доску съ непріятелями. Оно можетъ быть и справедливо, если судить по количеству наносимаго тѣми и другими вреда; но въ психологическомъ этюдѣ предполагается другая точка зрѣнія, съ которой такое сопоставленіе совершенно непонятно. Представленіе о непріятелѣ есть психологическій выводъ изъ наблюденій, а не дѣло непосредственнаго ощущенія, вызваннаго соматическимъ дѣйствіемъ на органы чувствъ. Нужно ли доказывать, что лошадь боится волка не потому только, что его видитъ, а потому, что знаетъ опасность, грозящую ей отъ волка. Городскія лошади, не имѣющія понятія о волкахъ, ѣдутъ преспокойно мимо нихъ, не чуя никакой бѣды.

Возвращаюсь къ параллели, проведенной проф. Сѣченовымъ между рефлексами и дѣятельностями органовъ чувствъ.

Ощущенія, вызываемыя дѣятельностями органовъ чувствъ, начинаясь простѣйшими, оканчиваются чрезвычайно сложными, или, какъ выражается авторъ, расчлененными. Разница эта зависитъ отъ устройства или механизма органовъ, которые раздѣляются на низшіе и высшіе. Для проф. Сѣченова этотъ несомнѣнный фактъ служитъ основаніемъ къ продолженію параллели и установленію родства соматическихъ рефлексовъ съ дѣятельностью не только низшихъ, но и высшихъ органовъ чувствъ. Но если аналогія съ первыми слаба, то тѣмъ болѣе должна быть слаба аналогія съ послѣдними и по тѣмъ же причинамъ. По мѣрѣ того какъ возрастаетъ сложность, расчлененность и тонкость ощущеній, усиливается вмѣшательство психическихъ элементовъ, все болѣе и болѣе разобщаются раздраженія чувствующей поверхности съ такъ-называемымъ у проф. Сѣченова третьимъ членомъ рефлекса, такъ что подъ конецъ всякій слѣдъ связи между ними теряется; вмѣстѣ съ тѣмъ такъ-называемый средній членъ этихъ мнимыхъ рефлексовъ — психическая дѣятельность — пріобрѣтаетъ значеніе и регулятора ощущеній и регулятора движеній. Эти факты, разрушающіе теорію проф. Сѣченова, онъ старается устранить и перетолковать по-своему, но безуспѣшно. Ощущенія безспорно „продукты организаціи чувствующихъ снарядовъ“, или, выражаясь точнѣе, свойство и характеръ ощущеній безспорно обусловливаются организаціей чувствующихъ снарядовъ; но какъ сказано, ощущеніе не есть средній членъ рефлекса. Дѣятельность высшихъ органовъ чувствъ производитъ ощущеніе, но не цѣлесообразныя движенія, которыя опре-

дѣляются психическою дѣятельностью. Органы чувствъ только доставляютъ послѣдней матеріалъ, и этимъ ограничивается ихъ призваніе. Въ этомъ смыслѣ, и допуская разъ цѣлесообразность въ явленіяхъ природы, правильнѣе было бы сказать, что органы чувствъ становятся болѣе и болѣе сложными, производимыя ими ощущенія—болѣе и болѣе расчлененными, тонкими и разнообразными, по мѣрѣ того, какъ соматическая дѣятельность отодвигается на второй планъ, а на первый, на ея мѣсто, выступаетъ психическая. Чтобы раздраженіе чувствующей поверхности органа произвело ощущеніе, нужно вниманіе: двигательныя отправленія могутъ быть различныя—и положительныя и отрицательныя —смотря по тому, на что дѣйствуетъ воля— на двигательные или задерживающіе аппараты. Эти два явленія—необходимое участіе вниманія для полученія ощущенія и зависимость дѣятельности двигательныхъ и задерживающихъ аппаратовъ отъ воли проф. Сѣченовъ старается обратить въ пользу своей теоріи, по весьма неудачно. „Анализъ условій невнимательности, — говоритъ онъ, — всегда показываетъ, что въ ту минуту, какъ глазъ долженъ былъ бы видѣть или ухо слышать,—или сознаніе занято какимъ-нибудь болѣе сильнымъ представленіемъ, или не существуетъ условій для того, чтобы глазъ могъ присматриваться или ухо прислушиваться. Это доказывается еще и тѣмъ, что совершенно аналогичные факты существуютъ и въ сферѣ рефлексовъ... Значитъ связь между первымъ и вторымъ членами роковая". Устраняя случаи, вовсе сюда не относящіеся, именно, когда органъ чувства не можетъ воспринять впечатлѣніе по какимъ-нибудь соматическимъ препятствіямъ, и останавливаясь исключительно на тѣхъ, когда ощущеніе дѣлается невозможнымъ по недостатку вниманія, я рѣшительно отказываюсь понять, какъ можетъ быть рѣчь о роковой связи между раздраженіемъ чувствующей поверхности органа и ощущеніемъ, когда извѣстно, что нужно еще вниманіе, чтобъ ощущеніе произошло? Если, для произведенія ощущенія, нужно вниманіе, то очевидно, что одно раздраженіе поверхности, само по себѣ, произвести ощущенія не можетъ, и это служитъ новымъ доказательствомъ, что, какъ я уже сказалъ, ощущеніе не есть средній членъ соматическаго рефлекса. Ошибка происходитъ здѣсь, очевидно, отъ неправильнаго взгляда автора на ощущеніе. Ему повидимому думается, что при ощущеніи все дѣло только въ дѣйствіи предмета на чувствующую поверхность; но на самомъ дѣлѣ оно вовсе не такъ. Дѣйствіе на поверхность не производитъ ощущенія и есть чисто соматическое, до тѣхъ поръ, пока оно не сообщится въ нервные центры и не вызоветъ дѣятельности сознанія. Примѣры тому приведены въ „Задачахъ Психологіи". Мы не замѣчаемъ бабочки, сидящей на стволѣ дерева и совершенно подходящей по виду къ древесной корѣ, хотя бабочка несомнѣнно дѣйствуетъ на нашъ зрительный органъ; мы ее замѣчаемъ лишь тогда, когда вниманіе наше будетъ возбуждено какой-нибудь подробностью, дошедшей до сознанія и которая заставитъ насъ отыскивать на деревѣ бабочку. Проф. Сѣченовъ ссылается на то, что и нѣкоторые рефлексы невозможны безъ вниманія. Но этотъ аргументъ говоритъ не въ его пользу, а противъ него, и подтверждаетъ, что ощущеніе не есть членъ рефлекса, а только сопровождаетъ нѣкоторыя рефлективныя явленія. Что касается двигательныхъ отправленій, то нѣтъ сомнѣнія, что и цѣлесообразныя движенія и задержанія ихъ относятся къ одной и той же категоріи. Но когда за однимъ и тѣмъ же раздраженіемъ поверхности чувствующаго органа можетъ слѣдовать и цѣлесообразное движеніе и задержаніе двигательныхъ отправленій, то можетъ ли быть рѣчь о роковой связи между первымъ и послѣдними? Очевидно, что такія явленія выходятъ изъ области нервныхъ рефлексовъ и объясняются не законами соматическихъ фактовъ. Обыденная психологія поступаетъ научнѣе проф. Сѣченова, приписывая въ такихъ случаяхъ двигательныя отправленія не рефлексамъ, а психическимъ элементамъ— именно волѣ.

Наконецъ, что въ дѣятельностяхъ органовъ чувствъ между возбужденіемъ чувствующей поверхности и двигательными отправленіями нѣтъ роковой связи—это видно уже и изъ того, что послѣднія, по сознанію самого проф. Сѣченова, суть заученныя. „Въ низшихъ формахъ рефлексовъ,—говоритъ онъ, —вся двигательная механика родится уже готовой на свѣтъ... а въ высшихъ формахъ нашего ряда (дѣятельностей органовъ чувствъ?) третьими членами являются, по крайней мѣрѣ у человѣка, лишь заученныя движенія... Правда, движенія эти заучиваются въ

очень раннемъ возрастѣ, когда о разумѣ не можетъ быть и рѣчи; съ другой стороны, у нѣкоторыхъ животныхъ даже и эти движенія родятся готовыми на свѣтъ; но все же у человѣка разница между обѣими формами очевидна". Какимъ образомъ происходитъ заучаемость движеній—это другой вопросъ. Но если движенію надобно напередъ выучиться, то что же, спрашивается, въ немъ похожаго на нервный рефлексъ, гдѣ движеніе прямо дано и готово? Не явное ли это доказательство, что между двумя мнимыми членами рефлекса нѣтъ уже никакой непосредственной связи и вся сила заключается не въ превращеніи раздраженія въ движеніе, а въ такъ-называемомъ среднемъ членѣ, въ психической дѣятельности?

Я позволилъ себѣ войти во всѣ эти подробности только потому, что на родствѣ нервныхъ рефлексовъ съ психическими явленіями построенъ весь взглядъ проф. Сѣченова на психическую жизнь. Отъ степени убѣдительности его аргументаціи въ доказательство этого родства зависитъ правильность всей его теоріи. Что же оказывается въ результатѣ самаго внимательнаго разбора? Основная мысль—сопоставленіе нервныхъ рефлексовъ съ психическими явленіями, повторяю, одна изъ самыхъ счастливыхъ. При такомъ сопоставленіи мы можемъ шагъ за шагомъ слѣдить за постепеннымъ переходомъ отъ явленій физіологическихъ къ психическимъ, наблюдать появленіе первыхъ признаковъ участія психическихъ элементовъ въ физіологическихъ фактахъ и постепенное усиленіе этого участія до того момента, когда психическая дѣятельность получаетъ рѣшительное преобладаніе и подчиняетъ себѣ физіологическія явленія, которыхъ формула вмѣстѣ съ тѣмъ существенно перерождается. Такимъ образомъ, для положительнаго изученія психическихъ явленій открываются новыя перспективы, для объясненія ихъ подыскивается новый ключъ. Но всѣмъ этимъ проф. Сѣченовъ пользовался какъ философъ стараго закала. Вмѣсто того, чтобъ открывать и описывать еще неподмѣченныя стороны явленій, ярко освѣщенныя весьма удачной постановкой вопроса, онъ задался безнадежной и безплодной темой доказать однородность психическихъ явленій съ соматическими. Сбитый съ строго научнаго пути предвзятыми теоріями, онъ громоздитъ гипотезу на гипотезѣ, которыя всѣ распадаются, какъ карточные домики, при малѣйшемъ прикосновеніи, и не замѣчаетъ, что подобранные имъ факты разбиваютъ его теорію. Чисто матеріальную форму нервнаго рефлекса онъ сопоставляетъ не только съ дѣятельностями низшихъ и высшихъ органовъ чувствъ, но даже съ актами чисто психическими и доказываетъ что они построены по одному типу. Я, конечно, не имѣлъ бы ничего возразить противъ попытки слѣдить за постепенными перерожденіями рефлекторнаго типа въ психическія дѣятельности, еслибъ ученый авторъ, слѣдя шагъ за шагомъ за такимъ перерожденіемъ, указывалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и на постепенное усиленіе психическихъ элементовъ и соотвѣтственное ослабленіе рокового характера рефлекторныхъ актовъ. Но онъ поступаетъ наоборотъ: изъ психическихъ видоизмѣненій рефлекторнаго акта онъ выбрасываетъ все психическое, то-есть то, что придаетъ ему новый видъ и новое значеніе, и при помощи такихъ пріемовъ весьма легко приходитъ къ выводу, что рефлекторные и психическіе акты родственны между собою по природѣ. Да, дѣйствительно родственны, насколько психическіе акты суть соматическіе. И разсаженныя аллеями, подстриженныя деревья въ англійскомъ саду родственны по природѣ съ деревьями, которыя растутъ въ лѣсу сами собою; разница только въ томъ, что комбинація тѣхъ и другихъ различная. А въ этой-то комбинаціи вся сила!

Каждый знаетъ, что дѣятельности внѣшнихъ органовъ чувствъ, съ соотвѣтствующими имъ внѣшними дѣйствіями, далеко не исчерпываютъ всего круга психическихъ явленій, хотя и занимаютъ между ними весьма видное мѣсто. Мысль сблизить между собою обращенныя къ внѣшнему міру отправленія органовъ чувствъ и двигательныхъ снарядовъ, повторяю опять, кажется мнѣ весьма счастливой. Въ „Задачахъ Психологіи" я ходилъ около той же мысли, хотя изложилъ ее съ гораздо меньшимъ знаніемъ дѣла и успѣхомъ, чѣмъ проф. Сѣченовъ. Но какимъ образомъ онъ, изъ-за нея, просмотрѣлъ психическіе элементы,—это остается для меня совершенно непонятнымъ.

На основаніи разобранныхъ выше и, какъ оказалось, крайне шаткихъ данныхъ, проф. Сѣченовъ смѣло выводитъ, что „нѣтъ ни единой мыслимой стороны, которою низшіе продукты дѣятельности органовъ чувствъ су-

щественно отличались бы отъ рефлекторныхъ процессовъ тѣла,—всѣ разницы между ними чисто количественнаго свойства". Отсюда другой выводъ: „соматическіе нервные процессы и низшія формы психическихъ явленій, вытекающія изъ дѣятельностей высшихъ органовъ чувствъ, родственны между собою по природѣ". И то и другое совершенно справедливо, но съ такой оговоркой: *насколько* низшіе продукты дѣятельности органовъ чувствъ и низшія формы психическихъ явленій, вытекающія изъ дѣятельностей высшихъ органовъ чувствъ, *имѣютъ соматическій, а не психическій характеръ*.

Съ этой оговоркой проф. Сѣченовъ, конечно, не согласенъ. Напротивъ, онъ идетъ далѣе, и снова ссылаясь „на точку зрѣнія Локка относительно источниковъ психической жизни, раздѣляемую лишь съ немногими ограниченіями всѣми (?) современными психологическими школами", заключаетъ, что „соматическіе нервные процессы родственны со всѣми вообще психическими явленіями, имѣющими корни въ дѣятельностяхъ органовъ чувствъ, къ какому бы порядку явленія эти ни принадлежали".

Но, во-первыхъ, Локкъ говорилъ объ источникахъ психической жизни въ смыслѣ содержанія идей и представленій, а вовсе не въ смыслѣ генетическаго ея происхожденія, къ которому ведетъ вся аргументація проф. Сѣченова; во-вторыхъ, Локкъ, кромѣ внѣшнихъ впечатлѣній, признавалъ источникомъ идей и представленій рефлексіи, т.-е. то, что̀ я называю психическими впечатлѣніями. Отъ зоркой наблюдательности геніальнаго основателя научной психологіи не ускользнуло, что есть идеи и представленія, которыя невозможно свести на внѣшнія впечатлѣнія; ихъ-то онъ и приписалъ рефлексіямъ,—отраженіямъ въ сознаніи психическихъ фактовъ; въ-третьихъ, не только не всѣ современныя психологическія школы раздѣляютъ взглядъ проф. Сѣченова, который онъ ошибочно считаетъ тожественнымъ съ точкою зрѣнія Локка, но напротивъ, именно объ этомъ пунктѣ и идетъ между психологами горячій споръ, въ которомъ одни отстаиваютъ мнѣніе проф. Сѣченова, а другіе, напротивъ, не допускаютъ возможности свести источники психической жизни къ однимъ соматическимъ нервнымъ процессамъ, ни вывести всѣ психическія явленія изъ дѣятельностей органовъ чувствъ.

Самъ проф. Сѣченовъ встрѣчаетъ на пути къ своему общему выводу „очень распространенный предразсудокъ", состоящій въ томъ, что „психическими актами называются тѣ неизвѣстные по природѣ душевныя движенія, которыя отражаются въ сознаніи ощущеніемъ, представленіемъ, чувствомъ и мыслью", что „*психическое* лишь то, что̀ *сознательно*, другими словами, что психическій актъ начинается съ момента его появленія въ сознаніи и кончается съ переходомъ въ безсознательное состояніе". Предразсудокъ этотъ авторъ называетъ величайшимъ заблужденіемъ и обѣщаетъ представить достовѣрныя доказательства, что это дѣйствительно такъ, въ третьей главѣ (читатель увидитъ ниже, какъ мало убѣдительны эти доказательства). Здѣсь же онъ приводитъ противъ него слѣдующія соображенія: если такой взглядъ на психическое справедливъ, то „какое значеніе пріобрѣтаютъ тогда рѣчь и письмена, служащія внѣшнимъ выраженіемъ мысли, и вся вообще внѣшняя дѣятельность человѣка?". Если такой взглядъ справедливъ, то „что дѣлается съ тѣмъ легіономъ случаевъ практической жизни, изъ которыхъ даже обыденное сознаніе выводитъ заключеніе, что такой-то сознательный поступокъ человѣка есть продуктъ его матеріальной обстановки или нравственной среды, въ которой онъ живетъ, другой—продуктъ вліянія окружающихъ лицъ или голоса чувственности?" Отвѣтъ на эти вопросы находимъ у самого же профессора Сѣченова. Въ первомъ случаѣ это будутъ факты воздѣйствія души на тѣло, а въ послѣднемъ—воздѣйствіе матеріи и тѣла на душу. По взгляду автора, явленія перваго порядка могутъ быть „безъ малѣйшей натяжки" приравнены тремъ членамъ психическихъ актовъ низшаго порядка, а явленія второго порядка суть импульсы къ актамъ, эквивалентные первымъ членамъ низшихъ формъ психической дѣятельности. „Что же разумнѣе,—продолжаетъ проф. Сѣченовъ,—попытаться ли проводить нашу аналогію и за предѣлы чувственности, въ виду того, что есть тьма случаевъ, когда психическая дѣятельность является похожей, ну, хоть даже съ виду, на рефлекторные акты, или остановясь на какой-нибудь отдѣльной формѣ психической дѣятельности, въ родѣ приведенныхъ примѣровъ, разорвать изъ-за ея внѣшняго вида (?) на части то, что̀ связано

природой (то-есть оторвать сознательный элементъ отъ своего начала, внѣшняго импульса, и конца поступка), вырвать изъ цѣлаго середину, обособить ее и противопоставить остальному, какъ „психическое“ „матеріальному?“ Отвѣтъ, разумѣется, дается тотъ, что разумнѣе смотрѣть на психическое, какъ на средній членъ рефлекса. Взгляды, несогласные съ этимъ объясненіемъ, авторъ считаетъ не болѣе, какъ логическими или даже діалектическими увертками, которыми, въ самомъ счастливомъ случаѣ, можно удовлетворить только спекулятивный умъ, но никакъ не разрѣшать такіе ярко реальные вопросы, какъ факты такъ-называемаго взаимодѣйствія души и тѣла. „Въ мысли же о родственности нервныхъ и психическихъ процессовъ,—говоритъ въ заключеніе проф. Сѣченовъ,—всѣ эти факты содержатся, наоборотъ, какъ части въ цѣломъ“.

Самое разумное,—отвѣчу я на это, съ полной увѣренностью встрѣтить сочувствіе такого сильнаго въ положительномъ знаніи ученаго, какъ проф. Сѣченовъ, самое разумное—это проводить аналогію такъ далеко, какъ только она хватаетъ, только не насилуя и не искажая фактовъ. Пойдемъ хоть отъ мысли, что типъ нервнаго рефлекса лежитъ въ основаніи массы соматическихъ и психическихъ явленій, и будемъ поступать такъ: гдѣ только *извѣстное дѣйствіе на чувствующую поверхность имѣетъ своимъ роковымъ послѣдствіемъ извѣстное движеніе*, смѣло причислимъ такое явленіе къ числу рефлективныхъ, будетъ оно сознательное или безсознательное, психическое или соматическое. Въ этихъ границахъ ни обыденная, ни научная психологія не будутъ въ состояніи оспаривать вывода; примѣненіе аналогіи будетъ побѣдоносное. Указаніе рефлективныхъ явленій въ кругѣ психическихъ фактовъ существенно подвинетъ разрѣшеніе научнаго вопроса первой важности, и стоящаго на очереди, именно, въ какой мѣрѣ психическія и матеріальныя явленія управляются одними и тѣми же законами, другими словами, въ какой степени и до какихъ предѣловъ психическія явленія имѣютъ характеръ матеріальныхъ, соматическихъ. Но какъ только переступится граница точнаго наблюденія и изслѣдованія, и аналогія станетъ примѣняться произвольно, какъ только мы начнемъ орудовать гипотезой, какъ доказанной научной истиной, рекомендуя въ то же время противникамъ лаконическое „не знаемъ“, мы тотчасъ же, можетъ быть, незамѣтно для насъ самихъ, преобразуемся въ философовъ стараго закала, и ни обыденная, ни научная психологія не послѣдуютъ за нами на этотъ скользкій, опасный и вовсе не научный путь.

Пусть проф. Сѣченовъ посудитъ самъ. Онъ предполагаетъ, что каждое психическое движеніе непремѣнно вызывается внѣшними возбужденіями. Развѣ это доказано? Онъ смотритъ на каждое внѣшнее выраженіе воли, какъ на послѣдній членъ рефлекторнаго акта, начало котораго лежитъ въ дѣятельности органовъ чувствъ. Но кто же приметъ этотъ тезисъ на вѣру? Отъ него потребуютъ положительныхъ доказательствъ, что это дѣйствительно такъ. А гдѣ же они, эти доказательства? Проф. Сѣченовъ видитъ въ сложной психической дѣятельности, раздѣляющей внѣшнія впечатлѣнія отъ внѣшнихъ дѣйствій, нѣчто въ родѣ передаточнаго механизма, который не по своей волѣ приводится въ движеніе и неизбѣжно, какъ какой-нибудь химическій процессъ, приводитъ къ извѣстнымъ двигательнымъ отправленіямъ. Это мнѣніе находится въ вопіющемъ противорѣчіи съ выводами обыденной психологіи и съ заключеніями множества ученыхъ, занимавшихся психологическими научными изслѣдованіями. Гдѣ же доказательства, что они въ такомъ капитальномъ вопросѣ впали въ грубую ошибку? Для проф. Сѣченова сознаніе есть—въ лучшемъ случаѣ—простое зеркало, въ которомъ отражается машинообразный ходъ психическихъ событій. Для другихъ, напротивъ, оно—существенное условіе своеобразной психической дѣятельности, для которой нѣтъ аналогіи въ соматическихъ явленіяхъ. Гдѣ же научные доводы въ подтвержденіе мысли, что справедливо только первое мнѣніе, а второе—несправедливо?

При такомъ положеніи вопроса, заключенія проф. Сѣченова могутъ быть приняты только къ соображенію, да и то съ крайнею осторожностью. Въ психологіи онъ, очевидно, отступаетъ отъ правилъ положительнаго научнаго изслѣдованія. Повидимому, онъ самъ замѣчаетъ, что почва колеблется у него подъ ногами. Я вывожу это изъ тѣхъ отчаянныхъ усилій, къ которымъ онъ прибѣгаетъ подъ конецъ первой главы, чтобъ поддержать свое непрочное психологическое зданіе. „Еслибы,—говоритъ онъ,—даже половина, три-четверти, девять-десятыхъ слу-

чаевъ высшихъ продуктовъ психической дѣятельности не имѣли съ виду ничего общаго съ явленіями рефлекторнаго типа, то и тогда изъ-за $^1/_{10}$ сходныхъ случаевъ, аналогія должна была бы проводиться за предѣлы чувственности,—это требованіе разума, науки. Но мы знаемъ (?), что это не такъ: воззрѣніе Локка, что корни (?) всего психическаго развитія лежатъ въ дѣятельностяхъ органовъ чувствъ, признается, какъ сказано было, съ незначительными ограниченіями, всѣми психологическими школами. Значитъ, для аналогіи и здѣсь широкое поле".

Слова эти похожи на крикъ отчаянія, особливо если припомнить, что Локкъ совсѣмъ не говоритъ того, что проф. Сѣченовъ влагаетъ въ его уста. А затѣмъ аналогія, которую проф. Сѣченовъ восхваляетъ, какъ могучее умственное средство, конечно, съ большою пользою можетъ быть примѣнена въ психологическихъ изслѣдованіяхъ вездѣ, гдѣ факты позволяютъ ею пользоваться научнымъ образомъ.

Послѣднее слово всѣхъ этихъ разсужденій то, что аналитическая разработка психическихъ явленій должна быть передана въ руки физіологіи. Изъ предпосылокъ, которыя я разсмотрѣлъ выше, такой выводъ сдѣланъ строго послѣдовательно. Проф. Сѣченовъ не объясняетъ, однако, какимъ образомъ физіологія будетъ аналитически разработывать явленія, недоступныя ея научнымъ средствамъ. Выше было показано, что, между прочимъ, по этой причинѣ сравнительная психологія найдена неудобнымъ средствомъ для анализа психическихъ явленій. Впрочемъ, не одинъ этотъ пунктъ вызываетъ недоумѣніе.

Гегель, на основаніи предположенія, что только мышленіе есть дѣйствительно существующее, а все прочее—призракъ, конструировалъ реальный міръ a priori. Гегелева философія дѣлала излишнимъ положительное знаніе реальныхъ явленій.

Проф. Сѣченовъ, на основаніи предположеній, что весь міръ психическихъ явленій есть лишь средній членъ рефлексовъ, начало и конецъ которыхъ лежатъ въ условіяхъ матеріальной природы, предрѣшаетъ всѣ важнѣйшіе психологическіе вопросы и дѣлаетъ положительное изслѣдованіе психическихъ явленій ненужнымъ.

Оба не доказали своихъ предпосылокъ. Гегель, по крайней мѣрѣ, пытался доказать свою въ знаменитой „Феноменологіи духа". У проф. Сѣченова не находимъ даже и попытки оправдать тѣ основанія, по которымъ онъ считаетъ возможнымъ отрицать психическую самостоятельность и самодѣятельность. Онъ смотритъ на эти вопросы, какъ на рѣшенные окончательно и безапелляціонно.

Ни въ той, ни въ другой философской системѣ нѣтъ и тѣни строго научнаго обращенія съ фактами изслѣдованія, не смотря на то, что методъ положительнаго знанія не могъ не быть хорошо извѣстенъ обоимъ ученымъ. И въ этомъ отношеніи преимущество опять на сторонѣ Гегеля. Онъ пытался создать свой абсолютный методъ и изъ-за него могъ не оцѣнить несравненныхъ достоинствъ положительнаго знанія. Проф. Сѣченовъ, напротивъ, какъ физіологъ, владѣетъ положительнымъ методомъ въ совершенствѣ; но, выйдя изъ своей спеціальности, онъ не перенесъ строгихъ пріемовъ своей науки въ изслѣдованіе психическихъ явленій. Не потому ли, что по старому предразсудку, только явленія матеріальнаго міра считаются реальностями, подлежащими научному изслѣдованію, и толька къ нимъ положительный методъ можетъ примѣняться? Этому не хотѣлось бы вѣрить, но, къ сожалѣнію, это такъ. Самъ проф. Сѣченовъ спѣшитъ разсѣять всѣ сомнѣнія на этотъ счетъ. Каково бы ни было научное достоинство такого взгляда, хорошо то, что мы его знаемъ. По крайней мѣрѣ не для чего ломать себѣ голову надъ загадкой, какъ могъ извѣстный ученый отнестись такъ односторонне, узко и, главное, такъ ненаучно къ психологическимъ вопросамъ. Изъ послѣдующаго загадка эта разъясняется очень просто.

Перехожу ко второй главѣ этюда—о матеріалѣ и методѣ психологическихъ изслѣдованій.

Здѣсь объясняется, что матеріаломъ психологіи должна служить „сумма психическихъ самонаблюденій и наблюденій надъ другими людьми изъ сферы обыденной жизни". Какъ можетъ физіологъ приступить къ критической разработкѣ этого матеріала средствами своей науки, объ этомъ проф. Сѣченовъ не говоритъ. Какъ бы то ни было, но матеріалъ этотъ, продолжаетъ проф. Сѣченовъ, носитъ на себѣ всѣ признаки самоизученія. Впрочемъ, пока практическій психологъ остается на почвѣ наблюденія, „винить его можно развѣ лишь въ томъ, что онъ иногда слишкомъ довѣрчиво относится къ

голосу (само)сознанія, забывая вѣчно поучительный примѣръ вращенія вокругъ земли и солнца“. Какимъ образомъ примѣръ обмана чувствъ и впечатлѣній можетъ быть вѣчно поучителенъ для (само)сознанія—это тайна автора. Когда же, говоритъ онъ далѣе, практическій психологъ покидаетъ почву наблюденій и начинаетъ теоретизировать, то-есть силится объяснить себѣ самую суть происхожденія психическихъ фактовъ“, онъ поступаетъ „совершенно такъ же, какъ объясняетъ дикарь непонятныя ему явленія физической природы: вся разница между ними въ томъ, что у одного производящая причина есть созданная его воображеніемъ сила, а у второго эта причина — какой-нибудь духъ“. Что такъ-называемая проф. Сѣченовымъ обыденная психологія понемногу разстается съ „силами“, какъ разстались съ ними естественныя науки, объ этомъ онъ не счелъ нужнымъ упомянуть. Но онъ очень рекомендуетъ „строго отличать конкретные продукты наблюденій отъ всего, что носитъ на себѣ характеръ теоретическихъ умствованій или поползновеній объяснять суть дѣла“. Это, какъ читатели видѣли, отнынѣ монополія физіологовъ.

Но какъ отличать наблюденія отъ умствованій? „Въ основѣ теорій практической психологіи лежатъ часто вѣрно схваченные факты, а съ другой стороны, теоріи эти нерѣдко имѣютъ на первый взглядъ очень осмысленную логическую форму, несмотря на то, что въ основѣ ихъ лежатъ положительныя фикціи“. Главнѣйшій, если не исключительный источникъ ошибокъ послѣдняго рода есть „пагубная привычка людей забывать фигуральность, символичность рѣчи и принимать діалектическіе образы за психическія реальности, то-есть смѣшивать номинальное съ реальнымъ, логическое съ истиннымъ“.

Но тутъ ученый авторъ противорѣчитъ самому себѣ. Разбирая мою теорію двойственности души, онъ объявилъ ее абсурдомъ, потому что она противорѣчитъ логикѣ. Изъ этихъ словъ выходитъ, что логика и истина—сродни между собою; теперь же оказывается, что логическое и истинное могутъ расходиться. Я съ этимъ готовъ согласиться; но тогда, чтобы быть послѣдовательнымъ, проф. Сѣченову не слѣдовало объявлять мои выводы абсурдами потому, что они, по его мнѣнію, несогласны съ логикой.

Итакъ, источниковъ психологическихъ заблужденій, по словамъ автора, два, а именно: ложное толкованіе вѣрныхъ фактовъ и злоупотребленія рѣчью. Чтобъ показать, какимъ образомъ устранить эти заблужденія, проф. Сѣченовъ разбираетъ два случая или примѣра.

Примѣромъ ложнаго толкованія вѣрныхъ фактовъ можетъ служить ученіе практической психологіи о волѣ; примѣромъ злоупотребленія рѣчью—философствованія обыденной философіи о природѣ человѣка. Указавъ на характеристическія черты явленій, приписываемыхъ волѣ, проф. Сѣченовъ находитъ, что „если относиться къ этимъ фактамъ объективно... то наблюденіе не открываетъ въ нихъ абсолютно (?) ничего новаго“, кромѣ этихъ отличительныхъ характеристическихъ признаковъ. Авторъ увѣряетъ, что безъ „малѣйшей натяжки“ онъ можетъ сопоставить явленіе воли съ цѣлымъ рядомъ явленій, производимыхъ огнемъ, который можетъ согрѣвать тѣла, можетъ и не согрѣвать ихъ и даже можетъ производить охлажденіе. Все дѣло въ томъ, что условія происхожденія явленій съ огнемъ извѣстны; а „въ запутанныхъ явленіяхъ со вмѣшательствомъ воли отъ обыденнаго человѣческаго сознанія ускользаютъ условія, опредѣляющія тотъ или другой характеръ дѣйствій, и оно, вмѣсто того, чтобы отнестись къ фактамъ объективно, научнымъ образомъ, создаетъ особую, ничего необъясняющую силу. Не естественнѣе ли во всѣхъ подобныхъ случаяхъ искать разъясненія дѣла въ формѣ той связи, которая несомнѣнно существуетъ между начальной причиной явленія и его концомъ? Съ этой точки зрѣнія, всѣ теоріи обыденной психологіи, насколько въ основѣ ихъ лежатъ реальные факты, должны разсматриваться на ряду съ неопредѣленными условіями происхожденія той или другой формы явленій. Такое отношеніе къ фактамъ, какъ ничего не предрѣшающее, нисколько не можетъ вредить разъясненію ихъ, а между тѣмъ, будучи принято какъ принципъ, оно сразу устраняетъ тьму недоумѣній въ дѣлѣ практической оцѣнки психическихъ фактовъ со стороны ихъ реальности“.

Еслибъ проф. Сѣченовъ прочелъ „Задачи Психологіи“, то онъ убѣдился бы, что и такъ-называемая имъ обыденная практическая психологія додумалась до невозможности объяснять психическія явленія „силами“.

Но не вводить въ психологію созданныя отвлеченнымъ мышленіемъ силы далеко еще не значитъ признать, какъ того требуетъ проф. Сѣченовъ, что психическія явленія, приписываемыя волѣ, управляются основнымъ закономъ явленій физическихъ и химическихъ, то-есть составляютъ такое же, какъ они, роковое, неизбѣжное послѣдствіе данныхъ внѣшнихъ условій. Обыденная практическая психологія, въ этомъ смыслѣ, стоитъ гораздо тверже на положительной, научной почвѣ, чѣмъ проф. Сѣченовъ. Она не задается гипотезой, ничѣмъ еще пока не доказанной, будто явленія органической природы и психической жизни управляются законами неорганическаго міра. Будучи, какъ сознается самъ проф. Сѣченовъ, весьма тонкой наблюдательницей явленій, обыденная психологія давно уже отличила психическія явленія съ рефлективнымъ характеромъ отъ такихъ, которыя его не имѣютъ, и, задумываясь надъ условіями послѣднихъ, нисколько не расположена принять принципа, предполагаемаго проф. Сѣченовымъ для ихъ разъясненія,—не расположена потому, что только философы, а не люди положительнаго знанія, подгоняютъ всѣ явленія подъ гипотезу, какъ бы они подъ нее плохо ни укладывались. Практическая психологія не принимаетъ и не можетъ принять философской теоріи проф. Сѣченова въ принципѣ; иначе ей пришлось бы вычеркнуть не только массу психическихъ явленій, но и цѣлыя отрасли знанія, на что она, какъ наука положительная, не можетъ посягать. Философія—другое дѣло; та пускалась не разъ на такіе эксперименты. Какой печальный результатъ они имѣли—извѣстно всякому.

Наконецъ, весьма любопытно, что, принимаясь за объясненіе психическихъ явленій, которыя не подходятъ подъ апріористическіе шаблоны, проф. Сѣченовъ не находитъ въ этихъ явленіяхъ ничего новаго. Но чего же онъ требуетъ новаго? Ему, повидимому, желательно, чтобъ психическіе элементы были высвобождены изъ явленія въ видѣ какого-нибудь естественно-историческаго начала. Но это также невозможно, какъ высвободить изъ органическихъ явленій, въ видѣ такого начала, то, что отличаетъ ихъ отъ неорганическаго міра. Элементы вездѣ одни и тѣ же, а явленія не похожи другъ на друга. Это-то и есть загадка! На стр. 552, проф. Сѣченовъ не безъ ироніи говоритъ, что въ исторіи физіологіи встрѣчаются ультро-механики, объяснявшіе всю жизнь чисто механически, ультра-химики, объяснявшіе ее чисто химически, и виталисты, считавшіе животное тѣло одареннымъ особыми „живыми силами", не имѣющими ничего подобнаго въ матеріальномъ мірѣ. Взгляды первыхъ двухъ разрядовъ были родоначальниками современнаго опытнаго физико-химическаго направленія физіологіи, а виталисты не играютъ въ этой наукѣ ни малѣйшей роли.—Заслуги физико-химическаго направленія громадны. Но я позволю себѣ спросить проф. Сѣченова: разъяснили ли они физіологическія явленія до конца, безъ остатка? Если нѣтъ, то виталистовъ нельзя пока считать окончательно побитыми, они, положимъ, дурно, неискусно, но все же напоминали о тѣхъ условіяхъ физіологической жизни, которыя не поддаются физико-химическимъ изслѣдованіямъ. Пока физико-химическіе элементы физіологической жизни не будутъ вполнѣ разъяснены изслѣдованіями, виталисты будутъ казаться смѣшными и жалкими; но когда современное направленіе научныхъ изслѣдованій исчерпаетъ свой матеріалъ, и въ физіологической жизни все-таки останется нѣчто, имъ не объясненное, тогда вспомнятъ о виталистахъ и поймутъ, что они, положимъ отрицательно, но были правы. То же самое представляетъ и исторія психологическихъ направленій. Теперь идетъ полоса разъясненія психическихъ явленій матеріальными условіями. Въ этомъ направленіи уже много сдѣлано и, вѣроятно, много еще остается дѣлать. Но всего оно не въ состояніи объяснить: это уже и теперь видно. Неразъясненный остатокъ и представляется тѣми, которыхъ проф. Сѣченовъ немножко свысока записываетъ въ разрядъ практическихъ обыденныхъ психологовъ за то, что они, стоя на строго научной почвѣ, не хотятъ и не могутъ признать гипотезъ противниковъ за доказанныя научныя истины и потому не могутъ считать реальностями только тѣ факты, которые подлежатъ физіологическому анализу.

Далѣе слѣдуетъ разборъ отрывковъ изъ философствованій обыденной психологіи о природѣ человѣка. Они приводятся какъ примѣръ злоупотребленія рѣчью. Разборъ этотъ —курьезъ не послѣдняго рода.

По выводамъ обыденной психологіи, человѣкъ 1) представляетъ замкнутое въ себѣ

цѣлое, обособленное отъ всего остального, что находится внѣ его; 2) онъ состоитъ изъ двухъ началъ, дѣйствующихъ по различнымъ законамъ; 3) какъ существо тѣлесное, онъ подчиненъ законамъ матеріальной природы, какъ существо духовное—стоитъ внѣ ихъ; 4) тѣлесною стороною онъ рабъ матеріи, духовною—властелинъ ея; 5) онъ властвуетъ не только надъ своимъ тѣломъ и поступками, но и надъ своими мыслями, желаніями и страстями; 6) въ этомъ смыслѣ онъ есть существо свободное, опредѣляющее дѣйствія изъ самого себя.

Если отнять у этихъ афоризмовъ слишкомъ рѣшительный категорическій тонъ, который придалъ имъ проф. Сѣченовъ, и сказать, что человѣкъ заключаетъ въ себѣ возможность быть такимъ, какимъ онъ представляется въ приведенныхъ положеніяхъ, то изъ обыденныхъ психологовъ дѣйствительно едва ли найдется одинъ, который не подписалъ бы ихъ съ полнымъ убѣжденіемъ. Но авторъ думаетъ, что „стоитъ только вдуматься въ реальную (?) подкладку перечисленныхъ положеній и взвѣсить, насколько слова соотвѣтствуютъ дѣлу (?), и большинство афоризмовъ превращается въ рядъ абсурдовъ". Зная терминологію ученаго автора, который подъ реальнымъ разумѣетъ соматическое, подъ дѣломъ—подлежащее чувствамъ, нечего удивляться послѣдующимъ его словамъ, сказаннымъ въ поясненіе его удивительнаго заключенія. „Въ самомъ дѣлѣ—говоритъ онъ,—понятіе о человѣкѣ, какъ недѣлимомъ, особи, единицѣ, по самому смыслу этихъ наименованій, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ абстракціей отъ фактовъ его *физической* обособленности въ природѣ; стало быть, во всѣхъ случаяхъ, когда говорится о человѣкѣ, какъ о недѣлимомъ, цѣломъ, единицѣ, подъ словомъ *человѣкъ* нельзя разумѣть ничего другого, кромѣ его физической природы". Съ своей точки зрѣнія, проф. Сѣченовъ тысячу разъ правъ. Весь вопросъ въ томъ, правильна ли его точка зрѣнія? Я скажу на это, что, вычеркнувъ сознаніе изъ числа фактовъ, нельзя имѣть другой. Только мнѣ кажется, что никакая точка зрѣнія, безъ сознанія, немыслима—и въ этомъ проф. Сѣченовъ впадаетъ въ вопіющее противорѣчіе съ собой и съ наукой вообще.

Побѣдоносно доказавъ, что всѣ афоризмы о природѣ человѣка—совершенная безсмыслица, если подъ словомъ „человѣкъ" разумѣть одну его физическую природу, ученый авторъ переходитъ къ разбору тѣхъ же афоризмовъ, при предположеніи, что человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души. Съ этой точки зрѣнія первое положеніе было бы невозможно (невозможно, чтобъ человѣкъ былъ особь, единица!), третье и четвертое были бы нелѣпостью (потому что одно и то же *нѣчто* не можетъ въ одно и то же время быть подчинено извѣстнымъ законамъ и стоять внѣ ихъ, быть рабомъ матеріи и въ то же время властелиномъ ея); а пятое имѣетъ вообще смыслъ только какъ образъ, потому что власть предполагаетъ всегда два субъекта—властвующаго и подчиняющагося, и, слѣдовательно, въ нашемъ случаѣ пришлось бы отъ суммы, состоящей изъ души и тѣла, оторвать въ качествѣ подчиненнаго, не только все тѣло, но и часть души. Какъ ни смѣла подобная операція, но она очень часто производилась надъ бѣдной природой человѣка... по счастью, только на словахъ".

Что сказать на все это?

Если нѣтъ реальности, кромѣ фактовъ, доступныхъ внѣшнимъ чувствамъ, выводы проф. Сѣченова неопровержимы. Только было бы желательно, чтобъ это положеніе было доказано, а не навязывалось на вѣру.

Впрочемъ, нѣкоторыя изъ высказанныхъ здѣсь мыслей могутъ вызвать сомнѣніе даже и не въ поборникѣ обыденной психологіи. Власть, говоритъ проф. Сѣченовъ, предполагаетъ всегда два субъекта; властвующаго и подчиняющагося. Но вотъ я вижу, летитъ птица по воздуху, плыветъ рыба въ водѣ, и задаю себѣ вопросъ: кто же изъ нихъ властвуетъ и кто подчиняется: птица или воздухъ, рыба или вода? Мнѣ такъ думается, что оба, въ одно и то же время, и властвуютъ, и подчиняются.

Общій выводъ изъ приведеннаго разбора соотвѣтствуетъ ему вполнѣ. Привожу его цѣликомъ:

„Вообще же грѣхи, извѣстные всѣмъ подъ общимъ именемъ игры въ слова, проистекаютъ главнѣйшимъ образомъ изъ того обстоятельства, что человѣкъ, будучи способенъ производить надъ словами, какъ символическими знаками предметовъ и ихъ отношеній, тѣ же умственныя операціи, какъ надъ любымъ рядомъ реальныхъ предметовъ внѣшняго міра, переноситъ продукты этихъ операцій на почву реальныхъ отношеній. Бы-

ваютъ, напримѣръ, случаи, что въ психологію переносятся крайніе продукты отвлеченія или обобщенія, и тогда въ наукѣ появляются, въ видѣ реальностей, пустые абстракты въ родѣ „бытія“, „сущности вещей“ и пр. Другой разъ умъ, подкупаясь расчленяемостью рѣчи, безконтрольно принимаетъ соотвѣтственную расчленяемость и по отношенію къ реальнымъ процессамъ, обозначаемымъ словомъ; отсюда происходитъ столь частое смѣшеніе логическихъ сторонъ мышленія съ психологическими и вообще смѣшеніе логическаго (на словахъ) съ истиннымъ. Наконецъ, бываютъ даже такіе случаи, когда человѣкъ, додумавшись, какъ говорится, до чортиковъ, начинаетъ прямо облекать въ психическую реальность какую-нибудь невинную грамматическую форму: сюда относится, напримѣръ, знаменитая по наивности и распространенности игра въ „я“. Понятно однако, что всѣ эти грѣхи становятся грѣхами только потому, что перенесеніе фактовъ и выводовъ изъ области именъ въ область реальныхъ предметовъ дѣлается безконтрольно, за неимѣніемъ у обыденнаго сознанія никакихъ общихъ критеріевъ для опредѣленія истинныхъ психическихъ реальностей. Въ самомъ дѣлѣ, естественныя науки развиваются тоже при посредствѣ слова, облекающаго въ опредѣленную форму всѣ ихъ выводы и обобщенія, а между тѣмъ игра въ слова здѣсь почти невозможна, и этимъ они обязаны, конечно, тому обстоятельству, что діагностическіе признаки матеріальныхъ реальностей прочно установлены“.

Увѣренность, съ которой проф. Сѣченовъ произноситъ свои сентенціи, далеко не соотвѣтствуетъ силѣ его аргументовъ. Онъ говоритъ о способности человѣка производить надъ словами, символическими знаками предметовъ и ихъ отношеній, такія же умственныя операціи, какъ и надъ рядомъ матеріальныхъ явленій. Способность представлять себѣ слова, т.-е. собственно не слова, а то, чему они служатъ символическимъ выраженіемъ, до того сильна въ человѣкѣ, что онъ перемѣшиваетъ внѣшнюю, матеріальную реальность съ представленіями и, оперируя надъ послѣдними, убѣжденъ, что оперируетъ надъ первою. Здѣсь источникъ иллюзій и фикцій. Отсюда идутъ, расходясь, истина и ложь въ сферѣ реальнаго знанія, добро и и зло, правда и неправда въ сферѣ соціальныхъ и нравственныхъ отношеній. Въ этомъ же раздвоеніи зарождается, какъ необходимый регуляторъ, самопроизвольность или свободная воля. Какимъ образомъ такой основной, капитальный фактъ, не подходящій ни подъ какіе законы матеріальнаго міра, не приковалъ къ себѣ вниманія проф. Сѣченова, не заставилъ его задуматься надъ природой психическихъ явленій — совершенно непонятно! Неорганическій міръ не знаетъ ни истины, ни лжи, ни правды, ни неправды, ни добра, ни зла, а человѣкъ все это знаетъ. Неорганическій и даже органическій міръ вовсе незнакомъ съ роковою властью представленій, иллюзій и фикцій, дѣлающей человѣка недоступнымъ голосу внѣшней реальности. Съ представленіями вводится въ міръ новое начало дѣятельности, совершенно непохожее на роковую обязательность матеріальныхъ условій, а проф. Сѣченовъ его не примѣтилъ, проходитъ мимо него, какъ будто мимо какой-нибудь неважной подробности! Иллюзіи и фикціи, производимыя словами — созданіемъ психической дѣятельности — способны спутать въ насъ понятіе о томъ, что̀ реально и что̀ нереально; значитъ, это реальность своего рода и весьма могущественная, нисколько не меньшая, чѣмъ реальность матеріальная. Покуда люди догадались, что „бытіе“, „сущность вещей“ суть продукты психической работы, прошли тысячелѣтія; и даже понимая это, мы безъ этихъ продуктовъ обойтись не можемъ въ знаніи, потому что оно немыслимо безъ перевода матеріальной реальности на психическій языкъ, и есть не что иное, какъ придача реальности такого рода психической формѣ. Проф. Сѣченовъ считаетъ „я“ наивною грамматическою игрою людей, додумавшихся, какъ онъ выражается, до чортиковъ; но онъ оказалъ бы научной психологіи великую услугу, еслибъ, вмѣсто такихъ ничего не доказывающихъ приговоровъ, потрудился объяснить, при какихъ условіяхъ могла родиться невинная грамматическая форма „я“. Формы этой не знаютъ животныя и, сколько извѣстно, они не додумываются до чортиковъ. То, что̀ проф. Сѣченовъ называетъ игрою въ слова и грамматическія формы, обыденная психологія считаетъ реальностями своего рода, потому что не философствуетъ, какъ ученый авторъ, а стоитъ на строго научной почвѣ положительнаго знанія и не позволяетъ себѣ умозрительныхъ salto mor-

tale тамъ, гдѣ надо ограничиться лаконическимъ „не знаемъ“. Пріемъ проф. Сѣченова храбро вычеркиваетъ изъ числа реальностей цѣлый міръ дѣйствительныхъ явленій. При такомъ пріемѣ нѣтъ возможности понять причины слезъ и смѣха при чтеніи книги, ни причины впечатлѣнія, производимаго слушаніемъ музыкальной пьесы. Дѣйствительная реальность въ процессѣ чтенія —это книжка, каракули буквъ, поза читающаго; при исполненіи музыкальной пьесы—движенія музыкантовъ, музыкальные инструменты, ноты, нотные пюпитры, наконецъ отдѣльные звуки, изъ которыхъ составлена исполняемая пьеса. Но сумма этихъ реальностей не дастъ намъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что̀ ощущаетъ читающій или слушающій. По теоріи проф. Сѣченова, ихъ слѣдуетъ тоже записать въ число додумавшихся до чортиковъ.

Впрочемъ, авторъ кажется и самъ чувствовалъ, что съ вопросомъ о психической реальности у него выходитъ что-то неладное, что разборъ примѣровъ не сдѣлалъ для читателей понятными средства къ устраненію ошибочнаго объясненія дѣйствительныхъ фактовъ и игры въ слова,—и потому онъ опять возвращается къ вопросу: что̀ такое психическая реальность? Разрѣшеніе этого вопроса онъ раздѣляетъ на двѣ половины: *что слѣдовало бы* изучать, какъ психическую реальность, и что̀ *можно* изучать, какъ такую. Уже такая постановка вопроса показываетъ, что, по мнѣнію автора, психическую реальность изучать нельзя, что вмѣсто нея надо изучать что-нибудь другое, ей соотвѣтствующее, ее выражающее. И дѣйствительно, переходя къ разрѣшенію первой половины своей задачи, проф. Сѣченовъ объясняетъ, что при родствѣ соматическихъ нервныхъ и психическихъ актовъ и при аналогіи проявленій тѣхъ и другихъ должна существовать и аналогія причинъ, производящихъ и тѣ и другія. „Другими словами,—поясняетъ авторъ,—если въ нервномъ актѣ существеннымъ и единственно реальнымъ является сумма тѣхъ матеріальныхъ процессовъ, которые происходятъ въ томъ или другомъ отдѣлѣ нервной системы, то и въ психическихъ актахъ единственно реальнымъ можетъ быть только соотвѣтственная сторона фактовъ“. Такимъ, образомъ, психическая реальность есть природа тѣхъ движеній, которыя происходятъ въ нервѣ и нервныхъ центрахъ, т.-е. опять-таки матеріальная сторона психическихъ явленій. Ее, по сознанію самого автора, мы совсѣмъ не знаемъ; но представимъ себѣ, что она наукой совершенно раскрыта и выяснена; что по физіологическому состоянію нервовъ и мозга мы получимъ полную возможность безошибочно опредѣлять мысли и душевныя движенія даннаго лица. Неужели это будетъ психическая реальность? Неужели такое совершенство физіологіи нервовъ и мозга замѣнитъ намъ психологію? Отбросивъ обманчивый голосъ сознанія, какъ узнаемъ мы соотвѣтствіе физіологическихъ явленій нервовъ и мозга съ тѣми или другими психическими состояніями? А вѣдь, кромѣ того, пришлось бы еще доказывать, что психическія состоянія не только соотвѣтствуютъ физіологическимъ движеніямъ въ мозгу и нервахъ, но что они происходятъ изъ послѣднихъ, относятся къ нимъ, какъ явленіе къ производящимъ его условіямъ. Въ чаяніи проф. Сѣченова вопросъ этотъ рѣшается, конечно, утвердительно; но самъ же онъ учитъ, что чаяніе и доказанная научная истина — двѣ вещи разныя: другіе тоже могутъ чаять, что не нервныя и мозговыя движенія опредѣляютъ психическія состоянія, а что, наоборотъ, послѣдними опредѣляется первая, по крайней мѣрѣ могутъ опредѣляться въ извѣстныхъ случаяхъ и при извѣстныхъ условіяхъ. Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ очевидно, что приходится, волей-неволей, обращаться къ голосу сознанія, и, признавъ его незаслуживающимъ никакой вѣры, все-таки, въ концѣ-концовъ, довѣриться ему безъ возможности его повѣрить, такъ какъ физіологическіе пріемы безсильны въ изслѣдованіи психическихъ явленій, а психическая реальность, какъ ее опредѣляетъ проф. Сѣченовъ, оказывается не психическою, а физіологическою.

Но и эта реальность намъ неизвѣстна, и даже неизвѣстно, узнаемъ ли мы ее когда-нибудь. Мы вынуждены, слѣд., ограничиться сферою ея проявленій. Итакъ, казалось бы, надо дѣлать именно то, что̀ дѣлаетъ обыденная, практическая психологія — изучать явленія. Такъ нѣтъ! „Мысль о психическомъ актѣ, какъ процессѣ, движеніи, имѣющемъ опредѣленное начало, теченіе и конецъ, должна быть удержана какъ основная, во-первыхъ, потому, что она представляетъ со-

бою въ самомъ дѣлѣ (?) крайній предѣлъ отвлеченія отъ суммы всѣхъ проявленій психической дѣятельности,—предѣлъ, въ сферѣ котораго мысли соотвѣтствуетъ еще реальная сторона дѣла (которой мы, замѣтимъ, не знаемъ!); во-вторыхъ, на томъ основаніи, что и въ этой общей формѣ она все-таки представляетъ удобный и легкій критерій для провѣрки фактовъ (провѣркой будетъ служить мысль, сама требующая провѣрки); наконецъ, въ-третьихъ, потому, что этой (недоказанной!) мыслью опредѣляется основной характеръ задачъ, составляющихъ собою психологію, какъ науку о психическихъ реальностяхъ (которыхъ мы не знаемъ). Въ первомъ смыслѣ, т.-е. какъ основа научной психологіи, мысль о психической дѣятельности, съ точки зрѣнія процесса, движенія, представляющая собою лишь дальнѣйшее развитіе мысли о родствѣ психическихъ и нервныхъ актовъ, должна быть принята за исходную аксіому (!!)... Принятая какъ провѣрочный критерій, она обязываетъ психологію вывести всѣ стороны психической дѣятельности изъ понятія о процессѣ, движеніи. Если это удастся по отношенію ко всѣмъ типическимъ формамъ... психической дѣятельности, напримѣръ, по отношенію къ различнымъ сторонамъ чувствованія и мышленія, съ ихъ внѣшними проявленіями,—значитъ, исходная точка вѣрна"...

Приведенныя слова показываютъ, что проф. Сѣченовъ, очевидно, былъ крайне несправедливъ, считая полусумасшедшими тѣхъ, которые стараются опредѣлить условія происхожденія психическаго факта, выражаемаго мѣстоименіемъ „я". Такого произвольнаго, ненаучнаго отношенія къ предмету изслѣдованія, какое позволилъ себѣ здѣсь ученый авторъ, не встрѣтишь даже у идеалистовъ-философовъ, творцовъ системъ абсолютной философіи.

Этимъ я бы могъ, строго говоря, окончить свои замѣчанія на психологическій этюдъ проф. Сѣченова. Послѣдняя, третья глава его труда есть не что иное, какъ примѣненіе, оправданіе и демонстрація разсмотрѣнныхъ выше взглядовъ и выводовъ. Но двѣ причины заставляютъ меня разобрать и эту часть этюда. Во-первыхъ, попытка „конструировать" психическое развитіе человѣка на основаніи изложенныхъ взглядовъ всего осязательнѣй обнаруживаетъ ошибочность и недостаточность взглядовъ проф. Сѣченова на психическую жизнь; во-вторыхъ, здѣсь онъ входитъ въ анализъ нѣкоторыхъ психическихъ явленій, именно математическаго и метафизическаго мышленія и, наконецъ, воли.

Общая программа третьей главы со всевозможною ясностью выражена въ ея заголовкѣ, который гласитъ такъ: „Въ младенчествѣ и дѣтскомъ возрастѣ всѣ психическія явленія носятъ характеръ рефлексовъ. —Единствнные, очень крупные переломы въ послѣдующемъ психическомъ развитіи составляютъ: развивающаяся мало-по-малу мыслительная способность и произвольность дѣйствій.—Анализъ мышленія, какъ процесса, въ связи съ его реальными субстратами, показываетъ однако, что въ акты мышленія не привходитъ никакихъ новыхъ элементовъ, помимо тѣхъ, которыми опредѣляется переходъ конкретнаго ощущенія изъ состоянія слитности въ болѣе и болѣе расчлененную форму; и такъ какъ опытъ ясно указываетъ на то, что начало процесса расчлененія ощущеній падаетъ на младенческій возрастъ, и что процессъ идетъ отсюда безъ существенныхъ измѣненій вплоть до случаевъ отвлеченнаго мышленія, то этимъ доказывается, что мыслительная дѣятельность не представляетъ перелома ни съ какой существенной стороны въ ходѣ психическаго развитія человѣка.—Физіологическій анализъ произвольныхъ движеній и перенесеніе данныхъ этого анализа на психическую почву приводитъ къ тому же результату и въ отношеніи произвольности человѣческихъ дѣйствій".

Итакъ, „очень крупные переломы" въ психическомъ развитіи человѣка „не представляютъ перелома ни съ какой существенной стороны". „Въ акты мышленія не привходитъ никакихъ новыхъ элементовъ, помимо тѣхъ, которыми опредѣляется переходъ конкретнаго ощущенія изъ состоянія слитности въ болѣе и болѣе расчлененную форму". Но расчлененіе ощущенія, по мнѣнію проф. Сѣченова, не опредѣляется особыми элементами. Этого вывода, конечно, не подпишетъ ни одинъ поборникъ, такъ-называемой авторомъ обыденной, практической психологіи, потому что акты мышленія и воли только одною своею стороною представляютъ сходныя черты съ рефлективною дѣятельностью; другою же, именно тамъ, гдѣ въ нихъ входятъ сознаніе и самопроизвольность, оба представляютъ новыя характеристическія черты, не имѣющія

съ рефлексами ничего общаго. Проф. Сѣченовъ надѣется устранить этотъ взглядъ обыденной психологіи тѣмъ замѣчаніемъ, будто бы ни въ актахъ мышленія, ни въ проявленіяхъ воли не замѣчается никакого новаго элемента. Но въ томъ-то и дѣло, что подъ элементомъ можно разумѣть вещи весьма различныя. Безспорно, самое тщательное физіологическое изслѣдованіе не откроетъ ни въ томъ, ни въ другомъ никакихъ матеріальныхъ данныхъ, которыми бы они отличались отъ нервныхъ рефлексовъ. Но если подъ элементомъ разумѣть то, что придаетъ матеріалу новую форму, то въ актахъ мышленія и воли, насколько они не управляются законами рефлективныхъ движеній, нельзя не замѣтить участія новаго элемента, хотя бы онъ и не подлежалъ химическимъ реагенціямъ или физіологическому анализу. Геометрическія фигуры очень разнообразны по своимъ формамъ и объему, но всѣ онѣ, въ концѣ-концовъ, сводятся къ движущейся математической точкѣ. Слѣдуя логикѣ проф. Сѣченова, надо бы заключить отсюда, что никакихъ новыхъ элементовъ въ построеніи геометрическихъ фигуръ, кромѣ движущейся точки, нѣтъ; или: химическій анализъ любого растенія даетъ извѣстныя составныя части; однако эти части —не растеніе, какимъ оно было до химическаго анализа. Мы можемъ себѣ представить органическіе и неорганическіе предметы, имѣющіе совершенно одинаковый составъ и, однако, совершенно различные по своимъ свойствамъ. Спрашивается: то, что заставляетъ двигающуюся точку образовать четырехугольникъ, параллелопипедъ, кругъ, что слагаетъ составныя части растенія въ такой-то растительный организмъ, слѣдуетъ ли считать за элементъ, или не слѣдуетъ? Въ этомъ весь вопросъ. Мнѣ возражаютъ, что есть химическія соединенія, которыя мы производимъ и которыя по своимъ свойствамъ совершенно отличны отъ свойствъ ихъ составныхъ частей; слѣдовательно, возможно появленіе новыхъ веществъ, съ новыми свойствами, только вслѣдствіе извѣстной комбинаціи данныхъ элементовъ, безъ присоединенія къ нимъ новыхъ. Отчего же не предположить того же самаго и относительно организмовъ? Мы уже умѣемъ химически воспроизводить нѣкоторые органическіе продукты, напримѣръ, урину и алкоголь. Съ успѣхами органической химіи, можетъ быть, тайна созданія органическихъ существъ также разоблачится, какъ разоблачился, на нашихъ глазахъ, законъ образованія и перерожденія видовъ.— Такое возраженіе было бы неопровержимо, еслибы можно было доказать, что новое тѣло, съ новыми свойствами, образовавшееся чрезъ химическое соединеніе извѣстныхъ тѣлъ, обязано своимъ происхожденіемъ только тѣмъ свойствамъ этихъ послѣднихъ, которыя мы знаемъ. Но въ томъ-то и дѣло, что составныя части до химическаго соединенія ихъ въ новый продуктъ, съ новыми свойствами, имѣютъ, кромѣ стороны намъ извѣстной и доступной изслѣдованію, другую, намъ неизвѣстную и недоступную. Оттого смѣлое утвержденіе проф. Сѣченова, что въ явленіяхъ мышленія и воли не приводится никакихъ новыхъ элементовъ противъ тѣхъ, которые были въ игрѣ до обнаруженія этихъ явленій, я считаю теоретически правильнымъ, но вовсе не въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ ученый авторъ. Онъ самъ не знаетъ, да и не можетъ знать всѣхъ элементовъ матеріальныхъ фактовъ, которые изслѣдуетъ. Въ состояніи ли кто-нибудь, изслѣдуя сѣмячко или яйцо, опредѣлить, какое растеніе или животное изъ него разовьется, если ему это неизвѣстно изъ другихъ наблюденій и опытовъ? Элементы будущаго растенія или животнаго точно также скрыты въ сѣмени или яйцѣ, какъ элементы психическаго развитія въ новорожденномъ младенцѣ. Элементы сѣмени, зародыша, конечно, остаются тѣ же самые и въ развитомъ растеніи или животномъ; но тѣмъ, что въ яйцѣ или сѣмени подлежитъ изслѣдованію, мы никакъ не можемъ объяснить развитіе изъ нихъ растенія или животнаго. Это-то неизвѣстное намъ и есть тотъ новый элементъ, который отрицаетъ проф. Сѣченовъ. Собственно говоря, онъ не новый и, конечно, заключался уже въ сѣмени или зародышѣ; но его мы не могли открыть въ зародышѣ, и потому онъ оставался для насъ совершенно неизвѣстнымъ. Такимъ образомъ тамъ, гдѣ мы видимъ одинъ элементъ, ихъ собственно два. Химическія и физическія изслѣдованія, какъ бы они ни были тщательны и точны, схватываютъ только то, что доступно нашимъ чувствамъ, и дальше нейдутъ, и мы только обманываемъ себя, воображая, что свели явленіе къ его матеріальнымъ элементамъ, дознавшись, что соединеніе, механическое или химическое—производитъ такое-то явленіе или такое-то новое тѣло. Въ дѣйствительности, чрезъ соединеніе приходятъ

въ соприкосновеніе и взаимодѣйствіе элементы намъ совершенно неизвѣстные, происходятъ процессы, о которыхъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго понятія и о которыхъ мы дѣлаемъ предположенія, основанныя на самыхъ шаткихъ и произвольныхъ соображеніяхъ.

Положительный методъ изслѣдованія, положительная наука были не только протестомъ противъ фантазій, врывавшихся въ область знанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и честнымъ признаніемъ предѣловъ, за которые знаніе переступить не можетъ. Оттого-то положительное изслѣдованіе относится одинаково критически ко всѣмъ философскимъ теоріямъ, какая бы ни была ихъ подкладка, откуда бы она ни была заимствована—изъ области естественныхъ, или соціальныхъ наукъ, или изъ области психологіи. Въ глазахъ положительнаго знанія, утвержденіе проф. Сѣченова, что въ актахъ мышленія, сравнительно съ рефлексами, не отыскивается никакихъ новыхъ элементовъ, есть тезисъ, ничѣмъ не подкрѣпленный и ничего не доказывающій. Акты мышленія похожи на рефлексы, пока сознаніе и самопроизвольность не придаютъ имъ особаго характера, отличающаго ихъ отъ рефлексовъ. Матеріально съ сознаніемъ и произвольностью, конечно, не прибавляется никакого новаго элемента, но характеръ явленія, вслѣдствіе ихъ участія, существенно измѣняется, почему обыденная, практическая психологія, съ научной точки зрѣнія, тысячу разъ права, признавая въ нихъ новые элементы,—права тѣмъ болѣе, что они до тѣхъ поръ въ рефлективныхъ нервныхъ явленіяхъ ничѣмъ себя не заявляли и остались совершенно неизвѣстными и недоступными изслѣдованію.

III.

Всѣ изложенныя нами въ предыдущемъ письмѣ общія замѣчанія вполнѣ подтверждаются разсмотрѣніемъ третьей главы этюда проф. Сѣченова: „Кому и какъ заниматься психологіей“. Онъ не въ состояніи прослѣдить шагъ за шагомъ связь психологическаго развитія человѣка отъ начала до конца; степени этого развитія не вытекаютъ у него одна изъ другой, и потому онъ вынужденъ, здѣсь и тамъ, прибѣгать къ помощи разныхъ гипотезъ. Предоставляя читателю самому познакомиться съ этою, во многихъ отношеніяхъ любопытною частью этюда, я укажу только на тѣ мѣста, гдѣ замѣчаются такіе перерывы, наполняемые, за недостаткомъ данныхъ,—фикціями, не имѣющими научнаго значенія.

Такія фикціи начинаютъ показываться съ первыхъ же страницъ. Жизнь новорожденнаго младенца должна бы, по теоріи проф. Сѣченова, представлять одни рефлексы. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ его движенія, повидимому, исключительно зависятъ отъ внѣшнихъ возбужденій. Но это только повидимому. Уже такъ называемый средній членъ рефлекса — сознаніе ощущеній младенцемъ, — возбуждаетъ разныя сомнѣнія и вопросы. О сознательномъ элементѣ въ новорожденномъ „не можетъ быть собственно и рѣчи“, говоритъ проф. Сѣченовъ; но въ то же время, по его мнѣнію, „ничто не говоритъ противъ того, чтобы возбужденіе чувствующихъ снарядовъ не отражалось въ его (младенца) сознаніи ощущеніями“. Въ этихъ словахъ есть противорѣчіе, зависящее отъ самого свойства сознанія. Собака, которая, долго приглядываясь къ человѣку, узнаетъ въ немъ своего хозяина, имѣетъ ли сознаніе? Безъ сомнѣнія—да; а между тѣмъ множество психическихъ явленій въ человѣкѣ, которыя объясняются только сознаніемъ, не замѣчаются въ собакѣ. Отчего эта разница? Дѣло въ томъ, что животныя, подобно человѣку, способны имѣть ощущенія, чувства, мысли, намѣренія; эту способность мы называемъ сознаніемъ. Но человѣкъ имѣетъ, сверхъ того, способность отдавать себѣ въ нихъ отчетъ, другими словами, сознавать предметъ и самый актъ своего сознанія; а животныя этой способности не имѣютъ. Новорожденный младенецъ одаренъ, повидимому, только сознаніемъ въ первомъ смыслѣ. Трудность рѣшительныхъ заключеній зависитъ оттого, что у взрослаго человѣка сознаніе въ томъ и другомъ смыслѣ совпадаетъ, такъ что, когда нѣтъ послѣдняго, нѣтъ и перваго. Когда мы перестаемъ сознавать, что̀ дѣлаемъ, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, почти всегда перестаемъ имѣть ощущенія, чувства мысли, намѣренія. Изъятія составляютъ дѣйствія заученныя, которыя мы можемъ совершать правильно, вовсе не сознавая, что̀ дѣлаемъ. Такъ ли это и у младенца, болѣе близкаго къ внѣшней природѣ, чѣмъ взрослый,—нельзя сказать, потому что мы не имѣемъ никакихъ способовъ изслѣдовать психическое состояніе новорожденнаго.

Что касается до движеній ребенка, то они по словамъ самого проф. Сѣченова, не имѣютъ рефлективнаго характера. „Казалось бы, говоритъ онъ, что если у взрослаго движеніе можетъ вытекать изъ возбужденія любого органа чувствъ и нерѣдко выражается такими сложными актами, какъ ходьба, рѣчь и проч., то въ основѣ этихъ будущихъ проявленій должна лежать какая-нибудь преформированная связь между каждымъ чувствующимъ снарядомъ и чуть не всѣми двигательными аппаратами тѣла (нервно-мышечные снаряды). Она, можетъ быть, и есть уже при рожденіи, но даже у взрослаго связь эта не настолько пряма и непосредственна, какъ въ аппаратахъ, производящихъ чистые рефлексы, потому что при обыкновенныхъ условіяхъ, напримѣръ, ходить заставляетъ взрослаго человѣка не ощущеніе свѣта или звукъ самъ по себѣ, а зрительное или слуховое представленіе. Стало быть, и удивляться нечего, что ребенокъ, не имѣющій представленій, не начинаетъ двигать руками или ногами, когда на него подѣйствуетъ звукъ или свѣтъ. Только у животныхъ, способныхъ ходить тотчасъ или вскорѣ по рожденіи, непрямая связь, о которой идетъ рѣчь, должна быть вполнѣ прирожденною, у человѣка же она можетъ быть въ этотъ періодъ много что намѣченной. Поэтому-то возбужденія органовъ чувствъ у новорожденнаго и не выражаются извнѣ двигательными послѣдствіями ни въ туловищѣ, ни въ конечностяхъ. Въ теченіе цѣлыхъ недѣль тѣло новорожденнаго представляетъ родъ инертной массы, и если въ ней замѣчаются по временамъ движенія, то они имѣютъ характеръ какъ бы случайный и угадать ихъ источникъ нѣтъ возможности“.

Подъ намѣченностью связи между внѣшними возбужденіями и движеніями у человѣка должно разумѣть только возможность такой связи, не болѣе, потому что движеніе опредѣляется у человѣка представленіями, а не внѣшними возбужденіями. Но этого мало. Случайныя движенія новорожденнаго, которыхъ источникъ не извѣстенъ, показываютъ, за невозможностью объяснить ихъ внѣшними возбужденіями, что не всѣ двигательныя отправленія производятся внѣшними возбужденіями; что есть и такія, которыя возникаютъ изъ раздраженія, происходящаго непосредственно въ нервныхъ центрахъ; по крайней мѣрѣ, противное, по сознанію самого проф. Сѣченова, не можетъ быть доказано.

Далѣе подробно излагается, какъ ребенокъ мало-по-малу выучивается смотрѣть. Авторъ всячески старается доказать, что это происходитъ въ силу однихъ физіологическихъ и физическихъ данныхъ; но изъ его же словъ выходитъ, что въ этомъ процессѣ принимаютъ участіе еще какіе-то другіе неизвѣстные элементы. Такъ, объясняя съ своей точки зрѣнія сведеніе зрительныхъ осей на предметѣ и умѣніе приспособлять глазъ къ разстояніямъ, проф. Сѣченовъ говоритъ: „передвиганіе сведенныхъ зрительныхъ осей вслѣдъ за двигающимся образомъ уже труднѣе поддается объясненію. Здѣсь впервые встрѣчается серьезная необходимость прибѣгнуть къ какому-то активному стремленію со стороны ребенка сохранить, удержать въ ясности мелькающій въ полѣ зрѣнія образъ. Въ чемъ заключается это стремленіе, какова его физіологическая подкладка—мы не знаемъ... По аналогіи съ фактами послѣдующихъ періодовъ развитія можно предположить, что зрительныя ощущенія уже въ этотъ ранній періодъ начинаютъ заключать въ себѣ источникъ наслажденій для ребенка“. Авторъ старается смягчить впечатлѣніе этого признанія тѣмъ, что непонятный фактъ имѣетъ *нѣкоторое* родство съ рефлекторнымъ актомъ стремленія глаза къ свѣту, которое обыденное сознаніе считаетъ инстинктивнымъ, тогда какъ оно есть чисто физіологическое. Но *нѣкоторое* сходство съ рефлективными представляютъ всѣ движенія, не исключая тѣхъ, которыя обусловлены самопроизвольностью, по той простой причинѣ, что механическая сторона тѣхъ и другихъ движеній совершенно одинакова, и что ни одинъ психическій актъ, разъ онъ выражается во внѣ, не изъятъ изъ-подъ законовъ матеріальной природы. Поэтому *нѣкоторое* сходство въ настоящемъ случаѣ ничего не доказываетъ и ничего не объясняетъ. Странно только, что послѣ сдѣланныхъ признаній проф. Сѣченовъ рѣшительно заключаетъ, что все дѣло заучиванія движенія глазъ „состоитъ въ частомъ повтореніи рефлексовъ, гдѣ моментомъ, регулирующимъ движеніе, является чувствованіе“. То, что самъ авторъ говоритъ объ этомъ предметѣ, противорѣчитъ такому категорическому выводу.

Когда ребенокъ выучился смотрѣть, слушать и дѣйствовать руками, какъ хвататель-

нымъ орудіемъ, „у него—по словамъ проф. Сѣченова—уже много успѣло сложиться привычныхъ ощущеній, которыми опредѣляется его настроеніе (акты рефлекторнаго характера, поясняетъ авторъ); темное, неопредѣленное стремленіе къ свѣту превратилось въ наслажденіе яркими образами и красками; видъ блестящаго предмета, вызывая радость, заставляетъ двигаться не только глаза, но и все тѣло; ребенокъ поворачиваетъ голову на звукъ и тянется къ звенящему колокольчику, прыгаетъ и кричитъ отъ радости, схватываетъ рукой все что̀ можетъ, и всякую дрянь суетъ себѣ въ ротъ. Однимъ словомъ, по мѣрѣ того какъ въ сознаніи начинаютъ проясняться, дифференцироваться зрительныя и слуховыя ощущенія, въ центральной нервной системѣ какъ будто начинаютъ прокладываться новые пути отъ этихъ аппаратовъ ко всѣмъ двигательнымъ снарядамъ тѣла, не исключая и голоса. Можно ли не назвать всѣ эти акты рефлекторными?—а между тѣмъ только изъ нихъ и слагается жизнь ребенка въ эту эпоху развитія“.

Въ приведенномъ мѣстѣ проф. Сѣченовъ описалъ живыми чертами постепенное развитіе въ ребенкѣ психическихъ элементовъ, которые, болѣе и болѣе окрѣпая, получая бо̀льшую и бо̀льшую самостоятельность, будутъ въ зрѣломъ возрастѣ по преимуществу опредѣлять его дѣятельность. Послѣ такого описанія, вопросъ, можно ли не считать всѣ дѣйствія ребенка рефлекторными, кажется злой насмѣшкой надъ читателемъ. Въ самомъ дѣлѣ, за три страницы передъ тѣмъ говорилось, что у новорожденнаго движенія случайны и нельзя угадать ихъ источника, потому что между возбужденіемъ органа чувствъ и движеніемъ должно стоять представленіе, а представленій у ребенка нѣтъ. Способность имѣть представленія, какъ извѣстно, развивается; люди съ готовыми представленіями не родятся; постепенной же выработкѣ представленій соотвѣтствуетъ постепенная выработка психическихъ элементовъ, такъ что отъ послѣдней прямо, непосредственно зависитъ выработка цѣлесообразныхъ, осмысленныхъ движеній. И вдругъ мы читаемъ, что отъ зрительныхъ и слуховыхъ аппаратовъ начинаютъ прокладываться новые пути къ двигательнымъ снарядамъ, и что всѣ эти акты—рефлекторные! Проф. Сѣченовъ считаетъ возможнымъ говорить о цѣлесообразности явленій природы. Есть ли же какая-нибудь цѣлесообразность протаскивать рефлексъ чрезъ представленіе, когда, вслѣдствіе такого усложненія, самый характеръ рефлекторнаго акта нисколько не измѣняется? Обыденная, практическая психологія смотритъ на дѣло иначе, и съ ея точки зрѣнія такое усложненіе объясняется гораздо удовлетворительнѣе. Обыденная психологія думаетъ, что психическіе элементы выработываются въ ребенкѣ мало-по-малу, сначала подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній. Оттого первыя представленія дитяти ограничиваются предметами внѣшняго міра; оттого къ нимъ же обращена и внѣшняя его дѣятельность. Но это только первая ступень развитія. Чѣмъ дальше, тѣмъ психическіе элементы выдвигаются болѣе и болѣе впередъ, получаютъ бо̀льшую и бо̀льшую самостоятельность и самодѣятельность и высвобождаютъ человѣка изъ-подъ непосредственной зависимости отъ окружающаго міра. При такомъ объясненіи роль представленій дѣлается вполнѣ понятной. Они нейтрализуютъ непосредственное дѣйствіе на человѣка внѣшней природы, становятся между послѣдней и человѣкомъ, и такимъ образомъ являются творцами его относительной свободы. По системѣ проф. Сѣченова, представленія оказываются въ человѣческомъ механизмѣ излишними колесами, только безъ нужды усложняющими движеніе и увеличивающими треніе.

Всего любопытнѣе то, что проф. Сѣченовъ волей-неволей самъ наталкивается на выводы, очень близкіе ко взглядамъ обыденной психологіи. Относительно акта ходьбы онъ замѣчаетъ, что „весь нервномышечный аппаратъ ходьбы долженъ быть данъ человѣку въ общихъ чертахъ (?) готовымъ, и то, что̀ мы называемъ заучиваніемъ, не есть созиданіе вновь цѣлаго комплекса движеній, а лишь регуляція прирожденныхъ, примѣнительно къ почвѣ, по которой происходитъ движеніе. Регуляція же эта, какъ показываетъ физіологическій анализъ, заключается въ выясненіи тѣхъ ощущеній, которыми сопровождается передвиженіе по твердой поверхности, служащей опорой для ногъ. Бываютъ болѣзненные случаи, когда человѣкъ теряетъ способность сознавать эти ощущенія, и ходьба становится невозможной“. Другими словами, вся сила мало-по-малу переходитъ въ сознаніе, безъ котораго даже такой актъ, какъ ходьба, немыслимъ. Что же касается до прирожденности физіологическаго аппарата ходьбы, то

ее надо понимать въ самомъ обширномъ смыслѣ; аппаратъ для ходьбы есть вмѣстѣ аппаратъ для колѣнопреклоненій, для танцевъ, для штукъ акробатовъ, клоуновъ, для верховой ѣзды, гимнастики и т. д. Стало быть, мнимый аппаратъ для ходьбы есть матеріалъ, которымъ сознаніе пользуется для тысячи разнообразнѣйшихъ надобностей, сообразно съ своими цѣлями, разумѣется, въ предѣлахъ физической возможности.

Такимъ же образомъ, какъ и заучиваніе акта ходьбы, объясняетъ проф. Сѣченовъ и искусство произносить заученныя слова. Основное условіе способности къ рѣчи есть „центральная связь между зрительнымъ и слуховымъ аппаратомъ съ одной стороны, и всѣмъ комплексомъ движеній, участвующихъ въ образованіи голоса и рѣчи, съ другой". Но этого мало: нуженъ еще регулирующій контроль слуха (т.-е. собственно не слуха, а слуховыхъ представленій), да кромѣ того, вдобавокъ, инстинктивная звукоподражательность. Какъ читатель видитъ, о рефлексѣ нѣтъ тутъ и помину. „Выясненный въ сознаніи звукъ или рядъ звуковъ служитъ для ребенка мѣркой, къ которой онъ подлаживаетъ свои собственные звуки и какъ будто не успокоивается до тѣхъ поръ, пока мѣрка и ея подобіе не станутъ тождественны. Физіологическихъ основъ этого свойства мы не знаемъ; но въ виду того, что подражательность вообще есть свойство, присущее всѣмъ безъ исключенія людямъ... легко понять, что для людей она имѣетъ всѣ характеры родового признака въ томъ самомъ смыслѣ, какъ обезьянамъ приписывается зрительно-мышечная, птицамъ—слухо-мышечная подражательность". Положимъ, что въ дѣтяхъ это такъ. Ну, а первый человѣкъ, начавшій создавать языкъ,—онъ кому подражалъ?

Авторъ продолжаетъ: „Съ другой стороны, если принять, что при извѣстныхъ условіяхъ возбужденія органовъ чувствъ стремятся неудержимо (въ сознаніи это обстоятельство должно отражаться именно въ формѣ какого-то стремленія) вылиться въ звукъ или слово, и основное условіе, для того чтобы движеніе могло произойти именно въ этомъ, а не въ другомъ направленіи, уже готово (я разумѣю въ нашемъ случаѣ выясненіе слухового ощущенія); если принять далѣе во вниманіе, что, помимо ярко выяснившейся въ сознаніи слуховой мѣрки, нѣтъ ничего, кромѣ смутныхъ измѣнчивыхъ слѣдовъ отъ собственныхъ звуковъ, то становится до извѣстной степени понятнымъ, что ребенку ничего не остается болѣе, какъ подлаживаться подъ нее".

Всѣ эти запутаннѣйшія объясненія придуманы съ очевидною цѣлью по возможности умалить активную роль сознанія въ созданіи языка и рѣчи. Сознаніе, представленіе, по мнѣнію автора, какія-то передаточныя станціи, значеніе которыхъ совершенно непонятно. Тамъ, гдѣ ихъ активной роли невозможно отрицать, гдѣ она навязывается самими фактами, проф. Сѣченовъ думаетъ увернуться тѣмъ, что переноситъ стремленіе въ возбужденіе высшихъ органовъ чувствъ и приписываетъ этому возбужденію неудержимость. Что именно онъ выигрываетъ чрезъ эту перестановку неудержимаго стремленія изъ сознанія въ возбужденіе, я не могу понять. Разъ допустивъ, что не психическое настроеніе, а внѣшнее возбужденіе стремится перейти въ звукъ или слово, онъ уже никакъ не можетъ объяснить, почему впослѣдствіи, когда человѣкъ возмужаетъ, это стремленіе изъ неудержимаго становится удержимымъ и очень часто не переходитъ ни въ звукъ, ни въ слово.

За этимъ натянутымъ и хитросплетеннымъ объясненіемъ факта, совершенно необъяснимаго съ точки зрѣнія автора, слѣдуетъ замѣчаніе, которое всякій обыденный психологъ подпишетъ обѣими руками, но которое плохо клеится съ воззрѣніями проф. Сѣченова: „Вооруженный умѣньемъ смотрѣть, слушать, осязать, ходить и управлять движеніями рукъ (чѣмъ, надо замѣтить, дитя обязано постепенному вмѣшательству психическихъ элементовъ въ рефлективныя расположенія его тѣла), ребенокъ перестаетъ быть, такъ сказать, прикрѣпленнымъ къ мѣсту и вступаетъ въ эпоху болѣе свободнаго и самостоятельнаго общенія съ внѣшнимъ міромъ (что и надлежало доказать!). Послѣдній продолжаетъ дѣйствовать на него прежними путями, т.-е. чрезъ органы чувствъ.... но вліянія падаютъ уже на иную почву".

Я не безъ умысла выпустилъ совершенно произвольный выводъ, что если внѣшній міръ продолжаетъ дѣйствовать на ребенка черезъ органы чувствъ, то изъ этого будто бы слѣдуетъ, что „акты по прежнему возбуждаются толчками извнѣ". Выводъ этотъ совершенно произволенъ потому, что, по признанію самого автора, актовъ никакихъ нѣтъ, даже при внѣшнихъ толчкахъ, пока не образовались представленія, которыя зависятъ отъ

развитія психическихъ элементовъ, дремлющихъ въ новорожденномъ младенцѣ.

Также произвольно и все то, что̀ говорится далѣе о возможности анализировать впечатлѣніе, которая будто бы дается ребенку съ пріобрѣтеніемъ подвижности тѣла и съ болѣе тонкой аналитической способностью глазъ, выучившихся смотрѣть. Способность анализировать впечатлѣніе есть чисто психическая. Развитію этой способности, конечно, будутъ мѣшать отсутствіе подвижности тѣла и недостатки въ органахъ чувствъ, но она вовсе не совпадаетъ съ подвижностью тѣла и съ нормальною дѣятельностью органовъ чувствъ. Безъ участія психическихъ элементовъ глазъ не былъ бы въ состояніи расчленять плоскостную картину зрѣнія. Проф. Сѣченовъ ссылается на примѣръ слѣпорожденныхъ, которымъ поздно возвращено зрѣніе и которые вначалѣ не умѣютъ расчленять зрѣніемъ то, что̀ видятъ передъ собою. Но этотъ примѣръ вовсе не доказываетъ, что способность анализа заключается единственно въ способности глазъ, выучившихся смотрѣть, хотя совершенно безспорно, что умѣніе анализировать впечатлѣніе немыслимо, когда не существуетъ самаго впечатлѣнія. Замѣчаніе Гельмгольца, что представленіе о величинѣ, удаленіи, очертаніяхъ и тѣлесности развиваются какъ бы путемъ безсознательныхъ умозаключеній, тоже не подкрѣпляетъ выводовъ проф. Сѣченова. Безсознательность еще не есть доказательство отсутствія психическихъ элементовъ, а если есть умозаключеніе, то одно это служитъ лучшимъ доказательствомъ, что психическіе элементы участвуютъ въ актахъ, на которые указываетъ Гельмгольцъ, такъ какъ безъ того никакого умозаключенія и не было бы, и никогда глазъ не выучился бы смотрѣть.

Чѣмъ далѣе проф. Сѣченовъ подвигается впередъ въ разсмотрѣніи послѣдовательнаго развитія ребенка, тѣмъ объясненіе психическихъ явленій физіологическими данными становится затруднительнѣе, запутаннѣе и произвольнѣе. Оно и понятно. По мѣрѣ того, какъ психическіе элементы выступаютъ и обозначаются яснѣе и яснѣе, ихъ усиливающееся вмѣшательство въ чисто матеріальные факты выражается въ явленіяхъ, которыя все труднѣе и труднѣе поддаются физіологическому анализу. Усилія, несмотря ни на что, сводить эти явленія на одни физіологическіе законы вынуждаютъ проф. Сѣченова прибѣгать къ аргументамъ, слабость которыхъ, при нѣкоторомъ вниманіи, разоблачается сама собою.

Примѣромъ такихъ безнадежныхъ аргументацій можетъ служить то, что̀ говоритъ авторъ о такъ-называемыхъ имъ репродуцированныхъ актахъ. Репродукція репродукціи рознь. Репродукція рефлекса, напримѣръ, источникъ заученныхъ движеній, происходитъ по тѣмъ же законамъ, по какимъ производится и самый рефлексъ, то-есть чрезъ возбужденіе чувствующей поверхности. Но здѣсь не объ этой репродукціи рѣчь, а о другой, психической, происходящей въ сознаніи, когда ребенокъ вспоминаетъ видѣнное, слышанное и проч. Объяснивъ, съ своей точки зрѣнія, такъ-называемые имъ средніе члены рефлексовъ у ребенка, которые обыденная психологія считаетъ за психическіе элементы, проф. Сѣченовъ говоритъ: „таковы въ разбираемую эпоху развитія (выводы его, къ ней относящіеся, мы только-что разсмотрѣли) средніе члены психическихъ актовъ, поскольку послѣдніе вызываются реальными возбужденіями чувствующихъ снарядовъ. Но такими же являются они и въ репродуцированныхъ актахъ... такъ какъ представленія не расчленились еще и въ эту пору до степени понятій“. Къ этому, въ скобкахъ, прибавлено: „не нужно забывать при этомъ, что всякій репродуцированный актъ, въ смыслѣ процесса, представляетъ лишь копію реальнаго возбужденія, съ разницею только въ началахъ обоихъ актовъ, да и то количественною!“

Здѣсь авторъ, съ особенною тщатетьностью и довольно искусно, стушёвываетъ въ глазахъ читателя, мало вникающаго въ смыслъ и фактуру психическихъ явленій, существенныя черты психической репродукціи, и отводитъ отъ нихъ глаза второстепенными подробностями, которыя, взамѣнъ главнаго, выносятся на первый планъ. Что ребенокъ, не имѣющій еще понятій, а одни представленія, не можетъ воспроизводить первыхъ, а репродуцируетъ только вторыя, это не подлежитъ сомнѣнію и не требуетъ поясненія; что въ „смыслѣ процесса“ репродуцированный актъ (правильнѣе было бы сказать: репродуцированное представленіе) ребенка есть не болѣе, какъ копія реальнаго возбужденія (т.-е. опять-таки не реальнаго возбужденія, а полученнаго ощущенія) — и это не представляетъ особенной важности. Важны въ актѣ воспро-

изведенія психическихъ фактовъ, во-первыхъ, тѣ условія, которыя имъ предполагаются, и о которыхъ проф. Сѣченовъ совершенно умалчиваетъ, и во-вторыхъ, начало воспроизведенія, о которомъ авторъ говоритъ вскользь, въ двухъ словахъ, причемъ существенно искажаетъ дѣйствительный смыслъ явленія. Что касается до условій, предполагаемыхъ при репродукціи, то они заключаются въ способности видѣть психическимъ образомъ то, что̀ содержится въ нашей душѣ, и что̀ въ минуту репродукціи не дѣйствуетъ на наши внѣшнія чувства. Иначе, какъ бы я могъ вспоминать видѣнное, слышанное и т. п.? Этого неизбѣжнаго вывода, столько же неотразимаго, какъ дважды два четыре, проф. Сѣченовъ не желаетъ ни за что принять, потому что выводъ этотъ находится въ вопіющемъ противорѣчіи со всей его философской системой. Относительно же начала воспроизведенія онъ замѣчаетъ, совершенно бездоказательно, что оно точно такое же, какъ и начало реальнаго возбужденія; вся разница между этими началами, говоритъ онъ, только количественная, т.-е., какъ онъ поясняетъ въ другомъ мѣстѣ, воспроизведеніе слабѣе реальнаго возбужденія. Но здѣсь самые факты существенно искажены авторомъ. Воспроизведенное представленіе очень часто ничѣмъ не уступаетъ, въ силѣ и живости, реальному возбужденію, до того, что люди перемѣшиваютъ ихъ между собою и копію принимаютъ за подлинникъ. Всего чаще это бываетъ именно у дѣтей. Тэнъ гораздо ближе къ истинѣ, доказывая, что люди только длиннымъ опытомъ и упражненіемъ выучились различать воспроизведенное представленіе отъ ощущенія, производимаго реальнымъ возбужденіемъ чувствующихъ снарядовъ. Но, кромѣ того, важный вопросъ, какъ происходитъ воспроизведеніе—непремѣнно ли каждый разъ вслѣдствіе реальнаго возбужденія чувствующихъ снарядовъ, при помощи, положимъ, ассоціаціи идей, или можетъ также происходить вслѣдствіе неизвѣстнаго и недоступнаго изслѣдованію взаимодѣйствія полученныхъ ощущеній въ нашей душѣ,—объ этомъ проф. Сѣченовъ благоразумно умалчиваетъ. А въ этомъ-то и лежитъ капитальный вопросъ о началѣ репродуцированныхъ психическихъ явленій. Отъ изслѣдованія этого вопроса, роковаго для его философской доктрины, проф. Сѣченовъ увертывается тѣмъ, что онъ изслѣдуетъ одни процессы, что вся суть психологіи—въ изученіи исторіи развитія ощущеній, представленій, мысли, чувства, способовъ сочетанія всѣхъ этихъ видовъ и родовъ психическихъ дѣятельностей и условій ихъ воспроизведенія. Но вѣдь развивается, сочетается, воспроизводится что-нибудь, и наука, по необходимости, должна дать себѣ ясный отчетъ о томъ, развитіе, сочетаніе и воспроизведеніе чего именно она изслѣдуетъ, а это по необходимости раздвигаетъ науку за предѣлы голаго процесса. Если же мы обратимъ вниманіе на предметъ, котораго развитіе изслѣдуемъ, то перетасовывать нервный рефлексъ съ психическими явленіями сдѣлается ужъ несравненно труднѣе.

Не могу здѣсь кстати не припомнить одного изъ множества недоразумѣній, около которыхъ вертится почти вся критика проф. Сѣченова, направленная противъ меня. Фактъ развитія теплоты при треніи объяснялся прежде такъ, что треніе есть причина, а теплота—послѣдствіе. Въ настоящее время люди, по словамъ проф. Сѣченова, додумались, что треніе предполагаетъ движеніе, т.-е. движущую силу, и слѣд., цѣлое явленіе слагается изъ трехъ факторовъ: механическая сила есть причина, а треніе—условіе, способствующее переходу ея въ теплоту. Признаюсь, мнѣ этотъ переходъ силы въ теплоту, помимо предмета, который движется, трется и становится теплымъ, представляется игрою въ невинныя грамматическія формы. Ни механической силы, ни тренія, ни теплоты безъ предметовъ я не могу себѣ и вообразить. То же самое и съ психическими процессами, съ психическимъ развитіемъ. Они могутъ совершаться не иначе, какъ при какомъ-нибудь субстратѣ. Если мы его не знаемъ и не можемъ знать, то слѣдуетъ отложить въ сторону всякую надежду объяснить психическія явленія нервными рефлексами и ограничиться однимъ положительнымъ изслѣдованіемъ, что̀ и дѣлаетъ психологія, которую проф. Сѣченовъ называетъ обыденной, практической, а я, и со мною многіе другіе—положительной и научной.

„Дальнѣйшіе, но уже и единственные, крупные шаги въ психическомъ развитіи человѣка составляютъ первые проблески ума или мыслительной способности и зачатки свободной воли. Ребенокъ начинаетъ сознавать предметы внѣшняго міра не только въ ихъ обособленности, но и со стороны взаим-

ныхъ отношеній какъ цѣльныхъ предметовъ другъ къ другу, такъ и частей каждаго отдѣльнаго предмета къ своему цѣлому. Пониманію ребенка открываются чрезъ это тѣ пружины матеріальнаго бытія, которыми связываются объекты внѣшняго міра и которыя составляютъ всю основу какъ обыденнаго, такъ и научнаго міросозерцанія. Изъ элементарныхъ размышленій ребенка выростаетъ мало-по-малу та грандіозная цѣпь знаній, которая, начинаясь самымъ поверхностнымъ расчлененіемъ конкретныхъ фактовъ матеріальнаго міра, увѣнчивается точнымъ, непогрѣшимымъ математическимъ знаніемъ. Другая же сторона развитія заключается въ томъ, что человѣкъ мало-по-малу эманципируется въ своихъ дѣйствіяхъ отъ непосредственныхъ вліяній матеріальной среды; въ основу дѣйствій кладутся уже не одни чувственныя побужденія, но мысль и моральное чувство; самое дѣйствіе получаетъ черезъ это опредѣленный смыслъ и становится поступкомъ. Для человѣка является возможность выбора между способами дѣйствія, и въ этомъ смыслѣ его называютъ въ теоріи всегда нравственно свободнымъ существомъ".

Такими словами дѣлаетъ проф. Сѣченовъ переходъ къ послѣдней части своего труда, гдѣ онъ подробно разсматриваетъ акты мышленія, мышленіе метафизическое и математическое, и акты воли. Какъ видно изъ приведенныхъ словъ, о мыслительной способности онъ говоритъ только въ примѣненіи къ познанію матеріальныхъ явленій; нравственная свобода ограничивается для него только перемѣною господина; мѣсто чувственныхъ побужденій заступаютъ мысль и моральное чувство. О дѣйствительной свободѣ и знаніи чего-либо, кромѣ матеріальной природы, нѣтъ и рѣчи. Что человѣкъ, доразвившись до сознательнаго мышленія, узнаетъ явленія, неизвѣстныя внѣшнему міру, что только при помощи сознательнаго мышленія онъ открываетъ въ самомъ матеріальномъ бытіи такія стороны, которыя для органовъ чувствъ остаются совершенно недоступными, каковы, напр.. „пружины матеріальнаго бытія", что, наконецъ, человѣкъ дѣлается способнымъ ставить самому себѣ мотивы дѣятельности,— на это въ приведенныхъ словахъ мы не находимъ, разумѣется, ни малѣйшаго намека.

Элементы актовъ мышленія авторъ разсматриваетъ „съ точки зрѣнія процессовъ". Этимъ, а также устраненіемъ изъ разсмотрѣнія всего, что въ актахъ мышленія указываетъ на другія явленія, кромѣ матеріальныхъ, задача его чрезвычайно упрощается, но въ ущербъ научному достоинству добытыхъ результатовъ. Результаты эти, конечно, вѣрны, но съ тѣми необходимыми оговорками, которыя вызываются произвольнымъ съуживаніемъ поля изслѣдованія. Это все равно, какъ еслибы историкъ захотѣлъ сравнить между собою дѣятельность Лютера и Аннибала; устранивъ всѣ характерныя черты Лютера, онъ могъ бы, пожалуй, доказать, что этотъ историческій дѣятель не представляетъ въ сравненіи съ Аннибаломъ никакихъ новыхъ элементовъ. Примѣрно такъ поступаетъ и проф. Сѣченовъ, излагая акты мышленія съ точки зрѣнія процессовъ. То, что онъ говоритъ объ этомъ предметѣ, при совершенной ясности механизма мышленія, не представляетъ ничего интереснаго и новаго, даже въ сравненіи съ тѣмъ, что объ этомъ сказано въ „Задачахъ Психологіи". Гораздо было бы важнѣе и поучительнѣе, еслибъ авторъ, съ своей точки зрѣнія, разъяснилъ намъ сходство и различіе представленій, недоступныхъ внѣшнимъ чувствамъ, съ соматическими фактами, провелъ параллель между нервными рефлексами и актами мышленія, объяснилъ развитіе послѣднихъ изъ первыхъ или, по крайней мѣрѣ, ихъ взаимную связь; наконецъ, предполагая цѣлесообразность въ явленіяхъ природы, выяснилъ, вслѣдствіе чего и для какой цѣли акты мышленія создаютъ въ сознаніи иную группировку представленій и понятій, чѣмъ соотвѣтствующая имъ группировка реальныхъ фактовъ, насколько мы можемъ судить о ней по получаемымъ впечатлѣніямъ. Въ мышленіи поражаетъ не дифференцированіе впечатлѣній, не сопоставленіе ихъ, а то, что реальные предметы получаютъ въ сознаніи соотвѣтствующія имъ какъ бы противпо представленія; что эти представленія дѣлаются объектами, надъ которыми оперируетъ мысль; что эти объекты мы имѣемъ способность ощущать даже безъ помощи внѣшнихъ чувствъ; что приведенные въ новыя сочетанія, неизвѣстныя реальному міру, эти психическіе объекты становятся прототипами для новой комбинаціи реальныхъ предметовъ. Отъ проф. Сѣченова, такъ рѣшительно объявляющаго, что отнынѣ психологія должна стать предметомъ изслѣдованія

физіологовъ, мы были бы вправѣ ожидать разъясненія этихъ и подобныхъ имъ вопросовъ, а не повтореній того, что уже успѣла выяснить своими бѣдными средствами обыденная психологія, не прибѣгая къ физіологическимъ пріемамъ. Скажу болѣе: общій выводъ, которымъ заключаетъ проф. Сѣченовъ свои физіологическія изслѣдованія актовъ мышленія, конечно, указываетъ на физіологическую ихъ подкладку, но самыхъ актовъ нисколько не объясняетъ. „Въ основѣ актовъ мышленія,—говоритъ онъ,—содержаніемъ которыхъ является сравненіе, наблюденіе (какое? не физіологическое же) не открываетъ ничего, кромѣ частаго возбужденія чувствующихъ снарядовъ и связанной съ нимъ репродукціи предшествовавшихъ сходныхъ впечатлѣній съ ихъ двигательными послѣдствіями". Всякій согласится, что такое наблюденіе, какъ бы оно ни было вѣрно, еще не объясняетъ акта мышленія, какъ самыя подробныя описанія музыкальныхъ инструментовъ, музыкантовъ и ихъ движеній, во время исполненія, не дадутъ ни малѣйшаго понятія объ исполняемой ими музыкальной пьесѣ. А вдобавокъ, конечный результатъ акта мышленія—умозаключеніе—не имѣетъ, по признанію самого автора, никакого реальнаго субстрата.

Впрочемъ, проф. Сѣченовъ и самъ очень хорошо знаетъ, что реальныя явленія, подлежащія чувствамъ, не составляютъ единственнаго предмета мышленія и знанія. Съ одной стороны, математика, самая точная изъ такъ-называемыхъ точныхъ наукъ, оперируетъ надъ отвлеченностями; съ другой,—есть масса предметовъ, тоже не представляющихъ чувственной реальности, которые, однако, занимаютъ нашъ умъ, и которые авторъ огуломъ зачисляетъ въ разрядъ метафизическихъ. Вотъ что вынуждаетъ его посвятить нѣсколько страницъ математическому и, такъ-называемому имъ, метафизическому мышленію. Относительно перваго онъ не говоритъ ничего новаго, и, какъ во всѣхъ своихъ психологическихъ соображеніяхъ, останавливается на второстепенныхъ и неважныхъ подробностяхъ, пропуская мимо важное и существенное. Что данныя, надъ которыми мышленіе оперируетъ въ математикѣ, суть чистыя отвлеченности,—этого, при всемъ желаніи, отрицать никакъ нельзя; что математическое мышленіе, имѣя дѣло съ чистыми отвлеченностями, несмотря на то, приходитъ къ выводамъ совершенно точнымъ, гораздо точнѣе, чѣмъ умственныя операціи надъ реальными фактами, подлежащими чувствамъ,—это тоже общеизвѣстно. При такихъ данныхъ самъ собою представляется вопросъ: не есть ли процессъ мышленія—одинъ изъ важнѣйшихъ психическихъ процессовъ—явленіе особаго рода, не находящееся въ непосредственной зависимости отъ процессовъ реальныхъ? Въ самомъ дѣлѣ, предметъ математическаго мышленія—отвлеченности, даже фикціи; надъ этими своеобразными фактами, не похожими на реальные (математическія фикціи не имѣютъ даже съ ними рѣшительно ничего общаго, никакого реальнаго субстрата), мышленіе оперируетъ совершенно независимо отъ реальности, нисколько не соображаясь съ нею, не провѣряя ею своихъ выводовъ. Кажется, какихъ еще осязательныхъ доказательствъ нужно, чтобъ убѣдиться въ томъ, что умственные процессы и реальные—различны, другъ отъ друга не зависятъ, что первые могутъ совершаться, когда послѣдніе не совершаются. Это ли не психическая самостоятельность и самодѣятельность? Такъ нѣтъ! Съ этой стороны, противорѣчащей философской теоріи рефлективнаго характера психическихъ процессовъ, проф. Сѣченовъ не желаетъ взглянуть на дѣло и отыгрывается отъ самой сути дѣла неважными замѣчаніями, въ родѣ того, что „дробленіе пространства до математической точки и всякой вообще величины до понятія о безконечно-маломъ, вовсе не представляетъ операцій трудныхъ, въ умственномъ отношеніи"; что „съ этими понятіями, взятыми въ отдѣльности, никто, даже самый первый математикъ на свѣтѣ, не можетъ связывать никакихъ опредѣленныхъ представленій, значитъ и въ этомъ отношеніи всѣ люди равны (!)"; что математика „никогда не употребляетъ эти понятія въ дѣло взятыми отдѣльно, а вводитъ ихъ въ анализъ какъ логическое условіе" и т. п. Поэтому и я не буду далѣе останавливаться на соображеніяхъ проф. Сѣченова по этому предмету, и перехожу къ его наблюденіямъ и выводамъ относительно метафизическаго мышленія. Къ сожалѣнію, и они, какъ, впрочемъ, и слѣдовало ожидать, также изумительно односторонни. „Первый грѣхъ" метафизики, по выраженію автора, тотъ, что она „во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ" считаетъ человѣческій умъ способнымъ „зайти

за предѣлы познанія посредствомъ органовъ чувствъ". Прочитавъ это справедливое обвиненіе, вы ожидаете, что проф. Сѣченовъ раздѣлитъ случаи, когда умъ человѣческій можетъ идти этимъ путемъ и когда не можетъ. Но напрасно. У автора нѣтъ даже намека на то, что есть предметы знанія, которые вовсе не доступны органамъ чувствъ; напротивъ того, говорится, будто приложеніе естественно-научнаго метода доказало (?!) уже несомнѣннымъ образомъ, что развитіе представленій изъ ощущеній стоитъ въ прямой связи съ матеріальной организаціей чувствующихъ снарядовъ. Какимъ чудомъ люди дошли до обращенія представленія въ реальный предметъ, когда до сихъ поръ оно было доступно только умственному или психическому зрѣнію,—это остается тайною автора. Второй „смертный грѣхъ" метафизики будто бы тотъ, что ея объекты или сущности „суть продукты расчлененія уже не реальныхъ впечатлѣній, а словесныхъ выраженій ихъ". Этотъ выводъ, конечно, нельзя упрекнуть въ непослѣдовательности. Если реальное впечатлѣніе есть дѣйствительно единственный объектъ познанія, и никакого другого нѣтъ, то разсматривать словесное выраженіе какъ проявленіе объекта и по этому проявленію изслѣдовать объектъ, какъ мы изслѣдуемъ реальный міръ, по впечатлѣніямъ, которыя отъ него получаемъ,—само собою разумѣется, будетъ совершенной безсмыслицей. Но метафизика именно дѣлаетъ эту безсмыслицу. Наивно не вѣдая, что, съ изданіемъ этюда проф. Сѣченова, и ощущенія, и чувства, и мысли, и представленіе, и сознаніе превратились въ реальные предметы, доступные органамъ чувствъ, метафизика (подъ которой должно отнынѣ разумѣть и психологію и всю область наукъ, изслѣдующихъ не внѣшнюю природу) занимается игрою въ невинныя грамматическія формы. Проф. Сѣченовъ предостерегаетъ противъ „смѣшенія имени, клички, простого звука съ самою вещью, Петра съ человѣкомъ" и объясняетъ, что корни такого смѣшенія заключаются „въ свойствахъ рѣчи и въ отношеніи человѣческаго ума къ ея элементамъ". Предоставляя читателямъ ознакомиться съ этимъ объясненіемъ въ подлинникѣ, я изложу здѣсь только выводы. Въ выводахъ оказывается, что рѣчь идетъ не о „всѣхъ безъ исключенія случаяхъ", т.-е. „не о всѣхъ главныхъ отдѣлахъ человѣческаго міросозерцанія", какъ сказано было сначала, а только о познаваніи міра, окружающаго человѣка. „Міръ", говоритъ проф. Сѣченовъ, „дѣйствительно существуетъ помимо человѣка и живетъ самобытной жизнью, но познаніе его человѣкомъ, помимо органовъ чувствъ, невозможно, потому что продукты дѣятельности органовъ чувствъ суть источники всей психической жизни".

Прочитавъ эти слова, становишься въ тупикъ и не знаешь, что̀ сказать. О чемъ идетъ рѣчь: о мірѣ явленій, доступныхъ органамъ чувствъ? Если только о немъ, то все, что̀ авторъ говоритъ о метафизикѣ, совершенно справедливо. Или онъ подразумѣваетъ тутъ же и явленія, недоступныя органамъ чувствъ, открывающіяся только сознанію? Но о нихъ нужно еще доказать, что и они какимъ-то чудомъ обратились въ реальные предметы; кромѣ того, надо еще доказать, что „продукты дѣятельности органовъ чувствъ суть источники *всей* психической жизни". Если проф. Сѣченовъ даетъ метафизикѣ такое широкое значеніе, если въ его глазахъ метафизики всѣ тѣ, которые думаютъ, что психическія явленія не подлежатъ внѣшнимъ чувствамъ, и что продукты органовъ чувствъ не суть источники *всей* психической жизни, то очень многіе попадутъ въ разрядъ метафизиковъ,—конечно, только въ смыслѣ проф. Сѣченова, а вовсе не въ томъ, какой придается этому названію всѣмъ образованнымъ и ученымъ міромъ.

Послѣдній отдѣлъ психологическаго этюда проф. Сѣченова посвященъ самопроизвольности дѣйствій. Въ системѣ рефлективной трихотоміи ей, конечно, нѣтъ, да и не можетъ быть мѣста. Движеніе, дѣйствіе есть третій членъ процесса, начинающагося возбужденіемъ чувствующей поверхности и проходящаго черезъ сознаніе. Понятно, что самопроизвольность была бы при этомъ излишней, ненужной приставкой. Въ этомъ смыслѣ, воззрѣніе проф. Сѣченова есть повтореніе взгляда, давно уже извѣстнаго и развиваемаго на разные лады древними и новыми философами.

Но если точка зрѣнія автора не нова, то аргументы, на которыхъ она у него опирается, представляютъ много любопытнаго и поучительнаго. Извѣстный уже читателю изъ предыдущаго пріемъ—обходить существенное и важное, выдвигать второстепенныя подробности на первый планъ, а главный вопросъ оттирать на второй,—находитъ и здѣсь полное свое примѣненіе.

Сначала разсматриваются самопроизвольныя движенія съ физіологической точки зрѣнія, причемъ должно бы, кажется, съ перваго же взгляда оказаться, что никакой самопроизвольности открыть нельзя, потому что механизмъ дѣйствія, вызваннаго волей или внѣшнимъ толчкомъ, будетъ ли оно сознательное или безсознательное, всегда одинъ и тотъ же. Но проф. Сѣченовъ находитъ возможнымъ говорить съ физіологической точки зрѣнія и о волѣ. Какимъ образомъ онъ ее открываетъ физіологическимъ путемъ, — это его тайна; вѣроятно помощью обращенія предметовъ, не подлежащихъ внѣшнимъ чувствамъ, въ реальные объекты. Какъ бы то ни было, но онъ признаетъ, что „волѣ могутъ подчиняться такія только движенія, которыя сопровождаются какими-нибудь ясными признаками для сознанія“, иными словами, самопроизвольное дѣйствіе возможно только при сознаніи, безсознательное движеніе не можетъ быть произвольнымъ. Постановя это общее правило, авторъ задается вопросомъ: чѣмъ же отличается произвольное движеніе отъ непроизвольнаго? Я бы на его мѣстѣ отвѣтилъ, какъ и отвѣчаю въ „Задачахъ Психологіи“: ничѣмъ. А такъ какъ, по мнѣнію автора, психологія должна отнынѣ перейти въ руки физіологовъ, то этимъ отвѣтомъ вопросъ и разрѣшался бы, съ физіологической точки зрѣнія, совершенно послѣдовательно, правильно и окончательно. Но проф. Сѣченовъ счелъ почему-то нужнымъ протянуть агонію самопроизвольности подъ физіологическимъ анализомъ, и мы вынуждены присутствовать при этой совершенно излишней операціи. Вотъ его выводы:

1) „Всѣ элементарныя формы движеній рукъ, ногъ, головы и туловища, равно какъ всѣ комбинированныя движенія, заучаемыя въ дѣтствѣ: ходьба, бѣганье, рѣчь, движенія глазъ при смотрѣніи и пр., становятся подчиненными волѣ уже послѣ того, какъ они заучены.

2) „Чѣмъ заученнѣе движеніе, тѣмъ легче подчиняется оно волѣ и наоборотъ (крайній случай — полное безвластіе воли надъ мышцами, которымъ практическая жизнь не даетъ условій для упражненія).

3) „Но власть ея во всѣхъ случаяхъ касается только начала или импульса къ акту и конца его, равно какъ усиленія или ослабленія движенія; самое же движеніе происходитъ безъ всякаго дальнѣйшаго вмѣшательства воли, будучи реальнымъ повтореніемъ того, что дѣлалось уже тысячи разъ въ дѣтствѣ, когда о вмѣшательствѣ воли въ актъ не можетъ быть и рѣчи“.

Эти выводы, съ соображеніями и комментаріями, которыя имъ предшествуютъ, не удовлетворятъ ни физіолога, ни психолога.

Послѣдовательный физіологъ скажетъ: о какой волѣ и самопроизвольности можетъ быть рѣчь съ точки зрѣнія моей науки? Я вижу реальныя движенія, и въ моихъ глазахъ нѣтъ никакой разницы между непроизвольнымъ сосаніемъ младенца и произвольнымъ сосаніемъ взрослаго, между безсознательнымъ хожденіемъ по крышѣ лунатика и сознательными pà Блондена на канатѣ. Воля, самопроизвольность — не реальный фактъ, и я его нигдѣ открыть не могу средствами моей науки.

Послѣдовательный психологъ, съ своей точки зрѣнія, тоже не можетъ быть доволенъ выводами проф. Сѣченова. Онъ скажетъ: заученность движеній ровно ничего не доказываетъ относительно воли, потому что воля — явленіе психическое, которое, переходя въ міръ реальныхъ явленій, само собою разумѣется, подчиняется законамъ матеріальнаго міра. Когда реальная механика, на которую дѣйствуетъ воля, выработана и выдрессирована, обнаруженіе воли въ дѣйствіяхъ совершается легко; когда она не выдрессирована, — съ трудомъ и препятствіями; когда механика вовсе не позволяетъ дѣйствія, воля вовсе не выражается во внѣшнемъ актѣ. Но и то, и другое, и третье нисколько не измѣняетъ существа самопроизвольности, которая обнаруживается не въ однихъ реальныхъ, внѣшнихъ дѣйствіяхъ, но и въ движеніи мыслей, въ развитіи чувствъ, и всякихъ душевныхъ движеній. Что значитъ выраженіе: полное безвластіе воли надъ мышцами, которымъ практическая жизнь не даетъ условій для упражненія? Безвластіе воли немедленно и быстро выполнить актъ, возможный по законамъ природы, понятно; но полное безвластіе исполнить такой актъ нельзя понять. Сегодня *я*, картавый, произношу *л* какъ *р*, а черезъ полгода, усердно и безпрестанно упражняясь въ исправленіи своего произношенія, могу добиться до своей цѣли. Въ первую минуту, пожалуй въ первые дни, мнѣ будетъ необыкновенно трудно, но потомъ упражненія пойдутъ легче и легче, и подъ конецъ я уже безсознательно буду произ-

носить фатальную букву какъ слѣдуетъ. Это вовсе не значитъ, что въ первые разы воля моя надъ мышцами была совершенно безвластна; еслибы это было такъ, то я бы никогда не выучился произносить правильно; это значитъ только, что мышцы не съ разу поддаются напору воли, а постепенно, и лишь послѣ долгаго упражненія реальный снарядъ произношенія дрессируется въ желаемомъ смыслѣ.

Что значитъ выраженіе: практическая жизнь не даетъ условій для упражненія мышцъ? Законы реальнаго міра могутъ сдѣлать всѣ усилія воли напрасными,—это безспорно. Но условія практической жизни,—что это такое? Крыловъ изъ-за спора съ Гнѣдичемъ выучился въ нѣсколько мѣсяцевъ греческому языку. Актъ ли это воли, или условія практической жизни?

Наконецъ, какъ понимать увѣреніе, будто власть воли касается только начала и конца акта, усиленія или ослабленія движенія, а самое движеніе будто бы совершается машинообразно, по привычкѣ? Вотъ я, напримѣръ, желаю начертить на бумагѣ кругъ; но я умѣю начертить и всякую другую, правильную и неправильную геометрическую фигуру. По словамъ автора выходитъ, что я могу только начать или окончить чертить кругъ, чертить его быстро или лѣниво, энергически или вяло, а чертиться онъ будетъ самъ собой. Какъ же это такъ? Кромѣ того, спрашивается: какъ же я начну кругъ? Поставлю точку, а остальное сдѣлается само собой?

Повторяю: ни физіологи, ни психологи (конечно обыденные, практическіе) не удовлетворятся такими выводами; реалисты-философы,—другое дѣло. Для нихъ возможно приступить и съ такими данными къ анализу психической стороны явленій воли, недоступныхъ для физіологическаго изслѣдованія.

Въ психической области авторъ прежде всего встрѣчается „съ ученіями о произвольности или прямо противоположными нѣкоторымъ изъ... (его) выводовъ, или съ такими, къ которымъ... (его) выводы относятся какъ глухіе отрывистые отголоски къ цѣльной, стройной мелодіи“. „Кого увѣришь, въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ проф. Сѣченовъ,—что первый нашъ выводъ всецѣло приложимъ и къ движеніямъ, заучаемымъ въ зрѣломъ возрастѣ, напр., къ ручной художественной или ремесленной техникѣ, гдѣ заученіе совершается подъ вліяніемъ ясно сознаваемыхъ разумныхъ цѣлей и гдѣ отъ доброй воли самого учащагося зависитъ весь успѣхъ дѣла? Какъ можно втиснуть безконечно разнообразную картину произвольности человѣческихъ дѣйствій въ такую тѣсную, безжизненную рамку, какъ нашъ третій выводъ? Воля властна пускать въ ходъ въ каждомъ данномъ случаѣ не только ту форму движенія, которая ему наиболѣе соотвѣтствуетъ, но любую изъ всѣхъ, которыя вообще извѣстны человѣку... Воля не есть какой-то безличный агентъ, распоряжающійся только движеніемъ, —это дѣятельная сторона разума и моральнаго чувства, управляющая движеніями во имя того или другого, и часто наперекоръ даже чувству самосохраненія. Притомъ, въ дѣлѣ установленія понятія о волѣ вовсе не важно то, вмѣшивается ли она въ механическія детали заученнаго сложнаго движенія, а важна глубоко сознаваемая человѣкомъ возможность вмѣшаться, въ любой моментъ, въ текущее само собой движеніе и видоизмѣнить его или по силѣ, или по направленію“.

Эти взгляды и возраженія, въ самомъ дѣлѣ, очень серьезны и проникаютъ въ самую глубину вопроса о волѣ. Проф. Сѣченовъ разбираетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: „Въ самомъ процессѣ заучиванія сложныхъ движеній въ зрѣломъ возрастѣ, — говоритъ онъ,— воля хотя и принимаетъ участіе, но въ томъ же самомъ смыслѣ и въ тѣхъ же размѣрахъ, въ какихъ она относится къ любому заученному движенію. Другими словами, за ней и здѣсь остается сознаваемая человѣкомъ возможность вмѣшаться въ любую минуту въ движеніе и видоизмѣнить его въ томъ или другомъ отношеніи“. До этого вывода проф. Сѣченовъ доходитъ, разложивъ процессъ заучиванія на составные элементы и выяснивъ, какое участіе воля принимаетъ въ каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности. Въ примѣръ онъ беретъ заучиваніе ручного производства, причемъ нужно: 1) чтобы рука предварительно обладала извѣстною степенью поворотливости; 2) чтобы она въ своихъ движеніяхъ слушалась глаза; 3) чтобы человѣкъ умѣлъ подражать формѣ движенія, которую ему показываютъ; 4) чтобы онъ умѣлъ отличать хорошій результатъ правильнаго движенія отъ дурного результата неправильнаго, и 5) чтобы онъ упражнялся какъ можно болѣе подъ контролемъ достиженія нормальнаго результата“. Проф. Сѣченовъ думаетъ, что во второмъ и

третьемъ пунктѣ воля не при чемъ; что въ запоминаніе послѣдовательнаго хода движеній и въ пріученіе глаза, или глаза вмѣстѣ съ слухомъ, контролировать движенія воля не вмѣшивается ни на-волосъ; что относительно пріобрѣтенія рукою извѣстной степени поворотливости воля властна въ томъ же смыслѣ и въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ и относительно всѣхъ заученныхъ въ дѣтствѣ элементарныхъ движеній. Но такія толкованія совершенно произвольны. Всякое дѣйствіе, совершаемое сознательно, съ вниманіемъ, направленнымъ къ тому, чтобы предположенная цѣль была достигнута, есть уже актъ воли, будетъ ли онъ относиться къ дѣйствію, совершаемому въ первый или въ сто-первый разъ, къ подчиненію ли руки дѣйствію глаза или къ подражанію формѣ движенія; поэтому, актъ воли можетъ относиться столько же къ началу и концу, какъ и къ серединѣ или любой подробности дѣйствія. Такимъ образомъ, всѣ разсужденія о заучиваніи въ зрѣломъ возрастѣ оказываются, очевидно, натянутыми и ошибочными.

Что касается до произвольности человѣческихъ дѣйствій, то, сколько можно судить по приведенному примѣру двухъ добродѣтельныхъ стариковъ, изъ которыхъ одинъ сдѣлался такимъ, благодаря цѣлому ходу его жизни, а другой—вопреки искушеніямъ, проф. Сѣченовъ приписываетъ нравственность поступковъ или привычкѣ, или нравственному чувству въ усиленной степени, отбрасывая волю. „Ни обыденная жизнь, ни исторія народовъ—говоритъ авторъ—не представляютъ ни единаго случая, гдѣ одна холодная, безличная воля могла бы совершить какой-нибудь нравственный подвигъ. Рядомъ съ ней *всегда стоитъ, опредѣляя ее,* какой-нибудь нравственный мотивъ, въ формѣ ли страстной мысли или чувства“. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ главный и существенный вопросъ обойденъ. Привычка дѣйствовать такъ или иначе безспорно обращаетъ, наконецъ, извѣстный способъ дѣйствія въ машинальный; но, чтобы дойти до привычки, даже при благопріятныхъ обстоятельствахъ и безъ особенно сильныхъ помѣхъ, нуженъ рядъ усилій, которыя и будутъ представлять рядъ актовъ воли. Возраженіе, что нѣтъ воли самой по себѣ, а есть чувство въ усиленной степени,—не серьёзно. Волю, какъ особую силу, никто не отстаиваетъ. Все дѣло въ томъ, что одни признаютъ за страстною мыслью, за усиленнымъ чувствомъ, которое побуждаетъ къ дѣйствію, роковой характеръ, неудержимо влекущій къ дѣйствію, а другіе этого характера не признаютъ. Всѣ знаютъ, что нѣтъ дѣйствія безъ мотива; но одни думаютъ, что мотивъ всегда является роковымъ образомъ, а другіе думаютъ, что онъ можетъ быть вызванъ самопроизвольно. Человѣкъ, который умышленно напивается передъ совершеніемъ преступленія, зная, что въ трезвомъ видѣ онъ не будетъ въ состояніи его исполнить, преднамѣренно устраняетъ въ себѣ борьбу мотивовъ, тянущихъ его въ разныя стороны, и подавляетъ тѣ, которые помѣшали бы ему совершить преступленіе. Вмѣсто того, чтобы прямо поставить вопросъ о самопроизвольности, проф. Сѣченовъ полемизируетъ противъ ошибочныхъ и полинялыхъ ея толкованій, или подбираетъ примѣры и случаи, гдѣ самопроизвольность только повидимому въ игрѣ, а въ дѣйствительности вовсе не участвуетъ. Въ полемическомъ смыслѣ такой пріемъ очень удобенъ, но онъ мало способствуетъ разрѣшенію сложнаго вопроса.

Въ заключеніе, авторъ разсматриваетъ, существуетъ ли для человѣка возможность вмѣшаться въ любой моментъ въ текущее само собой движеніе и видоизмѣнить его? Эту возможность онъ отрицаетъ и считаетъ иллюзіей, происхожденіе которой объясняетъ такъ: въ сознаніи отъ ранняго возраста происходитъ постепенно рядъ дифференцированій. Ребенокъ выучивается отдѣлять себя отъ окружающаго; въ себѣ онъ отдѣляетъ себя, то-есть свое тѣло отъ своихъ дѣйствій. Такъ возникаетъ сознаніе, что человѣкъ есть общій источникъ, внутри котораго родятся ощущенія и изъ котораго выходятъ дѣйствія. Но въ дѣтствѣ внѣшніе импульсы къ дѣйствіямъ ускользаютъ (конечно не всѣ), почему ребенокъ анализируетъ только два послѣднихъ члена рефлекса,—средній и послѣдній (ощущеніе и дѣйствіе), причемъ средній членъ отождествляетъ съ собою. Затѣмъ происходитъ расчлененіе слитаго ощущенія отъ своего тѣла въ представленія, а когда выясняется и связь между членами представленія, оно переходитъ въ мысль. *Я* выдѣляется мысленно изъ тѣла и является причиною его дѣйствій. При этомъ происходятъ двѣ ошибки. Дѣйствіе приписывается не желанію, а прямо *я*; въ то же время внѣшній импульсъ, который вызвалъ желаніе, опускается изъ виду, и источникомъ, причиною желанія признается *я*. Причина по-

слѣдней ошибки объяснена выше; первая же происходитъ оттого, что при быстрой смѣнѣ ощущеній и ихъ сравнительной неопредѣленности, желаніе, какъ актъ предшествующій дѣйствію, просматривается. Кромѣ того, ребенокъ дѣлаетъ тьму движеній съ чужого голоса, который переноситъ на себя, когда начинаетъ дѣйствовать по внутреннимъ побужденіямъ. Такъ бываетъ въ дѣтствѣ. Условія послѣдующаго развитія нисколько не способствуютъ исправленію этихъ двухъ ошибокъ, а напротивъ, усиливаютъ и укрѣпляютъ ихъ. Ребенокъ долго остается подъ чужимъ руководствомъ, слѣдовательно, окончательно пріучается пріурочивать источникъ дѣйствія къ человѣческому образу; а внѣшніе импульсы становятся все болѣе и болѣе неуловимы, потому что репродукція актовъ, по мѣрѣ ихъ учащенія, становится легче и легче. Сверхъ того, по мѣрѣ психическаго развитія, случаи рефлексовъ съ заторможеннымъ концомъ, даже при сильномъ позывѣ на дѣйствіе, увеличиваются. Наконецъ, въ душѣ происходитъ борьба мотивовъ, тянущихъ въ разныя стороны. Всѣ эти условія еще усиливаютъ отнесеніе первоначальной причины дѣйствія къ себѣ; а тутъ еще вдобавокъ непомѣрно частое употребленіе словесной мысли *я*, съ глаголомъ, означающимъ дѣйствіе этого *я*. Впослѣдствіи мы, впрочемъ, начинаемъ различать отъ себя и внутреннія побужденія, но продолжаемъ приписывать дѣйствія себѣ, а не имъ, потому что приписываемъ себѣ не только дѣйствіе, но и бездѣйствіе. Бездѣйствіе является, наконецъ, и въ формѣ возможности или власти не дѣлать того, что̀ приказываютъ. Когда же внѣшнее руководство ослабѣваетъ, и дѣйствія начинаютъ болѣе и болѣе опредѣляться внутренними побужденіями, — все рѣшаетъ, какимъ побужденіямъ и желаніямъ привыкнетъ слѣдовать человѣкъ. Здѣсь рѣшительную роль играетъ воспитаніе. Мысль, что можно послушаться того или другого побужденія,—не полна: надобно при этомъ помнить, что „если кто не слушается одного голоса, то только потому, что слушается другого“. „Дѣйствія наши“, говоритъ въ заключеніе проф. Сѣченовъ, „управляются не призраками, въ родѣ разнообразныхъ формъ *я*, а мыслью и чувствомъ. Между ними у нормальнаго человѣка всегда полнѣйшая параллельность: внушенъ, напр., поступокъ моральнымъ чувствомъ—его называютъ благороднымъ; лежитъ въ основѣ его эгоизмъ—поступокъ выходитъ разсчетливымъ; продиктованъ онъ животнымъ инстинктомъ — на поступкѣ грязь. Даже у сумасшедшихъ между этими членами цѣльныхъ актовъ есть соотвѣтствіе. Въ этомъ-то смыслѣ сознательно разумную дѣятельность людей и можно приравнять двигательной сторонѣ нервныхъ процессовъ низшаго порядка, въ которыхъ средній членъ акта, чувствованія, является регуляторомъ движенія въ дѣлѣ доставленія послѣднимъ той или другой пользы тѣлу“.

По мѣрѣ того, какъ проф. Сѣченовъ доходитъ до психическихъ явленій, все болѣе и болѣе обособленныхъ отъ непосредственныхъ вліяній окружающей среды, положеніе его становится болѣе и болѣе критическимъ. Сознаніе, о которомъ онъ упоминалъ прежде вскользь и съ пренебреженіемъ, оказывается психическимъ фактомъ, безъ котораго нельзя обойтись при объясненіи происхожденія... ну, хоть бы тѣхъ иллюзій, вслѣдствіе которыхъ родилось понятіе о волѣ; психическое зрѣніе, безъ котораго нѣтъ сознанія, ему тоже понадобилось для того, чтобъ говорить о фактахъ, недоступныхъ реальному изслѣдованію; даже *я*, которое ученый авторъ выдавалъ за игру въ невинную грамматическую форму, оказалось результатомъ психическаго дифференцированія явленій въ сознаніи, чего, конечно, никто никогда и не отвергалъ, какъ никто никогда не отвергалъ и того, что представленіе и понятіе—результаты такого же дифференцированія. Чѣмъ болѣе проф. Сѣченовъ удаляется отъ реальныхъ явленій, тѣмъ болѣе поступь его, смѣлая и увѣренная на физіологической почвѣ, становится колеблющейся и шаткой. Признавъ косвенно, молча, и сознаніе, и психическое зрѣніе, и даже *я*, какъ несомнѣнныя психическія явленія, онъ еще не рѣшается признать свободу, самопроизвольность движеній. Я полагаю, что и это—вопросъ времени, потому что всѣ аргументы автора противъ нея чрезвычайно слабы.

Пройдя въ сознаніи цѣлый рядъ дифференцированій, приводящихъ неизбѣжно къ самосознанію, человѣкъ въ дѣтствѣ впадаетъ, по мнѣнію проф. Сѣченова, въ двѣ крупныя ошибки: во-первыхъ, онъ опускаетъ изъ виду внѣшніе стимулы для дѣйствій, во-вторыхъ, онъ смѣшиваетъ свои желанія съ самимъ собой, съ *я*. Эти фатальныя ошибки сопровождаютъ человѣка до гроба. Кромѣ того, оказывается еще и третья, такая же фатальная ошибка, идущая изъ дѣтства тоже черезъ всю

жизнь, — иллюзія, будто человѣкъ можетъ не дѣйствовать по какому-нибудь мотиву, не подпадая тѣмъ самымъ подъ другой мотивъ. Но мысль, будто внѣшній импульсъ (возбужденіе чувствующей поверхности) всегда непремѣнно лежитъ въ основѣ всѣхъ нашихъ поступковъ, является у проф. Сѣченова какъ deus ex machina, какъ предположеніе, рѣшительно ничѣмъ не доказанное, и притомъ въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ его же собственнымъ справедливымъ замѣчаніемъ, что въ жизни ребенка наступаетъ пора, когда онъ „перестаетъ быть, такъ сказать, прикрѣпленнымъ къ мѣсту и вступаетъ въ эпоху болѣе свободнаго и самостоятельнаго общенія съ внѣшнимъ міромъ. Послѣдній продолжаетъ дѣйствовать на него прежними путями, т.-е. черезъ органы чувствъ, но вліянія падаютъ уже на иную почву". Какъ бы то ни было, но утвержденіе, что и тогда „акты по прежнему возбуждаются толчками извнѣ", какъ ничѣмъ не доказанное, остается голословнымъ и не имѣетъ для психологической науки никакого значенія. Но допустимъ даже, что это такъ. Спрашивается, какимъ же образомъ могъ ребенокъ упустить изъ виду внѣшнія возбужденія, когда, по признанію самого автора, онъ съ самаго начала привыкаетъ къ нимъ въ лицѣ приказывающаго голоса матери, учителя и т. д.? Ужъ если кто зависитъ не отъ себя, а отъ другихъ, такъ это ребенокъ. Почему же онъ теряетъ именно привычку приписывать свои дѣйствія постороннему возбужденію и пріобрѣтаетъ такъ безусловно другую, для которой не было въ его дѣтствѣ никакихъ подходящихъ данныхъ?

Что̀ касается до смѣшенія своихъ желаній съ *я* и перенесенія причины дѣйствій съ первыхъ на послѣднее, то и этотъ фактъ, даже допустивъ, что онъ дѣйствительно таковъ, возбуждаетъ важныя сомнѣнія. Самъ авторъ говоритъ, что „ошибка проглядыванія среднихъ членовъ, т.-е. внутреннихъ побужденій къ дѣйствіямъ, съ ходомъ развитія впередъ, становится, конечно, менѣе и менѣе частой". Слѣдовательно, есть же возможность поправить эту ошибку, и такая возможность обнаруживается въ человѣкѣ не на закатѣ дней. Какъ же объяснить, что онъ, несмотря на такое ясное указаніе, не могъ до сихъ поръ, чрезъ весь длинный періодъ исторіи, отдѣлаться отъ иллюзіи, что у него есть какая-то доля свободы, хотя бы самая малая и незначительная? Отчего же, вогнанный внутрь себя, онъ создаетъ себѣ иллюзію свободы совѣсти, свободы убѣжденія, свободы мыслей, и въ той или другой формѣ, подъ тѣмъ или другимъ видомъ, оберегаетъ въ себѣ принципъ самопроизвольности, какъ зеницу ока? Можно ли допустить, чтобъ этому не соотвѣтствовалъ какой-нибудь психическій фактъ, хотя бы и происходящій вслѣдствіе дифференцированія, какъ, напримѣръ, *я*, особливо когда сама жизнь еще съ молодости наталкиваетъ на отрицаніе свободы чрезъ дифференцированіе желаній отъ *я*?

Наконецъ, что отрицаніе одного мотива есть непремѣнно признаніе другого, совершенно произвольно. Существованіе заторможенныхъ движеній рядомъ съ возбужденіями чувствующей поверхности достаточно показываетъ два различныхъ отправленія, относящихся къ одной и той же дѣятельности, безъ всякаго отношенія къ другой. Аргументація Гегеля, что отрицаніе есть положеніе, оборвалась именно на томъ же, что̀ силится теперь доказать проф. Сѣченовъ. Частное отрицаніе никакъ не предполагаетъ положенія чего-либо на его мѣсто. Съ этимъ вмѣстѣ разрушается и одинъ изъ сильныхъ аргументовъ проф. Сѣченова противъ самопроизвольности. Если кто не слушается одного мотива, то изъ этого никакъ еще не слѣдуетъ, что онъ непремѣнно слушается другого.

Такимъ образомъ, возраженія автора противъ самопроизвольности оказываются очень хрупкими. Что мотивъ непремѣнно идетъ рядомъ съ дѣйствіемъ, опредѣляя его,—это совершенно справедливо; но что мотивъ обязателенъ и для человѣка, что отъ одного мотива можно отдѣлаться только другимъ, сильнѣйшимъ, что мотивъ есть непремѣнно данный и не можетъ быть поставленъ нами самими свободно,—все это вопросы, оставшіеся открытыми и послѣ этюда проф. Сѣченова.

Авторъ говоритъ, что когда поступокъ внушенъ моральнымъ чувствомъ, его называютъ благороднымъ, когда въ основѣ его лежитъ эгоизмъ, поступокъ выходитъ разсчетливымъ, если поступокъ продиктованъ животнымъ инстинктомъ—на немъ грязь. Оставляя въ сторонѣ крайнюю неточность и неправильность этихъ характеристикъ, я спрошу только проф. Сѣченова: какимъ образомъ рефлективное движеніе можетъ быть благороднымъ, разсчетливымъ или грязнымъ? Какъ обращеніе земли около солнца и на собственной оси нельзя назвать ни добродѣтельнымъ, ни порочнымъ,

такъ и всякое дѣйствіе, въ которомъ воля и свобода не участвуютъ. Если ихъ нѣтъ, если они — словесныя фикціи и иллюзіи, то надо совершенно отказаться отъ міра нравственныхъ идей, которыя безъ самопроизвольности и свободы не имѣютъ никакого смысла.

IV.

Итогъ заключительный нашего спора съ проф. Сѣченовымъ можетъ быть выведенъ каждымъ съ своей точки зрѣнія. Но мы должны, по возможности, облегчить читателю такой трудъ, и потому я считаю обязанностью сгруппировать основныя мысли, около которыхъ вертится наше разногласіе съ проф. Сѣченовымъ, съ ихъ важнѣйшими аргументами и выводами.

Главный пунктъ нашего психологическаго спора есть различеніе тѣла и души, матеріальнаго и духовнаго начала. Съ этимъ различеніемъ неразрывно связанъ вопросъ о самопроизвольности или волѣ, которая противополагается роковому, машинообразному происхожденію явленія изъ данныхъ условій.

Споръ нашъ самъ по себѣ не новый. Онъ давно ведется. Новыми, при каждомъ его возобновленіи, бываютъ только способы, пріемы изслѣдованія, которые, съ успѣхами знанія, становятся все точнѣе и точнѣе.

Единственно возможная въ наше время почва для разрѣшенія этого спора есть, конечно, научная. Наблюденія, опытъ и строгіе изъ нихъ выводы—вотъ путь, которымъ люди только и могутъ теперь убѣдиться въ правильности или неправильности того или другого взгляда или мысли.

Проф. Сѣченовъ и я одинаково признаемъ научный путь и научные пріемы единственновозможными средствами для рѣшенія вспхологическихъ вопросовъ. Приведутъ ли эти средства къ ихъ рѣшенію—это другое дѣло; можетъ быть, и не приведутъ. Но мы оба согласны въ томъ, что никакихъ другихъ путей нѣтъ. Значитъ, только на наблюденіе и опытъ мы и можемъ ссылаться.

Какія же средства для наблюденія и опытовъ находятся въ распоряженіи людей? Ихъ, по моему мнѣнію, два: съ одной стороны—органы чувствъ, съ другой—психическое зрѣніе, или, какъ его принято называть, сознаніе. Чрезъ органы внѣшнихъ чувствъ,—осязаніе, обоняніе, вкусъ, слухъ и зрѣніе,—мы приходимъ въ соприкосновеніе съ тѣмъ, что̀ насъ окружаетъ, и получаемъ впечатлѣнія извнѣ. Кромѣ того, мы получаемъ впечатлѣнія и помимо этихъ органовъ, непосредственно отъ нашего тѣла. Сюда принадлежатъ мускульныя и такъ-называемыя органическія ощущенія. Второй способъ наблюденія, именно сознаніе или внутреннее зрѣніе доставляетъ намъ впечатлѣніе фактовъ и явленій, недоступныхъ органамъ чувствъ и не принадлежащихъ къ разряду тѣхъ, которые считаются непосредственными впечатлѣніями тѣла. Проф. Сѣченовъ отвергаетъ этотъ способъ. Вотъ въ чемъ мы съ нимъ существенно, кореннымъ образомъ расходимся.

Я признаю сознаніе, психическое зрѣніе, за особое средство или способъ наблюденія потому, что оно, и только оно одно, даетъ возможность знать то, чего нельзя знать никакими другими средствами или способами. Почему, напр., я знаю свою мысль, свои намѣренія? Почему я знаю впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ, когда эти предметы уже перестали дѣйствовать на мои органы чувствъ? Почему я знаю непосредственныя впечатлѣнія моего тѣла, когда оно уже перестало производить во мнѣ такія впечатлѣнія? Только потому, что вижу эти впечатлѣнія особеннымъ, внутреннимъ образомъ. Мысли и соображенія, которыя я теперь излагаю на бумагѣ, я ихъ вижу и знаю, хотя этотъ способъ ихъ разсматриванія я не могу сравнить ни съ какимъ другимъ способомъ узнаванія предметовъ. Пока что-нибудь изъ окружающаго или мое тѣло производитъ во мнѣ впечатлѣніе, я отношу это впечатлѣніе къ внѣшнему толчку или возбужденію; въ немъ причина, отчего я получилъ впечатлѣніе. Но когда ни окружающее, ни мое тѣло не дѣйствуютъ на меня, а между тѣмъ я вижу впечатлѣнія, прежде ими на меня произведенныя, психическимъ образомъ, точно также, какъ вижу свои мысли, соображенія, ощущенія,—я имѣю дѣло съ тѣмъ, что̀ происходитъ и находится въ моей душѣ, а не внѣ меня. Многое изъ того, что̀ я такимъ образомъ знаю, безспорно произошло прежде, вслѣдствіе внѣшнихъ впечатлѣній; таковы представленія о внѣшнихъ предметахъ; но когда я мысленно обращаюсь съ такими предметами, они составляютъ уже нѣчто особое отъ толчка, вслѣдствіе котораго произошли, потому что толчокъ уже прошелъ, а они остались. Въ силу этой способности видѣть вну-

треннимъ образомъ, психически, я могу знать и говорить о вчерашней погодѣ или встрѣчѣ, о прошлогодней болѣзни, о мысли, которая меня занимала три года тому назадъ. Проф. Сѣченовъ говоритъ, что это репродукція, воспроизведеніе прежнихъ впечатлѣній, представленій, мыслей и т. д. Репродукція безспорно входитъ въ актъ внутренняго зрѣнія, иначе мы не могли бы видѣть психически; но одна репродукція еще не объясняетъ, почему же мы видимъ въ себѣ воспроизведенный образъ. Кромѣ того, я считаю сознаніе особымъ способомъ наблюденія и потому еще, что впечатлѣнія и ощущенія возможны и безъ участія сознанія, т.-е. безъ психическаго зрѣнія. Все, что̀ дѣлается или происходитъ, какъ говорится, безотчетно, не проходитъ чрезъ сознаніе. Безотчетно или безсознательно выучивается ребенокъ ходить, говорить, брать предметы руками. Такимъ же образомъ безотчетно выучиваются и дѣйствуютъ животныя, поражая насъ часто тонкостью и сложностью своихъ соображеній. Всякое рутинное знаніе относится тоже сюда. Простой работникъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о законахъ природы, часто гораздо искуснѣе ученаго инженера или архитектора исполняетъ весьма сложную и хитрую работу. Онъ не въ состояніи объяснить, какъ онъ до этого дошелъ, а дошелъ онъ между тѣмъ вѣрно. Отчего это? Оттого, что онъ дѣйствовалъ рутинно, безсознательно, не отдавая себѣ отчета.

При помощи внутренняго психическаго зрѣнія или сознанія намъ дѣлаются доступными факты и явленія, о которыхъ мы не можемъ составить себѣ никакого представленія или понятія, помощью тѣхъ средствъ, которыми узнаемъ окружающіе внѣшніе предметы и различныя состоянія нашего тѣла. Я могу ощущать, даже совершать умственныя операціи и не сознавая этого; но знать всѣ такія свои отправленія и вдобавокъ знать, что они мнѣ извѣстны, я никакъ не могу иначе, какъ чрезъ сознаніе или чрезъ психическое зрѣніе.

При всемъ желаніи и при всѣхъ усиліяхъ, проф. Сѣченовъ не въ состояніи вычеркнуть этотъ способъ наблюденія изъ числа средствъ, которыми получается знаніе предметовъ, не подлежащихъ чувствамъ. Но еслибъ это ему удалось, наука не только ничего бы не выиграла, а перестала бы существовать, и намъ не о чемъ было бы спорить.

Въ способности наблюдать и при помощи внѣшнихъ впечатлѣній (въ томъ числѣ отъ собственнаго тѣла) и безъ ихъ помощи, психическимъ зрѣніемъ, которому внѣшній міръ непосредственно недоступенъ, лежитъ главная и исторически первая причина различенія духа отъ матеріи, души отъ тѣла. Внѣшній предметъ, дѣйствительно существующій внѣ насъ, и представленіе о томъ же предметѣ въ насъ, когда предметъ на самомъ дѣлѣ уже не существуетъ или по крайней мѣрѣ недоступенъ органамъ чувствъ, — вотъ два способа существованія, различіе которыхъ должно было представиться тѣмъ рѣзче, чѣмъ менѣе люди были въ состояніи отдать себѣ отчетъ, въ чемъ именно оно состоитъ. Взгляды и представленія дѣтей, вѣрованія первобытныхъ народовъ даютъ наглядное понятіе о ихъ неумѣньи распознавать внѣшнее впечатлѣніе отъ представленія, знаніе, добытое подъ вліяніемъ окружающаго міра, отъ наблюденія психическихъ явленій. Это показываетъ, что реальность, дѣйствительность и тѣхъ и другихъ казалась имъ совершенно одинаковой. Естественно, что, подмѣтивъ, наконецъ, ихъ разницу, люди стали смотрѣть на нихъ, какъ на два одинаково дѣйствительныхъ, хотя и противоположныхъ другъ другу способа существованія.

Успѣхи наблюденій и знанія мало-по-малу кореннымъ образомъ измѣнили эту точку зрѣнія. Оказалось, что мы собственно не знаемъ и знать не можемъ, каковы внѣшніе предметы и явленія сами по себѣ. То, что̀ мы считаемъ за внѣшніе предметы и явленія, не болѣе какъ получаемыя нами отъ нихъ впечатлѣнія. Оказалось, что мы знаемъ внѣшній міръ только чрезъ эти впечатлѣнія, а не прямо, непосредственно, и что впечатлѣнія суть факты и явленія, происходящія въ насъ, а не внѣ насъ. Итакъ, наши наблюденія и знаніе внѣшняго міра ограничиваются наблюденіемъ и знаніемъ полученныхъ извнѣ впечатлѣній. Дѣйствительность и несомнѣнность нашего знанія внѣшняго міра покоится на томъ, что внѣшніе предметы и явленія, какъ мы удостовѣряемся изъ опыта, всегда производятъ въ насъ одни и тѣ же впечатлѣнія, что послѣднія находятся съ первыми въ постоянномъ, правильномъ соотвѣтствіи. Также существенно измѣнился и первобытный взглядъ на факты и явленія, доступные одному психическому зрѣнію. Мы знаемъ теперь, что они происходятъ не вообще, гдѣ-то и какъ-

то, а именно въ головномъ мозгу; что отъ его цѣлости и нормальнаго состоянія существенно зависятъ какъ самые факты и явленія, которые мы наблюдаемъ психическимъ зрѣніемъ, такъ и самый характеръ и достоинство этихъ наблюденій. Выходитъ, что и къ психическимъ явленіямъ, къ фактамъ, не подлежащимъ органамъ чувствъ, мы относимся точно такъ же, какъ и къ окружающимъ насъ предметамъ. Факты эти тоже извѣстны намъ по впечатлѣніямъ, которыя мы отъ нихъ получаемъ; впечатлѣнія ихъ мы точно также принимаемъ за самые факты и явленія, и это такая же ошибка, какъ и та, будто мы наблюдаемъ непосредственно внѣшніе предметы. Знаніе наше психическихъ фактовъ и явленій, подобно знанію внѣшняго міра, основано на томъ, что эти факты постоянно производятъ на насъ одни и тѣ же впечатлѣнія, что тѣ и другіе находятся между собою въ постоянномъ правильномъ соотвѣтствіи.

Такимъ образомъ, и знаніе окружающаго внѣшняго міра, и знаніе міра внутренняго, психическаго, сводится, въ концѣ-концовъ, къ знанію впечатлѣній, получаемыхъ извнѣ (въ томъ числѣ и отъ нашего тѣла), или отъ того, что совершается въ головномъ мозгу. Тѣ и другія впечатлѣнія суть отраженіе въ насъ матеріальныхъ фактовъ и событій и, слѣдовательно, имѣютъ соматическое основаніе, хотя мы его и не знаемъ, потому что оно извѣстно намъ только по впечатлѣніямъ. Противъ этихъ выводовъ я не жду возраженій отъ проф. Сѣченова. Онъ, конечно, согласится также и съ тѣмъ, что мы ничего не знаемъ и не можемъ знать по существу, а знаемъ и можемъ знать только какъ явленіе, т.-е. въ видѣ производимаго на насъ впечатлѣнія. Но далѣе? Далѣе идти некуда. Здѣсь граница, за которую мы переступить не можемъ. Куда ни обратимся, что ни будемъ наблюдать, вездѣ и во всемъ мы неизбѣжно встрѣчаемся съ тѣмъ же различеніемъ лица, которое наблюдаетъ, и впечатлѣнія, которое имъ получается отъ предмета наблюденія и за которымъ стоитъ фактъ, намъ недоступный. Но это доказываетъ, что мы на самомъ дѣлѣ наблюдаемъ и знаемъ только свои собственныя состоянія, измѣненныя подъ вліяніемъ матеріальныхъ фактовъ. Далѣе этого наши наблюденія и наше знаніе не хватаютъ; оттого-то, замѣчу мимоходомъ, они такъ трудны и такъ медленно подвигаются впередъ; оттого такъ необходима ихъ безпрестанная повѣрка; оттого, наконецъ, они такъ ограниченны и несовершенны. Непосредственнаго знанія нѣтъ и быть не можетъ. Знаніе, которое мы считаемъ за такое, есть только кажущееся. Прослѣдивъ какъ оно возникло, мы тотчасъ же убѣждаемся, что оно —сложный результатъ продолжительныхъ и притомъ много разъ повторенныхъ наблюденій.

Но для нашей цѣли гораздо важнѣе другой выводъ. Изслѣдуя способы наблюденія чего бы то ни было, мы неудержимо и безпрестанно, вездѣ и во всемъ, встрѣчаемся съ *я*, которое проф. Сѣченовъ считаетъ за невинную грамматическую форму, облеченную въ психическую реальность людьми, додумавшимися до чортиковъ. Психическая ли или соматическая реальность лежитъ въ основаніи этой грамматической формы, для насъ, въ настоящемъ рядѣ мыслей, совершенно все равно. Важно для насъ то, что психическое или соматическое *я* способно только наблюдать и изучать свои собственныя состоянія, по которымъ оно и составляетъ себѣ представленія объ окружающемъ мірѣ.

Вотъ въ какомъ смыслѣ можно и должно, съ научной точки зрѣнія, различать душу отъ тѣла, психическій міръ отъ матеріальнаго. Всякое другое различеніе лежитъ внѣ научнаго знанія. Если проф. Сѣченовъ взглянулъ на дѣло какъ-нибудь иначе, то это недоразумѣніе, которое должно быть устранено изъ нашего спора.

Другой выводъ изъ сказаннаго, не менѣе важный для разъясненія нашего разногласія съ проф. Сѣченовымъ, состоитъ въ томъ, что неизвѣстное *я*—психическое или соматическое—оказываетъ своеобразную реакцію на внѣшнія вліянія,—реакцію, которая замѣчается и во всей организованной и даже неорганизованной природѣ. Если мы знаемъ не самые предметы, а наши собственныя состоянія, произведенныя дѣйствіемъ на насъ этихъ предметовъ, то впечатлѣнія, результаты этого дѣйствія, будутъ произведеніемъ двухъ факторовъ: того, который производитъ впечатлѣніе, и того, который его получаетъ или воспринимаетъ. Слѣдовательно, наше участіе въ произведеніи полученнаго впечатлѣнія по крайней мѣрѣ такое же, какъ и дѣйствующаго на насъ предмета. Такое явленіе, какъ сказано, есть общее у всѣхъ такъ-называемыхъ одушевленныхъ и неоду-

шевленныхъ предметовъ. Но затѣмъ мы встрѣчаемъ въ человѣкѣ, въ сравненіи съ остальной природой, новые факты. Прежде всего новымъ является сознаніе, о которомъ я подробно говорилъ выше; кромѣ того, характеристиченъ въ психической жизни человѣка тотъ фактъ, что результатъ сознанія, понятіе или преставленіе, можетъ не соотвѣтствовать полученному впечатлѣнію. Проф. Сѣченовъ предостерегаетъ противъ голоса сознанія, противъ ошибокъ, происходящихъ отъ смѣшенія логическаго съ истиннымъ, противъ иллюзій и фикцій. Что умъ часто ошибается, что выводы наши требуютъ строгой провѣрки, это извѣстно всякому. Но какъ объяснить ошибки и иллюзіи съ точки зрѣнія проф. Сѣченова? Если акты мышленія совершаются, по образцу соматическихъ процессовъ, съ машинообразною правильностью, если умственные процессы и ихъ результаты такіе же роковые, какъ чисто соматическіе, то какимъ образомъ они могутъ расходиться съ реальною дѣйствительностью? Мнѣ скажутъ, что причиной этого—тотъ придатокъ, который мы вносимъ отъ себя при образованіи впечатлѣній, вслѣдствіе участія, которое мы въ немъ принимаемъ. Но если то, что мы отъ себя вносимъ, сложилось въ насъ роковымъ образомъ, то какъ можетъ этотъ придатокъ противорѣчить реальной дѣйствительности, которая есть лишь условіе происхожденія этого придатка? Съ точки зрѣнія проф. Сѣченова объяснить это явленіе невозможно. Природа никогда не ошибается; у нея нѣтъ ни иллюзій, ни фикцій. Ошибки, иллюзіи и фикціи, различеніе между дѣйствительностью и знаніемъ, логикой и истиной, начинаются съ сознаніемъ. Это показываетъ, что процессы соматическіе и процессы мышленія управляются не одними и тѣми же законами. Дѣйствуй они по однимъ и тѣмъ же законамъ, знаніе доставалось бы людямъ безъ малѣйшихъ усилій. Но мы съ неимовѣрнымъ трудомъ приближаемъ наши понятія и представленія къ дѣйствительности, да и то результатомъ трудовъ является лишь возможное соотвѣтствіе нашихъ представленій и понятій съ дѣйствительными фактами, т.-е. внутреннихъ нашихъ состояній съ реальною дѣйствительностью. Различеніе ихъ не можетъ быть упразднено. „Знать“ и „быть“ никогда не совпадутъ, никогда не будутъ значить одно и то же.

Такимъ образомъ, съ какой стороны мы ни подойдемъ къ сознанію, оно отовсюду представляется намъ такимъ фактомъ, котораго нѣтъ возможности свести къ извѣстнымъ намъ соматическимъ явленіямъ и законамъ. Ссылаюсь, въ подтвержденіе этого вывода, на изслѣдованія Горвича, который въ предпрошломъ году началъ издавать свои психологическіе анализы, основанные на данныхъ физіологіи [1]). Горвичъ посвятилъ сознанію особый отдѣлъ своей книги, гдѣ подробно разбираетъ всѣ сдѣланныя по этому предмету изслѣдованія, мнѣнія и взгляды, и въ заключеніе говоритъ (стр. 264): „Теперь мы окончили подробный обзоръ, отъ котораго ожидаемъ болѣе глубокаго пониманія того, въ чемъ заключается сущность сознанія. Такія большія и длинныя приготовленія! А результатъ? Къ сожалѣнію, результатъ не очень значителенъ. Всюду мы находили только отношенія къ другимъ душевнымъ дѣятельностямъ, и нигдѣ не могли проникнуть въ самую сущность. Но это не удивитъ никого, кто имѣетъ хотя малѣйшее понятіе объ ограниченности человѣческихъ познаній“. Авторъ признаетъ, что знаніе „безспорно принадлежитъ къ важнѣйшимъ основнымъ предметамъ психологіи“ (стр. 264); нѣсколько выше (стр. 260) онъ замѣчаетъ, что „какъ бы мы ни опредѣляли сознаніе—какъ знаніе или какъ различеніе—все же нельзя устранить вопроса о томъ, кто знаетъ, кто различаетъ. Но въ той мѣрѣ, какъ это указаніе кажется необходимымъ и дѣйствительно таково на самомъ дѣлѣ, въ той же мѣрѣ трудна, темна и исполнена противорѣчій область, куда оно насъ ведетъ. Наша важнѣйшая опора, физіологія, оставляетъ насъ здѣсь совершенно безпомощными“.

Къ этимъ словамъ, въ которыхъ слышится дѣйствительный изслѣдователь и ученый, а не философъ, храбро отрицающій то, чего не понимаетъ, можно прибавить еще слѣдующее. Представимъ себѣ, что сознаніе или психическое зрѣніе и самое *я* окажутся сложнымъ результатомъ дѣятельности извѣстныхъ аппаратовъ въ мозгу. Спрашивается: упразднится ли чрезъ это вѣковѣчное различеніе тѣла и души, психическаго и матеріальнаго? Я позволяю себѣ утверждать, что нѣтъ; я думаю, что свойства матеріи, какъ

[1]) *Adolf Horwicz.* Psychologische Analysen, auf physiologischer Grundlage. Ein Versuch zur Neubegründung der Seelenlehre. Часть 1. Halle, 1872.

мы привыкли ихъ опредѣлять по предметамъ и явленіямъ неорганизованнаго матеріальнаго міра, останутся даже и въ такомъ случаѣ непримѣнимы къ явленіямъ, которыя мы называемъ психическими. Если же мнѣ скажутъ, что явленія неорганизованной и организованной природы (въ томъ числѣ и психическія) суть явленія одной и той же матеріальной природы, то, во избѣжаніе игры словъ, спутывающей понятія, я попрошу точнымъ образомъ опредѣлить термины. Если подъ матеріальнымъ, соматическимъ разумѣть то, что̀ мы теперь подъ этимъ разумѣемъ, да сверхъ того еще весь міръ психическихъ явленій, то надобно въ такомъ случаѣ строго держаться этой новой терминологіи и не употреблять слова „матеріальный“ въ специфическомъ значеніи того, что̀ имѣетъ свойства лишь неорганизованной природы. Если же мы условимся употреблять это слово въ послѣднемъ смыслѣ, тогда не слѣдуетъ вовсе называть психическія явленія соматическими. Обыкновенно же недоразумѣнія вертятся на безпрестанномъ смѣшеніи терминовъ и перетасовкѣ понятій, отчего споры выходятъ безтолковые и безрезультатные. Что всѣ явленія, въ томъ числѣ и психическія, представляютъ одну непрерывающуюся, сомкнутую цѣпь, съ этимъ я готовъ согласиться, и о названіяхъ спорить не буду, если только мои противники не станутъ, какъ дѣлаютъ теперь, произвольно переносить, подъ этимъ предлогомъ, свойства и законы одного рода явленій на другія и навязывать послѣднимъ то, что̀ исключительно принадлежитъ первымъ.

Перехожу теперь къ другому, коренному спорному пункту,—къ самопроизвольности или волѣ. По этому предмету разногласіе между мною и проф. Сѣченовымъ вовсе не въ томъ, есть ли воля особая способность души, особая безусловная метафизическая сила, имѣющая свои источники внѣ тѣла. Такая постановка вопроса—не научная, и я никогда не ставилъ его такимъ образомъ. Положительная наука имѣетъ дѣло не съ произвольными построеніями, а съ явленіями.

Родъ человѣческій, съ тѣхъ поръ какъ себя помнитъ, упорно убѣжденъ, что при извѣстныхъ условіяхъ и въ извѣстныхъ, болѣе или менѣе широко или узко очерченныхъ предѣлахъ, люди имѣютъ личный почимъ и свободный выборъ. То и другое проф. Сѣченовъ отрицаетъ, доказывая, что каждое наше дѣйствіе, каждый шагъ роковымъ образомъ опредѣляются окружающими условіями и привычками. Онъ отрицаетъ власть человѣка надъ своими мыслями и чувствами, и потому дѣйствія, совершаемыя по внутреннимъ мотивамъ, имѣютъ въ его глазахъ тоже машинообразный, роковой характеръ. Такимъ образомъ, личная иниціатива и свободный выборъ исключаются имъ безусловно, какъ иллюзіи, происхожденіе которыхъ онъ старается объяснить, но, какъ читатели видѣли, не особенно удачно.

Надобно сознаться, что спорить въ защиту самопроизвольности чрезвычайно трудно, гораздо труднѣе, чѣмъ отстаивать сознаніе. Послѣднее—несомнѣнный, очевидный психическій фактъ, о которомъ сто̀итъ только напомнить. Даже тѣ, которые, подобно проф. Сѣченову, и желали бы вычеркнуть этотъ фактъ изъ числа психическихъ, вынуждены подъ конецъ, волей-неволей, къ нему обращаться и на него ссылаться. Акты самопроизвольности—совсѣмъ другое дѣло. Они не имѣютъ очевидныхъ, наглядныхъ признаковъ, по которымъ ихъ можно было бы отличать отъ актовъ непроизвольныхъ. Придумайте какой угодно примѣръ самопроизвольнаго дѣйствія, и вамъ возразятъ: чѣмъ доказать, что мотивъ, роковымъ образомъ вынудившій поступокъ, не ускользнулъ отъ вниманія? Сумасшедшій, обезумѣвшій отъ вина или страсти, тоже убѣжденъ, что дѣйствуетъ совершенно свободно и самопроизвольно; однако на самомъ дѣлѣ это не такъ. Самопроизвольнымъ дѣйствіе только кажется, потому что мотивъ, его вызвавшій, скрытъ отъ сознанія, но онъ непремѣнно есть и его не можетъ не быть.

Противъ этого аргумента нельзя спорить, потому что отсутствіе никому неизвѣстнаго мотива невозможно доказать.

Но если отъ отрицающихъ самопроизвольность потребовать доказательствъ, почему они считаютъ тотъ или другой поступокъ роковымъ, вынужденнымъ, то и они, въ свою очередь, будутъ поставлены точно въ такое же затруднительное положеніе, какъ и поборники свободной воли, и по той же самой причинѣ. Неизвѣстнаго нельзя ни доказывать, ни опровергать. Защитники самопроизвольности не могутъ доказать, что въ данномъ случаѣ поступокъ не вызванъ неизвѣстнымъ побужденіемъ; но и ихъ противники тоже не могутъ доказать, что поступокъ

былъ роковымъ послѣдствіемъ рокового мотива.

Это показываетъ, что анализомъ поступковъ нельзя придти къ рѣшенію вопроса о свободной волѣ, а надо обратиться къ чему-нибудь другому. Съ этимъ въ сущности согласенъ и проф. Сѣченовъ, который, съ своей точки зрѣнія, признаетъ, что поступки, называемые самопроизвольными, непремѣнно бываютъ сознательные. Значитъ, вопросъ о свободной волѣ находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о сознаніи, и потому весьма естественно, что отрицающіе сознаніе, какъ фактъ, не подходящій подъ законы соматическихъ явленій, не признаютъ и свободной воли. Вся аргументація противъ самопроизвольности дѣйствій сводится, въ окончательномъ выводѣ, къ ссылкѣ на общій законъ всѣхъ соматическихъ явленій, по которому нѣтъ и не можетъ быть явленій, которыя не происходили бы роковымъ образомъ изъ данныхъ условій. Свободная воля, актъ которой не есть роковое послѣдствіе данныхъ соматическихъ условій, противорѣчитъ этому закону, и потому отвергается, какъ невозможная. Но почему, на какомъ основаніи, законъ явленій одного порядка принимается за мѣрку явленій другого порядка,—на это противники самопроизвольности отвѣчаютъ гипотезой, что всѣ явленія управляются въ сущности одними и тѣми же законами. Неубѣдительность этой аргументаціи очевидна. Нельзя доказывать что-нибудь гипотезой, которая сама еще требуетъ доказательствъ.

Въ „Задачахъ Психологіи" я подробно изложилъ, въ чемъ именно заключается характеристическій, отличительный признакъ свободной воли. Внѣшней своей стороной актъ воли ничѣмъ не отличается отъ непроизвольнаго дѣйствія. Психическая сторона поступка, мотивъ и умыселъ, въ дѣйствіяхъ произвольныхъ и непроизвольныхъ, тоже можетъ быть совершенно одинакова. По своему содержанію, и тотъ и другой не выходятъ изъ предѣловъ нашего знанія и опытности; наконецъ, расположеніе къ свободной дѣятельности парализуется или возбуждается нашимъ соматическимъ состояніемъ, а это несомнѣнно доказываетъ, что и акту воли, подобно сознанію, соотвѣтствуетъ какой-нибудь соматическій фактъ, съ которымъ она находится въ тѣснѣйшей, неразрывной связи, или, по крайней мѣрѣ, что способность къ самопроизвольной дѣятельности зависитъ отъ соматическихъ условій. Слѣдовательно, характеристическая особенность свободной воли заключается не въ необыкновенности ея мотивовъ и замысловъ, не въ употребляемыхъ ею средствахъ или способахъ достиженія цѣлей, не въ метафизической независимости отъ матеріальныхъ условій,—а только въ томъ, какимъ образомъ возникаетъ мотивъ дѣйствія и умыселъ. Поборники свободной воли видятъ характеристическую особенность свободной воли только въ выборѣ и удержаніи цѣли, въ вызовѣ и настойчивомъ храненіи мотива. Можетъ ли человѣкъ, помимо всякаго отъ него независящаго побужденія, поставить себѣ мотивъ и цѣль поступка или дѣятельности, или нѣтъ? Если можетъ, то на чемъ основана такая возможность?

Мнѣ, можетъ быть, возразятъ, что вопросъ о самопроизвольности, поставленный такимъ образомъ, принадлежитъ къ числу метафизическихъ и не есть предметъ положительной науки. Но такое возраженіе не серьезно. Положительная наука вводитъ въ свои соображенія волнообразныя сотрясенія эѳира для объясненія свѣтовыхъ явленій, движенія атомовъ и молекулъ для объясненія явленій механическихъ и химическихъ, хотя эѳиръ, атомы, молекулы не подлежатъ органамъ чувствъ и мы ровно ничего о нихъ не знаемъ. Необходимость опредѣлить законы явленій, подлежащихъ точному изслѣдованію, заставила предположить существованіе фактовъ, которыхъ мы не можемъ изучать. Точно такимъ же образомъ мы можемъ придти къ предположенію самопроизвольности и свободы, изслѣдуя явленія, которыя намъ доступны. Разсуждая послѣдовательно, должно или отнести эѳиръ, атомы, молекулы къ области метафизики,—конечно, въ томъ смыслѣ, какъ понималъ ее Аристотель,—или же признать, что самопроизвольность и свобода дѣйствій могутъ быть предметами положительныхъ научныхъ изслѣдованій.

Я утверждаю, что изученіе психическихъ явленій въ связи съ соматическими не приводитъ къ выводу, будто всѣ психическія явленія совершаются роковымъ образомъ, какъ неизбѣжный результатъ данныхъ условій; что человѣкъ способенъ, помимо всякихъ побужденій, поставить себѣ мотивъ поступка и дѣйствовать въ силу такого мотива.

Доводы мои въ пользу этого взгляда основаны на несостоятельности аргументовъ мо-

ихъ противниковъ. Проф. Сѣченовъ ставитъ въ основаніе своей теоріи ту мысль, что *всѣ* явленія, которыя обыкновенно принято называть психическими, т.-е. проходящія чрезъ сознаніе, представляютъ аналогическія явленія съ средними членами нервныхъ рефлексовъ, а именно, подобно какъ въ рефлексахъ, роковымъ образомъ вызываются возбужденіемъ чувствующей поверхности и оканчиваются точно также роковымъ образомъ двигательными отправленіями, для которыхъ регуляторами служатъ представленія. По этой теоріи выходитъ, что возбужденія органовъ чувствъ, дѣйствуя соматически, отражаются въ сознаніи соотвѣтствующими представленіями. Это соматическое дѣйствіе переходитъ затѣмъ въ поступокъ, который тоже сопровождается сознаніемъ, но не оно играетъ въ немъ дѣятельную роль: послѣдняя всецѣло принадлежитъ соматическимъ условіямъ; сознаніе же или представленіе только направляетъ ходъ дѣйствія. Рядомъ съ этимъ, проф. Сѣченовъ допускаетъ цѣлесообразность двигательныхъ отправленій не только въ такъ называемыхъ психическихъ явленіяхъ, но даже и въ нервныхъ рефлексахъ. Онъ допускаетъ также, какъ мы видѣли, самообольщенія, ошибки сознанія, противорѣчія между логическимъ и истиннымъ.

Но, во-первыхъ, между внѣшними возбужденіями и двигательными отправленіями роковая связь существуетъ только въ чисто-нервныхъ рефлексахъ, а въ такъ называемыхъ дѣятельностяхъ низшихъ органовъ чувствъ ея у человѣка нѣтъ. Во-вторыхъ, между роковымъ ходомъ психическихъ дѣятельностей съ одной стороны, и цѣлесообразностью дѣйствій и возможностью ошибокъ и иллюзій съ другой есть вопіющее, непобѣдимое противорѣчіе.

Что касается до отсутствія роковой связи между возбужденіемъ органовъ чувствъ и двигательными отправленіями, то въ подтвержденіе своей мысли я ссылаюсь на Бэна и на самого проф. Сѣченова.

Бэнъ говоритъ: „Если мы станемъ наблюдать движенія младенца, то въ теченіе многихъ мѣсяцевъ не увидимъ ничего, что̀ бы походило на повиновеніе движущихся членовъ въ виду цѣли, которая представляется уму. У младенца можетъ быть достаточно интеллигенціи, чтобъ возымѣть желаніе, но это еще не дѣлаетъ его способнымъ выполнять самыя простыя движенія для достиженія желанной цѣли. Когда онъ хочетъ схватить что-нибудь рукою, напримѣръ, ложку, онъ дѣлаетъ движенія самыя неловкія, очевидно потому, что въ этомъ возрастѣ члены не умѣютъ дѣйствовать въ опредѣленномъ направленіи. Этому надо выучиться; это для человѣка одно изъ завоеваній, требующихъ наибольшихъ и самыхъ трудныхъ усилій. Надо сперва выучиться простымъ движеніямъ, при помощи которыхъ мы, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, будемъ въ состояніи выучиться движеніямъ болѣе сложнымъ; но вначалѣ мы должны сами воспитать себя. Пока младенецъ сдѣлается способнымъ собственнымъ движеніемъ поднести руку къ предмету, который находится передъ глазами, и схватить его, — а это онъ не въ состояніи сдѣлать въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ своего существованія,—всѣ его усилія направить руку бываютъ неудачны, и пока онъ самъ не выучится двигать свое тѣло, подобно тому какъ двигаются другіе предметы, онъ еще не способенъ получить воспитаніе" [1]).

То же самое, почти тѣми же словами, говоритъ и проф. Сѣченовъ. Къ этому надо прибавить, что и представленія, результатъ дѣйствія на насъ внѣшнихъ импульсовъ, выработываются въ человѣкѣ, подобно цѣлесообразнымъ движеніямъ, постепенно, длиннымъ рядомъ опытовъ и упражненій, начало которыхъ бываетъ также неудачно, какъ и первыя попытки цѣлесообразныхъ двигательныхъ отправленій.

Эти наблюденія показываютъ, что въ явленіяхъ, въ которыхъ замѣшана психическая сторона, именно сознаніе, между соматическимъ импульсомъ, получаемымъ человѣкомъ извнѣ, и его движеніями, нѣтъ роковой связи, похожей на ту, какая несомнѣнна въ нервныхъ рефлексахъ. Импульсъ можетъ только вызвать психическую дѣятельность; она, въ свою очередь, можетъ сдѣлаться (но можетъ и не сдѣлаться) причиною поступковъ; но въ томъ и другомъ случаѣ, между нею и поступкомъ, точно также, какъ между нею и внѣшнимъ импульсомъ, нѣтъ необходимой роковой связи. Когда по мнѣ будетъ сдѣланъ выстрѣлъ, или когда я прочту книгу или увижу картину, никто изъ коротко меня знающихъ, и даже я самъ, не въ состояніи пред-

[1]) *Alex. Bain.* Les sens et l'intelligence, въ переводѣ M. E. Cazelles, стр. 369 и 370 (Paris, 1874).

сказать, какъ на меня, въ данную минуту, подѣйствуетъ то, другое или третье. Точно также невозможно опредѣлить заранѣе, вызовутъ ли меня эти импульсы на какое-нибудь дѣйствіе, и если вызовутъ, то на какое именно.

Противъ этого могутъ возразить, что приведенные факты ни мало не опровергаютъ роковой связи, съ одной стороны, между внѣшнимъ импульсомъ и произведеннымъ имъ на насъ дѣйствіемъ, а съ другой, между этимъ дѣйствіемъ и отраженными движеніями. Мнѣ скажутъ, что способъ принятія внѣшняго импульса и отраженная дѣятельность, которую онъ вызываетъ (хотя бы она состояла въ воздержаніи отъ поступка), безъ сомнѣнія, опредѣляется психическими состояніями; а такъ какъ они бываютъ различны не только у разныхъ людей, но и у одного и того же человѣка въ различныя минуты, то, разумѣется, и дѣйствіе внѣшнихъ импульсовъ и отраженныя движенія могутъ быть очень разнообразны у разныхъ людей и у одного и того же человѣка въ разное время. Изъ этого слѣдуетъ, что, въ концѣ-концовъ, между импульсомъ и отраженнымъ движеніемъ есть роковая связь, исключающая всякую самопроизвольность.

Въ томъ рядѣ мыслей, который насъ теперь занимаетъ, я не считаю нужнымъ доказывать, что не всякій поступокъ есть результатъ внѣшняго импульса. Объ этомъ рѣчь еще впереди. Допустимъ, что дѣйствіе импульса есть роковое и что отраженная дѣятельность (или, что то же, бездѣйствіе) есть роковое послѣдствіе дѣйствія внѣшняго импульса. Спрашивается: можно ли считать связь между импульсомъ и отраженнымъ движеніемъ роковою? Чтобъ разрѣшить этотъ вопросъ, стóитъ только сравнить съ этимъ сложнымъ актомъ чистый нервный рефлексъ. Въ послѣднемъ извѣстное возбужденіе чувствующей поверхности непосредственно вызываетъ извѣстное отраженное движеніе. Формула даннаго нервнаго рефлекса всегда одна и та же; за извѣстнымъ началомъ его непремѣнно слѣдуетъ опредѣленный конецъ. Такъ называемый средній членъ, намъ вовсе неизвѣстный, не заявляетъ себя ничѣмъ въ рефлективномъ актѣ. Во всѣхъ сознательныхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ средній членъ, напротивъ, играетъ огромную роль. Отъ него зависитъ результатъ дѣйствія внѣшняго импульса, отъ его состояній зависитъ характеръ двигательныхъ отправленій. Перемѣнимъ средній членъ или возьмемъ этотъ же самый членъ, но въ другой моментъ—дѣйствіе импульса и двигательныя отправленія будутъ иныя. Стало быть, этимъ такъ называемымъ среднимъ членомъ существенно опредѣляется характеръ мнимаго рефлекса, и безъ него нѣтъ возможности связать между собою импульсъ и поступки и дать ихъ взаимнымъ отношеніямъ какую-нибудь опредѣленную формулу. Если прибавить къ этому, что нѣтъ, какъ мы видѣли, данной роковой связи ни между внѣшними импульсами и представленіями и понятіями, ни между ними и внѣшними дѣйствіями, и что какъ представленія и понятія, такъ и цѣлесообразныя движенія выработываются лишь постепенно опытомъ, упражненіями и привычкой, то и окажется, что внутреннія состоянія человѣка, которыми опредѣляются и дѣйствія внѣшнихъ импульсовъ и поступки, представляютъ самостоятельную или, пожалуй, своеобразную среду, которой жизнь и дѣятельность играютъ существенную и громадную роль, преломляя и переработывая въ себѣ внѣшніе импульсы и налагая свою печать на все то, въ чемъ выражается эта жизнь и эта дѣятельность.

Такой выводъ, устраняя непосредственную связь между внѣшними импульсами и поступками, не доказываетъ однако, что психическая дѣятельность, происходящая въ промежуткѣ между ними, не совершается роковымъ образомъ. И въ машинѣ, скажутъ мнѣ, шестерня, колесо или блокъ, передающіе движеніе, являются посредствующими органами. Отъ ихъ устройства, величины, положенія существенно зависятъ направленіе, скорость и самое свойство движенія; а между тѣмъ они движутся не произвольно, а роковымъ образомъ, по неизмѣннымъ законамъ. Казалось бы, то же самое можно было бы заключить и о психическихъ движеніяхъ.

Допустимъ на минуту, что это такъ. Предположимъ, что вся наша психическая дѣятельность не больше, какъ промежуточное звено между внѣшнимъ импульсомъ и двигательными отправленіями, звено, дѣйствующее роковымъ образомъ. О самопроизвольности его, въ такомъ случаѣ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи. Но, допустивъ такой взглядъ, мы тотчасъ же наталкиваемся на явленія, которыхъ, съ этой точки зрѣнія, ни понять, ни объяснить невозможно.

Откуда, напримѣръ, могло взяться понятіе о дѣйствіяхъ цѣлесообразныхъ и не соотвѣтствующихъ цѣли? Какъ могутъ происходить ошибки, возникать заблужденія, иллюзіи? Гдѣ искать объясненія различія между истиной логической и реальной? Роковое дѣйствіе исключаетъ понятіе о цѣли, истина и ложь не могутъ имѣть ничего общаго съ машинообразнымъ ходомъ мысли. Если процессъ мышленія совершается механически, роковымъ образомъ, то какъ можетъ произойти ошибка или заблужденіе? Проф. Сѣченовъ, допуская цѣлесообразность даже въ безсознательныхъ явленіяхъ и ратуя противъ смѣшенія истины логической съ реальною, очевидно не замѣтилъ, какую серьезную уступку онъ сдѣлалъ своимъ противникамъ. Гдѣ ходъ событій роковой — какая тутъ можетъ быть цѣль, предполагающая возможность выбора и направленія дѣйствія? Точно также мысль, развивающаяся роковымъ образомъ, не можетъ ни ошибаться, ни сходиться или расходиться съ истиной, потому что истина, ложь, ошибка, безъ выбора путей и направленія мышленія, безъ возможности поправиться, сбившись съ прямой дороги, невообразима. Оттого-то послѣдовательные мыслители, принявъ однажды, что всѣ явленія въ мірѣ совершаются роковымъ образомъ, машинообразно, отвергаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣлесообразность и истину. И они совершенно правы, гораздо правѣе проф. Сѣченова. Цѣль, истина, ложь, ошибка—представленія и понятія, возникшія изъ отношеній индивидуальнаго личнаго существованія къ окружающему міру. Изъ этихъ же отношеній зарождается самопроизвольность и свободная воля, какъ главное и важнѣйшее условіе и выраженіе индивидуальности. Личный починъ, выборъ между безчисленными окружающими вліяніями и возможностями, изъ которыхъ каждая стремится подчинить индивидуальность себѣ, есть ея единственное орудіе, единственный оплотъ и средство защиты противъ внѣшняго напора, происходящаго въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ.

Я еще возвращусь къ этому предмету, а теперь попрошу читателя пристальнѣе вглядѣться въ дальнѣйшія несообразности и противорѣчія, которыя вытекаютъ изъ взгляда проф. Сѣченова, признающаго роковой ходъ психическихъ явленій.

Проф. Сѣченовъ говоритъ, что ребенокъ уже въ очень раннемъ возрастѣ выучивается отдѣлять себя въ сознаніи отъ всего окружающаго, а потомъ отдѣляетъ уже и самого себя отъ своихъ дѣйствій. Такія операціи постепеннаго выдѣленія въ сознаніи себя не останавливаются на этомъ, какъ, повидимому, думаетъ проф. Сѣченовъ, но продолжаются далѣе. За дѣйствіями мы отдѣляемъ себя отъ своихъ ощущеній, представленій, понятій, мыслей и, наконецъ, то неопредѣленное, неизвѣстное, что̀ остается за всѣми этими выдѣленіями, отдѣляемъ еще отъ него самого и получаемъ въ результатѣ *я*, которое сознаетъ само себя. Допустимъ на минуту, что всѣ эти выдѣленія фиктивныя, что они—рядъ иллюзій, что это, по выраженію проф. Сѣченова, операціи надъ бѣдною человѣческой природой, совершаемыя, къ счастью, только на бумагѣ. Но онъ, конечно, не станетъ отрицать, что абстракціи въ родѣ этого ряда выдѣленій себя и *я*, въ худшемъ случаѣ, имѣютъ вліяніе на наши мысли и представленія, а мысли и представленія, какъ и онъ думаетъ, опредѣляютъ поступки, матеріальное дѣйствіе. Изъ этого слѣдуетъ, что операція выдѣленія своего *я*—,какое бы оно ни было, не можетъ оставаться безъ дѣйствія на наши поступки.

Вообще, если мы разъ признаемъ, что дѣйствіе, поступокъ регулируются представленіями, то необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что поступки находятся въ зависимости отъ того, что̀ совершается въ сознаніи. Но отсюда слѣдуетъ, что всѣ операціи и продукты мышленія —сравненіе, расчлененіе и выведенныя изъ нихъ умозаключенія, не могутъ оставаться безъ вліянія на наши дѣйствія. Вслѣдствіе этого и логическая истина, въ противоположность реальной, и ошибки и иллюзіи должны тоже отражаться въ поступкахъ, которые ими регулируются; а между тѣмъ поступки, дѣйствія считаются роковыми. Какъ же согласить одно съ другимъ?

Наконецъ, принявъ теорію проф. Сѣченова, нѣтъ никакой возможности понять роль и значеніе сознанія; оно, съ своими ошибками, логическими истинами и иллюзіями, является чѣмъ то совершенно излишнимъ и ненужнымъ. Мало того: оно только путаетъ, безъ всякой надобности, естественный роковой ходъ вещей, такъ что прекратись оно сегодня, съ нимъ, правда, исчезла бы наука, знаніе, но зато исчезли бы безполезныя и

даже вредныя осложненія реальной дѣйствительности, ведущія только къ иллюзіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, по теоріи проф. Сѣченова, психическимъ актамъ отвѣчаютъ матеріальные процессы, которые происходятъ въ томъ или въ другомъ отдѣлѣ нервной системы. Эти процессы и составляютъ реальность, которая отражается въ сознаніи, какъ въ зеркалѣ, въ видѣ представленій и понятій. Принявъ эту точку зрѣнія, мы получимъ въ дѣйствительности рядъ соматическихъ, нервныхъ явленій, вызываемыхъ роковымъ образомъ внѣшнимъ импульсомъ и такимъ же роковымъ образомъ переходящихъ въ двигательныя отправленія. Къ чему же тутъ примѣшивается еще сознаніе? Неужели для того только, чтобъ прибавить нѣсколько ошибокъ и иллюзій, безъ которыхъ можно было бы легко обойтись, и которыя, вдобавокъ, при машинообразномъ ходѣ психическихъ явленій, остаются совершенно непонятными?

Итакъ, не обыденная психологія, не метафизика или философія стараго закала, а неисходныя противорѣчія ,которыя мы встрѣчаемъ, отрицая сознаніе и волю, невозможность объяснить многія явленія законами соматической жизни, заставляютъ отвергнуть теорію проф. Сѣченова и искать другой.

Гипотеза, которая имѣетъ претензію разрѣшить всѣ сомнѣнія, согласить всѣ противорѣчія и дать ключъ къ объясненію непонятныхъ явленій, должна признать, что сознаніе, съ вытекающими изъ него самодѣятельностью и свободой, есть новое условіе существованія, которое также не поддается объясненію съ точки зрѣнія естествознанія вообще и физіологіи въ особенности, какъ и органическая жизнь. Сознаніе съ его необходимыми послѣдствіями и есть источникъ специфически такъ-называемыхъ психическихъ явленій.

Съ научной точки зрѣнія невозможно противополагать другъ другу міръ психическій и міръ матеріальный, тѣмъ болѣе, что мы знаемъ одни лишь явленія, а существо ихъ намъ совершенно недоступно. По той же причинѣ, наука не допускаетъ совершеннаго выдѣленія человѣка изъ остальной природы, не даетъ средствъ провести между нимъ и ею непереступаемыя грани. Соматическое и психическое, человѣкъ и природа, такъ тѣсно между собою связаны, такъ глубоко проникаютъ другъ друга, что нельзя не признать ихъ различными явленіями одного и того же по существу намъ неизвѣстнаго, которое, начиная отъ низшихъ явленій неорганизованной природы и оканчивая сознаніемъ и свободнымъ почином человѣка, обнаруживается непрерывнымъ рядомъ тѣсно между собою связанныхъ и въ то же время весьма различныхъ звеньевъ. Если оторвать крайнія оконечности этого ряда, и сравнить ихъ непосредственно между собою, то между ними не будетъ, повидимому, ничего общаго. Только въ общей связи, при помощи посредствующихъ и переходныхъ ступеней, наука приходитъ къ выводу, что онѣ составляютъ лишь части одного цѣлаго. Такимъ образомъ различіе между теоріею проф. Сѣченова и моимъ взглядомъ вертится вовсе не на противоположеніи соматическаго психическому, души тѣлу, реализма метафизикѣ, а единственно и исключительно на различіи пріемовъ и метода изслѣдованія явленій. Проф. Сѣченовъ думаетъ, что если въ неорганизованной природѣ исключительно господствуетъ законъ рокового возникновенія явленій изъ данныхъ условій, то тотъ же самый законъ долженъ, также исключительно, управлять и всѣми прочими явленіями, въ томъ числѣ и психическими. Я утверждаю, что такой выводъ совершенно произволенъ, не имѣетъ научнаго основанія. Если изслѣдованію доступно не существо вещей, а одни явленія, то изъ отсутствія иниціативы и свободнаго почина въ неорганизованномъ мірѣ мы не вправѣ заключать объ отсутствіи ихъ и въ организованномъ и въ психическихъ явленіяхъ.

Проф. Сѣченовъ признаетъ, что когда ребенокъ выучивается смотрѣть, слушать, осязать, ходить и управлять движеніями рукъ, онъ становится въ болѣе свободное и самостоятельное общеніе съ внѣшнимъ міромъ. Но этотъ фактъ не единичный и не исключительный въ природѣ. Въ такомъ же, болѣе свободномъ и самостоятельномъ общеніи съ окружающимъ находится и животное, которое не прикрѣплено неподвижно къ какой-нибудь точкѣ земного шара, а ползаетъ, ходитъ или бѣгаетъ по землѣ, летаетъ въ воздухѣ, плаваетъ въ водѣ. Опустимся ниже, возьмемъ организмъ, прикрѣпленный къ землѣ, —въ немъ мы уже замѣчаемъ извѣстную, хотя, конечно, меньшую долю свободнаго и самостоятельнаго общенія съ окружающимъ міромъ. Оно обнаруживается въ томъ, что такой организмъ своеобразно воспринимаетъ

внѣшніе импульсы и выражаетъ ихъ въ своеобразныхъ отправленіяхъ. Опустимся еще ниже, въ міръ неорганизованныхъ предметовъ,—и здѣсь мы тоже замѣтимъ намеки, но уже очень слабые, на свободное и самостоятельное общеніе съ окружающимъ, въ своеобразныхъ реакціяхъ, которыя эти предметы обнаруживаютъ. Напротивъ, подымаясь по лѣстницѣ существъ вверхъ къ человѣку, мы увидимъ, что чѣмъ ближе къ нему, тѣмъ свободнѣе и самостоятельнѣе дѣлается общеніе живыхъ существъ съ окружающей средой. Свобода и самостоятельность, едва замѣтныя на низшихъ ступеняхъ природы, достигаютъ высшей своей точки въ человѣкѣ. Сознаніе и самопроизвольность выражаютъ и вмѣстѣ опредѣляютъ эту высшую точку. Въ нихъ природа возвышается сама надъ собой и обращается на самоё себя. Пассивная реакція, характеризующая неорганизованные предметы, замѣняется исподоволь активною дѣятельностью. Соматическихъ условій, при которыхъ сознаніе зарождается, мы не знаемъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что они существуютъ; это доказывается зависимостью сознанія отъ состояній тѣла. Очень вѣроятно, что сознаніе есть результатъ своего рода взаимодѣйствія тѣхъ или другихъ частицъ головного мозга; также вѣроятно, что оно, какъ процессъ, не имѣетъ соотвѣтствующаго ему соматическаго субстрата, подобно тому, какъ его не имѣетъ, по признанію проф. Сѣченова, и умозаключеніе. Наконецъ и *я*, постепенно выдѣляемое, при помощи сознанія, изъ соматической природы человѣка, есть, повидимому, точно также результатъ процесса, которому, какъ и всякому умозаключенію, не соотвѣтствуетъ никакая соматическая реальность. Но не въ этомъ существенная сторона вопроса. Разъяснятся ли матеріальныя условія сознанія и самосознанія, или нѣтъ,—для насъ важенъ тотъ фактъ, что въ сознаніи, въ *я*, природа освобождается отъ себя самой и имѣетъ орудіе для дѣйствія на самоё себя.

Такой взглядъ есть, конечно, гипотеза, и я далекъ отъ мысли выдавать его за доказанную научную истину. Но мы вынуждены къ ней прибѣгнуть, чтобъ объяснить несомнѣнныя явленія, которыя безъ нея пришлось бы, по примѣру проф. Сѣченова, считать за иллюзіи, ошибки и нелѣпости.

Вѣроятность ея подкрѣпляется тѣмъ, что по мѣрѣ появленія болѣе самостоятельнаго и свободнаго общенія съ окружающимъ міромъ въ организмахъ появляется и нѣкоторая доля самодѣятельности. На это явленіе указываютъ Бэнъ и самъ проф. Сѣченовъ. Послѣдній, какъ я уже сказалъ выше, говоритъ о человѣкѣ, что въ теченіи цѣлыхъ недѣль тѣло новорожденнаго представляетъ родъ инертной массы, и если въ ней замѣчаются по временамъ движенія, то они имѣютъ характеръ какъ-бы случайный, и угадать ихъ источникъ нѣтъ возможности. Это же явленіе подробно разсмотрѣно и объяснено Бэномъ. Онъ признаетъ, что существуютъ движенія и дѣйствія независимо отъ возбужденій, производимыхъ органами чувствъ, и которыя предшествуютъ этимъ возбужденіямъ. Такія движенія и дѣйствія, по его мнѣнію, происходятъ вслѣдствіе самопроизвольной дѣятельности нервныхъ центровъ, въ которыхъ накопившаяся нервная сила ищетъ разрядиться въ дѣйствіи (Les sens et l'inteligence, стр. 49—53). Самый фактъ, о которомъ идетъ рѣчь, безспорно, чисто соматическій, и имъ нельзя, какъ думаетъ Бэнъ, объяснить волю. Но онъ указываетъ на постепенное сосредоточеніе жизни и дѣятельности къ одному центру, по мѣрѣ того какъ мы поднимаемся къ человѣку. На соотвѣтствующее тому постепенное измѣненіе въ самомъ строеніи нервной системы указываетъ Тэнъ. „Республика нервныхъ центровъ,—говоритъ онъ,—равныхъ между собою и почти независимыхъ другъ отъ друга въ низшихъ животныхъ, по мѣрѣ того, какъ мы переходимъ къ высшимъ, мало-по-малу превращается въ монархію центровъ, неравныхъ между собою въ развитіи, тѣсно другъ съ другомъ связанныхъ и подчиненныхъ главному центру. Но это болѣе совершенное строеніе и сосредоточеніе не упраздняютъ первоначальной множественности существа, устроеннаго такимъ образомъ. По мѣрѣ того, какъ оно возвышается въ ряду существъ, оно болѣе и болѣе удаляется отъ того состоянія, когда представляло собою сумму, и болѣе приближается къ тому, когда станетъ индивидуальностью. Вотъ и все“ [1]). Къ тому же заключенію приводитъ и слѣдующее соображеніе. Головной мозгъ, состоящій изъ безчисленнаго множества клѣточекъ, соединенныхъ волокнами или фиб-

---

[1]) *H. Taine*. De l'nitelligence, т. I-й, стр. 393 и 394 (2-е изд.). Paris, 1870.

рами, представляетъ вполнѣ организованный центръ для самопроизвольныхъ движеній, о которыхъ говоритъ Бэнъ. Движенія эти обусловливаются взаимодѣйствіемъ нервныхъ клѣточекъ. Если сознаніе, подобно представленіямъ и понятіямъ, и есть лишь результатъ такого взаимодѣйствія, то оно, во всякомъ случаѣ, производитъ новыя комбинаціи, которыя остаются и сохраняются въ головномъ мозгу и въ свою очередь служатъ источникомъ новыхъ сочетаній; послѣднія тоже оставляютъ по себѣ свой слѣдъ и т. д. Такимъ образомъ, нервныя движенія и процессы, происходящіе въ головномъ мозгу, уже сами по себѣ могутъ, безъ всякихъ внѣшнихъ возбужденій, быть источникомъ новыхъ явленій и безпрестанно обновляющихся комбинацій, которыя отражаются въ сознаніи новыми представленіями и понятіями.

Всѣ эти наблюденія, конечно, относятся къ соматическимъ явленіямъ. Но они показываютъ, что въ самой матеріальной природѣ есть стремленіе создать индивидуальность, выработать въ ней самостоятельное, свободное общеніе съ окружающимъ міромъ, и надѣлить ее самодѣятельностью. Сознаніе и самосознаніе есть только высшее, самое полное выраженіе этого стремленія, его заключительный актъ. По мѣрѣ того какъ развитіе къ нему приближается, исключительное господство соматическаго закона, замѣчаемое на низшихъ ступеняхъ природы, постепенно ослабѣваетъ. Бэнъ говоритъ: „Всѣ естественныя пожеланія могутъ быть извращены и стать источникомъ ошибочныхъ указаній относительно потребностей организма. Они даже способны возбуждаться искусственно и не кстати присутствіемъ вещей, которыя ихъ подстрекаютъ и удовлетворяютъ. Говорятъ,—но мы не знаемъ на какомъ основаніи,—что въ низшихъ животныхъ естественныя пожеланія рѣдко ошибаются; въ человѣкѣ такая ошибка—дѣло очень обыкновенное. Мы способны желать тепла, когда намъ было бы полезнѣе, чтобъ было свѣжо; мы ѣдимъ и пьемъ гораздо больше, чѣмъ сколько нужно; мы поддаемся тому, что насъ возбуждаетъ къ дѣятельности, когда намъ слѣдовало бы искать покоя, или мы предаемся покою до того, что теряемъ силы. Желаніе сна до того невѣрно, что до сихъ поръ не могли опредѣлить сколько сна нужно организму. Сложность человѣческаго организма и различныя волнующія его наклонности, быть можетъ, причиною всѣхъ этихъ комбинацій и ошибокъ, которыя заставляютъ насъ прибѣгать къ опытамъ, къ наукѣ, къ волѣ, возвышающейся надъ естественнымъ пожеланіемъ, чтобъ имѣть руководство въ нашихъ обыденныхъ дѣйствіяхъ“ [1]).

Я утверждаю, что гипотеза, выставляющая сознаніе и самодѣятельность, какъ новое условіе существованія, не представляетъ ничего ненаучнаго, и что въ наше время одни предразсудки и рутина мѣшаютъ дать ей въ наукѣ право гражданства на ряду съ другими гипотезами. Говорю: въ наше время, потому что возраженія противъ такой гипотезы, казавшіяся прежде неопровержимыми, теперь мало-по-малу устранены. Возраженія эти коренились въ дуалистическихъ воззрѣніяхъ и вмѣстѣ съ послѣдними утратили свою силу. Дуализмъ, разорвавъ весь міръ явленій на двѣ половины, рѣзко отдѣлилъ пассивную сторону природы отъ активной. Пока онѣ оставались разобщенными, соматическій законъ рокового дѣйствія данныхъ условій и психическій законъ самодѣятельности и свободы раздѣлялись непроходимой бездной. Еще недавно монополія положительнаго, точнаго знанія присвоивалась только математикѣ и естествовѣдѣнію, въ области которыхъ соматическій законъ рокового дѣйствія данныхъ условій царитъ полновластно. Только эти отрасли знанія и считались науками въ строгомъ смыслѣ слова. Законъ самопроизвольности и свободы отброшенъ въ область философіи, метафизики и вмѣстѣ съ ними отнесенъ къ фантазіямъ. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ проф. Сѣченовъ. Но время дуализма прошло безвозвратно. Точное положительное знаніе охватило теперь весь міръ явленій и на нашихъ глазахъ постепенно связываетъ разрозненныя явленія въ непрерывный рядъ звеньевъ, тѣсно между собою связанныхъ и составляющихъ вмѣстѣ одно неразрывное цѣлое. Если законъ, управляющій явленіями на одной оконечности этого цѣлаго, признается наукою, то нѣтъ причины не признать другого, заявляющаго себя явленіями въ другой оконечности того же цѣлаго.

Въ „Задачахъ Психологіи“ я старался показать, что самодѣятельность и свободный выборъ, вращаясь въ данныхъ условіяхъ, ограничиваясь лишь перестановкой и но-

[1]) Les senset l'intelligence, стр. 207 и 208.

выми сочетаніями даннаго матеріала, не имѣя, слѣдовательно, безусловнаго характера и значенія, вовсе не противорѣчатъ закону рокового происхожденія явленій изъ данныхъ условій. И то и другое не болѣе какъ два различныхъ способа существованія, не исключающихъ другъ друга, напротивъ, дополняющихъ и объясняющихъ себя взаимно. Безъ совмѣстнаго дѣйствія обоихъ законовъ мы не имѣли бы ни о томъ, ни о другомъ никакого понятія.

(Вѣстникъ Европы, 1874, кн. III—VI).

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ВЪ ОТВѢТЪ НА „НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ" ПРОФ. СѢЧЕНОВА.

Въ іюльской книжкѣ „Вѣстника Европы" (1874), проф. Сѣченовъ заявляетъ, что соглашеніе между нами невозможно и потому продолжать споръ безполезно: наши взгляды на науку, на положительный методъ, на то, что̀ значитъ объяснить явленіе — слишкомъ различны. Проф. Сѣченовъ только потому рѣшается отозваться на мои опроверженія, что я обвиняю его въ недостаточно внимательномъ чтеніи моей книги, иначе говоря, въ недобросовѣстности. Такое обвиненіе не можетъ быть оставлено безъ отвѣта.

Я слишкомъ глубоко уважаю проф. Сѣченова, чтобы подобное обвиненіе могло мнѣ придти въ голову; но еслибы оно, невзначай, и сорвалось съ моего пера, то, конечно, прежде всего, обрушилось бы на самого меня. Я обвинялъ и обвиняю проф. Сѣченова не въ умышленномъ искаженіи или переиначеніи моихъ словъ, а въ томъ, что онъ, не вникнувъ въ смыслъ того, что̀ я говорю, зачислилъ меня прямо въ одинъ изъ готовыхъ разрядовъ, подвелъ подъ шаблонъ, и, рѣшивъ, что я метафизикъ, приписываетъ мнѣ не только то, чего я не думаю, но даже то, противъ чего я полемизирую въ своей книгѣ. Въ доказательство, ссылаюсь на мое письмо, помѣщенное въ мартовской книжкѣ „Вѣстника Европы". Здѣсь не въ одномъ мѣстѣ указывается на то, что проф. Сѣченовъ приписываетъ мнѣ различеніе психическаго и матеріальнаго *по существу*, тогда какъ изъ моихъ словъ и изъ смысла всей книги несомнѣнно слѣдуетъ, что о такомъ различеніи я не говорилъ и не могъ говорить, не впадая въ вопіющее противорѣчіе съ самимъ собой. Очевидно, проф. Сѣченовъ отнесся невнимательно къ моей работѣ, увлекся своими мыслями; но отъ того и другого до недобросовѣстности еще очень, очень далеко.

Желаніе критика отклонить отъ себя незаслуженный упрекъ (котораго, повторяю, нѣтъ въ моихъ словахъ и не было у меня въ мысляхъ), вынудило его войти въ нѣкоторыя новыя со мною объясненія полемическаго свойства. Оказывается, что моимъ изложеніемъ требованій отъ научной психологіи проф. Сѣченовъ былъ введенъ въ заблужденіе относительно моихъ дѣйствительныхъ психологическихъ воззрѣній. Чрезъ всю его замѣтку, напечатанную въ іюльской книжкѣ „Вѣстника Европы", проходитъ такая мысль: я не зналъ и не могъ предполагать, что мой противникъ придаетъ общеупотребительнымъ словамъ и выраженіямъ какой-то свой особенный смыслъ, котораго они не имѣютъ. Знай я это напередъ, я бы и не подумалъ съ нимъ спорить.

Еслибы эта мысль была справедлива, то она заключала бы въ себѣ очень мало для меня лестнаго. Но мнѣ кажется, что проф. Сѣченовъ не правъ. Въ своей книгѣ я нѣсколько разъ очень опредѣлительно высказываю, что̀ я понимаю подъ словами: положительный методъ, наука, научное объясненіе, и проч., и если, мѣстами, мнѣ приходится указывать на то, что мои противники непослѣдовательны, что они отступаютъ отъ

положительнаго метода и ненаучно обращаются съ фактами, что они орудуютъ недоказанными предпосылками, какъ доказанными научными истинами, что они подъ объясненіемъ разумѣютъ произвольное примѣненіе, во что бы то ни стало, законовъ явленій одного порядка къ явленіямъ другого порядка, то все это, конечно, не моя, а ихъ вина.

Разберу въ немногихъ словахъ то, что̀ говоритъ о моихъ опроверженіяхъ проф. Сѣченовъ.

Онъ видѣлъ въ моей книгѣ попытку создать новую систему психологіи на положительныхъ основаніяхъ. Для этого необходимъ, какъ онъ думаетъ, или новый сырой матеріалъ, или измѣненный въ корнѣ методъ изслѣдованія. Сказанное мною на стр. 23 и 24 „Задачъ психологіи“ о необходимости изучать психическія явленія по обнаруженіямъ психической жизни во внѣшнихъ предметахъ и явленіяхъ, привело проф. Сѣченова къ мысли, что я жду отъ исторической разработки всевозможныхъ памятниковъ человѣческой дѣятельности возведенія психологіи на степень положительной науки. Въ подтвержденіе, проф. Сѣченовъ приводитъ слѣдующія мои слова: „всѣ науки подготовляютъ, такимъ образомъ, матеріалъ для психологіи, *и отъ степени совершенства его выработки зависитъ большая или меньшая положительность психологическихъ изслѣдованій*“. Къ этому проф. Сѣченовъ прибавляетъ отъ себя: „спрашивается: имѣлъ ли я право думать и утверждать, что г. Кавелинъ ждетъ отъ исторической разработки всевозможныхъ памятниковъ человѣческой дѣятельности возведенія психологіи на степень положительной науки? Что-нибудь одно—или онъ просто проговорился, написавъ подчеркнутыя мною фразы, или онѣ плодъ зрѣлаго размышленія?. Я принялъ ихъ, конечно, въ послѣднемъ смыслѣ“.

И былъ, скажу я, тысячу разъ правъ, принявъ ихъ въ этомъ смыслѣ. Я думалъ и думаю, что одно самонаблюденіе безсильно создать научную психологію. Она станетъ положительной наукой лишь съ той поры, когда психическія явленія будутъ изучены какъ объективные факты, въ ихъ внѣшнихъ проявленіяхъ или обнаруженіяхъ. Къ чему же могутъ относиться вопросъ и сомнѣнія профессора Сѣченова? А вотъ къ чему: примѣрами изъ исторіи древнѣйшихъ вѣрованій и научныхъ открытій онъ старается доказать, что никакое особенное психическое начало не заявляетъ себя черезъ всю исторію до нашихъ дней, потому что природа человѣка была всегда одна и та же. Но этого я нигдѣ и никогда не отвергалъ, что̀ и замѣтилъ въ своей антикритикѣ. Теперь профессоръ Сѣченовъ даетъ нашей полемикѣ тотъ оборотъ, какъ будто бы я не признаю объективное изученіе психическихъ явленій за основаніе научной психологіи. Нѣтъ, я признаю его вполнѣ, но не соглашаюсь съ тѣмъ, будто бы, по моему мнѣнію, историческое изученіе памятниковъ психической дѣятельности должно открыть какое-то особенное отъ теперешней природы человѣка психическое начало. Профессоръ Сѣченовъ подкладываетъ мнѣ задачу, которой я не ставилъ, и влагаетъ мнѣ въ голову мысль, которой я не имѣлъ. Только противъ этого я спорю.

Что касается до метода изслѣдованія, то я, дѣйствительно, полемизирую противъ профессора Сѣченова, зачѣмъ онъ приписалъ мнѣ мысль, будто психическое зрѣніе есть *орудіе анализа психическихъ дѣятельностей*. Возраженіе мое вертится около того, что и матеріальные и не матеріальные факты анализируются не различными, а однимъ и тѣмъ же о̀рганомъ, именно умомъ, психическою дѣятельностью, отличною отъ психическаго зрѣнія, которому доступны исключительно одни психическія впечатлѣнія. Впечатлѣнія такого рода я признаю столько же положительными фактами, какъ и внѣшнія, реальныя, и въ этомъ смыслѣ считаю выводы мои о свойствахъ и строеніи психическаго организма не менѣе положительными, чѣмъ заключеніе изъ внѣшнихъ фактовъ о существованіи свѣтовой волны, молекулъ и атомовъ. Очень можетъ быть, что выводы мои и ошибочны, но ошибочность ихъ зависитъ во всякомъ случаѣ не отъ того, что самые факты не положительны, а только отъ того, что мои наблюденія не вѣрны, выводы неправильны.

Ошибочность моего метода профессоръ Сѣченовъ доказываетъ тѣмъ, что я будто бы метафизикъ и мои пріемы изслѣдованія—метафизическіе. Противъ этого я возражалъ. Теперь профессоръ Сѣченовъ возвращается къ этому обвиненію и подкрѣпляетъ его слѣдующими соображеніями: „сначала онъ (т.-е. я) старается установить, на основаніи крайне шаткихъ данныхъ, существенныя различія между психическимъ и матеріальнымъ. За-

тѣмъ, считая эту задачу выполненной, принимается за построеніе души съ ея свойствами на основаніи конкретныхъ психическихъ фактовъ, забывая, что послѣдніе и составляютъ тотъ научный матеріалъ, который долженъ быть изучаемъ въ психологіи, тѣ *x*—ы, которые должны быть разрѣшены наукой. Наконецъ, выстроивъ душу изъ однихъ только *x*—въ, онъ пускаетъ ее для объясненія *y*—въ, или другихъ *x*—въ, которые кажутся ему болѣе загадочными. Это ли не метафизика?"

Шатки ли, и въ какой степени шатки данныя, на основаніи которыхъ я различаю психическое отъ матеріальнаго, объ этомъ желательно было бы слышать отъ проф. Сѣченова, послѣ представленныхъ мною опроверженій, нѣчто болѣе вѣское, чѣмъ голословныя утвержденія. Что касается до того, что эти различія очень существенны, то противъ этого я спорить не буду, если за этимъ выраженіемъ не скрывается различіе „по существу", подавшее поводъ къ важнымъ недоразумѣніямъ между проф. Сѣченовымъ и мною. — Что̀ именно онъ разумѣетъ подъ „конкретными психическими фактами", которые суть *x*-ы, требующіе разрѣшенія наукою,—этого я хорошенько не понимаю. Если подъ „конкретнымъ" разумѣть фактъ сложный, то я старался разложить сложные психическіе факты на простые, изъ которыхъ они составлены. Мои усилія могли быть неудачны, объ этомъ судить не мнѣ; но во всякомъ случаѣ метафизическаго въ этомъ пріемѣ нѣтъ ничего. Я догадываюсь, что подъ „конкретнымъ" проф. Сѣченовъ разумѣетъ фактъ, происходящій или зависящій отъ другого, — послѣдствіе, въ отличіе отъ производящей его причины. Только этимъ я могу объяснить себѣ, почему проф. Сѣченовъ считаетъ эти „конкретные" факты *x*-ми, *y*-ми и т. д. Если моя догадка справедлива, то здѣсь именно узелъ нашего разногласія. Я считаю психическіе факты, изъ которыхъ заключаю о существованіи психическаго организма, такими же непроизводными, начальными, какими признаются любые простые матеріальные факты, не подлежащіе дальнѣйшему анализу. Свойство души раздвояться, оставаясь единой, свойство ея удерживать впечатлѣнія, психическое зрѣніе или сознаніе и т. п. я считаю такими же неподлежащими дальнѣйшему разложенію фактами, какъ химическія, физическія и механическія свойства тѣлъ, и если заключеніе изъ этихъ фактовъ о существованіи душевнаго организма есть метафизика, то заключеніе о существованіи свѣтовой волны, или атомовъ и молекулъ будетъ точно такой же метафизикой,— ни больше, ни меньше. Я допускаю только сосуществованіе, постоянное соотвѣтствіе, правильное соотношеніе между матеріальными и психическими явленіями, признаю ихъ тѣснѣйшую между собою связь и взаимное ихъ вліяніе другъ на друга, но не признаю, чтобы матеріальный фактъ всегда, во всякомъ случаѣ, былъ причиною любого психическаго явленія. Если подъ „объясненіемъ" психическаго факта разумѣть приведеніе его къ его матеріальнымъ условіямъ, то я отвергаю подобное объясненіе и считаю его ненаучнымъ. Повторяю, я думаю, что между матеріальными и психическими фактами есть соотвѣтствіе, правильное отношеніе, а не предполагаемая причинная связь.

Проф. Сѣченовъ не безъ ироніи приводитъ мои слова, что между психологами не меньше, но и не больше разногласія, чѣмъ между химиками и физіологами. Жаль, что, приводя этотъ отзывъ, проф. Сѣченовъ выпустилъ геологовъ и заключительныя слова: „собственно о психическихъ фактахъ нѣтъ, или почти нѣтъ спора, какъ между учеными по части естествознанія". Съ этими дополненіями моя мысль и теперь мнѣ кажется вѣрной. Факты психическіе обработаны и установились уже настолько, что они не возбуждаютъ, или почти не возбуждаютъ споровъ. Разногласія касаются, по большей части, только ихъ объясненія. Я не знатокъ естественныхъ наукъ, но, судя по тому, очень немногому, что̀ о нихъ знаю, объясненіе множества явленій природы подаетъ и до сихъ поръ поводъ къ большимъ разногласіямъ между учеными, и это очень естественно. Но, говоря объ объясненіи психическихъ явленій, я, конечно, не имѣю въ виду философовъ, которые идутъ отъ предвзятой, ничѣмъ не доказанной предпосылки, будто ключъ ко всѣмъ психическимъ явленіямъ лежитъ въ матеріальныхъ условіяхъ и обстановкѣ, точно также, какъ естествовѣды, споря между собой, конечно, не примутъ въ разсчетъ объясненій натур-философовъ — Шеллинга или Окена. Я говорю о спеціалистахъ, а не о философахъ, о людяхъ положительной науки, а не о метафизикахъ, хотя бы они и были вооружены естествознаніемъ.

Въ заключеніе, мнѣ остается пожалѣть, что проф. Сѣченовъ отказывается отъ продолженія нашего спора. Начавшись съ психологическихъ вопросовъ, онъ привелъ насъ къ тому, что мы различно смотримъ на науку, на положительный методъ, на значеніе словъ: объяснить явленіе и проч. Въ интересахъ знанія и большинства читателей слѣдовало бы разъяснить эти вопросы и рѣшить, кто изъ насъ правъ и кто нѣтъ. На этой почвѣ я готовъ возобновить нашъ споръ съ проф. Сѣченовымъ во всякое время, когда ему будетъ угодно.

13-го іюля, 1874 года.

(Вѣстникъ Европы, 1874 г., кн. IX).

II.

ЗАМѢЧАНІЯ Ю. Ѳ. САМАРИНА

НА КНИГУ „ЗАДАЧИ ПСИХОЛОГІИ“.

Возраженія Ю. Ѳ. Самарина на мою книгу „Задачи Психологіи“ обязательно доставлены мнѣ самимъ авторомъ въ рукописи. Они представляютъ особенный интересъ, какъ по имени автора, занимающаго видное мѣсто въ мыслящихъ слояхъ русскаго общества, такъ и по взглядамъ, которыхъ онъ является талантливымъ и почтеннымъ представителемъ въ нашей литературѣ. Къ этимъ общимъ соображеніямъ, побуждающимъ меня передать на судъ читателей мою полемику съ Ю. Ѳ. Самаринымъ, присоединяются и чисто личныя. Онъ сообщилъ мнѣ свои замѣчанія на мою книгу по моей убѣдительной просьбѣ. Печатая теперь въ извлеченіи и съ согласія автора происходившій между нами обмѣнъ мыслей, я не только доставляю читателямъ новый случай провѣрить свои взгляды на психическія явленія съ точки зрѣнія, рѣзко отличающейся отъ общепринятой и ходячей у насъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ исполняю долгъ глубокой, душевной благодарности, которую мнѣ особенно пріятно публично выразить искренно почитаемому критику.

Передаю возраженія Ю. Ѳ. Самарина въ извлеченіи изъ его писемъ, по возможности, подлинными словами.

Психическая жизнь, говорите вы,—пишетъ мнѣ Ю. Ѳ. Самаринъ,—и матеріальная жизнь истекаютъ или выдѣляются изъ одного источника; этимъ объясняется, съ одной стороны, та степень ихъ однородности, которая даетъ имъ возможность взаимно проникаться и другъ на друга дѣйствовать; съ другой—ихъ обоюдная независимость. Міръ матеріальный не продуктъ міра психическаго и, наоборотъ, міръ психическій не продуктъ матеріальнаго міра; изъ одной среды въ другую нѣтъ даже прямого перехода, который бы могъ быть опытомъ дознанъ и логически формулированъ. Этими положеніями вы размежевываетесь съ двухъ сторонъ, съ матеріалистами и съ идеалистами; далѣе, обращая ту же мысль противъ однихъ матеріалистовъ, вы формулируете ее въ слѣдующихъ словахъ: душа есть самостоятельный и самодѣятельный организмъ (въ отличіе отъ организма физическаго). Такимъ образомъ, между ними установляется своего рода равноправность, если понимать послѣднее слово въ смыслѣ одинаковой, обоюдной зависимости и въ то же время одинаковой, обоюдной же независимости. Но тутъ же мы узнаемъ, что первое побужденіе къ дѣятельности, первый толчокъ душа получаетъ отъ матеріальнаго міра и болѣе ни откуда; что всѣ наши общія представленія и понятія суть не иное что, какъ психическія переработки матеріальныхъ впечатлѣній; наконецъ, общѣе, что организмъ психическій имѣетъ въ матеріальномъ организмѣ необходимую для перваго *подбивку* или *подкладку*. Это значитъ, во-первыхъ, что понятіе жизни психической

вообще и психической жизни человѣка вполнѣ тождественны—die beiden Begriffe decken sich, иначе: внѣ человѣка нѣтъ психической жизни, по крайней мѣрѣ на равной или на высшей степени развитія; во-вторыхъ, это значитъ, что бытіе человѣка, въ смыслѣ самосознающагося субъекта, оканчивается въ моментъ расторженія связи души съ тѣломъ. Между тѣмъ, изъ заявленнаго факта обоюдной ихъ зависимости обратнаго вывода сдѣлать нельзя, ибо жизнь физическая отнюдь не обусловливается непремѣннымъ сожительствомъ съ душевнымъ организмомъ, а обнаруживается не только внѣ человѣка, но и въ немъ самомъ, множествомъ такихъ явленій, въ которыхъ нѣтъ и слѣда психизма. Итакъ, самостоятельность матеріальнаго міра очевидна, но что̀ стало съ самостоятельностью души?

Основная мысль книги—опредѣленное извѣстнымъ образомъ отношеніе психическаго организма къ физическому,—повторяется нѣсколько разъ въ различныхъ формахъ. Желаніе выяснить ее со всѣхъ сторонъ заставляетъ васъ прибѣгать то къ одной, то къ другой. Я знаю, что, говоря о предметахъ видимыхъ и осязаемыхъ, мы иначе не можемъ переводить ихъ изъ своего личнаго представленія въ представленіе другого лица, какъ одухотворяя ихъ, то-есть приписывая имъ, какъ ихъ свойства, наши субъективныя ощущенія, ими возбуждаемыя (веселое утро, сердитыя волны и т. д.). Наоборотъ, излагая ходъ психическихъ процессовъ, мы поневолѣ матеріализируемъ ихъ, заимствуя терминологію изъ внѣшняго міра. Поэтому, я бы и не подумалъ придираться къ неточности нѣкоторыхъ выраженій, которую вы сами сознаете, конечно, лучше меня; но дѣло въ томъ, что изъ-за нихъ, какъ мнѣ кажется, проглядываетъ несоглашенное двойство мысли. У васъ идутъ въ перемежку двѣ серіи формулъ, которымъ соотвѣтствуютъ два положенія, взаимно исключающіяся. Одно изъ нихъ (общее, намъ недоступное исходное начало, изъ котораго выдѣляются два, относительно другъ друга самостоятельныя, хотя и неразобщенныя между собою) я привелъ выше; затѣмъ я читаю: „почва души вполнѣ физическаго свойства—основа души матеріальна—душа составляетъ органическую часть матеріальнаго міра, его *продолженіе* и *высшую ступень*". Эти формулы, особенно двѣ послѣднія, выражаютъ другое положеніе, а именно: душа прямой продуктъ или видоизмѣненіе физической природы, стало быть исходитъ изъ нея и только *черезъ* нее (*посредственно*, а не *непосредственно*) изъ общаго ихъ источника. Повидимому, вы придерживаетесь перваго положенія, но всѣ наши выводы выходятъ изъ второго и къ нему же приводятъ, если идти обратнымъ путемъ отъ заключеній къ точкѣ отправленія. Но когда же трезвый и серьёзный матеріализмъ добивался бо̀льшаго? Когда отрицалъ онъ, что въ непрерывномъ развитіи однихъ организмовъ изъ другихъ, человѣкъ выше животнаго, животное выше дерева, дерево выше камня? Пусть только будетъ душа *продолженіемъ* тѣла, и онъ останется доволенъ.

Признаюсь, я ожидалъ иного. Хотя вы повторяете вслѣдъ за Кантомъ, что человѣкъ имѣетъ дѣло не съ предметами матеріальнаго міра, а съ ощущеніями, возникающими въ немъ самомъ, однако, это не помѣшало вамъ признать объективное бытіе этого міра. Въ самыхъ этихъ ощущеніяхъ вы нашли какъ бы ручательство, вполнѣ достаточное и во всякомъ случаѣ единственно возможное, его реальности. Мнѣ казалось, что послѣ этого процессы другого порядка (психическіе) могли бы навести васъ на признаніе другой, одинаково реальной, и по отношенію къ человѣку, также внѣшней психической среды. Но вы объ ней умалчиваете, а у насъ, въ печати, умолчаніе въ этомъ дѣлѣ равносильно отрицанію. Выходитъ, что въ той мѣрѣ, въ какой психическая жизнь обусловливается содержаніемъ и побужденіями извнѣ, она поставляется въ зависимость только отъ міра матеріальнаго; всѣ же факты свойства психическаго суть не иное что, какъ продукты внутренней, психической переработки (сравненія, разложенія и обобщенія), слѣдовательно, существуютъ только въ насъ, а не внѣ насъ. Почему такъ? — я не вижу. Вы, мнѣ кажется, впали въ такую же ошибку, въ какой сами уличили крайнихъ идеалистовъ, то-есть вы отвергли реальность и объективность невещественнаго міра на томъ только основаніи, что *понятіе* о немъ зарождается въ нашей субъективной средѣ.

Еслибы вы придержались въ строгости перваго вашего положенія, а именно, что какъ физическая, такъ и психическая жизнь исходятъ (не одна изъ другой), а каждая непосредственно изъ одного общаго имъ обѣимъ начала, тогда вы могли придти къ инымъ заключеніямъ.

Единое начало, служащее источникомъ для двухъ различныхъ началъ, должно заключать въ себѣ отличительныя свойства обоихъ, и потому нѣтъ ничего антилогичнаго въ предположеніи живой связи и непосредственнаго общенія психическаго свойства между душою, поставленною въ зависимость отъ матеріальнаго міра, и этимъ исходнымъ началомъ всякой жизни. Если мнѣ скажутъ, что нельзя себѣ

представить акта начальнаго творчества, и что поэтому ему нѣтъ мѣста въ положительной наукѣ, то я, во-первыхъ, отвѣчу, что одинаково недоступенъ представленію и процессъ начальнаго раздвоенія бытія вообще на два вида бытія: матеріальнаго и психическаго; при этомъ я позволю себѣ напомнить то, что̀ говоритъ гдѣ-то забытый Гегель о дурной привычкѣ: sich dasjenige vorsteelen zu wollen, was Sache des Denkens ist. Во-вторыхъ, я замѣчу, что и вы не обошлись безъ творчества. Вы также допустили его, хотя и въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ, какъ проявленіе психической свободы (въ такъ-называемыхъ произвольныхъ, въ сущности безпричинныхъ дѣйствіяхъ); а въ понятіи творчества обыкновенному сознанію претитъ не объемъ его и не степень его силы, а творческій актъ самъ по себѣ, этотъ salto mortale изъ небытія въ бытіе. Но объ этомъ дальше.

Мнѣ кажется, что мысль о зависимости психической жизни только и единственно отъ матеріальной среды просто выхвачена изъ катехизиса матеріалистовъ, и что ничто не обязывало васъ принять ее. Все, что̀ приводится въ ея пользу, далеко не убѣдительно и сводится окончательно къ одному факту, а именно: къ сравнительно-позднему проявленію психическаго элемента какъ въ исторіи человѣчества, такъ и въ единичномъ развитіи каждаго лица. Но, во-первыхъ, выводъ изъ факта самъ по себѣ не строгъ. Послѣдовательность двухъ явленій не доказываетъ еще, чтобы одно изъ нихъ, позднѣйшее, было *только* продолженіемъ предшествовавшаго. Во-вторыхъ, самый фактъ далеко не принадлежитъ къ числу безспорныхъ и окончательно выясненныхъ. Точно ли, въ первой порѣ своего развитія, человѣчество жило животною жизнью? — это еще вопросъ. Очень можетъ быть, что состояніе дикости, представляющееся нѣкоторымъ первобытною формою бытія, было не инымъ чѣмъ, какъ послѣдующимъ одичаніемъ. Конструкція древнѣйшихъ языковъ и отрывочные остатки древнѣйшихъ вѣрованій едва ли не доказываютъ, что человѣчество и въ ту раннюю эпоху, когда, повидимому, всѣ помыслы его должны бы были ограничиваться удовлетвореніемъ матеріальныхъ потребностей, приступало прямо къ самымъ отвлеченнымъ и труднымъ вопросамъ, къ тѣмъ недосягаемымъ вершинамъ, передъ которыми оно стоитъ и теперь. Еще темнѣе для насъ начало психической жизни въ ребенкѣ. Легкость, съ которою онъ усвоиваетъ себѣ все, что̀ ему говорится о мірѣ невидимомъ, о Богѣ, о добрѣ и злѣ, о совѣсти и т. д., позволяетъ думать, что въ передаваемыхъ ему понятіяхъ онъ находитъ только формулы или названія для предметовъ, какъ будто уже знакомыхъ ему по внутреннимъ ощущеніямъ, вызываемымъ въ немъ дѣйствіемъ невещественной среды. Разрѣшить этотъ вопросъ путемъ какихъ-либо наблюденій надъ другими, едва ли возможно... La religion est avant tout une chose d'expérience personnelle. Въ этихъ словахъ глубокая правда. Дѣйствительно, откровеніе, данное всему человѣчеству въ объективной формѣ, предполагаетъ непремѣнно непосредственное личное откровеніе, слово, обращенное къ каждому субъекту порознь и доносящееся до него черезъ всѣ событія внутренней и внѣшней его жизни. Доказать этого, конечно, нельзя (точно такъ, какъ нельзя доказать произвольности того или другого поступка— ее можно только *признать*); вѣра, т.-е. опознаніе и признаніе этого голоса, не вынуждается никакими доводами, она есть актъ свободы, оттого и приписывается ей спасительная сила. Но я утверждаю только, что признаніе *непосредственнаго* общенія души съ источникомъ психической и физической жизни нисколько не противорѣчитъ одному изъ вашихъ положеній (назову его первымъ) и исключается вторымъ, единственно потому, что послѣднее само не мирится съ первымъ.

Перехожу прямо къ вопросу о психической свободѣ, или произвольности. Вы очень вѣрно поняли и опредѣлили его важность. Дѣйствительно, въ произвольности заключается условіе самостоятельности психической жизни и характерный ея признакъ, такъ что еслибы удалось матеріалистамъ ее wegzudemonstriren, то психическая жизнь окончательно слилась бы съ физическою, и между психологіею и физіологіею установилось бы такое же отношеніе, какое существовало между алхиміею и химіею, пока первая совсѣмъ не исчезла. Ваша глава VII, посвященная этому вопросу, на мой взглядъ, есть самая лучшая, по тонкости анализа, по глубинѣ и вѣрности многихъ отдѣльныхъ мыслей (особенно въ отрицательной части) и, въ то же время, самая неудовлетворительная въ пололожительныхъ результатахъ, на которыхъ вы остановились. По внимательномъ, неоднократномъ ея прочтеніи, я все-таки остаюсь въ недоумѣніи: признаете ли вы произвольность въ дѣйствіяхъ, или нѣтъ? Вижу только, что вамъ было бы крайне тяжело отъ нея отказаться.

На стр. 157 высказывается, какъ результатъ научныхъ изслѣдованій, что въ смыслѣ *объективномъ*, ни произвольныхъ, ни случайныхъ событій быть не можетъ и нѣтъ; что всѣ они необходимы, только съ оттѣнками,

а именно: „событія, приписываемыя произволу, тоже необходимы, но ихъ необходимость зависитъ непосредственно не отъ внѣшняго міра, а отъ воли лица, *хотя эта воля тоже опредѣляется необходимыми мотивами*“. Стало быть, случайность и произвольность существуютъ только въ смыслѣ субъективномъ. Я понимаю это такимъ образомъ: случайность и произвольность—два условныхъ термина; употребляя первый, мы даемъ знать, что мы отрываемъ одно событіе отъ серіи предшествовавшихъ ему и ближайшихъ къ нему (которыми обусловливается его необходимость) и сводимъ его съ другимъ событіемъ, обусловленнымъ другою серіею причинъ и послѣдствій; а употребляя второй терминъ (*произвольность*), мы заявляемъ только, что психическая причина, вынудившая необходимость психическаго факта, въ данномъ случаѣ ускользаетъ отъ нашего сознанія — c'est un aveu d'ignorance. На этомъ вы, мнѣ кажется, должны бы были остановиться и отказаться отъ всякой дальнѣйшей гоньбы за произвольностью въ дѣйствительности. Вы, однако, предпринимаете этотъ неблагодарный трудъ и начинаете съ того, что откидываете дѣйствія непроизвольныя, въ надеждѣ, что что-нибудь да останется. Къ непроизвольнымъ вы относите: всѣ дѣйствія рефлективныя, всѣ безсознательныя, всѣ поступки, хотя и сознательные, но выполняемые подъ неотразимымъ вліяніемъ побужденій физическихъ или психическихъ, которыхъ человѣкъ не въ состояніи одолѣть. Далѣе оказывается, что сознательныя дѣйствія, вышедшія изъ внутренней борьбы разнородныхъ побужденій, также не входятъ въ категорію произвольныхъ, ибо борьба побужденій и побѣда однихъ надъ другими совершается по законамъ механики; сильнѣйшее беретъ верхъ надъ слабѣйшимъ, а степень ихъ относительной силы въ данную минуту обусловливается всею предшествовавшею жизнью человѣка, то-есть рядомъ моментовъ, въ которыхъ исходъ борьбы все-таки обусловливался тѣмъ же закономъ. Этимъ упраздняется воля, какъ боевое орудіе противъ невольныхъ побужденій. Наконецъ, вы выражаетесь еще общѣе, говоря, что всякое опредѣленное душевное состояніе (иначе: всякое ощущаемое побужденіе) „дѣйствуетъ на человѣка необходимымъ образомъ и вызываетъ непроизвольные поступки“.

Стало быть: гдѣ есть побужденіе къ дѣйствію, тамъ нѣтъ произвольности въ дѣйствіи, и потому, для спасенія произвольности, нужно бы признать категорію дѣйствій сознательныхъ и въ то же время совершаемыхъ безъ всякаго побужденія. „Такихъ нѣтъ— отвѣчаете вы,—ибо и произвольныя дѣйствія совершаются не безъ побужденія; но отличительная ихъ особенность состоитъ въ томъ, что побужденіе къ нимъ вызывается (или выбирается) произвольно *самимъ* дѣйствующимъ лицомъ“. Но читателямъ было уже разъяснено выше, что самый актъ вызова или выбора есть уже психическій поступокъ, хотя юридически и невмѣняемый; здѣсь же говорится о побужденіи, какъ объ объектѣ этого поступка, о цѣли его, иначе о томъ, *что* вызывается, а нужно знать, *чѣмъ* производится этотъ вызовъ или выборъ? Вы отвѣчаете; „ничѣмъ. Я *самъ* его опредѣлилъ, *самъ добровольно* поставилъ себя въ зависимость отъ извѣстнаго душевнаго состоянія“ и т. д. Въ другомъ мѣстѣ: „въ произвольныхъ поступкахъ побужденіе вызывается *самимъ* дѣйствующимъ лицомъ *произвольно*“. Въ третьемъ мѣстѣ: „при произвольной дѣятельности мотивъ вызывается въ душѣ *произвольно*, безъ всякаго необходимаго побужденія (точнѣе было бы сказать просто: безъ всякаго побужденія) собственнымъ почином дѣйствующаго лица“, и т. д.

Изъ этихъ опредѣленій произвольной дѣятельности, позвольте прежде всего вычеркнуть слова *произвольно* и *добровольно*. Сколько бы разъ мы ни повторяли, что произвольно то, что произвольно, дѣло не уяснится. Я здѣсь придираюсь къ лишнему слову только потому, что это мнѣ кажется не простой lapsus calami. Въ сущности, произвольность улетучилась, ея ужъ нѣтъ, стало быть нѣтъ и признаковъ, по которымъ бы можно было опредѣлить ее, и потому, когда дѣло дошло до опредѣленія, вы были вынуждены ввести въ него, какъ признакъ, то самое свойство, которое оспаривается и требуетъ доказательства.

Затѣмъ, полученное нами опредѣленіе сводится къ слѣдующему: непроизвольны дѣйствія, которыхъ причина въ побужденіи (какомъ бы то ни было); произвольны тѣ, которыхъ причиною *самъ* человѣкъ. Удареніе мысли падаетъ на слово *самъ*, и въ немъ заключается вся суть отвѣта.

Съ этимъ я лично готовъ бы былъ согласиться, но предварительно предложу вамъ нѣкоторые вопросы. Отчего *самъ* человѣкъ выступилъ на сцену такъ поздно, и гдѣ онъ скрывался въ то время, когда, съ его вѣдома и при полномъ его сознаніи, въ душѣ его бродили противоположныя побужденія, какъ химическія вещества, брошенныя въ мѣдный сосудъ? Отчего *самъ* человѣкъ, съ которымъ мы только теперь встрѣчаемся, не вступался въ ихъ борьбу, не принималъ въ ней прямого участія, а предполагалъ, неизвѣстно съ чего, что исходъ ея предопредѣлялся зако-

номъ механики? Если *самому* человѣку дана власть творить въ себѣ побужденія, знакомыя ему изъ прежняго опыта, то что же мѣшало *самому* человѣку изъ многихъ, скрещивавшихся въ немъ, побужденій, дать перевѣсъ одному надъ прочими? Мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ, укрываясь за механикою и ссылаясь на мнимую свою безвластность, *самъ* человѣкъ обманывалъ самого себя и самопроизвольно отрекался отъ власти, которую самъ же онъ нашелъ въ себѣ не далѣе, какъ черезъ двѣ страницы.

Чуть ли не въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, вѣроятно предусмотрѣнный вами, говорите вы далѣе, что произвольный вызовъ или выборъ побужденія возможенъ только въ *спокойномъ* состояніи. Но состояніе совершенно спокойное не можетъ быть условіемъ ни выбора, ни вызова, ни вообще какого бы то ни было психическаго процесса; оно исключаетъ возможность всякаго процесса. Такого состоянія и нѣтъ въ дѣйствительности. Бываютъ только состоянія болѣе или менѣе спокойныя, или что все равно—болѣе или менѣе безпокойныя. Разграничить ихъ невозможно; а такъ какъ за самимъ человѣкомъ признана уже способность *самонастроенія*, то тѣмъ самымъ дается ему возможность, до извѣстной степени, приводить себя въ спокойное состояніе,—до какой именно степени?—этого никто, даже лично про себя не можетъ сказать. Такимъ образомъ, стирается сама собою черта разграниченія произвольнаго съ непроизвольнымъ (на первый разъ хоть въ области психической); выходитъ, что кругъ произвольныхъ дѣйствій можетъ расширяться безпредѣльно и можетъ также сжиматься до точки; выходитъ, наконецъ, что расширеніе и сжиманіе его зависитъ отъ самого человѣка. Все это говорю я съ своей точки зрѣнія; но матеріалистъ отнесется вѣроятно къ *самому* человѣку гораздо строже. Онъ пожелаетъ узнать, откуда взялся въ послѣднюю минуту этотъ Deus ex machina, и спроситъ васъ: да развѣ не самъ человѣкъ мыслитъ, не самъ чувствуетъ, не самъ испытываетъ побужденія? Что же за существо этотъ *самъ* человѣкъ, въ отличіе отъ человѣка мыслящаго, чувствующаго и желающаго? Всмотрѣвшись ближе въ черты его, матеріалистъ, не безъ основанія, заподозритъ въ немъ стараго знакомаго, котораго вы же выгнали изъ области положительнаго знанія, и который неожиданно прокрался въ нее опять, подъ другимъ именемъ и съ новымъ видомъ. Дѣйствительно, самъ человѣкъ не иное что, какъ *der Mensch an sich*, извѣстный призракъ чего-то будто бы существующаго по себѣ, помимо и внѣ всѣхъ отличительныхъ признаковъ своего бытія, стало быть, отвлеченное, безсодержательное понятіе, которое вдругъ олицетворяется и получаетъ чудодѣйственный даръ безпричиннаго творчества надъ самимъ собою. Это противорѣчитъ всему предыдущему. Нѣтъ послѣдствія безъ причины, нѣтъ дѣйствія безъ побужденія, и дѣйствіе выбора или вызова побужденія, какъ всякое иное дѣйствіе, все-таки ничѣмъ инымъ обусловлено быть не можетъ, какъ предшествующимъ побужденіемъ, хотя бы моментальнымъ и потому ускользающимъ отъ сознанія. Отвлеченная мысль, на которой сознательно остановилось вниманіе, есть уже мысль, ставшая въ извѣстное отношеніе къ ощущающему субъекту, и въ примѣрахъ и сравненіяхъ, приведенныхъ на стр. 193 и 194, на самомъ дѣлѣ происходитъ не выборъ между многими отвлеченными понятіями и представленіями, а та же механическая борьба когда то пережитыхъ, воскресающихъ побужденій, о которой было говорено выше. Мнѣ кажется, что въ диспутѣ съ вами, основываясь на вашихъ посылкахъ, матеріалистъ былъ бы не неправъ и, признаюсь вамъ, я объ этомъ особенно и не тужу. Я дорожу вашей VII-й главой именно какъ неудачною попыткою. Вы сдѣлали положительно все возможное, чтобы спасти хотя малую толику свободы, но вы не спасли ея, и ваши усилія, исчерпывающія защиту отъ матеріализма, служатъ для меня полнымъ доказательствомъ невозможности отстоять свободу при тѣхъ данныхъ, изъ которыхъ вы исходите, и въ томъ смыслѣ, въ какомъ вы ее опредѣляете, то-есть только какъ принадлежность личнаго, индивидуальнаго человѣческаго существованія (стр. 205).

Въ области науки мысль подчиняется только своимъ законамъ, то-есть законамъ логики, и идетъ себѣ безъ оглядки къ конечнымъ результатамъ, не спрашивая, какъ и чѣмъ отзовутся они на практикѣ. Поэтому и я не сталъ бы смотрѣть на вашъ трудъ съ этой стороны, еслибы вы сами не раскрыли ее передъ читателями, указавъ имъ на психологію, какъ на врачеваніе противъ нравственныхъ недуговъ, которыми томится современный человѣкъ. Въ главѣ 1-й и въ заключеніи вамъ дались великолѣпныя, глубоко продуманныя и прочувствованныя страницы о симптомахъ господствующей въ наше время болѣзни, такъ вѣрно вами названной оскудѣніемъ или исхуданіемъ личности. Но какимъ образомъ укрылось отъ васъ, что вы прописывали ей въ видѣ рецепта ту самую отраву, которою она испорчена, или, говоря языкомъ нефигуральнымъ, что корень болѣзни заключался въ тѣхъ самыхъ началахъ,

на которыхъ вы строили будущую психологію. Современный человѣкъ, говорите вы, самъ себя ни во что не цѣнитъ. Это, конечно, не значитъ, чтобъ онъ сталъ слишкомъ сговорчивъ и невзыскателенъ относительно внѣшней своей обстановки; въ этомъ грѣшно бы было упрекнуть его. Цѣнность, которую придаетъ человѣкъ своей личности, измѣряется не тѣмъ, что онъ требуетъ *для* себя, а тѣмъ, чего онъ требуетъ *отъ* себя, и въ этомъ смыслѣ нельзя съ вами не согласиться. Но съ чего же сталъ бы онъ относиться къ самому себѣ черезъ чуръ взыскательно и строго? Все, что составляетъ содержаніе его внутренней жизни, весь запасъ его представленій и понятій, идетъ отъ внѣшнихъ впечатлѣній; тамъ, въ средѣ ему неподвластной и объ немъ незнающей, начало и причина личнаго его бытія; подъ явнымъ или скрытымъ, но въ обоихъ случаяхъ неотразимымъ вліяніемъ той же среды проходитъ вся его жизнь. Даже въ борьбѣ волнующихъ его разнородныхъ побужденій не нашлось мѣста для его самодѣятельности. Выходитъ, что роль, на которую вы обрекаете бѣдную душу, не имѣетъ уже ничего общаго съ стариннымъ представленіемъ о странникѣ, остановившемся на распутіи и внимающемъ чьимъ-то голосамъ, которые зовутъ его въ разныя стороны; она скорѣе напоминаетъ другую легенду о прекрасной плѣнницѣ, которую ежегодно привязывали къ столбу, покуда витязи, прискакавшіе съ разныхъ концовъ міра, рубились и кололись изъ-за обладанія ею. Сначала и она металась, но потомъ, убѣдившись, что ей не разорвать своихъ цѣпей и привыкнувъ переходить изъ рукъ въ руки, она угомонилась и впала въ тупое равнодушіе къ битвѣ, періодически возобновлявшейся въ ея глазахъ. Дѣйствительно, результаты, до которыхъ дошла школа позитивистовъ и которые вы принимаете, отнимаютъ всякое разумное основаніе у *самовмѣненія*. Разберите, на чемъ держится это понятіе. Въ одномъ мѣстѣ вашей книги вы говорите, что „достоинство лица немыслимо безъ непреложныхъ правилъ или началъ, а такія правила или начала даетъ, кромѣ религіи, только философія“. Здѣсь я позволю себѣ оговорку; точнѣе было бы сказать, что философія *ставитъ* начала, но она не *даетъ ихъ никому*, потому что ей вообще нѣтъ дѣла до субъектовъ, а начало или правило входитъ въ жизнь субъекта только въ той мѣрѣ, въ какой оно становится для него обязательнымъ, иначе *долгомъ*. Между признаніемъ начала и сознаніемъ долга разница та, что во второмъ случаѣ предполагается возможность исполнить требуемое. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что религія приписываетъ живому началу всякаго бытія не одну законодательную власть, но и творческую силу какъ надъ каждымъ субъектомъ, такъ и надъ окружающею его средою. Это понятіе выражается въ ученіи о *промыслѣ*. Говоря языкомъ нецерковнымъ, предполагается, что существуетъ разумное отношеніе и правильная соразмѣрность между двумя факторами, изъ которыхъ слагается жизнь каждаго субъекта, между свободною дѣятельностью, исходящею отъ самого человѣка, и воздѣйствіемъ на него извнѣ обстоятельствъ, ему неподвластныхъ, между искушеніями, которымъ онъ подвергается, и правоправящею силою, данною ему для отпора. При этомъ предположеніи одно и то же событіе, независимо отъ общаго своего значенія въ исторіи цѣлаго народа или всего человѣчества, вплетается въ судьбу каждаго субъекта, котораго оно задѣваетъ не какъ случайность, разстроивающая ее, а какъ *слово*, прямо къ нему обращенное, имѣющее свой особенный смыслъ для него лично. Я знаю, что въ глазахъ положительнаго знанія все это не болѣе какъ фикціи младенческаго воображенія, съ которыми оно давно раздѣлалось; пусть такъ, но тогда не скорбите объ утратѣ другихъ фикцій, неразрывно съ ними связанныхъ, какъ-то: самовмѣненія, совѣсти, суда человѣка надъ самимъ собою и т. п. Не удивляйтесь, что, по изгнаніи изъ душевной храмины раскаянья, молитвы и бесѣды съ Богомъ, въ ней ощущается теперь какая то пустота и непріятный холодъ. Съ средою нельзя бесѣдовать; она глуха, слѣпа и не знаетъ субъекта.

Вы замѣчаете, и очень вѣрно, что въ безсодержательной, блѣдной, неинтересной внутренней жизни современнаго человѣка нѣтъ больше сюжета для драмы. Да откуда же ему взяться? Можно ли задумать драму на тему: чашка, въ которой лежало побужденіе, вѣсившее пудъ, перетянула чашку, въ которой побужденіе вѣсило фунтъ; или: по закону вещественной необходимости выпалъ кирпичъ изъ стѣны; по закону психической необходимости шелъ мимо человѣкъ на свиданіе; эти двѣ необходимости случайно встрѣтились (я говорю *случайно*, потому что встрѣча, смыслъ имѣющая, предполагала бы промыслъ), и неисчерпанная, недожитая жизнь порвалась случайно. Но спрашивается: кто же отнялъ у субъективной жизни ея смыслъ и художественную полноту ея? Кто изуродовалъ ее во всѣхъ ея моментахъ отсѣченіемъ отъ послѣдняго дѣйствія, загробнаго суда, этой необходимой ея развязки, которой предчувствіе составляетъ главный интересъ земной жизни?

Опуская въ могилу отслужившую плоть человѣка, церковь провожаетъ ее словами: „земля еси и въ землю отыдеши“. Такъ называемый позитивизмъ тоже роетъ могилу и, приглашая больную душу современнаго человѣка улечься въ ней за-живо, онъ говоритъ ей на прощаніе: отъ земли еси и съ плотью прейдеши. Я очень сомнѣваюсь, чтобы эта формула саключала въ себѣ цѣлебную силу.

Вообще, книга ваша поражаетъ меня глубокимъ противорѣчіемъ вашихъ требованій тѣмъ выводамъ, къ которымъ вы пришли. Мнѣ кажется, что они не могутъ васъ удовлетворить и что вы долго на нихъ не остановитесь. Вы стоите на остріѣ ножа и должны непремѣнно склониться на ту или другую сторону, то-есть окончательно усвоить себѣ матеріалистическое воззрѣніе или взять назадъ многія изъ сдѣланныхъ вами ему уступокъ...

Строгая послѣдовательность изложенныхъ мыслей даетъ возможность формулировать взглядъ Ю. Ѳ. Самарина на мою психологическую работу въ слѣдующихъ немногихъ словахъ. Если изъ одного общаго неизвѣстнаго источника вытекаютъ два начала, психическое и матеріальное, то они должны быть, по крайней мѣрѣ, одинаково реальны и дѣйствительны, даже принявъ, что они существуютъ нераздѣльно; между тѣмъ, у меня реальнымъ является только одно матеріальное, психическое же есть продуктъ психическихъ процессовъ, слѣдовательно, не имѣетъ, само по себѣ, реальности. Ю. Ѳ. Самаринъ находитъ такой взглядъ непослѣдовательнымъ и не раздѣляетъ его. По его мнѣнію, капитальная ошибка позитивизма въ томъ и состоитъ, что онъ отвергаетъ реальность психическаго начала. Съ большою тонкостью и глубиною пониманія Ю. Ѳ. Самаринъ замѣтилъ, что настоящая почва, на которой долженъ быть выигранъ или проигранъ споръ между нами, есть самопроизвольность, возможность свободнаго личнаго почина, немыслимая безъ самостоятельности и самодѣятельности души, и потому вся его полемика, главнымъ образомъ, направлена противъ моихъ попытокъ указать и объяснить научнымъ образомъ возможность свободнаго поступка. Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ эта попытка оказалась удачной, то мой взглядъ нашелъ бы въ этомъ сильную опору. Но вѣрный вездѣ и во всемъ своимъ воззрѣніямъ, Ю. Ѳ. Самаринъ не допускаетъ, чтобы изъ предпосылокъ, которыя онъ считаетъ взятыми изъ ученія позитивистовъ, могло быть выведено научное объясненіе свободной воли, и потому находитъ, что я непослѣдователенъ.

Какъ во всѣхъ нашихъ русскихъ спорахъ, такъ и въ настоящемъ, сравнительно малую долю составляютъ дѣйствительныя разномыслія. Остальное—самая бо́льшая часть того, о чемъ мы споримъ—дѣло недоразумѣній, происходящихъ оттого, что всѣ мы думаемъ и развиваемся какъ-то особнякомъ, каждый про себя, не привыкли всматриваться въ чужія мысли и выражать свои точнымъ языкомъ, котораго оттого у насъ и нѣтъ. Такой языкъ является, когда люди между собою уже столковались, поняли въ чемъ сходятся и расходятся; мы же только начинаемъ столковываться, да и то еще очень медленно и вяло. Неудивительно, что недоразумѣнія играютъ у насъ во всякой полемикѣ самую видную роль, даже когда съ обѣихъ сторонъ, какъ въ настоящемъ случаѣ, есть искреннее желаніе и твердая рѣшимость избѣгать нашихъ извѣстныхъ полемическихъ пріемовъ и не приписывать противнику того, чего онъ не говоритъ и очевидно не думаетъ.

Споръ нашъ съ Ю. Ѳ. Самаринымъ группируется около слѣдующихъ трехъ главныхъ пунктовъ: во-1-хъ, какое значеніе имѣетъ положительная наука и каковъ характеръ научнаго знанія?—во-2-хъ, что такое психическій міръ и какъ понимать его реальность?—и въ-3-хъ, что такое самопроизвольность или свободная воля и въ какой мѣрѣ ученіе о ней совмѣстимо съ положительной наукой?

Я разсмотрю послѣдовательно замѣчанія Ю. Ѳ. Самарина по каждому изъ этихъ трехъ пунктовъ и представлю свои возраженія противъ его выводовъ.

I.

Ю. Ѳ. Самаринъ думаетъ, что положительная наука, которую онъ считаетъ тожественной съ позитивизмомъ, по существу своему, относится отрицательно къ дѣйствительному, реальному, самостоятельному существованію всего того, что̀ не имѣетъ матеріальнаго бытія и не подлежитъ внѣшнимъ чувствамъ.

Такой взглядъ составляетъ убѣжденіе многаго множества людей, не раздѣляющихъ такъ-называемыхъ реалистическихъ воззрѣ-

ній. Къ сожалѣнію, надо сознаться, что у насъ большинство поборниковъ положительнаго знанія развиваетъ ту же тему и этимъ утверждаетъ всѣхъ въ убѣжденіи, которое высказываетъ Ю. Ѳ. Самаринъ. Но справедливъ ли этотъ взглядъ?

Что въ наше время поборники положительной науки большею частью относятся или скептически, или прямо отрицательно къ дѣйствительному, реальному, самостоятельному бытію психическаго начала, это безспорно. Но я полагаю, что въ глазахъ самого Ю. Ѳ. Самарина такой взглядъ не можетъ и не долженъ имѣть авторитета неотразимаго, безаппеляціоннаго аргумента противъ положительнаго знанія. Собственное признаніе, даже и передъ судомъ, не всегда непремѣнно считается доказательствомъ; для этого нужны нѣкоторыя другія условія. Какъ же считать такое признаніе за неопровержимое доказательство въ вопросѣ, который болѣе всѣхъ другихъ можетъ быть рѣшенъ не иначе, какъ только на основаніи объективныхъ доводовъ, а не личныхъ взглядовъ? Если въ настоящее время большинство такъ на него смотритъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы такое мнѣніе было вѣрно. Смѣшивать оцѣнку положительнаго знанія въ данное время съ самой положительной наукой, значило бы смѣшивать видовое понятіе съ родовымъ, принимать извѣстный фазисъ положительнаго знанія за всю положительную науку, или изъ-за извѣстнаго понятія, сложившагося о предметѣ, не видать самаго предмета.

Мы теперь говоримъ о положительной наукѣ и противополагаемъ ее неположительному знанію. Но наука можетъ быть только положительною и никакою другою. Вся разница между положительнымъ и неположительнымъ знаніемъ вертится на вопросѣ, что̀ считать за положительное и что̀ нѣтъ. Вопросъ этотъ рѣшается только научнымъ методомъ, научными пріемами, которые могутъ быть ошибочны, или правильны; слѣдовательно, задача лежитъ въ ихъ повѣркѣ, выработкѣ, гораздо болѣе, чѣмъ въ самыхъ выводахъ знанія. Весь интересъ постепеннаго развитія науки сосредоточивается въ развитіи метода. Во всѣ времена, на всѣхъ ступеняхъ развитія, наука стремилась установить и опредѣлить то, что̀ для всѣхъ людей имѣетъ или должно имѣть несомнѣнную, непоколебимую достовѣрность, значеніе неопровержимой истины. Въ наукѣ и знаніи, каковы бы они ни были, всегда установлялось и опредѣлялось то, чего люди не могли не признать за истину,—та нейтральная, безспорная почва, на которой всѣ, несмотря на различіе происхожденія, степени и обстоятельствъ развитія, могли сходиться въ полномъ согласіи. Въ сферѣ знанія наука тоже, что̀ языкъ въ сношеніяхъ людей между собою, или что̀ юридическій законъ въ общежитіи. Какъ языкъ установляетъ средній терминъ, при помощи котораго люди понимаютъ другъ друга, какъ юридическій обычай или законъ установляютъ средній терминъ, при помощи котораго люди могутъ жить вмѣстѣ, такъ точно и наука установляетъ то̀, что̀ люди признаютъ за истину по признакамъ, всѣмъ доступнымъ и для всѣхъ одинаково убѣдительнымъ.

Если разсматривать науку съ этой точки зрѣнія, то она, мнѣ кажется, вовсе не имѣетъ того характера, какой ей приписывается многими, въ томъ числѣ и Ю. Ѳ. Самаринымъ. Во-первыхъ, наука, какъ языкъ и юридическій законъ, не можетъ исчерпывать всего содержанія предмета, который она изслѣдуетъ. Мы знаемъ, что множество явленій и ихъ оттѣнковъ не могутъ быть выражены словами, что множество отношеній остаются внѣ опредѣленія обычая и закона. Но точно также цѣлая масса убѣжденій не захватывается наукой, что̀ однако вовсе не значитъ, что она ихъ непремѣнно отрицаетъ. Наука, знаніе обнимаетъ только самую внѣшнюю, осязательную, всѣмъ доступную сторону явленій, то, что̀ каждый, провѣривъ, долженъ признать за истину. На этомъ основаніи, я не могу себѣ представить, какимъ образомъ наука могла бы отрицать реальность и самостоятельность психическаго міра, и какимъ образомъ эта реальность и эта самостоятельность могли бы быть несовмѣстимы съ положительнымъ знаніемъ? Научнымъ опредѣленіямъ подлежитъ только то, что̀ имѣетъ объективные, всѣмъ доступные признаки, поддающіеся повѣркѣ; потому-то наука всегда непремѣнно положительна, признаетъ только то, что̀ при повѣркѣ оказывается вѣрнымъ, отрицаетъ только то, что̀ при повѣркѣ оказывается ошибочнымъ. Такою она была во всѣ времена и у всѣхъ народовъ; измѣняется, какъ сказано, только критерій и методъ научной повѣрки. Было время, когда единственнымъ мѣриломъ истины были книги священнаго писанія, единственнымъ методомъ—

справка съ ихъ текстомъ; было другое время, когда единственнымъ критеріемъ научной истины служилъ логическій выводъ изъ общихъ метафизическихъ началъ, составлявшихъ канонъ истины, а методомъ—силлогизмъ. Критика чрезвычайно расширила научныя средства и пріемы повѣрки. Всѣ отрасли знанія, въ томъ числѣ и естественныя науки, нашли свой критерій; въ особенности послѣднія до совершенства выработали пріемы повѣрки научной истины. Но, повторяю, несмотря на чрезвычайное разнообразіе критеріевъ и методовъ, наука всегда была положительною, и какъ ни расширялся кругъ знаній, всегда были, есть и будутъ предметы, лежащіе внѣ этого круга. Все, что не поддается критикѣ, повѣркѣ, доказательному изложенію, то остается внѣ положительной науки. Значитъ ли это, что она непремѣнно отрицаетъ то, чего не признаетъ? Нѣтъ, она этимъ только выражаетъ, что не признаваемое ею не имѣетъ признаковъ истины, обязательной для всѣхъ. За предѣлами науки начинается міръ личныхъ, субъективныхъ воззрѣній, чаяній, предположеній. Они играютъ огромную роль въ нашей жизни и дѣятельности, опредѣляютъ нашъ умственный и нравственный строй, безразличны для однихъ и чрезвычайно важны и рѣшительны для другихъ. Они, можетъ быть,—истинны, а можетъ быть и заблужденія, но ни доказать, ни опровергнуть ихъ мы не можемъ. Теперь наука ихъ не признаетъ, а завтра, можетъ быть, признаетъ, и наоборотъ, что сегодня считается научной объективной истиной, то завтра можетъ оказаться, при помощи болѣе совершенныхъ средствъ повѣрки, или просто ошибочнымъ, или, по крайней мѣрѣ, истиной субъективной, личной, неподлежащей научному анализу. Такимъ образомъ, наука далеко не безусловна, ни по содержанію, ни по методу. Она обнимаетъ только то, что можетъ быть доказано и повѣрено, и постепенно вырабатываетъ и совершенствуетъ свои пріемы. При такомъ специфическомъ значеніи научнаго знанія, непринятіе чего-либо въ кругъ науки ничего безусловно не предрѣшаетъ, ибо сама наука, повторяю, не есть нѣчто однажды навсегда законченное и неподвижное.

Таковъ, какъ мнѣ кажется, правильный взглядъ на научное знаніе. Отрицательный его характеръ есть явленіе временное и объясняется обстоятельствами, при которыхъ наука развивалась, а вовсе не самымъ существомъ ея.

Если съ этой точки зрѣнія взглянуть на положительную науку, ея стремленія и задачи, то попытка дать научный отвѣтъ на вопросъ объ общемъ неизвѣстномъ источникѣ или корнѣ двухъ различныхъ началъ, матеріальнаго и психическаго, и объ отношеніяхъ какъ этого источника къ нимъ, такъ и ихъ между собою, не можетъ имѣть того преимущественно отрицательнаго характера, какой предполагаетъ Ю. Ѳ. Самаринъ. Личныя чаянія разрѣшаютъ эти вопросы весьма различно, и на каждомъ изъ нихъ могутъ сходиться многіе люди, но далеко не всѣ. Между ними наука является посредницей. Она отбираетъ у всѣхъ воззрѣній, не обходя ни одного, ихъ объективные доводы, соображаетъ ихъ, взвѣшиваетъ и изъ массы различныхъ убѣжденій и взглядовъ выдѣляетъ тѣ, которые основаны на несомнѣнныхъ, неопровержимыхъ объективныхъ доказательствахъ, одинаково убѣдительныхъ и неотразимыхъ для всѣхъ. Весьма естественно, что, разрѣшая такую задачу, наука вынуждена обращаться къ внѣшней, осязательной сторонѣ людскихъ убѣжденій, къ тому, что всего очевиднѣе, нагляднѣе и можетъ быть провѣрено. Наука, по существу своему—Ѳома невѣрующій и въ томъ же смыслѣ, какъ Ѳома. Для нея, на первомъ планѣ,—не та или другая истина, не тотъ или другой выводъ, а только то, чтобы истина, выводъ были для всѣхъ одинаково несомнѣнны и убѣдительны. Но такую несомнѣнность, объективность имѣетъ только явленіе, фактъ, доступный провѣркѣ; поэтому только на такихъ фактахъ наука и можетъ основывать свои выводы. Всѣ другіе пріемы не имѣютъ ничего общаго съ наукою и когда въ ней встрѣчаются, то должны быть отброшены какъ приставки, вызванныя горячностью спора или любимою мыслью, незамѣченной и непровѣренной предпосылкой и т. п.

Откинувъ всѣ гипотезы и отрицанія, призвавъ на помощь только методъ положительнаго знанія и съ нимъ однимъ обращаясь къ изслѣдованію явленій и фактовъ, мы, мнѣ кажется, вынуждены будемъ взглянуть нѣсколько иначе, чѣмъ Ю. Ѳ. Самаринъ, на единый источникъ и взаимныя отношенія матеріальнаго и психическаго. Наука выдѣляетъ подъ названіемъ психическихъ особую многочисленную группу явленій, имѣющихъ

свои характеристическія особенности и не подходящихъ подъ категорію другихъ явленій. Существуютъ ли психическія явленія внѣ реальнаго міра,—этого она не можетъ ни доказывать, ни отвергать, потому что знаетъ только тѣ изъ нихъ, которыя могутъ быть подмѣчены въ дѣйствительномъ мірѣ, а внѣ его ничего не знаетъ и знать не можетъ. Далѣе: положительное изученіе приводитъ къ выводу, что психическія явленія не составляютъ исключительной принадлежности человѣка. Научныя наблюденія открываютъ нѣкоторыя изъ такихъ явленій и въ животныхъ, даже въ растеніяхъ. Любопытные по этому предмету факты собраны и разсмотрѣны у Гартмана (Die Philosophie des Unbewussten). Изъ этого наука не безъ основанія заключаетъ, что причина, производящая психическія явленія, находится не въ одномъ человѣкѣ, но также въ растеніяхъ и животныхъ, и что вообще эта причина имѣетъ какую-то, намъ пока неизвѣстную связь съ организованнымъ міромъ. Выводъ этотъ подтверждается тѣмъ, что въ предметахъ неорганизованной природы психическихъ явленій вовсе не замѣчается.

Вотъ факты. Я спрашиваю: какое основаніе имѣла бы наука утверждать, что есть особое психическое начало, отрѣшенное отъ реальнаго міра, имѣющее дѣйствительное существованіе внѣ его, смотрѣть на психическія явленія какъ на обнаруженіе этого особаго начала въ реальномъ мірѣ? Для такого заключенія она не имѣетъ данныхъ, и потому, не будучи отрицательной, не отвергая ничьихъ чаяній и убѣжденій, не впадая ни въ какія увлеченія, а только держась строго въ границахъ своей задачи, она высказываетъ то, что̀ ей извѣстно, именно, говоритъ только о психическихъ явленіяхъ, неразрывно связанныхъ съ реальнымъ міромъ, совершающихся въ немъ, а не внѣ его. Но къ философскому идеализму, принимающему на себя задачу доказать научнымъ образомъ дѣйствительное существованіе метафизическаго міра, наука не можетъ отнестись иначе, какъ отрицательно, потому что средствами, которыми теперь располагаетъ знаніе, этого доказать невозможно. Вотъ почему убѣжденіе, что метафизическій міръ имѣетъ дѣйствительное бытіе внѣ реальнаго, принадлежитъ пока къ числу личныхъ, субъективныхъ. Но точно также отрицательно отнесется положительная наука и къ притязаніямъ матеріализма стать научной доктриной. Матеріализмъ, подобно идеализму, есть пока тоже не болѣе какъ личное чаяніе и убѣжденіе, не имѣющее ничего общаго съ научнымъ знаніемъ. Въ смыслѣ философской доктрины, матеріализмъ или признаетъ матерію источникомъ всѣхъ явленій, или подводитъ всѣ явленія подъ законы матеріальнаго міра. Въ первомъ значеніи матеріализмъ исчезъ съ тѣхъ поръ, какъ люди поняли, что матеріи мы не знаемъ, что она не есть дѣйствительный реальный фактъ, что то, что̀ мы считаемъ матеріей, есть не болѣе какъ отвлеченіе и обобщеніе ума, продуктъ умственной дѣятельности; господствующія въ наше время матеріалистическія воззрѣнія исходятъ отъ другой, сознанной или безсознательной предпосылки, будто всѣ явленія, каковы бы они ни были, управляются законами матеріальнаго міра; а какъ основнымъ закономъ матеріальной природы признается роковая связь причинъ и послѣдствій, несовсѣмъ точно называемая необходимостью, то современный матеріализмъ отрицаетъ самопроизвольность или свободную волю. Положительная наука не можетъ признать научнаго значенія и за этимъ взглядомъ. Во-первыхъ, мысль, будто бы всѣ явленія должны подходить подъ законы матеріальнаго міра, ни на чемъ не основана, есть чистая гипотеза, вдобавокъ сильно оспариваемая; на спорной же гипотезѣ, какъ извѣстно, нельзя строить научнаго вывода; во-вторыхъ, нѣтъ возможности доказать, что въ самой матеріальной природѣ законъ роковой связи причинъ и послѣдствій царитъ исключительно, управляетъ всѣми безъ изъятія явленіями. Чтобы въ этомъ убѣдиться, сто̀итъ только обратить вниманіе на предметы неорганизованной природы и ихъ механическія, физическія и химическія свойства. Въ какомъ отношеніи находятся между собою предметы и ихъ свойства? Слѣдуетъ ли признать первые за причину, а послѣднія за роковое ея послѣдствіе, или наоборотъ, надо смотрѣть на свойства какъ на причину, а на предметы какъ на роковой результатъ свойствъ? Тотъ и другой взглядъ не имѣютъ въ себѣ ничего научнаго, потому что оба основаны на гипотезахъ, которыхъ ничѣмъ доказать нельзя. Мы даже не знаемъ, есть ли различеніе предмета и его свойствъ — дѣйствительный, реальный фактъ, или результатъ операцій мышленія,

котораго первый актъ состоитъ въ разъятіи, разложеніи дѣйствительнаго явленія на части. Итакъ, первая предпосылка матеріализма оказывается ошибочной и научно недоказанной. Мысль, будто всѣ явленія непремѣнно связаны между собою роковою связью причинъ и послѣдствій, есть гипотеза, а не доказанная истина, даже когда рѣчь идетъ о явленіяхъ матеріальнаго міра. Отношенія между предметами и ихъ свойствами мы вынуждены принять какъ фактъ, не подлежащій дальнѣйшему анализу. Незнаніе наше по этому капитальному вопросу не измѣнится и въ томъ случаѣ, если мы разложимъ предметъ на его составныя, дѣйствительныя или воображаемыя части, на вещества, или атомы. Вопросъ о томъ, ка̀къ относятся между собою предметъ и его свойства, точно также возникаетъ и при разсмотрѣніи частей и также остается неразрѣшеннымъ. Между тѣмъ, матеріализмъ, предполагая причинную зависимость свойствъ отъ предметовъ, вводитъ въ свои изслѣдованія ошибку, которая потомъ проходитъ чрезъ всѣ его дальнѣйшія заключенія и ведетъ къ искаженію и даже къ отрицанію явленій, словомъ, обращаетъ матріалистическія воззрѣнія въ фантазіи, не имѣющія ничего научнаго.

Немногихъ словъ будетъ достаточно, чтобы пояснить эту мысль.

Извѣстно, что естественныя науки мало-по-малу исключили изъ своего круга отвлеченія и обобщенія, которыя когда-то играли въ нихъ роль метафизическихъ существъ и крайне затрудняли изслѣдованія. Къ такимъ метафизическимъ существамъ принадлежали, съ одной стороны, силы, съ другой—неоживленная, мертвая матерія. По вытѣсненіи ихъ изъ науки, предметами научнаго изслѣдованія остались дѣйствительные, реальные предметы или явленія съ ихъ свойствами.

Но предметы находятся въ безпрерывномъ превращеніи, измѣняются, исчезаютъ въ различныхъ сочетаніяхъ съ другими предметами. Спрашивается: чѣмъ обусловливаются, отъ чего зависятъ такіе переходы ихъ изъ однихъ въ другіе, изъ одного состоянія въ другое? Отъ того ли, что они составляютъ соединеніе безразличныхъ, недоступныхъ изслѣдованію атомовъ, особенности которыхъ опредѣляются уже свойствомъ, условіями, характеромъ ихъ соединеній, или отъ того, что атомы отличаются другъ отъ друга по своей природѣ особыми свойствами, подобно клѣточкамъ органическихъ предметовъ? Въ первомъ случаѣ мы должны признать способъ соединенія атомовъ особымъ факторомъ и отличать его отъ другого фактора—самыхъ атомовъ, вступающихъ въ соединеніе; во второмъ случаѣ мы только отодвигаемъ доступный изслѣдованію фактъ въ область гипотезъ, и притомъ безъ всякой надобности, потому что фактъ чрезъ это нисколько не измѣняетъ своего характера. Будемъ ли мы говорить о предметѣ, доступномъ чувствамъ, имѣющемъ свои особыя свойства, или разложимъ его, конечно въ мысли, на атомы, имѣющіе свои особыя, характеристическія свойства,—дѣло отъ этого нисколько не измѣнится.

Итакъ, уже въ неорганизованной природѣ мы наталкиваемся на тотъ же самый фактъ, который замѣтнѣе выступаетъ въ организованной природѣ и особенно ярко въ природѣ психической,—именно на существованіе, въ одномъ и томъ же предметѣ, двухъ родовъ явленій, связи которыхъ мы не знаемъ, но которыхъ въ разрозненномъ видѣ мы тоже не встрѣчаемъ нигдѣ. Отчего зависитъ превращеніе предметовъ, ихъ разложеніе, образованіе новыхъ, съ новыми свойствами? Отчего организмъ и составные матеріальные его элементы не одно и то же? Отчего тѣло и душа съ ихъ отправленіями такъ разительно отличаются другъ отъ друга? Матеріализмъ, идя отъ предпосылки, что рядъ матеріальныхъ явленій есть причина, а всѣ прочія—роковыя ея послѣдствія, вполнѣ логически отрицаетъ различеніе самыхъ рядовъ. Идеализмъ тоже впадаетъ въ ошибку, только другого рода. Онъ выноситъ одинъ изъ рядовъ явленій за предѣлы матеріальнаго міра. Но въ окончательныхъ выводахъ оба, и матеріализмъ и идеализмъ, приходятъ къ одному и тому же результату: они одинаково разрываютъ дѣйствительность на части или составные элементы и приписываютъ одному изъ нихъ то, что̀ заключается въ ихъ совокупности.

Посреди этихъ-то двухъ противоположныхъ направленій, разлагающихъ дѣйствительный фактъ на двѣ половины, и возникаетъ положительная наука. Она упраздняетъ всякія философскія умствованія и гипотезы, идеалистическія и матеріалистическія, и расчищаетъ поле для знанія трезваго, безпристрастнаго, чуждаго всякихъ пред-

взятыхъ любимыхъ мыслей. Вырабатывая истины провѣренныя, всѣмъ доступныя и для всѣхъ равно убѣдительныя, безпрестанно умножая сумму такихъ истинъ по всѣмъ отраслямъ вѣдѣнія, положительная наука объединяетъ, а не разрозниваетъ, полагаетъ границы личнымъ убѣжденіямъ тамъ, гдѣ они перегибаютъ въ область объективныхъ истинъ, но не думаетъ ихъ отрицать. Положительная наука есть безпрестанная критика, безпрерывная повѣрка, не несущая съ собою никакихъ готовыхъ, непреложныхъ, застрахованныхъ убѣжденій. Крайне строгая къ себѣ, она въ высшей степени терпима ко всему и ко всѣмъ. Не имѣя никакихъ предвзятыхъ взглядовъ, она совершенно безпристрастно относится ко всѣмъ воззрѣніямъ, ко всевозможнымъ гипотезамъ и предпосылкамъ. Положительная наука своего рода пробирная палатка, гдѣ не спрашиваютъ, откуда драгоцѣнный металлъ, и только опредѣляютъ степень его чистоты. Въ этомъ смыслѣ наука есть великая примирительница и объединительница мыслей и убѣжденій въ области знанія. Она постепенно, но неудержимо, ведетъ къ умственному и нравственному сближенію людей, расширяя кругъ объективныхъ общихъ убѣжденій и, наоборотъ, съуживая кругъ убѣжденій личныхъ, субъективныхъ. Въ то же время, она выясняетъ несостоятельность и тѣхъ возраженій, которыя набрасываютъ тѣнь сомнѣнія на истины, не поддающіяся объективному научному анализу и потому составляющія неотъемлемый удѣлъ личнаго, субъективнаго убѣжденія.

Примѣняя сказанное къ психологическому вопросу, который насъ теперь занимаетъ, я нахожу, что упрекъ, дѣлаемый наукѣ Ю. Ѳ. Самаринымъ, несправедливъ. Наука такъ же мало отрицаетъ психическую, какъ и матеріальную реальность, но не принимаетъ въ свой кругъ ни той ни другой, потому что не имѣетъ никакихъ средствъ провѣрить и доказать дѣйствительное отдѣльное бытіе той или другой реальности. Въ явленіяхъ, доступныхъ ея изслѣдованію и повѣркѣ, оба начала, и психическое и матеріальное, нерасторжимо соединены въ одно цѣлое, въ которомъ мы можемъ, до извѣстной степени, ихъ различать, но не имѣемъ никакой возможности выдѣлить одно изъ другого безъ остатка. Такой взглядъ есть лишь выводъ изъ научной несостоятельности матеріализма и идеализма, которые не могутъ доказать своихъ основаній и точекъ отправленій. Оба оказываются сильными только отрицаніемъ другъ друга. Остается одно: отбросить всякія философскія воззрѣнія и строго держаться на почвѣ фактовъ, намъ доступныхъ, то-есть результатовъ взаимодѣйствія различныхъ факторовъ, по существу намъ неизвѣстныхъ. Наука выводитъ изъ изученія взаимныхъ отношеній этихъ факторовъ законы отношеній. Этимъ и ограничивается вся ея задача и всѣ ея заслуги.

Изъ сказаннаго вытекаютъ слѣдующіе выводы, полезные и нужные для разъясненія недоразумѣнія между Ю. Ѳ. Самаринымъ и мною.

Во-первыхъ, положительная наука, имѣя предметомъ объективную истину, можетъ не принимать въ свой кругъ личныхъ чаяній или убѣжденій, не отрицая, что, по существу, они могутъ быть и истинны.

Во-вторыхъ, имѣя предметомъ не сущность вещей, а только явленія, положительная наука не можетъ принять взглядъ Ю. Ѳ. Самарина, въ силу котораго внѣ доступной намъ дѣйствительности есть метафизическая реальность, соединенная съ дѣйствительнымъ міромъ единствомъ общаго неизвѣстнаго и недоступнаго намъ источника. Наука можетъ признать значеніе объективныхъ истинъ только за выводами, сдѣланными на основаніи доступныхъ изслѣдованію фактовъ, а такіе факты лежатъ только въ дѣйствительномъ мірѣ, а не внѣ его. Въ дѣйствительномъ же мірѣ мы видимъ сосуществованіе двухъ рядовъ явленій, безпрерывно дѣйствующихъ другъ на друга, и потому, безъ сомнѣнія, тѣснѣйшимъ образомъ между собою связанныхъ, хотя связь эта намъ и неизвѣстна. Замѣчая эту связь и взаимодѣйствіе, положительная наука можетъ, не впадая въ матеріализмъ, говорить о матеріальной подкладкѣ души, о первомъ пробужденіи психической жизни и дѣятельности подъ вліяніемъ матеріальнаго міра. И то и другое, предполагая связь матеріальныхъ и психическихъ элементовъ и ихъ взаимодѣйствіе, не предрѣшаютъ происхожденія послѣднихъ изъ первыхъ.

Въ-третьихъ, сосуществованіе, въ дѣйствительномъ мірѣ, двухъ рядовъ явленій, взаимное отношеніе которыхъ намъ неизвѣстно, замѣчается не въ одномъ человѣкѣ, но проходитъ чрезъ весь дѣйствительный

міръ, начиная съ предметовъ неорганизованной природы. На этомъ основаніи можно, не будучи матеріалистомъ, видѣть въ психической природѣ человѣка продолженіе и дальнѣйшее развитіе того, что̀ замѣчается, въ менѣе развитыхъ формахъ, на предшествующихъ низшихъ ступеняхъ природы. Матеріалистическимъ былъ бы такой взглядъ только въ такомъ случаѣ, еслибъ предполагалось, что психическая жизнь находится въ причинной зависимости отъ матеріальной. Но, какъ сказано, такого рода зависимости нельзя доказать не только относительно психической жизни, но даже и относительно свойствъ предметовъ неорганизованной природы.

Въ-четвертыхъ, говоря, что сущности вещей наука не знаетъ и знать не можетъ, и въ то же время отвергая метафизическія сущности, какъ отвлеченія и обобщенія ума, я, повидимому, противорѣчу самому себѣ; на самомъ же дѣлѣ противорѣчія тутъ нѣтъ. Въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ объ источникахъ дѣйствительнаго міра, намъ недоступныхъ, и по несовершенству нашихъ средствъ познаванія, и потому, что мы знаемъ не самые предметы, а только получаемыя нами отъ нихъ впечатлѣнія. Во второмъ же случаѣ говорится о результатахъ процесса мышленія, которые люди долго принимали за самую сущность вещей, потому только, что не знали, какъ эти мнимыя сущности образовались. Сущности въ первомъ смыслѣ отрицать нельзя, хотя мы ее и не знаемъ; сущность во второмъ смыслѣ есть миражъ ума, который исчезаетъ, по мѣрѣ того, какъ мы узнаемъ законы мышленія.

Вотъ что̀ я считалъ необходимымъ разъяснить и оговорить въ виду возраженій Ю. Ѳ. Самарина на мои основныя положенія. Въ „Задачахъ Психологіи“ я всячески старался отдѣлить личныя свои предрасположенія къ тѣмъ или другимъ взглядамъ и мыслямъ отъ того, что̀ имѣетъ, въ моихъ глазахъ, характеръ общеобязательной, объективной истины. Что мои личныя убѣжденія и чаянія не остались безъ вліянія на способъ выраженія объективныхъ научныхъ истинъ, объ этомъ я заключаю изъ недоразумѣній между мною и Ю. Ѳ. Самаринымъ, котораго я никакъ не могу упрекнуть ни въ невнимательномъ чтеніи моей книжки, ни въ умышленномъ искаженіи моихъ словъ.

Возражая мнѣ, Ю. Ѳ. Самаринъ ссылается на истины, о которыхъ самъ говоритъ, что онѣ не могутъ быть доказаны. Но опираться на такія истины въ спорѣ можно только предполагая, что противникъ самъ вводитъ въ споръ такія же точно истины, правильнѣе сказать, гипотезы и орудуетъ ими какъ аксіомами. Если это такъ, то между нами произошло большое недоразумѣніе. Споръ, вертящійся на истинахъ, требующихъ еще доказательствъ, не есть споръ, а борьба, которая рѣшается не научными аргументами, а силою. Я же искалъ научной истины объективной, съ которой всѣ, какъ бы они ни думали, вынуждены волей-неволей согласиться. Такова должна быть научная истина; другой нѣтъ и быть не можетъ.

Эти объясненія не убѣдили Ю. Ѳ. Самарина. Въ дополнительныхъ возраженіяхъ, обязательно мнѣ сообщенныхъ въ отвѣтъ на мои опроверженія, онъ, между прочимъ, говоритъ:

„Въ видахъ разъясненія... недоразумѣнія... вы предпосылаете отвѣтамъ на частности опредѣленія задачи, метода, критеріума и предѣловъ науки, присвоившей себѣ названіе положительной. Выводъ изъ него слѣдующій: напрасно думаютъ, что наука все то отрицаетъ, чего она не утверждаетъ и чему не даетъ у себя мѣста; она-де отрицаетъ только то, что̀ прямо противорѣчитъ дознаннымъ ею фактамъ, все же остальное она просто игнорируетъ. — Въ той мѣрѣ, въ какой это разъясненіе служитъ отвѣтомъ... на мои сомнѣнія, я понимаю его такимъ образомъ: пускай каждый про себя вѣритъ или не вѣритъ въ „истины данныя, признаваемыя за такія въ теченіи вѣковъ огромнымъ большинствомъ человѣчества“. Наука о душѣ ему въ этомъ не мѣшаетъ, потому что и ей эти убѣжденія нисколько не мѣшаютъ; она довольствуется тѣмъ, что не пропускаетъ ихъ въ область положительнаго знанія.

„Согласятся ли на такое размежеваніе двухъ сферъ строгіе послѣдователи положительной науки, я не берусь рѣшить за нихъ; думаю, что люди вѣрующіе едва ли имъ удовлетворятся; сомнѣваюсь даже, чтобы вы сами окончательно на немъ остановились.

„Въ подтвержденіе моего сомнѣнія я могъ бы указать въ вашей книгѣ на многія мѣста, въ которыхъ... игнорированіе само собою переходило въ понятное для всѣхъ отрицаніе...

„Причина, по которой положительная наука считаетъ себя въ правѣ игнорировать... заключается въ свойствѣ тѣхъ фактовъ, которые она, за исключеніемъ остальныхъ, при-

знаетъ достовѣрными, именно: „она установляетъ и опредѣляетъ только то, что для всѣхъ людей имѣетъ, или *должно имѣть* несомнѣнную, непоколебимую достовѣрность, значеніе неопровержимой истины, то, чего люди не могли не признать за истину, ту нейтральную, безспорную почву, на которой люди могли бы сходиться въ полномъ согласіи, то, что люди *признаютъ* за истинное *по признакамъ всѣмъ доступнымъ и для всѣхъ одинаково убѣдительнымъ, иначе:* самую *внѣшнюю, осязательную* сторону людскихъ убѣжденій, то, что каждый, провѣривъ, *долженъ* признать за истину“ и т. д.

„Стало быть, что „данныя истины“ и основанныя на нихъ убѣжденія не имѣютъ и имѣть не могутъ этихъ свойствъ неоспоримой достовѣрности — считается дѣломъ рѣшеннымъ. Почему? я спрошу послѣ, а теперь позволю себѣ обратить ваше вниманіе на силу и послѣдствія этого рѣшенія.

. . . .

„...Принципіальное выдѣленіе „такихъ“ убѣжденій изъ области несомнѣнно, обязательно достовѣрнаго и низведеніе ихъ на степень субъективныхъ воззрѣній, чаяній и предположеній, равносильно не простому игнорированію, а самому радикальному отрицанію самаго акта сообщенія человѣку данной истины.

„Признаюсь, что раціональность этого выдѣленія для меня не совсѣмъ ясна. Перечитывая „вашъ отвѣтъ“... я задаю себѣ вопросъ, заключается ли въ самомъ фактѣ общепризнанности чего бы то ни было ручательство несомнѣнной достовѣрности этого чего-то, или достовѣрность опредѣляется особыми пріемами, по присущимъ ей признакамъ, вынуждающимъ признаніе, дѣлающимъ признаніе обязательнымъ, хотя бы въ данную минуту и не было фактическаго признанія? Въ первомъ случаѣ нельзя, кажется, не признать, что „убѣжденіе въ дѣйствительности акта сообщенія человѣку данной истины“ принадлежитъ все-таки къ числу „глубочайшихъ вѣрованій человѣческаго рода“ („Зад. Псих.“, стр. 38), „фактовъ, извѣка живущихъ въ его сознаніи“ (тамъ же, стр. 122), слѣдовательно, имѣетъ за себя общее признаніе, въ той мѣрѣ, въ какой такое общее признаніе вообще возможно. Есть, правда, не только отдѣльныя личности, а даже цѣлыя школы, отрицающія его; но развѣ не было людей, добросовѣстно сомнѣвавшихся въ реальности того, что считалось напреальнѣйшимъ—міра осязаемаго и видимаго; развѣ нѣтъ школъ, притомъ ежедневно разростающихся и вооруженныхъ всѣми усовершенствованными орудіями познаванія, для которыхъ и свобода воли есть фикція? Вы сами объ нихъ упоминаете и противъ нихъ берете свободу подъ свою защиту. Откинемъ же фактъ общепризнанности и обратимся къ признакамъ достовѣрности, присущимъ самому предмету, и къ тѣмъ научнымъ пріемамъ, которыми они опознаются. Вы въ точности не опредѣлили ни тѣхъ, ни другихъ—это не входило въ вашу задачу—и потому остается для меня открытымъ вопросъ: оттого ли содержаніе „извѣстныхъ“ убѣжденій, въ глазахъ положительной науки, не достовѣрно, что оно дѣйствительно не имѣетъ объективной реальности, или оттого, что наука, придерживаясь односторонняго и слишкомъ тѣснаго понятія о достовѣрности, приступаетъ къ этому содержанію съ повѣрочными пріемами, рѣшительно къ нему непримѣнимыми и выработанными для изслѣдованія фактовъ другого порядка?

. . . .

„Я охотно откидываю всѣ случайныя, преходящія... уродливости „положительной науки“, по мнѣнію вашему свидѣтельствующія только о мучительномъ процессѣ ея зачатія и появленія на свѣтъ, и все-таки, всматриваясь въ самыя характерныя и общія ея черты, не могу не придти къ убѣжденію, что позитивизмъ, какъ бы онъ ни открещивался отъ матеріализма, носитъ его въ себѣ à l'état latent. Мнѣ кажется, что позитивизмъ, какъ методъ, порожденъ не столько потребностью сдержать мысленный разгулъ идеализма, сколько чувствомъ, похожимъ на зависть къ физикѣ, химіи, астрономіи и прочимъ естественнымъ наукамъ. Быстрота ихъ успѣховъ и прочность ихъ завоеваній могла естественно навести на мысль перенести ихъ пріемы, приспособленные къ изученію вещественнаго міра, въ другія области знанія, создать анатомію, потомъ физіологію души, eine Naturgeschichte der Seele и т. д. Эти выраженія, сами по себѣ совершенно невинныя, не возбуждали бы никакого подозрѣнія, еслибы въ нихъ не доносилось до слуха требованіе и чаяніе для психическихъ явленій *такой же* достовѣрности, какою плѣняютъ насъ факты, изслѣдованные естественными науками. Подчеркнутое слово *такой же* я разумѣю не въ смыслѣ достовѣрности *равностепенной и равносильной, а однородной.* Если не во всѣхъ формулахъ, то въ темпераментѣ и природѣ позитивизма обнаруживается какая-то *вѣра въ осязаемость и наглядность*, иначе: рѣшительное предпочтеніе свидѣтельства внѣшнихъ чувствъ другимъ способамъ познаванія. Если, какъ вы замѣчаете, „наука, знаніе обнимаетъ только самую внѣшнюю, осязательную, всѣмъ доступную сторону явленія“, то, конечно, достовѣрнымъ по преимуществу окажется то,

что доступно зрѣнію, слуху, осязанію и т. д.; а факты психическіе естественно должны будутъ довольствоваться низшимъ мѣстомъ по рангу достовѣрности. Мое ощущеніе скрытнаго матеріализма въ позитивизмѣ до нѣкоторой степени подтвердилось сличеніемъ вашей книги съ рукописною вашей статьей. Въ книгѣ вы указываете, какъ на коренную ошибку матеріализма, на отождествленіе *реальнаго съ дѣйствительно сущимъ*, разумѣя подъ реальнымъ то, что подлежитъ внѣшнимъ чувствамъ („Задач. Псих.", стр. 17), а въ рукописныхъ вашихъ возраженіяхъ, когда дѣло дошло до оправданія устраненія „извѣстныхъ" убѣжденій изъ области позитивизма (а не реализма въ смыслѣ матеріалистовъ), вы пришли же къ тому, что положительная наука признаетъ свойство несомнѣнной, для всѣхъ обязательной истины только за *внѣшнею, осязаемою* стороною людскихъ убѣжденій. Выходитъ, что понятіе несомнѣннаго или дѣйствительнаго въ смыслѣ научномъ съузилось-таки до понятія *реальнаго* въ смыслѣ внѣшняго и осязаемаго и что, въ концѣ-концовъ, позитивизмъ улегся, какъ нельзя лучше, въ границахъ матеріализма.

„Признаюсь, я не безъ нѣкотораго страха помышлялъ бы о будущихъ судьбахъ человѣчества, еслибы дѣйствительно этимъ путемъ подготовлялась та нейтральная почва, на которой должны, со временемъ, сойтись люди различныхъ племенъ, вѣроисповѣданій, званій, личныхъ убѣжденій и т. д., и еслибы изъ суммы выработанныхъ такимъ процессомъ истинъ долженъ былъ сложиться фундаментъ будущаго единенія. Вы заявляете, какъ фактъ, что успѣхи положительнаго знанія ведутъ къ нравственному сближенію, и что кругъ личныхъ убѣжденій съуживается, а кругъ общихъ, объективныхъ, напротивъ, расширяется. Присматриваясь къ происходящему на нашихъ глазахъ, я замѣчаю иное. Если не на практикѣ, то въ понятіяхъ всѣ вообще начала, имѣющія свойство нравственныхъ, теряютъ постепенно свое объективное значеніе и сопряженную съ ними обязательность; они отходятъ, мало-по-малу, на задній планъ, въ область личнаго вкуса, субъективныхъ симпатій и антипатій. Любопытенъ въ этомъ отношеніи процессъ постепенной нейтрализаціи начальной народной школы во многихъ государствахъ западной Европы.

„Не знаю, можно ли ожидать много добраго отъ подобнаго рода нейтрализаціи. На мой взглядъ всякое нравственное требованіе предполагаетъ, *какъ единственную, оправдывающую его предпосылку*, данныя свойства религіознаго, и съ устраненіемъ послѣднихъ въ область сомнительнаго, само становится неразрѣшимымъ вопросомъ и теряетъ свою обязательность. Можно бы, напримѣръ, доказать, что понятіе о человѣческомъ братствѣ, какъ выводное изъ того понятія, которое, на языкѣ церковномъ, выражается словами *óбразъ* и *подобіе Божіе*, будучи оторвано отъ своего корня, должно непремѣнно утратить свою объективность и свои границы. Оно сдѣлается чисто условнымъ, и тогда ничто не помѣшаетъ ему съузиться хотя бы до понятія объ одномъ племени, объ одной кастѣ, одной семьѣ, или, наоборотъ, расплыться до безконечности, захвативъ въ свой кругъ обезьянъ, потомъ всѣхъ млекопитающихъ, наконецъ, всѣхъ животныхъ.

„Желательно было бы когда-нибудь выяснить, опредѣлить и перечислить все то, отъ чего подразумѣвательно отрекается человѣкъ, покидающій религіозную почву, и что рано или поздно, въ силу жизненной логики, непремѣнно отъ него отпадетъ. Эта тема стоила бы разработки и, кажется, пришлась бы ко времени. На другую, также отрицательнаго свойства услугу, которой можно ожидать отъ науки, вы указали сами, допуская, какъ возможность, что въ концѣ-концовъ она выяснитъ несостоятельность тѣхъ возраженій, которыми набрасывается тѣнь сомнѣнія на истины, доступныя только внутреннему ощущенію. Я убѣжденъ, что эта возможность осуществится, и вотъ почему меня нисколько не пугаетъ свободное движеніе науки, черезъ что бы ей ни предстояло пройти.

„Въ заключеніе моихъ замѣчаній на первую часть вашего отвѣта, считаю нелишнимъ оговорить, что матеріалистическая закваска чувствуется въ усвоенной вами методѣ гораздо болѣе, чѣмъ въ самомъ содержаніи вашей книги. Отъ строгихъ требованій методы вы часто спасаетесь счастливыми непослѣдовательностями, составляющими, въ моихъ глазахъ, великую вашу заслугу. Если положительная наука захватываетъ только самую внѣшнюю, осязательную сторону убѣжденій, и если, какъ вы совершенно справедливо замѣчаете въ вашей книгѣ, дѣйствіе вольное никакими ни внѣшними, ни внутренними признаками не отличается отъ дѣйствія, вынужденнаго закономъ необходимости („Задачи Психол.", стр. 65 и 188), то свобода не можетъ быть научнымъ образомъ опознана и для ученія объ ней не должно быть мѣста въ наукѣ. Вы, однако, отстаиваете ее, хорошо понимая, что въ ней ключъ позиціи. Въ сущности, вся аргументація ваша въ пользу свободы, какъ я надѣюсь показать ниже, сводится къ слѣдующему: я признаю человѣческую свободу, потому что сознаю ее въ себѣ; но если такой способъ доказыванія допускается

положительною наукою, то съ чего же стала бы она отворачиваться отъ человѣка, который вошелъ бы въ ея святилище, не сложивъ у порога „извѣстныхъ“ убѣжденій? Вы замѣчаете, что я нерѣдко ссылаюсь на истины, которыхъ доказать нельзя—это совершенно справедливо—все зависитъ отъ того, что̀ значитъ и какъ понимать слово „*доказать*“; но не я одинъ такъ поступаю. Въ вашей книгѣ не найдется почти ни одного положенія, *доказаннаго* въ точномъ и строгомъ значеніи этого слова,—иначе: *выведеннаго*. Такое свойство имѣютъ только ваши отрицательныя положенія (опроверженія), и мнѣ даже сдается, что одна изъ отличительныхъ особенностей такъ-называемаго позитивизма въ томъ именно и заключается, что онъ вообще не столько *доказываетъ*, *сколько показываетъ* иначе, предпочитаетъ индуктивный способъ дедуктивному“.

Новыя возраженія Ю. Ѳ. Самарина, какъ и прежнія, отчасти вызваны недоразумѣніемъ, отчасти дѣйствительно касаются самаго существа научнаго знанія.

Недоразумѣніе заключается въ томъ, что Ю. Ѳ. Самаринъ смѣшиваетъ положительное научное знаніе съ такъ-называемымъ позитивизмомъ и принимаетъ первое за послѣдній. Но они не совсѣмъ одно и то же, и смѣшеніе ихъ можетъ подать поводъ къ весьма серьезнымъ ошибкамъ. Чтобы правильно понять значеніе позитивизма, необходимо, мнѣ кажется, строго различать въ немъ научную методу и классификацію отъ философской доктрины. Заслуги позитивизма относительно научнаго метода и классификаціи признаются всѣми направленіями и едва ли могутъ быть оспорены. Позитивизмъ выяснилъ задачи науки, освободилъ ее отъ разныхъ несвойственныхъ ей примѣсей, точно указалъ ея границы и тѣмъ опредѣлилъ ея специфическое значеніе, о которомъ я говорилъ выше. Другое дѣло — система позитивной философіи. Для послѣдней точкою отправленія послужили математическія и естественныя науки; зародилась она и выработалась въ борьбѣ естествовѣдѣнія съ схоластикой и метафизикой, на которыя всецѣло и до сихъ поръ опирается римско-католическое вѣроученіе. Вотъ что̀ придало позитивной философіи, въ ея первоначальномъ видѣ, односторонность и исключительность, которыя бросаются въ глаза. Но то, что̀ теперь называется позитивизмомъ, представляетъ болѣе или менѣе удачныя примѣненія превосходнаго научнаго метода и научной классификаціи Огюста Конта, а совсѣмъ не его философской системы, пропитанной отрицаніемъ, дышащей борьбой, и на которой потому нельзя ничего построить. Мнѣ кажется, что Ю. Ѳ. Самаринъ не обратилъ должнаго вниманія на это существенное различіе и смѣшалъ методъ Огюста Конта съ его философскими воззрѣніями, приписалъ положительной наукѣ вообще то, что̀ относится только къ ея извѣстному историческому возрасту, обусловленному извѣстными историческими обстоятельствами. Ошибка позитивизма вовсе, мнѣ кажется, не въ научномъ обращеніи съ психическими явленіями, а въ тѣхъ предпосылкахъ, которыя произвольно вносятся въ ихъ изслѣдованіе, и отнимаютъ у нихъ научный характеръ. На этомъ вертятся всѣ упреки, которые я дѣлаю въ моей книгѣ господствующимъ въ наше время воззрѣніямъ. Имъ я вездѣ противопоставляю точную, положительную науку, отъ которой эти воззрѣнія отступаютъ въ весьма существенныхъ пунктахъ, благодаря естественно-историческимъ предпосылкамъ, вносимымъ въ психологическія изслѣдованія контрабандой, незамѣтно и часто безсознательно, подъ фирмою положительной науки. Все, что̀ въ этомъ смыслѣ говоритъ Ю. Ѳ. Самаринъ о позитивизмѣ, къ сожалѣнію, совершенно справедливо. Лишь изрѣдка здѣсь и тамъ начинаютъ выступать тѣ вопіющія несообразности и нелѣпости, которыя неизбѣжно вытекаютъ изъ смѣшенія науки и ея выводовъ съ произвольной перетасовкой аксіомъ, относящихся къ совершенно различнымъ группамъ явленій. Конечно, пройдетъ еще много времени, пока для всѣхъ станетъ яснымъ, что нельзя, наперекоръ фактамъ, подводить одни явленія подъ законы другихъ.

Повторяю, нельзя считать позитивизмъ тожественнымъ съ положительной наукой. Позитивизмъ есть только первая серьезная попытка создать положительную науку, но попытка сильно еще запечатлѣнная односторонностью реалистическихъ воззрѣній. Чтобы оцѣнить и вполнѣ понять позитивизмъ, не слѣдуетъ забывать, что онъ проложилъ себѣ путь съ боя и потому естественно носитъ на себѣ живые слѣды борьбы, посреди и подъ вліяніемъ которой выработался. Но намъ до этихъ его историческихъ предпосылокъ нѣтъ никакого дѣла. Мы должны взять только выработанные имъ результаты, насколько они выясняютъ вопросы научнаго знанія, и отбро-

сить случайные его наросты, въ которыхъ нѣтъ ничего научнаго. Такія поправки необходимы вездѣ и во всемъ, и онѣ дѣлаются безпрестанно, на нашихъ глазахъ. Сколько учрежденій еще недавно считались революціонными только потому, что возникли во время и подъ вліяніемъ революціи, а на дѣлѣ оказались самыми охранительными! То же самое будетъ, рано или поздно, и съ позитивизмомъ. Случайная связь въ немъ положительной науки съ философской доктриной не можетъ и не должна умалять его цѣны и значеніе его метода.

Другое важное недоразумѣніе со стороны Ю. Ѳ. Самарина состоитъ въ томъ, что онъ подозрѣваетъ позитивизмъ, а вмѣстѣ съ нимъ и меня, въ особенномъ предрасположеніи къ явленіямъ, подлежащимъ внѣшнимъ чувствамъ. По его словамъ, позитивизмъ опредѣляетъ степень достовѣрности явленія степенью приближенія его къ матеріальному факту. Въ мысли, что положительная наука имѣетъ дѣло лишь съ осязаемою, внѣшнею стороною людскихъ убѣжденій, Ю. Ѳ. Самаринъ видитъ подтвержденіе своихъ подозрѣній. Мысль эта, по его мнѣнію, противорѣчитъ тому, что̀ я говорю о дѣйствительности и реальности психическаго начала. Допуская въ область положительной науки одни внѣшнія, осязательныя явленія, я будто бы отрицаю дѣйствительность психическихъ фактовъ и признаю ее только за явленіями матеріальными, подлежащими чувствамъ. Отсюда Ю. Ѳ. Самаринъ очень послѣдовательно выводитъ, что психическій фактъ можетъ быть предметомъ не научнаго знанія, а одного личнаго убѣжденія, личнаго сознанія; если же это такъ, то на какомъ основаніи, спрашиваетъ онъ, вводятся въ науку истины, доступныя только сознанію, какъ, напримѣръ, въ моей книгѣ, свобода воли? Не очевидно ли здѣсь произвольное предрасположеніе къ однѣмъ и такое же произвольное отвращеніе къ другимъ истинамъ, съ ними равноправнымъ? Поступая такимъ образомъ, такъ-называемая положительная наука или позитивизмъ оказывается такимъ же матеріализмомъ, только скрытымъ подъ другой формой.

Съ этими замѣчаніями Ю. Ѳ. Самарина трудно согласиться. Онъ неправъ, приписывая позитивизму предрасположеніе къ однимъ явленіямъ, нерасположеніе къ другимъ. Напротивъ, великая заслуга позитивизма въ томъ именно и состоитъ, что онъ далъ психическимъ явленіямъ право гражданства въ наукѣ, наравнѣ съ матеріальными, подлежащими чувствамъ. Можно не соглашаться съ выводами новѣйшихъ психологовъ,—Вундта, Тэна, Бэна, Дж. Ст. Милля и другихъ, но никакъ нельзя упрекнуть ихъ въ томъ, что они относятъ психическіе факты къ числу субъективныхъ явленій и мѣряютъ ихъ достовѣрность масштабомъ явленій матеріальныхъ, подлежащихъ чувствамъ. Напротивъ, каждое новое изслѣдованіе психическихъ явленій, выполненное въ духѣ положительнаго знанія, болѣе и болѣе удаляетъ позитивистовъ отъ такъ-называемой позитивной философіи, и выводы Бэна, въ новомъ его сочиненіи, подъ заглавіемъ: „Душа и тѣло“, служатъ тому убѣдительнымъ подтвержденіемъ. Психическія явленія давно уже перестали быть фактами чисто личными. Наука съумѣла и въ нихъ подмѣтить и опредѣлить внѣшніе, объективные, такъ сказать осязательные признаки, по которымъ эти явленія сдѣлались такимъ же объективнымъ предметомъ научнаго изученія и изслѣдованія, какъ явленія матеріальной природы. Если мнѣ возразятъ, что психическія явленія потому суть предметы личнаго знанія, что они, въ концѣ-концовъ, покоятся на сознаніи, фактѣ по преимуществу личномъ и субъективномъ, то я напомню, что и внѣшнія впечатлѣнія, посредствомъ которыхъ мы знакомимся съ явленіями матеріальнаго міра, точно также покоятся, въ концѣ-концовъ, на личномъ, субъективномъ сознаніи. Съ этой точки зрѣнія, и тѣ и другія явленія совершенно равноправны, и достовѣрность ихъ совершенно одинакова. Значитъ, если положительное научное знаніе психическихъ явленій, какъ фактовъ субъективныхъ, невозможно, то по той же самой причинѣ невозможно и научное знаніе матеріальныхъ явленій, и наоборотъ: доказанная возможность изслѣдовать внѣшнюю природу, какъ объективный фактъ, указываетъ на возможность смотрѣть точно также объективно и на явленія психическаго міра. Пріемы изученія, разумѣется, будутъ другіе, приспособленные къ свойствамъ предмета изученія, но методъ останется одинъ и тотъ же. Критическая разработка матеріала также необходима въ естествовѣдѣніи, какъ и въ психологіи, и какъ въ первой, такъ и въ послѣдней она ведетъ къ классификаціи явленій не по субъективному признаку сознанія, а по объективнымъ признакамъ, одинаково

доступнымъ всѣмъ и каждому, кто выучился и умѣетъ наблюдать и изучать тѣ или другіе факты. Только въ этомъ смыслѣ я и говорю о внѣшности, осязательности психическихъ фактовъ. Въ этомъ же самомъ смыслѣ мы называемъ юридическій законъ внѣшней стороной правды и справедливости, называемъ ту или другую истину очевидной, ощутительной, осязательной, — не думая соединять съ этими выраженіями буквальнаго смысла, примѣнимаго только къ предметамъ, которые подлежатъ внѣшнимъ чувствамъ. Только на основаніи признаковъ внѣшнихъ, осязательныхъ въ этомъ смыслѣ, положительная наука принимаетъ въ свой кругъ одни факты, не принимаетъ другихъ, относя послѣдніе къ числу личныхъ, субъективныхъ.

Все сказанное подробно изложено въ „Задачахъ Психологіи"; Ю. Ѳ. Самаринъ, повидимому, не обратилъ вниманія на тѣ страницы, гдѣ говорится объ объективности психическихъ явленій и ихъ отношеніи къ міру реальному. Поэтому мнѣ остается припомнить здѣсь въ общихъ чертахъ тѣ главныя положенія, на которыхъ я основываю возможность научной психологіи.

Психическія явленія могутъ стать предметами научнаго, объективнаго изученія лишь съ той минуты, когда они обнаружатся въ реальныхъ фактахъ. Но реальные факты мы узнаемъ только посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, и потому Ю. Ѳ. Самаринъ, съ перваго взгляда, какъ-будто правъ, говоря, что положительному знанію доступны только матеріальныя явленія. На самомъ же дѣлѣ, это не совсѣмъ такъ. Непосредственной связи между психическими и матеріальными явленіями мы не знаемъ. Несмотря на всѣ усилія, мы пока съумѣли подмѣтить между матеріальнымъ и психическимъ только постоянное соотвѣтствіе и правильное отношеніе. То же самое должно сказать и объ обнаруженіяхъ психическихъ явленій въ реальномъ мірѣ. Первыя не воплощаются во внѣшнихъ предметахъ, какъ выражались еще недавно, а только пріурочиваются къ матеріальнымъ фактамъ, или, правильнѣе, къ различнымъ сочетаніямъ реальныхъ фактовъ. Вотъ почему всѣ внѣшніе факты, въ которыхъ обнаруживаются психическія явленія, имѣютъ двѣ стороны: какъ матеріальные, они подлежатъ законамъ природы и составляютъ предметъ изслѣдованія естественныхъ наукъ; какъ значки, символы психическихъ явленій, которыя къ нимъ пріурочены, они служатъ матеріаломъ для психологическихъ изслѣдованій. Такъ смѣхъ, мелодія, письмена, памятники архитектуры, любое орудіе или машина представляютъ, въ одно и то же время, и физіологическое, физическое, механическое и т. п. явленіе, и психическое движеніе, выраженіе чувства или мысли, творческое созданіе. Только какъ символъ психическаго явленія, матеріальный фактъ дѣйствуетъ на насъ психически; какъ матеріальное явленіе, онъ вовсе не имѣетъ психическаго значенія. Такъ, напримѣръ, извѣстныя движенія лицевыхъ мускуловъ, сами по себѣ, не производили бы на насъ никакого психическаго дѣйствія, еслибы мы не знали, что къ нимъ пріурочены тѣ или другія психическія движенія.

Пока психическій фактъ не пріуроченъ къ какому-нибудь сочетанію матеріальныхъ фактовъ, онъ есть предметъ личнаго сознанія; но лишь только онъ имѣетъ свой внѣшній значокъ, свой символъ, онъ становится доступнымъ для внѣшнихъ чувствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается предметомъ точнаго, объективнаго, научнаго изслѣдованія и повѣрки, наравнѣ съ предметами естествовѣдѣнія. Читая письмо или книгу, разсматривая художественное произведеніе, мы только потому узнаемъ мысли писавшаго, образъ, носившійся передъ художникомъ, что ихъ психическія движенія пріурочены къ тѣмъ внѣшнимъ явленіямъ, которыя мы разсматриваемъ. Въ этомъ смыслѣ, конечно, справедливо, что положительная наука можетъ имѣть дѣло только съ фактами матеріальнаго свойства и ни съ какими другими, и что безъ такихъ фактовъ никакое психическое явленіе ей недоступно; но несправедливо, будто бы исключительнымъ предметомъ ея изученія можетъ быть только матеріальный фактъ самъ по себѣ или, будто бы, наука осуждена сводить всѣ явленія на факты матеріальнаго свойства. При изученіи психическихъ явленій она пользуется матеріальными данными только какъ значками, символами первыхъ, и знаетъ, что вслѣдствіе пріуроченія психическихъ фактовъ къ матеріальнымъ, первые не переходятъ въ послѣдніе и не становятся сами матеріальными. Но точно также наука знаетъ, что, кромѣ психическихъ фактовъ, пріуроченныхъ къ внѣшнимъ явленіямъ, могутъ быть и такіе, которые не обнаруживаются въ объективныхъ признакахъ, остаются

удѣломъ личнаго сознанія того, въ комъ они происходятъ, и потому навсегда остаются недоступными для ея наблюденій. Наконецъ, положительная наука знаетъ, что есть психическіе факты, обнаружившіеся во внѣшнемъ мірѣ, которые, несмотря на самое тщательное изслѣдованіе, остаются пока необъясненными, точно такъ же, какъ есть многое множество такихъ фактовъ и въ области естествознанія.

Ю. Ѳ. Самаринъ упрекаетъ меня въ томъ, что, признавая чаянія и убѣжденія, доступныя одному личному сознанію, за субъективныя истины, неподлежащія научному изслѣдованію и повѣркѣ, я, однако, не прямо отрицаю ихъ. Но, допуская субъективныя убѣжденія, истинныя по существу, и которыхъ научнымъ путемъ нельзя ни доказать, ни опровергнуть, я не могу отнести къ нимъ такихъ, которыя противорѣчатъ дознаннымъ научнымъ истинамъ. На міръ субъективныхъ убѣжденій я смотрю какъ на необходимое дополненіе къ научному знанію и не допускаю мысли, чтобы первыя могли быть съ послѣдними въ противорѣчіи. Положительная наука далеко не непогрѣшима; выводы ея, конечно, могутъ оказаться ошибочными; но къ такому заключенію можетъ привести лишь критика, повѣрка; въ принципѣ же никакъ нельзя признать, что субъективное убѣжденіе можетъ противорѣчить научному знанію. Если положительное научное изслѣдованіе приводитъ къ выводу, что субъективное убѣжденіе неправильно объясняетъ какой-нибудь психическій фактъ, то не можетъ, мнѣ кажется, быть никакого сомнѣнія въ томъ, что научному объясненію должно быть дано предпочтеніе передъ субъективнымъ, личнымъ взглядомъ.

Наконецъ, Ю. Ѳ. Самаринъ говоритъ, что индукція только показываетъ, а доказываетъ —дедукція. Не знаю, что̀ именно имѣлъ въ виду почтенный критикъ. Не хотѣлъ ли онъ этимъ сказать, что положительная наука не вправѣ требовать доказательствъ, такъ какъ сама она ничего не доказываетъ, а только показываетъ, индукція же не есть доказательство. Если такова его мысль, то онъ едва ли правъ. Современная наука не имѣетъ готоваго синтеза и отыскиваетъ его. Для этого есть только одинъ путь—путь индукціи; дедукція же предполагаетъ выработанный синтезъ, который прилагается къ явленіямъ и которымъ они только повѣряются. Слабая сторона дедукціи, по крайней мѣрѣ какъ она практиковалась въ метафизическихъ ученіяхъ, заключается въ томъ, что готовый синтезъ принимается за истину, неподлежащую повѣркѣ, и если явленіе подъ него не подходитъ, то ошибка предполагается въ пониманіи явленія, а не въ синтезѣ. Индукція есть результатъ сомнѣнія въ непогрѣшимости синтеза и усилій провѣрить его явленіями. Такимъ образомъ, въ дедукціи исходной точкой служитъ общее начало, въ индукціи—явленіе. Въ наше время противополагать оба метода, какъ дѣлаетъ Ю. Ѳ. Самаринъ, едва ли возможно. Современная наука смотритъ на оба метода только какъ на два способа повѣрки, какъ на перекрестный допросъ, производимый съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія, чтобы убѣдиться, въ какой мѣрѣ общее начало строго выведено изъ фактовъ, имъ соотвѣтствуетъ, и въ какой мѣрѣ, наоборотъ, факты отвѣчаютъ общему началу или синтезу. Слѣдовательно, дедукція и индукція не исключаютъ, а дополняютъ другъ друга, работаютъ другъ другу въ руку, содѣйствуя, каждая, съ своей стороны, къ установленію правильнаго, точнаго отношенія между явленіемъ и мыслью. Оба и доказываютъ и показываютъ. Про дедукцію тоже можно сказать, что она не доказываетъ, а показываетъ, когда сравниваетъ явленіе съ началомъ и указываетъ, что первое отвѣчаетъ послѣднему. Въ свою очередь, и индукція доказываетъ, а не показываетъ, выводя общее начало изъ сопоставленія и сравненія явленій.

Перейдемъ теперь къ другому вопросу, по поводу котораго мы также расходимся съ Ю. Ѳ. Самаринымъ, а именно: что̀ такое психическій міръ, и какъ понимать его реальность?

II.

Въ вопросѣ: что̀ такое психическій міръ и какъ понимать его реальность? — мы съ Ю. Ѳ. Самаринымъ стоимъ на различныхъ путяхъ. Отсюда и происходитъ наше коренное разномысліе.

Исходная точка зрѣнія Ю. Ѳ. Самарина, какъ я ее понимаю, есть слѣдующая: единое начало, которое, по моему мнѣнію, выражается въ двухъ рядахъ явленій дѣйствительнаго міра, — матеріальномъ и психическомъ,—по взгляду Ю. Ѳ. Самарина, служитъ

источникомъ тоже для двухъ началъ, но изъ которыхъ одно выражается въ матеріальныхъ явленіяхъ, а другое въ средѣ, имѣющей бытіе и реальность внѣ матеріальнаго міра. Человѣкъ живетъ подъ вліяніемъ и дѣйствіемъ обоихъ. Согласно съ тѣмъ, психическая жизнь человѣка не одно и то же съ психическою жизнью вообще. Психическая среда, по отношенію къ человѣку, такая же внѣшняя, какъ матеріальная природа, и столько же, какъ она, реальная, дѣйствительная. Такъ какъ я объ этой психической средѣ ничего не говорю, то Ю. Ѳ. Самаринъ предполагаетъ, что я ее отрицаю, и видитъ подтвержденіе этой мысли въ томъ, что я будто бы, съ одной стороны, произвожу душу изъ матеріальной природы, а съ другой—смотрю на всѣ факты психическаго свойства, какъ на продукты психической переработки, слѣдовательно, не признаю за ними психической реальности внѣ человѣка. Въ то же время Ю. Ѳ. Самаринъ думаетъ, что такая реальность доступна только личному сознанію, а не наукѣ, которая имѣетъ дѣло лишь съ матеріальными реальностями.

Изъ сказаннаго тотчасъ же становится яснымъ, отчего мы не сходимся въ выводахъ. Ю. Ѳ. Самаринъ стоитъ на точкѣ зрѣнія личныхъ чаяній, субъективнаго убѣжденія, недоступнаго научной, объективной повѣркѣ, но требуетъ, чтобы явленія, неподдающіяся научному знанію, были признаны за объективную, реальную дѣйствительность. Я же стою на точкѣ зрѣнія научнаго, объективнаго изслѣдованія и знанія, а потому имѣю и могу имѣть дѣло только съ истинами, подлежащими повѣркѣ и потому доступными для всѣхъ и каждаго. Я не могу ни доказывать, ни опровергать того, что̀ составляетъ предметъ личнаго сознанія и убѣжденія, и не можетъ быть предметомъ научнаго изслѣдованія. Такимъ образомъ имѣя передъ собою факты различнаго рода и обращаясь къ нимъ съ различнаго рода требованіями, мы естественно приходимъ къ различнымъ выводамъ. Ю. Ѳ. Самаринъ указываетъ на среду, доступную одному личному сознанію, я же могу говорить объ этой средѣ только въ той мѣрѣ, какъ она выражается въ явленіяхъ, подлежащихъ объективному изслѣдованію и повѣркѣ. Для Ю. Ѳ. Самарина реальность психической среды внѣ матеріальной природы несомнѣнна, потому что о ея реальности свидѣтельствуетъ личное сознаніе. Для меня, ищущаго реальности, доступной для всѣхъ, реальною представляется психическая среда въ живомъ человѣкѣ и въ остальной природѣ—въ тѣхъ явленіяхъ, которыя этой средѣ соотвѣтствуютъ. Высшимъ выраженіемъ такой реальности представляется мнѣ человѣческая душа—самостоятельный и самодѣятельный организмъ въ физическомъ тѣлѣ. Объ ея дѣйствительномъ существованіи я заключаю изъ ея внѣшнихъ проявленій, которыя только и могутъ быть предметомъ научнаго, т.-е. объективнаго изслѣдованія. Насколько душа выражается въ явленіяхъ, настолько я объ ней говорю и могу говорить. О фактахъ психическаго свойства, на которые указываетъ Ю. Ѳ. Самаринъ, я не могу говорить, какъ о реальностяхъ, потому что психическій анализъ обнаруживаетъ въ нихъ болѣе или менѣе сложные продукты психическихъ процессовъ, переработывающихъ внѣшнія или внутреннія, матеріальныя или психическія впечатлѣнія. Итакъ, психическую реальность я не отрицаю, но ищу ее не въ томъ и не тамъ, гдѣ видитъ и находитъ ее Ю. Ѳ. Самаринъ.

Но если такъ, то о чемъ же, спрашивается, мы споримъ? Какъ могли мы придти къ коренному разногласію, когда строго говоря, мы только вращаемся въ различныхъ сферахъ и потому могли бы, кажется, никогда не сталкиваться?

Поводъ къ этому подаетъ Ю. Ѳ. Самаринъ, отрицая возможность объективнаго знанія психическихъ явленій и ставя на его мѣсто личное сознаніе и убѣжденіе, которое, не опираясь на положительныя научныя доказательства, имѣетъ однако, по его мнѣнію, характеръ объективной истины. Ставя вопросъ такимъ образомъ, Ю. Ѳ. Самаринъ уничтожаетъ грань между вѣрою и знаніемъ, смѣшиваетъ ихъ и вступаетъ въ область науки, чтобы упразднить ее и замѣнить вѣрой. Вотъ противъ чего я спорю и вотъ откуда происходитъ между нами разномысліе.

Требованіе, сверхъ личнаго сознанія и убѣжденія, еще и научнаго, объективнаго знанія психическихъ фактовъ, не есть дѣло прихоти, а коренится, какъ мнѣ кажется, въ самыхъ условіяхъ существованія человѣка посреди другихъ людей.

Личныя убѣжденія, имѣющія единствен-

нымъ основаніемъ сознаніе и неподлежащія объективной повѣркѣ, могутъ быть весьма различны. Еслибъ люди жили и могли жить въ одиночку, троглодитами, то необходимость объективной истины относительно психическихъ фактовъ, можетъ быть, никогда и не представилась бы ихъ уму. Но человѣкъ роковымъ образомъ вынужденъ быть въ сообществѣ съ подобными себѣ всю свою жизнь, и это наталкиваетъ его, волей-неволей, на исканіе объективной истины по отношенію къ другимъ людямъ, точно также какъ усилія его заставить внѣшнюю природу служить себѣ наводятъ его на исканіе и и открытіе законовъ природы—объективной истины матеріальныхъ явленій. Человѣческое общежитіе было бы совершенно немыслимо, еслибы каждый сталъ дѣйствовать только въ силу своего личнаго сознанія и убѣжденія. Необходимо общее сознаніе, общее убѣжденіе, чтобы согласить благоустроенное общежитіе съ свободною дѣятельностью каждаго отдѣльнаго лица. Въ исторіи термины такого соглашенія являлись то въ видѣ внѣшняго, должнаго, которому люди волей-неволей должны были подчиниться, то въ видѣ договора. Но ни та, ни другая форма не разрѣшаетъ задачи и, рано или поздно, обѣ уступаютъ напору измѣнившихся личныхъ убѣжденій, которымъ не въ состояніи ничего противопоставить. Ключъ къ загадкѣ лежитъ въ подробномъ изученіи человѣка въ отдѣльности и въ общежитіи, и въ выясненіи чрезъ то общихъ законовъ, которыми они управляются. Историческія данныя и добровольныя соглашенія могутъ измѣняться, и по натурѣ своей и тѣ и другія крайне разнообразны; одни общіе законы постоянны; ихъ ни обойти, ни измѣнить нельзя. Эти-то законы, открываемые точнымъ изслѣдованіемъ, сдѣлавшись предметомъ личнаго индивидуальнаго сознанія, обращаются въ личное убѣжденіе и служатъ основаніемъ того кодекса нравственности, которому мы считаемъ себя обязанными добровольно слѣдовать не только во внѣшнихъ своихъ поступкахъ, но и во внутреннихъ движеніяхъ, насколько они зависятъ отъ нашей воли. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что законы нравственности, выведенные изъ положительнаго изученія антропологіи и науки о человѣческомъ общежитіи, совпадаютъ съ правилами нравственности, которымъ учитъ евангеліе, и мимоходомъ указываю въ „Задачахъ психологіи" на такое ихъ совпаденіе. Но, въ то же время, я настаиваю на томъ, что эти правила доступны не одному личному сознанію и убѣжденію, а вмѣстѣ и объективному изслѣдованію, и что они могутъ быть изучены и доказаны съ такою же очевидностью и осязательностью, какъ и всякая другая объективная научная истина. Въ этомъ именно пунктѣ мы существенно расходимся съ Ю. Ѳ. Самаринымъ. По его мнѣнію, религія есть дѣло личной опытности, и только сознаніе свидѣтельствуетъ объ истинахъ религіознаго свойства. Въ то же время Ю. Ѳ. Самаринъ утверждаетъ, что всякое нравственное требованіе теряетъ свою обязательность, если не основано на данныхъ религіознаго свойства. Первое мнѣ кажется безспорнымъ. Религія тѣмъ и отличается отъ науки, что первая говоритъ личному сознанію; а послѣдняя прежде всего стремится установить объективные, обязательные для ума признаки истины. Но съ мыслью, будто нравственное требованіе, не основанное на данныхъ религіознаго свойства, необязательно, никакъ нельзя согласиться. Изъ словъ Ю. Ѳ. Самарина слѣдуетъ, что люди, не носящіе въ въ своемъ сознаніи данныхъ религіознаго свойства, не могутъ быть нравственны въ строгомъ смыслѣ слова. Но данныя религіознаго свойства могутъ быть очень разнообразны и, смотря по вѣроисповѣданіямъ, даже противорѣчивы. Согласно съ тѣмъ и нравственныя требованія могутъ быть весьма различны и даже противоположны другъ другу. Какъ же согласить ихъ въ общежитіи?

Съ своей стороны, я думаю, что къ нравственнымъ убѣжденіямъ ведутъ два пути: личное сознаніе, основанное на данныхъ религіознаго свойства, не поддающихся никакой повѣркѣ, и объективная истина, добытая путемъ научнаго изслѣдованія психическихъ явленій и законовъ человѣческой природы и человѣческаго общежитія. Нравственныя требованія, опирающіяся въ глазахъ однихъ на данныя религіознаго свойства, будутъ, въ глазахъ другихъ, необходимымъ условіемъ нормальнаго существованія человѣка и правильно устроеннаго общежитія. Вотъ почему я и говорю, что въ научномъ смыслѣ этика есть прикладная, практическая часть антропологіи и соціологіи. Когда самодѣятельность, свобода воли, займетъ принадлежащее ей мѣсто въ научной психологіи и такимъ образомъ научная почва для этики будетъ

окончательно завоевана, ученіе о нравственности найдетъ полное свое научное объясненіе и оправданіе въ основныхъ началахъ науки о человѣкѣ и человѣческомъ общежитіи.

Ошибочное воззрѣніе Ю. Ѳ. Самарина проистекаетъ, какъ мнѣ кажется, изъ того, что онъ неправильно смотритъ на отношеніе научнаго знанія къ психическимъ фактамъ, а это, въ свою очередь, объясняется тѣмъ, что въ борьбѣ съ ученіями, въ которой правда, по существу дѣла, на его сторонѣ, а неправда на сторонѣ его противниковъ, онъ принялъ вызовъ на почвѣ, выбранной ими и для нихъ очень выгодной, согласился на ихъ предпосылки, а затѣмъ, уже по необходимости, самъ того не замѣчая, впалъ въ такую же исключительность, какою страдаютъ ихъ взгляды, хотя и въ противоположномъ смыслѣ. Мнѣнія Ю. Ѳ. Самарина и тѣ, противъ которыхъ онъ полемизируетъ, находятся между собою въ неисходномъ, неразрѣшимомъ противорѣчіи. Споръ поставленъ такъ, что каждой сторонѣ остается только утверждать свое, безъ всякой надежды опровергнуть противника и тѣмъ рѣшить задачу убѣдительно для постороннихъ, непричастныхъ спору, но желающихъ узнать, кто же наконецъ правъ и кто нѣтъ. Коренныя современныя заблужденія, строго-логически ведущія къ скептицизму, отрицанію нравственныхъ элементовъ и, въ заключеніе, къ полнѣйшему нравственному индиферентизму, держатся, какъ мнѣ кажется, только отъ того, что мы останавливаемся на окончательныхъ выводахъ ученій и не провѣряемъ критически ихъ первыхъ основаній и исходныхъ точекъ. Но выводы, почти всегда, бываютъ безукоризненно вѣрны; ошибка обыкновенно скрывается въ предпосылкѣ, которая вводится въ аргументацію безсознательно, незамѣтно для самого изслѣдователя. Стало быть, вся сила критики должна быть направлена на самый источникъ ошибокъ; а этого-то Ю. Ѳ. Самаринъ, мнѣ кажется, и не сдѣлалъ. Пораженный нелѣпостью выводовъ, онъ отвернулся отъ нихъ, повѣрилъ на слово противникамъ, что основанія ихъ правильны, и не далъ себѣ труда провѣрить, насколько вѣрны самыя основанія. Точно такъ же, задолго передъ тѣмъ, поступили и его противники съ доктриною, которую онъ защищаетъ. Они точно такъ же обрушились на личное сознаніе за сдѣланные изъ него его поборниками ошибочные выводы. Но очевидно, что этимъ путемъ никуда придти нельзя и надо искать новаго.

Я счелъ необходимымъ остановиться на этихъ соображеніяхъ съ нѣкоторою подробностью, чтобы какъ можно яснѣе представить читателю, въ чемъ именно мы расходимся въ мнѣніяхъ съ Ю. Ѳ. Самаринымъ. Онъ замѣчаетъ, что мои чаянія и стремленія правильны, но они, по его мнѣнію, не вытекаютъ изъ началъ, которыхъ я придерживаюсь; отъ логическихъ послѣдствій основныхъ своихъ воззрѣній я, будто бы, спасаюсь только при помощи счастливой непослѣдовательности. Такъ ли это? Правъ ли Ю. Ѳ. Самаринъ, отвергая положительную науку психическихъ фактовъ изъ-за нелѣпыхъ выводовъ, которые изъ нея дѣлаются, или правъ я, доказывая, что эти выводы вовсе не вытекаютъ изъ положительной науки? Вотъ что̀ необходимо выяснить.

Ю. Ѳ. Самаринъ убѣжденъ, что положительной наукѣ доступенъ только реальный міръ и что она не можетъ подняться до явленій психической жизни. Вслѣдствіе этого, онъ старается опровергнуть мои попытки добраться, путемъ положительнаго знанія, до чисто психическихъ данныхъ. Онъ полагаетъ, будто, по моему мнѣнію, все психическое содержаніе человѣческой души ограничивается внѣшними впечатлѣніями въ непосредственномъ или переработанномъ видѣ, будто бы изъ сказаннаго въ „Задачахъ Психологіи“ выходитъ, что „всѣ наши общія представленія и понятія суть не иное что, какъ психическія переработки матеріальныхъ впечатлѣній“. Но такой взглядъ я не могу принять за свой, и привелъ мѣста изъ своей книги (стр. 89, 95, 103, 105, 110, 139, 163 и 164) въ доказательство, что, кромѣ внѣшнихъ впечатлѣній, я признаю впечатлѣнія психическія, которыя приписываю фактамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ внѣшними впечатлѣніями; что душа отражаетъ въ себѣ свои движенія, состоянія и самое себя, вслѣдствіе чего въ нашемъ умѣ есть представленія, понятія, мысли, не имѣющія прототипа въ впечатлѣніяхъ внѣшняго міра; что Локкъ, указывая на внѣшнія впечатлѣнія и психическіе процессы, какъ на источники представленій, понятій и мыслей, не обратилъ вниманія на третій источникъ, — на прирожденныя свойства психическаго организма.

Ю. Ѳ. Самаринъ не нашелъ этого объяс-

ненія удовлетворительнымъ, и въ отвѣтѣ своемъ говоритъ:

„Приписавъ вамъ мысль, будто бы *всѣ* наши общія представленія и понятія суть не иное что, какъ психическія переработки матеріальныхъ впечатлѣній, я дѣйствительно выразился крайне неточно. Если бы, вслѣдъ за словомъ *всѣ*, я вставилъ слово *начальныя*, тогда моя фраза была бы повтореніемъ положенія, встрѣчающагося на многихъ страницахъ вашей книги (стр, 31, 42, 43, 93, 110, 128, 139, 140, 144, 165 и 166 и т. д.). Но здѣсь я имѣлъ въ виду иную мысль, именно ту, которая въ другомъ мѣстѣ выражена у меня словами: въ той мѣрѣ, въ какой психическая жизнь обусловливается содержаніемъ *извнѣ*, она поставляется въ зависимость только отъ міра вещественнаго. Противъ этого вы кажется и не протестуете, ибо все остальное ея содержаніе (помимо впечатлѣній, получаемыхъ отъ міра вещественнаго),— содержаніе, которое въ свою очередь можетъ сдѣлаться источникомъ новыхъ впечатлѣній, есть не иное что, какъ продуктъ психической переработки первоначальныхъ впечатлѣній, полученныхъ извнѣ. Иначе и быть не можетъ при отрицаніи прирожденности идей, категорій и схемъ съ одной стороны, и при игнорированіи „акта сообщенія данной истины“ съ другой. Дѣйствіе матеріальнаго міра на душу—внѣшнее впечатлѣніе — вотъ изъ чего слагается психическая жизнь. Правда, дополняя Локка, вы указываете еще на *прирожденныя свойства психическаго организма* (стр. 164); но эти свойства дѣлаются доступными сознанію только въ психическихъ процессахъ, въ дѣятельной переработкѣ внѣшнихъ впечатлѣній и, *какъ свойства*, представляются не инымъ чѣмъ, какъ послѣдующимъ отвлеченіемъ отъ цѣлаго рода сознанныхъ умственныхъ операцій, а не самостоятельнымъ и изначальнымъ источникомъ внутреннихъ ощущеній“.

Чтобы вполнѣ понять мысль, выраженную Ю. Ѳ. Самаринымъ въ концѣ, необходимо припомнить слѣдующее мѣсто изъ его возраженій.

„Выходитъ (по моему), что въ той мѣрѣ, въ какой психическая жизнь обусловливается содержаніемъ и побужденіями извнѣ, она поставляется въ зависимость только отъ міра матеріальнаго; всѣ же факты свойства психическаго суть не иное что, какъ продукты внутренней, психической переработки (сравненія, разложенія и обобщенія), слѣдовательно, существуютъ только въ насъ, а не внѣ насъ. Почему такъ? — я не вижу. Вы, мнѣ кажется, впали въ такую же ошибку, въ какой сами уличили крайнихъ идеалистовъ, то-есть вы отвергли реальность и объективность невещественнаго міра на томъ только основаніи, что *понятіе* о немъ зарождается въ нашей субъективной средѣ“.

Разъясненія Ю. Ѳ. Самарина не точно передаютъ то, что сказано въ „Задачахъ Психологіи“, и потому я не могу принять его толкованій. Въ моихъ глазахъ, дѣйствительно, всѣ факты психическаго свойства находятся въ насъ, а не внѣ насъ, и суть результаты психическихъ процессовъ; но я думаю, что матеріалъ, который переработывается послѣдними, не берется исключительно изъ внѣшняго міра; въ составъ этого матеріала входятъ также и первоначальныя, прирожденныя психическія данныя. Невещественный міръ, о которомъ говоритъ Ю. Ѳ. Самаринъ, и есть, по моему взгляду, сама душа съ ея прирожденными свойствами, которыхъ мы не встрѣчаемъ въ матеріальномъ мірѣ и которыя потому мы вынуждены признать за нѣчто новое, необъяснимое законами внѣшняго міра, хотя и существующее въ немъ и въ неразрывной съ нимъ связи. Ю. Ѳ. Самаринъ старается свести психическія данныя, на которыя я указываю, къ переработаннымъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Но, или я выразился не ясно, или онъ неправильно истолковалъ мои слова; во всякомъ случаѣ, съ этимъ взглядомъ невозможно согласиться. Во многихъ мѣстахъ своей книги, я говорю о способности души раздвояться, оставаясь единой, о сознаніи и самосознаніи, о внутреннемъ, психическомъ зрѣніи, о психической самопроизвольности или свободной волѣ, какъ о явленіяхъ, которымъ нѣтъ ничего подобнаго въ матеріальномъ мірѣ. Эти свойства, подобно внѣшнимъ впечатлѣніямъ, отражаются въ душѣ, производятъ психическія впечатлѣнія и переработываются психическими процессами. Ю. Ѳ. Самаринъ ошибочно смѣшиваетъ этого рода данныя съ переработанными внѣшними впечатлѣніями, потерявшими первоначальный свой видъ и поступающими снова въ психическую обработку. Такъ, напримѣръ, понятіе о растеніи, будучи результатомъ многихъ разложеній, отвлеченій и обобщеній, произведенныхъ надъ единичными внѣшними впечатлѣніями, конечно, не похоже ни на одинъ изъ нихъ; оно, конечно, есть продуктъ психическихъ процессовъ, но такой, котораго со-

ставные элементы или данныя почерпнуты изъ дѣйствія на насъ внѣшняго міра. Но что̀ сказать о нашихъ представленіяхъ и понятіяхъ о сознаніи, о двойственности души, о свободной волѣ? Къ какимъ внѣшнимъ, матеріальнымъ впечатлѣніямъ приведетъ насъ анализъ этихъ продуктовъ психической переработки? Напрасно будемъ мы сводить эти представленія и понятія къ реальному міру,—напрасно потому, что они выработаны изъ отраженій въ душѣ ея свойствъ, не имѣющихъ ничего общаго съ внѣшними впечатлѣніями. Ю. Ѳ. Самаринъ замѣчаетъ, что эти свойства дѣлаются доступными сознанію только въ психическихъ процессахъ, въ переработкѣ внѣшнихъ (?) впечатлѣній, и суть лишь отвлеченія (?) отъ умственныхъ операцій, а не самостоятельный, изначальный источникъ внутреннихъ ощущеній. Но, во-первыхъ, свойства души дѣлаются доступными сознанію въ переработкѣ не однихъ внѣшнихъ, но и внутреннихъ, психическихъ впечатлѣній; во-вторыхъ, они—не отвлеченія отъ сознанныхъ умственныхъ операцій, а выказываются какъ ихъ условіе и предпосылка. Но, положимъ, что мы въ самомъ дѣлѣ получаемъ понятіе о свойствахъ души тѣми путями, на которые указываетъ Ю. Ѳ. Самаринъ. Почему же, спрашивается, эти свойства не могли бы быть признаны за самостоятельные и изначальные источники внутреннихъ ощущеній? Потому развѣ, что они не дѣйствуютъ непосредственно на душу? Но свѣтовая и звуковая волна, но атомы и молекулы, но тысячи веществъ, извѣстныхъ намъ въ природѣ только въ соединеніи съ другими, тоже не дѣйствуютъ на душу непосредственно; однако ихъ нельзя же не признать за самостоятельные и изначальные источники внѣшнихъ ощущеній. Изслѣдованіе психическихъ явленій приводитъ къ заключенію, что источникъ ихъ, душа, есть своеобразный организмъ, имѣющій свои прирожденныя свойства, которыя обусловливаютъ характеръ психическихъ явленій, и о которыхъ мы можемъ заключать только анализируя и изучая послѣднія. Но изъ того, что мы не ощущаемъ ихъ непосредственно, еще не слѣдуетъ, что они не могутъ быть источниками внутреннихъ ощущеній.

Въ связи съ этими возраженіями Ю. Ѳ. Самарина находится другое. Я высказываю мысль, что чрезъ весь извѣстный намъ міръ, начиная отъ низшихъ ступеней и до самыхъ высшихъ, повидимому, проходятъ параллельно два ряда явленій, которыхъ сосуществованіе и тѣснѣйшая взаимная связь несомнѣнны, но мы не знаемъ, и до сихъ поръ, несмотря на всѣ усилія, не можемъ, помощью извѣстныхъ намъ пріемовъ изслѣдованія, открыть законъ ихъ взаимной связи. Къ этой мысли приводятъ многія данныя. Въ неорганизованной природѣ мы видимъ сосуществованіе предметовъ и ихъ свойствъ, но не умѣемъ опредѣлить ихъ взаимныхъ отношеній; мы замѣчаемъ, что въ организованной природѣ составныя части организма и самый организмъ—не одно и то же, но не имѣемъ никакихъ средствъ опредѣлить, что̀ такое организмъ по своему существу; наконецъ, мы видимъ рядъ своеобразныхъ явленій, называемыхъ психическими, но не имѣемъ возможности свести ихъ къ матеріальнымъ или реальнымъ явленіямъ. Извѣстная попытка въ этомъ родѣ проф. Сѣченова, вслѣдъ за множествомъ другихъ изслѣдователей, служитъ новымъ доказательствомъ и подтвержденіемъ тщеты подобныхъ усилій. Естественныя науки изучаютъ одинъ изъ указанныхъ двухъ рядовъ, именно, явленія матеріальнаго свойства, открывая дѣйствія законовъ матеріальнаго міра даже тамъ, гдѣ его еще въ недавнее время и не подозрѣвали. Мнѣ, вслѣдъ за многими другими, казалось возможнымъ, по примѣру изслѣдователей природы, сблизить между собою явленія другого ряда на всѣхъ ступеняхъ дѣйствительнаго міра, прослѣдить ихъ взаимную связь и законъ ихъ постепеннаго развитія и усложненія. Въ возраженіяхъ проф. Сѣченову я указываю на пассивную, страдательную роль этого ряда въ неорганизованномъ мірѣ и на постепенное возростаніе, съ каждымъ восходящимъ звеномъ, его дѣятельной, активной роли, которая въ человѣкѣ достигаетъ высшей своей точки. Въ возраженіяхъ Ю. Ѳ. Самарину я обращаю вниманіе на другую характеристическую черту того же ряда, а именно: на низшихъ ступеняхъ этотъ рядъ едва замѣтенъ, онъ почти ничѣмъ не заявляетъ себя, а въ послѣдующихъ онъ все болѣе и болѣе выступаетъ на первый планъ, выдѣляется, и наконецъ въ человѣкѣ, въ его психической жизни и дѣятельности, рѣзко различается отъ другого ряда, получаетъ самостоятельное значеніе и становится самодѣятельнымъ. Такимъ образомъ, все существующее, доступное научному знанію, представляетъ сосуществованіе двоякаго рода

реальностей: матеріальной и нематеріальной. На низшихъ ступеняхъ природы, послѣдняя едва замѣтна; но чѣмъ выше мы поднимаемся вверхъ, къ человѣку, тѣмъ она яснѣе и яснѣе выступаетъ впередъ, выдѣляется, становится самостоятельной и самодѣятельной. Почти стушеванный и едва замѣтный въ неорганизованной природѣ, этотъ рядъ въ человѣкѣ достигаетъ высшей, доступной научному наблюденію точки своего развитія.

Ю. Ѳ. Самаринъ не раздѣляетъ этого мнѣнія и по поводу его замѣчаетъ слѣдующее:

„Сказавъ, что вы мѣстами подаете поводъ считать душу продуктомъ физической природы, я, кажется, только извлекъ смыслъ, заключающійся въ выраженіяхъ: „*высшая ступень и продолженіе* матеріальнаго міра". Отношеніе, подразумѣваемое между фактами, изъ коихъ одинъ происходитъ отъ другого, или отъ ряда другихъ, предполагаетъ два условія: органическое ихъ единство и послѣдовательность ихъ явленія по времени. Оба условія даны въ понятіи *продолженія*. Теперь, удерживая условіе единства, вы отвергаете послѣдовательность, поясняя, что оба элемента: психическій и вещественный, представляются, на разныхъ ступеняхъ развитія, искони сосуществующими въ неразрывной связи, въ самыхъ зачаточныхъ формахъ. Иными словами: не только всѣ проявленія душевной жизни въ человѣкѣ, въ животныхъ, въ растеніяхъ, но и такъ-называемыя силы неорганической матеріи совокупляются *въ одно начало*, и между ними проводится своего рода генеалогическая связь. Что же, однако, общаго между механическими, химическими и физическими свойствами тѣлъ съ одной стороны, и памятью, самосознаніемъ, свободою съ другой, кромѣ развѣ названія *силы*, придаваемаго тѣмъ и другимъ? Кажется и Dubois Raymond, въ недавно произнесенной имъ рѣчи, сравнивалъ отношеніе души къ тѣлу съ отношеніемъ матеріи къ силамъ; но онъ выводилъ изъ этого сопоставленія только необъяснимость обоихъ отношеній, и сколько мнѣ помнится, не шелъ далѣе. Производить душу отъ матеріи, или утверждать, что одно и то же начало, въ различныхъ моментахъ своего развитія, является сперва въ формѣ вещественныхъ, а затѣмъ психическихъ силъ, одинаково произвольно. Въ научномъ отношеніи, вторая гипотеза ничѣмъ не лучше первой, а на практикѣ вліяніе обѣихъ на темпераментъ и настроеніе души современнаго человѣка не можетъ не быть одинаково".

Мысль, что психическая жизнь есть высшая ступень и продолженіе матеріальнаго міра, или что невещественное начало заявляетъ себя, хотя весьма слабо и едва замѣтно, уже въ зачаточныхъ явленіяхъ матеріальнаго міра, есть, конечно, гипотеза, на которой я особенно не настаиваю и которая, строго говоря, лежитъ внѣ моей задачи. Она невольно вылилась у меня изъ-подъ пера, въ виду матеріалистическихъ и идеалистическихъ воззрѣній, изъ которыхъ одни совсѣмъ отрицаютъ самостоятельность и самодѣятельность психическихъ элементовъ; другіе, напротивъ, выносятъ ихъ вонъ изъ предѣловъ дѣйствительнаго міра. Полемизируя противъ тѣхъ и другихъ и отстаивая основную свою мысль, именно, что съ научной точки зрѣнія нельзя ни отрицать самостоятельнаго и самодѣятельнаго психическаго начала въ дѣйствительномъ мірѣ, ни доказать его метафизическаго бытія, я вынужденъ былъ коснуться вопросовъ, не входящихъ въ кругъ психологическихъ изслѣдованій, чтобъ обнаружить слабость философскихъ теорій, которыя опровергаю. Какъ разсуждаютъ матеріалисты и идеалисты? Первые втягиваютъ психическія явленія въ кругъ явленій соматическихъ; а между тѣмъ, съ перваго же шага, на самыхъ низшихъ ступеняхъ природы, мы встрѣчаемся съ двумя рядами явленій, которыхъ связи и отношенія не знаемъ. Оказывается, что вопросъ о вещественномъ и невещественномъ мірѣ начинается не съ психической жизни человѣка, а гораздо раньше, въ той области, которая, казалось, безповоротно и исключительно закрѣплена за естествознаніемъ. Идеалисты, наоборотъ, хотѣли бы обособить психическую природу человѣка, выдѣлить ее изъ реальнаго міра и пріурочить къ міру метафизическому. Противъ этой гипотезы положительная наука можетъ выставить тотъ же самый фактъ, который выше приведенъ противъ матеріалистовъ,—именно тотъ, что не въ одной психической природѣ человѣка мы встрѣчаемся лицомъ къ лицу съ невещественнымъ началомъ, а вездѣ, всюду, куда ни обратимся. Между различными проявленіями этого начала на различныхъ ступеняхъ развитія я не привожу генеалогической связи, какъ говоритъ Ю. Ѳ. Самаринъ, ибо мы не можемъ доказать происхожденія одной ступени изъ другой; но разныя формы, въ которыхъ это невещественное начало обнаруживается, мы можемъ сопоставлять, срав-

пивать между собою и изъ этого сравненія дѣлать заключенія о бо̀льшей или меньшей ихъ относительной развитости, полнотѣ и совершенствѣ. Ю. Ѳ. Самаринъ спрашиваетъ: что̀ общаго между механическими, физическими и химическими свойствами тѣлъ съ одной стороны, и памятью, самосознаніемъ, свободою—съ другой, кромѣ названія „силы“? Если сравнивать ихъ непосредственно, то конечно, нѣтъ ничего между ними общаго. Но въ общей связи явленій между тѣми и другими можно указать не одну аналогическую черту. Во-первыхъ, механическія, физическія и химическія свойства тѣлъ также составляютъ факты, неподлежащіе чувствамъ, какъ и указанные выше психическіе факты; во-вторыхъ, тѣ и другіе одинаково обнаруживаются не непосредственно, а въ явленіяхъ; въ-третьихъ, отношеніе и тѣхъ и другихъ къ тѣламъ, въ которыхъ происходятъ, одинаково неизвѣстно; извѣстно только ихъ сосуществованіе съ тѣлами; въ-четвертыхъ, тѣми и другими опредѣляются существенные, характерные признаки тѣлъ, по которымъ мы отличаемъ ихъ одни отъ другихъ. Затѣмъ, безъ сомнѣнія, память и тяжесть, самосознаніе и химическое сродство не могутъ быть сравниваемы между собою. Но если припомнить, что механическія, химическія и физическія свойства обнаруживаются не иначе, какъ вслѣдствіе внѣшняго возбужденія, а память, самосознаніе суть необходимыя условія психической самостоятельности и самодѣятельности, и что послѣдняя выражается въ свободѣ, то окажется, что и ихъ сопоставленіе наводитъ на мысль о пассивности механическихъ, физическихъ и химическихъ свойствъ тѣлъ и о самодѣятельности, активности психическаго начала. Изученіе промежуточныхъ формъ между этими двумя оконечностями подтверждаетъ ту же мысль, представляя рядъ звеньевъ, въ которыхъ пассивное отношеніе къ окружающему мало-по-малу переходитъ въ активное, дѣятельное.

Повторяю: отстаивая научное знаніе въ области психологіи и встрѣчая на своемъ пути философскія системы, построенныя на гипотезахъ, я невольно, самъ того не замѣчая, увлекся и противопоставилъ имъ другую гипотезу. Она во всякомъ случаѣ не хуже указанныхъ, а между тѣмъ даетъ возможность избѣжать ошибокъ реализма и идеализма. Но всякая гипотеза, разумѣется, не болѣе, какъ субъективное убѣжденіе и чаяніе, пока успѣхи положительнаго научнаго знанія не придадутъ ей характера несомнѣнной объективной истины.

Какъ бы то ни было и какъ бы кто ни взглянулъ на мою гипотезу, я во всякомъ случаѣ не могу согласиться съ Ю. Ѳ. Самаринымъ, что на практикѣ вліяніе этой гипотезы на темпераментъ и настроеніе души современнаго человѣка не можетъ не быть одинаково съ теоріями реализма и позитивизма. Слабую сторону того и другого составляетъ то, что въ нихъ нѣтъ мѣста для личности, для ея цѣлей, для творческой самодѣятельности и свободы. Я не могу понять, почему бы на темпераментъ и настроеніе современнаго человѣка могла дѣйствовать одинаково съ реалистическими ученіями доктрина, которая, твердо установивъ объективные законы нравственнаго порядка и тѣмъ положивъ научное основаніе этики, въ то же время разъясняетъ свободное отношеніе къ этимъ законамъ каждаго отдѣльнаго человѣка? Зная, что тѣ или другіе наши поступки должны имѣть неизбѣжныя для насъ самихъ послѣдствія, или непосредственныя или чрезъ посредство общественнаго организма, мы тѣмъ съ бо̀льшимъ убѣжденіемъ будемъ дѣлать одно, не дѣлать другого, въ виду нашихъ личныхъ и общественныхъ цѣлей, точно такъ же какъ мы сообразуемся съ законами природы, подчиняя ее своимъ цѣлямъ, или какъ мы слѣдуемъ совѣту врача, когда прибѣгаемъ къ его помощи. На темпераментъ и настроеніе души вредно можетъ дѣйствовать только убѣжденіе, что мы не властны свободно поставить себѣ цѣль и настойчиво ее преслѣдовать, что мы дѣйствуемъ не свободно и во всѣхъ нашихъ поступкахъ, каковы бы они ни были, являемся только слѣпыми исполнителями рокового закона, котораго ни отвратить, ни избѣжать не можемъ. Такой взглядъ, убивающій личный починъ въ самомъ принципѣ и предполагающій полное отрицаніе индивидуальности, не имѣетъ ничего общаго съ задачами научнаго знанія. Послѣднее, при удержаніи личной самопроизвольности и свободы, служитъ только къ большему и сильнѣйшему убѣжденію въ необходимости нравственнаго настроенія, безъ котораго немыслимо никакое общежитіе, даже если и допустить, что оно ни на чемъ другомъ не основано, какъ на одномъ внѣшнемъ, для

всѣхъ равно обязательномъ юридическомъ законѣ.

Вотъ заключенія, къ которымъ я пришелъ, разсмотрѣвъ, со всевозможнымъ вниманіемъ, возраженія Ю. Ѳ. Самарина относительно реальности психическаго элемента. Идя строго научнымъ путемъ, нельзя не признать, что психическое начало существуетъ реально и что оно опредѣляетъ собою цѣлый рядъ явленій дѣйствительнаго міра; но нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы признать, какъ научную истину, метафизическую реальность этого начала. Убѣжденіе въ его метафизической реальности можетъ зародиться въ субъективномъ, личномъ сознаніи, и не трудно указать на основанія, изъ которыхъ такое убѣжденіе можетъ сложиться. Метафизическій міръ можно построить за предѣлами дѣйствительнаго міра, какъ его предполагаемое дальнѣйшее продолженіе; но ни доказывать, ни опровергать его нельзя. Ю. Ѳ. Самаринъ особенно настаиваетъ на реальной дѣйствительности этого міра. Я, съ своей точки зрѣнія, не пойду за нимъ, но и не стану съ нимъ спорить. Оставаясь въ предѣлахъ положительной науки, я искренно сочувствую его усиліямъ отстоять права личнаго сознанія, субъективнаго убѣжденія, но во имя той же положительной науки вынужденъ буду стать въ ряды его противниковъ, если онъ потребуетъ чтобы субъективное убѣжденіе было признано за объективную истину, обязательную для всѣхъ. Мнѣ кажется, что на этихъ терминахъ могутъ быть размежеваны и соглашены между собою индивидуальное и общее, субъективное и объективное. Заслуга, которая должна быть признана за мнѣніями Ю. Ѳ. Самарина, существенно состоитъ въ томъ, что онъ беретъ подъ свою защиту начало личности, индивидуальности, заброшенное и забытое въ наше время, вслѣдствіе крайне односторонняго направленія научнаго знанія. Это-то полное пренебреженіе къ психической сторонѣ индивидуальности, лица, и есть больное мѣсто господствующихъ воззрѣній и цѣлой эпохи. Но вѣрная въ своемъ основаніи мысль Ю. Ѳ. Самарина ослабляется, какъ мнѣ кажется, тѣмъ, что она ставится имъ безусловно и потому односторонне. Истина личная и истина общая, субъективная и объективная, могутъ примириться и жить рядомъ, только съ той минуты, когда каждая изъ нихъ будетъ введена въ свои границы, а ихъ можетъ обозначить одна лишь положительная наука. Ю. Ѳ. Самаринъ говоритъ мнѣ, что я стою на остріѣ ножа, и долженъ или окончательно перейти къ лагерь матеріалистовъ, или взять назадъ многое изъ того, что̀ ему уступилъ. Это замѣчаніе, кромѣ своего буквальнаго смысла, заключаетъ въ себѣ, если не ошибаюсь, другой, болѣе глубокій. Мнѣ слышится въ немъ такое разсужденіе: возможно ли съузить и взнуздать свою мысль до того, чтобъ она остановилась тамъ, гдѣ ей прикажутъ? Неужели отвѣтъ: „не знаю“, можетъ поставить ей такую преграду, чрезъ которую она не будетъ пытаться перескочить, чтобы пуститься на новые и новые поиски? Довести смиреніе мысли до того, чтобъ она отказалась отъ порываній за предѣлы такъ-называемаго положительнаго знанія, не значитъ ли оскопить ее? Кто же въ состояніи это сдѣлать? А если это невозможно, то что̀ же значатъ всѣ усилія положительнаго знанія, — этой паутины, которая насъ вяжетъ до тѣхъ только поръ, пока намъ не вздумается разорвать ее?

Отвѣтъ на эти вопросы заключается въ томъ, что̀ я сказалъ выше объ отношеніи истины субъективной и научной. Строго разграниченныя, онѣ не мѣшаютъ одна другой. Вѣра и знаніе примирятся, когда наука совершитъ полный свой кругъ. Вѣра, по существу своему, не можетъ быть доказана, а положительное знаніе, въ смыслѣ отвѣта на задаваемые мыслью вопросы, дѣйствительно оказывается безсильнымъ. Оно не въ состояніи теперь разрѣшить всѣ такіе вопросы, и врядъ ли когда-нибудь будетъ въ состояніи разрѣшить ихъ, при всевозможныхъ успѣхахъ наукъ. Мнѣ представляется, что, изслѣдуя психическіе элементы далѣе и далѣе въ направленіи, указанномъ Локкомъ и Кантомъ, вырабатывая до возможной тонкости психологическій анализъ, мы упразднимъ массу вопросовъ, неразрѣшимыхъ теперь только потому, что они неправильно поставлены. Но не будучи и затѣмъ въ состояніи дать ключа къ разгадкѣ всѣхъ явленій, къ разрѣшенію всѣхъ задачъ, научное знаніе по крайней мѣрѣ строго и точно разграничитъ личныя убѣжденія отъ неоспоримыхъ, хотя и относительныхъ истинъ, на которыя каждый, разсуждающій о предметѣ, волей-неволей, долженъ согласиться, передъ которыми онъ долженъ сдаться, въ виду неоспоримыхъ

доказательствъ. Инстинктъ любознательности вымученъ у рода человѣческаго насущною потребностью выработать сумму положеній, на которой сходились бы въ одно разнообразнѣйшіе люди и ихъ разнообразнѣйшія убѣжденія. Медленно, но неудержимо совершается дѣло такого неотразимаго объединенія племенъ, народовъ и поколѣній; съ каждымъ новымъ его шагомъ, кругъ личныхъ, т.-е. субъективныхъ убѣжденій, какъ сказано, неизбѣжно долженъ съуживаться, кругъ общихъ, объективныхъ, напротивъ, расширяться. Намъ теперь этотъ процессъ представляется пока въ видѣ непримиримой борьбы партій, въ видѣ дерзкаго посягательства на личныя вѣрованія, въ видѣ „отравы", какъ говоритъ Ю. Ѳ. Самаринъ. Но выше я старался объяснить, что отрицательный характеръ положительнаго знанія есть результатъ ближайшей его исторіи, есть временный наростъ, который отпадетъ самъ собою, когда послѣдніе отголоски дуализма, изъ котораго выросла и посреди котораго развилась современная положительная наука, замрутъ передъ великимъ умственнымъ и нравственнымъ единеніемъ. Ю. Ѳ. Самаринъ нѣсколько разъ ссылается на истины, которыхъ доказать нельзя, но которыя мы принимаемъ съ внутреннимъ убѣжденіемъ и которыя ему одному только и доступны. Разъ, выбравшись изъ борьбы партій, положительная наука не будетъ отрицать такихъ убѣжденій; она только опредѣлитъ ихъ границы, за которыми личное убѣжденіе становится въ противорѣчіе съ великимъ дѣломъ единенія. Въ этомъ смыслѣ положительное знаніе работаетъ надъ разрѣшеніемъ той же задачи, какую преслѣдуютъ общественныя учрежденія, воспитаніе, цивилизація; только по своему объективному характеру, она общѣе обнимаетъ задачу и прочнѣе достигаетъ цѣли. Мы иногда не замѣчаемъ этого, вслѣдствіе того, что принимаемъ за науку ея различныя историческія фазы и переходныя ступени, и смѣшиваемъ съ нею тѣхъ или другихъ изъ ея временныхъ представителей и дѣятелей...

Перейдемъ, въ заключеніе, къ тому пункту, на который Ю. Ѳ. Самаринъ направляетъ главную силу своей аргументаціи.

III.

Ю. Ѳ. Самаринъ возстаетъ въ особенности противъ моей попытки открыть и установить научныя основанія самопроизвольности. Онъ вполнѣ признаетъ свободу воли, но она, по его мнѣнію, не можетъ быть выведена изъ научныхъ предпосылокъ, пріемами положительнаго знанія. Такимъ образомъ, по этому предмету, наше разногласіе относится, повидимому, не къ существу дѣла, а только къ методу изслѣдованія. Но по свойству нашего разномыслія о свободѣ воли, вся суть вопроса, въ настоящемъ случаѣ, и заключается въ правильности или неправильности метода. Ю. Ѳ. Самаринъ вполнѣ правъ, говоря, что для меня самопроизвольность или свобода воли есть „ключъ позиціи". Въ самомъ дѣлѣ, вся моя книга есть лишь опытъ выяснить научныя основанія самопроизвольности, и если мнѣ это не удалось, то самая книга не имѣетъ никакой цѣны и никакого значенія. Напротивъ, еслибы попытка моя оказалась удачной, то всѣ возраженія противъ нея существенно утратили бы свою убѣдительность и силу. Многіе относятся къ наукѣ съ недовѣріемъ только потому, что она не даетъ ключа къ объясненію свободной воли и нравственной отвѣтственности, и, къ сожалѣнію, они вполнѣ правы. Этотъ пробѣлъ я отношу къ односторонности господствующаго въ наше время научнаго направленія; но Ю. Ѳ. Самаринъ идетъ далѣе и думаетъ, что такая односторонность лежитъ въ самомъ существѣ, въ точкахъ отправленія, условіяхъ и пріемахъ научнаго знанія. Остается рѣшить, кто изъ насъ правъ. Мнѣ представляется этотъ пунктъ капитальнымъ въ нашемъ спорѣ. Все остальное — только приготовленіе къ бою, осмотръ и повѣрка оружія. На мое горе у меня нѣтъ союзниковъ. Противники Ю. Ѳ. Самарина, отрицая самопроизвольность, обѣими руками подписываютъ его приговоръ наукѣ, и аргументація его противъ положительнаго знанія получаетъ, вслѣдствіе того, особенный вѣсъ и силу.

Доводы Ю. Ѳ. Самарина противъ того, что я говорю въ „Задачахъ Психологіи" въ доказательство присутствія въ человѣкѣ свободной воли, существенно заключаются въ слѣдующемъ: всѣ событія, въ объективномъ смыслѣ, будто бы, по моему же признанію, необходимы; случайныхъ и произвольныхъ

событій нѣтъ. Значитъ, когда мы считаемъ дѣйствіе произвольнымъ, намъ это только такъ кажется, потому что мы необходимой причины его не знаемъ. Этимъ вопросъ, по мнѣнію Ю. Ѳ. Самарина, вполнѣ исчерпывается: произвольности нѣтъ. Однако, я все-таки ее отыскиваю и для этого перечисляю всѣ дѣйствія непроизвольныя, относя къ числу ихъ даже тѣ, которыя выходятъ какъ результатъ борьбы разнородныхъ побужденій, и признавая, что каждое ощущаемое побужденіе дѣйствуетъ необходимымъ образомъ и вызываетъ непроизвольные поступки. Что же остается? Казалось бы, поступки, совершаемые безъ побужденій? Но я говорю, что такихъ поступковъ нѣтъ. Произвольный поступокъ отъ непроизвольнаго отличается только тѣмъ, что въ первомъ побужденіе вызвано самимъ дѣйствующимъ лицомъ, а во второмъ побужденіе дано и отъ человѣка не зависитъ. Но вѣдь актъ выбора побужденія самъ по себѣ есть уже поступокъ. А такъ какъ поступка безъ побужденія нѣтъ, то онъ вызванъ какимъ-нибудь побужденіемъ, значитъ не есть произвольный. Я стараюсь выйти изъ этого затрудненія тѣмъ, что приписываю актъ самому человѣку совершенно въ спокойномъ состояніи, отрѣшившемуся отъ всякихъ побужденій, волненій и страстей. Но, во-первыхъ, совершенно спокойное состояніе не можетъ быть условіемъ ни выбора, ни вообще какого бы то ни было процесса, ибо исключаетъ его возможность; да такое состояніе и немыслимо. Человѣкъ можетъ только настроивать себя такъ или иначе, и вслѣдствіе того только расширять или съуживать кругъ своихъ самопроизвольныхъ дѣйствій. Во-вторыхъ, самъ человѣкъ, въ отличіе отъ человѣка мыслящаго, чувствующаго и желающаго, и есть человѣкъ самъ по себѣ— то отвлеченное, безсодержательное понятіе, которое мною же, вмѣстѣ съ другими сущностями, объявлено фикціей, не имѣющей реальнаго, дѣйствительнаго бытія; въ-третьихъ, отвлеченная мысль, на которой сознательно остановилось вниманіе, есть уже мысль, ставшая въ извѣстное отношеніе къ ощущающему субъекту. Выбора между многими отвлеченными понятіями и представленіями нѣтъ; кажущійся выборъ есть тоже механическая борьба когда-то пережитыхъ, воскресающихъ побужденій; наконецъ, въ-четвертыхъ, самопроизвольность не имѣетъ объективныхъ признаковъ. Она только сознается человѣкомъ и потому не можетъ быть доказана положительной наукой; слѣдовательно, попытка ввести свободу воли въ кругъ положительнаго знанія не можетъ не быть безуспѣшна.

Внимательно разсмотрѣвъ всѣ эти возраженія, я нахожу, что они, главнымъ образомъ, вызваны моимъ способомъ изложенія, который, сознаюсь, могъ подать Ю. Ѳ. Самарину поводъ ошибочно истолковать мою мысль.

Прежде всего замѣчу, что вся моя аргументація въ пользу самопроизвольности не есть догматическая, а полемическая. Такой ея характеръ опредѣлился въ виду прочно установившагося въ мыслящихъ слояхъ отрицанія самопроизвольности дѣйствій и строго реалистическаго направленія. Но извѣстно, что полемизировать съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ можно не иначе, какъ ставъ на почву противника, принявъ его точку зрѣнія и выводя изъ нея же самой ошибочность сдѣланныхъ заключеній. Такого пріема держался и я, стараясь отвоевать у реализма научныя основанія самопроизвольности. Вмѣсто того, чтобы принять за точку отправленія психическій фактъ, я, вмѣстѣ съ моими противниками, обратился сперва къ внѣшней, матеріальной сторонѣ поступка и отъ нея шелъ далѣе, къ внутренней, психической. Доводы ихъ противъ самопроизвольности, казавшіеся мнѣ сильными, я спѣшилъ признать; отъ фактовъ, подававшихъ поводъ къ двоякому толкованію, въ пользу и противъ свободы воли, я счелъ полезнымъ отказаться. Я убѣжденъ, что Ю. Ѳ. Самаринъ не обратилъ бы противъ меня многаго изъ того, что я говорю, если бы онъ замѣтилъ эту вынужденную особенность моего изложенія. Онъ, конечно, согласится, что не настаивать на фактѣ, потому что онъ подлежитъ двоякому толкованію, и согласиться съ толкованіемъ, которое даетъ этому факту противникъ,—двѣ вещи весьма различныя. Между тѣмъ Ю. Ѳ. Самаринъ нерѣдко принимаетъ одно за другое, и вслѣдствіе того приписываетъ мнѣ взгляды моихъ противниковъ. Такъ онъ полемизируетъ противъ мысли, что случайности и самопроизвольности нѣтъ, а есть одна необходимость. Но я подробно говорю о нихъ на стр. 156 и 157, 232 и 233, и вездѣ оспариваю взглядъ, который Ю. Ѳ. Самаринъ считаетъ за мой. Правда, на стр. 156 у меня сказано, что наука,

смотря на понятія о случайности и самопроизвольности съ объективной точки зрѣнія, признаетъ одну необходимость; но тутъ я выразился не точно, и подъ наукой вообще разумѣлъ науку, изслѣдующую матеріальные факты. Въ этомъ можно удостовѣриться, сличивъ сказанное въ приведенныхъ мѣстахъ съ тѣмъ, что я говорю на стр. 35 и 36 о невозможности получить какое-нибудь понятіе о самопроизвольности посредствомъ изученія матеріальной, внѣшней стороны исполненнаго дѣйствія. Въ другихъ мѣстахъ я особенно налегаю на то, что явленія, подлежащія внѣшнимъ чувствамъ, не суть единственные предметы научнаго изслѣдованія.

Далѣе, на стр. 188 и 189, я дѣйствительно доказываю, что совершеніе поступка наперекоръ матеріальнымъ побужденіямъ, по внушенію психическихъ мотивовъ или убѣжденій разсудка, не есть еще признакъ самопроизвольности. Такъ какъ противъ самопроизвольности такихъ поступковъ можно возражать указаніемъ на механическую борьбу данныхъ мотивовъ, то я находилъ неудобнымъ ссылаться на такіе поступки въ доказательство самопроизвольности. Но Ю. Ѳ. Самаринъ выводитъ изъ этого мѣста, будто бы, по моему мнѣнію, въ такихъ поступкахъ свободная воля ни въ какомъ случаѣ не участвуетъ. На возраженія мои, что я этого нигдѣ не говорю и не думаю, онъ пишетъ слѣдующее:

„Послѣднія два слова: *не думаю*, я принимаю съ радостью, какъ существенное amendement къ вашей книгѣ, которое потребуетъ, вѣроятно, нѣкотораго дополненія главы VII. На начальныя же слова: „*не говорю*“—позвольте возразить справкою (затѣмъ приводятся мѣста со стр. 188, 190 и 191). Та же мысль, повторенная и на стр. 194, еще яснѣе высказывается въ опредѣленіи условій, при которыхъ только и можетъ обнаружиться психическая свобода; всѣ они рѣшительно исключаютъ то сомнѣніе, въ которомъ находится человѣкъ въ моментъ борьбы побужденій: „совершенное спокойствіе, отсутствіе всякаго волненія или возбужденія, или аффекта“. Таковы же всѣ подобранные примѣры такъ-называемой произвольной дѣятельности (стр. 192, 193, 196, 199). Остается объяснить, почему признаніе за психическою свободою способности участвовать, въ качествѣ самостоятельнаго фактора, въ борьбѣ побужденій, потребуетъ передѣлки главы VII. Придется, вѣроятно, признать цѣлую категорію поступковъ, вызванныхъ побужденіями *невольными*, но овладѣвшими человѣкомъ и перешедшими въ дѣйствіе только потому, что эта присущая въ душѣ способность на сей разъ *вольно* обрекла себя на бездѣйствіе, воздержалась отъ употребленія въ дѣло самой себя, очистила мѣсто для законовъ механики и этимъ своимъ вольнымъ безучастіемъ и попущеніемъ все-таки отрицательно участвовала въ поступкѣ, который, вслѣдствіе этого, и получаетъ характеръ вольнаго. Объ этой категоріи нигдѣ въ книгѣ не упоминается; она даже подразумѣвательно отрицается на стр. 190, 193, 198 и др. Замѣтьте, что я не утверждаю, чтобы всѣ сознательныя дѣйствія безъ исключенія были положительно или отрицательно вольны и нисколько не отрицаю категоріи дѣйствій, совершаемыхъ роковымъ образомъ, въ силу непреоборимыхъ побужденій, даже не матеріальныхъ, а психическихъ. Возможность ихъ объясняется возможностью предшествующаго имъ момента самоубійства воли“.

Замѣчаніе это совершенно справедливо, и я принимаю его тѣмъ охотнѣе, что оно поправляетъ мое ошибочное изложеніе. Обративъ, въ виду полемики, все вниманіе исключительно на одну чистую, безпримѣсную форму самопроизвольности, именно на ту, гдѣ воля дѣйствуетъ при отсутствіи всякихъ побужденій, я забылъ про смѣшанныя, гдѣ она выступаетъ рядомъ съ данными, непроизвольными побужденіями. При такихъ смѣшанныхъ формахъ происходитъ одно изъ двухъ: или мы подавляемъ, заставляемъ молчать побужденія и затѣмъ дѣлаемъ между ними выборъ, какъ и въ томъ случаѣ, когда никакая страсть не волнуетъ душу; или же, напротивъ, мы воздерживаемся отъ всякаго вмѣшательства въ борьбу побужденій, которая рѣшается по законамъ психо-динамики, перевѣсомъ болѣе сильнаго побужденія надъ болѣе слабымъ. Сознательно-умышленное, преднамѣренное воздержаніе отъ вмѣшательства въ борьбу побужденій есть, безъ сомнѣнія, тоже дѣятельность воли, такая же вмѣняемая, какъ и всякая другая, хотя дѣйствіе ея и выражается отрицательно — воздержаніемъ отъ дѣйствія.

Ю. Ѳ. Самаринъ приписываетъ мнѣ также мысль, будто бы „всякое опредѣленное душевное состояніе (иначе: всякое ощущаемое побужденіе) дѣйствуетъ на человѣка необходимымъ образомъ и вызываетъ непроизвольные поступки“. Въ такой безусловной и категорической формѣ я не могу признать

эту мысль за свою и, несмотря на разъясненія, сдѣланныя мнѣ впослѣдствіи Ю. Ѳ. Самаринымъ, остаюсь при этомъ мнѣніи. Всякое ощущаемое побужденіе дѣйствуетъ на человѣка необходимымъ образомъ и вызываетъ непроизвольные поступки только при двухъ условіяхъ: во-1-хъ, когда нѣтъ другого побужденія, или другихъ побужденій, которыя его перевѣшиваютъ или пересиливаютъ; во-2-хъ, когда самопроизвольность, по той или другой причинѣ, бездѣйствуетъ, не подавляетъ его. Самъ критикъ совершенно справедливо замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, что если человѣкъ пропуститъ послѣднюю минуту, когда онъ еще могъ пересилить въ себѣ искушеніе, то съ этой минуты побужденіе пріобрѣтаетъ „надъ душою власть неодолимую, и она „идетъ“ ко дну, какъ камень, падающій въ силу закона динамики“. Только въ этомъ смыслѣ я и разумѣлъ власть побужденія надъ душою, когда оно или вызвано волею или не подавлено ею. Побужденіе, въ этомъ смыслѣ, можно сравнить съ гирей, или бабой, которой вбиваются сваи, или съ молотомъ, которымъ бьютъ по наковальнѣ; пока веревка не выпущена, или пока рука не опустилась, гиря и молотъ бездѣйствуютъ; но разъ веревка выпущена, или рука опустилась, дѣйствіе дѣлается роковымъ, неизбѣжнымъ, по законамъ механики. То, что сказано въ „Задачахъ Психологіи“ на страницахъ 194 и 195, служитъ подтвержденіемъ такой ограниченной, условной власти ощущаемаго побужденія, а не безграничной и не безусловной, какую предполагаетъ Ю. Ѳ. Самаринъ. „Вы заявляете,—говоритъ онъ,—что выборомъ, въ дѣйствительномъ и точномъ смыслѣ слова, можетъ быть названъ только тотъ, который дѣлается *безъ всякаго* побужденія. Не значитъ ли это, что ощущеніе побужденія, само по себѣ, исключаетъ проявленіе психической свободы?“ Дѣлая это возраженіе, Ю. Ѳ. Самаринъ опять опустилъ изъ виду полемическій характеръ книги. Ощущеніе побужденія, само по себѣ, безъ одобренія или попущенія воли, остается ощущеніемъ и не переходитъ никогда въ дѣйствіе. Утверждая, что выборъ въ точномъ смыслѣ слова предполагаетъ совершенное отсутствіе побужденія, я высказалъ ту, мнѣ кажется, безспорную мысль, что дѣйствіе, вызванное побужденіемъ, котораго мы не замѣчаемъ, кажется самопроизвольнымъ, но на самомъ дѣлѣ оно не есть такое. Пока дѣйствуетъ побужденіе помимо воли, самопроизвольности нѣтъ; когда начинаетъ дѣйствовать воля, побужденіе замираетъ, въ смыслѣ мотива дѣйствія или поступка. Очень можетъ быть, что я выразился не довольно точно; но вотъ мысль, которую я желалъ выразить.

Вся дальнѣйшая аргументація Ю. Ѳ. Самарина, выведенная изъ сопоставленія моихъ разсужденій и выводовъ, также вертится на неправильномъ толкованіи моихъ словъ.

„Для спасенія произвольности, — говоритъ онъ, — нужно бы признать категорію дѣйствій сознательныхъ и въ то же время совершаемыхъ безъ всякаго побужденія. — Такихъ нѣтъ, — отвѣчаете вы, ибо и произвольныя дѣйствія совершаются не безъ побужденія; но отличительная ихъ особенность состоитъ въ томъ, что побужденіе къ нимъ вызывается (или выбирается) произвольно самимъ дѣйствующимъ лицомъ. Но читателямъ было уже разъяснено выше, что самый актъ вызова или выбора есть уже психическій поступокъ, хотя юридически и невмѣняемый; здѣсь же говорится о побужденіи, какъ объ объектѣ этого поступка, о цѣли его, иначе о томъ, *что* вызывается, а нужно знать, *чьмъ* производится этотъ вызовъ или выборъ?—Вы отвѣчаете: ничѣмъ...“

Здѣсь недоразумѣніе очевидно происходитъ только отъ того, что Ю. Ѳ. Самаринъ не принялъ въ разсчетъ той точки зрѣнія, на которую я вынужденъ былъ стать, защищая самопроизвольность поступковъ противъ реалистовъ и матеріалистовъ. Они разсматриваютъ внѣшнюю матеріальную сторону дѣйствія и на ней останавливаются. Но съ этой стороны всякое дѣйствіе есть непремѣнно результатъ какого нибудь побужденія,—или внѣшняго толчка, или желанія, аффекта, страсти. Проф. Сѣченовъ идетъ еще далѣе и утверждаетъ, что всякое желаніе, аффектъ, страсть есть результатъ матеріальнаго, внѣшняго дѣйствія. Но даже и не вдаваясь въ такую крайность, нельзя не признать, что всякій внѣшній поступокъ есть всегда, непремѣнно, послѣдствіе какого нибудь матеріальнаго побужденія,—возбужденія чувства, желанія, страсти. Холодная, отвлеченная, безстрастная мысль, сама по себѣ, не можетъ стать источникомъ внѣшняго дѣйствія. Спрашивается, откуда же берется побужденіе въ этомъ реальномъ или матеріальномъ смыслѣ? Вотъ гдѣ я расхожусь съ реалистическими и матеріалистическими взглядами.

Реалисты и матеріалисты утверждаютъ, что всякое побужденіе непремѣнно вызывается или внѣшними толчками, или физическими и физіологическими состояніями тѣла; другими словами, всякое побужденіе есть непремѣнно данное, непроизвольное. Отсюда слѣдуетъ, что свободы воли нѣтъ, что, для нея нѣтъ мѣста. Я же, напротивъ, стою на томъ, что побужденія могутъ быть и данныя и вызванныя актомъ психической самодѣятельности, послѣдствіемъ способности души настраивать себя такъ или иначе. Такое самонастроеніе можетъ производиться душою безъ всякаго побужденія, совершенно свободно. Это и есть выборъ побужденія по отвлеченнымъ, холоднымъ, безстрастнымъ мыслямъ и представленіямъ, выборъ совершенно свободный, ничѣмъ не мотивированный. Именно потому, что выборъ побужденія можетъ быть свободенъ, возможна вмѣняемость дѣйствій и поступковъ; они и вмѣняемы настолько, насколько свободны. Затѣмъ, смотря по поступку, вмѣняемость бываетъ нравственная или юридическая. Послѣдняя примѣнима только къ поступкамъ, которые перешли во внѣшнее матеріальное дѣйствіе, а такіе поступки немыслимы безъ побужденія, которое бываетъ или данное или самопроизвольно-вызванное въ насъ актомъ свободной воли. Нравственно же вмѣняемы поступки, не перешедшіе во внѣшнее дѣйствіе. Мы называемъ событія, совершающіяся въ нашей душѣ, поступками, когда относимся къ такимъ событіямъ съ умысломъ, одобреніемъ и пожеланіемъ, хотя бы умыселъ, одобреніе и пожеланіе вовсе не относились къ будущему внѣшнему дѣйствію и вовсе не имѣли его въ виду. Если я мечтаю о томъ, какъ отмщу своему врагу, или о томъ, что лицо, отъ котораго я ожидаю огромное наслѣдство, умретъ и я сдѣлаюсь обладателемъ его богатствъ, или если я, видя несчастнаго, пожалѣю внутренно, что не въ состояніи ему помочь, то всѣ такія нравственныя движенія будутъ поступками, дѣйствіями нравственно вмѣняемыми. Они, какъ и внѣшніе поступки, могутъ быть результатомъ данныхъ побужденій, которымъ мы добровольно подчиняемся, или же актами нашей самопроизвольности, безъ всякаго побужденія. Этимъ они существенно и отличаются отъ внѣшнихъ дѣйствій, которыя безъ побужденія, даннаго или вызваннаго нами самими, совершенно немыслимы. Не обративъ вниманія на различеніе поступковъ юридически и нравственно вмѣняемыхъ, Ю. Ѳ. Самаринъ находитъ непослѣдовательность и противорѣчіе въ моихъ словахъ и спрашиваетъ: если дѣйствіе невозможно безъ побужденія, то какъ же возможенъ свободный выборъ мысли, или представленія, соотвѣтствующихъ извѣстному аффекту? Но никакой непослѣдовательности и противорѣчія не окажется, если принять въ разсчетъ, что я имѣлъ въ виду одни дѣйствія, юридически вмѣняемыя, т.-е. внѣшнія. Они не выполнимы безъ побужденія; а нравственно вмѣняемый поступокъ можетъ быть совершенъ безъ всякаго побужденія, хотя и не подлежитъ сомнѣнію, что множество такихъ поступковъ мы совершаемъ безпрестанно подъ вліяніемъ разныхъ данныхъ побужденій—страстей, увлеченій и т. д.

Но главнѣйшимъ аргументомъ Ю. Ѳ. Самарина все-таки остается тотъ, что самопроизвольность не можетъ быть предметомъ научнаго изслѣдованія и есть фактъ личнаго сознанія, не поддающійся анализу. Противъ возраженій, направленныхъ на мою попытку ввести самопроизвольность въ кругъ научнаго знанія, отыскать его объективные признаки и опредѣлить его научную формулу, я привелъ рядъ опроверженій, не понимая, впрочемъ, ясно той части аргументаціи, въ которой Ю. Ѳ. Самаринъ особенно налегаетъ на противорѣчіе, будто бы существующее между моимъ представленіемъ о *самомъ* человѣкѣ и моимъ отрицаніемъ субстанціи.

Въ главѣ V „Задачъ Психологіи", гдѣ разсматриваются прирожденныя свойства психическаго организма, я, на стр. 96 и слѣд., старался доказать, что существо, природа души не доступна нашему знанію, доступны намъ только явленія, т.-е. свойства души и ея строеніе. Объ нихъ я говорю очень пространно, и между прочимъ, на стр. 105 и 106, показываю, какимъ образомъ способность души, раздвоясь, обращаться къ самой себѣ и къ тому, что въ ней содержится, есть источникъ ея самодѣятельности и самопроизвольности, причина психической инициативы и свободной воли. То же самое, но подробнѣе, излагается въ главѣ VII, о произвольной дѣятельности, на стр. 199—201. Самодѣятельность мы видимъ и въ животныхъ; психическую самодѣятельность—только въ человѣкѣ. Не касаясь недоступнаго знанію существа души, я старался объяснить

механизмъ самопроизвольности — единственное, что наукѣ доступно. Мнѣ казалось, что это совсѣмъ не то, что метафизическій и философскій der Mensch an sich, человѣкъ по существу, и потому замѣчаніе, будто онъ является у меня въ концѣ книги, какъ Deus ex machina, казалось мнѣ несправедливымъ. То, что я говорю въ главѣ о волѣ, подготовлено главою о прирожденныхъ свойствахъ души и есть не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе тѣхъ же самыхъ мыслей. Далѣе, Ю. Ѳ. Самаринъ отрицаетъ возможность совершенно спокойнаго состоянія, изъ чего слѣдуетъ, что строгой разграничительной черты между самопроизвольными и непроизвольными дѣйствіями нѣтъ. Но я и не думалъ утверждать, что спокойное настроеніе и холодная, ничѣмъ не волнуемая мысль, сами по по себѣ, составляютъ актъ воли; и при такихъ условіяхъ рѣшеніе можетъ быть результатомъ психо-механическихъ отношеній между различными мыслями и соображеніями; другими словами, я думаю, что разумное рѣшеніе еще не есть, само по себѣ, результатъ свободнаго акта воли. Я только утверждалъ, что актъ самопроизвольности невозможенъ, немыслимъ, безъ спокойнаго настроенія и—что, конечно, почти тоже самое —пока чувство или желаніе вплетаются въ мысли и сообщаютъ имъ ту или другую невольную окраску.

Такъ какъ настроеніе никогда не бываетъ совершенно спокойно, то отсюда, по мнѣнію Ю. Ѳ. Самарина, слѣдуетъ, что нѣтъ и не можетъ быть чистой самопроизвольности. Это, безъ сомнѣнія, справедливо, и полная самопроизвольность и чистая непроизвольность въ человѣкѣ, при дѣйствіи сознанія, представляютъ два крайніе, можетъ быть и недостижимые полюса, между которыми совершается человѣческая дѣятельность. Я не думаю и нигдѣ не высказывалъ мысли, будто самопроизвольность и непроизвольность отдѣляются между собою рѣзкой чертой, также какъ я не думаю, чтобъ можно было провести рѣзкую черту между матеріальнымъ и психическимъ міромъ. Мнѣ только хотѣлось показать, что рядомъ съ дѣйствіями, имѣющими причиною данныя побужденія, могутъ существовать дѣйствія, имѣющія причиною свободный починъ души,—свободный, разумѣется, настолько, насколько душа, неразрывно связанная съ тѣломъ, можетъ быть свободна. Я полемизировалъ не въ защиту безусловной свободы, а противъ исключительно механической теоріи человѣческихъ дѣйствій, — теоріи, которую считаю ненаучной и противорѣчащей очевиднымъ, несомнѣннымъ фактамъ. Но ни въ мысли, ни въ самопроизвольной дѣятельности положительная наука не въ состояніи указать ничего безусловнаго: то, что намъ кажется безусловнымъ есть отвлеченность, а не дѣйствительность. Вотъ плыветъ по морю корабль, или вотъ ѣдетъ экипажъ по дорогѣ. И тотъ и другой направляются человѣкомъ къ извѣстной цѣли, не лежащей ни въ бѣгѣ корабля, ни въ ѣздѣ экипажа. Отнимите руку, которая ими правитъ,—и ходъ ихъ опредѣлится взаимодѣйствіемъ тѣхъ элементовъ, которые въ обоихъ случаяхъ находятся въ игрѣ. Но тоже самое, возразятъ мнѣ, можно сказать и о лошади, которая щиплетъ траву, о птицѣ, вьющей гнѣздо, о пчелѣ, строющей соты? Конечно такъ. Я и объ нихъ говорю то же самое. Вся разница въ цѣли, которая зависитъ отъ источниковъ самодѣятельности. Въ природѣ она есть данная, въ человѣкѣ—можетъ быть создана имъ самимъ.

Ю. Ѳ. Самаринъ не нашелъ эти объясненія удовлетворительными. Въ дополненіяхъ къ своимъ возраженіямъ онъ говоритъ слѣдующее:

„О *самомъ человѣкѣ*, какъ источникѣ вольной дѣятельности, я упомянулъ вскользь, не выяснивъ моей мысли, и оттого мое замѣчаніе легко могло показаться вамъ неосновательною придиркою. Позвольте мнѣ договорить недосказанное въ первомъ письмѣ.

„Что такое *самъ* человѣкъ? Вы отвѣчаете: это человѣкъ, отрѣшившійся отъ окружающей его матеріальной среды, отъ своего тѣла, отъ своихъ представленій, мыслей, желаній, побужденій, страстей, отъ всего содержанія своей психической жизни и отъ ея процессовъ („Задачи Психол.", стр. 201 и 202). Стало быть, дополняю я, человѣкъ, совлекшій съ себя всѣ свои признаки, опредѣленія и свойства, короче *сущность* человѣка. Но на стр. 148 (тамъ же) мы уже прочли, что сущность или субстанція (Ding an sich) есть чистая отвлеченность, не нѣчто непостижимое, а *„миражъ ума"*. Какимъ же чудомъ этотъ миражъ могъ превратиться въ олицетвореніе свободно творческой силы и сдѣлаться волящимъ субъектомъ? Вы говорите, что освободившись отъ всего, душа вынуждается наконецъ искать точки опоры въ себѣ самой, а я дополняю ваши слова: и не найдетъ ея, ибо *сама* душа тоже, что сущность души, то есть опять-таки призракъ.

Вы разрѣшаете это недоумѣніе указаніемъ на способность души отражаться въ себѣ самой. Все ея внутреннее богатство остается при ней, но она совершенно сознательно относится къ нему, какъ къ чему-то внѣшнему, постороннему; оттого-то де и можетъ она *сама* черпать изъ него любое, выбирать оттуда, по собственному своему почину, мотивы, опредѣляющіе ея свободную дѣятельность. Этою способностью самоотраженія вы объясняете вольныя психическія дѣйствія и предлагаете свое объясненіе какъ дополненіе къ теоріи Ст. Милля, который, по замѣчанію вашему, оставилъ безъ отвѣта вопросъ о томъ, какимъ образомъ воля можетъ обратиться въ побужденіе? Не знаю, вѣрно ли я васъ понялъ, но мнѣ представляется здѣсь недоразумѣніе. „Самъ человѣкъ, сама воля, сама душа“—всѣ эти выраженія, въ настоящемъ случаѣ, значатъ очевидно одно и тоже, употребляются вами и Миллемъ въ смыслѣ самоопредѣляющагося субъекта. Объяснить нужно процессъ самоопредѣленія, но ни вы, ни онъ не объяснили его. Указанная вами способность души отражаться въ себѣ самой есть не болѣе какъ одно изъ условій, безъ которыхъ самоопредѣленіе было бы не возможно, а отнюдь не причина его, не пружина свободной дѣятельности. Въ самомъ процессѣ самоопредѣленія, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется, я встрѣчаю неразрѣшимое противорѣчіе. Душа, обособившаяся отъ своего содержанія, не ощущающая никакого побужденія, созерцаетъ внутреннимъ зрѣніемъ множество какъ бы разложенныхъ передъ нею общихъ, отвлеченныхъ мыслей, изъ которыхъ каждая способна сдѣлаться мотивомъ для дѣйствія. Вдругъ эта душа на одной изъ нихъ останавливается, устраняя всѣ остальныя; эту избранную ею мысль она себѣ усвоиваетъ, тѣмъ самымъ подчиняется ей, и такимъ образомъ отвлеченная мысль превращается въ побужденіе къ дѣйствію. Таковъ начальный моментъ вольной дѣятельности. Но повторяю еще разъ, чѣмъ же самая эта остановка, этотъ выборъ, это усвоеніе — не поступокъ самъ по себѣ, помимо всѣхъ дальнѣйшихъ послѣдствій и проявленій ad extra, которыя могутъ и не осуществиться? По свидѣтельству людской совѣсти, это дѣйствительно и въ полномъ смыслѣ слова поступокъ, притомъ сознательный и вмѣняемый. Между тѣмъ, на стр. 189 „Зад. Психол.“ было уже разъяснено, что безъ мотива (иначе безъ побужденія) совершаются только дѣйствія безсознательныя, или хотя и сознаваемыя, но происходящія рефлективно. Стало быть, выборъ и усвоеніе отвлеченной мысли совершились въ силу предшествовавшаго имъ и сознаннаго душою побужденія; иначе она пребывала бы вѣчно въ спокойномъ созерцаніи. Откуда же взялось это побужденіе въ *самой* душѣ, то-есть душѣ, отрѣшившейся отъ всякихъ внѣшнихъ и внутреннихъ мотивовъ, и какъ объяснить эту своего рода generatio equivoca?—На этотъ вопросъ не дали отвѣта ни покойные идеалисты, ни Ст. Милль, ни вы. Повторяю еще разъ,—всѣ говорятъ въ сущности одно и то же: человѣкъ сознаетъ себя свободнымъ, стало быть онъ свободенъ. Если ничего большаго и сказать нельзя, то дѣйствительная или только кажущаяся несостоятельность этого вывода, сама по себѣ, не давала бы темы для критики собственно на вашу книгу, но дѣло въ томъ, что вы сами отняли у себя право основываться на одномъ свидѣтельствѣ внутренняго сознанія: „еслибъ одно только сознаніе“, говорите вы („Зад. Псих.“, стр. 21) „установляло и опредѣляло психическіе факты, то нечего было и думать о положительномъ точномъ ихъ изслѣдованіи“. Психическій фактъ вольнаго самоопредѣленія оказывается именно такимъ. Въ той же вашей книгѣ я читаю: „только благодаря обнаруженію психической жизни во внѣшнихъ предметахъ и явленіяхъ становится возможнымъ, на ряду съ знаніемъ природы, и положительное знаніе духовной стороны человѣка“ (стр. 23). Но нѣсколько ниже вы заявляете, что по наружнымъ признакамъ произвольное дѣйствіе ничѣмъ не отличается отъ непроизвольнаго (стр. 188), иначе: свойство вольности, присущее дѣйствію, не переходитъ въ явленіе. И дѣйствительно, я сознаю про себя, что могу поднять руку или не поднимать ея, вытянуть ногу или не вытягивать ея; но разъ то или другое дѣйствіе исполнено, никто никогда не докажетъ, что бы оно могло не совершиться...

„И такъ, сосуществованіе двухъ взаимно исключающихся факторовъ: съ одной стороны, психической свободы, засвидѣтельствованной внутреннимъ сознаніемъ, съ другой — роковой необходимости, открываемой во всѣхъ явленіяхъ, и дознанная невозможность отыскать формулу ихъ примиренія—вотъ къ чему, въ концѣ-концовъ, приходитъ наука. Повидимому оставалось бы самое это логическое противорѣчіе признать за фактъ, иначе за признакъ пертурбаціи въ самой жизни; но на этомъ я останавливаюсь, ибо дальнѣйшій шагъ дѣйствительно ввелъ бы насъ въ другую область“.

Всѣ эти возраженія, какъ мнѣ кажется, дѣло недоразумѣнія.

Отрицая сущность, какъ миражъ ума, и допуская въ то же время возможность такого

состоянія человѣка, когда онъ отвлекаетъ себя отъ всего своего психическаго содержанія и относится къ нему, какъ къ чему-то внѣшнему и постороннему, я не противорѣчу самому себѣ. Я вездѣ говорю, что существа или сущности вещей мы понять не можемъ, что намъ доступны одни явленія. И такъ, я не отвергаю сущности или существа; но то, *что мы считаемъ за сущность*, есть, конечно, не больше какъ отвлеченность, созданіе ума, фикція. Когда человѣкъ, отрѣшаясь отъ своего содержанія, разсматриваетъ его внутреннимъ зрѣніемъ, какъ нѣчто внѣшнее, это будетъ явленіемъ, и, прибавлю —явленіемъ, совсѣмъ не тожественнымъ съ сущностью человѣка, которая все-таки останется для насъ, и послѣ выясненія этого факта, совершенно неизвѣстною. Способность раздвоенія и самонаблюденія мы должны принять какъ фактъ, совсѣмъ не зная его причины. Напротивъ, когда мы отвлекаемъ мыслью вещь отъ всѣхъ ея опредѣленій, то въ результатѣ получится не живой фактъ, не наблюденіе дѣйствительнаго явленія, а результатъ или продуктъ умственной операціи, который, не имѣя ничего общаго съ реальнымъ фактомъ, есть лишь воображаемая сущность, или—что тоже—миражъ нашего ума.

Выше я подробно изложилъ свой взглядъ на процессъ самоопредѣленія въ поступкахъ нравственныхъ и во внѣшнихъ юридическихъ дѣйствіяхъ. Не стану отстаивать своей редакціи. Она безъ сомнѣнія неудовлетворительна, если такой осторожный и безпристрастный критикъ, какъ Ю. Ѳ. Самаринъ, встрѣтилъ недоразумѣніе. Я стою только за основную мысль, а она заключалась въ слѣдующемъ: внѣшнее, юридически вмѣняемое дѣйствіе, переходящее въ матеріальный фактъ, невозможно безъ матеріальнаго же побужденія. Такимъ является чувство, желаніе, страсть и т. п. Психическій поступокъ, вмѣняемый только нравственно, *можетъ* возникнуть вслѣдствіе акта самопроизвольности, не обусловленнаго никакимъ побужденіемъ. Такой актъ возможенъ только вслѣдствіе способности души къ самоопредѣленію, зависящей отъ способности ея раздвояться, оставаясь единой, отъ психическаго зрѣнія, наконецъ отъ того, что отвлеченная, общая мысль, по природѣ своей, холодна, безстрастна, не имѣетъ темперамента, вслѣдствіе чего всѣ общія и отвлеченныя мысли, какъ не имѣющія темперамента, по отношенію къ пожеланіямъ, безразличны. Все это, конечно, только условія самоопредѣленія. Ю. Ѳ. Самаринъ, не довольствуясь ими, требуетъ, чтобы я указалъ, откуда берется самый актъ воли, почему онъ останавливается именно на такой-то, а не на другой общей мысли? Бэнъ объясняетъ актъ чистой воли, т.-е. стремленіе къ дѣятельности, накопленіемъ нервной матеріи, которая ищетъ разрядиться въ актѣ. Можетъ быть, онъ и правъ. Сознаюсь, меня этотъ вопросъ мало занималъ. Я принялъ стремленіе къ дѣятельности, психической и матеріальной, внутренней и внѣшней, какъ фактъ, стараясь только объяснить его формулу. Откуда бы стремленіе ни происходило, мнѣ казалось особенно важнымъ, въ научной психологіи, опредѣлить условія и формы его выраженія. Въ этомъ отношеніи, вопросъ Ю. Ѳ. Самарина, почему самодѣятельность останавливается на той, а не на другой отвлеченной мысли, совершенно безпристрастной и холодной по своему темпераменту, имѣетъ особенную важность и не можетъ быть обойденъ при научномъ изслѣдованіи психическихъ фактовъ. Но вопросъ этотъ, какъ мнѣ кажется, поставленъ Ю. Ѳ. Самаринымъ неправильно. Поступокъ психическій, не переходящій въ матеріальный фактъ, можетъ быть произведенъ безъ всякой причины, безъ всякаго побужденія; самопроизвольное дѣйствіе, юридически вмѣняемое, можетъ быть послѣдствіемъ только побужденія, но такого, которое вызвано актомъ воли, безъ всякаго побудительнаго повода. Въ томъ и другомъ случаѣ, о причинѣ поступка нельзя спрашивать. Онъ потому и самопроизволенъ, что не имѣетъ другой причины, кромѣ акта свободной воли. Итакъ, весь вопросъ о самопроизвольности сводится къ слѣдующему: возможенъ ли самопроизвольный поступокъ? Существуютъ ли такія условія, при которыхъ самопроизвольность дѣйствія представлялась бы не абсурдомъ, а явленіемъ, такимъ же естественнымъ и законнымъ, какъ дѣйствіе, вызываемое роковымъ сочетаніемъ данныхъ причинъ и побужденій? На эти вопросы я отвѣчалъ подробно въ „Задачахъ Психологіи“ и въ моихъ полемическихъ статьяхъ по ея поводу. Свобода дѣйствій вытекаетъ съ роковою необходимостью изъ сосуществованія и взаимнаго противопоставленія двухъ различныхъ порядковъ сочетаній однихъ и тѣхъ же фактовъ. Если бы каждый изъ этихъ порядковъ существовалъ самъ по себѣ, отдѣльно одинъ отъ другого,

и оба образовали разобщенные между собою ряды явленій или звеньевъ, то о свободѣ, разумѣется, не могло бы быть и рѣчи, для нея не было бы никакихъ условій, потому что въ такомъ случаѣ каждый изъ порядковъ, отдѣльно взятый, представлялъ бы, въ способѣ сочетанія явленій или звеньевъ, одну такъ-называемую необходимость, именно одну лишь роковую связь причинъ и послѣдствій. Такъ оно на самомъ дѣлѣ и есть: только связь необходимости мы и открываемъ, изслѣдуя матеріальную природу и логическое развитіе отвлеченной мысли. Вотъ причина, почему ни естественныя науки, ни логика не знаютъ свободной воли. Но въ дѣйствительности оба порядка, развиваясь каждый самъ по себѣ, по закону необходимости, кромѣ того, являются неразрывно между собою связанными и безпрерывно между собою соприкасаются, безпрестанно другъ на друга дѣйствуютъ. Закона ихъ взаимнаго отношенія мы не знаемъ, точно также, какъ не знаемъ, въ чемъ состоитъ связь психическаго съ матеріальнымъ, души съ тѣломъ; знаемъ только, что сочетанія однихъ и тѣхъ же явленій или звеньевъ, въ томъ или другомъ порядкѣ, весьма различны между собою и измѣняются подъ вліяніемъ взаимнаго другъ на друга дѣйствія обоихъ порядковъ. Такъ человѣкъ передѣлываетъ существующія въ природѣ сочетанія явленій по своей мысли, согласно съ своими желаніями и потребностями, а природа разрушаетъ творческія созданія человѣка, когда онъ перестаетъ ихъ охранять и поддерживать. Точно такимъ же образомъ относятся наши идеалы и созданные въ умѣ нашемъ образцы къ установившимся мыслямъ, привычкамъ, прирожденнымъ или нажитымъ наклонностямъ, которыя мы стараемся измѣнить или передѣлать.

Оба порядка, въ дѣйствительности, противопоставлены и взаимно другъ на друга дѣйствуютъ въ каждомъ единичномъ предметѣ, будетъ ли онъ принадлежать къ организованной или неорганизованной природѣ. Въ каждомъ оба порядка сосуществуютъ въ непосредственной и неразрывной связи; только въ неорганизованной природѣ они едва между собою различаются, и потому слѣдовъ ихъ противопоставленія мы почти не видимъ; въ организованной же природѣ различеніе ихъ и взаимное другъ на друга дѣйствіе заявляютъ себя, уже начиная съ низшихъ ея ступеней. Поднимаясь отъ нихъ постепенно къ человѣку, мы замѣчаемъ, что чѣмъ выше организація, тѣмъ различеніе, а вмѣстѣ и взаимодѣйствіе обоихъ порядковъ выступаютъ явственнѣе. Въ человѣкѣ, организмѣ самомъ развитомъ, то и другое достигаетъ высшей своей точки и обнаруживается съ особенною силою и яркостью. Въ этомъ отношеніи, бо̀льшая или меньшая развитость организма опредѣляется бо̀льшею или меньшею способностью вырабатывать въ себѣ образцы, по которымъ передѣлываются наличныя сочетанія фактовъ. Въ организмахъ, въ которыхъ эта способность слабѣе, образцы слагаются подъ непосредственнымъ вліяніемъ данныхъ сочетаній; напротивъ, въ организмахъ, наиболѣе развитыхъ, образцы находятся въ очень малой зависимости отъ данныхъ сочетаній, отходятъ отъ нихъ далѣе, выработываются свободнѣе. Между извѣстными намъ организмами послѣднія черты всего рѣзче и выпуклѣе замѣчаются въ человѣкѣ. Его идеалы и цѣли могутъ такъ далеко расходиться съ данными комбинаціями явленій, что всякая связь между ними порывается, и онъ, занятый исключительно своими цѣлями и идеалами, совершенно теряетъ самое чутье дѣйствительности. Въ этой-то способности его отрѣшаться отъ всякихъ данныхъ, разорвать съ ними всякую связь, и заключается условіе его свободы. Впрочемъ, и у самыхъ людей свобода бываетъ развита далеко не одинаково. Она, какъ я сказалъ, существенно зависитъ отъ степени способности отрѣшаться отъ данныхъ сочетаній фактовъ, и потому не только отдѣльныя лица, и одно и то же лицо въ разные періоды своего развитія, но и цѣлые народы и весь родъ человѣческій бываютъ болѣе или менѣе свободны.

Вмѣстѣ съ свободою, и изъ одного съ нею источника, рождаются дуалистическія воззрѣнія и безграничный личный произволъ. Не зная, откуда происходятъ эти явленія, не понимая, что противопоставленіе и взаимодѣйствіе двухъ порядковъ вертятся лишь на различныхъ сочетаніяхъ однихъ и тѣхъ же фактовъ, человѣкъ думаетъ, что оба порядка противоположны одинъ другому по существу, и вслѣдствіе того выдвигаетъ психическій порядокъ за предѣлы видимаго міра, создаетъ изъ свободы особый принципъ и возводитъ личный произволъ въ законъ своей дѣятельности. Во всѣхъ современныхъ философскихъ воззрѣніяхъ, при всемъ ихъ различіи, слышатся, какъ основная нота, эти начальныя

заблужденія. На нихъ, или на отрицаніи ихъ, строятся цѣлыя теоріи. Изъ-за противопоставленія двухъ порядковъ сочетаній фактовъ человѣкъ терлетъ изъ виду, что они не противоположны другъ другу по существу и составляютъ лишь видоизмѣненія одного и того же общаго имъ обоимъ начала, котораго мы не знаемъ и знать не можемъ; что свобода есть лишь послѣдствіе ихъ различенія и противопоставленія и выражаетъ только способъ ихъ взаимныхъ отношеній, въ отличіе отъ роковой связи причинъ и ихъ дѣйствій, которая опредѣляетъ отношенія явленій въ каждомъ изъ двухъ порядковъ отдѣльно; что индивидуальность, личность, въ которой оба порядка непосредственно связаны и нераздѣльны, не подходитъ исключительно ни подъ одинъ изъ нихъ, а подъ оба вмѣстѣ; что въ ней они между собою сталкиваются и потому въ ней же должно произойти ихъ взаимное соглашеніе. Возможность такого соглашенія дана единствомъ ихъ общаго начала, ихъ непосредственнымъ сосуществованіемъ; формулой же ихъ примиренія должно служить постепенное, медленное, но неудержимо совершающееся установленіе взаимнаго соотвѣтствія между обоими порядками, причемъ и въ томъ и въ другомъ значительно видоизмѣняются сочетанія составныхъ частей или звеньевъ.

Итакъ, Ю. Ѳ. Самаринъ ошибается, приписывая мнѣ мысль, будто бы психическій порядокъ происходитъ изъ реальнаго, будто, по моему мнѣнію, психической реальности нѣтъ, а есть одна матеріальная. Душа есть дѣйствительная живая психическая реальность, вырабатывающая изъ себя, подъ вліяніемъ матеріальнаго міра, особый нравственный порядокъ, служащій образцомъ для преобразованія матеріальныхъ сочетаній. Вотъ какимъ образомъ возникаетъ круговоротъ жизни, воздѣйствіе обоихъ порядковъ другъ на друга, ведущее постепенно къ выработкѣ, соглашенію и примиренію обоихъ. Центромъ этого взаимодѣйствія является не метафизическій міръ, а живая личность, индивидуальная душа, въ которой отражается реальный міръ и въ которой зарождаются и возникаютъ отвлеченности, принимаемыя нами за метафизическія реальности. Онѣ потому только и живутъ, и до тѣхъ только поръ имѣютъ значеніе, пока поддерживаются индивидуальностью, особью. Самопроизвольность или воля, какъ стремленіе, какъ импульсъ, толчокъ, есть данное, обусловленное, по своему происхожденію, роковыми законами; свобода же воли есть результатъ взаимодѣйствія двухъ порядковъ, одинаковыхъ по существу и различающихся только способами сочетанія въ нихъ явленій и фактовъ. Именно потому, что взаимныя отношенія этихъ двухъ порядковъ не опредѣляются закономъ причинности, и возможна свободная воля. Потому же самому наука, отыскивавшая доселѣ, согласно съ своими стародавними преданіями, только условія явленій, совершающихся роковымъ образомъ, не была въ состояніи обнять личность и существеннѣйшую ея характеристику—свободу воли. Взаимныя отношенія различныхъ сочетаній явленій въ обоихъ порядкахъ не подходятъ подъ законъ причинности и не поддаются ни подъ какія опредѣленія. Совершенная неуловимость фактовъ, въ которыхъ эти отношенія выражаются, вовсе не зависитъ, какъ многіе думаютъ, отъ чрезвычайной сложности самыхъ явленій, а единственно оттого, что взаимныя столкновенія двухъ порядковъ и ихъ сочетаній не опредѣляются никакими общими формулами.

Говоря это, я, конечно, имѣю въ виду только самыя характеристическія явленія, тѣ, въ дѣйствительности весьма рѣдкіе и исключительные случаи, когда свобода воли выражается въ возможно-чистой, безпримѣсной формѣ, и не беру въ разсчетъ огромной обыденной массы явленій смѣшанныхъ, въ которыхъ акты свободной воли переплетаются съ рефлективными движеніями и непроизвольными обнаруженіями данныхъ побужденій. Въ научномъ изслѣдованіи предмета, такіе смѣшанные факты, къ тому же трудно поддающіеся анализу, и не могутъ идти въ разсчетъ. Очень часто выборъ опредѣляется не совершенно свободно, а напримѣръ, извѣстнымъ предрасположеніемъ души, ея такъ сказать темпераментомъ, зависящимъ отъ прирожденныхъ ея наклонностей, отъ воспитанія, жизненной опытности,—результата прожитаго, прочувствованнаго и передуманнаго. Мнѣ скажутъ, что такія предрасположенія—тѣ же побужденія, и что если допустить природныя или нажитыя наклонности, заставляющія предпочитать при выборѣ одно другому, то о безусловной самопроизвольности не можетъ быть и рѣчи. Но при изслѣдованіи явленій воли мы должны строго различать теоретическія основанія отъ практическаго ихъ примѣненія, принципъ отъ факта. Я стою на томъ, что принципа сво-

бодной воли отрицать нельзя, что только ошибочныя, ничѣмъ не доказанныя предпосылки, произвольно и ненаучно внесенныя въ изслѣдованіе свободной дѣятельности, могли привести къ отрицанію свободной воли. Что же касается до примѣненія этого принципа въ дѣйствительной, ежедневной практической жизни, то я готовъ признать, что изъ множества случаевъ, весьма и весьма немногіе, при строгомъ ихъ анализѣ, окажутся продуктами вполнѣ свободнаго акта воли. Скажу болѣе: если мы начнемъ изучать явленія воли, съ увѣренностью открыть въ каждомъ изъ нихъ безусловную самопроизвольность, то заранѣе отнимемъ у себя всякую возможность понять факты дѣйствительной жизни. Безусловное есть отвлеченность. Все дѣйствительное непремѣнно условно и относительно. Самопроизвольность уже не безусловна по своему содержанію: кругъ ея дѣятельности обусловленъ и ограниченъ наличными въ душѣ общими и отвлеченными понятіями. Что касается до степени ея, то и въ этомъ отношеніи мы напрасно стали бы искать чего-либо безусловнаго. Но не въ этомъ дѣло, не въ этомъ сущность вопроса. Самопроизвольность, какъ принципъ, противополагается роковой связи извѣстной причины и ея извѣстныхъ дѣйствій и послѣдствій. Гдѣ такой связи нѣтъ, гдѣ въ одно и то же время является нѣсколько возможностей, т.-е. гдѣ существуетъ на лицо нѣсколько равносильныхъ причинъ, производящихъ различныя послѣдствія, тамъ каждая изъ нихъ въ отдѣльности теряетъ обыкновенную свою принудительность,—ту, какую имѣетъ, когда дѣйствуетъ одна. Вотъ почва, на которой зарождается самопроизвольность. Простѣйшая ея форма та, когда намъ предстоитъ сдѣлать выборъ между нѣсколькими дѣйствіями, одинаково нужными, насколько они могутъ быть совершенно одинаково нужны. Упражняясь безпрестанно въ такомъ выборѣ въ обыденной жизни, мы освоиваемся съ мыслью, что не связаны роковымъ образомъ тѣмъ или другимъ дѣломъ. Въ насъ вырабатывается мало-помалу убѣжденіе и привычка свободно относиться къ предстоящему дѣлу, не испытывать на себѣ его роковой принудительности. Это убѣжденіе и эту привычку мы и называемъ свободой воли. Та же привычка и то же убѣжденіе переносятся позднѣе и въ міръ психическихъ, нравственныхъ поступковъ. Холодная, безстрастная общая или отвлеченная мысль чрезвычайно способствуетъ утвержденію въ насъ убѣжденія въ существованіи самопроизвольности или свободной воли. Холодныя, общія и отвлеченныя мысли и понятія, освобожденныя отъ аффекта, болѣе чѣмъ что-либо другое равносильны; къ тому же, каждая общая и отвлеченная мысль можетъ быть обращена въ дѣло очень различными способами, смотря по обстоятельствамъ, и это пріучаетъ насъ свободно относиться къ различнымъ способамъ исполненія общей, отвлеченной мысли. Вотъ почему я думаю, что свобода воли, самопроизвольность, не есть прирожденный фактъ, а результатъ нашихъ дѣйствительныхъ отношеній къ внѣшнему міру и къ событіямъ нашей внутренней, психической жизни. Отвлекая отъ этихъ отношеній ихъ характеристическій признакъ, именно ихъ относительную свободу, т.-е. свободу сравнительно съ роковымъ дѣйствіемъ причинъ и ихъ послѣдствій, мы создаемъ отвлеченное понятіе о безусловной свободѣ и ищемъ ее въ дѣйствительныхъ явленіяхъ. Точно такъ же поступаетъ и Ю. Ѳ. Самаринъ, усматривая въ человѣкѣ, отвлекшемъ себя отъ всѣхъ своихъ опредѣленій, чистую сущность человѣка. Этотъ человѣкъ „самъ по себѣ", различенный отъ всѣхъ своихъ опредѣленій, есть въ дѣйствительности тотъ же самый живой и цѣльный человѣкъ, заключающій въ себѣ, въ скрытомъ видѣ, всѣ свои прирожденныя и нажитыя наклонности и предрасположенія, которыя опредѣляютъ его нравственную индивидуальность.

Послѣдній доводъ Ю. Ѳ. Самарина противъ попытки опредѣлить путемъ науки самопроизвольность состоитъ, какъ я уже сказалъ, въ томъ, что она есть фактъ личнаго сознанія, который, не имѣя никакихъ признаковъ, недоступенъ научному изслѣдованію. Въ доказательство онъ ссылается на мою книгу, гдѣ въ одномъ мѣстѣ сказано, что если бы психическіе факты были только дѣломъ личнаго сознанія, то о научной психологіи не могло бы быть и рѣчи; въ другомъ говорится, что, только благодаря обнаруженію психической жизни во внѣшнихъ явленіяхъ, становится возможнымъ положительное знаніе духовной стороны человѣка; наконецъ, въ третьемъ проводится мысль, что по наружнымъ признакамъ произвольное дѣйствіе ничѣмъ не отличается отъ непроизвольнаго; слѣдова-

тельно, заключаетъ Ю. Ѳ. Самаринъ, самопроизвольность, не имѣя никакихъ признаковъ, не поддается научному изслѣдованію и должна быть признана исключительно за фактъ сознанія.

Очень можетъ быть, что̀ я выразился не совсѣмъ точно и что слова мои подали поводъ къ недоразумѣнію; но по смыслу, какой я связывалъ съ тѣмъ, что̀ сказано у меня на стр. 21, 23 и 188, противорѣчія по этому предмету въ моей книгѣ, кажется, нѣтъ. Чтобы объяснить точный смыслъ сказаннаго на стр. 188 о невозможности отличить, по наружнымъ признакамъ, самопроизвольное дѣйствіе отъ непроизвольнаго, надобно сравнить его съ тѣмъ, что̀ я говорю на стр. 36. Здѣсь объясняется, что „съ *точки зрѣнія естественныхъ наукъ* нельзя и догадаться, что существуютъ произвольныя движенія или свобода воли“, такъ какъ „каждое такое движеніе, каждый актъ воли, производитъ во внѣшнемъ мірѣ только тѣ перемѣны, которыя допускаются естественными условіями и законами“. Итакъ, говоря, что произвольное дѣйствіе *по наружнымъ признакамъ* не отличается отъ непроизвольнаго, я, можетъ быть не совсѣмъ удачно, выразилъ ту мысль, что сочетаніе внѣшнихъ матеріальныхъ фактовъ въ дѣйствіи произвольномъ и непроизвольномъ во всякомъ случаѣ можетъ происходить только по закону роковой связи причины и ея дѣйствія или послѣдствія, и потому, если мы будемъ изучать только эту сторону, то такое изученіе никогда не приведетъ насъ къ различенію произвольнаго дѣйствія отъ непроизвольнаго. Между этою мыслью и тѣмъ, будто бы самопроизвольность доступна только личному сознанію и внѣшнимъ образомъ ничѣмъ не выражается, есть очень большая и существенная разница. Міръ психическихъ явленій есть не только субъективный, но и объективный, и объективенъ онъ настолько, насколько выражается во внѣшнемъ мірѣ доступнымъ для всѣхъ образомъ. Только тѣ психическія явленія, которыя не обнаруживаются ничѣмъ, не могутъ быть предметомъ научнаго изслѣдованія. Спрашивается: почему мы говоримъ, разсуждаемъ и споримъ о свободной волѣ, о самопроизвольности? Очевидно потому только, что это психическое явленіе не осталось предметомъ личнаго сознанія, а обнаружилось какъ-нибудь во внѣ, хотя бы только въ словѣ, съ которымъ люди соединяютъ извѣстное представленіе, различаемое ими отъ другихъ. Это, конечно, еще не доказываетъ, что самопроизвольность или свобода воли не обманъ ума, не самообольщеніе; но во всякомъ случаѣ изъ этого несомнѣнно слѣдуетъ, что психическій фактъ самопроизвольности, каковъ бы онъ ни былъ, не есть удѣлъ одного личнаго сознанія, а достояніе всѣхъ людей, и въ этомъ смыслѣ имѣетъ объективный характеръ. Другой вопросъ—есть ли свобода воли реальный фактъ, или миражъ сознанія? Объ этомъ я подробно говорю въ своей книгѣ. Строгое подчиненіе внѣшней, матеріальной стороны самопроизвольнаго поступка законамъ природы отнимаетъ, какъ я сказалъ, всякую возможность различить его, съ этой стороны, отъ непроизвольнаго. Но эта сторона не есть единственная, доступная изслѣдованію. Всякій матеріальный фактъ, въ которомъ замѣшанъ психическій элементъ, имѣетъ, кромѣ матеріальнаго, и особый психическій смыслъ; матеріальная сторона каждаго такого факта служитъ психической символомъ, по которому мы ее узнаемъ и котораго непосредственное матеріальное значеніе совсѣмъ другое. Не распространяясь далѣе объ этомъ предметѣ, о которомъ я говорю выше и во многихъ мѣстахъ своей книги, я здѣсь замѣчу только, что сопоставленіе нѣсколькихъ или многихъ выраженій воли не по ихъ матеріальной, а по психической сторонѣ—даетъ объективное представленіе о самопроизвольности. Какъ мы угадываемъ по дѣйствію или поступку о невидимой и тщательно скрываемой цѣли, какъ мы, разсматривая дѣйствіе, заключаемъ объ умыслѣ или отсутствіи умысла, точно такъ же, изслѣдуя дѣйствія, мы различаемъ сознательныя отъ безсознательныхъ, самопроизвольныя отъ непроизвольныхъ. Все наше знаніе психическихъ явленій основано единственно и исключительно на сравнительномъ изученіи слѣдовъ, оставляемыхъ во внѣшнемъ мірѣ психическою жизнью и представляемыхъ значками или символами. Не будь такихъ слѣдовъ, не знай мы, что психическая сторона символически выражается во внѣшнемъ мірѣ, мы бы должны были согласиться съ Ю. Ѳ. Самаринымъ, что не только самопроизвольность и свободная воля, но и всѣ вообще психическія явленія суть исключительно факты нашего личнаго сознанія, неподлежащіе положительному изученію. Но

объективный характеръ явленій свободной воли выясняется вполнѣ чрезъ сравненіе ихъ между собою, почему я и считаю эти явленія доступными, наравнѣ съ другими, для научнаго знанія. Доказательствомъ можетъ служить примѣръ, на который я уже нѣсколько разъ ссылался въ своей книгѣ и въ возраженіяхъ проф. Сѣченову, а именно: если бы кто-нибудь захотѣлъ доказать, что можетъ, по произволу, выполнить всѣ знакомыя ему движенія, или перечислить наугадъ извѣстное число извѣстныхъ ему представленій, то, выразивъ словами или на письмѣ такое свое намѣреніе, онъ тѣмъ обнаружилъ бы его и оно такимъ образомъ перестало бы быть предметомъ одного личнаго его сознанія, а сдѣлалось бы объективнымъ фактомъ, доступнымъ всѣмъ и каждому. Затѣмъ, когда онъ началъ бы приводить это свое намѣреніе въ исполненіе, т.-е. сталъ бы произносить, писать, или и произносить и писать безсвязныя представленія о различныхъ матеріальныхъ и психическихъ предметахъ, или дѣлать различныя движенія, обозначая ихъ сперва точно также словами или на письмѣ, то всѣ такія дѣйствія его не были бы предметомъ одного его личнаго сознанія, но сдѣлались бы вмѣстѣ и объективными фактами, доступными для всѣхъ и каждаго. Изъ соображенія этихъ фактовъ, всякій долженъ будетъ вывести заключеніе, что дѣйствующее лицо въ самомъ дѣлѣ можетъ по произволу совершать тѣ дѣйствія, какія захочетъ. Я полагаю, что такое заключеніе, какъ основанное на объективныхъ фактахъ, было бы совершенно правильно, и послѣ такого опыта всѣ узнавшіе о немъ должны бы были, по объективнымъ признакамъ, согласиться, что представившій опытъ въ самомъ дѣлѣ способенъ самопроизвольно вызывать изъ своей души различныя хранящіяся въ ней представленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ выражать и приводить ихъ въ дѣйствіе. Слѣдовательно, не на основаніи одного личнаго сознанія, но и по объективнымъ даннымъ, самопроизвольность и свобода воли должны быть признаны за психическій фактъ, и этотъ фактъ, какъ мы видѣли, можетъ подлежать научному изслѣдованію, наравнѣ съ прочими.

Въ заключеніе, позволю себѣ обратить противъ Ю. Ѳ. Самарина аргументъ, приведенный мною противъ проф. Сѣченова, хотя и по другому поводу. Ю. Ѳ. Самаринъ признаетъ, что естественныя науки изучаютъ матеріальные факты по объективнымъ признакамъ, и потому не отрицаетъ научнаго характера естествознанія. Однако не трудно доказать, что и матеріальныя и психическія явленія суть въ одинаковой мѣрѣ факты нашего личнаго сознанія, и потому слѣдовало бы признать одно изъ двухъ: или что никакія явленія вообще не могутъ быть предметами научнаго знанія, или что если матеріальные факты подлежатъ научному изслѣдованію, то ему должны быть доступны, въ одинаковой мѣрѣ, и факты психическіе. Въ самомъ дѣлѣ, мы говоримъ о числѣ, формѣ, цвѣтѣ, вкусѣ, запахѣ и т. д. матеріальныхъ предметовъ, вообще о впечатлѣніяхъ, получаемыхъ отъ нихъ, какъ объ объективныхъ явленіяхъ. Но всѣ эти явленія не иное что, какъ факты личнаго нашего сознанія, о которыхъ мы въ точности даже не знаемъ, одинаково ли они сознаются всѣми людьми. Объ этихъ фактахъ, точно такъ же какъ о произвольности, непроизвольности и свободѣ, мы заключаемъ по ихъ обнаруженіямъ въ словѣ, образѣ, вообще въ символѣ, т.-е. въ матеріальныхъ фактахъ, которые находятся въ постоянномъ отношеніи и правильномъ соотвѣтствіи съ этими психическими фактами. Такое соотношеніе и соотвѣтствіе не основаны на связи причины и послѣдствія и въ концѣ-концовъ не подлежатъ анализу и повѣркѣ. Никто еще не объяснилъ и едва-ли когда нибудь объяснитъ, почему извѣстное расположеніе молекулъ отражается въ насъ впечатлѣніемъ краснаго цвѣта, а другое— зеленаго, почему извѣстная мелодія возбуждаетъ въ насъ грусть, а другая — веселое настроеніе, почему извѣстному преступленію или проступку соотвѣтствуетъ именно такое, а не другое наказаніе или взысканіе.

Повторяю: психическіе факты, доступные личному сознанію каждаго, имѣютъ, во внѣшнемъ своемъ проявленіи, опредѣленные условные признаки, по которымъ факты такого рода могутъ стать предметомъ научнаго изслѣдованія. Не будь этого, психологія какъ наука была бы немыслима, психологическія наблюденія были бы чисто личными впечатлѣніями, которыхъ ни сравнить, ни повѣрить не было бы никакой возможности. Но иное дѣло —проявленіе, обнаруженіе психическаго факта во внѣ, иное дѣло—матеріальный фактъ, въ которомъ первый проявляется,

самъ по себѣ. Все, что создано человѣкомъ, есть и матеріальный фактъ и въ то же время выраженіе человѣческой мысли, взгляда, понятія. Изслѣдованіе матеріальнаго факта, въ которомъ мы ничего другого не видимъ, кромѣ роковой связи причинъ и ихъ послѣдствій, никогда не можетъ привести насъ къ открытію самопроизвольности или свободной воли, именно потому, что всякій матеріальный фактъ можетъ быть созданъ не иначе, какъ по закону такой роковой связи. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы самопроизвольность, какъ и сознаніе, не заявляли себя въ объективныхъ фактахъ, по которымъ мы можемъ ихъ изслѣдовать. Возьмемъ для примѣра движеніе парохода, совершающаго правильные и срочные рейсы между двумя опредѣленными пунктами, или игру артистовъ, исполняющихъ сегодня одну, черезъ недѣлю другую музыкальную пьесу. Разложивъ эти весьма сложные факты на ихъ составныя части, мы увидимъ, что каждая изъ этихъ частей связана съ другою роковою связью причинъ и послѣдствій, и изъ такого, самаго тщательнаго анализа мы должны будемъ придти къ заключенію, что въ этихъ фактахъ мѣста для самопроизвольности нѣтъ. Но посмотримъ на тѣ же самые факты съ другой стороны, какъ на символы, значки психическихъ явленій, и самопроизвольность намъ въ нихъ выкажется со всевозможною ясностью. Стоитъ только припомнить, что пароходъ движется при весьма различныхъ состояніяхъ погоды, вѣтра, волнъ, между одними и тѣми же точками, въ сроки, назначенные заранѣе впередъ; что артисты точно также исполняютъ различныя пьесы въ различное время, по заранѣе заготовленному росписанію; что они для этого впередъ собираются и сыгрываются; что публика съѣзжается ихъ слушать точно также въ заранѣе назначенное время и т. д. Изъ этихъ фактовъ, явно указывающихъ на цѣлесообразность дѣйствій или поступковъ, предвидѣнныхъ впередъ, разсчитанныхъ и выполняемыхъ, несмотря на измѣняющіяся обстоятельства и обстановку, часто наперекоръ препятствіямъ, видно, что роковымъ сцѣпленіемъ причинъ и послѣдствій руководила воля, приводившая въ сочетаніе тѣ условія, которыя уже сами собою производили извѣстное роковое явленіе. Если взять психическое состояніе лицъ, рѣшившихся выполнить всѣ описанныя движенія, прежде чѣмъ они были выполнены, то безъ сомнѣнія никто, кромѣ нихъ, не зналъ и не могъ знать о томъ, что въ нихъ происходило. Въ этомъ смыслѣ, первоначальный, еще не выразившійся во внѣшнемъ поступкѣ актъ воли доступенъ только сознанію, какъ и образъ, сложившійся въ душѣ художника, пока онъ его не выразилъ въ своемъ произведеніи. Далѣе: если взять внѣшнее дѣйствіе, въ которомъ выразился актъ воли, и разъять его на составныя его части, то въ каждой изъ нихъ нѣтъ возможности открыть выраженіе воли. Такимъ образомъ, въ приведенныхъ случаяхъ и Ю. Ѳ. Самаринъ и проф. Сѣченовъ, согласные въ отрицаніи воли какъ объективнаго факта, совершенно правы. Но какъ тотъ, такъ и другой могутъ не иначе, какъ съ очевидной натяжкой, отрицать внѣшнее выраженіе акта воли въ цѣлой совокупности явленія, въ сочетаніи внѣшнихъ фактовъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ не естественному или случайному ходу вещей, а руководящему вмѣшательству или направленію человѣка.

Ю. Ѳ. Самаринъ видитъ сосуществованіе двухъ взаимно исключающихъ другъ друга факторовъ: психической свободы и роковой необходимости. Онъ полагаетъ, что отыскать формулу ихъ примиренія невозможно, и потому это логическое противорѣчіе надо признать за фактъ, иначе за признакъ пертурбаціи въ самой жизни. Вполнѣ признавая фактъ пертурбаціи, о которой я даже говорю въ „Задачахъ Психологіи“, я никакъ не могу, по изложеннымъ выше соображеніямъ, согласиться съ тѣмъ, будто два фактора, о которыхъ идетъ рѣчь, исключаютъ другъ друга, и будто бы психическая свобода доступна одному личному сознанію, а роковая необходимость, напротивъ, открывается во всѣхъ явленіяхъ. Оба фактора, опредѣляющіе дѣйствительность, не могутъ быть названы исключающими другъ друга, когда мы ихъ иначе и не знаемъ, какъ въ тѣснѣйшей и неразрывной связи и непрерывномъ взаимодѣйствіи. Самопроизвольная дѣятельность, какъ мы видѣли, выражается не въ одномъ личномъ сознаніи, но и въ сочетаніи внѣшнихъ фактовъ, и потому столько же доступна въ ней научному изслѣдованію, какъ и роковая связь причинъ и послѣдствій. Наконецъ, сосуществованіе двухъ элементовъ, взаимныя отношенія которыхъ намъ неиз-

вѣстны, не трудно углѣдить не въ однихъ явленіяхъ самопроизвольности и необходимости въ человѣкѣ, но и на низшихъ ступеняхъ природы, гдѣ одинъ изъ факторовъ, именно психическій, только не заявляетъ себя такъ ярко, своеобразно, какъ въ человѣкѣ, и потому мало обращаетъ на себя вниманіе и даже вовсе не признается многими, въ томъ числѣ и Ю. Ѳ. Самаринымъ.

(Вѣстникъ Европы, 1875 г., кн. V—VII).

НАШЪ УМСТВЕННЫЙ СТРОЙ.

Нашъ теперешній умственный строй, если въ него хорошенько вдуматься, едва-ли не безпримѣрное явленіе въ исторіи; вѣрно то, что ни одно изъ современныхъ европейскихъ обществъ не представляетъ ничего подобнаго.

Прислушайтесь къ толкамъ мыслящихъ и просвѣщенныхъ людей всевозможныхъ направленій и оттѣнковъ,—и вездѣ услышите одну и ту же жалобу: мало у насъ производительности, слишкомъ мало труда, энергіи, выдержки. Въ умѣ, талантахъ, способностяхъ —нѣтъ недостатка, но они пропадаютъ даромъ, вырождаются въ пустоцвѣтъ. Куда ни обратиться, во всемъ сильно чувствуется недостатокъ осмысленнаго и капитализированнаго труда. Оттого, малѣйшее, ничтожнѣйшее дѣло тормозится у насъ громадными препятствіями, превышающими силы одного человѣка. Наталкиваясь на нихъ на каждомъ шагу, всякій побьется-побьется, да и сложитъ руки и ничего не дѣлаетъ.

Несогласные ни въ чемъ, мы всѣ совершенно согласны въ этихъ сѣтованіяхъ и расходимся только въ объясненіи, отчего это у насъ такъ? Одни, большинство, сваливаютъ вину на внѣшнія обстоятельства; другіе—на нашу будто бы прирожденную вялость и дряблость, причины которой ищутъ въ этнографическихъ, географическихъ, климатическихъ и тому подобныхъ условіяхъ.

Допустимъ, что эти объясненія болѣе или менѣе справедливы. Что-жъ изъ этого? Должно быть, на нихъ нельзя успокоиться, когда жалобы нетолько не прекращаются, а напротивъ, изъ года въ годъ усиливаются. Намъ, волей-неволей, поставлена задача, которая настойчиво напрашивается на рѣшеніе и которой, видно, нельзя обойти разсужденіями, положимъ, очень убѣдительными, о томъ, откуда она взялась и почему рѣшить ее невозможно. Объясненія, очевидно, не исчерпываютъ предмета; да они и не могутъ его исчерпать. Намъ нужно дѣло, трудъ, работа, то, что̀ возможно, то, что̀ должно быть, а наши разсужденія обнимаютъ только то, что̀ было и есть. Удовлетворить нашимъ требованіямъ можетъ только дѣло, а не умствованія. И у насъ наступаетъ, если уже не наступилъ, одинъ изъ тѣхъ фазисовъ развитія, когда мыслящее отношеніе къ дѣйствительности, къ себѣ и окружающему, стремится перейти въ дѣятельное, творческое. На смѣнѣ этихъ фазисовъ одного другимъ вертится вся жизнь и отдѣльныхъ лицъ и человѣческихъ обществъ. Работа всегда перерывается остановкой, чтобъ подумать о томъ, что̀ сдѣлано и какъ впередъ вести дѣло; а потомъ опять начинается работа.

Если наши жалобы не пустыя фразы, не праздныя слова, а выраженіе продуманной и прочувствованной потребности, то такому нашему расположенію и настроенію должны бы, кажется, отвѣчать наши убѣжденія и взгляды. Когда человѣкъ говоритъ, что вокругъ него мало работаютъ, что онъ и самъ хотѣлъ бы потрудиться, но ему мѣшаютъ разныя обстоятельства, надо предполагать, что онъ считаетъ себя и другихъ способными къ дѣятельности, другими словами, что онъ допускаетъ нетолько возможность, но и дѣйствительное существованіе тѣхъ условій, безъ которыхъ она не мыслима. Но на дѣлѣ оказывается противное. Взгляды, между которыми дѣлятся образованные слои нашего общества на группы, отрицаютъ, прямо или косвенно, самыя условія дѣятельности. Какъ это ни страннымъ покажется, но это такъ. Въ вопіющемъ противорѣчіи убѣжденій и стремленій, дѣла и его предпосылокъ, и заключается та наша удивительная

особенность, которой нѣтъ подобной въ цѣломъ мірѣ. Насущныя потребности и здравый смыслъ толкаютъ насъ на трудъ, на работу, а взгляды, теоріи отвергаютъ самыя основы труда, доказывая, по всѣмъ правиламъ искусства, ихъ несостоятельность и невозможность.

Настроенія, господствующія въ нашемъ образованномъ обществѣ, колеблются между двумя міросозерцаніями, которыя и опредѣляютъ наши теоретическія воззрѣнія. По одному изъ нихъ,—условіями матеріальнаго міра опредѣляются явленія міра духовнаго. Какъ первый, такъ и послѣдній одинаково подчинены закону роковой связи условій и ихъ неизбѣжныхъ послѣдствій. Этимъ самостоятельная и самодѣятельная личность отрицается въ самомъ принципѣ. Противоположное этому міросозерцаніе видитъ въ матеріальномъ мірѣ нѣчто вовсе не существенное; существеннымъ же, имѣющимъ дѣйствительное бытіе, считаетъ одинъ духовный міръ, выноситъ его за предѣлы матеріальной природы и признаетъ недоступнымъ положительному научному изслѣдованію, которому будто бы подлежатъ только явленія матеріальной природы. По этому воззрѣнію, знаніе явленій духовнаго порядка можетъ быть лишь непосредственнымъ, а не результатомъ индукціи, потому что это знаніе основано на личномъ, субъективномъ сознаніи, факты котораго не подлежатъ критической провѣркѣ. Положительная наука, по тому же взгляду, ограничена предѣлами естествовѣдѣнія и не въ состояніи подняться до анализа и критики явленій духовнаго міра.

Оба міросозерцанія исключаютъ другъ друга. Только въ этомъ и состоитъ ихъ тѣсная взаимная связь. Чтобы понять, почему каждое изъ нихъ ставитъ свои положенія такъ односторонне, стоитъ только ихъ сопоставить и сравнить между собою: смыслъ обоихъ тотчасъ же вполнѣ выяснится. Одно смѣшиваетъ положительное знаніе съ естествовѣдѣніемъ и, на основаніи этого смѣшенія, отрицаетъ объективность личнаго сознанія и самопроизвольности. Другое, не споря противъ такого отождествленія положительнаго знанія съ естествовѣдѣніемъ, признаетъ, вслѣдствіе того, явленія духовнаго міра недоступными положительной наукѣ и сводитъ знаніе этихъ явленій на непосредственное личное убѣжденіе, не подлежащее научной провѣркѣ. Дѣятельная, творческая сторона человѣка отрицается обоими міровоззрѣніями, но различнымъ образомъ,—однимъ прямо, другимъ косвенно. Доктрина, сводящая весь міръ духовныхъ явленій къ законамъ внѣшняго міра, послѣдовательно приходитъ къ чистому фатализму. Въ самомъ дѣлѣ, если нѣтъ самопроизвольности, хотя бы въ самой ограниченной долѣ, если каждое духовное явленіе есть роковой результатъ внѣшнихъ вліяній и невольная причина роковыхъ послѣдствій, то всякое усиліе поставить цѣль и стремиться къ ея достиженію есть не болѣе какъ самообольщеніе, миражъ ума, который не можетъ же вѣчно продолжаться и долженъ когда-нибудь разоблачиться передъ научной критикой; а разъ эта минута настала,—самое стремленіе ставить цѣли, самая рѣшимость бороться съ препятствіями къ ихъ достиженію должны изчезнуть. Не пробуемъ же мы схватить рукою луну! Другая доктрина, перенося дѣйствительно сущее изъ реальныхъ индивидуальностей въ метафизическую сущность, тоже приводитъ къ фатализму, потому что, при такомъ взглядѣ, источникомъ дѣятельности, творчества, является не реальный, дѣйствительный человѣкъ, а метафизическая сущность. Правда, доктрина не отрицаетъ самостоятельности и самодѣятельности отдѣльнаго, индивидуальнаго лица; но она не опредѣляетъ и не можетъ опредѣлить доли той и другой, которая ему остается за перенесеніемъ центра ихъ тяжести въ метафизическую сущность.

Здѣсь не мѣсто критически разсматривать и оцѣнивать научное достоинство обоихъ міровоззрѣній. Истинны они, или ошибочны,—это вопросъ, который можетъ быть рѣшенъ только при помощи правильной теоріи познаванія, до сихъ поръ еще, какъ извѣстно, не установившейся окончательно. Оставимъ этотъ вопросъ въ сторонѣ и обратимся къ тому, что насъ теперь занимаетъ.

Изъ двухъ нашихъ основныхъ міровоззрѣній, одно отрицаетъ самодѣятельность, другое—возможность объективнаго научнаго изслѣдованія явленій духовнаго міра. Спрашивается: какъ согласить съ этими взглядами потребность въ творческомъ, осмысленномъ трудѣ? Развѣ осмысленная дѣятельность, творящая новое, возможна, когда въ принципѣ отрицается самопроизвольность и когда область положительной критической науки ограничивается одними матеріальными явле-

ніями? Къ какому періоду исторіи рода человѣческаго мы бы ни обратились, вездѣ и всегда господствующія міровоззрѣнія, строй убѣжденій, теченіе мыслей отвѣчали живымъ потребностямъ времени. Всякая мысль, по существу своему, есть какъ бы пятка, на которую человѣкъ опирается въ борьбѣ съ окружающею дѣйствительностью и съ самимъ собой. Мыслью опредѣляются его внутреннія и внѣшнія отношенія, и въ этомъ заключается великое, творческое значеніе теоріи. Самыя, повидимому, отвлеченныя философскія системы находились въ общеніи такого рода съ дѣятельною стороною людей. Онѣ переносили въ міръ отвлеченностей, часто въ формѣ, трудно доступной большинству, то, чѣмъ въ данную минуту бились живыя человѣческія сердца. Вездѣ и всегда дѣйствительныя потребности заставляли людей подходить къ философской истинѣ именно съ такой-то, а не съ другой стороны, оттѣнять съ особенною яркостью именно этотъ, а не другой ея законъ. Одни мы точно составляемъ изъятіе изъ общаго правила. Требованія времени настоятельно толкаютъ насъ на развитіе нравственной личности, самостоятельной и самодѣятельной,—этой основы не только гражданскаго и общественнаго, но вообще всякаго человѣческаго существованія; а наши міровоззрѣнія находятся въ вопіющемъ противорѣчіи съ этою насущною потребностью. Вмѣсто того, чтобъ работать намъ въ руки, они насъ задерживаютъ, намъ мѣшаютъ, парализуютъ въ самомъ зародышѣ наши поползновенія къ дѣятельности.

Не безъ нѣкоторой зависти смотримъ мы, и съ этой стороны, на Западную Европу. И есть чему позавидовать! Съумѣла же она выработать свои доктрины такъ, что онѣ, разъ-въ-разъ, отвѣчали и отвѣчаютъ живымъ потребностямъ, идутъ съ ними рука объ руку, освѣщаютъ, направляютъ ихъ и ведутъ къ сознательному, возможно правильному ихъ удовлетворенію въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ. Народится другое племя, явятся новыя потребности, и мысль, теорія снова спѣшатъ имъ на подмогу, создаются новыя міровоззрѣнія, новыя доктрины, выдвигающія на первый планъ другую сторону истины, или другой законъ, остававшійся до тѣхъ поръ въ тѣни, незамѣченнымъ, потому что не было повода, нужды обращать на нихъ вниманіе; а приспѣло время,—и вотъ вся зоркость мысли, всѣ силы науки устремляются на нихъ. Такъ было въ Европѣ всегда, такъ ведется и теперь. Теорія и практика, системы и насущныя потребности живутъ тамъ не въ разладѣ, а въ тѣсномъ единеніи. Кажущаяся и дѣйствительная односторонность европейскихъ міросозерцаній объясняется именно этимъ безцѣннымъ ихъ свойствомъ,—тѣсной связью съ живою дѣйствительностью, съ насущными потребностями.

Всѣмъ извѣстно, изъ какихъ элементовъ сложилась европейская жизнь и развилась европейская культура. Въ основаніе европейской общественности легла сильно развитая личность. Личная независимость, личная свобода, возможно-нестѣсненная, всегда были исходной точкой и идеаломъ въ Европѣ. Весь ея гражданскій и политическій бытъ, сверху до низу, былъ построенъ на договорахъ, на системѣ взаимнаго уравновѣшенія правъ. Европа долго боролась, прошла чрезъ цѣлый рядъ глубокихъ потрясеній, прежде чѣмъ ей наконецъ удалось справиться съ разрозненностью и замкнутостью враждебныхъ другъ другу союзовъ, ввести ихъ въ нѣкоторыя границы и подчинить условіямъ правильно организованнаго государства.—Пока государственный принципъ не выработался, связующимъ звеномъ служили римско-католическое вѣроученіе и церковь, представитель вліянія и власти христіанства посреди разрозненнаго европейскаго міра. По образцу другихъ союзовъ, церковь, съ папою во главѣ, сложилась въ Европѣ въ сильную, крѣпко организованную корпорацію, которая, по своему значенію, возвышалась надъ всѣми прочими и держала весь европейскій міръ въ своихъ рукахъ. Но власть ея, мало-по-малу, обратилась въ нестерпимый гнетъ; вѣра и христіанское ученіе стали служить ей благовиднымъ предлогомъ для неслыханныхъ злоупотребленій, такъ что римское католичество стало напослѣдокъ синонимомъ подавленія свободы мысли и совѣсти и вопіющаго извращенія евангельскихъ истинъ. Это вызвало сначала протесты, которые постепенно перешли въ открытое возстаніе и кончились отпаденіемъ значительной части европейскаго населенія отъ римско-католической церкви. Борьба эта, длившаяся столѣтія и продолжающаяся отчасти и до нашего времени, имѣла, по самому свойству вопросовъ, о которыхъ шла

рѣчь, преимущественно теоретическій характеръ, и велась сначала на богословской, а потомъ на научной почвѣ. Мысль и совѣсть, опутанныя тысячью цѣпей, рвались на свободу, опираясь сперва на текстъ и смыслъ священнаго писанія, а впослѣдствіи орудіемъ борьбы явились доводы науки, знанія. Эти теоретическіе споры, богословскіе и научные, и привели наконецъ европейское общество къ гражданской и политической независимости отъ римско-католической церкви и главы ея—папы.

Вотъ условія, придавшія европейской мысли ея оригинальный, своеобразный складъ.

Сильно поставленная индивидуальность и естественное ея послѣдствіе—замкнутая корпорація тормозили дѣло политическаго и гражданскаго объединенія. Поэтому, когда время приспѣло, мысль обратилась въ Европѣ на то, что̀ особенно озабочивало людей,—на выработку объективнаго права, въ противоположность субъективнымъ, личнымъ притязаніямъ. Потому-то первое, а не послѣднее, такъ ярко выдвинуто европейской мыслью и наукою на первый планъ. Объ индивидуальномъ, личномъ нечего было заботиться; оно и безъ того слишкомъ выпукло заявляло себя всюду, и обстаивать его теоретически не было никакой надобности. Какъ предполагаемая и болѣе или менѣе враждебная началу объединенія, личность, индивидуальность оставлена наукою въ сторонѣ; наука занялась преимущественно общимъ, объективнымъ, сравнительно болѣе слабымъ, пришла къ нему на помощь и объяснила и обставила его теоретически съ особеннымъ вниманіемъ.

Точно также, и по сходныхъ причинамъ, особенно тщательно разработанъ въ Европѣ вопросъ знанія, объективной истины, а истина индивидуальная, вѣра, личное убѣжденіе, заслонены, оставлены въ тѣни. Протестовать и бороться противъ гнета римской церкви можно было, особливо сначала, не иначе, какъ стоя на одной съ нею почвѣ и употребляя противъ нея ея же оружіе—толкованіе священнаго писанія; а такое толкованіе мало-по-малу превратило споръ изъ богословскаго въ научный. Объясненіямъ духовенства стали противопоставляться объективные научные доводы; сила и авторитетъ послѣднихъ, вѣскихъ самихъ по себѣ, усиливались еще недовѣріемъ къ толкованію тѣхъ, кто считался исключительно уполномоченнымъ проповѣдникомъ истинъ вѣры. Такъ, вслѣдствіе несноснаго ига и злоупотребленій церкви, вѣра, личное убѣжденіе стали исподоволь рѣзко противопоставляться объективной, научной истинѣ; ихъ естественное различеніе превратилось въ отрицаніе вѣры и личнаго убѣжденія и въ присвоеніе характера истины исключительно результатамъ научнаго, объективнаго изслѣдованія. Такимъ образомъ, въ научномъ знаніи выковалось оружіе для борьбы съ церковью, точно также, какъ въ политическихъ и гражданскихъ учрежденіяхъ выработаны средства для борьбы съ индивидуальностью и корпораціями. По ходу вещей, полемика съ церковью заострилась въ отрицаніе личнаго, субъективнаго убѣжденія, а выработка государства и его враждебное отношеніе къ личному произволу и самостоятельнымъ корпораціямъ—въ отрицаніе индивидуальности, принципа самодѣятельности и самопроизвольности. Недовѣрчивость, подозрительность ко всему, что̀ прямо или косвенно ка̀салось внутренняго, психическаго міра, накопившіяся вѣками, придали критической сторонѣ ума особенную тонкость, чуткость и преимущественно отрицательный складъ и съузили науку, положительное знаніе. Отбиваясь отъ метафизики и схоластики, на которыя, главнымъ образомъ, опиралась церковь, наука искала и для себя твердой, несокрушимой точки опоры и нашла ее наконецъ въ неизмѣнныхъ законахъ природы, менѣе сложныхъ чѣмъ психическіе и болѣе доступныхъ для изслѣдованія. Что только математическія и естественныя науки считаются положительными, это объясняется не самымъ существомъ этихъ наукъ, а историческими обстоятельствами, при которыхъ развилось въ Европѣ научное знаніе. Между тѣмъ, предразсудокъ этотъ укоренился и пережилъ условія, которыя его породили. И не онъ одинъ дожилъ до нашего времени. Изъ той же эпохи борьбы знанія съ римскою церковью унаслѣдована нами злосчастная мысль, будто естественныя науки не могутъ иначе, какъ отрицательно относиться къ явленіямъ духовнаго, психическаго міра, будто матеріальное и психическое, духовное исключаютъ другъ друга. Вѣковою борьбою знанія съ римскимъ католицизмомъ объясняется также, почему всѣ явленія и законы, неизвѣстные въ матеріальномъ мірѣ, вычеркнуты изъ науки, какъ иллюзіи или ошибки.

Многое измѣнилось въ Европѣ со времени этой борьбы. Рѣзкости и крайности, ею вызванныя, значительно сгладились; но первоначальная закваска сохранилась. Она невидимо проникаетъ всю европейскую мысль, даетъ ей тонъ и складъ, слышится безпрестанно во всемъ и держится тѣмъ упорнѣе, что историческія предпосылки ея давно забыты.

Спрашиваемъ: имѣетъ ли такая постановка вопросовъ и вся эта борьба, съ ея послѣдствіями, хоть что-нибудь общаго съ тѣмъ, что мы видѣли и видимъ у себя?

Чрезмѣрнымъ развитіемъ личной энергіи, желѣзною стойкостью лица, его необузданнымъ стремленіемъ къ свободѣ, его щепетильнымъ и ревнивымъ охраненіемъ своихъ правъ мы, кажется, никогда не имѣли повода хвалиться. Юридическая личность у насъ, можно сказать, едва народилась и продолжаетъ и теперь поражать своею пассивностью, отсутствіемъ почина и грубѣйшимъ, полудикимъ реализмомъ. Во всѣхъ слояхъ нашего общества стихійные элементы подавляютъ индивидуальное развитіе. Не говорю о нравственной личности въ высшемъ значеніи слова: она вездѣ и всегда была и есть плодъ развитой интеллектуальной жизни и всюду составляетъ исключеніе изъ общаго правила. Нѣтъ, я беру личность въ самомъ простомъ, обиходномъ смыслѣ, какъ ясное сознаніе своего общественнаго положенія и призванія, своихъ внѣшнихъ правъ и внѣшнихъ обязанностей, какъ разумное поставленіе ближайшихъ практическихъ цѣлей и такое же разумное и настойчивое ихъ преслѣдованіе. И что же? Даже въ этомъ простѣйшемъ смыслѣ личность составляетъ у насъ почтенное и, къ сожалѣнію, рѣдкое изъятіе изъ общаго уровня крайней распущенности во всѣ стороны. Въ насъ апетиты часто бываютъ развиты до болѣзненности, но нѣтъ ни охоты, ни способности трудиться, съ цѣлью удовлетворить имъ, бороться съ препятствіями, отстаивать себя и свою мысль. Оттого, въ ходѣ общественныхъ и частныхъ нашихъ дѣлъ нѣтъ ни обдуманной системы, ни даже послѣдовательности, нѣтъ преемственности отъ поколѣнія къ поколѣнію, и потому нѣтъ капитализаціи труда, знанія и культурныхъ привычекъ. Смѣнились люди, и дѣло пропадаетъ; все идетъ совсѣмъ иначе, до тѣхъ поръ, пока случай не натолкнетъ опять на то же дѣло другого человѣка, который выкопаетъ его изъ-подъ спуда, стряхнетъ съ него архивную пыль, и опять пуститъ въ ходъ, чтобы послѣ него оно снова было брошено и забыто. Такъ какъ въ насъ самихъ нѣтъ никакой устойчивости, то ея нѣтъ и быть не можетъ и въ нашей обстановкѣ, которая всегда есть живое отраженіе человѣка и общества. Мы вѣчно фантазируемъ, вѣчно отдаемся первой случайной прихоти, мѣняя ихъ безпрестанно. Мы жалуемся на обстановку, на злую судьбу, а особенно на всеобщее равнодушіе и безучастіе ко всякому доброму и полезному дѣлу. Но вѣдь и всѣмъ, подобно намъ, желалось бы, чтобы дѣло дѣлалось само собою, чтобы жизнь несла намъ дары труда и образованности безъ всякаго съ нашей стороны участія въ черной работѣ. И вотъ, мы прячемся за ходъ вещей, за логику событій, которыя должны работать за насъ. Такъ и выходитъ на самомъ дѣлѣ: все дѣлается какъ-то само собою, помимо насъ, но зато совсѣмъ не такъ, какъ бы намъ хотѣлось. Стихійныя силы, не направляемыя человѣкомъ, приносятъ намъ, вмѣсто того, о чемъ мы мечтаемъ, самыя причудливыя неожиданности.

Излишнею пытливостью и смѣлостью мысли, чрезмѣрнымъ напряженіемъ и развитіемъ умственной дѣятельности, перехватывающей черезъ край, переступающей сильнымъ размахомъ границы возможнаго, — этими недостатками мы тоже не страдаемъ. Напротивъ, мы слишкомъ мало думаемъ; элементъ мышленія равенъ у насъ почти нулю, не принимаетъ почти никакого участія въ нашихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ, а потому и не входитъ опредѣляющимъ, существеннымъ элементомъ въ наше міросозерцаніе и нашу практическую дѣятельность. До послѣдняго времени мысль была у насъ прихотью достаточныхъ классовъ, избранныхъ людей, которые одиноко стояли въ средѣ, погруженной въ ближайшую грубую непосредственность и жившей одними преданіями и рутиной. Какъ прихоть, мысль и носилась у насъ свободно надъ дѣйствительностью, нигдѣ и ни за что не зацѣпляясь, ни въ чемъ не встрѣчая преграды, какъ вѣтеръ на нашихъ необозримыхъ равнинахъ. Не будучи прикована къ нашимъ ежедневнымъ нуждамъ, трудамъ и заботамъ, не имѣя балласта, она легко улетучивалась въ фантазію и бредъ. Исподтишка мы подсмѣивались надъ узкостью европейской мысли, надъ ея точностью и пе-

дантизмомъ, не подозрѣвая, что въ Европѣ мысль не забава, какъ у насъ, а серьезное дѣло, что она тамъ идетъ рука объ руку съ трудными задачами дѣйствительной жизни и подготовляетъ ихъ рѣшеніе. Только мысль, подобно нашей, служащая игрушкой, способна испаряться въ широкія отвлеченности, терять почву изъ-подъ ногъ; тамъ, гдѣ она запряжена въ тяжелый возъ ежедневной жизни, она, по необходимости, и узка, и одностороння. Мы же воображаемъ, что широкими отвлеченностями рѣшаются міровые вопросы; намъ и въ голову не приходитъ, что, совсѣмъ напротивъ, съ ними люди, на дѣлѣ, только безплодно вертятся въ пустотѣ, убаюкивая свою лѣнь. Призраками, которые мы считаемъ послѣднимъ словомъ науки, мы только благовидно оправдываемъ наше высокомѣрное и безучастное отношеніе къ нашей печальной ежедневности.

Ясно, что не у насъ, не на нашей почвѣ, могли развиться, въ видѣ научныхъ воззрѣній, отрицаніе самостоятельной и самодѣятельной личности, отрицательное отношеніе къ положительной наукѣ и критическому изслѣдованію явленій духовнаго порядка. Не можетъ теорія, развившаяся подъ вліяніемъ дѣйствительныхъ, насущныхъ потребностей, отрицать самодѣятельность тамъ, гдѣ она вовсе себя не заявляла въ жизни; не можетъ она скептически относиться къ такимъ или другимъ примѣненіямъ мысли, установлять границы между личнымъ убѣжденіемъ и объективнымъ знаніемъ тамъ, гдѣ мышленіе и наука являлись лишь въ видѣ экзотическаго растенія. Въ такой странѣ, самостоятельное міровоззрѣніе, отвѣчая на дѣйствительныя потребности, заявляющія себя въ безсознательныхъ и полусознательныхъ стремленіяхъ, станетъ, напротивъ, съ особенной заботливостью и тщаніемъ выяснять начала нравственной индивидуальности, личности и автономіи мышленія, подавляемыхъ стихійнымъ характеромъ среды, въ которой они, по недостатку точки опоры, расплываются и теряются. Мы поступаемъ иначе. Принимая изъ Европы, безъ критической провѣрки, выводы, сдѣланные ею для себя изъ своей жизни, наблюденій и опытовъ, мы воображаемъ, будто имѣемъ передъ собою чистую, безпримѣсную научную истину, всеобщую, объективную и неизмѣнную, и тѣмъ парализуемъ собственную свою дѣятельность въ самомъ корнѣ, прежде чѣмъ она успѣла начаться. Еще недавно мы точно также относились къ европейскимъ учрежденіямъ и нравамъ, пока наконецъ опытомъ не убѣдились, что обычаи и учрежденія вездѣ и всегда носятъ на себѣ отпечатокъ страны, гдѣ они образовались, и живые слѣды ея исторіи. Но относительно науки мы далеко еще не успѣли раздѣлаться съ старымъ предразсудкомъ и остаемся въ убѣжденіи, что она составляетъ исключеніе изъ общаго правила. Отнесись мы къ ней критически, мы тотчасъ же замѣтили бы, что она, какъ и все на свѣтѣ, имѣетъ свои особенности, что и она одностороння, одно оттѣняетъ слишкомъ ярко, на другое не обращаетъ должнаго вниманія; что она тоже имѣетъ свои предубѣжденія и предразсудки. Недостатокъ серьезной критики европейской науки и ея историческаго развитія мѣшаетъ намъ, въ то же время, взвѣсить и оцѣнить какъ слѣдуетъ ея дѣйствительно сильную сторону, на которую было указано выше. Великое значеніе европейской науки заключается не въ непогрѣшимости ея результатовъ, а въ томъ, что она выросла и развилась изъ живыхъ потребностей среды и времени, что она соотвѣтствуетъ имъ и на нихъ работаетъ. Оттого наука въ Европѣ—народное дѣло, оттого она тамъ и въ великомъ почетѣ.

Мы считаемъ себя европейцами и во всемъ стараемся стать съ ними на одну доску. Но, чтобы этого достигнуть въ области науки и знанія, намъ не слѣдуетъ, какъ дѣлали до сихъ поръ, брать изъ Европы готовые результаты ея мышленія, а надо создать у себя такое же отношеніе къ знанію, къ наукѣ, какое существуетъ тамъ. Въ Европѣ наука служила и служитъ подготовкой и спутницей творческой дѣятельности человѣка въ окружающей средѣ и надъ самимъ собой. Ту же роль должны мысль, наука играть и у насъ; но для этого намъ надо прежде всего критически взглянуть на результаты европейской мысли, доискаться до ея предпосылокъ, всюду подразумѣваемыхъ и нигдѣ не выраженныхъ. Въ нихъ скрыта живая связь теоретическихъ задачъ и практическихъ потребностей. Уяснивъ себѣ такимъ путемъ историческую сторону европейской науки, мы поймемъ, что и она, какъ всякая другая наука, не есть сама безусловная истина, а обусловленный обстоятельствами и степенью знанія отвѣтъ на вопросъ, тоже родившійся въ данное время и посреди извѣстной об-

становки, слѣдовательно тоже не безусловный. Убѣдившись въ этомъ, мы освободимся отъ научнаго фетишизма, который подавляетъ у насъ самостоятельное развитіе науки и знанія, и вынуждены будемъ, по примѣру европейцевъ, вдуматься въ источники зла, которое насъ гложетъ. Тогда не трудно будетъ указать и на средства, какъ его устранить или ослабить. Такой путь будетъ европейскимъ, и только когда мы на него ступимъ, зародится и у насъ европейская наука; съ тѣмъ вмѣстѣ выводы знанія перестанутъ у насъ быть такими безрезультатными, какъ теперь, а свяжутся, какъ въ Европѣ, съ рѣшеніемъ важнѣйшихъ нашихъ вопросовъ. Очень вѣроятно, что выводы эти будутъ иные, чѣмъ тѣ, до какихъ додумалась Европа; но несмотря на то, знаніе, наука будутъ у насъ тогда несравненно болѣе европейскими, чѣмъ теперь, когда мы безъ критики принимаемъ результаты изслѣдованій, сдѣланныхъ въ Европѣ. Предвидѣть у насъ другіе выводы можно потому, что условія жизни и развитія въ Европѣ и у насъ совсѣмъ иныя. Тамъ до совершенства выработана теорія общаго, отвлеченнаго, потому что оно было слабо и требовало поддержки; наше больное мѣсто—пассивность, стертость нравственной личности. Поэтому намъ предстоитъ выработать теорію личнаго, индивидуальнаго, личной самодѣятельности и воли. Въ Европѣ, въ силу историческихъ обстоятельствъ, личное, субъективное убѣжденіе оставлено въ тѣни; намъ, по нашимъ историческимъ условіямъ, надо, напротивъ, съ особеннымъ вниманіемъ разработать вопросъ о субъективной истинѣ, высвободить ее изъ-подъ давленія истины объективной, возвратить ей права, отнятыя по ошибкѣ и недоразумѣніемъ, и самымъ точнымъ образомъ разграничить между собою тотъ и другой видъ истины. Словомъ, мы должны дѣлать то же и такъ же, какъ европейцы: путемъ науки, изслѣдованія, знанія мы должны выдвинуть на первый планъ не то, чѣмъ мы сильны, а то, чѣмъ мы слабы. У насъ лицо расплывается въ стихійныхъ элементахъ; стало быть, всѣ наши умственныя силы и вся наша творческая дѣятельность должны быть направлены на то, какъ бы его укрѣпить и развить. Только когда у насъ разовьется индивидуальное начало, когда народится и на Руси нравственная личность, можетъ измѣниться и наша печальная ежедневная дѣйствительность. Теперь наша практика представляетъ либо рутинное, безсознательное продолженіе привычекъ, имѣвшихъ когда-то свое значеніе, но съ измѣнившимися обстоятельствами потерявшихъ смыслъ, или же безплодное отрицаніе непривѣтной дѣйствительности; тогда наша практическая дѣятельность превратится въ воспроизведеніе, въ реальномъ мірѣ, преобразующей, просвѣтляющей и обновляющей мысли.

Время идетъ и беретъ свое. И у насъ, мало-по-малу, знаніе перестаетъ быть дѣломъ одной любознательности, предметомъ пріятной бесѣды, занятіемъ просвѣщеннаго досуга. Жизнь становится сложнѣй, практическіе вопросы, помимо нашей воли, напрашиваются на практическое рѣшеніе. Мы тоже должны, наконецъ, такъ или иначе, научиться самому тяжкому и мучительному дѣлу изъ всѣхъ—серьезно и глубоко думать. Наступаетъ время, когда мы должны будемъ перестать вѣрить съ чужого голоса, будто только и есть положительная наука, что математика и естествовѣдѣніе, съ ихъ прикладными техническими отраслями; что психическая, духовная сторона человѣка, которая теперь многимъ изъ насъ представляется чѣмъ-то далекимъ, туманнымъ и въ сущности ненужнымъ, на самомъ дѣлѣ играетъ въ практической жизни огромную роль и имѣетъ на нее, конечно, не менѣе вліянія, чѣмъ знаніе математики и матеріальныхъ свойствъ тѣлъ. Уже теперь намъ нельзя больше довольствоваться готовыми рѣшеніями и формулами европейской науки; часто приходится намъ строго провѣрять ихъ; но выполнить эту работу за насъ никто не можетъ, всего менѣе европейцы. У нихъ предпосылки науки, чуждыя намъ, выстраданы цѣлыми вѣками, передавались по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе, всосались въ плоть и кровь и обратились во вторую природу, до того, что они ихъ сами не замѣчаютъ; у насъ же онѣ невольно бросаются въ глаза, при малѣйшемъ вниманіи. Насъ онѣ до сихъ поръ только потому не поражали, что мы еще не доросли до научной критики, и наука у насъ, въ глазахъ очень многихъ, къ сожалѣнію, все еще больше предметъ роскоши, безъ котораго можно, пожалуй, и обойтись.

(Недѣля, 1876, № 10).

IV. ЭТИКА

ИДЕАЛЫ И ПРИНЦИПЫ.

Требованіе и исканіе идеаловъ все болѣе и болѣе выдвигается впередъ въ нашей литературѣ. Журнальная и газетная полемика едва успѣла коснуться этого предмета, какъ на него отозвались со всѣхъ сторонъ. Нѣтъ идеаловъ, а безъ нихъ жить нельзя,—вотъ что̀ слышится отовсюду.

Вопросъ, очевидно, пришелся по времени, задѣлъ за живую струну. Намъ чего-то недостаетъ и недостаетъ очень существеннаго въ нашемъ умственномъ и нравственномъ существованіи. Но чего именно недостаетъ,—этого, какъ мнѣ кажется, мы еще сами не выяснили себѣ какъ слѣдуетъ. Оттого и идетъ полемика о поднятомъ вопросѣ, обѣщающая, судя по началу, не привести ни къ чему, кончиться ничѣмъ.

Если подъ идеаломъ понимать болѣе или менѣе ясное представленіе о томъ, что̀ должно быть взамѣнъ того, что̀ есть, какую-нибудь опредѣленную цѣль, въ которой намѣчены общими чертами будущія дѣйствія, формулированную программу поступковъ или фактовъ, то въ отсутствіи или недостаткѣ идеаловъ грѣхъ упрекнуть наше время: оно ими, пожалуй, богаче, чѣмъ прежнее. Нѣтъ человѣка, у котораго такихъ идеаловъ не носилось бы передъ мыслью или воображеніемъ, котораго желанія и надежды не были ими обольщены,—начиная съ ребенка, ожидающаго игрушку ко дню своихъ именинъ, съ труженика, живущаго изо-дня въ день работой, мечтающаго объ обезпеченномъ кускѣ хлѣба, и оканчивая человѣкомъ съ самыми широкими помыслами.

Очевидно, не о такихъ идеалахъ идетъ рѣчь, если вопросъ объ отсутствіи идеала поднятъ и обсуждается. Не стали бы люди искать другого, еслибы то, что они имѣютъ, ихъ удовлетворяло.

Идеалъ, въ приведенномъ значеніи, и не можетъ удовлетворить всѣхъ. Цѣль, программа дѣйствій, формула будущихъ фактовъ, сосредоточиваютъ на себѣ силы, интересъ только до тѣхъ поръ, пока желанное или задуманное достигнуто, а затѣмъ мы становимся къ нимъ равнодушны, очень часто не узнавая даже въ совершившемся то, чего желали. Вспомнимъ также, что цѣль рождается, программа дѣйствій, комбинація фактовъ обдумываются почти всегда подъ давленіемъ настоятельныхъ нуждъ, а онѣ совсѣмъ не то, что идеалъ. Нельзя назвать идеаломъ потребность бѣдняка имѣть теплый уголокъ и сытный обѣдъ, его заботы объ огражденіи себя отъ голода и холода. Идеаломъ не можетъ быть то, что̀ гнететъ и давитъ; напротивъ, онъ есть нѣчто манящее, радующее, чему мы съ наслажденіемъ отдаемся всѣми чувствами и помыслами. Къ тому же, цѣль, программа дѣйствій, комбинація фактовъ не могутъ быть идеалами еще и потому, что ихъ созданіе и выполненіе состоитъ изъ цѣлаго ряда болѣе или менѣе утомительныхъ, во всякомъ случаѣ математически-точныхъ разсчетовъ и механически-пунктуальныхъ дѣйствій. Всякое практическое дѣло сразу ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ окружающимъ, которое управляется своими законами, а не нашими желаніями, и мы должны съ нимъ считаться, если хотимъ достигнуть чего-нибудь. Всякая цѣль, программа или формула будущихъ поступковъ или сочетанія фактовъ должны быть выработаны согласно съ условіями, посреди

которыхъ будутъ производиться, и въ своемъ примѣненіи вполнѣ подчиняются законамъ той среды, которую должны измѣнить. Весь этотъ тяжкій и скучный трудъ соображенія, выработки, прилаживанія, приспособленія мы различаемъ отъ идеала. Идеалъ можетъ насъ вызвать на такой трудъ; но въ нашемъ представленіи идеалъ и дѣло, которое мы изъ-за него предпринимаемъ, совсѣмъ не одно и тоже. Дѣло, по существу своему, есть разрѣшеніе задачи съ извѣстными данными величинами, согласно съ данными условіями и законами. Оно предполагаетъ положительное знаніе и искусство примѣнять его какъ слѣдуетъ. Оттого-то цѣли, программы, формулы безпрестанно создаются, по мѣрѣ перемѣны условій, обстоятельствъ и обстановки. Идеалы далеко не такъ подвижны, и мы совсѣмъ не такъ легко разстаемся съ одними, хватаемся за другіе.

Догматики и доктринеры глубоко заблуждаются, смѣшивая идеалы съ принципами или общими началами, за которыми признаютъ неотразимую силу непремѣнно произвести то или другое. Чудодѣйственныхъ принциповъ и началъ нѣтъ и не можетъ быть. Положительная наука, путемъ точныхъ изслѣдованій, пришла къ выводу, что въ дѣйствительномъ мірѣ нѣтъ безусловныхъ началъ или принциповъ; все условно и относительно. Каждое явленіе есть произведеніе данныхъ обстоятельствъ, извѣстной обстановки, которыя роковымъ образомъ дѣлаютъ явленіе именно такимъ, каково оно есть. Эта истина равно неопровержима и въ примѣненіи къ природѣ и къ соціальному быту. Данное состояніе любого общества есть тоже произведеніе извѣстныхъ условій; сумма и взаимодѣйствіе ихъ опредѣляютъ общественныя явленія. Но принципъ выражаетъ формулу только извѣстныхъ явленій, и то подъ условіемъ, что на лицо имѣются извѣстныя данныя; когда же ихъ нѣтъ, а есть какія-нибудь другія, нуженъ другой принципъ, принаровленный къ нимъ. По этому-то принципъ и не можетъ быть идеаломъ. Посредствомъ принциповъ, и не одного, а нѣсколькихъ или многихъ, идеалъ проводится въ жизнь; сами же принципы, какъ сообразованные съ обстоятельствами, не могутъ заступить мѣсто идеала. Оторванный отъ данныхъ, изъ которыхъ выведенъ и къ которымъ относится, принципъ есть отвлеченность, мертвая схема, которую обходитъ жизнь, неистощимая въ созданіи условій и сочетаній фактовъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что идеаловъ нельзя искать тамъ, гдѣ человѣкъ приходитъ въ соприкосновеніе съ окружающимъ міромъ, другими словами — въ сферѣ его внѣшней дѣятельности, на что бы она ни была обращена. Разъ вышедши изъ своего внутренняго, психическаго міра, человѣкъ тотчасъ же подпадаетъ подъ власть данныхъ условій, обстоятельствъ и обстановки, которыя и опредѣляютъ его дѣйствія сообразно съ своими законами. Единственными руководителями въ этой сферѣ служатъ, какъ сказано, положительное знаніе и умѣніе или искусство примѣнять его къ наличнымъ даннымъ. Поэтому идеалъ не можетъ заключаться въ желаніяхъ, цѣляхъ, программахъ, формулахъ или принципахъ. Если идеалъ вообще возможенъ, если онъ нуженъ человѣку, то искать его можно только въ собственномъ психическомъ строѣ или складѣ. Сознаніе или, точнѣе, живое чувство этого строя или склада всегда предшествуетъ сознательной и свободной внѣшней дѣятельности и создаетъ, при помощи положительнаго знанія, тѣ цѣли, формулы, программы, принципы, которые предназначены видоизмѣнить существующія во внѣшней средѣ комбинаціи условій и фактовъ. Событія нашей внутренней душевной жизни содержатъ въ себѣ то, чего мы напрасно отыскиваемъ въ нашихъ отношеніяхъ къ окружающему міру, въ борьбѣ съ нимъ, въ нашей внѣшней творческой дѣятельности.

Міръ мыслей, знаніе цѣли, намѣреніе, планы и программы будущихъ дѣйствій и явленій суть результатъ нашихъ отношеній къ окружающей средѣ и къ самимъ себѣ, насколько мы сами принадлежимъ къ ней, составляемъ для самихъ себя, нѣчто внѣшнее, предметъ нашей дѣятельности. Но такими внѣшними отношеніями къ окружающему и къ самимъ себѣ наша жизнь далеко не исчерпывается. За ними и рядомъ съ ними, въ тѣсной съ ними связи, совершается внутренняя психическая жизнь, гдѣ мы живемъ сами съ собою, относимся къ себѣ непосредственно, помимо окружающаго. Это міръ чувствъ, ощущеній, стремленій, настроеній, неуловимыхъ для расчлененной сознательной мысли, но которыя мы непосредственно знаемъ, различаемъ и анализируемъ особымъ чутьемъ или смысломъ. Здѣсь зарождаются, при соприкосновеніи съ внѣшней дѣйствительностью, мысли, намѣренія, цѣли, планы и программы дѣятельности. Они слагаются подъ вліяніемъ внѣшней обстановки,

ея условій и законовъ; но ихъ характеръ и направленіе опредѣляются душевнымъ строемъ, который есть результатъ внутренней жизни и сознательно или безсознательно вносится въ нашу внѣшнюю дѣятельность. Нашъ идеалъ—это чувствуемый нами нашъ душевный строй, который не укладывается вполнѣ ни въ одну формулу, но выражается въ разнообразнѣйшихъ схемахъ и формулахъ, мѣняющихся, смотря по обстоятельствамъ, иногда повидимому противорѣчащихъ другъ другу. Душевный строй не рождается готовымъ, развитымъ, опредѣленнымъ; онъ образуется и складывается изъ взаимодѣйствія физіологическихъ данныхъ, внѣшнихъ впечатлѣній и внутренней психической работы и борьбы; но разъ сложившись и окрѣпнувъ, онъ опредѣляетъ нашу личную жизнь, наши помыслы, стремленія, наши цѣли, задачи, личную сторону нашихъ отношеній къ оружающей дѣйствительности. Онъ-то и отражается въ нашемъ чувствѣ какъ идеалъ, который не передается словами, не исчерпывается никакой формулой, но вносится нами всюду, во все, что мы ни предпринимаемъ. Жалобы на отсутствіе идеаловъ доказываютъ только бѣдность или отсутствіе внутренней, психической жизни, недостатокъ выработаннаго, крѣпкаго душевнаго строя, безъ которыхъ ни идеалы, ни внѣшняя дѣятельность, сознательно направляемая къ извѣстной цѣли, невозможны; ибо безъ такого строя, составляющаго центръ тяжести личной жизни и дѣятельности, мы становимся игрушкой внѣшней обстановки, которая перебрасываетъ насъ изъ стороны въ сторону, отражаясь въ нашемъ умѣ тысячью формулъ. Ни на одной изъ такихъ формулъ, навязываемыхъ намъ извнѣ, мы не можемъ остановиться, такъ какъ обстановка безпрерывно мѣняется, а съ нею и самыя формулы. Если въ насъ самихъ нѣтъ того, что реагируетъ противъ напора окружающей среды, что опредѣляетъ характеръ, направленіе будущихъ дѣйствій и комбинацій фактовъ, то мы поневолѣ отдаемся всѣмъ случайностямъ обстоятельствъ, которыя и выбрасываютъ насъ куда-нибудь на берегъ житейскаго моря или топятъ въ его волнахъ.

Противъ высказаннаго взгляда существуютъ большія предубѣжденія. Требованіе сильнаго развитія личной психической жизни, какъ существеннаго фактора и существенной предпосылки всякаго умственнаго, научнаго, нравственнаго и общественнаго успѣха, кажется многимъ устарѣлымъ предразсудкомъ идущимъ въ разрѣзъ съ современнымъ состояніемъ науки. Но возражать противъ такого требованія во имя науки, значитъ вовсе не понимать дѣла и не знать, что такое современная наука.

Наука, какъ она опредѣлилась въ наше время, имѣетъ задачею выяснить законы отношеній между явленіями, поддающимися анализу. Стало быть, за ея предѣлами остается все, что анализу не поддается, и творческая дѣятельность, состоящая въ новомъ сочетаніи данныхъ и условій, производящихъ то или другое явленіе, другими словами, вся дѣятельная, практическая сторона. Помимо знанія законовъ отношеній, то-есть помимо науки, сознательная творческая дѣятельность конечно невозможна; но наука служитъ ей лишь средствомъ, а не цѣлью. Наука, по существу своему, держится исключительно на теоретической почвѣ и съ нея не сходитъ; она изслѣдуетъ явленія, поддающіяся анализу, а не создаетъ ихъ, и потому захватываетъ только одну сторону дѣйствительности, такъ какъ дѣйствительная жизнь есть непрерывное творчество, безпрестанная перестановка условій и явленій, не только поддающихся анализу, но и ускользающихъ отъ него. Изслѣдуя законы явленій, наука не останавливается и не можетъ останавливаться на единичныхъ фактахъ, а отпрепарируетъ отъ нихъ только то, что ей нужно для опредѣленія общихъ законовъ, созданія и выясненія общихъ схемъ или формулъ; въ дѣйствительной жизни, напротивъ, единичное явленіе стоитъ на первомъ планѣ, играетъ первую роль. И такъ, нельзя во имя науки отвергать то, о чемъ она вовсе не говоритъ и что вовсе не входитъ въ ея область.

Многіе, соглашаясь, что наука не исчерпываетъ всей жизни и не обнимаетъ всей дѣйствительности, убѣждены однако, что признаніе психическаго дѣятеля, какъ одного изъ ея факторовъ, противорѣчитъ всѣмъ основаніямъ и предпосылкамъ научной точки зрѣнія, отрицаетъ науку въ самомъ принципѣ.

Этотъ предразсудокъ, широко распространенный въ наше время между мыслящими людьми, происходитъ отъ того, что въ ихъ мысли психическій дѣятель сливается, тождественъ съ понятіями объ этомъ дѣятелѣ, сложившимися по преданію и въ ученіяхъ метафизиковъ. Но такое смѣшеніе въ наше время есть ошибка и анахронизмъ. Подъ влія-

ніемъ критическихъ изслѣдованій и успѣховъ положительнаго знанія, о психическомъ центрѣ начинаютъ мало-по-малу складываться новыя воззрѣнія, далеко не похожія на прежнія. Дуализмъ, нѣкогда разрывавшій дѣйствительность на двѣ половины, взаимно исключающія другъ друга, блѣднѣетъ и исчезаетъ на нашихъ глазахъ. Съ каждымъ новымъ шагомъ на пути точныхъ наблюденій, опытовъ и положительнаго знанія, все болѣе и болѣе выясняется, что дѣйствительность составляетъ одно неразрывное цѣлое, что всѣ явленія находятся между собою въ тѣснѣйшей взаимной зависимости и связи. При такомъ взглядѣ, вопросъ о психическомъ дѣятелѣ ставится теперь иначе, чѣмъ прежде; выдѣленіе его изъ міра дѣйствительныхъ явленій, какъ во времена метафизики, совершенно немыслимо и явно противорѣчило бы положительному знанію. Въ наше время рѣчь идетъ вовсе не о возвращеніи психическаго дѣятеля въ область метафизики, а только о признаніи его существованія какъ особой функціи, о признаніи его участія въ произведеніи дѣйствительныхъ явленій на ряду съ внѣшними условіями и вліяніями. Въ такой постановкѣ ничего противонаучнаго нѣтъ, и всѣ противъ нея возраженія попадаютъ въ преданіе или въ метафизическія ученія, которыхъ и не думаютъ отстаивать защитники психическаго начала, какъ дѣйствительнаго явленія.

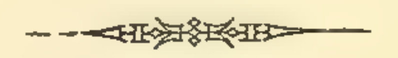
Не положительная наука противорѣчитъ высказанному взгляду, а метафизика новой формаціи, опирающаяся на естествознаніе, какъ старая метафизика была построена на плохо понятомъ ученіи Аристотеля и богословіи. Старая метафизика не знала и знать не хотѣла реальнаго міра и его законовъ; новая, наоборотъ, не знаетъ и знать не хочетъ психическаго міра и не признаетъ за его явленіями и законами правъ гражданства въ наукѣ. Тогда теорія боролась противъ дѣйствительности, и теперь мы видимъ тоже самое; измѣнились только предпосылки, во имя которыхъ ведется борьба. Причины ея лежали въ кажущейся противоположности мысли и факта. Но послѣ того, какъ мышленіе критически изслѣдовано по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, его операціи, законы, отношенія къ предмету, роль въ общей экономіи дѣйствительности выяснены и стали вполнѣ прозрачными, противоположность мысли и явленія давно испарилась, а съ нею исчезла и самая причина борьбы. Мы теперь твердо знаемъ, что мышленіе и всѣ его созданія суть лишь явленія той же дѣйствительности, которыя, правда, обусловливаютъ цѣлые ряды фактовъ, но и въ свою очередь обусловливаются всею обстановкою дѣйствительной жизни. Съ тѣхъ поръ, что мы это знаемъ, преобладаніе исключительно теоретической точки зрѣнія должно мало-по-малу ослабѣть, а жизнь и дѣятельность занять принадлежащее имъ мѣсто въ нашемъ міросозерцаніи. Въ наше время теоретическій взглядъ, потерявъ рѣшающую власть надъ фактомъ, обращается мало-по-малу въ необходимое условіе и орудіе практической дѣятельности и развитія дѣйствительной жизни. Это новое направленіе воззрѣній замѣтно во всемъ. Умственная и нравственная анархія, характеризующая наше время, есть не болѣе какъ застой, минута колебанія и раздумья посреди обломковъ стараго міросозерцанія, которыми завалено поле дѣятельности, и зачатками новаго, которое только начинаетъ давать ростки. Новая метафизика, признающая за единственный источникъ всѣхъ явленій одни отношенія къ окружающему, опускаетъ вовсе изъ виду внутреннія условія самого предмета, которыя, на ряду съ внѣшними, опредѣляютъ то, что онъ есть. И человѣкъ, и безконечно малый атомъ есть то, что онъ есть, не только вслѣдствіе отношенія къ окружающему, но и къ самому себѣ, которое въ человѣкѣ выражается въ его внутренней психической жизни, во внутренней борьбѣ, въ его самоопредѣленіи, предшествующихъ внѣшнимъ дѣйствіямъ на окружающую среду. Если даже какъ думаютъ многіе, единство и центръ психической жизни, душа, не есть первоначальная единица, а результатъ взаимодѣйствія цѣлаго комплекса явленій, то и въ такомъ случаѣ высказанный взглядъ остается вполнѣ вѣрнымъ. Всякая единица, будь она простая или сложная, живетъ одною жизнью и вслѣдствіе того, испытывая на себѣ постороннія вліянія, въ свою очередь воздѣйствуетъ на нихъ, отстаивая себя и свою цѣльность. Такую роль играетъ въ человѣкѣ его душевный міръ, откуда идетъ его активное дѣйствіе на окружающее. Покуда мы не убѣдимся, что душевный міръ дѣйствительно существуетъ, что онъ, на ряду съ окружающимъ, играетъ рѣшающую роль въ совокупности нашей дѣятельности, что онъ, какъ и наши умственныя и физическія способности, требуетъ воспитанія и выработки, веденныхъ по извѣст-

ному плану и направленныхъ къ извѣстной цѣли, до тѣхъ поръ мы напрасно будемъ отыскивать идеаловъ: ихъ не окажется нигдѣ и ни въ чемъ, или они будутъ сбиваться на формулы дѣятельности, на программы поступковъ, и мы поневолѣ, сами того не замѣчая, будемъ перепадать въ догматизмъ и доктринерство.

Къ этому существенному пункту и сводится собственно наше разномысліе съ А. Н. Пыпинымъ и съ почтеннымъ авторомъ статьи: „Еще объ идеалахъ", напечатанной въ „Недѣлѣ" (№ 49). Полемика ихъ противъ высказаннаго нами взгляда вертится на томъ, что по ихъ мнѣнію идеалъ есть нѣчто опредѣленное, формулированное, схваченное въ цѣль или мысль; мы же стоимъ на томъ, что идеаломъ можетъ быть только цѣлый душевный строй, какъ онъ отражается въ нашемъ чувствѣ. Имъ мы живемъ, во имя его дѣйствуемъ, его проводимъ вездѣ и всюду, но не можемъ его выразить никакимъ словомъ, ни уловить въ какую бы то ни было формулу. Идеалъ, въ этомъ смыслѣ, выражается въ самыхъ различныхъ, даже противоположныхъ образахъ и формахъ, но ни тѣ, ни другія не обнимаютъ его и не исчерпываютъ. Идеалъ можно разглядѣть, понять, описать только по совокупности всѣхъ фактовъ, въ которыхъ онъ выразился. Зная его, мы можемъ приблизительно догадываться, какую форму онъ приметъ при данныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ, но нѣтъ возможности вставить его въ опредѣленныя рамки, въ тѣ или другія логическія или иныя схемы и умѣстить въ нихъ все его содержаніе.

Огромное большинство людей смотритъ на дѣло совсѣмъ иначе. Стоя на зыбкой почвѣ новой метафизики, оно упорно и настойчиво отыскиваетъ въ одной внѣшней обстановкѣ и окружающихъ условіяхъ разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, лекарства отъ всѣхъ бѣдъ и золъ, подъ которыми мы изнемогаемъ. Не трудно предвидѣть, куда мы придемъ, продолжая идти по этому пути. Идеалы будутъ представляться намъ, какъ и теперь, въ видѣ программъ, формулъ или принциповъ. По мѣрѣ того, какъ обстоятельства и обстановка будутъ мѣняться, мы будемъ создавать себѣ все новые и новые идеалы, пока наконецъ, измученные тщетными поисками, мы не извѣримся вовсе въ идеалы. Тогда наступитъ время горькаго разочарованія, глубокаго скептицизма и полнаго отчаянія. Не находя на проторенномъ пути того, что ищемъ, мы будемъ вынуждены проложить другой, дополнить наше теперешнее, одностороннее міросозерцаніе признаніемъ психическаго фактора и его существенной роли какъ въ нашей личной, такъ и во внѣшней жизни и дѣятельности. Такой коренной поворотъ въ нашихъ основныхъ воззрѣніяхъ долженъ наступить неизбѣжно; это теперь лишь дѣло времени. Что оно быстро приближается, видно изъ замѣтнаго, поразительнаго пониженія умственнаго и нравственнаго уровня въ цѣломъ мірѣ. Совершенное пренебреженіе къ одному изъ основныхъ факторовъ индивидуальной и общественной жизни, отрицаніе его въ теоріи во имя софизмовъ, вытекающихъ изъ односторонняго міровоззрѣнія и не имѣющихъ ничего общаго съ положительной наукой,—вотъ гдѣ коренится источникъ всѣхъ болѣзней вѣка. Трудно теперь предвидѣть, въ какихъ формахъ выработается новое ученіе о психической функціи, какъ опредѣлится ея роль, значеніе, развитіе и примѣненіе; но можно уже теперь безошибочно предсказать, что въ эту сторону, въ этомъ направленіи, а не въ какомъ-либо другомъ, начнется новая работа мысли и знанія. Все указываетъ на этотъ путь. Когда мы на него наконецъ ступимъ, опять отродятся и идеалы, которыхъ теперь нѣтъ и которые мы призываемъ нашей сбитой съ толку мыслью.

(Недѣля, 1876, № 36).

ЗАДАЧИ ЭТИКИ.

УЧЕНІЕ О НРАВСТВЕННОСТИ ПРИ СОВРЕМЕННЫХЪ УСЛОВІЯХЪ ЗНАНІЯ.

Посвящается молодому поколѣнію.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

По естественному закону, молодое поколѣніе заступитъ наше мѣсто, когда насъ не будетъ. Оттого я больше всего думалъ о немъ въ теченіе многихъ лѣтъ, пока постепенно выяснялись и созрѣвали мысли, изложенныя въ этомъ этюдѣ. Молодому поколѣнію я его и посвящаю.

Многіе среди этого поколѣнія проживаютъ молодыя силы и жизнь изо дня въ день, не тревожа себя думами и не заботясь о томъ, что̀ ожидаетъ впереди; другіе, увлекшись иллюзіями, принимаемыми за дѣйствительныя цѣли, погибаютъ, отнимая у родины лучшія силы и только запутывая положеніе; многіе, не зная куда идти, къ чему стремиться, впадаютъ въ уныніе и отчаяніе, изсушающія умъ, холодящія сердце, парализующія въ корнѣ приготовленіе къ жизни и будущую дѣятельность, которой ожидаетъ отъ нихъ родина, для которой она несетъ жертвы, въ надеждѣ, что эта дѣятельность будетъ когда-нибудь ей полезна и окупится съ лихвою.

Долго и много я думалъ о причинахъ, толкающихъ людей на обманчивые, ложные пути. Силы существуютъ не на то, чтобы ихъ тратить попусту, во вредъ себѣ и другимъ; ихъ надо употреблять умно, съ разсчетомъ, чтобы онѣ приносили пользу. Все въ природѣ капитализируется, даже лучи солнца. Неужели однѣ человѣческія силы, особливо свѣжія, молодыя, должны разсѣяваться понапрасну?

Вызвать интересъ къ дѣйствительнымъ благамъ жизни, разогнать призраки и миражи, путающіе умъ, разсѣять туманъ, застилающій глаза,—вотъ къ чему я искренно, добросовѣстно и горячо стремился, работая надъ „Задачами Этики". Кто долго пожилъ на свѣтѣ, какъ я, тотъ не можетъ обольщать себя надеждой, что сказалъ послѣднее слово мудрости: каждый несетъ только крупинки, изъ которыхъ она слагается вѣками. Этими крупинками я и дѣлюсь съ молодымъ поколѣніемъ. Мысль поучать, вразумлять или наставлять очень отъ меня далека. Одинъ только совѣтъ я позволю себѣ дать: пусть молодое поколѣніе усвоитъ себѣ изъ моего этюда то, что̀ ему покажется вѣрнымъ, а объ остальномъ пусть подумаетъ крѣпко. Я старался связать въ одно цѣлое, въ систему, разрозненныя мысли, которыя отложились въ умѣ не въ одно время и по различнымъ поводамъ. Пусть молодое поколѣніе поступаетъ точно такъ же, разбирая мои мысли и взгляды; пусть оно̀ остерегается больше всего нашей несчастной русской привычки довольствоваться отрицательнымъ результатомъ, который есть только путь къ замѣнѣ одного положительнаго вывода другимъ — никакъ не болѣе. Лѣнь ума насъ губитъ. Только отъ лѣни ума мы долго толчемся на одномъ мѣстѣ, не двигаясь никуда, пока насъ не спихнутъ съ него факты, событія, противъ которыхъ нѣтъ возраженій.

С. Иваново, Тульск. губ.
2 августа 1884.

Кто хоть сколько-нибудь слѣдилъ за движеніемъ умовъ въ послѣднюю половину нынѣшняго столѣтія, того не могли не поразить странныя судьбы этики въ наши дни, —внезапные, крутые повороты и скачки во взглядахъ на ученіе о нравственности и на роль нравственной личности въ устроеніи человѣческихъ дѣлъ. Лѣтъ двадцать-тридцать

тому назадъ объ этикѣ и нравственной личности, казалось, совсѣмъ забыли; теперь интересъ къ нимъ недуманно-негаданно вдругъ возникъ снова, точно выросъ изъ-подъ земли. Подкрался онъ въ душу такъ тихо, что мы его только тогда замѣтили, когда онъ уже успѣлъ окрѣпнуть, сталъ силой и началъ обращать на себя общее вниманіе. Захваченные врасплохъ, мы не успѣли еще отдать себѣ отчета, какъ и почему это случилось, да и что такое собственно нравственность, чего мы въ ней ищемъ и на что она намъ вдругъ такъ понадобилась? Оттого—поразительная разноголосица въ сужденіяхъ объ этомъ предметѣ; двухъ людей не встрѣтишь, которые бы думали о немъ одинаково: каждый судитъ и рядитъ по-своему. Въ пестрой сумятицѣ мнѣній слышатся взгляды, давно и безповоротно осужденные, рядомъ съ выраженіями глубокаго страданія, порожденнаго душевною неудовлетворенностью и пустотою. Запросы, требованія, системы и теоріи перемѣшались и перепутались до того, что невозможно различить лагерей, и въ общей свалкѣ борящіеся зачастую бьютъ своихъ, принимая ихъ за враговъ. Но рядомъ съ этимъ безсмысленнымъ хаосомъ, замѣчается другое, еще болѣе горестное явленіе. Огромное большинство людей, скучая безплодной и безтолковой борьбой и не находя въ ней отвѣта на свои сомнѣнія и вопросы, отворачивается отъ нея, изнемогаетъ, теряетъ силу и бодрость, впадаетъ въ уныніе и напослѣдокъ становится совсѣмъ равнодушнымъ ко всякимъ вообще вопросамъ, пробавляясь изо дня въ день непосредственными ближайшими интересами и удовлетвореніемъ житейскихъ матеріальныхъ потребностей. Съ разныхъ сторонъ указываютъ на это явленіе, какъ на признакъ разложенія и тлѣнія. Глубокій развратъ и великая скорбь, быстро овладѣвающіе міромъ, невольно напоминаютъ состояніе рода человѣческаго за двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, точно будто снова мракъ начинаетъ падать на землю и людей.

Поборники преданій и добрыхъ старыхъ нравовъ, кто съ злораднымъ торжествомъ, а кто съ сердечною горестью, указываютъ на растлѣніе современнаго общества и ничтожество, безсиліе современныхъ людей, какъ на неизбѣжное, роковое послѣдствіе отступничества отъ вѣры и преданій отцовъ и дѣдовъ,—послѣдствіе, которое они предвидѣли и предсказывали заранѣе. Люди, ратующіе подъ знаменемъ науки, убѣжденные въ непреложности ея метода и непогрѣшимости ея выводовъ, твердо вѣрующіе въ ея всемогущество, смущены явленіями дѣйствительности, такъ мало отвѣчающими ихъ, казалось бы, несомнѣннымъ соображеніямъ. И въ самомъ дѣлѣ, кто же изъ поборниковъ науки не былъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, непоколебимо убѣжденъ, что знаніе, просвѣщеніе, хорошіе общественные порядки сами собою воспитаютъ нравственность и добродѣтель въ сознаніи и сердцахъ людей? Кому изъ нихъ не думалось, что культура, основанная на знаніи, должна навсегда упразднить и преданія, и этику, дѣлая ихъ ненужными? Въ сознаніи торжествующей силы европейской цивилизаціи, которая захватываетъ все большій и большій кругъ людей и распространяется чуть ли не на весь міръ, мы привыкли смотрѣть на ученіе о нравственности какъ на розсказни старыхъ нянекъ, удѣлъ дѣтскаго возраста и невѣжественнаго простонародья. Теперь приходится убѣждаться, что цивилизація и культура только дрессируютъ и полируютъ людей снаружи, въ ихъ сношеніяхъ съ другими людьми и обществомъ; что внѣ этихъ отношеній и бокъ-о-бокъ съ культурой и цивилизаціей могутъ уживаться самыя чудовищныя страсти, самые гнусные и отвратительные пороки, самые звѣрскіе инстинкты, которые, нѣтъ-нѣтъ, да и прорываются въ неслыханныхъ злодѣйствахъ, останавливающихъ кровь въ жилахъ. Гдѣ же, послѣ того, всемогущество культуры и цивилизаціи? Какое разочарованіе! Оно не могло не поколебать вѣры въ науку, не разстроить густыхъ рядовъ ея безусловныхъ приверженцевъ, бодро шедшихъ впередъ подъ ея развернутымъ знаменемъ. Пришлось съ грустью сознаться, что въ наукѣ и ея выводахъ есть какой-то пробѣлъ, что-то недоговоренное, недосказанное,—нѣчто такое, что путаетъ наши соображенія и мѣшаетъ идти впередъ съ прежнею увѣренностью и твердостью.

Посреди такихъ колебаній и раздумья, многими лучшими умами овладѣло тяжкое сомнѣніе: да въ самомъ ли дѣлѣ людямъ на роду написано когда-нибудь достигнуть обѣтованной земли правды и душевнаго удовлетворенія? Сколько разъ въ исторіи они, казалось, достигали этой завѣтной цѣли исканій и открывали къ ней двери настежъ; а вслѣдъ затѣмъ, каждый разъ оказывалось, что они были такъ же отъ нея далеки, какъ

прежде. Пора убѣдиться, что попытки добраться до правды и удовлетворенія—одна погоня за иллюзіями и мечтами! Обѣтованная земля, гдѣ онѣ живутъ, существуетъ только въ нашемъ воображеніи, а въ дѣйствительности вѣчно совершается одинъ и тотъ же круговоротъ, который начинается и оканчивается, чтобы затѣмъ начаться снова и снова такъ же окончиться, и такъ до безконечности, пока міръ стоитъ. Это еще сказалъ великій историкъ-философъ Вико, триста лѣтъ тому назадъ, и онъ былъ правъ; съ тѣхъ поръ его мысль подтвердилась тысячами новыхъ фактовъ и наблюденій. Какъ свѣтила небесныя однообразно вертятся вокругъ своего солнца, какъ однообразно смѣняются времена года, какъ организмы рождаются, живутъ и умираютъ, уступая мѣсто другимъ, такъ же однообразно совершается и смѣна періодовъ исторіи, возобновляясь безпрерывно. Люди не менѣе какъ пѣшки въ этой однообразной игрѣ, совершающейся по законамъ механики, съ правильностью хронометра. Человѣкъ, какъ бѣлка въ колесѣ, воображаетъ, что движется впередъ, оставаясь на одномъ мѣстѣ. Задаваться далекими цѣлями, стремиться къ идеаламъ есть самообольщеніе; надо жить какъ живется и пока живется: вотъ послѣднее, настоящее слово человѣческой мудрости.

Который же изъ этихъ различныхъ взглядовъ правиленъ? Чему вѣрить, на что опереться? Слѣдуетъ ли, въ простотѣ сердца, покаяться въ самонадѣянномъ отступничествѣ отъ добрыхъ нравовъ и преданія и изъ безчисленныхъ и тщетныхъ блужданій возвратиться съ дѣтской вѣрой къ тому, что многимъ поколѣніямъ давало душевный миръ и утѣшеніе? Или надо продолжать искать, изслѣдовать, думать, бодро идя до конца по трудному, многострадальному пути науки и знанія, пока не будетъ найденъ ключъ къ истинѣ, и она откроется? Или, наконецъ, всего благоразумнѣе разстаться разъ навсегда съ идеалами и далекими цѣлями, какъ съ опасными миражами, и довольствоваться однимъ ближайшимъ, практически достижимымъ, искусно лавируя между житейскими шхерами и не рискуя пускаться въ открытое, неизвѣстное и неизслѣдимое море идеологіи?

На такомъ распутіи стоитъ современный мыслящій человѣкъ въ нерѣшимости, куда идти. Всѣ разбрелись по разнымъ дорогамъ, и ни откуда пока не раздалось голоса, встрѣченнаго отовсюду радостными кликами, что настоящій путь и давно желанное разрѣшеніе безчисленныхъ сомнѣній и душевныхъ страданій найдены. Каждый изловчается по своему, какъ умѣетъ и можетъ, утишать свои внутреннія муки.

Въ такой-то средѣ и условіяхъ снова возродился въ наши дни интересъ къ этикѣ. Къ ней, заброшенной и покрытой архивной паутиной, обратились опять, чтобы поискать, не найдется ли здѣсь того, чего такъ долго, мучительно и безуспѣшно домогаются люди.

Возрастающій интересъ къ этикѣ замѣчается въ послѣднее время не только въ Европѣ, но и у насъ, и притомъ съ оттѣнкомъ, который показываетъ, что наклонность въ сторону этическихъ вопросовъ не есть только дѣло моды, подражанія или мимолетнаго увлеченія, а выраженіе дѣйствительной потребности. Въ европейской литературѣ вопросъ о нравственности снова поднятъ, поставленъ на очередь и тщательно разрабатывается, какъ предметъ теоретическаго изслѣдованія и научнаго интереса: у насъ же онъ вызванъ практическими соображеніями, злобою дня и, можно сказать безъ преувеличенія, живо затрогиваетъ всѣхъ и каждаго, отъ палатъ до крестьянской избы, отъ безбородыхъ юношей до старцевъ,—всякаго, разумѣется, по-своему, съ свойственной ему точки зрѣнія и въ границахъ его знаній и пониманія. Отчего такая разница—объяснить не трудно. Въ Европѣ условія общественной и политической жизни—мы не говоримъ, хороша она или дурна—выработаны и опредѣлены до малѣйшихъ подробностей и самымъ точнымъ образомъ очерчиваютъ кругъ дѣятельности каждаго; никто не можетъ безнаказанно изъ него выступать. Твердый, ясный и строгій законъ, поддержанный превосходной администраціей, судами, сословіемъ ученыхъ юристовъ и вполнѣ сложившимися нравами общества, ставитъ точныя границы дѣятельности всѣхъ и каждаго, стягиваетъ все общество, если можно такъ выразиться, желѣзнымъ обручемъ, который всякому даетъ надежную точку опоры и обращаетъ сожительство людей въ единый, сочлененный и стройный механизмъ, дѣйствующій съ точностью заведенныхъ часовъ. Въ средѣ, организованной такимъ образомъ, между людьми, выдрессированными подобными образцовыми общественными порядками, практическая по-

требность въ личной нравственности естественно должна чувствоваться слабѣе, и вопросы этики могутъ интересовать только какъ предметъ любознательности, или научнаго знанія и теоріи. Въ случаѣ разстройства общественной и политической организаціи въ Европѣ, никому не приходитъ въ голову искать причины въ ослабленіи или отсутствіи нравственнаго чувства или этическихъ идеаловъ; всякій приписываетъ ее порчѣ механизма, управляющаго общественною и политическою жизнью, и убѣжденъ, что стоитъ только исправить, обновить или улучшить слабыя его части, и машина будетъ продолжать дѣйствовать такъ же исправно, какъ прежде. Иначе стоитъ дѣло у насъ. Выработкой и совершенствомъ общественныхъ формъ мы не можемъ похвалиться. Люди, не находя прочнаго устоя въ объективныхъ условіяхъ общественнаго быта, естественно ищутъ его въ индивидуальныхъ нравственныхъ качествахъ. Чѣмъ болѣе у насъ развивается индивидуализмъ, тѣмъ, при нашей обстановкѣ, потребность въ нравственныхъ идеалахъ должна чувствоваться сильнѣе; она дѣйствительно растетъ и высказывается во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Многіе, проводя это сравненіе далѣе, думаютъ, что у насъ, какъ было въ Европѣ, съ усовершенствованіемъ общественнаго и политическаго быта, потребность въ этическихъ идеалахъ и интересъ къ вопросамъ этики должны ослабнуть. Не мы, конечно, станемъ отрицать необходимость законодательныхъ и административныхъ реформъ въ Россіи; но ожидать отъ нихъ однѣхъ разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, поставленныхъ ходомъ всемірной исторіи, значитъ крайне съуживать смыслъ того движенія умовъ, которое происходитъ теперь всюду, въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ и у насъ. Въ Европѣ оно только заслонено выработанностью и совершенствомъ общественныхъ и политическихъ формъ, и потому потребность въ нравственномъ обновленіи выражается болѣе теоретически, не такъ непосредственно и ярко, какъ у насъ. Но и тамъ, и здѣсь потребность эта одинаково существуетъ, вызывается однѣми и тѣми же, весьма глубокими причинами, и не можетъ быть удовлетворена испытанными до сихъ поръ средствами и способами. Обращеніе къ этикѣ и этическимъ вопросамъ въ наше время не есть одно изъ временныхъ колебаній человѣческой мысли на торномъ и ясномъ пути развитія и совершенствованія, и означаетъ въ ней переходъ съ прежняго пути на новый—переходъ, подготовленный вѣками наблюденій, изслѣдованій и опытовъ.

Объяснить это и есть задача настоящаго этюда.

I.

Что̀ такое нравственность, нравственное чувство, нравственная личность? Прислушаемся къ разговорамъ, взглянемъ въ книги и журнальныя статьи, заведемъ рѣчь объ этихъ предметахъ—и мы тотчасъ же убѣдимся, что каждый понимаетъ нравственность, нравственную личность по-своему, что съ этими названіями соединяются совсѣмъ различныя представленія. На повѣрку выходитъ, что нравственность есть нѣчто крайне неопредѣленное и туманное. Поэтому надо, прежде всего, точно и ясно условиться и установить, о чемъ собственно мы намѣрены говорить.

Безнравственнымъ мы называемъ, сплошь и рядомъ, человѣка, который своими внѣшними поступками нарушаетъ принятыя въ обществѣ правила приличія и благопристойности, обнаруживаетъ порочныя наклонности, или нагло и дерзко попираетъ божескіе и человѣческіе законы. Въ томъ же смыслѣ мы говоримъ и объ общественной нравственности, означая этимъ способъ и характеръ внѣшнихъ дѣйствій, если не всѣхъ, то̀ значительнаго большинства людей въ данномъ обществѣ. Въ этихъ и подобныхъ имъ выраженіяхъ внѣшняя, объективная сторона поступковъ—та, которою человѣкъ соприкасается съ другими людьми или вступаетъ въ отношенія съ обществомъ и представителями общественной или государственной власти,—ставится на одну доску съ внутренней, душевной, и подразумѣвается, что понятіе о нравственности слагается изъ обѣихъ сторонъ вмѣстѣ. Но правиленъ ли такой взглядъ? Мы думаемъ, что нѣтъ. Въ нашемъ понятіи, поступкомъ, дѣйствіемъ можетъ быть результатъ душевной дѣятельности, ничѣмъ не заявившій себя во внѣшнемъ мірѣ, точно такъ же, какъ есть множество внѣшнихъ дѣйствій, вовсе не вмѣняемыхъ съ нравственной точки зрѣнія. Кто задумалъ дурное дѣло, но и не покушался его выполнить по независящимъ отъ него обстоятельствамъ или препятствіямъ, тотъ совершилъ безнравственный поступокъ;

съ другой стороны, совершившій преступное внѣшнее дѣйствіе или покусившійся на преступный внѣшній поступокъ, но безъ всякаго умысла и неосторожности, совершенно случайно и безсознательно, не признается преступникомъ даже по законамъ уголовнымъ. Стало быть, есть поступки внутренніе и внѣшніе; тѣ и другіе могутъ совпадать, но могутъ быть совершаемы и отдѣльно, независимо одинъ отъ другого. Внутренніе, душевные поступки суть явленія или событія въ психической жизни отдѣльнаго лица, а внѣшніе, объективные поступки производятъ перемѣны въ мірѣ внѣшнихъ явленій, представляютъ факты объективнаго характера или свойства. Внутренніе поступки обществомъ и государствомъ не преслѣдуются, точно такъ же, какъ не преслѣдуются и внѣшніе поступки, когда они не совпадаютъ съ внутренними, душевными; преслѣдованію со стороны общества и государства подвергаются только извѣстнаго рода поступки, въ которыхъ внутреннее и внѣшнее дѣйствіе совпадаютъ. Очевидно, что характеризовать такія совпаденія двухъ порядковъ дѣйствій названіемъ, принадлежащимъ одному изъ нихъ, нельзя, не спутывая понятій и не затемняя ихъ; а мы это дѣлаемъ на каждомъ шагу. Къ выраженіямъ: нравственное, безнравственное поведеніе, общественная нравственность или совѣсть, мы такъ же привыкли, какъ къ столько же ошибочнымъ выраженіямъ: законопротивный замыселъ, преступная воля.

Просимъ читателей не заподозрить насъ въ желаніи провести свою мысль помощью діалектическихъ тонкостей; ихъ тщету и безплодность мы знаемъ и понимаемъ. Неточность выраженія, сама по себѣ, ничего не значитъ и ничего не доказываетъ; но она знаменательна и крайне важна, когда обнаруживаетъ ошибочный складъ мыслей и поддерживаетъ смѣшеніе понятій. Перенесеніе характеристическихъ признаковъ съ одного ряда явленій на другой, присвоеніе названія, свойственнаго одному ряду явленій, сложному факту, въ которомъ этотъ рядъ участвуетъ только какъ одна изъ составныхъ частей, допускается въ данномъ случаѣ только потому, что современная мысль склонилась больше, чѣмъ бы слѣдовало, къ односторонне-объективному взгляду и утратила чутье къ внутренней, духовной жизни людей. Благодаря этому, границы нравственности и права сливаются, и тамъ, гдѣ онѣ соприкасаются, мы не умѣемъ точнымъ образомъ ихъ расчленить. При такихъ условіяхъ невозможно и ученіе о нравственности.

Какъ нравственныя явленія перепутаны въ нашихъ понятіяхъ съ правовыми, такъ и наоборотъ, правовыя съ нравственными. Подъ неопредѣленнымъ и туманнымъ выраженіемъ: „общественная нравственность“ мы разумѣемъ собственно сложившіеся въ обществѣ нравы, обычаи, привычки; но они, очевидно, относятся не къ внутреннимъ душевнымъ движеніямъ, а къ ихъ внѣшнимъ проявленіямъ, и потому, какъ объективныя нормы внѣшнихъ поступковъ, имѣютъ правовой характеръ; мѣрило нравственности къ нимъ непримѣнимо, и называть ихъ нравственными или безнравственными нельзя. Нравы, обычаи, привычки обусловлены сожительствомъ людей въ обществѣ и государствѣ, имѣютъ своимъ источникомъ потребности организованнаго быта людей и слѣдовательно относятся къ области права, отъ котораго отличаются только случайными признаками, больше по недоразумѣнію, чѣмъ по существу дѣла. Подъ правомъ мы привыкли понимать лишь нормы, юридически обязательныя для всѣхъ и каждаго и установленныя общественною или государственною властью подъ страхомъ судебныхъ или административныхъ взысканій и наказаній за ихъ нарушеніе. Очевидно, что и въ этомъ случаѣ видовое понятіе неправильно возведено въ родовое; ибо что же такое общественные нравы, обычаи, привычки, какъ не нормы, обязательныя для внѣшнихъ поступковъ, отступленіе отъ которыхъ влечетъ за собою невыгодныя или, по крайней мѣрѣ, непріятныя послѣдствія, — нормы, созданныя и охраняемыя отъ нарушеній не публичною властью, а мнѣніемъ извѣстной группы людей?

Такое же перенесеніе правовыхъ понятій въ сферу нравственныхъ явленій не трудно подмѣтить и въ попыткахъ схватить нравственныя движенія въ точно опредѣленныя формулы внѣшнихъ дѣйствій, пріурочить ихъ къ извѣстнаго рода внѣшнимъ поступкамъ. Много потрачено силъ и труда на опредѣленіе, какія внѣшнія дѣйствія слѣдуетъ признать нравственными, какія безнравственными—и все понапрасну! Мѣрка для внѣшнихъ поступковъ одна, для нравственныхъ, душевныхъ, внутреннихъ—другая. Какъ же мѣрить тѣ и другія на одинъ аршинъ? Внѣшнее дѣйствіе взвѣшивается и оцѣняется по

тому значенію, какое оно имѣетъ для общества, государства, или другихъ людей; душевныя движенія, помыслы, намѣренія—по ихъ отношенію къ сознанію, пониманію и внутреннему убѣжденію того, въ комъ они зрѣютъ и совершаются. Отсюда—различный характеръ правилъ для нравственныхъ поступковъ и для внѣшнихъ дѣйствій. Не различая тѣхъ и другихъ, мы впадаемъ безпрестанно въ грубыя ошибки. Наше внутреннее побужденіе къ внѣшнему дѣйствію можетъ быть нравственно, а вызванное имъ внѣшнее дѣйствіе—преступно, и наоборотъ: внѣшній поступокъ по объективнымъ признакамъ безразличный, даже похвальный, по своимъ психическимъ мотивамъ можетъ быть безнравственнымъ.

Намъ возразятъ, что, расчленяя и размежевывая точными границами нравственность и право, субъективные и объективные поступки, мы разъединяемъ то, что въ дѣйствительности слито, и придумывая для нравственности правила, отличныя отъ правовыхъ, мы вносимъ противорѣчіе и разладъ между нравственными стремленіями и требованіями положительнаго закона. Совсѣмъ напротивъ! Раздѣляя право и нравственность, мы ихъ сближаемъ и, отводя нравственному и юридическому элементу то мѣсто, какое каждому изъ нихъ принадлежитъ, мы доказываемъ возможность ихъ мирнаго существованія безъ столкновеній и борьбы.

Замѣчаніе, что нельзя расчленять того, что въ жизни слито, несерьезно. Умъ шагу ступить не можетъ, не разлагая явленія, которое изучаетъ. Чѣмъ такое разъятіе составныхъ элементовъ полнѣе и точнѣе, тѣмъ глубже, совершеннѣе знаніе. Недостатку точнаго анализа должно, между прочимъ, приписать и теперешнюю путаницу понятій, благодаря которой нравственный элементъ дѣйствій подавленъ преобладающимъ интересомъ къ ихъ объективной сторонѣ.

Недоумѣніе передъ строгимъ и точнымъ различеніемъ права и нравственности кажется серьезнѣе, но только на первый взглядъ. Къ чему оно приводитъ? Изъ него слѣдуетъ, что нельзя оправдывать преступныхъ внѣшнихъ дѣйствій чистотою и возвышенностью намѣреній и цѣлей, точно такъ же, какъ нельзя и не должно осуждать и карать никого за одни предполагаемыя злыя намѣренія и дурныя цѣли, пока они не выразились во внѣшнемъ поступкѣ. То и другое—безспорныя истины, и люди отъ нихъ отступали и отступаютъ только потому, что не уяснили себѣ различія между нравственнымъ и правовымъ порядкомъ. Наша внутренняя, душевная дѣятельность есть наше личное дѣло, въ которое никто вступаться не можетъ и не долженъ; напротивъ, наши внѣшніе поступки, касаясь другихъ, подпадаютъ подъ объективное мѣрило, которое совершенно не зависитъ отъ нашего личнаго убѣжденія и совѣсти. На чемъ вертятся безчисленныя трагическія столкновенія между горячими, искренними убѣжденіями людей и требованіями существующаго правового порядка? Только на смѣшеніи сферы нравственности и права, на недостаткѣ строгаго разграниченія личной, субъективной, отъ коллективной, объективной жизни и дѣятельности. Кто судья тому, что я въ самомъ дѣлѣ злоумышленникъ, если мой злой умыселъ ни въ чемъ не обнаружился? Кромѣ меня самого, никто изъ людей! Точно также, не я самъ и никто изъ думающихъ одинаково со мною не судьи тому, что порядокъ дѣлъ, который я ношу въ своемъ умѣ и сердцѣ, въ самомъ дѣлѣ лучше того, который существуетъ. Объ этомъ судить не мнѣ, а другимъ. Если они и ошибаются, то все же ихъ дѣло исправить свою ошибку, и не мнѣ принадлежитъ власть ихъ къ тому принудить.

Итакъ, нравственнымъ или безнравственнымъ можетъ быть названъ поступокъ—все равно, будетъ ли онъ только внутренній, или и внутренній, и вмѣстѣ внѣшній—лишь по отношенію къ лицу, которое его совершило. Этика имѣетъ предметомъ одни отношенія поступка къ дѣйствующему лицу, къ его душевному строю, ощущеніямъ, убѣжденіямъ и помысламъ. Она изслѣдуетъ условія, при которыхъ дѣйствіе зарождается въ душѣ, и законы душевной дѣятельности, опредѣляетъ ея нормы и указываетъ способы, помощью которыхъ душевная дѣятельность можетъ стать нормальной. По этому своему содержанію этика имѣетъ ближайшую связь съ психологіей. Она, вмѣстѣ съ послѣдней, изъ всѣхъ наукъ всего глубже проникаетъ въ тайны психической жизни и дѣятельности человѣка и всего ближе подходитъ къ источникамъ, гдѣ послѣдняя непосредственно зарождается. Крайняя трудность анализа явленій, которыми психологія и этика занимаются, объясняетъ, почему обѣ такъ медленно развиваются и позднѣе всѣхъ другихъ вы-

рабатываются въ особыя отрасли научнаго знанія. Но именно близость психологіи и этики къ непосредственнымъ источникамъ психической жизни и дѣятельности людей дѣлаетъ обѣ эти науки вѣнцомъ и послѣднимъ заключительнымъ словомъ всего знанія. Это, конечно, вовсе не значитъ, что съ разрѣшеніемъ вопросовъ этики всѣ другія науки, какъ безполезныя и ненужныя, должны быть упразднены, или что съ выясненіемъ законовъ психической дѣятельности, установленіемъ ея направленія и нормъ должны упраздниться самые источники изъ которыхъ психическая дѣятельность вытекаетъ, элементы изъ которыхъ она слагается, условія и вліянія, которыми эта дѣятельность безпрестанно направляется въ разныя стороны. Такіе выводы были бы фантастичны или наивны, и возможны только при дѣтскомъ непониманіи задачъ и значенія научнаго знанія. Оно ничего не упраздняетъ и ничего не создаетъ, а только объясняетъ человѣку, въ свойственныхъ его уму формахъ, условія и законы существующаго. На основаніи достигнутаго знанія онъ затѣмъ придумываетъ способы примѣненія знанія къ своимъ потребностямъ, нуждамъ и желаніямъ. Наука ничего не перемѣняетъ въ дѣйствительномъ мірѣ; она только даетъ человѣку средства приспособить этотъ міръ къ своимъ цѣлямъ и себя приладить къ нему, для достиженія тѣхъ же своихъ цѣлей. На этомъ назначеніе и роль знанія, науки, и оканчивается. То, что̀ ей больше того приписывается, должно быть отнесено къ области вымысловъ и фантазіи.

II.

Мы сказали, что этика разсматриваетъ и опредѣляетъ отношенія психической дѣятельности къ душевному строю самого дѣйствующаго лица. Чтобы понять, въ чемъ состоятъ эти отношенія, читателю необходимо напередъ ознакомиться съ тѣмъ, что̀ должно разумѣть подъ душевнымъ строемъ и психическою дѣятельностью человѣка. То и другое составляетъ предметъ психологіи, ученіе которой далеко еще не установилось. Поэтому мы изложимъ здѣсь, въ главныхъ чертахъ, нашъ взглядъ на эти предметы.

Все, что̀ существуетъ на свѣтѣ, начиная съ песчинки и оканчивая человѣкомъ, живетъ своею жизнью и имѣетъ своего рода дѣятельность; только формы жизни и дѣятельности весьма различны. Жизнь и дѣятельность предметовъ неорганизованной природы обнаруживаются исключительно при дѣйствіи на нихъ другихъ предметовъ и потому суть пассивныя, страдательныя. Слѣды собственнаго почина или активной жизни въ этихъ предметахъ чрезвычайно слабы (напримѣръ, процессы кристаллизаціи).

Ясные признаки самодѣятельности начинаютъ показываться въ существахъ организованныхъ. Чѣмъ организмъ выше, развитѣе, совершеннѣе, тѣмъ выше, больше, сильнѣе его самодѣятельность, его собственная инціатива; наоборотъ, чѣмъ ниже организмъ стоитъ въ восходящемъ ряду организмовъ, тѣмъ самодѣятельность заявляетъ себя слабѣе, формы ея неопредѣленнѣе, проще, бѣднѣе и однообразнѣе. Неразлучными спутниками самодѣятельности, раздѣляющими его судьбу и проходящими однѣ съ нею ступени развитія, является способность принимать впечатлѣнія, въ которой заключаются уже всѣ задатки умственной дѣятельности, способность ощущать и тѣсно съ нею связанное самочувствіе. Въ организмахъ низшаго порядка они заявляютъ себя весьма слабо и напротивъ выказываются все сильнѣе и ярче, по мѣрѣ того, какъ мы переходимъ къ организмамъ высшаго порядка.

Эти наблюденія показываютъ, что всѣ проявленія органической жизни имѣютъ между собою тѣснѣйшую связь. При нѣкоторой внимательности нетрудно понять, въ чемъ она заключается. Въ организованныхъ существахъ жизнь и дѣятельность, разлитыя во всей природѣ, индивидуализируются, являются въ видѣ особей, выдѣляются въ единицы. Въ восходящемъ рядѣ этихъ единицъ индивидуализація жизни выражается все больше и сильнѣе. Чѣмъ организмъ выше, тѣмъ онъ сосредоточеннѣе, тѣмъ болѣе выдѣляется изъ окружающей его среды, тѣмъ болѣе замѣтно въ немъ стремленіе стать отъ нея независимымъ, сдѣлаться по возможности самостоятельнымъ. Съ этимъ совпадаетъ переходъ жизни и дѣятельности изъ страдательной, пассивной, въ активную, дѣятельную,—развитіе и усиленіе впечатлительности, способности чувствовать себя и отзываться ощущеніемъ на вліянія и дѣйствія, приходящія извнѣ. Умъ изъ способности принимать впечатлѣнія преобразуется въ могущественное средство и орудіе для огражденія орга-

низма и поддержанія его существованія въ окружающей средѣ.

Обойдемъ здѣсь весьма запутанный, безконечный и для нашей задачи посторонній споръ о томъ, была ли индивидуальная самостоятельность организмовъ естественнымъ слѣдствіемъ того, что, въ силу данныхъ условій, должна была появиться организованная жизнь съ различными ея свойствами и принадлежностями, или же стремленіе къ самостоятельности породило организованную жизнь, снабдило организмы для этой цѣли самочувствіемъ, способностью вырабатывать впечатлѣнія, мыслить и ощущать. Остановимся на однихъ явленіяхъ, удостовѣренныхъ изслѣдованіями, и пойдемъ далѣе.

Вѣнецъ природы, самый развитой и совершенный изъ всѣхъ организмовъ, есть человѣкъ. Всѣ принадлежности организованной жизни являются въ немъ, сравнительно съ другими, извѣстными намъ природными организмами, въ самомъ совершенномъ видѣ, и онъ ихъ самъ развиваетъ все болѣе и болѣе. Сверхъ того, въ религіи, художественномъ творчествѣ и наукѣ онъ проявляетъ свойства и способности, которыхъ и слѣда мы не открываемъ въ жизни и дѣятельности прочихъ организмовъ.

Какою ближайшею, непосредственною причиною объяснить это превосходство человѣка надъ всѣми другими организмами въ природѣ? Гдѣ источникъ тѣхъ его способностей и совершенствъ, которыя долго заслоняли отъ глаза непосредственныя, тѣснѣйшія его связи съ остальнымъ міромъ?

Мы думаемъ, что этой причины слѣдуетъ искать въ особой прирожденной способности, которая, если и не есть исключительная принадлежность человѣческаго рода, то во всякомъ случаѣ выдается въ немъ съ особенною силою, рельефностью и яркостью, и по одному изъ своихъ признаковъ, наиболѣе бросающихся въ глаза, называется сознаніемъ. Этою способностью объясняются всѣ характеристическія особенности и отличія людей. Она еще очень мало изслѣдована, хотя давно подмѣчена, подробно описана германскими учеными и даже подведена ими подъ логическую схему, которая и послужила для Шеллинга и Гегеля исходною точкой ихъ философскихъ системъ. Сознаніемъ мы называемъ особый видъ знанія, различный отъ непосредственнаго, и который составляетъ, сравнительно съ послѣднимъ, его, если можно такъ выразиться, вторую, высшую ступень. Животныя несомнѣнно знаютъ, но непосредственно, съ незначительными и рѣдкими проблесками сознательности. Благодаря ей, человѣкъ не только способенъ обратить то, что онъ уже знаетъ, въ предметъ познаванія, но онъ, въ то же время, способенъ понимать, что знаетъ или вновь познаетъ предметъ. Такимъ образомъ, сознательность даетъ человѣку какъ бы двойное знаніе одного и того же предмета; кромѣ того, вслѣдствіе сознательности, человѣкъ не только можетъ вдвойнѣ обнимать предметъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и давать себѣ въ этомъ отчетъ.

Психическая способность такой громадной важности и значенія, далеко еще не оцѣненная по достоинству и въ Германіи, совершенно опущена изъ виду англійскими и французскими психологами. Нѣмецкіе ученые замѣтили ея участіе въ операціяхъ и процессахъ одного лишь мышленія, да и въ нихъ не прослѣдили ея вліянія до конца; но она замѣшана не въ одной умственной дѣятельности человѣка, а и во всѣхъ другихъ его психическихъ отправленіяхъ и проникаетъ всю его психическую жизнь. Присутствіе этого фактора во всемъ, что думаетъ, ощущаетъ и творитъ человѣкъ, и даетъ основательный поводъ предполагать, что такая способность есть въ немъ прирожденная, т.-е. унаслѣдованная и, по всѣмъ вѣроятіямъ, имѣетъ въ его физіологической организаціи свой субстратъ, хотя мы объ немъ пока ничего не знаемъ. Наблюденія показываютъ только, что она развивается отдѣльно отъ способности непосредственнаго знанія, и въ самомъ яркомъ своемъ видѣ, именно какъ сознаніе, обнаруживается сравнительно позднѣе. Это видно на дѣтяхъ и мало развитыхъ людяхъ. Сознаніе можетъ быть и пассивнымъ и дѣятельнымъ. Оно является пассивнымъ въ созерцаніи и въ самосознаніи: дѣятельнымъ,—когда контролируетъ, повѣряетъ и направляетъ умственныя операціи, движенія чувствъ, внѣшніе поступки.

Итакъ, всѣ разнообразныя проявленія способности, о которой мы говоримъ, указываютъ на то, что психическая жизнь распредѣлена между двумя центрами. Центръ высшей психической жизни и дѣятельности, если и есть въ животныхъ, то въ зачаточномъ видѣ; въ человѣкѣ же онъ сильно развитъ и производитъ двойственность, которая замѣчается

во всемъ, что онъ думаетъ, чувствуетъ и дѣлаетъ. Раздвоенность нашей психической организаціи покоится не на двойственности психической природы человѣка, а происходитъ, вѣроятно, вслѣдствіе дифференціаціи органа, въ которомъ сосредоточивается психическая жизнь. Это видно изъ того, что знаніе и сознаніе имѣютъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же матеріаломъ, только въ различныхъ его видахъ, и что законы дѣятельности обоихъ одни и тѣ же; вся разница между ними ограничивается лишь тѣмъ, что сознаніе не имѣетъ непосредственнаго дѣла съ непосредственною дѣйствительностью, а исключительно только съ тѣмъ, что изъ нея выработано непосредственнымъ знаніемъ. Аналогическіе тому факты замѣчаются и въ физіологическихъ процессахъ. Многими неорганизованными веществами человѣкъ пользуется не прямо, а въ томъ видѣ, въ какомъ они являются, пройдя черезъ переработку въ растеніяхъ; точно также вещества идутъ на пополненіе и обновленіе нашего организма по предварительной переработкѣ ихъ въ желудкѣ. Дифференцированная умственная дѣятельность не создаетъ ничего новаго, а только приводитъ данное, существующее, въ новыя сочетанія, по извѣстнымъ и притомъ однимъ и тѣмъ же законамъ. Съ общей, отвлеченной точки зрѣнія, сознаніе не производитъ ни въ чемъ никакой перемѣны; въ дѣйствительности же оно создаетъ множество новыхъ разнообразныхъ комбинацій, недоступныхъ непосредственному знанію, которое можетъ натолкнуться на нихъ лишь случайно и не въ состояніи ими воспользоваться для произведенія дальнѣйшихъ, болѣе сложныхъ и тонкихъ сочетаній. Такимъ образомъ, сознаніе является лишь дальнѣйшимъ, послѣднимъ осложненіемъ психической жизни, свойственнымъ человѣку, и въ томъ развитомъ видѣ, въ какомъ онъ ею обладаетъ, не встрѣчается ни въ какомъ другомъ изъ всѣхъ извѣстныхъ доселѣ организмовъ.

При такомъ взглядѣ на психическую жизнь и дѣятельность вообще и человѣка въ особенности, многое въ ней непонятное можетъ быть разъяснено, и многіе вопросы, кажущіеся, при теперешней ихъ постановкѣ, неразрѣшимыми, могутъ поддаться рѣшенію, или отпадаютъ.

Камнемъ преткновенія для научной психологіи является загадочное, таинственное *я*—выраженіе и единичности, индивидуальности, и вмѣстѣ единства каждаго человѣка. Съ нашей точки зрѣнія открываются виды на рѣшеніе этого вопроса, по крайней мѣрѣ представляются пути, чтобы подойти къ нему съ неизслѣдованной еще стороны. Сравненіе различныхъ организмовъ показываетъ, что чѣмъ они развитѣе и совершеннѣе, тѣмъ сосредоточеннѣе, т.-е. тѣмъ болѣе составныя ихъ части смыкаются въ единое органическое цѣлое. Это какъ нельзя болѣе подтверждается и непосредственнымъ наблюденіемъ и изслѣдованіемъ нервной и мозговой системъ у животныхъ и человѣка. Въ послѣднемъ, какъ самомъ совершенномъ изъ всѣхъ организмовъ, сосредоточеніе всѣхъ элементовъ и всѣхъ отправленій достигаетъ высшей точки. Въ восходящемъ рядѣ организмовъ мы замѣчаемъ постепенное усиленіе самочувствія. Ставъ въ человѣкѣ предметомъ сознанія, оно выражается словомъ—*я*, обозначающимъ сознаніе собственнаго органическаго единства. Заключается ли затѣмъ органическое единство всѣхъ нашихъ психическихъ отправленій въ единой живой душѣ, или она есть равнодѣйствующая всѣхъ психическихъ отправленій—это вопросъ, который, для нашей цѣли, не представляетъ никакого интереса и не имѣетъ для нея никакого значенія.

Далѣе. Съ нашей точки зрѣнія легче, чѣмъ со всякой другой, установить точныя границы психологіи и этики, выдѣлить ихъ изъ числа другихъ смежныхъ отраслей науки. Явленія непосредственной жизни и дѣятельности составляютъ предметъ такъ-называемаго положительнаго изслѣдованія и знанія. Только явленія, представляющія результатъ отправленій второй или высшей дѣятельности, которая называется сознательною, входятъ въ область психологіи и этики. Ставя эту границу, мы, разумѣется, и не помышляемъ отдѣлять обѣ эти науки китайской стѣной отъ остальныхъ и не думаемъ разрывать ихъ связи съ естественными и другими науками. Предметами высшей способности души становятся факты, подготовленные и выработанные низшею психическою жизнью и дѣятельностью; этика имѣетъ задачею регулировать послѣдніе, подчинить ихъ извѣстнымъ нормамъ. Этимъ установляется такая же тѣснѣйшая взаимная связь между науками, какая существуетъ въ дѣйствительности между явленіями. Мы особенно дорожимъ точнымъ разграниченіемъ разныхъ отраслей знанія только потому, что

съ ихъ смѣшеніемъ рождаются и плодятся ошибочныя, превратныя понятія о факторахъ дѣйствительной жизни. Такая путаница не мало содѣйствовала ложному направленію психологіи и упраздненію этики какъ науки.

Тотъ же взглядъ проливаетъ яркій свѣтъ на происхожденіе и значеніе идеальныхъ стремленій людей. Отрицать ихъ нельзя; вычеркнуть ихъ изъ человѣческой природы невозможно. Многіе приходятъ въ раздраженіе и негодованіе при одной мысли, что есть безумцы, которые осмѣливаются легкомысленно и нечестиво посягать на идеалы и идеальныя стремленія. Но нападки такихъ безумцевъ только смѣшны и не заслуживаютъ вниманія. Тѣ, которые отрицаютъ и защищаютъ идеалы и идеальныя стремленія, одинаково забываютъ, что на свѣтѣ есть люди съ хорошими, добродѣтельными, и съ дурными, порочными, стремленіями, но и въ людскихъ добродѣтеляхъ, и въ людскихъ порокахъ идеализмъ одинаково замѣшанъ. Недаромъ же давно замѣчено, что ни одно животное не можетъ сравниться съ человѣкомъ въ высотѣ его стремленій и не въ состояніи пасть такъ глубоко, какъ человѣкъ. Отъ идеализма люди никакъ не могутъ отдѣлаться, потому что онъ лежитъ въ ихъ природѣ. Надо эту способность понять и извлечь изъ нея для человѣчества возможную пользу, направляя ее и парализуя приносимый ею вредъ.

Источникъ и причина идеальныхъ стремленій человѣка есть та же высшая способность, которая, повторяемъ, участвуетъ не въ однѣхъ операціяхъ мышленія, но и во всѣхъ другихъ его психическихъ отправленіяхъ. Эта способность есть источникъ и причина идеализма уже потому, что имѣетъ дѣло не съ реальными фактами и явленіями непосредственно, а съ нашими внутренними, психическими состояніями, безразлично, чѣмъ бы они ни были произведены—внѣшними ли впечатлѣніями, или органическими потребностями человѣческой природы. Ощущенія, сдѣлавшись предметами сознанія, превращаются въ идеальные предметы, непохожіе на реальныя явленія и факты, какими они были до того. Кромѣ того, благодаря той же высшей способности, эти факты подвергаются переработкѣ по законамъ мышленія: сопоставляются, сравниваются, разлагаются на составныя части, которыя потомъ группируются и обобщаются отдѣльно отъ самихъ предметовъ. Такъ предметы преобразуются и становятся совсѣмъ непохожими на свой первоначальный видъ; образуется идеальный міръ, отрѣшенный отъ той дѣйствительности, изъ которой онъ выработанъ прирожденною и присущею человѣку способностью особаго рода. Въ идеальности его уже заключается и условіе его совершенства сравнительно съ дѣйствительностью. Разрозненное въ послѣдней—въ немъ сгруппировано вмѣстѣ и обобщено; измѣнчивое, колеблющееся, преходящее въ дѣйствительности—въ немъ представляется постояннымъ, прочнымъ и неизмѣннымъ. Идеальный міръ выводитъ такимъ образомъ индивидуальнаго человѣка изъ тѣснаго круга его личнаго существованія, подымаетъ его до всеобщаго, тянетъ неудержимо къ совершенствованію, которое состоитъ въ стремленіи къ идеалу, въ усиліяхъ осуществить его въ дѣйствительности.

Итакъ, корень идеализма и идеаловъ совершенства лежитъ въ высшей способности. Мы не можемъ отъ нихъ отдѣлаться какъ отъ своей тѣни, какимъ бы путемъ ни шли, куда бы ни обратились, потому что прирожденное человѣку свойство дѣйствуетъ и тогда, когда мы не замѣчаемъ этого дѣйствія и наша личная воля въ немъ вовсе не участвуетъ. Мы привыкли называть это свойство или способность души сознаніемъ, хотя такое названіе весьма неточно и неправильно передаетъ характеръ того факта, который имъ означается. Въ томъ смыслѣ, какой мы ему обыкновенно придаемъ, сознаніе есть только актъ мышленія; мы же имѣемъ въ виду ту психическую способность, вслѣдствіе которой душевная жизнь и дѣятельность удвояется и является усугубленной, совершается какъ бы въ двухъ ярусахъ. Правильнѣе было бы различать отправленіе той и другой не названіями: сознательныя и безсознательныя, а названіями: непосредственныя и вторичныя, такъ какъ послѣднія могутъ быть безсознательными подобно первымъ.

Изложеннымъ выше взглядомъ на психическую организацію вообще и человѣка въ особенности проливается яркій свѣтъ на свойства нравственной дѣятельности и на такъ называемую свободу воли. Та и другая, какъ извѣстно, представляютъ рядъ загадочныхъ явленій, ставящихъ въ тупикъ психологовъ и остающихся до сихъ поръ необъясненными, несмотря на всѣ усилія.

Что такое нравственная дѣятельность? Вопросъ этотъ разрабатывался долго и много — богословами, моралистами и юристами. Преслѣдуя преимущественно практическія цѣли, они собрали массу наблюденій представляющихъ богатый матеріалъ для критическихъ научныхъ изслѣдованій; но онъ разработанъ пока очень мало и недостаточно, вслѣдствіе того, что психологія до сихъ поръ еще не успѣла освободиться отъ одностороннихъ, враждебныхъ другъ другу направленій, которыя рвутъ ее въ разныя стороны и мѣшаютъ ей стать на строго-научную почву. Теологи, моралисты и юристы одинаково признаютъ условіями нравственной дѣятельности нормальное состояніе и зрѣлость ума и свободу воли. Поступокъ подлежитъ нравственному вмѣненію, если совершенъ умышленно, или только необдуманно. Дѣйствіе, совершенное безъ участія сознанія, или подъ давленіемъ непреодолимой силы, устраняющей участіе свободной воли, не признается нравственно вмѣняемымъ. Эти основныя ученія имѣютъ у богослововъ и юристовъ свои отличія и примѣненія, въ которыхъ оттѣняются различныя точки зрѣнія тѣхъ и другихъ. Теологи больше обращаютъ вниманія на внутреннюю, юристы — на внѣшнюю сторону поступковъ.

Но уже весьма давно свобода воли встрѣтилась лицомъ къ лицу съ необходимостью, опредѣляемою различно въ различныя эпохи, и согласить ихъ, привести ихъ къ мирному сосуществованію, оказалось, несмотря на всѣ усилія, невозможнымъ: онѣ исключаютъ другъ друга. Въ послѣднее время къ этой трудности присоединилось много другихъ, не менѣе серьезныхъ. Психопатія открыла такое множество оттѣнковъ ненормальнаго умственнаго состоянія, какихъ прежде и не подозрѣвали. Уголовная практика указала на массу случаевъ, доказывающихъ, что различіе умышленности и неумышленности далеко не такъ просто, и вообще участіе и безучастіе воли въ поступкѣ до того близко соприкасаются въ дѣйствительности, что довѣріе къ непогрѣшимости основныхъ ученій нравственнаго вмѣненія стало колебаться. Въ то же время, возникло, вслѣдствіе точныхъ научныхъ изслѣдованій и критики, сомнѣніе, да существуетъ ли воля вообще, какъ особая, самостоятельная сила или органъ психической дѣятельности? Что касается въ особенности до свободной воли, какъ она понималась прежде, то ея невозможность доказана длиннымъ рядомъ блистательныхъ неопровержимыхъ доводовъ. Когда такимъ образомъ пошатнулись самые устои прежняго ученія о нравственной вмѣняемости, сталъ мало-по-малу существенно измѣняться и прежній взглядъ на наказаніе, какъ на справедливое возмездіе преступнику за совершенное имъ преступленіе, и кары начали, въ глазахъ мыслителей, превращаться въ мѣры исправленія или огражденія общества и государства отъ преступленій и преступниковъ. Такимъ образомъ, и въ развитіи вопроса о нравственной дѣятельности выразилось господствующее теперь во всемъ направленіе: интересъ къ личной, индивидуальной жизни и дѣятельности постепенно ослабѣваетъ и падаетъ, мѣсто его заступаетъ интересъ къ объективному значенію и роли дѣйствій и поступковъ въ обществѣ и государствѣ. Но истребить въ людяхъ убѣжденіе, что свобода помысловъ и поступковъ есть органическая принадлежность человѣческой природы, такъ же невозможно, какъ нельзя ихъ убѣдить въ томъ, что случайность не играетъ никакой роли въ ихъ личной жизни и все совершается исключительно по закону необходимости. Если даже допустить, что послѣднее справедливо, то наука во всякомъ случаѣ обязана объяснить, почему человѣкъ считаетъ свою волю свободной, многія событія въ своей жизни случайными; ибо только тогда явленіе можетъ считаться окончательно объясненнымъ, когда не только условія и законы его найдены и опредѣлены, но и показано, откуда произошли иллюзіи, представлявшія его въ ложномъ свѣтѣ, съ ошибочной точки зрѣнія. Относительно свободной воли этого до сихъ поръ не сдѣлано, и всѣ попытки объяснить, почему человѣкъ считаетъ себя одареннымъ свободной волей, когда онъ на самомъ дѣлѣ неключимый рабъ необходимости, не удовлетворили до сихъ поръ никого.

Съ нашей точки зрѣнія свобода воли не есть иллюзія, а дѣйствительное явленіе; только наука до сихъ поръ смотрѣла на него не такъ, какъ слѣдуетъ, и потому не могла его объяснить.

Все, что существуетъ и происходитъ въ мірѣ, есть необходимый результатъ извѣстныхъ условій. Еще нигдѣ и никогда не открыто факта, который бы существовалъ безъ сочетанія условій, при которыхъ онъ мо-

жетъ появиться и быть. Человѣкъ—органическая часть природы. Какъ же можетъ въ немъ существовать сила, создающая явленія помимо всякихъ условій, или хотя бы только сдѣлать выборъ между различными предметами самопроизвольно, помимо всякихъ условій? Это невозможно и немыслимо. А между тѣмъ, всѣ и каждый непосредственно убѣждены въ томъ, что, при извѣстной обстановкѣ, люди самопроизвольно и свободно распоряжаются своими внутренними движеніями и внѣшними поступками. Такое убѣжденіе не есть самообольщеніе, а подтверждается данными психической жизни. Многочисленныя наблюденія давно установили различіе между дѣйствіями вполнѣ добровольными и такими, которыя вынуждены напоромъ непобѣдимыхъ психическихъ движеній—волненія страстей, боязни и т. п. Откуда бы могло взяться такое различіе, которое каждый дѣлаетъ, разбирая свои поступки и душевныя состоянія, еслибъ въ основаніи его не лежали психическіе факты? Точно также всякій можетъ, по своему усмотрѣнію, переходить, болѣе или менѣе быстро, отъ однихъ мыслей, желаній и рѣшеній къ другимъ, не имѣющимъ съ прежними никакихъ отношеній, никакой даже внѣшней и случайной связи. Какъ объяснить это явленіе, отвергая всякую самопроизвольность? Если свободы дѣйствій совсѣмъ нѣтъ, то нѣтъ и не можетъ быть вмѣняемости, а ее признаетъ, однако, родъ человѣческій съ тѣхъ поръ, что себя помнитъ. Наконецъ, сравнительная физіологія и психологія показываютъ, что самопроизвольность не есть даже исключительная принадлежность людей, а появляется вмѣстѣ съ организованною жизнью, болѣе и болѣе развивается по мѣрѣ возвышенія ея до человѣка, и въ немъ, представляющемъ высшую ступень извѣстной намъ природы, достигаетъ высшей извѣстной намъ степени развитія. Итакъ, самопроизвольность, свобода воли есть несомнѣнный, дѣйствительный психическій фактъ. Какъ же согласить его съ другимъ, такимъ же несомнѣннымъ фактомъ, что всѣ явленія на земномъ шарѣ, безъ малѣйшаго исключенія, зарождаются, совершаются и исчезаютъ не иначе, какъ съ строгою необходимостью, которой одинаково подчинено все существующее? Другого выхода изъ этого противорѣчія нѣтъ, какъ обратиться къ самой постановкѣ дилеммы и провѣрить, нѣтъ ли въ ходѣ нашихъ выводовъ и заключеній, или въ ихъ предпосылкахъ, какой-нибудь ошибки, которая и привела къ неразрѣшимому противорѣчію? Внимательная провѣрка предпосылокъ, на которыхъ построена аргументація за и противъ свободной воли, показываетъ, что такая ошибка дѣйствительно была сдѣлана. Споръ ведется на основаніи неправильнаго понятія о необходимости и свободѣ воли, которое установилось по правиламъ устарѣлой отвлеченной логики, не умѣвшей обращаться съ живыми явленіями. Въ дѣйствительной жизни нѣтъ ни безусловной необходимости, ни безусловной самопроизвольности: и та и другая на самомъ дѣлѣ всегда условны и относительны и измѣняютъ этотъ свой характеръ только въ области отвлеченнаго мышленія. Въ природѣ и въ соціальной жизни явленія совершаются съ роковою неизбѣжностью только при дѣйствіи извѣстныхъ условій; нѣтъ ихъ на лицо, или они измѣнились—и нѣтъ явленія; мѣсто его заступаетъ другое. Значитъ, и въ природѣ, и въ общественной жизни условія опредѣляютъ необходимость, а не необходимость создаетъ условія. Съ условіями, производящими явленіе, часто смѣшиваются поводы; но и это тоже грубая логическая ошибка. Поводъ есть только обстоятельство, благопріятствующее явленію, а не условіе его необходимости. Простуда, сырой воздухъ благопріятствуютъ чахоткѣ, сильное душевное потрясеніе—разрыву сердца; но не они, съ роковою необходимостью, производятъ расположеніе къ органическимъ поврежденіямъ, которыя оканчиваются смертью.

Что̀ мы сказали о необходимости, то вполнѣ примѣняется и къ свободѣ воли. Она точно также не есть нѣчто само по себѣ безусловное и безотносительное, а есть явленіе возможное и необходимое только при извѣстныхъ условіяхъ. Нѣтъ ихъ на лицо—нѣтъ и свободной воли. Такъ, человѣкъ, напившійся до безчувственности, психически больной, младенецъ, не имѣютъ свободной воли, потому что она возможна только при зрѣлыхъ и нормально дѣйствующихъ умственныхъ способностяхъ. Мало того: не только воля и ея дѣятельность, но и вся вообще психическая жизнь совершается на матеріальной подкладкѣ, которая дѣйствуетъ и вліяетъ на нее и ея отправленія безчисленными путями и способами, изъ которыхъ только очень немногіе, и то только въ недавнее время сдѣлались предметами точныхъ научныхъ изслѣдованій.

Отвлеченности и логическія надъ ними операціи заслонили отъ насъ также и многія характеристическія черты и особенности свободной воли, которыя, будь онѣ ранѣе подмѣчены, устранили бы множество пустыхъ, ни къ чему не ведущихъ споровъ о ея сущности. Во-первыхъ, свободная воля всегда непремѣнно дѣйствуетъ по какимъ-нибудь мотивамъ, никогда безъ мотивовъ. Это одно уже показываетъ, что она совсѣмъ не безусловна; во-вторыхъ, свободная воля всегда, непремѣнно имѣетъ дѣло съ данными явленіями и фактами, психическими или внѣшними, и оперируетъ надъ ними, слѣдовательно, опять-таки не есть какая-то на воздухѣ висящая сила, орудующая въ пустомъ пространствѣ, какою она является въ видѣ отвлеченнаго принципа; въ-третьихъ, свободная воля ничего не создаетъ изъ ничего, а только приводитъ въ тѣ или другія сочетанія готовый, имѣющійся на лицо матеріалъ, комбинируетъ его въ новыя формы, которыхъ онъ передъ тѣмъ не имѣлъ, и этимъ производитъ новыя явленія. Только въ этомъ, а не въ другомъ какомъ-либо смыслѣ, свободная воля можетъ быть названа творческою дѣятельностью. Но не она одна такъ дѣйствуетъ. Вся жизнь не только организованной, но и неорганизованной природы, есть непрерывный и сплошной рядъ смѣнъ однихъ комбинацій матеріала, данныхъ фактовъ, другими, и созиданія такимъ путемъ новыхъ явленій; наконецъ, въ-четвертыхъ, дѣятельность свободной воли не можетъ измѣнить общихъ условій и законовъ существованія; какова бы эта дѣятельность ни была и какъ бы ни казались различны ея послѣдствія, они, во всякомъ случаѣ и всегда, будутъ вращаться въ границахъ условій и законовъ, по которымъ совершается дѣйствительная жизнь, и никакъ не могутъ изъ нихъ выйти, слѣдовательно, въ отвлеченномъ, общемъ смыслѣ неуловимы и не имѣютъ никакого значенія. Отвлеченная логика, противопоставляя необходимость свободѣ воли, впадаетъ въ очевидную ошибку: оба эти понятія не могутъ быть поставлены на одну доску и противополагаемы, потому что несоизмѣримы. Въ дѣйствительной жизни совсѣмъ не одно и то же, будутъ ли мои помыслы и поступки нравственны или безнравственны, точно такъ же, какъ въ ней далеко не безразлично, явится или не явится въ Россіи Петръ Первый, въ Пруссіи—Фридрихъ Второй или Бисмаркъ, въ Сѣверо-американскихъ штатахъ—Франклинъ или Вашингтонъ; но, съ отвлеченной точки зрѣнія, все это одинаково подойдетъ подъ категорію необходимости, такъ какъ все возникаетъ и совершается въ условіяхъ и по законамъ необходимыхъ событій.

Устранивъ спекуляціи отвлеченной логики, попытаемся установить свободу воли какъ живое дѣйствительное явленіе, въ тѣхъ условіяхъ и обстановкѣ, въ какихъ оно проявляется на самомъ дѣлѣ, въ доступныхъ научному изслѣдованію фактахъ.

Прежде всего замѣтимъ, что актомъ свободной воли признается результатъ, послѣдствіе особаго рода дѣятельности, имѣющей свои особые характеристическіе признаки, на основаніи которыхъ мы и отличаемъ ее отъ всѣхъ другихъ родовъ дѣятельности названіемъ — свободной. Итакъ, приступая къ изслѣдованію свободной воли, надо начать съ устраненія ошибочнаго представленія, которое невольно зарождается въ умѣ вслѣдствіе смѣшенія явленій съ словами, которыми они обозначаются. Свободная воля не есть особая сила, или особый самостоятельный факторъ; она только особаго рода отправленіе или функція одного и того же дѣятеля, которую мы выдѣляемъ изъ другихъ и обозначаемъ особымъ названіемъ, чтобы опредѣлить, что именно разумѣемъ и о чемъ говоримъ. Въ томъ же самомъ значеніи мы говоримъ о ростѣ, возрастѣ, цвѣтѣ, плотности, глубинѣ, быстротѣ и т. п., не соединяя съ этими словами понятія о самостоятельныхъ предметахъ. Оговорка эта особенно необходима въ примѣненіи къ свободной волѣ, вслѣдствіе сильно вкоренившейся въ насъ привычки къ пріемамъ отвлеченной логики, которая вытѣснена совсѣмъ только изъ области такъ-называемыхъ точныхъ наукъ, но продолжаетъ и до сихъ поръ сильно тормазить успѣхи психологическихъ изслѣдованій.

Другое замѣчаніе, особенно важное для характеристики свободной дѣятельности, состоитъ въ томъ, что она находится въ неразрывной, непосредственной, тѣснѣйшей связи съ сознаніемъ. Эта особенность до того поразительна и бросается при первомъ же взглядѣ въ глаза, что нѣкоторые изслѣдователи, отрицающіе свободную волю, объясняли происхожденіе такого ошибочнаго, по ихъ мнѣнію, представленія одною сознательностью извѣстныхъ поступковъ, въ противополож-

ность другимъ, не освѣщеннымъ сознаніемъ. Проводя свой взглядъ послѣдовательно до конца, они пришли къ выводу, что сознаніе не играетъ въ человѣческой дѣятельности никакой роли, что оно только, какъ зеркало, отражаетъ въ себѣ то, что совершается непроизвольно, вслѣдствіе однихъ внѣшнихъ вліяній и возбужденій. Такое объясненіе не удовлетворило, да и не могло удовлетворить никого. Мы видѣли выше, что то, что называется сознаніемъ, вовсе не есть въ нашей психической организаціи простой отражательный аппаратъ, а особая душевная функція, воспринимающая психическія явленія. Тѣснѣйшая связь свободной воли съ сознаніемъ наводитъ на мысль, что объясненія самопроизвольности должно искать въ этой психической функціи. Многія данныя подтверждаютъ эту догадку. Извѣстно, что всякая психическая дѣятельность, какова бы она ни была, вызывается какимъ-нибудь возбужденіемъ. На низшихъ ступеняхъ психической жизни возбужденіе является въ видѣ матеріальнаго толчка, который сообщается центральному органу и изъ него прямо и непосредственно выходитъ уже въ видѣ непроизвольнаго рефлективнаго движенія. Затѣмъ, на болѣе высшихъ ступеняхъ психическая дѣятельность является уже болѣе сложной, вслѣдствіе большей развитости центральнаго органа и происходящей отсюда болѣе дѣятельной его роли въ психическихъ явленіяхъ. Тутъ возбужденіе является уже не въ видѣ непосредственнаго, матеріальнаго толчка, а въ видѣ впечатлѣнія, получаемаго органами чувствъ,— впечатлѣнія, которое уже, само по себѣ, есть весьма сложный психическій актъ. Центральный органъ уже не ограничивается непосредственною, простою передачею полученнаго впечатлѣнія органамъ движенія, а высылаетъ его изъ себя, въ видѣ движенія, въ передѣланномъ, переработанномъ и измѣненномъ видѣ, и притомъ такъ значительно, что вызванное впечатлѣніемъ движеніе не имѣетъ съ нимъ, повидимому, ничего общаго. Мало того: вмѣстѣ съ большою выработанностью центральнаго органа, не только вліяніе его на воспринятіе возбужденія и опредѣленіе движенія усиливается, но въ этомъ органѣ сосредоточивается психическая жизнь, а возбужденіе и движеніе получаютъ второстепенное значеніе и становятся къ центральному органу въ зависимое, служебное отношеніе. Мимоза-сензитива при прикосновеніи тотчасъ же съеживается; а левъ, только когда голоденъ, отыскиваетъ добычу и, завидя или почуявъ ее, принимаетъ мѣры, чтобы она отъ него не ускользнула, и потомъ овладѣваетъ ею и обращаетъ себѣ въ пищу, или относитъ къ дѣтямъ. Въ человѣкѣ и возбужденіе, и роль центральнаго органа, и движеніе или дѣятельность становятся еще на высшую ступень, подвергаются еще бо̀льшимъ, существеннѣйшимъ превращеніямъ. То, въ чемъ мы признаемъ отличительныя характеристическія черты человѣческой природы, сводится къ слѣдующимъ особенностямъ: во-первыхъ, слитое, непосредственное различено, дифференцировано, по крайней мѣрѣ есть постоянное стремленіе разложить то, что остается непосредственнымъ, неразличеннымъ; во-вторыхъ, внѣшнія возбужденія и впечатлѣнія замѣняются мотивами, идущими отъ центральнаго органа. Дифференціація психической дѣятельности переноситъ ее внутрь человѣка и порываетъ непосредственную связь между внѣшнимъ возбужденіемъ и дѣятельностью. Въ-третьихъ, дѣятельность является результатомъ не внѣшняго толчка или возбужденія, а внутренняго побужденія или мотива, который оказался сильнѣе другихъ. Такимъ образомъ, на высшей ступени психическая жизнь достигаетъ высшей степени сосредоточенности и относительной независимости отъ окружающей среды. Вотъ эта-то относительная самостоятельность психическихъ движеній, ея относительная независимость, по крайней мѣрѣ отсутствіе непосредственной ея зависимости отъ внѣшнихъ возбужденій, и рождаетъ понятіе о свободной волѣ. Отвлеченная логика создала изъ нея безусловный принципъ и тѣмъ исказила дѣйствительный фактъ, обозначаемый этимъ названіемъ, до неузнаваемости. Въ отвлеченномъ, безусловномъ смыслѣ, свободной воли нѣтъ, какъ вообще нѣтъ ничего безусловнаго и безотносительнаго въ живой дѣйствительности. Подъ свободною волею разумѣется дѣятельность, вызываемая и направляемая внутренними побужденіями, мотивами, въ противоположность дѣятельности чисто рефлективной, а также дѣятельности, вызываемой непосредственно внѣшними возбужденіями или впечатлѣніями. Свободная воля въ этомъ смыслѣ подлежитъ опредѣленнымъ условіямъ, какъ и всякая вообще дѣятельность, совершается по извѣстнымъ законамъ, опредѣляемымъ дифференцирован-

пою психическою жизнью, отъ которой непосредственно зависитъ, почему нѣкоторыми и считается тождественною съ сознанiемъ. Недостаточное различенiе разныхъ ступеней психической дѣятельности, которыя въ дѣйствительности смѣшиваются, переплетаются и перекрещиваются въ безчисленныхъ направленiяхъ, и есть главная причина путаницы въ головахъ по вопросу о свободной волѣ. Способность дѣйствовать по мотивамъ или внутреннимъ побужденiямъ, а не по однимъ внѣшнимъ впечатлѣнiямъ или непосредственнымъ внѣшнимъ толчкамъ точно такъ же развивается, укрѣпляется, совершенствуется упражненiемъ и привычкой, навыкомъ, какъ и всѣ другiя способности. Свободная или сознательная дѣятельность, подобно всякой другой, не создаетъ ничего новаго, а только приводитъ то, что̀ есть, въ иныя сочетанiя; ее нельзя признать и безпричинной, потому что она тоже возбуждается или вызывается побужденiями, хотя и различными отъ тѣхъ, которыми она возбуждается въ другихъ видахъ психической дѣятельности. Всѣ эти черты такъ называемой свободной воли отнимаютъ у нея значенiе безусловнаго принципа, выводящаго ее изъ ряда другихъ явленiй и противорѣчащаго общимъ законамъ всего существующаго.

Но дѣятельность сознательная, по мотивамъ, есть только одна сторона свободной воли. Чтобы вполнѣ ее выяснить, необходимо знать, какъ образуются самые мотивы, какъ они между собою относятся и что даетъ имъ силу вызывать дѣятельность. Въ этой темной области мы можемъ основаться только на результатахъ психическихъ наблюденiй; физiологическiя изслѣдованiя нервной и мозговой жизни и отправленiй недостаточно еще подвинулись впередъ, чтобы служить пособiемъ и руководствомъ при разрѣшенiи поставленныхъ трудныхъ вопросовъ.

Начнемъ съ того, что предметами вторичной или такъ называемой сознательной психической дѣятельности становятся самые разнообразныя психическiя явленiя и факты, не имѣющiе между собою ничего общаго, или находящiеся другъ къ другу въ весьма далекомъ отношенiи и сродствѣ. Мы одинаково сознаемъ и явленiя окружающаго насъ мiра—природы и социальной жизни—и явленiя нашей собственной, личной жизни, матерiальной и психической. Они и въ сознанiи остаются различенными между собою, но получаютъ одно общее всѣмъ имъ свойство, именно способность быть предметами психической переработки и сознанiя. Одно это уже показываетъ, что сознанiе не есть только зеркало, пассивно отражающее впечатлѣнiя, а что ему соотвѣтствуетъ органическая дѣятельность, претворяющая, перерабатывающая въ себѣ то, что̀ въ нее поступаетъ, дѣлающая его спобобнымъ стать предметомъ сознанiя,—подобно тому какъ составныя части почвы должны быть извѣстнымъ образомъ подготовлены, чтобы питать растенiя, или пища, которую мы принимаемъ, должна пройти извѣстный процессъ, чтобы идти на пополненiе недостающихъ или убывающихъ составныхъ частицъ живого организма. Что психическая дѣятельность, которую мы называемъ сознательною, дѣйствительно имѣетъ это свойство, доказывается сравненiемъ впечатлѣнiй и производимыхъ ими ощущенiй, съ тѣмъ видомъ, какой они получаютъ въ сознанiи. Что̀ бы сознанiе въ себя ни приняло изъ внѣшняго мiра и внутренней психической жизни,—все получаетъ въ немъ свой, если можно такъ выразиться, особый значокъ и сохраняется, остается въ немъ, когда явленiе, достигнувшее сознанiя, уже исчезло и перестало производить впечатлѣнiе или ощущенiе. Что̀ общаго между мыслью, вычитанною вчера въ книгѣ, ненавистью или любовью къ тому или другому лицу, ощущенiемъ голода или боли и образомъ человѣка, котораго я вчера видѣлъ въ первый разъ? Однако, всѣ эти разнородные предметы поступаютъ въ сознанiе подъ своимъ особымъ значкомъ. Они претворились въ немъ и въ этомъ претворенномъ видѣ стали ему доступными, несмотря на свое различiе.

Сдѣлавшись предметомъ сознанiя, обратившись въ немъ въ значокъ, явленiе теряетъ, въ этомъ новомъ своемъ видѣ, непосредственную силу и принудительность внѣшняго толчка, возбужденiя или впечатлѣнiя. Не они, а уже нѣчто другое, становится внутреннимъ побужденiемъ для дѣятельности, которое мы выше назвали мотивомъ. Какъ сознательность представляетъ высшую степень сосредоточенiя психической жизни, такъ и мотивъ, неразрывно связанный съ сознательностью, можетъ зарождаться только въ стремленiяхъ и наклонностяхъ личной, индивидуальной природы и жизни человѣка. Не различая безсознательной, полусознательной и вполнѣ со-

знательной дѣятельности, мы нерѣдко смѣшиваемъ мотивъ съ впечатлѣніемъ или внѣшнимъ толчкомъ; но это большая ошибка. Мотивъ зарождается внутри насъ, вытекаетъ изъ нашей индивидуальной природы и принимаетъ въ сознаніи опредѣленный, формулированный образъ, матеріаломъ для котораго служитъ то, что̀ поступило въ сознаніе, стало для него доступнымъ. Въ сознаніи, стремленія и наклонности человѣка преобразуются въ намѣренія и цѣли, подбирая изъ накопленныхъ въ сознаніи данныхъ тѣ, которыя всего ближе къ нимъ подходятъ, болѣе всего имъ соотвѣтствуютъ. Смотря по наклонностямъ и стремленіямъ, различны будутъ цѣли и намѣренія. Голодъ и холодъ, любовь и ненависть къ лицу, предрасположеніе къ общему, идеальному, выберутъ и сгруппируютъ соотвѣтствующія имъ данныя изъ накопленнаго въ сознаніи богатаго матеріала и придадутъ имъ форму цѣли. Затѣмъ уже цѣль осуществляется. Сходный съ этимъ процессъ преобразованія стремленій и наклонностей въ цѣли мы замѣчаемъ и въ наиболѣе развитыхъ животныхъ организмахъ, съ тою только разницею, что въ нихъ идеальныя стремленія несравненно слабѣе, на нихъ есть лишь намеки, и сознательное, преднамѣренное, обдуманное отношеніе къ цѣлямъ замѣняется операціями безсознательнаго мышленія.

Одновременное существованіе въ человѣкѣ самыхъ разнообразныхъ предрасположеній, наклонностей и стремленій, преобразующихся съ сознаніи въ цѣли и формулированныя задачи, предполагаетъ, съ одной стороны, общую всѣмъ имъ среду, въ которой они, несмотря на все ихъ разнообразіе, приводятся, такъ сказать, къ одному знаменателю, какъ разнообразная пища въ желудкѣ, а съ другой—возможность сопоставленія различныхъ стремленій и наклонностей, и слѣд., ихъ взаимныя столкновенія и борьбу. Общая всѣмъ имъ среда есть, какъ мы видѣли, такъ называемая сознательная дѣятельность, которая нейтрализуетъ внѣшнія побужденія и впечатлѣнія и въ то же время превращаетъ предрасположенія и наклонности человѣка въ опредѣленныя формулированныя цѣли. Что касается столкновенія и борьбы мотивовъ, то это фактъ безспорный, общедоступный, едва ли кѣмъ неизвѣданный по собственному опыту. Борьба эта рѣшается по законамъ механики: который мотивъ сильнѣе, тотъ и одерживаетъ верхъ надъ другими и формулируется въ цѣль и задачу, которая разрѣшается дѣйствіемъ или поступкомъ. Въ такомъ преобладаніи болѣе сильныхъ мотивовъ надъ слабыми есть нѣчто роковое, неотразимое. Моралисты не могутъ примириться съ такимъ неизбѣжнымъ исходомъ столкновенія мотивовъ, и указываютъ на разныя средства, которыя будто бы имѣютъ силу и власть отвратить его. Тщетныя усилія! Противъ него нѣтъ ни заклинаній, ни чаръ. Единственное средство отклонить нежелаемыя фатальныя послѣдствія борьбы мотивовъ,—это измѣнить взаимныя отношенія самихъ мотивовъ, усилить одни, ослабить другіе, словомъ, измѣнить условія ихъ борьбы. Такимъ образомъ, въ мірѣ психической дѣятельности мы встрѣчаемся лицомъ къ лицу съ тѣмъ же закономъ, съ которымъ давно свыклись и освоились въ практической, внѣшней, объективной дѣятельности. Стремясь подчинить себѣ окружающій міръ и приспособить его къ нашимъ потребностямъ, мы не задаемся мечтой измѣнить законы природы, а располагаемъ условія, при которыхъ она дѣйствуетъ, такъ, чтобъ она производила то, что намъ нужно и желательно.

III.

Изложенныя мысли и соображенія пополняютъ, какъ мы думаемъ, нѣкоторые существенные пробѣлы въ современномъ научномъ міросозерцаніи, мѣшающіе установленію и развитію научной этики, или ученія о нравственности. Прежде чѣмъ перейти къ ней, укажемъ на эти пробѣлы и постараемся объяснить, что̀ именно вызываетъ въ наше время необходимость коренного поворота въ основныхъ взглядахъ на жизнь и ея условія.

Больное мѣсто всѣхъ міровоззрѣній, научныхъ и ненаучныхъ, есть глубокій мракъ, которымъ до сихъ поръ окружена связь между единичнымъ, индивидуальнымъ, личнымъ существованіемъ и его объективными условіями. Раскрытіе этой связи есть высшая изъ всѣхъ задачъ науки, послѣднее слово всѣхъ научныхъ системъ, главная цѣль стремленій самыхъ свѣтлыхъ умовъ и благороднѣйшихъ сердецъ. Съ тѣхъ поръ, что люди начали думать надъ общими вопросами, они безпрестанно возвращаются къ этому основному вопросу, встрѣчаясь съ нимъ лицомъ

къ лицу ежеминутно, не въ однихъ теоретическихъ соображеніяхъ, но и въ малѣйшихъ подробностяхъ ежедневной практической жизни и дѣятельности. Что такое я, человѣческая единица, посреди природы, другихъ людей, общества и въ своемъ собственномъ тѣлѣ? Мыслью я ихъ обнимаю, полетъ моихъ желаній и стремленій уноситъ меня далеко назадъ и впередъ, даже за предѣлы міра; но въ то же время я чувствую и сознаю, что связанъ своей обстановкой и своимъ тѣломъ по рукамъ и по ногамъ, подчиненъ имъ какъ ничтожнѣйшій рабъ, нахожусь въ полной, роковой зависимости отъ случайностей, которыя могутъ меня раздавить и уничтожить, какъ послѣдняго червяка. И единичный человѣкъ, и природа—несомнѣнныя реальности; но какъ онѣ между собою относятся, окружено непроницаемой тайной.

Еще таинственнѣе и непостижимѣе тѣ высшія силы, которыя, не будучи вовсе доступны чувствамъ, управляютъ судьбами и единичнаго человѣка, и всего міра. Что̀ онѣ такое, какая ихъ природа, какая связь между ними и единичнымъ человѣкомъ, какимъ образомъ онѣ дѣйствуютъ на него и весь міръ? Что такія силы есть, что онѣ дѣйствительно существуютъ и дѣйствуютъ, — составляетъ глубочайшую, непоколебимую увѣренность всего человѣческаго рода, съ тѣхъ поръ, что онъ себя помнитъ.

Первымъ толчкомъ, разбудившимъ человѣка къ умственной и нравственной дѣятельности, была потребность жить, существовать. Окружающая среда давала къ тому средства и въ то же время представляла разныя препятствія. Надо было къ ней приспособиться и ее приладить такъ, чтобы она удовлетворяла нуждамъ. Эти заботы впервые заставили человѣка думать и соображать, пріобрѣтать познанія, изловчаться къ разнаго рода полезнымъ для него пріемамъ и навыкамъ.

Продѣлавъ эту первоначальную школу и нѣсколько устроивъ свое существованіе, человѣкъ добрался и до общихъ вопросовъ, сначала до тѣхъ, которые имѣли ближайшее отношеніе къ его жизни и потребностямъ, а потомъ, мало-по-малу, и до болѣе далекихъ. Два пути открывались передъ нимъ. Священные голоса, исходившіе какъ бы свыше, говорили ему: не пытайся узнать всего; всевѣдущимъ ты никогда не будешь. Мы открываемъ тебѣ то, что̀ тебѣ необходимо знать, чтобы быть по возможности удовлетвореннымъ и счастливымъ на землѣ. Слѣдуй правиламъ, какія мы тебѣ даемъ, держись ихъ крѣпко, и ты найдешь въ нихъ желанное успокоеніе и точку опоры противъ осаждающихъ тебя со всѣхъ сторонъ бѣдъ и напастей. Другой голосъ, раздавшійся изъ собственной груди человѣка, властно приказывалъ: ищи, думай, изслѣдуй все своими усиліями и умомъ, не слушаясь никого. Тебѣ все доступно; никакая тайна не будетъ для тебя закрыта, если ты станешь самъ усиленно добиваться, опираясь на самого себя. —Человѣкъ раздвоился. Вѣра и знаніе служили ему мощными крыльями; взмахи ихъ поднимали его все выше и выше къ свѣтлой обители полнаго райскаго блаженства и къ горнимъ, лучезарнымъ высотамъ, гдѣ тайны міра скрыты отъ бренныхъ глазъ. Вѣра отвѣчала на запросы его личной, индивидуальной душевной жизни, наука разъяснила ему условія его объективнаго положенія въ природѣ и въ человѣческомъ общежитіи.

Сначала оба пути лежали почти рядомъ, и люди могли идти обоими вмѣстѣ; но чѣмъ дальше, тѣмъ пути расходились больше и больше и, наконецъ, разошлись совсѣмъ. Знаніе, наука, постепенно расширяясь, захватили въ кругъ своихъ изслѣдованій и горніе предѣлы, и священные завѣты и ученія, проникли и въ сокровеннѣйшія тайны человѣческой души, всюду и во всемъ открывая неизмѣнные условія и законы, управляющіе объективною стороною дѣйствительной жизни. Но индивидуальное, личное, единичное до сихъ поръ ускользало изъ рукъ, какъ Протей; оно всегда выпадало изъ знанія, и съ нимъ справиться или хотя бы только подойти къ нему наука не смогла. Причина этого лежитъ въ ея пріемахъ и въ свойствѣ единственнаго ея орудія—мышленія. Умъ разсѣкаетъ живое явленіе, чтобъ извлечь изъ него общее; наука и занимается только общимъ; индивидуальное, единичное отбрасывается ею, какъ ненужное для ея цѣлей; между тѣмъ оно-то и есть реальное, сама дѣйствительность, сама жизнь. Стало быть, наука въ самую жизнь проникнуть не можетъ. Что̀ же она такое? И что̀ такое это общее, которое она вырабатываетъ? Къ чему оно служитъ?

Вотъ гдѣ причина недостаточности, неудовлетворительности знанія. На эту тему со всѣхъ сторонъ слышатся безчисленныя и без-

конечныя іереміады, часто поражающія своею эксцентричностью и нелѣпостью. Вмѣсто крокодиловыхъ слезъ и фарисейскихъ воздыханій надъ ограниченностью человѣческаго разума и тщетою научнаго знанія, слѣдовало бы приняться за рѣшеніе вопроса: что̀ такое объективное, научное знаніе, что̀ оно даетъ и можетъ дать, чего мы можемъ отъ него ожидать и требовать?

Вопросы эти давно поставлены и много разъ рѣшались, но до сихъ поръ рѣшенія оказывались неудовлетворительными, вовсе не по немощи человѣческаго разума, а потому, что матеріалъ для правильнаго рѣшенія не былъ достаточенъ, и тотъ, который имѣлся, не былъ довольно подработанъ. Эти препятствія постепенно устраняются. Философія, особливо въ Германіи, давно уже выяснила законы и формы мышленія. Въ послѣднее время психологія и физіологія, еще недавно враждовавшія между собою, усиленно и дружно, рука объ руку, работаютъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ, но въ одномъ и томъ же направленіи и по одному и тому же точному методу изслѣдованія, надъ раскрытіемъ источниковъ умственной дѣятельности въ человѣкѣ. Благодаря этимъ трудамъ, мы теперь можемъ предугадывать, къ какимъ они должны придти выводамъ.

Знаніе, думалось когда-то, есть нѣчто непосредственное и крайне простое, понятное само собою. Человѣкъ знаетъ предметъ, вотъ и все. Онъ узнаетъ его въ первый разъ такъ же просто, какъ признаетъ его при новой съ нимъ встрѣчѣ. Но оказывается, что знаніе—весьма сложный психическій актъ, и что предметъ знанія вовсе не то, что̀ мы подъ нимъ разумѣемъ, а нѣчто совсѣмъ другое. Передо мною мой письменный столъ. Я его давно и хорошо знаю и воображаю, что знакомъ съ нимъ непосредственно. На самомъ же дѣлѣ это вовсе не такъ. Столъ производитъ во мнѣ впечатлѣніе, и я знаю это впечатлѣніе, а не самый столъ. Каждый разъ онъ производитъ на меня одно и то же впечатлѣніе, по которому я и узнаю, что передо мною тотъ же самый столъ, за которымъ я много разъ сиживалъ и прежде. Все, что̀ мы узнаемъ или признаемъ, мы знаемъ такимъ же образомъ. Ощущенія, мысли, которыя въ насъ родились или нами вычитаны, производятъ въ насъ впечатлѣнія, и эти впечатлѣнія мы узнаемъ или признаемъ. Значитъ, не одни внѣшнія явленія, а все на свѣтѣ можетъ быть предметомъ, объектомъ знанія, но только по впечатлѣніямъ, какія оно въ насъ производитъ; а такъ какъ всякое произведенное въ насъ впечатлѣніе находится въ насъ, то и оказывается, что знаніе не имѣетъ дѣла непосредственно съ предметами, а съ тѣми слѣдами, какіе эти предметы оставили въ нашей душѣ. Достовѣрность, несомнѣнность знанія основана на увѣренности, что одинъ и тотъ же предметъ производитъ въ насъ одно и то же впечатлѣніе.

Но способность получать впечатлѣнія можетъ быть у разныхъ людей весьма различна, а потому различно будетъ и ихъ знаніе, у каждаго — свое. Какое же изъ этихъ разныхъ знаній будетъ правильное? Для этого нѣтъ другой повѣрки, кромѣ отзыва или свидѣтельства большого числа людей, или тѣхъ, у которыхъ, по общему признанію, способность принимать впечатлѣнія нормально дѣйствуетъ и наилучше развита. Я могу сойти съ ума, и вообразить, что кресло, на которомъ я сижу, есть коляска, въ которой я ѣду; это заблужденіе тотчасъ же будетъ открыто и поправлено первымъ встрѣчнымъ, не лишеннымъ здраваго смысла; а чтобы провѣрить діагнозъ болѣзни или правильность химическаго анализа, нуженъ знающій врачъ или химикъ.

Таковы элементы и дѣйствительное значеніе знанія; таково оно на низшихъ своихъ ступеняхъ и въ самыхъ высшихъ философскихъ спекуляціяхъ. Вездѣ и всегда человѣкъ знаетъ не самый предметъ непосредственно, а впечатлѣніе на него предмета; достовѣрность и истина знанія покоятся на томъ, что предметъ производитъ одно и то же впечатлѣніе на большинство людей, имѣющихъ нормальныя умственныя способности.

Таковое истинное, несомнѣнное значеніе для человѣка объективнаго, предметнаго міра и человѣческаго знанія объ этомъ мірѣ. Кантъ только приподнялъ завѣсу надъ фактомъ, который до него былъ скрытъ непроницаемой тайной. Если провести его мысль до конца, то всѣ наши взгляды на человѣка, его отношенія къ окружающей средѣ и на самое знаніе—должны измѣниться кореннымъ образомъ. Мы думали, что между мыслью человѣка и окружающей его средой проведена рѣзкая граница; на повѣрку выходитъ, что такой границы нѣтъ, что окружающая среда перенесена въ насъ въ тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя мы отъ нея получили. Мы были убѣ-

ждены, что окружающая насъ среда извѣстна намъ, какъ нѣчто внѣ насъ существующее, безусловно объективное; оказывается, что мы знаемъ ее лишь настолько, насколько она производитъ на насъ впечатлѣніе. Стало быть, наше знаніе о ней не можетъ быть безусловно объективнымъ. Мы воображали, что, дѣйствуя на окружающую среду или подвергаясь ея дѣйствію и вліяніямъ, человѣкъ вступаетъ въ какія-то непонятныя и необъяснимыя непосредственныя отношенія съ предметами, совсѣмъ ему чуждыми и съ нимъ разнородными; отъ этого взгляда приходится совсѣмъ отказаться: разнородное и совсѣмъ чуждое не можетъ вліять и дѣйствовать одно на другое; притомъ взаимодѣйствіе человѣка и того, что его окружаетъ, не есть непосредственное. Дѣйствія на насъ объективнаго міра преобразуются въ психическія состоянія, и въ этомъ только видѣ становятся доступны человѣку. Поэтому-то и внѣшнія дѣйствія человѣка могутъ измѣнять существующія въ дѣйствительномъ предметномъ мірѣ комбинаціи условій, и тѣмъ производить измѣненія въ обстановкѣ людей.

Что же такое, послѣ всего сказаннаго, наша умственная дѣятельность и результатъ ея—знаніе? Въ правѣ ли мы считать ихъ безусловными, признавать, какъ прежде выражались нѣмецкіе философы, абсолютными? Нѣтъ, наша умственная дѣятельность и наши знанія также относительны и условны, какъ все въ мірѣ. Только отвлеченная логика придала имъ свойства, которыхъ они совсѣмъ не имѣютъ. Мышленіе, умъ, есть особая способность, которою одарены, въ большей или меньшей мѣрѣ, всѣ живые организмы, а человѣкъ, благодаря способности воспринимать свои психическія состоянія и подвергать ихъ новой переработкѣ, одаренъ въ высшей степени. Мышленіе есть не болѣе, какъ особый, свойственный организмамъ способъ отношеній къ окружающей средѣ и явленіямъ. Оно вращается въ мірѣ впечатлѣній и переступить за ихъ область не можетъ. Мысли, представленія, предметы знанія суть результаты, продукты умственныхъ операцій надъ впечатлѣніями, полученными отъ дѣйствительныхъ явленій, и не заключаютъ въ себѣ ничего безусловнаго или абсолютнаго. Способность перерабатывать впечатлѣнія только расширяетъ кругъ дѣятельности человѣка и усиливаетъ его мощь, не измѣняя ея существа и способовъ дѣйствія. Вслѣдствіе этой способности, человѣческому уму открывается, при ея участіи, міръ психическихъ движеній, недоступныхъ умственной дѣятельности другихъ организмовъ, и умственныя операціи отдѣльныхъ людей съ ихъ результатами выводятся изъ тѣснаго круга индивидуальности и возвышаются до степени общаго, коллективнаго продукта умственной дѣятельности людей. Непониманіе этихъ двухъ свойствъ человѣческаго ума, дѣлающихъ его способнымъ подыматься до высшихъ, самыхъ отвлеченныхъ спекуляцій, долго мѣшало точному знанію и ясному пониманію условій и законовъ умственныхъ процессовъ и ихъ продуктовъ. Теперь и эта тайна болѣе и болѣе разоблачается. Умъ есть лишь особый видъ психической дѣятельности, служащій, какъ и всѣ другія психическія отправленія, для развитія и улучшенія человѣческаго существованія во всѣ стороны и во всѣхъ направленіяхъ, соотвѣтственно его природѣ. Пареніе къ идеальнымъ высотамъ, отрѣшеніе отъ живой дѣйствительности, такъ же мало составляетъ цѣль и назначеніе умственныхъ отправленій, какъ и отрицаніе всего идеальнаго и стремленіе низвести человѣка въ разрядъ менѣе совершенныхъ организмовъ. Вдобавокъ и то и другое невозможно: умъ нельзя по произволу привести въ бездѣйствіе или отрѣшить отъ живого человѣка: мышленіе составляетъ его прирожденную принадлежность, которая дѣйствуетъ и заявляетъ себя и сознательно и безсознательно. Рѣчь можетъ идти только о выработкѣ этой способности, о направленіи ея дѣятельности на пользу людей и ихъ организованнаго сожительства, а это возможно лишь при правильномъ пониманіи этой способности, ея способовъ дѣйствія, ея роли въ психической жизни и въ экономіи жизни организма вообще.

Такой взглядъ, не получившій еще правъ гражданства въ наукѣ, но подготовленный и уже намѣченный всѣмъ ходомъ историческаго развитія знанія, переноситъ центръ тяжести изъ объективныхъ условій существованія людей въ психическую жизнь и дѣятельность живого лица, и на мѣсто господства логическихъ отвлеченностей, механическихъ, безличныхъ, безстрастныхъ и бездушныхъ законовъ ставитъ въ человѣческихъ дѣлахъ живую самодѣятельность людей. При такомъ взглядѣ жизнь человѣка не можетъ уже представляться жертвою случайностей, или безсильной и безплодной борьбы противъ слѣ-

ного рока, безпощадно давящаго все на своемъ пути, заѣдающаго тысячи существованій во имя чуждыхъ ему математическихъ и логическихъ формулъ. Вся жизнь и дѣятельность отдѣльнаго лица и общества людей получаетъ, при такомъ взглядѣ, значеніе осмысленнаго труда, способнаго болѣе и болѣе приспособлять объективный міръ, какъ дѣйствительно внѣ его существующій, такъ и изъ него самого образовавшійся, къ потребностямъ психическаго и матеріальнаго существованія людей, личнаго и коллективнаго. Но что еще гораздо значительнѣе,—при такомъ взглядѣ исчезаетъ непереступаемая граница, которая до сихъ поръ раздѣляла личную, индивидуальную жизнь отъ общей и коллективной, субъективную отъ объективной. Соединенныя усилія психологіи и естественныхъ наукъ проложили дорогу чрезъ кажущуюся пропасть, показавъ, что представляющійся объективнымъ міръ внѣшнихъ реальностей и идей есть продолженіе личнаго, индивидуальнаго, субъективнаго міра, а также и то, какъ и почему объективный міръ, съ развитіемъ субъективнаго и соотвѣтственно съ нимъ, измѣняется въ своихъ формахъ. Самый фактъ такой ихъ связи былъ уже давно извѣстенъ; теперь выясняются его условія и законы.

Та же органическая связь объективнаго міра съ субъективнымъ проливаетъ яркій свѣтъ на фактъ, нѣсколько разъ повторявшійся въ исторіи, именно на тотъ, что блестящее развитіе общественности и культуры обыкновенно шло, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, рука объ руку съ упадкомъ нравственной индивидуальной жизни и нравственной личности, — упадкомъ, который разрѣшался паденіемъ общественности и культуры, страшнымъ разочарованіемъ, уныніемъ и скорбью, посреди которыхъ зарождались ученія, имѣвшія задачею высвободить индивидуальнаго человѣка изъ нравственной тины и болота, въ которыхъ онъ погрязъ и задыхался, очистить и обновить его, поднять въ немъ упавшія силы и вызвать внутреннюю самодѣятельность и бодрость духа. Въ эпохи, подобныя нашей, человѣкъ, погруженный исключительно въ объективный міръ, въ убѣжденіи, что найдетъ въ немъ для себя твердую точку опоры, утрачиваетъ личные идеалы, а съ ними и смыслъ личной, индивидуальной жизни. Окончательно запутавшись и сбившись съ толку, человѣкъ въ такія эпохи всегда невыразимо страдалъ и тяготился жизнью, какъ мы, европейцы, теперь. Развитіе древнихъ индусовъ завершилось ученіемъ Будды; въ Греціи, передъ ея разложеніемъ и упадкомъ, появился Сократъ; разслабленіе и паденіе римской жизни отозвалось въ ученіяхъ римскихъ стоиковъ и эпикурейцевъ. По странному недоразумѣнію, всѣмъ этимъ ученіямъ отводятъ мѣсто въ исторіи философскихъ системъ, съ которыми они не имѣютъ ничего общаго, хотя вліяніе ихъ на философію было чрезвычайно сильно и повело къ упадку прежнихъ и появленію на ихъ мѣсто новыхъ философскихъ системъ. Всякое философское ученіе представляетъ болѣе или менѣе связное и полное объективное міросозерцаніе, объясненіе основныхъ причинъ явленій. Таковъ былъ даже первый дѣтскій лепетъ философской мысли у іонійцевъ, не говоря о другихъ, гораздо болѣе зрѣлыхъ философскихъ міровоззрѣніяхъ мыслителей древняго и новаго міра. Ничего подобнаго не представляютъ ученія Будды, Сократа, римскихъ стоиковъ и эпикурейцевъ, вызванныя не потребностью дать новыя основанія наукѣ и знанію, а разрѣшить загадку личной, индивидуальной жизни, отвѣтить на потребность въ личномъ успокоеніи и удовлетвореніи.

По преданіямъ, Будда происходилъ если не изъ царскаго, то изъ знатнаго рода, воспитывался въ нѣгѣ и довольствѣ. Съ юношескою опрометчивостью, онъ, по его собственнымъ словамъ, записаннымъ впослѣдствіи, съ ужасомъ и отвращеніемъ смотрѣлъ на старость, болѣзнь и смерть. Но потомъ его взяло раздумье: только глупый простакъ чувствуетъ къ нимъ ужасъ и отвращеніе въ другихъ, когда самъ имъ подверженъ и несвободенъ отъ ихъ власти. Разсуждая такъ съ самимъ собою, онъ чувствовалъ, что въ немъ исчезала отвага, свойственная молодости. Двадцати-девяти лѣтъ отъ роду онъ бросилъ отцовскій домъ, семью, родныхъ, разстался съ роскошной обстановкой и довольствомъ, и сталъ искать, откуда страданія въ мірѣ и какъ ихъ уничтожить? Послѣ многихъ лѣтъ искуса, ученія, скитанія и крѣпкой думы, сознаніе его прояснилось; онъ пришелъ къ слѣдующимъ мыслямъ:

Страданіе—вотъ удѣлъ человѣка на землѣ. Четыре истины относятся къ страданію, къ его происхожденію, къ его уничтоженію и къ средствамъ уничтожить.

Рожденіе, старость, болѣзнь, смерть, со-

единенiе съ тѣмъ, чего не любишь, разлука съ тѣмъ, что любишь, недостиженiе того, чего желаешь, словомъ, привязанность къ земному въ пяти видахъ есть страданiе. На широкомъ пути странствованiй и блужданiй, въ горѣ и плачѣ о томъ, что намъ на долю выпало то, что мы ненавидимъ, и не выпало того, что любимъ, пролито слезъ больше, чѣмъ водъ въ четырехъ великихъ моряхъ.

Страданiя происходятъ отъ жажды къ существованiю, ведущей отъ возрожденiя къ возрожденiю, вмѣстѣ съ наслажденiемъ и желанiемъ, которое тамъ и здѣсь находитъ удовлетворенiе,—жажды къ страстямъ, къ рожденiю (zum Werden), къ власти.

Прекращенiе страданiя есть уничтоженiе этой жажды, чрезъ совершенное уничтоженiе желанiя, отказъ отъ него, отреченiе отъ него, разрывъ съ нимъ, неоставленiе ему мѣста.

Путь къ уничтоженiю страданiя—стезя въ восьми отдѣлахъ: истинная (rechtes) вѣра, рѣшимость, слово, дѣло, жизнь, стремленiе, помыселъ, погруженiе въ себя.

Тѣлесныя ощущенiя, представленiя, образы бытiя, сознанiе—не сами мы, и потому отъ нихъ должно отвращаться. Отвращаясь отъ нихъ, человѣкъ освобождается отъ желанiй; прекращенiемъ желанiй достигается избавленiе; въ избавленномъ возникаетъ знанiе о своемъ избавленiи: возрожденiе уничтожено, праведный путь совершенъ, долгъ исполненъ, нѣтъ болѣе возврата къ этому мiру. Нирвана—такъ называется въ ученiи Будды такое душевное состоянiе—есть наступающая при жизни безгрѣшность и отсутствiе страданiй.

Сократъ всею своею личностью выражалъ поворотъ греческаго общества отъ объективной дѣйствительности къ внутренней, субъективной психической жизни. Онъ жилъ въ эпоху высшаго процвѣтанiя греческой образованности и культуры и былъ современникомъ софистовъ, проводившихъ въ философiи и преподаванiи начало индивидуализма, разложившаго древне-греческiй общественный и политическiй бытъ,—съ смѣлостью, послѣдовательностью и односторонностью, которыя невольно напоминаютъ точку зрѣнiя и дѣятельность римскихъ юристовъ въ области права.

Сократа, грека съ головы до ногъ по натурѣ, не прельщали ни политическая жизнь, ни поэтическiя народныя вѣрованiя, ни искусство, въ которомъ онъ искалъ только полезнаго; но въ то же время, онъ строго соблюдалъ законы своей страны и подчинялся требованiямъ религiи. Ничего похожаго на отвращенiе отъ людей или мiра и его благъ въ Сократѣ не было; напротивъ, обращенiе съ людьми, дѣятельное участiе въ ихъ ежедневномъ быту, радостяхъ, печаляхъ, дѣлѣ, трудахъ и удовольствiяхъ, составляло для него живую потребность и наполняло его жизнь; только самъ онъ воздерживался отъ пороковъ и излишествъ, служилъ всѣмъ примѣромъ добродѣтели и воздержанiя и училъ имъ другихъ, особенно юношей, словомъ и дѣломъ. Ученiе его, какъ и Будды, не дало непосредственно ничего новаго, въ смыслѣ объективнаго знанiя, а между тѣмъ приготовило и произвело переворотъ въ греческой философiи, потому что поколебало въ воззрѣнiяхъ грековъ прежнее безусловное довѣрiе къ мiру объективныхъ явленiй, которое уже ослабѣло и начало потухать въ ежедневномъ быту и жизни, и указало, вмѣсто него, на внутреннiй психическiй мiръ, на душевныя движенiя и помыслы, какъ на источникъ и основанiе человѣческой жизни и дѣйствительности. Только узнавъ свою душевную жизнь, выработавъ и воспитавъ душу къ добру и правдѣ, человѣкъ, по ученiю Сократа, и во внѣшнихъ своихъ поступкахъ будетъ добродѣтеленъ и станетъ счастливъ.

Съ переворотомъ, произведеннымъ въ мiросозерцанiи грековъ указанiемъ Сократа на внутреннiй психическiй мiръ, открылась эра блистательнаго развитiя объективнаго знанiя, въ лицѣ Платона и Аристотеля. Но послѣ нихъ греческая мысль одряхлѣла и потухла. Въ ученiи стоиковъ и эпикурейцевъ она опять возвращается къ единичной индивидуальной жизни, ищетъ въ душевномъ состоянiи человѣка мира, удовлетворенiя, отдыха и точки опоры; но въ этихъ исканiяхъ не видно бодрости и увѣренности, съ которой прежнiе греческiе мыслители самыхъ различныхъ направленiй выходили на поиски истины. Усталостью и безнадежностью отзываются воззрѣнiя стоиковъ и эпикурейцевъ. Они стоятъ на субъективной почвѣ, но не умѣютъ связать душевной жизни и и стремленiй съ положенiемъ человѣка въ окружающей его средѣ, которая живетъ какою-то особою жизнью и безпощадно давитъ людей своею бездушною тяжестью. Что

остается человѣку? Уйти въ себя и въ своемъ личномъ характерѣ или внутреннемъ равновѣсіи или наслажденіи искать точку опоры противъ чуждаго, холоднаго, рокового внѣшняго міра и его неизмѣнныхъ законовъ. Другого утѣшенія тогдашній человѣкъ не имѣлъ, и этотъ взглядъ выразился въ ученіяхъ стоиковъ и эпикурейцевъ. У римлянъ, въ концѣ греко-римскаго міра, стоицизмъ получилъ трагическій характеръ, эпикуреизмъ выродился въ распущенность и безцѣльность жизни. Ни то, ни другое направленіе не дало удовлетворенія глубоко скорбящему, растерявшемуся, скучающему міру.

Переродило человѣка христіанское ученіе. Никогда, ни прежде, ни послѣ, не было выражено съ такою ясностью, полнотою и убѣдительностью, что во внутреннемъ, душевномъ состояніи заключается весь смыслъ индивидуальнаго человѣческаго существованія; что въ постоянной работѣ надъ самимъ собой, съ цѣлью очистить свои внутренніе помыслы и движенія, заключается задача, цѣль и смыслъ личной жизни человѣка, отъ рожденія до гробовой доски, и что только этимъ путемъ, узкимъ и тернистымъ, онъ можетъ достигнуть покоя, мира и удовлетворенія, которыхъ жаждетъ и къ которымъ вѣчно стремится. Къ принятію этихъ истинъ человѣкъ былъ подготовленъ ученіями древнихъ; но христіанство, кромѣ того, съ особеннымъ удареніемъ провозгласило, что такое удовлетвореніе доступно всѣмъ людямъ, кто бы они ни были, и достигается не однимъ погруженіемъ человѣка въ самого себя, а въ жизни съ людьми и между ними, въ какомъ бы то ни было положеніи.

Въ цѣли, указанной христіанскимъ ученіемъ индивидуальному человѣку, выраженъ полный, законченный смыслъ личной жизни, выше, совершеннѣе котораго нѣтъ и нельзя себѣ представить. Все что̀ думалось и говорилось о томъ же прежде, представляетъ блѣдные, отрывочные, разрозненные намеки на то, чему такъ связно, ясно, точно и сильно учитъ христіанство. Попытки отыскать въ буддизмѣ, у пиѳагорейцевъ, Сократа или Платона этическія ученія, напоминающія или превосходящія возвышенную, нравственную проповѣдь христіанства, оказались несостоятельными. Что̀ общаго между благорасположеніемъ, милосердіемъ и состраданіемъ къ людямъ, которому учитъ Будда, полагавшій, подобно стоикамъ, что высшее совершенство человѣка состоитъ въ полномъ безстрастіи и нечувствительности ко всякимъ возбужденіямъ извнѣ, и дѣятельною любовью къ людямъ, которая ставится христіанствомъ, на ряду съ любовью къ Богу, во главу угла всѣхъ добродѣтелей? Какъ сопоставить чаяніе психическаго міра, которое впервые выразилось въ ученіи греческаго мудреца художественнымъ сліяніемъ знанія, соображеній практической пользы и внутреннихъ душевныхъ движеній, съ вполнѣ яснымъ, точнымъ, законченнымъ ученіемъ христіанства о томъ, что въ индивидуальной, личной жизни единственнымъ свѣточемъ и руководствомъ должны служить душевныя блага, и ихъ слѣдуетъ предпочесть всему на свѣтѣ, до пожертвованія имъ всякихъ другихъ благъ и самой жизни? Этическія ученія и системы, появившіяся у христіанскихъ народовъ, не создали ничего новаго, а либо истолковывали христіанскую этику, либо представляютъ болѣе или менѣе неудачныя усилія подыскать для нея теоретическія основанія. Она стоитъ неизмѣримо выше всего, что̀ о ней когда-либо было говорено и писано. По своей поразительной глубинѣ и въ то же время простотѣ, она—образецъ совершенства, послѣднее слово этической мудрости, которой яснаго смысла и убѣдительности не могли затемнить ни вольныя и невольныя ошибки людей, ни измѣнявшіяся обстоятельства, ни расколы и вражды исповѣданій, ни предразсудки и вѣрованія народовъ, принявшихъ христіанство и перенесшихъ на него отчасти свои прежнія міровоззрѣнія. Какъ неприступная скала стоитъ христіанская этика непоколебимо и недосягаемо высоко посреди всѣхъ волненій и бурь историческаго развитія, и къ ней люди въ концѣ-концовъ возвращаются изъ своихъ душевныхъ скитаній, какъ къ единственному средству утоленія скорби и мукъ истерзанной души.

Какъ же объяснить то равнодушіе и забвеніе, которымъ христіанская этика подверглась въ XVIII и XIX вѣкѣ? Если она есть единственно вѣрное напутствіе личной душевной жизни, то какъ могло случиться, что мы его отбросили, отъ него отворотились и ищемъ на всѣхъ путяхъ того, что̀ у насъ передъ глазами и сіяетъ яркимъ свѣтомъ глубочайшей правды, проникающей человѣческую психическую природу до мозга костей? Многіе приписываютъ это врожденной

грѣховности человѣка, суемудрію и гордынѣ, обуявшимъ человѣческій умъ до слѣпоты и ожесточенія. Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія. Дурныя и порочныя наклонности отдѣльныхъ лицъ не могутъ объяснить повальнаго отступничества отъ истины и правды. Христіанская этика—такая же неопровержимая правда личной духовной жизни, какъ математическія, химическія, механическія и т. п. формулы въ области положительнаго, реальнаго знанія. Какъ же можно ихъ отвергать, или отъ нихъ отворачиваться людямъ съ здравымъ человѣческимъ смысломъ, которые во всѣхъ сферахъ и слояхъ общества составляютъ огромное большинство? Ссылка на врожденную грѣховность не имѣетъ, съ точки зрѣнія вѣры, никакой силы и убѣдительности, такъ какъ вѣроученіе прямо говоритъ, что Спаситель своею земною жизнью и крестною смертью искупилъ отъ нихъ человѣческій родъ. Мы думаемъ, что причины, почему христіанская этика временно померкла въ сердцахъ и убѣжденіи людей, должно искать гораздо глубже,—именно въ отношеніяхъ человѣка къ объективному міру, посреди и въ условіяхъ котораго совершается индивидуальная, личная жизнь. Живя подъ его вліяніемъ, испытывая на себѣ, на каждомъ шагу, его то благотворныя, то вредныя и губительныя дѣйствія и вліянія, человѣкъ, въ интересахъ своего личнаго существованія, вынужденъ былъ озаботиться о томъ, какъ бы приспособить свою обстановку къ себѣ и себя приладить къ ней. Эти заботы общи человѣку со всѣми другими организмами; но сознаніе чрезвычайно усиливаетъ, расширяетъ и разнообразитъ средства и способы такого рода двоякой дѣятельности. Не оставаясь непосредственною, какъ у животныхъ, она у человѣка переходитъ въ знаніе; знаніе въ свою очередь, ведетъ къ повѣркѣ и выработкѣ научныхъ пріемовъ, способовъ познаванія, словомъ — научнаго метода, а методъ послѣдовательно приводитъ къ изслѣдованію самыхъ источниковъ и основаній знанія, законовъ умственной дѣятельности и ея значенія и роли въ экономіи человѣческаго существованія. Такимъ образомъ, не простая любознательность, не идеальное, безцѣльное стремленіе, а потребность, нужда влекли и гнали человѣческій умъ отъ вопроса къ вопросу, до самыхъ отвлеченныхъ высотъ мышленія, на которыхъ голова естественно кружится, и человѣкъ такъ же естественно и легко теряетъ нить, связующую первые робкіе и неопытные шаги въ области мысли съ самыми отвлеченными задачами ума, какъ онъ теряетъ связь между своимъ личнымъ существованіемъ и условіями среды, въ которой живетъ. Что такое этотъ объективный міръ, дѣйствующій на людей самъ по себѣ, независимо отъ человѣка—вотъ вопросъ, который тотчасъ же задалъ себѣ человѣкъ, какъ только въ немъ пробудилось сознаніе, и этотъ вопросъ занималъ его столько же, сколько вопросъ о его личномъ существованіи. Оба, по самому существу дѣла, находились въ тѣснѣйшей взаимной связи, но въ то же время не смѣшивались, разрѣшались каждый особо и потому имѣютъ, каждый, свою историческую судьбу и развитіе. Изслѣдователи исторіи человѣческой мысли до сихъ поръ мало обращали вниманія на это коренное различіе двухъ параллельныхъ ея теченій. Не разглядѣвъ его посреди безпрестанныхъ, взаимно перекрещивающихся вліяній ихъ другъ на друга, они смѣшали оба ряда вопросовъ и оттого совсѣмъ спутали картину судебъ философіи. Чтобы возстановить ее въ настоящемъ свѣтѣ, необходимо строго различить усилія выяснить смыслъ, значеніе и законы объективной дѣятельности, отъ попытокъ найти для индивидуальнаго лица точку опоры посреди окружающаго міра. Только сдѣлавъ это различіе, мы поймемъ многое, что остается до сихъ поръ темнымъ и загадочнымъ въ исторіи человѣческой мысли. Оно покажетъ, что исходной точкой и движущей пружиной всего развитія рода человѣческаго всегда были насущныя жгучія потребности и—спѣшимъ прибавить—не однѣ матеріальныя, но и психическія; что превратности, которымъ человѣческая мысль подвергалась въ своемъ развитіи, объясняются не только общими свойствами человѣческой природы, но и различными возрастами, въ какихъ народы и весь родъ человѣческій находился въ разные періоды и эпохи исторіи; наконецъ, оно откроетъ, что исканіе личнаго удовлетворенія и изслѣдованіе объективныхъ условій, развиваясь рядомъ, бокъ-о-бокъ, и непрерывно вліяя другъ на друга, рѣдко совпадали по времени: то одно, то другое опережало и выдвигалось впередъ, заслоняя и пріостанавливая другое, и налагало на него свой характеръ и краски. Эпохи, когда субъек-

тивныя психическія потребности стояли на первомъ планѣ, смѣнялись періодами дѣятельныхъ преобразованій и изслѣдованій объективныхъ условій и пренебреженіемъ этическихъ требованій, и наоборотъ; но, смѣняясь и какъ бы чередуясь въ исторіи, каждое изъ этихъ направленій пользовалось тѣмъ, что благодаря другому, предшествовавшему, было выработано, изслѣдовано и уяснено. Мысль древнихъ индусовъ не подготовила орудій и средствъ для борьбы человѣка съ окружающей дѣйствительностью, и это отразилось на ученіи Будды, который искалъ удовлетворенія душевныхъ потребностей въ полномъ безстрастіи и отрѣшеніи отъ міра; напротивъ Сократу предшествовали усилія грековъ понять законы жизни и природы; къ его времени старинныя условія греческаго быта, покоившіяся, какъ и вездѣ вначалѣ, на родовомъ и семейномъ началѣ, ослабѣли, и выработался индивидуализмъ, нашедшій себѣ смѣлое и талантливое выраженіе въ ученіяхъ софистовъ. Оттого и въ этическомъ ученіи Сократа нѣтъ и тѣни отчужденія отъ міра; видны довѣріе къ знанію, усилія, посредствомъ размышленія и науки, водворить въ людяхъ нравственныя стремленія и тѣмъ сдѣлать ихъ пригодными для общетвенной и политической жизни. Послѣдовавшее затѣмъ объективное направленіе греческой мысли, въ лицѣ Платона и Аристотеля, уже стоитъ на почвѣ, впервые указанной Сократомъ, точно такъ же, какъ въ неудачныхъ попыткахъ стоиковъ и эпикурейцевъ снова стать на этическую точку зрѣнія и удовлетворить этическимъ потребностямъ, слышится подавляющій авторитетъ и свѣжія еще воспоминанія торжествующей объективной мысли, способной взглянуть на субъективныя психическія движенія лишь съ общей, а не индивидуальной, личной точки зрѣнія.

Ту же періодическую смѣну двухъ направленій мы замѣчаемъ и у новыхъ европейскихъ народовъ. Христіанство закончило развитіе нравственныхъ ученій, поставя отдѣльному лицу, его внутреннимъ движеніямъ, помысламъ, чувствамъ и дѣятельности совершеннѣйшій образецъ. Открытымъ для изслѣдованія и дѣятельности людей оставался міръ объективныхъ условій и законовъ, которыхъ христіанское ученіе не коснулось. Въ эту область и направились всѣ силы европейскихъ народовъ, съ юношескою горячностью и увлеченіемъ. Укрѣпившись и возмужавъ въ усвоеніи опытовъ великихъ учителей, народовъ древняго міра, европейцы пустились въ широкое море научныхъ изслѣдованій и стали примѣнять сдѣланныя ими открытія ко всѣмъ сторонамъ своей жизни. Успѣхи были поразительны и превзошли самыя смѣлыя ожиданія. Изобрѣтенія, одно другого полезнѣе и благотворнѣе, потянулись вереницей. Перевороты въ общественномъ и политическомъ быту, мирные и насильственные, коренным образомъ измѣнили и улучшили соціальныя условія человѣческаго существованія. Рука объ руку съ такою дѣятельностью, шли, не прерываясь, поиски основныхъ началъ и законовъ объективнаго міра. Точкой отправленія послужили сначала преданія и результаты науки древняго міра, затѣмъ самостоятельныя размышленія, которыя потомъ стали повѣряться наблюденіями и опытами въ области реальнаго знанія. Такимъ образомъ, явленія субъективнаго и объективнаго міра, сперва казавшіяся раздѣленными другъ отъ друга непереступаемой пропастью, стали мало-по-малу сближаться, рѣзкія и точныя границы между ними—болѣе и болѣе стушевываться. Безусловное выдѣленіе человѣка изъ природы, психическихъ явленій изъ матеріальныхъ, которое сначала казалось такъ просто и легко, становилось все труднѣе и труднѣе. Трудности эти пробовали устранить, въ XVIII вѣкѣ, два геніальныхъ изслѣдователя—Локкъ и Кантъ. Первый обратилъ особенное вниманіе на содержаніе представленій и мыслей, и нашелъ въ основаніи ихъ внѣшнія впечатлѣнія; второй—на законы и формы умственной дѣятельности и приписалъ имъ, а не содержанію представленій и мыслей, знаніе объективнаго міра. Этимъ было положено первое начало научному объясненію связи между субъективнымъ и объективнымъ міромъ, человѣкомъ и окружающей его средой. Оно явилось въ двухъ противоположныхъ другъ другу направленіяхъ, изъ которыхъ одно, указанное Локкомъ, пустило корни въ Англіи и Франціи, другое, родоначальникомъ котораго былъ Кантъ—въ Германіи. Каждое выставило длинный рядъ выдающихся ученыхъ и мыслителей, создателей философскихъ ученій. Труды ихъ далеко раздвинули знаніе въ ширь и глубь, но не разрѣшили вопроса. Въ наше время самый вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ субъективнаго и объективнаго міра далеко не такъ живо занимаетъ умы, какъ прежде; вѣра въ

возможность рѣшить его какъ-будто охладѣла, и снова стали выступать на первый планъ интересы этическаго характера. Чему приписать это? Вялость мысли есть ли признакъ усталости, потребности во временномъ отдыхѣ, послѣ долгой, безпрерывной и кипучей дѣятельности, или же она знаменуетъ конецъ цѣлаго періода развитія рода человѣческаго и наступленія новаго? Намъ представляется послѣднее болѣе вѣроятнымъ. Расшатанность убѣжденій, хаотическое состояніе умовъ, оскудѣніе нравственной стороны въ ежедневной жизни и безсиліе теоріи поставить ее твердо и прочно—указываютъ на потребность коренного переворота въ міровоззрѣніяхъ современныхъ людей. Блистательные успѣхи европейской жизни въ теченіе новой исторіи достигнуты исключительно благодаря выработкѣ объективныхъ условій существованія, а такая выработка была результатомъ развитія объективнаго знанія. Все, что думалось и дѣлалось великаго въ Европѣ, въ продолженіе четырехъ или пяти послѣднихъ вѣковъ, выходило изъ глубокаго, непоколебимаго убѣжденія, что все зло и всѣ страданія людей происходятъ единственно и исключительно отъ неблагопріятныхъ объективныхъ условій, посреди которыхъ они поставлены. Слѣдуетъ измѣнить эти условія,—и зло, страданія прекратятся сами собою, а для этого есть только одно вѣрное, безошибочное средство—это объективное знаніе и примѣненіе къ жизни полученныхъ имъ выводовъ. Слѣдовательно, умъ, мышленіе, единственное орудіе знанія, есть высшая способность человѣка и высшая сила, которая одна можетъ доставить побѣду надъ препятствіями и затрудненіями на пути къ возможному удовлетворенію и благополучію. Каждый шагъ, каждый новый успѣхъ науки и знанія болѣе и болѣе подтверждали правильность такого убѣжденія и придавали ему значеніе безусловной, непоколебимой истины. Сначала люди думали, что объективный міръ ограничивается одними реальными предметами, но скоро предѣлы объективности стали расширяться и въ него вошли явленія, лежащія, по прежнимъ понятіямъ, внѣ предѣловъ объективнаго міра. Наблюденіямъ и изслѣдованіямъ удалось, послѣ долгихъ усилій, подмѣтить, что не одни явленія внѣшней природы, но и факты и событія психической и соціальной жизни, не зависятъ отъ личнаго усмотрѣнія и доброй воли людей, а совершаются съ извѣстною правильностью и послѣдовательностью, подлежатъ тоже извѣстнымъ условіямъ и неизмѣннымъ законамъ, подобно явленіямъ внѣшней природы, и потому, вмѣстѣ съ ними, должны быть отнесены къ объективному міру, составляютъ тоже своего рода объективныя условія существованія и дѣятельности человѣка. Сдѣлавъ это великое открытіе, европейцы стали и относительно психическихъ и соціальныхъ явленій на ту же точку зрѣнія, на какой прежде стояли относительно однихъ явленій реальнаго міра, и естественно и послѣдовательно пришли къ убѣжденію, что и психическіе и соціальные факты, подобно матеріальнымъ, могутъ быть измѣняемы и комбинируемы такъ или иначе, согласно съ потребностями и желаніями людей. Блистательные практическіе результаты этой мысли и ея примѣненій къ воспитанію и развитію человѣка, къ законодательству, администраціи, политикѣ и экономической жизни народовъ, возвели ее на степень непреложной истины и повели, въ наше время, къ распространенію точнаго научнаго метода и на изслѣдованія психическихъ и соціальныхъ явленій, о чемъ, еще недавно, никто не смѣлъ и мечтать.

Громадное значеніе и дѣятельная роль объективнаго знанія въ устроеніи и улучшеніи человѣческаго быта упрочены и обезпечены практическими результатами. Умалять или отвергать объективное знаніе, объективную дѣятельность, какъ пытаются многіе, значитъ спорить противъ очевидности. Исторія есть послѣдовательный рядъ опытовъ рода человѣческаго улучшить положеніе людей, а развитіе наукъ есть лишь развитіе критической провѣрки опытовъ, накопленныхъ путемъ знанія. Если развитіе отклонилось отъ извѣстнаго направленія и въ продолженіе столѣтій идетъ по другому, противоположному, то это вѣрный признакъ, что передъ человѣкомъ открылись новыя перспективы, которыхъ онъ прежде не замѣчалъ или съ прежней точки зрѣнія не могъ видѣть,—перспективы, манящія его на новыя попытки улучшить свое положеніе и свою судьбу. Сюда онъ и направляется, съ надеждою и вѣрою найти то, чего ищетъ. Успѣхъ его окрыляетъ и удвоиваетъ его силы. Въ упоеніи одержанныхъ на новомъ пути побѣдъ и сдѣланныхъ завоеваній, онъ мечтаетъ, что уже держитъ въ рукахъ ключъ,

которымъ открываются ворота, ведущія къ цѣли. Есть ли смыслъ бросать въ него камнемъ за то, что онъ обманулся въ своихъ надеждахъ, какъ ошибался и прежде, много разъ, и не ставить ни во что все, что̀ онъ узналъ и пріобрѣлъ на пройденномъ пути? Исторія есть накопленіе труда и опытности, безъ которыхъ шагу нельзя ступить ни въ мысли, ни въ практической жизни.

Если мы теперь уже не видимъ въ поступательномъ движеніи европейской жизни и мысли прежней, еще недавней увѣренности и твердости, если праздничное настроеніе мало-по-малу уступаетъ мѣсто прозаической озабоченности и, рядомъ съ кликами торжества и побѣды, стали слышны и все чаще и чаще раздаются плачъ, стоны и вопли унынія и отчаянія, то это вовсе не значитъ, что все сдѣланное въ теченіе вѣковъ никуда не годится и можетъ быть безнаказанно выброшено и забыто, какъ ненужная ветошь: это только признакъ, что дальнѣйшее поступательное движеніе въ томъ направленіи не обѣщаетъ уже того полнаго удовлетворенія, какого человѣкъ надѣялся достигнуть, идя съ увѣренностью по пути, какой оно указывало. Открыть и выяснить, что̀ именно ослабило эту увѣренность, вызвало колебанія и нерѣшительность,—вотъ задача нашего времени. Только ея правильное разрѣшеніе покажетъ, чего людямъ недостаетъ и въ какомъ направленіи имъ слѣдуетъ работать и трудиться далѣе, чтобы все ближе и ближе подходить къ завѣтной цѣли.

Объективная истина, объективная правда, объективное благо—вотъ къ чему человѣкъ стремился безъ оглядки въ теченіе послѣднихъ вѣковъ: уяснить, выработать и воплотить объективное въ дѣйствительности,—вотъ что, въ продолженіе столѣтій, составляло главнѣйшую цѣль и задачу благороднѣйшихъ стремленій, усилій и трудовъ. Въ основаніи всей современной европейской жизни, въ общемъ и малѣйшихъ подробностяхъ, лежитъ, какъ предпосылка, непоколебимое, глубокое убѣжденіе, что объективныя цѣли и ихъ осуществленіе въ дѣйствительности суть единственно вѣрное средство доставить человѣку возможное благополучіе. Такое убѣжденіе проникло въ плоть и кровь европейца. Имъ пропитаны всѣ его мысли, стремленія и чувства, на что бы онъ ни направилъ свою дѣятельность.

Такое міросозерцаніе вѣрно, но оно недостаточно, одностороннe, неполно. Теперь, пока, это только чувствуется и выражается въ какомъ-то неопредѣленномъ недовольствѣ и уныніи, котораго люди не умѣютъ объяснить. Объясненіе лежитъ въ томъ, что объективность не даетъ человѣку безусловно твердой и прочной точки опоры, потому что источникъ, корни ея лежатъ не внѣ человѣка, а въ немъ самомъ, въ его природѣ, какъ живого, единичнаго, индивидуальнаго организма. О безусловной объективности можно было говорить до изслѣдованій Канта; послѣ него она уже немыслима какъ живая и реальная дѣйствительность. Внѣ насъ несомнѣнно существуетъ реальный міръ; мы только часть его и потому вполнѣ, всецѣло, подчинены его условіямъ и законамъ; но также несомнѣнно, что каждый человѣкъ въ отдѣльности старается устроиться въ этомъ мірѣ какъ можно лучше и удобнѣе, точно такъ же, какъ люди въ совокупности, въ составѣ обществъ, народностей, государствъ, всего человѣческаго рода, имѣютъ свое особое существованіе, которое по возможности всячески отстаиваютъ посреди окружающей ихъ обстановки. Только съ той стороны, какою реальный міръ касается людей, онъ и можетъ быть имъ извѣстенъ. Мало того: люди знаютъ этотъ міръ лишь настолько, насколько вообще могутъ что-нибудь знать; а мы видѣли, что безусловнаго знанія нѣтъ. Слѣдовательно, для человѣка не можетъ быть и безусловно объективнаго міра. Отвлеченная логика создала эти понятія, которымъ нѣтъ соотвѣтствующихъ явленій и фактовъ въ дѣйствительности. Насъ вводитъ въ заблужденіе различіе личнаго мнѣнія отъ того, что̀ мы признаемъ за объективную истину; но мы знаемъ, что это различіе выражаетъ только различіе между знаніемъ одного или нѣсколькихъ лицъ и знаніемъ большинства людей или знатоковъ и спеціалистовъ. Единичное, индивидуальное, или генерическое, коллективное,—вотъ къ чему, въ концѣ-концовъ, сводится различіе личнаго мнѣнія и несомнѣнной достовѣрности объективной истины. Выше генерическаго, коллективнаго знанія всѣхъ людей, всего человѣческаго рода, человѣкъ никакъ подняться не можетъ, а оно не есть безусловно объективное мѣрило истины. Отъ того-то умъ, мышленіе и неспособны, отрѣшившись отъ дѣйствительнаго міра и его явленій, построить науку и знаніе. Въ добрыя старыя времена люди были убѣждены, что

можно такимъ образомъ вывести изъ чистой мысли метематическія истины. Послѣдній и величайшій изъ метафизиковъ, Гегель, сдѣлалъ геніальную попытку создать логику какъ систему чистой мысли, развивающейся изъ самой себя, по законамъ, лежащимъ въ ней самой, по присущей ей внутренней необходимости. Такая логика была, по воззрѣніямъ Гегеля, прототипомъ дѣйствительнаго міра. Никогда самая смѣлая мысль не парила такъ высоко; но критика разрушила эти иллюзіи, доказавъ, что математика оперируетъ, какъ и всѣ другія науки, надъ отвлеченіями отъ дѣйствительныхъ явленій; что въ логикѣ Гегеля есть скачки, стушевывавшіе дѣйствительные факты, отъ которыхъ отвлечена такъ называемая чистая мысль.

Итакъ, для человѣка ни безусловнаго знанія, ни безусловной объективности нѣтъ и не можетъ быть. Знаніемъ родъ человѣческій не можетъ подняться выше самого себя, вырваться изъ своей природы. То, что̀ человѣкъ считаетъ объективнымъ міромъ есть или внѣшняя природа, которой часть онъ составляетъ, или другіе люди и человѣческое общество, посреди которыхъ онъ живетъ, или явленія и факты его психической жизни и дѣятельности. Мышленіе и результатъ его—знаніе—есть не что̀ иное, какъ лишь свойственный человѣку способъ относиться къ явленіямъ дѣйствительности, чтобы прилаживать ихъ къ своимъ нуждамъ, а себя къ условіямъ, посреди которыхъ онъ поставленъ. Далѣе этой относительной и условной дѣятельности человѣческій умъ не идетъ и знаніе не простирается, не потому, чтобы разумъ былъ слабъ, немощенъ, недостаточенъ, а потому, что такова его функція въ человѣческомъ организмѣ. Не приписываемъ же мы безсилію, немощи, несовершенству глаза, что онъ не слышитъ, уха — что оно не видитъ. Психическія способности и отправленія гораздо труднѣе поддаются точнымъ изслѣдованіямъ; оттого относительно ихъ и удерживаются дольше разныя ошибочныя представленія, сложившіяся путемъ отвлеченной логики и неправильныхъ обобщеній.

Что̀ же такое и на чемъ основаны объективные идеалы, въ которыхъ люди думали найти якорь спасенія и въ несокрушимую силу которыхъ такъ долго и такъ горячо вѣрили? Чтобы правильно отвѣтить на этотъ вопросъ, замѣтимъ прежде всего, что въ области теоретическаго знанія объективныхъ идеаловъ нѣтъ и быть не можетъ. Теоретическое знаніе оперируетъ надъ данными, которыя имѣетъ подъ руками, не задаваясь другими цѣлями, кромѣ критическаго установленія фактовъ и открытія ихъ условій и законовъ. Объективные идеалы возможны только въ прикладныхъ знаніяхъ и практической дѣятельности, т.-е. во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда имѣется въ виду, посредствомъ извѣстныхъ внѣшнихъ, механическихъ пріемовъ, произвести извѣстную желаемую комбинацію внѣшнихъ фактовъ и условій, разсчитанную на извѣстное матеріальное или психическое дѣйствіе. Такіе идеалы еще менѣе, чѣмъ знаніе и объективность, могутъ быть безусловными, абсолютными, потому что находятся въ полной зависимости и отъ явленій или фактовъ, которые приводятся въ извѣстныя сочетанія, и отъ цѣлей, которыя ими достигаются или имѣются въ виду. Совершеннѣйшей комбинаціей такого рода будетъ та, въ которой совокупное дѣйствіе сочетаемыхъ явленій и условій наилучшимъ образомъ достигаетъ предположенной цѣли. Такое совершенство можно назвать безусловнымъ, но безусловность его будетъ отвлеченная, потому что ни безусловной цѣли, ни безусловныхъ средствъ для ея достиженія, ни безусловно совершеннаго сочетанія условій и фактовъ нѣтъ и быть не можетъ. Что же касается объективныхъ идеаловъ, то ихъ источникъ лежитъ тоже въ человѣкѣ, ибо взаимодѣйствіе явленій, приведенныхъ между собою въ извѣстное сочетаніе, не составляетъ существа объективнаго идеала и его явленій. Идеальною можетъ быть названа только цѣль, мысль, которая преслѣдуется и осуществляется въ объективномъ мірѣ помощью той или другой комбинаціи, а эта цѣль или мысль есть фактъ, событіе психической жизни.

Такимъ образомъ, всѣ внѣшніе устои, на которыхъ люди надѣялись крѣпко и прочно построить свое существованіе, оказываются шаткими, колеблющимися, и подъ ними мы открываемъ того же человѣка, который, какъ намъ думалось, всецѣло отъ нихъ зависитъ, безусловно имъ подчиненъ и долженъ, волей-неволей, ими руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ. Увлеченіе объективною стороною, чрезмѣрное довѣріе къ ея всемогуществу, долгое время отклоняло вниманіе европейскихъ народовъ и науки отъ внутренней индивидуальной психической жиз-

ни. Она была предоставлена самой себѣ и развивалась такъ или иначе, случайно, безъ всякаго руководства и дисциплины, такъ какъ объективное знаніе не интересуется индивидуальною жизнью и, по своимъ задачамъ и цѣлямъ, нигдѣ не можетъ натолкнуться на ея потребности и вопросы. Забытая и брошенная на произволъ случайностей, она покрылась плѣсенью, загрубѣла, ожесточилась и завяла. А такъ какъ личная, индивидуальная жизнь есть непосредственная основа общей и объективной, то и на послѣдней должна была, рано или поздно, отозваться неустроенность душевной жизни и дѣятельности.

Кто хотя издали слѣдитъ за тѣмъ, что̀ происходитъ теперь въ мірѣ, тотъ не могъ не замѣтить, что, рядомъ съ порчею нравовъ, усиливается шаткость политическихъ и соціальныхъ порядковъ, запутывается экономическое и финансовое положеніе, останавливается научное и художественное творчество. Красные дни кипучей и плодотворной объективной дѣятельности проходятъ; наступили сумрачныя времена неизвѣстности и какого-то тревожнаго ожиданія. Неизвѣстность и тоскливая неопредѣленность заступили мѣсто ясно опредѣленныхъ плановъ и цѣлей. Даже китайцы подмѣтили, что въ Европѣ люди чрезвычайно изобрѣтательны на удовольствія и развлеченія, а между тѣмъ скучаютъ. Скука —болѣзнь, неизвѣстная прежде европейцамъ.

Таково современное положеніе. Наблюденіе и опытъ поколебали безграничное довѣріе къ объективному міровоззрѣнію, указали на его односторонность, недостаточность, неполноту, и на необходимость исправить эти недостатки поднятіемъ и выработкою личной психической жизни и дѣятельности. Въ этомъ заключается глубокій смыслъ кризиса, чрезъ который проходитъ современное человѣчество. Въ обращеніи всѣхъ лучшихъ силъ знанія и практической опытности на нравственное развитіе единичнаго, индивидуальнаго лица, и будетъ состоять переходъ рода человѣческаго въ новый періодъ развитія.

Послѣ этихъ необходимыхъ разъясненій, мы можемъ, не возбуждая недоразумѣній, перейти къ задачамъ этики.

IV.

Мы видѣли выше, что отличіе человѣка отъ остальныхъ животныхъ состоитъ въ томъ, что онъ дѣйствуетъ по сознаннымъ мотивамъ, то-есть вслѣдствіе побужденій, идущихъ отъ него самого, въ немъ заключающихся и прошедшихъ чрезъ его сознаніе. Побужденій такого рода великое множество, и они такъ же разнообразны, какъ и источники, изъ которыхъ они возникаютъ. Всякаго рода наклонности и потребности, матеріальныя и психическія, нажитыя и унаслѣдованныя, созданныя самимъ человѣкомъ, или вызванныя въ немъ, сознательно или безсознательно, внѣшней обстановкой, обстоятельствами и вліяніями, могутъ, пройдя чрезъ сознаніе, обратиться въ психическіе мотивы. Мы знаемъ также, что между мотивами тѣ одерживаютъ верхъ, которые сильнѣе.

Еслибы на всемъ земномъ шарѣ существовалъ всего одинъ человѣкъ, и онъ былъ безплотный духъ, безусловно отрѣшенный отъ природы, а между тѣмъ, у него были бы мотивы дѣятельности, то при такихъ невообразимыхъ условіяхъ человѣкъ могъ бы беззавѣтно отдаваться сильнѣйшему мотиву и безразлично дѣйствовать по всевозможнымъ мотивамъ: въ опредѣленіи ихъ относительнаго достоинства не было бы никакой надобности.

Но человѣкъ есть часть природы, высшій изъ всѣхъ организмовъ на землѣ, живетъ между другими живыми людьми, въ правильномъ съ ними сожительствѣ. Въ интересахъ своего личнаго сохраненія и существованія, онъ не можетъ безъ оглядки дѣйствовать по первому встрѣчному, хотя бы и сильнѣйшему мотиву, а вынужденъ сдерживать одни, усиливать другіе. Такая необходимость одинакова въ примѣненіи къ мотивамъ, порождаемымъ и животными потребностями, и самыми идеальными стремленіями души. Меня мучитъ голодъ, но я вынужденъ сдерживать себя и не отнимать нужную мнѣ пищу у того, кому она принадлежитъ; мнѣ до смерти не хочется оторваться отъ работы, которая занимаетъ и радуетъ меня; но у меня есть дѣла, которыми я долженъ заняться, или я знаю и чувствую, что мнѣ необходимо отдохнуть, и бросаю свою работу. Такимъ образомъ, къ механическому закону, управляющему мотивами въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, привходитъ извнѣ нѣчто такое, что̀ ихъ регулируетъ, усиливаетъ одни, задерживаетъ или ослабляетъ другіе. Такимъ регуляторомъ мотивовъ являются, въ приведенныхъ примѣрахъ, разнаго рода соображенія, которыя обыкновенно, но ошибочно, не различаются отъ мо-

тивовъ и считаются тоже мотивами. Побужденіе, пройдя чрезъ сознаніе и сдѣлавшись мотивомъ, теряетъ свою непосредственную припудительность. Этимъ оно и отличается отъ толчка или внѣшняго возбужденія, непосредственно переходящаго въ рефлективное движеніе. Если ничто сильнѣйшему мотиву не помѣшаетъ, онъ получитъ видъ цѣли и станетъ причиною цѣлесообразнаго дѣйствія. Соображенія, о которыхъ мы сказали, не даютъ сами по себѣ мотивовъ; они только дѣйствуютъ на нихъ, направляютъ ихъ сообразно съ потребностями, которыя мотивами не объясняются, лежатъ внѣ ихъ и выше ихъ.

Такой регуляторъ несомнѣнно существуетъ не въ однихъ людяхъ, но и въ другихъ организмахъ. У комара, напримѣръ, есть влеченіе напиться человѣческой крови, но оно не переходитъ у него непосредственно въ рефлективное движеніе; онъ боится за свою жизнь, высматриваетъ, не грозитъ ли ей опасность, описываетъ нѣсколько круговъ въ воздухѣ, то удаляясь, то приближаясь, и только убѣдившись, что опасности нѣтъ, опускается на мою руку или голову и вонзаетъ въ нихъ свой хоботъ. Но у животныхъ соображенія не идутъ выше ближайшей потребности самосохраненія и удовлетворенія непосредственной нужды. Человѣкъ, благодаря способности перерабатывать свои психическія состоянія въ новыя формы, подымается до самыхъ далекихъ соображеній, не имѣющихъ съ его мотивами никакой непосредственной связи, такъ что нужно внимательно прослѣдить цѣлый, иногда весьма длинный рядъ выводовъ и заключеній, чтобъ открыть отношеніе между ними и мотивами, которыми они управляютъ, которые регулируютъ.

Соображенія лежатъ въ основаніи того, что мы называемъ идеалами. Нѣтъ термина болѣе неопредѣленнаго. Имъ означаются самыя различныя понятія, и потому здѣсь необходимо остановиться и осмотрѣться подробнѣе.

Идеалъ есть то представленіе или понятіе, которое связываетъ разрозненные мотивы въ одно цѣлое и даетъ имъ одно общее направленіе. Смотря по мотивамъ, идеалы бываютъ очень различны. Есть идеалы близкіе, связывающіе въ одну группу одни наличные мотивы,—и болѣе отдаленные, сводящіе въ одинъ аккордъ не одни настоящіе мотивы, но и тѣ, которые являются потомъ. Есть идеалы личные, индивидуальные, дающіе мотивамъ строй въ интересахъ только даннаго индивидуальнаго лица, и болѣе или менѣе общіе, когда они отвѣчаютъ интересамъ какой-нибудь группы людей—фамиліи, племени, мѣстнаго общества, сословія, народа, государства, всего человѣческаго рода. По свойству мысли подыматься по лѣстницѣ обобщеній до самыхъ высшихъ отвлеченностей, каждый идеалъ, какъ бы онъ ни былъ узокъ и тѣсенъ, стремится подыскать для себя общія основанія, оправдаться общими соображеніями и тѣмъ постепенно обобщается. Но было бы ошибочно видѣть въ идеалѣ только одну эту сторону, именно общую мысль, продуктъ мышленія. Какъ предметъ созерцанія, возбуждающій въ насъ извѣстныя ощущенія или чувства, мысль, представленіе еще не есть идеалъ; идеаломъ они становятся, когда вызываютъ дѣятельность, даютъ мотивамъ извѣстный общій строй и руководятъ ими, направляя ихъ такъ или иначе, въ виду извѣстной цѣли.

Описанныя характеристическія черты показываютъ, что идеалъ служитъ посредникомъ и проводникомъ между мыслью и дѣятельностью. Чрезъ него результаты умственныхъ процессовъ и операцій осуществляются; другими словами, мысль, предметъ созерцанія, становится образцомъ, по которому данныя сочетанія явленій и фактовъ,—психическихъ или матеріальныхъ—измѣняются въ другія. Въ этомъ смыслѣ идеалъ и цѣль—синонимы; только словомъ: цѣль—означается ближайшій, непосредственный, практическій идеалъ, а словомъ: идеалъ—болѣе отдаленная и обширная цѣль, съ удареніемъ на общую мысль, которая всегда лежитъ въ основаніи сознательной, осмысленной дѣятельности, но стушевывается въ ближайшихъ, практическихъ поступкахъ, и все ярче выступаетъ впередъ, чѣмъ цѣль отдаленнѣе, общѣе и обширнѣе. Какъ бы то ни было, но идеалъ, во всякомъ случаѣ, служитъ камертономъ дѣятельности, и этимъ существенно отличается отъ идей, предметовъ созерцанія, сопровождаемаго ощущеніями и чувствами. Мы, русскіе, въ особенности часто грѣшимъ, смѣшивая идеи съ идеалами и принимая первыя за послѣднія.

По различію предметовъ, на которые направлена сознательная дѣятельность, идеалы бываютъ субъективные и объективные. Это

различіе весьма существенно, но на него почти не обращается вниманія, что не мало способствуетъ путаницѣ понятій, заслоняющей смыслъ этическихъ ученій. Всякая сознательная дѣятельность можетъ быть направлена или на условія и обстановку человѣческаго существованія, или прямо и непосредственно на сознательные мотивы дѣятельности. Въ первомъ случаѣ, цѣль ея—такая передѣлка условій и обстановки, чтобъ они отвѣчали желаніямъ человѣка, благопріятствовали, или хотя бы не мѣшали, или менѣе мѣшали его интересамъ, выгодамъ и пользамъ, какъ онъ ихъ понимаетъ; во-второмъ, задача—прямо, непосредственно дѣйствовать на самые мотивы, ослабить одни, усилить другіе, соотвѣтственно цѣли или идеалу. Конечный результатъ и объективной и субъективной дѣятельности одинъ и тотъ же—произвести нужное, полезное или желательное человѣку дѣйствіе; но способы и средства, которыми этотъ результатъ достигается, различны. Объективная дѣятельность косвенными путями дѣйствуетъ на мотивы, измѣняетъ ихъ, измѣняя условія, которыя ихъ рождаютъ или усиливаютъ, ослабляютъ или уничтожаютъ; субъективная дѣйствуетъ на нихъ прямо, приступаетъ къ нимъ какъ бы лицомъ къ лицу. Первая предполагаетъ знаніе и умѣніе, помощью его, производить или измѣнять явленія; вторая—личную силу и власть надъ мотивами, которая достигается упражненіемъ души въ непосредственномъ обращеніи съ ними и въ подчиненіи ихъ цѣлямъ или идеаламъ. Такимъ образомъ, и та и другая дѣятельность обращаетъ мотивы въ орудіе цѣлей, вырабатываетъ мотивы соотвѣтственно указаніямъ идеаловъ; но дѣятельностъ объективная прибѣгаетъ къ помощи ума, разсудка, теоретическихъ способностей, а субъективная опирается на непосредственную, живую личную мощь и доблесть. При большой неопредѣленности и сбивчивости терминовъ и выраженій, различіе между объективною и субъективною дѣятельностью легко можетъ быть ошибочно понято и пріурочено къ случайнымъ признакамъ. Такъ, мы склонны думать, что объективное есть то, что доступно внѣшнимъ чувствамъ, или происходитъ во внѣшнемъ мірѣ, а субъективное то, что совершается въ глубинѣ души. Но такое различеніе не выдерживаетъ критики и ведетъ къ важнымъ ошибкамъ. Дѣятельность человѣка во внѣшнемъ мірѣ есть всегда объективная; но далеко не всѣ явленія въ нашей душѣ имѣютъ источникомъ субъективную дѣятельность; напротивъ, очень многія изъ нихъ—результатъ объективной дѣятельности. Наглядно это можетъ быть объяснено слѣдующимъ примѣромъ: человѣкъ, имѣющій какую-нибудь слабость и сознающій ея вредъ, будетъ стараться отъ нея отдѣлаться. Для этого ему представляются способы двоякаго рода: бороться съ своею слабостью, воздерживаться отъ нея, побѣждать ее усиліями надъ самимъ собой, или же удалить отъ себя то, что способствуетъ слабости, самому отъ того удаляться, прибѣгнуть къ врачебной помощи, къ гигіеническимъ мѣрамъ, къ механическихъ пріемамъ, ослабляющимъ или уничтожающимъ вредную наклонность: первое будетъ дѣятельностью субъективной, вторыя мѣры—результатомъ объективной дѣятельности. Мысль зарождается и развивается въ душѣ человѣка, но это не дѣлаетъ ее субъективной, такъ какъ мышленіе, умственная дѣятельность, есть теоретическая и, слѣд., объективная.

Субъективная дѣятельность есть самая внутренняя и присная человѣку, глубже всѣхъ затаенная въ человѣческой душѣ, и потому наименѣе доступная наблюденію и анализу. Каждый сознаетъ ее про себя, но рѣдкій обнаруживаетъ это сознаніе, по разнымъ практическимъ и житейскихъ соображеніямъ.

Субъективная дѣятельность безъ соотвѣтствующихъ ей идеаловъ такъ же невозможна, какъ и объективная. Мы можемъ непосредственно знать свои мотивы, созерцать ихъ, не имѣя субъективныхъ идеаловъ; но дѣйствовать непосредственно на наши побужденія, руководить ими, направлять ихъ, сдерживать и ослаблять или развивать и усиливать, мы можемъ не иначе, какъ имѣя передъ сознаніемъ образецъ или норму, каковы они должны быть; такою нормою и служатъ субъективные идеалы. Дѣятельное сознаніе этихъ идеаловъ есть совѣсть. Она тревожитъ насъ, когда мы дали волю побужденіямъ, несогласнымъ съ образцомъ или нормою, или когда оказываемся безсильными въ борьбѣ съ мотивами, отступающими отъ субъективнаго идеала.

Субъективная дѣятельность и есть нравственная; субъективные идеалы—нравствен-

ные идеалы. Ученіе о нравственной дѣятельности и нравственныхъ идеалахъ есть ученіе о нравственности или этика.

Нравственность и знаніе ведутъ человѣка, разными путями, къ одной и той же главной, послѣдней цѣли—возможному его удовлетворенію и благополучію. Оба, въ отдѣльности взятыя, недостаточны и безсильны для достиженія этой цѣли; только идя рука объ руку они вмѣстѣ представляютъ дѣйствительную, непобѣдимую силу. Нравственность воспитываетъ и развиваетъ индивидуальнаго человѣка изнутри, въ самыхъ сокровенныхъ изгибахъ его психической природы; знаніе вырабатываетъ условія и обстановку жизни и дѣятельности индивидуальнаго человѣка. Связанныя единствомъ главной задачи, нравственная и объективная дѣятельность работаютъ одна другой въ руку. Безъ объективной дѣятельности человѣкъ осужденъ на безсиліе и безплодное созерцаніе; его усилія овладѣть своими желаніями и страстями приводятъ къ отчужденію отъ дѣйствительной жизни и къ Нирванѣ. Объективная дѣятельность, безъ поддержки субъективной, безсильна осуществить идеалы человѣческаго благополучія, уходитъ въ отвлеченности и призраки, лживыя подобія человѣческаго счастія, и вертится въ пустотѣ, воображая, что имѣетъ дѣло съ живою реальностью. Наука, искусство, правда, истина сами по себѣ—вотъ послѣднее слово объективной дѣятельности, порвавшей органическую связь съ дѣйствительными людьми, нуждами, потребностями и стремленіями живыхъ личностей. Думая подняться до безусловнаго, объективное знаніе на самомъ дѣлѣ доходитъ только до самыхъ общихъ и отвлеченныхъ формулъ пониманія человѣкомъ своихъ отношеній къ природѣ, другимъ людямъ или обществу и къ самому себѣ, и далѣе этого не можетъ шагу ступить.

Такое же значеніе имѣютъ и идеалы, руководящіе субъективною и объективною дѣятельностью. Они не иное что, какъ регуляторы индивидуальной дѣятельности лица, сводящіе ее, чрезъ подведеніе мотивовъ подъ извѣстныя нормы, въ одинаковую и однообразную дѣятельность нѣсколькихъ, многихъ или всѣхъ людей. Приведеніе всѣхъ идеаловъ, субъективныхъ и объективныхъ, къ единству въ одной общей и строгой системѣ будетъ вѣнцомъ, послѣднимъ словомъ знанія, и возможное ихъ проведеніе и осуществленіе въ дѣйствительности, въ жизни — вéрхомъ человѣческой мудрости.

Такъ далеко задачи этики не идутъ. Она должна установить идеалы субъективной, нравственной дѣятельности, указать ихъ происхожденіе, объяснить ихъ точный смыслъ и значеніе и ихъ связь какъ между собою, такъ и съ объективной стороной человѣческаго существованія и дѣятельности. Представимъ нѣкоторыя мысли и соображенія по этимъ предметамъ.

V.

Мы сказали, что субъективные идеалы регулируютъ и нормируютъ мотивы сознательной дѣятельности. То и другое необходимо въ интересахъ и единичнаго, индивидуальнаго лица, и человѣческаго общества, котораго часть онъ составляетъ. Потребность регулировать и нормировать мотивы возникаетъ изъ того, что они, какъ уже замѣчено выше, не имѣютъ роковой принудительности непосредственныхъ явленій и фактовъ. Въ мотивахъ выражаются и психическія, и физіологическія потребности человѣческой природы. Тѣ и другія, имѣя одинъ источникъ, находятся въ тѣсной, неразрывной между собою связи; физіологическая и психическая жизнь человѣка оказываютъ безпрестанное на нихъ дѣйствіе и вліяніе, втягиваютъ ихъ попеременно въ условія то той, то другой, и тѣмъ не даютъ имъ сложиться въ исключительно психическія или исключительно физіологическія, какъ мы ихъ еще недавно себѣ представляли, по правиламъ отвлеченной логики. По этой логикѣ выходило, что психическая и матеріальная жизнь и дѣятельность существуютъ какъ-то рядомъ, бокъ-о-бокъ, одна подлѣ другой, и идутъ параллельно, чѣмъ-то между собою связанныя, но это, однако, не стѣсняетъ ни той, ни другой. Естествознаніе сильно поколебало этотъ наивный взглядъ, доказавъ съ поразительною очевидностью, неопровержимыми выводами, огромное вліяніе матеріальной стороны на психическую жизнь. Теперь начинаетъ съ такою же убѣдительностью и очевидностью выясняться и наоборотъ,—сильнѣйшее вліяніе психическихъ состояній на тѣло и физіологическія отправленія. Богатый матеріалъ для научныхъ изслѣдованій въ этомъ направленіи представ-

ляютъ извѣстныя всѣмъ изъ ежедневныхъ наблюденій отклоненія отъ нормальныхъ физіологическихъ потребностей и ихъ естественнаго удовлетворенія подъ вліяніемъ воображенія, разныхъ душевныхъ состояній, силы воли и т. п. Въ человѣкѣ, вслѣдствіе сильнаго развитія центральнаго органа и нервной системы, физіологическія потребности и отправленія далеко не имѣютъ силы, принудительности, правильности и періодичности, какая замѣчается въ остальныхъ животныхъ. Вообще, чѣмъ менѣе развитъ организмъ, тѣмъ сильнѣе въ немъ преобладаніе физіологической жизни надъ психической, и наоборотъ; въ высшихъ организмахъ и тѣхъ, которые подпали подъ непосредственное продолжительное вліяніе человѣка, напримѣръ, въ домашнихъ животныхъ, чаще встрѣчаются отклоненія отъ свойственныхъ имъ формъ и условій физіологической жизни и отправленій, вслѣдствіе вліяній психическаго фактора. Кромѣ того, психическая жизнь и дѣятельность имѣютъ нѣкоторыя свойства, указывающія на близкое ихъ сродство съ физіологическими явленіями. Не говоря уже о безсознательности и непроизвольности многихъ умственныхъ операцій и чувствъ, на такое близкое сродство указываютъ привычки ума, чувствъ, желаній и воли, способность психическихъ отправленій, долго и много разъ направляемыхъ сознаніемъ въ одну и ту же сторону, получить извѣстную складку, которая удерживается и сохраняется, когда они уже обратились въ безсознательныя и непроизвольныя и стали какъ бы второй натурой. Эти свойства человѣческой природы дѣлаютъ для нея необходимыми субъективные идеалы, руководящіе его психическою и матеріальною жизнью. Человѣкъ долженъ поддерживать и оберегать свою матеріальную и психическую способность къ сознательной психической дѣятельности; сама эта дѣятельность должна быть согласована съ условіями правильнаго сожительства не въ однихъ внѣшнихъ поступкахъ, но и въ мотивахъ дѣятельности. Вотъ немногія основныя начала, къ которымъ сводится этика.

Матеріальная способность къ сознательной психической дѣятельности, насколько она зависитъ отъ насъ самихъ, оберегается объективными мѣрами—соблюденіемъ правилъ діэтетики и гигіены, и возстановляется точно также объективными пріемами и средствами врачебной науки. Къ этикѣ ни тѣ, ни другія не относятся. Этика рекомендуетъ однѣ субъективныя мѣры, ведущія, другими путями, къ той же цѣли. Физіологическія потребности нашей природы, подъ вліяніемъ психическихъ элементовъ, могутъ извращаться и получить уродливое, неестественное развитіе, ведущее къ разстройству организма, а чрезъ него къ ослабленію психической жизни и дѣятельности; прямое же дѣйствіе на душу ненормальнаго удовлетворенія физіологическихъ потребностей состоитъ въ томъ, что ему отводится въ нашей психической жизни и дѣятельности слишкомъ много мѣста; что, обратившись въ привычку, оно нарушаетъ равновѣсіе душевныхъ отправленій и лишаетъ насъ власти и господства надъ нашими психическими движеніями. Свобода воли въ объясненномъ нами выше смыслѣ невозможна, когда мы не въ состояніи владѣть нашими физіологическими потребностями, держать ихъ въ уздѣ и границахъ. Самыя непосредственныя изъ этихъ потребностей суть: голодъ, жажда и половыя влеченія. Они, какъ и всѣ физіологическія явленія, обыкновенно переходятъ въ сознаніе и обращаются въ осмысленные мотивы дѣятельности; удовлетвореніе ихъ облекается въ формы психическаго удовлетворенія и наслажденія, и мы легко поддаемся обману, принимая послѣднія за явленія и принадлежности высшей психической жизни образованныхъ слоевъ. Этика разъясняетъ дѣйствительное значеніе этихъ явленій и, рекомендуя воздержаніе и умѣренность, предостерегаетъ противъ опасностей невоздержности и излишествъ въ удовлетвореніи естественныхъ желаній. Она не проповѣдуетъ аскетизма, но имѣя дѣло съ осмысленными мотивами, совѣтуетъ не возводить физіологическихъ потребностей и наслажденій въ принципы, а рекомендуетъ принимать ихъ за то, что̀ они есть—за физіологическія стремленія, перешедшія чрезъ сознаніе. Точно также, и по тѣмъ же самымъ причинамъ, относится этика и къ менѣе непосредственнымъ, болѣе общимъ вліяніямъ ближайшей къ человѣку матеріальной среды и послѣдствіямъ ея вліянія на него — именно къ матеріальному довольству и богатству, роскоши, нѣгѣ, праздности, лѣни, любостяжанію, тщеславію и спѣси. Этика не ставитъ бѣдности въ число добродѣтелей и ученіе эбіонитовъ не возводится ею въ принципъ. Смыслъ этическихъ ученій въ отношеніи къ матеріальной обстановкѣ

человѣка слѣдующій: не заполони ей своей души, не будь алченъ, корыстолюбивъ, чтобы не стать рабомъ внѣшней матеріальной среды; она должна служить тебѣ, а не ты ей. Твоя психическая независимость и свобода должна быть для тебя дороже всѣхъ благъ міра.

Прецепты этики, оберегающіе психическую жизнь и дѣятельность отъ неблагопріятныхъ вліяній матеріальныхъ условій и обстановки, составляютъ собственно введеніе къ ней и могутъ быть названы гигіеной и діэтетикой нравственной жизни и дѣятельности.

Настоящая суть этики—это субъективные идеалы, которые она ставитъ сознательной жизни и дѣятельности человѣка. Характеристическая особенность всѣхъ этихъ идеаловъ та, что они имѣютъ задачею и цѣлью вывести человѣка изъ узкаго, тѣснаго круга обособленной индивидуальности и поднять его до идеальнаго типа человѣка,—типа, сложившагося чрезъ отвлеченіе и обобщеніе качествъ и свойствъ человѣческой природы, признаваемыхъ въ данное время, при извѣстныхъ обстоятельствахъ и по господствующимъ понятіямъ и взглядамъ, за самыя совершенныя. Нравственные идеалы появились вмѣстѣ съ первыми признаками сознанія, были чрезвычайно разнообразны и различны въ разныхъ человѣческихъ обществахъ, у разныхъ народовъ, въ разныя эпохи и постепенно развивались и совершенствовались, по мѣрѣ накопленія наблюденій и опытности и объединенія людей въ бо̀льшія и бо̀льшія группы. Идеальное совершенство христіанской этики въ томъ и состоитъ, что она не греческая, римская, семитическая или индійская, а общечеловѣческая, и несравненно дальше всѣхъ другихъ проникла въ причины и послѣдствія мотивовъ, таящихся въ человѣческой душѣ.

Въ числѣ этическихъ идеаловъ на первомъ планѣ стоитъ стремленіе прежде всего къ истинѣ, правдѣ и душевной красотѣ. Въ объективномъ смыслѣ, истина, правда и красота являются какъ результатъ стремленія, какъ извѣстное сочетаніе явленій и данныхъ. Мы говоримъ о научныхъ или теоретическихъ истинахъ, о правдѣ въ законѣ, судѣ и управленіи, о красотѣ дѣйствительныхъ явленій и художественныхъ произведеній. Въ субъективномъ же смыслѣ, этими названіями означается то душевное расположеніе и настроеніе, съ которыми человѣкъ работаетъ въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ дѣятельности, и безъ которыхъ нельзя произвести ничего прочнаго, значительнаго и полезнаго для себя и другихъ. Вездѣ, во всемъ, въ глубинѣ своей души и въ сношеніяхъ съ другими, стремись прежде всего къ истинѣ, правдѣ, душевной красотѣ. Ложь, обманъ, лицемѣріе, лукавство, только кажутся самыми простыми, ближайшими средствами достиженія практическихъ цѣлей; на самомъ дѣлѣ, практическій результатъ, самъ по себѣ, какъ все объективное, не проченъ и легко измѣняется, если онъ не закрѣпленъ нравственной стороной дѣла.

Тучи недоразумѣній, иллюзій, софизмовъ—плодъ близорукости, непониманія и смѣшенія понятій,—окружаютъ этотъ основный пунктъ нравственныхъ ученій и затемняютъ его смыслъ. Гдѣ и когда же, разсуждаютъ умники, видано или слыхано, чтобы истина, правда, душевная красота вели къ счастію, къ достиженію цѣлей? Совсѣмъ напротивъ: достигаютъ ихъ только тѣ, которые не останавливаются, когда нужно, передъ этими призраками. Неисправимые чудаки, мечтатели и идеалисты, принимающіе ихъ на вѣру за чистыя деньги,—самые несчастные неудачники на землѣ и погибаютъ жалкими и смѣшными жертвами ребяческихъ иллюзій. Оглянемся вокругъ себя: гдѣ же на цѣломъ земномъ шарѣ истина, правда, душевная красота—въ чести и торжествуютъ, а ложь, лицемѣріе, обманъ—не процвѣтаютъ? Развѣ мы не видимъ, что самыя безсовѣстныя надувательства, безстыжія клятвопреступленія приводили къ результатамъ, благотворнымъ для множества людей, цѣлыхъ народовъ и всего человѣческаго рода? Если ложь, неправда, нравственное безобразіе, могутъ быть полезны и даже благодѣтельны и для отдѣльныхъ лицъ и для массы людей, то согласно ли съ здравымъ смысломъ отвергать ихъ и клеймить ихъ печатью отверженія?

Съ тѣхъ поръ, что человѣкъ сталъ мыслить, дѣлаются эти возраженія, давно обратившіяся въ хроническія. Мы думаемъ, что они кажутся неопровержимыми только потому, что предпосылки тезисовъ и возраженій не достаточно выяснены. О чемъ собственно идетъ рѣчь: о душевномъ ли состояніи, какое производитъ постоянное, неизмѣнное стремленіе къ истинѣ, правдѣ и душевной красотѣ, или же объ объективномъ порядкѣ дѣлъ и вещей, посреди котораго живутъ люди, и который можетъ быть для нихъ

полезенъ или вреденъ, желателенъ или нежелателенъ? Это оставляется въ тѣни, неразрѣшеннымъ, вслѣдствіе чего такъ-называемые идеалисты и ихъ противники перескакиваютъ съ почвы душевныхъ состояній на почву объективныхъ условій, какъ-будто бы они были однородны. Стоитъ только подмѣтить эту ошибку, и условія спора тотчасъ же измѣнятся. Удовлетвореніе, благополучіе, счастіе—представленія личныя, индивидуальныя, субъективныя; никакого объективнаго мѣрила они не имѣютъ; каждый ощущаетъ удовлетвореніе, счастіе, благополучіе въ томъ или другомъ, по своему. А если это такъ, то на какомъ основаніи могли бы мы заключить, что ищущіе истины, правды и душевной красоты лишены счастія и удовлетворенія потому только, что не имѣютъ ни богатства, ни даже достатка, ни виднаго положенія посреди другихъ людей? То, что̀ есть лишеніе и тягость для одного, можетъ быть предметомъ наслажденія для другого. Что касается до объективнаго порядка дѣлъ или вещей, то онъ, самъ по себѣ, не хорошъ, и не дуренъ; эти качества или свойства онъ получаетъ только по отношенію къ людямъ. Самъ по себѣ онъ, во всякомъ случаѣ, есть необходимый результатъ данныхъ условій и обстоятельствъ—фактовъ объективной дѣйствительности. То, что̀ есть, есть всегда, непремѣнно, равнодѣйствующее силъ. Измѣните факторы—и объективная дѣйствительность тотчасъ же измѣнится. Въ этомъ смыслѣ совершенно справедливо, что порокъ и преступленіе могутъ казаться благотворными и полезными для людей по своимъ результатамъ. Желѣзная дорога, положимъ, построена съ вопіющими неправдами; но она есть, по ней ѣздитъ множество людей дешево и удобно, провозится быстро множество товаровъ. Эта польза останется, а неправды, когда вымрутъ ихъ свидѣтели и пострадавшіе отъ нихъ—забудутся. Отъявленный негодяй и злодѣй, вопреки правдѣ, присужденъ къ висѣлицѣ по дѣлу, въ которомъ онъ ни тѣломъ, ни душой невиноватъ: все-таки общество отъ него отдѣлалось разъ навсегда: развѣ это не благо? Исторія показываетъ, что прогрессивное движеніе рода человѣческаго совершалось далеко не всегда безгрѣшными людьми. Изъ подобныхъ случаевъ выводятъ, что различія добродѣтели и порока, по отношенію къ объективному міру, сводятся почти къ нулю. Но такъ ли это? Мы дѣйствительно имѣемъ передъ глазами факты, совершенные съ нарушеніемъ правды, но оказавшіеся для людей полезными и благотворными; но можно ли логически вывести отсюда, что тѣ же самые факты, совершенные безъ нарушенія правды, не были бы еще полезнѣе? Конечно, нѣтъ. Мы можемъ только, не грѣша противъ логики, констатировать фактъ и заключить изъ него, что къ объективному міру порокъ и добродѣтель непримѣнимы. Это будетъ справедливо и высказывалось многое множество разъ. Солнце освѣщаетъ и добрыхъ и злыхъ, дождь одинаково падаетъ на поля хорошихъ людей и негодяевъ, часто оплодотворяя пашни послѣднихъ и обходя нивы первыхъ. Кромѣ того, произвольно выводя изъ несомнѣннаго факта, будто бы добродѣтель и порокъ безразличны, мы смотримъ слишкомъ близоруко и въ упоръ, не принимая въ разсчетъ дальнѣйшихъ выводовъ и послѣдствій. Ребенокъ смѣло протягиваетъ рученку къ огню и плачетъ, когда его заставляютъ выпить горькое лекарство; взрослый человѣкъ не дѣлаетъ ни того, ни другого, зная и предвидя послѣдствія. Чтобы взвѣсить и оцѣнить участіе и результаты нравственной и безнравственной дѣятельности въ развитіи объективнаго порядка дѣлъ и вещей, мало указать на ея непосредственные, ближайшіе результаты: надо прослѣдить ихъ далѣе, до конца; только полная картина всего, что̀ произошло вслѣдствіе такой или другой дѣятельности людей въ объективномъ мірѣ, даетъ возможность сдѣлать правильный выводъ, а такая картина рѣдко бываетъ у насъ передъ глазами; почти всегда мы судимъ только по отрывочнымъ и разрозненнымъ даннымъ.

Мы, съ своей стороны, тоже можемъ привести противъ взгляда, будто нравственность не имѣетъ никакого значенія въ устроеніи быта отдѣльныхъ лицъ, обществъ, народовъ и всего человѣческаго рода, многіе факты, доказывающіе противное. Развѣ нравственный характеръ лица не создаетъ ему между людьми, въ обществѣ, положенія, не менѣе вліятельнаго и авторитетнаго, чѣмъ объективная обстановка — богатство, знатность и власть? Развѣ мало мы видимъ въ исторіи примѣровъ, что созданное неправдою, обманомъ и ложью, разсыпалось какъ карточный домикъ? XIX-ый вѣкъ богатъ такими примѣрами, и они будутъ повторяться все чаще и чаще, по мѣрѣ того, какъ дѣйствительное значеніе объективнаго міра будетъ болѣе и болѣе выясняться и

вѣра въ его безусловную объективность падать. Нельзя довольно настаивать на томъ, что объективное, которое мы знаемъ и съ которымъ имѣемъ дѣло, есть плодъ человѣческаго труда и усилій, индивидуальныхъ и коллективныхъ. Чѣмъ долѣе живетъ родъ человѣческій, тѣмъ болѣе этотъ объективный міръ прилаживается къ потребностямъ и нуждамъ людей, которые, съ своей стороны, все болѣе и болѣе прилаживаются къ нему. Чѣмъ болѣе оба міра, объективный и субъективный, между собою такимъ образомъ сближаются, тѣмъ ихъ взаимная зависимость другъ отъ друга будетъ становиться сильнѣе, а слѣдовательно, нравственные элементы будутъ играть тѣмъ бо̀льшую и бо̀льшую роль въ устроеніи объективнаго порядка дѣлъ и вещей. Прежде эта взаимная зависимость душевнаго строя и внѣшняго порядка мало выступала впередъ, вслѣдствіе того, что психическая жизнь была мало развита, и человѣкъ, принимавшій слабое участіе въ устроеніи своей обстановки, долженъ былъ подчиняться объективному міру, какимъ онъ былъ помимо него. Несмотря на то, никогда, въ самые темные періоды исторіи, не исчезала въ лучшихъ умахъ увѣренность, что рано или поздно истина и правда одержатъ верхъ надъ ложью и неправдой. Теперь, когда бо̀льшее знаніе и опытность даютъ намъ все бо̀льшую и бо̀льшую власть надъ обстановкой и внѣшними условіями, мысль о безучастіи стремленія къ истинѣ, правдѣ и красотѣ въ дѣлахъ внѣшняго міра оказывается все болѣе и болѣе несостоятельной и близорукой. Смѣнится еще нѣсколько поколѣній, и практическая мудрость умниковъ и дѣльцовъ станетъ и не практической и не мудрой.

Смиреніе и покорность тоже ставятся этикой въ число первыхъ добродѣтелей; но и около нихъ столпились безчисленныя недоразумѣнія, вольныя и невольныя лжетолкованія. Ихъ смѣшали съ холопствомъ, низкопоклонствомъ, угодничаньемъ изъ корыстныхъ и другихъ личныхъ видовъ; въ лучшемъ случаѣ ихъ зачисляли въ одинъ разрядъ съ неразвитостью и умственнымъ малолѣтствомъ. Однако мы всѣ ежеминутно смиряемся передъ обстоятельствами, ударами судьбы, невозможностью достигнуть желанной цѣли, покоряемся волей-не-волей законамъ природы и ихъ роковой неизбѣжности, вообще условіямъ объективнаго міра, которыхъ измѣнить не можемъ. Мало того, мы уступаемъ передъ людьми, ихъ капризами и самодурствомъ, когда это считаемъ почему-либо полезнымъ или нужнымъ. Этика только возводитъ эти и подобные имъ случаи въ общій, руководящій принципъ. Рекомендуя смиреніе и покорность, указывая на гордость и самонадѣянность какъ на порокъ, она переводитъ въ сознаніе и вводитъ въ общее правило душевнаго настроенія и психической дѣятельности то, что̀ мы безпрестанно испытываемъ и дѣлаемъ по необходимости. Чего мы отвратить не можемъ, тому должны мужественно подчиниться, не малодушествуя, не истощаясь въ безполезныхъ сѣтованіяхъ, не убѣгая отъ дѣйствительности въ область пустыхъ иллюзій. Смиреніе и покорность, которымъ учитъ этика, не имѣютъ ничего общаго съ раболѣпствомъ и уничиженіемъ, подымаютъ, а не унижаютъ нравственное достоинство человѣка.

Смиреніе имѣетъ, кромѣ объясненнаго, еще и другое значеніе. Гордость, высокомѣріе, выставленіе себя впередъ, самовозвеличеніе, властолюбіе—противорѣчатъ положенію индивидуальнаго лица посреди другихъ людей. Каждый—не болѣе какъ членъ общежитія. Не имѣя въ немъ значенія въ качествѣ органа публичной власти, никто не можетъ и не долженъ добиваться первенства, авторитета, вліянія на другихъ людей; только послѣдніе сами могутъ цѣнить достоинства и заслуги, добровольно признать авторитетъ, вліяніе того или другого лица, выдвинуть его впередъ и поставить, въ мнѣніи, выше себя. Само собою разумѣется, что этика, рекомендуя смиреніе въ этомъ смыслѣ какъ добродѣтель, предполагаетъ, что оно должно стать душевнымъ настроеніемъ, а не быть фарисействомъ и личиной; она имѣетъ въ виду одни внутреннія, психическія движенія, а не поддѣлки подъ нихъ, разсчитанныя на достиженіе цѣлей, съ которыми нравственность не имѣетъ ничего общаго.

Въ тѣсной связи съ покорностью и смиреніемъ передъ неизбѣжнымъ находятся вѣра и надежда. Безъ нихъ сознательная психическая жизнь и дѣятельность невозможны, какъ жизнь организма невозможна безъ воздуха и питанія. Уныніе и отчаяніе парализуютъ дѣятельность; съ утратою вѣры и надежды, индивидуальная, личная жизнь подрѣзывается подъ корень. Подъ вѣрою и надеждою въ этикѣ разумѣется душевное на-

строеніе, а не объективная система убѣжденій или увѣренность, что извѣстная, предположенная цѣль будетъ непремѣнно достигнута. Въ этическомъ смыслѣ вѣра и надежда есть бодрость духа, уныніе и отчаяніе—упадокъ душевныхъ силъ. То или другое душевное состояніе, безъ сомнѣнія, существенно зависитъ отъ состоянія тѣлеснаго организма. Часто бываетъ, что люди чувствуютъ себя бодрыми и нравственно и физически, потому что здоровы, и впадаютъ въ апатію и бездѣйствіе только вслѣдствіе того, что больны физически или душевно; но бываетъ также, что душевная бодрость и упадокъ душевныхъ силъ появляются и исчезаютъ подъ дѣйствіемъ психическихъ вліяній, внутреннихъ и внѣшнихъ. Указывая на вѣру и надежду, какъ на необходимыя условія психической бодрости, этика рекомендуетъ поддерживать вліянія, которыя ей полезны, устранять тѣ, которыя для нея неблагопріятны. Въ числѣ послѣднихъ должны быть названы, въ первомъ ряду, иллюзіи, представляющія въ извращенномъ, обманчивомъ видѣ задачи и цѣли индивидуальной жизни, смѣшеніе этическихъ идеаловъ съ объективными, непривычка, неопытность въ распоряженіи собою и своими способностями и силами. Жизнь есть жизнь; она сопровождается радостями и горемъ, наслажденіями и страданіями, проходитъ въ трудѣ и отдыхѣ. Все это перемежается въ жизни, распредѣляется очень неравномѣрно, приходитъ и уходитъ обыкновенно недуманно, негаданно, безъ всякаго участія съ нашей стороны; хорошее, пріятное, счастливое рѣдко бываетъ подготовлено нашею дѣятельностью или предусмотрительностью: неожиданности и случайности играютъ въ индивидуальной жизни громадную роль, и предупредить ихъ, а тѣмъ болѣе совсѣмъ устранить, нѣтъ возможности. Вмѣсто того, чтобъ выучиться какъ жить, какъ найтись въ жизни, сохраняя по возможности равновѣсіе и свободу, мы спасаемся изъ нея въ міръ отвлеченныхъ понятій: то фантазируемъ о счастіи и наслажденіи, которыя будто бы должны быть удѣломъ людей, то, очнувшись, горько жалуемся на то, что наши воздушные за́мки не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствительностью. Не находя въ ней, суровой и черствой, отвѣта на свои требованія, мы малодушно впадаемъ въ уныніе и отчаяніе. При такомъ настроеніи, жизнь не можетъ, конечно, представляться ничѣмъ инымъ, какъ юдолью непрерывныхъ мученій. „Скучно жить"—вотъ послѣднее слово и развязка недоразумѣній, изъ которыхъ только и есть два выхода: или самоубійство, или жизнь изо дня въ день, безъ стремленій, задачъ и цѣли, по волѣ обстоятельствъ, какъ и куда понесутъ волны житейскаго моря. Горе народу и смерть обществу, въ которомъ слишкомъ много расплодится такихъ людей! Они пустятъ по вѣтру умственныя и матеріальныя богатства, накопленныя знаніемъ и трудами прежнихъ людей.

Но не однѣ отвлеченности дѣйствуютъ губительно на индивидуальную психическую жизнь. Ее изводятъ и смѣшеніе объективной дѣятельности съ субъективной, внѣшнихъ задачъ и цѣлей съ внутреннею жизнью. Трудъ, обращенный на природу и на устройство общественныхъ дѣлъ, по своей непосредственной полезности и бросающимся въ глаза результатамъ, кажется ближе, необходимѣе и настоятельнѣе, чѣмъ то, что̀ совершается въ тайникѣ души, невидимо и недоступно для постороннихъ,—и вотъ, вниманіе мало-по-малу отвлекается отъ внутренней психической жизни и сосредоточивается исключительно на внѣшней дѣятельности; подъконецъ, этическіе идеалы совсѣмъ забываются, и въ нашихъ вѣрованіяхъ и убѣжденіи мѣсто ихъ заступаютъ идеалы объективной дѣйствительности, которые мы и принимаемъ за субъективные. Но объективная дѣйствительность совсѣмъ не то, что̀ индивидуальная жизнь и дѣятельность людей; мѣрка той и другой—иная, пріемы для осуществленія субъективныхъ и объективныхъ идеало́въ тоже различны. Посвятивъ всѣ силы и всю дѣятельность внѣшнему, окружающему міру, люди оставляютъ внутреннюю психическую жизнь безъ всякаго ухода и развитія, вслѣдствіе чего она глохнетъ и атрофируется. Человѣкъ, до виртуозности выработанный и выдрессированный съ виду для жизни въ обществѣ, можетъ оказаться, въ то же время, презрѣннѣйшимъ негодяемъ и мерзавцемъ въ нравственномъ отношеніи, или, что̀ всего чаще встрѣчается, быть, при большомъ знаніи и замѣчательномъ художественномъ развитіи, ничтожнѣйшимъ въ нравственномъ смыслѣ,—куклой, не имѣющей элементарныхъ нравственныхъ понятій. Быстро увеличивается число такихъ людей во всѣхъ слояхъ общества, въ з. Европѣ, Америкѣ и у

насъ; рядомъ съ тѣмъ идетъ и оскудѣніе выдающихся талантовъ, упадокъ нравовъ и творчества. Это наглядно показываетъ, что развитіе объективной стороны безъ соотвѣтственнаго развитія этической жизни отдѣльныхъ лицъ недостаточно и не достигаетъ цѣли. Центръ тяжести всего развитія, всякаго успѣха человѣческихъ обществъ и народовъ, стержень, на которомъ вертится все общественное зданіе и все поступательное движеніе человѣческаго рода, есть нравственная личность: изъ нея все выходитъ и къ ней, въ концѣ-концовъ, все сходится въ жизни людей; но она не можетъ быть нравственной, преслѣдуя исключительно одни объективные идеалы, такъ какъ послѣдніе, отдѣльно взятые, сами по себѣ, не имѣютъ смысла и значенія. Весь объективный міръ доступенъ и интересенъ для человѣка только съ той стороны, которой его касается; творчество человѣка, состоящее въ перестановкѣ условій и комбинацій объективнаго міра согласно съ нуждами и желаніями людей, служитъ имъ только средствомъ для достиженія ихъ цѣлей. Такимъ образомъ, всѣ нити знанія и дѣятельности сходятся къ индивидуальному лицу. Если въ немъ нѣтъ условій для поддержанія на своихъ плечахъ громадной тяжести, которая на нихъ лежитъ, то ходъ человѣческихъ дѣлъ не можетъ быть правиленъ; условія же индивидуальной жизни нормируются и регулируются этическими идеалами.

Однимъ изъ главнѣйшихъ условій нравственной жизни есть простота, по поводу которой еще недавно расточалось столько плоскихъ остротъ, приравнивавшихъ ее къ наивности и даже глупости, несмотря на то, что высшимъ идеаломъ считается сочетаніе ея съ змѣиною мудростью, исключающею наивность и глупость. Простота, какъ ей учитъ этика, предполагаетъ полную, беззавѣтную преданность истинѣ, правдѣ, душевной красотѣ, безъ всякихъ заднихъ мыслей, разсчетовъ и соображеній, безъ, такъ-называемаго, себѣ на умѣ,—и въ то же время непоколебимую увѣренность, что то, чему мы такъ всецѣло преданы, есть благо, которому можно и должно отдать всѣ свои душевныя силы, посвятить всю свою дѣятельность. Въ этомъ значеніи простота есть идеалъ субъективной жизни, и вмѣстѣ результатъ выдержанной, послѣдовательно проведенной этической дѣятельности, естественная принадлежность закаленнаго нравственнаго характера. Съ нею легко уживается житейская мудрость, которая вовсе не состоитъ, какъ многіе полагаютъ, въ преслѣдованіи внѣшнихъ цѣлей, съ отступленіемъ, въ случаѣ надобности, отъ внушеній нравственныхъ идеаловъ, а только въ чуткости къ затрудненіямъ, которыя могутъ встрѣтиться при осуществленіи нравственныхъ цѣлей въ дѣйствительности, и въ умѣньи устранить препятствія, оставаясь вѣрнымъ этическимъ идеаламъ.

Наконецъ, въ числѣ высшихъ этическихъ идеаловъ есть еще одинъ, которому въ обыденномъ языкѣ и научной терминологіи трудно подыскать соотвѣтствующее названіе—именно, свѣтлое, спокойное и довѣрчивое отношеніе къ жизни, несмотря на возможныя тяжкія неожиданности, случайности и превратности, которыми она бываетъ порой такъ богата. Этотъ идеалъ даетъ человѣку, въ его личной, индивидуальной жизни и дѣятельности, точку опоры противъ страшнаго неизвѣстнаго, котораго онъ ни предусмотрѣть, ни впередъ разсчитать не можетъ, какъ бы ни былъ прозорливъ, дальновиденъ, остороженъ, опытенъ и практически уменъ. Душевное настроеніе, которое имѣется въ виду въ этомъ идеалѣ, не есть ни вѣра, ни надежда, ни простота, ни смиреніе и покорность, а родственный имъ всѣмъ, но особый строй духа, парализующій чрезмѣрную болѣзненную заботливость и боязливость, ослабляющія силы и дѣятельность раздумьемъ, которое ни на чемъ не основано, такъ какъ оно вызывается тѣмъ, что одинаково можетъ быть и не быть и не подлежитъ никакимъ разсчетамъ.

Мы говорили до сихъ поръ объ идеалахъ, которыми каждый человѣкъ долженъ руководиться въ своей личной жизни и дѣятельности. Высшій идеалъ отношеній его къ другимъ людямъ есть любовь. Какъ всѣ другіе этическіе идеалы, она ошибочно истолкована, искажена отвлеченной логикой, и благодаря этому отвергнута и забыта. Пора возстановить настоящій ея смыслъ.

Любовь въ этическомъ смыслѣ не есть ни половое влеченіе, ни дружба и привязанность къ тому или другому лицу, ни восторженное созерцаніе отвлеченной идеи человѣка, которое, подъ названіемъ любви къ человѣчеству, такъ часто смѣшивается съ этическою любовью. Этика учитъ любить въ каждомъ живомъ человѣкѣ, будь онъ личный врагъ, или послѣдній изъ глубоко падшихъ

людей, не то, что онъ есть въ дѣйствительности, или по отношенію къ намъ, а то, чѣмъ бы онъ могъ и долженъ былъ быть въ качествѣ человѣка. Въ этическомъ смыслѣ, каждый человѣкъ, каковъ бы онъ ни былъ, по существу своему, по своей природѣ, есть живое воплощеніе идеи нормальнаго, идеальнаго человѣка, и если онъ въ дѣйствительности почему-либо уклонился отъ этого своего типа, то все же послѣдній въ немъ живетъ, и его мы должны помнить, признавать и любить, подавляя въ своей душѣ отвращеніе, враждебность и гадливость, которыя въ насъ невольно возбуждаются уклоненіями дѣйствительнаго человѣка отъ живущаго въ немъ, но скрытаго, затаеннаго и обезображеннаго свѣтлаго и чистаго человѣческаго идеала.

Объясняя характеръ этической любви какъ можно нагляднѣе и осязательнѣе, мы, можетъ быть, слишкомъ подчеркнули ея объективное основаніе. Чтобы предупредить недоразумѣнія, спѣшимъ оговориться. Въ этическомъ смыслѣ важно не то, что, чрезъ отвлеченіе и обобщеніе отъ дѣйствительныхъ людей, мышленіе подымается до идеальнаго образа человѣка; важно то, чтобы мы, въ сношеніяхъ съ дѣйствительными, живыми людьми, носили постоянно въ душѣ этотъ образъ и въ каждомъ, кто бы онъ ни былъ, предполагали его присутствіе. Такимъ образомъ, въ этической любви, какъ и во всѣхъ другихъ этическихъ идеалахъ, удареніе лежитъ не на объективной, а на субъективной сторонѣ отношенія. Сказаннымъ объясняются характеристическія черты любви, которую этика ставитъ людямъ какъ руководство и идеалъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ между собою. Незлобивость, прощеніе обидъ, состраданіе, милосердіе, самоотверженіе на пользу другихъ, терпѣніе и кротость, снисходительность, готовность помочь и утѣшить, суть лишь проявленія и примѣненія любви. Она идеальна, но не даетъ человѣку оторваться отъ дѣйствительности, искать успокоенія и утѣшенія отъ ея треволненій и докукъ въ мірѣ отвлеченныхъ идей, къ чему всѣ мы такъ склонны. Этическая любовь крѣпко приковываетъ насъ къ жизни, заставляетъ постоянно и усиленно работать надъ собой, чтобъ выучиться въ единичномъ видѣть общее, идеальное, съ высоты идеала взвѣшивать и оцѣнивать дѣйствительныхъ людей, не теряясь въ индивидуальныхъ особенностяхъ и не уходя въ отвлеченности. Упражненіе въ этической любви есть поэтому высшая школа нравственной жизни, самая трудная, но зато и самая плодотворная по своимъ послѣдствіямъ для нравственнаго воспитанія и жизни. Не даромъ любовь называется высшею изъ всѣхъ добродѣтелей. Кто прошелъ школу этической любви и утвердился въ ней, тому ужъ сравнительно легче воспитать свои помыслы, желанія, движенія воли и душевныя привычки согласно съ другими этическими идеалами.

Этическія ученія весьма подробно опредѣляютъ отношенія отдѣльныхъ лицъ между собою и выяснили идеалъ этихъ отношеній; но они лишь мимоходомъ, слегка, коснулись этической стороны дѣятельности публичной —общественной, государственной, политической. Почему этотъ родъ дѣятельности представляется постороннимъ, чуждымъ, чуть-чуть не враждебнымъ этической точкѣ зрѣнія,—объясняется исторіей. Этическія ученія возникали въ эпохи упадка и разложенія, когда живая связь публичной жизни съ частнымъ бытомъ была порвана, ихъ взаимодѣйствіе ослабѣло или прекратилось, и обѣ стороны, изъ которыхъ слагается организованное сожительство людей, были пропитаны порчею и развратомъ. Въ такія эпохи, потребность обновленія и очищенія чувствовалась прежде и больше всего въ непосредственномъ ежедневномъ быту, въ прямыхъ обыденныхъ людскихъ сношеніяхъ. Къ нимъ и обратились этическія ученія, какъ къ ближайшимъ, въ улучшеніи которыхъ были заинтересованы всѣ, отъ мала до велика. Въ наше время положеніе уже совсѣмъ другое, чѣмъ встарь. При условіяхъ нашей жизни, примѣненіе этическихъ ученій къ отношеніямъ публичнаго характера является насущною потребностью, тѣмъ болѣе, что при современной путаницѣ понятій для самыхъ произвольныхъ и странныхъ толкованій открывается по этому поводу обширное поле. За примѣрами и доказательствами ходить не далеко. Недавно выдающійся русскій писатель, которымъ всѣ мы восхищаемся и гордимся, соединившій славу первоклассснаго художника съ подвигомъ правдивой исповѣди страданій души, утратившей этическіе идеалы, публично отказался отъ обязанностей присяжнаго засѣдателя на судѣ, въ

убѣжденіи, что онѣ противорѣчатъ евангельской заповѣди: „не суди“. Эту тему онъ развиваетъ въ особой запискѣ, которую намъ удалось видѣть. Постараемся же уяснить и опредѣлить отношеніе этическихъ ученій къ общественной, публичной дѣятельности.

Начнемъ съ установленія фактической стороны вопроса. Потребность въ устроенномъ сожительствѣ людей роковымъ образомъ, неизбѣжно, ведетъ къ правовому порядку, къ организаціи властей, закона, управленія и суда. Они выше отдѣльныхъ, индивидуальныхъ личностей, но живутъ въ нихъ и ими представляются. Право, публичная жизнь имѣютъ дѣло не съ живыми, непосредственными людьми, а съ членами устроеннаго общежитія, лицами въ соціальномъ смыслѣ, юридическими и политическими, съ органами или носителями и представителями общественной, публичной организаціи. Тѣ и другіе имѣютъ свои права и обязанности,—аттрибуты, которыми опредѣляются ихъ многообразныя взаимныя отношенія. Мы видѣли, говоря объ этической любви, что предметъ ея тоже типъ человѣка, а не непосредственный человѣкъ. Такимъ образомъ, правовой порядокъ и точка зрѣнія, которую онъ съ собой приноситъ, безспорно болѣе отвлеченны, чѣмъ непосредственный фактъ, который они регулируютъ; но то же самое должно сказать и о нравственности, какъ ни различны ея задачи отъ тѣхъ, которыя разрѣшаютъ право, общественное и политическое устройство.

Какъ все отвлеченное, право, устройство общественное и политическое, имѣя корни въ живыхъ, непосредственныхъ, дѣйствительныхъ людяхъ, представляютъ систему объективныхъ условій, опредѣляющихъ, извѣстнымъ образомъ, жизнь каждаго человѣка, принадлежащаго къ составу организованнаго сожительства. Поэтому, вопросъ объ отношеніяхъ нравственности къ правовому порядку распадается на два слѣдующіе: во-первыхъ, согласно или несогласно съ этическими идеалами какое бы то ни было положеніе и дѣятельность, обусловленныя правовымъ порядкомъ?—и во-вторыхъ, каковы должны быть, съ нравственной точки зрѣнія, отношенія индивидуальнаго человѣка къ правовому порядку, существующему въ обществѣ, къ составу котораго онъ принадлежитъ?

Рѣшеніе перваго вопроса можетъ казаться сомнительнымъ или спорнымъ только по недоразумѣнію. Этическая точка зрѣнія, какъ мы видѣли, не знаетъ объективной стороны жизни и не заботится о ней; она касается исключительно только отношеній дѣйствующаго лица къ его собственной дѣятельности. Общественное и правовое положеніе, въ этическомъ смыслѣ, безразличны, точно такъ же, какъ и родъ дѣятельности, лишь бы они не противорѣчили внутреннему убѣжденію человѣка, не считались имъ, по совѣсти, безнравственными. Мысль, будто званіе судьи противорѣчитъ заповѣди: „не суди“, основана на ошибочномъ ея толкованіи. Еслибы въ нашу задачу входило подкрѣплять наши выводы и заключенія ссылками на священное писаніе, мы бы взялись доказать текстами его и ученіемъ церкви, что подъ словами: „не суди“, должно разумѣть: не осуждай, т.-е. будучи частнымъ человѣкомъ, непризваннымъ произносить судъ, не отзывайся съ укоризною о другомъ лицѣ и его поступкахъ. Совѣсти первоначальныхъ христіанъ не противорѣчило служить въ войскахъ, и они шли на войну подъ знаменами языческихъ императоровъ; а христіане первыхъ вѣковъ были очень чутки и непреклонны въ своихъ убѣжденіяхъ.

Точно также безразличны, съ этической точки зрѣнія, общественные и политическіе порядки, составляющіе одно изъ внѣшнихъ, объективныхъ условій существованія индивидуальныхъ личностей. Оцѣнка этихъ порядковъ, ихъ измѣненіе и улучшеніе, входятъ въ кругъ объективной дѣятельности, происходятъ по объективнымъ идеаламъ и не имѣютъ никакого отношенія къ нравственности, которая одинаково уживается съ самыми противоположными гражданскими и политическими организаціями. Если совѣсть не велитъ жить въ какой-нибудь средѣ,—безнравственно въ ней оставаться: надо изъ нея уйти, отъ нея удалиться; но субъективные идеалы не даютъ мѣрила для опредѣленія сравнительнаго достоинства различныхъ гражданскихъ и политическихъ порядковъ.

Такъ рѣшаются оба вопроса. Они и множество другихъ, съ ними сходныхъ, не могли бы возникнуть при сколько-нибудь ясномъ, отчетливомъ пониманіи нравственности. Но неточное разграниченіе субъективной и объективной дѣятельности производитъ прискорбную путаницу въ нашихъ понятіяхъ, а за ними и въ нашемъ образѣ дѣйствій. Смѣшивая различныя, хотя и соприкасающіяся между собою сферы, мы, сами часто того не

замѣчая, перескакиваемъ изъ одной области знанія или дѣятельности въ другую, произвольно переносимъ пріемы, воззрѣнія и самую терминологію съ однихъ предметовъ на другіе и запутываемся все болѣе и болѣе.

Наглядными примѣрами такой путаницы могутъ служить взгляды на цѣли и задачи жизни, которые высказывались въ разное время, и многими считаются и теперь за основаніе научной этики и этическихъ идеаловъ.

Съ легкой руки Бентама, необходимость этическихъ началъ и ихъ права гражданства передъ судомъ разума пробовали доказывать практическою полезностью добродѣтели и невыгодностью порока. Эта мысль высказывалась и въ древнемъ мірѣ, но довольно неопредѣленно; утилитаризмъ разработалъ ее и возвелъ въ принципъ этики, но, какъ, мы думаемъ, очень неудачно. Утилитаристы смотрятъ на этическія движенія только съ внѣшней стороны, какъ они проявляются во внѣшнихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, не касаясь ихъ внутренней, психической стороны, доступной только сознанію лица, въ которомъ совершаются психическія движенія и дѣятельность. Такая точка зрѣнія искажаетъ понятіе объ этической жизни. По этой точкѣ зрѣнія, человѣкъ, который во всѣхъ своихъ поступкахъ, всю свою жизнь, былъ безукоризненъ, — будетъ добродѣтельнымъ и нравственнымъ. Очевидно здѣсь этическія и правовыя отношенія смѣшаны. Человѣкъ добродѣтельный и нравственный, по ученію утилитаристовъ, можетъ быть, съ этической точки зрѣнія, какъ мы ее понимаемъ, человѣкомъ отлично выдрессированнымъ для общественной жизни, но въ глубинѣ души или развращеннымъ, или посредственнымъ и ничтожнымъ. Съ личной, индивидуальной точки зрѣнія, ученіе утилитаристовъ тоже не выдерживаетъ критики. Практическую полезность нравственности и добродѣтели для отдѣльнаго лица можно одними примѣрами доказывать, а другими опровергать, и доказывать, напротивъ, пользу порока. Примѣровъ въ подкрѣпленіе послѣдняго наберется, пожалуй, больше, чѣмъ въ доказательство практической выгодности добродѣтели. При преобладающемъ большинствѣ нравственныхъ людей и при превосходныхъ общественныхъ порядкахъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ окажется практически болѣе полезнымъ быть нравственнымъ и добродѣтельнымъ, чѣмъ быть безнравственнымъ и порочнымъ. Значитъ, практическіе результаты нравственности и порочности зависятъ отъ разныхъ постороннихъ и случайныхъ обстоятельствъ и условій и, слѣдовательно, не могутъ служить исходной точкой и мѣриломъ для этическихъ идеаловъ.

Попытка основать ученіе о нравственности на пользѣ была позднѣе, и также безуспѣшно, возобновлена Дж. Ст. Миллемъ. Новѣйшій утилитаризмъ ищетъ принципа нравственности въ высшей пользѣ, въ пользѣ всѣхъ, и старается доказать, что къ этому естественно и необходимо стремятся всѣ развитые люди и что къ воспитанію ихъ въ этомъ чувствѣ неудержимо ведетъ ходъ человѣческой культуры. Ученіе Милля страдаетъ одними недостатками со всѣми другими этическими научными теоріями. Польза, какъ бы возвышенно и идеально мы ее ни понимали, —принципъ, съ одной стороны, слишкомъ отвлеченный, а съ другой, слишкомъ объективный, чтобы служить основаніемъ нравственности, какъ мы ее понимаемъ. Всѣ люди стремятся къ благу, къ пользѣ; это признаетъ и Милль. Очевидно, такое общее всѣмъ людямъ стремленіе не можетъ, уже по одному этому, служить основаніемъ нравственности, которая далеко не всѣ стремленія признаетъ нравственными. Что же касается общаго блага, общей пользы, то они имѣютъ объективный, а не субъективный характеръ, опредѣляются объективными, а не субъективными идеалами, и потому не могутъ быть мѣриломъ нравственности. Какъ всѣ современные мыслители, Милль не различаетъ идеаловъ субъективныхъ, служащихъ руководствомъ для личной, внутренней психической дѣятельности единичнаго человѣка, отъ идеаловъ объективныхъ, опредѣляющихъ его внѣшнюю дѣятельность по отношенію къ природѣ, другимъ людямъ и устроенному общежитію, и вслѣдствіе того путается въ опредѣленіи справедливости — идеала несомнѣнно объективнаго, а не субъективнаго,—и говоритъ о нравственномъ правѣ, понятіи столько же ошибочномъ, какъ выраженія: безнравственный поступокъ и законопротивный умыселъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что успѣхи культуры, рано или поздно, докажутъ практически, осязательно, вредъ безнравственности и для единичнаго лица, и для цѣлаго общества; но къ этому выводу люди придутъ не прежде, какъ убѣдившись путемъ

опыта и знанія, что и общее и индивидуальное благо есть результатъ нравственнаго развитія единичныхъ людей, возможнаго только при настойчивомъ, выдержанномъ преслѣдованіи ими субъективныхъ идеаловъ внутренней, психической жизни и дѣятельности.

Точно также невозможно подойти къ этикѣ съ точки зрѣнія О. Конта и Спенсера. Ни позитивизмъ, ни теорія эволюціи не даютъ ключа къ нормированію психической жизни и дѣятельности живого, дѣйствительнаго лица, съ которымъ только и имѣетъ дѣло этика, потому что научныя, объективныя воззрѣнія имѣютъ въ виду не индивидуальное лицо, а обобщенное, отвлеченное, безличное понятіе о человѣкѣ, сопоставляютъ, сравниваютъ, комбинируютъ это общее понятіе съ другими, такими же обобщенными, отвлеченными и безличными понятіями о явленіяхъ природы и соціальной жизни, и приходятъ къ неоспоримо вѣрнымъ и правильнымъ выводамъ; но эти выводы не могутъ быть непосредственно примѣнены къ живой дѣйствительности, которая изъ нихъ исключена. Великое значеніе научныхъ формулъ состоитъ въ томъ, что онѣ указываютъ общія условія, въ какія каждое единичное явленіе поставлено, выясняютъ общее направленіе, въ какомъ могутъ и должны быть сдѣланы комбинаціи, имѣющія цѣлью измѣнить эти явленія въ томъ или другомъ смыслѣ. Такое значеніе научныхъ выводовъ слишкомъ часто опускается изъ виду и друзьями, и врагами научнаго знанія, только вслѣдствіе того, что не былъ съ достаточною опредѣлительностью разрѣшенъ основной, главный вопросъ—объ отношеніяхъ мысли и дѣйствительности. Теперь это рѣшеніе настолько уже намѣчено изслѣдованіями, что мы можемъ не впадать въ крайности безусловнаго, отвлеченнаго субъективизма или объективизма. Этимъ и открывается путь къ правильному взгляду на этику, ея назначеніе и задачи.

Наука, мысль, неправильно ставя вопросъ объ этикѣ, по крайней мѣрѣ пришли къ убѣжденію въ необходимости нравственныхъ основаній и руководства для индивидуальнаго лица. Это весьма знаменательно. Съ точки зрѣнія безусловной объективности подобный шагъ есть непослѣдовательность; но она доказываетъ, что этическіе интересы не могутъ быть заглушены и отброшены. Въ такой же непослѣдовательности упрекаютъ и Канта, признавшаго подчиненіе воли закону безусловнаго требованія (категорическому императиву), который у него виситъ на воздухѣ.

Что касается мнѣній и взглядовъ современнаго образованнаго общества, то въ нихъ также замѣтна величайшая путаница по вопросу о нравственности. Огромное большинство держится, если не духа, то буквы преданія, и съ крайнимъ недовѣріемъ, иногда съ злобой, смотритъ на попытки науки подойти къ этической точкѣ зрѣнія, посмотрѣть на этику какъ на предметъ научнаго изслѣдованія. Подобныя попытки кажутся многимъ чуть не посягательствомъ на святыню, неприкосновенную для ума. Въ глазахъ большинства, вопросъ ставится обыкновенно такъ: этическая сторона жизни опредѣляется преданіемъ и вѣрой, отношенія къ окружающему объективному міру есть область науки и знанія. Этика, основанная на научныхъ началахъ, по меньшей мѣрѣ безполезна и излишня.

Мы не раздѣляемъ этого взгляда. Но не будемъ полемизировать съ противниками, а спросимъ ихъ только: на что же, по ихъ мнѣнію, осуждены всѣ тѣ, которые, по той или другой причинѣ, добровольно или недобровольно, не стоятъ на почвѣ преданія и вѣры? Вѣра есть дѣло личнаго убѣжденія, котораго нельзя требовать, которое нельзя приказывать. Если у кого нѣтъ вѣры, то никакія земныя силы ея не дадутъ и не внушатъ. Людей, отрѣшенныхъ и отрѣшившихся отъ вѣры и преданія, много. Какимъ же другимъ способомъ, кромѣ доводовъ ума, науки и знанія, внушить имъ этическій взглядъ, убѣжденіе въ необходимости этическихъ началъ? Если эти начала суть истина для всего рода человѣческаго—а въ этомъ у насъ нѣтъ разногласія съ нашими противниками—то къ нимъ, къ этимъ началамъ, должны вести всѣ пути, какимъ бы кто ни шелъ. Путь науки—длинный, сложный и тернистый; но и онъ, какъ мы старались доказать, приводитъ къ этикѣ, отвѣчая на вопросы, которые вѣра и преданіе обходятъ. Если наука, знаніе иногда становятся въ тупикъ, путаются, сбиваются съ дороги, то это происходитъ только отъ того, что критика, изслѣдованіе, еще недостаточно проработали матеріалъ для правильныхъ и точныхъ научныхъ выводовъ, или, что также случается нерѣдко, отъ того, что люди науки останавливаются на полупути, не имѣютъ прозорливости, или муже-

ства и смѣлости, вести свои выводы до конца. Недоконченность, половинчатость современныхъ научныхъ воззрѣній есть одно изъ главнѣйшихъ препятствій къ выясненію научныхъ основаній этики. Такъ или иначе, но мы считаемъ немыслимымъ открыть къ истинѣ одинъ путь и заказать другіе. Въ дѣлѣ личнаго убѣжденія это великое ослѣпленіе. Каждый путь имѣетъ свои сильныя и слабыя стороны, преимущества и недостатки, и всякому должно быть предоставлено выбрать тотъ или другой, какой ему кажется лучше и вѣрнѣе.

Впрочемъ, исключительность, нетерпимость, фанатизмъ, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и съ самыхъ различныхъ, иногда противоположныхъ точекъ зрѣнія, не суть еще злѣйшіе враги этическаго развитія. Есть враги гораздо болѣе опасные—это современная безурядица въ головахъ, полная анархія въ мысляхъ и воззрѣніяхъ, прямо ведущая къ ослабленію и отрицанію всякихъ идеальныхъ стремленій и цѣлей. Извѣрившись въ нихъ, люди бросаются очертя голову въ наслажденіе жизнью; здѣсь имъ кажется и свободнѣй и привольнѣй. Смакованіе житейскихъ благъ, жизнь, не омраченная скучными заботами о какихъ-то сомнительнаго свойства и во всякомъ случаѣ очень далекихъ и туманныхъ принципахъ, связывающихъ душу человѣка по рукамъ и ногамъ,—что же можетъ быть лучше на бѣломъ свѣтѣ, пока живется? Но вотъ бѣда: чтобы наслаждаться жизнью, нужны средства. Хорошо, когда кто ихъ имѣетъ; а у кого ихъ нѣтъ, тому надо позаботиться ихъ пріобрѣсти. Такимъ-то образомъ, докучливые этическіе идеалы исподоволь замѣняются другими, болѣе близкими и практическими—идеалами наслажденія и наживы. Но и на этомъ пути есть свои печальныя неожиданности и помѣхи: недостатокъ средствъ, болѣзни, неудачи. Оказывается, что жить не стоитъ. Къ этому же результату приходятъ не одни жуиры, „сожигатели жизни съ обоихъ концовъ“, но и благороднѣйшія сердца, чистѣйшіе идеалисты, обманувшіеся въ своихъ возвышенныхъ надеждахъ и помыслахъ. Зачѣмъ, для чего жить?—спрашиваютъ не одни праздные гуляки, но и разнаго разбора неудачники: если жизнь не даетъ удовлетворенія, радостей, то къ чему она? Лучше не жить. Такъ приходятъ къ одному и тому же заключенію люди самыхъ противоположныхъ направленій. Въ ихъ глазахъ весь смыслъ жизни—въ достиженіи извѣстныхъ цѣлей; это производитъ удовлетвореніе, а слѣдовательно и счастіе. Въ Германіи Шопенгауеръ длиннымъ рядомъ соображеній пришелъ къ выводу, что жизнь не есть благо, такъ какъ сумма неудовлетворенія и производимыхъ имъ страданій превышаетъ сумму удовлетворенія и проистекающихъ изъ него наслажденій и счастія.

Изъ всѣхъ этихъ выводовъ несомнѣнно слѣдуетъ одно: смыслъ жизни заключается въ достиженіи извѣстныхъ цѣлей; оно и доставляетъ удовлетвореніе, счастіе. Современный человѣкъ извѣрился въ возможность такого удовлетворенія, и отъ того страдаетъ. Но почему онъ извѣрился? Въ правильномъ разрѣшеніи этого вопроса и заключается вся суть дѣла, ключъ къ объясненію глубокаго унынія, которое гложетъ всѣ сердца и подтачиваетъ подъ корень всѣ лучшія силы.

Мы смотримъ на дѣло такимъ образомъ: если смыслъ жизни есть достиженіе цѣлей, то отъ послѣднихъ и будетъ существенно зависѣть удовлетвореніе и прямое его послѣдствіе—счастіе. Но ставить правильно цѣли мѣшаетъ намъ отвлеченная логика, которая мало-по-малу вытѣсняется изъ научнаго знанія, но продолжаетъ безраздѣльно царить въ обыденной жизни и практической дѣятельности огромнаго большинства образованныхъ людей. Она представляетъ намъ все въ искаженномъ и извращенномъ видѣ, уродливо увеличиваетъ или уменьшаетъ размѣры и пропорціи предметовъ, покрываетъ явленіе причудливыми, фантастическими красками, произвольно перемѣщая фокусъ свѣта и тѣни. Подъ вліяніемъ призраковъ, производимыхъ отвлеченнымъ мышленіемъ, дѣйствительныя явленія измѣняютъ въ нашихъ глазахъ свой видъ такъ, что ихъ узнать нельзя, и мы, думая, что имѣемъ дѣло съ дѣйствительностью, гонимся за иллюзіями и воздушными замками. Чтобы чутье дѣйствительности въ насъ снова ожило и вернуло насъ опять къ пониманію смысла жизни, мы прежде всего должны отдѣлаться отъ призраковъ, застилающихъ наше умственное зрѣніе обманчивой пеленой отвлеченностей. Астрономы при наблюденіяхъ принимаютъ въ разсчетъ измѣненія, которымъ подвергается лучъ при проходѣ чрезъ атмосферу; механики, при построеніи машинъ, вычисляютъ треніе. То же должны дѣлать и мы, разсуждая о чемъ бы то ни было. Критическое отношеніе къ логическимъ обобщеніямъ, безъ которыхъ никакая операція ума

немыслима, должно постоянно оберегать отъ самообмана, сторожащаго насъ на каждомъ шагу.

Цѣль человѣка, говорятъ, счастіе. Другіе думаютъ, что жизнь—юдоль печалей и скорбей. Но мы видѣли, что счастіе есть послѣдствіе удовлетворенія, которое, въ свою очередь, вытекаетъ изъ достиженія какой-нибудь цѣли. Очевидно, что счастіе есть отвлеченное понятіе, которое не можетъ непосредственно быть цѣлью или задачею. У одного и того же человѣка можетъ быть множество различныхъ задачъ или цѣлей, отвѣчающихъ различнымъ требованіямъ его психической и матеріальной природы; цѣли эти могутъ, смотря по обстоятельствамъ и условіямъ, измѣняться. Какой же смыслъ можетъ имѣть выраженіе: цѣль жизни? Жизнь не имѣетъ никакой цѣли; пока мы живемъ, мы задаемъ себѣ безпрестанно какія-нибудь цѣли. Жизнь есть только общая почва, общая предпосылка и канва нашей дѣятельности. Одною общею цѣлью жизни нельзя задаваться, потому что такой цѣли и представить себѣ нельзя.

Въ заключеніе, замѣтимъ еще слѣдующее. Ставя идеаломъ и цѣлью жизни счастіе, т.-е. то, что есть послѣдствіе и обобщенное понятіе удовлетворенія, наступающаго по достиженіи цѣли, мы измѣняемъ, сами того не замѣчая, дѣятельное отношеніе въ теоретическое, созерцательное, и требуемъ отъ послѣдняго непосредственно того, что можетъ быть только результатомъ перваго. Мы слишкомъ часто жалуемся на жизнь, что она не даетъ намъ счастья, не задаваясь цѣлями, не стремясь къ ихъ достиженію, другими словами, мы только мечтаемъ о счастіи, не дѣлая того, что его даетъ. Не есть ли, при такихъ условіяхъ, исканіе счастія убѣжденіе, что жизнь должна бы быть счастіемъ, а на самомъ дѣлѣ есть несчастіе, заколдованный кругъ странныхъ иллюзій? Въ дѣйствительности, человѣкъ то страдаетъ, то имѣетъ минуты удовлетворенія. Страданія и радости смѣняются и переплетаются самымъ разнообразнымъ и причудливымъ образомъ; то однихъ, то другихъ выпадаетъ на нашу долю больше. Кто дѣйствительно живетъ, то-есть ставитъ и преслѣдуетъ цѣли, а не фантазируетъ въ созерцательномъ бездѣйствіи, тотъ выучивается мужественно переносить страданія и вполнѣ цѣнить минуты радости. Жизнь есть трудъ, дѣятельность, борьба, а не праздныя грёзы.

VI.

Представленный общій и бѣглый очеркъ главнѣйшихъ этическихъ идеаловъ далеко не исчерпываетъ предмета. Но мы и не задавались задачею его исчерпать. Единственною нашею цѣлью было показать, что этическая точка зрѣнія вовсе не противорѣчитъ научной, что этическіе идеалы совсѣмъ не общія мѣста, а также важны и дѣйствительны, въ практической жизни, какъ и объективные, и что нравственное развитіе и дѣятельность составляютъ такую же настоятельную практическую потребность людей, какъ и всѣ другія стороны развитія и роды дѣятельности.

Но не одни научные предразсудки мѣшаютъ людямъ проникнуться этическими идеалами и руководиться ими въ своей дѣятельности. Нравственнымъ идеаламъ стоятъ поперекъ дороги, въ ежедневномъ быту, предразсудки другого рода. Разсмотримъ нѣкоторые изъ нихъ.

Многихъ смущаетъ и лишаетъ бодрости слѣдовать этическимъ идеаламъ мысль, что они, по ихъ совершенству, недостижимы для людей. Развѣ, думаютъ многіе, не несбыточная мечта осуществить такіе идеалы на дѣлѣ, или хотя бы только сколько-нибудь къ нимъ приблизиться? У самыхъ рьяныхъ и добросовѣстныхъ людей при этой мысли руки опускаются.

Сколько отъ такихъ малодушныхъ разсужденій пропадаетъ у насъ даромъ живыхъ силъ! А откуда отчаяніе? Только вслѣдствіе привычки останавливаться на пассивномъ созерцаніи, неумѣнья переходить отъ мысли къ дѣлу, непониманія дѣйствительныхъ отношеній между идеаломъ и дѣломъ. У нашего простого народа ясный и правильный взглядъ на эти отношенія выразился очень мѣтко въ пословицѣ: глазамъ страшно, а рукамъ не страшно; т.-е. съ виду неосуществимое осуществляется, когда примешься за дѣло. Точно такое же идеальное совершенство и недосягаемую высоту представляютъ и объективные идеалы. Развѣ осуществимы въ дѣйствительности, въ чистомъ видѣ, математическая точка, линія, треугольникъ, кругъ, алгебраическая, механическая, химическая формула, физическій или біологическій законъ? Правило кодекса развѣ можетъ осуществиться въ дѣйствительной жизни

въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно намъ представляется въ книгѣ? Никакая мысль, формула, истина, плодъ умственной дѣятельности и операцій мышленія, не осуществимы въ дѣйствительности въ ихъ отвлеченной формѣ. Отвлеченія отъ дѣйствительныхъ явленій указываютъ только условія и направленіе человѣческой дѣятельности въ ея стремленіи къ той или другой цѣли. Если высота и идеальность механическихъ формулъ не ослабляетъ энергіи и ревности инженера, то мы не видимъ причины, почему бы возвышенность этическихъ идеаловъ, если они правильны, могла бы отпугивать отъ нихъ и охлаждать къ нимъ людей? Какой добросовѣстный составитель географической карты или топографическаго чертежа рѣшится увѣрять, что передалъ съ идеальною точностью данную мѣстность на бумагѣ или доскѣ? Тоже и съ осуществленіемъ этическихъ идеаловъ: къ нимъ можно только приближаться, идеальное ихъ осуществленіе немыслимо; но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что они безполезны, или что нельзя или не для чего стараться осуществлять ихъ по возможности на дѣлѣ. Въ нравственномъ смыслѣ для каждаго обязательно не достиженіе этическаго совершенства, что̀ не зависитъ отъ людей, а дѣйствительное, постоянное, добросовѣстное стремленіе его достигнуть. Субъективная сторона и въ этомъ отношеніи стоитъ въ этическихъ задачахъ на первомъ планѣ.

Люди съ чрезмѣрно развитою чувствительностью или болѣзненнымъ воображеніемъ считаютъ себя безнравственными, недостойными и падаютъ духомъ при мысли, что дурные помыслы, побужденія и низкія страсти зарождаются и гнѣздятся въ ихъ душѣ. Въ этическомъ смыслѣ такой взглядъ весьма опасенъ и происходитъ тоже вслѣдствіе преобладанія пассивной созерцательности надъ дѣятельнымъ душевнымъ настроеніемъ. Появленіе и присутствіе порочныхъ наклонностей и стремленій, когда мы сами ихъ не вызываемъ, не лелѣемъ и не поощряемъ, принадлежитъ къ области объективныхъ фактовъ, въ которыхъ мы не властны. Поэтому они намъ и не вмѣняются; на нашу отвѣтственность падаетъ въ нравственномъ смыслѣ только наше внутреннее отношеніе къ такимъ фактамъ. Мы не должны ограничиваться однимъ знаніемъ, что они въ нравственномъ смыслѣ дурны, довольствоваться однимъ теоретическимъ ихъ неодобреніемъ, но обязаны дѣятельно съ ними бороться, направить всѣ наши умственныя и нравственныя силы на ихъ подавленіе и искорененіе, или, по крайней мѣрѣ, всячески стараться ихъ ослабить. Въ этомъ есть большая аналогія между дѣятельностью внѣшней и внутренней. Садовникъ не виноватъ въ томъ, что сорныя травы растутъ на грядкахъ, клумбахъ и въ парникахъ, что сухіе сучья появляются на плодовыхъ деревьяхъ, мхи и грибки мѣшаютъ имъ развиваться; но онъ виноватъ, если не приметъ противъ нихъ во̀-время никакихъ мѣръ. Психологія и этика, какъ и объективныя науки, выясняютъ условія и законы дѣйствительныхъ явленій, и тѣмъ даютъ средство придумать мѣры, какъ ихъ измѣнять полезнымъ или желательнымъ для человѣка образомъ. Только добросовѣстная дѣятельность, по мѣрѣ силъ и пониманія, и есть нашъ нравственный долгъ, лежитъ на нашей нравственной отвѣтственности.

Есть не мало людей, разсуждающихъ такъ: вѣдь весь міръ добродѣтельнымъ не сдѣлаешь, такъ какая же польза отъ нравственности? Негодяи и подлецы никогда не переведутся, какъ ни проповѣдуй нравственность. Изъ чего же хлопотать? Добрые люди, думающіе такъ, забываютъ, что преступленія и болѣзни тоже никогда не переводятся, однако изъ-за этого право и медицина не выбрасываются за бортъ. Этика, конечно, не есть ни панацея, ни безусловное средство противъ золъ, удручающихъ родъ людской; но она дѣйствительное и благотворное средство противъ извѣстнаго рода ненормальностей, мѣшающихъ людямъ достигать возможнаго развитія и удовлетворенія.

Но праздныхъ мечтателей, запутавшихся въ отвлеченностяхъ и грёзахъ, немного на свѣтѣ. Племя ихъ въ наше время почти перевелось, и о Маниловыхъ что-то уже не слышно. Чувство дѣйствительности все болѣе и болѣе развивается, но на первый разъ въ самой простѣйшей формѣ грубой, сырой непосредственности. Герои Островскаго, съ ихъ девизомъ: „ндраву моему не препятствуй“, распложаются съ поразительной быстротой и овладѣли позиціей. Эти не теряются въ абстракціяхъ, отлично умѣютъ ставить и достигать цѣли, и не жалуются на то, что жизнь—юдоль скорбей и печалей. Всѣ ихъ силы и вся ихъ дѣятельность направлены на окружающій міръ; они прево-

сходно умѣютъ и его себѣ покорить, и сами къ нему приладиться. Но эти люди, соединяющіе въ себѣ столько условій, чтобы правильно смотрѣть на жизнь и правильно къ ней относиться, суть злѣйшіе враги этики. Этическіе идеалы представляются имъ сумасбродствомъ непрактическихъ мечтателей, помѣхою въ достиженіи практически полезныхъ цѣлей, какимъ-то совсѣмъ ненужнымъ стѣсненіемъ свободы дѣйствій, только парализующихъ личную дѣятельность, широкій размахъ личнаго почина. Привычка видѣть практическое только въ томъ, что̀ передъ глазами, и считать за утопіи и иллюзіи отдаленныя причины явленій, къ которымъ приводитъ лишь длинный рядъ сложныхъ соображеній и выводовъ, мѣшаютъ этимъ людямъ оцѣнить и взвѣсить, какъ должно, громадную роль и значеніе этическихъ элементовъ въ человѣческихъ дѣлахъ. Дѣйствительность—такъ разсуждаетъ большинство практиковъ, — представляетъ людямъ столько средствъ улучшить свое положеніе, развить свои силы и таланты; эти средства у нихъ подъ руками: стоитъ только за нихъ приняться; а тутъ имъ противопоставляютъ какія-то туманныя, весьма сомнительнаго достоинства правила нравственности, пренебрегающія, во имя Богъ знаетъ чего, дѣйствительными благами. И добро бы можно было переродить весь человѣческій родъ и изъ людей подѣлать ангеловъ. Нравственность и ея законы,—все это пустыя слова, столько же древнія какъ міръ и давно перешедшія въ прописи, на поученіе ребятишкамъ! Что̀ за бѣда въ томъ, что строитель желѣзной дороги прикарманилъ милліонъ казенныхъ и акціонерныхъ денегъ; по построенной имъ дорогѣ ѣздятъ удобно десятки тысячъ пассажировъ, перевозятся сотни милліоновъ пудовъ клади. Торговля и промышленность чрезъ это расцвѣли, край разбогатѣлъ, сотни тысячъ людей нашли себѣ заработокъ и средство зашибить копѣйку. О томъ, что у строителя дороги пальцы были немножко длиннѣе, чѣмъ бы слѣдовало, скоро забудется, а сдѣланное имъ полезное дѣло навсегда останется.

Таковъ ходячій взглядъ практическихъ людей. Огромное большинство склоняется передъ ихъ житейскою мудростью. Это называется принимать жизнь какова она есть, не увлекаться мечтами и иллюзіями. Понемногу всѣ привыкаютъ смотрѣть на нравственность какъ на утопію идеалистовъ, дѣтски относящихся къ суровой, черствой и неумолимой правдѣ жизни.

Но полно, правы ли житейскіе мудрецы и практики этого разбора? Такъ ли этика непрактична, виситъ на воздухѣ, какъ объ ней многіе думаютъ? Станемъ на минуту на ихъ точку зрѣнія и прослѣдимъ ихъ аргументацію отъ начала до конца.

Представимъ себѣ такой случай: практическій человѣкъ тяжко боленъ и терпитъ отъ того большую помѣху въ своихъ занятіяхъ, разстройство и убытки въ дѣлахъ. Практически говоря—болѣзнь обстоятельство крайне непрактическое. Однако дѣлать-то съ нимъ нечего, и приходится, волей-неволей, ему покориться.

А вотъ другой случай: практическій человѣкъ, повидимому, совсѣмъ здоровъ, а врачъ, которому онъ довѣряетъ, предупреждаетъ его, что если онъ не измѣнитъ обычнаго образа жизни и занятій, не броситъ свое дѣло на время или навсегда, то роковыя послѣдствія для его здоровья или жизни неминуемы. Что̀ дѣлать, какъ поступить? Практическій человѣкъ сообразитъ все, и если найдетъ возможнымъ и полезнымъ послѣдовать совѣту врача, то оторвется отъ дѣла, покинетъ мѣсто жительства, перемѣнитъ свои привычки, словомъ, подвергнется ограниченіямъ и стѣсненіямъ всякаго рода. Значитъ, и при практическомъ взглядѣ приходится, даже въ ежедневныхъ дѣлахъ, приносить непосредственное, ближайшее въ жертву ожидаемому лучшему будущему, т.-е. идеѣ, отвлеченному понятію.

Возьмемъ другую сторону жизни. Практическій человѣкъ смотритъ равнодушно, или иронически, когда одинъ обижаетъ или проводитъ другого: вѣдь до него это не касается, какое же ему дѣло? Если человѣкъ проведенъ умно и ловко, практическій мудрецъ вполнѣ оцѣнитъ смѣтливость и догадку обидчика или плута. Зайди рѣчь о его интересахъ, онъ и самъ, глубоко презирая идеалистовъ, не остановится передъ нравственными соображеніями, когда это можно сдѣлать безнаказанно. Но вотъ, его самого обидѣли или надули, и онъ негодуетъ, тащитъ обидчика или обманщика въ судъ и горько жалуется, если не получитъ удовлетворенія. Значитъ и практическій человѣкъ тоже понимаетъ, что надо ограничить волю, нельзя никому предоставить дѣлать все, что̀

ему вздумается; но онъ понимаетъ это, когда дѣло идетъ о его собственной кожѣ. Взглядъ его, какъ и у животныхъ, непосредственный, съ тою только разницею, что животныя и не взываютъ къ совѣсти, справедливости и суду, а онъ ихъ понимаетъ и чувствуетъ потребность въ ихъ посредничествѣ, но только въ примѣненіи къ самому себѣ и своимъ интересамъ, насколько онъ или они страдаютъ, и не въ состояніи подняться до мысли, что если идеальные принципы справедливости и совѣсти необходимы для огражденія его личности и интересовъ, то они точно такъ же необходимы и для обезпеченія интересовъ другихъ, хотя бы и противъ несправедливыхъ притязаній его самого. Что же это показываетъ? А то, что такъ называемые практическіе люди, смотрящіе на нравственность свысока, на самомъ дѣлѣ очень близоруки, что ихъ ума хватаетъ только на ближайшіе общіе выводы, что они неспособны понять то, чѣмъ сами на каждомъ шагу пользуются въ своихъ интересахъ. Этика рекомендуетъ всѣмъ и каждому быть, по своимъ душевнымъ стремленіямъ, помысламъ, чувствамъ, тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть по своимъ наружнымъ дѣйствіямъ и поступкамъ. Этическіе идеалы и правила насъ стѣсняютъ и ограничиваютъ не болѣе, чѣмъ законы природы, правовыя отношенія и тысячи соображеній практическаго и житейскаго характера, которыя ежеминутно налагаютъ на насъ всякаго рода лишенія. Если мы ихъ выносимъ не только скрѣпя сердце, недобровольно, но очень часто и добровольно и сознательно, понимая ихъ необходимость и пользу, а требованія этики кажутся намъ безполезно стѣснительными, то это доказываетъ только неумѣнье думать. Не мудрѣе того были дѣятели первой французской революціи, не согласившіеся отсрочить казнь Лавуазье до окончанія начатаго имъ химическаго анализа, по ребячески-нелѣпому соображенію, что республика не нуждается въ химикахъ; слѣпымъ и практически близорукимъ оказался и геніальный ненавистникъ идеологовъ, Наполеонъ Первый, неумѣвшій оцѣнить практическую пользу изобрѣтенія Фультона. Самыя высокія и отвлеченныя идеи, если онѣ вѣрны, такъ же практически полезны, какъ и то, что у насъ непосредственно подъ руками; только мы рѣдко даемъ себѣ трудъ прослѣдить длинный рядъ колецъ и звеньевъ, которыми онѣ неразрывно связаны съ дѣйствительнымъ міромъ. Этимъ прежде и больше всего грѣшатъ практическіе мудрецы, смотрящіе свысока на этическіе идеалы. Ихъ близорукость больше странна и смѣшна, чѣмъ опасна для несомнѣнности и дѣйствительной практичности нравственныхъ идеаловъ.

До сихъ поръ мы говорили объ этическихъ идеалахъ какъ о предметахъ знанія. Но не будемъ себя обманывать. Наука есть плодъ мышленія, которое только опредѣляетъ условія явленій. Зная и правильно понимая этическіе идеалы, мы будемъ знать и понимать какъ дѣйствовать, куда слѣдуетъ направить жизнь, чтобы достигнуть желаемыхъ цѣлей и результатовъ; самое же дѣйствіе, направленіе жизни въ ту или другую сторону, не есть дѣло науки, лежитъ внѣ ея круга. Наука можетъ и должна довести людей до порога дѣйствительной жизни, дать руководство, какъ въ ней поступать; но на этомъ она останавливается и не идетъ далѣе, предоставляя каждому жить и дѣйствовать по своему желанію и крайнему разумѣнію. Жизнь, дѣятельность, есть искусство, которое пріобрѣтается опытомъ, упражненіемъ, навыкомъ. Это давнымъ-давно всѣмъ извѣстная истина, но—странное дѣло—совсѣмъ забытая въ примѣненіи къ нравственности. Относительно любой отрасли практической, художественной или научной дѣятельности всѣ убѣждены, что знаніе даетъ только руководство, указаніе, но что его одного мало: что надо упражненіемъ пріобрѣсти опытъ, навыкъ, умѣнье, ловкость, сноровку примѣнять знаніе къ дѣлу. Это же начало вполнѣ прилагается и къ этикѣ. Задача ея какъ науки—выяснить значеніе и необходимость нравственности, опредѣлить ея условія и законы; но водворить нравственность въ жизни, ввести ее въ житейскій обиходъ, выработать ее въ дѣйствительныхъ, живыхъ людяхъ, есть дѣло прикладной этики, практическая задача этики, какъ искусства. Убѣдившись въ необходимости нравственныхъ элементовъ жизни, узнавъ въ чемъ они состоятъ, какими условіями и законами они опредѣляются, мы должны озаботиться о томъ, чтобы перейти отъ разсужденій къ дѣлу, отъ отвлеченныхъ понятій къ ихъ осуществленію.

Какъ и всякое искусство и умѣнье, практика этическихъ началъ распадается на подготовку, посредствомъ воспринятія впечатлѣній извнѣ, и на самодѣятельность, на отношеніе къ дѣлу пассивное и активное, на

воспитаніе и творчество. Пассивное восприпятіе нравственныхъ началъ пе состоитъ, какъ многіе думаютъ, только въ обученіи нравственнымъ правиламъ, которое дастъ одно знаніе, далеко еще недостаточное для подготовленія къ нравственной самодѣятельности. Нужно, чтобы весь человѣкъ, вся его психическая природа, строй помысловъ и чувствъ, были направлены въ сторону нравственныхъ идеаловъ и породили въ немъ охоту, желаніе и рѣшимость быть нравственнымъ, вести нравственную жизнь. Для достиженія этой цѣли человѣкъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи богатыя, неистощимыя средства, и уже широко ими воспользовался въ примѣненіи къ умственному, художественному и техническому образованію; остается примѣнить ихъ и къ нравственному развитію. Такими средствами являются руководство и живой примѣръ окружающихъ людей, чтеніе, произведенія искусства, настраивающія душу на нравственный ладъ, вообще вся обстановка, способствующая развитію нравственныхъ душевныхъ движеній и привычекъ и парализующая ростъ противоположныхъ имъ наклонностей и расположеній; наконецъ, упражненія, приготовляющія къ нравственной самодѣятельности. Эти способы воспитанія давно уже съ успѣхомъ практикуются во всѣхъ другихъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, и только не примѣнены къ нравственному развитію. Не имѣя о нравственности правильныхъ понятій, смѣшивая умственное, художественное и практическое развитіе съ нравственнымъ, выработку объективной стороны съ выработкой душевныхъ движеній, мы не умѣемъ поставить нравственнаго воспитанія какъ слѣдуетъ, смѣшиваемъ внѣшнюю дисциплину съ внутренней, принимаемъ внѣшнюю выправку и дрессуру, наружную благопристойность и приличіе за мѣрило нравственныхъ качествъ, терпимъ около дѣтей индифферентовъ, черствыхъ, бездушныхъ, нравственно неразвитыхъ и даже порочныхъ людей, если только они соединяютъ въ себѣ требуемыя условія знанія и школьной педагогіи, и воображаемъ, что успѣхи въ наукахъ и хорошее внѣшнее поведеніе обезпечиваютъ нравственность будущихъ гражданъ. Какъ часто уже теперь приходится серьезно задумываться надъ практическими результатами такой путаницы понятій, ведущей къ нравственному упадку цѣлыхъ поколѣній и у насъ, и въ Европѣ!

За воспитаніемъ наступаетъ періодъ самодѣятельности. Спросите любого практическаго человѣка, въ какой бы отрасли онъ ни работалъ,—всякій скажетъ, что безпрестанныя упражненія въ дѣлѣ составляютъ необходимое условіе поддержанія таланта, умѣнья, постепеннаго совершенствованія и успѣха. Безъ нихъ, и знанія теряютъ свою свѣжесть и живость и обращаются въ туманныя отвлеченности, или пустыя слова и фразы. Но если это правда въ примѣненіи ко всѣмъ безъ изъятія видамъ объективной дѣятельности, то въ примѣненіи къ нравственности и подавно. Безъ непрерывной практики, ежеминутной повѣрки и направленія своихъ душевныхъ движеній соотвѣтственно этическимъ идеаламъ, нравственность есть слово безъ смысла, голая отвлеченность, понятіе безъ соотвѣтствующаго ему факта. Только практика нравственности переводитъ слово въ дѣло, постепенно создаетъ нравственный складъ помысловъ и желаній, намѣреній и цѣлей, привычку нравственно думать, чувствовать и жить. Такая привычка обращается современемъ во вторую натуру, которая облегчаетъ борьбу съ дурными наклонностями и создаетъ то, что есть верхъ нравственнаго развитія—нравственный характеръ.

VII.

Сбивчивыя и ошибочныя понятія о нравственности и нравственныхъ идеалахъ, характеризующія наше время, отразились и во взглядахъ на отношенія этики къ близкимъ и смежнымъ къ ней областямъ религіи, права и изящнаго искусства. Каждая изъ этихъ областей одними считается вполнѣ замѣняющей и упраздняющей нравственность, а другими, наоборотъ, излишней и ненужной рядомъ съ нею. Тѣ, которые допускаютъ ихъ сосуществованіе съ нравственностью, не могутъ столковаться между собою въ томъ, гдѣ лежатъ раздѣляющія ихъ границы. Такое разнообразіе сужденій показываетъ, до какой степени спутались и перемѣшались мысли о важнѣйшихъ предметахъ вѣдѣнія. Чтобы точнѣе опредѣлить для читателей нашу точку зрѣнія на нравственность, мы считаемъ необходимымъ изложить наши мысли объ отношеніяхъ этики къ религіи, праву, изящному искусству и художественному творчеству, касаясь ихъ лишь настолько, насколько необходимо для нашей цѣли.

Начнемъ съ отношеній религіи и нравственности. Цѣль ихъ одна и та же—нравственное развитіе и совершенствованіе каждаго человѣка; но къ этой общей задачѣ вѣроученіе и этика идутъ совершенно различными путями.

Вѣроученіе ставитъ предпосылкою, что разумъ человѣческій ограниченъ и неспособенъ обнять всей истины; что она доступна ему лишь настолько, насколько открыта свыше; открывается же она ему не вся, а въ той мѣрѣ, какъ это необходимо для благочестивой и нравственной жизни на землѣ. Поэтому, единственный источникъ вѣроученія есть откровеніе и священное преданіе, переходящее изъ рода въ родъ, отъ которыхъ нельзя и не должно отступать ни на іоту. Съ точки зрѣнія религіи, ученіе о нравственности есть систематическое изложеніе того, чему учитъ откровеніе, священныя преданія и ихъ святые истолкователи о нравственной жизни и нравственномъ совершенствованіи человѣка.

Иными путями идетъ научная этика, составляющая особую отрасль знанія. Она, какъ и всякая наука вообще, основана на предпосылкѣ, что самостоятельному изслѣдованію человѣка доступны всѣ самыя сокровенныя тайны міра и бытія, и что, слѣдовательно, ученіе о нравственности, какъ предметъ знанія, можетъ быть построено собственными, свободными усиліями человѣка.

Мы старались показать, что относительно нравственности высшая изъ всѣхъ религій, христіанская, и послѣдовательно проведенное до конца научное міровоззрѣніе, въ главномъ и существенномъ, приводятъ, разными путями, къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Поэтому мы глубоко убѣждены, что людямъ вѣрующимъ и людямъ науки и знанія, горячо принимающимъ къ сердцу нравственное развитіе и совершенствованіе людей не на однихъ словахъ, а на самомъ дѣлѣ, нѣтъ причины и повода враждовать между собою въ области этики. Коренное и существенное ихъ разногласіе лежитъ внѣ этой области; слѣдовательно, въ ней они могутъ, оставаясь себѣ вѣрными, подать другъ другу руку и вмѣстѣ, сообща, стремиться къ одной и той же желанной цѣли. Необходимость ограничить разномысліе его естественными предѣлами, и тѣмъ, если можно такъ выразиться, локализировать борьбу между религіей и наукой, вызывается не только самымъ существомъ дѣла, но и практическими соображеніями величайшей важности. Конечная цѣль этическихъ ученій, основанныхъ на религіи или на научныхъ изслѣдованіяхъ, заключается въ томъ, чтобы убѣдить людей ступить на путь нравственнаго развитія и совершенствованія и идти по немъ твердо. Но люди чрезвычайно различны между собою, и дѣйствовать на всѣхъ одними и тѣми же доводами невозможно: для однихъ доступны и убѣдительны доводы вѣроученія, для другихъ—аргументы науки и знанія. Отбрасывать тотъ или другой путь, значило бы отвращать отъ истины и правды массы людей только потому, что они способны принять ее лишь въ томъ, а не въ другомъ видѣ. Одни предпочитаютъ всему строгіе выводы ума и логики; другіе не придаютъ имъ особенной цѣны и важности, слѣдуя голосу непосредственныхъ сердечныхъ ощущеній. Пусть каждый и выберетъ путь, какой ему кажется лучше.

Къ сожалѣнію, глубокое взаимное отчужденіе людей вѣры и науки замѣчается и въ дѣлѣ нравственности, какъ и во всемъ остальномъ. Чѣмъ объяснить это? Согласно съ тѣмъ, что сказано выше, мы приписываемъ это, съ одной стороны, крайнему, преувеличенному довѣрію къ объективной точкѣ зрѣнія, которое проникло даже въ воззрѣнія и міросозерцаніе вѣрующихъ, а съ другой—непослѣдовательности поборниковъ науки и знанія, которые часто останавливаются на полудорогѣ, не рѣшаясь принять всѣхъ выводовъ и заключеній, вытекающихъ изъ научнаго міровоззрѣнія. Чтобы дойти до субъективныхъ идеаловъ, на которыхъ держится этика, чтобы связать въ сознаніи индивидуальную жизнь съ общей и объективной, безъ чего этика не мыслима, надо смѣло, безъ страха, пройти, шагъ за шагомъ, до конца, весь путь отрицаній. Очень многіе этого не дѣлаютъ и, сбившись съ дороги, путаются въ построеніяхъ, не выдерживающихъ строгой и научной критики. Намъ теперь кажется, будто религія и наука, стоя на одной и той же почвѣ, исключаютъ другъ друга. Исторія не подтверждаетъ такого взгляда. Религія и наука появились одновременно, вмѣстѣ съ пробужденіемъ сознательности, но сначала существовали рядомъ, занимая, каждая, свое особое мѣсто въ жизни и понятіяхъ людей. Областью религіи была внутренняя субъективная жизнь и дѣятельность людей, областью науки—внѣшняя, объективная. Чѣмъ менѣе

была развита индивидуальность, тѣмъ болѣе религія и наука смѣшивались и не различались между собою. По по мѣрѣ того, какъ сознаніе росло и крѣпло и индивидуализмъ выдвигался все болѣе и болѣе впередъ, религія и наука все болѣе и болѣе различались и отдалялись другъ отъ друга. У новыхъ европейскихъ народовъ обѣ долго существовали мирно одна подлѣ другой, съ преобладаніемъ религіозныхъ вѣрованій надъ знаніемъ; но потомъ, между ними произошелъ рѣшительный и рѣзкій разрывъ, и началась борьба, которая наполнила собою всю новую европейскую исторію и окончилась полной побѣдой науки надъ вѣрованіями. Отголоски этой вѣковой борьбы слышатся до сихъ поръ, и ея слѣды глубоко проникли въ воззрѣнія и бытъ современныхъ европейскихъ народовъ. Все, что̀ думается и дѣлается въ Европѣ, пропитано воспоминаніями этой борьбы, пораженія и побѣды. У насъ развитіе индивидуализма, личности, едва только начинается. Въ умственной жизни Европы мы не принимали участія, но какъ ея ученики, горячо усвоившіе себѣ всѣ ея интересы и взгляды, не всегда отдаемъ себѣ ясный отчетъ въ ея урокахъ, и повторяемъ, часто наобумъ, безъ разсужденія, мысли и слова, дѣйствительнаго смысла которыхъ надо искать въ историческомъ развитии и его фазисахъ.

Если, какъ мы старались показать, внутренняя, психическая жизнь составляетъ такой же постоянный живой интересъ человѣческаго существованія, какъ и умѣніе и искусство найтись и устроиться въ данной внѣшней обстановкѣ и условіяхъ, то отсюда слѣдуетъ, что ни то, ни другое, отдѣльно взятыя, не могутъ дать человѣку полнаго удовлетворенія; оно достижимо только при ихъ соглашеніи. Но какъ согласить двѣ столько различныя задачи? Помирить и свести къ одному душевныя стремленія и потребности съ объективными условіями и законами существованія уже потому кажется невозможнымъ, что обѣ эти стороны дѣйствительности находятъ въ человѣческой природѣ свое особое выраженіе и вызываютъ въ душѣ различные идеалы. Такого примиренія и соглашенія долго искали въ логикѣ. Мы привыкли, по старымъ преданіямъ, думать, что логика одна. Она дѣйствительно одна въ тѣхъ выспреннихъ отвлеченіяхъ, на высотѣ которыхъ улетучиваются и испаряются всѣ различія дѣйствительной жизни; но въ примѣненіи къ разнымъ предметамъ и задачамъ она такъ же неодинакова, какъ неодинаковы думающіе люди и обсуждаемыя явленія. Это всего больше бросается въ глаза при сравненіи религіознаго міросозерцанія съ научнымъ. Первое, вытекая изъ потребностей душевной жизни, кладетъ ихъ въ основаніе своихъ построеній, оставляя въ сторонѣ и въ тѣни доводы, недоумѣнія и сомнѣнія объективнаго характера и свойства; наоборотъ, наука, точное знаніе, опуская изъ виду личную индивидуальную жизнь и сосредоточивъ все вниманіе исключительно на взаимныхъ отношеніяхъ явленій, по своимъ задачамъ и цѣлямъ безлична. Вотъ къ чему, въ концѣ-концовъ, сводится различіе религіозныхъ и научныхъ воззрѣній; этимъ же опредѣляется достоинство, сила и заслуга тѣхъ и другихъ. Упрекать то или другое міровоззрѣніе въ недостаткѣ логики было бы безсмысленно. Все ихъ глубокое различіе лежитъ въ ихъ задачахъ и предпосылкахъ, которыхъ нельзя согласить путемъ мышленія.

Наука долго искала единаго начала, къ которому бы сводилось все существующее, и послѣ вѣковыхъ, напрасныхъ усилій должна была отказаться отъ разрѣшенія этой задачи. Между тѣмъ, мы носимъ въ душѣ непоколебимую увѣренность, что единство и единое въ дѣйствительности есть; въ этомъ насъ удостовѣряютъ и непосредственные факты. Каждый отдѣльный организмъ есть единый; всѣ явленія природы, несмотря на ихъ разнообразіе, совершаются на одномъ и томъ же земномъ шарѣ, изъ него развиваются, и потому несомнѣнно имѣютъ одинъ источникъ, связаны единствомъ происхожденія, котораго однако, при всѣхъ усиліяхъ, мы никакъ открыть не можемъ. Что̀ же это значитъ? Многіе видятъ въ этомъ очевидное доказательство ограниченности человѣческаго ума и на этомъ основаніи заподозриваютъ его компетентность понять множество явленій. Мы объясняемъ себѣ причину этого кажущагося противорѣчія неправильной постановкой самой задачи, вслѣдствіе того, что не даемъ себѣ яснаго отчета въ значеніи и роли мышленія, недостаточно вникаемъ въ его условія и способы дѣятельности. Нельзя слышать глазами, обонять ухомъ, узнать вкусъ осязаніемъ и т. п., а мы задаемъ уму именно такого рода задачу, требуя отъ него указанія единаго начала всего существующаго, когда это совсѣмъ не его дѣло. Умственная дѣятельность пре-

творяетъ полученныя впечатлѣнія въ новыя формы, придаетъ имъ другой видъ въ сравненіи съ тѣмъ, какой они имѣли передъ тѣмъ. Начинаетъ умъ свою дѣятельность съ того, что разлагаетъ впечатлѣніе на составныя его части, при помощи сопоставленія и сравненія съ другими, полученными прежде, — отбрасываетъ все единичное и индивидуальное, а общее, генерическое, извлеченное изъ впечатлѣній, располагаетъ въ другомъ порядкѣ, видѣ и сочетаніяхъ, чѣмъ какія оно имѣло въ впечатлѣніи, подвергнутомъ умственной операціи. Вотъ что дѣлаетъ умъ, и вотъ что онъ только и можетъ дѣлать. Наибольшую аналогію съ умственными операціями представляетъ, изъ физіологическихъ процессовъ, претвореніе въ желудкѣ пищи, которая тоже получаетъ въ немъ новый видъ чрезъ разложеніе, частью отбрасывается, а частью поступаетъ на обновленіе организма. Вотъ почему единство и не есть задача и цѣль умственной дѣятельности. Какъ бы ни былъ обширенъ кругъ умственной операціи, какъ бы высоко ни поднимались его обобщенія и комбинаціи, онъ не выходитъ изъ условій своей дѣятельности—анализа, сравненія и частичнаго синтеза. Значитъ ли это, что онъ ограниченъ, потому что не можетъ обнять единства? Совсѣмъ нѣтъ! Это только значитъ, что единство не есть предметъ умственной дѣятельности. Много есть и другихъ такихъ предметовъ: напримѣръ, умъ не схватываетъ индивидуальности, чувства, перехода объективнаго въ субъективное и т. д. Не ограниченность человѣческаго ума, а наше собственное неумѣніе его примѣнять и имъ орудовать, виновато въ томъ, что онъ не можетъ совладать съ тѣмъ, къ чему вовсе не призванъ.

Единство, гармонію, единеніе силъ, даетъ не умъ, а непосредственное ощущеніе дѣйствительности. Умъ просвѣтляетъ ощущеніе, подымаетъ его, дѣлаетъ тонкимъ и чуткимъ, но замѣнить его своими комбинаціями никакъ не можетъ. Непосредственное ощущеніе есть особая психическая функція, требующая, подобно уму, особаго ухода, упражненія и развитія, чтобы окрѣпнуть и совершенствоваться. Непосредственное сознательное ощущеніе и есть почва этической, нравственной жизни и вмѣстѣ религіознаго міросозерцанія.

Сказаннаго вполнѣ достаточно, чтобы понять, что религія и наука—двѣ различныя области, отвѣчающія двумъ различнымъ потребностямъ человѣческой природы. Ихъ столкновеніе и борьба были естественнымъ послѣдствіемъ ихъ первоначальной слитности и необходимости размежеваться. Пока раздѣляющія ихъ границы не выяснены вполнѣ —а этого и до сихъ поръ еще не сдѣлано— взаимные захваты въ чужой, смежной области были неизбѣжны, и они происходили тѣмъ въ бо̀льшихъ размѣрахъ, чѣмъ меньше люди понимали дѣйствительное призваніе религіи и науки въ жизни человѣка. Только этимъ и объясняется, почему религіозныя стремленія могли облекаться въ форму философскихъ и научныхъ системъ, и почему, съ другой стороны, наука одно время считала возможнымъ упразднить религію и занять ея мѣсто. Будучи несоизмѣримы и отвѣчая различнымъ потребностямъ, религія и наука, вслѣдствіе незнанія и недоразумѣній, становились на одну почву, считали подлежащими своему вѣдѣнію одни и тѣ же явленія, воображали, что могутъ располагать одними и тѣми же средствами дѣйствія. Неправильная постановка взаимныхъ отношеній религіи и науки неизбѣжно повлекла за собою ихъ столкновеніе и вражду. Ставъ на одну доску, каждая естественно стремилась къ исключительному господству надъ умами и старалась вытѣснить соперницу. Сначала религія держала науку въ цѣпяхъ, потомъ наука отбросила религію. Ни то, ни другое не рѣшило вопроса, и результатомъ вѣковой борьбы было истощеніе силъ и глубокое разочарованіе. Но теперешняя половинчатость, парализующая самую жизнь, не можетъ быть послѣднимъ словомъ. Въ продолженіе вѣковой борьбы люди многому научились и многое поняли, чего прежде не знали и не понимали. Рано или поздно, они должны придти къ убѣжденію, что извѣстная односторонность свойственна обоимъ направленіямъ по ихъ различному назначенію; но она не можетъ и не должна вызывать непріязни между ними, такъ какъ оба равносильны и отвѣчаютъ насущнымъ и неотложнымъ потребностямъ человѣческой природы. Пока міръ стоитъ, всегда будутъ люди различнаго строя и стремленій: одни болѣе склонные къ внутренней душевной жизни и нравственному личному совершенствованію, другіе—къ внѣшней дѣятельности и объективному мышленію. Согласно съ такими различными расположеніями, въ однихъ сложится болѣе или

менѣе религіозное, въ другихъ болѣе или менѣе объективное міросозерцаніе. Возражать противъ того и другого съ общей отвлеченной точки зрѣнія, конечно, можно; но, зная источники обоихъ, ихъ сильныя и слабыя стороны, мы будемъ осторожно касаться послѣднихъ, отнесемся къ нимъ снисходительно, вполнѣ оцѣнимъ первыя и отдадимъ имъ должную справедливость. Такъ на самомъ дѣлѣ и бываетъ обыкновенно въ жизни. Кто же не питаетъ глубокаго уваженія къ лицамъ, которыхъ образа мыслей не раздѣляетъ, за ихъ высокій нравственный характеръ, и наоборотъ, не чувствуетъ отвращенія и презрѣнія къ негодямъ, съ которыми сходится въ иныхъ взглядахъ? Мы, конечно, разумѣемъ не личныя симпатіи и антипатіи, которыя часто бываютъ дѣломъ личнаго вкуса и разныхъ случайныхъ причинъ, а оцѣнку личнаго характера. То, что̀ теперь есть дѣло неосмысленнаго чутья, должно быть возведено въ принципъ, въ постоянное правило. Нельзя, не нарушая самыхъ элементарныхъ понятій о справедливости, топтать въ душѣ ногами то, на чемъ человѣкъ построилъ высокія правила нравственной личности, во имя чего онъ выработалъ и воспиталъ себя въ строгомъ неуклонномъ выполненіи этихъ правилъ. Точно также невозможно обвинять или подозрѣвать человѣка въ безнравственности или испорченности за то только, что онъ въ своихъ выводахъ и заключеніяхъ остается равнодушнымъ къ непосредственнымъ ощущеніямъ и смотритъ на все съ одной объективной точки зрѣнія. Уклоненіе отъ этихъ правилъ одинаково пагубно для людей и ихъ развитія. Оба направленія даны человѣческой природой, и только при совокупномъ и одновременномъ ихъ дѣйствіи и вліяніи друга на друга ведутъ къ созданію возможно полной гармонической жизни. Перенося нравственныя стремленія и требованія изъ внутренней психической жизни въ міръ объективныхъ явленій и наоборотъ, подводя первыя подъ условія и мѣрило послѣднихъ, мы спутываемъ понятія, перемѣшиваемъ то, что̀ не имѣетъ между собою общаго, и вмѣсто гармоніи водворяемъ нескончаемую вражду и хаосъ.

—

Область права и соціальныхъ отношеній такъ же мало отграничена отъ этики, какъ и область вѣроученія, но совсѣмъ по другимъ причинамъ. Предметъ религіи и научной этики одинъ и тотъ же—душевная жизнь людей и нравственные идеалы; только пути и подходы къ нимъ въ вѣроученіи и этикѣ различны. Соціальныя науки имѣютъ съ этикой разные предметы, но стремятся, какъ и вѣроученіе, къ одной съ нею цѣли.

Выше мы видѣли, что предметъ этики—внутреннія душевныя движенія и дѣятельность людей, а предметъ права и соціальныхъ ученій—внѣшнія отношенія людей въ составѣ организованнаго сожительства. По такимъ яснымъ и осязательнымъ признакамъ разграничить этику отъ соціальныхъ наукъ, казалось бы, гораздо легче и проще, чѣмъ отъ вѣроученія, отношенія къ которому, вдобавокъ, еще осложнены обстоятельствами историческаго развитія и фазисами, черезъ которые проходила человѣческая мысль. Отчего же, несмотря на то, взаимныя отношенія этики и соціальныхъ наукъ являются такими запутанными и сбивчивыми? Объясненія слѣдуетъ искать въ пріемахъ отвлеченной логики и въ чрезмѣрномъ преобладаніи объективнаго міровоззрѣнія. То и другое затемнило этику и исказило, до неузнаваемости, дѣйствительный смыслъ и значеніе правовыхъ и соціальныхъ отношеній.

Право въ смыслѣ нормы правовыхъ порядковъ и соціальныя учрежденія суть, несомнѣнно, явленія объективнаго характера. Они—естественный и необходимый результатъ и вмѣстѣ принадлежность организованнаго сожительства людей. Существенными его условіями являются извѣстный, правильный порядокъ, организація, обезпечивающая каждому неприкосновенность и свободу дѣйствій—и удовлетвореніе общихъ потребностей. Все это ставитъ всѣмъ людямъ вообще и каждому члену общежитія въ особенности извѣстныя границы, которыя ихъ стѣсняютъ и налагаютъ на нихъ извѣстныя обязанности. То же самое видимъ и у другихъ существъ, живущихъ группами; но болѣе развитая психическая жизнь и сознаніе, которыя выражаются въ своеобразныхъ явленіяхъ жизни и дѣятельности человѣка, придаютъ особенныя черты отношеніямъ, возникающимъ изъ сожительства людей. Эти отношенія возводятся сознаніемъ въ принципы, становятся руководящими правилами поступковъ и постепенно измѣняются, развиваются и совершенствуются, вмѣстѣ съ развитіемъ и измѣненіемъ самыхъ людей. Поднятыя мышленіемъ до высшей степени обобщенія, они об-

ращаются въ отвлеченную идею права. Правовыя отношенія, послужившія ей основаніемъ и матеріаломъ, представляются уму ея осуществленіемъ или воплощеніемъ.

Такой же трансформаціи, благодаря преобладающему объективному міровоззрѣнію, подверглась и нравственность. На нее, играющую роль регулятора душевныхъ движеній и дѣятельности, начали смотрѣть, какъ на обязательное правило для извѣстнаго рода внѣшнихъ поступковъ, т.-е. превратили ее въ отдѣлъ или отрасль права. Оставалось опредѣлить, какіе же именно внѣшніе поступки относятся къ области права, какіе къ области нравственности? Надъ этой неблагодарной и невозможной задачей потрачено много труда, ума и учености совершенно понапрасну. Она такъ и осталась неразрѣшенной; но смыслъ и значеніе нравственности были, вслѣдствіе такой ошибки, совершенно искажены и утрачены.

Къ смѣшенію понятій, которое отсюда произошло, прибавился еще и ошибочный взглядъ на характеристическія особенности, свойства и принадлежности правовыхъ отношеній,—взглядъ, корни котораго скрываются глубоко въ исторіи образованія и развитія науки права. Мы невольно и безсознательно смѣшиваемъ право съ положительнымъ закономъ и свойственными ему способами осуществленія своего авторитета и власти въ обществѣ и государствѣ. Благодаря этой ошибкѣ, мы переносимъ на всѣ виды правовыхъ отношеній то, что̀ составляетъ лишь особенность нѣкоторыхъ изъ нихъ, и, вслѣдствіе того, не замѣчаемъ правовыхъ отношеній тамъ, гдѣ они, на самомъ дѣлѣ, существуютъ. Подъ правомъ подразумѣваются обыкновенно общія начала, извлеченныя изъ постановленій, изданныхъ законодательною или высшей административной властью, огражденныя судомъ и карательными мѣрами, или изъ законовъ, установленныхъ обычаемъ, но такого же характера и съ такою же обстановкой, или, наконецъ, изъ обязательныхъ правилъ, изданныхъ, съ согласія и иногда утвержденія законодательной или административной власти. Вслѣдствіе того, сложился взглядъ, что то только и относится къ области права, что̀ охраняется судомъ и наказаніемъ. Но ограничивать, такимъ образомъ, область правовыхъ отношеній, значитъ перемѣшать видовое понятіе съ родовымъ и безъ причины съузить предметъ. Все что̀ опредѣляетъ внѣшнія отношенія людей и установляетъ правила и способы такихъ отношеній, должно быть отнесено къ сферѣ права, хотя бы соблюденіе ихъ и не было обезпечено правильно организованнымъ судомъ и опредѣленными наказаніями. Въ этомъ смыслѣ, къ области права должны быть отнесены и такъ называемые общественные нравы и свѣтскія приличія и правила, принятыя, безъ предварительнаго соглашенія, въ разныхъ кружка̀хъ, хотя бы относились лишь къ пріятельской бесѣдѣ, игрѣ или вообще къ пріятному препровожденію времени. Всякій, не будучи тонкимъ наблюдателемъ, легко замѣтитъ, что и эти правила, возникающія и измѣняющіяся какъ-то сами собою, имѣютъ большую власть надъ людьми, что ихъ нарушенія изслѣдуются и обсуждаются весьма строго и влекутъ за собою наказанія своего рода, иногда болѣе чувствительныя нежели опредѣляемыя правильнымъ судомъ. Чѣмъ же отличаются такого рода правила, по существу, отъ тѣхъ, которыя считаются правовыми? Только способомъ и формами установленія, изслѣдованія, обсужденія и наказанія. Опуская это изъ виду, мы не знаемъ, куда причислить отношенія, не подходящія подъ мѣрку такъ называемыхъ правовыхъ; въ нашихъ понятіяхъ они сливаются съ нравственными, съ которыми, на самомъ дѣлѣ, не имѣютъ ничего общаго. Чтобъ разобраться въ хаосѣ, созданномъ пріемами отвлеченной логики, крайностями и односторонностью объективной точки зрѣнія и обветшалыми научными преданіями, надо обратиться къ дѣйствительнымъ, живымъ явленіямъ и попытаться, при ихъ помощи, опредѣлить роль и значеніе права и нравственности и ихъ взаимныя отношенія.

Мы знаемъ, что этика имѣетъ задачею дать душевнымъ движеніямъ и внутренней дѣятельности лица извѣстное направленіе, которое и опредѣляется идеалами, названными нами субъективными. Право и соціальныя науки, напротивъ того, опредѣляютъ начала и правила, по которымъ должны быть устроены внѣшнія отношенія людей въ организованномъ сожительствѣ. Соприкосновеніе и тѣсная связь между этикой, правомъ и соціальными науками вытекаютъ изъ того, что всѣ они опредѣляютъ жизнь и дѣятельность человѣка, но только съ различныхъ сторонъ и подъ различнымъ угломъ зрѣнія. Этика имѣетъ въ виду индивидуальное лицо и нор-

мальныя условія его душевныхъ состояній; внѣшніе поступки людей входятъ въ кругъ ея задачъ только въ той мѣрѣ, какъ они отражаютъ на себѣ душевныя состоянія и факты душевной дѣятельности. Право и соціальныя науки занимаются положеніемъ и дѣятельностью людей въ составѣ общежитія и условіями, при которыхъ послѣднее можетъ быть устроено правильнымъ образомъ; внутренняя душевная жизнь принимается правомъ и соціальными науками въ соображеніе лишь настолько, насколько она имѣетъ или можетъ имѣть вліяніе на внѣшній бытъ и внѣшнія отношенія людей въ обществѣ. Многіе думаютъ, что предметы и задачи этики и права тождественны; только этика разсматриваетъ ихъ съ внутренней, субъективной, а право и соціальныя науки —съ внѣшней, объективной стороны. Но это не совсѣмъ такъ. Этика, правда, даетъ руководящія начала для взаимныхъ отношеній людей, но лишь съ точки зрѣнія личной, душевной жизни и дѣятельности; главная же ея задача—указать индивидуальному лицу путь нормальнаго духовнаго развитія и совершенствованія. Право и соціальныя науки, съ своей стороны, принимаютъ въ соображеніе нравственную сторону отношеній между людьми; но главная ихъ цѣль— устроить правильное общежитіе, опредѣлить и создать условія, которыя ему благопріятствуютъ. Потому-то въ кругъ права и соціальныхъ наукъ входитъ множество предметовъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ задачамъ этики или имѣющихъ съ ними очень далекія и слабыя связи. То же самое должно сказать и объ этикѣ.

Есть также мнѣніе—и оно очень распространено въ наше время—будто единственное назначеніе общежитія есть, въ концѣ-концовъ, благо отдѣльныхъ лицъ. Въ такомъ взглядѣ есть большая доля правды, но и нѣкоторое преувеличеніе и крайность. Общество состоитъ изъ индивидуальныхъ лицъ, которыя, чрезъ общеніе между собою, вмѣстѣ, совокупными силами, достигаютъ цѣлей, полезныхъ для каждаго человѣка въ отдѣльности. Но это справедливо лишь въ общемъ смыслѣ и никакъ не примѣнимо къ каждому отдѣльному лицу и данному единичному случаю. Правильное общежитіе, доставляя людямъ множество благъ, матеріальныхъ и духовныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ограничиваетъ каждаго человѣка, налагаетъ на него обязанности, подвергаетъ его лишеніямъ и жертвамъ, нерѣдко самымъ тяжелымъ. Поэтому нельзя непремѣнно требовать отъ общежитія блага для каждаго отдѣльнаго лица, тѣмъ болѣе, что представленія о благѣ чрезвычайно различны и каждый понимаетъ его по своему. Сожительство людей, представляя равнодѣйствующую всѣхъ соціальныхъ элементовъ, имѣетъ, по необходимости, свои условія и законы, задачи и цѣли, которыхъ никакъ нельзя и не должно смѣшивать съ условіями и законами, задачами и цѣлями индивидуальныхъ лицъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что этика, право и соціальныя науки, составляя особыя, независимыя области, въ то же время, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, соприкасаются между собою, вплетаются взаимно и, вслѣдствіе того, дѣйствуютъ и вліяютъ другъ на друга. Остается разсмотрѣть ихъ взаимныя отношенія, насколько разныя эти области между собою соприкасаются.

Когда нравственные идеалы и начала права и соціальныхъ наукъ правильно поставлены, они дополняютъ и поддерживаютъ другъ друга. Нравственно развитый человѣкъ есть наилучшій изъ гражданъ, членовъ организованнаго общежитія, потому что, по внутреннему убѣжденію, исполняетъ обязанности и приноситъ жертвы, необходимыя для правильнаго сожительства людей. Точно также и правовой порядокъ работаетъ въ руку нравственному развитію, сдерживая внѣшними мѣрами принужденіемъ и карами хотя бы только внѣшнія проявленія безнравственности, и тѣмъ внѣдряя добрыя привычки и нравы въ большинствѣ колеблющихся, шаткихъ, слабыхъ и увлекающихся людей. Этимъ подготовляется и значительно облегчается нравственное развитіе, такъ какъ, въ глазахъ большинства, практическая полезность всегда была, есть и будетъ мѣриломъ достоинства и правильности отвлеченныхъ началъ и идеаловъ.

Если дѣйствительность не подтверждаетъ правильности такого взгляда, то въ этомъ виноватъ не онъ, а превратныя понятія о нравственности и правѣ, и хаосъ въ нашихъ воззрѣніяхъ, въ которомъ все получаетъ извращенный видъ. Не умѣя различить и разграничить точными чертами нравственный и правовой порядокъ, мы перемѣшиваемъ идеалы субъективные съ объективными, переносимъ правовыя отношенія въ область

нравственности, а нравственныя требованія—въ область права, обращаемся къ той и другой области съ вопросами и задачами, которыхъ она рѣшить не можетъ, и, не находя на нихъ отвѣта, запутываемся. Погруженные исключительно въ объективный міръ и преслѣдуя только объективные идеалы, люди нашего времени утратили смыслъ къ нравственнымъ явленіямъ и требованіямъ. Правовыя и соціальныя формы возведены въ самостоятельный міръ, отрѣшенный отъ дѣйствительныхъ явленій и фактовъ, изъ которыхъ возникъ, и, утративъ съ ними живую связь, обратился въ какую-то чуждую имъ силу, которая безучастно тяготѣетъ надъ людьми; этой силѣ почему-то приписывается власть упразднить нравственные идеалы и водворить благосостояніе и счастіе людей на землѣ. Ослѣпленные безграничнымъ довѣріемъ къ всемогуществу объективныхъ формулъ и идеаловъ, мы совсѣмъ забыли, что правовой и соціальный порядокъ относится только къ внѣшней сторонѣ дѣятельности людей и не проникаетъ далѣе; что за этою внѣшнею стороною есть еще внутренняя жизнь, которая можетъ расходиться и часто расходится съ внѣшнею; что на послѣдней можно построить крѣпкое и прочное зданіе общественности только подъ условіемъ, что она поддержана внутреннимъ убѣжденіемъ, а безъ такой поддержки общественность становится шаткой, колеблющейся и призрачной. Чему же удивляться, что нравственность и право представляются намъ какъ двѣ враждебныя силы, взаимно исключающія одна другую; что право и соціальные порядки, въ глазахъ ихъ исполнителей и органовъ, являются не средствомъ водворенія справедливости и общественной пользы, а механизмомъ, приводимымъ въ движеніе исполненіемъ извѣстныхъ формальностей, въ глазахъ же руководителей—орудіемъ для осуществленія взглядовъ, программъ и цѣлей; что нравственность забыта, перешла въ дѣтскія прописи, гдѣ только еще и считается полезной, а между взрослыми преобразилась въ политическіе и соціальные идеалы и раздѣляетъ, смотря по обстоятельствамъ, ихъ блестящую или горькую судьбу? Ничего другого и не могла породить современная путаница понятій, которая уже привела къ утратѣ нравственныхъ идеаловъ, а за ними должна послѣдовательно привести и къ упадку правовыхъ и соціальныхъ порядковъ.

Намъ остается еще показать отношенія этики къ міру изящнаго искусства и художественнаго творчества. Что такія отношенія существуютъ и что они весьма близки—это доказывается глубокимъ отчужденіемъ и враждебностью первоначальныхъ христіанъ къ греко-римскому искусству, глубокимъ различіемъ художественнаго творчества древнихъ и новыхъ христіанскихъ народовъ, наконецъ, давно уже подмѣченнымъ упадкомъ художественнаго творчества вмѣстѣ съ упадкомъ нравственныхъ идеаловъ. Но въ чемъ заключается тѣсная связь нравственности съ областью искусства—это еще не выяснено. Наше время особенно благопріятно для изученія этого вопроса, потому что представляетъ обильный и богатый матеріалъ для наблюденій и изслѣдованій. Никогда еще художественное творчество, во всѣхъ его отрасляхъ и видахъ, не располагало такими громадными средствами, никогда прежде художественная техника не достигала до такого совершенства, какъ въ наше время; а между тѣмъ, со всѣхъ сторонъ слышатся въ публикѣ и между компетентными знатоками и судьями жалобы, что творчество въ области изящнаго искусства изсякаетъ и мельчаетъ. Присматриваясь внимательно, нельзя не замѣтить существенной перемѣны и въ отношеніяхъ публики къ художественнымъ произведеніямъ. Интересъ къ нимъ весьма великъ, гораздо больше, чѣмъ когда-либо прежде; но вмѣсто наслажденія и восторга, художественныя произведенія вызываютъ оцѣнку и критику, сужденіе, а не непосредственное ощущеніе; опредѣленіе техническихъ достоинствъ и недостатковъ играетъ первенствующую роль; въ удовольствіи, какое намъ доставляетъ художественное произведеніе, чуть ли не самое видное мѣсто занимаетъ чувство удовлетворенія, производимое совершенствомъ художественной формы. Словомъ, въ области изящнаго искусства, какъ и во всемъ остальномъ, объективное отношеніе выдается впередъ, оттѣсняя субъективное на второй планъ. Умъ удовлетворенъ, а чувство и воля не возбуждаются. Цѣльнаго дѣйствія на человѣка предметы художественнаго творчества не производятъ въ наши дни, и потому оно скользитъ по душѣ, не оставляя глубокихъ слѣдовъ. Великое воспитательное значеніе изящнаго искусства померкло; художественныя произведенія стали принадлежностью, украшеніемъ и пріятнымъ развлеченіемъ ежедневнаго быта, предметами ком-

форта, роскоши и моды. Многіе, не отдавая себѣ отчета въ дѣйствительныхъ причинахъ ослабленія художественнаго творчества и упадка живого чувства къ изящному, приписываютъ ихъ выбору художниками темъ и сюжетовъ художественныхъ произведеній, и упрекаютъ художниковъ, зачѣмъ они трактуютъ одни реальные, а не идеальные предметы. Неудачныя попытки обратиться къ идеальнымъ темамъ—лучшій отвѣтъ на такіе незаслуженные упреки. Дѣло вовсе не въ сюжетахъ и темахъ, а въ другомъ, о чемъ мы не даемъ себѣ труда подумать,—именно въ одностороннемъ, исключительномъ развитіи объективнаго міросозерцанія, въ преувеличенномъ, чрезмѣрномъ довѣріи къ объективной точкѣ зрѣнія. Чтобы пояснить нашу мысль, необходимо напомнить читателямъ нѣкоторыя общеизвѣстныя истины изъ области изящнаго искусства и художественнаго творчества.

Прежде всего, различимъ съ возможною строгостью и точностью художественное ощущеніе отъ художественнаго творчества. Ихъ нельзя и не должно смѣшивать.

Художественное ощущеніе есть сложный продуктъ сознательнаго и созерцательнаго отношенія къ предмету и тѣхъ чувствъ, какія возбуждаетъ въ душѣ такое отношеніе.

О сознаніи мы уже говорили. Оно выше знанія. Предметы знаютъ и животныя, но безсознательно; и у человѣка много такихъ знаній. Сознаніе состоитъ въ томъ, что мы отдаемъ себѣ отчетъ въ нашемъ знаніи предмета, и тѣмъ преобразуемъ это знаніе въ новый предметъ, другими словами, идеализируемъ его, подымаемъ на степень выше. Ребенокъ хорошо знаетъ множество предметовъ, съ которыми освоился, но не знаетъ того, что ихъ знаетъ. Толковое чтеніе развиваетъ въ немъ мало-по-малу сознательное къ нимъ отношеніе. Художественное отношеніе предполагаетъ такую первую идеализацію предмета чрезъ сознаніе.

Кромѣ сознанія, въ художественное ощущеніе входитъ созерцательное, а не дѣятельное отношеніе къ предмему. Дѣятельность, какова бы она ни была, предполагаетъ извѣстную цѣль, намѣреніе. Приспособляя предметъ къ себѣ или прилаживаясь къ нему, мы относимся къ нему дѣятельно—теоретически или практически—все равно. Созерцаніе исключаетъ всякую другую дѣятельность и цѣль, кромѣ сознательнаго восприятія впечатлѣнія. Въ этомъ и состоитъ идеальный характеръ художественнаго отношенія къ предмету.

Наконецъ, въ составъ художественнаго ощущенія входитъ чувство, вызываемое сознательнымъ созерцаніемъ,—чувство, еще не перешедшее въ мотивъ дѣятельности и не успѣвшее преобразоваться, по законамъ ассоціаціи, въ другое чувство, менѣе общее, идеальное, болѣе индивидуальное, личное.

Идеальное чувство, вызванное сознательнымъ созерцаніемъ и не перешедшее въ желаніе или другія ощущенія, мы называемъ чувствомъ красоты. Оно бываетъ весьма различно, смотря по человѣку и его душевному строю. Многіе его вовсе лишены, потому что сознательное созерцаніе не возбуждаетъ въ нихъ чувства; во многихъ чувство красоты остается неразвитымъ, по недостатку вниманія и сосредоточенности, или по неумѣнію воспринимать впечатлѣнія, такъ какъ и это требуетъ навыка и частаго обращенія съ предметами художественнаго созерцанія. Много было попытокъ открыть объективныя основанія чувства красоты, но онѣ не привели къ положительнымъ результатамъ. Источники этого чувства, какъ и мышленія, и дѣятельности человѣка, скрыты въ особенностяхъ человѣческой природы. Характеръ объективности придаетъ имъ только одинаковость психической природы у огромнаго большинства людей.

Совсѣмъ другое представляетъ художественное творчество. Оно есть такое сочетаніе внѣшнихъ фактовъ, которое возбуждаетъ въ людяхъ художественное ощущеніе. Художественное творчество есть актъ чрезвычайно сложный, гораздо болѣе сложный, чѣмъ художественное ощущеніе, и вполнѣ принадлежитъ къ сферѣ объективной дѣятельности. Источникъ его тоже скрывается въ нашей душѣ, въ художественномъ ощущеніи: человѣкъ, неспособный къ такому ощущенію, не способенъ и къ художественному творчеству, потому что не можетъ составить себѣ понятія объ ощущеніи, производимомъ тѣмъ или другимъ сочетаніемъ внѣшнихъ фактовъ. Но чувство красоты служитъ художественному творчеству только точкой отправленія; все остальное въ немъ относится къ объективной дѣятельности и выводитъ художника изъ міра внутреннихъ психическихъ движеній въ область внѣшней дѣятельности. Художественное произведеніе предполагаетъ въ худож-

никѣ знаніе того, что̀ производитъ художественное ощущеніе, и умѣнье такъ сочетать внѣшнія данныя, чтобы они производили такое ощущеніе. Шопенгауэръ, съ этой точки зрѣнія, вполнѣ правъ, относя изящное искусство къ теоретической дѣятельности человѣка. Подобно врачу, государственному человѣку, ученому, художникъ долженъ, во время творчества, подавить въ себѣ личныя чувства и волненія, чтобы вполнѣ отдаться творческой дѣятельности, обусловленной объективнымъ знаніемъ и практическимъ умѣньемъ.

Что касается художественныхъ произведеній, то они носятъ на себѣ всѣ признаки, свойственные вообще созданіямъ объективной дѣятельности человѣка, но кромѣ того, имѣютъ и свои особенные, зависящіе отъ того, что̀ вызываетъ человѣка на художественное творчество и что̀ имъ выражается. Приспособляя къ себѣ природу и прилаживаясь къ ней, человѣкъ создаетъ массу предметовъ и явленій, разсчитанныхъ на удовлетвореніе разныхъ его матеріальныхъ потребностей. Творчество, вызываемое потребностью знанія, уже имѣетъ болѣе отвлеченный, идеальный характеръ, въ томъ смыслѣ, что полезность и пригодность создаваемыхъ имъ предметовъ и явленій объясняется только научными цѣлями. Художественныя произведенія выражаютъ во внѣшнихъ явленіяхъ душевныя настроенія и чувства художника, вызываемыя въ немъ сознательнымъ созерцаніемъ не только внѣшнихъ предметовъ и явленій, но и событій и фактовъ его душевной жизни. Изъ всѣхъ видовъ объективной дѣятельности, художественное творчество есть поэтому самое отвлеченное, самое идеальное; художественныя произведенія, изъ всѣхъ созданій человѣка, всего менѣе отвѣчаютъ цѣлямъ непосредственной полезности, и всего менѣе связаны условіями дѣйствительности,—гораздо менѣе произведеній практическаго и даже научнаго творчества. Истина и правда художественныхъ созданій заключается не въ соотвѣтствіи съ дѣйствительно существующимъ оригиналомъ (музыкальныя и архитектурныя созданія почти никогда его и не имѣютъ), а въ полномъ и точномъ выраженіи чувства или ощущенія художника. Геніальными и великими признаются художественныя созданія наиболѣе объективныя, т.-е. тѣ, въ которыхъ художникъ воспроизвелъ, съ возможнымъ совершенствомъ и полнотою, ощущенія, раздѣляемыя, при созерцаніи его произведенія, огромнымъ большинствомъ людей разныхъ эпохъ, народностей и воззрѣній.

Сказаннаго, мы думаемъ, достаточно для опредѣленія взаимныхъ отношеній этики и міра изящнаго искусства. Оно является однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ для воспитанія, т.-е. возбужденія, развитія и укрѣпленія въ человѣкѣ чувствъ и ощущеній въ извѣстномъ направленіи. Художественныя созданія, въ этомъ смыслѣ, незамѣнимы ничѣмъ, такъ какъ они даютъ возможность вызывать въ душѣ самыя разнообразныя ощущенія, и слѣд. отъ такого или другого подбора произведеній искусства въ значительной степени зависитъ строй душевныхъ ощущеній, привычка чувствовать такъ или иначе, играющая такую важную и рѣшительную роль въ нашихъ желаніяхъ и мотивахъ дѣятельности. Не даромъ изящное искусство, въ развитіи человѣческаго рода, всегда находилось въ тѣсной связи съ религіей; не даромъ подъемъ нравственной жизни и нравственныхъ идеаловъ всегда вызывалъ подъемъ изящнаго искусства и художественнаго творчества, и наоборотъ: за упадкомъ этической стороны шли по стопамъ порча вкуса и смысла къ изящному и увяданіе творчества. Подводнымъ камнемъ, о который разбивались и этика, и искусство, вездѣ и всегда было перенесеніе центра тяжести изъ человѣка и его душевной жизни въ міръ объективныхъ явленій, которыя сами по себѣ, взятыя отдѣльно отъ человѣка, его интересовъ, задачъ и цѣлей, ни худы, ни хороши, и совершаются, при данныхъ условіяхъ и обстановкѣ, съ роковою необходимостью. Въ объективномъ мірѣ, взятомъ отдѣльно отъ человѣка, нѣтъ ни субъективныхъ, ни объективныхъ идеаловъ, и потому въ немъ нѣтъ условій для развитія нравственности и искусства; вотъ почему они и замираютъ, по мѣрѣ того, какъ человѣкъ начинаетъ искать твердой точки опоры не въ себѣ, не въ своей психической жизни, а въ окружающемъ и обстановкѣ, въ условіяхъ своего существованія, и изъ властелина ихъ становится ихъ рабомъ и игралищемъ. Такой переходъ совершается въ исторіи не вдругъ и сначала незамѣтно. Долго люди продолжаютъ еще жить преданіями и привычками предшествующей эпохи, когда центръ тяжести находился въ самомъ человѣкѣ, а не внѣ его. Лишь постепенно идеалы субъективные угасали и вытѣснялись объективными. Эта новая фаза вездѣ заявляла

себя блистательнымъ развитіемъ общественныхъ учрежденій, соціальнаго быта и художественныхъ формъ; но потомъ и онѣ медленно увядаютъ, какъ цвѣтокъ, у котораго подрѣзаны корни.

Мы живемъ въ одну изъ такихъ эпохъ упадка; но она далеко не такъ безнадежна, какими могли казаться современникамъ прежнія, подобныя нашей. Знаніе и опытъ, накопленные вѣками, ярче чѣмъ когда-либо освѣщаютъ путь, по которому намъ слѣдуетъ идти, и на который, волей-неволей, направляетъ насъ весь ходъ исторіи. Путь этотъ—развитіе и укрѣпленіе нравственной личности, нравственнаго характера людей. По этому пути мы можемъ теперь идти не ощупью, какъ шли прежніе люди, а прямо, смѣло, вполнѣ сознательно. Все остальное, чего мы такъ ищемъ и не находимъ, придетъ какъ естественное, необходимое послѣдствіе нравственной возмужалости и крѣпости.

VIII.

Мы старались объяснить въ настоящемъ этюдѣ возможность и необходимость этики, основанной на началахъ науки, и представили общій ея очеркъ. Во всякой работѣ такого рода, особливо, когда идетъ рѣчь о предметѣ такомъ сложномъ, спорномъ и трудномъ какъ нравственность, важны не столько выводы и заключенія, сколько критика и постановка вопроса; они—необходимая предпосылка, отъ которой зависитъ все дальнѣйшее. Вотъ почему мы намѣрены, въ заключеніе, чтобы облегчить читателей, представить, въ связномъ изложеніи, что побудило насъ въ теченіе многихъ лѣтъ думать о задачахъ этики и какъ мы пришли къ теперешнимъ нашимъ взглядамъ на ученіе о нравственности.

Всѣ, въ Европѣ и у насъ, жалуются на пустоту и безцѣльность жизни. Она изсякаетъ, цвѣтъ ея поблекъ, она не даетъ человѣку никакихъ радостей,—вотъ что слышится отовсюду, на разные лады и во всевозможныхъ варіяціяхъ. А отъ чего это? Оттого, что нѣтъ идеаловъ, или они недостижимы.

Отвѣтъ совершенно вѣрно указываетъ на причину страданій и отчаянія современнаго человѣка. Пока люди имѣли идеалы и надѣялись видѣть ихъ осуществленными, они не жаловались на то, что жизнь не имѣетъ смысла, бодро и радостно жили для нихъ, мужественно перенося всякія страданія и лишенія, которыхъ прежде было не меньше, чѣмъ теперь. Вѣра и надежда служили имъ твердой опорой и поддержкой. Въ наше время вѣра въ идеалы и надежда ихъ достигнуть исчезли, а съ ними и бодрость духа. Унылие и безсиліе овладѣли нами, и жизнь опостылѣла.

Значитъ, вся сила въ идеалахъ и въ томъ, что мы въ нихъ горячо вѣримъ и глубоко убѣждены, что они могутъ быть достигнуты и осуществлены.

Но идеалъ идеалу рознь, и каждый понимаетъ его по своему. Мы часто называемъ идеалами то, о чемъ только праздно мечтаемъ и фантазируемъ, не давая себѣ труда палецъ-о-палецъ ударить, чтобы ихъ достигнуть или осуществить. Это не идеалы, а мечты и фантазіи, предметы представленія, чувства, пожалуй, желаній; но если они не вызываютъ насъ къ дѣятельности, то и не могутъ быть названы идеалами.

Есть идеалы чисто личные—разбогатѣть, вступить въ бракъ съ тѣмъ или другимъ лицомъ, по склонности или изъ какихъ-нибудь разсчетовъ и выгодъ, добиться того или другого положенія между людьми, извѣстности, славы, почета, сохранить свое здоровье и т. п. Каждый человѣкъ ихъ имѣетъ и преслѣдуетъ какъ знаетъ и можетъ. Общаго интереса они не представляютъ, развѣ какъ матеріалъ для науки и сюжетъ для произведеній искусства.

Но есть идеалы болѣе общіе и отвлеченные. Такими являются тѣ, которые имѣютъ предметомъ не особенное личное благо индивидуальнаго лица, а идеальныя задачи и цѣли, въ которыхъ единичное, индивидуальное отходитъ на второй планъ и стушевывается. Въ основаніи стремленій къ личному совершенствованію, или къ разрѣшенію какихъ-нибудь задачъ, теоретическихъ или практическихъ, лежатъ такого рода идеалы. Высшей степени обобщенія и отвлеченія достигаютъ они въ религіи, чистой наукѣ и изящномъ искусствѣ. Религія ставитъ высшіе идеалы внутренней душевной жизни и дѣятельности, чистая наука — высшіе идеалы объективнаго знанія; область изящнаго представляетъ въ художественномъ ощущеніи высшее обобщеніе и отвлеченіе чувства, а въ художественномъ творчествѣ — высшую ступень теоретической дѣятельности, направлен-

ной къ воспроизведенію художественнаго ощущенія.

Современный человѣкъ извѣрился въ общіе и отвлеченные идеалы. Въ удѣлъ ему остались одни личные, индивидуальные; но ими онъ не можетъ удовлетвориться и глубоко страдаетъ.

Какъ и почему это сдѣлалось?

Отвѣтомъ служитъ исторія новыхъ христіанскихъ народовъ, въ которой повторилось, въ громадныхъ размѣрахъ, и при совершенно иныхъ условіяхъ, то, что̀ происходило и въ древнемъ мірѣ. Въ ней мы можемъ прослѣдить шагъ за шагомъ, въ мельчайшихъ подробностяхъ, не только ходъ постепеннаго развитія высшихъ идеаловъ, отъ ихъ перваго появленія, до разложенія и упадка, но и движущія пружины, толкавшія людей на этомъ пути отъ одного шага къ другому.

Христіанство дало новымъ народамъ высшіе нравственные идеалы готовыми, какъ руководство для жизни и дѣятельности. Люди стали объ нихъ думать и разсуждать, обратили предметъ вѣры въ предметъ знанія. Но жить и знать не одно и то же. Рядомъ съ христіанскою жизнью появилась наука.

Она была, впрочемъ, вызвана не однимъ перенесеніемъ христіанскаго ученія въ область знанія. Кромѣ личной, внутренней, душевной жизни, человѣкъ живетъ и внѣшней. Онъ поставленъ посреди природы, самъ носитъ ее въ себѣ, въ своемъ тѣлѣ и его потребностяхъ, и обращается съ другими людьми, съ которыми связанъ кровью, личными отношеніями и общими интересами, отъ дня рожденія до гробовой доски. Чтобы найтись и устроиться въ этой внѣшней обстановкѣ, пришлось въ нее всмотрѣться и съ нею ознакомиться. Родились науки свѣтскія—юридическія и политическія, математика, естествознаніе.

Такъ появились, рядомъ съ интересами внутренней, духовной жизни, интересы внѣшніе. Тѣ и другіе начали сближаться и объединяться чрезъ знаніе на почвѣ науки. Она явилась, такимъ образомъ, нейтральной средой, судьей и посредникомъ между внутренней и внѣшней жизнью и дѣятельностью человѣка, росла, крѣпла, овладѣла мало-по-малу всей позиціей и все подчинила своей власти. Первымъ послѣдствіемъ такого значенія науки было ослабленіе довѣрія къ истинѣ, полученной помимо знанія. Она должна была предстать предъ ея судъ, пройти чрезъ ея критику, чтобы получить права̀ гражданства.

Что̀ дало наукѣ такое первенствующее положеніе, создало ей роль верховнаго трибунала истины?

Ея орудіе есть умъ, мышленіе. Сначала онъ считался единственнымъ источникомъ знанія. Его выводы и заключенія признавались за единственное и безусловное мѣрило истины. Логика и метафизика заняли между науками первое мѣсто.

Это было высшимъ торжествомъ мыслящей способности человѣка; но и съ нею произошло потомъ то же, что̀ съ развѣнчанной ею непосредственно данной истиной.

Сперва противъ безусловнаго авторитета разума и мышленія возстало опытное знаніе, которое доказало, что мышленіе, само по себѣ, безсильно и впадаетъ въ ошибки, что оно есть дѣйствительная сила и даетъ въ результатѣ истину только тогда, когда оперируетъ надъ данными,—явленіями, фактами. Отсюда пришли къ заключенію, что, для полученія истины, надо повѣрять выводы и заключенія ума наблюденіями, опытомъ.

Это былъ сильный ударъ, нанесенный авторитету ума. Онъ, привлекавшій все къ своему суду, самъ былъ призванъ къ суду фактовъ и опытныхъ наблюденій.

Съ этого времени всемогущество ума было поколеблено. Съ разныхъ сторонъ онъ началъ терпѣть пораженіе за пораженіемъ. Прежде всего отъ него отложились естественныя науки, потомъ психологія, право и науки соціальныя. Метафизика сошла со сцены и забыта. Наступаетъ пора критической переработки и логики по началамъ опытной психологіи.

Въ наше время, всемогущество разума и мышленія обратилось уже въ преданіе, которое скоро совсѣмъ забудется. Циклъ полнаго его развитія совершился и ему подводятся итоги. Выяснилось, что мышленіе не все для человѣка; что умъ есть одна изъ способностей психической человѣческой природы, мышленіе—одна изъ ея функцій; что рядомъ съ нею есть и другія, которыхъ она замѣнить не можетъ; что въ общей экономіи человѣческаго существованія она занимаетъ особое мѣсто, имѣетъ свое особое назначеніе, свой кругъ дѣйствія, свои сильныя и слабыя стороны.

Пока опытное знаніе доканчивало дѣло съ

безусловной властью мышленія и вытѣсняло ея слѣды изъ всѣхъ отраслей науки, казалось, будто возникаетъ новая сила, которая овладѣетъ умами и такъ же будетъ руководить ими, какъ прежде вѣра, потомъ чистый разумъ. Но скоро пришлось въ этомъ разубѣдиться. Опытное знаніе есть, по принципу, то же знаніе, какъ и прежнее, чисто логическое, метафизическое, выдававшее себя за обладателя безусловной истины,—но знаніе приближенное къ людямъ, менѣе отвлеченное, болѣе для нихъ полезное и практическое. И логическое, и опытное знанія одинаково объясняютъ общія условія и общіе законы бытія объективнаго міра. Противники знанія поняли это ихъ сродство, но не поняли того, что борьба опытнаго, индуктивнаго знанія съ логическимъ и метафизическимъ была междоусобіемъ и громаднымъ шагомъ впередъ къ развѣнчанію злѣйшаго ихъ врага—разума и мышленія, къ обращенію его изъ безапелляціоннаго судьи, безусловнаго распорядителя и устроителя человѣческихъ судебъ, въ одно изъ прирожденныхъ свойствъ человѣческой природы. Новаго руководящаго принципа опытное знаніе съ собою не несло и не поставило, но приблизивъ отвлеченное мышленіе къ дѣйствительному, живому человѣку, стало служить ему, удовлетворять его разнообразнымъ нуждамъ и потребностямъ и открыло широкую дверь развитію прикладныхъ наукъ, техники и техническаго искусства по всѣмъ отраслямъ, въ которыхъ прежде о раціональномъ примѣненіи знанія никто не думалъ и даже не смѣлъ мечтать.

Въ такихъ условіяхъ стоитъ человѣкъ у порога двадцатаго столѣтія. Они обрисовываютъ его положеніе и ближайшія задачи будущаго.

Обстановка человѣка посреди природы, благодаря знанію, въ особенности опытному, и развитію осмысленной техники, значительно улучшилась. Много остается еще работать въ этомъ направленіи, но путь и пріемы выяснены и установились окончательно.

Гораздо менѣе обозначилось положеніе человѣка между другими людьми, въ обществѣ, государствѣ и международныхъ отношеніяхъ. Съ этой стороны горизонтъ еще не расчистился, и призраки прошедшаго, старыя воспоминанія, отголоски громадныхъ катаклизмовъ, посреди которыхъ рушился прежній быть и зародился новый, продолжаютъ тревожитъ людей и тормазятъ правильное и мирное развитіе гражданственности. Но и въ эту область начинаетъ болѣе и болѣе проникать опытное знаніе, съ его объективными пріемами и индуктивнымъ методомъ. Оно, рано или поздно, внесетъ и сюда свѣтъ, уберетъ обломки, очиститъ почву, выяснитъ условія и законы нормальной жизни и развитія. Соціальныя науки еще въ зародышѣ, но ихъ развитіе стоитъ на первой очереди. Имъ открывается громадная и благодатная роль въ судьбахъ народовъ и всего человѣчества.

Въ самомъ неустроенномъ и безотрадномъ видѣ находится лишь внутренній міръ человѣка. Все вокругъ людей дѣлается, очевидно, для ихъ блага, все болѣе и болѣе направляется къ удовлетворенію ихъ нуждъ, потребностей и желаній. Отчего же самъ человѣкъ такъ нерадостенъ, такъ глубоко несчастливъ?

Отвѣтъ—въ цѣломъ ходѣ историческаго развитія. Посреди громаднаго движенія, наполнившаго міръ зрѣлищемъ небывалыхъ битвъ, побѣдъ и пораженій, единичный, индивидуальный человѣкъ былъ забытъ, оставленъ на произволъ судьбы и случайностей. Религія давала ему точку опоры, руководство въ жизни, утѣшеніе въ скорби и страданіяхъ; мышленіе, знаніе, отняли у него эту путеводную нить, тихое пристанище и, занявшись человѣкомъ вообще, бросили дѣйствительнаго, единичнаго, индивидуальнаго человѣка, сираго и немощнаго, посреди кипучаго омута жизни, безъ всякой поддержки. Идея человѣка, общее благо, поглотили все наше вниманіе, всѣ наши интересы; а къ дѣйствительному, живому, единичному человѣку мы безучастны и равнодушны.

Мысль и жизнь, наука, знаніе и дѣйствительность, общее и единичное, индивидуальное, объективное и субъективное, остались, послѣ побѣды знанія надъ вѣрой, раздѣленными такой же непереступаемой бездной, какъ и прежде. Но прежде мы и не обольщались надеждой открыть связующія ихъ звенья; мы вѣрили, что это тайна, непостижимая для ума. Умъ не останавливается передъ тайнами. Мы повѣрили ему, пошли путемъ знанія и опять остановились передъ той же самой тайной; но по ту сторону бездны, которая насъ останавливаетъ, находится не любящій, благой промыселъ, который о каждомъ изъ насъ заботится, каждаго

изъ насъ руководитъ и невѣдомыми намъ путями ведетъ къ блаженству и счастію, а безличная и безсердечная сила, страшная и чуждая намъ, которая, какъ колоссальный механизмъ, правильно, однообразно дѣйствуетъ по присущимъ ему законамъ, и безучастно, немилосердно давитъ все, что̀ попадаетъ подъ его колёса. Трижды счастливъ тотъ, кто не искусился послѣдовать призыву ума и, не пускаясь далеко отъ берега, мирно плаваетъ около него, освѣщаемый надежнымъ свѣтомъ маяка; но кто отважился идти подъ знаменемъ ума отыскивать неизвѣстное, сожегши за собой корабли, тому ужъ нѣтъ возврата; онъ долженъ идти до конца, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями, не страшась никакихъ чудовищъ.

Движеніе науки въ Европѣ, въ теченіе вѣковъ, указываетъ направленіе, въ какомъ должно пойти далѣе рѣшеніе задачъ, поставленныхъ мышленіемъ и знаніемъ. Съ виду чуждый намъ, объективный міръ, дѣйствующій съ необходимостью и безличностью машины, и въ которомъ намъ такъ непривѣтно и жутко, оказывается все болѣе и болѣе роднымъ намъ и близкимъ. Это—мысль индивидуальнаго лица, живого, дѣйствительнаго человѣка, прошедшая чрезъ критику и повѣрку массы людей и поколѣній, и ставшая, вслѣдствіе того, всеобщей и объективной для каждаго человѣка въ отдѣльности. Вотъ почему объективный міръ, который мы считаемъ роковымъ и неподвижнымъ, какъ оказывается на самомъ дѣлѣ, тоже движется и измѣняется вмѣстѣ съ измѣненіемъ въ понятіяхъ, зависящимъ отъ накопленія наблюденій, опытности и знанія. Этотъ міръ даже не одинъ и тотъ же для различныхъ народовъ, существующихъ одновременно, и для разныхъ слоевъ одного и того же человѣческаго общества. Что̀ можетъ быть объективнѣе внѣшней природы, дѣйствіе которой такъ осязательно для каждаго извнѣ и въ нашемъ собственномъ тѣлѣ? Но и этотъ реальный міръ, несомнѣнно существующій внѣ насъ, совсѣмъ не такъ объективенъ, неподвиженъ и чуждъ намъ, какъ кажется. Мы непосредственно соприкасаемся съ внѣшней природой, потому что составляемъ часть ея и находимся въ ней, а не внѣ ея; мы знаемъ ее чрезъ посредство получаемыхъ отъ нея психическихъ впечатлѣній, которыя подвергаются въ насъ сознательной переработкѣ и получаютъ, вслѣдствіе того, въ нашей мысли, совсѣмъ иной видъ; наконецъ, мы дѣлаемъ въ условіяхъ жизни и дѣятельности внѣшней природы перестановки и сочетанія, производящія явленія, какихъ она сама по себѣ, помимо человѣка, не представляетъ, не говоря о томъ, что реальный міръ измѣняется независимо отъ человѣка, по присущимъ ему законамъ, и потому далеко не такъ неподвиженъ, какъ намъ кажется. Въ этомъ насъ убѣждаетъ исторія земного шара, геологія и палеонтологія, и новѣйшія астрономическія наблюденія.

Эти результаты знанія подготовляютъ коренную перемѣну въ современномъ научномъ міровоззрѣніи, не дающемъ отвѣта на запросы личной индивидуальной жизни. Они убѣждаютъ, что источникъ мнимаго объективнаго міра есть психическая жизнь самого единичнаго, индивидуальнаго человѣка. Продукты этой жизни, возведенные въ мысль и пройдя чрезъ новую переработку въ сознаніи и мышленіи другихъ людей, получаютъ видъ такъ-называемаго объективнаго міра, столь непривѣтнаго и чуждаго каждому человѣку въ отдѣльности. А если это такъ, то не въ однихъ объективныхъ условіяхъ существованія, а вмѣстѣ съ ними и въ жизни индивидуальнаго, единичнаго лица, слѣдуетъ искать причины золъ, удручающихъ человѣческій родъ; слѣдовательно, не одинъ объективный міръ долженъ быть улучшенъ и исправленъ, а вмѣстѣ съ нимъ, въ то же время, и единичный, дѣйствительный человѣкъ. Понявъ настоящее значеніе объективнаго міра и то, въ чемъ заключается тѣсная его связь съ единичнымъ живымъ человѣкомъ, мы должны рано или поздно, убѣдиться, что самъ по себѣ, отдѣльно взятый, оторванный отъ почвы, на которой выросъ, т.-е. отъ психической жизни индивидуальнаго лица, для которой онъ существуетъ,—объективный міръ не имѣетъ смысла и не можетъ самостоятельно существовать въ понятіяхъ человѣка, какъ собственная его тѣнь, или какъ облака́ и тучи, съ дождями, грозами и градами, образуемыя испареніями суши и водъ.

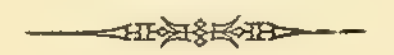
Но специфическое, то, что̀ отличаетъ человѣка отъ природы и отъ него самого, какъ животнаго организма,—это его сознательная психическая жизнь и дѣятельность, рождаемая способностью перерабатывать внѣшнія впечатлѣнія и внутреннія ощущенія въ новыя формы и приводить ихъ въ новыя со-

четанія. Условія, вносимыя этою способностью неизвѣстны остальному міру; только человѣку доступны формы и комбинаціи, рождаемыя сознательностью. До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ продуктами сознательности, какъ съ объективными явленіями; наступаетъ пора обратить вниманіе на роль этой способности въ жизни и дѣятельности индивидальнаго лица и въ устроеніи его личной судьбы посреди внѣшней природы и другихъ людей, въ организованномъ сожительствѣ.

Такимъ образомъ, развитіе самаго знанія приводитъ насъ снова къ религіи и научной этикѣ. Обѣ, сначала отвергнутыя, оказываются двумя различными путями къ устроенію личной судьбы, жизни и дѣятельности единичнаго, дѣйствительнаго человѣка, какъ выработка такъ-называемаго объективнаго міра есть лишь путь для устроенія судьбы, жизни и дѣятельности рода человѣческаго, или людей вообще. Опускаясь изъ міра обобщеній и отвлеченностей къ жизни и дѣйствительности, мы не можемъ остановиться ни на религіи, какъ на догматическомъ ученіи, ни на этикѣ, какъ на научной системѣ, а должны опуститься еще ниже, сдѣлать еще одинъ, послѣдній шагъ,—осуществить въ жизни, на самомъ дѣлѣ, то, чему учатъ религія и этика. Только воспитаніемъ и безпрестаннымъ упражненіемъ мысль обращается въ дѣйствительность, и ихъ различіе исчезаетъ совсѣмъ: идеалъ становится дѣйствительностью, дѣйствительность—идеаломъ.

Обратимся назадъ. Длиненъ и тяжекъ былъ путь знанія, которымъ шли новые европейскіе народы; но они совершили великое дѣло и великій подвигъ. Они окончательно, безповоротно и блистательно разрѣшили вопросъ о мышленіи, его условіяхъ, законахъ его дѣятельности и участіи въ жизни человѣка и людей. Въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ сдѣлано по этому вопросу христіанской Европой, всѣ усилія и попытки древняго міра и востока кажутся ребяческими начинаніями, младенческимъ лепетомъ. Соблазнившись древомъ познанія добра и зла и повторивъ исторію грѣхопаденія, христіанскіе народы Европы разгадали загадку мышленія, разсѣяли его миражи, выяснили механику, которая ихъ производитъ. Въ этомъ великая заслуга европейцевъ. Благодаря результатамъ, достигнутымъ ихъ неимовѣрными усиліями и тяжкими жертвами, дальнѣйшій путь указанъ и облегченъ. Будущіе дѣятели и двигатели развитія рода человѣческаго, кто бы они ни были, могутъ, зная то, что̀ уже сдѣлано и выяснено, идти далѣе, не смущаясь тѣмъ, что̀ такъ долго и такъ мучительно сбивало его съ толку на пути къ возможному улучшенію положенія, быта и дѣятельности человѣка—посреди природы и другихъ людей.

(Вѣстникъ Европы, 1884, кн. X—XII, и отд. изд.: 1-ое, Спб., 1885, 2-ое—1886 г.)

ЗЛОБЫ ДНЯ.

I.

Русское мыслящее общество и русская періодическая печать представляютъ въ настоящее время удивительное явленіе, надъ которымъ нельзя не задуматься. Послѣ радужнаго настроенія, свѣтлыхъ надеждъ и кипучей дѣятельности, наполнившихъ собою эпоху реформъ, наступили годы полнаго и горькаго разочарованія, и было отъ чего: свѣтлыя надежды не сбылись, побѣдное шествіе реформъ остановилось, отчасти попятилось назадъ. Радужное настроеніе превратилось въ мрачное, ироническое, дошедшее въ нѣкоторыхъ до отчаянія или крайняго озлобленія. Всѣмъ извѣстно и памятно, къ чему повело это новое настроеніе и сколько безплодныхъ жертвъ ему принесено. Надо бы ожидать, что умственныя и нравственныя силы, встрѣтившія непреодолимыя препятствія на своемъ пути, ударятся въ другую сторону и поищутъ себѣ новаго выхода и дѣятельности. Одну минуту казалось, что восточная война сосредоточитъ ихъ на себѣ; но ея результаты показали до очевидности, что здѣсь имъ не было суждено проявить себя. Куда онѣ за тѣмъ исчезли и скрылись—никто не знаетъ; вѣроятно, работаютъ гдѣ-нибудь въ тиши и въ глубинѣ, куда не въ состояніи заглянуть никакой, самый прозорливый глазъ: на всей поверхности, доступной наблюденію, ихъ нигдѣ не видно. Какая-то полная апатія, полное равнодушіе и безучастіе къ высшимъ задачамъ царятъ всюду. Каждый закопался въ свои частные, личные, большею частью матеріальные интересы и дѣла, не думая ни о чемъ другомъ. Горсть людей, неспособныхъ разстаться съ идеалами, такая умственная спячка повергаетъ въ глубокое уныніе и вселяетъ въ нихъ самыя безнадежныя мысли относительно нашего ближайшаго и отдаленнаго будущаго.

Параллельное тому явленіе замѣчается и въ печати. Еще въ царствованіе императора Николая, при самыхъ невозможныхъ цензурныхъ условіяхъ, у насъ успѣли сложиться литературныя направленія, которыя мало-помалу получили отчасти общественный характеръ и значеніе. Подъ выкинутыми ими знаменами собралось все мыслящее стараго и молодого поколѣній. Періодическая печать оживилась, правильнѣе сказать—начала жить, служа органомъ и выраженіемъ борьбы, происходившей на всѣхъ пунктахъ въ средѣ думающихъ и просвѣщенныхъ людей. Выработавшіяся за это время воззрѣнія, самыхъ различныхъ направленій, легли въ основаніе реформъ минувшаго царствованія. Даже и потомъ, когда преобразовательная дѣятельность правительства начала приходить къ концу, поднятый строй печати долго продолжалъ держаться на прежнемъ діапазонѣ. Борьба различныхъ направленій, обозначавшихъ различные идеалы и стремленія, при нѣсколько улучшившихся цензурныхъ условіяхъ, велась съ большимъ ожесточеніемъ и глубоко интересовала публику, которая примыкала, смотря по сочувствіямъ, къ тому или другому органу печати и раздѣлялась тоже на враждовавшіе между собою кружки. Теперь и въ этомъ отношеніи произошла знаменательная перемѣна.

Всѣ направленія печати, вызывавшія еще недавно такое живое участіе, пользовавшіяся такимъ большимъ довѣріемъ, какъ будто выцвѣли и полиняли. Публика охладѣла къ печатному слову, перестала имъ интересоваться, изварилась въ него. Теперь нѣтъ больше ни одного органа періодической печати, котораго мнѣнія и взгляды группировали бы около себя большинство читающихъ. Да и въ самыхъ органахъ, наиболѣе распространенныхъ, идеалы и программы общаго характера стушевались и исчезли.

Рѣзко очерченные мнѣнія и взгляды, дѣлившіе, бывало, печать на лагери, встрѣчаются все рѣже и рѣже. Они смѣшались и обезсилѣли, не возбуждая ни интереса, ни даже особеннаго вниманія читателей, которые становятся изо дня въ день равнодушнѣе къ печатнымъ преніямъ и пререканіямъ газетъ и журналовъ.

Все это совершилось въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ. Видишь и глазамъ своимъ не вѣришь! Куда же утекла умственная и нравственная жизнь нашего образованнаго общества? Развѣ мы уже совершили все, что̀ могли совершить, и опочили передъ сѣнію смертной? Или, какъ думаютъ наши добрые друзья, въ насъ больше пороху не хватаетъ, и мы осуждены, на вѣки вѣчные, оставаться полуазіатами, какими-то ублюдками Востока и Европы, недоносками, которымъ исторической судьбой предопредѣлено прозябать и смиренно идти по пятамъ, въ проложенныхъ колеяхъ, на буксирѣ у другихъ народовъ,—сѣверныхъ, восточныхъ, южныхъ и западныхъ? Но мы совсѣмъ не похожи на народъ, собирающійся умирать. Мы развиваемся и, по сознанію собственному и другихъ, сдѣлали, за послѣднія сорокъ-пятьдесятъ лѣтъ, замѣчательные успѣхи по всѣмъ отраслямъ и во всѣхъ отношеніяхъ. Что̀ же съ нами приключилось?

II.

Многіе приписываютъ наше теперешнее незавидное умственное и нравственное состояніе внѣшней обстановкѣ нашей жизни—чрезмѣрному развитію административной опеки и неблагопріятнымъ цензурнымъ условіямъ. Въ этихъ сѣтованіяхъ есть нѣкоторая доля правды и большая, значительнѣйшая доля недоразумѣнія.

Въ Познани и Эльзасѣ можно жаловаться на административный гнетъ, на несоотвѣтствіе правительственной системы народнымъ потребностямъ. У насъ администрація ничѣмъ не ограждена отъ просасыванія въ нее господствующихъ въ народѣ и обществѣ стремленій и направленій; она, по личному своему составу, волей-неволей отражаетъ на себѣ движенія народной и общественной мысли, степень образованія и культуры, и если тотъ или другой образъ ея дѣйствій не всегда отвѣчаетъ желаніямъ и воззрѣніямъ большей или меньшей части русскаго народа и общества, то онъ отвѣчаетъ другимъ, которыхъ мы не раздѣляемъ. Всякая публичная власть и функція есть, неизбѣжно, по своему существу, по своей природѣ, равнодѣйствующая всѣхъ наличныхъ въ народѣ и обществѣ силъ и стремленій. Въ политическомъ и соціальномъ мірѣ — это такая же непреложная истина, какъ въ мірѣ физическомъ. Невыясненность руководящихъ началъ и стремленій въ обществѣ необходимо даетъ себя чувствовать и въ административной дѣятельности, точно также какъ сильно и рѣзко опредѣлившееся направленіе народной и общественной мысли непремѣнно охватываетъ, рано или поздно, и административныя сферы. Исторія всѣхъ временъ и народовъ доказываетъ это неопровержимымъ образомъ. То же вполнѣ подтверждаетъ и русская исторія, по мѣрѣ того, какъ выясняются скрытыя пружины явленій и событій русской народной и государственной жизни. То же самое представляютъ и цензурныя условія: они измѣняются неизбѣжно съ успѣхами мысли и знанія въ обществѣ и народѣ. Можно жалѣть о томъ, что тѣ или другіе факты, событія, предметы не могутъ быть ни сообщаемы, ни обсуждаемы въ печати, или могутъ, но съ разными умолчаніями; это, конечно, замедляетъ выясненіе многихъ вопросовъ и сторонъ нашей политической, общественной и народной жизни. Но пока въ самомъ обществѣ не установится правильнаго и твердаго взгляда на отношенія мысли, знанія, печати и слова къ фактамъ и практической дѣятельности людей, пока границы этихъ двухъ сторонъ человѣческой жизни не будутъ точнымъ образомъ опредѣлены и сознаны въ обществѣ и народѣ, до тѣхъ поръ нельзя ожидать существеннаго улучшенія и въ этой отрасли управленія. Она, какъ и всѣ прочія, подчиняется общему закону, которому слѣдуетъ и вся административная система.

Прибавимъ къ этому, что, замедляя выясненіе вопросовъ и явленій, цензура печати нигдѣ, никогда не въ состояніи была помѣшать образованію и росту направленій и теченій общественной и народной мысли, которыя возникаютъ и усиливаются, несмотря ни на какія препятствія, и получаютъ вліяніе, вопреки цензурнымъ препонамъ. Исторія наполнена такими примѣрами. Стоитъ только вспомнить событія передъ первою французскою революціей, сѣтованія Канта и у насъ образованіе такъ называемыхъ славянофиловъ и западниковъ въ сороковыхъ годахъ, при самыхъ тяжелыхъ цензурныхъ условіяхъ.

III.

Не мало у насъ и такихъ людей, которые тайно или явно радуются, что время увлеченій разными идеями и задачами, глубоко волновавшими общество, какъ будто миновало. И слава Богу, думаютъ они, пора отрезвиться и приняться за настоящее, практическое дѣло; а то эти разные вопросы, задачи и нескончаемые споры такого туману напустили и такъ съ панталыку всѣхъ сбили, что ни на что не похоже. Подъ носомъ дѣло стоитъ, бѣда, разореніе, а они тутъ съ своими вопросами и идеями! И благо бы еще они къ чему-нибудь полезному вели, а то только головы свинчиваютъ, дѣлаютъ людей никуда непригодными, молодежь съ прямого пути сбиваютъ и начиняютъ всякимъ вздоромъ. Безъ всего этого сумбура, которымъ напрудили наши мозги, будетъ у насъ потише и поспокойнѣе, да и правительству легче будетъ, безъ помѣхи, разобраться въ нашихъ нуждахъ, которыхъ полный коробъ.

Но напрасны эти надежды, — отъ идей и вопросовъ нельзя отчураться, какъ отъ своей тѣни. Они измѣняются вмѣстѣ съ нами, на врёмя какъ будто утихаютъ и какъ будто замираютъ, чтобы потомъ возникнуть въ новомъ видѣ и съ новой силою. Идеи, вопросы никогда не переведутся, пока существуетъ человѣческій родъ, и если они порой крѣпко намъ надоѣдаютъ и набиваютъ оскомину, то это вѣрный признакъ, что они не такъ поставлены, не отвѣчаютъ нарождающимся новымъ потребностямъ и измѣнившимся обстоятельствамъ. Идеи и вопросы суть органическія отправленія нашей психической природы, какъ выработка крови мозга, костей— отправленія нашего физическаго организма, и исчезнутъ только съ прекращеніемъ нашего существованія. Отвращеніе къ идеямъ и вопросамъ значитъ, въ сущности, не иное что, какъ только недовольство тѣми, которые были до сихъ поръ въ ходу, и желаніе замѣнить ихъ другими, болѣе подходящими. Такъ всегда бываетъ, когда мысль запутается въ отвлеченностяхъ, задачи перестаютъ отвѣчать дѣйствительнымъ потребностямъ. Въ такія минуты живые люди и цѣльные умы хотѣли бы похерить сдѣланное и придуманное, какъ практически совершенно непригодное и безполезное. Но многіе изъ нихъ не замѣчаютъ, что за этимъ отрицаніемъ неизбѣжно идетъ по пятамъ новое положеніе, созданіе новыхъ идей и новыхъ вопросовъ. На одномъ отрицаніи нѣтъ никакой возможности остановиться ни въ области знанія, ни въ практической дѣятельности.

Однимъ изъ самыхъ яркихъ и разительныхъ доказательствъ въ пользу сказаннаго служитъ, въ области науки и знанія, возникнувшее на нашихъ глазахъ ученіе позитивистовъ, послѣдователей знаменитаго Огюста Конта. Позитивизмъ отнесся совершенно отрицательно къ философіи и философскимъ отвлеченностямъ и поставилъ себѣ задачею освобожденную отъ всякихъ отвлеченныхъ спекуляцій ума, чистую, положительную науку, объективное знаніе. Но уже Льюисъ, въ извѣстномъ своемъ сочиненіи: *Вопросы жизни и духа* — долженъ былъ сдѣлать важныя уступки чисто-философскому логическому умозрѣнію. Онъ долженъ былъ признать, что знанія, науки, помимо мысли, ума, не существуютъ, что умъ, мысль перерабатываютъ всякій фактъ, всякое явленіе сообразно съ присущими имъ законами, и что вся задача состоитъ только въ строгомъ соотвѣтствіи логическихъ отвлеченій тѣмъ начальнымъ впечатлѣніямъ, изъ которыхъ они выведены. Результатомъ такой постановки вопроса, какъ можно заключать уже теперь по нѣкоторымъ научнымъ попыткамъ, будетъ, въ болѣе близкомъ или отдаленномъ будущемъ, внесеніе индуктивнаго метода въ изслѣдованія психическихъ явленій, точное разграниченіе психологіи отъ физіологіи, точный научный анализъ психическихъ фактовъ и, на основаніи такого анализа, устраненіе изъ науки множества представленій и понятій, сложившихся вслѣдствіе ошибочнаго, неправильнаго или недостаточно точнаго сочетанія впечатлѣній и ощущеній, изъ которыхъ такія представленія и понятія образовались. Такимъ образомъ, рѣзкое отрицаніе и въ этомъ случаѣ только расчистило почву научныхъ изслѣдованій и открыло для нихъ новыя перспективы. Вопросы и идеи не исчезли, а только получили новую постановку, болѣе соотвѣтствующую народившимся новымъ потребностямъ знанія.

IV.

Внимательный разборъ воззрѣній, поочередно царившихъ надъ умами въ русскомъ мыслящемъ обществѣ и которыя теперь схо-

дятъ или уже сошли со сцены и потеряли прежнее обаяніе, убѣждаетъ, что и у насъ такое явленіе не служитъ признакомъ помертвѣнія жизненныхъ силъ, а есть результатъ коренныхъ недостатковъ, присущихъ самимъ воззрѣніямъ, — недостатковъ, которые болѣе или менѣе ясно и живо чувствуются большинствомъ русской публики. Уныніе, апатія, разочарованіе, которыя ею овладѣли въ наше время, не должны вводить насъ въ заблужденіе: они служатъ только признакомъ неудовлетворенія, вслѣдствіе роста, хотя бы безсознательнаго, новыхъ потребностей, ищущихъ и не находящихъ себѣ соотвѣтствующаго выраженія, и предсказываютъ, въ будущемъ, появленіе новыхъ воззрѣній и направленій русской мысли. Перевести въ сознаніе тѣ неопредѣленныя и неясныя причины, которыя охладили русское общество къ недавно еще руководившимъ у насъ взглядамъ, и попытаться заглянуть нѣсколько впередъ, въ возможныя и вѣроятныя у насъ направленія въ ближайшемъ будущемъ, — вотъ задача настоящей статьи. Исчерпать ее мы не беремся. Кто же осмѣлится подумать, что онъ способенъ исчерпать такую тему? Мы будемъ считать себя вполнѣ довольными и счастливыми, если намъ удастся, хотя бы нѣкоторыми изъ своихъ соображеній, обратить вниманіе мыслящихъ людей на предметы, которыхъ мы намѣрены коснуться, вызвать къ нимъ сочувствіе и интересъ, котораго они вполнѣ заслуживаютъ, и тѣмъ по мѣрѣ силъ содѣйствовать введенію русской жизни и мысли въ плодотворную колею оживленнаго труда и развитія.

Но, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, считаемъ необходимымъ оговориться.

Тѣ изъ читателей, которые ищутъ и требуютъ отвѣта на многочисленные практическіе вопросы, занимающіе въ настоящее время русское общество, не найдутъ въ нашей статьѣ ничего непосредственно для себя пригоднаго и могутъ ее вовсе не читать. Мы не беремся здѣсь взвѣсить и оцѣнить различныя, возникающія въ административныхъ сферахъ, въ періодической печати, книгахъ и публикѣ предположенія о преобразованіяхъ нашей политической, общественной и частной жизни. Мы намѣрены разсмотрѣть здѣсь лишь общія теченія и направленія русской мысли, служащія руководствомъ при такомъ или другомъ рѣшеніи нашихъ современныхъ практическихъ вопросовъ, дающія этимъ рѣшеніямъ тотъ или другой тонъ, ту или другую окраску. Смотря по лагерю, у насъ различно судятъ о всѣхъ явленіяхъ и потребностяхъ русской жизни, не только въ настоящемъ, но и въ прошедшемъ, а лагери опредѣляются лишь общими руководящими воззрѣніями, которыя красною ниткой проходятъ черезъ всѣ соображенія и служатъ исходными пунктами разногласія и преній. Какого бы практическаго вопроса ни коснулись, важнаго или второстепеннаго, по каждому возникаетъ тотчасъ же глубокое разномысліе, обусловленное различными точками зрѣнія, которыя коренятся въ тѣхъ или другихъ воззрѣніяхъ на политическую, общественную и индивидуальную жизнь человѣка вообще и у насъ въ особенности. Вотъ эти-то воззрѣнія, составляющія основную предпосылку всѣхъ нашихъ сужденій, и необходимо, рано или поздно, подвергнуть серьезной критикѣ, чтобы уяснить себѣ путь дальнѣйшей нашей дѣятельности и развитія.

Другая необходимая оговорка касается самаго характера различныхъ направленій русской мысли. Въ пылу полемики и борьбы, раздосадованные и раздраженные аргументаціей противники, мы легко, къ несчастію, слишкомъ часто переходимъ изъ обсужденія въ личную брань, заподозрѣваемъ добросовѣстность чужихъ мнѣній, тащимъ къ нравственному суду цѣлыя направленія и предаемъ ихъ публичной анаѳемѣ. Такое перенесеніе полемики съ почвы аргументаціи на не имѣющую ничего съ ней общаго арену нравственной оцѣнки спутываетъ всѣ понятія и оставляетъ читателя въ самомъ прискорбномъ недоумѣніи. Никакой взглядъ, самъ по себѣ, не нравственъ и не безнравственъ: онъ только болѣе или менѣе согласенъ съ объективною правдой и истиной, которую и надо выяснить. Самый безнравственный человѣкъ, изъ негодныхъ побужденій, можетъ быть въ своихъ сужденіяхъ правъ, и самый нравственный, при наилучшихъ намѣреніяхъ, высказываетъ мысли, не выдерживающія критики. Притомъ, въ дѣйствительной жизни нельзя указать ни одного мнѣнія, которое бы поддерживалось и проводилось одними честными людьми или одними отъявленными негодяями: въ каждомъ лагерѣ, рядомъ съ вполнѣ искренними, самоотверженными и честными людьми, дѣйствующими изъ безукоризненныхъ побужденій, ратуютъ личности далеко не нравственныя, руководимыя своеко-

рыстными видами и задними мыслями, не имѣющими ничего общаго съ истиной и правдой, которыя служатъ имъ только благовиднымъ предлогомъ и маской. Это плевелы въ пшеницѣ, о которыхъ говорится въ притчѣ. Какое дѣло намъ, при обсужденіи мнѣній и взглядовъ, изъ какихъ мотивовъ ратуютъ тѣ или другіе люди? Намъ до нихъ нѣтъ никакой надобности, да и чужая душа—потемки. Если въ томъ, что̀ они высказываютъ, дѣло пополамъ со вздоромъ и неправдой,—выберемъ то, что̀ хорошо и справедливо, и воспользуемся хотя крохами правды въ томъ, что̀ они говорятъ. Нѣтъ такого мнѣнія и взгляда, которые бы не были выводомъ изъ наблюденій и опыта: весь вопросъ въ томъ, въ какой мѣрѣ они полны и точны, а вовсе не въ нравственныхъ качествахъ наблюдателя. Разсматривая различныя русскія направленія и воззрѣнія, мы совершенно устранимъ личные и нравственные вопросы и предубѣжденія, сочувствія и несочувствія, и постараемся, со всѣмъ безпристрастіемъ, къ какому только способны, опредѣлить и выразить сильныя ихъ стороны, которыя и придали имъ значеніе, и Ахиллесову ихъ пяту, вслѣдствіе чего они потеряли свое вліяніе и руководящую роль.

V.

Первыя направленія, выступившія на сцену и овладѣвшія умами, были такъ называемыя славянофильское и западническое. Зачатки ихъ можно прослѣдить далеко назадъ: они коренились въ ходѣ всего нашего развитія не только со временъ Петра, но гораздо раньше, чуть ли не съ XV вѣка. За этотъ длинный періодъ времени не разъ высказывались мысли и взгляды, совсѣмъ сходные съ воззрѣніями славянофиловъ и западниковъ; но тѣ и другіе въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія впервые осмыслили, привели въ сознаніе и систему то и другое направленіе, представили попытку придумать имъ научное основаніе, возвести факты и разрозненныя мысли въ руководящія начала. Вотъ почему съ нихъ и начинается сознательное, осмысленное движеніе русской мысли.

Обстоятельства вызвали появленіе этихъ двухъ направленій. Они же, какъ вездѣ и всегда, опредѣлили ихъ содержаніе, форму и характеръ.

Въ царствованіе императора Николая произошелъ переломъ въ ходѣ русской исторіи: петровскій періодъ ея, ученическій и подражательный, видимо, приходилъ къ концу. Рука объ руку съ небывалымъ политическимъ могуществомъ и вліяніемъ въ Европѣ шло пробужденіе національнаго—если не самосознанія, то самочувствія, которое съ тѣхъ поръ все ростетъ и усиливается безпрерывно. По мѣрѣ того, какъ оно развивалось, сложившіяся формы быта и учрежденій, представляющія пеструю и разнохарактерную амальгаму до-Петровскихъ и послѣ-Петровскихъ условій жизни, смѣшеніе нижегородскаго съ французскимъ, естественно бросались въ глаза и вызывали на размышленіе. То, что̀ служило однимъ государственнымъ цѣлямъ, было создано въ виду однѣхъ лишь государственныхъ потребностей, внутреннихъ и внѣшнихъ, стало казаться недостаточнымъ и неудовлетворительнымъ съ тѣхъ поръ, что пробудившаяся жизнь общества и народа внесла и поставила на очередь новыя задачи, требовавшія разрѣшенія. Исканіе чего-то новаго, чего-то другаго, соотвѣтствующаго народившемуся народному чувству, стало выражаться и въ искусствѣ, и въ наукѣ, и въ правительственныхъ мѣрахъ, и во внѣшнихъ сношеніяхъ. На этой почвѣ выросли и славянофильское, и западническое направленія. Они выразили въ связной, систематической доктринѣ то, что̀ происходило въ самой жизни, совершалось въ головахъ мыслящихъ людей, и потому охватили всѣхъ, кто только думалъ и дѣйствовалъ въ то время.

Славянофилы обратили особенное вниманіе на несоотвѣтствіе русской жизни и народнымъ потребностямъ привитыхъ къ намъ европейскихъ формъ. Съ этой стороны ихъ критика была весьма плодотворна и аргументація ихъ составляетъ цѣнный вкладъ, который пригодится и при дальнѣйшемъ развитіи русской мысли и русскаго самосознанія. Они ярко оттѣнили мертвящую, притупляющую сторону европейскихъ формъ, которыя, не будучи у насъ осмыслены, а только положены извнѣ, задерживали развитіе народныхъ силъ, народнаго ума, и освѣщали народныя потребности ошибочнымъ и обманчивымъ свѣтомъ.

Но на этой отрицательной дѣятельности и критикѣ славянофильство не могло остановиться. Если позаимствованныя европейскія формы къ намъ не привились, не во-

шли въ нашу плоть и кровь и стали только помѣхою нашему народному развитію, то какая этому причина? Очевидно, онѣ противорѣчили народному духу, народнымъ началамъ. Въ чемъ же заключается народный нашъ духъ, присущія ему начала, и какія формы имъ всего болѣе свойственны и подходящи? Къ этимъ вопросамъ славянофилы были приведены неизбѣжно, неотразимою силой логики. Разъ что мы убѣдились, что то или другое непригодно, мы должны сами себѣ отвѣтить: что же пригодно? Отрицаніе само собою ведетъ къ положенію. Оно представлялось само собою, лежало у нихъ, такъ сказать, подъ руками. Европейскія формы, непригодныя намъ, косвенно, черезъ вторыя руки, коснулись народныхъ массъ и испортили только высшіе, образованные слои. Простой народъ свято сохранилъ старинные преданія и обычаи. Онъ воспитанъ порядками и строемъ жизни, созданнымъ до XVIII в., который былъ нарушенъ и подорванъ реформами Петра. Тамъ, за его преобразованіями, надо искать народныхъ началъ, воплотившихся въ свойственныхъ русскому народу формахъ. Согласно съ такимъ отвѣтомъ, славянофилы старались выяснить и опредѣлить, въ противоположность европейскимъ, старорусскія начала въ политическомъ и общественномъ быту, въ церковныхъ порядкахъ и учрежденіяхъ, въ частной жизни, обычаяхъ и нравахъ. Изслѣдованія, веденныя въ этомъ направленіи, какъ всякая научная критика, принесли существенную пользу, которая никогда не забудется, но поставленной задачи они не разрѣшили. Славянофилы обратились къ старинѣ, чтобъ объяснить неблагопріятныя для развитія условія современной имъ русской жизни, и думали въ ней найти твердую, незыблемую почву, на которой можно съ увѣренностью построить свѣтлые идеалы русскаго народнаго духа, который носился передъ ихъ мыслью. Но эта почва, при внимательномъ разсмотрѣніи, оказалась хрупкою и очень непрочною. Русскій старинный бытъ, какъ и современный, тоже развивался, тоже мѣнялъ свои формы, точно также создавался подъ вліяніемъ не одного русскаго духа, но и подъ сильнымъ вліяніемъ иноземныхъ, между прочимъ, и европейскихъ элементовъ. Выяснилось, что и реформы Петра не свалились на русскій народъ какъ снѣгъ на голову, а подготовлялись издавна, всѣмъ ходомъ русской жизни и исторіи, и что если даже онѣ и принесли съ собою много дурного, то нельзя отрицать, что онѣ принесли не мало и хорошаго. Изслѣдованія открыли, наконецъ, и въ древнемъ нашемъ быту много черныхъ пятенъ, дѣлавшихъ уподобленіе его свѣтлому идеалу болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, идеалъ остался идеаломъ, дѣйствительность, историческій фактъ —черствою правдой.

Побѣжденные на исторической почвѣ, славянофилы перенесли свой лагерь въ область религіи и церкви, отыскивая здѣсь корни и основанія своихъ задушевныхъ стремленій и пытаясь найти для нихъ соотвѣтствующую форму. Эта сторона ихъ дѣятельности не была еще, какъ мы думаемъ, оцѣнена по достоинству и нашла живой отголосокъ только въ лучшей части нашего духовенства. Вѣрное чутье подсказало имъ, чего недостаетъ въ русской дѣйствительности; но и здѣсь, какъ и въ изслѣдованіи формъ частной, общественной и политической жизни, они остановились на историческомъ истолкованіи явленій, не подвергая ихъ научной критикѣ. Этому слѣдуетъ приписать, почему замѣчательные труды ихъ по этой части, выяснившіе взаимныя отношенія рязличныхъ христіанскихъ церквей и мѣсто, занимаемое ими и въ церковной исторіи, и въ догматикѣ, мало обратили на себя вниманія свѣтскаго общества и остались доступными только спеціалистамъ и небольшому кружку знатоковъ и любителей.

VI.

Тѣмъ же путемъ, какъ славянофилы, пошли и западники, но пришли къ совершенно инымъ выводамъ. Точкой отправленія, почвой, на которой они выросли, была тоже неудовлетворенность современнымъ состояніемъ, потребность въ другихъ, лучшихъ формахъ жизни, болѣе благопріятныхъ для развитія. Сравненіе съ западными народами, ихъ учрежденіями, нравами, наукой, образованностью, промышленностью, было крайне для насъ невыгодно, и превосходство ихъ надъ нами во всѣхъ отношеніяхъ бросалось въ глаза. Однако, мы, съ Петра, пошли по стопамъ Европы, все болѣе и болѣе пропитывались ея вліяніями. Отчего же, въ теченіе полутораста лѣтъ, мы сдѣлали такъ мало успѣховъ и

остались почти неподвижными, въ какомъ-то мертвенномъ, нездоровомъ застоѣ? Правда, мы позаимствовали у Европы формы жизни, но это было давно. Съ тѣхъ поръ Европа все шла впередъ и впередъ, развивалась, измѣняла и постоянно совершенствовала свои учрежденія, сообразно съ обстоятельствами и новыми условіями существованія, созданными успѣхами наукъ, образованія и гражданской жизни; а мы закостенѣли на тѣхъ слабыхъ зачаткахъ, которые занесены къ намъ изъ Европы волею геніальнаго преобразователя, не съумѣли ничего изъ нихъ сдѣлать путнаго и стоимъ на одномъ мѣстѣ. Все, что тамъ жило и ростетъ, принося благодатные плоды, у насъ заплеснѣвѣло, выродилось въ какую-то каррикатуру европеизма и лежитъ камнемъ на народномъ геніи и народномъ развитіи. Какая тому причина? А та,—отвѣчали западники,—что нашу жизнь, нашу дѣятельность тормазятъ запоздалые остатки до-Петровскаго византійства и татарщины; преобразованіе и водворенныя имъ европейскія формы еще не перешли достаточно въ нашу плоть и кровь. Надо довершить преобразованіе, выкурить изъ насъ послѣдніе остатки стараго, пересадить къ намъ все то хорошее и полезное, до чего додумалась и доработалась Европа, и пріобщиться вполнѣ къ ея жизни и развитію. Тѣ же лучезарные идеалы, которыми жили славянофилы, вдохновляли и западниковъ; различались только формы, въ которыя облекались эти идеалы. Для славянофиловъ наиболѣе цѣлесообразными для ихъ осуществленія представлялись формы древней русской жизни; для западниковъ—тѣ, которыя выработаны современною Европой и дали такіе блестящіе результаты. Подобно славянофиламъ, и западники повели, въ подтвержденіе своихъ воззрѣній, серьезныя изслѣдованія нашего древняго быта и исторіи и тѣмъ существенно содѣйствовали разъясненію условій старинной русской жизни и успѣхамъ русскаго народнаго самосознанія. Но, по мѣрѣ того, какъ шла эта работа, не могли не возникнуть важныя сомнѣнія относительно правильности основной точки зрѣнія западниковъ. Формы жизни у всякаго живого и развивающагося народа, дѣйствуя на его бытъ, опредѣляя его дѣятельность, суть, въ то же время, продукты всѣхъ условій и обстоятельствъ его существованія. Тутъ есть необходимое и неизбѣжное взаимодѣйствіе. Этотъ общій законъ остается неизмѣннымъ и въ томъ случаѣ, когда одинъ народъ перенимаетъ формы жизни у другого: онѣ опредѣляютъ его жизнь лишь настолько, насколько имъ ассимилированы и усвоены, а усвоено и ассимилировано можетъ быть только то, что отвѣчаетъ существу и потребностямъ народа. Это одинаково примѣняется и къ намъ, и къ Европѣ. Какъ продукты всей совокупности условій европейской жизни, онѣ не могутъ имѣть безусловнаго значенія абсолютно совершенныхъ формъ, одаренныхъ чудодѣйственною силой создать благополучіе у всѣхъ народовъ; будучи мѣстными и условными, онѣ, при перенесеніи къ другимъ народамъ, усвоиваются ими лишь настолько, насколько отвѣчаютъ ихъ состоянію въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ. Та же мысль естественно возникаетъ и при изслѣдованіи формъ древняго русскаго быта. Многія изъ нихъ несомнѣнно византійскаго и татарскаго происхожденія; но онѣ видоизмѣнились у насъ, что доказываетъ, что, попавъ на другую почву, онѣ не могли быть приняты цѣликомъ, и усвоены только отчасти, тою лишь стороной, которая отвѣчала тогдашнимъ нашимъ обстоятельствамъ и условіямъ быта. Значитъ, если европейскія формы привились у насъ отчасти и плохо, виною тому не одни допетровскія наши позаимствованія у другихъ народовъ, а самъ нашъ народный организмъ, который иное принимаетъ, а другое отбрасываетъ, какъ несвойственное ему, и отождествлять наши идеалы съ европейскими формами, какъ и древнерусскими, одинаково ошибочно.

VII.

Два противоположныя направленія, на которыя расщепилась русская мысль, повели къ живой полемикѣ, переходившей нерѣдко во вражду и крайности съ обѣихъ сторонъ. Рядомъ съ прискорбнымъ взаимнымъ раздраженіемъ, полемика и борьба имѣли и хорошую сторону. Благодаря имъ, оба направленія должны были все точнѣе и точнѣе опредѣлить свои основныя идеи, подробно изслѣдовать факты прошедшаго. Наше народное самосознаніе сдѣлало, подъ вліяніемъ этой борьбы, замѣтный шагъ впередъ. Выполнивъ свою историческую роль, оба направленія отцвѣли и сошли со сцены, уступивъ мѣсто другимъ.

Несмотря на кажущееся непримиримое противорѣчіе, оба ученія, славянофильское и западническое, имѣли одну общую почву, —одну, если можно такъ выразиться, логику и методъ, одно и то же содержаніе, однѣ и тѣ же заслуги и слабыя стороны. Оба явились первыми попытками осмыслить русскую жизнь и освѣтили ее съ двухъ сторонъ, данныхъ ходомъ нашей исторіи. Разложивъ ее на составные элементы, изъ которыхъ она сложилась со временъ Петра, и отстаивая тотъ или другой, оба ученія поставили во главу угла идеальныя стремленія и цѣли, совершенно одинаковыя по своему существу и содержанію, носившія общечеловѣческій, всемірный характеръ. Такимъ образомъ, въ обоихъ ученіяхъ русскій народный геній впервые поставилъ себѣ идеальныя цѣли, поднялся до одухотворенія своихъ національныхъ задачъ и стремленій. Но это былъ лишь разсвѣтъ и ранняя заря нашей самостоятельной, народной, умственной дѣятельности, первые, нетвердые еще шаги на пути къ національной духовной жизни. Въ обоихъ ученіяхъ не видно еще самостоятельнаго творчества. Проснувшаяся мысль, народившіяся идеальныя стремленія не прокладываютъ еще себѣ новыхъ путей, а опираются на готовое, выработанное, въ дѣтской увѣренности, что въ немъ заключается отвѣтъ на запросы и требованія отъ дѣйствительной жизни. Науки, знаніе разоблачили этотъ самообманъ, убѣдили въ непрочности фундамента, на которомъ надѣялись крѣпко и прочно построить зданіе русскаго быта и гражданственности въ будущемъ. Идеалы, лишенные твердой опоры, повисли на воздухѣ и должны были прокладывать себѣ другіе пути развитія и осуществленія. Вскорѣ они поблекли и потускнѣли. Эпигоны славянофильства и западничества остались при словахъ и тезисахъ, лишенныхъ живого значенія, твердя—одни о народности, другіе—о европеизмѣ, цивилизаціи и прогрессѣ и не умѣя опредѣлить, въ чемъ же они состоятъ. Мыслящая публика, ищущая въ словахъ указаній и разрѣшенія живыхъ вопросовъ, вызываемыхъ дѣйствительностью, отворотилась отъ нихъ и охладѣла къ спорамъ, которые ее прежде такъ интересовали.

VIII.

На развалинахъ славянофильства и западничества возникло новое направленіе такъназываемыхъ народниковъ. Отъ славянофиловъ оно наслѣдовало горячую вѣру въ творческія силы русскаго народа, не зараженнаго европейскими вліяніями, отъ западниковъ—идеалы передовыхъ европейскихъ мыслителей, сосредоточивающіеся въ наше время преимущественно въ сферѣ соціальной и экономической. Направленіе и стремленія народниковъ представляютъ, безъ сомнѣнія, замѣтный шагъ впередъ въ развитіи нашего народнаго самосознанія. Они не ищутъ осуществленія своихъ идеаловъ, а обращаются къ настоящему, къ дѣйствительности, и въ ней, въ ея правильномъ развитіи, видятъ залогъ лучшаго будущаго. Правовыя воззрѣнія крестьянъ, экономическій строй ихъ быта представляются народникамъ тѣми благодатными зачатками и предрасположеніями, на которыхъ прочно и незыблемо можетъ быть воздвигнуто зданіе желанной новой русской гражданственности, о которой мечтаютъ лучшіе умы въ Европѣ, подавленной капиталистическимъ и буржуазнымъ началомъ производства и распредѣленія цѣнностей. Вопросы политическіе, философскіе, религіозные и церковные мало интересуетъ народниковъ, и это вытекаетъ изъ ихъ основныхъ воззрѣній на ближайшія наши задачи.

Стремленія народниковъ естественно зародились въ обстановкѣ и условіяхъ минувшаго царствованія. Эпоха Николая I, закончившаго Петровскій періодъ русской исторіи, пробудила національную русскую мысль, дала ей первый толчекъ. Царствованіе Алексанра II, начавшее у насъ соціальныя и экономическія реформы величайшей важности и значенія, отразилось въ сферѣ знанія и критики въ стремленіяхъ и ученіи народниковъ, которые пытались опредѣлить содержаніе живой народной мысли и найти соотвѣтствующую ей формулу. Въ этомъ, какъ мы думаемъ, ихъ заслуга; это и даетъ имъ, по нашему мнѣнію, право на видное мѣсто въ развитіи нашего народнаго самосознанія, на ряду съ славянофилами и западниками и вслѣдъ за ними. Подобно своимъ предшественникамъ, они собрали и разработали богатый матеріалъ для изученія нашего народнаго быта со стороны соціальной и эко-

номической и значительно выяснили ее своими трудами.

Но и народники, на нашихъ глазахъ, сошли со сцены и потеряли прежнее вліяніе на умы значительной части мыслящей русской публики, которая одно время была сильно увлечена ихъ ученіями. Какая тому причина? Ихъ было нѣсколько. Намъ кажется, что народники слишкомъ съузили задачу, сосредоточивъ все вниманіе и всѣ силы на одной социальной и экономической жизни русскаго народа: она далеко не обнимаетъ всего народнаго генія, выражаетъ только одну его сторону, которая, безъ выясненія другихъ, остается малопонятной и, во всякомъ случаѣ, далеко не такъ интересной и поучительной, какою бы она представилась въ совокупномъ изслѣдованіи всѣхъ ея живыхъ отправленій. Съ практической точки зрѣнія, стремленія, изслѣдованія и выводы народниковъ, безъ всякаго сомнѣнія, полезны и плодотворны; но въ смыслѣ развитія народнаго самосознанія, чего въ наше время прежде и больше всего требуетъ большинство мыслящихъ людей, при теперешнемъ подъемѣ народнаго духа и народныхъ...., народники даютъ слишкомъ мало и потому не могли надолго приковать къ себѣ вниманіе читателей.

Но главная причина охлажденія къ нимъ заключается въ томъ, что, унаслѣдовавъ горячій патріотизмъ славянофиловъ и идеалы западниковъ, они наслѣдовали отъ тѣхъ и другихъ и ихъ ошибочный методъ наблюденій и изслѣдованія. Мы видѣли, что славянофилы просмотрѣли въ допетровскомъ русскомъ бытѣ темныя стороны, приведшія его къ упадку и реформѣ Петра, а западники на разглядѣли въ европейскихъ идеалахъ ихъ исторической и мѣстной подкладки, дѣлающей ихъ непригодными у насъ безъ важныхъ и существенныхъ оговорокъ; въ такой же самообманъ, и притомъ, двойной впали и народники. Они не замѣтили, что въ нашемъ крестьянскомъ быту многія явленія, показавшіяся имъ здоровыми зародышами лучшей гражданственности, идущими навстрѣчу стремленіямъ и усиліямъ самыхъ свѣтлыхъ европейскихъ умовъ, суть не болѣе, какъ запоздалые остатки исчезающаго стаднаго чувства и полнѣйшей индивидуальной неразвитости; что изъ года въ годъ эти остатки блекнутъ и замираютъ, а на мѣсто ихъ, между крестьянами, водворяется индивидуализмъ, грубый, неприглядный и безпощадный, какимъ онъ вездѣ и всегда бываетъ при первомъ своемъ появленіи и первыхъ попыткахъ вступить въ права гражданства. Не замѣтили народники и того, что въ современныхъ европейскихъ идеалахъ соціальнаго и экономическаго строя есть весьма существенная недомолвка. Опустившись съ высоты отвлеченностей и метафизики въ реальную дѣйствительность, къ живымъ людямъ, они, эти идеалы, для своего осуществленія, требуютъ и предполагаютъ вполнѣ и высоко развитыя нравственныя личности. Безъ такихъ личностей идеалы останутся одними благожеланіями и отвлеченностями. Между тѣмъ, въ понятіяхъ и практикѣ нравственности царитъ у насъ въ Европѣ совершенный хаосъ; нравственность замѣнена выдрессировкой людей, что̀ показываетъ, что самое понятіе о нравственности заглохло и пока нигдѣ и ни откуда не видно попытокъ поставить вопросъ о ней на правильную научную почву или хотя бы водворить ее въ практикѣ, на дѣлѣ, при помощи новыхъ пріемовъ. Нравственность держится еще только на преданіи, которое, на нашихъ глазахъ, замираетъ, теряя авторитетъ и вліяніе па современныхъ людей.

IX.

Разсмотрѣнныя направленія русской мысли поставили много вопросовъ, выяснили различныя стороны и явленія современной и прошедшей русской жизни, но не дали руководящей нити для ея дальнѣйшаго развитія. Куда идти, какими путями, — осталось въ туманѣ, не рѣшеннымъ. Это вызвало къ жизни консервативное или охранительное направленіе. Неудовлетворительность попытокъ проложить новые пути естественно охлаждаетъ довѣріе къ возможности, по крайней мѣрѣ—легкости, открыть ихъ и идти далѣе. Въ такія минуты и люди, и народы хватаюся за то, что̀ есть, каково бы оно ни было, цѣпко за него держатся и боятся выпустить изъ рукъ, опасаясь пуститься въ открытое море неизвѣстнаго, безъ надежнаго руля и компаса. Консерватизмъ, въ этомъ смыслѣ, не есть доктрина, съ которой его очень часто смѣшиваютъ, называя консерваторами славянофиловъ; съ такимъ же основаніемъ можно было бы приписать консерва-

тизмъ и западникамъ, такъ какъ различные ихъ оттѣнки отстаиваютъ на русской почвѣ учрежденія обветшалыя, какъ славянофилы стоятъ грудью за обломки московской старины. Существенная разница между консерватизмомъ—въ томъ смыслѣ, какой мы ему придаемъ, и въ томъ смыслѣ, какой ему приписывается у насъ весьма часто—заключается въ томъ, что въ послѣднемъ онъ опирается на какой-нибудь идеалъ, начало, и во имя ихъ отстаиваетъ и охраняетъ существующее; консерватизмъ же, какъ принципъ, стоитъ за существующее не во имя какого-нибудь идеала или начала, а потому только, что нѣтъ въ виду лучшаго, или не выяснилось, какъ къ нему перейти. Не будучи доктриной, консерватизмъ — великая сила, съ которой на каждомъ шагу приходится считаться. У насъ публика и народъ— величайшіе, неумолимые консерваторы. Туго, нехотя, шагъ за шагомъ, микроскопическими уступками, поддаются они на доводы доктринъ, расчищающихъ и освѣщающихъ историческій путь, иногда задолго передъ тѣмъ, какъ обстоятельства съ неудержимою энергіей направятъ на него народныя силы. Въ области мысли консерватизмъ, въ этомъ значеніи, не имѣетъ ни доктрины, ни принциповъ. Онъ отрицаетъ все новое и отстаиваетъ все существующее. Онъ играетъ, въ практической дѣятельности, роль регулятора, коренника въ тройкѣ, балласта въ кораблѣ. Обращенный отрицательною своею стороной къ новому, онъ способствуетъ его выясненію и вызрѣванію до степени неотразимой и неотложной потребности, очевидной для всѣхъ, по крайней мѣрѣ, для огромнаго большинства. Только этою отрицательною своею стороной консерватизмъ и силенъ. Не неся съ собою никакой доктрины, никакихъ принциповъ, онъ лишенъ положительнаго содержанія и оказывается немощнымъ передъ напоромъ народившагося и возмужавшаго новаго, когда часъ его приспѣлъ. Дерево не въ силахъ удержать на себѣ созрѣвшаго плода, мать — сохранить въ своей утробѣ вполнѣ выношеннаго ребенка. Такъ и консерватизмъ силенъ незрѣлостью будущаго по сравненію съ настоящимъ и существующимъ. Усиленіе консервативнаго или охранительнаго направленія есть вѣрный признакъ, что новыя потребности еще не выработались до ясной и опредѣленной формулы, точно также какъ ослабленіе консерватизма въ умахъ свидѣтельствуетъ, что новое стучится въ дверь, просасывается во всѣ поры, и что появленіе его въ дѣйствительности есть лишь дѣло времени и ожидаетъ благопріятныхъ обстоятельствъ для своего осуществленія.

X.

Въ послѣднее время у насъ и въ Европѣ стали усиливаться признаки религіозныхъ стремленій, и снова поставленъ на очередь, одно время почти совсѣмъ заглохшій, вопросъ о нравственности. Оба эти явленія были совершенною неожиданностью посреди повсемѣстнаго упадка преданія и торжества убѣжденія, что хорошія соціальныя учрежденія вѣрнѣе нравственности приводятъ къ цѣлямъ, которыя она преслѣдуетъ, и дѣлаютъ ее излишнею и ненужною. Что могло вызвать снова интересъ къ предметамъ, повидимому, давно исчерпаннымъ и обогнаннымъ успѣхами знанія, культуры, политической и общественной жизни и нравовъ? Было ли случайностью, что одновременно стали привлекать къ себѣ большее вниманіе оба предмета, или между религіей и нравственностью существуетъ неразрывная внутренняя связь, вслѣдствіе которой нельзя коснуться одной, не обращаясь мыслью къ другой, и обѣ вмѣстѣ живутъ и вмѣстѣ падаютъ? Многіе задаютъ себѣ эти вопросы, и надъ ними стоитъ задуматься. Снова возникающій интересъ къ религіи и нравственности не есть строго-научный, вызванъ не однимъ желаніемъ освѣтить ихъ съ точки зрѣнія знанія; у весьма и весьма многихъ возвратъ къ нимъ является вслѣдствіе живо ощущаемой потребности наполнить душевную пустоту, которая не даетъ имъ покоя, найти твердую точку опоры посреди сомнѣній и треволненій ежедневной жизни. Въ эпоху торжествующей радикальной критики по всѣмъ отраслямъ знанія и жизни, при господствѣ въ наше многогрѣшное время утонченнаго реализма и утилитаризма въ воззрѣніяхъ, правахъ, привычкахъ и вкусахъ,—такой оборотъ мыслей, идущій въ разрѣзъ со складомъ быта и убѣжденій образованныхъ слоевъ европейскаго и русскаго общества, до того необычаенъ и поразителенъ, что большинство не вѣритъ искренности религіозныхъ и нравственныхъ стремленій и заподозриваетъ въ нихъ личину, служащую только благовиднымъ предлогомъ для дости-

женія цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ религіей и нравственностью. Но каждый знаетъ изъ собственнаго опыта, что такія подозрѣнія часто оказываются совершенно несправедливыми. Фактъ существованія людей глубоко-религіозныхъ и держащихся правилъ нравственности по ученію вѣры, не на словахъ, а на дѣлѣ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, а это доказываетъ, что въ нашихъ общепринятыхъ воззрѣніяхъ не взятъ въ соображеніе какой-то фактъ, какая-то сторона жизни. Ускользнувъ почему-то отъ нашего вниманія, они оставляютъ въ нашемъ міросозерцаніи пробѣлъ, который и вызываетъ періодически горькія сѣтованія на неудовлетворительность знанія, на его односторонность и неспособность отвѣчать на всѣ запросы и требованія человѣческой души и дѣйствительной жизни. Пополнить этотъ пробѣлъ, открыть, что̀ именно опущено въ нашемъ современномъ міровоззрѣніи и почему оно опущено, составляетъ одну изъ насущныхъ, настоятельнѣйшихъ задачъ нашей эпохи. Не разрѣшивъ ее, мы все будемъ ходить кругомъ да около, бросаться изъ одной крайности въ другую, нигдѣ не находя удовлетворенія и не имѣя подъ ногами почвы, на которую можно было надежно опереться, чтобы твердо, съ увѣренностью идти впередъ. Рѣдко кто не мучился, ища выхода изъ заколдованнаго круга противорѣчій между мыслью, идеаломъ и дѣйствительностью, знаніемъ и вѣрою, требованіями общественными и личными, правдою внутренней и юридической. Многіе, не выдержавъ пытки, возвращаются назадъ съ полупути и отъ отчаянія отдаются на произволъ случайностей жизни, въ надеждѣ, что, можетъ быть, онѣ прибьютъ ихъ къ какому-нибудь берегу. Огромное большинство, не зарываясь въ глубь, довольствуются половинчатыми рѣшеніями, приспособленными къ ихъ ближайшимъ потребностямъ, практическимъ цѣлямъ, преобладающимъ вкусамъ и привычкамъ, и не задумываются надъ тѣмъ, что мосты, построенные ими надъ пропастью, держатся на компромиссахъ, не выдерживающихъ критики. Натуры одностороннія, съ сильно преобладающею природной наклонностью къ тому или другому строю воззрѣній, между которыми колеблется мысль и дѣйствительность, легко находятъ примиреніе, заглушивъ и отбросивъ всякія возраженія и беззавѣтно отдавшись воззрѣнію, которое имъ особенно сочувственно по ихъ природѣ. Благо тѣмъ немногимъ, которые, посреди тяжкаго раздумья и горькихъ опытовъ въ жизни, не утратили живого чутья къ явленіямъ дѣйствительности и не потеряли надежды найти ключъ къ роковой загадкѣ, не дающей людямъ покоя съ тѣхъ поръ, что они начали думать!

Въ настоящемъ положеніи поставленныхъ выше вопросовъ, когда никто не можетъ обольщать себя мечтой разрѣшить ихъ, полезно будетъ, если каждый, кто надъ ними крѣпко задумывался, представитъ откровенную исповѣдь своихъ блужданій на пути къ истинѣ: такъ накопился бы мало-по-малу матеріалъ, пригодный для будущихъ, болѣе счастливыхъ мыслителей, жаждущихъ правды и истины. Недавно мы читали такую исповѣдь, къ сожалѣнію, въ рукописи, дышащую трогательною задушевностью и искренностью. Едва ли когда-нибудь у насъ тяжесть сомнѣній, производимыхъ ими душевныхъ страданій и потребность найти рѣшеніе выражались съ такою силой и такою правдой. Найденный авторомъ выходъ не удовлетворилъ насъ и не разрѣшилъ нашихъ сомнѣній и колебаній. Мы шли другимъ путемъ и намѣрены теперь подѣлиться съ читателями своими наблюденіями и соображеніями,—выводами напряженнаго раздумья многихъ лѣтъ.

XI.

Между искренно-религіозными людьми можно различать двѣ категоріи. Одни—и ихъ большинство—не задаются критикой своихъ убѣжденій. Они просто вѣрятъ и проводятъ свои вѣрованія въ жизнь по крайнему убѣжденію и доброй совѣсти. Если сомнѣніе ихъ посѣтитъ, они отворачиваются отъ него, какъ отъ соблазна, стараются заглушить его въ своемъ умѣ и въ своемъ сердцѣ и, по возможности, вѣрить и жить, какъ жили и вѣровали. Въ русскомъ народѣ, въ высокой степени общительномъ, такая простая и дѣятельная религіозность сопровождается большою вѣротерпимостью. Мало того: русскіе религіозные люди изъ простого народа очень цѣнятъ и въ иновѣрцахъ, не только христіанахъ, когда они твердо держатся своей вѣры въ мысляхъ и поступкахъ, и ставятъ имъ это въ заслугу, уважая въ нихъ то, что̀ для нихъ самихъ дорого и свято. Другіе, къ кото-

рымъ принадлежитъ образованное просвѣщенное меньшинство искренно убѣжденныхъ религіозныхъ людей, не довольствуясь одною вѣрой и отвѣчающими ей дѣлами пытаются согласить свои убѣжденія съ требованіями критическаго ума и знанія, возвести свои вѣрованія на степень научной истины и создаютъ, въ противоположность критическому научному міровоззрѣнію, свою философскую теорію и доктрину, которая предназначена вытѣснить научныя мудрованія и заступить ихъ мѣсто. Въ настоящемъ бѣгломъ обзорѣ различныхъ путей, которыхъ ищетъ и которые прокладываетъ современная русская мысль, только эта сторона религіозныхъ стремленій подлежитъ разсмотрѣнію. Когда теологія, положительное изученіе и толкованіе фактовъ религіи, переходитъ въ теософію и вступаетъ въ область науки, усиливается получить въ ней права гражданства и противопоставляетъ свои выводы результатамъ критическаго знанія, съ намѣреніемъ упразднить его и заступить его мѣсто, она тѣмъ самымъ должна подчиниться всѣмъ научнымъ пріемамъ и методу, общимъ и обязательнымъ для всѣхъ отраслей знанія, выработаннымъ и провѣреннымъ многовѣковыми усиліями и оправдавшимъ себя правильностью добытыхъ результатовъ. До сихъ поръ притязанія теоріи вытѣснить критическую науку, выбить ее изъ сѣдла, не увѣнчались успѣхомъ. Каждый разъ, какъ богословіе покидало почву положительнаго изученія явленій религіознаго сознанія и пускалось въ область научныхъ теорій и построеній, выводы его встрѣчали рѣшительный отпоръ со стороны научнаго знанія и критики. Несмотря на постоянныя неудачи, нападенія противъ научнаго знанія во имя религіи то и дѣло возобновляются. Еще недавно выступилъ съ протестомъ противъ науки, во имя религіозныхъ потребностей, одинъ изъ нашихъ знаменитѣйшихъ писателей, съ искренностью и правдивостью, оставляющими въ читателѣ глубокое впечатлѣніе, несмотря на слабость аргументаціи и доводовъ. Что̀ значитъ это? Наука, въ своихъ заключеніяхъ, по своимъ пріемамъ, неотразима; а, между тѣмъ, она не удовлетворяетъ, оставляетъ какія-то душевныя потребности безъ объясненія и безъ отвѣта. Въ этомъ, очевидно, есть какое-то противорѣчіе. Знаніе, обнимая всю жизнь природы и человѣка, должно найти въ своихъ рамкахъ мѣсто для всѣхъ явленій, всѣхъ выраженій и потребностей человѣческой природы. Если одно изъ такихъ капитальныхъ, какъ религіозныя наклонности и стремленія, оставлено за дверью, не значитъ ли это, что всѣ предпосылки науки ошибочны и требуютъ новой критики и провѣрки?

Такъ ставится вопросъ въ наше время. Обойти его нѣтъ возможности. Разрѣшенія его неотступно требуютъ истина, правда, достоинство самой науки и научнаго знанія. Умъ не можетъ успокоиться, пока одна изъ самыхъ неотступныхъ потребностей людей не найдетъ отвѣта и отзыва въ области знанія.

XII.

Многіе недовѣрчиво и подозрительно относятся къ религіознымъ стремленіямъ, между прочимъ, потому, что они плохо уживаются съ государствомъ и наукой, вслѣдствіе ихъ будто бы исключительнаго характера. Считая себя обладателемъ безусловной истины и правды, насколько она доступна человѣку, люди съ одинаковымъ религіознымъ направленіемъ сближаются и образуютъ общество съ своими уставами, которое выростаетъ въ силу, не терпящую около себя и рядомъ съ собою никакой другой. Въ доказательство ссылаются на теократіи, на папство, на бывшія и у насъ до Петра попытки такого же рода. Но властолюбіе и стремленіе къ исключительному господству относится не къ религіознымъ потребностямъ вообще, а только къ извѣстной фазѣ ихъ развитія. Выше мы замѣтили, что у простыхъ религіозныхъ русскихъ людей нѣтъ и тѣни подобныхъ расположеній. Религіозныя стремленія могутъ стать завоевательными, властолюбивыми и исключительными лишь съ той минуты, когда изъ дѣла убѣжденія и личной совѣсти они переходятъ въ доктрину, становятся дѣломъ ума, науки, критики, когда люди одинаковой вѣры образуются въ свѣтское общество, преслѣдующее свѣтскія цѣли. На этомъ пути они встрѣчаются лицомъ къ лицу съ государствомъ и наукой и, рано или поздно, должны передъ ними отступить, какъ показываетъ вся исторія.

Такіе періодически возобновляющіеся протесты религіозныхъ потребностей противъ пренебреженія и отрицанія, которыя они встрѣчаютъ со стороны точной науки, и, въ то же время, безсиліе религіозныхъ стрем-

леній, преобразившихся въ теософію и особое учрежденіе, побороть науку и государство, вынуждаютъ взглянуть на нихъ совсѣмъ иначе, чѣмъ смотрѣлось до сихъ поръ. Всѣ религіи основаны на преданіи, во имя котораго онѣ себя отстаиваютъ и предъявляютъ право на господство и власть въ обществѣ. Вытѣсненныя съ этой арены критикой и развитіемъ государства и общественныхъ учрежденій, религіозныя стремленія сосредоточиваются въ частной, гражданской индивидуальной жизни и дѣятельности, не измѣняя своего традиціоннаго характера. Считая ихъ въ этой сферѣ совершенно безвредными,—пожалуй, въ извѣстной степени и въ извѣстныхъ отношеніяхъ, даже полезными,—мы предоставляемъ имъ прозябать, какъ они тамъ себѣ знаютъ, не заботясь и не думая о нихъ долѣе. Единственныя стороны, въ которыхъ мы признаемъ характерную черту религій,—это традиціонная и обрядовая; что касается ихъ содержанія—прецептовъ, ученій, то они, думаемъ мы, лучшими своими сторонами и въ несравненно болѣе правильной отдѣлкѣ перешли въ науку, въ гражданскіе, общественные, политическіе уставы, обычаи и нравы. Много ли, мало ли пройдетъ времени, традиціи постепенно замрутъ и испарятся, а съ ними и ритуалы, по мѣрѣ того какъ ихъ безполезность и ненужность будутъ яснѣе и яснѣе сознаваться большинствомъ людей.

Такъ смотритъ на религію и религіозныя сремленія огромное большинство думающихъ и образованныхъ людей и у насъ и въ Европѣ. Очень немногіе безпокоятъ себя вопросомъ, не скрывается ли за преданіемъ чего-либо такого, что не принято, не переработано наукой и осталось внѣ ея области, за ея порогомъ, а между тѣмъ составляетъ живую потребность людей; но очень и очень многіе это чувствуютъ, и такое чувство выражается отрицательно — въ недовольствѣ наукою, знаніемъ, котораго не умѣютъ опредѣлить, положительно—въ цѣпкости, съ которою держатся за преданіе, какъ за якорь спасенія, какъ за доску, поддерживающую посреди волнующагося житейскаго моря, готоваго ежеминутно поглотить каждаго въ своихъ нѣдрахъ.

XIII.

Темное чувство, влекущее многихъ къ религіи, неопредѣленное безпокойство и какое то неудовлетвореніе посреди небывалаго развитія и совершенства современной цивилизаціи и ея обильныхъ и роскошныхъ даровъ не впервые встрѣчаются въ наше время. Въ подобной обстановкѣ царскій сынъ Сакіямуни отказался отъ всѣхъ радостей жизни, чтобы въ уединеніи рѣшить въ себѣ и для себя великій вопросъ внутренняго удовлетворенія. Нирвана, до которой онъ додумался, была отвѣтомъ восточнаго человѣка, не созрѣвшаго ни до философскаго мышленія и науки, ни до подчиненія обстоятельствъ и обстановки своимъ внутреннимъ задачамъ и цѣлямъ. Въ Греціи, въ эпоху ея высшаго развитія и процвѣтанія, является Сократъ, который указываетъ, какъ высшую задачу, познаніе самого себя, внутреннюю добродѣтель. То же самое повторилось и въ Римѣ. Когда онъ достигъ высшей степени культуры, стоики и эпикурейцы—тѣ и другіе по своему—искали внутренняго удовлетворенія, котораго не находили въ блестящей обстановкѣ распустившагося пышнымъ цвѣтомъ античнаго міра. Тогда же появилось слово утѣшенія, которое и теперь, спустя двѣ тысячи лѣтъ, вноситъ миръ, успокоеніе и благодать въ душу, истерзанную испытаніями, придаетъ ей бодрость и силу выносить ихъ. Отчего католичество, побѣжденное и наукою, и государствомъ, продолжаетъ однако жить и оказывается силой, съ которою приходится считаться даже величайшимъ современнымъ политическимъ дѣятелямъ? Оттого, что оно хранитъ, хотя въ искаженномъ и обезображенномъ видѣ, это слово утѣшенія и успокоенія, котораго не могутъ дать ни наука, ни искусство, ни политическая и общественная жизнь. Весьма знаменательно, что исканіе людьми точки опоры въ самомъ человѣкѣ, въ его внутреннемъ, духовномъ мірѣ, во всѣ эпохи начиналось въ то время, когда цѣлая культура, достигнувъ своего апогея, склонялась къ упадку и разложенію. Судя по аналогіи, неожиданное оживленіе религіозныхъ стремленій служитъ зловѣщимъ признакомъ для современной европейской культуры и показываетъ, что новое время стучится въ дверь, что оно уже наступаетъ.

Противъ этихъ аналогій и сближеній намъ

могутъ возразить, что они вовсе не доказываютъ того вывода, который мы изъ нихъ дѣлаемъ. Если обращеніе человѣка къ своему внутреннему міру есть заключительный актъ всякой цивилизаціи, то напрасно стали бы мы искать въ религіозныхъ стремленіяхъ подкладки, способной отвѣчать на основные вопросы жизни. Въ судьбахъ народовъ и исторіи они не болѣе, какъ заключительное звено развитія, послѣ чего оно прекращается и начинается снова, часто на другой почвѣ и при другихъ условіяхъ. Исторія представляла бы, такимъ образомъ, не болѣе, какъ повтореніе одного и того же процесса, конечно, въ разнообразныхъ формахъ, какъ училъ еще Вико. Какъ дерево и всякій вообще организмъ имѣетъ свое начало, свое развитіе и свой конецъ, такъ и народы. Различные фазисы ихъ существованія не могутъ, слѣдовательно, имѣть другаго значенія, кромѣ повторенія, въ разныхъ видахъ, одного и того же круговорота. Что же можетъ быть безотраднѣе такого взгляда? Не является ли человѣкъ, въ правильномъ, періодическомъ возобновленіи одного и того же органическаго процеса, жалкою пѣшкой, которой фатально суждено проходить черезъ разныя стремленія въ вѣчной погонѣ за удовлетвореніемъ, чтобы, въ концѣ-концовъ, придти къ той же неизбѣжной гробовой доскѣ неудовлетвореннымъ и, вдобавокъ, съ горькимъ сознаніемъ, что удовлетвореніе—лишь мечта и призракъ?

Тѣ, которые такъ смотрятъ, упускаютъ, какъ мы думаемъ, изъ вида, что сквозь рядъ кажущихся повтореній одного и того же процесса проходитъ красною ниткой одинъ общій всему человѣческому роду процессъ постепеннаго и послѣдовательнаго развитія, котораго стадіи мы ощупываемъ, хотя и не знаемъ окончательнаго его результата, который еще впереди. Процессъ этотъ опредѣляется единственно и исключительно накопленіемъ знанія и опытности въ постепенномъ приспособленіи всего окружающаго къ потребностямъ и нуждамъ людей и въ умѣньи воспитать и выработать человѣка, такъ чтобы ему жилось возможно хорошо въ окружающей его обстановкѣ. Другого смысла не имѣетъ исторія рода человѣческаго. Знаніе и опытность развиваютъ людей въ указанныхъ двухъ направленіяхъ. Капитализація знанія и опытности идетъ не прерываясь, отъ поколѣнія къ поколѣнію, отъ народа къ народу, отъ эпохи къ эпохѣ, вслѣдствіе чего каждая новая фаза развитія, составляя повтореніе того же, что было когда-то прежде, въ то же время, представляетъ нѣчто новое, чего прежде никогда не бывало. Это новое и зависитъ отъ большей степени знанія, опытности, и составляетъ дѣйствительный успѣхъ, шагъ впередъ въ развитіи человѣческаго рода. Возьмемъ для примѣра хоть то же обращеніе человѣка къ самому себѣ, къ своему внутреннему міру. Мы видѣли, что оно возвращалось періодически, въ разныя эпохи исторіи и при обстоятельствахъ, имѣющихъ между собою много аналогичнаго; а, между тѣмъ, стоитъ только сравнить между собою видъ, способъ, формы, въ которыхъ выражалось въ разныя эпохи обращеніе человѣка къ своему внутреннему міру, чтобы тотчасъ же замѣтить, что оно каждый послѣдующій разъ становилось яснѣе, сильнѣе, глубже, настойчивѣе. Отъ чего это? Единственно отъ того, что, подъ вліяніемъ наблюденія, знанія и опытности, духовный міръ человѣка, его значеніе и роль въ человѣческихъ дѣлахъ болѣе и болѣе выяснялись въ сознаніи.

XIV.

Почему же, спросятъ насъ, сознаніе внутренняго, духовнаго міра человѣка, разъ возникнувъ, хотя бы и въ самомъ несовершенномъ видѣ, впослѣдствіи на долгое время утрачивалось и исчезало, повидимому, безъ слѣда, и люди, отворотившись отъ него, съ новою энергіей, бодростью и увлеченіемъ принимались за изученіе и устроеніе окружающаго, какъ будто въ немъ одномъ можно было найти точку опоры и разрѣшеніе всѣхъ трудныхъ и сложныхъ задачъ человѣческаго благополучія? Не слѣдуетъ ли отсюда, что обращеніе человѣка на себя не болѣе, какъ переходный моментъ въ развитіи, минутная стоянка, отдыхъ, послѣ котораго люди съ обновленными силами снова продолжаютъ свой многовѣковой трудъ? Такой выводъ тѣмъ болѣе правдоподобенъ, что, какъ сказано, за погруженіемъ человѣка въ свой духовный міръ наступало всегда не обновленіе политической и общественной жизни, а, напротивъ, ея разложеніе и разрушеніе. Такимъ образомъ, только въ накопленіи знанія объективнаго міра и опытности въ обращеніи съ нимъ заключается

дѣйствительный успѣхъ и развитіе рода человѣческаго, а вовсе не въ различныхъ видахъ погруженія человѣка въ себя. Послѣднее есть не болѣе, какъ признакъ, показатель перехода знанія и опытности изъ одной стадіи развитія въ другую.

Въ основаніи такого взгляда лежитъ важное недоразумѣніе и ошибка. Что такое знаніе и опытность? Еще Кантъ неопровержимо доказалъ, что они не есть нѣчто объективное, внѣ насъ существующее, а выражаютъ собою только отношеніе человѣка къ предмету. Мы называемъ это отношеніе объективнымъ, когда не одинъ какой-нибудь человѣкъ, а огромное большинство людей, весь родъ человѣческій находятся въ одинаковыхъ отношеніяхъ къ предмету. Это высшій критерій всякаго объективнаго знанія и опытности. Въ самомъ ли дѣлѣ дерево зелено, звукъ высокъ или низокъ, тѣло гладко или шероховато,—для этого мы не имѣемъ другой повѣрки, кромѣ ощущеній, общихъ всѣмъ людямъ. Установить какой-нибудь фактъ объективнымъ образомъ—значитъ ни болѣе, ни менѣе какъ сдѣлать его несомнѣннымъ для огромнаго большинства людей, а вовсе не изслѣдовать его, каковъ онъ самъ по себѣ, помимо человѣка, что вовсе невозможно, какъ нельзя исчислить точно квадратуру круга или придумать машину вѣчнаго движенія. Оттого и такъ называемая объективная истина подвижна, способна къ совершенствованію по мѣрѣ того, какъ совершенствуются пріемы и методъ наблюденій; а это доказываетъ, что развитіе самаго человѣка, его наблюдательности, его опытности, входитъ какъ существенная составная часть въ выработку и успѣхи того, что мы считаемъ объективнымъ предметнымъ знаніемъ.

Но если это справедливо даже въ примѣненіи къ наукѣ объ окружающемъ насъ мірѣ, то что сказать о явленіяхъ и фактахъ нашего духовнаго, внутренняго міра, которые мы узнаемъ не изъ внѣшнихъ наблюденій и опыта, а посредствомъ внутренняго сознанія, духовными очами? Знаніе его, умѣніе обращаться съ нимъ имѣетъ ли и можетъ ли оно имѣть объективный характеръ, значеніе объективной истины? Отвѣтъ не можетъ быть сомнителенъ. Выражая только наше отношеніе къ предметамъ внутренняго наблюденія, оно такъ же мало объективно и предметно, какъ и знаніе окружающихъ насъ предметовъ, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ дѣло не съ тѣмъ, что внѣ насъ, а съ тѣмъ, что въ насъ самихъ и въ нашемъ сознаніи. И такъ, въ такъ называемомъ объективномъ, предметномъ знаніи и опытности, которыя кажутся намъ отрѣшенными отъ человѣка, онъ, на самомъ дѣлѣ, есть одинъ изъ существенныхъ элементовъ, изъ которыхъ оба слагаются и безъ которыхъ совсѣмъ немыслимы. Стало быть, и обращеніе его на самого себя изъ окружающаго его предметнаго міра не можетъ быть только признакомъ и перерывомъ въ развитіи объективнаго знанія; напротивъ, оно есть естественное и необходимое его послѣдствіе, выводъ изъ него и его повѣрка. Изслѣдуя и узнавая окружающее, человѣкъ измѣняется самъ и смотритъ на тотъ же окружающій міръ другими глазами, а это снова измѣняетъ его прежній взглядъ и заставляетъ иначе взглянуть на то, что живетъ и совершается около него. Въ этомъ и заключается развитіе знанія и опытности. Въ этомъ же— и объясненіе періодическаго обращенія человѣка къ самому себѣ, къ своему внутреннему, психическому міру.

XV.

Несомнѣнная связь между человѣкомъ и окружающимъ его міромъ, такъ ясно выступающая въ развитіи знанія и науки, далеко, впрочемъ, не разрѣшаетъ всѣхъ недоумѣній, возбуждаемыхъ ходомъ историческаго развитія, на который было указано выше. Человѣкъ съ своимъ внутреннимъ міромъ и его тайнами и откровеніями выступаетъ не какъ продолженіе, разъясненіе и дополненіе окружающаго, — напротивъ, онъ отрицаетъ его, спасается отъ его золъ и страданій, въ самомъ себѣ ищетъ точки опоры и во имя ея стремится пересоздать весь дѣйствительный міръ и условія его существованія. Что значитъ это противопоставленіе внутренняго міра внѣшнему, доходящее до вражды, и почему оно является заключительнымъ актомъ эпохъ культуръ и цивилизацій, а не заявляетъ себя въ самомъ ихъ началѣ?

Позднее появленіе протестовъ во имя внутренняго, душевнаго міра противъ окружающей среды, въ которой суждено жить человѣку, легко объясняется закономъ дифференціаціи, одинаково замѣчаемымъ въ развитіи природы и человѣка и человѣческаго общежитія. Слитное, не различенное въ зародышѣ,

является при дальнѣйшемъ ростѣ различеннымъ и обособленнымъ, иногда до того, что трудно уловить и опредѣлить взаимную связь бывшихъ прежде частей одного цѣлаго. Послѣднее замѣчаніе особенно относится къ высшимъ, сложнымъ организмамъ, каково, напримѣръ, человѣческое общество. Сначала индивидуальность людей, изъ которыхъ оно состоитъ, не выдается впередъ, стушевываясь и утопая въ общемъ стадномъ чувствѣ. Развитіе общества ослабляетъ это первоначальное безразличіе. По мѣрѣ того, какъ общество живетъ, индивидуальность выступаетъ ярче, опредѣленнѣе и рѣзче. Вотъ почему обращеніе человѣка къ себѣ, погруженіе его въ свой внутренній міръ, въ противоположность окружающему внѣшнему, появляется не на первыхъ, а на послѣднихъ заключительныхъ ступеняхъ развитія, когда всѣ задатки эпохи вполнѣ созрѣли, когда она исчерпала свое содержаніе и пришла къ заключительнымъ своимъ итогамъ.

Гораздо труднѣе объяснить противоположность между индивидуальнымъ человѣкомъ и окружающею природой и обществомъ. Каждый человѣкъ есть часть природы и отъ рожденія до конца живетъ между людьми. Тѣмъ, что̀ онъ есть, онъ обязанъ природѣ и обществу. При такой тѣсной, органической связи его съ окружающимъ, казалось бы, нѣтъ и не должно бы быть мѣста противопоставленію, доходящему до вражды и отрицанія. А на дѣлѣ мы видимъ другое. Вся дѣйствительная жизнь есть непрерывная борьба. Все, что дѣйствительно существуетъ, начиная съ низшихъ организмовъ и оканчивая высшими, живетъ одно на счетъ другого, завоевывая свое существованіе съ боя и безпрестанно подвергаясь опасности сдѣлаться жертвою окружающаго. На человѣкѣ, самомъ развитомъ и сложномъ изъ всѣхъ организмовъ въ природѣ, этотъ общій законъ жизни выражается всего явственнѣе и рѣзче. Онъ непрестанно борется съ природой, съ подобными себѣ людьми, съ обществомъ, посреди котораго родился, выросъ и живетъ, то побѣждая ихъ, то, напротивъ, изнемогая передъ ихъ превосходными силами. Какъ же согласить вопіющее противорѣчіе между двумя одинаково несомнѣнными дѣйствительными фактами, которые, однако, также несомнѣнно исключаютъ другъ друга, — между единствомъ всего существующаго и непрерывною борьбой этого существующаго съ самимъ собою? Вопросъ этотъ поставленъ съ тѣхъ поръ, что человѣкъ сталъ думать, рѣшался на тысячи ладовъ, но до сихъ поръ удовлетворительнаго рѣшенія его не найдено. Какъ о свободѣ и необходимости, такъ и объ отношеніяхъ человѣка къ природѣ и обществу люди спорили между собою испоконъ вѣка, спорятъ до сихъ поръ и никакъ не могутъ придти къ соглашенію. Отчего это? Кантъ, не находя удовлетворительнаго отвѣта на основные запросы знанія въ современномъ ему философскомъ догматизмѣ, напалъ на мысль, не скрывается ли причина неудовлетворительности въ томъ, что не обращается вниманія на элементы, вносимые въ познаніе предмета со стороны познающаго лица? Эта мысль, разработанная въ *Критикѣ чистаго разума*, произвела цѣлый переворотъ въ философіи. Неразрѣшимое противорѣчіе, передъ которымъ мысль останавливается въ недоумѣніи послѣ столькихъ неудачныхъ попытокъ найти отвѣтъ, снова ставитъ на очередь вопросъ, поставленный геніальнымъ нѣмецкимъ мыслителемъ, конечно, въ другихъ условіяхъ и другой формулѣ. Если два явленія, одинаково очевидныя и несомнѣнныя, существующія въ дѣйствительности рядомъ одно подлѣ другого, исключаютъ себя взаимно въ нашей мысли, въ нашемъ пониманіи, то не происходитъ ли это отъ того, что мы сопоставляемъ неоднородное, ставимъ ихъ на одну доску и мѣряемъ однимъ аршиномъ? На этотъ вопросъ наводитъ многое. Точная наука не занимается индивидуальностью; послѣдняя изъ нея выпадаетъ и ею отбрасывается, какъ вовсе ей ненужная. Религія, совершенно наоборотъ, вся посвящена духовнымъ и душевнымъ интересамъ лица, его индивидуальнаго существованія. Наука имѣетъ задачею знаніе законовъ и необходимыхъ условій существующаго, явленій; религія ставитъ на первый планъ не объективную истину, а напутствіе человѣка къ духовной и нравственной жизни посреди житейской борьбы и невзгодъ, и пользуется выводами науки лишь настолько, насколько они могутъ служить этой главной, существенной цѣли. То, что̀ къ ней не подходитъ или ей противорѣчитъ, религія отвергаетъ, какъ вредное, какъ зло. Зорко и ревниво оберегая только личное, индивидуальное духовное и нравственное существованіе, она останавливаетъ попытки знанія проникнуть тайны существованія тамъ, гдѣ бы онѣ могли поколебать устои

личной духовной жизни, и не обинуясь высказываетъ, что эти устои скрыты отъ человѣческаго вѣдѣнія и непостижимы для ума. Все религіозное міросозерцаніе, отъ начала до конца, въ общемъ и мельчайшихъ подробностяхъ, построено на одной основной мысли — сохранить, направить и воспитать духовно и нравственно человѣка, дать его душѣ и совѣсти точку опоры противъ соблазновъ и искушеній на жизненномъ пути. Все пригоняется и прилаживается къ этой завѣтной цѣли: и разныя отрасли искусства, и философія и, по возможности, формы быта и общественности. Въ этой заботѣ объ удовлетвореніи духовныхъ потребностей индивидуальнаго человѣческаго существованія заключается сила религіи и тайна ея огромнаго вліянія на людей.

XVI.

Отчего же знаніе, наука, не можетъ справиться съ индивидуальнымъ существованіемъ и относится къ нему равнодушно? Отвѣтъ не труденъ: задачи знанія совсѣмъ другія и пріемы его совсѣмъ не тѣ, какіе нужны для духовнаго и нравственнаго воспитанія и назиданія отдѣльнаго человѣка, лица. Наука изслѣдуетъ не цѣльный предметъ въ его совокупности, въ его живой дѣйствительности, а одни условія и законы его существованія и дѣятельности и обобщаетъ эти законы и условія въ общія формулы. Вслѣдствіе того, она вездѣ и всегда начинаетъ съ разложенія дѣйствительнаго, живого факта на его составныя части и получаетъ въ результатѣ уже нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ была дѣйствительность, подвергнутая научному анализу. Результатъ этотъ состоитъ въ обнаруженіи и пониманіи условій и законовъ дѣйствительной жизни. Оттого-то выводы науки представляютъ совсѣмъ иныя комбинаціи, чѣмъ какія дѣйствительно существуютъ, и вовсе на нихъ непохожія. Эти комбинаціи, когда онѣ сдѣланы совершенно правильно, на основаніи всѣхъ характерныхъ явленій, суть несомнѣнныя истины, отвѣчающія дѣйствительности, но истины въ объясненномъ выше смыслѣ, то-есть представляющія соотвѣтствіе нашего пониманія съ тѣми законами и условіями, которыя дѣйствительно управляютъ живыми явленіями. Наука даетъ намъ, такимъ образомъ, знаніе того, что̀ есть, но съ особенной точки зрѣнія, съ извѣстной стороны, которая отвлечена отъ дѣйствительности и совсѣмъ иначе комбинируется въ нашемъ умѣ. Къ чему, спрашивается, нужны намъ такія новыя комбинаціи, такое преобразованіе дѣйствительности въ нашей головѣ? Роль ихъ, а потому и науки, въ дѣйствительной жизни громадная. Благодаря имъ, и только при ихъ помощи, человѣкъ получаетъ возможность производить то, что̀ ему полезно или нужно, устранять или ослаблять то, что̀ ему вредно или ненужно. Въ фантастическомъ упоеніи этою возможностью сопоставлять извѣстныя условія и тѣмъ производить тѣ или другія явленія, человѣкъ провозгласилъ себя владыкою міра, покорителемъ природы, властелиномъ всѣхъ условій — не только естественныхъ, природныхъ, но и соціальныхъ—своего существованія. Эта власть и господство имѣютъ, какъ все, свои предѣлы въ самыхъ условіяхъ существованія и въ недостаточности научныхъ средствъ все узнать, все изслѣдовать; но не подлежитъ сомнѣнію, что только при помощи, посредствомъ науки и знанія люди улучшили и безпрерывно улучшаютъ свой бытъ, обезпечиваютъ себя противъ тысячи вредныхъ и опасныхъ случайностей, создали и создаютъ около себя обстановку, благопріятную для развитія не только матеріальнаго, но умственнаго и нравственнаго. До сихъ поръ никто еще не указалъ, гдѣ предѣлы знанія, на какомъ пунктѣ оно должно остановиться. Какъ глыба снѣга, катящаяся съ горы, знаніе, развиваясь, не только увеличивается въ объемѣ, но расширяетъ и свои средства, и выростаетъ въ громадную силу. Но нельзя и не должно требовать отъ знанія того, что̀ оно по своему существу, по своей природѣ дать не можетъ. Умъ не болѣе, какъ особый процессъ, особое отправленіе человѣка, человѣческой природы. Онъ ничего не создаетъ, а только производитъ новыя комбинаціи того, что̀ есть, и притомъ всегда въ видѣ отвлеченій и обобщеній. Эти отвлеченія и обобщенія не имѣютъ, внѣ человѣка, никакой объективной реальности, которую долгое время имъ приписывала философія. Ошибка произошла единственно отъ того, что умъ, какъ органическое свойство и отправленіе, дѣйствуетъ безсознательно, помимо нашей воли и пониманія. Когда сознаніе пробуждается, оно уже находитъ въ душѣ готовыя отвлеченія и обобщенія, и, не зная откуда они взялись, принимаетъ ихъ за дѣйствительности и реальности особаго рода, которыя

и противополагаетъ реальности, доступной внѣшнимъ чувствамъ. Естествовѣдѣніе, именно физіологія и критическая психологія, раскрыли эту ошибку. Первая доказала зависимость умственныхъ отправленій отъ мозга и нервовъ; послѣдняя раскрыла, что содержаніе этихъ мнимыхъ существъ заимствовано изъ внѣшнихъ ощущеній или фактовъ внутренней психической жизни и получило своеобразный видъ и форму только вслѣдствіе переработки ощущеній и психическихъ явленій умственными операціями. Уяснивъ это себѣ, мы должны признать, что знаніе есть не что иное, какъ особый, свойственный лишь человѣческому роду способъ отношеній къ окружающему и самому себѣ, служащій ему средствомъ для достиженія своихъ цѣлей. Цѣль, задачу человѣкъ носитъ въ себѣ. Она заключается въ удовлетвореніи его потребностей — физическихъ, духовныхъ и нравственныхъ, разнообразныхъ и многосложныхъ, какъ его природа. Мы называемъ знаніе средствомъ, потому что оно, само по себѣ, въ теоретическомъ, чистомъ своемъ видѣ, представляетъ сознанію ту же живую дѣйствительность, только переиначенную умственнымъ процессомъ, и остается мертвою, сухою отвлеченностью до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не воспользуется ею для сопоставленія условій живого, дѣйствительнаго міра согласно съ своими задачами и цѣлями. Такъ называемыя прикладныя науки показываютъ примѣненіе отвлеченныхъ истинъ знанія къ дѣйствительнымъ живымъ явленіямъ и облегчаютъ человѣку приложеніе ихъ къ его ближайшимъ практическимъ потребностямъ и нуждамъ.

XVII.

Только въ различномъ назначеніи, роли и задачахъ религіи и науки заключается, какъ мы думаемъ, единственная причина ихъ существеннаго различія. Религія воспитываетъ нравственную личность, заботится о ней, направляетъ и поддерживаетъ ее въ дѣйствительной жизни и ея треволненіяхъ; наука, знаніе, выясняетъ общія условія дѣйствительнаго бытія и даетъ могучее орудіе для ихъ устроенія по возможности согласно съ потребностями и желаніями людей. Обѣ подходятъ къ одной и той же задачѣ съ двухъ различныхъ сторонъ: религія — съ психической, субъективной, нравственной, наука — съ внѣшней, объективной. Ихъ противоположность и вражда происходятъ только вслѣдствіе глубокихъ недоразумѣній и неяснаго пониманія взаимныхъ ихъ отношеній, круга и границъ ихъ дѣятельности. Назначеніе религіи не есть знаніе; стало быть, ей, казалось бы, и не слѣдъ выступать противникомъ и врагомъ его, къ какимъ бы результатамъ и выводамъ оно ни пришло. Точно такъ же и наукѣ, знанію, не слѣдъ было бы враждовать противъ религіи, когда назначеніе ея не нравственное воспитаніе людей, а открытіе общихъ условій и законовъ существующаго. Однако, такое рѣшеніе не удовлетворяетъ никого. И наука, и религія несутъ съ собою цѣлое міросозерцаніе: первая — основанное на изслѣдованіяхъ, другая — на преданіи, и обѣ взаимно исключаютъ другъ друга. Какъ же разрѣшить его? Поставленный въ упоръ во всей его непосредственности и рѣзкости, онъ, мы полагаемъ, и не разрѣшимъ. Тѣ, для которыхъ нравственное развитіе отдѣльнаго лица представляетъ главный, существенный интересъ, будутъ всегда болѣе чутки и внимательны къ доводамъ и воззрѣніямъ, ведущимъ къ этой цѣли, опуская или отбрасывая тѣ, которые не имѣютъ къ ней отношенія или опровергаютъ благопріятную ихъ цѣли аргументацію, и наоборотъ, люди болѣе наклонные къ строгой и точной умственной дѣятельности, болѣе расположенные, по складкѣ и свойствамъ своего ума, видѣть существенную и главную сторону дѣйствительности въ ея необходимыхъ, роковыхъ условіяхъ и законахъ, будутъ естественно выдвигать и подчеркивать то, что̀ имъ больше по душѣ, и яснѣе, рельефнѣе оттѣнять слабыя стороны выводовъ, разсчитанныхъ не въ виду знанія, а для соображеній, не имѣющихъ съ нимъ ничего общаго. Въ обществѣ, соединяющемъ въ одно цѣлое людей и того, и другого склада, главная задача — найти средніе термины ихъ мирнаго и безобиднаго сосуществованія рядомъ, и эта цѣль можетъ быть достигнута, когда причины противоположности будутъ обѣими сторонами поняты и кругъ дѣятельности того и другого направленія очерченъ добровольно и съ возможною точностью. Знаніе, наука, на многіе вопросы не даетъ въ теоріи точнаго отвѣта; въ практическомъ приложеніи приходится въ такихъ случаяхъ довольствоваться возможнымъ приближеніемъ къ недостижимому точному разрѣшенію. Этимъ приходится доволь-

ствоваться и при установленіи отношеній между религіей и наукой.

Такое рѣшеніе возможно и будетъ принято рано или поздно, но подъ слѣдующими непремѣнными условіями: во-первыхъ, должна быть доказана необходимость духовнаго и нравственнаго развитія личности и невозможность достигнуть цѣли, достигаемой религіей, непосредственнымъ примѣненіемъ результатовъ, къ которымъ приводитъ наука, знаніе. При положительномъ отвѣтѣ на то и другое, останется, во-вторыхъ; объяснить, существуетъ ли для людей науки и знанія возможность, не покидая почвы научнаго міросозерцанія, подойти, хотя бы и другимъ путемъ, къ тѣмъ же самымъ условіямъ духовнаго и нравственнаго развитія личности, которыя составляютъ силу религіи и изъ-за которыхъ она отказывается отъ выводовъ научнаго знанія? Пока эти вопросы не разрѣшены въ положительномъ смыслѣ, о практическихъ компромиссахъ между людьми религіознаго и научнаго направленія и рѣчи быть не можетъ, ибо если индивидуальное, духовное и нравственное развитіе не необходимо и безъ него можно обойтись, то дѣло, которому по преимуществу посвящаетъ себя религія, будетъ подкопано подъ самый корень, а съ нимъ и самое призваніе религіи окажется шаткимъ и спорнымъ; съ другой стороны, если научнымъ путемъ невозможно подойти къ тому же, что̀ составляетъ необходимое условіе духовнаго и нравственнаго развитія личности, то самое знаніе, наука, какъ не способная отвѣчать на одну изъ главныхъ потребностей человѣческаго существованія и идущая съ нею въ разрѣзъ, окажется вовсе не заслуживающею довѣрія, котораго къ себѣ требуетъ, и должна упасть во мнѣніи людей, умалиться до размѣровъ односторонняго упражненія умственныхъ способностей, полезнаго лишь въ тѣсномъ кругѣ однѣхъ матеріальныхъ потребностей, далеко не исчерпывающихъ всѣхъ сторонъ человѣческой жизни и дѣятельности. Только признаніе потребности духовнаго и нравственнаго развитія индивидуальности, какъ одной изъ основныхъ задачъ жизни, и возможности дойти двумя различными путями до условій ея удовлетворенія, могутъ подготовить почву для компромисса между религіей и наукой и ихъ мирнаго совмѣстнаго сосуществованія.

XVIII.

Современную науку упрекаютъ, особенно у насъ, въ томъ, что она знать не знаетъ и знать не хочетъ явленій духовнаго и нравственнаго міра, отрицаетъ ихъ въ принципѣ и, будучи матеріалистическою и атеистическою по своему существу, не признаетъ другихъ способовъ дѣйствія на человѣка, какъ чисто-внѣшнихъ, механическихъ, при помощи которыхъ и мечтаетъ создать благополучіе человѣческаго рода. Какое же можетъ быть такое благополучіе? Очевидно, такое же, каковы и самыя средства,—матеріальное, внѣшнее, а не духовное и нравственное, безъ котораго, однако, человѣкъ не можетъ быть человѣкомъ, и общество человѣческое должно развалиться, чему мы видимъ не мало примѣровъ въ исторіи. Съ порчею нравственности, съ пренебреженіемъ духовными и нравственными благами, вездѣ начинался упадокъ политической, общественной и частной жизни, добрыхъ нравовъ и порядковъ между людьми.

Въ основаніи такихъ упрековъ лежатъ большія недоразумѣнія и смѣшеніе понятій. Тѣмъ, которые произносятъ такіе приговоры современной наукѣ, теперешнее ея направленіе и методъ, очевидно, мало знакомы. Они не различаютъ ея отъ философіи и матеріалистическихъ системъ, съ которыми она давно уже разошлась и не имѣетъ ничего общаго. Наука нашего времени не есть система, не есть міросозерцаніе; она прежде и больше всего критика и потому не можетъ быть ни деистической, ни атеистической, ни спиритуалистической, ни матеріалистической. Она установляетъ точнымъ образомъ предметъ своихъ изслѣдованій, старается открыть условія и законы его существованія, отношенія къ другимъ ближайшимъ и болѣе отдаленнымъ предметамъ и, не задумываясь надъ ихъ сущностью, считаетъ свое дѣло оконченнымъ, задачу разрѣшенной, когда условія и законы существованія, дѣятельности и отношеній предмета изслѣдованія вполнѣ выяснены и опредѣлены. Вооруженная превосходнымъ, въ мельчайшихъ подробностяхъ выработаннымъ индуктивнымъ методомъ, повѣряя шагъ за шагомъ каждый изъ полученныхъ выводовъ, наука все болѣе и болѣе расширяетъ кругъ своихъ изслѣдованій, медленною, но вѣрною и твердою по-

ступью переходитъ отъ извѣстнаго, узнаннаго, къ неизвѣстному и критически необслѣдованному, отъ болѣе простого къ болѣе сложному, обнимая все болѣе и болѣе обширный кругъ. Такой характеръ науки выработался постепенно въ противоположность безчисленнымъ системамъ и міровоззрѣніямъ, между которыми умъ человѣческій заблудился и не зналъ на чемъ остановиться. Испробовавъ свои силы и утвердившись въ области матеріальныхъ явленій и фактовъ и оправдавъ въ ней правильность своихъ пріемовъ блистательнѣйшими теоретическими и практическими результатами, наука въ наше время стала захватывать и область явленій психическаго и соціальнаго порядка. Пока сдѣлано ею немного на этомъ новомъ полѣ изслѣдованій и сдѣланное не идетъ въ сравненіе съ тѣмъ, что ею совершено въ области естествознанія и математики, и это неудивительно. Пройдетъ еще не мало времени, пока она успѣетъ разобраться въ своеобразномъ матеріалѣ, какой представляютъ явленія психической и соціальной жизни, освоится съ нимъ и придумаетъ необходимыя примѣненія къ нимъ своего точнаго метода. До сихъ поръ усилія науки перенести пріемы естествознанія въ изслѣдованія психическихъ и соціальныхъ фактовъ не привели, да и не могли привести, къ ожидаемымъ результатамъ; но эти первыя пробы примѣнить къ изученію фактовъ другого порядка точный методъ изслѣдованій уже принесли огромную пользу тѣмъ, что выдѣлили изъ нихъ великое множество явленій физическаго міра, которыя ошибочно причисляли къ области психологіи и соціологіи, значительно очистивъ, такимъ образомъ, матеріалъ изслѣдованія отъ постороннихъ примѣсей, и указали на тѣсную, органическую связь между различными порядками явленій, не имѣвшими между собою, повидимому, никакой связи и ничего общаго.

Такимъ образомъ, упреки, которые дѣлаются современной наукѣ, по нашему убѣжденію, крайне несправедливы. Въ сферѣ психической и соціальной она только начинаетъ работать, и потому подписывать ей приговоръ по первымъ опытамъ или пробамъ крайне опрометчиво. Они относятся не къ ней, а къ тѣмъ, которые, забѣгая впередъ, уже предсказываютъ окончательные выводы, которыхъ она еще не дѣлала и не могла сдѣлать. Наконецъ, обрушиваясь на науку и взводя на нее массу обвиненій, весьма тяжкихъ, мы забываемъ, что она не рождается на свѣтъ готовою, какъ Минерва изъ головы Зевса, а окружена въ своей колыбели и при первыхъ своихъ шагахъ преданіями и остатками прошедшаго, изъ котораго выработалась, съ которыми никакъ не слѣдуетъ ее смѣшивать; мы же слишкомъ часто и крайне неосмотрительно валимъ на ея плечи то, въ чемъ она вовсе не виновна, чего она не говоритъ и не думаетъ, а говорятъ доктрины, потерявшія въ ея глазахъ кредитъ и постепенно приходящія въ забвеніе. Мы совершенно убѣждены, что наука имѣетъ всѣ необходимыя средства для изслѣдованія и строго-научнаго опредѣленія условій и законовъ психической жизни, какъ она ихъ открыла и указала въ жизни органической и неорганической природы. Всѣ существенные элементы, изъ которыхъ слагается духовная и нравственная жизнь человѣка, съ ихъ фактической стороны, значительно выяснены и съ каждымъ почти днемъ выясняются болѣе и болѣе. Для ихъ научнаго изслѣдованія накопленъ необозримый матеріалъ, большею частью еще сырой, но отчасти уже подработанный, и чувствуется, по ходу научныхъ изслѣдованій, что не слишкомъ далеко время, когда для индивидуальной психической жизни, составляющей вѣнецъ всей жизни и всей природы, будетъ найдена точная научная формула, какія открыты и открываются по другимъ сторонамъ жизни.

Но далѣе этого наука, знаніе, не можетъ идти. Опредѣленіемъ условій и законовъ психической жизни и дѣятельности ея задача оканчивается. Какъ воспользоваться этимъ знаніемъ для возможно-полнаго духовнаго и нравственнаго развитія того или другого лица, при такихъ или другихъ обстоятельствахъ и обстановкѣ, это уже не ея дѣло, какъ не ея дѣло учить, какъ разводить то или другое растеніе на той или другой почвѣ, при тѣхъ или другихъ климатическихъ условіяхъ. Достиженіе практическихъ цѣлей не входитъ въ задачи строгой науки, а такъ называемыхъ прикладныхъ наукъ, занимающихъ середину между знаніемъ и умѣньемъ или искусствомъ. Теоретическія основанія прикладныхъ наукъ даетъ чистая, строгая наука; онѣ же указываютъ только способы примѣненія этихъ основаній или началъ къ потребностямъ и нуждамъ людей. Смѣшеніе чистой науки съ прикладными есть одна изъ

причинъ путаницы понятій и часто влечетъ за собою весьма прискорбныя практическія послѣдствія. Теоретическая формула, какъ всякая отвлеченность, не можетъ быть непосредственно осуществлена въ дѣйствительности. Примѣненіе должно считаться съ готовыми конбинаціями дѣйствительной жизни, которыя установляются совсѣмъ не при тѣхъ условіяхъ, какъ научный выводъ.

XIX.

Если мы теперь отъ этихъ соображеній о характерѣ и значеніи научнаго знанія обратимся къ дѣйствительной жизни, то тотчасъ же увидимъ, что необходимость индивидуальной выработки для извѣстной цѣли или извѣстнаго назначенія—явленіе до того общее, до того не терпящее исключеній, что его нельзя не отнести къ числу существеннѣйшихъ условій и законовъ, управляющихъ міромъ. Только мысли и чувства знакомы съ общимъ и отвлеченнымъ. Дѣйствительность ихъ не знаетъ. Она вся, отъ низшихъ до высшихъ ступеней, состоитъ изъ индивидуумовъ, которые, возникая изъ общей всѣмъ имъ почвы, живя посреди ея и подчиняясь ея условіямъ, въ то же время имѣютъ каждый свое особое существованіе, свои потребности, удовлетвореніе которыхъ и составляетъ ихъ сознаваемую и безсознательную цѣль. Стремленіе къ цѣли и достиженіе ея разлагаются на двѣ стороны, которыя можно назвать субъективною и объективною: первая состоитъ въ приспособленіи индивидуума къ средѣ и даннымъ условіямъ, посреди которыхъ цѣль должна быть достигнута; вторая —въ приспособленіи среды и данныхъ условій такъ, чтобы они благопріятствовали достиженію цѣли. Вслѣдствіе того, всякая дѣятельность, направленная къ достиженію извѣстной цѣли, влечетъ за собою измѣненіе и дѣйствующаго лица, и среды, въ которой оно дѣйствуетъ. Выравненіе, правильнѣе сказать, согласованіе ихъ и приближеніе другъ къ другу—до того всеобщій и неизмѣнный законъ всего существованія, что многіе усматриваютъ цѣлесообразность въ органической и даже неорганической природѣ, объясняя причину этого явленія каждый по своему, начиная отъ ученій, основанныхъ на преданіи, и оканчивая Гартманомъ и Дарвиномъ.

Цѣли и средства ихъ достиженія такъ же разнообразны и безчисленны, какъ нужды, потребности и ихъ удовлетвореніе. Тѣ и другія идутъ, все обобщаясь и осложняясь, отъ самыхъ простыхъ, непосредственныхъ и матеріальныхъ до самыхъ сложныхъ, повидимому, не имѣющихъ никакого осязательнаго предмета, каковы цѣли психическія, духовныя и нравственныя, — отъ простѣйшей реакціи и рефлекса до самыхъ сложныхъ и отвлеченныхъ психическихъ дѣйствій и поступковъ. Всѣ они непремѣнно предполагаютъ, какъ сказано, индивидуальную выработку, приспособленіе, начиная съ умѣнья младенца направить свой глазъ или руку къ предмету и оканчивая высшими духовными и нравственными стремленіями; разница заключается только въ томъ, что, смотря по свойству, характеру или объему цѣли, требуется приспособленіе или болѣе частичное, или болѣе общее, обнимающее или одну, большую или меньшую сторону индивидуума, или, напротивъ, весь или почти весь организмъ и всѣ его стороны. Выучиться класть себѣ пищу въ ротъ требуетъ, очевидно, болѣе частичнаго приспособленія руки, чѣмъ умѣнье играть на какомъ-нибудь инструментѣ или владѣть карандашомъ или кистью; умѣнье обороняться отъ внѣшнихъ опасностей и одерживать верхъ надъ внѣшними врагами гораздо менѣе требуетъ развитія психическихъ способностей, чѣмъ достиженіе истины и знанія или высокаго нравственнаго совершенства. Такъ или иначе, но несомнѣнно, что единичная, индивидуальная выработка той или другой способности или цѣлаго человѣка, смотря по цѣли, которой имѣется въ виду достигнуть, до того безусловно необходима, что безъ нея потребности остаются неудовлетворенными и существованіе индивидуальности или искажается, или прекращается вовсе, точно такъ же какъ и въ томъ случаѣ, когда неблагопріятныя объективныя условія не могутъ быть устранены или измѣнены къ лучшему.

XX.

Но если духовное и нравственное развитіе человѣка въ общей экономіи человѣческаго развитія такъ же необходимо, какъ и приспособленіе къ его нуждамъ и потребностямъ объективныхъ условій существованія, то гдѣ, спрашивается, искать основаній для

такого развитія, точки опоры и указаній, куда направиться на этомъ пути? Какъ всѣ прикладныя науки покоятся на научномъ теоретическомъ основаніи, такъ и практика духовнаго и нравственнаго развитія должна имѣть свою доктрину, свою догму и канонъ, безъ котораго она не можетъ шагу ступить, какъ пароходъ не можетъ плыть по назначенію безъ руля, буссоли и карты. Для религіи такимъ руководствомъ служитъ преданіе.

Философія, витая между небомъ и землею, думала замѣнить живой и авторитетный его голосъ безплотными отвлеченнными идеями, но, путаясь въ нихъ, потеряла реальную почву, служившую имъ подкладкой. Геніальнѣйшій изъ современныхъ мыслителей, отецъ новой философіи, Кантъ, вѣрнымъ чутьемъ понималъ необходимость сохранить въ философіи начало личности. Его *категорическій императивъ* есть источникъ познанія идей, которыя недоступны чистому разуму, неспособному выйти изъ противорѣчій. Но его критическія изслѣдованія, начавшія новую эру научныхъ изслѣдованій въ области психологіи и психическихъ явленій, не разрѣшили вопроса объ отношеніи мысли и факта, идеи и дѣйствительности, и подмѣченное вѣрнымъ тактомъ явленіе осталось такимъ же безпочвеннымъ, какъ и категоріи чистаго разума. Съ тѣхъ поръ и до нашего времени остается открытымъ вопросъ, есть ли возможность, путемъ науки и знанія, открыть и указать твердую почву и основаніе тѣхъ началъ, на которыхъ только и можетъ быть построено ученіе о нравственности и на которыя опирается духовное и нравственное развитіе людей? Въ наше время объ этихъ предметахъ существуютъ самыя сбивчивыя понятія. Нравственное и духовное развитіе личности отодвинуто на второй планъ и почти забыто, какъ неважное, безъ котораго можно обойтись и которое вполнѣ замѣняется измѣненіемъ и улучшеніемъ условій жизни человѣка. Дайте людямъ хорошій судъ, хорошее управленіе, поставьте ихъ въ нормальное экономическое положеніе, откройте имъ широко двери науки и знанія, обезпечьте ихъ физическое благосостояніе,—и они сами собою станутъ духовно и нравственно развитыми. Факты не оправдываютъ однако этихъ надеждъ.

Нравственныя качества и совершенство не совпадаютъ ни съ умственнымъ развитіемъ и образованіемъ, ни съ обезпеченностью личною и имущественною, ни съ свободами политическими и гражданскими, ни съ культурой. Пороки и преступленія, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ несомнѣнныхъ благъ, не уменьшаются между людьми, а только становятся утонченнѣе. Посреди небывалыхъ богатствъ матеріальныхъ и духовныхъ тосклива и безотрадна, скучна и безцвѣтна становится жизнь современнаго человѣка. Сомнѣніе закрадывается въ его душу: къ чему всѣ эти блага, когда съ ними живется такъ тяжело, какая-то тоска наполняетъ грудь и не даетъ ими наслаждаться? Да и въ самомъ ли дѣлѣ они—блага, когда не даютъ душевнаго удовлетворенія? Стоитъ ли жить, когда жизнь не радуетъ, а оставляетъ ничѣмъ не наполненную пустоту? И люди тысячами спѣшатъ насильственно прекратить свою жизнь, и эти тысячи ростутъ въ ужасающей, зловѣщей пропорціи, а живущіе при внутренней разорванности, мало-по-малу, впадаютъ въ равнодушіе и апатію. Напрасно говорятъ имъ о необходимости энергіи и характера для того, чтобы достигнуть великихъ результатовъ. Настойчивость, выдержка, умѣнье, находчивость,—всего этого имѣютъ въ избыткѣ люди нашего времени, не задающіеся нравственными идеалами, а чисто личными цѣлями. Но они болѣе и болѣе вырождаются въ хищныхъ звѣрей, тѣмъ болѣе лютыхъ и опасныхъ, что, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, вооружены всѣми средствами, какія даетъ знаніе, наука.

Эта мрачная картина, краски которой скорѣе смягчены, чѣмъ усилены противъ дѣйствительности, наводитъ на цѣлый рядъ размышленій. Если всѣ усилія ума, созданія науки и искуства, которыми люди такъ справедливо гордятся, не могли дать полнаго удовлетворенія людямъ, и человѣкъ, даже при такой обстановкѣ, можетъ быть дряблъ, безцвѣтенъ, ничтоженъ или негоденъ,—то изъ этого слѣдуетъ, что одна обстановка, сама по себѣ, его не воспитываетъ, не укрѣпляетъ, не улучшаетъ, а необходимо нѣчто другое—индивидуальная, духовная и нравственная выработка. Но, кромѣ этого вывода, къ которому мы уже пришли выше другимъ путемъ, та же картина приводитъ и къ другому. Человѣкъ есть творецъ своей обстановки, въ томъ видѣ, какъ она имъ прилажена къ его потребностямъ и нуж-

дамъ; онъ—творецъ науки и искусства. Они только для него и только черезъ него существуютъ и сами по себѣ безъ него не имѣютъ ни значенія, ни даже смысла. Значитъ, его возможно-полное удовлетвореніе есть ихъ послѣдняя цѣль и назначеніе, и если они этого не достигаютъ, то, очевидно, нужно, кромѣ нихъ, что-то другое, чего они не даютъ и дать не могутъ. Это нѣчто и есть душевный строй, нравственный камертонъ, который, давая намъ точку опоры и поддерживая въ равновѣсіи наши душевныя отправленія, открываетъ наше сердце ко всѣмъ радостямъ и дѣлаетъ способными пользоваться и наслаждаться всѣми благами, какія даетъ наука, искусство и творчество безчисленныхъ предшествовавшихъ поколѣній въ приспособленіи окружающей среды къ человѣческимъ потребностямъ. Для людей, отступившихъ отъ преданія, такая точка опоры, камертонъ и равновѣсіе должны быть найдены путемъ знанія и точной науки, имѣющей авторитетъ въ ихъ глазахъ. Мы думуемъ, что это возможно, если только наука, оставаясь вѣрной себѣ и послѣдовательной своимъ началамъ, перенесетъ на изслѣдованіе психическихъ явленій тотъ же самый методъ, который повелъ къ такимъ блистательнымъ открытіямъ въ естественныхъ наукахъ.

XXI.

До послѣдняго времени въ изслѣдованіяхъ всѣхъ предметовъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ духовной и нравственной сторонѣ человѣческаго существованія, точкою одправленія служилъ единичный, индивидуальный человѣкъ, какимъ мы его теперь знаемъ. Это и понятно. Думаетъ, изслѣдуетъ не отвлеченное понятіе человѣческаго рода или націи, а живой, единичный человѣкъ, при томъ запасѣ знанія и опытности, какой умѣлъ пріобрѣсти. Поэтому съ себя онъ начиналъ и себя же сознательно или безсознательно принималъ за исходную точку своихъ общихъ выводовъ и соображеній. Оттого индивидуализмъ легъ въ основаніе всей науки, философіи, политическихъ и общественныхъ учрежденій. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока всѣ стороны индивидуальнаго чоловѣка не были изслѣдованы и испробованы на дѣлѣ въ построеніяхъ общества и государства.

Теперь этотъ періодъ развитія пришелъ къ концу. По мѣрѣ того, какъ стало выясняться, что человѣкъ есть органическая часть природы, что міръ его идей и понятій не имѣетъ объективнаго существованія и есть лишь результатъ его умственныхъ процессовъ надъ явленіями внѣшней и внутренней его жизни, точка зрѣнія человѣка на окружающее и самого себя должна была существенно измѣниться. Выдѣленіе человѣкомъ себя изъ всего остального міра и перенесеніе изъ послѣдняго точки опоры въ созданія его психической дѣятельности должно было прекратиться и уступить мѣсто другому воззрѣнію, въ которомъ точкой отправленія является не единичный человѣкъ, а человѣческое общество, котораго онъ лишь членъ, въ которомъ онъ только и можетъ жить и развиваться. Только благодаря общежитію съ другими, подобными себѣ, онъ и могъ стать тѣмъ, что есть. Міръ знанія и науки, играющій такую рѣшительную судьбу въ развитіи его, открылся передъ нимъ только благодаря обобщеніямъ, которыя сдѣлались возможны лишь благодаря общенію его съ другими людьми. Только въ такомъ общеніи творческія его силы окрѣпли и усотерились. Наконецъ, лишь въ общеніи людей между собою могли зародиться понятія и идеи, которыя долго считались исключительнымъ произведеніемъ единичнаго, индивидуальнаго человѣческаго ума.

Если, такимъ образомъ, человѣкъ только въ обществѣ себѣ подобныхъ становится тѣмъ, что онъ есть, и дѣлается способнымъ къ развитію и совершенствованію, то на него и слѣдуетъ смотрѣть не какъ на самостоятельную единицу, а какъ на составную часть цѣлаго, подобно органической клѣточкѣ, изъ которыхъ слагается живой организмъ. Каждая изъ нихъ живетъ, но лишь въ связи съ другими, въ составѣ организма. Такъ какъ въ человѣкѣ дифференціація достигаетъ высшаго развитія, то человѣкъ въ обществѣ стоитъ гораздо самостоятельнѣе, можетъ достигать гораздо бо̀льшаго индивидуальнаго развитія, чѣмъ составныя части всякаго другого живого организма. Это и вводитъ насъ въ заблужденіе относительно положенія человѣка въ природѣ и обществѣ. Пока не было вполнѣ выяснено, что онъ составляетъ ихъ органическую часть, индивидуализмъ могъ быть возведенъ въ безусловный принципъ, который какъ будто на-

ходилъ себѣ оправданіе въ мірѣ отвлеченныхъ и обобщенныхъ идей и понятій, которымъ приписывалось объективное, реальное существованіе внѣ дѣйствительнаго міра. При теперешнемъ состояніи науки и знанія такое отношеніе къ природѣ и общежитію человѣка уступило другому, а именно сознанію, что человѣкъ находится въ полной и совершенной зависимости отъ природы и общества, кругомъ ими обусловленъ и внѣ ихъ немыслимъ вовсе. Чтобы сохранить и по возможности улучшить посреди ихъ свое индивидуальное, личное существованіе, онъ долженъ сообразоваться съ ихъ условіями и законами и, насколько они позволяютъ, приспособлять данныя въ природѣ и обществѣ сочетанія явленій и фактовъ къ своимъ личнымъ, индивидуальнымъ нуждамъ и потребностямъ. И такъ, индивидуальный человѣкъ ограниченъ въ своемъ существованіи и въ своей дѣятельности со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ отношеніяхъ природой и обществомъ.

Такое положеніе человѣка, посреди другихъ людей, не выдуманное, не произвольное или договорное, а данное, непроизвольное и неизбѣжное, можетъ служить прочною основой для научнаго объясненія тѣхъ вѣчныхъ нравственныхъ истинъ, которыя хранитъ преданіе и которыя должны лежать во главѣ угла духовнаго и нравственнаго воспитанія индивидуальнаго человѣка съ высшими стремленіями въ продолженіе всей жизни до гробовой доски.

XXII.

Человѣческое общество только въ отвлеченномъ представленіи является единицей; въ живой, реальной дѣйствительности оно есть собраніе людей, связанныхъ единствомъ сожительства и общенія. Перенесенное въ сферу чувствъ, оно является высшимъ нравственнымъ закономъ—любовью къ ближнему. Любовь, какъ чувство единенія съ людьми, не имѣетъ ничего общаго съ личною дружбой, привязанностью и другими личными чувствами и душевными движеніями. Она относится къ другимъ людямъ въ ихъ качествѣ людей, независимо отъ ихъ личныхъ достоинствъ и недостатковъ или пороковъ. Въ этомъ высшемъ отвлеченномъ значеніи любовь идеальна, существуетъ вопреки личнымъ несочувствіямъ и отвращеніямъ. Она должна возвышаться надъ личными враждами и ненавистями и подавлять ихъ. Отрицательная сторона такой идейной любви есть ненависть не къ людямъ, хотя бы самымъ недостойнымъ и порочнымъ, а къ тому, что, въ лицѣ ихъ, враждебно водворенію, осуществленію и укрѣпленію любви къ людямъ. Снисходительность, состраданіе, милосердіе къ людямъ, кротость и терпѣливость въ сношеніяхъ съ ними—суть лишь необходимыя послѣдствія идейной любви къ людямъ, которая стоитъ во главѣ всѣхъ нравственныхъ добродѣтелей, ихъ общій, высшій источникъ.

Любовь не есть понятіе, которое можно анализировать и изслѣдовать. Соотвѣтствующее ей общее понятіе—предметъ научнаго изслѣдованія и знанія—есть единеніе людей въ обществѣ, и притомъ единеніе индивидуальное, хотя и пропитанное идеальнымъ элементомъ и потому идейное. Любовь, какъ чувство, есть качество или душевное состояніе, которое должно быть присуще индивидуальному человѣку вслѣдствіе того, что онъ есть членъ общежитія, сожительства и общенія людей. Поэтому-то индивидуальный человѣкъ долженъ носить въ себѣ это чувство всегда, въ каждую минуту своей жизни, воспитывать его, развивать, укрѣплятъ и усиливать безпрестаннымъ упражненіемъ, ибо только тогда оно обратится въ привычку, въ плоть и кровь, станетъ второю его натурой. Замѣнить любви нельзя ничѣмъ: всякая его замѣна переводитъ личную, индивидуальную дѣятельность въ сферу общественныхъ комбинацій отвлеченнаго свойства, въ которыхъ непосредственное чувство, непосредственная личная дѣятельность не принимаютъ участія. Аллегри, балъ, спектакль съ благотворительною или общеполезною цѣлью хороши въ общественномъ, а не въ индивидуальномъ нравственномъ смыслѣ, потому что не развиваютъ чувства живой идейной любви къ единичнымъ лицамъ.

Въ числѣ добродѣтелей, которыя вмѣняются людямъ въ обязанность, какъ условія духовнаго и нравственнаго совершенства, есть и такія, которыя непосредственно относятся къ лицу, къ его индивидуальной жизни и лишь косвенно дѣйствуютъ на общежитіе, подготовляя къ нему такихъ членовъ, какіе нужны для того, чтобъ оно въ дѣйствитель-

ности, самымъ фактомъ, было тѣмъ, чѣмъ должно быть,—сожительствомъ и общеніемъ нравственно и духовно развитыхъ и, по возможности, совершенныхъ людей. Нѣкоторыя изъ этихъ добродѣтелей, каковы, напримѣръ, умѣренность, воздержаніе, относятся къ нравственной и духовной діэтетикѣ и гигіенѣ: чтобы жить и поступать нравственно, надо обладать собою, умѣть держать всѣ свои силы въ равновѣсіи, готовыми дѣйствовать по нашему расположенію; неумѣренность, невоздержаніе разстроиваютъ такое состояніе, нарушаютъ равновѣсіе силъ, высвобождаютъ тѣ или другія изъ нихъ изъ-подъ нашей власти. Еще болѣе вредно для нашей духовной и нравственной жизни и дѣятельности, когда такія разстройства дѣлаются хроническими вслѣдствіе навыка къ неумѣренности и невоздержанію. Что касается аскетизма, умерщвленія плоти, удаленія отъ соблазновъ міра, то это—крайнее развитіе умѣренности и воздержанія подъ вліяніемъ восточнаго міровоззрѣнія; ибо нравственное и духовное совершенство требуетъ, прежде всего, борьбы со зломъ, упражненія душевныхъ силъ въ умѣньи его побѣждать; удаляясь отъ соблазна или устраняя и ослабляя его внѣшними способами, человѣкъ оставляетъ свои душевныя силы въ бездѣйствіи, не упражняетъ, не развиваетъ ихъ.

Кромѣ этихъ условій нравственнаго и духовнаго индивидуальнаго развитія, есть цѣлый рядъ другихъ, составляющихъ прямые, положительные и отрицательные прецепты для достиженія на этомъ пути возможнаго совершенства. Большинство ихъ предостерегаетъ отъ естественной наклонности поставить свои личныя, индивидуальныя стремленія и требованія выше идеальныхъ. Человѣкъ никогда не долженъ терять изъ вида этой идеальной стороны, отличающей его отъ остальной природы. Гордость, высокомѣріе, тщеславіе, своекорыстіе суть выраженія индивидуальныхъ стремленій выдвинуться надъ другими, стать выше ихъ, не во имя призванія и требованій общественной жизни и пользы, а во имя своего личнаго *я*. Смиреніе, которое многими очень ошибочно смѣшивается съ раболѣпствомъ и самоуниженіемъ, а на самомъ дѣлѣ есть скромность,—простота, признаваемая иными также ошибочно за синонимъ глупости, ничтожности и неразвитости,—выражаютъ душевныя качества человѣка, привыкшаго смотрѣть на себя, какъ на равнаго съ другими людьми, и, несмотря ни на какія свои преимущества передъ ними, не забывающаго, что, по идеальному представленію о человѣкѣ, онъ ничѣмъ не лучше другихъ и очень далекъ отъ идеальнаго совершенства. Наконецъ, чувство вѣры, надежды и покорность судьбѣ суть необходимыя условія и предпосылки всякой дѣятельности вообще, а тѣмъ болѣе духовной и нравственной. Безъ вѣры (мы разумѣемъ здѣсь подъ вѣрою не положенія догматовъ, а субъективное настроеніе), то-есть безъ твердой рѣшимости и убѣжденія, безъ надежды достигнуть цѣли, никакое дѣло невозможно. Покорность судьбѣ не имѣетъ ничего общаго съ дряблостью при встрѣчѣ съ притятствіями; она, напротивъ, мужественное признаніе того, чего нельзя ни предвидѣть, ни отвратить. Чтобы жить и дѣйствовать, надо умѣть прямо смотрѣть въ глаза черствой правдѣ, выносить неудачи, не падать духомъ и принимать всякія превратности судьбы безъ малодушнаго и безполезнаго ропота. Кто идетъ путемъ такого духовнаго и нравственнаго развитія и совершенствонія, тотъ будетъ чистъ душой, ясна и свѣтла будетъ его внутренняя жизнь, радость и душевное спокойствіе будутъ его удѣломъ.

Таковы основанія нравственности, проповѣдуемыя религіей. Они нимало не противорѣчатъ наукѣ и не имѣютъ съ нею ничего общаго. Они не даютъ никакой объективной формулы того, что̀ нравственно и что̀ безнравственно, потому что относятся къ строю чувствъ и внутренней дѣятельности, а не къ внѣшнимъ поступкамъ. Кругъ дѣйствія этихъ прецептовъ ограничивается тѣмъ, что̀ происходитъ въ нашей душѣ, прежде чѣмъ оно выльется въ доступномъ для другихъ поступкѣ. Въ этомъ смыслѣ міръ нравственныхъ движеній не отъ міра сего; нравственность, по ея общечеловѣческому значенію, не знаетъ различій состояній и общественнаго положенія, пола, возраста, народности, времени и мѣста. Но въ этомъ высшемъ значеніи нравственное ученіе ставитъ идеалъ высшаго совершенства, едва-ли для кого-либо вполнѣ достижимый. Такіе же недостижимые идеалы ставитъ и наука, и общественная и политическая жизнь, и всякаго рода и вида человѣческая дѣятельность, почему и нельзя ставить этого въ упрекъ именно этому ученію и тѣмъ объяснять пренебреженіе и забвеніе, которымъ

оно подвергалось въ наше время. Причины должно искать въ томъ, что, будучи основано на преданіи, оно подвергалось одной съ нимъ судьбѣ съ того времени, когда наука, изслѣдованіе, отвергли авторитетъ преданія и на его мѣсто поставили достовѣрность критическаго знанія. Но, какъ сказано, нравственные идеалы, не противорѣча знанію и относясь исключительно къ индивидуальной человѣческой дѣятельности, къ нравственному и духовному развитію отдѣльнаго лица, составляютъ насущную потребность жизни и необходимую подкладку правильнаго человѣческаго общежитія. Общество состоитъ изъ людей; каковы они, таково будетъ и общество, и таково же и общежитіе. Если большинство ихъ не будетъ имѣть передъ собою нравственнаго идеала, какъ руководства въ индивидуальной жизни и дѣятельности, общество не можетъ жить и развиваться правильно, захудаетъ и разстроится. Вотъ почему, въ эпохи упадка, вездѣ и всегда выступали во имя высшихъ идеаловъ индивидуальной человѣческой жизни и дѣятельности, которые потомъ служили точкой опоры для возрожденія померкнувшей общественной жизни. Съ такого же нравственнаго идеала, отысканнаго вновь и вынесеннаго изъ-подъ спуда, подъ которымъ онъ похороненъ, должно начаться и обновленіе современной общественной жизни. Религіозныя стремленія нашего времени имѣютъ это значеніе. Они не протестъ противъ науки, а заявленіе потребности, которая недостаточно еще выяснилась въ сознаніи людей.

XXIII.

Не всѣ люди способны возвыситься до усвоенія себѣ идеала нравственнаго совершенства; еще меньше число тѣхъ, которые стараются осуществить его въ дѣйствительности. Огромное большинство преслѣдуетъ ближайшія цѣли, старается удовлетворить, прежде всего, ближайшимъ потребностямъ и нуждамъ, не умѣя или не желая подчинить ихъ высшимъ, болѣе отдаленнымъ и высокимъ задачамъ и цѣлямъ. На этомъ пути люди въ своихъ стремленіяхъ, жизни и дѣятельности встрѣчаются другъ съ другомъ далеко не съ намѣреніемъ добровольно себя ограничить въ пользу ближняго, а, напротивъ, достигнуть своей цѣли, удовлетворить своимъ желаніямъ. Отсюда— столкновенія, хотя бы и не враждебныя, но, во всякомъ случаѣ, требующія проведенія граничной черты между дѣятельностью и притязаніями разныхъ лицъ, возможно точнаго опредѣленія круга, за который никому выходить нельзя и не должно, въ интересахъ всѣхъ и каждаго и правильнаго, мирнаго теченія общежитія. Такія границы дѣятельности отдѣльныхъ лицъ ставитъ обычай или положительный законъ, право, которое, будучи переведено въ чувство, становится справедливостью. Право не есть идея, которая воплощается между людьми; оно лишь отвлеченное понятіе отъ бытового факта, обусловленнаго сожительствомъ людей. Право и соотвѣтствующее ему идейное чувство справедливости не принадлежатъ къ числу тѣхъ высшихъ субъективныхъ добродѣтелей, изъ которыхъ слагается нравственность. Они вызваны не внутреннею жизнью людей, а ихъ внѣшними отношеніями между собою, когда эти отношенія требуютъ точнаго опредѣленія границъ дѣятельности каждаго. Въ этомъ смыслѣ право болѣе относится къ объективному міру, чѣмъ къ субъективному, личному, душевному. Въ развитіи своемъ право вполнѣ подпадаетъ подъ законы мышленія, логики, какъ всякія другія отвлеченія и обобщенія дѣйствительныхъ явленій. Право имѣетъ дѣло не съ единичнымъ дѣйствительнымъ человѣкомъ, а съ отвлеченнымъ понятіемъ о человѣкѣ въ составѣ общества, въ отношеніяхъ его къ другимъ людямъ, тоже возведеннымъ въ отвлеченное понятіе. Отъ того право приводитъ въ своемъ развитіи къ равенству и относительной свободѣ, въ смыслѣ неприкосновенности и полнаго простора дѣйствій въ предѣлахъ отведеннаго круга или границъ, обозначенныхъ общимъ отвлеченнымъ образомъ. Въ этомъ состоитъ и сила, и слабая сторона права. Создавая между людьми границы общаго и отвлеченнаго свойства, оно удовлетворяетъ потребностямъ правильнаго общежитія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нравственная, субъективная сторона недостаточно сильно развита, чтобы предупредить или сдержать столкновенія между людьми; недостаточность же права заключается въ томъ, что, мѣряя всѣхъ людей одною общею, отвлеченной мѣркой, и притомъ имѣя дѣло съ людьми не съ ихъ внутренней личной стороны, а только съ ихъ внѣшними

поступками, право не можетъ всегда и во всѣхъ случаяхъ совпадать съ полною, безусловною справедливостью, которая предполагаетъ особую мѣрку для каждаго отдѣльнаго человѣка.

На этой своей ступени право имѣетъ дѣло съ отдѣльными людьми, хотя и возведенными въ отвлеченныя единицы. Далѣе оно уже теряетъ изъ вида людей и имѣетъ дѣло только съ общими условіями общественной и политической жизни и опредѣляетъ ихъ соотвѣтственно съ ея потребностями и нуждами. Въ концѣ-концовъ, эти нужды и потребности указываются пользами и нуждами единицъ, изъ которыхъ состоитъ общество; но такъ какъ эти потребности крайне разнообразны и далеко не у всѣхъ людей одинаковы, то право на этой ступени вынуждено руководствоваться въ своихъ опредѣленіяхъ не потребностями единичныхъ людей, а цѣлыхъ ихъ группъ и слоевъ, соображенныхъ съ условіями общественнаго и политическаго быта. Вотъ почему государственное, политическое и административное права, гораздо болѣе чѣмъ частное или такъ называемое гражданское, имѣютъ объективный характеръ и установляютъ механизмъ, приложенный къ потребностямъ общества, въ которомъ интересы единичныхъ людей отодвинуты на второй планъ, не имѣютъ, по крайней мѣрѣ не должны имѣть непосредственнаго значенія и вліянія. Механизмъ этотъ только покоится на живыхъ людяхъ, существуетъ для нихъ и ими держится. Помимо живыхъ человѣческихъ единицъ, механизмъ политическій и административный не имѣетъ никакого смысла и значенія. Наука, дѣлая его предметомъ своихъ изслѣдованій, никогда не должна забывать, что между ними и механизмами природными есть существенная разница. Послѣдніе тоже состоятъ изъ единицъ, но въ которыхъ субъективная, личная жизнь такъ мало развита, что ее можно отбросить изъ соображеній и выводовъ, не впадая въ важную ошибку, не отдаляясь чувствительно отъ истины, но и тутъ природа неорганизованная и организованная, атомы и клѣточки, представляютъ уже весьма значительную разницу, оказывающую существенное вліяніе на самую жизнь тѣлъ. Тѣмъ больше должно быть вліяніе на жизнь организма, когда онъ состоитъ изъ единицъ, которыя, кромѣ общей, имѣютъ еще и свою сильно развитую индивидуальную жизнь: послѣдняя не можетъ не имѣть огромнаго значенія въ жизни, дѣятельности и развитіи механизма, которому такія единицы служатъ подкладкой. Индивидуальную жизнь составныхъ частицъ нельзя отбросить изъ соображеній и выводовъ объ условіяхъ и законахъ развитія механизмовъ, на которыхъ послѣдніе построены, не впадая въ весьма грубыя ошибки. Жизнь и развитіе человѣческихъ обществъ основаны, въ концѣ-концовъ, на жизни единичныхъ людей. Такъ какъ субъективная, духовная и нравственная сторона играетъ въ жизни индивидуальныхъ людей огромную роль, давая ей направленіе и служа регуляторомъ и камертономъ, то изъ этого слѣдуетъ, что личное духовное развитіе и нравственность людей имѣютъ большое значеніе и играютъ важную роль въ общей экономіи соціальной жизни и не могутъ быть выключены изъ политическихъ и государственныхъ соображеній и построеній, какъ это дѣлается, къ сожалѣнію, слишкомъ часто. Безъ правильнаго духовнаго и нравственнаго развитія людей не можетъ быть и правильной политической, государственной и общественной жизни, ибо послѣдняя есть только высшая, общая и отвлеченная форма первой.

XXIV.

Мы остановились съ большимъ вниманіемъ и подробностью на значеніи религіи и нравственности и ихъ отношеніяхъ къ знанію, наукѣ и критикѣ, потому что къ нимъ сводятся всѣ вопросы нашего времени, относящіеся, повидимому, совсѣмъ къ другимъ предметамъ. Чего бы мы ни коснулись, о чемъ бы ни заговорили,—все приводитъ насъ непремѣнно къ вопросу о религіи, нравственности и наукѣ. Неясность, сбивчивость или ошибочность понятій объ этихъ предметахъ есть больное мѣсто нашего времени, источникъ всѣхъ нашихъ нравственныхъ золъ и страданій, нашихъ колебаній, непослѣдовательности, увлеченій и, въ концѣ-концовъ, унынія и отчаянія. Теперь, когда великое движеніе умовъ, охватившее всѣ европейскіе народы съ конца XVII вѣка, начинаетъ отстаиваться, для мысли открываются новые просвѣты, обѣщающіе многострадальному роду человѣческому миръ, отдыхъ и врачеваніе глубокихъ душевныхъ язвъ.

Для насъ, русскихъ, наименѣе захваченныхъ титаническою борьбой, которая разыгралась въ Европѣ, легче критически отнестись къ ея результатамъ. Тамъ каждый выводъ былъ выстраданъ, взятъ съ боя и потому проборороздилъ неизгладимый слѣдъ въ сердцахъ и жизни. Мы только начинаемъ жить болѣе сложною культурною жизнью, въ которой другіе европейскіе народы давно уже искусились и стали мастерами, и потому можемъ и должны свободно, обдуманно, съ критикой и повѣркой каждаго шага, прокладывать себѣ путь. Вмѣсто того, что же мы видимъ вокругъ себя? Пустоту, уныніе или апатію, крайнюю близорукость, недомысліе и нескончаемыя пререканія различныхъ направленій, вертящіяся на мелочахъ и приправленныя взаимными недостойнѣйшими укоризнами и заподозриваніями, представляющими всѣхъ мыслящихъ людей въ Россіи какимъ-то отребьемъ рода человѣческаго, каждую мысль—какимъ-то злоумышленіемъ противъ отечества и драгоцѣннѣйшихъ благъ жизни. Что можетъ быть печальнѣе и вмѣстѣ отвратительнѣе этого? Съ какимъ-то непонятнымъ остервенѣніемъ мы все глубже и глубже вязнемъ въ тинѣ и болотѣ и какъ будто упиваемся запахомъ его вонючихъ испареній.

До такого состоянія мы доведены полнымъ отсутствіемъ руководящихъ направленій, идей и цѣлей. Закопавшись по уши въ мелочныя дрязги, споры и личные счеты, мы потеряли смыслъ русской дѣйствительности, инстинктъ и чутье правды, которая одна можетъ поднять наши силы, настроить нашу мысль на человѣческій ладъ, возродить нашу вѣру въ себя, окрылить надежду на лучшія времена. Мы видѣли, что ни одно изъ направленій, которыя прежде давали строй русской мысли и развитію, не удержалось въ руководящей роли; всѣ сошли со сцены. Что же теперь начать? Прежде всего, надо перестать поѣдомъ ѣсть другъ друга, заподозривать, инсинуировать, злобиться и глумиться. Въ рядахъ послѣдователей всѣхъ направленій, безъ всякаго исключенія, есть честные и убѣжденные люди, какъ есть глупцы и негодяи, и нѣтъ ни единаго взгляда или мнѣнія, тоже безъ малѣйшаго изъятія, которое не было бы вызвано тою или другою стороной явленій дѣйствительной жизни. Весь вопросъ, стало быть, въ томъ, правильно ли сдѣланъ выводъ изъ явленія или факта, а вовсе не въ томъ, сдѣланъ онъ честными людьми съ доброю цѣлью или негодяемъ съ злыми намѣреніями. Въ критикѣ воззрѣній нравственная сторона не играетъ никакой роли и вовсе не должна быть принимаема въ разсчетъ. Разъ мы станемъ на почву обсужденія, чуждую нравственной оцѣнки, всѣ воззрѣнія окажутся тѣмъ, чѣмъ они и бываютъ на самомъ дѣлѣ,—именно освѣщеніемъ съ разныхъ сторонъ одного и того же предмета. Разныя точки зрѣнія только потому исключаютъ другъ друга, что видятъ только эту одну сторону и не видятъ другихъ, столько же несомнѣнно существующихъ въ предметѣ. Убѣдившись въ правильности такого заключенія, останется сдѣлать только шагъ, чтобы создать одну сомкнутую русскую національную интеллигенцію, которая охватитъ всѣ направленія и теченія русской мысли со всѣми ихъ оттѣнками. Унисона въ ней не будетъ, да онъ вовсе не желателенъ: только разные взгляды на предметъ ведутъ къ полному его выясненію; но разныя мнѣнія будутъ исходить изъ одной общей почвы, имѣть въ своемъ основаніи одну общую широкую предпосылку, исключающую личныя пререканія и цензуру нравственности. Изъза слабыхъ сторонъ разныхъ направленій русской мысли мы проглядѣли сильныя, доставившія имъ во время оно вліяніе и выдающееся положеніе. Надо отбросить ихъ слабыя стороны и разработать общимъ трудомъ сильныя и вліятельныя. Тогда только мы уяснимъ себѣ, что мы такое между другими народами, проложимъ себѣ пути, наиболѣе свойственные нашему народному генію, и внесемъ лепту своего труда въ общую сокровищницу, накопленную работою всего рода человѣческаго. Только этимъ способомъ мы можемъ стать чѣмъ-нибудь, если вѣра въ наше народное величіе не есть мечта Маниловыхъ и мы не осуждены, подобно илотамъ между народами, унавозить нашу почву для другихъ, болѣе талантливыхъ и достойныхъ работниковъ на полѣ всемірной исторіи.

1884 г. (Русская Мысль, 1888, кн. III—IV).

Т. Н. ГРАНОВСКІЙ.

Сочиненія Т. Н. Грановскаго. *Въ двухъ частяхъ, съ портретомъ автора.* Изданіе (второе) К. Солдатенкова. Ц. 2 р. Москва, 1866.

Кто не зналъ Грановскаго и случайно не слыхалъ о немъ, тотъ едва пойметъ сердечный трепетъ, съ которымъ эта книга снова будетъ встрѣчена его друзьями и многочисленными слушателями, разбросанными по всей Россіи; лишь очень немногіе, умѣющіе вдумываться въ писателя, по его произведеніямъ открывать живую душу въ неподвижныхъ чертахъ портрета,—тѣ догадаются, отчего не могутъ забыть Грановскаго всѣ, кто зналъ его болѣе или менѣе близко, или кто слушалъ его лекціи.

Имя Грановскаго неразрывно связано съ блестящей эпохой московскаго университета во время попечительства графа С. Г. Строганова и съ лучшимъ временемъ московскихъ литературныхъ кружковъ и салоновъ. Никогда, ни прежде, ни послѣ, не было у насъ сосредоточено въ одномъ пунктѣ столько образованности, ума, талантовъ, знанія. Москва была, въ сороковыхъ годахъ, центромъ умственнаго движенія въ Россіи, къ которому, прямо или косвенно, примыкало почти все замѣчательное въ ней въ умственномъ и научномъ мірѣ. Здѣсь запасались и вырабатывались тѣ нравственныя силы, которыя пошли въ дѣло, при начавшемся, послѣ крымской войны, обновленіи нашего внутренняго быта и строя.

Въ этотъ знаменательный разсвѣтъ нашей умственной и научной жизни, короткій какъ наше сѣверное лѣто, Грановскій былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и видныхъ дѣятелей. Онъ точно былъ созданъ для роли, которая выпала ему на долю. Трудно вообразить себѣ натуру болѣе гармоническую, болѣе сочувственную и обаятельную. Чуждый односторонности и исключительности, Грановскій былъ не столько ученымъ и педагогомъ, сколько художникомъ на каѳедрѣ. Дѣйствіе его на слушателей и окружавшихъ объясняется не строгой послѣдовательностью ученой аргументаціи, а тайной непосредственной убѣдительности самаго изящнаго, глубоко-прочувствованнаго изложенія. Этого рода силѣ всегда и вездѣ предназначенъ самый обширный кругъ вліянія, по свойству человѣческой природы, и особливо насъ русскихъ, сохранившихъ, Богъ вѣсть какимъ образомъ, южныя черты подъ полярными широтами. Огромная начитанность, изумительная память, тонкая образованность и вкусъ, наконецъ, самая наружность, вѣрно передававшая его лучшія внутреннія качества,—все это вмѣстѣ дѣлало Грановскаго однимъ изъ самыхъ значительныхъ и вліятельныхъ лицъ и въ университетѣ и въ образованномъ московскомъ обществѣ. Въ то время какъ большинство талантливыхъ и мыслящихъ людей легко вдавались въ крайности, Грановскій, въ цвѣтущую пору своей дѣятельности, принадлежалъ къ числу тѣхъ очень немногихъ, которые умѣли понимать и цѣнить долю истины, заключающуюся въ каждомъ направленіи, въ каждой мысли, и потому онъ оставался связующею нитью между противоположными взглядами, уже въ то время начинавшими зарождаться въ московскихъ литературныхъ и ученыхъ кружкахъ. И сильными и слабыми своими сторонами, Грановскій полнѣе, лучше всѣхъ другихъ выражалъ характеристическую черту тогдашняго умственнаго движенія въ Москвѣ. То было пробужденіе умственной жизни. Существенный и важный смыслъ его заключался въ неопредѣлившихся еще стремленіяхъ и предчувствіяхъ; напрасно старались бы мы увидать въ немъ развитіе и борьбу уже установив-

шихся мнѣній и взглядовъ; ни тѣхъ, ни другихъ еще не существовало. Тогда совершался такой же переломъ въ русской мысли, какой, вслѣдъ затѣмъ, начался и во внутренней жизни Россіи. Между тѣмъ и другимъ явленіемъ нельзя не замѣтить тѣсной органической связи. Взгляды, появившіеся во время этого литературнаго и научнаго движенія, представляютъ первыя попытки самостоятельнаго критическаго отношенія къ нашему прошедшему и настоящему; они многозначительны не какъ твердые результаты науки, а какъ признаки пробужденія у насъ литературныхъ и научныхъ интересовъ. При этомъ характерѣ тогдашняго нашего умственнаго движенія, натура, подобная Грановскому, должна была играть одну изъ первенствующихъ ролей. Его чуткій, исполненный такта умъ какъ будто сознавалъ, что время формулировать мнѣнія и взгляды для насъ еще не приспѣло, и онъ какъ будто медлилъ рѣшительно стать въ ряды которой-либо изъ враждовавшихъ между собою литературныхъ партій. Все это необходимо взвѣсить и принять въ самое внимательное соображеніе, чтобы понять и по заслугамъ оцѣнить то весьма немногое, что̀ уцѣлѣло отъ многообразной и чрезвычайно обширной дѣятельности Грановскаго. По самому свойству его личнаго характера и того времени, лучшія стороны этой дѣятельности не могли укладываться въ книгу или статью, а выражались въ лекціяхъ, въ бесѣдахъ, въ личныхъ сношеніяхъ, переходили этими путями въ повседневный оборотъ и оплодотворяли русскую мысль и жизнь новыми живительными мотивами. Только тупая близорукость способна сказать, глядя на два не слишкомъ большихъ тома сочиненій Грановскаго: что̀ же такого замѣчательнаго сдѣлалъ прославленный московскій профессоръ? Гдѣ его труды, гдѣ его заслуги? Труды его въ тѣхъ поколѣніяхъ, которыя съ университетской скамьи понесли въ русскую жизнь честный образъ мыслей, честный трудъ, сочувственно отозвались къ дѣлу преобразованія; заслуги его въ воззрѣніяхъ, выработавшихся въ московскихъ кружкахъ, въ умственной работѣ которыхъ онъ принималъ такое живое и дѣятельное участіе и въ которыхъ занималъ такое видное мѣсто. Мы теперь мало цѣнимъ этого рода труды и заслуги. Когда литературные и ученые кружки пришли въ упадокъ, надъ ними стали подсмѣиваться, объ нихъ начали отзываться съ пренебреженіемъ. По мѣрѣ того, какъ они разлагались, значеніе ихъ, разумѣется, утратилось. Но по тому состоянію, въ которе они тогда пришли, было бы крайне ошибочно судить о томъ, что̀ они были въ эпоху ихъ процвѣтанія. Можно сказать безъ преувеличенія, что въ московскихъ литературныхъ кружкахъ зародилось и созрѣло все наше послѣдующее умственное движеніе, какъ нѣкогда изъ средневѣковыхъ цеховъ преподавателей и учащихся выработалась впослѣдствіи нѣмецкая наука. Оттого мы убѣждены, что исторія образованія, развитія и преемства нашихъ литературно-ученыхъ кружковъ составитъ, современемъ, любопытнѣйшій и поучительнѣйшій отдѣлъ въ исторіи нашего просвѣщенія. Для теперешняго, поверхностнаго на нихъ взгляда, существованіе ихъ было будто бы блѣдно, ничтожно и почти безслѣдно; но вспомнимъ, напримѣръ, литературный кружокъ „Арзамасскаго гуся". Мы знаемъ о немъ кое-что, только благодаря разсказамъ бывшихъ его членовъ; а между тѣмъ, изъ него вышла цѣлая фаланга замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей, государственныхъ людей и общественныхъ дѣятелей. Кто измѣритъ то вліяніе, которое этотъ кружокъ имѣлъ на своихъ сочленовъ? Кто опредѣлитъ, въ какой мѣрѣ это благотворное вліяніе перешло потомъ въ замѣчательныя литературныя произведенія, въ законодательныя и административныя мѣры, въ практическую дѣятельность, въ общественную и даже частную жизнь? П. В. Анненковъ, обычнымъ своимъ мастерскимъ перомъ, возстановилъ для насъ, насколько было возможно, стертый образъ другого кружка, который, въ тридцатыхъ годахъ, составился въ Москвѣ около Н. В. Станкевича. Для того, кто не имѣетъ смысла къ такого рода явленіямъ, глубокое уваженіе и сочувствіе, съ которымъ біографъ Станкевича говоритъ о немъ, покажется совершенно непонятнымъ. Что̀ же такое въ самомъ дѣлѣ Станкевичъ?—подумаетъ онъ;—что̀ же онъ написалъ, что̀ сдѣлалъ замѣчательнаго? Неужели право на уваженіе потомства и на страницу въ исторіи даютъ какихъ-нибудь два, три десятка писемъ къ друзьямъ, въ которыхъ выражаются одни, никогда не осуществившіяся, намѣренія исполнить разные литературные и ученые труды? Такъ, съ видимымъ основаніемъ, скажетъ всякій, кто самъ не испыталъ на себѣ чарующаго, живительнаго и благотворнаго вліянія нашихъ ис-

чезнувшихъ литературныхъ и ученыхъ кружковъ, — и, разумѣется, жестоко обманется. Станкевичъ былъ другомъ и предшественникомъ Грановскаго. Ихъ натуры, характеръ ихъ дѣйствія и вліянія на людей были чрезвычайно сходны и родственны между собою. Станкевичъ, подобно Грановскому, стоялъ во главѣ литературнаго кружка, изъ котораго вышло нѣсколько замѣчательнѣйшихъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей; только кружокъ этотъ былъ гораздо тѣснѣе, а потому и сфера непосредственнаго вліянія и дѣйствія Станкевича гораздо ограниченнѣе. Но если мы припомнимъ, что изъ этого кружка вышли Грановскій, Бѣлинскій, Кольцовъ, Боткинъ, не считая многихъ второстепенныхъ дѣятелей, то должны будемъ признать, что онъ далеко не безплодно существовалъ для Россіи и для русскаго образованія; что Станкевичъ оставилъ по себѣ нѣчто большее тѣхъ немногихъ писемъ, въ которыхъ мы напрасно стараемся теперь уловить тайну вліянія его на окружавшихъ его друзей; указывая на нихъ, онъ могъ бы сказать: „вотъ—мои книги"!

Къ исходу сороковыхъ годовъ, блистательное развитіе московской литературной и научной жизни ослабѣло. Будущее раскроетъ и объяснитъ, произошло ли это отъ случайныхъ причинъ, или къ тому привелъ цѣлый ходъ русской жизни и возраставшее, съ каждымъ годомъ, разъединеніе мнѣній и взглядовъ: намъ, современникамъ, нельзя судить съ необходимымъ безпристрастіемъ о томъ, чему мы были живыми свидѣтелями. Какъ бы то ни было, на Грановскомъ эта перемѣна отразилась болѣзненно и скорбно. Рѣзкая противоположность направленій шла въ разрѣзъ съ тѣмъ гармоническимъ складомъ умственныхъ и нравственныхъ стремленій, который составлялъ, можно сказать, его живую душу. Послѣднія шесть-семь лѣтъ своей жизни, Грановскій былъ уже не тотъ, полный силъ и вѣры, какимъ его знали всѣ прежде. Печальный исходъ Крымской войны надрывалъ глубокой скорбью его русское сердце. Мы видимъ, что онъ какъ будто снова встрепенулся, но умеръ внезапно, среди заботъ объ основаніи въ Москвѣ учено-литературнаго журнала и съ живымъ предчувствіемъ новаго времени, котораго только начало суждено было ему увидѣть.

Рѣдкій человѣкъ проходилъ у насъ въ жизни съ такимъ поэтическимъ ореоломъ, какъ Грановскій; рѣдкій внушалъ къ себѣ столько сочувствія и умѣлъ такъ глубоко сочувствовать другимъ. Послѣ него, изъ видимаго осязательнаго наслѣдства, осталось только два тома сочиненій; невидимое наслѣдство осталось громадное,—въ воспоминаніяхъ о немъ, въ томъ, что думалось и дѣлалось хорошаго и честнаго посреди насъ, подъ вліяніемъ, по наитію, въ память Грановскаго. Пройдетъ одно какое-нибудь поколѣніе, и имя этого замѣчательнаго русскаго общественнаго дѣятеля будетъ жить развѣ еще въ разсказахъ отцовъ дѣтямъ, но никогда не исчезнутъ и не изгладятся въ Россіи плоды честной его мысли и честной его дѣятельности.

Благоговѣйная память почитателей и друзей снабдила новое изданіе сочиненій Грановскаго лучшимъ его портретомъ изъ всѣхъ, какіе намъ удавалось видѣть. Тяжело и горестно думать, что мы должны уже бережно и заботливо сберегать для грядущихъ поколѣній память о томъ, кто могъ бы еще жить теперь между нами и былъ бы такъ полезенъ своимъ словомъ, мыслью, авторитетомъ, значеніемъ. Грановскій умеръ одиннадцать лѣтъ тому назадъ, на 42-мъ году отъ рожденія [1]).

(Вѣстникъ Европы, 1866, т. IV, Лит. хр.).

---

[1]) Вторая половина статьи (стр. 44—48 въ указанной книгѣ журнала), заключающая въ себѣ оцѣнку Грановскаго, какъ писателя и ученаго, принадлежитъ, по отмѣткѣ К. Д. Кавелина, М. М. Стасюлевичу.

ВОСПОМИНАНІЯ О В. Г. БѢЛИНСКОМЪ.

Я познакомился съ Бѣлинскимъ впервые зимою 1834 года, когда готовился вступить въ московскій университетъ. Бѣлинскій былъ рекомендованъ моему отцу княземъ Александромъ Александровичемъ Черкасскимъ (отцомъ извѣстнаго кн. Вл. Ал. Черкасскаго), съ которымъ онъ былъ друженъ.

Бѣлинскій явился къ намъ въ качествѣ учителя русскаго языка и словесности, исторіи и географіи. Живо помню первый урокъ —о логическомъ строеніи предложенія. Затѣмъ, воспоминанія мои о Бѣлинскомъ до лѣта 1835 года довольно смутны. Помню, что онъ заставлялъ меня много переводить съ нѣмецкаго. Въ одномъ переводѣ отрывка изъ путешествія Гумбольдта по Южной Америкѣ (напечатаннаго въ хрестоматіи) я перевелъ слово Krater словомъ „кратеръ“ и получилъ за это замѣчаніе, изъ котораго однако понялъ, что мой учитель не зналъ, что̀ это слово значитъ. Когда я объяснилъ его значеніе, слово „кратеръ“ было замѣнено словомъ „жерло“. Для исторіи было куплено, по указанію Бѣлинскаго, руководство Пёлица, въ русскомъ переводѣ. Помню также, что Бѣлинскій не всегда аккуратно приходилъ на уроки, что онъ какъ-то разъ приходилъ поздравить отца съ праздникомъ (Рождествомъ или Пасхой), и что на одномъ урокѣ, когда мы были вдвоемъ, онъ мнѣ по секрету объявилъ, что де Екатерина II вовсе не была такая великая и безупречная женщина, какъ объ ней разсказываютъ. Это произвело на меня очень сильное впечатлѣніе. Мнѣ хоть и было за 16 лѣтъ (я род. 1818, ноября 4-го), но наивности, неразвитости и дѣтства былъ колоссальныхъ. Вообще же Бѣлинскій ко мнѣ благоволилъ, и мнѣ онъ нравился, хотя я не подозрѣвалъ въ немъ ничего особеннаго, да къ счастью и родители видѣли въ немъ не болѣе какъ учителя, низкаго происхожденія, который и не могъ не быть болѣе или менѣе чудакомъ, съ дурными манерами.

Болѣе мы сблизились съ нимъ лѣтомъ 1835 года. Родители мои уѣхали въ деревню и оставили меня въ Москвѣ готовиться къ экзамену, который долженъ былъ начаться въ концѣ августа. Уѣзжая, отецъ просилъ всѣхъ учителей, въ особенности Бѣлинскаго, принять къ сердцу мои успѣхи. Въ это время я оставался совершенно одинъ, знакомыхъ у меня почти не было, и тутъ уже ничто̀ не мѣшало намъ разговаривать о чемъ угодно. Я Бѣлинскому, видимо, полюбился. Мѣсяца полтора онъ ходилъ очень аккуратно, но потомъ сталъ опять пропадать недѣлями. Училъ онъ меня плохо. Задавалъ по книжкѣ, выслушивалъ разсѣянно, безъ дополненій и поясненій, и наконецъ, предоставилъ меня собственной судьбѣ, говоря, что я юноша умный и съ учебникомъ справлюсь самъ. Но насколько онъ былъ плохой педагогъ, мало знающій предметъ, которому училъ, на столько онъ благотворно дѣйствовалъ на меня возбужденіемъ умственной дѣятельности, умственныхъ интересовъ, уваженія и любви къ знанію и нравственнымъ принципамъ. Мы занимались съ нимъ больше разговорами, въ которыхъ не было ничего педагогическаго въ школьномъ смыслѣ, и я только по счастливой случайности не провалился на экзаменѣ; но эти разговоры оставили во мнѣ гораздо больше, чѣмъ детальное и аккуратное знаніе учебника и руководства. Чтобы понять и оцѣнить это, надо вспомнить время и среду, въ которыхъ я жилъ. Страшное безсмысліе, отсутствіе всякихъ соціальныхъ, научныхъ и умственныхъ стремленій, тоскливый и рабскій биготизмъ, самодержавный и крѣпостной status quo какъ естественная норма жизни, дворянское чванство и пустѣйшая ежедневная жизнь, наполненная мало искренними родственными отношеніями, сплетнями и пошлостями дворянскаго кружка, погруженнаго въ микроскопическія ежедневныя дрязги, придворные слухи, допотопное хозяйство, свѣтскіе эти-

кеты и туалеты. Для юноши эта среда была заразой, и тѣ, которые въ ней не опошлѣли и изъ нея выбрались, были обязаны, подобно мнѣ, тѣмъ струйкамъ свѣта, которыя контрабандой врывались, чрезъ Бѣлинскаго и ему подобныхъ, въ эту тину и болото. До сихъ поръ тоскливо становится, когда вспомнишь объ этой обстановкѣ, неспособной вызвать даже на большое преступленіе.

Разстались мы съ Бѣлинскимъ очень дружески, т.-е. насколько могла быть дружба между умнымъ человѣкомъ, который полюбилъ неразвитого парня за то, что изъ него могло потомъ выйти порядочнаго, и парнемъ, который больше инстинктомъ, чѣмъ головой, цѣнилъ умнаго человѣка, полюбилъ его и привязался къ нему.

Въ чемъ собственно состояли наши разговоры, этого я рѣшительно не помню. Удержалось у меня только въ памяти, что Бѣлинскій издѣвался надъ греческимъ языкомъ, которому училъ меня К. А. Коссовичъ (теперь проф. университета, а тогда студентъ на выпускѣ), и надъ греческими красотами, которыми я тогда восхищался. Вообще, отрицательное отношеніе ко всей окружающей меня дѣйствительности, соціальной, религіозной и политической, благодаря Бѣлинскому, во мнѣ засѣло, хоть въ очень наивной, неопредѣленной и мечтательной формѣ. Бѣлинскій подѣйствовалъ на меня не какъ политическій агитаторъ, а какъ мыслящій человѣкъ. Оба мы тогда мало знали, и потому отъ нашихъ разговоровъ ничего не могло во мнѣ остаться, кромѣ неопредѣленныхъ стремленій. Они были и прежде во мнѣ, но теперь, благодаря Бѣлинскому, путь ихъ былъ намѣченъ.

Послѣ вступленія въ университетъ я съ Бѣлинскимъ встрѣчался очень рѣдко, а затѣмъ онъ уѣхалъ въ Петербургъ. Въ университетѣ я со всѣмъ увлеченіемъ, къ какому только былъ способенъ, отдался вліянію нѣмецкой науки, которая съ 1835 года стала талантливо преподаваться цѣлымъ кружкомъ талантливыхъ и свѣжихъ молодыхъ профессоровъ. Они по убѣжденію, а можетъ быть и не безъ нѣкотораго разсчета, относились свысока, иронически, къ доморощеннымъ дѣятелямъ, къ пробамъ русскаго ума и ко всему французскому, которое тогда царило въ русскихъ, сколько нибудь развитыхъ головахъ. Отдавшись беззавѣтно обаятельному вліянію профессоровъ, я не имѣлъ охоты искать другихъ сближеній. Со второго курса, кромѣ того, я сблизился, чрезъ Елагиныхъ, Кирѣевскаго и Валуева, съ славянофильскимъ кружкомъ, тоже не особенно расположеннымъ къ Бѣлинскому. Но самое главное—мнѣ съ нимъ негдѣ было встрѣчаться. Грановскаго, Герцена тогда еще не было въ Москвѣ; съ Боткинымъ и Кетчеромъ я не былъ знакомъ. Въ то время, когда я познакомился съ Елагиными, Кетчеръ у нихъ уже не бывалъ. Такъ и случилось, что съ Бѣлинскимъ мы видались очень рѣдко и случайно. Встрѣчи эти я помню очень живо, хотя и не могу возстановить ихъ хронологіи. Одна, описанная съ дипломатическою точностью Панаевымъ, была на Арбатской улицѣ. Я бросился его обнимать и цѣловать, но онъ меня оттолкнулъ, потому что не любилъ ребяческихъ изліяній любви. Другой разъ (помнится, прежде этого трагическаго для меня событія) онъ зазвалъ меня къ себѣ обѣдать, пожиралъ жареную говядину и особенно мнѣ ее рекомендовалъ какъ необыкновенно полезную вещь для людей, ведущихъ сидячую жизнь. Въ это посѣщеніе, онъ, какъ мнѣ теперь ясно, былъ подъ сильнымъ вліяніемъ гегельянскихъ идей, въ томъ направленіи, которое привело его потомъ къ „Бородинской годовщинѣ“ [1]).

Послѣднее наше свиданіе (а можетъ быть второе,—память мнѣ измѣняетъ) было у В. П. Боткина, котораго я тогда совсѣмъ не зналъ. Смотря на меня какъ на „юношу, подававшаго надежды“, Бѣлинскій хотѣлъ ввести въ кругъ порядочныхъ мыслящихъ людей и вслѣдствіе того назначилъ мнѣ быть у В. П. Боткина вечеромъ, въ день сборища (повидимому для нихъ былъ отведенъ одинъ день въ недѣлю). Вечеръ этотъ я помню очень смутно. Помню Боткина въ цвѣтной шапочкѣ на головѣ, помню Каткова въ студенческомъ мундирѣ (я самъ былъ студентомъ, чуть ли не перваго курса). Было довольно народу, но я никого не зналъ. О чемъ-то много спорили. Затѣмъ подали ужинъ à la fourchette, и всѣ, въ томъ числѣ и Бѣлинскій, устремились на ѣду съ необыкновенной жадностью, которая меня нѣсколько удивила. Я

---

[1]) Въ это посѣщеніе Бѣлинскій указывалъ мнѣ карту Европы, объяснилъ, что рядомъ съ протестантской культурой, наукой, искусствомъ въ Берлинѣ, возникаетъ другой центръ католической культуры, философіи, искусства въ Мюнхенѣ. Онъ какъ будто считалъ ихъ равноправными. Такимъ путемъ дошелъ онъ и до „поэзіи покорности“.

былъ тогда совершенный мальчикъ по развитію, и потому-то весь этотъ вечеръ, со своими спорами и лицами, такъ безслѣдно испарился изъ моей памяти...

Затѣмъ дѣйствительное и серьезное мое сближеніе съ Бѣлинскимъ произошло уже въ Петербургѣ, куда я переѣхалъ весною 1842 года. Тогда я уже былъ магистрантомъ и написалъ бо́льшую часть своей диссертаціи на магистра. По пріѣздѣ въ Питеръ отыскалъ Бѣлинскаго, который принялъ меня очень дружески, читалъ мнѣ отрывки изъ писемъ Станкевича и былъ въ очень либеральномъ настроеніи духа. Но послѣ того, я опять долго его не видалъ и началъ встрѣчаться очень часто только когда переѣхалъ жить съ Тютчевымъ и Кульчицкимъ въ домѣ Жербина, на Михайловской площади. Тютчевъ былъ тогда полу-нѣмецкимъ буршемъ, кончившимъ курсъ въ Дерптѣ, и служилъ въ министерствѣ финансовъ въ департаментѣ разныхъ податей и сборовъ. Кульчицкій, кандидатъ харьковскаго университета, служилъ въ канцеляріи военнаго министерства. Какъ они познакомились съ Бѣлинскимъ — я не знаю, но оба ему очень нравились и къ нимъ онъ ходилъ зачастую по выходѣ книжки „Отеч. Зап.“ Съ обыкновеннымъ своимъ младенческимъ добродушіемъ и довѣрчивостью, Бѣлинскій всучилъ имъ въ сожители нѣкоего Милановскаго, воспитанника московскаго университета. Милановскій, напоминавшій лицомъ Каткова, подкупилъ Бѣлинскаго либеральными фразами, но оказался проходимцемъ и эксплоататоромъ чужихъ кармановъ. Онъ надулъ пастора Зедергольма, издававшаго свой курсъ исторіи философіи на русскомъ языкѣ, безсовѣстно употребилъ во зло добросердечіе Н. Н. Тютчева и т. д. Бѣлинскій приходилъ въ ужасъ отъ того, что пускался въ либеральныя откровенности съ такимъ господиномъ, трусилъ, что онъ на него и на весь кружокъ донесетъ. Это не помѣшало ему выгнать Милановскаго изъ своей квартиры съ скандаломъ. Словомъ, этотъ баринъ оказался невозможнымъ сожителемъ Тютчева и Кульчицкаго и былъ изгнанъ, а на его мѣсто и въ его комнату поступилъ я.

Мѣсяцевъ 11, которыя я провелъ тутъ, были изъ счастливѣйшихъ въ моей жизни, и этимъ счастьемъ я обязанъ кружку, въ который попалъ, и въ особенности главѣ этого кружка, Бѣлинскому. Онъ имѣлъ на меня и на всѣхъ насъ чарующее дѣйствіе. Это было нѣчто гораздо больше оцѣнки ума, обаянія таланта,—нѣтъ, это было дѣйствіе человѣка, который не только шелъ далеко впереди насъ яснымъ пониманіемъ стремленій и потребностей того мыслящаго меньшинства, къ которому мы принадлежали, не только освѣщалъ и указывалъ намъ путь, но всѣмъ своимъ существомъ жилъ для тѣхъ идей и стремленій, которыя жили во всѣхъ насъ, отдавался имъ страстно, наполнялъ ими свою жизнь. Прибавьте къ этому гражданскую, политическую и всякую безупречность, безпощадность къ самому себѣ при большомъ самолюбіи, и вы поймете, почему этотъ человѣкъ царилъ въ кружкѣ самодержавно. Мы понимали, что онъ въ своихъ сужденіяхъ часто бывалъ не правъ, увлекался страстью далеко за предѣлы истины; мы знали, что свѣдѣнія его (кромѣ русской литературы и ея исторіи) были не очень-то густы; мы видѣли, что Б. часто поступалъ какъ ребенокъ, какъ ребенокъ капризничалъ, малодушествовалъ и увлекался, и между собою подтрунивали надъ нимъ. Но все это исчезало передъ подавляющимъ авторитетомъ великаго таланта, страстной благороднѣйшей гражданской мысли и чистой личности безъ пятна,—личности, которой нельзя было подкупить ничѣмъ,—даже ловкой игрой на струнѣ самолюбія. Бѣлинскаго въ нашемъ кружкѣ не только нѣжно любили и уважали, но и побаивались. Каждый пряталъ гниль, которую носилъ въ своей душѣ, какъ можно подальше. Бѣда, если она попадала на глаза Бѣлинскому: онъ ее выворачивалъ тотчасъ же на показъ всѣмъ и неумолимо, язвительно преслѣдовалъ несчастнаго дни и недѣли, не келейно, а соборнѣ, предъ всѣмъ кружкомъ, на каждомъ шагу. Извѣстно, что и себя онъ тоже не щадилъ. Панаеву не мало доставалось за его суетливость, мнѣ за „прекраснодушіе“ и за славянофильскія наклонности, которыя въ то время были очень сильны. Вліяніе Бѣлинскаго на мое нравственное и умственное воспитаніе за этотъ періодъ моей жизни было неизмѣримо, и оно никогда не изгладится изъ моей памяти. Я его боготворилъ, благоговѣлъ передъ нимъ. Его вліяніе поставило много честныхъ и честно думающихъ людей на Руси. Многіе, побывавши подъ сильнымъ его вліяніемъ, сдѣлали меньше гадостей, чѣмъ могли бы сдѣлать по естественному влеченію.

Я упомянулъ о кружкѣ. Онъ въ то время состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: Панаева, женатаго, у котораго мы иногда собирались. Это былъ самый богатый и самый фешенебельный членъ кружка. Мих. Алек. Языковъ—острякъ, хромой и забавный господинъ, смѣшившій насъ своими шутками и комическими выходками; Ив. Ильичъ Масловъ, прозванный Тургеневымъ прекрасной нумидянкой. Масловъ служилъ секретаремъ коменданта Петропавловской крѣпости ген. Скобелева, былъ у него другомъ дома и сообщалъ вѣсти и разсказы о томъ, что̀ говорилось и дѣлалось въ крѣпости. При Николаѣ Павловичѣ это было и интересно, и очень небезполезно знать. И. С. Тургеневъ (за нѣсколько лѣтъ до „Хорь и Калинича"). Бѣлинскій тогда очень благоволилъ къ Тургеневу и восхищался до небесъ его „Парашей"—грѣхомъ юности, который не попалъ въ собраніе его сочиненій,—за нѣсколько стиховъ отрицательнаго и демоническаго свойства (Бѣлинскій особенно восторгался стихомъ, гдѣ говорится о хохотѣ сатаны, и даже, помнится, привелъ этотъ стихъ въ одной изъ своихъ критическихъ статей). Некрасовъ къ намъ не ходилъ тогда, а бывалъ у Бѣлинскаго. Я помню, что разъ днемъ я засталъ ихъ вдвоемъ: они играли въ карты. Затѣмъ кромѣ насъ троихъ, не было никого. Краевскій былъ тогда большой литературный и журнальный баринъ и съ нами обращался немножко свысока и у насъ не бывалъ. Остается еще назвать В. П. Боткина, который водился съ нами во время проѣзда изъ Москвы за границу и своей комической свадьбы, въ которой всѣ мы принимали участіе въ качествѣ свидѣтелей и друзей. Наконецъ, проѣздомъ же изъ-за границы въ Москву былъ у меня и у Бѣлинскаго Катковъ, но не на пріятельской ногѣ. Бѣлинскій говорилъ объ немъ, что онъ—пузырь, надутый самолюбіемъ и готовый ежеминутно лопнуть.

Какъ мы проводили время и что̀ происходило въ нашемъ капельномъ кружкѣ, это легко представитъ себѣ всякій, кто знакомъ хоть по наслышкѣ съ молодыми литературными кружками 30-хъ и 40-хъ годовъ. Аристократическимъ изяществомъ людей съ достаткомъ всѣ мы, кромѣ Панаева и Тургенева, не отличались. Аристократическіе салоны и литературные тузы были намъ извѣстны только по имени. Но весело намъ было очень, насколько можно было веселиться при отвратительной тогдашней обстановкѣ сверху и кругомъ. Каждый литературный кружокъ, въ томъ числѣ и нашъ, былъ тогда похожъ на секту, въ которую новые члены принимались трудно, по испытаніи и рекомендаціи. Мы мечтали о лучшемъ будущемъ, не формулируя положительно, какимъ оно должно быть, жадно собирали всѣ анекдоты, слухи и разсказы, изъ которыхъ прямо или косвенно слѣдовало (или должно было слѣдовать), что апокалипсическій звѣрь не долго провоеводствуетъ, также жадно и зорко слѣдили за всякимъ проявленіемъ въ словѣ или печати мыслей и стремленій, которыми были преисполнены. Каждый мѣсяцъ приносилъ намъ новинку—статью, а иногда и больше, Бѣлинскаго, которую читали и перечитывали. Жоржъ-Зандъ и французская литература были нашимъ евангеліемъ. За событіями политическими въ Европѣ мы слѣдили внимательно, но нельзя сказать, чтобъ съ большимъ толкомъ и настоящимъ пониманіемъ.

Взаимныя отношенія членовъ кружка были самыя дружескія, тѣсныя, интимныя. Камертонъ имъ давалъ Бѣлинскій. Шуткамъ и остроуміямъ, часто очень не остроумнымъ, не было конца. Запѣвалой почти всегда былъ Бѣлинскій, особенно усердно и любовно глумившійся надо мной (Тютчева онъ уважалъ). Кульчицкому тоже доставалось; его обзывали „гадюкой". Я получилъ отъ Бѣлинскаго постоянное названіе „молодой глуздырь" (встрѣчается въ Новг. былинахъ). Споры и серьезные разговоры не велись методически, а всегда перемежались и смѣшивались съ остротами и шутками.

Все это очень извѣстно и обыкновенно въ нашихъ русскихъ дружескихъ кружкахъ, и по складу нашего ума не можетъ быть иначе. Отмѣчу нѣкоторыя особенности нашего тогдашняго кружка, обусловленныя родомъ жизни и вкусами Бѣлинскаго. Онъ работалъ, какъ истинно русскій человѣкъ—запоемъ, и когда могъ отдыхать, т.-е. когда необходимость не заставляла его работать, охотно лѣнился, болталъ и игралъ въ карты, ради препровожденія времени. Игрокомъ онъ никогда не былъ. Съ половины мѣсяца, или такъ между 15 и 20 числами, Бѣлинскій исчезалъ для друзей — запирался и писалъ для журнала. Ходить къ нему въ это время было неделикатно. Бѣлинскій болталъ охотно, но проведенное въ разговорахъ время приходилось ему наверстывать ночью, потому что

работа была срочная, къ выходу книжки 1-го числа. Съ выходомъ книжки Бѣлинскій становился свободнымъ и приходилъ почти каждый день къ намъ, иногда къ обѣду, но всего чаще тотчасъ послѣ обѣда—играть въ карты. Кромѣ насъ, онъ хаживалъ вечерами, на пульку, къ Вержбицкому, кажется, военному и женатому, о которомъ мы не имѣли понятія. П. В. Анненковъ говорилъ мнѣ, что тамъ Бѣлинскаго обыгрывали навѣрное. Источники этого разсказа мнѣ совершенно неизвѣстны; также я не знаю, гдѣ, какъ и почему Бѣлинскій познакомился и сошелся съ Вержбицкимъ. Такъ какъ друзья Бѣлинскаго знали, что онъ почти каждый вечеръ проводитъ у насъ, то приходили къ намъ, и, такимъ образомъ, квартира наша мало-по-малу обратилась въ клубъ. Каждый вечеръ кто-нибудь изъ друзей забѣгалъ хоть на минуту, повидаться съ Бѣлинскимъ, сообщить новость, переговорить о дѣлѣ. Какъ только приходилъ Бѣлинскій послѣ обѣда — тотчасъ же начиналась игра въ карты, копѣечная, но которая занимала и волновала его до смѣшного. Заигрывались мы зачастую до бѣла дня. Тютчевъ игралъ спокойно и съ перемѣннымъ счастьемъ; я вѣчно проигрывалъ; Кульчицкому счастье валило всегда чертовское и онъ игралъ отлично. Бѣлинскій плелъ лапти, горячился, ремизился страшно, и рѣдко оканчивалъ вечеръ безъ проигрыша. На этихъ-то карточныхъ вечерахъ, увѣковѣченныхъ для кружка брошюркой Кульчицкаго: „Нѣкоторыя великія и полезныя истины объ игрѣ въ преферансъ“, изданной подъ псевдонимомъ кандидата Ремизова, происходили тѣ сцены великаго комизма, которыя часто приводили въ негодованіе Тютчева, забавляли друзей, а меня приводили въ глубокое умиленіе и еще больше привязывали къ Бѣлинскому. Повѣритъ ли читатель, что въ нашу игру, невиннѣйшую изъ невинныхъ, которая въ худшемъ случаѣ оканчивалась рублемъ, двумя, Бѣлинскій вносилъ всѣ перипетіи страсти, отчаянія и радости, точно участвовалъ въ великихъ историческихъ событіяхъ? Садился онъ играть съ большимъ увлеченіемъ, и если ему везло, былъ доволенъ и веселъ. Разъ зацѣпившись и поставя ремизъ, онъ старался отыграться, съ азартомъ объявлялъ отчаянныя игры и ставилъ ремизъ за ремизомъ. Кульчицкому, какъ нарочно, въ это время валили отборнѣйшія карты. Поставя нѣсколько ремизовъ, Бѣлинскій становился мрачнымъ, пыхтѣлъ, наконецъ, жаловался на судьбу, которая его во всемъ преслѣдуетъ, а наконецъ, съ отчаяніемъ бросалъ карты и уходилъ въ темную комнату. Мы продолжали игру, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Кульчицкій нарочно ремизился отчаянно, и мы шумно выражали свою радость, что, наконецъ-то, и „гадюка“ попалась. Послѣ двухъ-трехъ такихъ умышленныхъ ремизовъ и криковъ сосѣдняя дверь тихонько пріотворялась, и Бѣлинскій выглядывалъ оттуда на игру съ сіяющимъ лицомъ. Еще два-три ремиза—и онъ выходилъ изъ темной комнаты, съ азартомъ садился за игру и она продолжалась вчетверомъ по прежнему. Такая наивность и ребячество меня всегда глубоко поражали въ замѣчательныхъ людяхъ и еще сильнѣе къ нимъ привязывали. Та же черта была и въ Герценѣ, съ которымъ Бѣлинскій имѣлъ всего болѣе родства по натурѣ. Они во многомъ напоминали другъ друга. Я дорожу этой чертой, какъ очень характеристической въ Бѣлинскомъ, и потому такъ подробно описываю случаи, повидимому, совершенно ничтожные.

Въ эпоху, которую описываю, талантъ, нравственная физіономія и образъ мыслей Бѣлинскаго сложились окончательно и достигли своего апогея. Никакихъ колебаній и шатаній изъ стороны въ сторону не было. Его симпатіи клонились къ сторонѣ Франціи, а не Германіи или Англіи. Его идеалы были нравственно-соціальные болѣе, чѣмъ политическіе. Политической программы ни у кого въ тогдашнихъ кружкахъ не было. Къ тогдашнему нашему statu quo Бѣлинскій относился отрицательно на всѣхъ путяхъ и ненавидѣлъ панславизмъ во всѣхъ его направленіяхъ и со всѣми его идеалами, чутко схватывая, что эти идеалы—пережитое прошедшее, которое и привело къ печальному настоящему. Ненависть и любовь его одинаково выражались страстно, подъ часъ ребячески, съ чудовищными преувеличеніями, но въ которыхъ всегда лежала вѣрная, свѣтлая и глубокая мысль, которую мы понимали. Разъ какъ-то въ спорѣ Бѣлинскій съ яростью объявилъ, что черногорцевъ надо вырѣзать всѣхъ до послѣдняго. Другой разъ, по поводу какой-то книги, романа или стиховъ, гдѣ поминались русскіе шлемы, латы, доспѣхи, онъ напечаталъ коротенькую рецензію, въ которой говорилъ, что ничего этого никто не видалъ, а всѣ знаютъ лапти, мочалы, рогожи и палки. Враги Бѣлинскаго пользовались этими страст-

ными выходками и отчасти умышленно и отчасти по тупотѣ, не хотѣли или не умѣли понять того, что онъ говорилъ или хотѣлъ сказать. Послѣ положительная сторона его ненавистей и отрицанія выступила яснѣе. Говорятъ, что за границей онъ страшно тосковалъ и стремился назадъ. Въ Москвѣ, въ одномъ разговорѣ съ Грановскимъ, при которомъ я присутствовалъ, Бѣлинскій даже выражалъ славянофильскую мысль, что Россія лучше съумѣетъ разрѣшить соціальный вопросъ и покончить съ капиталами и собственностью, чѣмъ Европа. Но Бѣлинскій ясно понималъ, что тогдашнее положеніе наше, съ ногъ до головы, не нормальное, что правительство идетъ само не зная куда, и когда-нибудь расшибетъ себѣ башку объ стѣну. Здѣсь будетъ кстати сказать, что Бѣлинскій не любилъ поляковъ и съ необыкновеннымъ своимъ чутьемъ, далеко опережавшимъ время, прозрѣвалъ въ нихъ узкихъ провинціаловъ. Ему особенно не нравилось въ полякахъ то, что они считаютъ Варшаву наравнѣ съ Парижемъ, Мицкевича—наравнѣ съ Гете, что послушать ихъ,—ихъ политики, поэты, художники, философы за поясъ заткнутъ европейскія свѣтила. Эта черта т.-е., провинціальность, недавно подмѣченная и разоблаченная Драгомановымъ у галичанъ и разныхъ западныхъ славянъ, не ускользнула отъ зоркаго глаза Бѣлинскаго въ полякахъ. Бѣлинскій вмѣнялъ русскимъ въ особенное достоинство, что они трезвы умомъ, не таращатся, относятся къ себѣ отрицательно и что имъ нечего охранять. Петра Великаго онъ боготворилъ. „Пишите скорѣй его исторію, говаривалъ Бѣлинскій, пройдетъ сто лѣтъ и никто не повѣритъ, что Петръ не миѳъ, а историческая дѣйствительность".

Изъ періода времени, который описываю, сохранилась въ моей памяти еще одна черта Бѣлинскаго, которую не могу пройти мимо. Къ концу моего пребыванія въ Петербургѣ до московской профессуры сюда пріѣхалъ Рубини, съ котораго началась здѣшняя итальянская опера. Нашъ кружокъ бросился съ жадностью на эту новинку. Разъ какъ-то давалась Лучія де-Ламермуръ. Мы были въ ложѣ: Панаевы, Тютчевъ, Бѣлинскій и я (другихъ не помню). Въ извѣстной патетической сценѣ горькаго упрека героя оперы своей возлюбленной, Бѣлинскій былъ глубоко потрясенъ, насилу сдержалъ слезы и назвалъ Рубини — великимъ актеромъ. Объективной цѣны этотъ отзывъ не имѣетъ никакой, но онъ характеризуетъ и Бѣлинскаго, и время. Наше полное музыкальное невѣжество объясняетъ, какимъ образомъ ничтожная пьеса могла такъ глубоко подѣйствовать на Бѣлинскаго и вызвать то горькое чувство, которое лежало въ душѣ каждаго въ то время. Оно объясняетъ и огромный успѣхъ Лермонтова и Некрасова, — гораздо больше, чѣмъ ихъ дѣйствительныя поэтическія достоинства.

Наконецъ, въ 1843 году я оставилъ Петербургъ почти съ такимъ же сожалѣніемъ, съ какимъ оставлялъ Москву, чтобы переѣхать въ Петербургъ. Къ кружку, къ Бѣлинскому я привязался всей душой. Связи съ нимъ послѣ того никогда не прерывались. Съ Бѣлинскимъ онѣ еще укрѣпились дружбой съ Герценомъ, Грановскимъ, Кетчеромъ, Е. Коршемъ и другими членами московскаго кружка, котораго Бѣлинскій былъ членомъ. Каждый разъ, что Бѣлинскій пріѣзжалъ въ Москву, мы съ нимъ видѣлись очень часто на дружеской ногѣ [1]).

Вскорѣ, т.-е., нѣсколько лѣтъ послѣ переѣзда моего въ Москву, затѣянъ былъ Бѣлинскимъ альманахъ, подъ названіемъ „Левіаѳанъ". Всѣ друзья должны были дать что-нибудь. Я изготовилъ для него статью: „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи", доставившую мнѣ извѣстность и почетное имя. Но между тѣмъ возникла мысль основать новый журналъ въ Петербургѣ. Говорилось, что это будетъ журналъ Бѣлинскаго, что онъ основывается для него, чтобы вырвать его изъ когтей эксплуататора Краевскаго. Бѣлинскій попалъ на удочку съ всегдашней своей младенческой довѣрчивостью. Что Панаевъ сталъ редакторомъ „Современника", — это было еще понятно. Онъ далъ деньги. Но какимъ образомъ Некрасовъ, тогда мало извѣстный и не имѣвшій ни гроша, сдѣлался тоже редакторомъ, а Бѣлинскій, изъ-за котораго мы были готовы оставить „Отечественныя Записки", оказался наемщикомъ на жалованьи,—этого фокуса мы не могли понять, негодовали и подозрѣвали Некрасова въ литературномъ кулачествѣ и гостиннодворчествѣ, которыя потомъ такъ бли-

[1]) Я забылъ сказать, что, напутствуя меня на дорогу въ Москву, Бѣлинскій сказалъ: „ну, молодой глуздырь, вотъ вамъ мой завѣтъ въ Москвѣ: когда встрѣтитесь съ Шевыревымъ, обходите его за версту. Замѣтьте: въ тотъ день, какъ съ нимъ встрѣтитесь, вы сильно поглупѣете".

стательно имъ доказаны. Статьи, предназначенныя для „Левіаѳана“, вошли въ „Современникъ“. Барышническія рекламы этого журнала намъ очень не нравились. Стали доходить до насъ дурные слухи. Бѣлинскій похвалилъ „Деревню“ Григоровича; Некрасовъ выразилъ ему неудовольствіе за то, что онъ похвалилъ въ его, Некрасова, журналѣ повѣсть, о которой онъ, Некрасовъ, отзывался дурно. Все это сильно насъ огорчало. Мнѣ не было никакой охоты сближаться съ новой редакціей и порвать связи съ Краевскимъ, къ чему насъ очень подзадоривали. Разницы въ редакціи не было въ сущности никакой. Посреди всего этого, я получилъ очень дружеское письмо отъ Бѣлинскаго, который съ нѣжностью упрекалъ меня за то, что я ничего не даю въ новый журналъ, предназначенный для выраженія мнѣній и стремленій нашего кружка. „Вы, москвичи,—говорилось въ этомъ письмѣ,—много обѣщаете, а дойдетъ до дѣла, лѣнитесь. Болтать вы здоровы“, и все въ этомъ тонѣ. Любя Бѣлинскаго безмѣрно, я не стерпѣлъ и высказалъ ему все, что̀ у меня было на душѣ; я написалъ, что поддерживать *его* журналъ былъ бы радъ радостью, но не журналъ Некрасова, что лавочническій тонъ новой редакціи мнѣ не нравится, что это тѣ же „Отечественныя Записки“ въ другой обложкѣ и проч. Въ отвѣтъ на это получилъ огромное письмо Бѣлинскаго, листахъ на четырехъ, въ которомъ онъ ругалъ меня на всѣ корки, какъ только онъ одинъ умѣлъ ругаться (это письмо я сжегъ гораздо послѣ, во время неистовствъ правительства противъ литературы въ 1848 г.). Смыслъ ругательствъ былъ тотъ, что я мальчишка, прекраснодушествующій москвичъ, дрянной мечтатель и т. д. Въ концѣ, однако, Бѣлинскій прибавилъ, что ругней облегчилъ себѣ душу и что только тогда и бываетъ доволенъ, когда во время писанья его бьетъ лихорадка. Смыслъ ругательствъ Бѣлинскаго я понялъ вполнѣ, и, конечно, ни одну минуту не былъ на нихъ въ претензіи. Въ нихъ Бѣлинскій заглушалъ то, что̀ чувствовалъ самъ. Справедливость того, что̀ я ему писалъ,—вотъ что̀ приводило его въ ярость, но сознаться въ этомъ ему было тяжело.—Понявъ въ чемъ дѣло, я рѣшился молчать и не разстраивать его больше. Черезъ нѣсколько времени, получаю отъ него другое письмо, нѣжное, кроткое, дружеское, съ вопросомъ, отчего я молчу, неужели разсердился. Затѣмъ въ концѣ, о моихъ сомнѣніяхъ относительно его отношеній къ „Современнику“ и къ Некрасову, Бѣлинскій, какъ будто нехотя, прибавлялъ, что я правъ. Это признаніе было мнѣ очень дорого лично; оно, къ несчастію, подтверждало то, что̀ мы уже обстоятельно знали чрезъ В. П. Боткина, ѣздившаго въ Петербургъ.

Заношу въ эту безпорядочную лѣтопись еще слѣдующій фактъ. Не помню, въ письмѣ или въ разговорѣ, Бѣлинскій отзывался объ „Антонѣ Горемыкѣ“ Григоровича, который произвелъ огромное впечатлѣніе,—что чтеніе этой повѣсти произвело на него такое же дѣйствіе, какъ будто его самого отодрали кнутомъ.

Въ промежутокъ времени, что я былъ въ Москвѣ (1843—1848 въ началѣ) Бѣлинскій женился, ѣздилъ съ М. С. Щепкинымъ въ Крымъ, ѣздилъ за границу. Отправился онъ съ Тургеневымъ, которому, однако, скоро надоѣло возиться съ больнымъ, и онъ его бросилъ, оставя на рукахъ П. В. Анненкова, который былъ тогда за границей, нарочно съ нимъ съѣхался, и очень дружески за нимъ ухаживалъ. На возвратномъ пути изъ-за границы, Бѣлинскій ѣхалъ на пароходѣ съ какимъ-то флигель-адъютантомъ и съ обычной своей горячностью и младенческимъ простодушіемъ разразился въ проклятіяхъ на счетъ дѣйствій правительства. Разсказывали, что этотъ разговоръ, переданный кому̀ слѣдуетъ, обратилъ вниманіе III-го Отдѣленія на Бѣлинскаго. Такъ ли это, не знаю. Вѣроятно, что переписка его съ Гоголемъ, ходившая по рукамъ, и слѣдствіе о русской литературѣ, произведенное генераломъ Бутурлинымъ и М. А. Корфомъ, поднявшее изъ архивной пыли безконечные доносы на литературу, въ томъ числѣ графа С. Г. Строгонова, заставили Вія открыть свой глазъ на угасавшаго Бѣлинскаго. Угасалъ онъ очень кстати. Поповъ, старшій чиновникъ III-го Отдѣленія, бывшій его учитель въ пензенской гимназіи, любившій его и заходившій къ нему изрѣдка, перемѣнилъ къ этому времени свой тонъ съ нимъ. Бѣлинскаго требовали въ III-е Отдѣленіе, куда онъ не могъ явиться по болѣзни. Вскорѣ онъ умеръ. Послѣ его смерти, когда разыгралось дѣло Петрашевскаго и ключъ къ литературѣ сороковыхъ годовъ былъ подобранъ въ III-мъ Отдѣленіи, Л. В. Дубельтъ яростно сожалѣлъ, что Бѣлинскій умеръ, прибавляя: „мы бы его сгноили въ крѣпости“.

Въ 1848 году, подавъ въ отставку изъ университета, я въ промежутокъ времени между концомъ лекцій и началомъ экзаменовъ поѣхалъ въ Петербургъ, искать мѣста по учебной части, въ университетѣ, лицеѣ или училищѣ правовѣдѣнія. Тогда я навѣстилъ и умиравшаго Бѣлинскаго, который жилъ на Лиговкѣ, въ домѣ Галченковыхъ. Онъ былъ очень плохъ. Помню, мы сидѣли съ нимъ подъ открытымъ небомъ въ садикѣ или на дворѣ. Онъ едва говорилъ, задыхался. Изъ тогдашняго разговора помню, что онъ подтрунивалъ надъ вооруженіемъ Петропавловской крѣпости. Это, говоритъ, изъ боязни, чтобы я ее не взялъ. О В. П. Боткинѣ онъ отзывался такъ: Боткинъ съѣздилъ въ Европу и познакомился съ ней какъ скиѳъ; заразился европейскимъ развратомъ, а великія европейскія идеи пропустилъ мимо ушей. Боткинъ дѣйствительно возвратился въ мое время изъ-за границы смакующимъ буржуемъ, падкимъ до тонкихъ наслажденій и закрытымъ наглухо для соціальныхъ стремленій того времени. Онъ былъ мало симпатиченъ.

Вскорѣ послѣ возвращенія моего въ Москву, Бѣлинскій умеръ. Понималъ ли онъ, что близокъ къ кончинѣ, этого я изъ разговора съ нимъ не могъ замѣтить. О смерти его мнѣ разсказывали, что онъ былъ въ забытьи, бредилъ, говорилъ рѣчи народу, какъ будто оправдывался, доказывая, что любилъ народъ, желалъ ему добра. Кончина Бѣлинскаго, которая въ другое время произвела бы сильное впечатлѣніе, прошла почти незамѣченной, посреди европейскихъ волненій и безумствъ тогдашняго правительства, потерявшаго голову отъ страха. Такихъ сатурналій мракобѣсія, какихъ мы были тогда свидѣтелями, едва ли скоро увидятъ наши потомки.

Бѣлинскій былъ небольшого роста, очень невзраченъ съ виду, сутуловатъ и страшно застѣнчивъ и неловокъ. Наружность его доказывала, что его воспитаніе и жизнь прошли вдали отъ свѣтскихъ кружковъ. Значительна была его голова и въ ней особенно глаза. Не смотря на весьма некрасивые плоскіе волосы, прекрасно сформированный интеллигентный лобъ бросался въ глаза. Глаза большіе, сѣрые, страшно-проницательные, загорались и блестѣли при малѣйшемъ оживленіи. Въ нихъ страстная натура Бѣлинскаго выражалась съ особенною яркостью. Характеристично было въ его лицѣ, что конецъ носа былъ приподнятъ съ одной стороны и имѣлъ впадину съ другой. Верхняя губа съ одной стороны была слегка приподнята. То и другое можно видѣть на его маскѣ. Спокойнымъ онъ почти никогда не бывалъ. Въ спокойныя минуты глаза его были полузакрыты, губы слегка двигались. Очень некрасивы были выдававшіяся скулы. Ходилъ онъ большими шагами, слегка опускаясь, какъ бы присѣдая при каждомъ шагѣ. Сморкался и кашлялъ онъ чрезвычайно громко и неизящно. Вѣчно бывалъ онъ нервно возбужденъ или въ полной нервной атоніи и разслабленіи. Дѣтей онъ очень любилъ. Нѣжно былъ онъ привязанъ къ своей дочери, изъ которой вышла, говорятъ, очень пустая дѣвушка. Жена его, бывшая классная дама въ одномъ изъ московскихъ институтовъ и сестра ея, жившая съ нею и по выходѣ ея замужъ за Бѣлинскаго,—женщины очень посредственныя, чтобъ не сказать больше. Жена, говорятъ, мало давала ему счастья и только во время болѣзни ходила за нимъ. Лично я ихъ мало зналъ, и обстоятельства женитьбы Бѣлинскаго мнѣ совершенно неизвѣстны.

Для полноты моихъ воспоминаній о Бѣлинскомъ я долженъ еще прибавить то, что о немъ слышалъ, и отзывы о немъ друзей.

Обстоятельства встрѣчи Бѣлинскаго съ какимъ-то франтомъ у Панаева и его самобичеваніе передъ нимъ за „Бородинскую годовщину“ очень извѣстны, и останавливаться на этомъ нечего.

Мнѣ разсказывали, что еще въ Москвѣ, Бѣлинскій, будучи учителемъ, давалъ уроки у Мих. Мих. Бакунина, сенатора, вѣроятно его двумъ дочерямъ Авдотьѣ Михайловнѣ и Прасковьѣ Михайловнѣ. По катому-то случаю у Мих. Мих. былъ обѣдъ, къ которому учтивый хозяинъ дома пригласилъ и Бѣлинскаго, пришедшаго его поздравить передъ обѣдомъ. Гости были разные московскіе сановные старички. Зашелъ разговоръ о французской революціи, о казни Людовика XVI. Гости отзывались объ этихъ событіяхъ съ ужасомъ и омерзѣніемъ. Бѣлинскій, читавшій въ это время исторію революціи и приходившій въ такой восторгъ, что катался на полу, — молчалъ глубоко. Хозяинъ изъ учтивости, счелъ нужнымъ втянуть въ разговоръ Бѣлинскаго и имѣлъ несчастіе спросить его, какъ онъ думаетъ объ этихъ событіяхъ. Тогда будто бы Бѣлинскій всталъ и задыхаясь отъ страсти и ярости, торжественно вскричалъ: „я бы, на мѣстѣ ихъ (т.-е. вождей революціи) трижды казнилъ Людовика“! Эффектъ этой фразы на

старичковъ былъ будто бы потрясающій. Сходный съ этимъ анекдотомъ разсказываетъ И. С. Тургеневъ, перенося его въ Петербургъ, въ салонъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго. Бѣлинскій будто бы сказалъ громко, при гостяхъ, что наши непорядки исправитъ мать пресвятая гильотина. Мнѣ кажется, что къ обоимъ разсказамъ слѣдуетъ относиться очень критически. Что-нибудь лежащее въ основаніи ихъ, вѣроятно, было; но едва ли чудовищные размѣры сказаннаго не выросли въ устахъ разсказчиковъ.

Герценъ передавалъ мнѣ, что въ какомъ-то разговорѣ, коснувшемся любимой Бѣлинскимъ женщины, послѣдній пришелъ въ такую ярость, что схватился за ножъ. Что это такое было—я не знаю. Записываю для соображенія будущихъ біографовъ Бѣлинскаго.

Герценъ высоко цѣнилъ умъ Бѣлинскаго, говоря, что у него совершенно русская, свѣтлая голова, удивительно послѣдовательная, бьющая до конца. Въ примѣръ онъ приводилъ, что Бѣлинскій не зналъ по-нѣмецки и, только изъ отрывочныхъ разговоровъ друзей познакомившись съ системой Гегеля, тотчасъ же сообразилъ въ чемъ дѣло и суть его, и, самъ, безъ чьей-либо помощи, вывелъ всѣ послѣдствія изъ гегельянской философіи, которыя выведены изъ нея позднѣе либеральной и радикальной фракціей гегелевыхъ послѣдователей.

Между Бѣлинскимъ и Грановскимъ была великая дружба, но я думаю, что непосредственной симпатіи между ними не было, да и не могло быть. Это были двѣ натуры совершенно противоположныя. Грановскій—натура въ высшей степени художественная, гармоническая, нѣжная, сосредоточенная. Мысль всегда представлялась ему въ художественномъ образѣ и въ немъ онъ передавалъ свои мысли и взгляды. Это не была маска, за которой онъ прятался, а свойство его природы. Всякая рѣзкость была ему непріятна, всякая односторонность его шокировала. Многіе считали его за это дипломатомъ, чуть-чуть не двоедушнымъ и хитрымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ слабымъ, безхарактернымъ. Но такія сужденія не шли въ глубь этой натуры, удивительно изящной и рѣзко отличавшей его отъ диковатой русской и въ особенности московской среды. Представьте же себѣ рядомъ съ Грановскимъ Бѣлинскаго, страстнаго, нервнаго, вѣчно переходившаго изъ одной крайности въ другую, необузданнаго и мало образованнаго. Онъ не могъ не смущать иногда Грановскаго своими выходками, точно также какъ и самъ, вѣроятно, не разъ бѣсился и выходилъ изъ себя отъ гармонической, сосредоченной умѣренности и идеальности Грановскаго; къ тому же онъ былъ плохой философъ, плохой діалектикъ и часто былъ побиваемъ въ отвлеченныхъ спорахъ, даже когда былъ правъ. О Бѣлинскомъ Грановскій говорилъ всегда съ большимъ уваженіемъ, съ большою любовью, но прибавлялъ, что онъ страшно увлекается и впадаетъ въ крайности. Еслибъ эти натуры не сплочали въ тѣснѣйшій союзъ внѣшнія обстоятельства, благородство общихъ стремленій, личная безукоризненность и сумасшедшій гнетъ мысли, науки и литературы сверху, Бѣлинскій и Грановскій навѣрно бы разошлись, какъ Грановскій впослѣдствіи разошелся съ Герценомъ.

Остается сказать, что для Бѣлинскаго, вовсе не знавшаго по-нѣмецки и съ трудомъ читавшаго французскія книги [1]), друзья: Боткинъ, Станкевичъ и, кажется, Панаевъ дѣлали извлеченія изъ иностранныхъ книгъ и даже, говорятъ, переводили цѣлыя книги, можетъ быть статьи и брошюры. Я знаю объ этомъ изъ разсказовъ. Говорили также, что Станкевичъ, сохранившій на Бѣлинскаго до конца огромное вліяніе, сдерживалъ его въ крайностяхъ и увлеченіяхъ письмами изъ Берлина, съ дружеской правдивостью говорилъ ему жесткія истины на счетъ его незнанія и непониманія философіи. Когда я жилъ въ Петербургѣ, Бѣлинскій мнѣ говорилъ, что философія молодому уму не дается, а дается зрѣлому возрасту. „Теперь я, прибавлялъ онъ, только созрѣлъ достаточно для занятія философіей“. Этотъ отзывъ, быть можетъ, былъ отголоскомъ писемъ Станкевича, особливо когда Бѣлинскій убѣдился, что его совѣты и упреки оказались совершенно справедливыми.

Вотъ и все. Къ сказанному я не могу прибавить ни одной черты изъ того, что у меня удержалось теперь въ памяти. Образъ его я ношу въ своей головѣ и въ своемъ сердцѣ какъ святыню.

С.-Петербургъ
6-го февраля 1874 г.

[1]) Переводя „Отецъ Горіо“ Бальзака (или другой романъ, не помню), Бѣлинскій перевелъ слова: „les vaisseaux se sont cassés“—корабли сломались, когда рѣчь шла объ артеріяхъ. Надъ этимъ очень смѣялись и приводили эту ошибку, какъ доказательство его невѣжества.

БѢЛИНСКІЙ И ПОСЛѢДУЮЩЕЕ ДВИЖЕНІЕ НАШЕЙ КРИТИКИ.

(Письмо А. Н. Пыпину).

... Вы желаете знать, что я думаю о значеніи Бѣлинскаго какъ критика, его отношеніи къ послѣдующему развитію русской литературы и о тѣхъ общихъ выводахъ по этому вопросу, которыми вы закончили біографію Бѣлинскаго въ іюньской книжкѣ „Вѣстника Европы" (1875 г.)

Не знаю, съ какого конца приняться, чтобы отвѣчать вамъ. Отдѣлываться общими мѣстами, говоря съ вами, я не могу, да и вы вызываете меня на объясненіе, конечно, не изъ простого любопытства и не изъ одного дружескаго ко мнѣ расположенія. Вы, безъ сомнѣнія, хотите выслушать откровенное мнѣніе современника Бѣлинскаго, чтобы при помощи лишняго показанія очевидца снова обсудить важный и спорный вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ послѣдующее движеніе русской литературы и критики можно признать за непосредственное продолженіе дѣятельности Бѣлинскаго. Какъ бывшій его ученикъ, знавшій его близко, преданный ему всѣмъ сердцемъ, живо и свято хранящій его память до сихъ поръ, я долженъ казаться вамъ субъектомъ вполнѣ годнымъ для подобнаго разспроса.

Но роль свидѣтеля, какъ вы знаете, сама по себѣ далеко не легкая и очень деликатная, а у насъ, вслѣдствіе разныхъ условій и въ виду нашихъ удивительныхъ нравовъ и понятій, она еще затруднительнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Мы не умѣемъ заявлять на-прямикъ наши мнѣнія, да и привыкнуть къ этому у насъ не было пока никакой возможности. Волей-не-волей мы высказываемся осторожно, вполовину, безпрестанно озираясь, изъ боязни, чтобы отъ нашихъ словъ не вышло какого-нибудь печальнаго недоразумѣнія. Въ откровенной и прямой рѣчи, того и гляди, проронишь слово, полезное и желанное для тѣхъ, кому и не думаешь вистовать. Кто же у насъ понимаетъ, что можно, стоя на одной почвѣ и раздѣляя основные взгляды и стремленія, расходиться въ выводахъ и примѣненіяхъ одной и той же мысли? Никого вы не увѣрите, что различіе мнѣній не пустой поводъ, не вздорная придирка, за которыми скрывается вражда и ссора.

Не смотря на такія неблагопріятныя условія, я рѣшаюсь отвѣтить на ваши вопросы прямо, безъ обиняковъ. Близко знающіе насъ и наши дружескія отношенія не перетолкуютъ моихъ словъ, а до другихъ мнѣ нѣтъ дѣла. Если, при существующей у насъ путаницѣ понятій, безъ недоразумѣній обойтись нельзя, то умолчаніями и полуоткровенностями дѣлу не поможешь, скорѣй вызовешь новую вереницу недоразумѣній; напротивъ, высказываясь вполнѣ, не оглядываясь по сторонамъ, можно еще надѣяться какъ-нибудь выкарабкаться изъ хаоса мнѣній, съ которымъ мы не умѣемъ справиться.

Въ вашемъ замѣчательномъ біографическомъ очеркѣ вы не разъ высказываете мысль, что Бѣлинскій выражаетъ собою переходъ отъ чисто эстетическаго направленія нашей литературы и критики къ общественному и политическому, насколько послѣднее у насъ вообще возможно. Этотъ взглядъ кажется мнѣ какъ нельзя болѣе вѣрнымъ. Развитіе самого Бѣлинскаго, хотя и неправильное, непослѣдовательное, съ быстрыми переходами и скачками отъ одного воззрѣнія къ другому, служитъ лучшимъ подтвержденіемъ вашего взгляда. Каждый изъ насъ знаетъ и помнитъ, какъ въ воззрѣніяхъ Бѣлинскаго, сначала чисто и строго литературныхъ и эстетическихъ, постепенно началъ преобладать элементъ общественный, публицистическій, который мало-по-малу оттѣснилъ эстетическую точку зрѣнія на второй планъ. Этотъ ходъ развитія Бѣлинскаго подалъ поводъ къ тысячамъ недоразумѣній, вызвалъ противъ него тысячу заслуженныхъ и незаслуженныхъ обвиненій, вводилъ его самого много разъ въ ошибки и промахи, но при

шелся какъ разъ по времени и совпалъ съ полусознательнымъ—чтобъ не сказать безсознательнымъ—движеніемъ въ томъ же направленіи самого русскаго общества. Это, вмѣстѣ съ замѣчательнымъ талантомъ, съ удивительной, страстной энергіей, съ глубокой правдивостью и честностью Бѣлинскаго и выдвинуло его на первый планъ посреди нашихъ литературныхъ критиковъ, и поставило его, въ продолженіе почти десяти лѣтъ, во главѣ нашей журналистики. Равнаго ему, въ теченіе всего этого періода, не было. Бѣлинскій живо чувствовалъ и предугадывалъ новое направленіе, къ которому исподоволь склонялась русская общественная мысль. Послѣ 1861 года выяснилось съ совершенною очевидностью, до какой степени чутье Бѣлинскаго было вѣрно, какъ онъ тонко понималъ, куда клонится наше развитіе. Онъ не хвасталъ и не преувеличивалъ, говоря, что хорошо зналъ русскую публику. Она также умѣла читать и понимать его.

Значительныя личности, обозначающія и выражающія собою цѣлый фазисъ умственнаго движенія, нельзя опредѣлить какоюнибудь одной чертой. Всякая эпоха, личность, событіе, произведеніе ума или таланта, завершившія собою одну фазу развитія и начавшія другую, если ихъ разсматривать въ связи съ прошедшимъ и послѣдующимъ, поражаютъ многосложностью выраженныхъ въ нихъ мотивовъ. Оно и понятно. Кто-то очень вѣрно замѣтилъ, что дѣйствительность въ каждую данную минуту заключаетъ въ себѣ на лицо всѣ и всякія возможности; только обстоятельства болѣе или менѣе благопріятствуютъ развитію однихъ, убиваютъ другія. Оттого, гдѣ только обстоятельства позволяютъ, тамъ непремѣнно зарождается значительное явленіе, которое одною своею стороною заканчиваетъ предшествующее, подводитъ подъ него итоги, а другою зачинаетъ послѣдующее. Въ каждомъ такомъ явленіи выражается полнота, многосторонность, разнообразіе дѣйствительной жизни—болѣе или менѣе, смотря по большей или меньшей значительности самаго явленія, или фактовъ, которые оно собою обнимаетъ. Чѣмъ событіе, лицо, произведеніе крупнѣе, тѣмъ комплексъ ихъ сторонъ и мотивовъ сложнѣе и разнообразнѣе. Въ полученномъ итогѣ всегда на-лицо весь матеріалъ, изъ котораго онъ сложился; только однѣ составныя части выражены ярко, выпукло, другія едва замѣтно.

Бѣлинскій былъ безспорно однимъ изъ такихъ значительныхъ и сложныхъ явленій. Въ немъ выразились, сосредоточившись какъ въ фокусѣ, мотивы, бродившіе въ мыслящихъ слояхъ тогдашняго русскаго общества. Какъ всегда бываетъ, современники и ближайшіе преемники и послѣдователи Бѣлинскаго не вполнѣ поняли и оцѣнили его значеніе, потому что новые мотивы, на которые онъ только намекнулъ, ускользнули отъ вниманія и выяснились лишь впослѣдствіи, когда то, что̀ онъ сдѣлалъ, прошло черезъ анализъ, когда каждый выраженный имъ мотивъ былъ разработанъ отдѣльно и односторонность его продолжателей и толкователей дала возможность яснѣе оттѣнить настоящій смыслъ его направленія и дѣятельности.

О Бѣлинскомъ существуютъ у насъ, какъ вы знаете, самые противорѣчивые отзывы.

И. С. Тургеновъ, котораго слова вы приводите, стушевываетъ отрицательную сторону дѣятельности Бѣлинскаго. Вы побѣдоносно доказываете, что Тургеневъ ошибается, что и у Бѣлинскаго отрицаніе играетъ большую роль. Другіе идутъ гораздо дальше васъ и видятъ въ Бѣлинскомъ одного изъ представителей отрицательнаго направленія.

Многіе противополагаютъ Бѣлинскаго послѣдующимъ критикамъ въ томъ, что онъ имѣлъ идеалы, а они — нѣтъ. Но такой взглядъ опровергается фактами. Критики, выступившіе непосредственно послѣ Бѣлинскаго, несли съ собою идеалы, высказывали ихъ и проводили.

У насъ также очень распространено мнѣніе, что Бѣлинскій былъ идеалистомъ, а послѣдующіе наши критики представляли собою реальное направленіе; но И. С. Тургеневъ, проводя параллель между Бѣлинскимъ и выступившими послѣ него критиками, даетъ понять, что смыслъ, чутье дѣйствительности были гораздо больше развиты у Бѣлинскаго, чѣмъ у нихъ, а это противорѣчитъ ходячимъ мнѣніямъ.

Но это еще не все. Критика находится у насъ теперь въ совершенномъ разложеніи и упадкѣ. Одни возводятъ причины этого прискорбнаго явленія къ Бѣлинскому, въ которомъ видятъ родоначальника современнаго ложнаго направленія; другіе, напротивъ, не признаютъ солидарности между Бѣлинскимъ и его продолжателями и приписываютъ послѣднимъ упадокъ нашей критики.

Посреди такихъ разнорѣчивыхъ сужденій

трудно найтись, не провѣривъ общихъ основаній, изъ которыхъ они вытекаютъ. Слова „идеализмъ“ и „реализмъ“, „идеалъ“ и „отрицательное направленіе“, употребляются у насъ безпрестанно, и всѣ предполагаютъ, что съ ними соединенъ опредѣленный, точный смыслъ; а на повѣрку выходитъ, что каждый понимаетъ эти выраженія по-своему, вслѣдствіе чего мы не можемъ столковаться о самыхъ простыхъ вещахъ. Такая путаница понятій происходитъ, какъ мнѣ кажется, отъ крайне слабаго и поверхностнаго знакомства съ движеніемъ философскихъ идей и воззрѣній въ Европѣ. На бѣду, наше незнаніе и непониманіе еще осложнились переломомъ въ общественной жизни, который мы толкуемъ каждый по своему, рѣдко справляясь съ прошедшимъ и настоящимъ.

Мы воображаемъ, будто идеалъ и идеализмъ—одно и то же, будто реализмъ и позитивизмъ, относясь отрицательно къ идеализму, должны относиться отрицательно и къ идеаламъ. Страннѣе этого недоразумѣнія нельзя себѣ представить. Идеализмъ и реализмъ,—это два полюса дуалистическаго воззрѣнія, противъ котораго борется наука, стараясь свести ихъ къ одному началу. Борьба эта—теоретическая, научная, продолжающаяся до сихъ поръ; вѣроятный исходъ ея едва только начинаетъ обозначаться въ смутныхъ чертахъ. Поводомъ къ нападкамъ на идеализмъ послужило выдѣленіе поставленнаго имъ начала изъ дѣйствительности и перенесеніе его въ метафизическій міръ, отрѣшенный отъ реальнаго. Научный вопросъ, изъ-за котораго идетъ споръ, вертится около того, можно или нельзя объяснить идеальное начало условіями и явленіями реальнаго міра? Огромное большинство образованнаго русскаго общества, по складу русскаго ума, склонно думать, что можно. Правильно ли такое предрѣшеніе вопроса, или нѣтъ,—это покажетъ дальнѣйшее развитіе науки въ будущемъ. Какъ бы то ни было, но споръ между идеалистами и реалистами не имѣетъ ничего общаго съ признаніемъ или непризнаніемъ идеала, потому что безъ идеала не могутъ обойтись ни тѣ, ни другіе. Идеалъ есть синтезъ, въ который слагаются результаты наблюденій, опытовъ, изслѣдованій, и служитъ нормою для дѣятельности. Онъ разграничиваетъ мысль отъ дѣла, теорію отъ практики, стоитъ на перепутьи между созерцаніемъ, которымъ заканчивается процесъ познаванія, и стремленіемъ осуществить на дѣлѣ, воплотить дознанное. Дѣятельность, въ которую замѣшаны умственные процессы, не мыслима безъ идеала; онъ ставитъ ей цѣль и даетъ норму, и потому, отрицая идеалъ, мы отрицаемъ дѣятельность въ принципѣ. Оттого-то и крайніе идеалисты и крайніе реалисты несутъ съ собою идеалы, хотя они у тѣхъ и другихъ и различны. Мы же перемѣшали идеалы съ идеализмомъ, теоретическое отношеніе къ явленіямъ съ практическимъ.

Современная философія пока еще не выработала теоріи самопроизвольной дѣятельности и воли; неудивительно, что у насъ существуютъ о нихъ самыя сбивчивыя понятія. Чѣмъ разнится идеалъ отъ мечты, какъ относится къ дѣйствительности, какія можетъ принимать формы,—всѣ эти вопросы мы не затрогиваемъ; а не разрѣшивъ ихъ, нельзя шагу ступить при оцѣнкѣ движенія литературы и критики.

Мы знаемъ, что идеалъ и воздушные замки существенно различны, хотя ихъ прежде часто смѣшивали. Въ чемъ же ихъ разница? Въ томъ, что идеалъ есть преобразованіе будущаго въ дѣйствительномъ мірѣ, положимъ болѣе полное и совершенное, чѣмъ будущая дѣйствительность, но къ которому она или будетъ, или по крайней мѣрѣ должна приближаться; а мечта, фантазія такъ и остаются въ нашемъ представленіи, не переходя въ жизнь.

Я уже замѣтилъ, что люди съ реальнымъ направленіемъ и идеалисты, какъ только обращаются къ дѣятельности, непремѣнно опираются на идеалъ. То, изъ чего онъ вырабатывается у тѣхъ и другихъ, одно и то же: это данныя, факты, явленія; только постановка идеала и его, такъ сказать, фактура совершенно различны. Для реалиста фактъ, данное, съ его условіями и законами, стоитъ на первомъ планѣ, и связь того, что̀ есть, съ тѣмъ, что̀ должно быть, ни на минуту не теряется изъ виду. Цѣль всякой дѣятельности—передѣлать существующія сочетанія въ желаемыя новыя; но достиженіе ея вполнѣ зависитъ отъ свойства данныхъ сочетаній и предполагаемыхъ новыхъ, а сочетанія, въ свою очередь,—отъ свойства фактовъ и условій ихъ сочетаній, какъ существующихъ, такъ и предполагаемыхъ. При такой зависимости отъ факта, идеалъ не можетъ имѣть, въ глазахъ человѣка съ реаль-

нымъ направленіемъ, заранѣе подробно опредѣленной и законченной формулы. Онъ можетъ только указывать путь, наклонъ, строй дѣятельности, да и то условно. Идеалъ есть собственно запросъ, поставленный дѣйствительности,—запросъ, отъ котораго реалистъ готовъ и отказаться, если свойства фактовъ не даютъ отвѣта, или если нѣтъ на лицо условій для ихъ желаемыхъ сочетаній. Итакъ, для реалиста центръ тяжести—въ фактахъ, а не въ идеалѣ. Послѣдній къ нимъ пріурочивается, ими повѣряется и видоизмѣняется.

Иначе смотрятъ идеалисты. Создавая идеалъ, они слушаются только своего добраго или злого сердца, своего правильнаго или ошибочнаго взгляда и желанія. Они убѣждены, что дѣйствительность должна подчиниться идеалу, а если она его не слушается, они отъ нея отворачиваются, отрицаютъ ее во имя идеала. Относясь къ ней такъ свободно, сосредоточившись исключительно на своей любимой мысли, идеалисты не придаютъ значенія способамъ осуществленія и мало на нихъ останавливаются. Все ихъ вниманіе, всѣ силы обращены на выработку идеала. Они формулируютъ его въ своемъ умѣ во всѣхъ подробностяхъ, заранѣе рѣшая, какъ, въ какомъ видѣ онъ долженъ перейти въ жизнь. Она должна съ нимъ сообразоваться, а не онъ съ нею, и если она ему не уступаетъ своихъ правъ,—тѣмъ хуже для нея. Такимъ образомъ, идеалисты переносятъ центръ тяжести изъ дѣйствительной жизни въ идеалъ. Во имя идеала они готовы насиловать дѣйствительность, перекраивать ее по данному заранѣе шаблону. Мысль идеалистовъ безусловна въ своихъ требованіяхъ, враждебна свободнымъ проявленіямъ дѣйствительной жизни, если они съ нею не совпадаютъ. У идеалистовъ идеалъ также стѣснителенъ и узокъ, какъ устарѣвшія историческія формы, отжившія свой вѣкъ, несмотря на глубокое различіе во всемъ остальномъ. Въ наукѣ и философіи такая постановка идеала создаетъ метафизику, въ общественномъ и политическомъ быту—деспотизмъ и доктринерство, въ области художества—теорію искусства для искусства.

На указанныя различія идеаловъ мы не обращаемъ вниманія, а между тѣмъ они играютъ рѣшительную роль въ исторіи и опредѣляютъ ходъ развитія культуры.

Въ тѣсной связи съ сказаннымъ находится и другое, весьма важное недоразумѣніе. Мы думаемъ, что отрицательное направленіе возможно безъ положительнаго, другими словами, что можно отрицать что-нибудь, не имѣя идеала. Но чистое, голое отрицаніе есть пустая отвлеченность, форма безъ содержанія. Въ дѣйствительности, отрицая, мы непремѣнно должны что-нибудь полагать, что-нибудь ставить на мѣсто отрицаемаго. Отрицаніе безъ идеала того, что̀ должно осуществиться и во имя чего мы отрицаемъ, есть логическая нелѣпость. Такое отрицаніе въ Европѣ возможно развѣ какъ крикъ отчаянія, а у насъ выражаетъ только лѣнь мысли и зудъ дѣятельности.

Послѣ этихъ необходимыхъ оговорокъ, я могу, не боясь недоразумѣній, высказать вамъ свой взглядъ на значеніе Бѣлинскаго и на отношеніе къ нему послѣдующихъ критиковъ. Вы, можетъ быть, не согласитесь со мною, но во всякомъ случаѣ смыслъ того, что̀ я хочу сказать, будетъ для васъ совершенно ясенъ.

Представляя собою переходъ русской мысли изъ сферы отвлеченной—литературной, эстетической, философской—въ общественную, Бѣлинскій носилъ въ себѣ идеалъ нравственной человѣческой личности, какъ онъ создался у насъ по европейскимъ образцамъ цѣлымъ періодомъ историческаго развитія, и въ то же время страстно отрицалъ наше тогдашнее общественное безобразіе. Бѣлинскій ясно понималъ необходимость реформъ, нетерпѣливо ждалъ ихъ осуществленія, и чѣмъ дальше, тѣмъ отрицательнѣе относился къ окружавшей его дѣйствительности. По своей точкѣ зрѣнія, по своей натурѣ и по тогдашнему настроенію лучшихъ умовъ, Бѣлинскій не могъ довольствоваться однимъ чисто теоретическимъ наслажденіемъ истиной, красотой и нравственнымъ идеаломъ, а хотѣлъ видѣть осуществленнымъ то, въ чемъ былъ глубоко убѣжденъ, чему былъ преданъ всѣмъ сердцемъ. Тѣмъ сильнѣе раздражала его житейская гниль и пошлость, на которыя онъ натыкался на каждомъ шагу. Въ приведенномъ вами сопоставленіи Бѣлинскаго съ послѣдующими нашими критиками, И. С. Тургеневъ стушевалъ отрицательную сторону Бѣлинскаго, развитую въ немъ, какъ всѣ мы знаемъ и помнимъ, до болѣзненной страстности. Мнѣ кажется, что въ этомъ Тургеневъ не правъ и увлекся полемикой. Отбросивъ или даже только смягчивъ отрицательную сторону дѣятельности Бѣлинскаго, нельзя,

мнѣ кажется, составить себѣ ясное представленіе объ этой личности, обаятельной именно своею живою цѣльностью и многообразіемъ. Но и вы, какъ я думаю, увлеклись не меньше И. С. Тургенева, утверждая, въ противоположность ему, будто движеніе русской литературы и критики послѣ Бѣлинскаго было продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ направленія, какое онъ собою выразилъ. Вы, мнѣ кажется, упустили изъ виду, что послѣ Бѣлинскаго идеалы у насъ сначала переродились, а потомъ стали болѣе и болѣе удаляться на второй планъ; уже съ перерожденіемъ идеаловъ, а тѣмъ болѣе потомъ, когда они потускнѣли, на первый планъ все сильнѣе и рѣзче выступало отрицательное направленіе, которое, въ послѣднее время, почти исключительно господствовало въ нашей литературной критикѣ. Но про Бѣлинскаго никакъ нельзя сказать, чтобъ онъ былъ представителемъ отрицательнаго направленія. И вы, и И. С. Тургеневъ вдаетесь, какъ мнѣ кажется, въ крайность, только въ противоположномъ смыслѣ. Вы оба слишкомъ подчеркиваете одну характеристическую черту Бѣлинскаго, оставляя въ тѣни другія, отчего образъ его выходитъ у обоихъ неполный и невѣрный. Благодаря этому, читатель получаетъ неправильное представленіе не только о Бѣлинскомъ, но и о послѣдующемъ ходѣ нашей литературной критики. Что она имѣла непосредственную связь съ дѣятельностью Бѣлинскаго, это, конечно, безспорно. Противополагая Бѣлинскаго послѣдующимъ дѣятелямъ, И. С. Тургеневъ, а съ нимъ и мы, современники Бѣлинскаго, хотимъ только сказать, что новое движеніе русской литературы продолжало его односторонне, не исчерпало всего того, что̀ имъ намѣчено, не обняло всей полноты его содержанія, а вы обходите этотъ вопросъ, особенно налегая на то, что и Бѣлинскому далеко не было чуждо отрицательное направленіе. Вы, разумѣется, совершенно правы; но не надо забывать, что передъ Бѣлинскимъ, во всю его жизнь, носились идеалы, которые давали тонъ и смыслъ его отрицанію; идеалы его, правда, мѣнялись, но никогда, до конца своей жизни, онъ не разставался съ ними. Только во имя идеаловъ Бѣлинскій относился отрицательно сперва къ предшествовавшей русской литературѣ, потомъ и къ русской современной дѣйствительности. Къ нему вполнѣ примѣняется ваше замѣчаніе, что ненависть есть оборотная сторона любви. И то и другое шло у него рядомъ, въ тѣснѣйшей связи. Именно потому, что Бѣлинскій имѣлъ идеалы, вносилъ ихъ въ свою дѣятельность, вліяніе его и было такъ сильно. Бѣлинскій воспиталъ цѣлыя поколѣнія и воспиталъ ихъ не однимъ отрицаніемъ отжившаго, отсталаго, негоднаго, но и поднятіемъ мысли и настроенія на высоту нравственнаго идеала, который потомъ формулировался каждымъ по своему и служилъ ему точкой опоры въ практической дѣятельности.

Послѣ Бѣлинскаго, тонъ, характеръ, направленіе критики мало-по-малу существенно измѣнились. Дѣятели, выступившіе вслѣдъ за нимъ, не долго остановились на идеалѣ нравственной личности, который былъ имъ выдвинутъ. Они скоро перешли къ идеаламъ общественнымъ, соціальнымъ. Но ихъ идеалы не были продолженіемъ и развитіемъ идеаловъ Бѣлинскаго. Послѣдній, въ лучшую пору своей дѣятельности и до конца твердо стоялъ на реальной почвѣ, не сходя съ нея никогда; преемники же его, напротивъ, были идеалисты. Такое отклоненіе нашей критики отъ реальнаго направленія въ сторону идеализма и привело ее постепенно къ упадку. Бѣлинскій, выработывавшій свои идеалы съ внутренней борьбой и страданіями, о которыхъ мы теперь не имѣемъ никакого понятія, никогда ихъ не формулировалъ и не навязывалъ дѣйствительности. Вся сила и обаяніе его воззрѣній заключались въ стремленіяхъ, глубоко проникнутыхъ нравственнымъ элементомъ. Они-то и настроивали каждаго сообразно съ особенностями его природы, подымали силы, вызывали самодѣятельность въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ; отсюда рождалась борьба мнѣній и вопросы разъяснялись. Какъ настроеніе, идеалы Бѣлинскаго предоставляли широкій просторъ личной дѣятельности каждаго, не заключали ее въ тѣсную рамку, столь удобную для нашей умственной лѣни; напротивъ, они будили къ умственной дѣятельности, вынуждая искать примѣненія идеала къ самымъ различнымъ обстоятельствамъ и условіямъ. Бѣлинскій дѣйствовалъ прямо на живую почву и источникъ всякаго идеала—на человѣческую нравственную, духовную личность. Послѣдующіе критики относились къ дѣйствительности совсѣмъ иначе. Отжившимъ формамъ жизни они противопоставили свои,

столько же настойчивыя и требовательныя, и потому столько же стѣснительныя. Программа была дана, но способы ея выполненія не были указаны. Что же такіе идеалы имѣютъ общаго съ идеалами Бѣлинскаго? Послѣдніе создали школу въ литературѣ и критикѣ, первые привели и ту, и другую къ упадку. И это не была случайность, а логическое послѣдствіе неправильной постановки идеаловъ. Сила, центръ тяжести не могутъ заключаться въ тѣхъ или другихъ формулахъ, а лишь въ умственномъ и нравственномъ строѣ людей и обществъ. Ближайшіе преемники Бѣлинскаго, какъ идеалисты, не поняли этого, вѣрили во всемогущество формулированнаго идеала и были убѣждены, что, замѣнивъ старые новыми, они обновятъ русскую среду. Надежды ихъ не исполнились. Дѣйствительность не уступила идеалу. И вотъ, когда они сошли со сцены, отрицательное направленіе, получившее уже при нихъ болѣе острый характеръ, чѣмъ при Бѣлинскомъ, выступило на первый планъ, стало главной задачей, сосредоточило на себѣ лучшія силы. Но отрицательное направленіе дѣйствуетъ глубоко, имѣетъ важное воспитательное значеніе только тогда, когда идетъ рука объ руку съ выработкой идеала, проводитъ его въ общественное сознаніе и въ дѣйствительную жизнь. У насъ же случилось иное. Послѣ критиковъ, непосредственно слѣдовавшихъ за Бѣлинскимъ, мы посвятили всю умственную дѣятельность отрицанію, а о созиданіи, уясненіи и проведеніи идеаловъ перестали заботиться. Они отходили все дальше и дальше, меркли понемногу въ нашемъ сознаніи и, наконецъ, совсѣмъ испарились. Осталось одно голое отрицаніе, которое, не опираясь на идеалъ, выродилось въ безсодержательное остроумничаніе. Мы стали издѣваться не только надъ нашей дѣйствительностью, надъ обветшалыми привычками и убѣжденіями, но и надъ идеаломъ вообще, прикрывая отсутствіе руководящей мысли и бѣдность интеллектуальнаго содержанія громкими названіями реализма и позитивизма, которыхъ значенія и смысла мы не понимали. Негодованіе, страстность прежнихъ дѣятелей смѣнились безстрастной и безучастной насмѣшкой по поводу всего на свѣтѣ. Подъ кажущейся ядовитостью критики трудно стало отыскать, при всемъ желаніи, что-нибудь похожее на общую мысль, на убѣжденіе, на руководящія идеи. Отсутствіе серьезнаго критическаго направленія, немыслимаго безъ идеала, лишило критику довѣрія въ глазахъ публики и вліянія на дѣйствительную жизнь. Дѣятельность безъ идеала, отрицаніе безъ созиданія, которое мы великодушно предоставляли будущему, вѣроятно разсчитывая, что оно будетъ толковѣе насъ,—вотъ нелѣпость, до которой мы дошли,—и что всего курьезнѣе—во имя реальнаго и позитивнаго направленія! Такъ, пренебреженіе идеалами отомстило намъ ничтожествомъ отрицанія, которое только въ идеалѣ и черпаетъ свою значительность и силу. Въ рукахъ Бѣлинскаго отрицаніе было лишь орудіемъ, средствомъ, а не цѣлью; послѣ Бѣлинскаго въ немъ уже выражалась горечь обманутыхъ ожиданій и неисполнившихся надеждъ; а затѣмъ, еще позднѣе, средство выросло мало-по-малу въ самостоятельную силу, стало цѣлью. Положеніе и отрицаніе, которыя сначала шли рядомъ, вмѣстѣ, а не порознь, потомъ распались. Мы теперь запутались въ отрицаніи до того, что даже забыли во имя чего отрицаемъ. Отрицаніе, оторванное отъ идеаловъ, не можетъ не выродиться въ безцѣльное и безсодержательное движеніе, которое, въ концѣ-концовъ, должно стать въ отрицательное отношеніе не къ тому или другому ошибочному или ложному идеалу, а къ идеалу вообще, и сдѣлаться безплоднымъ.

Всѣ эти явленія, служащія признаками сбитой съ толку мысли, конечно, принадлежатъ уже не тому времени, о которомъ мы собственно хотѣли говорить; но эти явленія произошли вслѣдствіе ошибочной постановки идеала послѣ Бѣлинскаго, вслѣдствіе того, что путь, имъ указанный, былъ оставленъ и забытъ.

Противъ совершившагося факта нельзя спорить: его надо признать и понять. Можно сказать a priori, не вдаваясь ни въ какія изслѣдованія, что въ обстоятельствахъ и условіяхъ нашего прошедшаго и настоящаго, въ жизни и настроеніяхъ нашихъ интеллигентныхъ слоевъ, конечно, были сильныя побудительныя причины, почему русская мысль направилась въ сторону идеализма, а потомъ отрицанія, а не развитія идеаловъ на реальной почвѣ. Я убѣжденъ, что это вполнѣ соотвѣтствовало массѣ умственной и нравственной гнили, накопившейся въ нашемъ обществѣ; разлагая и унося ее, оно, конечно, принесло большую и весьма существенную

пользу. Для меня также совершенно ясно, что, въ силу закона развитія, работа мысли послѣ Бѣлинскаго не могла продолжаться сразу, вмѣстѣ, по всѣмъ намѣченнымъ имъ направленіямъ, и естественно ударилась лишь въ то, для котораго было на лицо наиболѣе благопріятныхъ условій. Не говорю уже, что было несправедливо, какъ дѣлалось у насъ еще недавно, вмѣнять отрицательное направленіе въ вину, укорять его въ какихъ-то злыхъ умыслахъ и безнравственности. Такіе пріемы, обличая совершенное незнаніе и непониманіе дѣла, были бы далеко не въ уровень съ задачей объяснить выдающееся явленіе, такъ долго совершавшееся на нашихъ глазахъ и овладѣвшее почти всѣми умами. Но, отбросивъ въ сторону сплетни, недостойныя инсинуаціи и мелочные счеты кружковъ и партій, нельзя не сказать, что идеализмъ и отрицательное направленіе, одержавшіе верхъ послѣ Бѣлинскаго, не разрѣшили поставленной имъ задачи, поняли ее узко и односторонне и оставили цѣлую, существенную сторону его дѣятельности неразработанной. Лишь въ недавнее время мы стали догадыватъся, что идти дальше въ исключительно отрицательномъ направленіи нельзя. Въ насъ замѣтно пробуждается сознаніе, что безъ идеаловъ въ смыслѣ Бѣлинскаго жить невозможно. Ихъ опять начинаютъ требовать и искать. Но возникающая потребность въ такомъ идеалѣ, обращеніе къ нему, лучше всего доказываетъ, что наслѣдство, завѣщанное Бѣлинскимъ новому времени, не состояло въ одномъ идеализмѣ и отрицацательномъ направленіи; что въ немъ заключалось еще нѣчто, что̀ мы оставили безъ вниманія, надъ чѣмъ подсмѣивались и безъ чего однако, въ концѣ-концовъ, никакъ не можемъ обойтись.

Я знаю, что такой взглядъ вызоветъ множество возраженій; знаю, что, высказывая его, я затрогиваю вопросъ весьма щекотливый, раздѣляющій мыслящихъ русскихъ людей на два враждебные лагеря, что сто̀итъ коснуться этого вопроса, чтобъ затихшіе споры и страсти вспыхнули съ новою силой. Но именно потому-то и слѣдуетъ, мнѣ кажется, выговориться до конца. Добрая брань лучше гнилого мира, который ничего не разрѣщаетъ и все запутываетъ. Вопросъ о положительномъ и отрицательномъ направленіи, объ идеализмѣ и реализмѣ у насъ вездѣ предполагается, но мы какъ-будто боимся его поставить; а не разрѣшивъ его, мы никогда не поймемъ другъ друга и никогда не выяснимъ среднихъ терминовъ, около которыхъ могла бы сгруппироваться русская интеллигенція. Эта послѣдняя цѣль кажется мнѣ до того важной, особливо теперь, что я рѣшился коснуться этого нашего больного мѣста съ своей точки зрѣнія, предоставляя другимъ сдѣлать то же съ своей.

Вы, можетъ быть, спросите меня, чего же я жду, на что̀ надѣюсь? Какое новое направленіе можетъ, по моему мнѣнію, оживить и возродить насъ умственно и нравственно?

Кромѣ серьезной, честной мысли и серьезнаго, честнаго научнаго труда, я, признаюсь, ничего не вижу и ничего не могу придумать. Формулированныхъ, безусловныхъ идеаловъ, съ печатью дѣйствительности и реальности, нѣтъ и быть не можетъ; стало быть нечего и искать ихъ. Формулы мѣняются и перерождаются, смотря по обстоятельстамъ и условіямъ. Но извѣстный умственный и нравственный строй, безъ котораго человѣкъ и общество жить, дѣйствовать и творить не могутъ, достигается только наблюденіемъ, опытомъ, знаніемъ. Серьезная теоретическая и практическая дѣятельность, и безъ особыхъ усилій, сама собою, создастъ умственное и нравственное настроеніе, котораго мы теперь не имѣемъ ни въ положительномъ, ни даже въ отрицательномъ смыслѣ. Отрицательному направленію мы придавали Богъ вѣсть какую цѣну: но оно имѣетъ смыслъ только какъ орудіе положительной творческой дѣятельности, расчищая для нея путь, само же по себѣ ничего не значитъ, ничего создать не можетъ. Создаетъ только положительная дѣятельность, выясняя, вырабатывая идеалъ изъ данныхъ фактовъ, для ихъ иного сочетанія. Несмотря на несомнѣнную связь и взаимную поддержку положительной и отрицательной дѣятельности, каждая изъ нихъ предполагаетъ особое предрасположеніе ума и дѣлаетъ свое особое дѣло. Положительная дѣятельность выискиваетъ и группируетъ факты, изъ которыхъ складывается идеалъ; отрицательное направленіе, напротивъ, подбираетъ отжившее и обветшалое, предназначенное къ сломкѣ. Оба ведутъ къ одной цѣли; одно не можетъ быть безъ другаго; когда одно изъ нихъ беретъ верхъ надъ другимъ, развитіе не полно и неправильно, потому что замѣнить другъ друга они не могутъ. Безъ отрицательнаго направленія умъ легко успокоивается на добытыхъ результатахъ, переходитъ въ созерцаніе

дремоту; при одностороннемъ же отрицательномъ направленіи, мѣсто идеаловъ заступаетъ рутина, противъ которой люди и общество безъ идеаловъ оказываются безсильными. Кто могъ предвидѣть, что Франція, въ концѣ XIX вѣка, станетъ клерикальной? А это совершается на нашихъ глазахъ. Нравственная природа, какъ и физическая, не терпитъ пустоты; гдѣ нѣтъ живой дѣятельности, опирающейся на идеалы и въ нихъ почерпающей свѣжесть и силу, тамъ мѣсто ея заступаетъ исторически данная рутина, заведенный порядокъ, изношенныя лохмотья.

Вотъ что я имѣлъ сказать вамъ. Дѣлаю это тѣмъ охотнѣе, что для всѣхъ нашихъ направленій и литературныхъ партій пора высказаться, устранить недоразумѣнія, опредѣлить точки дѣйствительнаго разномыслія. Полное разъясненіе различныхъ взглядовъ и направленій, опредѣливъ мѣсто каждаго въ ряду другихъ, создало бы у насъ умственную и нравственную силу, въ которой мы такъ нуждаемся. Только спокойный обмѣнъ мыслей, чуждый полемическихъ придирокъ, могъ бы создать у насъ положительное направленіе, которое теперь у насъ не разрабатывается и глохнетъ, за недостаткомъ тепла и свѣта. Наша общественная мысль, лишенная идеаловъ, представляетъ поразительную разноголосицу и хаосъ. Печать не руководитъ мнѣніемъ, а стереотипируетъ вальпургіеву ночь, шабашъ вѣдьмъ, происходящій въ нашихъ головахъ. Вы думаете, что въ настоящее время естественныя науки способны дать строй нашимъ мыслямъ, какъ во время Бѣлинскаго его давала философія. Нѣтъ, естественныя науки не дадутъ его. Въ нихъ нѣтъ и не можетъ быть отвѣта на вопросы, которые лежатъ внѣ ихъ круга. Къ тому же, подъ именемъ естественныхъ наукъ теперь гуляетъ по свѣту выродившаяся философія, окончившая свой вѣкъ. Ею мы начиняли себя всласть, но не получили отъ нея ни отвѣта на вопросы, ни строя мыслей. Бѣлинскій не зналъ естественныхъ наукъ, и умеръ четверть вѣка тому назадъ, а глубже и лучше чѣмъ мы понималъ человѣка и человѣческое общество. Чему же научили насъ естественныя науки, правильнѣе сказать философія, прикрывающаяся ихъ названіемъ? Нѣтъ, наполнить пустоту въ нашихъ мысляхъ, вылѣчить насъ отъ нравственнаго безсилія могутъ только идеалы, отъ которыхъ мы отреклись въ принципѣ, и горячее, честное исканіе которыхъ составляетъ глубокій смыслъ многострадальной журнальной и критической дѣятельности Бѣлинскаго.

(Недѣля, 1875, № 40).

НОВЫЙ ПОРТРЕТЪ В. Г. БѢЛИНСКАГО.

До сихъ поръ не было сходнаго портрета В. Г. Бѣлинскаго. По какой-то странной случайности послѣ него не осталось даже дагерротипа. Въ публикѣ обращается, въ фотографическихъ снимкахъ, безобразнѣйшая передѣлка литографіи художника Горбунова. Послѣдняя тоже не отличается сходствомъ, а только напоминаетъ Бѣлинскаго, и теперь стала большою рѣдкостью. Съ покойнаго была снята маска, но болѣзнь и смерть такъ измѣнили его черты, что онъ по ней почти неузнаваемъ. Довольно удачный (конечно, я имѣю въ виду одно лишь сходство) бюстъ Бѣлинскаго сдѣланъ профессоромъ Ге гораздо позднѣе, въ шестидесятыхъ годахъ, по этой маскѣ и по указанію друзей покойнаго.

При помощи такихъ-то скудныхъ данныхъ, а также воспоминаній и разсказовъ нѣсколькихъ оставшихся въ живыхъ друзей и знакомыхъ Бѣлинскаго, задумалъ возсоздать его образъ и московскій художникъ И. А. Астафьевъ. Я видѣлъ выполненный имъ рисунокъ въ подлинникѣ и въ фототипическомъ снимкѣ и, какъ бывшій ученикъ и другъ покойнаго, могу засвидѣтельствовать, что дорогія его черты переданы съ большою вѣрностью и очень живо его напоминаютъ. Рисунокъ И. А. Астафьева, по сходству, далеко оставляетъ за собою все, что мнѣ случалось до сихъ поръ видѣть, не исключая и бюста проф. Ге.

Нельзя довольно благодарить г. Астафьева за трудъ, который, какъ пойметъ всякій, дался ему не легко и не вдругъ. Исполнилъ онъ его какъ разъ во-время. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ и не станетъ современниковъ Бѣлинскаго, а съ ними замрутъ и устныя преданія, безъ которыхъ едва ли было бы возможно сохранить для будущаго времени живой образъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей русской культуры во второй четверти девятнадцатаго вѣка.

Май 1881 г. (Русская Мысль, 1882, кн. IX).

АВДОТЬЯ ПЕТРОВНА ЕЛАГИНА.

I.

10-го іюня 1877 года, въ селѣ Петрищевѣ, Бѣлевскаго уѣзда, предано землѣ тѣло Авдотьи Петровны Елагиной. Это имя, близкое и дорогое теперь немногимъ ея роднымъ и почитателямъ, пережившимъ покойную, было въ свое время очень извѣстно въ интеллигентныхъ слояхъ русскаго общества, принимавшихъ болѣе или менѣе живое и дѣятельное участіе въ нашемъ литературномъ, научномъ и культурномъ развитіи. Въ послѣдніе годы царствованія Александра I и въ продолженіе всего царствованія императора Николая, когда литературные кружки играли такую важную роль, салонъ Авдотьи Петровны Елагиной въ Москвѣ былъ средоточіемъ и сборнымъ мѣстомъ всей русской интеллигенціи, всего, что было у насъ самаго просвѣщеннаго, литературно и научно-образованнаго. За все это продолжительное время, подъ ея глазами составлялись въ Москвѣ литературные кружки, смѣнялись московскія литературныя направленія, задумывались литературныя и научныя предпріятія, совершались различные переходы русской мысли. Невозможно писать исторію русскаго литературнаго и научнаго движенія за это время, не встрѣчаясь на каждомъ шагу съ именемъ Авдотьи Петровны. Въ литературныхъ кружкахъ и салонахъ зарождалась, воспитывалась, созрѣвала и развивалась тогда русская мысль, подготовлялись къ литературной и научной дѣятельности нарождавшіяся русскія поколѣнія.

Осыпанный покойной вниманіемъ и ласками съ молодыхъ лѣтъ, безгранично обязанный на первой порѣ жизни многимъ ей лично, почтенному ея семейству и ея салону, связывая съ дорогимъ мнѣ семействомъ Елагиныхъ лучшія воспоминанія молодости, я считаю обязанностью сохранить для будущаго времени то, что знаю самъ и изъ разсказовъ родныхъ объ этой замѣчательной русской женщинѣ.

Авдотья Петровна увидѣла свѣтъ 11 января 1789 года, въ родовомъ имѣніи Юшковыхъ, селѣ Петрищевѣ, Бѣлевскаго уѣзда, Тульской губерніи. Ея мать, Варвара Аѳанасьевна, рожденная Бунина, была очень образованная женщина и прекрасная музыкантша; отецъ, Петръ Николаевичъ Юшковъ, занималъ въ царствованіе Екатерины видное мѣсто въ тульской губернской администраціи и принадлежалъ къ извѣстной дворянской фамиліи. Дядя его, женатый на графинѣ Головкиной, былъ губернаторомъ въ Москвѣ во время чумы.

Первоначальное воспитаніе Авдотьи Петровны было ведено очень тщательно. Гувернантками при ней были эмигрантки изъ Франціи временъ революціи, женщины, получившія по тогдашнему большое образованіе. Въ особенности называютъ M-me Dorer, отличавшуюся вполнѣ аристократическимъ складомъ и характеромъ. Это обстоятельство имѣло большое вліяніе на умственный и нравственный строй покойной, придало ей французскую аристократическую складку, общую всѣмъ лучшимъ людямъ той эпохи. Съ нѣмецкимъ языкомъ и литературой, Авдотья Петровна познакомилась чрезъ учительницъ, дававшихъ ей уроки, и В. А. Жуковскаго, ея побочнаго дядю, который воспитывался съ нею, былъ ея другомъ и будучи старше ея семью годами, былъ вмѣстѣ ея наставникомъ и руководителемъ въ занятіяхъ. Русскому языку училъ ее Филатъ Гавриловичъ Покровскій, человѣкъ очень знающій и написавшій много статей о Бѣлевскомъ уѣздѣ, напечатанныхъ въ „Политическомъ Журналѣ".

Пяти лѣтъ отъ роду, Авдотья Петровна лишилась матери, умершей въ чахоткѣ, и вмѣстѣ съ тремя своими сестрами, Анной (впослѣдствіи извѣстной писательницей Зонтагъ), Екатериной (Азбукиной) и Марьей (Офросимовой), поступила на воспитаніе къ своей бабушкѣ, Марьѣ Григорьевнѣ Буниной, рожденной Безобразовой, умершей въ 1811 году, —женщинѣ съ большимъ характеромъ. Она жила въ селѣ Мишенскомъ, Бѣлевскаго уѣзда, куда переселился и отецъ Авдотьи Петровны,

послѣ смерти жены. Зиму это семейство проводило въ Москвѣ. Живо сохранился въ памяти покойной Елагиной торжественный въѣздъ и коронованіе императора Александра I.

Авдотьѣ Петровнѣ еще не исполнилось 15-ти лѣтъ, когда за нее посватался у бабушки, не сказавъ ей самой ни слова, Василій Ивановичъ Кирѣевскій, проживавшій тоже въ Москвѣ. Ему было около тридцати лѣтъ; человѣкъ онъ былъ очень ученый, въ совершенствѣ зналъ иностранные языки, но былъ своеобразенъ до странности. Бракъ совершился 16 января 1805 года и былъ изъ самыхъ счастливыхъ. Кирѣевскій страстно любилъ свою жену и довершилъ ея образованіе, читая съ нею серьезныя книги, въ особенности историческаго содержанія и Библію. Вѣроятно въ это время окончательно утвердилась въ молодой тогда Авдотьѣ Петровнѣ глубокая религіозность, безъ сомнѣнія и колебаній, которая сопровождала ее до могилы. Кирѣевскій былъ религіозенъ до нетерпимости, ненавидѣлъ Вольтера, скупалъ и истреблялъ его сочиненія. Вслѣдствіе ли вліянія мужа, или начальнаго воспитанія, трудно сказать, но Авдотья Петровна всю свою жизнь не сочувствовала отрицательному направленію, когда оно выражалось рѣзко и въ крутыхъ формахъ; оно было противно ея религіозному направленію, ея литературнымъ и эстетическимъ вкусамъ и привычкамъ; но эта нелюбовь къ отрицательному направленію была чужда всякой исключительности и фанатизма. Авдотья Петровна много читала и думала, часто слышала самыя разнообразныя сужденія объ однихъ и тѣхъ же предметахъ, и это сдѣлало ее замѣчательно терпимой ко всякаго рода взглядамъ, лишь бы они были искренни, правдивы и выражались не въ грубыхъ формахъ.

Отъ брака съ Кирѣевскимъ Авдотья Петровна имѣла четверыхъ дѣтей. Изъ нихъ зрѣлаго возраста достигли: Иванъ Васильевичъ (род. 1806 года 22 марта), Петръ Васильевичъ (1808 года 11 февраля) и Марія Васильевна (1811 года 8 августа). Счастливое супружество покойной съ первымъ мужемъ продолжалось недолго. Въ 1812 году, осенью, В. И. Кирѣевскій скончался въ Орлѣ, отъ горячки, которую схватилъ вслѣдствіе самоотверженнаго служенія на общую пользу. Безпомощное состояніе раненыхъ плѣнныхъ французовъ, неурядица и злоупотребленія въ госпиталяхъ возмущали его. Будучи частнымъ человѣкомъ, онъ самопроизвольно, безъ всякаго полномочія или приглашенія отъ властей, принялъ въ свое завѣдываніе госпиталь въ Орлѣ, привелъ его въ порядокъ, заботился о плѣнныхъ и раненыхъ, обращалъ якобинцевъ и революціонеровъ къ религіи, спокойно перенося оскорбленія, которыми они его за то осыпали, и сдѣлался жертвой госпитальной горячки.

24-хъ-лѣтняя вдова была въ отчаяніи, лишившись, въ лицѣ любимаго мужа, наставника и руководителя. „Дѣлайте теперь со мной, что хотите",—сказала она своей теткѣ, Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ Протасовой. Къ этой теткѣ, овдовѣвшей еще въ 1793 году, переселилась она съ своими дѣтьми изъ с. Долбина, Калужской губерніи, Лихвинскаго уѣзда, стариннаго имѣнія Кирѣевскихъ, гдѣ жила съ мужемъ, не надолго пріѣзжая съ нимъ по зимамъ въ Москву. Протасова жила въ Орлѣ и около Орла, въ деревнѣ Муратовѣ, съ двумя своими дочерьми. Съ этимъ семействомъ жилъ и Жуковскій, котораго нѣжная, глубокая, многолѣтняя привязанность къ Марьѣ Андреевнѣ Протасовой извѣстна изъ его біографіи. Здѣсь Авдотья Петровна очутилась въ образованномъ, веселомъ свѣтскомъ кружкѣ, который составился въ селѣ Черни, у Александра Алексѣевича Плещеева. Плещеевъ былъ женатъ на Аннѣ Ивановнѣ Чернышевой, женщинѣ очень образованной, имѣлъ свой домашній оркестръ и былъ неподражаемый чтецъ и декламаторъ, вслѣдствіе чего поступилъ позднѣе лекторомъ къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Въ кружкѣ Плещеева, кромѣ его жены, Жуковскаго, дочерей Е. А. Протасовой и близкихъ пріятелей и знакомыхъ: Д. Н. Блудова, Д. А. Кавелина, Апухтина, участвовали многіе изъ образованныхъ плѣнныхъ французовъ, въ томъ числѣ генералъ Бонами. Здѣсь проводили время очень весело, читали, разыгрывали французскія пьесы, играли въ распространенныя тогда въ избранныхъ кружкахъ jeux d'esprit, исполняли музыкальныя пьесы.

Черезъ два года кружокъ этотъ разстроился. Въ 1814 году, Александра Андреевна Протасова выдана замужъ за А. Ѳ. Воейкова, извѣстнаго сатирическаго писателя, вскорѣ занявшаго каѳедру русской словесности въ дерптскомъ университетѣ. Съ нимъ перебралось въ Дерптъ и семейство Протасовыхъ, а Авдотья Петровна поселилась съ дѣтьми снова въ селѣ Долбинѣ, вмѣстѣ съ Жуков-

скимъ, возвратившимся въ 1813 году изъ ополченія.

Уединенная жизнь ея въ Долбинѣ продолжалась цѣлыхъ семь лѣтъ. Въ продолженіе этого времени, въ жизни ея совершились два важныхъ событія. Въ 1817 году, 4-го іюля, Авдотья Петровна вступила во второй бракъ съ Алексѣемъ Андреевичемъ Елагинымъ, своимъ троюроднымъ братомъ. Оба происходили изъ рода Буниныхъ: Авдотья Петровна—отъ Аѳанасія Ивановича, а второй мужъ ея Елагинъ—отъ родной сестры Бунина, Анны Ивановны Давыдовой, которой дочь, Елизавета Семеновна Елагина, была матерью Алексѣя Андреевича. Другимъ важнымъ событіемъ было вступленіе, въ томъ же 1817 году, Маріи Андреевны Протасовой въ супружество съ профессоромъ дерптскаго университета Иваномъ Филипповичемъ Мойеромъ.

Четыре года спустя, 4 іюля 1821 года, Авдотья Петровна переѣхала изъ Долбина на житье въ Москву и прожила здѣсь безвыѣздно 14 лѣтъ,—до 1835 года. Этотъ продолжительный періодъ времени былъ, какъ она сама говаривала, счастливѣйшей эпохой въ ея жизни. Съ этого же времени она принимаетъ живое и непосредственное участіе въ жизни литературныхъ и ученыхъ московскихъ кружковъ. Еще въ царствованіе Александра І-го образовался въ Москвѣ, около Николая Полевого, замѣчательный литературный кружокъ, къ которому принадлежали Пушкинъ, князь Вяземскій, Кюхельбекеръ и князь Одоевскій (издававшіе вмѣстѣ „Мнемозину"), В. П. Титовъ, Шевыревъ, Погодинъ, Максимовичъ, Кошелевъ, Росбергъ, Лихонинъ. Въ этомъ же кружкѣ впервые выступила въ свѣтъ Каролина Карловна Янишъ, впослѣдствіи извѣстная писательница Павлова. Одного перечня этихъ именъ достаточно, чтобы показать, въ какомъ замѣчательномъ обществѣ вращалась тогда Авдотья Петровна.

Съ 1826 года блестящій кружокъ Полевого смѣнился другимъ, не менѣе блестящимъ и талантливымъ, сгрупировавшимся около только-что начинающаго поэта, Дмитрія Ивановича Веневитинова. Зерно этого кружка составилось изъ молодыхъ людей, служившихъ при архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и готовившихся, подъ названіемъ „архивныхъ юношей", къ дипломатической карьерѣ. Кромѣ Пушкина и князя Вяземскаго, принадлежавшихъ и къ кружку Полевого, мы встрѣчаемся здѣсь съ С. И. Мальцевымъ, сослуживцемъ Грибоѣдова по дипломатической миссіи въ Персіи, Н. А. Мельгуновымъ, С. А. Соболевскимъ, поэтомъ Баратынскимъ, Д. Н. Свербеевымъ и другими. Но душа и центръ этого кружка, Веневитиновъ, умеръ весной 1827 года, едва начавъ свое блистательное литературное поприще, не достигнувъ и двадцати-двухлѣтняго возраста.

Съ 1828 года, въ московскихъ литературныхъ салонахъ появляются новыя лица, ставшія потомъ видными дѣятелями въ литературѣ и наукѣ. Въ Москвѣ поселился Н. М. Языковъ; сыновья Авдотьи Петровны, Иванъ и Петръ Васильевичъ Кирѣевскіе, поѣхавшіе учиться за границу, возвратились въ 1830 году въ Москву, по случаю холеры. Тогда возникла въ ихъ кружкѣ мысль объ изданіи журнала „Европеецъ". Планъ этого журнала обсуждался въ 1831 году, при участіи Жуковскаго, который нарочно для этого пріѣхалъ изъ Петербурга. Въ 1832 году изданіе „Европейца" началось, но со второй же книжки журналъ былъ запрещенъ.

Къ этому же времени относится знакомство съ А. И. Тургеневымъ и появленіе въ кружкѣ новыхъ дѣятелей—П. Я. Чаадаева и А. С. Хомякова. Тогда же зарождается и такъ-называемое славянофильство, развившееся потомъ въ особую философско-историческую доктрину. Первымъ представителемъ этого направленія былъ Петръ Васильевичъ Кирѣевскій, которому сперва сочувствовали только Хомяковъ и Языковъ. Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій не раздѣлялъ сначала мнѣній брата и присоединился къ нимъ лишь впослѣдствіи. Авдотья Петровна сочувствовала Петру Васильевичу не въ отрицаніи петровской реформы, а въ нелюбви къ Петру, за его жестокость и лютость. Воспоминанія о нихъ живо сохранялись въ семейныхъ преданіяхъ Лопухиныхъ, которые находились съ Елагиной въ какомъ-то далекомъ родствѣ или свойствѣ.

Съ тридцатыхъ годовъ и до новаго царствованія, домъ и салонъ Авдотьи Петровны были однимъ изъ наиболѣе любимыхъ и посѣщаемыхъ средоточій русскихъ литературныхъ и научныхъ дѣятелей. Все, что было въ Москвѣ интеллигентнаго, просвѣщеннаго и талантливаго, съѣзжалось сюда по воскресеньямъ. Пріѣзжавшія въ Москву знаменитости, русскіе и иностранцы, являлись въ салонъ Елагиныхъ. Въ немъ преобладало сла-

вянофильское направленіе, но это не мѣшало постоянно посѣщать вечера Елагиныхъ людямъ самыхъ различныхъ воззрѣній, до тѣхъ поръ, пока литературныя партіи не раздѣлились на два непріязненныхъ лагеря—славянофиловъ и западниковъ, что случилось въ половинѣ сороковыхъ годовъ. Блестящіе московскіе салоны и кружки того времени служили выраженіемъ господствовавшихъ въ русской интеллигенціи литературныхъ направленій, научныхъ и философскихъ взглядовъ. Это извѣстно всѣмъ и каждому. Менѣе извѣстны, но не менѣе важны были значеніе и роль этихъ кружковъ и салоновъ въ другомъ отношеніи,—именно какъ школа для начинающихъ молодыхъ людей: здѣсь они воспитывались и приготовлялись къ послѣдующей литературной и научной дѣятельности. Вводимые въ замѣчательно образованныя семейства добротой и радушіемъ хозяевъ, юноши, только-что сошедшіе со студенческой скамейки, получали доступъ въ лучшее общество, гдѣ имъ было хорошо и свободно, благодаря удивительной простотѣ и непринужденности, царившей въ домѣ и на вечерахъ. Здѣсь они встрѣчались и знакомились со всѣмъ, что тогда было выдающагося въ русской литературѣ и наукѣ, прислушивались къ спорамъ и мнѣніямъ, сами принимали въ нихъ участіе и мало-по-малу укрѣплялись въ любви къ литературнымъ и научнымъ занятіямъ. Къ числу молодыхъ людей, воспитавшихся такимъ образомъ въ домѣ и салонѣ Авдотьи Петровны Елагиной, принадлежали: Дмитрій Александровичъ Валуевъ, слишкомъ рано умершій для науки, А. Н. Поповъ, М. А. Стаховичъ, позднѣе трое Бакуниныхъ, братья эмигранта, художникъ Мамоновъ и другіе. Всѣ они были приняты въ семействѣ Елагиныхъ на самой дружеской ногѣ, — Валуевъ даже жилъ въ ихъ домѣ — и вынесли изъ него самыя лучшія, самыя дорогія воспоминанія. Пишущій эти строки испыталъ на себѣ всю обаятельную прелесть и все благотворное вліяніе этой среды въ золотые дни студенчества; ей онъ обязанъ направленіемъ всей своей послѣдующей жизни и лучшими воспоминаніями. Съ любовью, глубокимъ почтеніемъ и благодарностью возвращается онъ мыслями къ этой счастливой порѣ своей молодости, и со всѣми его воспоминаніями изъ того времени неразрывно связана свѣтлая, благородная, прекрасная личность Авдотьи Петровны Елагиной, которая всегда относилась къ нему и другимъ начинающимъ юношамъ съ безконечной добротой, съ неистощимымъ вниманіемъ и участіемъ. Такой же благодатной средой былъ для насъ салонъ Свербеевыхъ, открывшійся, кажется, нѣсколько позднѣе, чѣмъ у Авдотьи Петровны. Въ сороковыхъ годахъ онъ уже былъ въ полномъ блескѣ. Теперь не слышно болѣе о такихъ салонахъ, и оттого теперь молодымъ людямъ гораздо труднѣе воспитываться къ интеллигентной жизни, чѣмъ было намъ, когда мы начинали жить. Разрозненность, одиночество, недостатокъ живого, материнскаго участія просвѣщенныхъ женщинъ, недостатокъ непосредственнаго общенія и связи между старымъ и новымъ мыслящими поколѣніями, быть можетъ, болѣе всего объясняютъ болѣзненность, раздражительность, сердечную отчужденность, составляющія обычныя свойства и характерную черту выдающихся умовъ и талантовъ новаго поколѣнія, идущаго на смѣну нашему. Время, которое взваливается на интеллигенцію всей обстановкой русской дѣйствительности, еще кое-какъ выносится при соединеніи силъ, но оно тяжело давитъ лучшихъ людей по одиночкѣ.

Возвратимся къ нашему очерку. Кто не участвовалъ самъ въ московскихъ кружкахъ того времени, тотъ не можетъ составить себѣ и понятія о томъ, какъ въ нихъ жилось хорошо, несмотря на печальную обстановку извнѣ. Въ этихъ кружкахъ жизнь била полнымъ, радостнымъ ключемъ. Лѣто проводилось гдѣ-нибудь за городомъ, зима въ Москвѣ. Въ 1831 и 1832 годахъ Елагины и Кирѣевскіе жили лѣтомъ въ Ильинскомъ. Тутъ, между прочимъ, разыгрывалась шуточная комедія „Вавилонская принцесса“, написанная въ стихахъ Ив. Вас. Кирѣевскимъ и Языковымъ, который въ то время жилъ съ Елагиными и Кирѣевскими. Въ 1833 году, они поселились въ селѣ Архангельскомъ, подмосковномъ имѣніи князя Юсупова. Пользуясь драгоцѣнной картинной галлереей, Авдотья Петровна много занималась въ то лѣто живописью и сдѣлала нѣсколько прекрасныхъ копій съ картинъ Юсуповской галлереи. Она очень любила живопись и не оставляла ее даже въ послѣдній годъ своей жизни. Ослабленіе зрѣнія ее особенно тревожило.

Въ 1834 году она опять провела лѣто въ Ильинскомъ, а въ слѣдующемъ году, рано весною, въ мартѣ, уѣхала впервые за границу, сперва въ Карлсбадъ на воды, а потомъ въ Дрезденъ. Пребываніе въ чужихъ

краяхъ продлилось до іюля 1836 года. Во время этого путешествія она, чрезъ рекомендательныя письма Жуковскаго, познакомилась съ Тикомъ и Шеллингомъ.

Къ этому времени стали подростать и дѣти ея отъ второго брака: сыновья Василій (родился 1818 г. 13 іюня), Николай (1822 г. 23 апрѣля), Андрей (1823 г. 18 сентября) и дочь Елизавета (въ 1825 г.). Всѣ они воспитывались дома, сыновья доканчивали свое образованіе въ московскомъ университетѣ. Это обстоятельство и привычка жить въ просвѣщенной, литературной и научной средѣ, удерживали Авдотью Петровну постоянно въ Москвѣ, откуда она рѣдко отлучалась. Такъ, въ 1841 году, она во второй и послѣдній разъ ѣздила за границу, чтобы познакомиться съ невѣстой Жуковскаго.

Съ 1835 года, въ салонѣ Елагиныхъ появились новыя лица,—нѣкоторые изъ молодыхъ профессоровъ московскаго университета, недавно возвратившихся изъ-за границы и вдохнувшихъ въ университетъ новую жизнь. То было время его процвѣтанія и небывалаго блеска. Въ 1838 году съ Елагиными познакомился Гоголь, а въ сороковыхъ годахъ салонъ Авдотьи Петровны стали посѣщать Герценъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, Аксаковы, Сергѣй Тимоѳеевичъ и Константинъ Сергѣевичъ, Н. П. Огаревъ, Н. М. Сатинъ. Не называемъ прежнихъ постоянныхъ посѣтителей и членовъ кружка, жившихъ въ Москвѣ, и пріѣзжихъ, русскихъ и иностранцевъ.

Въ эту же эпоху радостными событіями въ личной жизни Авдотьи Петровны и въ семействѣ Кирѣевскихъ и Елагиныхъ были: переѣздъ Екатерины Аѳанасьевны Протасовой, весной 1837 года, съ семействомъ Мойера и дочерьми А. Ѳ. Воейкова изъ Дерпта на постоянное житье въ село Бунино, Орловской губерніи, Болховскаго уѣзда; частые пріѣзды Жуковскаго и женитьба его (въ 1841 году); бракъ старшаго изъ дѣтей, прижитыхъ въ бракѣ съ Елагинымъ, Василья Алексѣевича, съ троюродной своей сестрой, Екатериной Ивановной Мойеръ (1846 г. 14 января).

II.

Съ половины сороковыхъ годовъ, звѣзда жизни и счастья А. П. начала меркнуть. Семейныя горести и несчастія стали быстро слѣдовать одни за другими. Печальный ихъ рядъ открылся смертью одной изъ любимыхъ племянницъ Авдотьи Петровны, Екатерины Александровны Воейковой (1844 г.); позднѣе, въ томъ же году, 27 декабря, умеръ сынъ ея, 21 года отъ роду, еще студентомъ, Андрей Алексѣевичъ Елагинъ, подававшій большія надежды; въ декабрѣ слѣдующаго 1845 года скончался Д. А. Валуевъ, ставшій какъ бы членомъ семьи Елагиныхъ; въ 1846 году, 21 марта, Авдотья Петровна лишилась второго мужа, А. А. Елагина; годъ спустя — новыя утраты: сперва скончалась Екатерина Аѳанасьевна Протасова (12 февраля 1848 г.), а вслѣдъ за нею (4 іюля) дочь Авдотьи Петровны, Елизавета Алексѣевна Елагина. Кругомъ становилось пусто. 1846 и 1847, позднѣе 1849 и 1850 годы проведены въ деревнѣ. Блестящее время московскихъ кружковъ и салоновъ приходило къ концу. Наступила другая эпоха.

Литература, наука отступали на второй планъ передъ грозными политическими событіями, восточной войной и внутренними преобразованіями, которыя наступили съ новымъ царствованіемъ. Близкіе, друзья все еще по прежнему собирались, но кругъ ихъ изъ года въ годъ рѣдѣлъ: одни умерли, другіе разъѣхались. Въ 1856 году надъ Авдотьей Петровной разразился новый ударъ: сыновья ея Кирѣевскіе, Иванъ и Петръ Васильевичи, умерли вскорѣ одинъ за другимъ (11 іюля и 25 октября), чрезъ два года не стало И. Ф. Мойера, а три года спустя (5 сентября 1859 г.) скончалась дочь Елагиной, Марья Васильевна Кирѣевская.

Послѣдніе годы жизни, Авдотья Петровна проводила въ Москвѣ, лѣтомъ въ деревнѣ, иногда оставаясь тутъ круглый годъ, но большею частью возвращаясь на зиму въ Москву. Жила она съ своимъ сыномъ, Николаемъ Алексѣевичемъ Елагинымъ, который остался не женатымъ, устроилъ для нея прекрасную усадьбу и домъ въ деревнѣ Уткино, близъ родимаго ея пепелища, села Петрищева, и съ трогательною нѣжностью заботился объ угасавшей матери. Здѣсь доживала Авдотья Петровна свои дни, окруженная дорогими воспоминаніями прошлаго, не переставая заниматься, читать, рисовать. Съ избраніемъ сына, Николая Алексѣевича, въ 1873 году въ предводители дворянства Бѣлевскаго уѣзда, она перестала ѣздить на зиму въ Москву и проводила зимніе мѣсяцы въ Бѣлевѣ. Но не долго суждено ей было наслаждаться тихой, спо-

койной, радостной старостью: 11 февраля 1876 года, скоропостижно скончался Николай Алексѣевичъ Елагинъ, лелѣявшій ея послѣдніе годы, посвятившій ей свою жизнь. Изъ всего ея многочисленнаго семейства оставался теперь въ живыхъ только одинъ сынъ, Василій Алексѣевичъ Елагинъ. Но воспитаніе дѣтей приковывало его къ Дерпту. Сюда въ семейство сына и переселилась Авдотья Петровна 11 мая того же года и здѣсь тихо скончалась 1 іюня 1877 года, на 89 году отъ роду.

Намъ остается добавить немногое для характеристики покойной.

Авдотья Петровна не была писательницей, но участвовала въ движеніи и развитіи русской литературы и русской мысли болѣе, чѣмъ многіе писатели и ученые по ремеслу. Она не единственный у насъ примѣръ въ этомъ родѣ. Кто заподозритъ громадную роль въ нашемъ развитіи Грановскаго, перебирая два тощихъ тома его статей,—или Николая Станкевича, который ничего послѣ себя не оставилъ, кромѣ писемъ? Чтобъ оцѣнить ея вліяніе на нашу литературу, довольно вспомнить, что Жуковскій читалъ ей свои произведенія въ рукописи и уничтожалъ или передѣлывалъ ихъ по ея замѣчаніямъ. Покойная показывала мнѣ одну изъ такихъ рукописей—толстую тетрадь, испещренную могильными крестами, которые Жуковскій ставилъ подлѣ стиховъ, исключенныхъ вслѣдствіе замѣчаній покойной. Къ сожалѣнію, я не могу сказать, какія именно стихотворенія Жуковскаго прошли чрезъ такую передѣлку и всѣ ли ей подвергались.

Авдотья Петровна много переводила съ иностранныхъ языковъ, но значительная часть этихъ переводовъ, вслѣдствіе разныхъ случайностей, не были напечатаны. Въ молодости, еще до замужества, она перевела, по заказу Жуковскаго, много романовъ и получала за нихъ гонораръ книгами; такъ переведенъ ею, между прочимъ, Донъ-Кихотъ Флоріана. Въ „Европейцѣ“ напечатанъ сдѣланный ею переводъ одной рыцарской повѣсти изъ Sagen der Vorzeit Фейтъ-Вебера, а въ „Москвитянинѣ“ 1845 года отрывки, отмѣченные Иваномъ Кирѣевскимъ изъ мемуаровъ Стефенса. Наконецъ, много ея переводовъ напечатано въ „Библіотекѣ для воспитанія“, издававшейся П. Г. Рѣдкинымъ, между прочимъ статья о Троянской войнѣ и др. Остались въ рукописи, ненапечатанными: „Левана“, или о воспитаніи, Жанъ-Поль-Рихтера; „Жизнь Гусса“, Боншоза, въ двухъ томахъ; „Тысяча одна ночь“; „Принцесса Брамбилла“, Гофмана; многія проповѣди Винэ (Vinet). Еще въ самый годъ своей кончины Авдотья Петровна перевела одну изъ проповѣдей ревельскаго проповѣдника Гуна.

Основательно знакомая со всѣми важнѣйшими европейскими литературами, не исключая новѣйшихъ, за которыми слѣдила до самой смерти, Авдотья Петровна особенно любила однако старинную французскую литературу. Любимыми ея писателями остались Расинъ, Жанъ-Жакъ Руссо, Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ, Массильонъ, Фенелонъ.

Покойная до самой кончины имѣла живой, ясный и веселый умъ. Ея записки къ знакомымъ и близкимъ, писанныя года за два до смерти, поражаютъ твердостью почерка, свѣжестью оборотовъ и стиля. Трогательно было видѣть, какъ ветхая днями, Авдотья Петровна не переставала заниматься чтеніемъ, переводами, живописью, рукодѣліемъ. Бывало, въ Уткинѣ, по поводу какого-нибудь разговора, старушка тихими шагами отправлялась въ свою комнату и выносила оттуда сдѣланный ею на клочкѣ бумаги, иногда въ тотъ же день, переводъ какого-нибудь мѣста изъ только-что прочитанной книги, которое почему-либо остановило на себѣ ея вниманіе. Роднымъ и близкимъ одна дарила то нарисованный ею въ тотъ же день акварелью цвѣтокъ, то связанный ея руками, за нѣсколько времени передъ тѣмъ, кошелекъ. Покойная страшно любила цвѣты. Она сама, смѣясь, разсказывала, какъ однажды въ Уткинѣ, сойдя въ цвѣтникъ полюбоваться ими и срѣзать розу, она упала и не могла подняться. Проходившій мимо мальчикъ, котораго она позвала на помощь, испугался и убѣжалъ; въ такомъ положеніи прождала она, пока домашніе не спохватились и не начали ее искать.

Не было собесѣдницы болѣе интересной, остроумной и пріятной. Въ разговорѣ съ Авдотьей Петровной можно было проводить часы, не замѣчая, какъ идетъ время. Живость, веселость, добродушіе, при огромной начитанности, тонкой наблюдательности, при ея личномъ знакомствѣ съ массою интереснѣшихъ личностей и событій, прошедшихъ передъ нею въ теченіе долгой жизни, и ко всему этому удивительная память—все это придавало ея бесѣдѣ невыразимую прелесть. Всѣ, кто зналъ и посѣщалъ ее, испытали на себѣ ея доброту

и внимательность. Авдотья Петровна спѣшила на помощь всякому, часто даже вовсе не знакомому, кто только въ ней нуждался. Поразительные примѣры этой черты ея характера разсказываются ея родными и близкими.

Покойная всю свою жизнь сохранила основныя характерныя черты того времени, когда воспитывалась и сложилась. Литературные, художественные, религіозно-нравственные интересы преобладали въ ней надъ всѣми прочими; политическіе и общественные вопросы отражались въ ея умѣ и сердцѣ своей гуманитарной и литературно-эстетической стороной. Такова была складка того поколѣнія, къ которому принадлежала покойная Авдотья Петровна, и этому направленію она осталась вѣрной до послѣднихъ дней жизни.

Это поколѣніе сошло теперь въ могилу. Представителей его между нами можно пересчитать по пальцамъ, и всѣ они уже древніе люди. Мы, ближайшіе свидѣтели заката ихъ дѣятельности, уже въ молодости чувствовали и отчасти понимали ихъ различіе съ нами, а нынѣшніе люди отошли отъ нихъ такъ далеко, что перестали ихъ понимать, относятся къ нимъ равнодушно, даже холодно. И въ самомъ дѣлѣ, между поколѣніемъ Александровской эпохи, къ которому принадлежала покойная Елагина, и теперешнимъ лежитъ цѣлая бездна. Не только нашимъ дѣтямъ, но даже намъ самимъ, трудно теперь вдуматься въ своеобразную жизнь нашихъ ближайшихъ предковъ. Лучшіе изъ нихъ представляли собой такую полноту и цѣльность личной, умственной и нравственной жизни, о какой мы едва имѣемъ теперь понятіе. Отдѣльно взятыя, лучшія личности Александровскаго времени изумляютъ высокимъ просвѣщеніемъ и нравственнымъ идеализмомъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ. На насъ немногія личности Александровской эпохи, съ которыми мы имѣли случай встрѣчаться, всегда производили, съ этой стороны, обаятельное впечатлѣніе: въ нихъ, не смотря на всѣ превратности судьбы, не было и тѣни той угловатости, односторонности, рѣзкости, ни той нравственной надорванности, которыя составляютъ обычные недостатки нашего поколѣнія и, еще болѣе чѣмъ насъ, удручаютъ тѣхъ, которые слѣдуютъ за нами.

Чѣмъ объяснить это различіе, невольно бросающееся въ глаза? Многіе видятъ въ немъ доказательство вырожденія поколѣній; другіе, именно славянофилы, считали идеи, которыми жило прежнее поколѣніе, чуждыми намъ, неспособными привиться къ русской почвѣ; третьи увѣрены, что эти идеи не могли развиться, потому что для нихъ не были благопріятны политическія условія. Но ни одно изъ этихъ предположеній не рѣшаетъ вопроса. У насъ между поколѣніями потому нѣтъ умственной и нравственной преемственности и связи, что намъ пришлось, въ короткое время, нагонять Европу, и дѣло вѣковъ у насъ скомкалось въ нѣсколько десятилѣтій, а такая скороспѣлая работа не могла не привести къ разладу между поколѣніями и къ крайнему умственному и душевному утомленію, которое мы, по ошибкѣ, считаемъ за признакъ вырожденія. Великодушныя, гуманныя идеи, которыми были проникнуты лучшіе люди Александровской эпохи, могли быть слишкомъ отвлеченны, непрактичны, неосуществимы въ тогдашней формѣ и въ тогдашнемъ обществѣ, но чуждыми намъ онѣ не могли быть, и послѣдующее время доказало, что онѣ такими вовсе не были. Идеи XVIII вѣка были результатомъ развитія человѣческаго рода въ теченіе вѣковъ. По своей всеобщности, своему общечеловѣческому характеру, онѣ близки и дороги всякому народу, всякому племени. Народъ или государство, которымъ онѣ чужды, подписываютъ тѣмъ свой смертный приговоръ, не могутъ дѣятельно участвовать въ общемъ развитіи и успѣхахъ, играть продолжительную роль и имѣть важное значеніе во всемірной исторіи; они осуждены прозябать и рано или поздно входятъ въ составъ другихъ, болѣе талантливыхъ и живучихъ народовъ. Не одни только національныя особенности, но и всеобщія идеи даютъ народамъ и государствамъ историческое, всемірное значеніе; національность опредѣляетъ только формы, въ которыхъ эти идеи производятся и осуществляются, никакъ не болѣе. Наконецъ, политическіе и административные порядки выражаютъ степень культуры, и не опредѣляютъ способности къ ней. У насъ, какъ и вездѣ, эти порядки, по мѣрѣ нашего развитія, не ухудшались, а скорѣе, напротивъ, вырабатывались и смягчались, и если они оставляютъ желать многаго, то причина опять-таки заключается въ той же низкой степени культуры. Такимъ образомъ, причинъ упадка и исчезновенія блестящаго и просвѣщеннаго культурнаго слоя Александровскаго времени надо искать не въ вырожденіи поколѣній, не въ характерѣ идей, которыми жилъ этотъ слой,

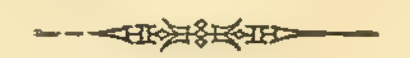
и не въ политическихъ и соціальныхъ условіяхъ Россіи XIX вѣка, а въ чемъ-нибудь другомъ. Мы думаемъ, что эти причины лежатъ гораздо глубже—въ уединенномъ и обособленномъ положеніи культурнаго слоя Александровской эпохи посреди крайне невѣжественныхъ низшихъ и среднихъ классовъ тогдашней Россіи. Въ царствованіе Александра I-го, образованные кружки рѣзко выдавались впередъ надъ остальной массой населенія, не имѣли съ нею почти ничего общаго и жили своею особою жизнью, соприкасаясь съ остальными слоями и классами русскаго общества только внѣшнимъ образомъ. Правда, никакого антагонизма и вражды не было между тѣми и другими, но не было также между ними никакого сближенія и взаимодѣйствія. Образованные кружки представляли у насъ тогда, посреди русскаго народа, оазисы, въ которыхъ сосредоточивались лучшія умственныя и культурныя силы, — искусственные центры, съ своей особой атмосферой, въ которой вырабатывались изящныя, глубоко просвѣщенныя и нравственныя личности. Онѣ въ любомъ европейскомъ обществѣ заняли бы почетное мѣсто и играли бы видную роль. Но эти во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательные люди вращались только между собою и оставались безъ всякаго непосредственнаго дѣйствія и вліянія на все то, что находилось внѣ ихъ тѣснаго, немногочисленнаго кружка. Упрекать ихъ за то въ аристократическомъ пренебреженіи къ другимъ, въ недостаткѣ патріотизма, въ равнодушіи къ успѣхамъ и развитію отечества было бы непростительной ошибкой и вопіющей напраслиной. Эти люди, напротивъ, горячо любили свою родину, горячо желали для всѣхъ и каждаго тѣхъ благъ, которыми сами жили,въ своихъ чаяніяхъ и стремленіяхъ. Занимались они не одной литературой и искусствами, какъ многіе думаютъ; между ними не мало было и такихъ, которые имѣли большое политическое образованіе, были искренними поборниками свободныхъ учрежденій, мечтали для своего отечества объ освобожденіи крѣпостныхъ, о финансовой реформѣ, о коренномъ преобразованіи школы, суда и администраціи, о свободѣ вѣры, слова и печати. Успѣхами Россіи въ теченіе девятнадцатаго вѣка мы существенно обязаны этимъ людямъ. Но они проводили высокую культуру, которую несли съ собою, не въ будничной обстановкѣ ежедневной жизни грубыхъ массъ, не лично и непосредственно, а въ общихъ административныхъ и законодательныхъ мѣрахъ, или въ литературныхъ, художественныхъ и научныхъ произведеніяхъ. Существованіе этихъ людей и ихъ кружковъ было плодотворно для Россіи только въ общемъ, отвлеченномъ смыслѣ, но не отражалось въ живыхъ фактахъ на окружавшемъ ихъ русскомъ обществѣ. Эти изящные, развитые, просвѣщенные, гуманные люди жили полною жизнью въ своихъ кружкахъ, не внося своимъ существованіемъ ничего въ нашъ тогдашній печальный, полудикій бытъ. Люди, глубоко понимавшіе всю цѣну просвѣщенія, не думали устроивать школъ и обучать грамотѣ мужиковъ, посреди которыхъ жили; къ мѣстной, губернской и уѣздной администраціи, наполненной невѣждами, земскими ерышками и подьячими стараго закала, грабившей живыхъ и мертвыхъ, возмутительно притѣснявшей простой народъ, люди, проникнутые идеями правды и гуманности, относились съ очень понятнымъ омерзѣніемъ и гадливостью; но они ничего не дѣлали, чтобы поддержать лучшихъ людей въ этой печальной средѣ, чтобы помочь имъ выбраться изъ грязной дѣйствительности, чтобы пролить хоть какой-нибудь лучъ свѣта въ это царство мрака. Также чуждо было для нихъ и все остальное, — и сельское духовенство, и купечество, и мѣщанство. Изъ своего прекраснаго далека они безучастно смотрѣли на то, что дѣлалось въ ежедневной жизни вокругъ нихъ, изъ боязни унизиться и испачкаться въ нравственной и всяческой грязи соприкосновеніемъ съ нею. Скажутъ: то была барская спѣсь. Совсѣмъ нѣтъ! Таланты, выходившіе изъ народа, хотя бы изъ крѣпостныхъ, даже люди подававшіе только надежду сдѣлаться впослѣдствіи литераторами, учеными, художниками, кто бы они ни были, принимались радушно и дружески вводились въ кружки и семьи, на равныхъ правахъ со всѣми. Это не была комедія, разыгранная передъ посторонними, а сущая, искренняя правда,—результатъ глубокаго убѣжденія, перешедшаго въ привычки и нравы, что образованіе, знаніе, талантъ, ученыя и литературныя заслуги выше сословныхъ привилегій, богатства и знатности. Но темное большинство, неспособное, по крайнему невѣжеству и отсутствію культуры, понять и оцѣнить тѣ высшіе интересы, которыми жили образованные кружки, не возбуждало въ нихъ дѣятельнаго участія; а большинство, въ свою очередь, безсмысленно и равнодушно смотрѣло на непонятную для него жизнь, занятія,

радости, печали, стремленія и наслажденія просвѣщенныхъ людей, какъ на барскія затѣи и причуды. Обоимъ элементамъ этого странно раздвоеннаго и разобщеннаго общества, жившимъ рядомъ другъ подлѣ друга, и въ мысль не приходило постараться сблизиться, понять другъ друга, опираться другъ на друга, работать дружно вмѣстѣ. Съ этой точки зрѣнія, между старыми и новыми поколѣніями лежитъ цѣлая бездна. Теперь рѣдкій изъ истинно просвѣщенныхъ людей не ставитъ себѣ задачей популяризировать свои знанія, по возможности поднимать до себя окружающихъ его необразованныхъ людей, растолковывать имъ пользу науки и знанія, сообщать знанія и науку въ доступныхъ имъ формахъ и объемѣ. Ничего подобнаго прежде не было. Ключъ ко всему, что думалось и дѣлалось въ избранныхъ кружкахъ, существовалъ только для нихъ самихъ; для остальной Россіи оно казалось непонятнымъ чудачествомъ, диковинной штукой, которой себя только тѣшили господа и дворяне. Многіе съ досадой и злорадствомъ напираютъ на неудачныя, смѣшныя, подчасъ очевидно ошибочныя формы, въ которыхъ выражается современное стремленіе сдѣлать всѣхъ причастными наукѣ и знанію, связать въ одно цѣлое разрозненные общественные слои, наглядно и осязательно показать необразованной части русскаго населенія пользу и необходимость того, чѣмъ заняты его образованныя и просвѣщенныя вершины. Но за подробностями, промахами и уклоненіями опускается изъ виду главная, существенная сторона въ стремленіяхъ нашего времени. Тѣ, которые видятъ только смѣшное и вредное въ томъ, что дѣлается, не могутъ или не хотятъ понять, что наши блестящіе кружки просвѣщенныхъ людей первой половины XIX вѣка замерли и постепенно исчезли именно вслѣдствіе того, что стояли одиноко, были разобщены съ остальною русскою жизнью. Воспитанные въ этихъ кружкахъ люди, не смотря на все свое обаяніе, были тепличными растеніями и не могли выдержать обыкновенной температуры. Имъ предстояла задача акклиматизировать въ Россіи то, что они несли съ собою; но это было невозможно, потому что почва далеко не была для того подготовлена. Непосредственная грубость и невоздѣланность этой почвы дѣлала немыслимой пересадку въ нее прекрасныхъ, но тонкихъ и нѣжныхъ растеній, привыкшихъ къ искусственной теплотѣ и свѣту, и они завяли, не пустивъ корней.

Поколѣніе Александровской эпохи съиграло свою историческую роль и уступило мѣсто новымъ дѣятелямъ. Теперь, кажется, уже настала пора судить о немъ съ полнымъ безпристрастіемъ, не дѣлая ему упрековъ, которыхъ оно не заслуживаетъ. Нельзя, не нарушая исторической правды, помянуть его иначе, какъ добромъ. Оно всегда будетъ служить яркимъ образцомъ того, какіе люди могутъ вырабатываться въ Россіи при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Обвинять его за то, что оно стояло особнякомъ посреди русской жизни, было бы болѣе чѣмъ странно. Такое положеніе создано ему всѣмъ ходомъ развитія нашей культуры и ближайшими задачами его времени.

Сельцо Иваново,
17 іюня 1877 года.

(Сѣверный Вѣстникъ, 1877, №№ 68—69).

МОСКОВСКІЕ СЛАВЯНОФИЛЫ
СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина. Томъ первый. Изд. Д. Самарина. 1877, стр. I—VII и 402, in 8°.

I.

Близкіе Юрія Ѳедоровича Самарина ставятъ ему вѣковѣчный памятникъ и оказываютъ русской мысли и наукѣ большую услугу, предпринявъ изданіе всѣхъ сочиненій и писемъ покойнаго. Въ первомъ томѣ, вышедшемъ теперь въ свѣтъ, собраны критическія статьи разнороднаго содержанія и по польскому вопросу; во второмъ и третьемъ, какъ видно изъ предисловія къ первому тому, будетъ напечатано все написанное Самаринымъ по крестьянской реформѣ и земскому дѣлу; въ четвертомъ и пятомъ—его труды богословскіе и философскіе, въ шестомъ и седьмомъ—письма. При благопріятныхъ условіяхъ, къ этому можетъ прибавиться еще нѣсколько томовъ. Второй томъ уже печатается и долженъ скоро появиться въ продажѣ.

Вышедшій теперь первый томъ содержитъ въ себѣ двадцать четыре отдѣльныхъ сочиненія и замѣтки, изъ которыхъ только четыре издаются впервые. Мы назвали ихъ не статьями, а сочиненіями и замѣтками, потому что между ними есть и записка по вопросу о народности въ наукѣ, написанная для тѣснаго круга сотрудниковъ „Русской Бесѣды", не предназначавшаяся авторомъ для печати, и очеркъ: „С. Т. Аксаковъ и его литературныя произведенія", читанный на публичномъ литературномъ вечерѣ въ Самарѣ, и выдержка изъ дневника, и проектъ адреса самарскаго дворянства въ 1863 году, и замѣтки, написанныя карандашемъ на обертках прочитанныхъ книгъ, и замѣтки, набросанныя по офиціальнымъ источникамъ и свѣдѣніямъ, собраннымъ при поѣздкѣ въ Царствѣ Польскомъ. За исключеніемъ этихъ семи или восьми вещей, прочія, примѣрно двѣ трети всего тома, суть журнальныя или газетныя статьи, большею частью критическіе разборы книгъ и полемическія замѣтки, напечатанныя при жизни автора въ „Москвитянинѣ", „Московскомъ Сборникѣ", „Русской Бесѣдѣ" и „Днѣ".

Несмотря на крайне разнообразное содержаніе перваго тома, оно проникнуто, отъ начала до конца, однимъ духомъ, однимъ замѣчательно выдержаннымъ и послѣдовательно проведеннымъ направленіемъ. Колебанія, сомнѣнія и борьба, черезъ которые прошелъ покойный, какъ почти всѣ мы русскіе люди, завершились задолго до выступленія его на литературное поприще и общественную дѣятельность. Первый томъ обнимаетъ лишь малую долю всѣхъ его письменныхъ трудовъ съ 1846 по 1872 годъ, но и по нимъ можно слѣдить, какъ взгляды и мысли Самарина зрѣли и крѣпли, все болѣе и болѣе уясняясь въ подробностяхъ и примѣненіяхъ; однако съ первой же страницы видно, что они уже вполнѣ сложились. Вотъ почему первый томъ, собранный изъ случайныхъ и разновременныхъ сочиненій, представляетъ, несмотря на то, округленное и вполнѣ законченное изложеніе такъ называемаго славянофильскаго ученія, котораго Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся и талантливыхъ представителей.

Славянофильство и славянофилы — названія, данныя наскоро, случайно, по внѣшнимъ признакамъ, и далеко не характеризуютъ того, что они были на самомъ дѣлѣ. О славянофилахъ много было говорено и писано; много говорится и пишется и теперь. Несмотря на то, большинство публики имѣетъ о нихъ до сихъ поръ крайне туманныя, сбивчивыя и противорѣчивыя понятія. Большинству славянофильство и теперь все еще представляется какой-то странной смѣсью глубокихъ мыслей, взглядовъ и стремленій съ смѣшными причудами, съ бросающимися въ глаза нелѣпостями, глубокой вѣры съ святоше-

ствомъ и суевѣріями, требованій свободы гражданской и общественной съ національнымъ изувѣрствомъ и грубымъ посягательствомъ на несомнѣнныя права, вѣротерпимости съ религіознымъ фанатизмомъ, просвѣтительныхъ и прогрессивныхъ идей съ обскурантизмомъ и реакціонерными замашками. Гдѣ же и въ чемъ правда? Откуда могли взяться такія вопіющія противорѣчія въ одномъ и томъ же ученіи? Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина представляютъ очень удобный случай вновь попытаться разрѣшить вопросъ, что такое славянофильское направленіе, и въ чемъ сущность ученія славянофиловъ? Теперь это будетъ и очень кстати. О славянофильствѣ много говорится въ обществѣ; оно, по поводу настоящей войны, снова у всѣхъ на устахъ и толкуется очень различно. Такъ какъ Ю. Ѳ. Самаринъ былъ однимъ изъ числа основателей этого ученія и признается однимъ изъ самыхъ полныхъ и вѣрныхъ его выразителей, то для ознакомленія читателей съ основными положеніями этой доктрины мы не можемъ придумать ничего лучшаго, какъ изложить ее по его сочиненіямъ. Мы это и сдѣлаемъ, насколько возможно, подлинными его словами.

Задачей славянофиловъ было сознательно, систематически уяснить и опредѣлить положительныя основанія или начала русской и славянской жизни. По мнѣнію славянофиловъ, противники ихъ, западники, разрѣшали ту же задачу отрицательно. Подъ этимъ славянофилы вовсе не разумѣли, что западники отрицаютъ русскую дѣйствительность; они только ставили западникамъ въ упрекъ, что послѣдніе, сравнивая русскую жизнь и дѣйствительность съ европейскою и не находя въ ней того, что̀ они считали желательнымъ и необходимымъ въ каждомъ развитомъ и образованномъ обществѣ, указывали на эти недостатки какъ на отличительные характерные признаки русской дѣйствительности. Славянофилы, признавая самый фактъ этихъ недочетовъ, видѣли въ нихъ, напротивъ, выраженіе самобытнаго склада русской и славянской жизни, который считали по существу не ниже, а выше европейскаго. То, въ чемъ западники видѣли недостатокъ, славянофилы, напротивъ, находили достоинство, и именно на томъ, чего, повидимому, намъ недоставало, строили свои общественные, политическіе, научные и церковные идеалы.

„Историческая наука, говоритъ Ю. Ѳ. Самаринъ, зачалась въ Россіи вслѣдъ за переворотомъ, перервавшимъ у насъ живую нить историческаго преданія. Оттого наука явилась не какъ плодъ народнаго самосознанія, а какъ попытка со стороны цивилизованнаго общества, оторвавшагося отъ народной почвы, возстановить въ себѣ утраченное самосознаніе, придти въ себя.

„У другихъ народовъ идея исторіи представлялась какъ своя исторія; форма и содержаніе зарождались нераздѣльно въ живомъ народномъ самосознаніи; у насъ же возникла сперва чисто формальная потребность исторіи, ибо внутреннее содержаніе ея составляло для насъ искомое. Намъ пришлось задать себѣ вопросъ: чего намъ искать въ своемъ прошедшемъ, и какую бы намъ сочинить для себя исторію?

„Передъ нами лежала разработанная, разъясненная исторія другихъ народовъ... Напрасно старались отыскать у насъ героевъ, законодателей, аристократію и демократію, поэтическихъ рыцарей и гордыхъ прелатовъ; ихъ не оказалось, и пришлось сознаться, что явленія нашей жизни, въ сравненіи съ древнимъ классическимъ міромъ и съ западнымъ, были блѣдны и тощи, что изъ данныхъ, повидимому сходныхъ, у насъ слагалось не то, чего бы хотѣлось, и наконецъ, что итогъ всего нашего прошедшаго развитія совсѣмъ не походилъ на западно-европейскую цивилизацію, принятую нами за образецъ. И такъ, вмѣсто отвѣта на первый вопросъ, мы пришли къ сомнѣнію: видно, мы чѣмъ-то обдѣлены, чего-то существеннаго намъ недостаетъ, ужъ не страдаемъ ли мы кореннымъ, прирожденнымъ недугомъ? А если такъ, то гдѣ же онъ таится, какъ назвать его и въ чемъ искать врачеванія? Разумѣется, самое возбужденіе этихъ вопросовъ, сравнительно съ прежнимъ направленіемъ (т.-е. приспособленіемъ къ русской старинѣ явленій европейской исторической жизни), изъ котораго они вышли, являло несомнѣнный успѣхъ. Они должны были заставить оглянуться попристальнѣе на самихъ себя, строже себя допросить; но въ то же время они были такъ поставлены, что рѣшеніе ихъ зависѣло безусловно отъ субъективнаго убѣжденія каждаго взирающаго на предметъ. Одному могло показаться, что наше историческое прошедшее было неполно, потому что Россія лишена была возможности принять на себя изъ первыхъ рукъ результаты классической

древности; другой могъ приписать мнимую незаконность нашего развитія удаленію Россіи отъ духовнаго средоточія средневѣковой западно-европейской жизни. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Кавелинъ въ очеркѣ юридическихъ отношеній древней Россіи доказывалъ, что отличительная особенность ихъ заключалась въ слабомъ развитіи личности, исчезавшей въ обществѣ, а теперь г. Чичеринъ доказываетъ намъ, что вся бѣда произошла у насъ отъ недостатка союзнаго духа и отъ исключительнаго господства ничѣмъ несдержанной личности.

„При всемъ разнообразіи, при всей рѣзкой противоположности этихъ мнѣній, промелькнувшихъ въ литературѣ русской исторіи, мы относимъ ихъ къ одной школѣ, по слѣдующимъ двумъ общимъ ихъ признакамъ. Во-первыхъ, во всѣхъ указанныхъ случаяхъ, изслѣдователь смотритъ на предметъ со стороны, съ своей точки зрѣнія, предварительно избранной, приноситъ съ собою готовый масштабъ; онъ приступаетъ прямо къ суду надъ прошедшимъ, не удостовѣрившись, того ли онъ ищетъ въ древней Россіи, того ли требуетъ отъ нея, что̀ требовала отъ себя самой Россія и въ чемъ полагала свое призваніе? Во-вторыхъ,—и это есть прямое, неизбѣжное послѣдствіе непримѣнимости основныхъ понятій, вынесенныхъ изъ чуждой намъ среды, къ явленіямъ нашей жизни,—выводы носятъ на себѣ постоянно отрицательный характеръ.

„Такого рода выводы, сколько бы ихъ ни набралось, имѣютъ всѣ одно общее свойство: они не объясняютъ изучаемаго предмета, они только ограничиваютъ его извнѣ... не раскрываютъ передъ нами его внутренняго содержанія, не вводятъ насъ въ его сердцевину, не даютъ намъ живого о немъ представленія.

„Въ концѣ своей книги о русской администраціи, г. Чичеринъ сводитъ итогъ своихъ розысканій, и передъ читателемъ является длинный перечень всего, не оказавшагося въ наличности. Отсутствіе союзнаго духа, отсутствіе систематическаго законодательства, отсутствіе общихъ разрядовъ и категорій, отсутствіе юридическихъ началъ и юридическаго сознанія въ народѣ, отсутствіе общихъ соображеній, отсутствіе теоретическаго образованія и еще нѣсколько другихъ отсутствій удалось отмѣтить г. Чичерину на перекличкѣ учрежденій до-петровской Руси.

„Такъ что же, наконецъ, въ ней присутствовало? Вѣдь жизнь народа не можетъ наполняться тѣмъ, чего въ ней нѣтъ, или чего мы въ ней не нашли. Должны же мы допустить въ ней и положительное содержаніе, да и самое множество дѣйствительно или мнимо-отсутствующихъ въ ней началъ можетъ быть понято только какъ признакъ рѣшительнаго преобладанія какихъ-либо другихъ творческихъ силъ. Къ сожалѣнію ихъ-то мы и не видимъ.

...„Отрицательное воззрѣніе на русскую исторію имѣетъ основаніе совершенно независимое отъ намѣреннаго порицанія, но вытекаетъ прямо изъ характера нашего умственнаго воспитанія, изъ разобщенія нашей мысли съ народною средою, въ которой мы живемъ, изъ привычки прилагать къ ея явленіямъ понятія и категоріи, не ею самою выработанныя, но внесенныя въ нее изъ чуждой ей среды, изъ которой мы перенесли на вѣру готовое умственное просвѣщеніе.

„Въ сущности, отрицательность выводовъ есть выраженіе неспособности угадать причину своеобразности народной жизни и уловить въ ней тѣ духовныя побужденія, въ которыхъ сперва безсознательно обнаруживаются предрасположенія народа къ его историческому призванію, и которымъ позднѣе, въ эпоху зрѣлости, предназначено развиться въ стройную систему понятій и найти для себя идеальные образы“ (стр. 197—204).

Такъ опредѣляли славянофилы отношеніе своихъ взглядовъ на русскую жизнь, русскую исторію, къ взглядамъ противниковъ. Не станемъ здѣсь разбирать, были они правы или нѣтъ, а постараемся опредѣлить, въ чемъ усматривали славянофилы положительныя стороны русской и славянской народности, и какъ они ихъ понимали.

Основаніе всего русскаго и славянскаго быта есть, по мнѣнію Ю. Ѳ. Самарина, общинное начало. Оно въ началѣ явилось у насъ въ видѣ родового устройства, „которое было низшею его степенью“. Послѣднее „прошло, а общинное начало уцѣлѣло въ городахъ и селахъ, выражалось внѣшнимъ образомъ въ вѣчахъ, позднѣе въ земскихъ думахъ“. Это „древне-славянское общинное начало, освященное и оправданное началомъ духовнаго общенія, внесеннымъ въ него церковью, безпрестанно расширялось и крѣпло“ (стр. 51).

Русскую народность авторъ понимаетъ „въ

неразрывной связи съ православною вѣрою, изъ которой истекаетъ вся система нравственныхъ убѣжденій, правящихъ семейною и общественной жизнью русскаго человѣка" (стр. 111).

Ближайшее поясненіе этой основной мысли находимъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Семейство и родъ представляютъ видъ общежитія, основанный на единствѣ кровномъ; городъ съ его областью—другой видъ, основанный на единствѣ областномъ и позднѣе эпархіальномъ; наконецъ, единая, обнимающая всю Россію государственная община —послѣдній видъ, выраженіе земскаго и церковнаго единства. Всѣ эти формы различны между собою, но онѣ суть только формы, моменты постепеннаго расширенія одного общиннаго начала, одной потребности жить вмѣстѣ въ согласіи и любви, потребности, сознанной каждымъ членомъ общины какъ верховный законъ, обязательный для всѣхъ и носящій свое оправданіе въ самомъ себѣ, а не въ личномъ произволеніи каждаго. Таковъ общинный бытъ въ существѣ его; онъ основанъ не на личности и не можетъ быть на ней основанъ, но онъ предполагаетъ высшій актъ личной свободы и сознанія—самоотреченіе.

„Въ каждомъ моментѣ его развитія онъ выражается въ двухъ явленіяхъ, идущихъ параллельно и необходимыхъ одно для другого. Вѣче родовое (напр. княжескіе сеймы) и родоначальникъ. Вѣче родовое и князь. Вѣче земское или дума и царь.

„Первое служитъ выраженіемъ общаго связующаго начала; второе — личности". Князь въ отношеніи къ міру есть „представитель личности, равно близкій каждому", „признанный заступникъ и ходатай каждаго лица передъ міромъ". Община не можетъ обойтись безъ него, потому что онъ отвѣчаетъ глубокому, существенному требованію народнаго духа—„требованію сочувствія къ страждущей личности, состраданія, благоволенія и свободной милости".

„Призвавъ его и поставивъ надъ собою, община выразила въ живомъ образѣ свое живое единство. Каждый отрекся отъ своего личнаго полновластія и вмѣстѣ спасъ свою личность въ лицѣ представителя личнаго начала". Въ идеальномъ образѣ князя, котораго искала древняя Русь, видны слѣды возвышеннаго, христіанскаго понятія о призваніи личной власти, о нравственныхъ обязанностяхъ свободнаго лица (стр. 52 и 53).

Эти истинныя начала получили жизненное осуществленіе въ русской народности. Начала, внесенныя романскими и германскими племенами, представляются односторонними, т.-е. относительно ложными. Вотъ почему славянофилы дорожатъ нашей народностью. Для нихъ, какъ и для всѣхъ, цѣль составляетъ истина, а не народность (стр. 151).

„Католицизмъ, въ области религіи, есть такое же несомнѣнное проявленіе романской стихіи, какъ протестантизмъ—проявленіе германской" (стр. 111).

Латинство несетъ съ собою помученіе и извращеніе всѣхъ самыхъ коренныхъ нравственныхъ понятій въ цѣломъ обществѣ. Къ этому прямо ведетъ латинское „представленіе объ отношеніяхъ правящей церкви къ подвластнымъ ей душамъ. Личность исчезаетъ въ церкви, теряетъ всѣ свои права и дѣлается какъ бы мертвою составною частицею цѣлаго; изъ нея, изъ этой частицы, то-есть изъ души человѣческой, вырѣзывается самая неприкосновенная ея святыня—совѣсть, и отдается церкви; личная совѣсть исчезаетъ въ какой-то собирательной совѣсти, которая олицетворяется въ церкви и которой единственнымъ органомъ служитъ ея воинство; а такъ какъ церковь свята и непогрѣшима, то интересъ ея совпадаетъ съ закономъ нравственнымъ: что̀ полезно для церкви—то благо, что̀ для нея вредно—то зло". Вотъ почему прививка латинства къ славянской стихіи не случайно сопровождалась образованіемъ ненародной, строго замкнутой и притянутой къ Риму іерархіи, постепеннымъ возникновеніемъ около нея аристократіи военно-политической, отторженіемъ власти отъ подданныхъ, высшихъ слоевъ общества отъ низшихъ, быстрымъ развитіемъ цивилизаціи въ кругу привилегированныхъ сословій, но цивилизаціи, не проникающей въ народныя массы, и постепеннымъ сгущеніемъ тьмы въ низменныхъ слояхъ общества и т. д.

„Историческая задача латинства состояла въ томъ, чтобы отвлечь отъ живого организма церкви идею единства, понятаго какъ власть, облечь ее въ видимый символъ, поставить, такъ сказать, надъ церковью полное олицетвореніе ея самой, и чрезъ это превратить единеніе вѣры и любви въ юридическое признаніе, а членовъ церкви—въ подданныхъ ея главы. Эта задача, перенесенная въ міръ славянскій, въ историческую среду общинности, не въ тѣсномъ только значеніи совокуп-

ленія экономическихъ интересовъ, но въ самомъ широкомъ смыслѣ множества, свободно слагающагося въ живое органическое единство, должна была возмутить истинное развитіе народной жизни до послѣдней ея глубины. Дѣйствительно, латинство, по свойству внутреннихъ побужденій, изъ которыхъ оно возникло, было враждебно въ одинаковой степени: общинности, этой характеристической племенной особенности славянства, и началу соборнаго согласія, на которомъ построена и держится православная церковь. Понятно, что разрывъ въ предѣлахъ церковной общины приводилъ неминуемо къ разложенію общины гражданской, и что, наоборотъ, среда, въ которой предназначено было развиться историческимъ силамъ славянства, такъ сказать предопредѣлилась внутреннимъ сродствомъ двухъ указанныхъ выше началъ — общинности и соборности.

„...Протестантство есть то же латинство, только обращенное въ отрицаніе, латинство, съ придачею къ нему частицы *не*. Это крайняя противоположность латинства, но противоположность столь же односторонняя, какъ и оно. Это страстный протестъ личной свободы, отчаявшейся въ возможности осуществить единство неискусственное, но протестъ, не выходящій изъ круга тѣхъ же разорванныхъ, одно другому противопоставленныхъ понятій, изъ которыхъ одно воплотилось въ романскомъ мірѣ, а другое въ германскомъ. Подобно тому какъ латинство, въ окончательномъ своемъ результатѣ, ограничивается требованіемъ внѣшняго, юридическаго признанія истины, облеченной въ образъ церковнаго самодержавія, такъ, наоборотъ протестантство, жертвуя всякимъ объективнымъ содержаніемъ, обращается наконецъ къ изолированной личности съ простымъ требованіемъ искренности и подчиняетъ всѣ формы общежитія договорному началу, т.-е. сдѣлкѣ, въ которой личный интересъ служитъ и побужденіемъ, и нормою. Оттого, несмотря на противоположность вѣрованій, возрѣній и привычекъ, протестантская Европа, при всей ея враждебности къ латинству, внутренно сознаетъ свое тѣсное съ нимъ родство“ (стр. 337—339).

Эти взгляды выражены Самаринымъ въ слѣдующихъ тезисахъ или положеніяхъ:

„1. Развитіе германскаго начала личности, предоставленной себѣ самой, не имѣетъ ни конца, ни выхода. Путемъ исчерпыванія историческихъ явленій личности, до идеи о человѣкѣ, т.-е. о началѣ абсолютнаго соединенія и подчиненія личностей подъ верховный законъ, логически дойти нельзя, потому что процессъ аналитическій никогда не переходитъ самъ собою въ синтетическій.

„2. Это начало (идея человѣка, или, точнѣе, идея народа) явилось не какъ естественный плодъ развитія личности, но какъ прямое ему противодѣйствіе, и проникло въ сознаніе передовыхъ мыслителей западной Европы изъ сферы религіи.

„3. Западный міръ выражаетъ теперь требованіе органическаго примиренія начала личности съ началомъ объективной и для всѣхъ обязательной нормы—требованіе общины.

„4. Это требованіе совпадаетъ съ нашею субстанціею; въ оправданіе формулы мы приносимъ бытъ, и въ этомъ точка соприкосновенія нашей исторіи съ западною.

„5. Общинный бытъ славянъ основанъ не на отсутствіи личности, а на свободномъ и сознательномъ ея отреченіи отъ своего полновластія.

„6. Въ національный бытъ славянъ христіанство внесло сознаніе и свободу; славянская община, такъ сказать растворившись, приняла въ себя начало общенія духовнаго и стала какъ бы свѣтскою, историческою стороной церкви.

„7. Задача нашей внутренней исторіи опредѣляется какъ просвѣтленіе народнаго общиннаго начала общиннымъ церковнымъ.

„8. Внѣшняя исторія наша имѣла цѣлью отстоять и спасти политическую независимость того же начала не только для Россіи, но для всего славянскаго племени, созданіемъ крѣпкой государственной формы, которая не исчерпываетъ общиннаго начала, но и не противорѣчитъ ему“ (стр. 63 и 64).

Послѣ этихъ выписокъ дѣлается вполнѣ понятнымъ, въ какомъ смыслѣ славянофилы отстаивали принципъ народности въ наукѣ, почему они считали народность однимъ изъ необходимыхъ условій всѣхъ открытій и успѣховъ въ области знанія.

„Мысль познающая, говоритъ Ю. Ѳ. Самаринъ, какъ органъ науки, достигаетъ до полнаго своего развитія и могущества только при условіи совокупнаго и сосредоточеннаго участія въ процессѣ постиженія всѣхъ силъ и способностей духа; воля придаетъ мысли постоянство напряженія, побуждая и сдерживая ее; теплое сочувствіе согрѣваетъ мысль

и вооружаетъ ее безошибочностью духовнаго инстинкта, угадывающаго въ историческихъ явленіяхъ едва проявленныя движенія человѣческой души. Мы говоримъ здѣсь не о той, если можно такъ выразиться, отвлеченной любви къ предмету, безъ которой никакой истинно-ученый трудъ невозможенъ, которая рождается отъ самаго труда, возрастаетъ по мѣрѣ встрѣчаемыхъ препятствій, но которая вовсе не зависитъ отъ прямого отношенія познающаго лица къ объекту; такъ, напримѣръ, спеціалистъ пристращается къ букашкамъ, или къ одному виду растеній. Не объ этой любви къ предмету идетъ рѣчь. Между мыслью, воспитанною въ средѣ народности, и рядомъ историческихъ проявленій той же народности на всемірномъ поприщѣ, существуетъ болѣе прямое и близкое сродство, вслѣдствіе котораго мысль преимущественно становится способною овладѣть для науки именно тѣми явленіями, въ которыхъ она сама съ собою встрѣчается и узнаетъ себя... Все это примѣняется не только къ исторіи, въ тѣсномъ смыслѣ, но и къ другимъ наукамъ... Мы приходимъ къ убѣжденію, что именно народность мысли, опредѣляя какъ бы спеціальное ея назначеніе въ области науки, наводитъ ее на пути къ открытіямъ, постепенно раздвигающимъ предѣлы общечеловѣческаго знанія... Если католикъ внесъ въ область науки свое ограниченное воззрѣніе на римскую церковь, если лютеранинъ также односторонне опредѣлилъ значеніе реформаціи, если ни отъ того, ни отъ другого мы не можемъ ожидать послѣдняго слова опредѣленія взаимнаго отношенія двухъ вѣроисповѣданій: то почему не допустить, что произнести это слово призванъ тотъ, кто не участвовалъ въ борьбѣ, не заразился возбужденными ею страстями и, по возвышенности своей точки зрѣнія, стоитъ надъ сторонами, ведущими между собою споръ? Если таково призваніе православнаго мыслителя, то не ясно ли, что оно выпадаетъ ему не ради превосходной силы его ума, а единственно потому, что мысль его воспитается въ другой духовной средѣ и что примиреніе противоположностей будетъ ему доступно не только какъ требованіе религіознаго сознанія, но какъ осуществленный фактъ въ полнотѣ духовной жизни православной церкви. Обнаруженіе односторонности выработанныхъ воззрѣній и примиреніе ихъ путемъ возведенія противоположностей въ высшій строй явленій, можетъ быть, предстоитъ намъ и въ другихъ областяхъ знанія. Можетъ быть, вопросы объ отношеніи личной свободы къ общественному, предустановленному порядку, о соглашеніи выгодъ сосредоточенности поземельнаго владѣнія (la grande propriété) и раздробленія земли на мелкіе участки (la petite propriété)) и многіе другіе найдутъ свое разрѣшеніе именно у насъ, вслѣдствіе того, что наука найдетъ ихъ въ жизни и взглянетъ на самые вопросы съ новой точки зрѣнія, на которую поставитъ ее народная жизнь. Можетъ быть также, что это мечта; но возможность подобнаго участія въ рѣшеніи поставленныхъ вопросовъ оправдывается прошедшими вѣками. Въ отвѣтъ на міровой запросъ, исторія не приноситъ логической формулы, а выводитъ на сцену новаго дѣятеля, живой бытъ свѣжаго народа, и, много спустя, мысль, воспитанная въ сочувствіи съ нимъ, возводитъ его на степень понятія и переноситъ изъ дѣйствительности въ область науки, какъ понятіе, какъ законъ“ (стр. 116—118)... Всякое воззрѣніе предполагаетъ точку зрѣнія, всякій актъ мышленія—исходное начало (стр. 115). Чѣмъ же подготовляется и опредѣляется этотъ приступъ къ предмету, эта точка зрѣнія?... Воспитаніемъ мыслящаго субъекта въ самомъ широкомъ значеніи слова: коренными его убѣжденіями, всецѣло наполняющими его и которыми онъ проникается постепенно, вдыхая въ себя воздухъ семьи, родины и т. д. Точка зрѣнія есть плодъ всего личнаго и народнаго развитія. У каждаго человѣка и у каждаго народа есть точка зрѣнія: само собою разумѣется, что народная имѣетъ всегда значительность историческую, которой можетъ и не имѣть личное“ (стр. 150).

Таковы основныя воззрѣнія славянофиловъ, проведенныя Ю. Ѳ. Самаринымъ большею частью полемически, въ изданномъ теперь первомъ томѣ его сочиненія. Эти воззрѣнія представляютъ въ частяхъ и цѣломъ строго обдуманную, стройную систему. Съ ними можно соглашаться и не соглашаться, но ни въ какомъ случаѣ нельзя открыть въ нихъ даже намека на замаскированную программу политической партіи, или что-нибудь похожее на поднятіе знамени невѣжества, фанатизма и грубости противъ просвѣщенія, образованности и цивилизованнаго строя жизни. Мы только потому останавливаемся на этихъ упрекахъ, что они нерѣдко высказывались, отчасти, можетъ быть, повторяются и до сихъ

поръ. Какъ читатели могутъ видѣть изъ приведенныхъ выписокъ, славянофильство было исключительно научной, исторической, философской и теософической доктриной, безъ всякаго политическаго характера, и не имѣло почти ничего общаго съ фанатиками, обскурантами, квасными патріотами и дикими людьми, готовыми видѣть въ насиліи и кулакѣ оригинальное выраженіе русскаго народнаго духа.

Славянофильство никогда не было политической партіей. Только совершенное непониманіе дѣла могло вести къ подозрѣніямъ, будто славянофилы преслѣдуютъ какіе-то затаенные политическіе планы, прикрываясь внѣшностью научныхъ, религіозныхъ и народныхъ стремленій. Они имѣли свой весьма опредѣленный взглядъ на политическіе и общественные вопросы и задачи, въ Россіи и Европѣ, проводили, доказывали и защищали ихъ, насколько дозволяли цензурныя условія, въ своихъ сочиненіяхъ, еще болѣе въ разговорахъ и спорахъ, но никогда не составляли изъ себя того, что называется политической партіей,—сплоченной общественной силы, дѣйствующей по одному лозунгу, по одной программѣ, подъ предводительствомъ одного или нѣсколькихъ признанныхъ вождей, имѣющей цѣлью измѣнить общественный или политическій строй страны, если можно, въ предѣлахъ законности, а если нельзя, то подготовляя переворотъ. Ничего подобнаго, повторяемъ, славянофилы не представляли и не имѣли на умѣ. Когда послѣдователямъ этой школы открывалась законная возможность дѣйствовать практически, они дѣйствовали въ духѣ своего ученія. Самымъ блистательнымъ и благороднымъ представителемъ такой дѣятельности былъ самъ покойный Самаринъ. Но они не искали возможности выступать на практическое поприще, и это не было случайностью, а вытекало изъ самаго существа ихъ доктрины. Славянофилы по принципу были враждебны всякимъ политическимъ комбинаціямъ, всякому навязыванію какихъ бы то ни было политическихъ программъ государству и народу. Они были глубоко убѣждены, что зло должно запутаться и пасть вслѣдствіе своей внутренней несостоятельности, что добро, правда, должны, рано или поздно восторжествовать вслѣдствіе присущей имъ внутренней силы. Такъ они думали, такъ и поступали. Мы на этомъ потому особенно настаиваемъ, что у насъ, къ сожалѣнію, и до сихъ поръ не различаютъ строго вещей совершенно различныхъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго. Иное дѣло—имѣть извѣстныя воззрѣнія, ихъ уяснять, развивать, доказывать, проповѣдывать; иное — стремиться водворить ихъ въ жизни, въ дѣйствительности, въ видѣ политической программы, обязательной для всѣхъ. Въ болѣе зрѣлыхъ обществахъ это различеніе давно всѣми признано, и правительствомъ и обществомъ, и служитъ краеугольнымъ камнемъ свободы изслѣдованій, слова, мысли, науки, вѣрованій, даже при весьма ограниченныхъ политическихъ свободахъ, какъ доказываетъ примѣръ Германіи во второй половинѣ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. Если взглядъ на политическія и общественныя учрежденія есть уже самъ по себѣ признакъ политической партіи, то нѣтъ ученія, которое не было бы политической партіей, и всякій ученый, мыслитель, философъ долженъ быть признанъ за политическаго дѣятеля. Разсуждая послѣдовательно въ этомъ родѣ, пришлось бы, пожалуй, и евангельскую проповѣдь признать за политическую пропаганду.

II.

Съ славянофильствомъ случилось то же, что со всѣми школами и ученіями въ мірѣ. Противники, въ жару полемики, дѣлали за нихъ выводы изъ ихъ тезисовъ, приписывали имъ то, чего они не говорили, осыпали ихъ насмѣшками, и все это пошло ходить по бѣлу свѣту подъ фирмою славянофильства. Плохую услугу оказали ему и ярые, неразумные послѣдователи, которые толковали его вкривь и вкось, развивая во всевозможныхъ направленіяхъ заключающіяся въ немъ мысли и дѣлая изъ нихъ всевозможныя примѣненія. Эти enfants perdus et terribles славянофильства страшно исказили его и дали о немъ совершенно ложное понятіе. Наконецъ, у славянофиловъ не было недостатка и въ ложныхъ братьяхъ, которые слыли тоже славянофилами, но преслѣдовали совсѣмъ другія, далеко не такія возвышенныя и чистыя цѣли. Всѣ эти примѣси поставлены на счетъ славянофильскаго ученія и до того его затемнили и запутали, что мало знакомому съ нимъ невозможно оріентироваться въ этомъ хаосѣ. Что же мудренаго, что славянофилы то считались опасной политиче-

ской партіей, преслѣдовавшей какія-то затаенныя разрушительныя и противоправительственныя цѣли, то безсмысленнымъ бредомъ и сумасбродствомъ горсти московскихъ мечтателей, которые отъ нечего дѣлать договорились до чертиковъ.

Чтобы вполнѣ безпристрастно и справедливо оцѣнить это ученіе, надо прежде всего отбросить всѣ эти приросты, эти вольныя и невольныя искаженія, отъ которыхъ, повторяемъ, не обереглась ни одна доктрина, съ тѣхъ поръ, что міръ стоитъ. Но и въ самомъ ученіи, возстановленномъ въ его первоначальномъ видѣ, по подлиннымъ словамъ и тезисамъ его корифеевъ, необходимо, какъ намъ кажется, строго различать историческую, теософическую, философскую и научную его сторону отъ тѣхъ идеаловъ, которые носились передъ основателями славянофильской школы,—идеаловъ, для которыхъ они жили и которые они формулировали въ своей доктринѣ. Изучая ходъ развитія идей и ученій, мы, почти на каждомъ шагу, встрѣчаемъ, что великія мысли, которымъ суждено было впослѣдствіи играть рѣшительную роль въ судьбахъ народовъ и въ исторіи человѣческаго рода, мотивировались сначала слабо и недостаточно и потому не пользовались сочувствіемъ современниковъ и забывались на болѣе или менѣе долгое время; но такъ какъ въ этихъ мысляхъ заключалась правда, истина, то онѣ потомъ всплывали снова и, мотивированныя лучше, правильнѣе, становились однимъ изъ элементовъ и условій историческаго движенія. Постараемся же оцѣнить славянофильство съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія. Разберемъ сперва ихъ мотивы и формулы, а потомъ ихъ стремленія и идеалы.

Что касается до мотивовъ и формулъ, то съ этой стороны противъ славянофиловъ можно сказать многое, съ чисто исторической и философской точки зрѣнія.

Славянофилы, какъ мы видѣли, считаютъ свое ученіе положительнымъ, а ученіе западниковъ—отрицательнымъ опредѣленіемъ русской народности. Съ своей точки зрѣнія, они, разумѣется, совершенно правы. Съ этой точки зрѣнія привитое къ намъ со временъ Петра изъ Европы было отрицаніемъ того, что было до него. Но западники, съ своей точки зрѣнія, могли съ такимъ же правомъ назвать отрицательной доктрину слафянофиловъ. Въ самомъ дѣлѣ, со временъ Петра сильныя европейскія вліянія на Россію стали совершившимся фактомъ; съ тѣхъ поръ, въ продолженіе полутораста лѣтъ, они не только не ослабѣвали, но, напротивъ, все усиливались, болѣе и болѣе проникали въ русскую жизнь и стали однимъ изъ ея составныхъ элементовъ. Указывая на бытъ и учрежденія до-петровской Россіи какъ на единственный источникъ истинно народнаго, славянофилы становились въ отрицательное отношеніе къ европейскому на русской почвѣ, отвергали фактъ, усвоенный русскою жизнью. Отстаивая этотъ фактъ, западники, съ своей точки зрѣнія, относились къ русскимъ явленіямъ также положительно, какъ славянофилы съ своей.

Но не одно отношеніе славянофиловъ къ русской жизни и къ воззрѣнію противниковъ вызываетъ возраженія. Самыя ихъ опредѣленія до-петровскаго русскаго быта всегда подвергались, и какъ мы думаемъ вполнѣ заслуженно, сильнымъ возраженіямъ. Не входя въ подробности, остановимся лишь на самомъ главномъ и существенномъ.

Славянофиламъ возражали, не безъ основанія, что общинное начало, въ томъ идеальномъ значеніи, какое они ему придавали, не было опредѣляющимъ принципомъ русской жизни до Петра; что рядомъ съ нимъ существовало и другое, прямо ему противоположное, начало обособленной индивидуальности, личности, которое, развиваясь и усиливаясь все болѣе и болѣе, повело къ постепенному созданію у насъ общественности и юридической гражданственности, сходной по своимъ основнымъ началамъ съ европейской, хотя и своеобразной, вслѣдствіе различія историческихъ условій и предпосылокъ у насъ и въ Европѣ; что невыработанность у насъ личности въ смыслѣ умственной, нравственной и гражданской культуры, даже до настоящаго времени, не допускаетъ возможности того сознательнаго и добровольнаго ея самоотверженія, какое приписываетъ ей Самаринъ въ до-петровскомъ періодѣ. Изъ этого противники славянофильскихъ воззрѣній выводили и выводятъ, что нашъ древній бытъ представлялъ не гармоническое и сознательное соглашеніе началъ, а хаотическое ихъ смѣшеніе, предшествующее развитію,— смѣшеніе, какое замѣчается во всѣхъ человѣческихъ обществахъ на первыхъ ступеняхъ ихъ исторической жизни. Въ подтвержденіе ссылались на весь послѣдова-

тельный ходъ внутренней русской исторіи до нашего времени и на нашъ современный бытъ и нравы. Сознательно выработанная гармонія началъ, добровольное самоотреченіе личности, говорили противники славянофиловъ, не есть историческій фактъ, а задача будущаго, не нѣчто уже когда-то достигнутое и впослѣдствіи утраченное, а искомое.

Точно также и взглядъ славянофиловъ на различныя христіанскія исповѣданія, составляющій основной пунктъ славянофильской доктрины, не могъ не вызвать опроверженій. Славянофилы вполнѣ правы, говоря, что римское католичество носитъ на себѣ несомнѣнную печать романской національности, а протестантизмъ—германской; развивая ту же мысль далѣе, можно прибавить, что въ Великобританіи и романскихъ земляхъ протестантизмъ видоизмѣнился сообразно съ національными особенностями тѣхъ странъ и принялъ національный характеръ. Иначе, разумѣется, и быть не могло. Каждый человѣкъ и каждый народъ принимаетъ одну и ту же истину по-своему, насколько къ тому способенъ и сообразно съ своимъ характеромъ. Это положеніе, справедливое по отношенію ко всѣмъ людямъ и всѣмъ народамъ въ мірѣ, должно быть справедливо и относительно славянъ. Вѣроисповѣданіе славянскихъ народовъ должно бы выражать собою особенное, свойственное славянскому племени пониманіе христіанскаго ученія, какъ латинство выражаетъ особенное его пониманіе романскими племенами, протестантизмъ —германскими. Если же это на самомъ дѣлѣ не такъ, если оно сохранилось въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ опредѣлилось въ Греціи, до раздѣленія церквей, то изъ этого бы слѣдовало, что христіанская проповѣдь не проникла глубоко въ наше народное сознаніе и славяне остановились пока на одномъ внѣшнемъ воспріятіи евангельскаго ученія. Этого, конечно, не могутъ допустить славянофилы, и потому противорѣчатъ сами себѣ. Одно изъ двухъ, или христіанское ученіе уже получило особенный оттѣнокъ у славянъ, соотвѣтственно съ ихъ народными свойствами и особенностями, или христіанство не вошло еще въ плоть и кровь славянскихъ народовъ. Не допуская ни того, ни другого, славянофилы должны отказаться отъ своихъ выводовъ относительно романскихъ и германскихъ расъ и отъ общихъ законовъ развитія всѣхъ народовъ на свѣтѣ, отъ начала исторіи.

Къ этимъ главнымъ возраженіямъ, которыя дѣлались и дѣлаются славянофиламъ, можно въ настоящее время прибавить и слѣдующія соображенія, изъ которыхъ выходитъ, что вообще глубокое усвоеніе христіанскаго ученія еще впереди, что оно есть задача дальнѣйшаго развитія рода человѣческаго.

Философская критика, начиная съ Локка и Канта, мало-по-малу выяснила до послѣдней очевидности, что наши представленія и идеи не суть нѣчто неизмѣнное, неподвижное, существующее само по себѣ, независимо отъ человѣка. Мы теперь знаемъ, что они—произведеніе свойственнаго человѣку способа принимать и усвоивать себѣ явленія дѣйствительнаго міра, съ которыми онъ находится въ непрерывномъ взаимодѣйствіи. Съ этимъ взглядомъ отношеніе человѣка къ представленіямъ и идеямъ существенно измѣнилось противъ прежняго. Они перестали быть для насъ, какъ прежде, предметами одного созерцанія и обратились въ точки отправленія и опоры активнаго отношенія къ окружающему міру, отношенія, цѣль и задача котораго пересоздать окружающее, сообразно съ нашими нуждами и желаніями, и приладить себя къ тому, что насъ окружаетъ. Зная, что представленія и идеи измѣняются, а также какъ и почему они измѣняются, видя въ нихъ продуктъ психическихъ процессовъ, сопровождающихъ творческую дѣятельность человѣка посреди окружающаго, люди уже беззавѣтно подчиняются представленіямъ и идеямъ, какъ они, волей-неволей, подчиняются законамъ природы и условіямъ государственной и общественной жизни, и пользуются ими какъ орудіемъ и средствомъ для дѣятельности и цѣлей, которыя ею преслѣдуются. Представленія и идеи, въ глазахъ современныхъ людей,—это лѣса, которые ставятся архитекторомъ при постройкѣ зданія и снимаются, когда оно окончено, это линіи и углы, которые наносятся на геометрическую теорему. Современный человѣкъ понимаетъ жизнь и свое призваніе къ дѣятельности, въ творческомъ отношеніи къ дѣйствительному міру, а не въ созерцаніи представленій и идей. Преобладающее практическое направленіе, близорукое пренебреженіе къ идеальнымъ стремленіямъ, предпочтеніе ближайшаго болѣе отдаленному,

равнодушіе къ благамъ, представляющимся какъ выводъ, хотя бы и несомнѣнный, изъ цѣлаго длиннаго ряда посылокъ,—все это только оборотная сторона созрѣвающаго новаго міросозерцанія, признакъ его младенчества, шаткости, невыработанности. Окрѣпнетъ оно, разовьется въ цѣлую, стройную, глубоко продуманную систему, и эти тѣневыя стороны современности исчезнутъ мало-по-малу сами собою.

Зарождающееся новое міросозерцаніе приводитъ къ другимъ взглядамъ и на прошедшія судьбы человѣческаго рода и на то, что̀ совершается вокругъ насъ. На длинные обходы и уклоненія отъ истины, въ которыхъ мысль какъ будто терялась и запутывалась, мы уже не можетъ смотрѣть какъ на попятныя движенія, на даромъ потраченный трудъ и время. Они представляются намъ, напротивъ, какъ большее и большее разъясненіе, дополненіе, и какъ бы сказать усиленіе истины тщательной теоретической и практической разработкой того, что̀ ей, повидимому, противорѣчило, что̀ ее, казалось, отвергало. Нѣсколькихъ словъ будетъ достаточно, чтобы пояснить эту мысль.

Сначала человѣкъ пассивно, страдательно относился къ откружающему, пользовался имъ, когда оно было ему пригодно, но не умѣлъ устраивать и видоизмѣнять его такъ, чтобы оно служило его цѣлямъ, для его надобности.

Наблюденіе, опытъ и вызванная ими работа ума дали ему мало-по-малу средства приспособлять окружающее къ своимъ потребностямъ и самому къ нему прилаживаться. Съ тѣмъ вмѣстѣ появился цѣлый міръ представленій, идей, которыхъ происхожденія и значенія онъ не понималъ, которыхъ отношенія къ себѣ и окружающему онъ не зналъ. Этотъ міръ представился ему въ видѣ такихъ же несомнѣнныхъ, реальныхъ и неизмѣнныхъ фактовъ, какъ окружающая его дѣйствительность.

По мѣрѣ того, какъ знанія и опытность росли и расширялись, жизнь, ея формы и обстановка, подъ вліяніемъ возраставшей творческой дѣятельности, развивались и измѣнялись,—представленія и идеи слѣдовали тому же движенію, и постепенно измѣнялись, то отъ него отставая, то ему сопутствуя, то его опережая. Сначала человѣкъ этого не замѣчалъ, но впослѣдствіи подмѣтилъ и сталъ всматриваться въ законы измѣненія и перерожденія представленій и идей. Такимъ образомъ и этотъ міръ вошелъ, мало-по-малу, въ кругъ его наблюденій и опытовъ, его изученія и изслѣдованій.

Вотъ когда родились отвлеченныя науки и философія,—самая отвлеченная изъ всѣхъ. Съ тѣхъ поръ и до нашего времени міръ идей и міръ фактовъ, доступныхъ чувствамъ, существовали рядомъ, одинъ подлѣ другого, какъ двѣ равныя, хотя и глубоко различныя реальности. Человѣкъ зналъ и ту и другую, жилъ обѣими, но сначала не задумывался надъ тѣмъ, какъ же онѣ другъ къ другу относятся, откуда ихъ различіе, гдѣ и въ чемъ ихъ связь. Лишь съ той минуты, когда онъ сознаіъ, что онѣ ставятъ ему противоположныя требованія, тянутъ его въ разныя стороны, сталъ онъ задумываться надъ этими вопросами, но не умѣлъ ихъ разрѣшить. Такъ оба міра и оставались разобщенными. Чѣмъ болѣе они выяснялись въ сознаніи человѣка, тѣмъ ихъ противоположность выступала рѣзче и рѣзче. Она выразилась въ идеализмѣ и реализмѣ, изъ которыхъ каждому исходной точкой служила увѣренность или въ дѣйствительномъ, объективномъ, реальномъ существованіи міра представленій и идей, или міра внѣшнихъ фактовъ, доступныхъ чувствамъ.

Начиная съ Локка и Канта, цѣлый рядъ критическихъ изслѣдованій, законченныхъ лишь въ наше время, привелъ наконецъ къ разрѣшенію вопросовъ о взаимныхъ отношеніяхъ идеальнаго и реальнаго міра. Теперь дознано, что окружающій насъ реальный міръ доступенъ намъ лишь въ формѣ нашихъ понятій и представленій, а они—результатъ психическихъ процессовъ, вызванныхъ взаимодѣйствіемъ нашей психической среды и окружающаго дѣйствительнаго міра. Послѣдній, равно какъ и мы сами,—несомнѣнно существуетъ какъ реальность; но и себя, и окружающій міръ мы знаемъ и можемъ знать только въ видѣ представленій и понятій, которыя вырабатываются въ нашей душѣ. Помимо нашихъ понятій и представленій, мы ничего о себѣ и окружающемъ не знаемъ и знать не можемъ; помимо представленій и понятій они для насъ не существуютъ и существовать не могутъ.

Такимъ образомъ, оба противоположныхъ міра, идеальный и реальный, казавшіеся раздѣленными непереступаемой бездной, ничѣмъ между собою не связанными, мало-по-малу

приблизились другъ къ другу въ нашихъ понятіяхъ и оказались наконецъ тѣсно между собою связанными въ человѣкѣ. Прежнее воззрѣніе, будто человѣкъ стоитъ между двумя мірами—идеальнымъ и реальнымъ, болѣе и болѣе замѣняется другимъ, по которому человѣкъ является ихъ общимъ средоточіемъ. Измѣненія, которыя въ нихъ происходятъ, суть вмѣстѣ и измѣненія самого человѣка.

Съ этимъ коренным поворотомъ въ воззрѣніяхъ, который исподоволь подготовленъ долгимъ развитіемъ и успѣхами знанія и опытности, открывается совершенно новый взглядъ на ходъ исторіи рода человѣческаго и на историческія судьбы различныхъ народовъ, игравшихъ или играющихъ въ немъ роль. Исторія представляется не какъ періодическое колебаніе между истиной и ложью, не какъ приближеніе къ истинѣ и отклоненіе отъ нея, а какъ непрерывный, послѣдовательный рядъ усилій человѣка улучшать свое положеніе, при помощи приспособленія къ себѣ окружающаго міра и прилаживанія себя къ данной обстановкѣ. Все, что человѣкъ ни дѣлалъ въ продолженіе своей длинной, многострадальной исторіи, всѣ его открытія, вѣрованія, созданія его творчества, вели и ведутъ, прямыми или обходными и извилистыми путями, къ этой главной цѣли всѣхъ его стремленій и усилій. Нерѣдко человѣкъ блуждалъ, шелъ на угадъ; нерѣдко, по незнанію, онъ ступалъ на ошибочную дорогу; но изслѣдованіе, опытъ, знаніе заставляли его бросать эти пути и искать новыхъ, лучшихъ. Кажущееся удаленіе отъ найденной уже истины, было на самомъ дѣлѣ только необходимой и неизбѣжной провѣркой опытомъ новой идеи, теоріи, требованія, не перешедшихъ въ дѣйствительную жизнь. Такая повѣрка расширяла, распространяла, дополняла истину, и послѣ испытанія на дѣлѣ человѣкъ возвращался къ ней съ большимъ убѣжденіемъ, съ болѣе глубокою увѣренностью въ ея непреложности. Этотъ взглядъ, правильность котораго выясняется болѣе и болѣе съ каждымъ новымъ открытіемъ въ наукѣ, съ каждымъ крупнымъ событіемъ въ исторіи, опровергаетъ выводы славянофиловъ относительно хода развитія русской исторіи и тѣхъ видоизмѣненій, которымъ, въ теченіе почти двухъ тысячелѣтій, подвергалось евангельское ученіе. Реформа Петра была, по существу своему, лишь расширеніемъ нашей опытности и нашего умственнаго кругозора. Неприглядная и тяжелая форма, въ какой совершилось это расширеніе, только доказываетъ, вопреки мнѣнію славянофиловъ, какъ мы тогда были неразвиты, какъ низка была наша тогдашняя нравственная и духовная культура. Что касается различія христіанскихъ исповѣданій, то они не только отражаютъ въ себѣ различіе національныхъ характеровъ и особенностей расъ, но, что гораздо важнѣе, представляютъ постепенное развитіе въ людяхъ способности понимать и усвоивать евангельскія истины,—развитіе, шедшее рука объ руку съ успѣхами знанія, опытности и творческой дѣятельности. Католичество и протестантизмъ, безспорно, ошибочно поняли христіанское ученіе. Оба были лишь зеркаломъ въ гаданіи, потому что люди, по своей степени развитія и пониманія, не могли стать къ евангельской истинѣ лицомъ къ лицу. Романскій элементъ былъ прямымъ продолженіемъ греко-римскаго; естественно, что греко-римскія воззрѣнія на христіанство взяли въ немъ верхъ надъ другими, болѣе согласными съ духомъ христіанскаго ученія. Люди, по незнанію и неопытности, думали, что все содержаніе христіанства можно умѣстить въ юридическія формы, въ созданія художественнаго творчества, въ плохо понятыя построенія логическихъ схемъ Платона и Аристотеля. Это, конечно, было заблужденіемъ, но заблужденіемъ, вытекавшимъ вначалѣ изъ наивнаго непониманія истиннаго смысла христіанства. Сбившись съ прямого пути и запутавшись въ ошибочномъ толкованіи, римская церковь, позднѣе, перестала быть по духу христіанской и выродилась въ учрежденіе, съ которымъ не могли уживаться ни государство, ни наука, ни нравственность, ни совѣсть. Протестантизмъ отрицалъ латинское толкованіе христіанства; но онъ далеко не былъ однимъ только отрицаніемъ этого толкованія. Протестантизмъ отвергъ значеніе церкви, какъ юридической, государственной власти, и понялъ христіанство, какъ внутреннее убѣжденіе. Въ этомъ его заслуга, не отрицательная, но весьма положительная, и важный шагъ на пути къ болѣе правильному разумѣнію христіанства. Слабая сторона простестантизма, ошибочность его толкованій евангельскаго ученія заключалась не въ широкомъ просторѣ разума въ дѣлахъ вѣры, не во внесеніи критическаго изслѣдованія въ ученіе, которое не боится критики, а въ

томъ, что онъ свелъ все содержаніе христіанскихъ истинъ на предметъ познаванія и критическаго изслѣдованія и изъ-за этой ихъ стороны проглядѣлъ другую, несравненно важнѣйшую, ту, въ которой лежитъ вся сила и глубокій смыслъ евангельской проповѣди.— Христіанство есть очищеніе душевнаго внутренняго строя единичнаго человѣка, поднятіе его нравственной жизни, путь къ возможному совершенству его индивидуальной, внутренней, нравственной дѣятельности. Пока не были выяснены ни отношенія внѣшняго міра къ внутреннему міру человѣка, ни значеніе мышленія, его формъ и ихъ роль въ нашихъ индивидуальныхъ психическихъ движеніяхъ,—до тѣхъ поръ люди не были въ состояніи понять правду евангельскаго ученія во всей ея глубинѣ и естественно сбивались, останавливаясь на томъ, что было болѣе доступно ихъ пониманію, болѣе бросалось въ глаза и легче поддавалось изслѣдованію. По общему ходу развитія рода человѣческаго, по той ступени этого развитія, которую представляетъ Германія и нѣмецкая наука, дѣятели реформаціи и протестантизма, взявшіе въ свои руки истолкованіе христіанства, не могли взглянуть на него иначе, какъ на предметъ мышленія и знанія, какъ на систему теоретическихъ истинъ. Логическое знаніе было для людей, на этой степени развитія, послѣднимъ словомъ человѣческой мудрости, и этотъ масштабъ былъ примѣненъ къ христіанству. Но такъ какъ оно далеко имъ не исчерпывается, то протестантизмъ мало-по-малу выродился въ сухой, безсодержательный раціонализмъ, не имѣвшій никакой причины существованія рядомъ съ наукой. Такъ христіанство вышло изъ протестантизма. Послѣднимъ словомъ протестантской науки было его отрицаніе. Книга покойнаго Давида Штрауса: „Старая и новая вѣра“, поражающая нелѣпостью заключеній и совершеннымъ непониманіемъ христіанства, была откровеннымъ заявленіемъ такого отрицанія и вмѣстѣ свидѣтельствомъ, что протестантизмъ, подобно римскому католичеству, съигралъ свою роль и больше не имѣетъ ничего сказать.

Въ наше время, вмѣстѣ съ кореннымъ измѣненіемъ міросозерцанія, подготовляется и новое, болѣе полное, болѣе близкое къ истинѣ толкованіе евангелическаго ученія. Съ тѣхъ поръ, что изслѣдованія опять привели къ индивидуальному человѣку, что онъ, въ глазахъ науки, сталъ тѣмъ, чѣмъ всегда былъ на самомъ дѣлѣ—основною причиною и источникомъ идей и представленій объ идеальномъ и реальномъ мірѣ, съ тѣхъ поръ, что оба эти міра стали, въ нашемъ пониманіи, лишь выраженіемъ нашего сознанія объ отношеніяхъ человѣка къ окружающей дѣйствительности и общихъ законовъ этихъ отношеній,—съ тѣхъ поръ стало выясняться, что знаніе, наука не есть послѣднее слово, что они служатъ только средствомъ, способомъ, необходимымъ и неизбѣжнымъ условіемъ творческой дѣятельности, въ которой собственно и заключается вся полнота жизни. Но такой взглядъ возвращаетъ насъ опять изъ сферы представленій, понятій, идей и законовъ къ индивидуальности и личности, къ единичному человѣку, такъ какъ дѣйствовать, творить, жить можетъ только онъ, а не общія схемы, не общіе законы и формулы. Дѣятельность, движеніе выясняется болѣе и болѣе какъ послѣдній терминъ, и вмѣстѣ источникъ всѣхъ явленій. Физика и химія уже открыли въ движеніи атомовъ и молекулъ общій источникъ всѣхъ физическихъ и химическихъ явленій; физіологія указываетъ въ организованной природѣ на рефлексъ, какъ на естественный и неизбѣжный исходъ предшествующаго возбужденія. Къ тому же приводитъ и изслѣдованіе сознательной, психической жизни человѣка: высшее, послѣднее выраженіе индивидуальнаго существованія не есть созерцаніе, а нравственная дѣятельность, которая есть потому и необходимое условіе, необходимый составной элементъ всякой сознательной индивидуальной человѣческой дѣятельности вообще.

Такой взглядъ, составляющій послѣдовательный выводъ изъ всего хода развитія человѣческаго рода, долженъ, рано или поздно, приблизить насъ къ болѣе глубокому пониманію христіанскаго ученія, какъ указанія путей для нравственной дѣятельности единичнаго лица и идеаловъ индивидуальнаго человѣческаго существованія. Эта сторона евангельской доктрины, до сихъ поръ, вслѣдствіе общаго хода развитія человѣческаго рода, заслонялась другими и не была разработана, истолкована и выяснена съ тѣмъ вниманіемъ, съ тою полнотою, какъ бы слѣдовало по ея особенно важному значенію. Теперь наступаетъ время выдвинуть ее на первый планъ и поставить во главу угла. На нее указываетъ и общій ходъ научнаго

движенія. Результаты, къ которымъ привело оно въ наше время, не только не мѣшаютъ, но напротивъ, способствуютъ раскрытію этической, т.-е. нравственной стороны христіанства, въ которой ключъ къ нравственной творческой дѣятельности. Славянскому ли племени выпадетъ на долю выполнить эту задачу и развить въ дѣйствительности нравственную сторону творческой дѣятельности, или старшіе по развитію европейскіе народы, опередившіе насъ во всемъ, прибавятъ къ тому, что они уже сдѣлали, еще и разрѣшенія этой задачи—покажетъ будущее; но во всякомъ случаѣ это не будетъ возвращеніемъ къ пройденному пути, повтореніемъ уже сдѣланнаго, а новымъ дѣломъ, новой заботой будущаго, которое преобразуетъ теперешніе наши понятія, привычки и нравы; мы теперь можемъ только предугадывать, въ какомъ направленіи пойдетъ дальнѣйшее развитіе, и въ этомъ лучшіе умы и передовые мыслители Европы давно уже насъ опередили.

III.

Мы привели главныя возраженія, которыя дѣлались и дѣлаются противъ историческихъ, теософическихъ и философскихъ тезисовъ славянофильства. Мы, съ своей стороны, считаемъ эти возраженія весьма убѣдительными и думаемъ, что съ этой стороны доктрина славянофиловъ не выдерживаетъ строгой критики.

Но этой стороной ихъ ученіе не исчерпывается. Есть у него другая, по нашему убѣжденію очень многозначительная и существенная, которая, за спорами и полемикой, осталась въ тѣни, незамѣченной, и потому не оцѣнена по достоинству. Мы разумѣемъ идеалы, стремленія, задачи славянофиловъ, которые они только формулировали въ своихъ теоріяхъ. Давно настала пора произнести о славянофилахъ справедливый и безпристрастный судъ, а онъ не можетъ имъ быть, пока мы будемъ останавливаться только на томъ, что они говорили, не принимая въ соображеніе того, что они хотѣли сказать, и не выяснивъ себѣ тѣхъ обстоятельствъ и условій, посреди которыхъ зародилось ихъ ученіе. Попытаемся оцѣнить славянофиловъ съ этой стороны.

Царствованіе Александра I-го было послѣднимъ, со временъ Петра Великаго, моментомъ сильнаго увлеченія европеизмомъ, въ особенности французскими идеями. Въ царствованіе Николая I-го совершается въ законодательствѣ и администраціи крутой поворотъ къ старинѣ, въ которой, какъ тогда думалось, хранятся сокровища истинной народности, источники истинно народнаго духа. Но русскую старину знали тогда очень мало и за нее нерѣдко принимали то, что желалось въ ней видѣть. Какъ бы то ни было, но все, въ чемъ выражалось усилившееся предрасположеніе къ иностранному въ воспитаніи, литературѣ, въ управленіи и войскѣ, тщательно изглаживалось. Нѣкоторая распущенность послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра I-го замѣнилась строгой дисциплиной. Либеральнымъ поползновеніямъ Александровской эпохи противопоставлена созданная въ то время новая программа, въ основу которой положены православіе, самодержавіе и народность. Первые признаки этого поворота начали сказываться еще при Александрѣ I, но онъ сложился въ полную правительственную систему лишь впослѣдствіи.

Такой же поворотъ, хотя съ совершенно инымъ значеніемъ, совершался въ то время и во всей Европѣ. Великое движеніе умовъ въ XVIII вѣкѣ, пересоздавшее воззрѣнія, учрежденія, бытъ и нравы европейцевъ, приходило къ концу. Идеи и начала, во имя которыхъ совершалось движеніе, мало-по-малу перестали быть предметомъ живой вѣры и глубокаго убѣжденія. Наступила и для нихъ пора критическаго разбора во всевозможныхъ направленіяхъ и со всевозможныхъ точекъ зрѣнія. Глубокое раздумье, охватившее лучшіе умы, не могло не отразиться и у насъ, ставшихъ, съ Петра, ревностными учениками Европы. Но вопросы, надъ которыми у насъ пришлось задуматься, были, конечно, совсѣмъ другого рода. Различныя направленія русской жизни выражались не въ наукѣ, которой не было, а только въ фактахъ, въ измѣненіи нравовъ, обычаевъ, привычекъ, въ актахъ и распоряженіяхъ правительства. Со временъ Петра, характеръ и свойство этихъ направленій опредѣлялись почти исключительно взглядами правительства на наши отношенія къ Европѣ и измѣнялись вмѣстѣ съ ними. Посреди колебаній, которымъ подвергалась русская жизнь, естественно долженъ былъ, рано или поздно, родиться вопросъ: что лежитъ въ основаніи такихъ,

нерѣдко крутыхъ и внезапныхъ поворотовъ ся то въ ту, то въ другую сторону? Что въ нихъ было случайно и что вытекало изъ самой сущности русской дѣйствительности? Въ чемъ заключается эта сущность и какъ она относится къ началамъ, выработаннымъ въ западной Европѣ? Потребность осмыслить событія, отыскать ихъ разумную причину, опредѣлить законъ нашего историческаго существованія и развитія,—вотъ что вызвало у насъ, въ сороковыхъ годахъ, ту умственную и научную дѣятельность, посреди которой зародилось ученіе славянофиловъ и противоположное имъ направленіе западниковъ. Работа русской мысли и русскаго сознанія естественно началась въ то время, когда, послѣ долгаго періода европеизма, наполнившаго царствованіе Екатерины и Александра, начался у насъ возвратъ на самихъ себя, родилось чувство національности, чувство государственной народной самостоятельности. Они и вызвали сознательное отношеніе къ самимъ себѣ и другимъ. Разныя внѣшнія и случайныя обстоятельства способствовали тому, что это первое въ Россіи самостоятельное умственное движеніе возникло въ Москвѣ. Съ самаго начала тридцатыхъ годовъ здѣсь, вдали отъ центра законодательной и правительственной дѣятельности, сосредоточились лучшія литературныя силы и вновь начала развиваться научная и литературная дѣятельность. Прежде въ Москву уѣзжали жить вельможи, потерпѣвшіе неудачу, впавшіе въ немилость и потому недовольные; теперь она стала, мало-по-малу, сборнымъ мѣстомъ русскихъ мыслящихъ людей всѣхъ возможныхъ направленій, не находившихъ или не искавшихъ служебной дѣятельности. Образовались литературные салоны, появились журналы, около которыхъ группировались литературные кружки. Университетъ игралъ въ этомъ движеніи не малую роль, главнымъ образомъ въ лицѣ своихъ воспитанниковъ, изъ которыхъ пополнялись ряды писателей и литературныхъ талантовъ. Съ 1835 года, пріѣздъ молодыхъ университетскихъ профессоровъ, получившихъ образованіе въ Дерптѣ и заграницею, въ нѣмецкихъ университетахъ, влилъ въ зачинавшееся умственное и литературное движеніе Москвы новую жизнь и придалъ ему новую силу. Съ этого времени московскій университетъ игралъ въ немъ выдающуюся роль. Къ исходу тридцатыхъ годовъ, это движеніе Москвы приняло уже обширные размѣры. Университетское преподаваніе, литературная дѣятельность, литературные кружки и салоны находились между собою въ тѣснѣйшемъ общеніи и оказывали другъ на друга большое и благотворное вліяніе. Почему либо замѣчательная журнальная или газетная статья отзывалась въ университетскомъ преподаваніи; выдающаяся университетская лекція составляла событіе дня, горячо обсуждалась въ салонахъ и многочисленныхъ кружкахъ; вчерашній споръ въ литературномъ салонѣ завтра переносился въ журналъ, въ газету, становился предметомъ обсужденія съ каѳедры. Живое общеніе умственныхъ, научныхъ и литературныхъ силъ въ университетѣ и внѣ университета придавало и преподаванію, и салоннымъ спорамъ, и журналистикѣ значеніе, вліяніе и силу, о которыхъ мы, въ наше время, забыли, которыхъ теперь не осталось и слѣда. Это умственное движеніе, не ограничиваясь Москвой, охватило и ту часть петербургской литературы и публики, которая находилась въ болѣе или менѣе тѣсныхъ личныхъ сношеніяхъ съ москвичами.

Сначала лица различныхъ направленій, пріютившіяся въ Москвѣ, жили мирно, даже дружески между собою, и дѣйствовали вмѣстѣ. Различіе взглядовъ выражалось только въ оживленныхъ спорахъ, въ научной и литературной полемикѣ. Но къ половинѣ сороковыхъ годовъ разномысліе, заостряясь все болѣе и болѣе, привело наконецъ къ разрыву между славянофилами и западниками. Неловкости, неосторожности и рѣзкости, въ которыхъ были виноваты обѣ стороны, придали разрыву острый, раздражительный характеръ; но произошелъ онъ не отъ нихъ, а вслѣдствіе глубокаго разномыслія въ принципѣ, которое должно было, рано или поздно, привести къ разладу. Правда, славянофиловъ и западниковъ соединяло то, что они въ сферѣ науки и изслѣдованія критически относились къ русской дѣйствительности. И тѣ и другіе, своимъ появленіемъ, одинаково обозначили, что цѣлый періодъ русской исторіи, начавшійся реформами Петра, приходилъ къ концу, что на смѣну ему выступало нѣчто новое; но эти новыя потребности, эти стремленія къ чему-то другому складывались у славянофиловъ и западниковъ въ различные идеалы, и они-то глубоко ихъ раздѣляли.

Кто жилъ въ средѣ, гдѣ зародились воз-

зрѣнія славянофиловъ и западниковъ, кто лично зналъ и слышалъ разговоры и споры людей, стоявшихъ во главѣ тѣхъ и другихъ, тотъ никогда не забудетъ глубоко-просвѣщеннаго, въ высшей степени сочувственнаго строя мыслей и стремленій этихъ благороднѣйшихъ идеалистовъ. Смѣшно, жалко и оскорбительно бываетъ, когда упрекаютъ славянофиловъ въ желаніи попятить Россію назадъ, въ безсмысленномъ охраненіи окаменѣлыхъ формъ прошедшаго, въ невѣжественномъ консерваторствѣ. Это или недоразумѣніе и незнаніе, или незаслуженная напраслина. Идеалы и славянофиловъ, и западниковъ, при всемъ различіи, были одинаково чисты, возвышенны и безукоризненны. Стоитъ внимательно прочесть первый томъ собранія сочиненій Ю. Ѳ. Самарина, чтобъ въ этомъ убѣдиться. Совершенное безпристрастіе и справедливость къ противникамъ, даже когда были поводы увлечься или придти въ негодованіе, поражаютъ въ сочиненіяхъ Самарина. Не пренебреженіе, а глубокое убѣжденіе, что одна истина способна разсѣять заблужденіе, внушало ему то удивительное спокойствіе въ полемикѣ, которое невольно заставляетъ глубоко уважать писателя. Вспомнимъ также, кто были основатели ученія московскихъ славянофиловъ и стояли во главѣ этого кружка? Это были люди замѣчательнаго ума и таланта, обширнаго знанія и начитанности и европейски образованные. П. В. Кирѣевскій, у котораго, кажется, впервые славянофильскія идеи стали складываться въ опредѣленную доктрину, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ провелъ за-границей, учился въ берлинскомъ университетѣ и былъ человѣкъ очень начитанный. Старшій братъ его, И. В. Кирѣевскій, когда-то талантливый ученикъ и послѣдователь Шеллинга и редакторъ „Европейца", былъ человѣкъ многосторонняго историческаго, философскаго, литературнаго и позднѣе богословскаго образованія; А. С. Хомяковъ былъ поэтъ, полигисторъ и замѣчательный діалектикъ. Онъ не получилъ университетскаго образованія и казался многимъ необычайно даровитымъ и начитаннымъ диллетантомъ; иные находили также, что онъ слишкомъ увлекался своимъ несравненнымъ діалектическимъ даромъ и подъ часъ злоупотреблялъ имъ, въ ущербъ истинѣ. Но другіе, коротко знавшіе А. С. Хомякова, признавали за нимъ большую глубину критической мысли и считали его главою славянофильскаго направленія. Наконецъ, К. С. Аксаковъ и Ю. Ѳ. Самаринъ были оба воспитанники московскаго университета, по словесному или филологическому факультету, хотя различныхъ выпусковъ, имѣли степень магистра, и вначалѣ оба были ревностные гегельянцы, какъ большинство тогдашнихъ мыслящихъ воспитанниковъ московскаго университета. Оба, особливо Ю. Ѳ. Самаринъ, получили блестящее воспитаніе, послѣдній подъ руководствомъ извѣстнаго профессора и ученаго Н. И. Надеждина, и были соединены нѣжной дружбой, которая прекратилась лишь со смертью Аксакова. Наконецъ, оба были моложе перечисленныхъ выше основателей славянофильской доктрины, но гораздо ихъ дѣятельнѣе въ выработкѣ ея основаній и въ ея распространеніи. Оба оставили много сочиненій, частью напечатанныхъ, частью въ рукописяхъ. Аксаковъ больше разработывалъ русскій и преимущественно великорусскій бытъ, исторію, языкъ; воззрѣнія его имѣли мѣстный, московскій оттѣнокъ. Самымъ разностороннимъ дѣятелемъ изъ вождей славянофильства былъ Ю. Ѳ. Самаринъ. Съ глубокимъ знаніемъ философіи, богословской литературы и исторіи онъ соединялъ основательное и близкое знакомство съ вопросами финансовыми, экономическими и народнаго хозяйства. Никто, не исключая Хомякова, не обладалъ такимъ даромъ полемики, никто не владѣлъ лучше Самарина перомъ. Прибавимъ, что всѣ пятеро были люди съ состояніемъ, нѣкоторые изъ нихъ даже богаты, и не находились на службѣ. Живя въ одномъ городѣ, будучи между собою близки и видаясь безпрестанно, они могли согласиться между собою по крайней мѣрѣ въ главнѣйшихъ пунктахъ и выработать свои воззрѣнія до той степени опредѣленности и единства, которыхъ бы мы напрасно стали искать до и послѣ этой знаменательной эпохи нашего развитія. Опредѣленность, связность, цѣльность ученія, его систематичность и стройность были, безъ сомнѣнія, одною изъ причинъ его распространенія и успѣховъ въ публикѣ.

Теперь всѣ первые и важнѣйшіе дѣятели въ обоихъ лагеряхъ уже сошли въ могилу. Къ 1848 году московскіе кружки и салоны стали падать. Неудачная война, время реформъ, новые живые интересы и стремленія, практическія задачи и ихъ разрѣшеніе—все это дало мыслямъ другое направленіе, пере-

мѣшало старыя литературныя партіи, заставило ихъ одно время сообща и дружно работать надъ однимъ дѣломъ. Споры, которые въ это время возникали иногда между славянофилами и западниками, касались большею частью не теоретическихъ основаній воззрѣній, сложившихся еще въ сороковыхъ годахъ, а лишь ближайшихъ примѣненій общихъ взглядовъ къ различнымъ частнымъ случаямъ и практическимъ вопросамъ.

Въ наше время, самое названіе славянофиловъ и западниковъ потеряло всякое значеніе и держится только по старой памяти. Каждый мыслящій человѣкъ, принимающій къ сердцу интересы родины, не можетъ не чувствовать себя на половину славянофиломъ, на половину западникомъ, потому что оба воззрѣнія выражали и формулировали только двѣ стороны одной и той же русской дѣйствительности, которыя въ наукѣ, мысли, изслѣдованіи можно и должно отграничить одну отъ другой и изучать особливо, для лучшаго ихъ выясненія, но которыя въ живой дѣйствительности навсегда останутся непосредственно слитыми въ одно цѣлое. Какъ славянофильское, такъ и западное направленіе не разрѣшили вопросовъ русской жизни. Она прошла посреди славянофиловъ и западниковъ, не удовлетворивъ ни тѣхъ, ни другихъ, отвѣтивъ далеко не на всѣ ихъ запросы, и осталась для нихъ по прежнему загадкой, сфинксомъ. Европейская программа оказалась невыполнимой на русской почвѣ; славянофильская—далеко не обнимающей всѣхъ сторонъ и стремленій русской жизни. Попытки схватить жизнь цѣлаго народа, цѣлаго племени, въ одну формулу и, опираясь на нее заглянуть впередъ, не привели ни къ чему. Пришлось ограничиться злобой дня, разрѣшать при помощи средствъ, указанныхъ знаніемъ и опытомъ, вопросы, какіе выводитъ одинъ за другимъ сама жизнь. Въ этомъ отношеніи и славянофилы, и западники сдѣлали свое дѣло, сослужили свою службу. Они выяснили, освѣтили многія стороны нашего и славянскаго народнаго характера и быта, нашей и славянской исторіи, которыя оставались до нихъ неизвѣстными, или сознавались сбивчиво и неясно.

Несмотря на то, что воззрѣнія славянофиловъ уже сошли со сцены, они и до сихъ поръ подаютъ поводъ къ самымъ страннымъ и прискорбнымъ недоразумѣніямъ. Происходитъ это единственно отъ того, что ихъ историческіе, философскіе, научные и теософическіе тезисы, въ которыхъ формулированы ихъ взгляды, смѣшиваются съ ихъ идеалами и стремленіями. Какія требованія ставили эти люди дѣйствительной жизни, Россіи и славянскому племени? Чего они желали, чего надѣялись, о чемъ мечтали? Они носили въ своемъ умѣ и сердцѣ горячую и просвѣщенную любовь къ родинѣ. Ихъ вдохновенной мысли, опередившей дѣйствительность, представлялось человѣческое общество, проникнутое нравственными стремленіями, въ которомъ нѣтъ ни вражды сословій, ни антагонизма интересовъ власти и народа — общество, въ которомъ всѣ люди живутъ между собою въ любви, согласіи и единеніи. Они чаяли, что такими должны быть, по природѣ и историческимъ условіямъ, русскій народъ, славянское племя, что въ этомъ они должны стоять выше другихъ народовъ, даже тѣхъ, которые въ остальномъ опередили ихъ. Назовите людей, которые такъ думали и надѣялись, мечтателями, оптимистами, утопистами, если считаете эти идеалы недостижимыми, но отнеситесь съ почтеніемъ къ ихъ памяти, произносите съ уваженіемъ ихъ имена. Такъ мечтали лучшіе люди, такъ ошибались, если это ошибка, достойнѣйшія личности во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Основатели московскаго славянофильства жили посреди суровыхъ и тяжкихъ условій, посреди отупѣвшаго, равнодушнаго, легкомысленнаго общества, погруженнаго въ мелочныя заботы, жившаго изо дня въ день. Въ такой средѣ не трудно было впасть въ отчаяніе, потерять вѣру въ лучшіе дни, въ конецъ изувѣриться даже въ среду, въ которой, казалось, умеръ живой духъ и нераздѣльно властвовали однѣ давящія формы. И посреди такихъ-то условій, когда ни откуда не видно было свѣта, эти нѣсколько человѣкъ умѣли сохранить въ своей душѣ горячее убѣжденіе, несокрушимую любовь къ родинѣ, непреклонную вѣру въ въ торжество истины и правды между людьми. Руководимые безкорыстными, благороднѣйшими стремленіями, эти идеалисты, эти неисправимые мечтатели, высказывали прямо и открыто то, во что̀ вѣрили, не боясь насмѣшекъ и клеветъ, которыми ихъ осыпали не противники—съ этимъ еще можно было бы помириться—а ничтожная посредственность и пошлость, обезпокоенная въ

своихъ обыденныхъ занятіяхъ и забавахъ, въ своихъ рутинныхъ понятіяхъ, необычайностью ихъ продуманныхъ и прочувствованныхъ воззрѣній. Мимоходомъ, эти мечтатели подмѣтили въ нашей исторіи и современной дѣйствительности нѣкоторыя своеобразныя черты, нѣкоторыя отличительныя, характеристическія особенности нашего быта въ прошедшемъ, настоящемъ и вѣроятномъ или возможномъ будущемъ. Они, достаточные и обезпеченные помѣщики, съ особеннымъ сочувствіемъ относились къ работающимъ сельскимъ массамъ и были изъ первыхъ, которые на нихъ указывали, какъ на твердый оплотъ и основаніе нашей государственной прочности и нашей исторической роли во всемірной исторіи. Когда новое царствованіе вызвало къ дѣятельности живыя силы страны, славянофилы горячо отозвались на призывъ, провели въ литературѣ и въ практическомъ разрѣшеніи законодательныхъ и административныхъ вопросовъ много мыслей и началъ, имѣющихъ важное значеніе не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ нашемъ развитіи. Одинъ изъ самыхъ талантливыхъ представителей славянофильскихъ идей, Ю. Ѳ. Самаринъ, былъ и самымъ неутомимымъ, полезнымъ и почтеннымъ практическимъ дѣятелемъ, въ тѣсномъ единеніи съ прежними своими противниками, западниками, и до послѣдней минуты работалъ надъ вопросами дня, не уступая никому въ неустанномъ трудѣ и знаніи дѣла.

Такова была эта горсть людей. Миръ ихъ праху! Полное сочувствіе ихъ благороднымъ помысламъ, ихъ усиліямъ, ихъ труду, ихъ просвѣщенной любви къ родинѣ! Будемъ спорить противъ ихъ теорій, ошибокъ, увлеченій, но не забудемъ ихъ заслугъ и не станемъ бросать въ нихъ каменьями: они оборотятся на насъ самихъ. Прошло какихъ нибудь тридцать-сорокъ лѣтъ, и многія изъ мыслей, взглядовъ и стремленій первыхъ славянофиловъ обошли всю Россію, сдѣлались общимъ убѣжденіемъ всѣхъ. Не они одни ихъ насадили, но они, безспорно, много способствовали ихъ выясненію и упроченію въ русскомъ обществѣ.

Вотъ что мы считали необходимымъ сказать по поводу выхода въ свѣтъ перваго тома сочиненій Ю. Ѳ. Самарина. Многія изъ статей, помѣщенныхъ въ этомъ томѣ, представляютъ теперь лишь интересъ полемическаго изложенія славянофильскаго ученія; но не мало и такихъ, которыя написаны какъ будто вчера, такъ онѣ современны, и прочтутся съ удовольствіемъ всѣми образованными людьми, безъ различія мнѣній и взглядовъ. Назовемъ въ особенности разборъ книги графа Н. Орлова: „Очерки трехнедѣльнаго похода Наполеона противъ Пруссіи въ 1806 году“, „Воспоминаніе о Д. П. Жуковскомъ“; „Гарибальди и Піемонтское правительство“; разборъ книги Кулиша: „Повѣсть объ украинскомъ народѣ“; замѣтки по поводу книги Адама Мицкевича: „L'église officielle et le Messianisme“ и Токвиля: „L'ancien régime et la révolution“. Всѣ мыслящіе люди, и въ особенности поляки, прочтутъ съ любопытствомъ и участіемъ, къ сожалѣнію, небольшой отдѣлъ статей по польскому вопросу. По своимъ взглядамъ, Самаринъ не могъ сочувственно относиться ни къ римскому католичеству, ни къ общественному и политическому строю прежней Польши; но онъ умѣлъ,—что съумѣли очень немногіе,—отдѣлить эти вопросы отъ вопроса о польской народности, и говоритъ о послѣдней вездѣ съ большимъ уваженіемъ и сочувствіемъ. Вообще, тонъ и характеръ полемики Самарина безукоризненны и какъ-то поражаютъ въ наше время, утратившее чувство правды, справедливости и мѣры въ спорахъ. Оттого наши споры и остаются безъ всякаго вліянія на общество и сдѣлались синонимами съ бранью.

Первый томъ сочиненій Самарина изданъ весьма изящно и выпущенъ въ продажу по крайне умѣренной цѣнѣ: книга въ слишкомъ 400 страницъ убористой печати стоитъ всего 1 р. 75 к.

Желаемъ этому изданію быстраго распространенія въ публикѣ и съ нетерпѣніемъ ожидаемъ его продолженія.

(Сѣверный Вѣстникъ, 1878, №№ 20, 23 и 24).

ВИНОВАТЫ ВСѢ.

(Письмо Не-москвичу).

Въ письмѣ ко мнѣ, напечатанномъ въ № 35 „Биржевыхъ Вѣдомостей", вы затрогиваете, по поводу моего этюда о славянофилахъ сороковыхъ годовъ, важные и живые вопросы нашей современности. Пользуюсь случаемъ поговорить о нихъ, и благодарю васъ за то, что вы мнѣ его доставили.

Я не принадлежу къ славянофильскому лагерю, ни старому, ни новому, и не раздѣляю философскихъ, теософическихъ и историческихъ воззрѣній славянофиловъ. Но скажите, подъ какое знамя можно вообще стать въ наше время? Признаюсь, я такого не знаю. Поневолѣ приходится смотрѣть на всѣ наши взгляды со всевозможною объективностью. Лѣтъ тридцать тому назадъ было не то. Тогда можно было быть рьянымъ западникомъ, отъявленнымъ врагомъ славянофиловъ. Всѣ важнѣйшіе вопросы казались тогдашнимъ западникамъ безповоротно рѣшенными; для насъ, казалось тогда, остается только усвоить знаніе, бытъ, учрежденія западно-европейскихъ народовъ. Кто же изъ мыслящихъ людей удовлетворится теперь такимъ нехитрымъ рѣшеніемъ? Я по крайней мѣрѣ не подпишу такой программы; вы, вѣроятно, тоже не подпишете. Въ теченіе тридцати лѣтъ вопросы и задачи страшно усложнились, на Западѣ гораздо больше, чѣмъ у насъ, хотя и у насъ они тоже стали теперь далеко не такъ просты, какъ были тогда.

Вы указываете на научно-философскую соціологію, на соціологическій законъ, на научно-философскіе принципы, какъ на единственно твердую, незыблемую почву правильнаго міросозерцанія, и, конечно, тысячу разъ правы. Я убѣжденъ такъ же глубоко, какъ и вы, что въ наше время міровоззрѣніе, которое идетъ въ разрѣзъ съ научно-философскими предпосылками, не можетъ пустить корня въ современныхъ людяхъ, отвѣтить на задачи нашего времени, и потому не имѣетъ никакой будущности. Но дальше такой отрицательной постановки задачи большинство людей, исповѣдующихъ у насъ научное знаніе и научно-философскіе принципы, къ сожалѣнію, не идетъ и на немъ останавливается. Этому я приписываю дряблость и бездѣятельность, которая такъ поражаетъ въ современномъ русскомъ обществѣ, и особливо въ мыслящихъ, просвѣщенныхъ, научно образованныхъ кружкахъ. Кого же можетъ удовлетворить отрицательное опредѣленіе, когда нужно дѣло дѣлать? Въ переходныя эпохи, подобныя нашей, когда исторически установившіеся взгляды и привычки пошатнулись и не могутъ больше служить руководствомъ для большинства, а новыя стремленія еще не успѣли сложиться въ формулированные идеалы, люди безъ оглядки пойдутъ за тѣми, кто имъ укажетъ непосредственныя, ближайшія цѣли дѣятельности. Одни отвлеченныя стремленія найдутъ мало сочувствій. И это очень естественно. Большинство не можетъ и не хочетъ задаваться отдаленными задачами, живетъ настоящимъ и ближайшимъ будущимъ, не задумываясь далеко впередъ. Большинству французовъ, послѣ переворота 1848 года, понадобились, прежде и больше всего, спокойствіе, порядокъ, возможность заниматься безъ помѣхи торговлей и промыслами,—и они ухватились за Людовика-Наполеона и отдались ему на милость. У насъ потребность какой-нибудь вѣры, какого-нибудь убѣжденія, заставила людей, даже очень умныхъ и просвѣщенныхъ, съ жадностью накинуться на спиритизмъ и придумывать цѣлыя теоріи, чтобы придать, въ собственныхъ глазахъ, какую-нибудь благовидность очевидному отреченію отъ здраваго смысла. Вы приписываете недогадливости, вялости, инертности нашей интеллигенціи, что славянскіе комитеты попали въ руки горсти славянофиловъ; вы требуете, чтобы та часть русскаго

общества, которая руководится научными принципами, вышла изъ своей пассивности, грозя, что иначе славянофильство обратится въ партію. Но недостатки, которые вы совершенно вѣрно замѣчаете въ русскихъ людяхъ, ставящихъ во главу угла научные взгляды, не случайны; они глубоко коренятся въ самомъ характерѣ научныхъ воззрѣній. Современная наука даетъ одну объективную истину и оставляетъ въ тѣни субъективную сторону, роль лица въ событіяхъ. Но въ объективной истинѣ нельзя найти побужденія для дѣятельности; объективная истина только констатируетъ и объясняетъ фактъ, событіе. Побужденіемъ къ дѣятельности можетъ служить убѣжденіе, что человѣкъ можетъ, своими усиліями, своею дѣятельностью, направленною извѣстнымъ образомъ къ извѣстной цѣли, произвести желаемыя перемѣны въ окружающемъ и въ себѣ самомъ, по крайней мѣрѣ этому содѣйствовать. Объ этой сторонѣ, играющей важнѣйшую роль въ единичномъ, индивидуальномъ, личномъ существованіи, объективная наука ничего не знаетъ; она не только не пріискала для нея научной формулы, она даже не включила ее покамѣстъ въ кругъ своихъ изслѣдованій, и либо прямо ее отрицаетъ, либо обходитъ, какъ несущественное и не особенно важное. При такомъ состояніи научно-философскаго знанія, интеллигенція не можетъ не относиться недогадливо, вяло, пассивно къ общественнымъ вопросамъ. Мы останавливаемся обыкновенно на однихъ общихъ ихъ условіяхъ,—до того общихъ и далекихъ, что живая, современная, непосредственная ихъ сторона отъ насъ ускользаетъ. Научно-философскія начала служатъ только необходимой предпосылкой и условіемъ дѣятельности; а мы смотримъ на нихъ какъ на ближайшую цѣль стремленій, какъ на формулу непосредственной задачи, которую надо рѣшать въ дѣйствительной жизни. Изъ этого и выходитъ, что мы, вмѣсто того, чтобы подвигать и развивать дѣйствительную жизнь, преслѣдуемъ какіе-то возвышенные, прекрасные, но неосуществимые призраки, которые отъ насъ убѣгаютъ. Что жъ мудренаго, что горсть славянофиловъ овладѣла всѣми вопросами и рѣшаетъ ихъ по своему? Задачи и формулы славянофиловъ имѣютъ то завидное преимущество передъ задачами и формулами нашей научно и философски развитой интеллигенціи, что близки и сподручны, указываютъ на ближайшія цѣли, обращаются къ обычнымъ, повседневнымъ, всѣмъ и каждому доступнымъ представленіямъ и понятіямъ. Національное чувство, общепринятыя вѣрованія, убѣжденіе въ великой будущности русскаго и славянскаго племени,—вотъ къ чему обращаются славянофилы и находятъ отголосокъ. Можно спорить противъ ихъ выводовъ, но пріемъ ихъ вѣренъ: они берутся за то, что̀ есть, и изъ него выводятъ, что̀ должно быть. Хорошо или дурно то, что̀ они выводятъ — это, конечно, другой вопросъ.

Нельзя также согласиться съ вашимъ приговоромъ надъ нео-славянофильствомъ. Я нахожу этотъ приговоръ незаслуженно-строгимъ. Доктрина славянофиловъ ошибочна въ основаніяхъ; это, мнѣ кажется, не подлежитъ сомнѣнію. Но вѣдь нѣтъ доктрины въ мірѣ, которая была бы только логическимъ построеніемъ. Каждая представляетъ взглядъ на дѣйствительные факты, извѣстную ихъ группировку подъ тѣмъ или другимъ угломъ зрѣнія. Въ этомъ смыслѣ нѣтъ доктрины, въ которой бы не заключалась какая-нибудь доля истины. Въ видѣ примѣра, позвольте привести вамъ яркій фактъ. Славянофилы на своихъ плечахъ вынесли общинное владѣніе; всѣ западники, отъ перваго до послѣдняго, стояли за исключительное начало личной поземельной собственности. Славянофилы же защищали и провели общинное владѣніе въ безсмертныхъ редакціонныхъ коммиссіяхъ. Если исключить отголоски нѣкоторыхъ западныхъ теорій, прозвучавшіе въ нашей литературѣ, то окажется, что западники стали подавать голосъ въ пользу общиннаго владѣнія уже позднѣе, когда этотъ вопросъ былъ поднятъ и сталъ предметомъ научныхъ изслѣдованій въ Европѣ.

Вы произносите строгій приговоръ надъ намѣреніями, задачами и цѣлями славянофиловъ. Но справедливо ли? Глупцовъ, невѣждъ, нахаловъ, фарисеевъ и лицемѣровъ много во всѣхъ лагеряхъ. Отъ нихъ не обереглись ни одно ученіе, ни одна партія въ цѣломъ мірѣ. Еслибы у насъ различные лагери стали осыпать другъ друга упреками изъ-за этихъ паразитовъ, то взаимнымъ обвиненіямъ не было бы конца. Отбросивъ эти уродливые приросты, мы найдемъ въ каждомъ лагерѣ небольшое число вполнѣ порядочныхъ, мыслящихъ, образованныхъ русскихъ людей, различно смотрящихъ на задачи настоящаго и будущаго. Между такими людьми

нельзя себѣ и представить спора, выходящаго изъ предѣловъ теоретическаго разномыслія. Разъ что мы вполнѣ увѣрены въ порядочности противника, все постороннее спору отпадаетъ само собою, и на первый планъ становятся вопросъ, дѣло, а они отъ различныхъ взглядовъ могутъ только выиграть. Каждый взглядъ, сознательно или безсознательно, выражаетъ различныя стороны стремленій и міросозерцаній общества, элементовъ, которые въ немъ есть, и съ которыми, волей-не-волей, надо считаться. Во взглядахъ лучшихъ людей разныхъ воззрѣній эти стороны и элементы представляются въ самомъ удобномъ видѣ для взаимнаго соглашенія того, что ползетъ врозь, а должно, хотя-нехотя, быть вмѣстѣ. Я не могу представить себѣ взгляда, съ которымъ нельзя было бы сойтись въ томъ или другомъ пунктѣ, въ которомъ нельзя было бы отыскать сочувственныхъ сторонъ. Надо только, чтобы люди разныхъ взглядовъ захотѣли найти эти пункты и стороны, а затѣмъ, логика фактовъ и событій, единственно непогрѣшимая повѣрка всѣхъ взглядовъ и точекъ зрѣнія, рѣшитъ, кто болѣе правъ, кто менѣе, по крайней мѣрѣ, чья формула стоитъ ближе на очереди. Поэтому мнѣ кажется, что нельзя ни теоретически, ни практически относиться только отрицательно къ какому бы то ни было міросозерцанію. Если существуетъ взглядъ, если онъ держится, развивается,—значитъ, въ немъ есть что-нибудь, что̀ его питаетъ, какая-нибудь забытая и пренебреженная другими воззрѣніями доля истины, или не вполнѣ отжитая сторона дѣйствительной жизни, которая себя заявляетъ, пока не распустится въ другихъ, болѣе правильныхъ сочетаніяхъ.

Вы упрекаете славянофиловъ въ томъ, что они на всякое общественное дѣло налагаютъ печать барскаго любомудрія и подчеркиваете слово „барское“. Мнѣ кажется, что это слово не совсѣмъ точно означаетъ не всегда пріятныя особенности взгляда, который опирается на преданіе, возводитъ его въ принципъ и старается поддержать искусственными пріемами, когда оно падаетъ и жизнь требуетъ другихъ формъ. Впрочемъ, объ этомъ не буду съ вами спорить; положимъ, вы правы; но справедливо ли соединять однимъ названіемъ, одной кличкой, въ одну категорію, людей самыхъ разнородныхъ, въ томъ числѣ множество такихъ, которые ближе къ вамъ, къ намъ, чѣмъ къ людямъ, зачисленнымъ вами въ одинъ съ ними разрядъ? Заключаетъ ли въ себѣ слово „баринъ“ какія-нибудь характерныя черты извѣстнаго нравственнаго типа? Иной у насъ баринъ только по привычкамъ, всосаннымъ съ молокомъ матери и которымъ онъ самъ не радъ; иной баринъ по кругу, въ которомъ вертится Богъ вѣсть почему; иной безсознательно живетъ такимъ, какимъ его создала судьба, исповѣдуя вовсе не барскія мысли. Вспомните, что значительная часть самыхъ честныхъ и искреннихъ дѣятелей по крестьянской реформѣ были истые баре, помѣщики, иные даже съ помѣщичьими привычками. Русская жизнь исполнена странныхъ неожиданностей и противорѣчій! Въ ней нѣтъ точныхъ отличій и рѣзкихъ раздѣленій; все перепутано и перемѣшано нестройно, хаотически, безалаберно. Думая попасть во врага,—попадешь совершенно неожиданно въ друга, и наоборотъ. Кто не знавалъ на своемъ вѣку помѣщиковъ, вдобавокъ крѣпостниковъ по убѣжденію, которые и во время крѣпостного права и во время его упраздненія поступали совершенно справедливо, безпристрастно и человѣколюбиво, даже великодушно? Ходитъ много разсказовъ о такихъ во всѣхъ отношеніяхъ почтенныхъ и достойныхъ людяхъ. Замѣчательно, что и крестьяне вполнѣ довѣряли такимъ людямъ, хотя и знали, что они, по убѣжденію, крѣпостники. Россія—классическая страна такихъ диковинокъ, и если гдѣ нельзя судить по шаблонамъ и кличкамъ, такъ это у насъ.

Волынскій говорилъ: „намъ, русскимъ, хлѣба не надо; мы другъ друга ѣдимъ и тѣмъ сыты бываемъ“. Такъ и до сихъ поръ у насъ ведется. Мы огуломъ предаемъ отлученію, сваливая въ одну кучу и друзей и недруговъ. Оттого недоразумѣнія плодятся и накопляются до того, что мы ужъ перестали понимать другъ друга. Каждый стоитъ въ одиночку и чувствуетъ себя и свои взгляды слабыми, безпомощными. Какъ при такихъ условіяхъ сложиться опредѣленнымъ міровоззрѣніямъ, чему-нибудь похожему на связный взглядъ, систему мыслей? Вмѣсто того, чтобы дотолковаться до чего-нибудь, мы бредемъ врозь, по дряннымъ экземплярамъ осуждаемъ огуломъ цѣлыя воззрѣнія и этимъ отрѣзываемъ сами себѣ возможность всякаго сближенія съ тѣми, кто, подобно намъ, добивается истины и правды. Дошло до того, что большинство, готовое прислушиваться къ спорамъ, чтобы уяснить себѣ свои обыкновенно

несвязныя мысли, перестало насъ вовсе слушать и сдѣлалось равнодушнымъ къ нашимъ гуртовымъ обвиненіямъ.

Другая, коренная причина безсилія небольшой группы людей, крѣпко стоящей на научной почвѣ и въ строгой наукѣ ищущей разрѣшенія нашихъ русскихъ задачъ и вопросовъ,—это крайняя отвлеченность построеній, отъ которыхъ нѣтъ прямого, непосредственнагс перехода къ злобѣ дня. Мы все считаемся съ принципами, съ общими положеніями, до которыхъ большинству нѣтъ дѣла, а не съ живыми, непосредственными фактами, которые для этого большинства—все, или почти все. Мы для него слишкомъ пахнемъ книгой. Чтобы оно могло заинтересоваться научными истинами и въ нихъ искать разрѣшенія всѣхъ задачъ и вопросовъ, необходимо продѣлать вмѣстѣ съ нимъ всѣ посредствующія звенья между непосредственнымъ фактомъ и выводами знанія. Мы часто смѣшиваемъ это съ популяризаціей науки; на самомъ же дѣлѣ, между тѣмъ и другимъ —большая разница. Популяризація знанія дѣлаетъ факты и выводы науки болѣе доступными для большинства; я же разумѣю живую связь между выводами и требованіями знанія и фактами дѣйствительной ежедневной жизни, — связь, которая одна способна внѣдрить въ большинствѣ убѣжденіе, что наука съ ея законами и построеніями не пустая отвлеченность, а единственный вѣрный руководитель въ рѣшеніи практическихъ вопросовъ.

Это требованіе, которое мнѣ представляется насущнымъ, особливо въ наше время, неизбѣжно ведетъ насъ къ другому,—къ выясненію условій индивидуальнаго, личнаго существованія и отношеній его къ окружающему объективному міру. Эти вопросы только начинаютъ ставиться въ наукѣ и до ихъ рѣшенія еще очень далеко; а между тѣмъ, именно въ нихъ-то теперь вся сила, вся задача научнаго знанія. Выясненіе этихъ вопросовъ и ихъ правильное рѣшеніе только и можетъ связать неразрывною цѣпью общіе законы съ ихъ практическимъ примѣненіемъ въ дѣйствительности. Окажется, что общій законъ есть только необходимая предпосылка, которая всегда остается на заднемъ планѣ, какъ фонъ картины; что дѣйствительная, практическая, живая сторона знанія—это тѣ тысячи и тысячи сочетаній, въ которыхъ общіе законы являются на самомъ дѣлѣ, и въ образованіи которыхъ индивидуальная, личная жизнь и дѣятельность играютъ огромную, все еще недостаточно оцѣненную роль. Сходя по этой лѣстницѣ ниже и ниже, мы наконецъ придемъ, въ вопросахъ общественной жизни, къ единоличному лицу. Въ немъ надо развить и укрѣпить пониманіе и сознаніе правильныхъ отношеній къ обществу и его задачамъ; его нужно приготовить и выработать къ правильной общественной жизни, которая, помимо индивидуальности, никогда не разовьется въ правильныя формы. Много ли у насъ дѣлается въ этомъ смыслѣ и дѣлается ли вообще что-нибудь? Не видимъ ли мы, напротивъ, что эта область и теоретически и практически заброшена? Если что въ ней дѣлается порядочнаго, то какъ-то само собою или совершенно безсознательно, очень часто наперекоръ намѣреніямъ и цѣлямъ. Жизнь, фактъ поправляютъ ошибки теоріи. Еслибы она была правильна, много силъ не потратилось бы у насъ даромъ, много хорошихъ и честныхъ людей не пропало бы безплодно.

(Сѣверный Вѣстникъ, 1878, № 49).

О ЗАДАЧАХЪ ИСКУССТВА.

Посвящается Н. А. Ярошенко.

Мнѣ случилось однажды разговориться съ молодымъ художникомъ-живописцемъ, человѣкомъ мыслящимъ и очень симпатичнымъ. Бесѣда съ такими людьми невольно увлекаетъ. Совершенно забывъ, что передо мною знающій, опытный спеціалистъ, что самъ я ничего не понимаю вообще въ искусствѣ и въ живописи въ особенности, я храбро, спустя рукава, высказалъ ему все, что мнѣ думалось о той и другой картинѣ, о призваніи искусства, о его цѣляхъ и его современномъ положеніи. Собесѣдникъ слушалъ меня снисходительно, кое съ чѣмъ соглашался и, наконецъ, сказалъ:—отчего вы всего этого не напишете и не напечатаете?

Меня эта мысль почти испугала.

— Я?! Писать и печатать объ искусствѣ! Да вѣдь для этого надо знать въ немъ толкъ. А я что знаю?

— Такъ что-жъ изъ этого?—возразилъ художникъ:—вы—публика, на которую картина, музыка, пьеса производитъ извѣстное впечатлѣніе. Ну, и пишите о вашихъ впечатлѣніяхъ.

— Легко вамъ сказать—пишите! Впечатлѣніе впечатлѣнію рознь. У человѣка знающаго и художественно-развитого впечатлѣнія одни, у непонимающаго и художественно неразвитого—другія,—кому же охота выставлять себя передъ читателями и знатоками самонадѣяннымъ невѣждой? Да и какая будетъ польза, если всѣ мы, публика, выложимъ передъ свѣтомъ на показъ наши впечатлѣнія? У насъ что ни человѣкъ, то свое мнѣніе. Вышло бы такое вавилонское столпотвореніе и смѣшеніе языковъ, что было бы отчего совсѣмъ растеряться.

— Я не могу съ вами согласиться,—сказалъ художникъ.—Какое тутъ невѣжество и самонадѣянность, когда вы напишете и напечатаете, что такая-то картина вамъ нравится, а такая-то нѣтъ? Самонадѣянный невѣжда тотъ, кто, не зная дѣла, судитъ о немъ и рядитъ; высказывать свои впечатлѣнія—совсѣмъ другое дѣло. На вкусъ, какъ и на милость, нѣтъ образца; въ этомъ всякій воленъ. Вы говорите: какая польза отъ того, если всякій напишетъ о своемъ впечатлѣніи? По моему—большая. Благодаря тому, что вся публика разсуждаетъ какъ вы, никакого общенія между художниками и тѣми, для кого они работаютъ, нѣтъ; нѣтъ потому и широкой повѣрки для художественныхъ задачъ. Художественная критика слишкомъ спеціализируется, сводится на техническія детали, на подробности выполненія. Пять-шесть человѣкъ—да и столько не наберешь—вотъ наши цѣнители и судьи. Но они знатоки, стоятъ на одной съ нами почвѣ. Они тѣ же художники, только теоретики, а не практики; чрезъ это искусство все болѣе и болѣе обособляется, дѣлается узкимъ, условнымъ, становится исключительнымъ удѣломъ касты жрецовъ новаго разбора. Даже и въ наукѣ, гдѣ всякое слово подлежитъ точному анализу и повѣркѣ, бываютъ эпохи застоя и временнаго помертвѣнія. Что же *должно быть въ искусствѣ*? Если все такъ пойдетъ, какъ теперь, у насъ искусство, наконецъ, задохнется отъ недостатка свѣта и воздуха. Намъ необходимо бы знать, отвѣчаетъ ли сочувствіямъ, вкусамъ, потребностямъ публики то, что мы ей даемъ; а она молчитъ. Нужны титаны-художники, чтобъ геніальнымъ чутьемъ напасть на то, что можетъ въ данное время овладѣть душою человѣка. Обыкновенные люди этого не могутъ; они требуютъ указаній и поддержки, ходятъ по проложеннымъ путямъ. Какая у насъ возможна школа, когда всѣ безмолвствуютъ, и говорятъ одни записные знатоки? Вы боитесь, что разноголосица собьетъ насъ съ толку? Напрасно! Зная дѣло, мы съумѣемъ отличить неосновательныя или просто вздорныя техническія умствованія отъ

выраженія полученныхъ впечатлѣній; въ послѣднихъ мы тоже разберемъ, что̀ ошибка слуха, зрѣнія, внимательности, неопытности, и что̀ дѣйствительное требованіе, стремленіе, чаяніе. Вотъ послѣднія-то для насъ особенно и важны. Они-то и служатъ намъ, художникамъ, камертономъ, къ которому мы волей-неволей должны прислушиваться, если хотимъ чтобъ публика насъ знала, смотрѣла на наши работы съ интересомъ и участіемъ. А какъ мы можемъ это узнать? Это можетъ намъ сказать только сама публика, а вы прячетесь, изъ ложнаго самолюбія, изъ суетной боязни сказать слово не впопадъ и скомпрометтироваться.

Я не нашелся вдругъ что̀ отвѣчать,—такъ меня озадачилъ собесѣдникъ. Въ томъ, что̀ онъ говорилъ, слышалось столько искренности, столько правды, что сразу трудно было отличить въ его словахъ истину отъ увлеченія. Я до сихъ поръ твердо вѣрилъ, что одни знатоки могутъ говорить объ искусствѣ, что только ихъ отзывы имѣютъ значеніе и цѣну. И вотъ эту мою увѣренность старались поколебать! Я неохотно поддавался искушенію и требованіе собесѣдника казалось мнѣ чрезвычайно страннымъ, чтобъ не сказать болѣе.

Послѣ, мы не разъ встрѣчались опять съ тѣмъ же художникомъ, и когда ни заходила между нами рѣчь о томъ же предметѣ, онъ твердо стоялъ на своемъ и разговоры свои со мной всегда оканчивалъ тѣми же словами: пишите, пишите.

Я задумался. Публика — это нѣчто очень разнокалиберное, неспѣтое. Изъ нея раздаются тысячи голосовъ и ни одинъ не похожъ на другой. Въ какомъ же смыслѣ ея впечатлѣнія могутъ быть полезны художнику, служить дѣлу искусства? Эта мысль стала меня занимать.

Не разъ, сидя одинъ, я старался припомнить впечатлѣнія картинъ, видѣнныхъ на нашихъ выставкахъ, и разговоры, какіе случалось вести и слышать по ихъ поводу. Но черезъ длинный рядъ годовъ все перемѣшалось и спуталось въ моей памяти; иное совсѣмъ изгладилось, другое удержалось, но блѣдно и смутно; лишь немногое сохранилось отчетливо, ясно. Видѣнное и слышанное на разныхъ выставкахъ какъ-то причудливо слилось въ одинъ рядъ воспоминаній, а то, что̀ происходило въ одно время, разбилось на разные ряды; пріятельскіе разговоры у себя дома и въ гостяхъ перенеслись на выставки, а то, что̀ я здѣсь слышалъ, приплелось къ пріятельскому вечеру, или къ бесѣдѣ за чайнымъ столомъ. Возобновить въ воспоминаніи обстановку и послѣдовательность впечатлѣній не было никакой возможности.

Помнится, около одной картины, изображавшей нагую красавицу, собралась кучка солидныхъ людей, которые пожирали ее глазами и передавали другъ другу свои впечатлѣнія совсѣмъ не эстетическаго свойства. Отзывами этихъ господъ художникъ мало бы покорыстовался—въ интересахъ искусства.

Припомнилось также, какъ около одного пейзажа кто-то съ апломбомъ знатока, объяснялъ дамѣ, что художникъ злоупотребилъ красной охрой и имѣй онъ ея меньше на своей палитрѣ, эффектъ былъ бы гораздо лучше. Не понимая ничего въ эффектахъ охры, я въ душѣ позавидовалъ тонкому наблюдателю и цѣнителю живописи, который сразу видитъ въ чемъ дѣло и гдѣ ошибка. Слышанное замѣчаніе я тутъ же передалъ проходившему мимо пріятелю, тоже живописцу, который ужъ навѣрное зналъ эффекты красокъ. Онъ посмотрѣлъ на меня, на картину, пожалъ плечами, и говоритъ: охота вамъ вѣрить всякому вздору! Ничего этотъ господинъ не понимаетъ. Какая тутъ красная охра. Ея нѣтъ и слѣда! Картина грѣшитъ тѣмъ, что написана въ слишкомъ красныхъ тонахъ— вотъ и все.

И это тоже голосъ изъ публики.

Живо помню я впечатлѣніе на меня картины Крамского: „Спаситель въ пустынѣ“. Передъ этимъ лицомъ, измученнымъ глубокой и скорбной думой, передъ этими руками, сжатыми великимъ страданіемъ, я остановился и долго стоялъ въ нѣмомъ благоговѣніи; я точно ощущалъ многія безсонныя ночи, проведенныя Спасителемъ во внутренней борьбѣ; я точно видѣлъ за опущенными рѣсницами глаза̀, въ которыхъ читалось и обѣщаніе блаженства тѣмъ, кто простъ сердцемъ, и покой страдающимъ и удрученнымъ; и потомъ вдругъ эти глаза свѣтились негодованіемъ, провидя, что слова любви и мира бросятъ мечъ посреди людей,—или горѣли гнѣвомъ, пророча бѣды городамъ, которые гордо возносили свои головы до небесъ. Въ умиленіи и трепетѣ я забылъ всѣхъ и все около себя. Мнѣ казалось, что я стою передъ самимъ Спасителемъ. Меня начинали давить слезы умиленія и восторга, какими плачетъ человѣкъ, когда правда,

чистота, самоотверженная любовь къ другимъ являются передъ нимъ не въ видѣ несбыточной мечты или недосягаемаго идеала, а какъ живой образъ, дѣйствительное существо, и онъ снова надѣется и вѣритъ надеждой и вѣрой лучшихъ лѣтъ, казавшейся навсегда утраченной...

— Посмотрите!—раздался около меня голосъ: — что это за Спаситель! Это какой-то нигилистъ! Непонятно, какъ такую картину позволили выставить! Это кощунство, насмѣшка надъ святыней!

Міръ моихъ художественныхъ видѣній мигомъ исчезъ. Я опять почувствовалъ себя очень прозаически настроеннымъ; вниманіе насторожилось, и какъ у человѣка, готоваго къ оборонѣ и нападенію, распахнувшееся сердце вдругъ захолодѣло, и критическая работа ума вступила опять въ свои права.

Вотъ они, впечатлѣнія! Мнѣ картина Крамского дала минуту невыразимаго восторга и счастія, а въ другомъ она возбудила одно негодованіе. Въ которомъ же изъ этихъ впечатлѣній художникъ найдетъ указаніе, камертонъ для своей дѣятельности?

Невольно припомнились мнѣ тутъ же впечатлѣнія совсѣмъ другого рода. На одной изъ выставокъ, около яркой и блестящей картины, то-и-дѣло толпились посѣтители. „Какія удивительныя фигуры, что за богатство фантазіи, какая роскошь красокъ“, слышалось со всѣхъ сторонъ. Я подошелъ. Это была картина Семирадскаго: Спаситель и передъ нимъ смущенная блудница, выронившая бокалъ изъ рукъ. Взглянувъ на Христа и блудницу, я отвернулся и не хотѣлъ больше смотрѣть. Для меня весь смыслъ картины могъ заключаться только въ этихъ двухъ фигурахъ, а въ нихъ-то именно и не было никакого смысла. Онѣ мнѣ показались ниже всякой посредственности.

Какъ же это такъ?—думалось мнѣ: есть же что-нибудь въ картинѣ, когда ею такъ восхищаются. Отчего же я къ ней не только остался холоденъ, но почувствовалъ даже что-то похожее на досаду. Видно мнѣ на роду написано ничего не понимать въ живописи.

Подъ вліяніемъ этой нерадостной мысли я бродилъ по выставкѣ на удачу и собирался ужъ уйти, какъ со мной встрѣтился знакомый, большой любитель и знатокъ картинъ.

— Ну что,—спросилъ онъ,—какъ вы довольны? Все осмотрѣли?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я, не безъ нѣкотораго смущенія: — видѣлъ только кое-что. Вѣдь я мало знаю толку въ живописи.

— Ну, такъ пойдемте со мной. Посмотримъ вмѣстѣ. На этой выставкѣ многое стоитъ посмотрѣть.

Знакомый привелъ меня къ небольшой картинѣ, изображавшей щегольской и роскошный кабинетъ. По мѣрѣ того, какъ я вглядывался, столъ, кресло, диванъ начали выдѣляться изъ фона, паркетъ, на который падалъ свѣтъ изъ окна, ожилъ; огонь въ каминѣ, разныя мелочи на столѣ, картины на стѣнахъ—все выступило съ такою поразительной правдою, что я на минуту забылся, точно находился въ дѣйствительной комнатѣ и вижу всѣ эти предметы въ натурѣ.

— Ну, какъ вамъ это нравится?—спросилъ меня пріятель.

— Поразительно живо,—сказалъ я:—такъ вѣрно, что одну минуту я совсѣмъ-было повѣрилъ, будто передо мной дѣйствительный кабинетъ.

— Вотъ оно, торжество искусства, — сказалъ знакомый, трепля меня по плечу.

— Торжество поддѣлки подъ дѣйствительность,—пояснилъ я.

— А чего-жъ вы еще хотите?—спросилъ меня нѣсколько удивленный знакомый.

— Я бы хотѣлъ, чтобъ изображенный предметъ мнѣ нравился,—сказалъ я,—чтобъ онъ производилъ на меня пріятное впечатлѣніе; а этотъ кабинетъ только поражаетъ меня своей правдой; но онъ мнѣ совсѣмъ не по вкусу, и будь онъ мой, я бы его устроилъ совсѣмъ иначе. Въ такой обстановкѣ я бы не могъ работать; посреди ея мнѣ было бы вовсе не по себѣ.

Собесѣдникъ сдѣлалъ гримасу, которая выражала и нетерпѣніе и досаду, и повелъ меня дальше.

— Можетъ быть, вотъ эта картина произведетъ на васъ пріятное впечатлѣніе,—сказалъ онъ, остановившись передъ „Бурлаками“ Рѣпина.

И мысль и исполненіе картины меня поразили. И въ атлетической фигурѣ, съ окладистой бородой, выступающей впереди, и въ испитомъ мальчикѣ, съ рубахой, ободранною лямкой, и въ старикѣ и въ высокомъ, сухощавомъ лѣнтяѣ, который отлынивалъ отъ работы, и въ бурлакѣ съ восточнымъ типомъ, даже въ изображеніи рѣки, песчанаго берега и въ вечернемъ ихъ освѣщеніи, я узналъ давно знакомое, много разъ виданное и про-

чувствованное. Припомнились стихи Некрасова; припомнилось многое изъ передуманнаго, изъ того, что не разъ давило грудь и сжимало сердце. Я не могъ оторваться отъ картины. Она не производила на меня пріятнаго впечатлѣнія—совсѣмъ нѣтъ; но она притягивала меня къ себѣ тѣмъ, что вызывала цѣлый рядъ мыслей и ощущеній, къ которымъ я часто возвращался и съ которыми сжился. Въ нихъ было мало радостнаго, но на нихъ сложилась моя жизнь. Такъ другъ смотритъ долго и пристально на портретъ умершаго друга, припоминая дорогія черты,—и больно ему и мучительно, а онъ все смотритъ и не можетъ разстаться съ тѣмъ, отъ чего ему такъ горько и такъ тяжело.

Пріятель замѣтилъ, что картина произвела на меня сильное впечатлѣніе, и смягчился. Можетъ быть, съ цѣлью разсѣять мои мысли, онъ сказалъ:

— А замѣчаете ли вы, что въ этой превосходной картинѣ есть кой-какія ошибочки?

— Я ничего не замѣтилъ.

— Есть маленькая неправильность рисунка, которую вы, можетъ быть, не видите, за общею вѣрностью впечатлѣнія. Посмотрите: вотъ у мальчика, тянущаго лямку, верхняя часть руки, отъ плеча до локтя, несоразмѣрно коротка.

— Да, это правда,—сказалъ я, вглядываясь.

— А вотъ и грѣшокъ противъ вѣрности самаго впечатлѣнія. При усиліи, съ которымъ бурлаки тянутъ лямку, нога должна уходить въ песокъ гораздо глубже, чѣмъ изображено на картинѣ. И съ этимъ замѣчаніемъ я не могъ не согласиться. Но содержаніе картины, общая вѣрность передачи художникомъ этого содержанія—такъ на меня подѣйствовали, что указанные частные недостатки показались мнѣ ничтожными, не заслуживающими вниманія. Я это высказалъ. Пріятель поспѣшилъ со мною согласиться.

— Ну, а взгляните-ка сюда,—продолжалъ онъ, подводя меня къ другой картинѣ.—Вотъ ужъ гдѣ нѣтъ ни сучка, ни задоринки. И небо, и воздухъ, и люди, и предметы—все изображено съ неподражаемымъ искусствомъ.

Передо мной разстилался на полотнѣ одинъ изъ восхитительнѣйшихъ рейнскихъ пейзажей, когда-то виданныхъ очень часто. И мюнстеръ на островкѣ, и Семигорье, и развалины зàмковъ по берегамъ вдали,—все предстало передо мной какъ живое. Этимъ самымъ видомъ я много разъ любовался изъ Роландсэка въ тихіе вечера. Рейнъ катилъ медленно свои струи. По немъ скользили лодки, издали дымился пароходъ. Пѣшеходы и фуры на большихъ колесахъ по шоссе вдоль рѣки оживляли видъ. Мнѣ припомнилось давно минувшее время; припомнилось и то, какъ, несмотря на дружбу и ласки мòихъ добрыхъ знакомыхъ въ Боннѣ, меня тянуло на родину, какъ меня томило одиночество посреди людей, какъ мнѣ казалось все чуждымъ въ кипѣвшей и волновавшейся около меня жизни и посреди благословенной природы.

— Ну что, какъ вамъ кажется?

— Удивительно вѣрно и живо! Это дѣйствительно Рейнъ, какимъ я его видѣлъ. Но, признаюсь, меня больше хватаетъ за душу видъ нашей бѣдной, сѣренькой, однообразной природы. Какой-нибудь пригорокъ, на немъ два-три деревца, за ними пашня, сливающаяся съ горизонтомъ, а тамъ — вдали желтоватые лучи заката, пахарь съ своей тощей, кудластой лошадкой и понурымъ видомъ—за такую картину я вамъ охотно отдамъ всѣ рейнскіе, итальянскіе и швейцарскіе виды.

Въ другой разъ, не помню — прежде или послѣ, мы встрѣтились, тоже на выставкѣ, съ тѣмъ же знакомымъ.

— Вы,—говоритъ онъ мнѣ,—патріотъ въ живописи, это я знаю! Вамъ давай русскія сцены. Пойдемте, я вамъ покажу нѣчто въ вашемъ вкусѣ.

Пріятель привелъ меня къ небольшой картинѣ. Въ деревенскомъ помѣщичьемъ домѣ, средней руки, сидѣли за столомъ двое господъ. Передъ ними у двери стоялъ мужикъ, очевидно, староста, и съ нимъ двѣ красивыя крестьянскія дѣвушки, съ поникшими головами. Староста лукаво и угодливо смотрѣлъ на господъ, а господа, особенно одинъ изъ нихъ, нехорошими глазами поглядывали на дѣвушекъ. Фигуры, обстановка, движенія, выраженіе лицъ—все показывало въ художникѣ большого мастера, но картина мнѣ сильно не понравилась по замыслу, по содержанію.

Собесѣдникъ удивился.

— На васъ трудно угодить,—сказалъ онъ мнѣ не безъ нѣкоторой досады. — Сюжетъ взятъ изъ дѣйствительной жизни, притомъ сюжетъ вашъ любимый, русскій; исполнена картина и въ цѣломъ и въ подробностяхъ мастерски; вы сами это находите. А между тѣмъ она вамъ не нравится.

— Я не люблю,—замѣтилъ я,—когда художникъ излагаетъ своимъ произведеніемъ какую-нибудь сентенцію—политическую, религіозную, научную или нравственную,—все равно: иллюстрировать правило совсѣмъ не дѣло искусства; на это есть наука или публицистика. Художникъ, изображая продажу крѣпостной дѣвки, хотѣлъ выказать свое омерзѣніе къ крѣпостному праву и во мнѣ возбудить негодованіе къ помѣщичьей власти. Но ненависть къ крѣпостному праву, въ наше время, — либерализмъ очень дешевый: оно отмѣнено закономъ. Каждый мыслящій человѣкъ смотритъ на него теперь уже не съ жгучимъ чувствомъ ощущаемой нестерпимой боли, а спокойно взвѣшиваетъ всѣ его стороны, и дурныя, и хорошія. Я знаю, что крѣпостныхъ дѣвокъ иногда продавали въ помѣщичьи гаремы; но знаю, что иногда помѣщики строили избы своимъ погорѣлымъ крестьянамъ, покупали скотъ и лошадей, призрѣвали сиротъ, лечили больныхъ, заступались за нихъ въ судахъ и полицейскихъ управахъ. Взять одинъ изъ случаевъ мерзостей крѣпостного права и иллюстрировать его въ картинѣ также односторонне и узко, какъ иллюстрировать одну изъ его благодѣтельныхъ сторонъ. Пусть художникъ воспроизводитъ жизнь, правду, а не пишетъ въ картинахъ приговоровъ. На меня они всегда производятъ дѣйствіе, противоположное тому, какое имѣлъ въ виду художникъ.

— Позвольте, однако, — возразилъ знакомый.—Вы хотите отнять у художника право негодовать и передавать свои чувства на полотнѣ? Почему же художникъ не можетъ дѣлать того, что могутъ дѣлать и дѣлаютъ всѣ люди?

— Потому,—отвѣчалъ я,—что художникъ, въ своемъ созданіи, не только выражаетъ свои чувства, а вмѣстѣ и воспроизводитъ жизнь, дѣйствительность, какова она есть. Это непремѣнное условіе всѣхъ созданій искусства, художественнаго творчества. Если актеръ, на сценѣ, расчуствуется и въ самомъ дѣлѣ заплачетъ на патетическомъ мѣстѣ своей роли, вы его за это не поблагодарите. Вы требуете и совершенно справедливо, чтобы онъ выражалъ не свои личныя чувства, до которыхъ вамъ нѣтъ никакого дѣла, а точно, правдиво воспроизвелъ на сценѣ ту роль, которую онъ взялся представить. Вотъ потому-то я и думаю, что художникъ, разъ онъ создаетъ, не въ правѣ отдаваться однимъ своимъ чувствамъ, а долженъ, если хочетъ быть истиннымъ художникомъ, подчинить свои чувства объективной правдѣ и ее передать въ своемъ созданіи. А развѣ правда крѣпостного права только въ томъ, что помѣщики продавали другъ другу крѣпостныхъ дѣвокъ на растлѣніе? Ужъ лучше бы онъ изобразилъ, какъ помѣщикъ сѣкъ мужиковъ за то, что они оставляли свои полосы невспаханными, да тутъ же приказывалъ ее вспахать и засѣять, чтобы высѣченный мужикъ не остался съ семьей безъ хлѣба. Такая картина производила бы, по крайней мѣрѣ, полное впечатлѣніе, въ ней были бы и добро и зло вмѣстѣ, какъ всегда бываетъ въ дѣйствительности. Въ этомъ драматизмъ и трагикомизмъ жизни.

— Богъ васъ разберетъ, чего вы требуете. А помните,—сказалъ знакомый послѣ нѣкотораго раздумья,—пріемную у доктора или казначейство, съ разными лицами, получающими деньги и дожидающими своей очереди. Какъ вамъ нравятся тѣ картины?

— Прекрасные этюды,—сказалъ я.—Лица —живыя и мастерски схвачены.

— Значитъ, вы по крайней мѣрѣ этими произведеніями нашей русской живописи вполнѣ довольны?

— Какъ вамъ сказать? Доволенъ я ими очень, какъ вѣрнымъ и очень искуснымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности. Но дѣйствительность выбрана безразличная и, собственно говоря, совсѣмъ не интересная. Я радовался, глядя на эти картины, успѣхамъ русскаго искусства, умѣнью нашихъ художниковъ писать русскіе предметы. Успѣхи дѣйствительно поразительные, особливо если сравнить съ прежними, еще недавними опытами въ томъ же родѣ. Но такія работы мнѣ кажутся только пробами кисти, приготовленіями къ будущему русскому художеству, русской живописи. А эта будущая русская живопись, когда ея пора настанетъ, выберетъ другіе сюжеты. Она будетъ останавливаться на содержаніи, захватывающемъ душу, оставляющемъ послѣ себя неизгладимое впечатлѣніе—и впечатлѣніе не одной поразительно вѣрно воспроизведенной русской дѣйствительности, а глубокой мысли, глубокаго чувства.

Я помню, мы разстались тогда съ пріятелемъ нѣсколько сухо. Онъ былъ мной недоволенъ, и смотрѣлъ на меня, какъ на чудака; мнѣ тоже было какъ-то неловко. Ска-

зать правду, я самъ хорошенько не зналъ, чего хочу, чего требую. Разные мои отзывы самому мнѣ казались чуть-чуть не капризами, такъ что было почти совѣстно передъ пріятелемъ, который смотрѣлъ на вещи просто, добродушно, безъ хитроумія, и умѣлъ наслаждаться тѣмъ, что̀ хорошо.

Воспоминанія, вмѣсто того, чтобъ навести меня на что-нибудь, окончательно сбили меня съ толку. Ни на чемъ я не могъ остановиться.

Цѣпляясь памятью за то и другое, я неожиданно натолкнулся на давнишніе, продолжительные горячіе споры съ другимъ пріятелемъ, который весь міръ искусства считалъ прихотью богатыхъ и праздныхъ людей, художественныя созданія—дорого стоющими забавами досужаго сибаритства, пожирающаго огромныя средства совершенно непроизводительно, а художниковъ и артистовъ называлъ дармоѣдами, прислужниками утонченнаго разврата, праздности и пресыщенія. Не было возможности сбить пріятеля съ этой позиціи. По его мнѣнію, то только и заслуживаетъ поддержки, вниманія, ухода, что̀ полезно, что̀ умножаетъ или ведетъ къ умноженію предметовъ, служащихъ для удовлетворенія неотложныхъ потребностей человѣка. Наука, научные опыты и изслѣдованія, тоже сто̀ятъ дорого, но онъ считалъ затраты на нихъ производительными, потому что результатомъ ихъ всегда бываетъ какое-нибудь полезное для человѣка открытіе или примѣненіе,—то̀ телеграфъ, то̀ телефонъ, то̀ пароходъ, то̀ машина, уменьшающая трудъ или сохраняющая здоровье людей.

— Ну, а армстронговы и крупповскія пушки, картечницы, разрывныя пули и адскія машины? О нихъ вы забыли, а вѣдь и они тоже—плодъ науки, результатъ опытовъ и изслѣдованій. Но это мимоходомъ. Считая науки полезными, вы, конечно, разумѣете такъ-называемыя положительныя или точныя науки и изъ нихъ—преимущественно прикладныя. Я взялся бы вамъ доказать, что и эти науки тратятъ множество силъ, времени и деньги на предметы совершенно безполезные въ вашемъ смыслѣ. Какую, напримѣръ, пользу можно извлечь изъ изслѣдованій плотности Юпитера, Урана или Марса, ихъ объема, ихъ разстоянія отъ земли, солнца и другъ отъ друга? А чтобъ убѣдиться, что и прикладныя науки могутъ служить досужей роскоши не меньше искусства, войдите въ любой косметическій магазинъ, или въ любой кабинетъ, уборную, спальню богатой свѣтской дамы, не говоря о другихъ дамахъ. Но не въ этомъ дѣло. Какъ же, спрошу я васъ, понимаете вы пользу?

— Полезно все то,—отвѣчалъ рѣшительнымъ тономъ пріятель,—что̀ увеличиваетъ сумму предметовъ, служащихъ къ удовлетворенію непосредственныхъ и неотложныхъ матеріальныхъ нуждъ человѣка,—предметовъ, необходимыхъ для пищи, одежды, крова, для отдыха отъ труда, для сохраненія здоровья...

— Но вѣдь для удовлетворенія названныхъ вами непосредственныхъ потребностей нужны не одни матеріальные предметы; нужно, кромѣ того, и воспитаніе и судъ, и полиція, и войско, и благотворительныя заведенія, напримѣръ, больницы, пріюты для немощныхъ, старыхъ, дѣтей и т. д. Все это полезно, потому что ведетъ, въ концѣ-концовъ, къ вашей же цѣли. Но къ той же цѣли ведетъ и искусство, которое бы вы хотѣли стереть съ лица земли.

— Какъ такъ?—восклицалъ мой пріятель;—вотъ этого ужъ никакъ понять нельзя!

— Какъ понять? Да очень просто. Вы вѣдь признаете полезнымъ то, что̀ удовлетворяетъ непосредственнымъ потребностямъ человѣка, и называете, въ числѣ такихъ предметовъ, одежду, пищу, кровъ, отдыхъ, здоровье. Но вы знаете, что человѣкъ, когда ему весело, пляшетъ и поетъ веселыя пѣсни, а когда ему сгрустнется—унылыя; обыкновенная его рѣчь, не одними словами, но и тономъ, выражаетъ различныя его душевныя движенія—радость, гнѣвъ, печаль, ласку, презрѣніе и проч. Всѣ эти различныя движенія—тоже потребности, которымъ столько же необходимо удовлетворять, какъ голоду и жаждѣ; они такія же непосредственныя и неотложныя, какъ тѣ, которыя вы признаете за такія. Имъ-то и удовлетворяетъ искусство. Причины его существованія—именно въ этихъ потребностяхъ. На самыхъ низшихъ ступеняхъ образованія и посреди ужасающей нищеты, вы вездѣ встрѣтите зародыши искусства и художественнаго творчества. Безобразныя каменныя татарскія бабы въ степяхъ нельзя же назвать продуктами пресыщенія и богатства? Не отъ избытка и пресыщенія вплетаетъ себѣ крестьянская дѣвочка обрѣзокъ матеріи въ косу,

мужикъ надѣваетъ рубаху съ красными ластовицами, утираетъ лицо ручникомъ съ узорочными концами, ставитъ рѣзное окно, раскрашиваетъ ставни, украшаетъ, какъ умѣетъ, дугу. А вѣдь изъ этихъ первыхъ грубыхъ зачатковъ, которые вы найдете всюду, между бѣднѣйшими слоями человѣческаго общества, и создался, въ дальнѣйшемъ развитіи, этотъ самый міръ искусства, который вы считаете безполезнымъ, напрасной затратой времени, труда и денегъ. Обращая противъ васъ ваше же оружіе, я бы могъ съ такимъ же правомъ сказать, что ѣда, кровъ, одежда, отдыхъ, здоровье—ненужныя прихоти и роскошь, ссылаясь на то, что на столъ, квартиру, туалетъ многими тратятся громадныя суммы самымъ безсмысленнымъ и безпутнымъ образомъ. Если, говоря объ излишествахъ этого рода, вы однако умѣете отличить ихъ отъ дѣйствительныхъ потребностей, то отчего же вы иначе судите, когда рѣчь зайдетъ объ искусствѣ? Оно, какъ и все на свѣтѣ, можетъ вырождаться, идти на службу праздности, роскоши, пресыщенію, растлѣвать, угодничать, продаваться тому, кто больше даетъ; но вѣдь и наука можетъ тоже унизиться до всего этого, а ее вы же не станете за то побивать каменьями, вычеркивать изъ числа дѣйствительныхъ человѣческихъ потребностей.

— Вы говорите, что искусство безполезно, потому что оно есть спутникъ тунеядства, пріучаетъ къ изящному сибаритизму. Человѣкъ, по-вашему, долженъ только производить и фабриковать полезныя вещи. Ну, а если искусство будетъ именно въ этомъ направленіи развивать людей, напримѣръ, театръ будетъ отъучать ихъ отъ роскоши и пріохочивать къ труду; музыка будетъ сопровождать работу и поощрять къ ней, какъ теперь военный оркестръ возбуждаетъ военный духъ, или, чтобы оставаться въ кругѣ вашихъ представленій о полезномъ, пѣсня прилажена къ мѣрному звуку прялки въ избѣ, отъ пѣсни спорится дѣло дружной артели; если картины наглядно будутъ учить тому, что̀ предстоитъ каждому дѣлать и какъ дѣлать; если статуями увѣковѣчится память Жакаровъ, Фультоновъ, Стефенсоновъ и другихъ геніевъ промышленнаго и фабричнаго дѣла? Такимъ искусствомъ будете ли вы довольны?

Пріятель замялся.

— Противникомъ искусства, художниковъ, художественнаго творчества, — развивалъ я свою мысль далѣе,—быть нельзя; можно быть противникомъ извѣстнаго ихъ направленія; но это ужъ другой вопросъ. Я готовъ съ вами согласиться, что направленіе искусства, творчество художниковъ можетъ быть хорошо или дурно, хотя мы, пожалуй, опять не сойдемся въ опредѣленіи, что̀ хорошо и что̀ дурно. Во всякомъ случаѣ этотъ споръ будетъ совсѣмъ иного свойства.

По мѣрѣ того, какъ я вспоминалъ, мысль запутывалась и изнемогала подъ разнообразіемъ и противорѣчивостью впечатлѣній. Художникъ зло подшутилъ надо мной, подзадоривъ изложить ихъ на бумагѣ! Высказывать въ дружеской бесѣдѣ—что̀ подвернется на языкъ, совсѣмъ не то, что̀ писать. Правда, сказаннаго слова, какъ воробья, не поймаешь, но отъ него можно отвертѣться, и не такъ оно рѣжетъ глаза; а написанное—торчкомъ торчитъ и ужъ его топоромъ не вырубишь! А что̀ я напишу? Рядъ безсвязныхъ впечатлѣній! Это вѣдь меньше чѣмъ ничего. Читатель въ правѣ не на шутку на меня разгнѣваться, зачѣмъ я совершенно напрасно занялъ его вниманіе и отнялъ время.

Я было уже совсѣмъ отказался отъ намѣренія писать, какъ вдругъ мнѣ пришла въ голову такая мысль: въ томъ, что̀ мнѣ одна картина нравится, а другая нѣтъ, или что я къ ней равнодушенъ,—должны же выражаться мои требованія отъ живописи, а эти требованія не могутъ не быть въ тѣсной связи съ какимъ-нибудь общимъ взглядомъ на искусство и на его задачи. Не оттого ли я запутался въ впечатлѣніяхъ, что не подумалъ до сихъ поръ дать себѣ во всемъ этомъ ясный отчетъ? Попробую подойти къ воспоминаніямъ съ этой стороны; авось либо такъ доберусь до чего-нибудь опредѣленнаго, твердаго, откуда ужъ можно будетъ идти дальше, разсортировать впечатлѣнія на группы и привести ихъ къ одному общему знаменателю. Я ухватился за эту мысль и началъ думать.

Всякое художественное произведеніе, говорятъ, возсоздаетъ дѣйствительность, дѣйствительный міръ, дѣйствительную жизнь... Положимъ—такъ. Но какую дѣйствительную жизнь? Ту ли, какая на самомъ дѣлѣ есть, или ту, какая намъ представляется? Разумѣется, послѣднюю, потому что мы только то и знаемъ, что̀ намъ представляется.

Значитъ, художественное созданіе воспроизводитъ дѣйствительность, какъ мы ее слы-

шимъ, видимъ, ощущаемъ, чувствуемъ. Итакъ, мы собственно воспроизводимъ не дѣйствительность, а наши представленія о дѣйствительности, потому что другой дѣйствительности, кромѣ той, какую человѣкъ себѣ представляетъ, для него никакой нѣтъ, не существуетъ.

Но у разныхъ людей представленія разныя, часто совсѣмъ между собою непохожія. Представленія составляются изъ впечатлѣній окружающихъ предметовъ и явленій на наши органы чувствъ, а эти предметы и явленія очень различны; также различны и органы чувствъ у разныхъ людей. Оттого чуть ли не у каждаго человѣка свои впечатлѣнія, отличныя отъ другихъ. Помнится, я недавно гдѣ-то читалъ, что картины одного живописца, — кажется, англійскаго, — поражали всѣхъ необыкновенною странностью тѣней и красокъ, и никто не могъ понять, отчего это? Наконецъ, одинъ физіологъ, изучившій ненормальныя явленія зрѣнія и ихъ законы, доказалъ, что странности картинъ могли произойти только вслѣдствіе извѣстной, имъ подробно описанной и охарактеризованной ненормальности зрительнаго аппарата у художника. Если поискать, то такія же странности окажутся, можетъ быть, и въ иныхъ музыкальныхъ произведеніяхъ, зависящія точно также только отъ ненормальнаго устройства органа слуха у композитора. Опытомъ дознано, что у нѣкоторыхъ людей оба уха бываютъ настроены не на одинъ ладъ, и потому, когда они слушаютъ обоими ушами, лучшее музыкальное произведеніе отзывается въ нихъ невыносимымъ диссонансомъ; чтобъ наслаждаться музыкой, они должны крѣпко зажать одно ухо.

Я привелъ самые рѣзкіе примѣры, бросающіеся въ глаза. Но если принять въ разсчетъ бо́льшую или ме́ньшую чувствительность органовъ чувствъ, оттѣнки ихъ восріимчивости и ея характера, бо́льшую или ме́ньшую ихъ опытность въ принятіи впечатлѣній, тысячи особенностей, зависящихъ отъ тысячи условій, напримѣръ, отъ принадлежности къ той или другой національности, отъ климата, мѣстной обстановки, образа жизни и т. п., то нельзя не вывести отсюда, что представленія людей должны быть чрезвычайно разнообразны, чуть ли не столько, какъ и сами люди.

Разнообразіе представленій играетъ въ искусствѣ несравненно бо́льшую роль, чѣмъ мы думаемъ. Это одна изъ причинъ, почему люди уже столько времени изучаютъ художественныя произведенія, толкуютъ ихъ, и до сихъ поръ не могутъ окончательно согласиться между собою въ мнѣніяхъ объ одномъ и томъ же предметѣ. Иначе и быть не можетъ. Міръ представленій не можетъ не быть совершенно иной подъ солнцемъ Италіи или Индіи, и въ Россіи или въ Гренландіи. Одинъ и тотъ же Петръ Великій смотритъ англичаниномъ, французомъ, голландцемъ, смотря по тому, кто писалъ, рисовалъ или гравировалъ его портретъ. Глазъ, привыкшій разсматривать картины и статуи, слухъ, выработанный на лучшихъ созданіяхъ музыкальнаго искусства, будутъ видѣть, слышать и различать ихъ лучше, тоньше, чѣмъ глазъ и ухо ребенка или человѣка, который не упражнялъ ихъ надъ такими предметами. Въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, люди воспитываются и развиваются изъ поколѣнія въ поколѣніе, по мѣрѣ того, какъ кругъ ихъ впечатлѣній расширяется и становится разнообразнѣе. Вообразимъ себѣ, что человѣкъ, который никогда не видалъ другихъ картинъ, кромѣ старинной голландской или фламандской школы, вдругъ увидитъ итальянскую или испанскую картину, — онъ не сразу найдется въ ней, освоится съ ея характеромъ и особенностями. Мы, старики, смолоду пробавлялись легкой итальянской музыкой, знаемъ по опыту, какъ трудно вслушиваться въ звуки нѣмецкихъ музыкальныхъ созданій и дойти до пониманія ихъ красоты. Одинъ очень образованный французъ, слушавшій въ первый разъ „Жизнь за царя“ Глинки, признавался мнѣ, что не понимаетъ прелести этихъ звуковъ, и пришелъ въ восторгъ, когда заиграли полонезъ и мазурку: эти звуки были ему знакомы.

Съ этой стороны представленіе есть нѣчто очень условное. Въ отношеніи къ искусству мы можемъ говорить не о представленіяхъ всѣхъ вообще людей, кто бы они ни были, а только о представленіяхъ нормальныхъ, составляющихъ какъ-бы средній результатъ извѣстной нормальной дѣятельности внѣшнихъ чувствъ, при извѣстной степени ихъ навыка и опытности въ принятіи внѣшнихъ впечатлѣній и образованіи изъ нихъ представленій. Поэтому, когда говорится о художественныхъ произведеніяхъ, всегда предполагается, что они существуютъ не для всѣхъ безъ изъятія людей, а только для

тѣхъ, кто имѣетъ необходимыя нормальныя для того условія, какъ естественныя или прирожденныя, такъ и пріобрѣтенныя развитіемъ, навыкомъ, опытностью. Но этимъ кругъ людей, для которыхъ искусство существуетъ, естественно и неизбѣжно съуживается. По мѣрѣ расширенія образованности и усиленія развитія, этотъ кругъ будетъ становиться все шире и шире, но никогда не включитъ въ себя всѣхъ людей. Внѣ его останутся всѣ, кто почему-либо не подходитъ даже подъ средній уровень нормальной воспріимчивости къ воспроизведеніямъ представленій.

Представленіе есть, впрочемъ, только одно изъ условій художественнаго творчества. Другое, столько же существенное—это возсозданіе представленія въ матеріальномъ фактѣ или явленіи—образѣ, словѣ, звукѣ, тѣлодвиженіи, игрѣ физіономіи. Спѣшу, однако, оговориться. „Возсозданіе представленія" выражаетъ не совсѣмъ точно то, что̀ происходитъ при художественномъ творчествѣ. Представленіе остается при насъ и вывести его изъ человѣка наружу ничто въ мірѣ не можетъ. Художникъ только создаетъ такой матеріальный фактъ, производитъ такое матеріальное явленіе, которыя соотвѣтствуютъ представленіямъ и вызываютъ ихъ каждый разъ, когда такой фактъ или такое явленіе дѣйствуютъ на наши внѣшнія чувства. Оттого-то художественное создаваніе и называется творчествомъ. Оно въ самомъ дѣлѣ какъ будто вновь создаетъ окружающій насъ міръ, который дѣйствуетъ на наши чувства, производитъ впечатлѣнія, и чрезъ нихъ образуетъ или вызываетъ представленія.

Говорятъ, художество возсоздаетъ дѣйствительный міръ, самую жизнь, какова она есть. Это не совсѣмъ такъ. Имъ создаются условія, которыми вызываются такія же представленія, какъ и дѣйствительнымъ міромъ, дѣйствительною жизнью. Но художественныя созданія никогда не воспроизводятъ дѣйствительнаго міра, каковъ онъ есть. Мѣсто, которое мы видѣли, и ландшафтъ, который намъ кажется сходнымъ съ этимъ мѣстомъ, какъ двѣ капли воды, на самомъ дѣлѣ вовсе другъ на друга не похожи. Расписанное полотно, очевидно, и не можетъ походить на дѣйствительную мѣстность. Но и ландшафтъ и мѣстность, которую оно изображаетъ, производятъ на насъ одинаковое впечатлѣніе, вызываютъ одни и тѣ же представленія. Портретъ, написанный карандашомъ или перомъ, силуэтъ, вырѣзанный изъ черной бумаги, еще меньше похожи на предметы, которые они изображаютъ, а мы, однако, бываемъ поражены сходствомъ. Почему? Потому что въ насъ вызывается, при видѣ рисунка или силуэта, то же представленіе, какое вызывалъ дѣйствительный предметъ. Мраморная статуя, бюстъ,—что̀ же въ нихъ сходнаго съ дѣйствительностью? А мы находимъ удивительное сходство, если черты и выраженіе схвачены вѣрно. Тутъ сходство, очевидно, весьма относительное и условное. А что̀ сказать о литературныхъ созданіяхъ, о музыкальныхъ произведеніяхъ, которыя, по своей внѣшней сторонѣ, не имѣютъ съ видимыми предметами ни малѣйшаго, даже отдаленнаго сходства!

Итакъ, весь смыслъ художественнаго творчества состоитъ въ такомъ сопоставленіи и сочетаніи матеріальныхъ данныхъ, чтобъ они вызывали въ насъ тѣ же представленія, что̀ и дѣйствительные предметы, дѣйствительная жизнь.

Если мы, послѣ всего сказаннаго, прослѣдимъ то, что̀ происходитъ, начиная съ художественнаго творчества и оканчивая художественнымъ наслажденіемъ, то получимъ цѣлый рядъ очень сложныхъ операцій, которыя будутъ имѣть такой смыслъ: художникъ извѣстнымъ сочетаніемъ матеріальныхъ предметовъ и явленій создаетъ нѣчто, вполнѣ отвѣчающее его представленіямъ. Зрители, слушатели, словомъ—публика получаетъ отъ созданія художника впечатлѣнія, и, сравнивая вызванныя имъ представленія съ тѣми, какія она уже носитъ въ себѣ, чувствуетъ или не чувствуетъ себя удовлетворенной, смотря по тому, отвѣчаетъ ли произведеніе ея представленіямъ, и въ какой мѣрѣ.

Въ этомъ смыслѣ, миръ искусства есть одна изъ величайшихъ побѣдъ человѣка надъ окружающимъ: художественныя созданія—плодъ подробнаго знакомства человѣка съ обстановкой и ея законами, безъ чего нельзя и помышлять о сочетаніяхъ фактовъ, съ цѣлью произвести извѣстное впечатлѣніе и вызвать извѣстныя представленія. Мы иной разъ небрежно перебѣгаемъ глазами отъ одной картины и статуи къ другой, скользимъ, перелистывая, по лучшимъ литературнымъ произведеніямъ; а какое было нужно громадное накопленіе знанія и опытовъ, въ теченіи многихъ тысячелѣтій, чтобъ довести, не го-

ворю ужъ цѣлую литературу или цѣлую школу живописи, музыки и т. д., а самомалѣйшій стихъ, или самую нехитрую музыкальную пьесу, самую несложную картину, до того художественнаго совершенства, до котораго дошли люди въ наше время. Теперь намъ кажется простымъ и легкимъ писать порядочными стихами, или взять кисть, натянуть полотно, наложить краски на палитру и написать картину; но пройдемъ мыслью весь путь, которымъ люди дошли до того, что это стало легко и просто, и намъ придется повторить всѣ ступени теоретическаго и практическаго знанія, которыя родъ человѣческій прошелъ съ величайшими усиліями, трудами и колебаніями отъ начала до нашего времени. Вспомнимъ, сколько усилій ума и замѣчательнаго таланта потрачено русскими художниками, писателями, музыкантами, чтобъ только выучиться писать русскіе предметы и русскіе стихи, чтобъ овладѣть русскими мотивами. Какой же громадный трудъ нуженъ былъ, чтобъ создать цѣлый міръ искусства! Вѣдь сдѣланное у насъ— капля въ морѣ въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ сдѣлано человѣческимъ родомъ для живописи, изящной литературы, музыки и другихъ отраслей искусства отъ ихъ первыхъ зачатковъ до нашего времени.

Что это былъ тяжкій трудъ, великій подвигъ, видно изъ того, какъ люди неохотно шли на него сначала, и какъ имъ тяжело было за него приниматься.

Въ древнѣйшихъ преданіяхъ сохранились слѣды какого-то непонятнаго намъ теперь отвращенія первобытнаго человѣка отъ художественнаго творчества; такое же отвращеніе проявлялось и гораздо позднѣе, на памяти исторіи, въ эпохи глубочайшаго одушевленія и нравственнаго перерожденія людей. Это происходило, можетъ быть, оттого, что наполнявшее душу человѣка еще не сложилось въ опредѣленное, ясное представленіе, или представленіе уже сложилось, но человѣкъ еще не умѣлъ подыскивать и сочетать внѣшніе факты и явленія такъ, чтобъ они отвѣчали представленіямъ и вызывали ихъ. Первый шагъ на пути къ художественному творчеству, по своей новости, необычайности и крайней трудности, не могъ не страшить людей, не внушать имъ суевѣрной боязни. Но, кромѣ того, замѣчается и другой мотивъ: то, что̀ человѣкъ носилъ въ своей душѣ, такъ владѣло всѣмъ его существомъ, онъ до того имъ былъ проникнутъ, имъ жилъ, былъ въ него погруженъ, что создавать его внѣшнее подобіе казалось посягательствомъ на святыню. Извѣстно, что сильное чувство, разрѣшаясь въ мысль или образъ, теряетъ свою напряженность.

Первоначальной неумѣлости людей создавать во внѣшнемъ мірѣ образы, соотвѣтствующіе представленіямъ, есть параллельныя явленія въ другой области. Такая же неумѣлость справляться съ окружающимъ лежитъ въ основаніи философскихъ воззрѣній Будды. Міръ исполненъ зла и страданій. Христіанство указываетъ на дѣла любви и самоотверженія, какъ на средства исцѣленія. Европейцы, воспитанные на этомъ ученіи, приспособляютъ окружающій міръ къ своимъ потребностямъ и нуждамъ; буддизмъ не имѣетъ никакого понятія о приноровленіи окружающаго міра къ требованіямъ человѣка, о дѣятельномъ, преобразовательномъ отношеніи къ этому міру. Поэтому онъ рекомендуетъ человѣку уйти въ себя, стать совсѣмъ безстрастнымъ, нечувствительнымъ къ злу и страданіямъ. Нирвана, восточный квіетизмъ, восточный фатализмъ, выражаютъ безпомощность человѣка, неумѣнье его заставить природу и окружающій міръ служить себѣ и своимъ нуждамъ.

Другой мотивъ, внушавшій отвращеніе къ художественному творчеству и всякой внѣшней дѣятельности,—боязнь осквернить святыню чувства, ослабить его поднятую силу внѣшнимъ образомъ, внѣшнею дѣятельностью, замѣчается при глубочайшей религіозной восторженности и психическомъ сосредоточеніи силъ. Художественное творчество, съ этой точки зрѣнія, есть огромный шагъ впередъ въ отношеніяхъ человѣка къ окружающему; создавая міръ искусства, онъ подчиняетъ природу своимъ нуждамъ и требованіямъ, заставляетъ ее служить себѣ. Подобно тому, какъ онъ мало-по-малу выучивается готовить себѣ пищу и запасать ее въ прокъ, прикрываться отъ холода, жары и непогоды, защищаться отъ животныхъ и людей, онъ выучивается создавать сочетанія фактовъ и явленій, которыя отвѣчаютъ его представленіямъ и вызываютъ ихъ въ другихъ. Сначала эти созданія, разумѣется, очень несовершенны, но мало-по-малу, съ успѣхами знанія и опытности, они становятся все болѣе и болѣе совершенными и, наконецъ, достигаютъ виртуозности, которой мы изумляемся въ произ-

веденіяхъ великихъ мастеровъ. На этомъ пути, какъ и на всѣхъ другихъ, постепеннымъ совершенствованіямъ не видно конца, и то, что̀ намъ теперь кажется вѣнцомъ художественнаго творчества, можетъ черезъ пятьсотъ, тысячу лѣтъ, оказаться чуть не ребяческими опытами. Но съ первымъ же шагомъ къ художественному создаванію человѣкъ открываетъ себѣ новые пути завоеваній въ окружающемъ мірѣ, и въ этомъ, между прочимъ, заключается одна изъ причинъ великаго образовательнаго значенія искусства.

Искусство, говорятъ намъ, творитъ для человѣка новый міръ. Это не иносказаніе, а совершенная правда, потому что оно создаетъ матеріальные предметы и явленія, которые вызываютъ въ людяхъ такія же представленія, какъ и сама жизнь, сама дѣйствительность. Рядомъ съ дѣйствительнымъ міромъ появляется другой міръ, вовсе на него непохожій. Между ними только то общаго, что оба вызываютъ одинаковыя представленія. При высокомъ развитіи искусства обольщеніе бываетъ до того полное, что человѣкъ принимаетъ художественное созданіе за самую дѣйствительность и наоборотъ: каждому случалось, наслаждаясь впечатлѣніемъ дѣйствительнаго предмета, чувствовать, что, только благодаря художественнымъ созданіямъ, онъ выучился вполнѣ цѣнить дѣйствительность. И въ этомъ нельзя не признать важнаго образовательнаго значенія искусства. Создавая новый міръ, соотвѣтствующій представленіямъ, оно выясняетъ ихъ, а съ ними и отношенія дѣйствительнаго міра къ нашимъ впечатлѣніямъ, до поразительной опредѣленности и точности. Искусство, наперерывъ съ наукой, выучиваетъ насъ смотрѣть и слушать правильно.

Мало того: создавая рядомъ съ дѣйствительнымъ міромъ другой міръ, вызывающій одни съ нимъ представленія, искусство выводитъ насъ изъ условій пространства и времени. Давно умершихъ мы видимъ какъ живыхъ; то, чего мы никогда не видали и, можетъ быть, никогда не увидимъ, мы узнаёмъ со всею живостью непосредственнаго и личнаго знакомства. Благодаря художественнымъ созданіямъ, мы можемъ, по произволу, вызывать въ себѣ живыя представленія тѣхъ или другихъ предметовъ и явленій, которыя въ дѣйствительности отдѣлены отъ насъ громадными пространствами и цѣлыми вѣками, или которые когда-то существовали, но уже исчезли и болѣе никогда не будутъ дѣйствовать на наши чувства.

Но какъ бы ни было велико обаяніе художественныхъ созданій, какъ бы ихъ дѣйствіе на насъ ни совпадало съ дѣйствіемъ окружающаго міра, не должно забывать ни на минуту, что произведенія искусства относятся только къ нашимъ представленіямъ, только для нихъ существуютъ и для нихъ однихъ имѣютъ смыслъ.

Помимо представленій художественныя созданія и не имѣютъ художественнаго значенія. Говоря объ объективности въ искусствѣ, о реальности художественныхъ произведеній, надо всегда помнить, что рѣчь идетъ только о реальности и объективности условной, а именно только по отношенію къ представленіямъ. Эта объективность и реальность всегда зависятъ отъ опредѣленности, ясности представленій, отъ ихъ характера и свойства. Этимъ объясняется, какимъ образомъ люди образованные и развитые могли сравнительно еще недавно наслаждаться крайне несовершенными, по нашимъ понятіямъ даже совсѣмъ безвкусными, произведеніями искусства, почему были возможны уклоненія искусства въ разныя ложныя направленія—въ аллегорію, символизмъ, манерность и рутину. Человѣку, въ художественныхъ произведеніяхъ, въ концѣ-концовъ всего дороже его собственныя представленія, вызываемыя, освѣжаемыя, оживляемыя внѣшними возбужденіями, и онъ невольно, самъ того не замѣчая, переноситъ ихъ въ созданія искусства. Объективная, реальная оцѣнка дается страшно трудно, и вполнѣ объективной она никогда не можетъ быть и не будетъ. Только долгое развитіе и опытность, образовавшаяся подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ и противорѣчивыхъ направленій и взглядовъ, болѣе и болѣе смягчаетъ крайности и угловатости субъективной оцѣнки; но никогда она не можетъ быть исключена вполнѣ и обратиться въ исключительно и чисто объективную, потому что самая почва художественности — представленіе—не можетъ быть вырвано изъ человѣка и перенесено въ міръ объективныхъ явленій.

Въ ошибочномъ понятіи объ объективности художественныхъ созданій лежитъ источникъ всѣхъ недоразумѣній и безконечныхъ споровъ объ искусствѣ. Представленіе, къ которому сходятся и изъ котораго расходятся всѣ явленія въ области искусства, — это двухлицый Янусъ, одною своею стороною обращенный

къ объективному міру, окружающему человѣка, а другою къ его ощущеніямъ, чувствамъ, стремленіямъ, желаніямъ и движеніямъ воли: ихъ человѣкъ носитъ въ себѣ, ими онъ живетъ; рядомъ съ внѣшними возбужденіями, они служатъ источникомъ его внутренней и внѣшней дѣятельности, а со всѣми этими психическими состояніями и движеніями представленія связаны тысячью нитей.

Отношенія представленій къ внѣшнимъ предметамъ и явленіямъ, создаваемымъ съ цѣлью вызвать и воспроизвести эти представленія,—вотъ объективная, внѣшняя сторона искусства и художественнаго творчества; чувства и вообще душевныя движенія, возбуждаемыя въ насъ произведеніями искусства чрезъ представленія, составляютъ внутреннюю, субъективную сторону художественныхъ созданій и творчества. Все сказанное мною до-сихъ-поръ объ искусствѣ касалось только его внѣшней, объективной стороны. Оно даетъ удовлетвореніе или наслажденіе особаго рода, которое, явно или скрыто, сознательно или безсознательно, но непремѣнно входитъ въ художественное впечатлѣніе. Какъ бы ни была велика живость, реальная правда художественнаго произведенія, мы все же относимся къ нему иначе, чѣмъ къ самой реальной дѣйствительности. Къ впечатлѣнію художественнаго произведенія всегда примѣшивается ощущеніе, что мы имѣемъ дѣло не съ самою реальностью, а съ болѣе или менѣе совершеннымъ ея подобіемъ. Такимъ образомъ, въ художественномъ впечатлѣніи, непосредственное чувство реальности осложняется и ослабляется другимъ чувствомъ, ощущеніемъ сходства художественнаго произведенія съ дѣйствительностью, которой впечатлѣніе оно въ насъ воспроизводитъ. Когда мы видимъ на мастерской картинѣ или на сценѣ страданія, мучительную смерть, или порывы страсти, они не потрясаютъ насъ такъ, какъ еслибъ то, что̀ мы видимъ, совершалось въ дѣйствительности передъ нашими глазами. Мы потрясены, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наслаждаемся поразительно вѣрнымъ воспроизведеніемъ реальнаго событія, тѣмъ, что картина или игра актера вызываютъ въ насъ тѣ же представленія, какія бы вызвала сама жизнь. Тайна художественнаго наслажденія всегда скрывается въ этомъ ощущеніи, хотя мы рѣдко отдаемъ себѣ въ этомъ отчетъ.

Художественное наслажденіе лежитъ на рубежѣ объективной и субъективной стороны искусства. Такое же серединное положеніе между ними занимаютъ художественные идеалы. Реалисты въ искусствѣ ихъ отвергаютъ; художники-идеалисты и философы отстаиваютъ, ссылаются на то, что художественныя произведенія не рабскія воспроизведенія дѣйствительности и содержатъ въ себѣ нѣчто такое, чего въ ней нѣтъ. Это справедливо. Но, не довольствуясь этимъ, они идутъ дальше и выводятъ отсюда, что художественно прекрасное, художественная красота, существуетъ какъ-то отдѣльно отъ дѣйствительности и реальности, вносится въ нее художникомъ извнѣ, и потому говорятъ объ искусствѣ для искусства, въ противоположность реалистамъ, не признающимъ идеи красоты и требующимъ подчиненія искусства разнымъ положительнымъ цѣлямъ, требующимъ, чтобъ оно приносило ту или другую пользу. Эти безконечные споры вытекали изъ ошибочныхъ взглядовъ на объективную сторону искусства, общихъ и идеалистамъ, и реалистамъ. Еще недавно считали возможнымъ выдѣлить эту сторону и на ней одной построить теорію искусства. Но мы теперь знаемъ, что оно не воспроизводитъ объективнаго или реальнаго міра, а только создаетъ то, что̀ вызываетъ въ людяхъ такія же представленія, какъ реальная дѣйствительность. Художественные идеалы—это представленія художника, идеальныя по своей природѣ, такъ какъ въ нихъ впечатлѣнія перегруппированы подъ особымъ угломъ зрѣнія, свойственнымъ художнику. Говорить о хужественномъ идеалѣ въ обективномъ смыслѣ, послѣ того какъ смѣнилось столько художественныхъ идеаловъ, невозможно. Объективный художественный идеалъ, идея прекраснаго, воплощающаяся въ художественныхъ созданіяхъ, есть лишь выводъ ума, обобщеніе явленій, а не объективный фактъ. Художественный идеалъ созданъ философскимъ идеализмомъ и безвозвратно палъ вмѣстѣ съ нимъ. Теорія искусства для искусства справедлива какъ требованіе извѣстнаго настроенія при художественномъ создаваніи; но въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаютъ поборники неизмѣнной идеи прекраснаго, воплощающейся въ дѣйствительности, она не выдерживаетъ критики. Объ „искусствѣ для искусства“ можно говорить съ такимъ же основаніемъ, какъ и о „наукѣ для науки“,

или о „любви для любви" или о „правдѣ для правды". Наука не будетъ наукой, когда мы, вмѣсто исканія научной истины, будемъ преслѣдовать какія-нибудь другія цѣли и къ нимъ прикраивать научные выводы; правда не будетъ правдой, когда мы подчинимъ ее соображеніямъ житейскихъ выгодъ и т. п. Художественное творчество не должно имѣть другой задачи, кромѣ вѣрнаго воспроизведенія фактовъ и явленій, вызывающихъ тѣ или другія представленія; въ этомъ смыслѣ теорія искусства для искусства непреложна, но она и не говоритъ ничего: художественное творчество, не достигающее своей цѣли, не есть искусство. Къ сожалѣнію, эта теорія, вопреки истинѣ и правдѣ, и вслѣдствіе самыхъ печальныхъ недоразумѣній, смѣшиваетъ идею прекраснаго, художественный идеалъ, съ извѣстными образцами художественнаго творчества, требуетъ, чтобъ они непремѣнно носились передъ художникомъ во время художественнаго создаванія, считаетъ ихъ для него обязательными. Такой взглядъ, такія требованія не только ошибочны, но они крайне вредны. Художественные идеалы мѣняются вмѣстѣ съ представленіями, и увѣковѣчивать ихъ — значитъ мѣшать развитію художественнаго творчества, которое только и состоитъ въ создаваніи фактовъ, которые соотвѣтствуютъ представленіямъ и вызываютъ ихъ. Идеалисты, поборники идеи прекраснаго, художественныхъ идеаловъ и теоріи искусства для искусства проиграли свое дѣло. Ихъ взгляды не пользуются ни авторитетомъ, ни вліяніемъ. Можно ли сказать, что въ ихъ взглядахъ нѣтъ ни малѣйшей доли правды, что всѣ ихъ требованія ложны отъ начала до конца? Этого я бы не рѣшился утверждать. Что-то похожее на истину просвѣчиваетъ въ ихъ теоріяхъ, но эта истина такъ искажена и обезображена извращенной постановкой задачъ искусства, что нѣтъ возможности стать подъ знамя идеалистовъ. По намѣренію, они должны бы быть поборниками субъективной стороны искусства, которой знать не хотятъ реалисты; но, вмѣсто того, чтобъ разработывать и выяснять эту сторону, рука объ руку съ поборниками объективности и реальности въ искусствѣ, они перенесли въ послѣднюю требованія первой и истощаются въ безплодныхъ усиліяхъ создать объективные идеалы, неизмѣнную объективную красоту. Ту же ошибку идеализмъ вносилъ еще недавно всюду—и въ политику, и въ философію, и въ теорію права, и въ ученіе о нравственности. Не понимая своей настоящей задачи, ни того, чѣмъ онъ силенъ, и принимаясь за разрѣшеніе задачъ реализма, идеализмъ вездѣ терпитъ неудачу и отовсюду вытѣсняется, въ ущербъ истинѣ, которой цѣлая сторона, благодаря этому, остается неразработанной и заброшенной.

Возвращаюсь къ перерванной нити мыслей. Представленія—это центральный пунктъ, въ которомъ сходятся и объективная, и субъективная сторона искусства. Объективная его сторона—это созданіе предметовъ, которые вызываютъ по возможности тѣ же представленія, что̀ и непосредственная, живая дѣйствительность, и реальная оцѣнка этого тожества; а субъективная — тѣ ощущенія и чувства, которыми сопровождаются представленія. Но представленія, какъ извѣстно, никогда не являются въ насъ обособленными отъ другихъ явленій психической, внутренней жизни; напротивъ, въ дѣйствительности они всегда переплетаются съ чувствами, настроеніями, стремленіями и желаніями, ими вызываются, и наоборотъ—ихъ сами вызываютъ. Когда мы голодны, намъ представляются любимыя кушанья; когда мы любимъ, намъ безпрестанно думается о любимомъ предметѣ. Веселое, радостное, грустное, гнѣвно̀е, раздражительное и другія настроенія вызываютъ каждое различныя представленія. Наоборотъ—и представленія приводятъ душу въ извѣстное состояніе или настроеніе, возбуждаютъ въ насъ тѣ или другія ощущенія, чувства, желанія.

Эта тѣсная связь и взаимодѣйствіе представленій, съ одной стороны,—настроеній, стремленій, ощущеній, чувствъ, желаній—съ другой, и придаетъ искусству важное значеніе въ развитіи людей и общества. Давно и всѣми признано, что обстановка имѣетъ рѣшительное вліяніе на людей, направляетъ ихъ мысли на дѣятельность въ ту или другую сторону. Оттого воспитатели и педагоги придаютъ такую важность первымъ впечатлѣніямъ ребенка. Созданія искусства, видоизмѣняя по произволу данную обстановку людей и тѣмъ вызывая въ нихъ тѣ или другія представленія, есть поэтому могущественное и незамѣнимое орудіе воспитанія и образованія. Искусство, посредствомъ художественныхъ созданій, дѣйствуетъ на душевный строй, на чувства, желанія и волю людей. Въ этомъ его общественное значеніе

и великая роль. Въ наше время на это какъ-то мало обращается вниманія. Между тѣмъ именно общественное и нравственное вліяніе искусства и подаетъ поводъ къ спорамъ и недоразумѣніямъ, къ противорѣчивымъ сужденіямъ о художественныхъ произведеніяхъ. Объ ихъ объективной сторонѣ нѣтъ и не можетъ быть разномыслія по существу. Задачи объективной стороны искусства слишкомъ опредѣленны и ясны, чтобы по поводу ихъ могли возбуждаться серьёзныя разногласія между компетентными судьями—экспертами, спеціалистами, знатоками искусства. Что художественное созданіе должно съ возможною приблизительностью отвѣчать представленіямъ—объ этомъ нѣтъ и не можетъ быть спора. Споръ можетъ быть только о томъ, въ какой мѣрѣ эта задача художественнаго творчества разрѣшена, какими техническими средствами, способами и пріемами она разрѣшается всего лучше и вѣрнѣе. Эти вопросы рѣшаются только на основаніи науки и опыта. Въ наше время трудности въ рѣшеніи задачъ искусства начинаются, когда вопросъ переносится въ сферу субъективныхъ явленій, вызываемыхъ художественными произведеніями посредствомъ представленій. Во взглядахъ на искусство, въ оцѣнкѣ художественныхъ произведеній съ этой стороны царитъ тотъ же хаосъ, та же неурядица, какъ и во всемъ, что касается психической жизни человѣка, ея законовъ и задачъ. Цѣлая школа ничего знать не хочетъ объ образовательныхъ и воспитательныхъ задачахъ искусства. По воззрѣніямъ этой школы, единственная задача художественныхъ произведеній—возможно живое и вѣрное соотвѣтствіе ихъ представленіямъ, но какимъ представленіямъ—объ этомъ школа не заботится. Такова чисто объективная точка зрѣнія. Она имѣетъ свои оттѣнки. Самые крайніе изъ ея поборниковъ ухитряются и въ искусство вносить грубо-матеріальныя требованія, видятъ задачу искусства въ создаваніи произведеній, вызывающихъ представленія объ однихъ матеріальныхъ предметахъ и явленіяхъ. Противоположная ей школа идеалистовъ, представляющая тоже много различныхъ оттѣнковъ, стоитъ за образовательный и воспитательный характеръ искусства; но, будучи безсильна найти соотвѣтствующія ему формы въ современныхъ представленіяхъ, отворачивается отъ нихъ, крѣпко держится за готовыя художественныя формы, созданныя до насъ, и въ нихъ видитъ единственные образцы прекраснаго, а въ возможномъ къ нимъ приближеніи—единственную задачу современнаго искусства. Но художественныя формы, какъ и формы рѣчи, создаются представленіями и измѣняются вмѣстѣ съ ними. Нашей скудости въ представленіяхъ, вызывающихъ благороднѣйшія движенія души, не поможетъ, если мы станемъ вдохновляться представленіями жившихъ до насъ людей. Иныя времена—иные люди, иные люди—иныя представленія! Натянутое, искусственное, вымученное вдохновеніе блѣдно, вяло, безжизненно,—есть не болѣе какъ поза, которая никого не обманетъ и не подниметъ нашего душевнаго строя; напротивъ, оно только оттолкнетъ шаткихъ отъ высшихъ задачъ искусства, отброситъ ихъ въ лагерь завзятыхъ натуралистовъ, на сторонѣ которыхъ, по крайней мѣрѣ, объективная правда.

Между этими двумя крайностями колеблется современное искусство. Сильная выработка по всѣмъ направленіямъ объективной его стороны, а со стороны субъективной—бѣдность представленій, выражающихъ или вызывающихъ высшія, идеальныя стремленія,—вотъ къ чему, въ концѣ-концовъ, сводится теперь почти все въ области художественнаго творчества. Недостатку представленій субъективной стороны мы стараемся помочь подражаніемъ формамъ, которыя выработаны до насъ, но изъ этого ничего не выходитъ и не можетъ ничего выдти. Пока въ насъ самихъ не возникнетъ представленій, вызывающихъ великія художественныя созданія, мы не извлечемъ ихъ изъ созданій другихъ временъ и другихъ людей, а будемъ пребывать въ фразѣ, и, вмѣсто творцовъ, станемъ лишь жалкими подражателями.

Таково современное положеніе и художниковъ, и публики. Ихъ нельзя различать: они—дѣти одного времени, произведенія однихъ и тѣхъ же обстоятельствъ, получаютъ одни и тѣ же впечатлѣнія. Наши художники и наша публика не имѣютъ повѣдать другъ другу ничего новаго. Нашъ театръ, наша литература, наши художественныя выставки, наши музыкальныя произведенія выражаютъ тотъ же разбродъ чувствъ и помысловъ, какіе видимъ и въ образованныхъ слояхъ русскаго общества. Художники создаютъ,—мы, публика, наслаждаемся созданіями искусства каждый по-своему, но ни

они, ни мы не задаемся вопросомъ: какого рода душевныя движенія—чувства, стремленія, желанія—должны быть или не должны быть возбуждаемы произведеніями художественнаго творчества? Художники и публика смотрятъ на одну лишь объективную сторону искусства. Мы, зрители и слушатели, обратились въ записныхъ знатоковъ художественныхъ созданій,—всего чаще, прикидываемся знатоками и соперничаемъ съ спеціалистами по части искусства. Не удивительно, что объективная его сторона развивается насчетъ субъективной и царитъ надъ нею въ наше время.

Нѣсколько времени спустя, я опять встрѣтился съ симпатичнымъ художникомъ, заставившимъ меня столько думать.

— Ну, что?—спросилъ онъ меня:—рѣшились вы, наконецъ, передать на бумагѣ ваши художественныя впечатлѣнія?

— Да, я написалъ все, что̀ припомнилъ,—отвѣчалъ я,—но почти раскаиваюсь въ этомъ.

— Отчего такъ?

— Изъ написаннаго ничего не выходитъ.

— А вамъ бы, конечно, хотѣлось завострить ваши впечатлѣнія какимъ-нибудь нравоученіемъ?

— Нравоученіемъ—нѣтъ, а придти къ какому-нибудь выводу, заключенію,—признаюсь, очень бы хотѣлось; но его-то мнѣ и не удалось добиться. Та̀къ мое писаніе и осталось неоконченнымъ.

— Я васъ не совсѣмъ понимаю,—сказалъ художникъ.—Рѣчь между нами шла, кажется, только о впечатлѣніяхъ, выносимыхъ публикой съ выставокъ художественныхъ произведеній. Какое же тутъ можетъ быть заключеніе, выводъ? То-то нравится потому-то,—другое потому-то не нравится. Больше намъ ничего и не нужно!

— Вы требуете невозможнаго,—возразилъ я.—Принявшись вспоминать и стараясь отдать себѣ отчетъ, почему мнѣ одна картина очень понравилась, другая—меньше, третья—вовсе не понравилась, и такъ далѣе, я набралъ много замѣтокъ. Совершенно невольно, мысль стала работать надъ ними, анализировать ихъ и приводить въ порядокъ. Изъ этой работы сложился взглядъ на искусство, выяснились различныя требованія отъ художественныхъ произведеній. Самъ того не замѣчая, я продѣлалъ, такимъ образомъ, всѣ тѣ умственныя операціи, которыя мысль проходитъ отъ перваго полученнаго извнѣ впечатлѣнія до окончательнаго результата. Но результата-то я и не могъ вывести никакого. У насъ художники и публика—одно и то же, и учиться имъ другъ у друга рѣшительно не́чему. Та̀къ, по крайней мѣрѣ, теперь. Можетъ быть, явится со временемъ такой геніальный художникъ, что увлечетъ за собой публику и перевоспитаетъ ея вкусы,—а можетъ быть, публика такъ разовьется, что потянетъ за собой художниковъ и заставитъ ихъ искать новыхъ путей. Но это—будущее, а его я не знаю, и никто не знаетъ. Теперь же и въ вашихъ, и въ нашихъ головахъ совершенный хаосъ, разбродъ, безурядица—и ни откуда не видно свѣта.

— Допустимъ, что такъ. Но вѣдь и это выводъ. Стало-быть, что̀ вы написали—имѣетъ конецъ, хотя онъ, положимъ, и не веселый. А потомъ, ваши нерадостныя мысли относятся къ тому, что̀ говорится въ публикѣ и между художниками. Но сами вы имѣете же про свой обиходъ какія-нибудь опредѣленныя требованія отъ искусства, по которымъ и мѣряете художественныя произведенія. Вотъ ихъ-то и желательно бы знать! Сами вы говорите, что анархія, хаосъ—во взглядахъ и публики, и художниковъ. При такомъ положеніи, всякое мнѣніе, всякій голосъ будутъ очень кстати, хотя бы только для повѣрки, сравненій и соображеній.

— Въ томъ-то и бѣда, что я не имѣю для своихъ требованій готовой, выработанной формулы. То, что̀ есть, меня не удовлетворяетъ, и я довольно ясно и отчетливо могу опредѣлить, почему я имъ недоволенъ; но какъ только начинаю обдумывать и захочу формулировать, что̀ бы могло меня удовлетворить въ искусствѣ, я ничего не могу схватить, кромѣ неподдающихся формулѣ отвлеченныхъ мыслей и общихъ стремленій. Прибавьте къ этому естественную въ наше время боязнь сказать совсѣмъ не то, что̀ хочешь. Мысли, подобно людямъ, утратили свою индивидуальность, и выскажи я свой взглядъ общепринятыми терминами (а другихъ мнѣ взять не́откуда), вы первый подведете его подъ готовую мѣрку, наклеите на него готовый нумеръ—и подъ этимъ нумеромъ сдадите въ древлехранилище отжившихъ взглядовъ на искусство. Мое самолюбіе отъ этого пострадаетъ, но это, положимъ, не важно: важно то̀, что возможность требованій отъ искусства, которыя я считаю правильными, будетъ

скомпрометирована,—высокомѣрное и пренебрежительное къ нимъ отношеніе найдетъ себѣ новую пищу и новую опору. Этого бы я никакъ не хотѣлъ. Пусть мысль, если она вѣрна, выскажется, когда совсѣмъ вызрѣетъ.

— Но, — возразилъ художникъ, — еслибъ всѣ разсуждали, какъ вы, люди были бы осуждены вѣчно вертѣться въ кругѣ однихъ и тѣхъ же общепринятыхъ воззрѣній, даже когда они уже болѣе никого не удовлетворяютъ. Новыя требованія всегда являются сперва въ старой одеждѣ, — и обыкновенно проходитъ много времени, пока они успѣютъ выработать себѣ новыя, вполнѣ имъ отвѣчающія формы. Если вы не курите ѳиміама передъ своей особой и хотите служить людямъ и обществу,—какое вамъ дѣло до того, что̀ подумаютъ о васъ и вашихъ взглядахъ? Выскажите то, что̀ вы думаете, и предоставьте другимъ выбрать изъ вашихъ словъ ту крупицу правды, какая въ нихъ можетъ заключаться. Если окажется, что въ вашихъ мнѣніяхъ нѣтъ ничего новаго и полезнаго,—это васъ заставитъ вновь обдумать ваши взгляды и дать вашимъ мыслямъ другое направленіе; а найдется, что вы правы,—тѣмъ лучше для васъ.

— Итакъ,—сказалъ я,—вы хотите, чтобъ я шелъ противъ общепринятыхъ воззрѣній на искусство въ первой шеренгѣ, и палъ съ нею, въ сладкой надеждѣ, что, быть можетъ, вторая, третья одержитъ побѣду? Извольте...

„Искусство,—говорятъ одни,—дѣлаетъ видимые, большіе успѣхи у насъ и всюду". „Искусство, видимо, мельчаетъ, падаетъ, обращается въ прихоть и предметъ роскоши",—говорятъ другіе.

Оба взгляда совершенно правы. Только они относятся къ двумъ разнымъ сторонамъ искусства.

Выработка его формъ, техники, совершенство выполненія, въ смыслѣ точнаго соотвѣтствія представленіямъ, никогда еще не достигали такой высоты, какъ теперь. Съ этой точки зрѣнія, величайшіе мастера прежняго времени превзойдены современными художниками.

Но точное соотвѣтствіе представленіямъ есть, какъ я сказалъ, только одна сторона искусства. Что она сторона существенная, что безъ нея искусство перестаетъ быть искусствомъ—это безспорно; но она еще не все искусство,—далеко его не исчерпываетъ.

Съ точки зрѣнія техники, формы, содержаніе художественнаго произведенія безразлично. Создавайте что̀ угодно; если объективная сторона художественнаго произведенія вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ—оно, въ объективномъ смыслѣ, можетъ быть названо совершеннымъ. Художественное наслажденіе, при такомъ взглядѣ, можетъ состоять только въ удовлетвореніи, какое намъ даетъ совершенно точное соотвѣтствіе предмета нашимъ представленіямъ. Содержаніе оставляется при этомъ въ сторонѣ. Мы его забываемъ и наслаждаемся тѣмъ, что то, что̀ мы себѣ представляемъ, является передъ нами какъ живое, точно сама реальная дѣйствительность. Къ этому примѣшивается еще и чувство удивленія мастерству художника и восхищеніе торжествомъ искусства, могуществомъ человѣка,—создать новый міръ рядомъ съ дѣйствительнымъ.

Станьте исключительно на эту точку зрѣнія; и искусство неизбѣжно обратится въ фокусъ-покусъ, въ кунстштюкъ. Художественное творчество будетъ только доказывать, что человѣкъ способенъ создавать предметы и явленія, очень точно отвѣчающіе нашимъ представленіямъ, другими словами—оно окажется одною изъ особенностей и курьезовъ человѣческой природы, отличающихъ людей отъ остальныхъ организмовъ. Вотъ и все.

Въ самомъ дѣлѣ, если вся суть искусства въ томъ только и состоитъ, чтобы создавать предметы, совершенно отвѣчающіе нашимъ представленіямъ, если художественное наслажденіе только и заключается въ констатированіи этого соотвѣтствія, съ примѣсью удивленія къ художнику и къ способностямъ, мощи и уму человѣка, то содержаніе художественнаго творчества и художественнаго наслажденія становится совершенно безразличнымъ. Пишете ли вы воду или портретъ, перламутръ или видъ Неаполя, кучку грязи или Петра Великаго, или жука,—это все равно. Вся разница только въ бо̀льшей сложности и трудности задачи, выполненіе которой требуетъ бо̀льшаго искусства, бо̀льшей сообразительности и умѣнья справиться съ дѣломъ. Какъ большинство англичанъ, съ каталогами въ рукахъ, проходятъ по заламъ музея, интересуясь больше всего тѣмъ, дѣйствительно ли находится статуя или картина на томъ мѣстѣ и подъ тѣмъ нумеромъ, какъ значится въ каталогѣ, такъ и мы, публика, при такомъ воззрѣніи на задачи искусства, будемъ наслаждаться только тѣмъ, что пред-

ставленіе схвачено вѣрно и живо; а какое оно, это представленіе—объ этомъ она не задумается, не станетъ спрашивать.

Противники такого воззрѣнія называютъ его натурализмомъ, реализмомъ въ искусствѣ. Но это одна клевета на реализмъ. Взглядъ этотъ вызванъ, какъ крайность, борьбою съ притязаніями псевдо-классицизма въ искусствѣ, представляющаго другую крайность.

Псевдо-классицизмъ признаетъ достойнымъ предметомъ художественнаго наслажденія только произведенія искусства прошедшихъ вѣковъ, признаваемыя классическими; художественныя созданія, соотвѣтствующія представленіямъ современнаго человѣка, считаются имъ достойными вниманія только въ той мѣрѣ, какъ они приближаются къ классическимъ. Такимъ образомъ, псевдо-классицизмъ беретъ за образецъ художественнаго творчества не дѣйствительныя явленія, которыя вызываютъ такія представленія, а произведенія классическаго искусства, не представленія, а формы, созданныя прежними людьми, въ соотвѣтствіи съ своими представленіями,—вотъ что̀, по мнѣнію псевдо-классиковъ, должно служить прототипомъ для художественныхъ созданій современниковъ.

Что изученіе классическихъ образцовъ и подражаніе имъ есть одинъ изъ лучшихъ пріемовъ для образованія и воспитанія начинающихъ художниковъ, противъ этого едва ли кто будетъ спорить. Основательное знаніе исторіи искусства навсегда останется лучшимъ способомъ развитія художественнаго вкуса. Но этими способами и пріемами художники только выработываютъ технику, пріобрѣтаютъ свѣдѣнія и навыкъ, необходимые для художественнаго творчества; а самое творчество, котораго единственная задача—создавать предметы, точно и вѣрно соотвѣтствующіе представленіямъ—не должно и не можетъ быть ограничено подражаніемъ чужимъ созданіямъ. Съуживая творчество готовыми образцами, мы существенно искажаемъ самыя задачи искусства. Живыя представленія—его единственные прототипы—уходятъ при подражаніи на второй планъ, а мѣсто ихъ заступаютъ готовыя формы. Въ нихъ, безъ сомнѣнія, многое превосходно, если хотите, образцово выражаетъ нѣкоторыя стороны и нашихъ теперешнихъ представленій; но въ нихъ зато много и такого, что̀ нашимъ представленіямъ вовсе чуждо, да и превосходное, образцовое, во всякомъ случаѣ, является въ сочетаніяхъ, до того намъ чуждыхъ, что нужно глубокое изученіе и большая опытность, большой навыкъ, чтобы отличить въ нихъ общее всѣмъ людямъ и свойственное только представленіямъ людей той или другой эпохи. Ставя художественному творчеству образцомъ не представленія, а готовыя формы, выработанныя по чужимъ представленіямъ, псевдо-классицизмъ подрѣзываетъ его подъ самый корень. Псевдо-классицизмъ дѣлаетъ съ искусствомъ то же, что̀ нѣкогда схоластика сдѣлала съ наукой, подставивъ ей, въ видѣ предмета изученія, вмѣсто живой, реальной дѣйствительности, выработанныя логическія формы.

Неестественное отклоненіе вниманія и мыслей художниковъ отъ представленій и живыхъ явленій къ готовымъ формамъ художественнаго творчества, создало такое же неестественное понятіе о вѣчно-прекрасномъ, которое будто бы воплотилось преимущественно въ извѣстныхъ произведеніяхъ искусства, и обязательное созерцаніе въ этихъ произведеніяхъ вѣчной красоты. Люди начали становиться на ходули, чтобы настроить себя на ладъ этого прекраснаго; появился дѣланный восторгъ, выродившійся въ пустую фразу, въ пустыя слова. Выломавшіе себя на убѣжденіи, что только классическія произведенія искусства—прекрасны, что художественно-развитой и образованный человѣкъ только ими можетъ наслаждаться, дошли, мало-по-малу, до квіетизма въ созерцаніи художественной красоты, до смакованія произведеній искусства, до своего рода художественнаго сибаритства и сладострастія. Этимъ весь смыслъ и все значеніе искусства были въ конецъ извращены.

Такое уродливое отношеніе къ художественнымъ созданіямъ, дойдя до послѣднихъ предѣловъ манерности, не могло не вызвать рѣзкаго протеста. Люди мыслящіе, сильные и искренніе, не способные рутинно тащиться по пробитой колеѣ, возмущенные крайностями, до которыхъ довелъ псевдо-классицизмъ, круто поворотили въ противоположную сторону, отворотились отъ классическихъ созданій искусства и бросились, очертя голову, въ односторонній натурализмъ и реализмъ, или стали отрицать искусство.

Теперь классическія и антиклассическія увлеченія въ искусствѣ прошли. Борьба притихла не оттого, что разрѣшилась соглашеніемъ, примирительнымъ аккордомъ, а просто

отъ истощенія силъ. Наступило какое-то сѣренькое время; не замѣтно ни сосредоточенной мысли, ни опредѣленнаго направленія. Въ проторенныя колеи нельзя ужъ больше ступить, а новые пути еще не найдены и нѣтъ силъ ихъ искать. Такъ у насъ и во всемъ. А между тѣмъ чувствуется, что что-то нужно, чего-то недостаетъ; что должны же быть какія-нибудь дороги къ открывающимся новымъ просвѣтамъ.

Когда люди остановились на распутьи, въ недоумѣніи, что начать, куда идти,—очень трудно говорить, не впадая въ гаданія и фантазіи. Если мысль стала втупикъ и развитіе на время остановилось, то это вѣрный признакъ, что упущенъ изъ виду какой-нибудь факторъ, которымъ обусловливается развитіе. Его необходимо ввести въ дѣло, чтобы началась новая, живая работа, чтобы пульсъ жизни снова началъ биться.

Мнѣ кажется, что ключъ къ возрожденію художественнаго творчества, къ возстановленію глубокаго вліянія искусства на людей, скрывается въ субъективной сторонѣ представленій. На нее обращается въ наше время слишкомъ мало вниманія, какъ въ искусствѣ, такъ и во всемъ. Я иду еще дальше и утверждаю, что она доселѣ лишь безсознательно и потому случайно являлась, какъ факторъ, въ художественномъ творчествѣ, отчего и не вводилась, какъ принципъ, въ теорію искусства. Если художественная критика и указывала иногда на этотъ факторъ, то его теоретическія основанія были слишкомъ невыработаны и шатки, чтобы онъ могъ удержаться въ ней постоянно и прочно. И древнее, и новое искусство были почти исключительно заняты возможно полнымъ, точнымъ и совершеннымъ выраженіемъ представленій въ художественныхъ произведеніяхъ. Преслѣдуя эту задачу, искусство лишь случайно, временами, дѣлало различіе между представленіями. Всѣ тѣ изъ нихъ, которыя годились для главной цѣли,—объективной правды, переводились въ художественныя созданія. Исчезновеніе субъективнаго фактора чувствовалось нѣкоторыми, иногда многими, но ихъ сѣтованія смѣшивались съ притязаніями псевдо-классицизма, или прямо становились подъ его знамя, опирались на его теорію изящнаго и побѣдоносно опровергались и улетучивались посреди споровъ и борьбы партій. Искусство все болѣе и болѣе уходило въ выработку объективной стороны, и, вслѣдствіе пренебреженія субъективнымъ факторомъ, съуживалось, мельчало.

Теперь, кажется, наступаетъ время, когда искусство, выработавъ до совершенства свои пріемы и формы, объективную сторону художественнаго творчества, должно начать съ большею разборчивостью относиться къ самымъ представленіямъ, выражаемымъ въ художественныхъ созданіяхъ. Они не могутъ и не должны быть безразличны для художниковъ, потому что вызываютъ въ человѣкѣ разныя ощущенія, чувства, стремленія, настроенія. Обладая тайной вызывать всякія, они должны поставить себѣ задачею не вызывать однихъ, вызывать другія и этимъ связать задачи искусства съ общими задачами человѣческаго общежитія и развитія человѣка въ обществѣ. Всѣмъ и каждому извѣстно, что люди не относятся къ произведеніямъ искусства только объективно, что огромное ихъ большинство, напротивъ, относится къ нимъ субъективно, и не столько цѣнитъ въ нихъ совершенство выполненія, котораго, въ большинствѣ случаевъ, не понимаетъ, сколько тѣ чувства, стремленія и настроенія, которыя въ немъ возбуждаются художественными произведеніями. Но если это такъ, то роль искусства не ограничивается однимъ возбужденіемъ представленій; оно, чрезъ нихъ, дѣйствуетъ на наши психическія состоянія, слѣдовательно, можетъ и должно стать могучимъ орудіемъ нравственныхъ движеній и дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ искусство есть, на ряду съ знаніемъ, съ вѣрованіями, съ юридическими и нравственными условіями общежитія, великій воспитатель людей и двигатель общественной жизни. Эта мысль, какъ сказано, не разъ представлялась уму, но, по недостатку правильныхъ теоретическихъ основаній и благодаря недоразумѣніямъ, которыя изъ того возникали, каждый разъ падала и терялась. Теперь пора выдвинуть ее впередъ, возвести въ принципъ, дать ей право гражданства въ теоріи искусства и приняться за ея осуществленіе...

— Итакъ,—рѣзко перервалъ меня художникъ,—вы хотите, чтобы художники проповѣдывали мораль посредствомъ художественныхъ произведеній? Вы желаете, чтобы мы писали картины по прописямъ, на темы, въ родѣ того, что добродѣтель похвальна, а порокъ достоинъ наказанія? Покорно благодарю за такую задачу! Я кисти не возьму въ руки,

палецъ о палецъ не ударю, чтобы унизить художество до такой плоскости! Да и вы сами себѣ противорѣчите, ставя намъ такія задачи: не вы ли сами возстаете противъ тенденціозности въ художественныхъ произведеніяхъ, не любите картинъ и стиховъ, написанныхъ на темы гражданскихъ добродѣтелей и гражданской скорби? Какъ же вы можете рекомендовать художникамъ упражняться въ подобныхъ произведеніяхъ?..

— Ну, не правъ ли я былъ,—возразилъ я,—отказываясь высказывать свои мысли? Вѣчныя недоразумѣнія! Видно, намъ суждено никогда изъ нихъ не выбраться. И добро бы другой кто, вовсе незнакомый, приписалъ мнѣ то, въ чемъ вы меня упрекаете: къ этому у насъ волей-неволей привыкнешь. Но вы, кажется, хорошо знаете мой образъ мыслей. Вы не можете сомнѣваться въ томъ, что я не только не люблю тенденціозности въ искусствѣ, но не люблю и нравственныхъ сентенцій, произносимыхъ съ цѣлью преподать уроки добродѣтели. Если термины, которыми я обозначилъ задачи искусства, вамъ не нравятся,—Богъ съ ними, отбросьте ихъ и замѣните другими, но поймите же, что̀ я хочу сказать. Мысль моя вотъ какая: вы не станете спорить, что наши ощущенія, чувства, настроенія, стремленія — результатъ воздѣйствія внѣшнихъ впечатлѣній на нашу психическую природу или на нашу душу?

— Положимъ, что такъ. Ну, что-жъ дальше?

— Вы, вѣроятно, согласитесь и съ тѣмъ, что ощущенія, чувства, настроенія, стремленія усиливаются, когда они часто повторяются въ душѣ, и, наоборотъ, ослабѣваютъ, когда мы въ нихъ не упражняемся. Душа, какъ и тѣло, можетъ пріучаться и разучаться. Есть психическія привычки, какъ есть привычки тѣла, желудка, пальцевъ, глаза—и такъ далѣе. Эти психическія привычки, подобно тѣлеснымъ, пріобрѣтаются упражненіемъ и навыкомъ.

— Все это вѣрно, но что-жъ изъ этого слѣдуетъ?.

— Пойдемте по порядку, чтобъ потомъ не возвращаться назадъ. Задача воспитанія въ томъ и состоитъ, чтобъ у человѣка, общества, народа сложились хорошія тѣлесныя и психическія привычки и не слагалось дурныхъ. Эта цѣль достигается тѣмъ, что мы, при помощи разныхъ пріемовъ, ослабляемъ дурныя наклонности, не даемъ имъ обратиться въ привычки, и наоборотъ, помогаемъ развиться хорошимъ наклонностямъ и расположеніямъ, способствуемъ тому, чтобъ они обратились въ привычки. Упражненіе однихъ, неупражненіе другихъ—въ этомъ вся тайна воспитанія, и душевнаго, и тѣлеснаго.

Нравственность есть не что иное, какъ результатъ такого воспитанія чувствъ, душевныхъ стремленій и настроеній. Не моя вина, что подъ нравственнымъ воспитаніемъ или морализаціей обыкновенно разумѣютъ холодное, безучастное навязываніе сентенцій, такъ-называемыхъ нравственныхъ правилъ, которымъ сами проповѣдующіе ихъ часто не вѣрятъ, которыя они на каждомъ шагу нагло нарушаютъ предъ глазами самихъ морализируемыхъ. О внушеніи нравственности этимъ способомъ не можетъ быть двухъ мнѣній и, конечно, не о немъ я говорю. Этотъ способъ вытекаетъ изъ теоретической ошибки и практикуется теперь только по незнанію или по недоразумѣнію. Если хорошенько разобрать, что̀ у насъ обыкновенно разумѣютъ подъ правилами нравственности, то окажется, что они представляютъ правила, обязательныя для нашихъ внѣшнихъ поступковъ, которыя мы должны исполнять, подъ страхомъ наказанія, или сужденія, которыя могутъ быть убѣдительны для разсудка. Но мысль, выражая объективный законъ того, что̀ существуетъ, не имѣетъ никакого отношенія къ нравственности, къ добру и злу. Природа и ея законы неизмѣнны и неумолимы; въ фактахъ есть своя непреклонная логика, какъ въ бѣгѣ локомотива, который давитъ все, что̀ ему попадется на пути. Весь объективный міръ есть рядъ явленій, обусловленныхъ другъ другомъ и совершающихся съ неизбѣжною, роковою правильностью каждый разъ, когда всѣ ихъ условія на лицо. Мысль, логика только выражаетъ эту неизмѣнность въ формѣ общихъ положеній и законовъ, которые не имѣютъ съ нашими чувствами, желаніями, стремленіями никакой связи, могутъ съ ними случайно совпадать, но также случайно могутъ съ ними и расходиться. Точно также и правила, обязательныя для поступковъ, не относятся къ субъективной жизни лица. Если я исполнилъ требованіе, обращенное ко мнѣ въ видѣ внѣшняго правила, то я правъ, и никому нѣтъ до моихъ чувствъ никакого дѣла, какъ бы я ни выполнилъ требованіе — съ внутреннимъ убѣжденіемъ и желаніемъ или противъ воли, нé-хотя. Но нравственность не есть область

ума, мысли, сужденія, ни область внѣшнихъ дѣйствій, обязательныхъ для каждаго подъ страхомъ взысканій. Она—міръ внутреннихъ ощущеній, чувствъ, стремленій, чаяній, желаній, настроеній, міръ личной свободы, источникъ излюбленныхъ дѣйствій. Въ мысляхъ своихъ человѣкъ долженъ подчиниться доводамъ, фактамъ знанія, законамъ логики; въ своихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ онъ вынужденъ, волей-неволей, сообразоваться съ правилами, обязательными въ томъ обществѣ, гдѣ живетъ; только чувство, психическія, субъективныя движенія составляютъ область, надъ которой никто не воленъ, съ которой мы сами не всегда можемъ справиться; они есть наша индивидуальная жизнь, мы сами лично. Она можетъ идти и часто идетъ въ разрѣзъ съ убѣжденіями мысли, съ требованіями среды, въ которую насъ поставила судьба. Въ такомъ случаѣ наши индивидуальныя стремленія, наша личная жизнь или подавляется, теряетъ силу, упругость, энергію и мало-по-малу замираетъ, или она силится высвободиться изъ-подъ оковъ мысли, логики, искажаетъ ихъ и перетолковываетъ согласно съ своими требованіями и отвергаетъ или пробуетъ обойти правила, обязательныя для внѣшнихъ поступковъ. Жизнь людей, обществъ, народовъ, всего человѣческаго рода вертится на возможномъ соглашеніи и выравненіи нашихъ желаній съ внѣшними обязательными условіями существованія. Послѣднія мы стараемся, посредствомъ искуснаго сочетанія условій, измѣнить соотвѣтственно съ нашими желаніями; точно также и наши личныя требованія, стремленія и душевныя движенія мы вынуждены ограничивать, видоизмѣнять, отчасти вовсе заглушать, чтобъ по возможности приладить ихъ къ неизбѣжнымъ и неотвратимымъ внѣшнимъ условіямъ.

Къ этому взаимодѣйствію и борьбѣ объективнаго съ субъективнымъ, личнаго и индивидуальнаго съ общимъ и обстановкой сводится, въ концѣ-концовъ, все, что̀ дѣлаетъ человѣкъ и что̀ съ нимъ дѣлается. Возможное ихъ соглашеніе есть цѣль всей человѣческой дѣятельности, личной и коллективной. Но такое соглашеніе имѣетъ свои предѣлы, и можно предсказать, не будучи пророкомъ, что полнаго совершеннаго соглашенія никогда достигнуто не будетъ; объективное и субъективное, внѣшнее и внутреннее, личность и обстановка ея никогда не будутъ совпадать въ окончательныхъ результатахъ своей дѣятельности. Именно поэтому есть предѣлъ приспособленію и прилаживанію человѣкомъ внѣшней обстановки къ его личнымъ желаніямъ и требованіямъ, за которымъ ему только остается приладить и приспособить свои требованія и желанія къ непобѣдимымъ внѣшнимъ условіямъ. Къ этому приводятъ и доводы знанія и логики, и правила внѣшнихъ поступковъ; послѣднія, разумѣется, когда они не могутъ быть нарушены безнаказанно. Но всего этого недостаточно. Нужно, чтобъ наши желанія, стремленія и душевныя движенія не шли въ разрѣзъ съ объективными условіями личнаго существованія; иначе то, что̀ происходитъ внутри насъ, будетъ безпрестанно прорываться вопреки доводамъ логики и несмотря на страхъ наказаній за нарушеніе правилъ для поступковъ. Самая непоколебимость этихъ правилъ держится лишь обществомъ, людьми, и потому, если большинство будетъ ихъ обходить, что̀ обыкновенно очень выгодно для отдѣльнаго лица, то правила обратятся въ мертвую и стѣснительную форму, которая, наконецъ, будетъ совсѣмъ отброшена, и цѣлое общество впадаетъ въ хаосъ и неурядицу.

Но для того, чтобъ наши внутреннія движенія и чувства не шли въ разрѣзъ съ неизбѣжными и неотвратимыми внѣшними условіями, нужно воспитать чувство, стремленіе и волю въ извѣстномъ направленіи. Воспитаніе же, какъ мы видѣли, состоитъ только въ выработкѣ привычекъ. Справиться съ міромъ нашей свободы можно не иначе, какъ дѣйствуя на него не однимъ развитіемъ ума, не одною твердостью, непоколебимостью внѣшнихъ условій, но и постепеннымъ воспитаніемъ психическихъ предрасположеній и наклонностей, образованіемъ психическихъ привычекъ, располагающихъ къ добру, дѣлающихъ насъ по-крайней-мѣрѣ не слишкомъ падкими къ злу. Такое психическое воспитаніе и есть нравственное развитіе, какъ я его понимаю. Оно даетъ намъ силу бороться въ самихъ себѣ съ дурными побужденіями и побѣждать ихъ, до тѣхъ поръ, пока владѣніе собой, господство надъ своими желаніями, чувствами и настроеніями не обратится въ привычку, при которой внутренняя борьба и побѣда добрыхъ побужденій надъ дурными становится очень легкой.

Между различными способами нравственнаго воспитанія въ этомъ смыслѣ одно изъ

самыхъ сильныхъ и дѣйствительныхъ есть искусство. Только оно владѣетъ тайной вызывать по произволу представленія, а чрезъ нихъ чувства, желанія, стремленія. Наука и логика и внѣшняя обстановка ограничиваютъ, стѣсняютъ, дѣйствуютъ на человѣка принудительно; одно искусство можетъ направить и воспитать его, незамѣтно побуждая его добровольно идти по тому пути, по которому оно хочетъ его вести.

Вотъ это-то великое дѣло душевнаго, нравственнаго воспитанія людей искусство и должно взять въ свои сильныя руки. Это его задача и рано или поздно оно ее себѣ поставитъ. Такимъ оно было въ разныя эпохи своего развитія, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ ясно сознавало это свое призваніе. Теперь, когда оно одолѣло главныя техническія трудности, вполнѣ овладѣло объективными условіями творчества, и наступаетъ пора завоеваній и побѣдъ его въ области субъективныхъ движеній человѣка посредствомъ художественныхъ созданій, направленныхъ къ воспитанію нравственныхъ привычекъ людей.

Если вы меня спросите, какими путями искусство можетъ достигнуть этой цѣли, я не съумѣю вамъ отвѣтить. Цѣль для меня совершенно ясна, но пути представляются смутно и сбивчиво. И не мнѣ одному. Никто еще, сколько я знаю, не старался осмыслить, возвести въ теорію, какъ и почему многіе художники достигали, своими произведеніями, нравственно-воспитательныхъ цѣлей. Мыслящіе художники, основательно знакомые съ исторіей искусства, могли бы оказать, въ этомъ отношеніи, существенныя услуги. Очень можетъ быть, что общихъ теоретическихъ правилъ и нельзя указать, что каждая эпоха, каждый народъ, каждая школа искусства должны для этого создавать свои пріемы, соображаясь съ наклонностями, вкусами, степенью образованія и требованіями публики, для которой предназначены художественныя созданія. При совершенной невыясненности вопроса остаются пока однѣ лишь общія мысли, которыя, вѣроятно, всякому приходили въ голову, при поверхностномъ знакомствѣ съ нѣкоторыми произведеніями искусства. Такъ, для достиженія высшихъ цѣлей, искусству вовсе нѣтъ надобности дѣлаться тенденціознымъ. Тенденціозность только вредитъ дѣлу. Картина, театральная или музыкальная пьеса, литературное произведеніе, статуя, архитектурное зданіе не могутъ и не должны быть выраженіемъ нравственной сентенціи. Это не ихъ задача, и превышаетъ средства, которыми располагаетъ искусство. Мнѣ смѣшно, когда художникъ выводитъ героемъ гражданской доблести, олицетворённымъ протестомъ противъ низости и лести, Волынскаго, когда я знаю, что роль эта вовсе къ нему нейдетъ. Для меня обаяніе художественнаго произведенія мигомъ исчезаетъ, какъ только я замѣчаю намѣреніе поучать меня политикѣ или добродѣтели. Я требую, чтобъ оно дѣйствовало на мое настроеніе, а не на мое сужденіе, на мое чувство, а не на мой умъ: выводы и примѣненіе я сдѣлаю и безъ помощи художника, можетъ быть, лучше его, во всякомъ случаѣ не хуже и притомъ въ тысячѣ такихъ случаевъ, которыхъ онъ ни знать, ни предвидѣть не можетъ. Я отдаюсь художественному произведенію вполнѣ только до тѣхъ поръ, пока оно дѣйствуетъ на строй моей души, но тотчасъ отъ него отворачиваюсь, когда вижу, что изъ-за него выглядываетъ художникъ съ указкой въ рукѣ и съ намѣреніемъ учить меня азбукѣ состраданія, человѣколюбія и другихъ благородныхъ и возвышенныхъ душевныхъ движеній. Я признаю за художникомъ право воспитывать во мнѣ чувство любви къ ближнему, сострадանія, правды, дѣлать меня чуткимъ къ благодатнымъ настроеніямъ, но только такими способами, какими это дѣлаетъ окружающая природа и реальная дѣйствительность; онѣ вліяютъ на насъ не тѣмъ, что̀ мы непосредственно принимаемъ внѣшними органами чувствъ, а тѣми ощущеніями, чувствами и настроеніями, какія въ насъ возбуждаютъ внѣшнія впечатлѣнія. Вся разница между искусствомъ и дѣйствительностью въ этомъ отношеніи только та, что первое можетъ дать намъ преднамѣренно, съ выборомъ, по обдуманному плану то, что̀ послѣдняя даетъ случайно, разрозненно, безъ выбора и плана.

Высказанный взглядъ выражаетъ, разумѣется, мои личныя требованія. Дѣлясь ими, я только выполняю то, чего вы желали, и, сознаюсь, не умѣю осмыслить, то-есть возвести въ теорію то, что̀ бы мнѣ хотѣлось видѣть въ художественныхъ созданіяхъ. Гоголь, Щедринъ, Некрасовъ меня болѣе морализировали, чѣмъ иное собраніе проповѣдей; Тургеневъ „Записками Охотника“, Базаровымъ, „Дымомъ“, „Новью“ дѣйствуетъ на меня

сильнѣе, чѣмъ прочими своими созданіями, которыми всѣ восхищались; собраніе рисунковъ г-жи Бёмъ болѣе дѣйствуетъ на мое душевное настроеніе, чѣмъ Мадонны Мурильо, Леопардо да-Винчи и даже Рафаэля, исключая одной сикстинской. „Пляска смерти“ Гольбейна, даже въ плохихъ изображеніяхъ, всегда производила на меня гораздо болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ „Ночь“ Корреджіо; „Лѣсъ“ Шишкина, „Грачи прилетѣли“ Саврасова говорятъ мнѣ несравненно больше, чѣмъ всѣ картины съ гражданскими мотивами, вмѣстѣ взятыя.

Вы скажете, что это дѣло личнаго вкуса и, главное, личнаго опыта, въ которыхъ всегда много случайнаго, не поддающагося никакимъ общимъ соображеніямъ, и будете совершенно правы. Я стою только на томъ, что задачи искусства не въ одномъ точномъ соотвѣтствіи представленіямъ, но—вмѣстѣ съ тѣмъ—и въ развитіи душевнаго строя, психическихъ привычекъ людей въ сторону добра и правды. Въ первомъ отношеніи искусство видимо совершенствуется, идетъ безпрерывно впередъ; во второмъ—я вижу въ немъ теперь какую-то неопредѣленность и шаткость, которая доказываетъ невыясненность мыслей и задачъ. Есть, правда, попытки связать искусство съ общими требованіями развитія; но онѣ по бо̀льшей части неудачны, переходятъ, если можно такъ выразиться, въ резонерство о̀бразами и звуками, выводятъ искусство изъ его области въ другія. Ясно опредѣлить цѣль, открыть настоящіе пути, указать и разработать средства ея достиженія—вотъ, мнѣ кажется, въ чемъ отнынѣ задача современнаго искусства и художественнаго творчества. Неясные намеки, робкія, случайныя или полусознательныя попытки надо провѣрить, возвести въ принципъ, поставить краеугольнымъ камнемъ искусства въ будущемъ. Безъ этого оно обратится въ игрушку, въ забаву, въ предметъ роскоши и пресыщенія, въ чемъ его уже и упрекаютъ. Создавать предметы и явленія, которые вызываютъ въ насъ представленія со всею живостью и правдою реальной дѣйствительности, очевидно, есть только одна сторона искусства; другою—возбужденіемъ чувствъ, стремленій, настроеній—оно соприкасается съ вѣрованіями, политическимъ и общественнымъ строемъ, наукой, ученіемъ о нравственности (этикой). Всѣ они, какъ и искусство, существуютъ для человѣка, имѣютъ значеніе и смыслъ только по отношенію къ нему, потому что выражаютъ только его представленія и понятія объ окружающемъ мірѣ и его отношеніяхъ къ этому міру.

Но на представленіяхъ и понятіяхъ человѣкъ не останавливается. Они служатъ ему точкой опоры для дѣятельности, которая состоитъ въ приспособленіи окружающаго къ себѣ и въ прилаживаніи себя къ нему. По мѣрѣ того, какъ выясняется, что теоретическое знаніе, объективное отношеніе, не есть послѣдняя цѣль, что за нимъ слѣдуетъ еще дѣятельность,—творчество въ указанномъ смыслѣ, созерцаніе философское, эстетическое и всякое другое отходитъ на второй планъ, и вездѣ, во всемъ чувствуется потребность дополнить чистое знаніе прикладной наукой, теорію — практикой. Въ области вѣрованій это уже вопросъ рѣшенный; въ ней давно провозглашено, что „вѣра безъ дѣлъ мертва“. На этотъ же путь направляются, все болѣе и болѣе сближаясь между собою, и всѣ отрасли знанія. Этика, наука по преимуществу прикладная и практическая, преобразившись въ сумму правилъ и въ теорію, потеряла всякое вліяніе; философія, развившись въ ученіяхъ идеалистовъ и крайнихъ матеріалистовъ до чистой теоріи, изъ которой всѣ выходы къ сознательной дѣятельности на-глухо заколочены, почти сошла со сцены и перестала занимать умы; право и справедливость, долго считавшіяся въ себѣ замкнутой, обособленной и исключительной областью—до того, что даже сложилась чудовищная поговорка: „fiat justitia, pereat mundus“, [1])—теперь уже смотрятъ на себя только какъ на одно изъ условій существованія человѣка въ общежитіи и притомъ условій, по своему содержанію, тѣсно зависимыхъ отъ всей обстановки индивидуальной и общественной жизни—въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ; политическая экономія, еще недавно проповѣдывавшая одни чистые законы созданія цѣнностей, предложенія и запроса, и безсердечно принимавшая всѣ послѣдствія ихъ исключительнаго господства, на нашихъ глазахъ должна была склонить голову передъ высшими требованіями правильнаго, разумнаго и справедливаго распредѣленія цѣнностей въ виду государственной и общественной пользы. О естествен-

[1]) Пусть погибнетъ міръ, лишь бы совершилась правда.

ныхъ наукахъ и говорить нечего: въ нихъ примѣненія теоріи къ практическимъ потребностямъ съ незапамятныхъ временъ получили право гражданства, и тѣсная связь знанія съ дѣятельностью, собственно, никогда не разрывалась. Такимъ образомъ, все указываетъ, что знаніе, теорія, рано или поздно, переходитъ въ практическое примѣненіе или замираетъ; цѣль же практическаго примѣненія знанія, теоріи есть удовлетвореніе пользамъ, нуждамъ, потребностямъ человѣка въ общежитіи. Это единство назначенія сближаетъ между собою всѣ отрасли знанія, разрозненныя объективнымъ отношеніемъ къ предметамъ и явленіямъ.

Искусство не можетъ безнаказанно отставать отъ этого общаго движенія. Художественное творчество должно служить въ рукахъ художника средствомъ для нравственнаго дѣйствія на людей. На-ряду и вмѣстѣ съ вѣрованіями, ученіемъ о нравственности, государственными и общественными порядками, политической экономіей, естественными науками, искусство коренится въ человѣкѣ и должно его развивать, совершенствовать въ общежитіи и служить свѣточемъ въ его индивидуальной и общественной дѣятельности. Возникнувъ изъ человѣка и его потребностей, они и существуютъ для него. Теперешнее умаленіе людей и характеровъ, страсть къ наживѣ и наслажденіямъ, отсутствіе высшихъ стремленій и нравственная испорченность оттого только и происходятъ, что цѣли знанія и творчества едва только намѣчены, связь того и другого между собою и съ ихъ общимъ источникомъ—психическою стороною человѣка—еще не вполнѣ выяснена. Но время должно взять свое. Искусство, въ общемъ движеніи, должно бы идти впереди, указывая дорогу знанію, облегчая ему провидѣніе его послѣдней цѣли. Не даромъ древніе смѣшивали поэтовъ съ пророками.

Успѣлъ ли я убѣдить собесѣдника — не знаю. Если онъ послѣ хоть на минуту задумался надъ тѣмъ, во что я такъ горячо вѣрю, — что составляетъ основаніе всѣхъ моихъ взглядовъ, то цѣль моя вполнѣ достигнута. Странно было бы мечтать, что художникъ приметъ программу, которой я и самъ не умѣлъ ясно формулировать. Слишкомъ довольно и того, если онъ возьмется за провѣрку задачи, безъ разрѣшенія которой, я убѣжденъ, немыслимы теперь никакіе успѣхи искусства.

(Вѣстникъ Европы, 1878, кн. X).

МЕФИСТОФЕЛЬ АНТОКОЛЬСКАГО.

Письмо въ редакцію „Вѣстника Европы“.

...Говорятъ, съ поэтомъ спорить нельзя, поэтъ воленъ въ своихъ поэтическихъ вымыслахъ. Врядъ ли можно принять эту сентенцію—преданіе старыхъ временъ — безусловно: вѣдь на поэтовъ не было бы никакой управы; а изъ опыта извѣстно, что управа есть на все на свѣтѣ. Человѣкъ только подумалъ и никому еще не сообщалъ своей мысли, а управа тутъ какъ тутъ: заглядываетъ ему въ глаза, читаетъ въ выраженіи его лица, что у него происходитъ на душѣ, и творитъ судъ.

Исходя изъ несомнѣнной и всячески дознанной истины, что есть управа на все, я намѣренъ призвать къ суду науки и художественной критики гр. А. Голенищева-Кутузова, за его стихотвореніе „Къ Мефистофелю“, напечатанное въ іюньской книжкѣ вашего журнала. Обвиненія, которыя я на него взвожу, касаются двухъ пунктовъ. Поэтъ, вопервыхъ, неправильно понялъ созданіе Антокольскаго — его бюстъ „Мефистофель“; вовторыхъ, онъ не понялъ вообще Мефистофеля, какимъ онъ можетъ представиться уму и сознанію современнаго человѣка, при теперешнемъ состояніи знанія.

Гр. А. Голенищевъ - Кутузовъ увидалъ у Мефистофеля Антокольскаго искривленную усмѣшку на устахъ, туманъ лжи, отраву презрѣнья въ задумчиво-блуждающихъ глазахъ. Ему показалось, будто взоръ Мефистофеля надъ нимъ, поэтомъ, смѣется; будто Мефи-

стофель язвитъ и хохочетъ, подмигиваетъ на красоту, на чувство, сжигаетъ людей огнемъ презрѣнія. Признаюсь, я въ исполненномъ глубокаго значенія произведеніи Антокольскаго не замѣтилъ ничего подобнаго. Въ искривленномъ ртѣ выражается, на мой взглядъ, совсѣмъ не хохотъ и язвительность, а глубокое душевное страданіе преждевременно состарѣвшагося человѣка. Мефистофель Антокольскаго, съ его рѣдкими волосами и болѣзненной худобой, обличаетъ не стараго, но дряхлаго человѣка, который много пережилъ, много испыталъ и завялъ еще въ цвѣтѣ лѣтъ. Глаза его, въ которыхъ сосредоточена вся сила и вся энергія этого молодого старика, далеко не выражаютъ презрѣнія и еще менѣе того задумчиво блуждаютъ; напротивъ, взглядъ его до того силенъ, проницателенъ и сосредоточенъ, что отъ него становится жутко, холодъ пробѣгаетъ по жиламъ, когда долго на него смотришь. Поэту хотѣлось непремѣнно увидать въ Мефистофелѣ злобныя душевныя движенія; это было ему нужно для основной его мысли, которая выражена въ первой строфѣ и въ самомъ концѣ стихотворенія, и вотъ онъ приписываетъ бюсту выраженіе, котораго онъ, я думаю, не имѣетъ. Вотъ мое первое обвиненіе. Второе находится съ нимъ въ тѣснѣйшей связи. Поэтъ видитъ въ твореніи Антокольскаго то, чего, по мнѣ, въ немъ нѣтъ, потому что задался извѣстнымъ, готовымъ представленіемъ о Мефистофелѣ, а это представленіе, какъ мнѣ кажется, далеко ниже того, что̀ выразилъ Антокольскій,—сознательно или безсознательно—это до насъ не касается. Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ воображаетъ себѣ Мефистофеля геніемъ злобы и сомнѣнія, духомъ презрѣнія, ядовитой насмѣшки, клеветы; Мефистофель, по его понятіямъ, долженъ дышать ложью и развратомъ, развѣнчивать святыню, и нашептывать людямъ лукавыя рѣчи, переданныя въ слѣдующихъ стихахъ:

„Добро и зло, ничтожество, величье,
„Все, что̀ живетъ, что̀ отжило давно...
„Гдѣ судъ тому, гдѣ мѣра, гдѣ различье?
„Не все-ль людьми поругано равно!“

Было время, когда отрицаніе добра, возведенное въ принципъ, составляло предметъ глубокаго вѣрованія и передавалось въ творческихъ созданіяхъ поразительнаго величія, красоты и мощи. Но то были созданія, возникшія въ эпоху юности философской мысли и научнаго знанія. Когда они возмужали и созрѣли,—эти образы и самыя идеи, которыя ихъ породили, поблекли. Мѣсто полной вѣры въ ихъ дѣйствительность заступила критика, продолжающаяся безпрерывно и неутомимо до сихъ поръ. Теперь рѣчь идетъ не о томъ, есть ли добро и зло какъ два начала, рѣзко и безусловно противоположныя другъ другу, а изслѣдуется вопросъ, откуда взялось ихъ противуставленіе другъ другу, гдѣ та почва, на которой могъ возникнуть дуализмъ, лежащій въ основаніи древнихъ и новыхъ представленій о Мефистофелѣ и существахъ одного съ нимъ характера, свойства и порядка. Начиная отъ Аримана и до Лермонтовскаго „Демона“ включительно, наука и искусство не переставали трудиться надъ выясненіемъ начала зла и вносили въ него новыя понятія, по мѣрѣ того, какъ расширялся кругъ знанія, и подъ его вліяніемъ измѣнялись міросозерцанія. Но усилія цѣлыхъ поколѣній не могли разрѣшить задачи. Принципъ зла и теперь остается такимъ же сфинксомъ, какимъ до сихъ поръ былъ для испытующей, критической мысли. Попытка Гёте возвести въ принципъ традиціоннаго средневѣковаго нѣмецкаго Мефисто, принадлежитъ къ числу неудачныхъ, потому что нѣмецкій философскій идеализмъ, царившій надъ умами въ эпоху Гёте, не давалъ ключа къ разрѣшенію загадки.

Антокольскій, если не ошибаюсь, первый перенесъ Мефистофеля изъ сферы отвлеченной мысли и принциповъ на психическую почву. Въ этомъ, мнѣ кажется, его огромная заслуга, хотя бы, повторяю, онъ и не задавался этой задачей. Его Мефистофель—типъ человѣка, утратившаго душевную жизнь, идеализмъ чувства, вслѣдствіе односторонняго развитія исключительно объективнаго знанія. Современный Мефистофель все знаетъ, все понимаетъ, все провидитъ заранѣе. Онъ знаетъ, что то, что̀ происходитъ въ дѣйствительномъ мірѣ, есть неизбѣжное, роковое послѣдствіе данныхъ условій и ихъ извѣстной группировки; что малое и великое, важное и ничтожное, жизнь человѣка и жизнь а̀тома, судьба всего рода человѣческаго и капельнаго человѣческаго общежитія, одинаково совершаются по вѣчнымъ законамъ, которыхъ ничто въ мірѣ отмѣнить или пріостановить не можетъ. Что̀ же такое, рядомъ съ правильнымъ и безпощаднымъ ходомъ вещей, личная жизнь отдѣльнаго человѣка? Что̀ зна-

чать его усилія, его идеалы, его мечты, его запросы на счастіе и удовлетвореніе, на разумное существованіе, на продолжительность и прочность порядка вещей, при которомъ ему живется хорошо? Все это—дѣтскія иллюзіи, жалкій самообманъ, который исчезаетъ, какъ марево, при малѣйшемъ соприкосновеніи съ положительнымъ знаніемъ, раскрывающимъ суровую, горькую, черствую правду дѣйствительной жизни. Ты, юноша, тратишь здоровье и жизнь, преслѣдуя общественные идеалы, готовъ отдать все, чтобъ видѣть ихъ осуществленіе,—мечта! Ты погибнешь, а міръ будетъ идти своимъ заведеннымъ порядкомъ. Ты, счастливый мужъ или отецъ, отдаешься весь несравненному благополучію, которое создалось для тебя вокругъ твоего домашняго очага; не довѣряйся этому: завтра, послѣ-завтра, тифъ, дифтеритъ, скарлатина могутъ отнять у тебя разомъ все, на что̀ ты, бѣдняга, опирался какъ на каменную гору, на чемъ ты построилъ карточный домикъ твоего личнаго счастія. Ты, оптимистъ и филантропъ, перенесшій всѣ заботы и всю любовь на служеніе людямъ, на водвореніе вокругъ себя правды, на осуществленіе добра, хотя бы въ микроскопическомъ кругѣ дѣятельности, который выпалъ тебѣ на долю: берегись!—каждую минуту, безпощадный ходъ вещей безсмысленно можетъ пройтись губкой по всѣмъ твоимъ начинаніямъ и съ разу уничтожить то, надъ чѣмъ ты работалъ годами, чему отдалъ всю душу. Единичное, личное, индивидуальное — ничто, прахъ и дымъ! Прочное, неизмѣнное, непоколебимое, единственно - истинное — это роковой ходъ вещей, обусловленный законами дѣйствительности, съ которыми человѣкъ не можетъ бороться, и дѣйствію которыхъ онъ подчиненъ наравнѣ съ послѣдней былинкой.

Однако, съ тѣхъ поръ, что міръ стоитъ, человѣкъ никогда не могъ помириться съ этими истинами. Какъ бы знаніе, наука ни твердили ему, что онъ и вся его дѣятельность, жизнь, помыслы, стремленія, удачи и неудачи—продуктъ роковыхъ условій, онъ не можетъ побѣдить въ себѣ вѣру, что міръ долженъ идти по его желанію, что онъ имѣетъ власть передѣлать его, какъ ему хочется, что онъ волёнъ въ своихъ мысляхъ и поступкахъ, что онъ имѣетъ право на удовлетвореніе и счастіе, и никогда не перестаетъ къ нимъ стремиться словомъ и дѣломъ; а когда всѣ пути въ дѣйствительности къ нимъ заказаны — переноситъ ихъ въ вѣрованія и мечты. Факиры, шаманисты, столпники, экзорцисты, утописты и мистики не уступаютъ въ этомъ передовымъ мыслителямъ, неутомимымъ дѣятелямъ, реформаторамъ и революціонерамъ. Фаталисты и самоубійцы не составляютъ исключенія изъ общаго правила. Первые возводятъ рокъ въ провидѣніе и тѣмъ утѣшаютъ себя; вторые спасаются насильственною смертью отъ жизни, когда она не даетъ имъ того, чего они отъ нея требуютъ.

Мефистофель Антокольскаго есть типъ человѣка, въ которомъ вѣра въ возможность личнаго удовлетворенія и счастія разрушена. Оттого онъ преждевременно и состарѣлся. Его искривленный ротъ выражаетъ длинный рядъ глубокихъ страданій, обратившихся въ нормальное состояніе. Когда прекратятся самыя страданія, Мефистофель сдѣлается червоннымъ валетомъ, станетъ Юханцевымъ, Лансбергомъ, Кути-де-ла-Помрэ, или подобнымъ субъектомъ публичныхъ обличеній души и совѣсти современнаго человѣка. Такіе субъекты не случайныя явленія; они—выраженіе міросозерцанія, выработаннаго вѣками, послѣднее слово цѣлаго, односторонняго направленія философской мысли, развившейся до своихъ крайнихъ послѣдствій. Въ этомъ смыслѣ, Мефистофель Антокольскаго—представитель цѣлой эпохи. Его нельзя ненавидѣть; напротивъ, онъ вызываетъ глубокій интересъ и участіе. Душевныя его страданія не выкупаются глубиною его знанія и пониманія. Горькое чувство, застывшее на его устахъ—плодъ ошибки, которая его терзаетъ, но до которой онъ еще не додумался. Когда онъ ее откроетъ и пойметъ—миръ и покой возвратятся въ его измученную душу.

Въ чемъ же его ошибка? Вотъ великій вопросъ нашего времени, который каждый рѣшаетъ по-своему. Большинство, не умѣя съ нимъ совладать, ни вынести нестерпимой душевной скорби, ищетъ спасенія въ прошедшемъ, въ преданіи, клянетъ умъ и знаніе. Но міросозерцанія прошлаго даютъ отвѣтъ на вопросы, поставленные въ иныхъ условіяхъ науки; преданіе сложилось въ назиданіе людей другого склада, другихъ умственныхъ запросовъ и привычекъ. Современному Мефистофелю—а каждый изъ насъ болѣе или менѣе Мефистофель, — нуженъ другой отвѣтъ, удовлетворяющій нашему пониманію и стоящій въ уровень съ наукою нашего времени.

Мнѣ кажется, что корень заблужденій современной мысли лежитъ въ смѣшеніи законовъ общихъ, отвлеченныхъ, составляющихъ необходимую предпосылку всего существующаго, съ условіями личной, индивидуальной жизни. Не умѣя ихъ различать, люди долго возводили послѣднія во всемірные законы, вопреки неотразимымъ доводамъ научнаго знанія; наконецъ, убѣдившись въ невозможности такого міросозерцанія, они, во имя науки и опираясь на ея требованія, стали, наоборотъ, отрицать условія личной жизни и непосредственно примѣнять къ ней общіе, отвлеченные законы бытія. Лишенная вслѣдствіе того основаній и необходимыхъ предпосылокъ своего существованія и развитія, она поблекла и замерла. Не разъ оба эти міросозерцанія смѣнялись въ исторіи, но никогда еще общіе законы не прилагались непосредственно къ личной жизни съ такою неумолимою послѣдовательностью, какъ въ наше время. Причина лежитъ въ томъ, что никогда еще свойства и особенности отвлеченной мысли не были выяснены съ такою полнотою и подробностью. Зато только теперь и стало возможно подмѣтить ошибку въ выводахъ и понять ея послѣдствія для личной жизни.

Мы говоримъ: истина и ложь,—не давая себѣ яснаго отчета о томъ, что̀ подъ этимъ разумѣемъ. Обыкновенно намъ при этомъ представляется нѣчто объективно-существующее внѣ насъ и помимо насъ. Но истина и ложь есть только извѣстный способъ нашего личнаго отношенія къ предмету. Внѣ людей, нѣтъ ни лжи, ни истины, и наука напрасно стала бы допытываться, что̀ есть истина сама по себѣ. Ея, въ смыслѣ предмета, нѣтъ, какъ нѣтъ и лжи.

Что̀ такое необходимость и случайность, которыя мы тоже противополагаемъ другъ другу? Въ общемъ, отвлеченномъ смыслѣ случайности нѣтъ: все совершается съ роковою необходимостью; только для личной индивидуальной жизни существуетъ это различеніе, и въ ней оно играетъ огромную роль. Все, что̀ совершается въ предѣлахъ нашего предвидѣнія или преднамѣренія, то мы называемъ необходимымъ; а чего мы не могли предусмотрѣть, или что̀ не лежитъ въ нашемъ намѣреніи, а между тѣмъ совершилось, мы считаемъ случайнымъ.

На противоположеніи добра и зла построены всѣ наши нравственныя понятія, вся наша нравственная дѣятельность. Но ихъ различіе лежитъ въ условіяхъ индивидуальной жизни; съ общей, отвлеченной точки зрѣнія, нѣтъ ни добра, ни зла; каждое явленіе, какое бы оно ни было, есть необходимый результатъ данныхъ условій и, слѣдовательно, не имѣетъ и не можетъ имѣть, само по себѣ, нравственнаго значенія. Поэтому, добро, какъ желаемое и достойное одобренія, зло, какъ нежелаемое, достойное порицанія или наказанія, не существуютъ съ общей отвлеченной точки зрѣнія; а въ индивидуальной, личной жизни мы не можемъ ступить шагу, не наталкиваясь на ихъ различеніе и противоположность.

Необходимость противопоставляется также свободной волѣ. Ихъ противоположеніе тоже относится только къ личной, индивидуальной жизни; для общей, отвлеченной мысли, этого различенія вовсе не существуетъ. Нескончаемый споръ о свободѣ воли вертится на смѣшеніи общаго и индивидуальнаго. Въ отвлеченномъ смыслѣ, свободной воли нѣтъ, и никакая аргументація въ мірѣ не можетъ ее доказать; въ личной, индивидуальной жизни, напротивъ, свобода воли въ мысляхъ и дѣйствіяхъ есть, на ряду съ чувствомъ добра и зла, одно изъ основныхъ условій существованія. Тотъ, кто съ общей точки зрѣнія отвергаетъ свободу воли, не въ состояніи, еслибъ даже захотѣлъ, отрицать ее въ своей личной дѣятельности, гдѣ она ежеминутно о себѣ напоминаетъ.

Эта параллель указываетъ на два, я бы сказалъ,—порядка условій и законовъ, управляющихъ дѣйствительностью. Одни, общіе, отвлеченные, открываемые наукою, неизмѣнно опредѣляютъ жизнь, хотя бы и не достигали до сознанія. Такъ, мы можемъ и не подозрѣвать законовъ, по которымъ совершаются въ нашемъ тѣлѣ многочисленные, естественные процессы, можемъ даже вовсе не чувствовать, какъ они совершаются; а они между тѣмъ идутъ въ насъ своимъ порядкомъ и производятъ свое дѣйствіе, помимо нашего сознанія и воли. Законы этого рода составляютъ предпосылку всей дѣйствительной жизни и получаютъ видъ общихъ отвлеченныхъ формулъ только въ нашемъ сознаніи. Въ этомъ видѣ, они не суть нѣчто самостоятельное, внѣ насъ существующее, а только особый способъ нашего отношенія къ дѣйствительному міру, котораго мы составляемъ частицу. Общія отвлеченныя поло-

женія живутъ и умираютъ вмѣстѣ съ человѣкомъ. Непреложными, вѣчными кажутся они только потому, что до насъ были и послѣ насъ будутъ люди, въ которыхъ отвлеченныя истины живутъ, въ которыхъ онѣ возбуждаются дѣйствительнымъ міромъ. Но еслибъ родъ человѣческій когда-нибудь исчезъ съ лица земли, то съ нимъ и онѣ перестали бы существовать, потому что существуютъ только въ немъ и для него. Въ дѣйствительности ни одинъ законъ не выражается въ видѣ отвлеченныхъ формулъ, какимъ онъ представляется нашему уму; кромѣ того, въ ней никогда не дѣйствуетъ одинъ какой-нибудь законъ, а всѣ вмѣстѣ, одновременно; оттого дѣйствительная жизнь съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности безпрестанно расходится. Чтобы подмѣтить и изслѣдовать общій законъ, наука вынуждена сперва изолировать явленіе, въ которомъ онъ выражается, отъ всѣхъ другихъ, искусственно воспроизвести его, искусственно устранить отъ другихъ явленій, въ которыхъ выражаются другіе законы, и уже потомъ надъ такимъ отвлеченнымъ явленіемъ она производитъ свои опыты и наблюденія. Этимъ и объясняется, почему общій законъ и дѣйствительная жизнь никогда не совпадаютъ, почему послѣдняя никогда не совершается по требованіямъ общихъ формулъ, выработанныхъ наукою, и не будетъ съ ними совпадать, если бы даже формулы всѣхъ явленій сдѣлались когда-нибудь извѣстны.

Дѣйствительно существуютъ только единицы, индивидуальныя существа, начиная съ атомовъ и оканчивая такими сложными явленіями, каковъ человѣкъ; только единицы дѣйствуютъ, и ихъ различныя сочетанія и группы составляютъ дѣйствительный міръ, со всѣмъ его безконечнымъ разнообразіемъ. Общіе, отвлеченные законы составляютъ лишь ихъ необходимыя предпосылки, необходимыя условія, въ предѣлахъ которыхъ совершается жизнь. Но, сверхъ того, жизнь единицъ обусловлена еще и тѣмъ, что общими законами не опредѣляется, изъ нихъ, такъ сказать, выпадаетъ, хотя имъ и не противорѣчитъ. Таковы особенныя цѣли, задачи и стремленія каждой изъ единицъ или индивидуальностей—и различныя комбинаціи данныхъ, посреди которыхъ имъ приходится жить и дѣйствовать. Каждая изъ нихъ стремится сохранить свою единичную, особенную жизнь посреди другихъ, устроить свое индивидуальное существованіе какъ можно удобнѣе и лучше, соотвѣтственно съ своими особыми свойствами, наклонностями и привычками. Между этими индивидуальными задачами, цѣлями и стремленіями и общими законами бытія только и есть то общаго, что жизнь единицъ, какъ сказано, совершается въ предѣлахъ и условіяхъ, поставленныхъ общими законами и не можетъ ихъ переступить; во всемъ остальномъ тѣ и другія совершенно между собою различны. Общій законъ не можетъ быть задачею и цѣлью индивидуальной жизни, уже потому, что составляетъ ея предпосылку и дѣйствуетъ помимо сознанія и воли, вступая въ разнообразнѣйшія сочетанія съ особенными условіями индивидуальнаго существованія. Только мыслью, при помощи положительнаго знанія, мы выдѣляемъ общіе законы изъ дѣйствительной жизни и формулируемъ ихъ въ отвлеченныя схемы. Животрепещущій интересъ дѣйствительности составляютъ сочетанія явленій, безразличныя въ общемъ смыслѣ. Оттого только въ наукѣ мы имѣемъ дѣло съ общимъ, роковымъ и неизмѣннымъ; въ дѣйствительной же жизни, мы, наоборотъ, заняты лишь особеннымъ, условнымъ, подвижнымъ и измѣнчивымъ. Съ общимъ закономъ единица не можетъ бороться; напротивъ, сочетанія явленій, съ которыми мы имѣемъ дѣло въ жизни, въ большинствѣ случаевъ существенно зависятъ отъ дѣятельности, знанія, умѣнья и ловкости отдѣльныхъ единицъ или индивидуальностей. Регуляторомъ этого подвижного міра, безпрестанно измѣняющаго свой обликъ, являются, по отношенію къ человѣку, не общіе законы, а идеализированныя или обобщенныя чувства, кристаллизирующіяся, подъ вліяніемъ упражненія и опыта, въ привычки и нравственный характеръ. Безъ такъ-называемыхъ нравственныхъ началъ, немыслима жизнь отдѣльнаго лица въ обществѣ, ни правильно устроенная общественность; но эти начала не суть неизмѣнные законы бытія, ибо бываютъ различны въ разныя времена, у разныхъ народовъ; они только обобщенныя чувства, возведенныя упражненіемъ и привычкою въ характеръ. Для личности они то же, что общіе законы для всего существующаго: съ ними она сообразуется въ своихъ дѣйствіяхъ, при помощи ихъ оріентируется въ волнующемся житейскомъ морѣ, на нихъ опирается въ борьбѣ съ окружающимъ и безъ нихъ пе

можетъ жить; между тѣмъ, они не имѣютъ, подобно общимъ законамъ, своихъ неизмѣнныхъ формулъ, вслѣдствіе своего личнаго, индивидуальнаго характера и подвижности, измѣнчивости явленій, къ которымъ относятся. Мы видѣли, что общіе законы всего бытія совершаются помимо сознанія и воли, очень часто и вопреки имъ; а идеализированныя чувства, нравственные принципы становятся обязательными для людей, только пройдя чрезъ ихъ сознаніе и волю; они, по внѣшнему виду, уподобляются общимъ законамъ, лишь обратившись чрезъ частое и долгое примѣненіе въ безсознательную привычку и нравы. Не вникая въ это существенное различіе общихъ законовъ бытія и особенныхъ условій индивидуальной жизни, мы устраиваемъ послѣднюю по схемамъ отвлеченныхъ законовъ и тѣмъ ее калѣчимъ и уродуемъ. Въ этомъ-то, какъ мнѣ кажется, и скрывается та фатальная ошибка, на которую я указывалъ выше. Она повторяется всюду и во всемъ, и есть характеристическій признакъ нашего времени. Упрекаютъ врачей въ томъ, что они заботливо относятся только къ тѣмъ больнымъ, которые представляютъ интересъ для науки; но въ этомъ виноваты не одни врачи, а всѣ—и политики, и юристы, и администраторы, и экономисты, и педагоги, и психологи. Мы всѣ только и думаемъ, что объ общемъ, и пренебрегаемъ индивидуальнымъ. Богатые знаніемъ, мы бѣдны чутьемъ и тактомъ дѣйствительности; преклоняясь передъ обществомъ, мы едва обращаемъ вниманіе на людей и относимся къ нимъ свысока или равнодушно. Въ дѣтяхъ и юношахъ мы развиваемъ только общее—умъ, знанія, таланты; объ особенномъ, личномъ—именно ихъ характерѣ, мы мало думаемъ, да и то только съ точки зрѣнія внѣшняго приличія и дрессировки для общества.

Личности, индивидуумы въ современныхъ представленіяхъ—не болѣе какъ единицы въ составѣ суммы, какъ цифры въ бюджетѣ. Личность разсматривается, какъ нѣчто, тоже только въ отвлеченномъ смыслѣ, а не какъ живая единица, съ ея особенностями, характерными чертами и непосредственностью. Она существуетъ,—вычеркнуть изъ дѣйствительности ее нельзя; но она, въ глазахъ всѣхъ и въ собственномъ сознаніи, обезличена. Въ нравственномъ смыслѣ она и не можетъ существовать, когда только общіе отвлеченные законы суть истины, а все остальное, на чемъ личная жизнь вертится, именно чувство добра и зла, свобода воли, необходимость и случайность, считаются за миражи умственнаго зрѣнія. При такомъ взглядѣ не все ли равно: тотъ или другой человѣкъ живетъ и дѣйствуетъ? Вѣдь въ концѣ-концовъ во всякомъ случаѣ будетъ то, чему быть слѣдуетъ; стало быть, безумецъ тотъ, кто посвящаетъ жизнь свою и усилія преслѣдованію какой-либо идеальной цѣли. Если эта цѣль соотвѣтствуетъ ходу вещей, она будетъ достигнута и безъ тяжкихъ жертвъ и лишеній; а если нѣтъ, то всѣ труды напрасны. Самыя усилія, направленіе дѣятельности, выборъ цѣлей и средствъ для достиженія—не жалкое ли самообольщеніе, когда каждый нашъ шагъ, каждое движеніе, каждая мысль есть необходимый результатъ извѣстныхъ условій, которыя создаютъ волю, родятъ намѣренія, цѣли, стремленія? Хотимъ мы или не хотимъ, мы все же будемъ необходимо мыслить и дѣлать то, что̀ мыслимъ и дѣлаемъ, побуждаемые условіями, которыя дѣйствуютъ помимо насъ. Стремиться къ добру, воздерживаться отъ зла—безполезно, при убѣжденіи, что мы шагу отъ себя ступить не можемъ, и все, что̀ мы дѣлаемъ, есть дѣйствіе, результатъ данныхъ условій, помимо нашей воли. Что̀ такое добро и зло? Доброе сегодня будетъ зломъ завтра, и наоборотъ. Удалось достигнуть хорошаго результата,—мы смотримъ сквозь пальцы на то, какими средствами онъ достигнутъ. Черезъ десять, пятьдесятъ, сто лѣтъ, думаемъ мы, не мы такъ другіе будутъ спокойно ѣздить и возить товары по желѣзнымъ дорогамъ, построеннымъ концессіонерами, которые безсовѣстнѣйшимъ образомъ набили себѣ карманы на счетъ государства, акціонеровъ и рабочихъ. Сокровища науки и искусства, кѣмъ и какъ бы ни были добыты, принесутъ несомнѣнную пользу будущимъ поколѣніямъ и культурѣ страны. Такъ злыя дѣла и преступленія, подобно хорошимъ и добродѣтельнымъ, покроются со временемъ достигнутыми чрезъ нихъ хорошими или дурными результатами. Такой складъ мыслей создаетъ современнаго Мефистофеля: онъ живетъ исключительно общими, отвлеченными интересами, а не личною жизнью, одерживаетъ побѣды вездѣ, гдѣ нужно знаніе, искусство, умѣнье справляться съ препятствіями, и безхарактеренъ, ничтоженъ, равнодушенъ и безучастенъ во всемъ, что̀ касается интересовъ личной ду-

шевной жизни, потому что они для него не существуютъ. Онъ способенъ пренебречь и матеріальными благами, и положеніемъ, и комфортомъ, и наслажденіемъ, и вліяніемъ, и властью, словомъ — всѣмъ на свѣтѣ, но только во имя общаго, отвлеченнаго, а не во имя требованій индивидуальной душевной жизни, которыя въ немъ вовсе не развиты, потому что онъ ихъ считаетъ ребяческими иллюзіями. Въ общемъ ходѣ вещей, думаетъ онъ, кто-нибудь долженъ же страдать, когонибудь должно же раздавить колесо жизни. По естественному закону, подъ это колесо подпадаютъ слабые, малознающіе, малоразвитые, малоопытные и неумѣлые. Ихъ, пожалуй, и жаль, но они обречены на погибель, и съ этимъ надо помириться: не становиться же на ихъ мѣсто другимъ изъ-за фантазіи! Эти другіе пригодятся на что-нибудь получше роли жертвъ въ борьбѣ жизни. И добро бы еще, еслибъ такими жертвами что-нибудь выигрывалось и выкупалось. А то — ничего! Нравственное спокойствіе, сознаніе выполненнаго долга, вѣра въ торжество добра и правды на землѣ — все это иллюзіи тѣхъ, которымъ недостало знанія, силы, ловкости или умѣнья стать твердой ногой въ дѣйствительной жизни и отстоять себя посреди житейской борьбы.

Современный мефистофелизмъ приписываютъ упадку нравовъ, не умѣя объяснить, какъ и отчего онъ произошелъ. Но упадокъ нравовъ есть результатъ ошибочнаго міросозерцанія, которое развилось послѣдовательно и представляетъ собою необходимую ступень въ общемъ ходѣ вещей. Ее пережили въ свое время и греки въ философіи, и римляне въ правѣ, но она никогда еще не представлялась въ такой полнотѣ и законченности, какъ у новыхъ европейскихъ народовъ. Мы испытываемъ теперь на себѣ всѣ послѣдствія исключительнаго, безраздѣльнаго господства отвлеченной мысли надъ живою личностью. Умаленіе ея, оскудѣніе душевной жизни заставило глубже всмотрѣться въ природу и свойства мышленія и въ его роль въ общей экономіи человѣческаго существованія. Это дало новое направленіе философской критикѣ, которая предвѣщаетъ нарожденіе новаго міросозерцанія, равно обнимающаго всѣ стороны дѣйствительной жизни. Вѣра и надежда, чувство добра и зла, увѣренность, что есть свободная воля и въ смыслѣ самопроизвольности, и въ смыслѣ свободы выбора, наконецъ любовь — вотъ необходимыя предпосылки нашего личнаго существованія. Для индивидуальной жизни перечисленныя выше условія суть законъ, отъ котораго нельзя безнаказанно отступать, не разрушая ее въ самомъ основаніи. Горе тому лицу и тому обществу, которое, во имя общихъ, отвлеченныхъ истинъ, заглушитъ въ себѣ чувство добра и зла и ихъ различіе, не выработаетъ личной инціативы и самообладанія. Несомнѣнныя истины, въ непосредственномъ примѣненіи къ индивидуальной жизни, могутъ обратиться въ софизмы, тѣмъ болѣе вредные, что они опираются на общіе законы дѣйствительности. Такъ, многіе у насъ увѣрены, что для достиженія хорошей цѣли хороши всѣ средства, что для общаго блага нельзя останавливаться передъ жизнью, честью, счастіемъ отдѣльныхъ лицъ, что если зло неизбѣжно, то позволительно имъ воспользоваться для себя, и т. п. Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ, общій законъ переносится непосредственно въ жизнь и дѣятельность отдѣльныхъ личностей, чѣмъ онѣ выводятся изъ условій личнаго существованія, этой основы нравственнаго чувства, нравственнаго характера. Вслѣдствіе общихъ законовъ, зло и добро дѣйствительно переплетаются въ жизни, изъ зла выходитъ добро, изъ добра зло, хорошіе люди гибнутъ, недостойные торжествуютъ, правдѣ и неправдѣ приносятся человѣческія жертвы, — но индивидуальная жизнь управляется не одними этими законами. Кромѣ нихъ, для нея существуютъ еще и другія условія, отъ которыхъ ближайшимъ образомъ зависитъ ея возможная самостоятельность и полнота.

Современный Мефистофель есть жертва печальнаго недоразумѣнія. Онъ — не дѣятельное начало зла, а напротивъ, разрушенная нравственная личность, потерявшая точку опоры, а вслѣдствіе того, всякую инціативу и энергію. Онъ — воплощенное знаніе и пониманіе общихъ, отвлеченныхъ условій бытія, но неспособенъ ни къ какой творческой дѣятельности, доступной и открытой только для личностей, соединяющихъ съ знаніемъ и пониманіемъ полноту индивидуальной нравственной жизни. Въ наше время, онъ уже не силенъ и не страшенъ, потому что дни его сочтены. Наука породила, наука же и сведетъ его въ могилу. Антокольскій увѣковѣчилъ его образъ, незадолго передъ его смертью.

Быть можетъ, многіе изъ моихъ читателей скажутъ:—Что̀ вы фантазируете! Мефистофель Антокольскаго совсѣмъ не таковъ, какимъ вы его описываете. Все, что̀ вы говорите о немъ, создано вашимъ воображеніемъ!

О томъ, вѣрно или нѣтъ впечатлѣніе, которое на меня произвелъ бюстъ—я не буду спорить. Несомнѣнно то, что онъ вызвалъ во мнѣ именно тѣ мысли, которыя невольно вылились на бумагу. Художественный вопросъ я совершенно отклоняю, предоставляя разсудить его знатокамъ дѣла...

С. Иваново, Тульской губ., Бѣлевск. уѣзда.
10-го іюня, 1880 г.

(Вѣстникъ Европы, 1880, кн. VII).

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТРЕТЬЕМУ ТОМУ.

I.

Наука и университеты на Западѣ и у насъ.

Стр. 1—226.

Съ февраля 1862 по ноябрь 1864 г. К. Д. Кавелинъ почти безвыѣздно прожилъ за границей, будучи командированъ министромъ народнаго просвѣщенія, А. В. Головнинымъ, для изученія организаціи высшаго преподаванія и университетовъ во Франціи, Швейцаріи и Германіи. Эта командировка обусловливалась желаніемъ министра собрать матеріалъ по указанному вопросу, въ виду предстоящаго измѣненія устава русскихъ университетовъ. Монографіи К. Д. Кавелина о нѣмецкихъ университетахъ и о высшемъ преподаваніи во Франціи составились изъ его донесеній А. В. Головнину. Въ ряду этихъ монографій особенно замѣчательно „Извлеченіе изъ письма изъ Тюбингена отъ 25 марта 1863 г.“, въ которомъ рѣчь идетъ о возможности организовать въ русскихъ университетахъ *студенческія общества* и *богословскіе факультеты* (стр. 71—92 наст. изд.). Къ сожалѣнію, воззрѣнія Кавелина на высшее преподаваніе и организацію университетовъ не получили практическаго примѣненія. Новый уставъ русскихъ университетовъ былъ утвержденъ 18 мая 1863 г., когда статьи Кавелина о нѣмецкихъ университетахъ не были еще вполнѣ закончены, а его мысли о свободѣ преподаванія и ученія въ нѣмецкихъ университетахъ не были приняты во вниманіе при составленіи новаго русскаго университетскаго устава. Весьма интересна переписка К. Д. Кавелина за время пребыванія его за границей въ 1862—1864 г. съ гофмейстериной двора в. кн. Елены Павловны, баронессой Э. Ѳ. Раденъ, и министромъ народнаго просвѣщенія, А. В. Головнинымъ. Эта переписка является комментаріемъ къ его статьямъ о высшемъ преподаваніи въ западной Европѣ, уясняя недоразумѣнія, происшедшія въ то время между нимъ и А. В. Головнинымъ и причины, почему статья: „Устройство и управленіе нѣмецкихъ университетовъ“ (стр. 91—212 настоящаго изданія), была напечатана не въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія“, а въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ М. Н. Каткова, съ которымъ К. Д. Кавелинъ съ 1859 г. находился въ далекихъ отношеніяхъ. (См. для объясненія мои *примпчанія* ко II т. „Сочиненій К. Д. Кавелина“, примѣчаніе къ статьямъ о землевладѣніи и сельской общинѣ, стр. 1249). Извлеченія изъ переписки Кавелина съ Э. Ѳ. Раденъ и А. В. Головнинымъ за 1862—1864 гг. съ добавленіемъ выдержекъ изъ его писемъ за то же время къ К. Н. Гроту, А. Д. Галахову и нѣкоторымъ другимъ лицамъ, переданы мною, для напечатанія, въ одинъ изъ нашихъ ежемѣсячныхъ журналовъ.

Стр. 227—240.

„Замѣчанія“ на проектъ университетскаго устава 1863 г. написаны К. Д. Кавелинымъ до его командировки за границу а именно, въ 1861 г., и представлены имъ въ Коммиссію для выработки новаго устава русскихъ университетовъ, образованную еще предмѣстникомъ Головнина, графомъ Путятинымъ; они напечатаны только позднѣе, въ 1862 году, въ сборникѣ, предпринятомъ А. В. Головнинымъ.

II.

Общіе научно-философскіе вопросы.

Стр. 241—268.

„Мысли о современныхъ научныхъ направленіяхъ“,—статья, вызванная магистерской диссертаціей Н. А. Неклюдова „Уголовно-статистическіе этюды“, была первой статьей Кавелина, напечатанной имъ по возвращеніи изъ заграничной командировки 1862—1864 гг., и за эту статью онъ подвергся открытому печатному порицанію со стороны передовой петербургской прессы шестидесятыхъ годовъ. Объясненіе см. въ біографическомъ очеркѣ К. Д. Кавелина, при I т. настоящаго изданія его „Сочиненій“ (стр. XXVI—XXVIII). — Въ „Современникѣ“ 1865 г., (іюнь, соврем. обозр., стр. 273—292) М. А. Антоновичъ, подъ псевдонимомъ. *Посторонняго сатирика,* въ замѣткѣ *„Ученыя пристрастія“*, ополчился на воззрѣнія К. Д. Кавелина въ его статьѣ: „Мысли о современныхъ научныхъ направленіяхъ“. Нападки на Кавелина г. Антоновича, занявшаго мѣсто перваго критика въ „Современникѣ“, послѣ смерти Добролюбова въ 1861 г. и прекращенія литературной дѣятельности Чернышевскаго въ 1863 г., отличаются рѣзкостью и парадоксальностью, какъ все, что выходило изъ подъ пера этого полемиста 60-хъ годовъ. О характерѣ полемическихъ пріемовъ г. Антоновича см. въ „Словарѣ“ С. А. Венгерова, т. I, стр. 666—682. Статья Кавелина возстановила противъ себя „Посторонняго сатирика“ за порицаніе укоренявшихся въ то время среди молодого поколѣнія воззрѣній *матеріализма* и только что нарождавшагося *нигилизма.* Кромѣ возраженій г. Антоновича, „Мысли“ К. Д. Кавелина вызвали еще двѣ замѣтки: 1) Ч.... П.... „Мысли по поводу мыслей о современныхъ научныхъ направленіяхъ, письмо къ Н. И. Смирнову“, въ „Журналѣ Министерства Юстиціи“, 1865 г., т. XXVI, кн. 10, стр. 178—194 и 2) Неизвѣстнаго, въ „Книжникѣ“ 1865 г., № 8.

Н. А. Неклюдовъ (р. 1841, † 1 сент. 1896), магистерская диссертація котораго подала поводъ къ разсматриваемой статьѣ К. Д. Кавелина, принадлежитъ къ той группѣ талантливыхъ ученыхъ и

широко образованныхъ русскихъ юристовъ, которая была создана реформою судоустройства и судопроизводства 1864 года. Студентъ Петербургскаго Университета пятидесятыхъ годовъ и слушатель въ немъ Кавелина, Н. А. Неклюдовъ является въ шестидесятыхъ годахъ однимъ изъ самыхъ выдающихся мировыхъ судей гор. С.-Петербурга и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ избирается предсѣдателемъ столичнаго мирового съѣзда. Затѣмъ онъ достигаетъ высшихъ служебныхъ ступеней сначала въ судебной сферѣ, а позднѣе на административномъ поприщѣ:—оберъ-прокурора Общаго собранія и соединеннаго присутствія I-го и кассаціонныхъ департаментовъ Сената, помощника Государственнаго Секретаря и, наконецъ, товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ. При преобразованіи Военно-Юридической Академіи въ 1877 г. Н. А. Неклюдовъ, одновременно съ Кавелинымъ, приглашеннымъ въ эту Академію на каѳедру гражданскаго права, занялъ въ ней каѳедру уголовнаго права и оставался на ней до назначенія своего на постъ помощника Государственнаго Секретаря.— Статья К. Д. Кавелина „Мысли о современныхъ научныхъ направленіяхъ", вслѣдъ за появленіемъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", вышли отдѣльной брошюрой, Спб. 1865 г. in 12°, изданіе Н. А. Неклюдова, который напечаталъ ее въ собственной своей типографіи, одной изъ лучшихъ въ Петербургѣ, въ шестидесятыхъ годахъ.

Стр. 269—348.

Статьи, напечатанныя на этихъ страницахъ, относятся къ 1874—1877 гг. и составляютъ какъ бы обобщающее добавленіе къ „Задачамъ психологіи" (1872 г.) и „Задачамъ этики" (1884 г.). Въ этихъ статьяхъ высказываетъ Кавелинъ свои воззрѣнія на *позитивную философію,* съ семидесятыхъ годовъ начинавшую сильно вліять на міросозерцаніе новыхъ русскихъ поколѣній. Для выясненія точки отправленія Кавелина въ этихъ статьяхъ не лишнимъ считаю привести небольшіе отрывки изъ его писемъ ко мнѣ. 16-го іюля 1883 г. К. Д. Кавелинъ писалъ:

„Въ наукѣ происходитъ то же распаденіе на составные атомы, таже пульверизація, которую замѣчаемъ въ дѣйствительной жизни, *вслѣдствіе отсутствія идеаловъ* [1]). Это состояніе съ особою яркостью можно наблюдать на римскомъ обществѣ временъ имперіи. Она повторяется и теперь во всемъ мірѣ, съ тою существенною разницею, что *древнему міру открывался выходъ въ сверхчувственный, идеальный міръ, а намъ этотъ путь невозможенъ, потому что физіологія и психологическая критика съ ослѣпительною очевидностью и ясностью доказали, что идеальный міръ не имѣетъ внѣ человѣка объективнаго существованія,* есть самъ продуктъ его жизни, существуетъ только для человѣка и опредѣляетъ способъ его отношеній къ самому себѣ, другимъ людямъ и къ окружающему внѣшнему міру. Это приводитъ меня къ той мысли, что *точку опоры человѣкъ долженъ искать въ самомъ себѣ,* въ своемъ нравственномъ чувствѣ и нравственной дѣятельности, необходимость которыхъ дана сожительствомъ съ другими людьми. Право, судъ, законъ, наказаніе — суть только суррогаты нравственнаго чувства и воли, слабое ихъ подобіе и переложеніе во внѣшнія, обязательныя формулы. Мысль эта вовсе не новая. Ее носилъ въ себѣ Сократъ и проповѣдывалъ Христосъ; но состояніе науки и знанія не позволяли формулировать ее научнымъ образомъ, какъ это возможно теперь, когда источники и назначеніе мысли и знанія выяснились".—5 апрѣля 1884 года Кавелинъ писалъ мнѣ: „Пока нравственная личность не оживетъ снова, о возрожденіи и думать нечего, *а она не оживетъ, пока кореннымъ образомъ не измѣнится все теперешнее наше міросозерцаніе, представляющее хаотическое смѣшеніе преданій съ выводами науки, производящее теперешнее анархическое состояніе умовъ*". (см. „Послѣдніе годы К. Д. Кавелина", „Вѣст. Евр." 1888 г., май, стр. 41—42, 48).

Въ находящихся на стр. 269—348 статьяхъ Кавелинъ останавливается прежде всего на вопросѣ о необходимости для русскихъ людей психическихъ и этическихъ основъ въ умственной и общественной дѣятельности (ст. „Философія и наука въ Европѣ и у насъ"). Содержаніе остальныхъ статей заключается въ изученіи отношенія апріорной философіи къ положительной наукѣ и къ позитивной философіи. Этотъ вопросъ былъ поднятъ магистерской диссертаціей В. С. Соловьева „Кризисъ западной философіи, противъ позитивизма", напечатанной въ 1874 г. въ Москвѣ и въ томъ же году защищенной авторомъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Книга эта повела къ полемикѣ между В. С. Соловьевымъ, г. Лесевичемъ, сторонникомъ позитивной философіи, и К. Д. Кавелинымъ. Статья Кавелина „Апріорная философія или положительная наука", вышедшая отдѣльной брошюрой въ Петербургѣ въ 1875 г., кромѣ возраженій со стороны автора „Кризисъ западной философіи", В. С. Соловьева, въ „Русскомъ Вѣстникѣ", (1875 г. іюнь), вызвала еще статью беллетриста и эстетика П. Д. Боборыкина: „Противопозитивное ополченіе", письмо къ К. Д. Кавелину, въ газетѣ „Молва", 1876 г., № 2. Эта малоизвѣстная еженедѣльная политическая, общественная и литературная газета издавалась въ Петербургѣ А. Жемчужниковымъ подъ редакціей князя В. В. Оболенскаго.

Стр. 347—364.

Двѣ „Программы"—*исторіи философіи* и *ученія объ естественной религіи*—принадлежатъ къ самымъ послѣднимъ, по времени написанія, философскимъ статьямъ Кавелина. Обѣ онѣ *при жизни автора не были напечатаны* и здѣсь издаются впервые по рукописямъ, найденнымъ въ его бумагахъ. Мысль о составленіи курса исторіи философіи давно и долго занимала Кавелина и выяснилась для него самого постепенно, среди его занятій философіей, начиная съ шестидесятыхъ годовъ. Онъ передавалъ мнѣ свой планъ задуманнаго имъ курса исторіи философіи еще въ 1865 году, а закончивъ

[1]) Курсивъ, какъ здѣсь, такъ и въ послѣдующихъ выдержкахъ изъ писемъ Кавелина, поставленъ не имъ, а мною.

„Задачи этики", писалъ мнѣ 5 августа 1884 г. „Теперь я въ раздумьѣ за какую приняться работу. У меня ихъ двѣ на примѣтѣ. Одна—это популярная, общедоступная энциклопедія юридическихъ, политическихъ и соціальныхъ наукъ, въ которой у насъ большая потребность; другая — такой же общедоступный очеркъ исторіи философіи. Послѣдняя была бы мнѣ гораздо больше по душѣ, но первая, пожалуй, будетъ полезнѣе для огромной массы образованныхъ людей, и потому я, вѣроятно, примусь за нее предпочтительно. Ей, какъ необходимое вступленіе, предпошлю очеркъ развитія общества отъ простѣйшихъ формъ бродячаго быта до высшихъ формъ современныхъ международныхъ отношеній"... За нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе, въ апрѣлѣ 1884 г., Кавелинъ въ письмѣ ко мнѣ еще подробнѣе останавливается на этой задуманной имъ „энциклопедіи". „Въ Европѣ",—пишетъ онъ,— „безъ такой энциклопедіи обходятся, потому что сама жизнь вырабатываетъ въ каждомъ, съ юныхъ лѣтъ, правильныя понятія объ этихъ предметахъ; *у насъ же жизнь ничему этому не учитъ, и людямъ должны прійдти на помощь школа и наука, чтобы дать возможность разобраться въ хаосѣ соціальныхъ фактовъ и устроить жизнь правильно, или хоть сносно.* Начиная съ вершинъ правительственныхъ и оканчивая поденщикомъ, у насъ никто не имѣетъ самыхъ элементарныхъ понятій о самыхъ простыхъ условіяхъ соціальной жизни. Вотъ почему такая энциклопедія составляетъ насущную потребность не только для среднихъ и низшихъ, но и для высшихъ слоевъ русскаго общества, и должна быть введена, какъ существенная составная часть преподаванія, во всѣ учебныя заведенія—низшія, среднія и высшія, мужскія и женскія, гражданскія, военныя, духовныя..." (См. „Матеріалы для біографіи К. Д. Кавелина," Вѣст. Евр. 1889 г. май, стр. 46 и 49). Къ сожалѣнію, смерть не дозволила Кавелину осуществить этотъ трудъ, который, представляя итогъ его философскихъ, политическо-общественныхъ и историческихъ воззрѣнійбы, былъ трудомъ весьма замѣчательнымъ и принесъ бы несомнѣнную пользу русскому обществу. Въ бумагахъ Кавелина сохранились только нѣкоторыя отрывочныя выписки и предварительныя замѣтки для этого важнаго труда. Помѣщаемыя двѣ программы относятся: *первая*, къ задуманному Кавелинымъ курсу исторіи философіи, представляя конспектъ этого курса; *вторая*—къ упомянутой выше „энциклопедіи", какъ конспектъ одного изъ входящихъ въ нее вопросовъ.

III.

Психологія.

Стр. 365—374.

М. М. Троицкій, въ настоящее время заслуженный ординарный профессоръ философіи въ Московскомъ Университетѣ, въ 1867—1870 г.г. занималъ эту каѳедру въ Казанскомъ университетѣ. Его докторская диссертація, которой посвящена настоящая статья Кавелина, появилась въ Москвѣ въ 1867 г., подъ заглавіемъ: „Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Историческое и критическое изслѣдованіе, съ предварительнымъ очеркомъ успѣховъ психологіи со временъ Бэкона и Локка", 8°, 658 стр.—По поводу настоящей статьи М. М. Троицкій, не будучи лично знакомъ съ К. Д. Кавелинымъ, написалъ мнѣ, по желанію послѣдняго, письмо (7 мая 1868 г.), которое было мною переслано Кавелину. М. М. Троицкій заявляетъ въ немъ о неясности философскихъ терминовъ Кавелина, не дающихъ ему возможности точно представить себѣ основную мысль рецензента. „Замѣчанія Кавелина,—говоритъ онъ между прочимъ въ этомъ письмѣ,—не позволяютъ мнѣ видѣть, какъ онъ относится къ вопросу о психологической методѣ, составляющему главный вопросъ моего сочиненія"... „Психолога интересуютъ только самые общіе, или основные, законы, или процессы духа,— продолжаетъ профессоръ Троицкій,—и я увѣренъ, что такихъ законовъ должно быть самое ограниченное количество. А для изученія этихъ законовъ мы должны воспользоваться всѣми рессурсами индуктивной логики. Таково мое убѣжденіе"....— „Троицкаго письмо меня очень обрадовало и отчасти успокоило,—писалъ мнѣ Кавелинъ въ половинѣ мая 1868 г.—Изъ него я ясно вижу, что онъ совершенно не понялъ моей точки зрѣнія, и потому доводы его ко мнѣ вовсе не относятся. Но это же письмо убѣдило меня, что я глупо сдѣлалъ, написавши рецензію книги Троицкаго, прежде чѣмъ была напечатана моя психологическая статья [1]). *Если Троицкій меня не понялъ, то кто же другой могъ понять?*".

Стр. 375—874.

„Задачи психологіи" — самый главный трудъ Кавелина въ области философіи задуманъ былъ имъ еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ; онъ работалъ надъ нимъ долго и усердно, нѣсколько разъ передѣлывая его, и придавалъ ему большое значеніе. Въ началѣ 1868 г. монографія эта была готова *вчернѣ*... „Убѣжденъ непоколебимо,—писалъ мнѣ Кавелинъ въ маѣ 1868 г.—что въ моей работѣ („Задачи психологіи") много новаго и много такого, что поведетъ къ дальнѣйшей разработкѣ психологіи. Выходъ изъ теперешняго хаоса взглядовъ неминуемъ; онъ близится, *и того пути, на которомъ я стою, нельзя обойти. Онъ не разрѣшаетъ вопроса, но открываетъ наглухо запертую дверь къ выходу*".—Окончательную отдѣлку „Задачи психологіи" получили лишь къ исходу 1871 г. и появились въ 1872 г. на страницахъ „Вѣстника Европы" (январь-апрѣль). Въ маѣ того-же 1872 г. онѣ вышли въ Петербургѣ отдѣльнымъ изданіемъ, съ посвященіемъ памяти Т. Н. Грановскаго и съ предисловіемъ. И посвященіе, и предисловіе имѣютъ большое значеніе при опредѣленіи значенія "Задачъ психологіи". Кавелинъ высоко цѣнилъ *личность* Грановскаго, его душевныя и нравственныя качества, въ чемъ читатели убѣдятся изъ помѣщаемой ниже, въ настоящемъ томѣ, написанной Кавелинымъ характеристики Грановскаго. Самую монографію „Задачи психологіи" Кавелинъ считаетъ дальнѣйшимъ развитіемъ своихъ воззрѣній на *ничтожество въ Россіи личности*, высказан-

---

[1]) „Задачи психологіи", объ этой монографіи см. вслѣдъ за симъ.

ныхъ имъ за двадцать пять лѣтъ до того въ статьѣ: „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи" (Сравн. эту статью, „Сочиненія Кавелина", наст. изд., т. I, стр. 5—66, 67—96, примѣчанія къ ней, *тамъ же*, I, и біографическій очеркъ К. Д. Кавелина, въ началѣ I т., стр. I—II).—Упомянутый въ „предисловіи" Гр. Гр. Даниловичъ, который оказалъ вліяніе на окончательную обработку „Задачъ психологіи", близкій человѣкъ къ Константину Дмитріевичу, былъ впослѣдствіи воспитателемъ нынѣ царствующаго Государя Императора Николая Александровича и въ настоящее время занимаетъ высокій постъ генералъ-адъютанта, состоящаго при Особѣ Его Императорскаго Величества.

Послѣ появленія въ печати „Задачъ психологіи" Кавелинъ усердно слѣдитъ за отзывами о своей книгѣ, какъ печатными, такъ и въ частныхъ письмахъ и даже въ устной бесѣдѣ и мимолетныхъ отзывахъ (подробности см. въ „Матеріалахъ для біографіи К. Д. Кавелина", Вѣст. Евр. 1887 г., май, стр. 10—15, 23 и слѣд., и августъ) и хлопочетъ о переводѣ своей книги на нѣмецкій языкъ и объ изданіи этого перевода въ Германіи. Кавелинъ просилъ похлопотать объ этомъ И. С. Тургенева, но намѣреніе его не могло состояться. Въ письмѣ къ Кавелину отъ 7 сент. нов. ст. 1872 г. Тургеневъ, передавая свои переговоры о переводѣ „Задачъ психологіи" на нѣмецкій языкъ съ Ю. Шмидтомъ, въ Берлинѣ, и разными нѣмецкими издательскими фирмами, излагаетъ ему причины неуспѣха этихъ переговоровъ и въ заключеніе пишетъ: „Да и въ самомъ дѣлѣ: возможно-ли, по ихъ (нѣмцевъ) понятіямъ, въ теперешнее время издавать въ Германіи философскую книгу, да еще русскаго сочинителя? Философъ Гартманъ только потому и имѣлъ успѣхъ, что всякую философію отрицаетъ" (см. сообщенныя мною письма къ Кавелину И. С. Тургенева, „Русская Мысль", 1892 г., кн. X, стр. 7).

„Задачи психологіи" вызвали оживленную полемику. Главными оппонентами Кавелина явились профессоръ физіологіи И. М. Сѣченовъ и славянофилъ Ю. Ѳ. Самаринъ. Первый указывалъ несостоятельность тезисовъ и выводовъ Кавелина съ точки зрѣнія біологической, второй упрекалъ его за игнорированіе истинъ, познаваемыхъ посредствомъ божественнаго откровенія. Кавелинъ возражалъ тому и другому. Эта серія его статей помѣщается въ настоящемъ изданіи вслѣдъ за „Задачами психологіи" подъ особой рубрикой: „Психологическая критика". И. М. Сѣченовъ напечаталъ свои *Замѣчанія на „Задачи психологіи"* въ „Вѣст. Евр." 1872 г. (ноябрь, стр. 386—420), а затѣмъ въ томъ-же журналѣ за 1873 г. (апрѣль, стр. 548—628) выступилъ съ самостоятельною статьею по тому же вопросу: *Кому и какъ разрабатывать психологію?* Кавелинъ отвѣчалъ Сѣченову рядомъ писемъ въ „Вѣст. Евр." 1874 г., вызвавши ими новую статью И. М. Сѣченова: *Нѣсколько словъ въ отвѣтъ на письма г. Кавелина,* „Вѣст. Евр." 1874 г. іюль, стр. 424—426. Кавелинъ возразилъ И. М. Сѣченову статьей въ „Вѣстникѣ же Европы", 1874 г. сентябрь: „Нѣсколько словъ въ отвѣтъ на нѣсколько словъ проф. Сѣченова". На этомъ прекратилась ихъ полемика. Съ Ю. Ѳ. Самаринымъ К. Д. Кавелинъ вступилъ по поводу „Задачъ психологіи" въ частную переписку, вслѣдъ за выходомъ этой книги въ 1872 г., и продолжалъ переписку до начала 1875 г., причемъ Ю. Ѳ. Самаринъ пересылалъ при нѣкоторыхъ своихъ письмахъ отдѣльныя замѣчанія на разныя мѣста „Задачъ Психологіи" и на воззрѣнія ихъ автора. Вся эта переписка Кавелина съ Самаринымъ, а равно и выше указанныя замѣчанія послѣдняго, въ томъ именно черновомъ видѣ, какъ они пересылались Кавелину, напечатаны Д. Ѳ. Самаринымъ въ *Сочиненіяхъ Ю. Ѳ. Самарина*, т. VI (Москва, 1887 г.), ст. 371—478. Въ находящейся въ настоящемъ томѣ статьѣ „Замѣчанія Ю. Ѳ. Самарина на Задачи психологіи", авторъ воспользовался лишь отчасти указаннымъ выше матеріаломъ, помѣщеннымъ въ VI т. „сочиненій Ю. Ѳ. Самарина".

Кромѣ возраженій И. М. Сѣченова и Ю. Ѳ. Самарина, мнѣ извѣстны еще слѣдующіе критическіе разборы „Задачъ психологіи": а) сторонниковъ позитивной философіи: Неизвѣстнаго— „Г. Кавелинъ, какъ психологъ", „От. Зап." 1872 г., августъ, октябрь и ноябрь; Литвинова (неоконч.) въ журналѣ „Знаніе" 1872 г., кн. IV; б) С. С. Шашкова, публициста журнала „Дѣло", въ этомъ журналѣ 1872 г., іюнь, Совр. Обозр., стр. 42—49; (статья безсодержательная и неприличная по тону, доказывающая, что г. Шашковъ не имѣлъ, да и не въ состояніи былъ имѣть никакого понятія о личности и воззрѣніяхъ К. Д. Кавелина), и в) профессора Казанской духовной семинаріи А. Ѳ. Гусева, въ „Гражданинѣ" 1872 г., №№ 25—31, 34. По поводу всѣхъ этихъ статей К. Д. Кавелинъ помѣстилъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", 1872 г. № 307, слѣдующее „Письмо въ редакцію".

„Г. редакторъ!—Позвольте обратиться къ вашему благосклонному посредничеству по вопросу, который касается меня лично.

„Задачи психологіи" вызвали въ нашей періодической печати нѣсколько рецензій, а въ послѣднее время нѣсколько серьезныхъ критикъ. Однѣ изъ нихъ появились еще не вполнѣ; другія, какъ я слышалъ, ожидаются въ скоромъ времени.

„Кромѣ того, мнѣ уже присланы письменныя замѣчанія и возраженія; другихъ, обѣщанныхъ, я ожидаю.

„Конечно, слѣдовало бы отвѣчать на печатныя возраженія, по мѣрѣ ихъ появленія, чтобы молчаніе не было принято за знакъ согласія или невозможности отстаивать выраженныя мысли. По интересы дѣла, которое я защищаю, а вмѣстѣ и интересъ читателей, которыхъ занимаютъ психологическіе вопросы, заставляютъ меня выждать, пока различные оттѣнки мнѣній вполнѣ выскажутся, и только тогда отвѣчать на всѣ возраженія вмѣстѣ. Психологія, и по существу своему, и по необработанности, еще не можетъ быть предметомъ летучей полемики.

„Къ тому же, психологическіе вопросы въ наше время сводятся къ двумъ-тремъ основнымъ пунктамъ, около которыхъ группируется все разномысліе и всѣ споры, зависящіе отъ различныхъ точекъ зрѣнія на психическія явленія. При такихъ условіяхъ, полемика объ этихъ вопросахъ можетъ быть правильно ведена и привести къ чему-нибудь положительному при совокупномъ и сравнитель-

номъ обзорѣ различныхъ взглядовъ, въ извѣстномъ систематическомъ порядкѣ, по относительной важности спорныхъ пунктовъ, иначе, главное, незамѣтно, но неизбѣжно перепутается съ мелочами, случайныя недоразумѣнія—съ дѣйствительнымъ, кореннымъ разногласіемъ, существо дѣла—съ личными вопросами, и научное выясненіе психической жизни—одно, что только и можетъ интересовать мыслящихъ читателей — утонетъ и потеряется въ массѣ второстепенныхъ фактовъ и неважныхъ подробностей; а этого-то именно я и желаю избѣгнуть.

К. Кавелинъ.

Примите и проч.
С.-Петербургъ, 6 ноября.

IV.

Этика.

Стр. 887—896.

Статья К. Д. Кавелина „Нашъ умственный строй“, которой заканчивается отдѣлъ его монографій по психологіи, служитъ какъ бы переходомъ къ монографіямъ по этикѣ и находится въ непосредственной связи съ его статьями и замѣтками, посвященными личности и воззрѣніямъ Бѣлинскаго. Эта статья вызвана мыслями А. Н. Пыпина, выраженными имъ какъ въ его трудѣ по біографіи В. Г. Бѣлинскаго, который началъ печататься съ мартовской книжки „Вѣстника Европы“ 1874 г., такъ и личными съ нимъ бесѣдами К. Д. Кавелина по поводу этого труда, объ умственныхъ теченіяхъ въ Россіи сороковыхъ и послѣдующихъ годовъ.

Дальнѣйшее развитіе тѣхъ же мыслей, которыя высказываетъ К. Д. Кавелинъ въ этой статьѣ, находится въ слѣдующихъ двухъ его монографіяхъ, помѣщаемыхъ ниже, въ V отд. наст. тома, 1) Воспоминанія о Бѣлинскомъ, написанныя въ 1873 г., по просьбѣ А. Н. Пыпина при его работѣ по біографіи Бѣлинскаго; 2) Бѣлинскій и послѣдующее движеніе нашей критики (письмо къ А. Н. Пыпину), пом. въ „Недѣлѣ“ 1875 года. Статья „Идеалы и принципы“, въ „Недѣлѣ“ 1870 г., которой открывается отдѣлъ статей по этикѣ, служитъ отвѣтомъ на статьи: 1) г. *Н. И. Шелгунова:* „Еще объ идеалахъ“, въ „Недѣлѣ“ 1875 г., № 49, и 2) *А. Н. Пыпина* „Объ упадкѣ современной критики“, отвѣтъ на письмо К. Д. Кавелина (см. выше, № 2), въ „Вѣстникѣ Европы“ 1876 г., январь.

„За споромъ, поднятымъ мною по поводу Бѣлинскаго,—писалъ мнѣ Кавелинъ 6 февраля 1876 г.,— ты, вѣроятно, слѣдилъ. Онъ возбудилъ большой интересъ. Въ долгу у Пыпина и Шелгунова (въ „Недѣлѣ“, безъ имени) я, разумѣется, не останусь, и отвѣчу большой статьей въ „Недѣлѣ“, по ея возобновленіи, когда окончу длинную статью объ общинномъ владѣніи, которую теперь пишу и перевалилъ уже въ послѣднюю ея треть... Вопросъ этическій у насъ на очереди. Надо его поставить ярче и выпуклѣе, освободивъ отъ тысячи недоразумѣній и пошлостей, подъ которыми онъ задушенъ. Буду всячески стараться вытащить его на свѣтъ Божій изъ хлама и грязи, въ которые онъ втоптанъ... Работы надъ греками мнѣ въ этомъ много помогутъ“ [1].

[1]) См. „Матеріалы для біографіи Кавелина“, Вѣстн. Евр. 1887 г., августъ, стр. 772—773.

Такимъ образомъ съ личностью Бѣлинскаго К. Д. Кавелина неразрывно связаны основы этическія и моральныя. Онъ всегда съ глубокою благодарностью припоминалъ, какъ много обязанъ въ собственномъ нравственномъ развитіи своему бывшему учителю (Бѣлинскій давалъ Кавелину уроки, подготовляя его въ Московскій университетъ, въ 1834—1835 гг.) и высоко ставилъ нравственныя достоинства и характеръ Бѣлинскаго. Подробности объ этомъ см. въ V отдѣлѣ, гдѣ помѣщены статьи Кавелина о Бѣлинскомъ.

Стр. 897 -1018.

„Задачи этики“ являются самымъ излюбленнымъ трудомъ Кавелина по философіи,—трудомъ, которому придавалъ онъ всего болѣе значенія, считая его вѣнцомъ своихъ философскихъ и историческихъ изученій по вопросу о нравственной личности, о ея индивидуальномъ и соціальномъ значеніи. „*Пока нравственная личность не оживетъ снова, о возрожденіи и думать нечего,*—писалъ мнѣ К. Д. Кавелинъ 5 апрѣля 1884 года, — а она не оживетъ, пока кореннымъ образомъ не измѣнится все наше теперешнее міросозерцаніе, представляющее хаотическое смѣшеніе преданій съ выводами науки, производящее теперешнее анархическое состояніе умовъ“. Первый замыселъ изложить систематически свои мысли по вопросамъ этики восходитъ у К. Д. Кавелина къ 1873—1874 гг. Въ бумагахъ его сохранилось нѣсколько редакцій этого изложенія, изъ которыхъ особый интересъ представляетъ изложеніе въ діалогической формѣ, въ формѣ разговора между двумя лицами, однимъ—признающимъ объективно-нравственные принципы, и другимъ, отвергающимъ таковые. Но эту форму Кавелинъ почему-то не обработалъ окончательно и предпочелъ ей другую, краткое догматическое изложеніе задачъ этики. Изъ дальнѣйшихъ писемъ ко мнѣ Кавелина за 1884 годъ видна исторія писанья „Задачъ этики“.—Окончательная отдѣлка этой монографіи относится къ лѣту 1884 года. Съ 15 мая по 31 іюля этого года, въ своемъ Бѣлевскомъ имѣніи, сельцѣ Ивановѣ, Кавелинъ работалъ надъ этимъ по 5—6 часовъ въ день. Въ октябрьской, ноябрьской и декабрьской книжкахъ „Вѣстника Европы“ 1884 года монографія эта появляется въ печати. Позволю себѣ привести нѣсколько характерныхъ выписокъ изъ письма ко мнѣ К. Д. Кавелина отъ 5 августа 1884 г.—„Милый, дорогой Дмитрій Александровичъ! Еслибы ты только могъ себѣ вообразить, въ какомъ блаженномъ душевномъ состояніи я нахожусь, принимаясь за это письмо! *Мечты и желанія многихъ лѣтъ, наконецъ, исполнились: „Задачи этики“ написаны и совсѣмъ готовы къ печати...* Съ моей совѣсти гора свалилась. *Теперь я все сдѣлалъ, что могъ сдѣлать хорошаго, и умри я завтра, нельзя было бы сказать, что я унесъ съ собою недосказанную мысль. Мнѣ думается, что этой работой будетъ положено начало коренному преобразованію всего теперешняго научнаго міросозерцанія, безъ чего научная этика немыслима и невозможна.* Противорѣчія, въ которыхъ мысль въ наше время запуталась, требуютъ радикальнаго выхода. Я на него указываю, предоставляя другимъ рѣшить, правъ я, или ошибаюсь:

но въ необходимости радикальнаго выхода я ни одну минуту не сомнѣваюсь" [1]). — Въ 1885 году, незадолго до кончины Кавелина, вышло 1-е отдѣльное изданіе „Задачъ этики"; въ 1886 г. — второе, съ портретомъ автора и съ краткимъ біографическимъ его очеркомъ, составленнымъ М. М. Стасюлевичемъ.

Мнѣ извѣстны четыре статьи о „Задачахъ этики": 1) В. Д. Спасовича, въ „Вѣстн. Евр." 1885 г., окт.; 2) М. М. Троицкаго, „Русск Мысль" 1885 г., ноябрь; 3) Э. Л. Радлова, „Ж. Мин. Нар. Пр." 1886 г., апрѣль, и 4) В. А. Гольцева, „Русск. Мысль" 1892 г., іюнь („Нравственныя идеи К. Д. Кавелина"). — Во всѣхъ этихъ статьяхъ высказаны замѣчанія, указывающія на серьезные пробѣлы въ монографіи, но въ общемъ всѣ статьи отзываются сочувственно о „Задачахъ этики", хотя далеко не придаютъ имъ того значенія, какое придавалъ самъ авторъ.

Стр. 1019—1074.

„Злобы дня" написаны раньше „Задачъ Этики". Первоначальная редакція этой статьи относится къ 1883 г.

16 іюля 1883 года К. Д. Кавелинъ писалъ мнѣ изъ своего бѣлевскаго имѣнія, сельца Иванова: „...Принимаюсь за... большую статью о нашемъ теперешнемъ умственномъ и нравственномъ состояніи, составляющемъ *злобу дня.* Мнѣ хочется объяснить кажущійся нашъ умственный и нравственный упадокъ, уныніе, апатію, — причины, почему всѣ наши направленія въ наукѣ, печати и общественной дѣятельности потеряли прежній кредитъ и поблекли, — куда мы идемъ и какіе вопросы въ ближайшемъ будущемъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, выдвинутся у насъ на первый планъ. Я хочу подробно разобрать разныя теченія русской мысли, поочередно возбуждавшія общее сочувствіе, показать ихъ сильныя и слабыя стороны и объяснить, почему они сошли со сцены. Цѣль статьи—привести къ образованію одной большой національной русской партіи, въ которой всѣ бывшія направленія слились бы въ дружномъ преслѣдованіи, съ различныхъ точекъ зрѣнія, общечеловѣческихъ цѣлей и въ разрѣшеніи общечеловѣческихъ задачъ на русской почвѣ. Тема, какъ ты видишь, обширная и поработать надъ ней придется много и долго. Если съ ней справлюсь—дѣло будетъ полезное".

Печатаемая статья, подъ заглавіемъ *Злобы дня*, есть именно та, о которой идетъ рѣчь въ приведенномъ письмѣ, и издается по бѣловой собственноручной рукописи автора, найденной въ его бумагахъ. Константинъ Дмитріевичъ имѣлъ обыкновеніе передѣлывать и переписывать свои статьи по нѣскольку разъ, такъ какъ первоначальная редакція написаннаго имъ его никогда не удовлетворяла. Вотъ причина, почему онъ не успѣлъ напечатать при жизни *Злобъ дня*, измѣняя текстъ ихъ до тѣхъ поръ, пока онъ не принялъ желаемую имъ форму. Статья эта имѣетъ большое значеніе и по тѣмъ общественно-моральнымъ принципамъ, которые въ ней высказываются, и для уясненія міросозерцанія и психической жизни самого Кавелина.

Разсматривая въ *Злобахъ дня* всѣ умственныя русскія направленія, начиная съ 40 годовъ, и подвергая ихъ критикѣ, Кавелинъ высказываетъ свою излюбленную мысль о томъ, что основная причина нашей теперешней умственной и нравственой апатіи заключается въ низкомъ уровнѣ духовнаго и нравственнаго развитія *личности.* Останавливаясь затѣмъ на анализѣ этой причины, онъ приходитъ къ заключенію, что человѣческое общество только въ отвлеченномъ представленіи является единицей. „Въ живой, реальной дѣйствительности оно есть собраніе людей, связанныхъ единствомъ сожительства и общенія; перенесенное въ сферу чувствъ, оно является высшимъ нравственнымъ закономъ—*любовью къ ближнему*",—говоритъ Кавелинъ и заканчиваетъ статью вдохновенною проповѣдью этой *любви*, составляющей самое чистое выраженіе христіанскаго ученія.

„Злобы дня" напечатаны мною по рукописи автора, уже послѣ его кончины, въ „Русской Мысли" 1888 г. (мартъ и апрѣль).

V.

Литература и искусство.

Стр. 1075—1080.

Статья эта написана по поводу 2-го изд. „Сочиненій Грановскаго", К. Солдатенкова, М. 1866 г. Конецъ статьи, гдѣ характеризуется Грановскій *какъ историкъ*, писана не Кавелинымъ, а другимъ лицомъ. К. Д. Кавелинъ очень высоко ставилъ нравственныя качества Т. Н. Грановскаго и горячо его любилъ. Объ этомъ нѣсколько разъ говорится въ настоящемъ изданіи (см. біографич. очеркъ Кавелина при I т. и примѣчанія ко II и III тому, въ отдѣлѣ психологіи). Для большаго выясненія отношеній Кавелина къ Грановскому перепечатываемъ здѣсь библіографическую замѣтку Константина Дмитріевича о докторской диссертаціи Грановскаго „Аббатъ Сугерій". Эта замѣтка была помѣщена въ „Современникѣ" 1850 г., (т. XIII., январь, отд. V, библіогр., стр. 67—80) и не вошла въ изданіе сочиненій К. Д. Кавелина 1859 г. Между тѣмъ сопоставленіе ея съ его отзывомъ о Грановскомъ 1866 года имѣетъ значеніе при опредѣленіи взаимныхъ отношеній Кавелина и Грановскаго. Припомнимъ, что „Аббатъ Сугерій", при появленіи своемъ, обострилъ отношенія между западниками съ одной стороны, и славянофилами и редакціей „Москвитянина" съ другой. Подробности см. въ книгѣ *Н. П. Барсукова*: „Жизнь и труды, М. П. Погодина", т. X, стр. 559 — 567; т. XI, стр. 36—46, и сочин. *В., Е. Чешихина*: „Т. Н. Грановскій и его время" М. 1897 г., стр. 257—290.

Аббатъ Сугерій. Историческое изслѣдованіе Т. Грановскаго, Москва. 1849 г.

„Есть цѣлый отдѣлъ сочиненій, по какому то предразсудку какъ бы осужденный на минутное существованіе: это разсужденія, написанныя на ученыя степени. Наука и спеціалисты, конечно, не остаются къ нимъ равнодушны; но большинство публики ихъ мало знаетъ. Публикація о диспутахъ,

---

[1]) См. „Послѣдніе годы К. Д. Кавелина", Вѣстн. Евр. 1888 г., май, стр. 48—49.

защищеніе темъ съ каѳедры, доставляютъ этимъ произведеніямъ кратковременную извѣстность; зато днемъ диспута почти и ограничиваются часы ихъ существованія. Послѣ они переходятъ въ библіотеки, остаются на полкахъ книжныхъ магазиновъ, и только изрѣдка какой-нибудь ученый, библіографъ, или любитель литературныхъ рѣдкостей отыщетъ ихъ, чтобъ выписать фактъ, навести справку, отмѣтить цитату, или списать одно заглавіе и годъ изданія.

„Справедливо-ли это невниманіе къ ученымъ разсужденіямъ? Какъ сказать: и да и нѣтъ. Наука, по заведеннымъ изстари понятіямъ, есть нѣчто сухое, имѣющее свой весьма исключительный предметъ, интересный только для немногихъ, а вообще совсѣмъ не интересный,—свой языкъ, свою терминологію, мало понятную и мало доступную для непосвященныхъ. Стало быть, ученыя разсужденія встрѣчались и встрѣчаются большинствомъ читателей съ уваженіемъ, но безъ участія; имъ привыкли отдавать должную справедливость, но въ общихъ выраженіяхъ, больше—не читая ихъ.

„Разсужденіе г. Грановскаго самымъ блистательнымъ образомъ опровергаетъ этотъ предразсудокъ, этотъ заранѣе готовый взглядъ на ученыя разсужденія, и открываетъ для нихъ перспективу лучшей будущности. Предметъ ея, конечно, одинъ изъ самыхъ любопытныхъ въ европейской исторіи: это зачатки монархическаго начала, какъ оно постепенно образуется и слагается во Франціи посреди разрушающагося феодальнаго порядка вещей. Несмотря на трудность предмета, его сложность и запутанность, разсужденіе г. Грановскаго отличается чрезвычайной простотою, ясностью, совершеннымъ отсутствіемъ всякаго педантизма, всякихъ „ученыхъ“ претензій, и потому легко доступно для образованныхъ людей, незнакомыхъ спеціально съ предметомъ; а изложеніе, въ высокой степени художественное, изящное, невольно увлекаетъ читателя и держитъ его вниманіе напряженнымъ до послѣдней страницы. По однимъ этимъ внѣшнимъ достоинствамъ, не говоря уже о внутреннихъ, диссертація г. Грановскаго рѣшительно выходитъ изъ ряду остальныхъ своихъ собратій и есть столько же достояніе изящной, сколько украшеніе исторической русской литературы. Вотъ почему мы считаемъ обязанностью обратить на это разсужденіе особенное вниманіе читателей и отдать о немъ болѣе подробный отчетъ, чѣмъ обыкновенно дѣлается при разборѣ сочиненій такого рода.

„Г. Грановскій, какъ мы уже сказали, выбралъ предметомъ своего изслѣдованія возникновеніе во Франціи монархическаго начала на развалинахъ феодальнаго міра. Отчего же такой важный историческій моментъ заглавіемъ диссертаціи какъ будто усвоенъ одному лицу, аббату Сугерію, вообще мало извѣстному, повидимому дѣйствовавшему на второмъ планѣ? Причины объяснены въ предисловіи. Онѣ свидѣтельствуютъ о глубокомъ историческомъ пониманіи автора.

„Исторію,—говоритъ г. Грановскій,—не безъ основанія обвиняютъ въ несправедливости. Она часто даетъ успѣхъ неправому дѣлу, часто возлагаетъ вѣнецъ побѣды на недостойное чело. Иногда слава подвига достается не самому совершителю, а другому, заслонившему его случайно или умышленно. Исторія довольствуется осуществленіемъ законовъ, которымъ подчинено ея движеніе, и предоставляетъ нашему нравственному чувству приговоръ надъ людьми, избранными ею для достиженія ея цѣлей. Благо тому, кто явнымъ дѣломъ или невѣдомымъ, духовнымъ участіемъ содѣйствовалъ осуществленію историческаго закона. Въ наслажденіи подвигомъ онъ обрѣлъ себѣ высшую награду, какую даетъ жизнь. Но совершенное имъ не всегда по достоинству оцѣнено современниками и имя его можетъ не дойти до потомства. Въ славѣ болѣе случайнаго, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Въ исправленіи такихъ несправедливостей исторіи заключается одна изъ самыхъ благородныхъ обязанностей историка. Онъ долженъ поставить на видъ забытыя заслуги. Это нравственная, въ высшемъ значеніи слова юридическая часть его труда. Нужно ли доказывать ея важность? Исторія можетъ быть равнодушна къ орудіямъ, которыми она дѣйствуетъ, но человѣкъ не имѣетъ права на такое безстрастіе. Съ его стороны оно было бы грѣхомъ, признакомъ умственнаго или душевнаго безсилія. Мы не можемъ устранить случая изъ отдѣльной и общей жизни, но нельзя допустить его тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ оцѣнкѣ людей, на которыхъ лежитъ великая отвѣтственность исторической роли. Приговоръ долженъ быть основанъ на вѣрномъ, честномъ изученіи дѣла. Онъ произносится не съ цѣлью тревожить могильный сонъ подсудимаго, а для того, чтобы укрѣпить подверженное безчисленнымъ искушеніямъ нравственное чувство живыхъ, усилить ихъ шаткую вѣру въ добро и истину. Да будетъ же воздано каждому по заслугамъ: признательность разнороднымъ труженикамъ, въ потѣ лица работавшимъ на человѣчество, удовлетворившимъ какому-нибудь изъ его требованій; строгое осужденіе людямъ, обманувшимъ современниковъ счастливою отвагою, или геніальнымъ эгоизмомъ. Въ возможности такого суда есть нѣчто глубоко утѣшительное для человѣка. Мысль о немъ даетъ усталой душѣ новыя силы для спора съ жизнью.

„Аббата Сугерія конечно нельзя поставить на ряду съ великими двигателями всемірной исторіи. Онъ принадлежитъ исключительно одному народу, одному вѣку. Въ числѣ его современниковъ встрѣтимъ людей съ болѣе обширнымъ кругомъ вліянія, съ болѣе глубокимъ умомъ. Но можно смѣло сказать, что онъ положилъ первый камень политическаго зданія, достроеннаго Людовикомъ XIV, т.-е. французской монархіи. До него король былъ только вождемъ феодальной аристократіи. Вліяніе Сугерія или лучше сказать церкви, которой онъ былъ органомъ въ государствѣ, заставило Людовика VI стать въ иное положеніе. Явилась монархическая власть. Государямъ Капетингской династіи была указана новая цѣль, новая дѣятельность. Политическая исторія этой эпохи, столь важной по своимъ отношеніямъ къ дальнѣйшимъ судьбамъ Франціи, изложена мною въ настоящемъ изслѣдованіи. Сугерію принадлежитъ въ немъ первое мѣсто. Онъ имѣетъ на него двоякое право: какъ дѣйствующее лицо и какъ историкъ. Въ „Жизни Людовика Толстаго“, написанной аббатомъ Сугеріемъ, находится не только подробный разсказъ о незамѣченной другими лѣтописцами борьбѣ обновленной монархіи съ непокорными ей стихіями общества, но въ ней высказана самая мысль, вызвавшая борьбу. Главнымъ представителемъ этой мысли былъ не кто другой какъ аббатъ святаго Діонисія.“

„Въ этихъ строкахъ авторъ обнаруживаетъ рѣдкую ясность мысли и глубокое, живое знаніе своего предмета. Еще весьма недавно на исторію смотрѣли совсѣмъ иначе. Переставъ казаться случайнымъ сцѣпленіемъ случайностей, она приняла слишкомъ строго систематическій видъ; отсутствіе общихъ законовъ и началъ смѣнилось въ ней одними

общими началами, за которыми не видно стало животрепещущаго волнованія дѣйствительной жизни, драматической стороны характеровъ и событій. Біографическая сторона исторіи признана какъ бы недостойною занять мѣсто въ изложеніи міровыхъ событій и ихъ законовъ. Общее, цѣлость картины, связь частей между собою,—вотъ что почти исключительно заняло историковъ. Конечно, это направленіе имѣетъ свое неотъемлемое достоинство и весьма важное значеніе въ развитіи историческаго разумѣнія. Оно исхитило, такъ сказать, общій взглядъ и начала историческаго хода изъ мелочей, подробностей и временной, случайной обстановки событій. Но отсюда проистекла и односторонность, вредная для исторіи. Вслѣдствіе исключительнаго изученія общихъ законовъ историческихъ событій явилось предубѣжденіе, что только эта сторона и важна, а другія не важны. Пренебреженіе къ нимъ, натянутая схематизація фактовъ, отвлеченное ихъ обсужденіе только по одной, самой яркой сторонѣ развились отсюда. Отсюда развился и историческій фатализмъ, — конечно, сознательный, но тѣмъ не менѣе весьма похожій на рокъ, судьбу древнихъ, и столь же мало удовлетворяющій разумнымъ требованіямъ и нравственному достоинству человѣка. Удивительно ли, что живая сторона событій, личности, защищавшія хотя бы прошлое, всѣ стороны явленій, которыя не высказались и не могли высказаться, потому только, что не онѣ стояли на очереди въ исторіи,—что все это, говоримъ, было оставлено въ тѣни, почти забыто. Взглядъ г. Грановскаго обозначаетъ собой выходъ науки изъ этого односторонняго, узкаго, отвлеченнаго воззрѣнія. Имъ выражается не одно предчувствіе, но ясно сознанное наступленіе для исторіи того времени, когда она, отказавшись отъ суда надъ событіями и личностями на основаніи какой либо теоріи, или успѣха и неуспѣха дѣйствователей, восприметъ въ себя все богатство и разнообразіе жизни, отдастъ должное разнымъ дѣятелямъ, опредѣлитъ значеніе и достоинство успѣха не по одной внѣшней ихъ сторонѣ, и объяснитъ, почему нерѣдко побѣжденные сначала успѣвали или могли успѣть позднѣе; только такая исторія возстановитъ для современниковъ и потомковъ въ настоящемъ свѣтѣ историческихъ дѣятелей, независимо отъ того, достигли они своей цѣли, или сошли со сцены исторіи побѣжденные. Въ возможности такого суда дѣйствительно есть „нѣчто глубоко утѣшительное для человѣка.“

„Представимъ на основаніи книги г. Грановскаго краткую біографію Сугерія.

„Аббатъ Сугерій родился около 1081 года. Лѣтъ пяти онъ былъ отданъ на попеченіе монастыря св. Діонисія, знаменитѣйшей обители того времени во Франціи. Въ Летрейскомъ пріорствѣ Сугерій получилъ первое образованіе; но въ 1095 г. онъ уже возвратился въ монастырь, гдѣ продолжалъ свои занятія вмѣстѣ съ наслѣдникомъ французскаго престола Людовикомъ VI, почтившимъ Сугерія тѣсною дружбою, непрерывно продолжавшеюся до смерти Людовика. Послѣдній возвратился ко двору и признанъ соправителемъ отца своего Филиппа уже въ 1098 г., а Сугерій продолжалъ еще заниматься науками и появился при дворѣ не ранѣе 1103 года. Вскорѣ открылось для него поприще политической дѣятельности, съ котораго онъ не сходилъ уже почти до самой кончины. Въ 1106 году онъ присутствовалъ на соборѣ, созванномъ въ Пуатье для обсужденія мѣръ къ поддержанію королевства Іерусалимскаго, а въ слѣдующемъ году защитилъ передъ папой Пасхаліемъ II права и льготы монастыря св. Діонисія противъ парижскаго епископа, чѣмъ и началось знакомство Сугерія съ папскимъ дворомъ и его вмѣшательство въ вопросы, занимавшіе тогда церковь на западѣ. Въ первые годы правленія Людовика VI, вступившаго на престолъ въ 1108 году, Сугерій, по всей вѣроятности, рѣдко бывалъ при дворѣ; онъ управлялъ двумя важнѣйшими помѣстьями монастыря св. Діонисія—Берневалемъ и Тури, и, въ качествѣ превота этихъ помѣстій, имѣлъ многообразныя обязанности, сопряженныя нерѣдко съ опасностью жизни. Въ Берневалѣ онъ отстаивалъ права монастыря противъ нормандскихъ чиновниковъ, въ Тури ему нерѣдко приходилось самому садиться на коня и отражать хищническіе набѣги Гугона Красиваго, владѣтеля сосѣдняго замка Пюизе. Вскорѣ вліяніе Сугерія простерлось уже за предѣлы капетингскихъ владѣній. Въ 1112 г. онъ былъ въ Римѣ на соборѣ, который наложилъ отлученіе отъ церкви на Генриха IV. Сохраняя званіе превота турійскаго, Сугерій съ этого времени исключительно велъ всѣ переговоры французскаго короля съ папскимъ дворомъ. Когда папа Гелазій II, изгнанный изъ Рима партіей императора, прибылъ во Францію просить покровительства у Людовика, Сугерій былъ отправленъ къ нему отъ короля на встрѣчу съ привѣтомъ и дарами. На Реймскомъ соборѣ (1119), созванномъ папою Каликстомъ II для рѣшенія главныхъ церковныхъ и политическихъ вопросовъ, занимавшихъ тогда западную Европу, Сугерій былъ, кажется, тоже въ свитѣ своего государя, или въ свитѣ аббата св. Діонисія. Около двухъ лѣтъ спустя Сугерій вторично отправился въ Римъ съ порученіемъ къ папѣ отъ короля. Папа принялъ пословъ съ большими почестями и даже выразилъ желаніе удержать Сугерія при себѣ. Во время этой поѣздки аббатъ св. Діонисія, Адамъ, умеръ, и на мѣсто его избранъ Сугерій, который немедленно по возвращеніи и былъ признанъ въ должности Людовикомъ. Въ 1123 г. Сугерій снова ѣздилъ въ Римъ, для изъявленія своей признательности папѣ, пробылъ при дворѣ Каликста шесть мѣсяцевъ, пользовался его довѣріемъ и милостями и принималъ участіе въ великомъ Латеранскомъ соборѣ. Когда Сугерій возвратился на родину, большая опасность угрожала юной французской монархіи. Императоръ Генрихъ и король англійскій объявили въ одно время войну Людовику. Но на призывъ его собралось подъ его знамя цѣлое государство—рыцарскія дружины и народное ополченіе. Императоръ отступилъ. Въ изъявленіе своей признательности за дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ монастырю св. Діонисія и аббату Сугерію, Людовикъ богато одарилъ обитель, далъ ей земли и привилегіи. Такимъ образомъ Сугерій занялъ мѣсто между великими государственными сановниками и сталъ принимать явное участіе во всѣхъ важныхъ событіяхъ не только Франціи, но и всей западной Европы. Немедленно по окончаніи войны Сугерій былъ вызванъ въ Римъ,

гдѣ его, вѣроятно, ожидало кардинальское достоинство; но папа умеръ и аббатъ возвратился, не бывъ въ Римѣ. Въ 1125 году мы опять видимъ его въ качествѣ посла французскаго короля въ Майнцѣ, во время избранія нѣмецкими князьями преемника умершему Генриху. Зная участіе духовенства въ выборѣ Лотара саксонскаго и въ устраненіи отъ нѣмецкаго престола Гогенштауфеновъ, нетрудно угадать, что Сугерій дѣйствовалъ здѣсь въ видахъ папской партіи, согласной съ выгодами французскаго правительства. Отсюда видно, что дарованія Сугерія были оцѣнены римскимъ дворомъ, который охотно употреблялъ ихъ въ дѣло; аббатъ пользовался уже большимъ уваженіемъ и даже, судя по одной грамотѣ, нѣкоторыми особенными правами. Несмотря однако на частыя отлучки изъ Франціи и на ввѣренныя ему исключительно сношенія съ римскимъ дворомъ, онъ дѣятельно занимался внутренними дѣлами королевства и управленіемъ ввѣреннаго ему монастыря. Въ 1125 году онъ освободилъ жителей города С. Дени и его округа отъ *мертвой руки*—исключительнаго права монастыря на оставшуюся послѣ вилановъ собственность,—и совершилъ при особѣ короля походъ противъ овернскаго графа Вильгельма VI, который поссорился съ епископомъ клермонскимъ. Въ этомъ походѣ Сугерій занималъ иногда самыя опасныя мѣста и долженъ былъ укрываться щитомъ отъ стрѣлъ, подобно простымъ воинамъ. Поддерживая постоянно и всѣми силами капетингскую монархію, Сугерій не принималъ, однако, дѣятельнаго участія въ другомъ явленіи того времени, имѣвшемъ такое важное значеніе въ историческомъ развитіи Франціи—въ усиленіи общинъ. Сугерій не любилъ ихъ. Онъ былъ по преимуществу мужъ порядка, строгій блюститель государственнаго единства, и потому неблагопріятно смотрѣлъ на новый порядокъ вещей, возникавшій въ городскихъ общинахъ, которыя были немного лучше феодальныхъ замковъ, ибо не менѣе ихъ мѣшали успѣхамъ монархической власти, начавшей утверждаться съ Людовика VI. Конечно, Сугерій не былъ врагомъ городовъ вообще: онъ заботился о ихъ благосостояніи, объ отмѣнѣ злоупотребленій, стѣснявшихъ ихъ промышленность; но ему было противно движеніе, къ которому примѣшивалось насиліе.

До 1128 года аббатъ Сугерій любилъ великолѣпіе держалъ княжескую свиту и не чуждался мірскихъ забавъ; можетъ быть, онъ не разъ увлекался естественнымъ чувствомъ гордости; по крайней мѣрѣ нѣкоторые говорили о его надменности; завистники, недовольные, старались унизить его намеками на его низкое происхожденіе и распускали слухи о проискахъ, которыми онъ достигъ сана аббата. Въ это время аббатъ клервальскій св. Бернардъ обратился къ нему съ упрекомъ и увѣщаніемъ. Письма его подѣйствовали. Сугерій измѣнилъ свой образъ жизни, удалилъ отъ себя внѣшніе признаки своего могущества, все, что могло напомнить людямъ о его близости къ престолу, и сталъ строго исполнять монастырскія правила, подавая собою братіи примѣръ воздержанія, постной жизни, кротости и всѣхъ иноческихъ добродѣтелей. Такое измѣненіе ежедневной жизни не перемѣнило, однако, характера его политической дѣятельности. Въ спорѣ, возникшемъ между королемъ и парижскимъ епископомъ, онъ принялъ сторону Людовика, вопреки мнѣнію и настояніямъ св. Бернарда, и ревностно защищалъ гражданское общество противъ несправедливыхъ домогательствъ католической іерархіи, стараясь въ то же время всѣми силами поддерживать и укрѣплять отношенія, въ которыя западная церковь вступила къ капетингской династіи. По смерти папы Гонорія II-го Иннокентій II, выбранный одновременно съ Анаклетомъ, подобно Гелазію, прибылъ во Францію, и здѣсь, при содѣйствіи короля, св. Бернарда и Сугерія, выборъ былъ рѣшенъ въ пользу Иннокентія на соборѣ въ Этампѣ. Чтобъ утвердить на французскомъ престолѣ капетингскую династію, а съ нею сохранить и монархическую власть, враги которой были всегда наготовѣ и ждали только случая или оплошности, чтобъ возвратить все, что было у нихъ отнято Людовикомъ въ теченіе тридцатилѣтняго царствованія, Сугерій воспользовался присутствіемъ папы во Франціи, чтобъ убѣдить его и Людовика VI короновать и помазать Людовика VII. Этимъ устранились вопросы о престолонаслѣдіи, и права капетингской династіи были обезпечены на цѣлое поколѣніе. По смерти Людовика VI (1137), Сугерій продолжалъ присутствовать въ совѣтѣ молодого короля но дѣйствительное вліяніе его было далеко не такъ значительно, какъ прежде, и обнаруживалось только въ немногихъ случаяхъ. Государственныя дѣла перестали быть главною его заботою. Это дало ему возможность совершить многочисленные и разнообразные труды въ первые годы царствованія Людовика VII. Въ 1140 году онъ приступилъ къ перестройкѣ церкви, посвященной св. Діонисію, которая, въ новомъ видѣ, была предметомъ общаго удивленія въ продолженіе всего XII вѣка. Въ 1144 году, черезъ 22 года послѣ смерти аббата Адама, Сугерій написалъ довольно подробное изложеніе своей дѣятельности въ пользу обители. Около этого же времени написано и главное, по объему и содержанію, сочиненіе Сугерія.—„Жизнь Людовика Толстаго“. Но паденіе Эдессы снова вызвало Сугерія къ политической дѣятельности. Людовикъ VII принялъ съ радостью призывъ палестинскихъ князей и въ началѣ 1147 года держалъ въ Этампѣ совѣтъ съ своими прелатами и баронами, между прочимъ о мѣрахъ, какія надлежало принять для охраненія порядка и управленія государствомъ во время отсутствія короля. Выборъ палъ на Сугерія и графа Неверскаго; но послѣдній отказался, и вся тяжесть и опасность управленія пала на одного аббата св. Діонисія. Св. Бернардъ сильно содѣйствовалъ назначенію Сугерія правителемъ, несмотря на то, что по поводу новаго крестоваго похода обнаружилась вновь глубокая противоположность ихъ понятій и мнѣній. Сугерій на основаніи государственныхъ соображеній противился походу короля въ Палестину; напротивъ, св. Бернардъ, какъ извѣстно, поддерживалъ предпріятіе всѣмъ вѣсомъ своего огромнаго авторитета. Но походъ состоялся. Сугерій управлялъ Франціей въ теченіе почти двухъ лѣтъ. Въ самомъ началѣ его управленія хищники, силою отбиравшіе достояніе церкви и бѣдныхъ, были подавлены; Сугерій возстановилъ царскія жилища, развалившіяся стѣны и башни; бо́льшую часть издержекъ внутренняго

управленія онъ принималъ на себя; всѣ же деньги, поступавшія въ казну, посылалъ къ королю или берегъ до его возвращенія. Довѣріе къ нему было такъ велико, что папа утверждалъ все, что рѣшалось въ Галліи. Но главнымъ и послѣднимъ подвигомъ Сугерія во время этого управленія было сохраненіе правильнаго престолонаслѣдія въ капетингской династіи. Противникомъ Людовика VII былъ его младшій братъ Робертъ, замышлявшій отнять у него престолъ. У Роберта была большая партія, которая увеличивалась еще неудачами крестоваго похода, предпринятаго Людовикомъ VII. Одноличное вліяніе Сугерія на современниковъ, большое довѣріе къ нему, связи его съ главами феодаловъ и мѣсто, занимаемое въ духовенствѣ, отвратили отъ Франціи грозившій ей переворотъ. Великіе вассалы, вслѣдствіе его вліянія, стали на сторону законнаго короля. Папа Евгеній предписалъ французскому духовенству подвергнуть церковному отлученію противниковъ королевскаго намѣстника; Робертъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ надеждъ, даже подвергся наказанію, или раскаялся. Какъ ни были важны эти услуги, оказанныя Сугеріемъ капетингской династіи, но завистники аббата старались очернить его въ глазахъ короля. Недоразумѣніе, однако, продолжалось недолго. Папа Евгеній обличилъ передъ королемъ, когда онъ возвратился изъ похода, злобу клеветниковъ и заслуги правителя.—Съ возвращеніемъ Людовика VII (1149) окончилась политическая дѣятельность Сугерія; въ управленіи его смѣнили другіе люди. Подъ бременемъ напряженныхъ и разнообразныхъ трудовъ, силы аббата ослабѣли, послѣдней мыслью его было возбужденіе новаго крестоваго похода, въ которомъ онъ хотѣлъ лично участвовать. Скорбь, возбужденная въ немъ гибелью нѣмецкихъ и французскихъ крестоносцевъ въ Малой Азіи, раздорами и несчастіями сирійскихъ христіанъ, заставила его сдѣлаться поборникомъ дѣла, которому онъ прежде противился. Сугерій обратился къ духовенству и требовалъ одного его содѣйствія, не желая подвергать Францію новымъ утратамъ. Но смерть постигла его среди приготовленій къ походу. Онъ умеръ 13 января 1152 года.

„Между современниками—говоритъ г. Грановскій—были люди, оставившіе по себѣ болѣе громкую славу. Клервальскій аббатъ, Абелардъ, другіе заслонили собою скромный образъ Влинандова сына. Но они сдѣлали не болѣе его, хотя ихъ дѣятельность была виднѣе и блистательнѣе. Сугерій заложилъ во Франціи первый камень новаго государственнаго порядка. Не трудно прослѣдить связь, соединяющую его съ одной стороны съ Людовикомъ Святымъ, съ другой съ тѣми смѣлыми и жестокими юристами, которые играютъ такую великую и трагическую роль при дворѣ французскихъ королей съ конца XIII вѣка. Съ Людовикомъ Святымъ у него было общее глубокое чувство права, требованіе нравственныхъ основаній для общества: съ юристами онъ раздѣляетъ потребность строгаго, противоположнаго средневѣковой анархіи порядка, убѣжденіе въ необходимости подчинить всѣ отдѣльные интересы государственному благу. Подобно имъ онъ боролся съ феодализмомъ и съ возникшею въ его время общиною, хотя не питалъ къ этимъ формамъ такой ненависти, не считалъ себя въ правѣ употреблять противъ нихъ тѣ средства, какими дѣйствовали юристы, засудившіе средній вѣкъ, приговорившіе его къ смерти на основаніи римскаго права. Здѣсь онъ расходился съ ними. Его политическое воззрѣніе занимало средину между ихъ сухими, отрицавшими все, что было поэтическаго въ современной имъ жизни ученіями, и великолѣпною, но неосуществимою, фантастическою теоріею властей, которую развили германскіе императоры въ борьбѣ своей съ папствомъ. Особенность Сугеріева ума и характера заключалась въ необычайной ясности и простотѣ. Онъ принадлежалъ къ числу рѣдкихъ людей, которые знаютъ хорошо чего хотятъ, которые отдали себѣ полный отчетъ въ своихъ цѣляхъ и намѣреніяхъ. Благо тому, кто соединилъ въ себѣ такую ясность пониманія съ высокимъ нравственнымъ убѣжденіемъ, безъ котораго нѣтъ прочной исторической заслуги".

„Вотъ очеркъ жизни и дѣятельности аббата Сугерія, которыя послужили г. Грановскому поводомъ къ раскрытію внутренняго политическаго быта Франціи въ концѣ XI и первой половинѣ XII вѣка. Съ рѣдкой ученостью и высокимъ художественнымъ талантомъ выполнилъ авторъ свою задачу. Отношеніе новой капетингской династіи къ предшествовавшей ей, карловингской, внутреннее политическое состояніе Франціи въ избранную авторомъ эпоху, отношенія королевской власти къ феодализму, французской церкви, общинамъ, римскому двору, Германіи, Англіи, участіе ея въ крестовыхъ походахъ и характеры главнѣйшихъ политическихъ дѣятелей Франціи въ эту эпоху — опредѣлены и изложены превосходно. Въ каждой строкѣ виденъ мастеръ, глубокій ученый, вполнѣ обладающій предметомъ и потому умѣющій читать между строками источниковъ. Мы рѣшительно отказываемся выписывать даже большую часть лучшихъ мѣстъ разсужденія, потому что пришлось бы переписать всю книжку. Ограничимся двумя-тремя примѣрами на выдержку.[1])

„Отдавая вполнѣ должную справедливость превосходному сочиненію г. Грановскаго, мы позволимъ себѣ, однако, замѣтить, что одна сторона, и весьма важная, кажется, не обратила на себя надлежащаго вниманія автора: мы разумѣемъ состояніе церкви во Франціи въ избранную г. Грановскимъ эпоху, ея тогдашнюю политическую силу и причины, побудившія ее такъ согласно дѣйствовать съ возникающею монархическою властью. Осмѣливаемся думать, что дѣятельность аббата Сугерія, очевидно поддерживаемаго церковью, объяснилась бы еще полнѣе, окончательно, еслибъ авторъ не коснулся этихъ вопросовъ только слегка и какъ бы мимоходомъ въ своемъ образцовомъ разсужденіи. Главное лицо диссертаціи—аббатъ Сугерій, является слишкомъ обособленнымъ, одиноко стоящимъ историческимъ дѣятелемъ, чего не могло быть по самому складу его ума и характера, и по мѣсту, которое онъ занималъ въ тогдашней французской церкви.

„Въ заключеніе замѣтимъ, что изданіе диссертаціи, вообще прекрасное, къ сожалѣнію, исполнено опечатокъ какъ въ русскомъ, такъ и въ латинскомъ текстахъ. Мы замѣтили также, что въ переводѣ одного латинскаго текста допущено нѣкоторое отступленіе отъ буквальнаго смысла подлинника. Авторъ говоритъ (на стр. 128), что Готфридъ Анжуйскій, въ письмѣ своемъ къ Сугерію,

[1]) Здѣсь опускаются двѣ характеристики изъ „Абб. Сугерія" Грановскаго, приводимыя К. Д. Кавелинымъ: a) Св. Бернарда (стр. 76 — 78) и b) феодальныхъ войнъ XII в. (стр. 78—79).—Д. К.

изъявилъ готовность служить ему болѣе, *чѣмъ самому королю.* Въ латинскомъ текстѣ, отпечатанномъ въ выноскѣ къ этимъ словамъ, читаемъ: certissime habetis me paratum ad omnia quae volueritis *ad servitium regis et diligentius quam si praesens adesset*, т.-е. еще усерднѣе, *чѣмъ, еслибъ былъ на лицо самъ король*, котораго въ то время не было во Франціи. Впрочемъ, это незначительное отступленіе единственное въ цѣлой книгѣ."

„Читатели могутъ теперь судить сами, какое отрадное явленіе представляетъ диссертація Грановскаго въ русской исторической и ученой литературѣ. Мы не сомнѣваемся, что оно не замедлитъ явиться въ иностранномъ переводѣ и сдѣлается достояніемъ литературы европейской, къ которому относится по своему предмету и содержанію."

Стр. 1081—1114.

„Воспоминанія К. Д. Кавелина о Бѣлинскомъ" печатаются *здѣсь въ полномъ видѣ, впервые, по рукописи, принадлежащей А. Н. Пыпину*, для котораго они и написаны. О причинахъ ихъ возникновенія см. выше въ примѣчаніяхъ къ IV отдѣлу—этики. Отрывки изъ этихъ воспоминаній приводились А. Н. Пыпинымъ, въ его „Опытѣ біографіи Бѣлинскаго" (см. Вѣстн. Европы" 1874 г., апрѣль и посл. книжки и отд. изд., Спб. 1876 г., т. I, стр. 140—142, т. II, стр. 202 — 210; 218—219. и мною въ „Матеріалахъ для біографіи К. Д. Кавелина" (см. „Вѣст. Евр." 1886 г., іюнь, стр. 446 — 447; 454—455; 488—491). Дополненіемъ къ воспоминаніямъ Кавелина о Бѣлинскомъ служатъ изданныя мною два письма Бѣлинскаго къ Кавелину, отъ 22 ноября и 7 декабря 1847 г., съ предисловіемъ къ нимъ (см. „Русская Мысль" 1892 г., кн. I, стр. 107—128). Объ остальныхъ статьяхъ Кавелина о Бѣлинскомъ см. выше, въ примѣчаніяхъ къ отдѣлу этики.

Стр. 1115—1174.

Авд. Петр. Елагина, рожденная Юшкова (р. 11 янв. 1789 † 10 іюня 1877), родственница поэта Жуковскаго и мать *первыхъ славянофиловъ*, Петра Вас. и Ив. Вас. Кирѣевскихъ (первымъ бракомъ она была замужемъ за Вас. Ив. Кирѣевскимъ) — связана узами давнишняго и близкаго знакомства съ родителями Конст. Дм. Кавелина. Конст. Дм. былъ студентомъ въ Московскомъ университетѣ одновременно съ ея сыновьями—П. В. Кирѣевскимъ, и двумя Елагиными, и со всѣми съ ними былъ очень друженъ. Семья Елагиныхъ-Кирѣевскихъ и представители русской образованности цѣлаго ряда поколѣній, которыхъ встрѣчалъ Кавелинъ въ гостиной А. П. Елагиной, имѣла на него глубокое вліяніе, чѣмъ и объясняется его постоянное тяготѣніе къ славянофиламъ, несмотря на теоретическое разномысліе съ ихъ ученіемъ, главн. образ., въ 40-хъ годахъ. (Подробности см. въ „Матеріалахъ для біографіи К. Д. Кавелина, „Вѣстн. Евр." 1886 г., іюнь, стр. 450—455).

Весьма характерны отношенія Кавелина къ Ю. Ѳ. Самарину, одному изъ выдающихся сторонниковъ славянофильскаго ученія. Кавелинъ полемизировалъ съ нимъ, и по вопросамъ историко-общественнымъ въ 1847 г., и по вопросамъ психологическимъ въ семидесятыхъ годахъ (см. въ тт. I настоящаго изданія, ст. „Отвѣтъ Москвитянину" и примѣчанія къ статьѣ: „О юридическомъ бытѣ древней Россіи"—и въ III т. „Замѣчанія Ю. Ѳ. Самарина на книгу Задачи психологіи", стр. 791—874 и примѣчанія къ III-му отдѣлу этого тома, къ статьямъ по психологіи)—и вмѣстѣ съ тѣмъ чтилъ высоко въ своемъ противникѣ его душевный строй и нравственныя основы его характера. Кавелинъ съ почтеніемъ относился къ Самарину въ самый разгаръ полемики съ нимъ въ 1847 году, [за что подвергался упреку со стороны Бѣлинскаго, не желавшаго видѣть ничего хорошаго въ славянофилахъ, а впослѣдствіи, при полемикѣ съ нимъ по вопросамъ психологическимъ, имѣлъ возможность еще болѣе оцѣнить его выдающіяся умственныя и нравственныя качества. Оцѣнка Кавелинымъ Самарина вылилась вполнѣ въ написанномъ имъ некрологѣ Юрія Ѳедоровича (см. т. II, с. 1228—1233).—Въ славянофилахъ вообще и въ Самаринѣ въ частности Кавелинъ чтилъ то *общее*, что неразрывно связывало его съ нимъ. Это общее состояло въ глубокомъ убѣжденіи о необходимости *нравственныхъ началъ для индивидуальной и общественной дѣятельности человѣка*. Въ концѣ 1877 года Дмитрій Ѳедоровичъ Самаринъ издалъ въ Москвѣ I-й томъ сочиненій своего брата—Юрія Ѳедоровича и немедленно прислалъ его Кавелину. Константинъ Дмитріевичъ много разговаривалъ со мной по поводу этого тома, о Самаринѣ и о славянофилахъ сороковыхъ годовъ, передавая весьма интересныя подробности изъ своихъ отношеній къ нимъ. Я упросилъ его изложить его разсказы на бумагѣ, и онъ исполнилъ мою просьбу. Такъ возникла его статья—„Московскіе славянофилы сороковыхъ годовъ", помѣщенная въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" 1878 г. Въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" № 35 появилось возраженіе Кавелину на эту статью, съ подписью *не-Москвичъ*; на это возраженіе Кавелинъ помѣстилъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" 1878 г., № 49, отвѣтъ подъ заглавіемъ „Виноваты всѣ". — Подробности объ отношеніяхъ К. Д. Кавелина къ Ю. Ѳ. Самарину см. въ напеч. мною перепискѣ Кавелина съ Бѣлинскимъ и Самаринымъ, „Русская Мысль" 1892 г., январь, с. 107—128, октябрь, с. 1—5, и въ моей статьѣ: „Послѣдніе годы К. Д. Кавелина", „Вѣстн. Евр." 1888 г., май, с. 8—12.

Д. Корсаковъ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ типографіи М. М. Стасюлевича.
Спб., Вас. Остр., 5 лин., 28.

